g 95/57
за 1914 г.

Б 93
557

ЖУРНАЛЫ

собраній Совѣта

ИМПЕРАТОРСКОЙ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1914 годъ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1916.

G 93/57

ЖУРНАЛЫ

собраній Совѣта

ИМПЕРАТОРСКОЙ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1914 годъ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1916.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1914 и 1915 г.г.

Печатать разрѣшается. Февраля 4 дня, 1916 г.
Ректоръ Императорской Московской Духовной Академіи
Епископъ Ѳеодоръ.

ЖУРНАЛЫ

СОБРАНІЙ СОВѢТА

Императорской Московской Духовной Академіи

за 1914-й годъ.

20 января 1914 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи Архимандритъ Иларіонъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Въ собраніи семъ *протоіерей* Московскаго Казанскаго собора, профессоръ Императорской Московской Консерваторіи и Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II, *Василій Металловъ* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ за-

главіемъ: „Богослужебное пѣніе русской церкви въ періодъ домонгольскій, по историческимъ, археологическимъ и палеографическимъ даннымъ. Части I и II, съ приложеніемъ 12 таблицъ (facsimile) снимковъ съ рукописей X—XI—XII вв.“ Москва, 1912 года.

Оффиціальными оппонентами были: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ Академіи *А. П. Шостьинъ* и ординарный профессоръ *М. М. Богословскій.*

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта—достойнымъ утвержденія въ искомой имъ степени магистра богословія.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 іюня 1899 года за № 3246 разрѣшено было Совѣту Московской Духовной Академіи, въ видѣ изъятія изъ общаго порядка, допустить *священника Василія Металлова* (состоявшаго студентомъ Московской Духовной Академіи въ 1882—1883 и 1883—1884 учебныхъ годахъ и затѣмъ выбывшаго изъ оной по прошенію), для удостоенія его степени кандидата богословія, къ испытаніямъ по тѣмъ предметамъ настоящаго академическаго курса, которыхъ онъ не изучалъ въ Академіи, и къ подачѣ установленнаго сочиненія.—3) По выдержаніи въ теченіи сентябрской трети 1900—1901 учебнаго года устныхъ испытаній по семнадцати предметамъ академическаго курса и представленіи кандидатскаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи православнаго церковнаго пѣнія въ Россіи“. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Москва, 1900 г.,—священникъ *Металловъ* по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 15 декабря 1900 года удостоенъ былъ степени кандидата богословія и утвержденъ въ оной резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 13 января

1901 года съ причисленіемъ (по терминологіи нынѣ дѣйствующаго академическаго устава) ко второму разряду.— 4) Въ виду представленія священникомъ (нынѣ *протоіереемъ)* Василіемъ *Металловымъ* диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія, опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 13 декабря 1906 года, на основаніи § 137 курса духовныхъ академій 1884 года, ему предложено было сдать новыя устныя испытанія по 14-ти предметамъ академическаго курса, по коимъ онъ въ 1883, 1884 и 1900 годахъ не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ степени магистра богословія, и представить (взамѣнъ не вполнѣ удовлетворительныхъ) три новыхъ семестровыхъ сочиненія.—5) Какъ на вновь представленныхъ письменныхъ работахъ, такъ и на новыхъ устныхъ испытаніяхъ по 12-ти предметамъ академическаго курса протоіерей Металловъ получилъ баллы вполнѣ удовлетворительные (не ниже $4^1/_2$); отъ сдачи же испытаній по остальнымъ 2-мъ предметамъ академическаго курса (библейской археологіи и Священному Писанію Ветхаго Завѣта) онъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня 1910 года, былъ освобожденъ въ виду того, что отмѣтка по первому въ соединеніи съ балломъ по еврейскому языку и отмѣтка по второму въ соединеніи съ балломъ по Священному Писанію Новаго Завѣта дали въ результатѣ баллъ не ниже $4^1/_2$.—6) По *§ 109* лит. *в.* п. 6 академическаго устава „удостоеніе степени магистра богословія“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи *протоіерея* Московскаго Казанскаго собора *Василія Металлова* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи протоіерея Металлова и копіи съ отзывовъ о ней и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Академіи *А. П. Шостьина* и ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „5 февр. 1914. Исполнить“.

21 января 1914 года.

№ 2.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ и священникъ Е. А. Воронцовъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „15 дек. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 5 декабря 1913 года за № 19954:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 22 Ноября сего года № 596, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи инспектора сей академіи, доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, *архимандрита Иларіона (Троицкаго)* и доцента по каѳедрѣ литургики, *священника Иліи Гумилевскаго* въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ названной академіи, съ 5 Ноября 1913 года—дня избранія ихъ въ это званіе Совѣтомъ академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить инспектора Императорской Московской духовной академіи, доцента по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, архимандрита Иларіона (Троицкаго) и доцента той же академіи по каѳедрѣ литургики, священника Илію Гумилевскаго въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ названной академіи, съ 5 Ноября 1913 г.—дня

избранія ихъ въ это званіе Совѣтомъ Академіи: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ."

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 дек. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 декабря 1913 года за № 20083:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Ноября сего года № 597, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи доцента оной по каѳедрѣ исторіи русской литературы, магистра богословія, *Николая Туницкаго* въ званіи экстраординарнаго профессора названной духовной академіи сверхъ штата, съ положеннымъ по должности экстраординарнаго профессора окладомъ содержанія и правомъ участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить доцента Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы, магистра богословія, Николая Туницкаго въ званіи экстраординаднаго профессора названной академіи сверхъ штата, съ положеннымъ по должности экстраординарнаго профессора окладомъ содержанія и правомъ участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ."

Опредѣлили: Объ утвержденіи доцентовъ Академіи: о. Инспектора *архимандрита Иларіона* и *священника И. В. Гумилевскаго*—въ званіи штатныхъ экстраординарныхъ профессоровъ, и *Н. Л. Туницкаго*—въ званіи экстраординарнаго профессора Академіи сверхъ штата, съ положеннымъ по должности экстраординарнаго профессора окладомъ содержанія и правомъ участвовать въ засѣданіяхъ Совѣта Академіи,—внести въ формулярные о службѣ ихъ списки и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „14 дек. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 декабря 1913 года за № 20337:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, отъ 25 Ноября сего года № 1841—10918, Кіевскаго, отъ 18 того же Ноября № 2008, и Вашего Преосвященства, отъ 22 того же Ноября № 595, и Архіепископа Казанскаго, отъ 27 того же Ноября № 6086, по вопросу *о командированіи на имѣющее быть съ 15 по 22 декабря сего года при Императорской Академіи Наукъ совѣщаніе* для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ *IV-го международнаго историческаго съѣзда* и выборовъ исполнительнаго комитета съѣзда, въ качествѣ представителей Императорскихъ духовныхъ академій, — С.-Петербургской — сверхштатнаго ординарнаго профессора оной Платона Жуковича, Кіевской—сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора оной Стефана Голубева, съ назначеніемъ ему на расходы по сему командированію 50 руб. изъ академическихъ суммъ, Московской — ординарнаго профессора *Михаила Богословскаго* и экстраординарнаго профессора *Сергѣя Смирнова*, съ назначеніемъ имъ изъ Синодальныхъ суммъ пособія по означенной командировкѣ, по 150 р. каждому, и Казанской—профессора Владиміра Керенскаго, съ назначеніемъ ему также пособія, въ суммѣ 150 руб., изъ суммъ Святѣйшаго Синода. Приказали: Выслушавъ изложенное, Святѣйшій Синодъ, согласно изъясненнымъ представленіямъ, опредѣляетъ: 1) предоставить Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Кіевскому и Вашему Преосвященству и Архіепископу Казанскому командировать, по принадлежности, на означенное совѣщаніе при Императорской Академіи Наукъ, профессоровъ Жуковича, Голубева, Богословскаго, Смирнова и Керенскаго, и 2) назначить на расходы по сей командировкѣ профессорамъ Голубеву 50 р. изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи Кіевской академіи, и Богословскому, Смирнову и Керенскому, по 150 руб. каждому, на счетъ кредита на экстраординарные расходы по духовно-учебному капиталу; о чемъ увѣдомить указами Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Казанскаго.“

Справка: Согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 11 де-

кабря минувшаго 1913 года, вторымъ представителемъ отъ Академіи на Предварительное Совѣщаніе при Императорской Академіи Наукъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ въ 1918-мъ году въ С.-Петербургѣ IV-го Международнаго Историческаго Съѣзда, командированъ былъ (въ виду постигшей ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго* болѣзни) экстраординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей Западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени, *А. П. Орловъ*, которому Правленіемъ Академіи и выдано было назначенное Святѣйшимъ Синодомъ пособіе на расходы по командировкѣ въ размѣрѣ 150 рублей.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „15 дек. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 14 декабря 1913 года за № 20441:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 7 Декабря сего года № 614, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата при сей академіи, кандидата богословія, *Александра Ремезова* въ должности преподавателя оной по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства, въ званіи и. д. доцента, съ 26 Ноября 1913 года—дня избранія его на эту должность Совѣтомъ академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Императорской Московской духовной академіи, кандидата богословія, Александра Ремезова въ должности преподавателя сей академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства, въ званіи и. д. доцента, съ 26 Ноября 1913 года—дня избранія его на эту должность Совѣтомъ академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Объ утвержденіи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата *А. В. Ремезова*, съ 26 ноября 1913 года, исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „30 дек. 1913. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 декабря 1913 года за № 21054:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства отъ 23 Января 1913 года за № 34, *о разрѣшеніи на передачу Свято-Троицкою Сергіевою Лаврою хранящихся въ ней рукописей, въ количествѣ 823 экземпляровъ, въ библіотеку Московской духовной академіи*, 2) представленіе Ваше же, отъ 3 Іюля 1913 года за № 364, въ коемъ изложено вторично ходатайство Совѣта Московской духовной академіи, о передачѣ тѣхъ рукописей въ библіотеку академіи 3) представленное Вашимъ Преосвященствомъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода ходатайство Предсѣдателя Императорской Археографической Комиссіи и другихъ лицъ о передачѣ вышеозначенныхъ рукописей для храненія и изслѣдованія ихъ въ научномъ отношеніи въ Патріаршую Библіотеку въ Москвѣ и 4) предложенное Г. Синодальнымъ Оберъ Прокуроромъ, отъ 12 Ноября 1913 года за № 12597, ходатайство о томъ же Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Справка: Изъ внесеннаго въ Государственную Думу законопроекта объ ассигнованіи изъ казны 106.630 рублей на сооруженіе пристройки къ зданію Московской Синодальной Конторы для помѣщенія въ ней Патріаршей Библіотеки видно, что образованная для всесторонняго разсмотрѣнія сего вопроса Комиссія при осмотрѣ Библіотеки нашла, что она располагаетъ крайне недостаточнымъ помѣщеніемъ, при отсутствіи къ тому же достаточнаго освѣщенія и притока свѣжаго воздуха. Въ зависимости отъ этого страдаютъ и книги, и рукописи; безъ свѣта нѣтъ также возможности заниматься ученымъ, которые постоянно жалуются на это, равно какъ и фото-

графамъ, готовящимъ снимки съ рукописей по заказу русскихъ и заграничныхъ изслѣдователей; по недостатку мѣста рукописи разставлены тѣсно, отъ чего переплеты трутся и портятся, а вмѣстѣ съ ними рвутся и самые листы памятниковъ; помѣщеніе для рукописей и старопечатныхъ книгъ безусловно тѣсно, при томъ же они не безопасны въ пожарномъ отношеніи. Приказали: Духовный Соборъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, разсмотрѣвъ поступившее къ нему ходатайство непремѣннаго члена Наблюдательнаго Совѣта при Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія протоіерея Металлова о передачѣ крюковыхъ и старыхъ нотныхъ рукописей церковныхъ напѣвовъ около 50 экземпляровъ изъ библіотеки лавры въ библіотеку названнаго училища, призналъ это ходатайство, по неудобству раздроблять рукописную библіотеку лавры, не подлежащимъ удовлетворенію. Но желая въ то же время доставить всѣмъ интересующимся древними рукописями возможность пользоваться ими, чрезъ передачу въ какую-либо доступную для другихъ библіотеку, нашелъ вполнѣ подходящимъ помѣстить рукописи, въ количествѣ 823 экземпляровъ, въ библіотекѣ Московской духовной академіи, гдѣ для занятій имѣется теплое удобное помѣщеніе и гдѣ въ отдѣльномъ шкафу можно бы помѣстить ихъ съ обозначеніемъ „Рукописи библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры“. На такую передачу рукописей, облегчающую и студентамъ довольно нынѣ сложный порядокъ полученія ихъ, Совѣтъ названной академіи изъявилъ свое согласіе. Донося объ изложенномъ, Ваше Преосвященство ходатайствовали о разрѣшеніи на передачу вышеозначенныхъ рукописей въ количествѣ 823 экземпляровъ въ библіотеку Московской духовной академіи. Въ дополненіе къ сему Ваше Преосвященство въ Іюлѣ сего года представили на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода ходатайство Совѣта Императорской Московской духовной академіи, въ коемъ заключалась вторичная просьба Библіотечной Коммиссіи академіи о томъ, чтобы Лаврскія рукописи были переданы въ библіотеку академіи, такъ какъ произведенная въ настоящее время пристройка къ зданію академической библіотеки открываетъ съ начала учебнаго года (1913—1914) возможность прилично помѣстить Лаврскія рукописи и создать для занимающихся ими соотвѣтствующія удобства, и такъ какъ съ начала учебнаго года, какъ пока-

залъ опытъ предшествующихъ лѣтъ, послѣдуетъ большой спросъ на рукописи со стороны профессоровъ и студентовъ Академіи. Кромѣ изъясненныхъ двухъ ходатайствъ, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода представлена еще Вашимъ Преосвященствомъ просьба Предсѣдателя Императорской Археографической Комиссіи и другихъ лицъ о передачѣ собранія рукописей Свято-Троицкія Сергіевы Лавры для храненія и изслѣдованія ихъ въ научномъ отношеніи въ Патріаршую библіотеку въ Москвѣ и предложено Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ таковое же ходатайство Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Въ этихъ послѣднихъ ходатайствахъ основаніемъ для передачи рукописей именно въ Московскую Патріаршую Библіотеку выставляются тѣ соображенія, что среди учрежденій духовнаго вѣдомства Патріаршая Библіотека является наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для храненія письменныхъ сокровищъ Сергіевской Лавры и что помѣщеніе тамъ рукописей сдѣлаетъ пользованіе ими болѣе доступнымъ для изслѣдователей и учащейся молодежи. Обсудивъ изъясненныя ходатайства вмѣстѣ съ приведенною справкою изъ законопроекта объ отпускѣ средствъ на сооруженіе пристройки для помѣщенія Патріаршей Библіотеки и принимая въ соображеніе, что занимаемое въ настоящее время Патріаршею Библіотекою помѣщеніе не вполнѣ достаточно по размѣрамъ, не представляетъ необходимыхъ удобствъ для занятій ученыхъ и небезопасно даже въ отношеніи сохранности книжнаго матеріала, вслѣдствіе чего духовнымъ вѣдомствомъ предположено устроить новое помѣщеніе, болѣе отвѣчающее современнымъ требованіямъ, что для людей науки и нынѣ не возбраненъ доступъ въ книгохранилище Свято-Троицкой Лавры для пользованія находящимися тамъ книжными сокровищами, что передача рукописей изъ стѣнъ Св. обители въ Москву несомнѣнно затруднитъ навсегда пользованіе ими для многочисленнаго состава лицъ изъ студентовъ и профессоровъ Императорской Московской духовной академіи, а также и монашествующей братіи, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ рѣшеніе вопроса о передачѣ вышеуказанныхъ рукописей въ иное мѣсто отложить впредь до сооруженія удобнаго помѣщенія Патріаршей Библіотеки, о чемъ и опредѣляетъ: Вашему Пре-

освященству послать указъ для свѣдѣнія и сообщенія Императорской Археографической Комиссіи, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода передать выписку изъ сего опредѣленія для извѣщенія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ".

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію.—2) Принимая во вниманіе: а) что сооруженіе удобнаго помѣщенія Патріаршей Библіотеки, въ виду необходимости предварительнаго испрошенія кредита на сей предметъ у законодательныхъ учрежденій, можетъ затянуться на нѣсколько лѣтъ; б) что спросъ на Лаврскія рукописи со стороны профессоровъ и студентовъ Академіи (за послѣдніе шесть лѣтъ значительно превышавшій таковой же спросъ на оныя со стороны *всѣхъ остальныхъ* ученыхъ и учебныхъ учрежденій Имперіи въ совокупности) въ текущемъ 1913—1914 году еще болѣе усилился; в) что въ настоящее время готово новое зданіе академической библіотеки, въ которомъ для занятій рукописями отведенъ особый—теплый, сухой и свѣтлый—залъ, а къ услугамъ какъ профессоровъ и студентовъ Академіи, такъ и постороннихъ посѣтителей имѣется полный штатъ свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ должностныхъ лицъ библіотеки,—просить Духовный Соборъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры,—не найдетъ ли онъ возможнымъ, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса Святѣйшимъ Синодомъ, передать Лаврскія рукописи *на временное храненіе* въ фундаментальную академическую библіотеку, съ тѣмъ, чтобы онѣ помѣщены были въ отдѣльномъ шкафѣ съ надписью: „Рукописи библіотеки Свято-Троицкія Сергіевы Лавры", были доступны для контроля за ихъ сохранностію со стороны уполномоченныхъ Духовнымъ Соборомъ лицъ и могли быть высылаемы на извѣстные (не свыше трехмѣсячныхъ) сроки въ другія учебныя и ученыя учрежденія Имперіи на основаніи „Правилъ пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое", утвержденныхъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20 января—7 февраля 1907 года за № 314,—и,—въ случаѣ принципіальнаго согласія на таковую временную передачу рукописей со стороны Духовнаго Собора Лавры,—установленнымъ порядкомъ ходатайствовать о разрѣшеніи ея предъ Святѣйшимъ Синодомъ.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „13 января 1914. Въ Совѣтъ Московской Академіи къ свѣдѣнію и руководству“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 января 1914 года за № 289:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Казанскаго, отъ 4 Ноября 1913 года № 5633, по ходатайству Совѣта Императорской Казанской духовной академіи *о разъясненіи* слѣдующихъ недоумѣній, возникающихъ въ названной академіи при примѣненіи на практикѣ *§§ 70 и 71 Уст. Имп. дух. акад.*, изд. 1912 г., по вопросу о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ въ академіи: 1) въ какой срокъ должны быть указаны членами Совѣта кандидаты на вакантныя въ академіи каѳедры и представлены подробныя рекомендаціи ихъ, равно какъ поданы прошенія другихъ лицъ, желающихъ занять свободныя каѳедры, или кто назначаетъ и опредѣляетъ этотъ срокъ: Совѣтъ или ректоръ академіи; 2) имѣютъ ли профессорскіе стипендіаты при свободныхъ академическихъ каѳедрахъ, окончившіе свои занятія, преимущественное предъ другими лицами право на занятіе вакантной академической каѳедры по избранной ими спеціальности, или же они должны быть рекомендованы въ качествѣ кандидатовъ на эти каѳедры на общихъ основаніяхъ и 3) при избраніи рекомендованнаго кѣмъ-либо изъ членовъ Совѣта и одобреннаго Епархіальнымъ Преосвященнымъ кандидата на академическую каѳедру, что должно быть предметомъ обсужденія въ Совѣтѣ: научное ли достоинство прочитанныхъ пробныхъ лекцій, или кандидатура вообще: если предметомъ обсужденія является только научное достоинство лекцій, то имѣютъ ли право принимать участіе въ рѣшеніи вопроса (голосованіи) тѣ изъ членовъ Совѣта, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не слышали одной изъ пробныхъ двухъ лекцій. Приказали: Обсудивъ настоящее ходатайство Совѣта Императорской Казанской духовной академіи, совокупно съ подлежащими §§ дѣйствующаго академическаго устава, Святѣйшій Синодъ находитъ, 1) что установленіе какого-либо общаго во всѣхъ случаяхъ срока для представленія членами Совѣта академіи кандидатовъ на вакантныя въ оной каѳедры и для подачи прошеній лицами,

желающими занять свободную каѳедру, представляется неудобнымъ, въ виду различныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ замѣщеніе той или иной каѳедры и могущихъ повліять на продолжительность означеннаго срока, въ каждомъ же отдѣльномъ случаѣ срокъ этотъ можетъ быть устанавливаемъ, если это является необходимымъ, ректоромъ академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, съ тѣмъ, чтобы установленіе таковаго срока сообразовалось съ указаніемъ § 72 Уст. Имп. дух. акад. относительно крайней продолжительности срока для избранія на ту или другую каѳедру преподавателя, 2) что уставъ Императорскихъ духовныхъ академій не даетъ какихъ-либо преимуществъ профессорскимъ стипендіатамъ предъ другими лицами на замѣщеніе свободной каѳедры и посему означенные стипендіаты должны быть рекомендуемы, какъ и другія лица, въ качествѣ кандидатовъ на преподавательскую въ академіи каѳедру, и 3) что при избраніи того или иного лица на академическую каѳедру предметомъ обсужденія въ Совѣтѣ академіи должно быть не только достоинство прочитанныхъ имъ пробныхъ лекцій, но и вообще соотвѣтствіе помянутаго лица въ научномъ отношеніи должности преподавателя академіи, и посему право участвовать въ рѣшеніи вопроса о замѣщеніи той или другой каѳедры принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ въ соотвѣтствующемъ засѣданіи членамъ Совѣта академіи, независимо отъ того, прослушали нѣкоторые изъ нихъ одну или обѣ пробныя лекціи, произнесенныя ищущимъ каѳедры лицомъ: о чемъ и опредѣляетъ послать Преосвященному Казанскому указъ, въ разрѣшеніе настоящаго ходатайства Совѣта Императорской Казанской духовной академіи, увѣдомивъ таковыми же и Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Ваше Преосвященство, для свѣдѣнія и въ потребныхъ случаяхъ руководства Совѣтовъ Императорскихъ С.-Петербургской, Кіевской и Московской духовныхъ академій".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

VI. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *11 декабря 1913 года, № 24:* „4 янв. 1914 г. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VII. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за *декабрь* мѣсяцъ минувшаго 1913 года, изъ которой видно, что—*а) по болѣзни:* ординарный профессоръ М. М. Богословскій опустилъ 15 лекцій, лекторъ нѣмецкаго языка Г. Я. Томсонъ—8 лекцій, экстраординарный профессоръ священникъ И. В. Гумилевскій—6 лекцій, ординарные профессоры С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій и экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—по 5 лекцій, лекторъ французскаго языка А. К. Мишишъ—4 лекціи, ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ, доцентъ Н. В. Лысогорскій и и. д. доцента іеромонахъ Пантелеимонъ—по 3 лекціи и экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ—2 лекціи; *б) по домашнимъ обстоятельствамъ:* ординарный профессоръ С. И. Соболевскій—4 лекціи и экстраординарный профессоръ П. В. Поповъ—2 лекціи; *в) по случаю командировки въ С.-Петербургъ:* экстраординарный профессоръ А. П. Орловъ—3 лекціи; *г) по нахожденію въ отпускѣ:* и. д. доцента А. М. Туберовскій—6 лекцій.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VIII. Благодарственныя письма *Почетныхъ Членовъ* Академіи:

а) Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Тайнаго Совѣтника, Александра Андреевича *Тихомирова:*

„Отношеніемъ отъ 21-го текущаго декабря, за № 700, Вашему Преосвященству угодно было сообщить объ избраніи меня Почетнымъ Членомъ Императорской Московской Духовной Академіи.—Принимая сіе столь лестное для меня званіе, почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство и Совѣтъ Академіи принять выраженіе моей глубочайшей признательности за оказанный мнѣ почетъ. Былъ бы безмѣрно счастливъ по милости Божіей съ пользой потрудиться въ направленіи, отмѣченномъ Академіей какъ основаніе для возведенія меня въ то почетное званіе, которое дѣлаетъ меня отнынѣ неоплатнымъ должникомъ въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія подрастающихъ поколѣній“.

б) Г. Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи (въ отставкѣ), Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Львовича *Катанскаго:*

„Отъ полноты благодарнаго сердца позвольте почтительнѣйше выразить глубокую признательность за высокій знакъ вниманія ко мнѣ моей второй Матери, высокочтимой Московской Духовной Академіи, за присылку и передачу (21 декабря сего 1913 года), чрезъ ея делегатовъ, достоуважаемыхъ профессоровъ С. И. Смирнова и А. П. Орлова, иконы Преп. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, на память объ 18 ноября 1913 г., дня моего 50-лѣтняго юбилея.

Эта св. Икона дорога мнѣ вдвойнѣ, такъ какъ напоминаетъ и о мѣстѣ появленія моего на свѣтъ Божій,—рожденія, въ приходѣ Преп. Сергія, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ, при Сергіевской церкви, родитель мой былъ діакономъ, и о мѣстѣ моего вступленія въ дѣйствительную жизнь, о начальномъ мѣстѣ моей службы,—въ стѣнахъ обители Преп. Сергія, въ Московской Духовной Академіи. И потому неудивительно, что видъ этой св. Иконы, принятой мной изъ рукъ досточтимыхъ делегатовъ Академіи, вызвалъ у меня слезы умиленія.

И высокочтимой Московской Духовной Академіи нельзя было принести мнѣ болѣе дорогой даръ, чѣмъ присланный мнѣ,—нельзя было болѣе трогательно выразить какъ эту связь между двумя важнѣйшими событіями моей жизни, такъ и напомнить мнѣ, лучше всякихъ словъ, однимъ видомъ этой святой Иконы о той духовной, незабвенной для меня связи, какая существуетъ между мною и дорогою для меня Московскою Академіею, поистинѣ второю моею Матерью, моею руководительницею, поставившею меня на ноги и направлявшею мои первые нетвердые шаги на поприщѣ учебной и ученой дѣятельности“.

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

IX. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви, магистра богословія, *С. И. Смирнова:*

„Представляя при семъ въ двухъ экземплярахъ свой

трудъ „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе съ приложеніемъ Матеріаловъ для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“ на соисканіе степени доктора церковной исторіи, прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Докторскую диссертацію экстраординарнаго профессора Академіи С. И. Смирнова передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскому*.

X. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертаціи экстраординарнаго профессора С. И. Смирнова онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ церковнаго права *А. И. Алмазова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Прошеніе о. Предсѣдателя „Юбилейной Коммиссіи бывшихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи (въ г. Москвѣ)“ *протоіерея Николая Добронравова:*

„Организованная съ соизволенія Московскаго Епархіальнаго Начальства Юбилейная Коммиссія бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи между прочимъ предположила издать къ столѣтнему юбилею Академіи сборникъ воспоминаній и мемуаровъ объ Академіи и избранныхъ матеріаловъ для исторіи ея. Въ качествѣ такого матеріала, еще не оглашеннаго въ печати, могли бы, повидимому, служить тѣ отдѣлы и части извѣстныхъ автобіографическихъ записокъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Тверского Саввы, которые въ свое время, въ виду цензурныхъ условій или по инымъ соображеніямъ, были выпущены при печатаніи записокъ Высокопреосвященнаго Саввы въ приложеніи къ академическому журналу. Предполагая, что въ настоящее время для напечатанія нѣкоторыхъ изъ такихъ отдѣловъ означенныхъ записокъ препятствія уже болѣе не встрѣтится, и имѣя письменное разрѣшеніе на использованіе этихъ отдѣловъ для проектируемаго сборника со стороны наслѣдника Высокопреосвященнаго Саввы, протоіерея Геннадія Ѳеодоровича Виноградова, Юбилейная Коммиссія бывшихъ воспитанни-

ковъ Московской Духовной Академіи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить академическому библіотекарю выдать Коммиссіи хранящіяся въ академической библіотекѣ записки Архіепископа Саввы".

Опредѣлили: Увѣдомить *о. протоіерея Н. П. Добронравова*, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ использованію „Юбилейною Коммиссіею бывшихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи (въ г. Москвѣ)", для предположеннаго ею къ изданію сборника воспоминаній и мемуаровъ объ Академіи и избранныхъ матеріаловъ по исторіи ея, неизданныхъ отрывковъ изъ „Автобіографическихъ Записокъ" Высокопреосвященнаго Архіепископа Саввы, но съ тѣмъ, чтобы:

а) „Записки" просматривались въ помѣщеніи фундаментальной академической библіотеки (посылка ихъ въ Москву невозможна и по громоздкости „Записокъ"—20 папокъ in folio, вѣсомъ до 10 пудовъ,—и по неизвѣстности, гдѣ онѣ будутъ храниться; выдѣленіе же изъ цѣлаго состава „Записокъ" мѣстъ, зачеркнутыхъ по цензурнымъ и другимъ условіямъ, не можетъ быть осуществлено средствами библіотеки, такъ какъ такія мѣста есть во всѣхъ годахъ и папкахъ „Записокъ");

б) Просмотръ „Записокъ" и выписки изъ нихъ дѣлалъ кто-либо изъ членовъ Коммиссіи и таковой просмотръ отнюдь не поручался лицу, для Коммиссіи постороннему;

в) Тѣ части „Записокъ", которыя Коммиссія пожелаетъ обнародовать въ своемъ Сборникѣ, предварительно были представлены на академическую цензуру.

XII. Отношенія:

а) Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 12 декабря 1913 года за № 3322, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Московской Синодальной Библіотеки за №№ 216 и 248 (по Указ. Арх. Саввы);

б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 18 декабря 1913 года за № 3421, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій сверхштатнаго профессор-

скаго стипендіата Академіи Н. М. Кочанова, книги: „Епископъ Антонинъ. Книга Притчей Соломоновыхъ. Т. III.

в) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 20 декабря 1913 года за № 3446, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора священника Е. А. Воронцова, рукописей изъ собранія Фирковичей за №№ 135 (Пятокнижіе), 142 (Отрывки книги Іова, въ персидскомъ переводѣ) и 144 (Татарскій переводъ Пятокнижія).

г) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 17 декабря 1913 года за № 3391, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи священника І. М. Смирнова, греческой рукописи Синодальной Библіотеки за № 345.

Справка: Означенныя въ пп. *в* и *г* рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 16 декабря 1913 года за № 2164:

„Совѣтъ Императорской Кіевской духовной академіи честь имѣетъ покорнѣйше просить выслать на мѣсячный срокъ для научнаго пользованія ординарнаго профессора прот. Ѳ. И. Титова имѣющіеся въ Музеѣ Московской академіи тезисы (2) старой Кіевской академіи начала XVIII в., о которыхъ говоритъ † А. П. Голубцовъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о старыхъ академическихъ тезисахъ и ихъ значеніе для археологіи“ (Богослов. Вѣстн. 1913 г. т. II)“.

Справка: Означенные въ отношеніи тезисы препровождены были въ Совѣтъ Императорской Кіевской Духовной Академіи при отношеніи отъ 23 декабря 1913 года за № 703.— Въ полученіи ихъ имѣется увѣдомленіе Совѣта отъ 31-го того же декабря за № 2208.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Прошеніе инспектора народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, кандидата Академіи выпуска 1891 года, Александра *Смирнова*:

„По встрѣтившейся надобности покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выдать мнѣ на время (на 1 мѣсяцъ) мое кандидатское сочиненіе, поданное въ 1891 году профессору А. П. Шостьину: „Педагогическія воззрѣнія Л. Н. Толстого предъ судомъ Евангельской истины“. Чрезъ мѣсяцъ по полученіи я обязуюсь его возвратить“.

Справка: Въ собраніи 30 апрѣля 1897 года Совѣтомъ Академіи постановлено было: „На будущее время выдачу и высылку кандидатскихъ сочиненій ихъ авторамъ прекратить, предоставивъ послѣднимъ для снятія копій съ сочиненій являться въ Академію лично“.

Опредѣлили: Сообщить просителю чрезъ академическую Канцелярію изложенное въ справкѣ постановленіе Совѣта Академіи отъ 30 апрѣля 1897 года.

XV. Отзывы о курсовомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Рождественскаго Сергѣя* на тему: „Критическій обзоръ существующихъ мнѣній о происхожденіи русскаго раскола старообрядчества“.

а) Доцента Академіи *Н. В. Лысогорскаго*:

„Содержаніе сочиненія г. Рождественскаго составляетъ изложеніе мнѣній о расколѣ отъ возникновенія его и до послѣдняго времени. Матеріалъ распредѣляется авторомъ своеобразно. Центральную часть сочиненія занимаетъ передача мнѣній о расколѣ свѣтскихъ писателей второй половины XIX столѣтія, въ виду оригинальности и яркости высказанныхъ этими писателями взглядовъ. Съ наибольшей подробностью авторъ воспроизводитъ мысли Щапова (стр. 22—48). Затѣмъ останавливается на сужденіяхъ о расколѣ Андреева, Юзова, Кельсіева, Аристова, Пругавина, Костомарова и Абрамова (48—67 стр.). Мнѣнія предшествующія интересуютъ автора какъ лишь подготовительныя къ мнѣніямъ указанныхъ писателей 2-й половины XIX в. (стр. 3—21). Мнѣніями позднѣйшими авторъ пользуется только для оцѣнки мнѣній тѣхъ же излюбленныхъ имъ писателей. „Сужденія о расколѣ послѣдняго періода, пишетъ г. Рождественскій, могутъ дать намъ тотъ матеріалъ, который является единственнымъ (?) для критическаго изслѣдованія“ положеній вышеперечислен-

ныхъ писателей (стр. 3). „Данными авторитетовъ послѣдняго времени“ г. Рождественскій стремится опровергать „взглядъ на расколъ, какъ явленіе гражданскаго характера, съ одной стороны путемъ показанія прямыхъ его недостатковъ, съ другой путемъ установленія такого воззрѣнія на расколъ, которое должно было соотвѣтствовать дѣйствительной его сущности, смыслу и значенію“ (стр. 68). Такого рода критикѣ отведена въ сочиненіи послѣдняя часть (стр. 68—91). Понятно, опредѣленіе авторомъ своей задачи не вытекаетъ изъ существа темы. А исключительное слѣдованіе за авторитетами лишаетъ сочиненіе научности и поставляетъ автора въ безвыходное положеніе. Взгляды однихъ писателей автору приходится оцѣнивать авторитетомъ другихъ, сужденія которыхъ, по смыслу темы, подлежали сами также, даже по преимуществу, разсмотрѣнію нашего автора. Въ общемъ однако сочиненіе г. Рождественскаго можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Небольшое (92 стр., отпечат. на пишущей маш.) сочиненіе г. Рождественскаго принадлежитъ къ числу поверхностныхъ кандидатскихъ работъ, выдѣляющихся болѣе отрицательными, чѣмъ положительными сторонами. Обзоръ взглядовъ различныхъ писателей на расколъ старообрядчества выполненъ авторомъ бѣгло и поверхностно, а критическій элементъ въ его работѣ исчерпывается тѣмъ, что онъ воззрѣніямъ раннѣйшихъ писателей противопоставляетъ „изображеніе дѣйствительнаго (?) взгяда на сущность и происхожденіе русскаго раскола“ „на основаніи извѣстныхъ намъ авторитетовъ“ (79 стр.) новѣйшаго времени.

Бросается въ глаза крайняя неряшливость изложенія автора. Приведу нѣсколько примѣровъ стиля г. Рождественскаго. „Суть этого взгляда (рѣчь идетъ о взглядѣ отцовъ собора 666—7 г.г.) сводилась къ представленію раскола всѣми отцами собора въ церковномъ отношеніи нетерпимаго и еретическаго, по своему же природному фактору въ высшей степени невѣжественнаго, въ которомъ кромѣ скудости ума проявилось еще удивительное упорство и изувѣрство самого характера и склада души, какими отличались главные предводители раскола и его послѣдователи“ (4 стр.). „Симеонъ

Полоцкій проводилъ ту же мысль на расколъ, что и соборъ" (5 стр.). „За недоумѣніемъ (у раскольниковъ) послѣдовало размышленіе относительно новоисправленныхъ книгъ, сомнительность въ ихъ пользѣ и правильности, а между тѣмъ (.) испытывая такой тяжелый моментъ умственнаго и главнымъ образомъ нравственнаго напряженія, раскольники не располагали тѣми необходимыми просвѣтительными средствами, которыя помогли бы имъ спокойно и здраво разобраться въ этомъ лабиринтѣ мучившихъ ихъ душевныхъ сомнѣній, сохранивъ при этомъ чистоту вѣры и правильность церковныхъ обрядовъ" (13 стр.). „Митрополитъ Платонъ, выясняя значеніе упорства, какъ одной изъ основныхъ причинъ первоначальнаго происхожденія раскола, въ объясненіе же факта дальнѣйшаго его существованія, относитъ это упорство собственно не ко всей массѣ раскольниковъ" (15 стр.). „Обряды имѣли значеніе для нихъ (древне-русскихъ людей) только тогда, когда были проникнуты чистымъ смысломъ и тою мыслею, какая должна служить выраженіемъ ихъ" (27 стр.). Причинами, способствовавшими развитію старообрядческаго раскола, „Щаповъ считаетъ во-1-хъ, разстройство управленія и благочинія въ русской церкви во время появленія и распространенія раскола, представлявшее атмосферу, во многихъ отношеніяхъ обильную для его существованія и развитія, средствами" (31 стр.). „Легковѣріе и суевѣріе представляя изъ себя ничто иное, какъ одинъ изъ факторовъ того преобладающаго значенія, какимъ пользовалось, неозаренное свѣтомъ просвѣщенія религіозное начало въ жизни русскаго народа, было одной изъ главныхъ причинъ, почему не только духовенство но и народъ такъ фанатически взволновался и возсталъ противъ новыхъ церковныхъ порядковъ, введенныхъ патріархомъ Никономъ въ практику церковнаго богослуженія" (33 стр.). „Первый вопросъ, какой возникаетъ при раскрытіи и обоснованіи исторіи развитія гражданской стороны раскола, сводится къ выясненію той основной мысли Щаповскаго мнѣнія о расколѣ которая содержитъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ: что собственно понимаетъ Щаповъ подъ самымъ словомъ гражданская сторона раскола, какая реальная идея служитъ выраженіемъ его?" (38 стр.). „Расколъ поднялъ знамя своего собственнаго существованія" (44 стр.). „Свое глубоко отрицательное отношеніе ко всей новой не

земской Россіи расколъ при Петрѣ уже не выражаетъ во внѣ, а со злобою затаиваетъ въ тайникахъ своей души, въ своемъ скрытомъ и молчаливомъ характерѣ. Но эта насильственная скрытность показной стороны раскола только сильнѣе разжигала бурю внутренней его жизни" (45 стр.). „Этотъ вопросъ, отъ котораго собственно и зависитъ судьба разбираемыхъ нами мнѣній, научнымъ критеріемъ прямо ставится во главу приводимыхъ свѣтскими писателями теорій о расколѣ, и рѣшается для послѣднихъ въ отрицательномъ смыслѣ" (70 стр.). „Остановившись на обрядовомъ направленіи христіанской религіи, все русское общество на протяженіи пяти вѣковъ съ XI по XVI вѣкъ, идетъ по широкому пути, свойственномъ только русской натурѣ, развитія этого направленія" (83 стр.). „Отъ патріарха Никона, однимъ словомъ требовалось ясное и точное пониманіе самой сущности и смысла русскихъ обрядовъ, которые, повторяемъ, были между собою строго православными съ обрядами греческой церкви" (88 стр). Рѣдкая страница сочиненія г. Рождественскаго не вызываетъ возраженій съ стилистической (а иногда и грамматической) точки зрѣнія.

Непріятное впечатлѣніе производитъ, наконецъ, масса орѳографическихъ ошибокъ и описокъ, оставленныхъ авторомъ безъ исправленія.

Принимая, однако, во вниманіе, что авторъ въ той или иной мѣрѣ потрудился надъ своимъ сочиненіемъ, прочелъ не мало изслѣдованій по исторіи раскола, я нахожу возможнымъ признать г. Рождественскаго заслуживающимъ кандидатской степени".

Справка: 1) Сергѣй *Рождественскій* окончилъ курсъ въ Императорской Московской Духовной Академіи въ минувшемъ 1913-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго курсового сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительный студентъ Рождественскій имѣетъ—3, 989.—3) По § 109 лит. *б.* п. 8 устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента *Сергѣя Рождественскаго* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко *второму* разряду,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XVI. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи:

а) *Митрополита Московскаго Макарія въ 482 р.*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи;

б) *Митрополита Московскаго Макарія въ 289 р.*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и

в) *Епископа Курскаго Михаила—двѣ* преміи (отъ 1912 и 1913 года), *по 201 р.* каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію“.—

б) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи *И. В. Попова*:

„Въ виду наступленія срока присужденія премій Митрополита Макарія за лучшія сочиненія наставниковъ Академіи, честь имѣю обратить вниманіе Совѣта на изданную въ прошедшемъ 1913 году книгу проф. *А. А. Спасскаго*: „Эллинизмъ и христіанство (Исторія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ за раннѣйшій періодъ христіанской исторіи. 150—254 г.)“. Сергіевъ Посадъ. 1913 г.

Новая книга проф. Спасскаго безспорно займетъ видное положеніе въ нашей церковно-исторической научной литературѣ. Это—одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя широтою и принципіальностію затронутыхъ вопросовъ будятъ мысль читателя, а полнотою фактическаго содержанія обогащаютъ его знаніями.

О значеніи и важности проблемы взаимоотношенія эллинизма и христіанства нѣтъ нужды распространяться. Вопросъ этотъ часто рѣшается на основаніи подмѣны аналогій между произведеніями церковной и внѣцерковной литературы въ постановкѣ вопросовъ, методѣ ихъ разрѣшенія, отдѣльныхъ тезисахъ, способѣ аргументаціи, даже стилѣ и языкѣ. Этимъ путемъ довольно трудно прійти къ несомнѣннымъ выводамъ,

потому что далеко не всякая аналогія можетъ быть объяснена исключительно фактомъ вліянія одного писателя на другого. Гораздо болѣе твердую почву для разрѣшенія этого вопроса даетъ открытая полемика язычества съ христіанствомъ. Здѣсь интересно бываетъ наблюдать, какъ цѣли полемики заставляютъ христіанскаго писателя невольно становиться на точку зрѣнія своего противника, вращаться въ той же плоскости, обсуждать тѣ же вопросы и пользоваться доказательствами, убѣдительными для противной стороны. Профессоръ Спасскій изслѣдуетъ вопросъ объ отношеніи эллинизма и христіанства по этому второму способу и съ этой цѣлью подвергаетъ анализу полемику язычества съ христіанствомъ эпохи Антониновъ. Изслѣдованіе начинается характеристикой Фронтона, изложеніемъ его рѣчи противъ христіанъ и отвѣта на нее въ Октавіи Минуція Феликса. За этимъ слѣдуетъ обширный отдѣлъ о Лукіанѣ Самосатскомъ, его отношеніи къ христіанству, слѣдахъ его знакомства съ христіанской литературой и анализъ его сатиры О смерти Перегрина Протея въ связи съ вопросомъ о знакомствѣ Лукіана съ посланіями Игнатія Богоносца. Въ послѣдней и самой обширной части своего сочиненія профессоръ Спасскій знакомитъ читателя съ личностью и міросозерцаніемъ Цельса и съ критическимъ разборомъ его Истиннаго Слова, въ которомъ Оригенъ поставилъ христіанскую апологетику на еще небывалую для нея высоту.

Выясненію отношенія эллинизма къ христіанству посвящена огромная литература, но среди нея книга профессора Спасскаго выдѣляется широтою замысла. По данному вопросу есть очень много монографическихъ изслѣдованій, очерковъ, журнальныхъ статей, докладовъ, отдѣльныхъ замѣтокъ, ничѣмъ между собою не объединенныхъ. Въ нихъ собрана масса фактовъ и разрозненныхъ наблюденій, но нѣтъ общей картины. Профессоръ Спасскій задался цѣлью подвести итогъ всѣмъ добытымъ результатамъ и дать полную, обнимающую всѣ частности исторію религіозно-полемической литературы, и намъ остается только пожелать, чтобы авторъ довелъ до конца свой трудъ, ограничивающійся теперь только эпохой Антониновъ.

Задача труда и его общій характеръ требовали отъ автора хорошаго знакомства съ литературой предмета и нужно ска-

зать, что все существенное и лучшее въ этой области имъ использовано добросовѣстно и съ тою самостоятельностью взгляда и сужденія, которыя даются только основательнымъ и личнымъ углубленіемъ въ первоисточники.

Основанная на тщательномъ изученіи источниковъ и литературы книга профессора Спасскаго вся состоитъ изъ фактовъ и совершенно свободна отъ досаднаго многословія. Отсюда выдающаяся содержательность книги. Въ ней много интересныхъ матеріаловъ для исторіи культуры, для психологіи религій, для исторіи литературы и исторіи догматовъ.

Не можемъ также не отмѣтить прекраснаго изложенія, живого, гибкаго и выразительнаго языка и яркости характеристикъ какъ лицъ, такъ и эпохи.

Всѣ перечисленныя достоинства новаго труда профессора Спасскаго побуждаютъ меня рекомендовать его на премію Митрополита Макарія".

в) Представленіе экстраординарнаго профессора *А. И. Орлова:*

„Въ виду предстоящаго обсужденія вопроса о присужденіи преміи Митрополита Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи имѣю честь рекомендовать вниманію Совѣта Академіи появившуюся въ свѣтъ въ концѣ минувшаго 1913 года книгу профессора *С. И. Смирнова:* „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта. М. 1913 г.". Поименованный трудъ профессора С. И. Смирнова, уже ранѣе заявившаго себя нѣсколькими цѣнными изслѣдованіями по исторіи духовничества, отличается выдающимися достоинствами. Поставивъ своею задачей обрисовать бытовую сторону древне-русскаго духовничества, въ его историческомъ развитіи до петровской эпохи (приблизительно), авторъ для выполненія своей задачи привлекаетъ массу всевозможныхъ рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ тѣ или другія данныя для характеристики организаціи древне-русскаго духовничества, оффиціальнаго и житейскаго положенія духовника, его нравственнаго міросозерцанія, учительной и дисциплинарной дѣятельности и т. п. Авторомъ не оставленъ, кажется, ни одинъ памятникъ, ни одно историческое свидѣтельство, сколько-нибудь характерное и цѣнное для избранной имъ

темы. Такая полнота собраннаго авторомъ матеріала въ особенности заслуживаетъ вниманія, поскольку этотъ матеріалъ нерѣдко мелкими крупицами разбросанъ въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ и изданіяхъ, такъ что овладѣть имъ было подъ силу лишь лицу, вообще широко освѣдомленному въ древне-русской письменности, и цѣлый рядъ годовъ изучавшему исторію древне-русскаго духовничества. Мастерство настоящаго ученаго историка сказывается и въ обработкѣ собраннаго авторомъ матеріала. Глубоко знакомый не только съ историческими данными, непосредственно относящимися къ вопросу о древне-русскомъ духовничествѣ, но и вообще съ исторіей и укладомъ древне-русской церковной жизни, равно какъ съ древне-восточной (византійской) и даже католической покаянной дисциплиной, профессоръ С. И. Смирновъ даетъ строго научное, историко-критическое выясненіе вопросовъ, входящихъ въ составъ его темы, при чемъ мѣстами дѣлаетъ и существенныя поправки ко взглядамъ авторитетныхъ ученыхъ, высказывавшихся по тѣмъ или другимъ вопросамъ, обсуждаемымъ въ его книгѣ. Наконецъ, блестящими достоинствами отличается и изложеніе автора—отчетливое, сжатое, безукоризненно литературное. Отмѣченныя черты работы профессора С. И. Смирнова дѣлаютъ его изслѣдованіе весьма крупнымъ вкладомъ въ русскую церковно-историческую науку и, полагаю, даютъ автору несомнѣнное право на поименованную премію Митрополита Макарія".

г) Представленіе экстраординарнаго профессора, *священника Д. В. Рождественскаго:*

„Представленное въ Совѣтъ Академіи на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе и. д. доцента Академіи, *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*, подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе", послѣ удовлетворительной защиты въ собраніи Совѣта 11 ноября 1913 года, признано достойнымъ искомой степени. Въ заслушанныхъ Совѣтомъ 5 ноября 1913 года отзывахъ—моемъ и профессора о. Евгенія Ворощова обстоятельно указаны незаурядныя достоинства сочиненія о. Варѳоломея. Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи,—при имѣющемъ быть въ мартовскомъ засѣданіи распредѣленіи премій за ученые труды.

имѣть въ виду названный трудъ, въ качествѣ вполнѣ заслуживающаго преміи Епископа Курскаго Михаила".

д) Представленіе экстраординарнаго профессора, *священника В. Н. Страхова:*

„При обсужденіи вопроса о присужденіи преміи Епископа Курскаго Михаила за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію, честь имѣю обратить вниманіе Совѣта на трудъ доцента Академіи *Н. Д. Протасова:* „Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія 25-ой и 26-ой главъ книги Дѣяній по греческому тексту. Москва, 1913". Указанное сочиненіе Н. Д. Протасова, при нѣкоторыхъ его недостаткахъ, естественныхъ и вполнѣ понятныхъ—а потому и извинительныхъ—въ первомъ серьезномъ трудѣ начинающаго работника, свидѣтельствуетъ о незаурядной эрудиціи его автора, прекрасномъ знаніи имъ новыхъ языковъ, о его тонкомъ анализѣ и широкомъ знакомствѣ какъ съ древне-экзегетической литературой вопроса, такъ и съ новѣйшей литературой по текстологіи, филологіи, исторіи іудейскаго народа, археологіи и римской юриспруденціи. Авторъ, несомнѣнно, достаточно потрудился при написаніи своего названнаго труда и, какъ добросовѣстный и многообѣщающій работникъ, онъ „достоинъ мзды своея". На этомъ основаніи предлагаю Совѣту присудить Н. Д. Протасову за указанный его трудъ, представляющій полезный вкладъ въ русскую научно-экзегетическую литературу по Новому Завѣту, премію Епископа Михаила".

Справка: 1) Правилъ о присужденіи премій *Митрополита Московскаго Макарія*—а) *п. п. 1—6*: „Проценты раздѣляются на четыре преміи, первая въ 500 р. (нынѣ 482 р.), за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, вторая въ 300 р. (нынѣ 289 р.), за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Московской Духовной Академіи, третья и четвертая по 100 р. (нынѣ по 96 р. 50 к.), за лучшія сочиненія студентовъ Московской Духовной Академіи, написанныя ими въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ.— Первой преміи удостоиваются сочиненія, составляющія значительное пріобрѣтеніе или для науки вообще, или по край-

ней мѣрѣ для русской научной литературы, которыя могутъ быть или оригинальными изслѣдованіями, или переводами, если только для перевода избраны сочиненія важныя для науки и не малыя по объему, преимущественно сочиненія, написанныя на древнихъ языкахъ.—Въ случаѣ, если въ какомъ-нибудь году не окажется сочиненія, вполнѣ удовлетворяющаго указаннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, премія въ 500 р. можетъ быть раздѣлена на двѣ по 250 р., которыя выдаются также за печатные труды, имѣющіе значительное научное достоинство, но менѣе капитальные.—Второй преміи удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи.—Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протоіерея Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго.—Сочиненія, написанныя на степень магистра, хотя бы авторы ихъ состояли въ числѣ наставниковъ Московской Духовной Академіи, не могутъ быть представляемы на первую премію, ни полную, ни половинную, а только на вторую; а сочиненія, написанныя ими на степень доктора, могутъ". *б) п. п. 10—11:* „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, при чемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія.—Въ томъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, быть допущены къ соисканію преміи". *в) п. п. 13—15:* „Чрезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ преміи.—Если въ распоряженіи Совѣта есть сумма для того, чтобы назначить кромѣ полной преміи

половинную, то Совѣтъ можетъ въ томъ же засѣданіи назначить за сочиненіе второе по достоинству половинную премію.—Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи".—2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи удостоены Совѣтомъ Академіи въ минувшемъ 1913-мъ году степени магистра богословія: а) преподаватель Волынской духовной семинаріи *Ѳ. С. Владимірскій* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Антропологія и космологія Немезія, еп. Емесскаго, въ ихъ отношеніи къ древней философіи и патристической литературѣ". Житоміръ, 1912 г. (кандидатское сочиненіе его на тему: „Немезій Эмесскій"—преміи удостоено не было); б) и. д. доцента (нынѣ экстраординарный профессоръ сверхъ штата) *Н. Т. Туницкій* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и литературная дѣятельность". Сергіевъ Посадъ. 1913 г. (кандидатское сочиненіе его на тему: „Св. Климентъ Величскій. Его жизнь и литературная дѣятельность"—удостоено было Совѣтомъ Академіи преміи имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 р.); в) и. д. доцента (нынѣ—экстраординарный профессоръ) Академіи *священникъ И. В. Гумилевскій* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Св. Апостола Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ". Сергіевъ Посадъ, 1913 г. (кандидатское сочиненіе его на тему: „Ученіе Апостола Павла о Любви"—преміи удостоено не было); г) и. д. доцента (нынѣ—доцентъ) Академіи *Н. Д. Протасовъ* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI глл. книги Дѣяній по греческому тексту". Москва, 1913 г. (кандидатское сочиненіе его на тему: „Св. Ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы (Дѣяній XXV—XXVI главы)"—удостоено было Совѣтомъ Академіи преміи „имени XXIX курса" въ 60 р.) и д) и. д. доцента Академіи *іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)* за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе". Сергіевъ Посадъ, 1913 г. (кандидатское сочиненіе его на тему: „Книга пророка Аввакума. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе"—удостоено было Совѣтомъ Академіи преміи имени протоіерея А. И. Невоструева въ 157 р.).

3) Положенія о преміи *Епископа Курскаго Михаила:—а) §§*

3—7: „Премію назначаетъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, Митрополита Московскаго.—На соисканіе преміи поступаютъ, согласно завѣщанію, печатныя сочиненія по Священному Писанію.—На соисканіе преміи поступаютъ только тѣ сочиненія, которыя принадлежатъ или преподавателямъ Московской Духовной Академіи, или лицамъ, получившимъ воспитаніе въ сей Академіи.—Премія можетъ быть удостоено сочиненіе въ томъ случаѣ, если авторъ получилъ за свое произведеніе какую-либо другую меньшую премію; если же онъ получилъ премію бо́льшую, то его сочиненіе не можетъ быть удостоено преміи Епископа Михаила.—Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно, ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ Совѣтъ, чрезъ Предсѣдателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія"; *б*) *§§ 9—11*: „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, предложенныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе преміи.—Если въ какомъ-нибудь году не будетъ предложено сочиненій на соисканіе преміи, то премія отлагается до слѣдующаго года.—Премія, оставшаяся отъ предыдущаго года, можетъ быть соединена, по усмотрѣнію Совѣта, съ преміею текущаго года и составившаяся изъ двухъ премій сумма въ 500 рублей (нынѣ въ 402 р.) можетъ быть присуждена за одно сочиненіе, но болѣе 500 рублей не можетъ быть назначено въ премію за сочиненіе".

Опредѣлили: 1) Труды ординарнаго профессора Академіи *А. А. Спасскаго* („Эллинизмъ и христіанство") и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* („Древне-русскій духовникъ") имѣть въ виду при присужденіи въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта Академіи преміи *Митрополита Московскаго Макарія* за лучшіе печатные труды наставниковъ Московсковской Духовной Академіи, а труды доцента Академіи *Н. Д. Протасова* („Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы") и и. д. доцента *іеромонаха Варѳоломея* („Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе")—при назначе-

ніи въ томъ же собраніи Совѣта премій *Епископа Курскаго Михаила* за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.—2) Магистерскія диссертаціи экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *Н. Л. Туницкаго* и *священника И. В. Гумилевскаго*, доцента *Н. Д. Протасова* и преподавателя Волынской духовной семинаріи *О. С. Владимірскаго* (подъ вышеуказанными заглавіями)—допустить къ соисканію преміи *Митрополита Московскаго Макарія* за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „26 февр. 1914. Исполнить".

28 марта 1914 года.

№ 3.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—С. И. Соболевскій. А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: **1**. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „23 янв. 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 января за № 1308:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Ноября 1913 года № 598, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной, кандидата богословія, *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* въ степени магистра

богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе", и въ должности доцента названной академіи по занимаемой имъ, іеромонахомъ Варѳоломеемъ, второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, и 2) отзывъ о помянутомъ сочиненіи присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Черниговскаго, отъ 13 Января 1914 года № 316. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Черниговскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи іеромонаха Варѳоломея (Ремова) въ степени магистра богословія за помянутое сочиненіе и въ должности доцента названной академіи по занимаемой имъ, іеромонахомъ Варѳоломеемъ, второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „21 марта 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 марта за № 4924:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 4) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 5 Февраля 1914 г. за № 69, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ степени магистра богословія *протоіерея* Московскаго Казанскаго собора, профессора Императорской Московской Консерваторіи и Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II, кандидата богословія, *Василія Металлова*, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Богослужебное пѣніе Русской церкви въ періодъ домонгольскій, по историческимъ, археологическимъ и палеографическимъ даннымъ. М. 1912 г." и 2) отзывъ о семъ сочиненіи присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Финдляндскаго, отъ 13 Марта 1914 г. Приказали: Согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финдляндскаго, Святѣйшій Синодъ, во уваженіе ходатайства Совѣта Императорской Московской духовной

академіи, опредѣляетъ: кандидата богословія, протоіерея Московскаго Казанскаго собора Василія Металлова утвердить въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Изготовить для *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* и *протоіерея Василія Металова* магистерскіе дипломы и выдать ихъ по принадлежности.—2) Объ утвержденіи іеромонаха Варѳоломея въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ послужной его списокъ.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 20 января 1914 года, № 1: „5 февр. 1914. Исполнить".

б) 21 января 1914 года, № 2: „26 февр. 1914. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Блаженнѣйшаго *Григорія IV*, Патріарха Антіохіи и всего Востока, отъ 22 февраля за № 456:

„Привѣтствуемъ Васъ святымъ во Христѣ братскимъ лобзаніемъ и шлемъ отеческое благословеніе и благопожеланія Высокочтимому Профессорскому персоналу Вашей Богохранимой Академіи и возлюбленнымъ студентамъ.

Получивъ присланный Совѣтомъ руководимой Вашимъ Преосвященствомъ Императорской Московской Духовной Академіи высокій дипломъ на званіе Почетнаго Члена оной Академіи за № 554, выражаемъ въ лицѣ Васъ, Возлюбленный о Господѣ братъ, всему Глубокочтимому Совѣту Академіи искреннюю благодарность за оказанную незаслуженную честь столь высокаго званія.

Горячо молимъ Источника истинной премудрости и знанія Господа Бога, да благословитъ Онъ Вашу дружную семью, да возраститъ Ваше святое дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія и богословско-научной подготовки юношества и да благопоспѣшествуетъ Вамъ въ Вашей дѣятельности и жизни, даруя обиліе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ на благое созиданіе святой Церкви.

Въ заключеніе просимъ святыхъ Вашихъ себѣ и нашей паствѣ молитвъ предъ священной ракой со святыми мощами

Великаго Лаврскаго заступника Преподобнаго Сергія и остаемся съ горячей братской любовью и глубокимъ почтеніемъ"...

Опредѣлили: Письмо Его Блаженства хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

IV. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1914 года, изъ коихъ видно, что: 1) Въ *январѣ* мѣсяцѣ— *а) по болѣзни*: экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ опустилъ 12 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій—7 лекцій, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ и экстраординарный профессоръ священникъ И. В. Гумилевскій—по 6 лекцій, и. д. доцента А. М. Туберовскій—4 лекціи, экстраординарный профессоръ священникъ В. Н. Страховъ, и. д. доцента В. П. Виноградовъ—по 3 лекціи и экстраординарный профессоръ священникъ Д. В. Рождественскій — 2 лекціи; по *б) по нахожденію въ отпускѣ*: экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—5 лекцій.—

2) Въ *февралѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* лекторъ англійскаго языка священникъ Н. А. Преображенскій опустилъ 4 лекціи, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ священникъ И. В. Гумилевскій—по 3 лекціи, ординарный профессоръ А. А. Спасскій, экстраординарные профессоры И. В. Поповъ и С. И. Смирновъ—по 2 лекціи; *б) по случаю исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя въ Окружномъ судѣ*: ординарный профессоръ С. И. Соболевскій—4 лекціи; *в) по нахожденію въ отпускѣ:* экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—7 лекцій.—

3) Въ *мартѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни*: ординарный профессоръ А. А. Спасскій опустилъ 18 лекцій, ординарный профессоръ М. М. Богословскій—7 лекцій, ординарный профессоръ А. И. Алмазовъ—5 лекцій, и. д. доцента священникъ І. М. Смирновъ и лекторъ англійскаго языка священникъ Н. А. Преображенскій—по 4 лекціи; экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и священникъ И. В Гумилевскій—по 3 лекціи, о. Инспекторъ Академіи, архимандритъ Иларіонъ, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и экстраординарный профессоръ священникъ В. Н. Страховъ—по 2 лекціи: *б) по случаю исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя въ*

Окружномъ судѣ: экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

V. Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи, кандидата богословія, *священника П. А. Флоренскаго* подъ заглавіемъ: „О духовной истинѣ. Опытъ православной Ѳеодицеи“ („Столпъ и Утвержденіе Истины“). Москва, 1912 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

1) Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„Интересующимся новинками книжнаго рынка вѣроятно извѣстна появившаяся не такъ давно книга о. Павла Флоренскаго подъ заглавіемъ „Столпъ и Утвержденіе Истины“ Опытъ православной Ѳеодицеи въ 12-ти письмахъ. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что разсматриваемая нами книга и эта послѣдняя при своемъ сходствѣ даже въ заглавіяхъ не тождественны въ объемѣ своего содержанія. Послѣдней, т. е. нами разсматриваемой, не достаетъ въ сравненіи съ первой цѣлыхъ четырехъ большихъ главъ съ примѣчаніями и поясненіями къ нимъ. Упоминаемъ объ этомъ исключительно съ той цѣлью и потому, чтобы предупредить возможность отожествленія кѣмъ-нибудь этихъ 2-хъ книгъ, изъ коихъ нами разсматриваемая напечатана еще въ 1912 г., а „Столпъ и Утвержденіе Истины“ только въ 1914 г.; тѣмъ болѣе, что эти, недостающія нашей книгѣ, главы въ богословскомъ отношеніи особенно интересны и могутъ давать какъ бы исходную точку отправленія для опредѣленной оцѣнки и всей книги съ богословской точки зрѣнія преимущественно. Объ этой книгѣ уже и высказывались въ печати мнѣнія съ богословской и философской точекъ зрѣнія; надѣемся они извѣстны. Замѣтимъ только, что центръ тяжести сужденій и мнѣній объ этой книгѣ вовсе не сосредоточивался на тѣхъ главахъ, коихъ не достаетъ нашей книгѣ, а главнымъ образомъ на тѣхъ, кои входятъ въ нашу книгу и составляютъ ея исключительное содержаніе. Такимъ образомъ, авторъ, представляя свою книгу въ Совѣтъ въ меньшемъ объемѣ противъ изданной недавно, очевидно существо дѣла въ ней

уже высказалъ, а потому все характерное для его религіозно-философскаго мышленія въ ней очевидно имъ выражено. Это такъ и на самомъ дѣлѣ.

Авторъ хочетъ говорить въ разсматриваемой нами книгѣ „о духовной истинѣ“, хочетъ найти „столпъ и утвержденіе истины“, какъ видно изъ самаго заглавія книги. Эту задачу онъ и осуществляетъ вполнѣ въ тѣхъ семи главахъ, изъ коихъ состоитъ эта его книга (1 гл. Сомнѣніе, 2-я гл. Тріединство, 3-я гл. Свѣтъ Истины. 4-я гл. Утѣшитель, 5-я гл. Противорѣчіе, 6-я гл. Грѣхъ, 7-я гл. Тварь съ добавленіемъ къ сему обращенія къ читателю, и примѣчаніями), такъ что читатель остается совершенно удовлетвореннымъ со стороны законченности самаго труда и полноты раскрытія выдвинутыхъ книгой вопросовъ; другое дѣло, остается ли онъ удовлетвореннымъ по существу самыхъ сужденій автора и тѣхъ основныхъ положеній, кои устанавливаются авторомъ въ книгѣ, а равно вопросъ и въ томъ, готовъ ли читатель признать безспорнымъ самый ходъ сужденій автора и тѣ окончательные выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ своей книгѣ. Тутъ дѣло конечно личнаго вкуса и мнѣнія, какъ о всякой другой книгѣ, какъ и о всякой другой вообще вещи. По должности оффиціальнаго рецензента предлагаю Совѣту и свое личное мнѣніе объ этой интересной какъ для богослова, такъ и для философа книгѣ.

Книга о. Павла удивительно оригинальна и своеобразна и по содержанію, и по построенію, и по своему стилю,—вотъ первое впечатлѣніе отъ нея. Заглавіе книги, несомнѣнно, опредѣляетъ задачу книги, несомнѣнно также опредѣляетъ, во всякомъ случаѣ естественно, чтобы опредѣляло, и содержаніе книги. Такъ по крайней мѣрѣ привыкъ ожидать этого читатель, да такъ, кажется, обычно дѣлаетъ и всякій авторъ. У о. Павла оригинальность и своеобразность книги начинается уже отсюда. „О Духовной Истинѣ“, иначе „Столпъ и Утвержденіе Истины“, вотъ какъ называется его книга. Этому вполнѣ отвѣчаетъ и указываемая самимъ авторомъ совершенно опредѣленно задача его труда въ обращеніи къ читателю. „Живой религіозный опытъ, какъ единственный законный способъ познанія догматовъ“, такъ мнѣ хотѣлось бы выразить общее стремленіе моей книги, говоритъ авторъ (3 стр.). Православному человѣку, особенно богослову, ко-

нечно излишне пояснять, что догматы есть откровенныя христіанскія истины, къ которымъ и приложимо наименованіе *духовныхъ истинъ* по преимуществу въ отличіе отъ всякихъ другихъ истинъ человѣческихъ, научныхъ или обще-житейскихъ, извѣстно также, что это духовное и востязуется духовно по апостолу и что только духовный человѣкъ пріемлетъ то, что отъ Духа Божія и что всякое вѣдѣніе о Богѣ есть удѣлъ нравственной чистоты (чистіи сердцемъ Бога узрятъ). Посему и приступая къ чтенію книги съ такимъ опредѣленнымъ заглавіемъ, какъ книга о. Павла „О Духовной Истинѣ", всякій вполнѣ можетъ удовлетворяться такимъ точнымъ соотвѣтствующимъ заглавію книги опредѣленіемъ со стороны автора задачи своего труда и въ дальнѣйшемъ можетъ ожидать ничего иного, какъ разсужденій о христіанскихъ догматахъ и о религіозномъ опытѣ, какъ пути къ ихъ познанію. Задача труда, повторяемъ, указана авторомъ на первой же строкѣ книги въ полномъ соотвѣтствіи съ заглавіемъ. Далѣе: въ числѣ христіанскихъ догматовъ есть догматъ и о Церкви, такъ что, если наименованіе книги „Столпъ и Утвержденіе Истины" понимать какъ болѣе частное опредѣленіе задачи труда, сравнительно съ тѣмъ, что дается въ наименованіи „О Духовной Истинѣ", то читатель вправѣ ожидать въ дальнѣйшемъ у автора разсужденія о церкви, такъ какъ вѣдь и самое выраженіе „Столпъ и Утвержденіе Истины", прилагаемое апостоломъ къ церкви (1 Тимоѳ. 3, 15), къ ней и можетъ только отсылать христіанскую мысль. Самое уже содержаніе книги должно показывать, разсуждаетъ ли авторъ о церкви, какъ объ одномъ изъ предметовъ догматическаго христіанскаго ученія, или какъ объ одной изъ духовныхъ истинъ и о познаніи этой истины живымъ религіознымъ опытомъ, или онъ разсуждаетъ о церкви, какъ сокровищницѣ и утвержденіи истины, согласно мысли апостола и святыхъ отецъ. Такъ или иначе, но читатель вправѣ ожидать отъ книги, что въ ней будетъ рѣчь о церкви. Да и самъ авторъ не устраняетъ изъ сознанія читателя идеи церкви, а, напротивъ, даетъ полное основаніе думать, что онъ будетъ говорить о церкви, какъ вмѣстилищѣ тѣхъ „духовныхъ сокровищъ" (выраженіе автора), кои познаются живымъ религіознымъ опытомъ, къ коимъ принадлежатъ и догматы церковные (См. къ читателю 1 стр. ср., 1 и 2-я гл.).

Итакъ, религіозный опытъ, догматы христіанскіе, церковь Христова,—вотъ тѣ основные пункты или предметы, которые, кажется, ясно опредѣляются самимъ авторомъ, какъ задача его труда въ наименованіяхъ самой книги и въ первыхъ ея строкахъ: раскрытія ихъ вправѣ ожидать и читатель.

И однако въ трудѣ автора сразу нѣтъ спеціальной рѣчи ни о догматахъ, ни о религіозномъ опытѣ, той рѣчи, какую мы обычно привыкли слушать или читать въ сочиненіяхъ, посвященныхъ указаннымъ темамъ. Вотъ почему быть можетъ и самъ авторъ, перечитывая потомъ свой трудъ и сопоставляя все сказанное въ книгѣ съ ея наименованіями и съ тѣмъ, что онъ сказалъ о задачѣ труда въ первыхъ строкахъ обращенія къ читателю, потомъ въ послѣсловіи къ другой книгѣ „Столпъ и Утвержденіе Истины", разнящейся отъ нашей книги только 4-мя новыми добавочными главами и преимущественно богословскаго характера, въ частности заключающими и сужденія о церкви (см. „Послѣсловіе"), долженъ былъ сознаться, что со стороны содержанія его книга выполняетъ другую задачу, именно: она рѣшаетъ вопросъ *„какъ возможенъ разсудокъ?"* „Попытку дать отвѣтъ на поставленный вопросъ представляетъ вся настоящая работа въ цѣломъ ея объемѣ", говоритъ тамъ самъ авторъ. А что авторъ совершенно правъ въ этомъ своемъ утвержденіи относительно своей книги и что высказанное нами выше мнѣніе объ ея содержаніи не голословно и чтобы намъ не навязать ему своихъ мыслей,—отсылаемъ читателя къ „Послѣсловію" книги „Столпъ и Утвержденіе Истины", гдѣ конспективно, но вполнѣ опредѣленно, послѣдовательно и точно переданъ весь ходъ мыслей автора и дана имъ самимъ какъ бы краткая схема его труда, главнымъ образомъ въ приложеніи къ первымъ 7-ми главамъ труда, общимъ съ нашей книгой. „Теперь въ концѣ немалаго пути, такъ начинаетъ авторъ свое послѣсловіе, умѣстно оглянуться вспять и съ достигнутой высоты осмотрѣть путь свой и точку отправленія". Что же онъ видитъ „съ достигнутой имъ высоты", и каковъ путь, совершенный его мыслію? „Есть два міра, говоритъ авторъ, этотъ и тотъ, первый весь разсыпается въ противорѣчіяхъ, если не живетъ силами второго... Эти противорѣчія—антиноміи и въ нашемъ существѣ, какъ и во всей твари, они въ нашей волѣ, въ чувствѣ, въ разсудкѣ... Разсмотримъ

разсудокъ нашъ. Онъ не цѣленъ, онъ разсыпается въ антиноміяхъ и ихъ такъ же много, какъ и актовъ разсудка... Однако въ существѣ своемъ антиноміи разсудка приводятся къ диллемѣ: конечность или безконечность... въ разсудкѣ статика его и динамика его исключаютъ другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не могутъ быть другъ безъ друга... Первая есть законъ тожества и какъ одна изъ нормъ разсудка требуетъ остановки мысли, вторая есть законъ достаточнаго основанія и, какъ норма разсудка, требуетъ безпредѣльнаго движенія"... Разсудокъ равно нуждается въ обѣихъ своихъ нормахъ, и ни безъ одной, т. е. безъ начала конечности,— ни безъ другой, т. е. безъ начала безконечности—работать не можетъ. Онъ не можетъ работать однако и при пользованіи обѣими ими, ибо они не совмѣстны. Нормы разсудка необходимы, но они невозможны. Разсудокъ оказывается такимъ образомъ насквозь антиномическимъ въ своей тончайшей структурѣ". Какъ же возможенъ разсудокъ? „Разсудокъ возможенъ не самъ въ себѣ, а чрезъ предметъ своего мышленія и именно въ томъ и только въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ такой объектъ мышленія, въ которомъ оба противорѣчащіе законы его дѣятельности, т. е. законъ тожества и достаточнаго основанія совпадаютъ", другими словами, онъ возможенъ лишь при такомъ мышленіи, при которомъ обѣ основы—разсудокъ, т. е. начало конечности, и начало безконечности—становятся на дѣлѣ одною"... Иначе: „разсудокъ возможенъ, если дана ему абсолютная актуальная безконечность". Такимъ объектомъ мышленія, дѣлающимъ разсудокъ возможнымъ, является, по автору, Тріипостасное Единство. Тріипостасное Единство есть „корень разума" и разсудокъ возможенъ потому, что есть Трисіятельный Свѣтъ и постольку, поскольку онъ живетъ Его свѣтомъ".

Дальнѣйшей задачей автора было выяснить, каковы формальныя и реальныя условія данности таковаго объекта. Вопросъ „о вѣрѣ вѣруемой—перешелъ въ вопросъ о вѣрѣ вѣрующей" къ образу ея возникновенія. „Выяснивъ, *что* вѣры (т. е. Тріединство какъ предметъ вѣры) и „какъ" (т. е. доказавъ, что Тріединство можетъ быть воспринято только вѣрой, а не разсудкомъ), авторъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ—объ *условіяхъ* возникновенія вѣры. „Геенна" или „подвигъ вѣры" tertium non datur: вотъ

чѣмъ обусловливается возникновеніе вѣры по автору. Но то и другое средство имѣетъ въ основѣ своей двойственную природу имѣющаго увѣровать. Этою-то двойственностію теперь и было необходимо заняться далѣе. Это авторъ дѣлаетъ преимущественно въ двухъ послѣднихъ главахъ своего труда подъ заглавіемъ Грѣхъ (6-я гл.) и Тварь (7-я гл.), объясняя движеніе человѣческаго сознанія къ Трисіятельной Истинѣ.

Мы нарочно, отчасти словами автора изъ послѣсловія книги „Столпъ и Утвержденіе Истины", изложили схему его труда, чтобы избѣжать быть можетъ менѣе точнаго изложенія совершенно тѣхъ же мыслей автора по тексту содержанія 1, 2, 3, 4 гл. разсматриваемаго нами сочиненія и чтобы показать тѣ основные пункты и вопросы, на которыхъ держится мысль автора и въ томъ имѣть оправданіе высказаннаго нами впечатлѣнія: это схематическое изложеніе хода его мысли намъ необходимо и для дальнѣйшаго, такъ какъ придется имѣть дѣло съ содержаніемъ самой книги.

Итакъ, вопросъ о разсудкѣ въ его основныхъ нормахъ дѣятельности и въ отношеніи его къ истинѣ и вопросъ о вѣрѣ, воспріемлющей истину, вотъ, что составляетъ основное содержаніе книги автора. Но почему же онъ, выдвигая идею церкви въ заглавіи книги, идею христіанскихъ догматовъ, какъ духовныхъ истинъ и путь духовнаго опыта къ ихъ постиженію, въ самой книгѣ какъ бы уклоняется отъ этой задачи. Нельзя же, вѣдь, на самомъ дѣлѣ того, что онъ говоритъ собственно прямо о церкви въ книгѣ считать изложеніемъ богословскаго ученія о церкви: даже болѣе того: авторъ, упомянувъ вполнѣ опредѣленно въ обращеніи къ читателю, о церкви, какъ вмѣстилищѣ духовныхъ сокровищъ, нарочито и сознательно налагаетъ печать молчанія на свои уста и рекомендуетъ въ качествѣ пути къ познанію этихъ сокровищъ только духовный непосредственный опытъ (3 стр.). Конечно, авторъ могъ бы говорить тогда о церкви съ точки зрѣнія духовнаго опыта своего или чужого, о которомъ онъ знаетъ, такъ какъ, вѣдь, если есть этотъ духовный опытъ, какъ нѣкое жизненное богатство, то несомнѣнно можно и говорить и раскрывать этотъ самый опытъ, во всякомъ случаѣ что-нибудь можно говорить объ этомъ опытѣ въ приложеніи къ идеѣ церкви. „Но кто я, чтобы писать о духовномъ, говоритъ авторъ. Ни я, никто другой, продолжаетъ онъ, и не

сможетъ опредѣлить что такое церковность". Однако, все же, по его мнѣнію, „церковность есть особая, новая жизнь, данная человѣку, но подобно всякой жизни недоступная разсудку". Еще точнѣе: „церковность, по нему, есть новая жизнь въ Духѣ (разумѣется, Святомъ), а церковь согласно апостолу есть тѣло Христово, полнота наполняющаго все во всемъ" (Еф. 1, 23). Авторъ указываетъ даже критерій правильности этой церковности какъ новой жизни, именно, „красота" (стр. 7). Кажется, уже изъ этихъ опредѣленій автора церкви и церковности, какъ изъ вполнѣ опредѣленныхъ богословскихъ идей, по существу вполнѣ православныхъ и догматически вѣрныхъ, можно было исходить къ построенію цѣлой богословской концепціи о Церкви. Однако авторъ на восьми (8) страницахъ своего обращенія къ читателю неоднократно и съ возрастающей настойчивостью продолжаетъ утверждать о недоступности для человѣческаго разсудка понятія церковности, о невозможности для него опредѣлять и раскрывать ее и о единственной возможности постичь ее только пріятіемъ въ свою жизнь самой стихіи церковности. „Истинная церковность—православіе—показуется, а не доказуется", говоритъ авторъ и рѣшительно отсылаетъ всякаго желающаго понять православіе (т. е. истинную церковность) прямо къ духовному опыту. Этимъ указаніемъ на необходимость опыта онъ и ограничиваетъ пока свои сужденія и о самомъ духовномъ опытѣ, и о церковности. Все это несомнѣнно вѣрно и съ православной точки зрѣнія не только пріемлемо, но иначе и быть не можетъ, однако не избавляетъ читателя отъ назойливости приблизительно такихъ вопросовъ и недоумѣній: если церковность есть особая, новая жизнь въ Духѣ, то развѣ нельзя эту жизнь дѣлать предметомъ теоретическаго разсмотрѣнія на основѣ данныхъ духовнаго опыта своего или чужого? развѣ процессъ этой жизни и ея законы недоступны для раскрытія? развѣ нѣтъ иного болѣе опредѣленнаго критерія правильности этой жизни, чѣмъ выдвигаемая авторомъ духовная красота, которую способны разобрать, по словамъ автора, только особые мастера этого дѣла? Какъ и всякая человѣческая жизнь слагается при участіи всѣхъ наличныхъ силъ человѣческаго духа, такъ и въ приложеніи къ церковности должна быть и несомнѣнно есть полнота участія въ ней всѣхъ силъ человѣческой личности, теоре-

тическихъ и практическихъ, почему и въ церкви есть откровенное ученіе, о которомъ дана заповѣдь: „шедше научите вся языки.....“, есть и Символъ вѣры, какъ критерій истинной церковности, есть и частнѣйшія указанія этихъ признаковъ истинности православной вѣры, вродѣ того наставленія, которое даетъ апостолъ Іоаннъ: „всякъ не исповѣдующій Іисуса Христа, во плоти пришедша, есть антихристъ“; и дѣлами жизни доказывается или показывается не иное что какъ исповѣданіе вѣры, (какъ это говорятъ апостолы Іаковъ и Іоаннъ) и жизнь въ Духѣ можетъ быть воспріемлема не только какъ красота, но и какъ истина и Добро, могущіе быть критеріемъ для самой духовной красоты и сами имѣющіе критерій своей истинности въ откровеніи и разумѣ церковномъ. И однако, повторяемъ, самъ авторъ, давши движеніе мысли читателя въ указанныхъ направленіяхъ своимъ опредѣленіемъ идеи церкви и церковности, рѣшительно отказывается отъ дальнѣйшаго приложенія и продолженія своихъ сужденій, о церкви, какъ дѣла даже „безполезнаго“ (стр. 5 и 6).

Сказанное въ приложеніи къ идеи церкви можно (цѣликомъ) относить и къ идеѣ духовной истины, какъ предмету изслѣдованія автора. Авторъ не опредѣляетъ, что онъ разумѣетъ подъ духовной истиной въ отличіе отъ недуховной; опредѣленіе истины „истина есть интуиція—дискурсія“ (39) вовсе не есть у него результатъ духовнаго опыта въ приложеніи къ христіанскому догмату, на которомъ (т. е. на опытѣ) онъ настаиваетъ; внѣ этого же опыта стоитъ у него и чисто православное построеніе понятія объ истинѣ; „что истина есть сущность о трехъ ипостасяхъ“ (45). Авторъ пользуется въ приложеніи къ вопросу объ истинѣ терминами христіанскими—какъ то неожиданно для читателя, изслѣдуя разсудокъ въ его нормахъ и въ его отношеніи къ истинѣ, предполагая „загодя“, выразимся словомъ автора, въ читателѣ способность понимать и восполнять недоговоренное имъ. Читателю предоставляется самому догадываться, что истина, опредѣляемая авторомъ въ формулѣ христіанскаго догмата (тріединство), но выводимая какъ логическое построеніе изъ разсмотрѣнія нормъ разсудка, дѣлается или можетъ быть называема духовной потому, что воспринимается вѣрой въ атмосферѣ надежды и любви, вѣрнѣе дается Св. Духомъ (гл. 3, 4 и особ. 5). Конечно здѣсь бы и умѣстно было го-

ворить о духовномъ опытѣ какъ процессѣ жизни, уясняющемъ истину и о тріединствѣ какъ духовной истинѣ, которую ищетъ авторъ. Однако онъ говоритъ здѣсь о духовномъ опытѣ какъ пути познанія догматовъ — духовныхъ истинъ; не въ смыслѣ цѣльнаго процесса жизни, а имѣетъ въ виду выясненіе основныхъ христіанскихъ настроеній вѣры, надежды, любви въ ихъ отношеніи къ пріятію истины; при чемъ о надеждѣ только упоминается какъ бы мимоходомъ, а рѣчь о духовной истинѣ замѣняется сужденіями о предметахъ относящихся къ духовной жизни (гл. 5, 6 и 7). Такъ богословская мысль читателя, привыкшая отправляться отъ извѣстныхъ опредѣленныхъ богословскихъ терминовъ, въ направленіи тоже опредѣленныхъ богословскихъ идей должна въ сочиненіи автора сдѣлать непривычную для нея своеобразную работу, чтобы все-таки признать вмѣстѣ съ авторомъ въ заключеніе его труда, что цѣль его работы достигнута, т. е. духовная истина показана и столпъ и утвержденіе истины для человѣческаго сознанія ясенъ. И мы дѣйствительно можемъ, несмотря на все сказанное выше, прочитавши книгу о. Павла и совершивши совсѣмъ непривычный для богословской мысли путь, сказать: авторъ написалъ о томъ, о чемъ онъ хотѣлъ писать и что выразилъ въ самомъ заглавіи книги, онъ утвердилъ и уяснилъ въ нашемъ сознаніи абсолютную цѣнность духовной истины (именно тріединства, какъ основного христіанскаго догмата) и утвердилъ въ нашемъ сознаніи Церковь, какъ единое утвержденіе и столпъ абсолютной истины. И если бы насъ спросили, почему же авторъ сдѣлалъ это какъ бы нѣсколько не обычнымъ путемъ, можемъ объяснить указаніемъ на то, кому собственно предназначаетъ авторъ свой трудъ. „Если я придаю нѣкоторое значеніе своимъ письмамъ (т. е. своей книгѣ, состоящей изъ писемъ), то исключительно подготовительное, для оглашенныхъ, пока у нихъ не будетъ прямого питанія изъ рукъ матери—значеніе, какъ огласительныхъ словъ во дворѣ церковномъ“ (стр. 5 къ читателю). Да, для стоящихъ еще во дворѣ церковномъ и можно говорить о духовномъ и объяснить это духовное только такимъ путемъ, какимъ говоритъ въ книгѣ авторъ. Можно, спускаясь какъ бы до нихъ, принимая и то, что они принимаютъ какъ несомнѣнное, въ частности разсудокъ, какъ абсолютнаго монарха въ

дѣлѣ истины, разрушать тѣ опоры ихъ жизни, на коихъ они утверждаются, можно показать нелѣпость ихъ упованій и какъ бы сократовскимъ чисто методомъ помочь родиться имъ для высшей истины. Авторъ буквально беретъ какъ бы этихъ оглашенныхъ со всею немощью ихъ разсудочнаго богатства на свои уже окрѣпшіе въ духовномъ смыслѣ плечи и неожиданно для нихъ самихъ, знакомыми для нихъ все-таки путями приводитъ къ отреченію отъ своей мнимой истины къ принятію трисіятельнаго свѣта. Авторъ какъ бы питаетъ ихъ млекомъ, чтобы они возрасли до принятія твердой пищи, ибо съ душевными нельзя говорить языкомъ выработанныхъ богословскихъ концепцій, нужно къ этому ихъ приготовить и приготовить такъ, чтобы они уже не могли оглядываться вспять. Авторъ это и выполнилъ прекрасно въ своей книгѣ. Въ томъ и оригинальность и своеобразность его книги, повторяемъ, что авторъ, указавъ въ наименованіи ея опредѣленную задачу, далѣе какъ бы отступаетъ отъ нея, а въ результатѣ получаетъ именно то, что онъ хотѣлъ сдѣлать. Пусть читатель не поддается, какъ и намъ думалось сначала, тому легкому объясненію, которое напрашивается само собой на основаніи словъ автора, что его книга состоитъ изъ *набросковъ*, писанныхъ въ разныя времена и подъ разными настроеніями (3 стр.), и будто авторъ просто забывалъ свою цѣль. Это, правда, отразилось нѣкоторымъ образомъ въ книгѣ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы доселѣ говорили. Намъ хочется даже сказать, что книгой автора иллюстрируется какъ бы тотъ законъ тожества или самотожества въ высшей его формѣ, о которомъ онъ говоритъ въ 1-й и 2-й гл. своего труда, въ частности на стр. 43, что А бывая не — А въ этомъ находитъ свое утвержденіе какъ А. Такъ и у него въ книгѣ: предметъ его сочиненія, какъ бы переставая быть предметомъ содержанія его книги, утверждаетъ себя со всей ясностью. Можетъ быть это одна изъ многочисленныхъ антиномій, о которыхъ говоритъ авторъ, такъ удачно имъ разрѣшаемая. Это еще не все. Обратимся къ самому содержанію его книги.

Мы уже раньше изложили словами самого автора схему его труда. Эта схема развертывается у автора почти на 300 страницахъ книги въ чрезвычайное богатство философскихъ и богословскихъ концепцій, весьма тонкихъ филологическихъ

наблюденій и выводовъ изъ нихъ, въ тончайшій анализъ законовъ логическаго мышленія и своеобразное приведеніе къ объединенію разнообразныхъ продуктовъ мысли древнихъ философовъ и мыслей святыхъ отцовъ; все это у автора удивительно спаяно въ единствѣ задуманной цѣли труда и проникнуто живымъ чувствомъ самаго искренняго убѣжденія. И только на счетъ скромности автора, несомнѣнно, слѣдуетъ относить его заявленіе въ книгѣ, „что онъ только набрасываетъ свои мысли, кажется больше чувствуетъ, нежели высказываетъ“: „я боюсь утверждать, говоритъ онъ, а предпочитаю спрашивать“ (см. стр. 121 и 123). Если это и справедливо въ какомъ-либо смыслѣ, то развѣ въ томъ, что авторъ дѣйствительно въ своемъ трудѣ болѣе анализируетъ и обнажаетъ элементы богословской и философской мысли, нежели строитъ послѣдовательную систему, и все-таки въ результатѣ у него получается совершенно опредѣленная концепція мысли, выношенная авторомъ, прочувствованная и продуманная глубоко. Въ раскрытіи схемы своего труда, особенно въ первой ея половинѣ, авторъ избралъ путь и способъ логическаго анализа и философскихъ концепцій, а богословскаго элемента въ первыхъ главахъ его труда не такъ много. Несомнѣнно это объясняется назначеніемъ его книги для „оглашенныхъ“, привыкшихъ къ мірской философіи, къ логистикѣ и къ философскому методу; объясняется это и тѣмъ, что онъ долженъ былъ сначала говорить въ своей книгѣ *о разсудкѣ* въ направленіи поставленнаго имъ вопроса: „какъ возможенъ разсудокъ“? и только далѣе съ главы 3-й у него прибываетъ богословскій элементъ и богословскій способъ мышленія. Конечно и этому вопросу о разсудкѣ, въ его бытіи и въ отношеніи къ познанію истины (авторъ, какъ увидимъ, и занимается собственно оцѣнкой разсудка со стороны познанія имъ истины) можно было придать рѣшеніе въ видѣ богословской концепціи преимущественно, можно было и въ приложеніи къ нему философствовать стоя на почвѣ чисто христіанскихъ идей и основныхъ положеній, высказанныхъ св. отцами, тѣмъ болѣе, что авторъ ихъ вовсе не чуждается. Вѣроятно авторъ знаетъ, что у преп. Исаака Сиріянина, котораго онъ самъ неоднократно цитируетъ въ сочиненіи, есть весьма глубокія разсужденія по вопросу о познаніи человѣческомъ, разсужденія глубоко философскія, но

на почвѣ христіанскихъ идей. Таковы преимущественно его слова о „трехъ вѣдѣніяхъ“ (сл. 25, 26, 27, 28, 29, изд. М. Д. А. 1893 г.), въ коихъ дается изъясненіе и природы разсудочнаго познанія, и цѣнности этого познанія. Какъ разъ автору это на тему, но почему то онъ совершенно опустилъ въ своей книгѣ мысли этого христіанскаго философа. Надѣемся извѣстенъ автору и другой великій христіанскій богословъ и мыслитель, у котораго есть не менѣе цѣнныя сужденія о разсудочномъ познаніи человѣка, чѣмъ у преп. Исаака Сиріянина — это св. Максимъ Исповѣдникъ. Вѣдь у него совершенно такое же почти отношеніе къ разсудку, какъ способу познанія истины, какъ и у автора, т. е. объясняется полная недостаточность и несовершенство разсудочнаго познанія. И примѣчательно то, что, какъ у преп. Исаака и Максима эта теорія познанія раскрывается изъ христіанской идеи грѣхопаденія и отсюда искаженія человѣка, такъ и нашъ авторъ, хотя показываетъ недостаточность разсудка въ дѣлѣ познанія истины изъ него же самого, т. е. изъ самаго же разсудка, но въ конечномъ итогѣ указываетъ причину этой недостаточности тоже въ грѣховной порчѣ. И однако у автора опять почему то обойденъ въ этомъ пунктѣ и св. Максимъ Исповѣдникъ. А развѣ не на тему автору такое, напр., сужденіе этого св. отца: „знай, что Адамъ первозданный созданъ былъ отъ Бога не воображательнымъ. Умъ его, чистый и безвидный, будучи и въ дѣятельности своей умомъ, не принималъ самъ вида или образа отъ воздѣйствія чувства или отъ образовъ вещей чувственныхъ; не употребляя этой низшей силы воображенія,... онъ высшею силой души, т. е. мыслію, чисто, невещественно и духовно созерцалъ однѣ чистыя идеи вещей или ихъ значенія мысленныя. Послѣ же грѣхопаденія Адамъ низринутъ былъ изъ мысленной оной, равноангельской, чистой, разумной и безобразной жизни въ эту чувственную, многосоставную, многовидную, погруженную въ образы и мечтанія. Этимъ своимъ воображательнымъ мечтаніемъ человѣкъ введенъ во всевозможныя заблужденія; нравоученія наполнились разными обольщеніями, философія многими лжеученіями, богословіе непотребными и нелѣпыми догматами и баснями, и не только древніе но и новѣйшіе мыслители, желая любомудрствовать о Богѣ и о божественныхъ, простыхъ и недо-

ступныхъ воображенію таинствахъ (ибо въ этомъ трудѣ должна работать высшая сила души — умъ), вмѣсто истины нашли ложь и такимъ образомъ вмѣсто богослововъ явились баснословами, предавшись по Апостолу въ „неискусенъ умъ“ (Рим. 1, 28)... вотъ почему, если хочешь улучить божественный свѣтъ и истину, обнажи умъ свой отъ *всякаго воображенія и памяти вещей чувственныхъ, плохихъ и хорошихъ*“. (см. „Невидимая Брань“ изд. 1904 г. 114—116 стр.) Думается, что автору все это на тему, въ частности о памяти, которой онъ посвящаетъ весьма достаточно вниманія въ 6 гл. своего труда. Мы понимаемъ, что авторъ писалъ для оглашенныхъ и потому долженъ былъ вводить въ ихъ сознаніе элементы богословской мысли и христіанскаго откровенія съ мудрой постепенностью; въ этомъ резонъ его отвлеченно-философской и логической концепціи и оправданіе указаннаго нами какъ бы опущенія. Но все же вѣдь авторъ въ ходѣ своихъ сужденій о разсудкѣ и объ истинѣ долженъ былъ въ поясненіе расколотости разсудка и всего бытія выдвинуть идею грѣха, чисто уже богословскую, пріемлемую конечно вѣрой, а не разсудкомъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ логическій разрывъ въ ходѣ своихъ разсудочныхъ концепцій и ввелъ сюда элементъ изъ иного богословскаго міра понятій. Можетъ быть и здѣсь нѣкоторая иллюстрація неизбѣжности въ этомъ мірѣ повсюду антиномій, о которыхъ такъ хорошо говоритъ авторъ въ своемъ трудѣ.

Но кажется пора уже подойти ближе къ содержанію книги автора.

Основная мысль книги автора, къ которой сводится все ея содержаніе и которая руководитъ всѣмъ ходомъ сужденій автора, въ конечномъ своемъ итогѣ можетъ быть по нашему мнѣнію выражена на богословскомъ языкѣ въ слѣдующемъ, извѣстномъ всякому, изреченіи Спасителя: „если пребудете въ словеси Моемъ, познаете истину и истина свободитъ вы“ (Іоан. 8, 32). Понятно конечно, что здѣсь утверждается необходимость *вѣры* во Христа и Его ученіе (принятіе и пребываніе въ Его словахъ, т. е. въ томъ, что Онъ говорилъ), *какъ пути къ познанію истины*, утверждается далѣе и слѣдствіе этого познанія истины—свобода. Какимъ путемъ Господь призывалъ къ вѣрѣ и доказывалъ ея необходимость,—мы конечно знаемъ изъ Евангелія; какъ приво-

дили къ вѣрѣ св. Апостолы, какъ строилась ихъ проповѣдь христіанской истины, мы знаемъ немного, но основной характеръ этой проповѣди все же знаемъ па основаніи того указанія, какое сдѣлалъ Ап. Павелъ, замѣтивъ о своей проповѣди, что „она *была не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы*“ (1 Кор. 2, 4) и что Христосъ послалъ его благовѣстить: „*не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ*“ (1 Кор. 1, 17). Жажда и исканіе истины была конечно и у современниковъ Христа и апостоловъ; это было даже характерною особенностью Эллиновъ, которые по слову апостола „премудрости ищутъ“ (1 Кор. 1, 22) и однако на путь премудрости въ дѣлѣ откровенія истины ни Христосъ, ни апостолы не становились, а напротивъ отрицали этотъ путь. Требовалась только и только свободная вѣра словамъ проповѣди, внѣ ея логическихъ предпосылокъ и доказательствъ, такъ какъ самая истина далеко выходила за предѣлы логическихъ построеній и выражала не идеальное устроеніе теоретически-познавательныхъ силъ человѣческаго ума, а единое реальное бытіе, дающее смыслъ и человѣческой личности („Я есмь путь, истина и жизнь“—говоритъ Христосъ), а вѣра утверждалась не какъ теоретико-гносеологическій принципъ въ приложеніи къ истинѣ, а какъ онтологическое начало, какъ даже рожденіе для новаго бытія, какъ сила, реально вводящая человѣка въ новое соотношеніе съ бытіемъ, и дѣйственная включительно до чудотвореній.

Та же самая мысль о вѣрѣ, какъ единомъ пути къ познанію истины и объ истинѣ, дающей намъ свободу, съ чрезвычайно сильнымъ и яркимъ поясненіемъ исполненія на мудрыхъ вѣка сего словъ писанія „погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну“ утверждается и всей книгой о. Павла, но раскрывается не въ стилѣ этой, приведенной нами на богословскомъ языкѣ формулѣ, а въ другой научной философской оболочкѣ, что даетъ нѣкоторую своеобразность и особенность основнымъ положеніямъ и сужденіямъ автора. „Не интуиція и не дискурсія даютъ вѣдѣніе истины, говоритъ авторъ на стр. 90 своей книги. Оно возникаетъ въ душѣ отъ свободнаго откровенія самой тріипостасной истины, отъ благодатнаго посѣщенія души Духомъ Святымъ. Начаткомъ такого посѣщенія бываетъ волевой

актъ вѣры, абсолютно невозможный для самости человѣческой и совершающійся чрезъ привлеченіе Отцомъ, Сущимъ на небесахъ“ (Іоан. 5, 44). Если эти слова автора дополнить еще тѣмъ, что онъ говоритъ примѣнительно къ словамъ Евангелія на стр. 19, что „познанная истина дѣлаетъ человѣка свободнымъ“; свободнымъ отъ всякаго грѣха, т.-е. отъ грѣха и въ области вѣдѣнія, ото всего, что неистинно, что не соотвѣтствуетъ истинѣ“, то въ нихъ можно имѣть краткое точное выраженіе содержанія книги автора въ его собственной концепціи и формулировкѣ.

Авторъ знаетъ, какъ знали это и проповѣдники христіанства, общее стремленіе къ истинѣ и потребность имѣть ее (см. стр. 9); знаетъ, что истины ищутъ и искали путемъ разсудочнаго познанія и разсудочныхъ построеній, ибо признаютъ за разсудкомъ и видятъ въ разсудкѣ конечную основу всякой истины, здѣсь же въ его законахъ утверждаютъ и критерій истины (гл. 1-я). И пока человѣкъ вѣритъ въ свой разсудокъ, какъ въ возможный путь для достиженія истины, ему невозможно отказаться отъ этого разсудка и ступить на иной путь воспріятія истины—путь вѣры. Авторъ знаетъ и это и, зная хорошо, что разсудокъ все равно никогда не можетъ привести къ истинѣ, къ истинѣ единой, божественной и абсолютной (см. 9 и 10 стр.), онъ и старается прежде всего въ своей книгѣ поразить разсудокъ насмерть (какъ онъ говоритъ) (стр. 50), чтобы тѣ самые „оглашенные и стоящіе во дворѣ церковномъ“, для которыхъ онъ пишетъ свою книгу, оставили этотъ разсудокъ, какъ негодный для познанія истины, обновились умомъ чрезъ подвигъ вѣры и въ этой вѣрѣ получили знаніе истины. Какъ же авторъ поражаетъ и ниспровергаетъ человѣческій разсудокъ съ пьедестала его величія, претендующаго на монополію истины? Разсмотрѣніемъ нормъ его дѣятельности. Разсудокъ можетъ принять что-либо за истину, если соблюдены условія достовѣрности истины. „Достовѣрность истины, по автору, есть интеллектуальное чувство принятія произносимаго сужденія въ качествѣ истиннаго“ (стр. 19) и выражается у обладающаго истиной въ состояніи полной удовлетворенности... Достигается такое состояніе удовлетвореніемъ сужденія о чемъ-либо извѣстному положенію, называемому мѣриломъ и критеріемъ истины“ (ibid.), такъ что вопросъ о достовѣрности истины

сводится къ вопросу о нахожденіи критерія истины. Такихъ критеріевъ истины въ разсудочномъ мышленіи два: законъ тожества –интуиція и законъ достаточнаго основанія—дискурсія; это двѣ основныя нормы дѣятельности разсудка на пути постиженія истины. Могутъ-ли они на самомъ дѣлѣ гарантировать человѣку истину? Нѣтъ не могутъ, говоритъ авторъ, и доказываетъ это путемъ тончайшаго логическаго анализа этихъ основныхъ нормъ разсудка. По закону тожества—интуиціи вся сила мышленія состоитъ въ томъ, чтобы всякое А разграничить отъ не-А и твердо держаться этого разграниченія. Вмѣстимо въ разсудокъ и отвѣчаетъ его требованіямъ лишь то, что выдѣлено изъ среды прочаго, что не смѣшивается съ прочимъ, что замкнуто въ себя и самотожественно (25 стр.).—говоритъ авторъ; это статическій планъ разсудка. По закону достаточнаго основанія дискурсіи—каждое А должно имѣть свою основу въ не-А; сущность всякаго доказательства именно въ приведеніи А къ тому, что само не есть А, къ не-А, ибо иначе объясненное было бы тождественнымъ. Это динамическій планъ разсудка—планъ устремленія его къ обосновкѣ понятія (стр. 29).

Мыслить ясно и отчетливо,—это значитъ подъ А разумѣть А и ничего болѣе; объяснять и доказывать,—это значитъ выходить мыслію за предѣлы А къ не-А. Мыслить ясно и отчетливо,—это значитъ стоять на А и не сбиваться съ него къ не-А (законъ тожества); объяснять, т. е. опредѣлять и доказывать,—это значитъ идти отъ А къ Б—къ тому, что не есть А (законъ дискурсіи—достаточнаго основанія). Но чтобы объяснять и доказывать А,—надо его сперва мыслить ясно и отчетливо, а для того, чтобы мыслить ясно и отчетливо, надо понимать это А, т. е. надо объяснять это А, т. е. опредѣлять, доказывать—надо устанавливать А какъ не-А; но для послѣдняго опять таки надо устанавливать А какъ А. Итакъ процессъ идетъ въ безконечность. Одна функція *разума(?)* предполагаетъ другую, но вмѣстѣ одна исключаетъ другую. Всякое ясное и отчетливое мышленіе устанавливаетъ тожество А=А; всякое не тожественное объясненіе приводитъ А къ не-А. Утвержденіе А какъ А и утвержденіе его какъ не-А—таковы два основные момента мысли. Съ одной стороны статическая множественность понятій, ибо каждое изъ многихъ А закрѣпляется въ своемъ противоположеніи всѣмъ

прочимъ; съ другой динамическое единство ихъ, ибо каждое изъ многихъ А приводится къ другому, это къ третьему и т. д. (см. гл. 1 и 2-я). Одинъ самъ по себѣ законъ тожества—интуиціи, какъ критерій истины, не достаточенъ: онъ говоритъ только одно: всякая данность есть она сама: всякое А есть А, но *почему*, не отвѣчаетъ, и поэтому изъ *есть* никакъ нельзя вывести *необходимо* (стр. 22). Если наличная данность является критеріемъ, то такъ вездѣ и всегда; поэтому всѣ взаимо-исключающія А, какъ данныя, истины — все истинно; но это приводитъ къ нулю значеніе закона тожества (23 стр.) и разсудочное по закону тожества есть въ то же время и *необъяснимое*, ибо объяснить А значитъ привести А къ не-А, вывести А изъ не-А; но если А дѣйствительно удовлетворяетъ требованіямъ разсудка и есть самотожественно, то тѣмъ самымъ и не приводимо къ другому, необъяснимо (25 стр.).

Итакъ, интуиція—законъ тожества—въ своей данности и реальности слѣпа и неразумна и достовѣрности дать не можетъ (26 стр.). Такъ же недостаточенъ въ смыслѣ критерія достовѣрности и законъ достаточнаго основанія—дискурсія.

По этому закону достовѣрность какого-нибудь сужденія полагается въ приводимости его къ другому сужденію. Въ другомъ сужденіи данное является какъ бы оправданнымъ въ своей правдѣ. Разумъ переходитъ отъ даннаго къ сужденію обосновывающему, а это послѣднее должно быть оправдано въ другомъ и такъ далѣе безъ конца, именно безъ конца (37 стр.). Авторъ особенно настаиваетъ на этой безконечности дискурсіи („дурной безконечности", какъ онъ выражается) и старается доказать эту свою мысль, дѣлая отсюда тотъ выводъ, что дискурсія въ качествѣ критерія истины не достаточна, ибо она является только *возможною* величиною, а не данною, хотя и разумною, т.-е. удовлетворяющею разумъ (28 стр.). Итакъ одинъ законъ разсудка—интуиція—законъ тожества—создаетъ слѣпую данность, данность неразумную, а дискурсія даетъ разумность, но только возможную, а не данную. Конечная интуиція и безграничная дискурсія—вотъ сцилла и харибда на пути разсудка къ достовѣрности, говоритъ авторъ (29 стр.); на пути разсудка выхода изъ этого положенія нѣтъ и въ результатѣ скепсисъ, доходящій до собственнаго отрицанія (32—33 стр.).

Замѣтимъ кстати, что эти страницы книги, гдѣ авторъ доказываетъ безсиліе законовъ разсудка въ дѣлѣ истины и говоритъ о конечныхъ результатахъ скепсиса, исполнены чрезвычайной красочности и силы. Какъ же быть далѣе съ разсудкомъ, какъ способомъ познанія истины? Если разсудокъ въ силу закона тожества долженъ всегда стоять на данномъ при многочисленности отдѣльныхъ понятій, стоять на единичномъ и конечномъ, т. е. ограниченномъ, а въ силу закона дискурсіи—достаточнаго основанія—долженъ итти на всякую данность; т. е. единичность и ограниченность, ибо всякое объясненіе требуетъ безконечнаго ряда доказательныхъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое нарушаетъ самотожество понятія объясняемаго, то ясно, что въ разсудкѣ дѣйствуютъ двѣ совершенно противорѣчащія нормы, изъ коихъ одна требуетъ остановки мысли (законъ тожества), а другая безпредѣльнаго движенія (законъ достаточнаго основанія). Но къ этимъ двумъ законамъ сводятся всѣ нормы разсудка и разсудокъ равно нуждается въ обѣихъ ихъ и ни безъ начала конечности, ни безъ начала безконечности работать не можетъ. Но онъ не можетъ работать и при пользованіи обѣими ими, ибо они несовмѣстимы; нормы разсудка необходимы, но они невозможны и разсудокъ такимъ образомъ оказывается антиномическимъ.

Какъ продолжать исканіе истины? Авторъ категорически утверждаетъ, что „для исканія истины нужно оказаться внѣ разсудка, выйти за его предѣлы и къ этому вынуждаетъ насъ самъ же разсудокъ, такъ какъ онъ все равно отказывается служить“ (стр. 38). И вотъ по необходимости, руководясь уже не философскимъ скепсисомъ, а только чувствомъ и надеждой избавиться отъ мучительности ἐποχὴ и найти истину приходится вступить на путь пробабилизма и сдѣлать проблематическое построеніе, имѣя въ виду, что быть можетъ оно окажется достовѣрнымъ. Такимъ образомъ исканіе истины съ почвы умозрѣнія переносится въ область опыта, фактическаго воспріятія, но такого, которое должно соединять въ себѣ и внутреннюю разумность (38 стр). Авторъ и дѣлаетъ это проблематическое построеніе понятія истины: Истина есть интуиція — дискурсія (стр. 39), т.-е. истина есть интуиція, которая доказуема, она есть реальная разумность и разумная реальность или безконечная конеч-

ность и конечная безконечность (ibid.). Утверждается новый законъ: „духовнаго тожества“ (48). Пробабилистически-предположительное построеніе ведетъ къ утвержденію истины, какъ самодоказательнаго Субъекта, такого Субъекта, который чрезъ себя постигается и доказывается (40 стр.).

Это возможно только тогда, когда Субъектъ истины есть отношеніе трехъ; отсюда и истина есть единая сущность о трехъ ипостасяхъ (41 стр.). Такъ авторъ приходитъ къ утвержденію основного христіанскаго догмата о Тріединствѣ, какъ основѣ истины. „Троица единосущная и нераздѣльная, единица тріипостасная и соприсносущная—вотъ единственная схема, обѣщающая разрѣшить *ἐποχή*, если только можно удовлетворить вопросу скепсиса“, говоритъ авторъ (47): „найдена, по автору, единственная для *разума* (?) возможная идея истины“. Но есть ли она вообще, да и можемъ ли мы мыслить эту истину, какъ самодоказаннаго субъекта? Для разсудка эта идея истины не имѣетъ и не можетъ имѣть смысла; формула: „Троица во Единицѣ и Единица въ Троицѣ“ для него ничего не обозначаетъ, говоритъ авторъ (55 стр.), „и однако самыя нормы разсудка, законъ тожества и достаточнаго основанія, приводятъ къ такой формулѣ и къ такому сочетанію терминовъ“, самъ разсудокъ требуетъ, чтобы это положеніе было исходнымъ пунктомъ всего вѣдѣнія. Осуждая самъ себя, разсудокъ требуетъ Троицы во Единицѣ, но не можетъ вмѣстить Ее (55 стр.). Самъ отъ себя разумъ и не пришелъ бы никогда къ возможности такого сочетанія, только авторитетъ „власть имѣющаго“ можетъ быть опорной точкой для усилій разума построить себѣ новую норму дѣятельности и стать „*новымъ разумомъ*“ (55 стр.). Это и дѣлается свободнымъ подвигомъ самоотреченія, самопреодолѣнія, дѣлается „*вѣрой*, такъ что, если вообще достижимо „безтрепетное сердце истины“, говоритъ авторъ, „то путь къ нему геѳсиманскій подвигъ вѣры“ (56). Итакъ, истина можетъ быть достигнута подъ условіемъ освобожденія изъ плѣна разсудка и въ послушаніи *вѣрѣ*; иначе погибель въ *ἐποχή* (57 стр.); но такъ нужно разсуждать, если истина существуетъ. А какъ получить знаніе не объ истинѣ, а знаніе самой истины? тоже вѣрой; намъ надо или умирать въ агоніи на нашемъ краю бездны скепсиса и *ἐποχή* или итти на авось и искать новой земли, на которой живетъ правда, го-

воритъ авторъ. Это мучительное колебаніе должно разрѣшиться началомъ живой вѣры въ истину. „Я не знаю, есть ли Истина, но ощущаю всѣмъ нутромъ (говоритъ авторъ), что не могу безъ нея; можетъ быть ея нѣтъ, но люблю ее и отношусь къ ней какъ существующей и, преодолѣвая троякимъ подвигомъ *вѣры, надежды и любви* косность закона тожества, свою судьбу, разумъ, самую душу всего исканія— „требованіе достовѣрности"—я вручаю самой истинѣ и вступаю съ ней въ личное, живое общеніе" (стр. 62 и 67).

Можетъ быть мы слишкомъ долго остановились на изложеніи хода мыслей автора въ его критическомъ анализѣ разсудка, но это существенно необходимо, такъ какъ вѣдь къ признанію необходимости вѣры и къ христіанской истинѣ авторъ хочетъ приводить человѣческое сознаніе этимъ путемъ чисто логическаго процесса. Разсудокъ самъ себя долженъ отвергнуть, ибо онъ не можетъ вмѣстить такой истины, которая соотвѣтствовала бы его собственнымъ нормамъ и для того, чтобы получить Истину единую и абсолютную, на которую могло бы опереться человѣческое сознаніе, нужна вѣра, а самая Истина, соотвѣтствующая нормамъ разсудка, но въ то же время и превышающая ихъ, есть христіанскій догматъ Тріединства. Таково утвержденіе автора, раскрываемое главнымъ образомъ въ первыхъ трехъ главахъ его сочиненія и дополненное въ раскрытіи 4 и 5-й главами. Хочется поставить автору рядъ вопросовъ, невольно возникающихъ при ознакомленіи съ ходомъ его мысли и сужденій. Почему авторъ не сдѣлалъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи ни нарочитаго примѣчанія, а еще бы лучше нарочитой предпосылки, въ которой изложилъ бы, хотя кратко и на почвѣ обще-принятой въ наукѣ психологіи, какъ нужно смотрѣть и какъ онъ самъ смотритъ на *разумъ* человѣческій и на *разсудокъ; что есть разумъ и что есть разсудокъ?* вотъ что оставлено по нашему мнѣнію безъ достаточнаго разъясненія.

Авторъ рѣшаетъ въ сочиненіи вопросъ, какъ возможенъ разсудокъ, и конечно читателю требуется ясность въ установкѣ понятія о разсудкѣ и строгое разграниченіе терминовъ: умъ, разумъ, разсудокъ, чтобы избѣжать нѣкоторыхъ можетъ быть даже излишнихъ недоумѣній. А между тѣмъ у автора употребляются эти два термина: *разумъ* и *разсудокъ*, какъ будто безъ достаточной разграниченности. Въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ какъ будто онъ понимаетъ разсудокъ въ томъ смыслѣ, что падшій разумъ и есть разсудокъ. Но тогда, почему же въ другихъ случаяхъ онъ самъ различаетъ ихъ и говоритъ всегда о разсудкѣ, да и мы привыкли различать ихъ; во всякомъ случаѣ авторъ долженъ былъ пояснить свое опредѣленіе и пониманіе разсудка.

Глава I-я у автора по преимуществу говоритъ о разсудкѣ и о нормахъ сужденій. Здѣсь какъ будто разсудокъ противопоставляется разуму: „то что разсудочно, говоритъ авторъ, то неразумно. — несообразно мѣрѣ разума; разумъ противенъ разсудку, какъ и этотъ послѣдній первому“ (стр. 25). Замѣтимъ, что предъ этимъ авторъ не дѣлалъ никакихъ замѣчаній о разумѣ, какъ онъ его понимаетъ и какъ устанавливать нужно его отношеніе къ разсудку, о которомъ онъ все-же болѣе или менѣе даетъ возможность составить понятіе на основаніи предшествующихъ страницъ (1—24). Совсѣмъ иное о разумѣ говоритъ авторъ на 26 стр.; понимая подъ нимъ дѣятельность разсудка: „обращаюсь теперь къ сужденію опосредствованному, т.-е. къ дискурсіи, ибо здѣсь *разумъ* discurrit—перебѣгаетъ къ сужденію какому-то другому“; „разумъ переходитъ къ сужденію обосновывающему“. И такихъ мѣстъ, гдѣ вперемежку, безъ достаточныхъ разъясненій употребляются термины: разсудочность, разумность, разумъ и разсудокъ, можно указать въ книгѣ почти на каждой страницѣ (снеси, напр., стр. 37, 38, 43, 47, 54, 55 (особен.), 59, 60, 63, 64, 68, 69, 153, 132, 163 и т. д.).

Впрочемъ указанный по нашему мнѣнію пробѣлъ въ ходѣ сужденій автора приложимъ не только къ этому пункту, главному въ сочиненіи, о разсудкѣ, а характеренъ пожалуй вообще для книги автора. Глубоко переживая христіанство и понимая все, что относится къ области богословской терминологіи, онъ какъ бы забываетъ, что пишетъ для мало понимающихъ, оглашенныхъ, и пользуется этими терминами какъ-то неожиданно, предполагая ихъ понятными, напр., говоритъ о „духовной жизни“ (70), „объ умномъ мысленномъ свѣтѣ“ (91 стр.), о „духовномъ опытѣ“ и „подвигѣ“ и прочемъ, какъ о вещахъ совершенно понятныхъ, не раскрывая ихъ. Это первое, что хочется замѣтить автору по поводу его сужденій и анализа человѣческаго разсудка. Далѣе.

Если основные законы дѣятельности разсудка не могутъ

гарантировать человѣку въ конечномъ результатѣ ничего кромѣ скепсиса и *ἐποχή*, то какую же цѣну могутъ имѣть сужденія самого автора, несомнѣнно строющіеся не внѣ законовъ разсудка? Могутъ ли они (эти сужденія) имѣть даже ту цѣну пробабилизма, какую онъ самъ за ними хочетъ признать, составляя понятія объ Истинѣ. Если отъ скепсиса и отъ мукъ *ἐποχή*, если только они будутъ доказаны неоспоримо, можно избавить себя, вступивъ на путь *вѣры* въ христіанскую Истину, какъ единственную остающуюся вѣроятную Истину, то можно ли ступить на путь *надежды*, хотя и не логической, какъ выражается авторъ (стр. 36), что въ Истинѣ, какъ ее опредѣляетъ авторъ (истина есть интуиція-дискурсія) можно найти удовлетвореніе требованіямъ разсудка объ Истинѣ. Тамъ, дѣйствительно, полная разочарованность въ разсудкѣ и жажда Истины можетъ создать психологическую необходимость вѣры въ христіанскую Истину. а здѣсь авторъ, выходя въ пробабилистическомъ построеніи понятія объ Истинѣ за предѣлы разсудка (стр. 38) и въ то же время показывая, что такого построенія требуетъ самъ разсудокъ, и самъ стоя въ своихъ сужденіяхъ несомнѣнно на почвѣ законовъ разсудочной дѣятельности, отнимаетъ. кажется, и логическую, и психологическую необходимость вѣры. Логическую потому, что пробабилизмъ никогда ее не можетъ создать и не можетъ обязывать разсудокъ себѣ, ибо онъ требуетъ логики. Да едва ли и самъ авторъ желаетъ такой вѣры, судя по тому, что онъ говоритъ на стр. 60 и на протяженіи первыхъ 2-хъ главъ. А психологическую потому, что въ собственномъ построеніи автора можно находить для себя возможность отстаивать права разсудка, искать его утвержденія въ разнообразныхъ новыхъ пробабилистическихъ построеніяхъ истины. Итакъ, если читатель принимаетъ сужденія автора о разсудкѣ и результаты ихъ за истинныя, то дѣйствительно долженъ отрицать разсудокъ, какъ критерій истины, а если, убѣдившись чрезъ сужденія автора въ истинности отрицанія разсудка, захочетъ быть послѣдовательнымъ, то долженъ отрицать и сужденія самого автора, т.-е. долженъ былъ утверждать разсудокъ. Эту антиномію кажется авторъ не разрѣшаетъ по тому типу, по какому онъ ищетъ разрѣшенія антиноміи законовъ разсудка въ высшемъ законѣ тожества (43 стр.). Мы затрудняемся

нѣсколько понимать, какую необходимость вѣры авторъ утверждаетъ: чисто логическую или психологическую. Если судить потому, что онъ самую идею Истины строитъ, исходя изъ основныхъ законовъ разсудка, и ищетъ формулы, которая бы хотя и выходила за предѣлы разсудка, но удовлетворяла его въ основныхъ непримиримыхъ его моментахъ, то можно думать, что авторъ ищетъ логической необходимости вѣры. Но тогда зачѣмъ же онъ повторяетъ неоднократно на страницахъ своей книги, что и вѣра и вѣдѣніе Истины отъ Бога, отъ Св. Духа и т. д. Да и какое бы тогда было преимущество этой вѣры и различіе ея отъ всякой другой вѣры, гносеологической, научной. Если же авторъ желаетъ показать психологическую необходимость вѣры, то зачѣмъ онъ стремится непремѣнно въ чертахъ Истины видѣть осуществляемыми законы разсудка и изъ этихъ законовъ исходитъ въ построеніи идеи Истины? Въ первомъ случаѣ раціонализируется Истина, стоящая выше разсудка, и все же не достигается цѣль, во второмъ случаѣ дѣлаются ненужными тѣ логическія построенія идеи Истины, которыя находимъ у автора. Можетъ быть, авторъ предполагаетъ уяснить необходимость наличности той и другой, но вѣдь едва-ли область логики можетъ въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ рамкахъ уживаться съ психологіей, особенно съ психологіей чувства (см. 37, 36 и др. стр. 1-й, 2-й и 3-й гл.), столь разнообразнаго въ своихъ зарожденіяхъ и едва-ли можно утверждать въ то же время свободу подвига вѣры. Далѣе: авторъ разсматриваетъ законъ разсудочнаго познанія, процессъ сужденія и образованія понятій и строитъ понятіе Истины въ томъ направленіи, чтобы эта идея Истины, хотя и выходила за предѣлы разсудка, но удовлетворяла его законамъ; „итакъ, если истина есть, то она интуиція-дискурсія“, говоритъ авторъ (стр. 39); „такова абсолютная Истина, если она существуетъ: въ ней долженъ находить себѣ оправданіе законъ тожества“, продолжаетъ онъ (40). Итакъ законы гносеологіи, замѣтимъ, низшей гносеологіи, разсудка падшаго человѣка, возводятся какъ бы въ законы онтологіи и ими опредѣляется реальное лицо безсмертной и пресвѣтлой Истины. Не слишкомъ ли дерзновенно проникать разсудкомъ въ природу Абсолютной Истины—Тройческаго Единства на основаніи анализа разсудка? Можетъ быть,

авторъ отъ этого и впадаетъ въ нѣкоторый кругъ или противорѣчіе. Строя идею Истины такъ, чтобы она осуществляла собой идеальное сочетаніе законовъ разсудка, какъ критеріевъ Истины, онъ долженъ былъ съ одной стороны строить эту идею такъ, чтобы она не вмѣщалась въ разсудокъ, иначе утверждался бы разсудокъ и признавалась бы абсолютная Истина пріемлемой и постижимой разумомъ, и отвергалась бы вѣра: съ другой стороны, такъ строить, чтобы Истина эта была какъ бы и тѣсно связана съ нимъ, даже была бы объектомъ его мышленія, какъ онъ самъ говоритъ, что разсудокъ возможенъ въ томъ только случаѣ, если онъ имѣетъ такой объектъ мышленія, въ которомъ оба противорѣчащіе „закона дѣятельности его совпадаютъ". Такимъ образомъ, желая объяснить и тѣмъ утвердить разсудокъ, авторъ то противорѣчіе въ немъ, которое касается нормъ его дѣятельности, какъ критеріевъ истины, разрѣшаетъ созданіемъ такого объекта мышленія, въ которомъ это противорѣчіе уничтожено, и который все же разсудкомъ быть воспринятъ и мыслимъ не можетъ. Такъ разсудокъ и утверждается и уничтожается одновременно: правда авторъ примиряетъ и разрѣшаетъ эту антиномію утвержденіемъ „новаго высшаго закона тожества" (48 стр.), наукѣ кажется еще неизвѣстнаго. Если это такъ, то, можетъ быть, въ этомъ громадное открытіе автора въ области гносеологіи. Если авторъ признаетъ, что абсолютная Истина—тріединство—не можетъ быть предположеніемъ разсудка (102 стр.) и выводомъ изъ анализа разсудка при совершенномъ невѣдѣніи ея, а можетъ быть она дана какъ внутренній фактъ жизни благодатію Христовой, то кажется проще было бы ею освѣтить и оцѣнить законы разсудочнаго познанія и установить для нихъ должное мѣсто. Правда у автора другая цѣль: привести *чрезъ разсудокъ* къ вѣрѣ; но тогда быть можетъ искусственно не приписывалась бы разсудку та антиномичность, которой въ собственной его дѣятельности нѣтъ, но которая дѣйствительно обнажается при свѣтѣ христіанской Истины, которая дѣйствительно противорѣчитъ разсудку и категорически его отрицаетъ и имъ опредѣленно отрицается, какъ безуміе и буйство. Мѣрка разсудка въ отношеніи къ христіанской истинѣ совершенно непримѣнима, почему и требуется христіанствомъ обновленіе ума и ожидается упраздненіе разума.

Хочется спросить автора: разсудокъ самъ въ себѣ антиномиченъ или только въ отношеніи къ абсолютной Истинѣ и при сопоставленіи съ ней? Говоря о разсудкѣ въ его основныхъ нормахъ, авторъ загодя уже не освѣщаетъ ли его другимъ, ему самому уже свѣтящимъ свѣтомъ—Истины и только, какъ бы скрываетъ это отъ „оглашенныхъ"? Въ самомъ дѣлѣ, откуда у него антиномичность разсудка? Разсудокъ, какъ опредѣленная познавательная способность, дѣйствуетъ по своимъ законамъ, какъ ему слѣдуетъ, и расколотъ не онъ, а весь человѣкъ, какъ и авторъ, увидимъ далѣе, признаетъ это, расколотъ духъ, умъ человѣка. Разсудокъ замѣнилъ простое вѣдѣніе, чистое созерцаніе умомъ всего познаваемаго, познаніе стало процессомъ, а не простымъ актомъ вѣдѣнія, какъ учатъ св. отцы. И конечно идея Абсолютной Истины, идея безконечности, идея единства и т. д.—это уже не идеи разсудка, а чего-то другого, можетъ быть духа человѣческаго или ума его, или разума, какъ угодно. Откуда собственно авторъ взялъ въ разсудкѣ *динамическій* моментъ съ планомъ въ *безконечность?* Напротивъ, въ этомъ динамическомъ планѣ разсудокъ самъ по себѣ, кажется, хочетъ непремѣнно все привести въ конечность, каждое сужденіе привести чрезъ другое непремѣнно къ конечной ясности и обоснованности его, каждую *интуицію*, если она не ясна, объяснить чрезъ другое, но въ результатѣ найти ее *именно*, и неудовлетворенность его происходитъ вовсе не потому, что онъ стремится въ безконечность, а оттого, что стремится къ конечности, только не находитъ дѣйствительно такого перваго, или (какъ угодно) послѣдняго яснаго, твердаго и прочнаго, къ чему можно все привести, какъ къ послѣдней основѣ истины, но потому не находитъ, что берется за непосильную работу, свести безконечность въ конечность, стать выше себя. И все-таки фактически, хотя и заблуждаясь, разсудокъ въ своемъ динамическомъ планѣ никогда не бываетъ безконечнымъ; онъ дѣлаетъ какъ бы мгновенный пробѣгъ по цѣпи сужденій и всегда интуицію имѣетъ такъ или иначе объясненной, т.-е. осуществляетъ интуицію—дискурсію, хотя и низшей пробы. Въ томъ и состоятъ заблужденія разсудка (разныя философскія и религіоз. ученія), что онъ искалъ всегда воплощенія интуиціи—дискурсіи въ конечномъ и ложномъ, а христіанство открыло истинную интуицію—дискур-

сію въ Богѣ Тріединомъ, въ сочетаніи познанія и жизни, въ живой личной Истинѣ Іисусѣ Христѣ.

Намъ думается, что авторъ невольно и самъ признаетъ за разсудкомъ динамическій планъ не въ безконечность, а именно въ конечность; собственно въ заканчиваемость, чего и желаетъ всегда разсудокъ. Исходя изъ анализа разсудка въ построеніи идеи истины, авторъ какъ разъ, кажется, вводитъ конечность въ тотъ процессъ „трехъ", коимъ осуществляется актуальная безконечность, именно: А находитъ себя въ Б какъ А, хотя и доказаннымъ; процессъ заканчивается нахожденіемъ или созерцаніемъ себя чрезъ другое въ третьемъ, но это третье есть доказанное первое. Что можно отсюда вывести въ приложеніи къ христіанской истинѣ,—кажется понятно и безъ поясненій. Намъ кажется, что разсудокъ антиномиченъ не самъ въ себѣ, а только при сопоставленіи его лицомъ къ лицу съ христіанской истиной Тріединства и пр. и только въ отношеніи къ ней; при чемъ главная основа различія ихъ: т. е. разсудка человѣческаго и разума Божія, въ томъ, что нашъ разсудокъ исходитъ изъ различія различаемаго имъ, вводя это въ законъ и норму бытія (отсюда и потребность дискурсіи), а разумъ Божій, открывшійся въ догматѣ, признавая различіе различаемаго утверждать вмѣстѣ съ этимъ и исходитъ изъ тожества различаемаго и различнаго для разсудка, имѣя это нормой высшаго бытія и предметомъ вѣдѣнія и созерцанія въ вѣрѣ, а не чрезъ разсудочное познаніе. А если въ человѣческомъ разумѣ признаются какъ бы врожденныя идеи истины, безконечности и прочее, то вотъ можетъ быть объясненіе той вѣчной неудовлетворенности разсудка въ его познаніи истины;—и наличность антиноміи въ человѣкѣ можетъ быть слѣдуетъ усматривать между разумомъ и разсудкомъ въ ихъ требованіяхъ. Можетъ быть, мы и ошибаемся въ этихъ своихъ сужденіяхъ, но они невольно возникли при чтеніи книги автора, главнымъ образомъ въ первой ея половинѣ. „Да и кто мы, скажемъ словами автора, чтобы писать и высказываться съ увѣренностью о философіи и философской мудрости". „Вѣмъ бо и азъ свою скудость и зазираемъ бываю совѣстію своею и худоуміемъ своимъ; паче-жъ и много тягостно ми сіе великое дѣло есть" (см. стр. 5 къ Читателю).

Однако перейдемъ къ частностямъ. Въ первой главѣ (Со-

мнѣніе) авторъ ищетъ Истины или достовѣрности Истины съ точки зрѣнія законовъ разсудка и обнажая, можно сказать, самыя корни разсудочной дѣятельности, находитъ въ разсудкѣ только одно противорѣчіе и полную его непригодность привести человѣка къ Истинѣ, не частной какой-нибудь истинѣ, а Истинѣ вѣковѣчной, единой, божественной и абсолютной (см. стр. 9). Результатъ разсудочной дѣятельности въ поискахъ Истины только одинъ; абсолютный скепсисъ и полное *Ἐποχή* отъ всякаго сужденія, будетъ ли оно утвержденіемъ или отрицаніемъ, воздержаніе даже отъ утвержденія и высказыванія самаго скепсиса. Намъ хочется спросить, имѣетъ ли въ виду авторъ въ первой главѣ показать, что разсудокъ человѣческій не можетъ по своимъ законамъ достичь и получить *знанія объ истинѣ* или *самую Истину*. Вѣдь авторъ самъ эти двѣ вещи различаетъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго, очень строго. Такъ, въ главѣ 5-й (Противорѣчіе) утверждая, что Абсолютная Истина провозвѣщается твари, значитъ и человѣческому разсудку, Духомъ Святымъ, авторъ говоритъ, что знаніе Истины (слово истина съ большой буквы), т. е. усвоеніе ея тварью во времени и въ пространствѣ дѣлаетъ уже *знаніемъ объ Истинѣ*, а знаніе объ Истинѣ (истина съ большой буквы) есть истина (истина съ малой буквы, стр. 136). Итакъ въ первой главѣ авторъ ищетъ Истины или знанія объ ней, т. е. истины? Кажется вѣдь то опредѣленіе Истины, какое онъ даетъ на стр. 39: „Истина есть интуиція—дискурсія“ (истина съ большой буквы) или то, какое онъ даетъ на стр. 45: „слѣдовательно Истина есть единая сущность о трехъ ипостасяхъ“ (истина опять съ большой буквы),— есть все-таки положеніе человѣческаго разсудка, хотя и пробабилистическое сначала (по автору), см. стр. 37—38), значитъ есть уже сужденіе объ Истинѣ, выраженіе человѣческаго знанія объ Истинѣ и слѣдовательно есть уже *истина* (истина съ малой буквы), согласно утвержденію самого автора на стр. 136, какъ надѣемся и всякій христіанскій догматъ есть знаніе объ Истинѣ; такъ вѣдь понимаетъ догматы и самъ авторъ въ главѣ 5-й, см. стр. 136—140.

И однако авторъ, выдвинувъ въ I-й гл. вопросъ объ абсолютной Истинѣ съ точки зрѣнія нахожденія ея разсудкомъ и самъ потомъ строя понятіе объ Истинѣ, вездѣ пишетъ это слово съ большой буквы, очевидно разумѣя не знаніе

объ Истинѣ, а предполагая говорить и искать самой Истины. Это по нашему мнѣнію все-таки нужно бы автору пояснить. Тѣмъ болѣе, что во 2-й главѣ онъ уже говоритъ только объ найденной для разума идеѣ истины (истина съ малой буквы) (стр. 47). Далѣе: „въ истинности Истины удостовѣряетъ достовѣрность, говоритъ авторъ (11 стр.), а достовѣрность есть интеллектуальное чувство принятія извѣстнаго сужденія въ качествѣ истиннаго; это чувство (удовлетворенности, такъ его нужно назвать) достигается соотвѣтствіемъ сужденія критеріямъ истины“ (19). Итакъ не вводится ли субъективизмъ въ эту область, гдѣ должна рождаться истина, ибо гдѣ же объективная и общая мѣрка того, что критеріи (законъ тожества—интуиціи и достаточнаго основанія—дискурсіи) въ данномъ случаѣ дѣйствовали правильно у извѣстнаго человѣка; чувство удовлетворенности настолько субъективно и измѣнчиво, что апеллировать къ нему, особенно въ исканіи и принятіи единой истины рискованно, вотъ почему и пробабилистическое построеніе понятія истины, дѣлаемое авторомъ, можетъ быть и не единственнымъ выходомъ изъ скепсиса и *ἐποχή*, а въ зависимости отъ состоянія духа мыслящаго можетъ быть принято и иное построеніе, какъ истинное, по крайней мѣрѣ до времени. А авторъ какъ бы спѣшитъ навязать это понятіе объ Истинѣ читателю, какъ бы считая его единственно возможнымъ пробабилистическимъ построеніемъ, даже болѣе того, онъ незамѣтно какъ бы дѣлаетъ логическую непослѣдовательность, а именно: построивъ пробабилистическое понятіе объ Истинѣ на стр. 38—39, онъ этотъ свой пробабилизмъ, относящійся *только къ понятію истины, тутъ же на стр. 39 переноситъ уже на ея бытіе*: „итакъ, говоритъ авторъ, если Истина есть, то она—реальная разумность и разумная реальность“ (39). Значитъ теперь долженъ быть вопросъ, есть-ли эта истина, а не о томъ, правильно ли опредѣляетъ пробабилистическое построеніе авторомъ понятія Истины эту Истину; она берется уже какъ бы несомнѣнное для дальнѣйшаго раскрытія, что есть Истина. И хотя авторъ неоднократно упоминаетъ объ опытѣ, какъ пути воспріятія Истины (стр. 38, 39), но здѣсь въ 1-й гл. опредѣленіе истины не результатъ опыта, а результатъ неудовлетворенности чувства и неудовлетворенности разсудка съ апеллированіемъ къ необходимости вѣры

на почвѣ живущей въ человѣкѣ любви къ истинѣ (30) и надежды, что она есть (36). На этой несомнѣнно почвѣ у автора, какъ это можно видѣть въ 2-й гл. (Тріединство), опредѣляется уже новое въ сравненіи съ прежнимъ отношеніе къ сдѣланному имъ понятію Истины. „Найдена единственная для разсудка возможная идея Истины, пишетъ авторъ, однако не рискуемъ ли мы остаться съ одной только идеей—вотъ вопросъ. Истина есть несомнѣнно то, что мы сказали о ней (разумѣется въ предшествующей главѣ); но есть ли она, мы того не знаемъ“ (стр. 47). Такимъ образомъ, авторъ уже не сомнѣвается, что Истина есть то, что о ней раньше сказано, вопросъ только о ея бытіи. И этотъ вопросъ, такъ же, какъ вопросъ объ истинности самаго понятія объ Истинѣ, рѣшается требованіемъ вѣры, которой нужно въ этомъ случаѣ принести въ жертву разумъ человѣческій и всѣ его богатства. „Свою судьбу, свой разумъ, самую душу всего исканія—требованіе достовѣрности я вручаю въ руки самой Истины“, говоритъ авторъ, чрезъ вѣру въ самое ея бытіе“ (64 стр.). Замѣтимъ кстати, что эта 2-я глава у автора чрезвычайно сильна и красочна и такого психологически глубокаго выясненія необходимости вѣры въ догматъ троичности, и выясненія отношенія разсудка къ догмату, едва ли можно указать у кого. Глубокаго и серьезнаго вниманія богослововъ заслуживаютъ и сужденія здѣсь автора о заслугахъ св. Аѳанасія В. въ борьбѣ съ аріанствомъ, анализъ автора терминовъ „*ὑπόστασις*“ и „*οὐσία*“; „*ὁμοούσιος*“ и „*ὁμιούσιος*“ и раскрытіе имъ процесса вѣры, начиная съ той стадіи, на которой она, т. е. вѣра, говоритъ сначала словами Тертулліана: „credo quia absurdum est“, затѣмъ съ Ансельмомъ Кентерберійскимъ: „credo ut intelligam“ и наконецъ заканчиваетъ съ авторомъ: „intelligo ut credam“ (57—58). *Такъ*, требуя вѣры въ бытіе или данность Истины и преодолѣвая при помощи Божіей (64) троякимъ подвигомъ вѣры, надежды, любви законъ разсудка (63), авторъ не только уразумѣваетъ свою вѣру (стр. 58), но и вступаетъ съ Истиной уже въ живое, личное общеніе (стр. 66 гл. 3-я), согласно слову писанія, что „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“. (Евр. 11, 4). Третья глава сочиненія (Свѣтъ Истины) и посвящается авторомъ уясненію вопроса о любви, какъ пути познанія Истины и того основного утвержденія, что вѣдѣніе Истины, откры-

вающееся въ тайнѣ. Троичности, внѣ Христа невозможно (102 стр.). „Вѣдѣніе Истины, говоритъ авторъ на стр. 90, возникаетъ въ душѣ отъ свободнаго откровенія самой Тріипостасной Истины, отъ благодатнаго посѣщенія души Духомъ Святымъ. Начаткомъ такого посѣщенія является волевой актъ вѣры, абсолютно невозможный для самости человѣческой и совершающійся „Отцомъ, сущимъ на небесѣхъ" (Іоан. 5, 44). Итакъ путь принятія истины—вѣра, а путь познанія (опытнаго) истины есть любовь. „Сдѣлавъ усиліе надъ собой ради любви къ Истинѣ, говоритъ авторъ, я вступилъ съ Истиною въ личное, живое общеніе (неохотно добавляю: если только Она есть вообще)": въ любви я нашелъ начальную стадію давно-желанной интуиціи", стр. 66 ср. 85 (т.-е. интуиціи разумной, а не слѣпой;—интуиціи самодоказанной). И такъ какъ Богъ или Истина есть любовь (67 стр.), то въ любви и открывается новый путь практическаго познанія, который можно и должно назвать подвигомъ личнаго опыта (67 стр.). Автору прекрасно, по нашему мнѣнію, удается выяснить это основное положеніе, „что только въ любви мыслимо дѣйствительное познаніе истины, а равно, что познаніе Истины обнаруживаетъ себя любовью" (69 стр.). Въ богословскомъ смыслѣ эта глава чрезвычайно интересна и цѣнна, какъ уясняющая божественную природу любви, какъ сущности христіанства и какъ начала божественной жизни и Истины. При этомъ авторъ самъ настаиваетъ, что любовь онъ понимаетъ не „въ субъективно-психологическомъ" смыслѣ, а въ „объективно-метафизическомъ" (86), почему и сужденія о любви у него заканчиваются въ этой главѣ раскрытіемъ началъ той духовной жизни, которая зарождается въ сферѣ любви, ведетъ къ общенію съ Богомъ—Истиной, къ Свѣту умному, но только чрезъ подвигъ жизни, чрезъ очищеніе и возрожденіе, совершающееся на аскетическомъ пути (94—95 и сл. стр.). Намъ хочется сдѣлать только небольшое замѣчаніе къ этимъ прекраснымъ и глубокимъ разсужденіямъ автора. Если бы авторъ въ предшествующихъ главахъ разсуждалъ въ сферѣ христіанскихъ понятій и на почвѣ уже вѣрующей христіанской мысли, то ничего не было бы страннаго, если бы онъ въ 3-й гл. сразу же заговорилъ о Богѣ, какъ любви, и о живомъ общеніи съ Богомъ-Истиною чрезъ любовь, предполагая это уже пріемлемымъ

для христіански-вѣрующаго разума. Но вѣдь, во-первыхъ, онъ говоритъ объ общеніи съ тѣмъ, что въ бытіи еще не доказано, это и самъ онъ оговариваетъ словами: „если только истина есть“: во-вторыхъ, утвержденіе его: „если Богъ есть—а для насъ это дѣлается несомнѣннымъ (?), то Онъ, необходимо, есть абсолютная любовь“ (66 стр.), не обосновано въ предыдущемъ, ибо тамъ о любви собственно говорилось какъ о субъективно-психологическомъ настроеніи человѣка въ отношеніи къ истинѣ, а не какъ объективно-метафизическомъ живомъ началѣ, вводящемъ человѣка въ реальное общеніе съ истиной и въ жизнь Истины. Это стало необходимо автору для того, чтобы обосновать новый гносеологическій принципъ—нравственный личный опытъ, открывающійся въ христіанской любви. Все это, повторяемъ, прекрасно понятно и пріемлемо въ сферѣ раскрытія богословскихъ понятій для вѣрующей мысли, а въ ходѣ сужденій автора кажется нѣкоторой методологической некорректностью.

Автору слѣдовало самому какъ-нибудь добираться до тѣхъ основныхъ христіанскихъ понятій, которыя у него выдвигаются вдругъ какъ данныя и только потомъ уже объясняются въ томъ направленіи, какое опредѣлила предшествующая его работа; при чемъ всегда замѣтна тенденція все разсматривать подъ угломъ закона тожества, какъ его преодолѣніе или одухотвореніе, какъ будто можно всѣ процессы христіанской жизни сводить на гносеологію и самое духовное возрожденіе видѣть въ освобожденіи отъ ἐποχή (стр. 80 и слѣд.). И почему опять и здѣсь авторъ, признавая тріаду основныхъ настроеній въ духовномъ подвигѣ человѣка въ отношеніи къ истинѣ: „вѣрь въ Истину, надѣйся на Истину и люби Истину“ (говоритъ онъ), совсѣмъ опускаетъ и здѣсь, и въ дальнѣйшемъ вопросъ о значеніи надежды (см. стр. 67 и сл.).

Можетъ быть слѣдовало бы попытаться найти ей мѣсто въ приложеніи къ вопросу объ аскетическомъ пути, которому авторъ удѣляетъ по существу дѣла очень много вниманія въ своемъ сочиненіи и скажемъ даже: всѣмъ своимъ сочиненіемъ онъ проповѣдуетъ аскетизмъ, глубоко его понимаетъ и раскрываетъ, такъ что для науки аскетики сочиненіе о. Павла даетъ прекрасный матеріалъ, указывая пути уста-

новки самыхъ основъ аскетизма, какъ факта жизни и аскетики, какъ науки объ этомъ духовномъ искусствѣ изъ искусствъ (стр. 94). Кажется самъ авторъ на стр. 122 (4-ая гл. Утѣшитель) весьма опредѣленно высказываетъ свое интимное чувство, въ которомъ христіанская надежда утверждается какъ успокоеніе вѣрующаго сердца въ отношеніи къ будущимъ судьбамъ Церкви, дающее твердость подвигу духовнаго возрожденія, въ частности она утверждается какъ бы предощущеніе полноты благодатной жизни Церкви Христовой въ Святомъ Духѣ. Но все же авторъ такъ и ограничился этимъ только чувствомъ по отношенію къ христіанской надеждѣ въ смыслѣ указанія ея объекта, а главу 4-ю посвящаетъ, можно сказать, исключительно вопросу о третьей ипостаси Св. Троицы, т. е. Святому Духу, какъ совершителю благодатной жизни въ человѣчествѣ, просвѣщающему человѣка свѣтомъ Истины и преобразующему все тварное естество (105 стр.). Авторъ между прочимъ останавливаетъ въ этой главѣ свое вниманіе на томъ фактѣ, что въ христіанскомъ церковномъ сознаніи и въ исторіи богословской мысли идея Св. Духа, какъ третьей ипостаси, менѣе раскрыта сравнительно съ идеей Сына Божія, какъ второй ипостаси и даетъ этому объясненіе. Съ этой цѣлью онъ дѣлаетъ весьма интересный обзоръ исторической богословской мысли въ лицѣ ея виднѣйшихъ представителей (Тертулліана, Оригена, Іустина Философа, Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія Великаго, Григорія Нисскаго или памятниковъ письменности Ерма, св. Климента Ал. и др., равно аскетовъ: Симеона Новаго Богосл., Максима Исповѣд.) и констатируетъ постоянную „явную какъ бы недоговоренность или несмѣлость богословской мысли въ отношеніи къ вопросу о третьей ипостаси Св. Троицы“. Самъ авторъ объясняетъ это тѣмъ, что въ жизни Церкви не пришла еще полнота временъ; земная Церковь совершаетъ свой воинствующій путь и пока только отдѣльные духоносныя личности на концѣ своего тернистаго подвижническаго пути получали осіяніе и вѣдѣніе Св. Духа, а полнота общецерковнаго откровенія Св. Духа и вѣдѣніе его совершится при полнотѣ всего обновленнаго тѣла Церкви, когда уже времени, т. е. исторіи—не будетъ, а будетъ новая земля и новое небо, т. е. за предѣлами этого міра (см. стр. 104, 105 и др.). При этомъ авторъ прекрасно выясняетъ всю

несостоятельность и ложь людей такъ называемаго „новаго религіознаго сознанія“, чисто хиліастически ожидающихъ какой-то эпохи Параклита, т. е. полноты откровенія Св. Духа въ предѣлахъ земнаго, историческаго существованія (стр. 119, 126—127) Церкви и защищаетъ (авторъ) Церковь отъ той грязи, которой ее забрасываютъ (см. стр. 122). Всѣ эти прекрасныя мысли автора по нашему мнѣнію для большей ясности требовали бы маленькой корректуры. Самая идея Св. Духа, совершающаго въ человѣкѣ познаніе Истины и жизнь въ Истинѣ (стр 1 и 4), т. е. подвижничество, въ ходѣ мыслей автора кажется недостаточно опредѣляется въ своемъ отграниченіи отъ идеи другихъ ипостасей Св. Троицы. Только вѣдь предъ этимъ авторъ на стр. 91 говорилъ, что Истина, какъ „свѣтъ разума“, возсіяла міру Рождествомъ Христовымъ, почему и поется въ тропарѣ:

„рождество Твое, Христе Боже нашъ,
возсія мірови свѣтъ разума....“

почему и Христосъ называется „Тихимъ Свѣтомъ“, „Свѣтомъ Истиннымъ“ и т. д. Далѣе: что собственно означаютъ слова автора, что о Св. Духѣ, какъ Ипостаси менѣе знаютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано о Сынѣ Божіемъ, какъ объ Ипостаси? Что значитъ знать, какъ объ Ипостаси? (см. стр. 112, 116, 117 и др.)

Бытіе Св. Духа, какъ Ипостаси, вѣдь утверждается постоянно въ Евангеліи и особенно въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ Апостольскихъ, въ Символѣ Вѣры, въ твореніяхъ св. Отцовъ, особенно у аскетовъ и въ богослужебныхъ книгахъ. Если авторъ ссылается на службу Пятидесятницы въ доказательство своей мысли, то почему же онъ не беретъ во вниманіе стихиръ и тропарей этой службы, а только одни молитвы на вечерни, почему не беретъ спеціальной службы Св. Духу. Если по его мнѣнію „образъ исхожденія Св. Духа остается неизъяснимымъ“, какъ говоритъ Василій Великій, и о „непостижимости исхожденія Св. Духа“ говоритъ Григорій Нисскій, то вѣдь тѣ же св. отцы и многіе другіе и „рожденіе Сына отъ Отца“ называли „неизреченнымъ“. А то, что говоритъ Григорій Богословъ въ своихъ „Догматическихъ поэмахъ“, именно его слова: „и еще Спаситель го-

ворилъ, что будемъ всему научены снисшедшимъ Духомъ... Сюда-то я отношу и самое Божество Духа, ясно открытое впослѣдствіи, когда уже вѣдѣніе сіе сдѣлалось благопріемлемымъ и удобовмѣстимымъ, по прославленіи—*ἀποκατάστασιν*—Спасителя" стр. 130, кажется вовсе мало подтверждаетъ мысль автора, хотя и приводится у него для подтвержденія его мысли. Намъ думается, что въ отношеніи къ третьей Ипостаси Св. Троицы въ исторіи церковнаго сознанія дѣло обстояло такимъ образомъ. Первое время всѣ христіане были харизматиками, переживали явленіе Св. Духа и общеніе съ Нимъ было какъ фактъ внутренней жизни и потому говорили о немъ (особенно Апостолы въ Посланіяхъ) постоянно и просто, какъ о явленіи обычномъ въ христіанской жизни и несомнѣнномъ; потомъ харизма сократилась и харизматиками явились аскеты (какъ говоритъ и авторъ стр. 231) и вообще особые облагодатствованные избранники Божіи, которые также говорили о Св. Духѣ, постоянно переживая его въ личномъ опытѣ (почему всѣ аскетическія творенія полны рѣчами о Св. Духѣ). Для большинства же церковнаго тѣла Духъ Св. остался въ сознаніи и въ ученіи только почти какъ идея христіанскаго міровоззрѣнія и раскрывать эту идею въ логическихъ формулахъ дѣйствительно весьма трудно, такъ какъ Св. Духъ болѣе переживается, нежели логически раскрывается, ибо онъ „жизнь" и „животъ". Иначе обстояло съ идеей Логоса, второй Ипостаси Св. Троицы, воплотившейся и вочеловѣчившейся. По отношенію къ ней сразу же начались сомнѣнія (гностики и др.), отрицалось Божество І. Христа и пр., ибо самая идея воплощенія Божества казалась непріемлема и это нельзя было сдѣлать фактомъ внутренняго опыта, какъ переживаніе Святаго Духа; трудно было вѣрить въ І. Христа какъ Бога, а вѣдь безъ вѣры въ Него и Духъ Св. не даровался, а при скудности благодатной жизни отъ Духа Св. сразу же возникали и сомнѣнія въ основныхъ догматахъ христіанства, т. е. въ Божествѣ І. Христа. Такъ въ первые вѣка и получилось богатство разработки ученія о Второй Ипостаси, а Духъ Св. всегда воспріемлется благодатной жизнію, что было особенно у первыхъ христіанъ и теперь у духоносныхъ людей, и не требуется тогда теоретическаго ученія, а только констатированіе самаго факта, что и было и есть теперь, какъ и самъ авторъ утвер-

ждаетъ въ этой главѣ и въ предшествующей (см. стр. 95—101; 132—135).

Впрочемъ, у автора 4-я глава объ Утѣшителѣ и не имѣетъ цѣлью спеціальнаго обслѣдованія этого вопроса съ его историко-догматической точки зрѣнія и то, что здѣсь говорится авторомъ, а говорится, повторяемъ, прекрасно и по существу неоспоримо, направляется къ утвержденію основной его мысли, что познаніе Истины дается Св. Духомъ, и это есть духовный подвигъ, совершаемый въ Духѣ Святомъ. Котораго обязаны стяжать всѣ христіане и въ полнотѣ этого стяжанія уже „созерцать" истину лицомъ къ лицу. Въ процессѣ этого духовнаго творчества и только въ немъ одномъ и могутъ для человѣка разрѣшаться всѣ противорѣчія его мысли въ отношеніи къ истинѣ и противорѣчія самой жизни. Вѣдь и самая Истина, возвѣщаемая Св. Духомъ человѣку, будучи воспринята его сознаніемъ, дѣлается уже знаніемъ объ Истинѣ, т. е. истиной и въ структурѣ человѣческаго разсудка оказывается полной противорѣчія. Пятая глава (Противорѣчіе) и посвящается авторомъ уясненію вопроса о томъ, „какъ представляется божественная Истина человѣческому разсудку". (137 стр.). Разсудокъ берется теперь авторомъ въ разсмотрѣніе не со стороны основныхъ законовъ его: тожества и достаточнаго основанія, а со стороны его структуры въ постиженіи имъ Истины, въ процессѣ знанія имъ объ Истинѣ. „Знаніе дается разсудку въ видѣ нѣкоего сужденія (138) и такимъ сужденіемъ объ Истинѣ, въ коемъ дается разсудку ея знаніе является христіанскій догматъ. Христіанскій догматъ и есть истина, открытая человѣческому разсудку объ Истинѣ. Онъ тоже антиномиченъ, (140) да и долженъ быть антиномиченъ съ точки зрѣнія разсудка, такъ какъ подвигъ вѣры, актъ само-отрѣшенія разсудка и можетъ начаться только при антиноміи, только ей вѣдь и можно вѣрить, а все прочее или принимать или отрицать. „Съ догмата и начинается наше спасеніе, говоритъ авторъ, ибо онъ только, будучи антиномиченъ, и даетъ мѣсто свободной вѣрѣ" (140).

Авторъ прекрасно разъясняетъ въ этой главѣ причину вообще антиноміи разсудка, дѣлая справки изъ исторіи древней и новой философіи, коимъ идея антиноміи была всегда присуща, и переходя затѣмъ на почву христіанскаго мышле-

нія объясняетъ эту антиномію разсудка въ отношеніи къ истинѣ раздробленностью самаго человѣческаго разсудка, болѣе того дробностью самаго бытія, включая сюда и разсудокъ (152). Причина же этой раздробленности бытія грѣхъ твари. Вотъ почему и догматъ, непріемлемый грѣховнымъ разсудкомъ, какъ противорѣчащій его структурѣ, въ благодатномъ, очищенномъ отъ грѣха состояніи души, воспринимается благодатнымъ разумомъ въ сферѣ молитвы и подвига, какъ самодоказанная истина и аксіома (152—153). Здѣсь авторъ стоитъ вполнѣ на почвѣ православнаго святоотеческаго ученія о необходимости очищать умъ для постиженія христіанской истины и, какъ мы уже указали, приходится только пожалѣть нѣсколько, что онъ не использовалъ прекрасныхъ сужденій объ этомъ предметѣ Исаака Сиріянина, Максима Исповѣдника, того, что написано напр. въ „Невидимой брани“ и др. Но для цѣлей книги, написанной для оглашенныхъ, можетъ быть даже лучше, что авторъ своимъ путемъ философскаго анализа логическихъ законовъ мышленія приходитъ къ тому же самому, къ чему пришли святые отцы духовнымъ опытомъ жизни. Идея грѣха, объясняющая раздробленность бытія и человѣческаго разсудка въ частности, и составляетъ содержаніе слѣдующихъ 2-хъ главъ сочиненія, изъ коихъ въ первой (VI гл. „Грѣхъ“) авторъ спеціально разсуждаетъ о грѣхѣ въ его сущности, а въ VII гл. „Тварь“—раскрываетъ начало благодатнаго обновленія тварнаго бытія. Сужденія автора о грѣхѣ въ смыслѣ анализа сущности его природы и дѣйствій прекрасны и глубоко психологичны, въ богословскомъ смыслѣ они весьма цѣнны для Нравственнаго Богословія и особенно для аскетики какъ науки. Притомъ всѣ эти сужденія имѣютъ въ своей основѣ данныя божественнаго откровенія (въ частности посланіе ап. Іоанна Богослова) и святоотеческій разумъ. По существу мы не находимъ сказать что-нибудь противъ этихъ сужденій автора. Особенность нѣкоторыхъ сужденій автора обусловливается и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ его книги, его главной задачей смотрѣть на все съ точки зрѣнія человѣческаго разсудка, въ его природѣ и структурѣ видѣть данныя для утвержденія истиности и необходимости христіанства въ его цѣльности. Вотъ почему авторъ, опредѣляя грѣхъ согласно съ Ап. Іоанномъ Богословомъ „что онъ есть

беззаконіе" (Іоан. 3, 4), и поясняя, что въ онтологической своей глубинѣ (162) онъ есть „ничто", лишь „мнимое существованіе" (163), есть причина всякой раздробленности, въ приложеніи къ человѣку, объясняетъ этотъ грѣхъ, какъ нежеланіе выйти изъ закона „тожества" Я (170 стр.). Такимъ образомъ авторъ проявленіе грѣха въ человѣкѣ, согласно своему плану, разсматриваетъ разсудокъ человѣческій, беретъ какъ бы только въ приложеніи къ законамъ мышленія и въ грѣхѣ видитъ царство закона тожества и только его одного, а посему и неразумія (170—171). Правда, и у восточныхъ св. отцовъ грѣхъ разсматривается какъ уклоненіе человѣка отъ созерцанія только Бога, отъ мысли только о Немъ, какъ Единомъ на потребу, уклоненіе на путь многихъ помысловъ и прежде всего на путь самоутвержденія. У св. отцовъ только это не имѣетъ той спеціальной логической или гносеологической окраски, какъ у автора, а болѣе нравственно психологическую; но быть можетъ въ этомъ и заслуга автора, переведшаго объясненіе дѣйствій тайны грѣха на структуру и природу нашего ума. Въ связи съ этимъ уклономъ въ разсмотрѣніи грѣха авторъ опредѣляетъ и сущность „той устроенности души", которая противоположна грѣховному ея состоянію: это есть цѣломудріе (173, 177) въ смыслѣ цѣло-умія, здраво-умія (*σω-φροσύνη*): самособранность, крѣпость, простота, какъ органическое единство и цѣльность человѣческой личности (173). Сущность цѣломудрія съ субъективной стороны, какъ переживаніе цѣломудренной души, есть *блаженство* „въ смыслѣ умиреннаго и умѣреннаго сердца" (185), а объективно, онтологически, какъ „моментъ жизни Божіей" (185), она есть „память Божія", „вѣчная память",—которую поютъ обычно усопшему, ибо быть въ памяти Божіей значитъ быть и въ вѣчномъ бытіи (187)! Замѣтимъ опять, что у автора въ сужденіяхъ по указаннымъ пунктамъ чрезвычайно много весьма тонкихъ наблюденій, неожиданныхъ сопоставленій и выводовъ, весьма хорошо объясняющихъ нѣкоторыя частныя стороны христіанскаго ученія и христіанской психологіи, въ частности происхожденіе ересей. Намъ думается только, что если авторъ опредѣлилъ цѣломудріе параллельно грѣху, какъ характерный моментъ состоянія ума, то и блаженство долженъ бы былъ опредѣлять болѣе въ этомъ же направленіи къ уму, а не

какъ умиротвореніе „сердечнаго круженія“ (181). У него какъ то совмѣщаются элементы ума и сердца въ понятіи блаженства, какъ это дѣйствительно и должно быть, но недостаетъ нѣкоторой отчетливости въ смыслѣ согласованности съ основной мыслію. „Блаженство, какъ отдыхъ отъ неустанно-жаднаго и никогда не удовлетвореннаго хотѣнія“, говоритъ авторъ на стр. 182: съ другой стороны, „блаженство можно получить только пресуществивъ помыслы въ высшее созерцаніе“ (183); такъ въ блаженствѣ есть элементы и въ отношеніи ума и сердца, но интимная связь ихъ достаточно не раскрыта, по крайней мѣрѣ здѣсь; ее скорѣе можно видѣть изъ послѣдней главы, гдѣ авторъ говоритъ о значеніи въ нашей жизни сердца. А потомъ, если блаженство есть успокоеніе, то какъ же „алчущіе и жаждущіе правды“ блаженны; это явленіе безконечное, ибо безконечна сама правда. Нужно сказать, что аскетическій подвигъ, какъ путь къ блаженству, гораздо шире, чѣмъ его здѣсь намѣчаетъ авторъ, и охватываетъ всѣ стороны существа человѣка и въ качествѣ только отдѣльныхъ моментовъ или сторонъ входитъ въ душевную жизнь то, о чемъ говоритъ авторъ, а не вмѣщается въ нихъ совсѣмъ. Авторъ такъ и самъ думаетъ, говоря въ заключеніе своихъ сужденій о блаженствѣ: „цѣломудренное житіе есть цѣльность и неиспорченность человѣческаго существа“ (185) (а не ума только). Въ плоскости онтологіи цѣломудріе есть „вѣчная память Божія“ (185, 186, 187, ср. 177). Уже и въ человѣческой познавательной дѣятельности *память* по автору есть свидѣтельство нашего надвременнаго естества (194): она есть творческое начало мысли, господствующей надъ временемъ (195); а Божія память и Божіе творчество тожественны (195) и потому быть въ памяти Божіей значитъ быть въ общеніи съ Его бытіемъ, быть въ раю. Но если „память вѣчная“ есть объективная сторона *цѣломудрія*, субъективно выражающагося въ блаженствѣ, то почему же мы поминаемъ и просимъ „вѣчной памяти“ особенно за грѣшныхъ, а святыхъ уже не поминаемъ. Да развѣ и грѣшники, не имущіе цѣломудрія, не въ памяти Божіей? Наконецъ, можно ли по существу дѣла приписывать Богу память, которая есть явленіе въ предѣлахъ временности и связана съ этимъ временнымъ бытіемъ, а по ученію св. отцовъ есть проявленіе низшаго, грѣховнаго строя дѣятельности ума человѣческаго.

Да едва ли ее и справедливо считать выраженіемъ творческаго, активнаго начала: у ней есть свои законы, каждый фактъ душевной жизни связанъ съ другимъ закономъ ассоціаціи и поэтому памяти присуща болѣе пассивность, чѣмъ активность; а когда познаніе упразднится и настанетъ вѣдѣніе и созерцаніе, то и память упразднится, какъ не нужная, какъ связанная только съ грѣховнымъ бытіемъ.

Перейдемъ къ послѣдней VII-й главѣ сочиненія „Тварь". Предметомъ этой главы служитъ у автора раскрытіе процесса обновленія твари, какъ перехода отъ грѣха къ цѣломудренному состоянію. Авторъ беретъ для разсмотрѣнія здѣсь не всю тварь, а собственно человѣческую личность, на томъ основаніи, вполнѣ законномъ, что обновленіе твари зависитъ отъ обновленія человѣка, согласно словамъ Ап. Павла (Рим. 8, 14) (см. стр. 206). Что такое уцѣломудренная личность и какъ это достигается, вотъ по существу о чемъ говоритъ здѣсь авторъ. Эта глава, если можно такъ выразиться, по премуществу аскетическая и вводитъ читателя въ кругъ явленій духовнаго опыта и мистики. Здѣсь авторъ прекрасно раскрываетъ нѣкоторыя стороны христіанской антропологіи, напр. значеніе сердца въ духовной жизни; попутно обличаетъ фальшь всякаго подвижничества внѣ христіанства и его существенное отличіе отъ перваго, обличаетъ современныхъ хиліастовъ, современныхъ проповѣдниковъ „святой плоти" (224, 226 и др.), наноситъ рѣшительный ударъ и безпощадно критикуетъ всякое міровоззрѣніе внѣ христіанства, доказываетъ, что и самая наука стала возможной только при наличности христіанскихъ идей. Намъ показалась въ этой главѣ только нѣкоторая несогласованность частныхъ положеній съ высказанными раньше: напр. на стр. 197 авторъ, различая *зло* и *грѣхъ*, первое опредѣляетъ какъ духовное искривленіе, а грѣхъ все, что ведетъ къ таковому, т. е. поводъ или средство: какъ будто раньше въ 6 гл. онъ грѣхъ опредѣляетъ именно, какъ искаженіе бытія, беззаконіе; здѣсь видимо имѣетъ въ виду простой грѣховный поступокъ. Цѣломудріе у него въ этой главѣ понимается уже исключительно какъ чистота сердца, а не состояніе ума (202), при чемъ сердце выдвигается какъ центръ духовной жизни, а церковная мистика называется мистикой груди, въ отличіе отъ мистики живота (присущей оргіасти-

ческимъ культамъ древности) и мистики головы (индуской).

Намъ думается, что церковная мистика не есть мистика груди или сердца, а непремѣнно объединенная мистика всѣхъ сторонъ человѣческаго существа: и ума, и сердца, и воли, и тѣла, если угодно, иначе и получается явленіе хлыстовства, столь обычнаго теперь, или духовной прелести. Припомнимъ автору, что у св. отцовъ всегда указываются 8 глав. страстей, изъ коихъ каждая имѣетъ отношеніе къ извѣстной области души или тѣла человѣческаго; борьбой съ ними оздоравливается и уцѣломудривается или тѣло (блудъ, чрево-угодіе), или умъ (гордость, тщеславіе), или сердце (печаль, уныніе), или воля въ ея настроеніи (гнѣвъ, сребролюбіе). Сердце выдвигается въ духовной жизни потому, что въ процессѣ волевой дѣятельности оно своимъ чувствованіемъ и желаніемъ обусловливаетъ совершеніе дѣла или поступка, оно самый важный стимулъ грѣха и добра въ ихъ осуществленіи, а главное, сердечная область есть вполнѣ достояніе человѣка; умъ можетъ и невольно загрязняться отъ приражений врага, а сердце только охотной волей человѣка, за него онъ отвѣтственъ; припомнить нужно моменты развитія страсти и всякаго грѣха, и тогда это будетъ понятно. Можно-ли, напр., очистить сердце безъ очищенія ума. У св. отцовъ умъ признается кормчимъ и отъ его обращенія къ Богу и чистоты зависитъ устроеніе души. Повторяемъ, въ духовной христіанской жизни все цѣлостно и объединено, да такъ и должно быть по мысли самого автора, ибо гдѣ уничтожается грѣхъ, тамъ возстановляется цѣлостность. Признаніемъ этой цѣлостности въ человѣкѣ, возстанавливаемой чрезъ подвигъ, какъ цѣли его жизни и высшаго ея основанія и разума, а чрезъ человѣка цѣлостности и красоты всей твари, авторъ и заканчиваетъ свою книгу.

Что сказать о ней въ заключеніе.

Какъ огласительное слово для стоящихъ „во дворѣ церковномъ“, а такъ проситъ смотрѣть на его книгу самъ авторъ (5 стр.), книга выполнена прекрасно. Сдѣлана полная апологія христіанской вѣры, какъ единственной истины, и сдѣлана тѣмъ путемъ и въ той сферѣ мысли, въ какой полагаютъ послѣдній резонъ всякой истины поклонники че-

ловѣческаго разсудка и все сказано на родномъ для нихъ языкѣ разсудка, логики и философіи. Авторъ какъ бы великодушно самъ ради нихъ спускается „до кладенцовъ хананейскихъ мыслей" (см. канонъ Андр. Критск.), изъ которыхъ люди разсудка думаютъ черпать и пить воду истины, и показываетъ, что истина не въ этихъ кладенцахъ, а въ камени вѣры Христѣ, изъ Котораго текутъ рѣки воды живой и токи премудрости, источаемые вѣрой.

Какъ Ѳеодицея, книга о. Павла можетъ удовлетворить самый требовательный вкусъ, изощренный въ философіи и богословіи. Раскрывается вся премірная глубина христіанства, его необходимость для человѣка, освѣщается свѣтомъ христіанства и уясняется имъ высшій смыслъ жизни и бытія міра и все: и частное, и основное въ христіанствѣ съ необыкновенной ясностью выявляется въ своемъ высшемъ смыслѣ и единствѣ. Не знаю,—есть-ли на Западѣ что-либо подобное, но въ русской литературѣ подобнаго опыта ѳеодицеи нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ книга о. Павла явленіе исключительное. По нашему мнѣнію она прекрасно дополняетъ то, что сказано въ книгѣ проф. Несмѣлова „Наука о человѣкѣ", но въ другомъ планѣ исполненія.

Какъ трудъ богословско-философскій, книга автора отъ начала до конца православна. Авторъ ниспровергаетъ господство въ жизни разсудка и его претензіи на монополію истины, утверждаетъ необходимость христіанской вѣры, утверждаетъ догматы, утверждаетъ духовный подвигъ, утверждаетъ и защищаетъ церковь, открываетъ ложь ересей древнихъ и новыхъ по ихъ существу, осуждаетъ „новое религіозное сознаніе" современной интеллигенціи, хлыстовство, хиліазмъ, культъ плоти; исповѣдуя грѣхъ, какъ причину зла, онъ въ благодати Св. Духа утверждаетъ силу преобѣждающую грѣхъ и обновляющую тварь. По нашему мнѣнію у автора въ тѣхъ немногихъ словахъ обращенія къ читателю, въ коихъ онъ касается отличія православія отъ католичества и протестантства, сказано для пониманія православія гораздо болѣе, чѣмъ въ спеціальной статьѣ одного профессора, напечатанной спеціально въ американскомъ журналѣ для уясненія этого вопроса.

Книга о. Павла высоко научная; трудно сказать, въ какой области научнаго знанія авторъ не проявилъ себя спе-

ціалистомъ въ этой книгѣ. Онъ прекрасно знаетъ античную философію и античный міръ; въ совершенствѣ изучилъ новую философію, показалъ себя филологомъ и математикомъ, проявилъ громадную начитанность и въ святоотеческой литературѣ, въ литературѣ богословской иностранной и русской. Одни примѣчанія автора (62 страницы) сами по себѣ безъ нашихъ словъ могутъ говорить за научное достоинство его труда и цѣнность ихъ можетъ быть понятна вполнѣ только спеціалистамъ вродѣ самого автора. Но авторъ вездѣ остается свободнымъ отъ подавляющаго вліянія этого научнаго багажа; онъ вездѣ творецъ и хозяинъ. Читая книгу автора, чувствуешь, что вмѣстѣ съ ней растешь духовно, а не только пріобрѣтаешь знаніе въ какой-нибудь области; да до нее и нужно дорасти, чтобы понять. Думается, что ее будутъ читать съ интересомъ и люди богословски образованные, и философствующіе, и просто интеллигентные.

Пусть даже нѣкоторымъ соблазномъ въ книгѣ автора является необычный стиль писанія, непринятый въ богословскихъ сочиненіяхъ способъ выраженія, особенный слогъ и строй рѣчи; въ этомъ сказался только индивидуализмъ автора и личная особенность его психики; на это просто не нужно обращать вниманія при чтеніи его книги и это не умаляетъ по существу достоинствъ книги автора.

Быть можетъ я не оцѣню по достоинству эту книгу, если признаю ее достойной степени магистра богословія, а не высшей ученой степени".—

2) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголева*:

„Книга, отзывъ о которой я долженъ теперь предложить вниманію Совѣта Академіи, представляетъ собою исключительное явленіе. Все въ ней необыкновенно, оригинально, все запечатлѣно исключительною индивидуальностью автора. Авторъ предлагаетъ „Опытъ православной Ѳеодицеи". Сколько такихъ опытовъ предложено на пространствѣ вѣковъ! Но я не знаю другого опыта, который былъ бы написанъ по такому плану, такимъ методомъ, такимъ языкомъ и съ привлеченіемъ такого разнообразнаго и своеобразнаго матеріала.

Тѣмъ, кто не знаетъ о. Павла лично и близко, его книга должна показать, какимъ исключительно широкимъ и

глубокимъ образованіемъ онъ обладаетъ. Трудно указать въ Европѣ или Америкѣ мыслителя, который имѣлъ бы такую блестящую подготовку для постановки и рѣшенія философскихъ проблемъ и въ особенности для рѣшенія труднѣйшихъ проблемъ философіи религіи. Въ опытахъ религіозной философіи Джемса, Вундта, Бутру, Гефдинга явно чувствуется неудовлетворенность теологической подготовки ихъ авторовъ и—что еще болѣе странно—проявляется неосвѣдомленность ихъ въ области исторіи религій. Нашъ авторъ богословски образованъ такъ, какъ рѣдко бываетъ образованъ богословъ. Не курсы богословія только знаетъ онъ, онъ усвоилъ, перечувствовалъ, воспринялъ въ себя православное богослуженіе, онъ просозналъ православіе и живетъ имъ. И онъ привлекаетъ къ себѣ въ руководители и помощники прежде всего не богослововъ, а тѣхъ, которые жили вѣрою. Житіями святыхъ простецовъ онъ пользуется не какъ историческимъ, а какъ высокоидейнымъ матеріаломъ, дающимъ ключъ къ разрѣшенію труднѣйшихъ вопросовъ познанія. Въ области исторіи религій освѣдомленность о. Павла Александровича изумительно обширна. Онъ знаетъ различныя религіи не только въ ихъ схемахъ, но въ ихъ подробностяхъ, въ деталяхъ и мелочахъ ихъ культа и пользуется этими мелочами для выясненія естественно-религіозныхъ стремленій человѣческой души.

Онъ отыскиваетъ въ своей книгѣ „столпъ и утвержденіе истины“ и находитъ его въ церкви. Проблему гносеологическую онъ разрѣшаетъ въ проблему религіозную. Для того, чтобы дать такую постановку и такое рѣшеніе вопроса, онъ обладаетъ научными познаніями въ изумительной широтѣ и полнотѣ. Математикъ по спеціальности, глубоко изучившій механику и физику, хорошо освѣдомленный въ области наукъ біологическихъ, онъ знаетъ философовъ въ оригиналѣ и подлинникахъ и изъ массы ихъ твореній съ удивительною чуткостью и глубокою анализа извлекаетъ то, что является цѣннымъ въ глазахъ православнаго мыслителя.

Для своего опыта Ѳеодицеи онъ широко пользуется филологіей. Мертвыя слова оживаютъ въ его анализѣ. Въ словахъ, въ ихъ корняхъ онъ видитъ выраженіе стремленій души, ищущей и предчувствующей истину.

У Канта его важнѣйшее сочиненіе—Критика чистаго ра-

зума (Kritik der reinen Vernunft) и его послѣдняя монографія—Религія въ границахъ одного только разума (Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft) въ сущности являются несъютимыми. Гносеологическій скептицизмъ и религіозная вѣра у него оказываются существующими совмѣстно и совершенно раздѣльно. Эту точку зрѣнія усвоили многіе. Но мнѣ представляется, что о. Павелъ, отступая отъ Канта, своею книгою дѣлаетъ поворотъ къ болѣе правильному взгляду Декарта. Для картезіанскаго мыслителя veracitas Dei была гарантіей того, что человѣкъ можетъ познать истину. Книга о. Павла Александровича въ сущности трактуетъ о религіозныхъ основахъ достовѣрности.

Между бытіемъ и мышленіемъ о. Павелъ Александровичъ усматриваетъ противорѣчіе. Міръ есть процессъ, есть непрекращающееся движеніе. Наше мышленіе можетъ оперировать лишь надъ неподвижнымъ — надъ фактами, предметами. Летящую стрѣлу въ каждый отдѣльный моментъ наше мышленіе пріурочиваетъ къ опредѣленному пункту, и во всей силѣ донынѣ остается парадоксъ Зенона, что летящая стрѣла неподвижна. Въ самыхъ принципахъ мышленія открывается несогласованность. Законъ тождества требуетъ, чтобы А было равно А. Законъ достаточнаго основанія требуетъ, чтобы А было равно не—А, законъ достаточнаго основанія сводитъ А на В. Разрѣшеніе этихъ противорѣчій о. Павелъ Александровичъ находитъ въ высшей формѣ закона тождества. А вѣчно отвергается само себя и въ своемъ самоотверженіи вѣчно получаетъ себя. Въ началѣ А есть А, потому что оно исключаетъ изъ себя все; въ концѣ А становится А, потому что усвояетъ и уподобляетъ себѣ все. Очевидно, промежуточное звено, посредствующій моментъ есть отрицаніе, А становится не—А.

Высшее тождество есть истина. Истина есть созерцаніе себя чрезъ другого въ третьемъ, Отецъ, Сынъ, Духъ. *Οὐσία* истины есть безконечный актъ Трехъ въ Единствѣ. Истина есть единая сущность въ трехъ ипостасяхъ.

По о. Павлу истина есть интуиція, т. е. дается непосредственно, и вмѣстѣ съ тѣмъ истина есть дискурсія, т. е. подлежитъ доказательству. Истина есть интуиція-дискурсія. На многихъ страницахъ своей книги авторъ развиваетъ и обосновываетъ тезисъ, что сама истина побуждаетъ человѣка

искать истины. Истина дана нашей душѣ и только поэтому мы ее ищемъ, выясняемъ, обосновываемъ и стремимся утверждать. Сама Тріипостасная Истина влечетъ насъ къ себѣ.

„Я не знаю, пишетъ авторъ, есть ли Истина или нѣтъ ея. Но я всѣмъ нутромъ ощущаю, что не могу безъ нея. И я знаю, что если она есть, то она—все для меня: и разумъ, и добро, и сила, и жизнь, и счастье. Можетъ быть нѣтъ ея; но я люблю ее,—люблю больше, нежели все существующее. Къ ней я уже отношусь, какъ къ существующей, и ее—быть можетъ, не существующую,—люблю всею душою моею и всѣмъ помышленіемъ моимъ. Для нея я отказываюсь отъ всего,—даже отъ своихъ вопросовъ и отъ своего сомнѣнія. Я, сомнѣвающійся, веду себя съ нею, какъ не сомнѣвающійся. Я, стоящій на краѣ ничтожества, хожу, какъ если бы я уже былъ на другомъ краѣ, въ странѣ реальности, оправданности и вѣдѣнія. Троякимъ подвигомъ вѣры, надежды и любви преодолѣвается косность закона тождества. Я перестаю быть Я, моя мысль перестаетъ быть моею мыслью; непостижимымъ актомъ отказываюсь отъ само-утвержденія „Я—Я“. Что-то или Кто-то помогаетъ мнѣ выйти изъ моей само-замкнутости... Что-то или Кто-то гаситъ во мнѣ идею, что Я—центръ философскихъ исканій, и я ставлю на это мѣсто идею о самой Истинѣ. Будучи ничѣмъ, но единственнымъ даннымъ мнѣ, я, себѣ данный, непостижимо для себя самого отказываюсь отъ этого единственнаго своего достоянія, приношу Истинѣ ту единственную жертву, которая предоставлена мнѣ, но и ее-то приношу опять не своею силою, а силою самой Истины; какъ ранѣе грѣховная самость ставила себя на мѣсто Бога, такъ теперь помощью Божіей я ставлю на мѣсто себя Бога, мнѣ еще не вѣдомаго, но чаемаго и любимаго. Я отказываюсь отъ боязливаго опасенія, что̀ со мною будетъ, и рѣшительнымъ взмахомъ дѣлаю себѣ операцію. Я покидаю край бездны и твердымъ шагомъ вбѣгаю на мостъ, который, быть можетъ, провалится подо мною.

Свою судьбу, свой разумъ, самую душу всего исканія—требованіе достовѣрности я вручаю въ руки самой Истины. Ради нея я отказываюсь отъ доказательства“ (стр. 63—64).

Ново все то, что хорошо забыто. Я сказалъ, что въ книгѣ о. Павла Александровича мнѣ чувствуется поворотъ къ Декарту, и долженъ добавить: къ его эпохѣ. Приведенныя мною

слова нашего автора, развиваемыя и обосновываемыя имъ въ его книгѣ, представляютъ собою утвержденіе и развитіе того, что нѣкогда писали Паскаль, Боссюетъ, Фенелонъ (см. краткое изложеніе ихъ доказательствъ бытія Божія въ моей книгѣ „Пособіе къ изученію Основного Богословія“).

Какъ въ области философіи книга о. Павла Александровича въ нѣкоторыхъ вопросахъ представляетъ поворотъ къ до-кантовскому періоду, такъ въ своемъ богословскомъ содержаніи она представляетъ во всемъ своемъ объемѣ поворотъ къ святоотеческому и аскетическому богословію.

Для того, чтобы познать истину, нуженъ свѣтъ истины. Для пріобрѣтенія его нужна любовь къ истинѣ. Любовь о. Павелъ Александровичъ разумѣетъ въ смыслѣ онтологическаго акта, а не въ смыслѣ психологическаго состоянія. Познаніе Бога проявляется въ дѣятельной любви къ твари, а проявленная любовь есть красота. Познаніе Бога и любовь къ Богу для автора нераздѣльны. Нѣтъ любви, нѣтъ и познанія и наоборотъ. Свѣтъ истины не есть лишь духовный свѣтъ, онъ можетъ становиться свѣтомъ видимымъ. Лицо Моисея сіяло лучами. О. Павелъ Александровичъ приводитъ аналогичные примѣры изъ житій. Но онъ предостерегаетъ отъ того, чтобы довѣрять свѣту еретическихъ и нехристіанскихъ мистиковъ.

Для того, кто дѣйствительно позналъ догматъ, онъ есть „око ума“. И св. Аѳанасія Александрійскаго, познавшаго и отстоявшаго догматъ Троичности, св. Григорій Богословъ называетъ „святѣйшимъ окомъ вселенной“. „Имъ вселенная усмотрѣла истину“.

Усвоеніе Св. Духа, воспринятіе Утѣшителя есть начало жизни безсмертной. Св. посты—начатки просвѣщенія тѣла; св. мощи, которыя мы лобызаемъ,—проблески воскресенія; св. таинства—источники обоженія“ (стр. 121). Теперь царство Божіе чрезъ усвоеніе Св. Духа наступаетъ для отдѣльныхъ личностей. Въ будущемъ оно наступитъ для всѣхъ, которые будутъ въ истинѣ.

Какъ на ряду съ Богомъ существуетъ тварь, такъ рядомъ съ Истиною (субстанціональною, живою) существуетъ истина. Истина, по нашему автору, антиномична. Онъ указываетъ, что въ вопросахъ о Божествѣ, естествахъ во Христѣ, объ отношеніи человѣка къ Богу, о грѣхѣ, судѣ, воздаяніи

конечной судьбѣ, въ вопросахъ о заслугахъ, благодати, вѣрѣ. пришествіи Христовомъ мы имѣемъ рядъ антиномичныхъ утвержденій. Эти антиноміи разрѣшаются въ высшей стадіи религіознаго развитія, разрѣшаются сверхсознаніемъ, сверхлогикою.

Путь, которымъ долженъ идти человѣкъ, долженъ представлять собою усвоеніе истины. Но есть иной путь—путь грѣха. Отецъ Павелъ Александровичъ анализируетъ опредѣленіе грѣха, какъ беззаконія по ученію ап. Іоанна. Противополагаетъ ему путь закона, путь праведности, который характеризуетъ терминомъ „цѣломудріе"(цѣлостная мудрость). Этотъ путь ведетъ къ вѣчности. При вопросѣ о вѣчности авторъ затрогиваетъ вопросъ о памяти, которую опредѣляетъ какъ „созданіе во времени символовъ вѣчности".

Къ вѣчности человѣкъ идетъ вмѣстѣ съ Бого - зданною тварью. Авторъ разсматриваетъ тварь и въ ея историческомъ явленіи и въ ея идеалѣ.

Къ своему изслѣдованію о. Павелъ Александровичъ приложилъ книжку примѣчаній и замѣтокъ. Онъ далъ 470 примѣчаній къ своей работѣ. Въ этихъ примѣчаніяхъ читатель найдетъ указанія сочиненій, въ которыхъ обсуждаются положенія устанавливаемыя нашимъ авторомъ или дается матеріалъ для обоснованія этихъ положеній. О. Павелъ Александровичъ даетъ не глухія указанія: онъ комментируетъ цитаты, подчеркиваетъ ихъ смыслъ, указываетъ на ихъ внутреннюю природу. Онъ предлагаетъ читателямъ ключи къ пониманію цитируемыхъ имъ трудовъ. Книжка цитатъ въ высшей степени важна для тѣхъ—конечно, немногочисленныхъ читателей,—которые займутся анализомъ капитальнаго труда о. Павла Александровича. Эти цитаты открываютъ намъ, что изучалъ и что читалъ на своемъ еще очень недолгомъ вѣку авторъ, и эти цитаты даютъ намъ нѣкоторую возможность выяснить генезисъ его воззрѣній.

Книгу о. Павла Александровича нужно не читать, а изучать: слишкомъ много важныхъ и цѣнныхъ утвержденій она въ себѣ заключаетъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ важность предмета и глубокая значимость этихъ утвержденій побуждаетъ читателя быть осторожнымъ при чтеніи этой книги и не спѣшить присоединять свое „да" къ утвержденіямъ автора. Думается, что и самъ авторъ, когда станетъ переиздавать свою

книгу, найдетъ нужнымъ измѣнить въ ней нѣчто съ внѣшней стороны и нѣчто съ внутренней.

Я сказалъ, что книга о. Павла трактуетъ о религіозныхъ основаніяхъ достовѣрности. Самъ авторъ озаглавилъ ее „О духовной истинѣ“. Что же духовная истина автора относится къ истинѣ вообще, какъ видовое понятіе къ родовому? Какой же другой видъ истины существуетъ? истина плотяная? Но такой истины не существуетъ. Живая Истина духовна. Истина, какъ правильное утвержденіе, нематеріальна. Да, наконецъ, нашъ авторъ трактуетъ о критеріи истины вообще, а не о критеріи духовной истины.

Въ обращеніи автора къ читателю мы находимъ утвержденіе, что православная церковность неопредѣлима (стр. 7). Но вѣдь онъ разсуждаетъ объ этой церковности. Развѣ можно разсуждать о неопредѣлимомъ? А потомъ все то, что существуетъ, можетъ быть познаваемо и опредѣляемо. Непознаваемо и неопредѣлимо лишь такое бытіе, которое на насъ не дѣйствуетъ. Но такое бытіе для насъ и не существуетъ, для насъ оно есть небытіе.

Разрѣшеніе многихъ недоумѣній авторъ находитъ въ тайнѣ Троичности, но, вѣроятно, его разсужденія о Троичности болѣе вызовутъ недоумѣній, чѣмъ рѣшатъ ихъ. Повидимому, авторъ въ числѣ три видитъ какую то основную категорію жизни и мышленія. У него какъ бы утверждается невыводимость чиселъ ни изъ чего другаго. Вещи—явленія абсолютныхъ, трансцендентныхъ чиселъ. Я думаю, что числа совсѣмъ не что-либо абсолютное, а только пріемъ несовершеннаго мышленія. Существованіе чиселъ предполагаетъ собою существованіе разрывовъ въ бытіи и существованіе тождественныхъ предметовъ. Ни того, ни другого нѣтъ въ дѣйствительности. И мы постоянно наталкиваемся на ирраціональныя величины. Опредѣленіе величинъ числами обычно есть пріемъ приближенный, неточный. Если авторъ разумѣетъ числа иныя, намекъ на которыя можетъ быть даетъ теорія идеальныхъ чиселъ, то ему слѣдовало бы выразиться опредѣленнѣе, да и эта теорія, только что зараждающаяся, есть скорѣе вопросъ, чѣмъ теорія.

Въ пространствѣ авторъ долженъ находить число три, потому что пространство трехмѣрно. Я думаю, что на пространствѣ удобно показать фиктивное значеніе числа три.

Въ природѣ существуютъ лишь тѣла, а поверхности и линіи суть только отвлеченія отъ тѣлъ. Новая натуральная геометрія такъ и ставитъ дѣло, что существуетъ одинъ типъ пространственнаго бытія, а не три типа.

Число три у автора управляетъ міромъ. Простѣйшая семья для него должна состоять изъ отца, матери и ребенка, который является центромъ семьи. Если бы на самомъ дѣлѣ эта простѣйшая семья была нормальною семьею, то по моему подсчету человѣчество при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ черезъ 900 лѣтъ прекратило бы свое существованіе [1]).

Я не думаю оспаривать мысли автора, что представленіе божества троичнымъ намъ дается не отвнѣ только, а заложено въ нашу природу. Но для выясненія этого тезиса автору нужно было бы дольше остановиться на данныхъ религій и особенно на религіи египетской.

Авторъ считаетъ наше мышленіе антиномичнымъ. Онъ даетъ намъ рядъ антиномій (157—158). Безъ сомнѣнія онъ могъ бы умножать ихъ безъ конца. Но можетъ быть дѣло здѣсь не въ антиномичности, а просто въ ограниченности человѣческаго мышленія и знанія. Не сверхразумность на пространствѣ вѣковъ уничтожала антиноміи, онѣ уничтожались научными открытіями. До открытія Нептуна движеніе Урана и законъ тяготѣнія были антиномичны; до открытія дѣйствія капиллярныхъ силъ иголка не тонущая въ водѣ и законъ Архимеда были антиномичны; теперь все это находится въ добромъ согласіи.

Авторъ православенъ, православенъ глубоко, внутренне, но это не оправдываетъ его отношеній къ католицизму и протестантизму. „Для католицизма, пишетъ онъ (разумѣется, беру какъ католицизмъ, такъ и протестантизмъ въ ихъ пре-

[1]) На землѣ теперь 1500 милліоновъ людей. Принимая, что каждые двое будутъ производить одного, мы получаемъ, что въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи число людей будетъ уменьшаться вдвое. Для рѣшенія вопроса, когда на землѣ останется одинъ человѣкъ, имѣемъ уравненіе $\frac{1500000000}{2^n} = 1$; $n \lg 2 = 8 \lg 15$; n. o. $3010300 = 8.\ 11760913$; n оказывается нѣсколько больше 28. Черезъ 29 поколѣній человѣчество сведется къ одному лицу, 30-го поколѣнія не будетъ. Считая поколѣніе въ 30 лѣтъ, имѣемъ, что черезъ 900 лѣтъ на землѣ не останется ни одного человѣка.

дѣлѣ, въ ихъ принципѣ), всякое самостоятельное проявленіе жизни неканонично, для протестантизма же—оно ненаучно" (6—7). На самомъ дѣлѣ авторъ беретъ здѣсь католицизмъ и протестантизмъ не въ предѣлѣ, а въ каррикатурѣ. Развѣ католицизмъ безусловно отрицаетъ свободу и развѣ протестантизмъ безусловно хочетъ регулировать отношенія человѣка къ Богу научнымъ способомъ? Я не представляю себѣ и никакого предѣла у протестантизма. Протестантъ можетъ быть почти католикомъ и почти атеистомъ. Это „почти" можетъ быть очень малымъ; протестантъ можетъ быть почти и буддистомъ и магометаниномъ. Исторически протестантизмъ идетъ къ отрицанію всякой религіи, но въ принципѣ вѣрованія протестанта могутъ приближаться ко всякой религіи. Католицизмъ далъ такихъ людей, какъ Францискъ Ассизскій или Паскаль. Развѣ они представляли собою отступленіе отъ католическаго идеала, а не приближеніе къ нему? Несомнѣнно, что даже въ іезуитскомъ орденѣ происходитъ постепенно раскрѣпощеніе свободы, а не закрѣпощеніе, и это съ точки зрѣнія принциповъ католицизма вовсе не есть удаленіе отъ предѣла. Авторъ въ своихъ сужденіяхъ о чужихъ для него формахъ вѣры поддается слабости, оправдываемой его глубокой религіозностью, но не оправдываемой правдою: свое исповѣданіе онъ разсматриваетъ въ его идеалѣ, а другія исповѣданія не только не въ идеалѣ, но и не въ историческомъ проявленіи, а въ каррикатурѣ.

Прося о. Павла Александровича быть снисходительнѣе къ католикамъ и протестантамъ, я попросилъ бы его, имѣя въ виду его книжку примѣчаній, быть снисходительнѣе и къ читателямъ. Своими цитатами онъ отсылаетъ читателей къ математическимъ теоріямъ Бугаева, Некрасова, Алексѣева, къ біологическимъ гипотезамъ Коржинскаго, Гуго де-Фриза, къ филологическимъ изслѣдованіямъ Курціуса, Прельвица и Буасака, къ подвижническимъ и святоотеческимъ твореніямъ, къ литургическимъ и церковно-историческимъ изслѣдованіямъ, къ изящной литературѣ, къ произведеніямъ философовъ и т. д. и т. д. И великихъ и малыхъ писателей онъ цитируетъ по подлинникамъ. Но немного найдется людей, которые могли бы легко переходить отъ св. Григорія Нисскаго къ теоріи вѣроятностей Лапласа и отъ Алгебры логики Кутюра къ преподобному Іоанну Лѣствичнику. Затѣмъ не-

много найдется людей, которые имѣли бы возможность ознакомиться со многимъ изъ цитируемаго авторомъ. Въ своихъ цитатахъ нашъ авторъ очень рѣдко разграничиваетъ существенное отъ несущественнаго, важное отъ неважнаго, даже порою стоящее вниманія отъ нестоящаго. Онъ подчеркиваетъ и комментируетъ мысль цитируемаго источника. И только. Но что важнѣе всего прочитать изъ множества книгъ и статей, прочитанныхъ авторомъ? На это нѣтъ отвѣта. А между тѣмъ для самаго дѣла защищаемаго авторомъ было бы весьма полезно, если бы онъ указалъ важнѣйшія сочиненія, приведшія его къ утверждаемымъ имъ положеніямъ. Это нелегко. Но о. Павелъ Александровичъ умѣетъ и любитъ трудиться.

Въ заключеніе я скажу слѣдующее.

Можно многое оспаривать и даже отрицать въ сочиненіи о. Павла. Но все это не колеблетъ исключительнаго значенія этой исключительной книги. И значеніе она будетъ имѣть не только научно-богословское или философское, а и глубоко жизненное. Вопросъ о томъ—заслуживаетъ ли это сочиненіе ученой степени и какой: магистра или доктора, этотъ вопросъ мнѣ представляется даже неловкимъ. Есть книги, которыя поднимаются надъ школьною лѣстницею ученыхъ степеней, книга о. Павла Александровича принадлежитъ къ ихъ числу. Въ ней находимъ мы цѣльное и оригинальное міросозерцаніе человѣка юнаго по возрасту, но зрѣлаго духомъ. Юный, онъ въ своей книгѣ является всецѣло и своеобразно сложившимся. Въ этомъ отношеніи я сравню его съ Эдуардомъ Гартманомъ, давшимъ свою философію безсознательнаго 29 лѣтъ отъ роду. Но Гартманъ далъ унылое и безнадежное міросозерцаніе, а нашъ авторъ своею продиктованною глубокою превославною вѣрою книгою всегда будетъ возгрѣвать въ людяхъ вѣру, надежду, любовь. Вознаградимъ его за его книгу, какъ можемъ".

б) Отзывы о сочиненіи и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики, кандидата богословія, *В. П. Виноградова* подъ заглавіемъ: „Уставныя Чтенія. Выпускъ первый. Уставная регламентація чтеній въ Греческой церкви.—Сергіевъ Посадъ, 1914 г.", представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

1) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго:*

„При разборѣ диссертаціи г. Виноградова *я* обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на ту сторону ея, которая имѣетъ ближайшее отношеніе къ предмету моей каѳедры,—на греческіе тексты, попадающіеся въ ней, съ которыми автору постоянно приходится имѣть дѣло.

Цитаты, которыя приведены въ его книгѣ въ большомъ числѣ, частью даются съ переводомъ на русскій или церковно-славянскій языкъ, частью безъ него. Въ послѣднемъ случаѣ возникаютъ нерѣдко затрудненія для читателя, даже знающаго болѣе или менѣе древній греческій языкъ, - въ виду того, что поздній греческій языкъ имѣетъ много особенностей сравнительно съ древнимъ, какъ въ лексическомъ отношеніи, такъ и въ грамматическомъ, и цитаты по большей части представляютъ собою отдѣльныя фразы, выхваченныя изъ контекста. Конечно, читатель можетъ справиться съ подлинникомъ, но и это не легко, такъ какъ цитируемые тексты взяты иногда изъ изданій, рѣдко находящихся у кого подъ рукою, а иногда даже и изъ рукописей. Въ разбираемой нами книгѣ есть мѣста, заставляющія читателя отвлекать свое вниманіе отъ текста книги на переводъ греческихъ цитатъ, въ которыхъ, къ тому же, много опечатокъ, такъ что читателю приходится прибѣгать къ коньектурамъ и думать, какое должно быть истинное чтеніе. Для примѣра приведу слѣдующія мѣста: стр. 134, прим. 5: *ταράττων καὶ ταραττόμενος, θορυβῶν τε καὶ θορυβούμενος;* 143, пр. 4: *ἐν τῇ πανηγύρει ἐκείνῃ τοῦ μέλλοντος;* 149, пр. 1: *πληροῦμεν αὐτὰ τὰ δύο τῆς ἑρμηνείας βιβλία;* 151: *εἰς δὲ τοῖς ὄρθροις τὰς μὲν ἡμέρας ἐν ἑκάστῃ αὐτῶν;* 167, пр. 1: *ἀναγινώσκομεν δὲ καὶ λόγους, ει τύχει, εἰς εγκωμιατικοὺς εἰς τὸν τίμιον σταυρόν;* 196, пр. 5: *ἐνορδίνως κρατεῖν;* 197, пр. 7: *ὡς σκάνδαλα προξενοῦνται.*

Что переводы цитатъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, были бы не лишни, это сознавалъ, повидимому, самъ авторъ, который кое-гдѣ даетъ такіе переводы; но это бываетъ очень рѣдко; при томъ трудно понять, чѣмъ руководится онъ, давая свой переводъ именно въ этихъ мѣстахъ,—во всякомъ случаѣ не трудностью ихъ для пониманія, такъ какъ эти мѣста какъ разъ очень понятны, напр.,

154, пр. 1: *ζῆτει αὐτὸν εἰς τὴν μετάφρασιν, τὸν ὀκτώβριον* „ищи его въ метафрасисѣ, въ октябрѣ“; 157: *γίνεται καὶ δόσις μία εις τὸ ἐγκώμιον Θεοδώρου του Στουδίτου* „бываетъ одно чтеніе изъ похвальнаго слова Θеодора Студита“.

Иногда онъ даетъ чужой переводъ греческаго текста. Такъ, въ гл. 1 цитаты изъ твореній Св. Θеодора Студита приводятся по печатному переводу С.-Петербургской Духовной Академіи. Но странно то, что авторъ, видя недостатки этого перевода [1]), тѣмъ не менѣе цитировалъ его. Слѣдствіемъ этого было то, что у г. Виноградова сохранились ошибки этого перевода, которыхъ онъ, можетъ быть, избѣжалъ бы, если бы далъ свой собственный переводъ. Правда, въ Corrigenda и addenda онъ оговаривается, что, приводя существующіе русскіе переводы, онъ считалъ нужнымъ поправлять ихъ „мелкія неточности“ лишь въ случаяхъ, когда эти неточности имѣютъ какое-либо значеніе для существа его сужденій, и тутъ поправляетъ многія изъ нихъ; но всетаки остается страннымъ такой піэтетъ къ чужому переводу: если авторъ могъ дать переводъ болѣе вѣрный, зачѣмъ же было давать ошибочный,—даже въ случаяхъ, не имѣющихъ значенія для существа сужденій автора? Къ тому же, какъ уже видно изъ списка этихъ „неточностей“, приведенныхъ авторомъ въ corrigenda,—списка, который можно увеличить,—это вовсе не „мелкія неточности“, какъ онъ ихъ называетъ, а иногда прямо ошибки, если только русскій переводчикъ не имѣлъ въ рукахъ другого текста, чѣмъ тотъ, который приводитъ нашъ авторъ, возможность чего онъ допускаетъ (см. corrigenda). Опять получается въ этомъ случаѣ какая-то странность: русскій переводъ, помѣщенный рядомъ съ греческимъ текстомъ, ему не соотвѣтствуетъ. Пусть это не повліяло на выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, но всетаки такая система—слѣдовать во что бы то ни стало чужому переводу—непонятна читателю и дѣйствуетъ непріятно.

Но во всякомъ случаѣ указанные недостатки я не считаю особенно важными и полагаю, что авторъ за свой трудъ заслуживаетъ степени магистра богословія, такъ какъ въ немъ есть не мало достоинствъ: авторъ не только изучилъ въ достаточномъ количествѣ соотвѣтствующую литературу, но ра-

---

[1]) Иногда онъ самъ его поправлялъ, напр. стр. 3. 16. 32. 35.

боталъ и непосредственно по рукописнымъ источникамъ: на каждой страницѣ видно трудолюбіе автора, такъ какъ работа эта—въ высшей степени кропотливая и требующая напряженнаго вниманія; несомнѣнно, она составляетъ вкладъ въ литературу по этому мало изученному предмету".

2) Экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ литургики *священника И. В. Гумилевскаго:*

„Работа автора не претендуетъ быть очеркомъ исторіи развитія Уставныхъ Чтеній. Конструировать исторію развитія практики Уставныхъ Чтеній авторъ считаетъ задачей научно не выполнимой. Его интересуетъ самый фактъ Уставныхъ Чтеній: наличность ихъ въ томъ или другомъ Уставѣ, ихъ положеніе въ общемъ строѣ Богослуженія и, главнымъ образомъ, самая регламентація Чтеній, распредѣляющая матеріалы примѣнительно къ церковному году. Изложеніе этихъ вопросовъ и составляетъ то, что авторъ называетъ обозрѣніемъ и изложеніемъ памятниковъ уставной регламентаціи чтеній въ связи съ данными нѣкоторыхъ другихъ литургическихъ источниковъ (VII). Самое обозрѣніе памятниковъ уставной регламентаціи въ виду невозможности установить научно ихъ историческое преемство, авторъ счелъ для себя болѣе удобнымъ и плодотворнымъ представить не въ строго хронологическомъ порядкѣ, а въ томъ, „въ которомъ эти памятники при сравнительномъ сопоставленіи наиболѣе освѣщаютъ и дополняютъ другъ друга" (VII). Такая практическая необходимость приспособляться къ готовымъ матеріаламъ, не подвергая ихъ исторической критикѣ, побудила автора расположить свою работу по своеобразному плану, въ которомъ различаются двѣ неравномѣрныя части: первую (главы I—IV) авторъ посвящаетъ „сравнительному обзору наиболѣе полныхъ и опредѣленныхъ памятниковъ двухъ основныхъ и наиболѣе опредѣленныхъ отраслей Церковнаго Устава—Студійско-Константинопольскаго Устава и Іерусалимскаго. Всѣ же остальные менѣе полные и опредѣленные и даже совершенно отрывочные памятники" составляютъ особое обозрѣніе (пятая глава—вторая часть плана). Такимъ образомъ, все стремленіе автора направлено къ тому, чтобы сообщить своей работѣ фактичность, объективность и опредѣленность. И хотя осуществленіе авторомъ этого стремле-

нія не безусловно, все же эти качества достаточно опредѣлились для того, чтобы быть характерными для труда автора.

Въ частности, глава первая: „Уставныя Чтенія въ твореніяхъ св. Θеодора Студита“ (стр. 1—20) обнаруживаетъ знакомство автора съ означенными твореніями въ русскомъ переводѣ въ интересахъ своей темы. Тѣ выраженія и понятія, которыя представляются автору наиболѣе интересными и имѣющими отношеніе къ изслѣдуемой темѣ, сопоставляются имъ съ соотвѣтствующими выраженіями и понятіями греческаго оригинала. Часть этихъ сопоставленій не имѣетъ подстрочнаго комментарія и потому не объясняетъ своего смысла. Комментарій другой части сопоставленій не всегда безспоренъ. Главное же: чувствуется замѣтный пробѣлъ въ томъ, что смыслъ интересныхъ для автора терминовъ не установленъ на основаніи твореній св. Θеодора Студита и потому случаенъ, чреватъ опасностью вложить въ сопоставляемое греческое выраженіе смыслъ свой или вербально-словарный и потому не можетъ быть признанъ вполнѣ научно обоснованнымъ. Тѣмъ не менѣе самый методъ сопоставленія русскаго текста твореній св. Θеодора Студита съ греческимъ текстомъ, въ цѣляхъ критической провѣрки перваго, обнаруживаетъ въ авторѣ похвальное стремленіе къ научной разработкѣ своего вопроса.

Судя по этой главѣ, авторъ включаетъ въ объемъ понятія „Уставныя Чтенія“ и чтенія Священнаго Писанія (стр. 4). По словамъ автора „Всѣ эти три рода чтеній (т. е. Свящ. Писаніе, житія и творенія св. Отцевъ), наряду съ собственными оглашеніями, Θеодоръ представляетъ какъ нѣчто неразрывно-связанное между собою единою цѣлью“. Въ виду этого возникаетъ недоумѣніе, почему авторъ въ послѣдующихъ главахъ сократилъ объемъ понятія „Уставныя Чтенія“, игнорируя Священное Писаніе, какъ особый родъ Уставныхъ Чтеній. И это тѣмъ болѣе, что эти чтенія не безотносительны къ чтеніямъ другого рода, что, повидимому, сознаетъ и самъ авторъ (стр. 261). На основаніи этого мы отмѣчаемъ неопредѣленность темы автора.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что какъ оглашенія св. Θеодора Студита не суть Церковный Уставъ, такъ и почерпаемыя отсюда свѣдѣнія не суть уставная регламентація Чтеній въ Греческой Церкви. Другими словами: первая глава не

является прямымъ раскрытіемъ темы. Но въ оправданіе автора слѣдуетъ сказать, что его въ данномъ случаѣ интересуютъ „Первыя опредѣленныя данныя“ (стр. 1) о чтеніяхъ, которыя онъ и предпосылаетъ обозрѣнію регламентаціи въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Глава вторая: Уставныя Чтенія по записямъ Студійскаго Устава. I. *Ὑποτύπωσις τῆς καταστάσεως τῆς μονῆς τῶν στουδίων*. II. Уставъ патріарха Алексѣя—знакомитъ читателя во 1) съ краткой записью въ монастырѣ Студійскомъ богослужебнаго порядка, преданнаго отъ святаго Θеодора (стр. 21—37). Запись эта представлена авторомъ тремя редакціями: *Ὑποτυπωσις*'омъ въ изданіи Migne'я, *Ὑποτυπωσις*'омъ и *Διατυπωσις*'омъ въ изданіи Дмитріевскаго. Сопоставляя эти записи, какъ три редакціи одного Устава, какъ коллективную богослужебную запись и при томъ позднѣйшую, авторъ пытается представить первоначальный текстъ *Ὑποτυπωσις*'а и намѣтить процессъ его постепеннаго усложненія. Конечно, его сужденія въ этомъ направленіи, какъ теряющія почву въ фактахъ, далеки отъ неотразимости своихъ выводовъ и опредѣленій и производятъ впечатлѣніе вставки неестественно развитой по отношенію къ тексту самаго содержанія уставной регламентаціи (стр. 30—37) и стоящей изолировано отъ него, безъ вліянія на характеръ обоснованій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обнаруживаетъ освѣдомленность въ текстѣ означенныхъ редакцій *Ὑποτυπωσις*'а и потратилъ много труда на сравнительное сопоставленіе рубрикъ.

Во 2), данная глава знакомитъ читателя съ Уставомъ патріарха Алексѣя—литургическимъ памятникомъ первой половины XI столѣтія (стр. 37—79). Работа автора состоитъ въ томъ, что онъ выписываетъ изъ наиболѣе полнаго списка Алексѣевскаго Устава (№ 330 Моск. Син. Библ.) всѣ предписанія о чтеніяхъ круга седмичнаго (стр. 40—43), круга тріоднаго (стр. 44—50) и круга минейнаго (стр. 51—68). Такимъ образомъ соединяется во едино разсѣянное, что важно для опредѣленія состава чтеній по этому уставу въ его полномъ видѣ. Въ заключеніи главы (стр. 68—79) авторъ ведетъ рѣчь объ отношеніи устава патріарха Алексѣя къ *Ὑποτυπωσις*'у, изъ которой открывается, что между обоими уставами полное согласіе по вопросу о чтеніяхъ: тотъ же порядокъ чтеній, то же число каѳизмъ, то же распредѣленіе чтеній

между богослужебными моментами. Уставъ патріарха Алексія отличается лишь большею полнотою и опредѣленностью. Къ такому сопоставленію уставовъ авторъ прибѣгаетъ и въ двухъ слѣдующихъ главахъ и приходитъ къ одному и тому же выводу. Такъ, напримѣръ, Евергетидскій Типикопъ относится къ Алексѣевскому Уставу такъ же, какъ этотъ послѣдній къ *Υποτυπωσις*'у: „тѣ же моменты для чтеній на утренѣ" (стр. 80), „число каѳизмъ и чтеній на нихъ въ будніе дни то же" (стр. 81) и „круги четьяго матеріала Евергетидскаго Устава представляютъ ничто иное, какъ развитіе, усложненіе и нѣкоторое видоизмѣненіе таковыхъ же Алексѣевскаго" (стр. 85). Наконецъ, строй и составъ уставныхъ чтеній Іерусалимскаго Устава „въ основномъ и преимущественномъ своемъ содержаніи... совершенно тождественъ съ обоими студійскими константинопольскими уставами... Рядъ особенностей, свойственныхъ только Іерусалимскому Уставу, состоитъ не только изъ новыхъ сравнительно со студійскими уставами элементовъ и моментовъ строя и состава чтеній, сколько изъ нѣкоторыхъ отличій въ формальномъ расположеніи элементовъ и моментовъ" (стр. 138—139). Если же къ этому присоединить заключительныя слова автора, что „Уставная Книга доселѣ по древнему чину неумолчно проповѣдуетъ среди денно-нощныхъ псалмопѣній и молитвословій насельниковъ Св. Горы" (стр. 323), то однообразіе основного строя уставныхъ чтеній будетъ вполнѣ очевиднымъ. Конечно, съ этой стороны авторъ не развлекаетъ читателя разнообразіемъ и не обогащаетъ науку новыми литургическими подробностями.

Положительная сторона подобной работы автора въ томъ, что она съ одной стороны подчеркиваетъ консерватизмъ богослужебной практики, съ другой свидѣтельствуетъ о церковномъ общеніи, какъ опредѣляющемъ факторѣ, уравнивающемъ богослужебную практику церквей, силою котораго уставная регламентація переходила со страницъ одного Устава на страницы другого. Разсужденія автора снабжены обильными примѣчаніями, обнаруживающими внимательное отношеніе автора къ шести спискамъ Алексѣевскаго Устава и попытку указать греческій и переводный текстъ уставныхъ чтеній. Конечно, эти указанія далеки отъ изысканій первооригинала греческихъ текстовъ и ихъ переводовъ, которыми пользовались современники того или иного Устава.

Но, повидимому, авторъ подобными указаніями намѣчаетъ себѣ путь къ дальнѣйшимъ изысканіямъ въ этомъ именно направленіи и, можно ожидать, судя по предисловію автора (VIII), что этому будетъ удѣлено бо́льшее вниманіе въ заготовляемомъ авторомъ второмъ выпускѣ.

Совершенно такія же по характеру работы и по внѣшнему виду главы вторая: Чтенія по Евергетидскому Типикону (стр. 80—136) и третья: Чтенія по Іерусалимскому Уставу (стр. 137—203); поэтому предыдущія замѣчанія относятся и къ этимъ главамъ. Авторъ обнаружилъ знакомство въ части уставной регламентаціи съ Евергетидскимъ Типикономъ и Іерусалимскимъ Уставомъ въ основныхъ спискахъ греческихъ (№ 456 Синодальной Библ. и № 491 Севастьяновскаго собранія Румянцовскаго Музея) и славянскихъ (№ 328 Син. Библ. и № 336 Волокол. б. Моск. Дух. Акад.), съ которыми онъ сравнивалъ цѣлый рядъ греческихъ (№№ 381, 488, 380 Син. Библ.) и славянскихъ списковъ и изданій (№ 1458 Севастьяновскаго собранія Румянцовскаго Музея, № 332 Синод. Библ., № 445 Румянц. Музея, №№ 239, 242, 244, Тр. С. Лавры и № 9 биб. М. Д. А. Невоструевскаго собранія). Конечно, и здѣсь не все точно въ представленіяхъ автора, встрѣчаются и апріорныя утвержденія. Но въ такомъ кропотливомъ трудѣ это почти необходимо.

Пятая глава: Древнѣйшая основа, второстепенныя развѣтвленія и заключительная стадія развитія уставной регламентаціи „Чтеній“ въ Греческой Церкви (стр. 296—323), по свидѣтельству самого автора, передаетъ тѣ „слишкомъ скудныя и отрывочныя свѣдѣнія, которыя не даютъ ничего, что могло бы стать прочнымъ отправнымъ пунктомъ для построенія исторіи развитія Уставныхъ Чтеній“ (стр. 1). Густой мракъ, которымъ покрыта исторія Уставныхъ Чтеній въ этотъ періодъ, авторъ проясняетъ „съ большой степенью гипотетичности“ (стр. 203). Вполнѣ соглашаясь съ этой авторской самооцѣнкой, мы, однако, признаемъ и эту часть сочиненія небезполезной для литургики, какъ эпизодическое разсмотрѣніе чтеній, какъ одной изъ составныхъ частей христіанскаго богослуженія.

Въ виду всего сказаннаго мы приходимъ къ слѣдующему выводу. Авторъ добросовѣстно изучилъ съ своей точки зрѣнія тѣ первоисточники, которые были въ его распоряженіи,

обнаружилъ большой и кропотливый трудъ и уставныя чтенія, какъ одинъ изъ богослужебныхъ моментовъ, опредѣленный уставной регламентаціей Греческой Церкви, представилъ вниманію читателя въ должной полнотѣ и ясности и въ достаточной мѣрѣ обоснованнымъ; поэтому, считая трудъ его полезнымъ въ виду неразработанности въ литургической наукѣ изслѣдуемаго имъ вопроса и выражая горячее желаніе, чтобы второй выпускъ не замедлилъ послѣдовать за первымъ, мы, съ своей стороны, не имѣемъ препятствій для присужденія ему степени магистра богословія".

в) Дополнительные отзывы о сочиненіи инспектора Владимірской духовной семинаріи, кандидата богословія, *протоіерея Димитрія Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ. Историко-гомилетическое изслѣдованіе". Сергіевъ Посадъ, 1913 г., представленномъ (съ добавленіемъ въ отдѣльной книгѣ: „Проповѣди блаж. Августина", переводъ съ латинскаго языка на русскій. Сергіевъ Посадъ, 1913 г.) на соисканіе степени магистра богословія.

1) И. д. доцента Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. П. Виноградова:*

„О сочиненіи о. Садовскаго въ его *рукописномъ* видѣ еще 16 марта 1911 г. въ Совѣтѣ Академіи заслушанъ отзывъ моего предшественника по каѳедрѣ—преосвященнѣйшаго епископа Евдокима, которымъ о. Садовскій признанъ „за свой ученый трудъ вполнѣ заслуживающимъ степени магистра богословія" (Журналы Совѣта за 1911 г. стр. 70—76). Разсмотрѣвъ въ настоящее время почтенный трудъ о. Садовскаго въ *печатномъ*, нѣсколько переработанномъ и дополненномъ видѣ, я нахожу, что и въ своемъ новомъ видѣ сочиненіе сохраняетъ научныя достоинства, отмѣченныя въ отзывѣ преосвященнаго еп. Евдокима, освободившись однако въ значительной мѣрѣ отъ указанныхъ здѣсь недостатковъ. Въ силу этого я съ своей стороны полагалъ бы должнымъ допустить автора до магистерскаго диспута".

2) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ нравственнаго богословія *М. М. Тарѣева:*

„Въ прежнемъ отзывѣ о сочиненіи о. Садовскаго (см. Журналы собраній Совѣта М. Д. А. за 1911 г. стр. 76—78) мною въ качествѣ недостатковъ его были указаны: логическая необработанность, нелитературность изложенія и безграмотность переписки. Въ своемъ настоящемъ, печатномъ, видѣ диссертація о. Садовскаго освобождена отъ недостатковъ языка и орѳографическихъ. Въ логическую обработку матеріала авторомъ внесено мало улучшеній, но все-же и эта сторона сочиненія теперь лучше, чѣмъ прежде. Къ диссертаціи приложено добавленіе въ отдѣльной книгѣ „Проповѣди блаж. Августина. Переводъ съ латинскаго языка на русскій", котораго въ рукописи я не видѣлъ. Переведены 23 бесѣды блаж. Августина, составляющія среди обширнѣйшаго количества его проповѣдей особый отдѣлъ De diversis. Переводъ о. Садовскаго страдаетъ крупными недочетами, главное—многочисленными пропусками и многочисленными неправильностями въ передачѣ мыслей латинскаго подлинника. Можно настойчиво утверждать, что переводчику—вопреки его заявленію въ предисловіи—совершенно не удалось „оттѣнить всѣ даже мельчайшіе изгибы мысли проповѣдника", прослѣдить „за утонченными сочетаніями" ихъ. Считаю долгомъ удостовѣрить, что изучающіе блаж. Августина не могутъ положиться на переводъ протоіерея Садовскаго. Тѣмъ не менѣе книга эта, какъ немалый трудъ, усиливаетъ права автора диссертаціи на полученіе степени магистра богословія.

Въ виду указанныхъ исправленій и дополненія работы, съ сохраненіемъ прежде отмѣченныхъ достоинствъ ея—соотвѣтствующаго темѣ плана и внимательнаго изученія проповѣдей блаж. Августина въ подлинникѣ, авторъ можетъ быть допущенъ до магистерскаго коллоквіума".

Справка: 1) По выслушаніи въ собраніи 16 марта 1911 года отзывовъ бывшаго Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима* и ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева* о рукописномъ сочиненіи о. инспектора Тобольской (нынѣ—Владимірской) духовной семинаріи *протоіерея Димитрія Садовскаго* подъ заглавіемъ: „Блаженный Августинъ, какъ проповѣдникъ", — Совѣтомъ Академіи постановлено было: „Магистерскую диссертацію инспектора Тобольской духовной

семинаріи протоіерея Димитрія Садовскаго возвратить автору для исправленія согласно замѣчаніямъ, изложеннымъ въ отзывахъ рецензентовъ, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, за болѣе подробными руководственными указаніями обратиться къ ординарному профессору Академіи М. М. Тарѣеву".—По представленіи протоіереемъ Д. Садовскимъ своей магистерской диссертаціи въ *печатномъ* видѣ,—она передана была (2 сентября 1913 года) для разсмотрѣнія и. д. доцента Академіи *В. П. Виноградову* и ординарному профессору *М. М. Тарѣеву.* 2) Устава духовныхъ академій § 172: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—3) Исправляющіе должность доцента Академіи *священникъ Павелъ Флоренскій* и *В. П. Виноградовъ* и инспекторъ Владимірской духовной семинаріи *протоіерей Димитрій Садовскій* окончили курсъ въ Московской Духовной Академіи (первый—въ 1908-мъ году, второй—въ 1909-мъ году и третій—въ 1894 году) со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—4) По § 109 лит. *а*, п. 15 устава,—„распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)" значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленныя на соисканіе степени магистра богословія *священникомъ П. А. Флоренскимъ*, *В. П. Виноградовымъ* и *протоіереемъ Д. Садовскимъ* сочиненія подъ вышеупомянутыми заглавіями достаточными для означенной степени,—допустить названныхъ лицъ къ защитѣ ихъ сочиненій на коллоквіумахъ.—2) Оффиціальными оппонентами назначить: а) при защитѣ диссертаціи священникомъ *П. А. Флоренскимъ*—ординарнаго профессора Академіи *С. С. Глаголева* и и. д. доцента по каѳедрѣ систематической философіи и логики *О. К. Андреева*; б) при защитѣ диссертаціи

В. П. Виноградовымъ — ординарнаго профессора Академіи *С. И. Соболевскаго* и экстраординарнаго профессора *священника П. В. Гумилевскаго* и в) при защитѣ диссертаціи *протоіереемъ Д. Садовскимъ*— ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарѣева* и и. д. доцента *В. П. Виноградова.*—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи каждымъ изъ магистрантовъ 65-ти экземпляровъ диссертаціи, войти въ соглашеніе съ ними относительно дней коллоквіумовъ и пригласить къ участію въ послѣднихъ сторонних лицъ.

VI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, магистра богословія, *Д. И. Введенскаго:*

„Представляя при семъ на соисканіе степени доктора богословія два экземпляра своего сочиненія на тему: „Патріархъ Іосифъ и Египетъ“ (опытъ сближенія данныхъ Библіи и Египтологіи). Сергіевъ Посадъ, 1914 г.“, покорнѣйше прошу дать дѣлу надлежащій ходъ“.

Опредѣлили: Докторскую диссертацію экстраординарнаго профессора Д. И. Введенскаго передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священнику Д. В. Рождественскому.*

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертаціи экстраординарнаго профессора Академіи Д. И. Введенскаго онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголева.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ виду приближающагося празднества *столѣтняго юбилея* Академіи, имѣю честь предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ среды академической корпораціи особой *распорядительной коммиссіи* для выработки программы тор

жества, которая должна быть представлена на утвержденіе Святѣйшаго Синода, для выполненія различныхъ подготовительныхъ работъ по устроенію торжества, а также для планомѣрной и согласованной распорядительности во время онаго“

Опредѣлили: 1) Для указанной въ предложеніи Преосвященнаго Ректора Академіи цѣли избрать особую распорядительную коммиссію по устроенію юбилейнаго празднества въ составѣ: *членовъ Правленія* Академіи, съ *Преосвященнымъ Ректоромъ* во главѣ; сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*, экстраординарныхъ профессоровъ—*Д. И. Введенскаго, Н. Л. Туницкаго* и *священника В. Н. Страхова;* исправляющихъ должность доцента Академіи—*Ѳ. М. Россейкина, Ѳ. К. Андреева* и *А. В. Ремезова* и помощника инспектора *Н. И. Сомова.*—2) Предоставить коммиссіи пригласить, по ея выбору, для содѣйствія въ организаціи юбилейнаго торжества Академіи, по нѣскольку студентовъ отъ каждаго курса.

IX. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 26 февраля за № 1385:

„Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 29—31 января 1914 года за № 802, поручено Учебному Комитету препроводить *проектъ новой программы философскихъ предметовъ для духовныхъ семинарій* на предварительное заключеніе Совѣтовъ Императорскихъ духовныхъ академій.

Въ исполненіе изложеннаго Синодальнаго опредѣленія препровождая при семъ проектъ новой программы философскихъ предметовъ для духовныхъ семинарій, Учебный Комитетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи сообщить Комитету свое заключеніе по означенному проекту“.

Опредѣлили: Приложенные къ отношенію три экземпляра новой программы философскихъ предметовъ для духовныхъ семинарій передать на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголеву*, экстраординарному профессору по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколову* и и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи *священнику П. А. Флоренскому*, съ тѣмъ, чтобы они сообщили свои от-

зывы по сему предмету къ ближайшему собранію Совѣта Академіи.

X. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 24 января за № 1074:

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ академіи немедленно сообщать о томъ Канцеляріи для внесенія о сихъ фактахъ въ Инспекторскій Отдѣлъ, а также Канцелярія проситъ при представленіяхъ о новыхъ назначеніяхъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ академіи точно обозначать, на чью вакансію назначаются тѣ или другіе профессора, такъ какъ эти свѣдѣнія тоже требуются для внесенія въ Инспекторскій Отдѣлъ“.

Опредѣлили: Принять къ исполненію.

XI. Отношеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Г. Предсѣдателя Педагогическаго Совѣта Сергіевопосадской женской гимназіи, отъ 5 февраля за № 25:

„Имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что распоряженіемъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 9 декабря 1913 года за № 53317 лекторъ французскаго языка при Императорской Московской Духовной Академіи, Надворный Совѣтникъ, Александръ *Мишинъ* съ 28 ноября 1913 года опредѣленъ учителемъ исторіи Сергіевопосадской женской гимназіи“.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) О назначеніи *г. Мишина* учителемъ исторіи въ Сергіевопосадской женской гимназіи (съ оставленіемъ въ должности лектора французскаго языка при Академіи) внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

XII. Представленный редакціею академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ *отчетъ* по изданію журнала и святоотеческихъ твореній въ минувшемъ 1913 году.

Справка: Правилъ отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ *§ 7-й:* „Совѣтъ Академіи, по полученіи отчетовъ

редакціи, избираетъ коммиссію изъ трехъ лицъ для обревизованія приходо-расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ".

Опредѣлили: Разсмотрѣніе отчета за 1913-й годъ и обревизованіе кассы, приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника" и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ, поручить коммиссіи изъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго* и доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*.

XIII. Отношеніе Временной Коммиссіи по устройству и управленію Виленской Публичной Библіотеки, отъ 26 февраля за № 147:

„Коммисія по управленію Виленской Публичной Библіотеки постановила обратиться къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшей просьбой, не признаете ли возможнымъ сдѣлать распоряженіе о безплатномъ отпускѣ Виленской Публичной Библіотекѣ, для пополненія ея собраній, по 1 экземпляру всѣхъ печатныхъ диссертацій на ученыя степени, которыя имѣются въ достаточномъ количествѣ въ академическомъ архивѣ или библіотекѣ.

Находясь на Западной окраинѣ безъ высшаго учебнаго заведенія и будучи здѣсь единственнымъ правительственнымъ учрежденіемъ этого рода, Виленская Публичная Библіотека крайне нуждается въ научной русской книгѣ, и, въ виду ограниченности своихъ матеріальныхъ средствъ, принуждена обращаться съ ходатайствомъ о поддержаніи ея посильными пожертвованіями".

Справка: 1) Прежде вышедшихъ въ свѣтъ диссертацій на ученыя богословскія степени имѣется: въ академическомъ архивѣ—не болѣе, какъ по одному, а въ фундаментальной академической библіотекѣ—не болѣе, какъ по два экземпляра.—2) Изъ нынѣ представляемыхъ каждымъ докторантомъ или магистрантомъ 65-ти экземпляровъ ихъ диссертацій, по представленіи изъ нихъ 16-ти экземпляровъ въ Святѣйшій Синодъ и Его Высокопреосвященству и раздачѣ значительной части остающихся экземпляровъ членамъ академической корпораціи,—для разсылки по духовнымъ ака-

деміямъ, университетамъ и высшимъ учебнымъ учрежденіямъ Имперіи остается не болѣе 9—10 экземпляровъ.

Опредѣлили: Не имѣя возможности удовлетворить просьбу Коммиссіи въ томъ видѣ, какъ она изложена въ отношеніи,— предложить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи,—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ пожертвовать свои ученые труды и изданія на пополненіе Виленской Публичной Библіотеки.

XIV. Отношенія:

а) Императорскаго Россійскаго Посольства въ Лондонѣ, отъ 26 февраля за № 417:

„Императорское Посольство имѣетъ честь препроводить письмо Лондонской Библіотеки по вопросу обмѣна изданіями.

Въ виду исключительнаго положенія и большого значенія этого института, Императорское Посольство признало бы такой обмѣнъ весьма желательнымъ и считаетъ долгомъ съ своей стороны горячо поддержать предложеніе Лондонской Библіотеки“.

б) Г. Директора Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, отъ 3 декабря 1913 года за № 4307:

„Препровождая при семъ седьмой (VII-й) выпускъ Ученыхъ Записокъ ввѣреннаго мнѣ Лицея, покорнѣйше прошу прислать въ обмѣнъ Ваши изданія“.

в) Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи, отъ 5 марта за № 99:

„Высочайше учрежденный Комитетъ попечительства о русской иконописи, препровождая при семъ свое изданіе „Иконы Московскаго Придворнаго собора Спаса на Бору“, П. Покрышкина, имѣетъ честь обратиться въ Императорскую Московскую духовную академію съ предложеніемъ, не найдетъ ли она возможнымъ вступить съ Комитетомъ во взаимный обмѣнъ изданіями“.

Опредѣлили: Поручить редакціи академическаго журнала высылать съ 1914 года „Богословскій Вѣстникъ“ во всѣ три вышепоименованныя учрежденія, возбудившія вопросъ объ обмѣнѣ изданіями.

XV. Отношенія:

а) Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, отъ 19 февраля за № 339, съ возвращеніемъ принадлежащихъ фундаментальной академической библіотекѣ книгъ подъ №№ 27267, 4199, 38/112 и 13856.

б) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 6 марта за № 449, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Академіи: 1) книги— *Τοῦ ὁσίου Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις*. 2) журнала—Jewisch Quarterly Review за 1890 г. №№ 2, 3, 4 и 9, и рукописи— „Записка о чествованіи Св. Анны Кашинской".

в) Совѣта той же Академіи, отъ 13 марта за № 479, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи рукописей подъ №№ 1451, 1157 и 21/1098 (были присланы при отношеніи Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 28 января за № 183).

г) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 7 февраля за № 209, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ книгъ: 1) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1835 г. № 9, 2) „Ученыя записки Казанскаго Университета" за 1864 г. вып. 2 и 3) „Восходъ" за 1904 г., 4 тома.

д) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 22 февраля за № 731, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 7 февраля за № 66; и отъ 22 марта за № 1020—съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ—рукописи подъ № 32 и книги Епископа Антонина „Книга Притчей Соломона", т. III.

е) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 4 февраля за № 337, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ рукописи подъ № 927 („Сборникъ" XVI в.).

ж) Правленія Вологодской духовной семинаріи, отъ 22 марта за № 423, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ рукописи семинарской библіотеки подъ № 16 („Обиходникъ Глушицкаго Діонисіева монастыря").

з) О. Намѣстника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, отъ 24 марта за № 48, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвра-

щенной Совѣтомъ рукописи монастырской библіотеки подъ № 13 („Правила св. Апостолъ“).

п) Канцеляріи Комитета Попечительства о трудовой помощи, отъ 7 февраля за № 1568, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 24 января за № 42.

і) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 31 января за № 237, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій профессорскаго стипендіата іеромонаха Іеронима (Чернова), книгъ: 1) M. I. Ménant. Annales des Rois d' Assyrie и 2) I. Furst. Kultur —und Literaturgeschichte der Iuden in Asien.

к) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 7 февраля за № 433, съ препровожденіемъ, для того же лица и на тотъ же срокъ, книгъ: 1) Henne—Am Rhym. Kulturgeschichte des Iudentums и 2) Hildebrandt. Iuda's Verhältniss zu Assyrien in Iesaia's.

л) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 6, 24 и 27 февраля и 4 марта за №№ 197, 280, 298 и 331, съ препровожденіемъ: 1) греческой рукописи изъ собранія Григоровича подъ № 818, 2) греческаго старопечатнаго сборника различныхъ службъ, изданнаго въ 1741—42 г.г. въ Мосхополѣ, 3) рукописи изъ собранія Пискарева подъ № 474 („Кормчая“) и изданія—„Статьи по славяновѣдѣнію“, т. III.

м) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 30 января, 11 и 26 января за №№ 349, 585 и 760, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, —1) разныхъ книгъ и журналовъ (русскихъ) въ 19 томахъ: 2) книгъ—Acta societatis scientiarium fennicae, t. XVIII, и Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica. Edidit Carolus de Boor. 1880; 3) книгъ—Winckler. H. Keilinschriftliches Textbuch zum Alten Test. и Records of the Past. Vol. V, VII, IX.

н) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 7 и 27 февраля и 3 марта за №№ 392, 561 и 602 съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ: 1) рукописи подъ № 818 („Сборникъ“ XVI—XVII в.), 2) греческой рукописи подъ № 163, 3) греческой рукописи подъ № 275—381 („Уставъ Церковный Студійскій—*Τυπικόν*“) и славянской подъ № 383—328 („Уставъ церковный“), а также съ увѣ-

домленіемъ (въ отношеніи за № 561-мъ) о полученіи возвращенной Совѣтомъ рукописи подъ № 345.

о) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 28 января, 5 и 24 февраля за №№ 172, 262 и 345, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 34, 129, 172, 179 и 254; 692 (1619) и 791 (1898); 783 (1627).

Справка: Всѣ, означенныя въ пп. *і—о*, книги и рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

п) Императорской Археографической Коммиссіи, отъ 21 марта за № 187, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Волоколамской библіотеки подъ №№ 491 и 534.

р) Совѣта Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 7 марта за № 451, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописи библіотеки Московской Академіи подъ № 12, высланной, по распоряженію Преосвященнаго Ректора, въ Совѣтъ С.-Петербургской Академіи (по отношенію онаго отъ 21 февраля за № 316), для занятій студента III курса Бориса Никольскаго, при отношеніи отъ 1 марта за № 86.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*, отъ 24 марта за № 1193:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической Библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 603 и 843 (Инспектора Академіи архимандрита Иларіона), 866 (Проф. А. П. Алмазова), 863 (Проф. С. С. Глаголева), 451 (Проф. М. М. Тарѣева), 869 (Проф. М. М. Богословскаго), 856 и 1431 (Проф. П. П. Соколова), 852 (Проф. И. В. Попова), 861 (Проф. С. И. Смирнова), 77, 78, 79 и 80 (Проф. свящ. Е. А. Воронцова), 870 (Проф. Д. И. Введенскаго), 359 и 360 (Проф. А. П. Орлова), 601, 602, 855, 858, 859, 864 и 865 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 857 (Проф. свящ. В. Н. Страхова), 860 (Проф. Н. Л. Туницкаго), 867 (Проф. свящ. И. В. Гумилевскаго), 604 (доцента

іером. Варѳоломея), 1211 (п. д. д. Ѳ. М. Россейкина), 165, 853 и 854 (и. д. д. свящ. П. А. Флоренскаго), 511 (и. д. д. А. М. Туберовскаго), 662 (и. д. д. іером. Пантелеимона), 811 (и. д. д. А. В. Ремезова), 868 (лектора А. К. Мишина) и 848 (Библіотечной Коммиссіи)".

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XVII. Имѣли сужденіе: О назначеніи премій: а) *Митрополита Московскаго Макарія въ 482 рубля*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, б) *Митрополита Московскаго Макарія въ 289 рублей*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и в) *двухъ* премій *Епископа Курскаго Михаила*, по *201 р.* каждая, за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.

Справка: 1) Въ собраніи Совѣта Академіи 21 января текущаго 1914 года на премію *Митрополита Московскаго Макарія въ 482 рубля* представлены были труды ординарнаго профессора Академіи *А. А. Спасскаго* („Эллинизмъ и христіанство") и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова* („Древнерусскій духовникъ"), а на премію *Епископа Курскаго Михаила*—труды доцентовъ Академіи *Н. Д. Протасова* („Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы") и *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* („Книга пророка Аввакума.—Введеніе и толкованіе").—Къ соисканію премій *Митрополита Московскаго Макарія въ 289 рублей* въ томъ же собраніи Совѣтомъ Академіи были допущены магистерскія диссертаціи: экстраординарныхъ профессоровъ Академіи *Н. Г. Туницкаго* и *священника И. В. Гумилевскаго*, доцента *Н. Д. Протасова* и преподавателя Волынской духовной семинаріи *Ѳ. С. Владимірскаго*.—2) Правилъ о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія—*а) п. 13:* „Черезъ два мѣсяца послѣ январьскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на преміи сочиненій и присужденіе самыхъ премій"; *б) п. 15:* „Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ

преміи".—3) Положенія о преміи Епископа Курскаго Михаила *§ 9:* „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе преміи".—4) По *§ 109* лит. *б* п. 9 устава духовныхъ академій „присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ премій за ученые труды" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Премію изъ процентовъ съ капитала Митрополита Московскаго Макарія *въ 482 рубля* за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи—раздѣлить на двѣ равныя части,—*по 241 р.* каждая,—и назначить ихъ ординарному профессору Академіи *А. А. Спасскому* и экстраординарному профессору *С. И. Смирнову* за вышеуказанные печатные труды ихъ („Эллинизмъ и христіанство. Исторія литературно-религіозной полемики между эллинизмомъ и христіанствомъ за раннѣйшій періодъ христіанской исторіи. 150—254 г.". Сергіевъ Посадъ, 1913 г. и „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта". М. 1913 г.).—2) Премію изъ процентовъ съ того же капитала *въ 289 рублей*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи—присудить экстраординарному профессору Академіи *Н. Г. Туницкому* за его магистерскую диссертацію подъ заглавіемъ: „Св. Климентъ, Епископъ Словенскій. Его жизнь и литературная дѣятельность". Сергіевъ Посадъ, 1913 г.—3) Двѣ преміи Епископа Курскаго Михаила, *по 201 р.* каждая, назначить доцентамъ Академіи, представившимъ свои магистерскія диссертаціи на темы по Священному Писанію: *Н. Д. Протасову* („Св. Апостолъ Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI глл. книги Дѣяній по греческому тексту". Москва, 1913 г.) и *іеромонаху Варѳоломею (Ремову)* („Книга пророка Аввакума. Введеніе и толкованіе". Сергіевъ Посадъ, 1913 г.).—4) Постановленія сіи представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XVIII. *О вызовѣ воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса.*

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 138:* „О вызовѣ содержимыхъ на Синодальныя средства студентовъ Совѣтъ Академіи заблаговременно представляетъ Св. Синоду, для зависящихъ съ его стороны распоряженій, въ порядкѣ, указанномъ въ § 109, л. в., п. 5 устава. Вмѣстѣ съ симъ Совѣтъ дѣлаетъ объявленіе во всеобщее свѣдѣніе объ имѣющемъ быть пріемѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную, при чемъ сообщается объ условіяхъ пріема, о документахъ, коими должны запастись желающіе явиться къ пріему, и о количествѣ Синодальныхъ и частныхъ стипендій, на которыя могутъ разсчитывать поступающіе въ Академію".—2) По опредѣленію Св. Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса Академіи положено по 30 казенныхъ вакансій.

Опредѣлили: 1) Представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса *20-ти* лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ *10-ти* казеннокоштныхъ вакансій лицамъ, имѣющимъ явиться къ повѣрочнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ.—2) Объ имѣющемъ быть пріемѣ въ Академію желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ".

XIX. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *росписанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній* студентовъ Академіи въ текущемъ 1913—1914 учебномъ году.

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ росписанія испытаній, просить Преосвященнаго Ректора Академіи представить оный, согласно § 158 устава духовныхъ академій, на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „6 мая 1914. Исполнить".

28 марта 1914 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

Отсутствовали: ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: Отзывы о сочиненіи законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, магистра богословія, *протоіерея Іоанна Арсеньева* подъ заглавіемъ: „Отъ Карла Великаго до реформаціи. (Историческое изслѣдованіе о важнѣйшихъ реформаціонныхъ движеніяхъ въ Западной церкви въ теченіе восьми столѣтій). Изданіе второе, значительно дополненное. Москва. 1913“, представленномъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

а) Экстраординарнаго профессора Академіи *А. П. Орлова*:

„Предметомъ своего изслѣдованія о. Арсеньевъ ставитъ „всестороннее обозрѣніе исторіи возникновенія и развитія въ Западной церкви оппозиціоннаго (католичеству) и сектантскаго движенія“ „въ теченіе цѣлыхъ восьми столѣтій“ (15 стр.). Для характеристики общаго содержанія работы о. Арсеньева я считаю достаточнымъ привести ея оглавленіе: Глава 1-я (вступительная). Предварительныя замѣчанія. Проявленіе реформаціоннаго движенія при Карлѣ Великомъ (1—15 стр.). Гл. 2-я: Клавдій Туринскій и Агобардъ Ліонскій; ихъ литературная и реформаціонная дѣятельность (15—35 стр.). Гл. 3-я: Іоаннъ Скотъ Эригена, какъ реформаторъ въ области богословія и философіи (35—68 стр.). Гл. 4-я: Евхари-

стическій споръ въ двухъ его фазахъ—въ IX и въ XI вв.— и проявившаяся въ немъ борьба реформаторскихъ стремленій съ церковнымъ ученіемъ (68—84 стр.). Гл. 5-я: Споръ о предопредѣленіи и его значеніе въ исторіи реформаторскихъ стремленій въ Западной церкви (85—108 стр.). Гл. 6-я: Историческія причины зарожденія и развитія сектантскаго движенія въ Италіи, во Франціи и отчасти въ Германіи къ началу XI вѣка. Двоякій характеръ этого движенія (108—122 стр.). Гл. 7-я: Катары или альбигойцы. Ихъ ученіе и религіозный культъ. Внутренняя организація ихъ общинъ (122—152). Гл. 8-я: Вопросъ о происхожденіи ереси альбигойцевъ или катаровъ (152—172). Гл. 9-я: Вальденсы. Происхожденіе этой секты, ея отличительный характеръ. ученіе и внутренняя организація (172—198). Гл. 10-я: Раціоналистическій элементъ въ схоластическомъ богословіи XII вѣка. Петръ Абеляръ и его ученіе (199—226). Гл. 11-я: Арнольдъ Брешіанскій и поднятое имъ движеніе къ реформѣ церкви (226—248). Гл. 12-я: Нѣкоторые другіе ученики и подражатели направленія Абеляра: ихъ характеристика и отношеніе къ нимъ богослововъ ортодоксальнаго направленія (248—269). Гл. 13-я: Арабская философія и ея вліяніе на направленіе схоластики и общества въ XIII вѣкѣ (269—303). Гл. 14-я: Іоахимъ де-Флорисъ и его апокалиптическое ученіе. Отраженіе его реформаціонныхъ идей на нѣкоторыхъ представителяхъ францисканскаго ордена и отчасти доминиканскаго (304—328). Гл. 15-я: Пантеистическій мистицизмъ XIII и XIV вѣка и его частныя проявленія въ видѣ ученій и сектъ (329—371). Гл. 16-я: Мейстеръ Экгартъ и его ученіе. Отношеніе его къ современной ему сектѣ „свободнаго духа" (371—384). Гл. 17-я: Сегарелли и апостолики. Фра Дольчино и патарены (384—407). Гл. 18-я: Данте Алигіери и его отношеніе къ реформѣ римской церкви (407—443). Гл. 19-я: Джонъ Виклефъ, его ученіе и реформаторская дѣятельность (443—512). Гл. 20-я: Богословы парижскаго университета и вліяніе ихъ на Констанцскій соборъ (512—562). Гл. 21-я: Янъ Гусъ, его ученіе и реформаторская дѣятельность (562—609). Гл. 22-я: Савонаролла, какъ церковный реформаторъ (609—671). Заключеніе (671—683).

Разсматривая сочиненіе о. Арсеньева, прежде всего, со стороны его общаго содержанія и композиціи, нельзя не отмѣ-

тить значительнаго несоотвѣтствія между намѣченной авторомъ задачей своего изслѣдованія и дѣйствительнымъ содержаніемъ его книги. Въ первой или „вступительной“ главѣ своего сочиненія авторъ опредѣляетъ свою задачу такимъ образомъ. Установивъ, что въ основѣ всего реформаціоннаго процесса, развивавшагося въ средневѣковой католической жизни отъ временъ Карла Великаго и завершившагося реформаціей XVI вѣка, лежатъ три основныхъ начала, выступившія уже при Карлѣ Великомъ и въ ближайшую къ нему эпоху: 1) „крайній и излишній спиритуализмъ“: 2) „весьма недвусмысленный раціонализмъ“, и 3) „стремленіе отстоять... свободу національнаго начала, въ противовѣсъ постоянному и систематическому подавленію со стороны римской церкви этого начала въ области богословія и церковной жизни“ (14 стр.), авторъ пишетъ: „Вся эта крайне интересная исторія постепеннаго усилія (усиленія?) и развитія этого движенія въ теченіе цѣлыхъ восьми столѣтій и составитъ предметъ нашего изслѣдованія. Въ немъ мы постараемся показать, какъ и въ какой степени вліяла на развитіе названнаго движенія извѣстная борьба реализма и номинализма, а также и то, насколько оно стояло въ зависимости отъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ событій исторической жизни европейскихъ народовъ. Кромѣ того, въ объясненіе собственно того явленія, почему именно оно нерѣдко вырождалось въ нѣчто антицерковное и даже антихристіанское, мы будемъ указывать и на тѣ вліянія, которыя несомнѣнно дѣйствовали на него со стороны нѣкоторыхъ религіозныхъ и философскихъ ученій и сектъ не только христіанскаго, но и мусульманскаго Востока.

Такое всестороннее обозрѣніе исторіи возникновенія и развитія въ Западной церкви оппозиціоннаго и сектантскаго движенія объяснитъ намъ многое и въ исторіи реформаціи, и даже отчасти и въ дальнѣйшей борьбѣ, какая велась и еще ведется въ нѣдрахъ римской церкви со стороны недовольныхъ частью ея отступленіями отъ идеала древней церкви, частью же не всегда правильными отношеніями ея къ культурѣ и національнымъ интересамъ тѣхъ народовъ, которые вошли въ ея ограду“ (15 стр.).

Я не буду входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса, насколько установленная о. Арсеньевымъ схема для истори-

ческаго обзора оппозиціонныхъ средневѣковому католицизму движеній является пригодной для своей цѣли,—насколько установленные авторомъ принципы этихъ движеній могутъ хорошо оріентировать историка въ изученіи ихъ сложной картины [1],—отмѣчу лишь, насколько дѣйствительное выполненіе авторомъ задуманнаго имъ „всесторонняго обозрѣнія исторіи“ поименованныхъ движеній оставляетъ желать многаго. На самомъ дѣлѣ, книга о. Арсеньева не даетъ не только „всесторонней“ характеристики подлежащаго его изслѣдованію историческаго процесса, но не всегда удовлетворяетъ и требованіямъ связно-прагматическаго его изложенія, поскольку авторъ то начинаетъ разсмотрѣніе тѣхъ или другихъ сторонъ этого процесса ex abrupto, безъ выясненія раннѣйшихъ, въ высшей степени значительныхъ его моментовъ, относящихся къ намѣченному авторомъ хронологическому періоду „отъ Карла Великаго до реформаціи“, то не доводитъ обзора этого процесса до конца значащейся въ заглавіи книги о. Арсеньева эпохи. Поясню сказанное нѣсколькими примѣрами. Въ числѣ основныхъ реформаціонныхъ теченій средневѣковой католической жизни, намѣченныхъ авторомъ для своего изслѣдованія, выступаетъ, какъ мы видѣли, національно-освободительное движеніе въ средѣ западно-европейскихъ народностей, входившихъ въ составъ

[1] Относительно намѣченной авторомъ схемы историческаго развитія средневѣковыхъ оппозиціонныхъ католичеству движеній можно, съ одной стороны, указать на нѣкоторую неотчетливость такихъ приходящихъ въ нее понятій, какъ „излишній спиритуализмъ“ или „весьма недвусмысленный раціонализмъ“, поскольку установить границу, напр., между двусмысленнымъ и недвусмысленнымъ раціонализмомъ въ развитіи средневѣковой католической мысли и жизни—очень трудно, а отсюда возникаетъ затрудненіе разграничить собственно реформаціонныя явленія въ средневѣковой католической исторіи отъ просто поступательныхъ моментовъ ея развитія. Самъ авторъ въ „заключительной“ главѣ своей книги заявляетъ, что раціонализмъ составляетъ отличительную особенность самаго католицизма, въ его т. е. ортодоксальномъ выраженіи (ср. 672 стр. и дал.), а не только оппозиціонныхъ ему теченій въ средневѣковой исторіи. Съ другой стороны, установленная о. Арсеньевымъ схема для обзора средневѣковыхъ реформаціонныхъ движеній едва ли можетъ обнимать собою всѣ историческія явленія этого рода. По отношенію, напр., къ реформаторской дѣятельности Саванаролы каждый изъ указанныхъ авторомъ принциповъ средневѣковыхъ реформаціонныхъ теченій можетъ быть примѣненъ лишь съ большими натяжками.

средневѣковой католической церкви, или борьба національно-политическаго начала противъ той полу-духовной, полу-мірской теократіи, какую стремились установить въ западно-европейскомъ мірѣ средневѣковые папы и ихъ сотрудники. Что же даетъ по этому вопросу „всестороннее обозрѣніе“ о. Арсеньева? Оставляя совершенно въ сторонѣ такой исключительно важный моментъ названнаго реформаціоннаго движенія въ средневѣковомъ католическомъ мірѣ, какъ борьба папы Григорія 7-го съ императоромъ Генрихомъ 4-мъ, равно какъ и преемниковъ Григорія съ императорами-Гогенштауфенами, авторъ въ первый разъ обращается къ характеристикѣ идеологіи этого движенія лишь въ главѣ о Данте (стр. 410 и дал.), между тѣмъ какъ церковно-политическія воззрѣнія этого знаменитаго гибеллина 14 вѣка по существу являются лишь выраженіемъ тѣхъ идей, которыя уже со временъ Григорія 7-го развивались въ публицистической литературѣ, выходившей изъ подъ пера противниковъ всеобъемлющей папской теократіи. Характеристика этой церковно-публицистической письменности XI вѣка, составляющей прототипъ и идейную основу всѣхъ дальнѣйшихъ средневѣковыхъ опытовъ раскрытія вопроса объ отношеніи между папствомъ и имперіей, всего лучше уяснили бы какъ мѣсто Данте въ исторіи разсматриваемаго авторомъ движенія, такъ отчасти и другихъ представителей этого „реформаціоннаго“ теченія средневѣковой мысли и жизни, каковы, напр., Виклифъ и руководящіе дѣятели Констанцскаго собора. Хотя авторъ пространно излагаетъ ихъ церковно-политическія воззрѣнія (особенно Виклифа), однако это изложеніе ихъ носитъ у него слишкомъ эпизодическій характеръ, не выясняетъ ихъ связи съ раннѣйшими моментами обозрѣваемаго реформаціоннаго движенія. Укажу, далѣе, примѣръ, какъ претендующее на всесторонность изслѣдованіе о. Арсеньева обрываетъ обзоръ намѣченныхъ имъ реформаціонныхъ процессовъ въ средневѣковой католической исторіи, далеко не доводя его до конца обозначеннаго на заглавномъ листѣ книги о. Арсеньева хронологическаго предѣла. Намѣтивъ въ качествѣ одной изъ задачъ своего изслѣдованія — прослѣдить развитіе спиритуалистическаго начала въ исторіи оппозиціонныхъ средневѣковому католицизму движеній, выразившагося въ рядѣ доктринъ мисти-

ческаго характера, о. Арсеньевъ на страницахъ своей книги разсматриваетъ воззрѣнія Эригены, Іоахима Флорійскаго, Амальриха Бенскаго, Давида Динантскаго, ортлибаріевъ, беггардовъ, Экгарта и др. Но исторія мистико-спиритуалистическаго движенія въ средневѣковомъ католичествѣ „отъ Карла Великаго до реформаціи" еще далеко не исчерпывается затронутыми въ книгѣ о. Арсеньева ученіями. Планомѣрность изслѣдованія, претендующаго на всесторонность, требовала отъ автора также обзора и дальнѣйшихъ моментовъ въ развитіи отмѣченнаго принципа въ западно-европейской церковной исторіи, выразившагося, напр., въ возникновеніи извѣстныхъ общинъ „друзей Божіихъ" и „братьевъ общей жизни" [1]). Если, по заявленію самого о. Арсеньева его „обозрѣніе исторіи... оппозиціоннаго и сектантскаго движенія" въ средневѣковомъ католичествѣ между прочимъ должно „объяснить намъ многое и въ исторіи реформаціи" (стр. 15), то характеристика сейчасъ названныхъ мистико-спиритуалистическихъ движеній и дѣятелей какъ нельзя болѣе способствовала бы этой задачѣ, поскольку идейная связь между ихъ доктринами и богословско-моральными началами реформаціи XVI вѣка выступаетъ съ особенной яркостью.

Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру изслѣдованія о. Арсеньева то, не столь претензіозное обозначеніе его содержанія, на какое авторъ даетъ указаніе въ подзаголовкѣ своей книги: „Историческое изслѣдованіе о важнѣйшихъ реформаціонныхъ движеніяхъ въ Западной церкви въ теченіе восьми столѣтій", т. е. не всесторонняя исторія этихъ движеній, а характеристика отдѣльныхъ ихъ моментовъ, наиболѣе имѣющихъ значеніе въ общемъ ходѣ ре-

---

[1]) Изъ представителей общины „друзей Божіихъ" авторъ лишь бѣгло упоминаетъ объ Іоаннѣ Таулерѣ и Генрихѣ Сузо, отмѣчая, что „они были непосредственными учениками мейстера Экгарта и въ то же время не раздѣляли нисколько пантеистическихъ заблужденій своего учителя" (384 стр.). Но если даже согласиться съ этимъ утвержденіемъ о. Арсеньева (хотя это категорическое утвержденіе не легко примиримо съ доктринами Таулера и Сузо), все же никакъ нельзя отрицать „реформаціоннаго" значенія за ученіемъ „друзей Божіихъ" и вытекающаго отсюда его права на мѣсто въ изслѣдованіи нашего автора.

формаціоннаго движенія на католическомъ Западѣ, подготовившаго великую реформацію 16-го вѣка [1]).

Эпизодическій характеръ книги о. Арсеньева сказывается не только въ общемъ составѣ и планировкѣ заключающагося въ ней историческаго матеріала, но и въ частнѣйшемъ раскрытіи тѣхъ или другихъ отдѣловъ (главъ) его изслѣдованія. Не выдерживая намѣченной во „вступительной" главѣ идейной задачи своего изслѣдованія, и не выработавъ соотвѣтствующаго ей продуманнаго плана его, о. Арсеньевъ нерѣдко загромождаетъ свое изложеніе частнѣйшими экскурсами по тѣмъ или другимъ вопросамъ, соприкосновеннымъ съ его темою, при чемъ эти экскурсы иногда бываютъ такъ пространны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало связаны съ главнымъ предметомъ изслѣдованія автора, что даютъ основаніе думать, не обусловливается-ли наличность этихъ экскурсовъ въ книгѣ о. Арсеньева лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что подъ руками автора оказались хорошія пособія по даннымъ вопросамъ. Таковъ, напр., цѣлый рядъ страницъ (621—634 стр.) посвященныхъ авторомъ выясненію, „эпизода съ огненнымъ *судомъ Божіимъ*" (621 стр.) въ жизни Савонаролы, каковыя страницы представляютъ собою пересказъ изслѣдованія Schnitzer'a: Savonarola und die Feuerprobe. München. 1904. Вообще при данной авторомъ эпизодической постановкѣ своему изслѣдованію въ него съ полнымъ правомъ могло бы войти и еще много свѣдѣній по затронутымъ авторомъ вопросамъ, равно какъ съ такимъ же правомъ многое могло бы быть и выпущено изъ его теперешняго содержанія, безъ существеннаго ущерба для его внутренней, идейной полноты и цѣльности.

Общій выводъ, къ какому приводитъ насъ анализъ книги о. Арсеньева со стороны ея общаго содержанія и компози-

---

[1]) Разсматривая содержаніе книги о. Арсеньева съ этой точки зрѣнія, въ ней можно отмѣтить лишь нѣкоторую произвольность въ выборѣ авторомъ историческаго матеріала для своего изслѣдованія. Почему, напр., удѣляя въ своей книгѣ страницы для характеристики такихъ мало интересныхъ (въ реформаціонномъ отношеніи) писателей, какъ Бернардъ Сильвестръ (249—254 стр.), Гильбертъ Порретанскій (257—260 стр.), Іоаннъ Коривалліискій, сенъ викторинецъ Вальтеръ (265—268 стр.) и др., авторъ не упоминаетъ ни объ Оккамѣ, ни о гуманистахъ 14—15 вв., ни о такихъ яркихъ „реформаторахъ до реформаціи", каковы извѣстные богословы 15 в.—Іоганнъ Гохъ, Іог. Везель, Іог. Весселъ?

ціи—таковъ: его изслѣдованіе не представляетъ собою строго-прагматическаго, ни тѣмъ болѣе всесторонняго, обзора реформаціонныхъ движеній въ средневѣковой католической церкви (какъ можно бы ожидать на основаніи вступительной его главы),—каковой обзоръ необходимо требуетъ отъ историка значительнаго логическаго труда при систематизированіи привходящаго сюда сложнаго историческаго матеріала, а состоитъ просто изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ изъ исторіи средневѣковаго католичества, лишь болѣе или менѣе объединенныхъ общей связью.

Обратимся теперь къ выясненію вопроса, насколько цѣнны съ научной точки зрѣнія эти очерки, насколько авторъ проявилъ въ нихъ свое знакомство съ первоисточниками средневѣковой католической исторіи, и съ научной литературой обсуждаемыхъ имъ вопросовъ.

Первое изданіе характеризуемой книги о. Арсеньева вызвало въ русской научной журналистикѣ очень суровую оцѣнку въ данномъ отношеніи. Я разумѣю обстоятельный отзывъ объ изслѣдованіи о. Арсеньева, помѣщенный Д. Н. Егоровымъ въ январьской книгѣ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1911-й годъ (366—401 стр.). Подвергнувъ критическому анализу съ отмѣченной точки зрѣнія I-й томъ изслѣдованія о. Арсеньева (заключающій въ себѣ первыя 13 главъ его новаго изданія), г. Егоровъ пришелъ къ выводу, что внушительная на первый взглядъ эрудиція автора, въ книгѣ котораго „все время мелькаютъ ссылки на извѣстныя крупныя коллекціи 17—19 вѣковъ... часто приведены длинныя перечни первоисточниковъ по отдѣльнымъ крупнымъ отдѣламъ,... есть указанія, наконецъ, и на рукописи“ (Ж. М. Н. П. 1911, 377 стр.), при внимательномъ изученіи его книги оказывается эрудиціей довольно невысокаго качества. Оказывается, по наблюденіямъ рецензента, что авторъ не имѣлъ подъ руками тѣхъ первоисточниковъ, которые онъ обыкновенно цитируетъ въ своемъ изслѣдованіи, а „цитаты берутся (имъ) изъ вторыхъ рукъ,... изъ цѣлаго ряда спеціальныхъ и общихъ сочиненій“, при чемъ авторъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ дѣлаетъ „ссылки на сочиненіе, откуда сдѣлано заимствованіе“ (ib. 385 стр.). Въ значительной мѣрѣ оказывается несамостоятельной и освѣдомленность автора въ научной литературѣ изслѣдуемыхъ имъ вопросовъ. „Кругъ

консультированныхъ и эксцерпированныхъ пособій автора,— пишетъ г. Егоровъ,—очень невеликъ; если же и встрѣчаются ссылки на другія работы (вплоть до рѣдкихъ публикацій 17 вѣка), то онѣ сдѣланы не на основаніи собственнаго ознакомленія, а въ виду подобныхъ же ссылокъ пособій" (ib. 399 стр.), при чемъ источникъ заимствованій „въ большинствѣ случаевъ" опять-таки замалчивается авторомъ (ib. 395 стр.). Давая на страницахъ своего изслѣдованія „посильно-точные пересказы и переводы... излюбленной группы пособій", авторъ „въ колоссальномъ большинствѣ случаевъ и этихъ своихъ заимствованій не обозначаетъ, „обязательными" ссылками и кавычками" (ib. 398, 395 стр.).

Ближайшій признакъ, дающій основаніе сомнѣваться въ непосредственности знакомства автора съ первоисточниками своей темы, указывался рецензентомъ уже въ формальной разнохарактерности ихъ цитированія въ книгѣ о. Арсеньева. Не говоря уже объ отсутствіи у автора „своей" системы ссылокъ на первоисточники, своихъ сокращеній ихъ заглавій при цитированіи (каковая система „невольно вырабатывается у каждаго изслѣдователя при продолжительной работѣ"), эта разнохарактерность, по наблюденіямъ рецензента, выражалась у о. Арсеньева, прежде всего, въ томъ, что онъ на страницахъ своей книги безразлично цитировалъ неполныя и неточныя изданія тѣхъ или другихъ памятниковъ, имѣя повидимому въ своемъ распоряженіи (какъ это явствуетъ изъ его же цитаціи въ другихъ мѣстахъ книги) изданія болѣе точныя и новыя, или же иногда „одинъ и тотъ же источникъ цитировалъ по различнымъ изданіямъ, безъ указанія причинъ столь необычнаго пріема" (380 стр.). Какъ не менѣе странныя, отмѣчались г. Егоровымъ и такія черты работы о. Арсеньева, какъ цитированіе „не опредѣленнаго какого либо мѣста, а всего сочиненія цѣликомъ" (ib. 381 стр.), повтореніе ошибокъ своего пособія (ib. 382 стр.), или же ссылки на пособія тамъ, гдѣ естественнѣе ожидать указаній на соотвѣтствующій первоисточникъ (ib. 379 стр.). Наглядной же иллюстраціей несамостоятельности ссылокъ автора на первоисточники своей темы является у г. Егорова сдѣланное имъ сопоставленіе книги о. Арсеньева съ соотвѣтствующими страницами тѣхъ пособій, которыя были въ рукахъ автора, и на которыя у него имѣются мѣстами опредѣленныя ссылки

Alzog, Flathe, Reuter, Döllinger, Schmidt, Renan, Осокинъ и др.). Это сопоставленіе показываетъ, что ссылки на первоисточники и нѣкоторыя пособія взяты авторомъ именно изъ этихъ книгъ, „въ томъ же объемѣ, съ тѣми же сокращеніями, въ томъ же подборѣ и порядкѣ, въ той же разстановкѣ, какъ и въ использованныхъ пособіяхъ“ (ib. 385). Такое сопоставленіе проливаетъ свѣтъ и на отмѣченныя выше странности въ цитаціи автора, поскольку изъ использованныхъ о. Арсеньевымъ авторовъ нерѣдко одинъ и тотъ же памятникъ каждымъ цитируется по различнымъ изданіямъ, при чемъ эти авторы отличаются другъ отъ друга и въ самой манерѣ цитированія (въ характерѣ сокращеній заглавія источниковъ, ихъ подраздѣленій на части, главы, параграфы и т. д.). Сопоставленіе книги о. Арсеньева съ использованными имъ пособіями дало, наконецъ, г. Егорову ключъ къ выясненію различнаго рода фактическихъ ошибокъ, допущенныхъ авторомъ вслѣдствіе неправильно или неточно понятаго имъ текста пособій. Въ заключительныхъ строкахъ своего отзыва рецензентъ I-го изданія книги о. Арсеньева напоминаетъ, что всякаго рода научное изслѣдованіе есть „дѣло не только личнаго, но и общаго интереса. Предъявляются поэтому не только академическія, узко-научныя требованія, но существуютъ и навыки этическаго характера, обязательные для всей respublica academica. Изслѣдованіе не изслѣдовательскаго калибра губитъ не въ мѣру самоувѣреннаго автора, „изслѣдованіе“ же заимствованіе способно, если оно остается безъ должнаго отпора, подорвать престижъ самой науки, quod absit!“ (ib. 400—401 стр.).

Такой суровый, но обстоятельно обоснованный отзывъ о 1-мъ изданіи книги о. Арсеньева, оставшійся безъ отвѣта (въ печати) со стороны автора, который, не сдѣлавъ никакой попытки къ реабилитаціи своего изслѣдованія, предпочелъ выпустить въ свѣтъ 2-е, „значительно дополненное“ его изданіе, естественно располагаетъ насъ съ особеннымъ интересомъ отнестись къ отмѣченной сторонѣ книги о. Арсеньева,—уяснить, насколько новое изданіе ея по пріемамъ научной работы автора, по его отношенію къ источникамъ и пособіямъ его темы, отличается отъ 1-го ея изданія.

На первый взглядъ книга о. Арсеньева и въ новомъ своемъ изданіи даетъ представленіе о незаурядной эрудиціи ея

автора; его книга и теперь чаще пестритъ ссылками на первоисточники, чѣмъ на общедоступныя пособія. Уже то обстоятельство, что эти ссылки автора на первоисточники обыкновенно дѣлаются безъ указанія источника ихъ заимствованій, располагаетъ думать, что о. Арсеньевъ основываетъ свои сужденія на непосредственномъ знакомствѣ съ цитируемыми памятниками, тѣмъ болѣе, что авторъ иногда нарочито оговаривается, когда его изложеніе или цитація заимствуются изъ пособій.[1]) Но предположеніе о непосредственномъ знакомствѣ автора съ цитируемыми у него источниками находитъ себѣ опору и въ такихъ выраженіяхъ о. Арсеньева: „На основаніи указанныхъ двухъ писателей (рѣчь идетъ о Пассаускомъ анонимѣ и Стефанѣ Борбонскомъ) постараемся возможно полнѣе изложить ученіе ортлибаріевъ" (348 стр.); „Общее впечатлѣніе, какое получается отъ изученія этихъ трудовъ Виклефа (De Universalibus, Replicatio de Universalibus, De materia et forma, De Jdeis)—то, что онъ былъ на сторонѣ реализма" и т. д. (465 стр.). „Это замѣчаніе мы находимъ въ небольшомъ сочиненіи Виклефа, озаглавленномъ „Octo in quibus seducuntur simplices christiani",—при чемъ, процитировавъ, въ подстрочномъ примѣчаніи изданіе Арнольда („Select Englich Works of John Wyclif ed. by Thomas Arnold", III, 447), о. Арсеньевъ добавляетъ: здѣсь „мы находимъ названный трактатъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ авторомъ,—на англійскомъ языкѣ того времени" (487 стр.): „Читая его (рѣчь идетъ о Лукѣ Ландуччи, современникѣ Савонаролы), чувствуешь, что такой человѣкъ едва ли способенъ на извращеніе фактовъ" (633 стр.) и т. д. Ближайшее знакомство съ изслѣдованіемъ о. Арсеньева, однако, даетъ не мало основаній по-

[1]) „При изложеніи ученія катаровъ мы имѣли въ виду главнымъ образомъ слѣдующія сочиненія: а) Döllinger, Geschichte der gnost.-manich. Secten im früheren Mittelalter, б) Schmidt, Histoire et doctrine des cathares, и в) Осокинъ, Исторія альбигойцевъ" (125[1] стр.): „Ученіе Экгарта изложено нами преимущественно на основаніи сочиненія Jundt'a: Histoire du panthéisme populaire au moyen âge et au XVI siecle", на которое мы не разъ ссылались" (379[1]). „Изложеніе взглядовъ Рейсбрука на современное ему сектантство заимствовано частью изъ цит. соч. Noack'a (ч. I. стр. 280—281), частью изъ цит. соч. Jundt'a стр. 98—99" (384[1]). „Эта выдержка взята изъ цитов. соч. Ренана, стр. 108 -111" (280[1]). Иногда авторъ, приведя цитату изъ какого либо памятника, рядомъ съ нею дѣлаетъ ссылку на извѣстное пособіе, каковая ссылка служитъ указаніемъ, что данная цитата взята изъ этого именно пособія. Стр. 258[1], 349[1] и др.

лагать, что авторъ, выпуская и 2-е изданіе своего труда, какъ и раньше не имѣетъ непосредственнаго знакомства съ цитируемыми имъ памятниками, а въ большинствѣ случаевъ беретъ цитаты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, при чемъ прямо не обозначаетъ источника своихъ заимствованій. Тѣ характерныя черты цитаціи автора, какія были отмѣчены критикой въ 1-мъ изданіи его книги, весьма замѣтно выступаютъ и во 2-мъ изданіи.

И въ новомъ изданіи книги о. Арсеньева мы, прежде всего, не разъ наталкиваемся на такую, непонятную съ перваго взгляда, странность ея цитаціи, когда одинъ и тотъ же памятникъ цитируется по различнымъ изданіямъ и иногда въ совершенно различной транскрипціи. На стр. 148[4], напр., читаемъ такую цитату: „Stephanus de Bella villa, De septem donis Spiritus Sancti, ap. d' Argentré, Collectio judic. t. I, 20“. На стр. 339[2] этотъ же самый авторъ цитируется въ такой формѣ: „Steph. de Borbone, ord. frat. Praedic. lib. de VII donis, cap. 30, p. 395“, т. е. и авторъ называется иначе, и въ цитаціи выступаетъ дѣленіе на главы, а пагинація не соотвѣтствуетъ изданію d' Argentré; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ это же произведеніе Стефана Борбонскаго цитируется безъ указанія пагинаціи, но за то съ обозначеніемъ не только главъ, но и titul'овъ произведенія (стр. 178[3]: De septem donis Spiritus Sancti, tit. 7, c. 31). Разгадка этой странности въ цитаціи автора, думается,—такова: отмѣченная цитата на 148-й страницѣ, какъ и смежныя съ нею цитаты, заимствованы авторомъ у Schmidt'a: Histoire et doctrine... des Cathares ou Albigeois. 1849, 2, 145[2]; во второмъ случаѣ (на стр. 339)—цитата взята у Jundt-'a: Histoire du panthéisme populaire au moyen-âge et au XVI siècle, Paris, 1875, 31[4] p. (каковую книгу о. Арсеньевъ цитируетъ на стр. 337): наконецъ, въ 3-мъ случаѣ (на стр. 178[3]) указанная цитата, какъ и смежная съ нею, взята у А. Гаустрата: Средневѣковые реформаторы, перев. Радлова, т. 2, 24[1]. На стр. 466[4] авторъ цитируетъ сочиненіе Виклифа „De Ideis“ съ такимъ указаніемъ: Вѣнск. муз. 4523, fol. 67, col. 1 и 2. На слѣдующей страницѣ (467[2]) авторъ приводитъ выдержку изъ того же сочиненія Виклифа, но и самое сочиненіе Виклифа транскрибируетъ нѣсколько иначе, чѣмъ на предыдущей страницѣ, и въ цитаціи ограничивается указаніемъ лишь на главу этого сочиненія (De ideis, c. 2), но не дѣлаетъ указанія на упомянутый ману-

скриптъ памятника. Въ первомъ случаѣ цитата взята у V. Vattier: lohn Wyclyff, sa vie, ses oeuvres, sa doctrine, Paris, 1886, 204[1]p. (на каковую книгу не разъ ссылается о. Арсеньевъ въ данномъ отдѣлѣ своего изслѣдованія), а во второмъ случаѣ—у Alzog'a: Universalgeschichte d. christlichen Kirche. Mainz. 1844. 704[7] s., ссылку на которую о. Арсеньевъ дѣлаетъ въ 1-мъ примѣчаніи на 467-й стр. [1]). На 337 стр. Хроника Мартина Польскаго дважды цитируется въ такомъ видѣ: во 2-мъ примѣч. на этой страницѣ: Martini Polonis (нужно: Poloni) Chronicon, 395. edit. d' Anvers, 1574; въ 4-мъ примѣч. на той же страницѣ: Martini Polonis (i), in D' Argentré 1, 128 (т. е. дѣлается ссылка не на изд. 1574 г., а на изд. 1728 г.). Ссылка на изданіе 1574 г. имѣется у Iundt'a, op. cit. 25[3]p. На стр. 27-й авторъ дѣлаетъ двѣ выдержки изъ сочиненія Агобарда Ліонскаго: De fidei veritate, цитируя изданіе Gallandii, Biblioth. Vet. Patrum XIII, p. 485 и 490. Но на слѣдующихъ страницахъ имѣя дѣло съ другимъ сочиненіемъ того же Агобарда: Liber contra insulsam vulgi opinionem de grandine et tonitruis, авторъ приводитъ рядъ цитатъ по изданію Балюзія, хотя самъ авторъ знаетъ (29[4]) что данное сочиненіе Агобарда имѣется и въ только что цитированномъ имъ изданіи Gallandii. Нелишне отмѣтить, что отмѣченныя двѣ выдержки изъ Агобарда по изд. Gallandii, не гармонирующія съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ цитатъ по изд. Балюзія, вполнѣ совпадаютъ съ Flathe, Geschichte der Vorläufer der Reformation... B. 1, 165[2] и 167[1], каковую книгу о. Арсеньевъ не разъ цитируетъ въ данномъ отдѣлѣ своего сочиненія. На стр. 92[1], 93[1], 93[2], 94[1], 95[1] авторъ цитируетъ Рабана Мавра по изд. Mign'я (Patr. c. c. s. l. 112 t.), но на стр. 74[2] одна выдержка изъ этого писателя процитирована по Auctuarium Bibl. Patr. 1, 574 p. (ср. Flathe, op. cit. 1. 185[1]). Сочиненіе Раїнерія Саккони: Summa de Catharis et Leonistis, adversus Valdenses цитируется авторомъ то по Maxima bibl. Patrum t. XXV (197[1] стр.), то по Martène et Durand: Thesaurus nov. anecdot. t. V (139[7], 141[1], 141[2] и др.), то по Du Plessis d' Argentré, Collectio judiciorum de novis erroribus, I (189[3], 140[1] и др.), то по Gretseri Opera t. XII (150[1] стр.). [2]) На стр. 547 —552 акты Констанцскаго собора цитируются авторомъ

[1]) О. Арсеньевъ въ своей книгѣ пользуется Alzog'омъ во французскомъ переводѣ Goschler'a и Audley, Paris. 1885.

[2]) Разнохарактерность цитированія о. Арсеньевымъ Раїнерія Саккони,

по тремъ изданіямъ: то по Mansi (547[2] стр.: Mansi XXVII, 590), то по Hardt'у (547[2], 548[1], 548[2], 550[1] стр: Magnum oecum. concil. Constantiense, Francof. et Lipsiae 1697—1700, t. 4), то по Labbè (551[2]: Concil. t. 12; Concil. Constantiense, p. 22. ad. p. 26), при чемъ иногда даже такъ, что одно и то же опредѣленіе (знаменитаго 5-го генеральнаго собранія) цитируется по различнымъ изданіямъ: первые два пункта (параграфа) по Labbè, а остальные три—по Hardt'у (551—552 стр.). Такая причудливая цитація являлась бы въ высшей степени странной, если не предположить, что авторъ, не имѣя предъ глазами цитируемаго имъ документа въ цѣломъ видѣ, вынужденъ былъ мозаически комбинировать отдѣльныя выдержки изъ него въ бывшихъ подъ руками автора пособіяхъ.

Далѣе, и въ новомъ изданіи книги о. Арсеньева нерѣдко приходится встрѣчаться, какъ въ текстѣ, такъ и подъ строкой, съ выдержками изъ первоисточниковъ, безъ обозначенія ни главъ памятника, ни изданія, по которому памятникъ цитируется, или съ обозначеніемъ крайне неопредѣленнымъ. На 18—23 стр., излагая реформаторскія воззрѣнія Клавдія Туринскаго, авторъ сначала придерживается достаточно точной цитаціи, обозначая не только томъ (XIV-й) Max. Biblioth. Patrum, но и соотвѣтствующія страницы его [1]). Съ половины же 22-й страницы авторъ неожиданно измѣняетъ этой точности. Приведя 5 выдержекъ изъ толкованія Клавдія на посланіе ап. Павла къ Галатамъ, о. Арсеньевъ во всѣхъ пяти случаяхъ довольствуется лишь глухой ссылкой на тотъ же XIV-й томъ Max. Bibliothecae, безъ обозначенія страницъ его, хотя такое обозначеніе было бы очень нелишнимъ, такъ какъ отмѣченный Комментарій Клавдія въ XIV-мъ

равно какъ Агобарда Ліонскаго и Стефана Борбонскаго была отмѣчена уже рецензентомъ 1-го изданія разсматриваемаго изслѣдованія (Ж. М. Н. П. 1911, I, 380 стр.). Въ новомъ изданіи его замѣтны нѣкоторые слѣды работы автора, видимо принявшаго во вниманіе замѣчанія упомянутаго рецензента (ср. I, 22—23 стр. 1-го изд. и 29 стр. и дал. новаго изд: I, 102[5] и 150[6]; I, 141 и 197 стр.), но въ общемъ, наблюдавшаяся въ 1-мъ изданіи характерная спутанность въ цитаціи упомянутыхъ писателей остается почти совершенно неустраненною и въ новомъ изданіи работы о. Арсеньева.

[1]) Говоримъ: „достаточно точной", потому что и здѣсь цитація автора вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія. Такъ, на стр. 19[1] авторъ цитируетъ 170 р поименованнаго тома, тогда какъ приведенная имъ выдержка имѣется на 197 р. Въ выдержкахъ на 18[4], 18[6] и 19[1] есть также нѣкоторые пропуски и отступленія отъ текста Max. Biblioth., не оговоренные авторомъ.

томѣ Max. Bibliothecae занимаетъ 25 страницъ in folio (141—166 pp.), и читателю самостоятельно отыскать, какія именно страницы этого комментарія имѣетъ въ виду авторъ,—затруднительно. То обстоятельство, что приведенныя о. Арсеньевымъ выдержки изъ Комментарія Клавдія совпадаютъ съ таковыми же выдержками у L. Flathe (op. cit. 1, 180[1], 180[2], 182[5], 182[5], 182[5]), даетъ основаніе думать, что авторъ эти выдержки взялъ именно у этого автора. У Flathe отмѣченныя выдержки приведены съ опредѣленнымъ указаніемъ страницъ памятника, но такъ какъ Flathe цитируетъ Клавдія по изданію: Auctuarium bibl. Patrum, а не по Max. Biblioth. Patrum, по каковому изданію о. Арсеньевъ сдѣлалъ уже на предыдущихъ страницахъ рядъ выдержекъ изъ Клавдія Туринскаго, то нашъ авторъ, видимо, предпочелъ заимствовать у Flathe лишь текстъ выдержекъ, а въ цитаціи ограничиться глухой ссылкой вообще на 14-й томъ Max. Bibl. [1]). На стр. 71-й, приведя выдержку въ нѣсколько строкъ изъ Пасхазія Радберта, авторъ въ цитаціи отсылаетъ вообще къ его сочиненію: De sanguine et corpore Domini (сн. Alzog. Op. cit. 502[3]). Подобнымъ образомъ, на 79-й стр., приведя нѣсколько строкъ изъ Беренгарія Турскаго, авторъ дѣлаетъ глухую ссылку вообще на его сочиненіе: „De sacra coena". На 231-й стр., въ подтвержденіе того факта, что „Арнольдъ происходилъ изъ знатнаго семейства г. Брешіи", авторъ ссылается на цѣлое сочиненіе Мапа: „De nugis curialium". На стр. 186-й въ текстѣ приводится длинная выдержка изъ письма Эверина къ Бернарду Клервоскому о кёльнскихъ сектантахъ того времени. Авторъ приводитъ эту выдержку безъ всякой цитаціи. Сопоставленіе же книги о. Арсеньева съ книгой Bender'a: Geschichte der Waldenser, Ulm, 1850, упоминавшейся авторомъ на ближайшихъ страницахъ своего изслѣдованія, даетъ указанія, что

[1]) Характерно, что въ первомъ изданіи книги о. Арсеньева зависимость ея страницъ, посвященныхъ Клавдію Туринскому, выступала съ большой опредѣленностью: не только текстъ всѣхъ выдержекъ, но и цитація ихъ совпадала съ цитаціей у Flathe (по Auctuarium Bibl. Patrum), что и было поставлено на видъ въ рецензіи г. Егорова. Въ новомъ изданіи книги о. Арсеньева эта зависимость отъ Flathe выступаетъ не такъ откровенно, но, какъ видно изъ сдѣланнаго нами сейчасъ анализа цитаціи автора, вопросъ о томъ, знакомъ ли и теперь авторъ непосредственно съ цитируемыми имъ трудами Клавдія Туринскаго, остается очень проблематичнымъ.

эта выдержка взята авторомъ именно у Bender'a, который приводитъ ее тоже безъ цитаціи (57 s.). На стр. 341—2-й авторъ въ текстѣ приводитъ выдержку (въ русскомъ переводѣ) изъ Альберта Великаго, безъ всякаго указанія, откуда эта выдержка взята имъ. Сопоставленіе книги о. Арсеньева съ не разъ уже цитованнымъ у него изслѣдованіемъ Iundt'a указываетъ, что эта выдержка взята имъ у этого именно автора, который (на 15—16 pp.) приводитъ ее тоже безъ цитаціи, во французскомъ переводѣ. На стр. 368 и 369-й въ текстѣ авторъ приводитъ двѣ значительныхъ выдержки изъ письма Страсбургскаго еп. Іоанна Оксенштейна о сектѣ „свободнаго духа". Выдержки приведены безъ цитаціи. Сопоставленіе съ цитованной книгой Iundt'a (52—53 pp.) даетъ указаніе, что онѣ взяты о. Арсеньевымъ именно отсюда. На стр. 465-й, авторъ, приведя нѣсколько словъ изъ сочиненія Виклифа: Responsiones ad argumenta Radulfi de Strode, ставитъ такую неопредѣленную цитату: „см. названное его сочиненіе". Но эта неопредѣленность цитаціи находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что отмѣченная цитата почему-то приведена въ такомъ же глухомъ видѣ и въ томъ пособіи (Vattier, op. cit. 87 p.), въ сильной зависимости отъ котораго написана какъ цитованная, такъ и смежныя съ ней страницы изслѣдованія о. Арсеньева.

Далѣе, и въ новомъ изданіи книги о. Арсеньева мы наталкиваемся на такія неточности и ошибки въ цитаціи входящихъ въ содержаніе его работы историческихъ памятниковъ, которыя едва ли были бы возможны, если бы авторъ дѣйствительно имѣлъ непосредственное знакомство съ цитируемыми имъ изданіями. Такъ, напр., на стр. 92—93-й авторъ приводитъ выдержку (въ русскомъ переводѣ) изъ письма Рабана Мавра къ Нотингу, сопровождая ее ссылкой на изданіе Миня (Patr. curs. c. s. l. 112, 1531—33 p.p.). Провѣряя эту выдержку по тексту Миня, мы находимъ, что она лишь въ первой своей половинѣ представляетъ собою переводъ изъ письма Рабана, а вторая ея часть, несмотря на то, что она стоитъ у о. Арсеньева въ неразрывной связи съ первой половиной, и, будучи заключена въ однѣ и тѣ же кавычки, выдается у него за непосредственное продолженіе словъ Рабана, представляетъ собою лишь довольно свободный перифразъ мысли послѣдняго. На стр. 236-й авторъ при-

водитъ двѣ выдержки (въ русскомъ переводѣ) изъ сочиненія Оттона Фрейзингенскаго: De gestis Friderici. заключающія въ себѣ отзывы Оттона объ Арнольдѣ Брешіанскомъ. И та и другая выдержки буквально совпадаютъ съ Гаусратомъ (op. cit. 1, 267 стр.). Но если вторая изъ этихъ выдержекъ представляетъ собою дѣйствительно точный переводъ соотвѣтствующаго мѣста изъ Оттона (2, 20), то вторая изъ нихъ является лишь болѣе или менѣе свободной передачей его мысли, а не буквальное его выраженіе [1]). У Гаустрата цитованная фраза и не выдается за буквальное выраженіе Оттона, но о. Арсеньевъ, самовольно заключивъ ее въ кавычки, придалъ ей несвойственный ей характеръ. На той же 236-й стр., авторъ, обозначивъ одинъ изъ тезисовъ доктрины Арнольда: „только одна *бѣдная* церковь согласна съ идеаломъ евангельскимъ", ставитъ такую цитату: „Otto Frising., De gestis Friderici. 2, 20. Mon. Germ. XX, 366". Съ точно такой же цитатой къ отмѣченному тезису Арнольда мы встрѣчаемся у Гаусрата (Op. cit. 264[1]). Но эта цитата у о. Арсеньева и у Гаусрата—ошибочна: на 366 стр. 20-го тома Monum. Germ. помѣщаются конецъ 25-й, 26-я, 27-я и начало 28-й главы 1-й книги поименованнаго сочиненія Оттона Фрейзингенскаго, а 2. 20 гл. помѣщена на 403—404 рр. этого изданія. На 231—246 стр. авторъ девять разъ цитируетъ сочиненіе Іоанна Салисберійскаго: Historia pontificalis (231[2], 237[2], 239[1], 240[1], 240[3], 243[5], 244[2], 246[1], 246[3]), и каждый разъ, вмѣсто 31 главы, въ которой заключаются нужныя автору данныя объ Арнольдѣ, цитируетъ 21-ю главу, не имѣющую никакого отношенія къ рѣчи автора, при чемъ эта странная ошибка автора выступаетъ даже тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ не просто глухую ссылку на нее, а производитъ изъ нея текстуальныя выписки. На стр. 296 и 297-й авторъ приводитъ рядъ тезисовъ, установленныхъ парижскими богословами при еп. Стефанѣ Тампье

[1]) О. Арсеньевъ пишетъ: „Враждебный Арнольду Оттонъ Фрейзингенскій выражается о немъ такъ: „Онъ надѣлъ священническую одежду только для того, чтобы тѣмъ легче обманывать міранъ." Но сн. Otto Frising. Op. cit, 1, 27: Arnoldus quidam religionis habitum habens, sed eum minime, ut ex doctrina ejus patuit, servans, ex ecclesiastici honoris invidia urbem Romam ingreditur, ac senatoriam dignitatem equestremque ordinem renovare ad instar antiquorum volens, totam pene Urbem ac praecipue populum adversus pontificem suum concitavit.

противъ лжеученія аверроистовъ, и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на той и другой страницѣ выставляетъ, между прочимъ, такую цитату: „Bibl. Max. Patrum, t. XXV, p. 351 и дал." Эта цитата, однако,—ошибочна. Приведенные авторомъ тезисы помѣщены на 329—330 pp. и на 334—35 pp. цитованнаго тома Biblioth. Max. Patrum. Въ данномъ случаѣ авторъ повторилъ ошибочную цитацію Ренана (Averroès et l' averroisme. Paris. 1866. 267[4]p. и 273[2]p.), въ сильной зависимости отъ котораго написаны отмѣченныя страницы изслѣдованія о. Арсеньева.

Далѣе, въ книгѣ о. Арсеньева мы не разъ встрѣчаемся съ такимъ страннымъ фактомъ, что, цитируя нѣсколько разъ извѣстный памятникъ по первоисточнику, авторъ въ другихъ случаяхъ, приводя выдержки изъ этого же самаго памятника, неожиданно дѣлаетъ ссылки не на первоисточникъ, а на какое-нибудь пособіе. Такъ, напр., на стр. 179[1], приведя выдержку изъ Пассаускаго анонима, авторъ своей цитаціей показываетъ, что онъ знаетъ этотъ памятникъ въ изданіи d' Argentré (Collectio judiciorum...), но на стр. 348[1], 348[2], 349[3] и 349[4], приведя рядъ выдержекъ изъ этого же Пассаускаго анонима, авторъ, какъ на источникъ своего знакомства съ этимъ памятникомъ, указываетъ на Preger'a: Geschichte der deutschen Mystik im Mittelalter (I Th. Lpz. 1874). Другой примѣръ. На стр. 213—222-й авторъ многократно цитируетъ различныя сочиненія Петра Абелярда, не обозначая заимствованія откуда либо своихъ цитатъ, но на стр. 216-й, цитируя этого же автора, указываетъ, какъ на источникъ своего знакомства съ нимъ, на Hauréau, Hist. de la philosophie scolastique, 1, p. 224. Еще примѣръ. О. Арсеньевъ, какъ намъ уже приходилось указывать, не разъ на страницахъ своей книги дѣлаетъ ссылки на сочиненіе Стефана Борбонскаго De septem donis Spiritus Sancti, при чемъ обыкновенно не даетъ указаній, что его цитація заимствована изъ вторыхъ рукъ. Но на стр. 351[1], сдѣлавъ глухую ссылку на цитованное сочиненіе Стефана Борбонскаго, авторъ цитируетъ Kurtz'a: Lehrbuch d. Kirchengeschichte 1, 2, s. 233.

Наконецъ, очень знаменательнымъ фактомъ для выясненія вопроса о непосредственномъ (по первоисточникамъ) или опосредствованномъ (изъ вторыхъ рукъ) знакомствѣ автора съ матеріалами изслѣдуемыхъ имъ историческихъ явленій представляется крайняя близость его цитацій съ цитаціей

въ тѣхъ монографіяхъ и курсахъ, какіе были въ рукахъ автора и на которые онъ самъ мѣстами дѣлаетъ опредѣленныя ссылки. Этотъ фактъ слишкомъ близкаго сходства цитаціи автора съ цитаціей его пособій, отмѣченный г. Егоровымъ по отношенію къ 1-му тому перваго изданія книги о. Арсеньева, оказывается имѣющимъ силу и по отношенію ко второму ея изданію, въ весьма значительной части ея содержанія. При сопоставленіи книги о. Арсеньева съ соотвѣтствующими предметамъ его рѣчи страницами его пособій, рецензенту невольно бросается въ глаза, что цитація автора иногда на протяженіи нѣсколькихъ страницъ почти совпадаетъ съ цитаціей соотвѣтствующихъ страницъ его пособія, при чемъ это сходство простирается и на объемъ приводимыхъ авторомъ выдержекъ изъ первоисточниковъ, и на характеръ ихъ цитаціи (т. е. гдѣ авторъ пособія ограничивается лишь глухой ссылкой на тотъ или другой документъ, тамъ и нашъ авторъ не даетъ текстуальныхъ выдержекъ изъ него), и, наконецъ, на внѣшнюю сторону цитаціи (т. е. съ указаніемъ или безъ указанія на изданіе памятника, съ обозначеніемъ ли страницъ извѣстнаго изданія, или же только съ указаніемъ на главу документа и т. д.). Такое сходство цитаціи въ книгѣ о. Арсеньева съ цитаціей его пособій, думается, едва ли можетъ быть объяснено только тѣмъ обстоятельствомъ, что и о. Арсеньевъ и авторы использованныхъ имъ пособій трактуютъ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ и потому по необходимости опираются на одни и тѣ же данныя изъ первоисточниковъ.

Приводя на дальнѣйшихъ страницахъ своего отзыва указатель тѣхъ выдержекъ и цитатъ изъ первоисточниковъ, которыя совпадаютъ съ цитаціей пособій, бывшихъ въ рукахъ у о. Арсеньева, я отмѣчаю лишь такія цитаты, заимствованность которыхъ опредѣленно не оговорена самимъ авторомъ.

Авторъ	12^{5} =	Reuter, 1, 266^{17} [1])
„	13^{1} |	ib. 1, 266^{20}
„	27^{1} |	* Flathe, Op. cit. 1, 166^{2} [2])
„	27^{2} |	* ib. 1, 167^{1}

[1]) Geschichte d. religiösen Aufklärung im Mittelalter. Berlin. 1875.

[2]) Знакъ *, стоящій слѣва цитаты, обозначаетъ, что заимствованность ея въ изслѣдованіи о. Арсеньева была отмѣчена уже рецензентомъ 1-го его изданія.

Авторъ	71^{1}	Alzog. Op. cit. 502^{5}
„	74^{2}	* Flathe. Op. cit. 1, 185^{1}
„	76^{1}	* Hauréau 1, 224^{2} [1])
„	76^{2}	ib. 1, 225^{1}
„	84^{2}	Alzog, op. cit. 508^{1}
„	111^{1}	* Schmidt. Op. cit. 1, 19^{1}
„	113^{2}	* Döllinger. 1, 54, 54^{1} [2])
„	114^{1}	* Schmidt. 1, 24^{3}
„	116^{1}	* ib. 1, 27^{3-5}
„	116^{2}	* ib. 1, 27^{6}
„	116^{3}	* ib. 1, 27^{7}
„	118^{4}	* ib. 1, 35^{2}
„	119^{2}	* ib. 1, 35^{3}
„	120^{1}	* Flathe 1, 188^{1} [3])
„	160^{3}	* Döllinger 1, 17^{1}
„	160^{4}	* ib. 1, 17^{2}
„	161^{1}	* ib. 1, 18^{2}
„	161^{2}	* ib. 1, 19^{1}
„	162^{1}	* ib. 1.21^{2}
„	178^{3}	Гаусратъ, цит. соч. 2,24
„	202^{1}	* Reuter, op. cit. 1,308^{13}
„	208^{2}	* ib. 1,315^{9-10}
„	213^{1}	Deutsch. 194^{1} [4])
„	213^{2}	ib. 194^{2}
„	213^{3}	ib. 194^{3}
„	213^{4}	ib. 196^{2}
„	213^{5}	ib. 197^{1}
„	213^{6}	ib. 197^{3}
„	213^{7}	ib. 200^{3}
„	213^{8}	ib. 201^{1}
„	214^{1}	ib. 239^{1}
„	214^{2}	ib. 239^{2}
„	214^{3}	ib. 241^{2}

[1]) Hist. de la philosophie scolastique 1. Paris. 1872 (О. Арсеньевъ пользовался этой книгой по изданію 1850 г.).

[2]) Geschichte d. gnostisch -manichäischen Secten im früheren Mittelalter. 1 B.

[3]) Опускаемъ VII главу изслѣдованія автора, излагающую ученіе катаровъ, какъ заявляетъ самъ авторъ, по Döllinger'у, Schmidt'у и Осокину.

[4]) Peter Abälard, ein kritischer Theologe des XII Jahrhunderts. Lpz. 1883.

Авторъ	214^{4}	ib. 248^{2}
„	214^{5}	ib. 250^{1}
„	214^{6}	ib. 250^{3}
„	214^{7}	ib. 251^{1}
„	215^{1}	ib. 251^{2}
„	215^{2}	ib. 253^{1}
„	220^{3}	ib. 293^{3}
„	222^{1}	ib. 307^{1}
„	222^{2}	ib. 307^{2}
„	235^{3}	Гаусратъ $1,252^{2}$
„	236^{1}	ib. $1,263^{3}$
„	236^{2}	ib. $1,264^{1}$
„	252^{1}	* Hauréau $1,403^{2}$
„	253^{1}	* ib. $1,408^{1}$
„	253^{2}	* ib. $1,418^{2}$
„	253^{3}	* ib. 418
„	255^{1}	* Reuter $2,309^{26}$
„	256^{1}	* ib. $2,309^{25}$
„	256^{3}	* ib. $2,308^{22}$
„	257^{1}	* Hauréau $1,443^{1}$
„	280^{2}	* Renan 112^{7} [1])
„	280^{3}	* ib. 113^{2}
„	280^{4}	* ib. 114^{3}
„	280^{5}	* ib. 114^{4}
„	281^{1}	* ib. 114^{5}
„	281^{3}	* ib. 116^{1}
„	281^{4}	* ib. 120^{1}
„	282^{1}	* ib. 124^{1}
„	282^{2}	* ib. 124^{3}
„	282^{3}	* ib. 124^{4}
„	282^{4}	* ib. 125^{1}
„	282^{5}	* ib. 126^{2}
„	284^{1}	* ib. 138^{3}
„	284^{2}	* ib. 143^{1}
„	285^{2}	* ib. 221^{1}
„	287^{1}	* ib. 205^{2}
„	287^{2}	* ib. 205^{3}

---

[1]) Averroes et l'averroisme. Paris. 1866.

Авторъ	287^{3}	* ib. 205^{4}
„	293^{2}	* ib. 225^{3}
„	293^{3}	* ib. 225^{4}
„	293^{4}	* ib. 225^{5}
„	294^{1}	* ib. 227^{1}
„	296^{1}	* ib. 267^{4}
„	296^{2}	* ib. 269
„	297^{1}	* ib. 273^{2}
„	299^{1}	* ib. 241^{1}
„	299^{2}	* ib. 243^{1}
„	300^{1}	* ib. 244^{1}
„	300^{2}	* ib. 244^{2}
„	300^{3}	* ib. 244
„	300^{4}	* ib. 238^{1}
„	300^{5}	* ib. 238^{2}
„	300^{6}	* ib. 238^{3}
„	301^{1}	* ib. 238^{4}
„	303^{1}	* ib. 263^{1}
„	303^{2}	* ib. 263^{3}
„	311^{1}	Preger $1,203^{4}$ [1])
„	314^{1}	ib. 1.199^{2}
„	314^{2}	ib. $1,200^{2}$
„	314^{3}	ib. $1,200^{3}$
„	315^{1}	ib. 1,201
„	315^{2}	ib. $1,202^{1}$
„	315^{3}	ib. $1,202^{2}$
„	316^{1}	ib. $1,202^{3}$
„	316^{3}	ib. $1,202^{3}$
„	316^{4}	ib. $1,203^{3}$
„	319^{3}	Reuter $2,362^{1}$
„	320^{2}	ib. $2,366^{4}$
„	320^{3}	ib. $2,366^{6}$
„	320^{4}	ib. $2,367^{13}$
„	321^{1}	ib.
„	321^{2}	ib. $2,367^{14}$
„	332^{1}	Preger $1,175^{1}$
„	333^{2}	ib. $1,177^{2}$ и 178^{4} [1])

---

[1]) Preger. Geschichte d. deutschen Mystik im Mittelalter. 1. Lpz. 1874.

[2]) И въ 1-мъ и во 2-мъ изданіи книги о. Арсеньева въ переводѣ при

Авторъ	335[1]	ib. 182[2]
„	336[1]	ib. 179[2]
„	337[1]	Jundt. Op. cit. 26[1]
„	337[2]	ib. 25[3]
„	339[2]	ib. 31[4]
„	342[1]	ib. 16[1]
„	342[3]	ib. 17[1]
„	345[1]	ib. 18[1]
„	345[2]	ib. 18[2]
„	349[1]	Preger 1,193[4]
„	349[3]	ib. 1,193[5]
„	350[1]	ib. 1,194[2]
„	350[2]	ib. 1,194[4]
„	350[3]	ib. 1,195[2]
„	350[4]	ib. 1,195[3]
„	350[5]	ib. 1,195[4]
„	360[2]	Reuter 2,376[2]
„	408[1]	Wegele 94[1] [1])
„	411[2]	ib. 308[1]
„	413[1]	ib. 309[2]
„	413[2]	ib. 310[2]
„	413[3]	ib. 308[3] [2])
„	414[1]	ib. 334[1]
„	415[2]	ib. 334[2]
„	416[3]	ib. 334[3]
„	450[1]	Flathe 2,179[1]
„	458[1]	Vattier op. cit. 82[1]
„	460[2]	ib. 86[2]
„	461[1]	ib. 88[2]
„	461[2]	ib. 87[1]
„	465[1]	ib. 199[1]
„	466[1]	ib. 201

водимой здѣсь выдержки изъ Вильгельма Арморика вкралась ошибка. Вмѣсто: „эти сектанты утверждали, что власть папы продолжалась такъ же долго, какъ законъ Моисеевъ“, слѣд. читать: „...власть (Бога) Отца продолжалась“ etc...

[1]) Dante Alighieri's Leben und Werke. 2 Aufl. Iena, 1865.

[2]) Небезынтересно отмѣтить характеръ цитаціи о. Арсеньева по сравненію съ Wegele. Авторъ 413[1]: „De Monarchia lib. III., въ концѣ.“ Wegele: De Monarchia lib. III am Ende. Авторъ 413[3]: „De Monarchia“ lib. 1, ближе къ концу“: Wegele: De Monarchia lib. 1, gegen das Ende.

Авторъ	466^{2}	ib. 202
„	466^{4}	ib. 240^{1}
„	467^{2}	Alzog 704^{7}
„	467^{3}	ib. 704^{6}
„	468^{1}	Vattier 215^{1}
„	468^{2}	ib.
„	468^{3}	ib. 216^{1}
„	471^{1}	Flathe $2,237^{1}$
„	471^{2}	ib. $2,238^{1}$
„	472^{1}	ib. $2,239^{1}$
„	473^{2}	Vattier 232^{2}
„	473^{3}	ib. 232^{3}
„	473^{4}	ib. 232^{4-5}
„	474^{1}	ib. 245^{2}
„	474^{2}	ib. 245^{1}
„	477^{2}	ib. 246^{2}
„	478^{1}	ib. 247
„	478^{2}	Flathe $2,201^{3}$
„	478^{3}	ib. $2,201^{4}$
„	478^{4}	ib. $2,201^{5}$
„	479^{1}	Vattier 248^{1}
„	479^{2}	ib. 249^{1}
„	480	ib. 251
„	481^{1}	ib. 257^{2} [1])
„	481^{2}	ib. 257^{3}
„	481^{5}	ib. 257^{4}
„	481^{6}	ib. 258^{1}
„	482^{1}	ib. 242^{1}
„	482^{2}	ib. 243^{1}
„	483^{1}	ib. 244^{1}
„	485^{1}	ib. 240^{1}
„	485^{2}	ib. 240^{2-3}
„	486^{1}	Loserth $2,31^{3}$ [2])

---

[1]) Здѣсь авторъ допустилъ ошибку въ цитаціи: о конфирмаціи въ Тріалогѣ Виклифа идетъ рѣчь въ 14-й (а не 13-й) гл. 4-й книги.

[2]) I. Loserth. Studien zur Kirchenpolitik Englands im 14 Jahrhundert. 2 Th. Wien, 1907. Какъ въ этой цитатѣ, такъ и въ четырехъ послѣдующихъ цитатахъ о. Арсеньева слѣдуетъ отмѣтить рядъ неточностей, происхожденіе которыхъ объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ самъ не имѣлъ въ рукахъ цитируемаго имъ сочиненія Виклифа: De veri-

Авторъ	486[2]	ib. 2,32[2]
„	486[3]	ib. 2.32[3]
„	486[4]	ib. 2,36[1]
„	486[5]	ib. 2,36[2]
„	487[1]	ib. 2,49[2]
„	488[1]	ib. 2,50[3]
„	488[2]	ib. 2,51[1]
„	489[1]	ib. 2,51[2]
„	489[2]	ib. 2,57[1]
„	490[1]	ib. 2,57[2]
„	490[2]	ib. 2,57[3] [1])
„	490[3]	ib. 2,57[4]
„	490[4]	ib. 2,58[1]
„	490[5]	ib. 2,58[2]
„	491[1]	ib. 2,60[1]
„	491[2]	ib. 2,60[3]

tate s. scripsurae, а цитацію своего пособія (Loserth. Op. cit.) скопировалъ не совсѣмъ точно. Заимствовавъ у Loserth'a (op. cit. 31[3]) выдержку изъ Виклифа: „Verbi gracia... fidei christiane", приведенную у Loserth'a безъ опредѣленной цитаціи, авторъ самовольно подставилъ къ ней такую цитату: De veritate scripturae c. 1. Въ процитированной авторомъ наугадъ главѣ сочиненія Виклифа приведенной имъ выдержки, конечно, нѣтъ. Въ слѣдующемъ примѣчаніи (486[2]) о. Арсеньевъ, приведя нѣсколько строкъ изъ Виклифа, ставитъ такую цитату: ibidem, ibidem (т. е. разумѣется опять De veritate scripturae 1 c.), и опять совершенно напрасно. У Loserth'a (op. cit. 2,32[2]) приведенныя о. Арсеньевымъ слова Виклифа сопровождаются такой цитаціей: De veritate s. scripturae 1. 262 p. Но цифра 1 у Loserth'a обозначаетъ не caput, а liber указаннаго трактата Виклифа. Если о. Арсеньевъ хотѣлъ обозначить ту главу, гдѣ находятся нужныя ему слова Виклифа, то онъ долженъ бы поставить такую цитату: 1 lib., XI c. Также ошибочны цитаты автора въ 3, 4 и 5 примѣчаніяхъ на 486 стр. Вм. повторяемаго во всѣхъ этихъ примѣчаніяхъ ibidem, автору слѣдовало бы поставить: въ 1-мъ случаѣ—c. XI, а во 2 и 3—c. XIII. У Loserth'a приведенныя о. Арсеньевымъ двѣ послѣднихъ выдержки изъ Виклифа обозначены ссылками на соотвѣтствующія стр. изд. Buddensieg'a: Joh. Wiclifs, De veritate s. scripturae B. I. Lpz. 1904, а 1-я выдержка не имѣетъ опредѣленнаго обозначенія (она находится на 263 p. изд. Buddensieg'a).

1) Нужно замѣтить, что Loserth въ данномъ случаѣ даетъ лишь болѣе или менѣе свободный перифразъ словъ Виклифа, съ глухой ссылкой на его сочиненіе De ecclesia p. 191/2. Но о. Арсеньевъ, переведя буквально изложеніе Loserth'a, заключаетъ его въ кавычки и выдаетъ за подлинныя слова Виклифа. Тоже слѣдуетъ сказать о цитатахъ 490[3], 490[5] 491[2] въ книгѣ о. Арсеньева.

Авторъ	491^{3}	ib. $2,60^{4}$ [1])
„	492^{1}	ib. 2,61
„	492^{2}	ib. $2,61^{1}$
„	493^{1}	ib. $2,64^{1}$
„	493^{2}	ib. $2,65^{1}$
„	493^{3}	ib. $2,65^{2}$
„	494^{1}	ib. $2,65^{3}$
„	494^{2}	ib. $2,65^{4}$
„	494^{3}	ib. $2,65^{5}$
„	494^{4}	ib. $2,66^{1}$
„	494^{5}	ib. $2,66^{2}$
„	494^{6}	ib. $2, 66^{3}$
„	494^{7}	ib. $2, 66^{4}$
„	495^{1}	ib. $2, 72^{1}$
„	495^{2}	ib. $2, 72^{2}$
„	496^{1}	ib. $2, 72^{3}$
„	497^{1}	ib. $2, 92^{1}$
„	497^{2}	ib. $2, 92^{2}$
„	497^{3}	ib. 93^{1}
„	497^{4}	ib. 93^{2}
„	497^{5}	ib. 93^{3}
„	498^{1}	ib. 93^{4}
„	498^{3}	ib. 94^{4}
„	498^{4}	ib. 94^{5}
„	498^{5}	ib. 95^{1}
„	499^{1}	ib. 96^{1}
„	499^{2}	ib. 98^{3}
„	499^{3}	ib. 98^{4}
„	500^{1}	ib. 99^{1}
„	500^{2}	ib. 99^{2}
„	500^{3}	ib. 99^{3}
„	500^{4}	ib. 99^{4}
„	500^{5}	ib. 99^{5}
„	501^{1}	ib. 101^{1}
„	501^{2}	ib. 101^{2}
„	501^{3}	ib. 101^{2}

[1]) Loserth, приведя въ данномъ примѣчаніи выдержку изъ Виклифа, не указываетъ цитаты. У о. Арсеньева эта выдержка обозначается глухо: ibidem, ibidem.

Авторъ	502^{1}	ib. 75^{1}
„	502^{2}	ib. 75^{2}
„	506^{1}	Fürstenau 36^{5} [1])
„	506^{2}	ib. 36^{7}
„	506^{3}	ib. 39^{16}
„	507^{1}	ib. 39^{17}, 40^{18}
„	507^{2}	ib. 42^{21}
„	508^{1}	ib. 44^{23}
„	508^{2}	ib. $51^{42,41}$
„	508^{3}	ib. 51^{43}
„	509^{1}	ib. 53^{50}
„	509^{2}	ib. 59^{67}
„	520^{1}	Tschackert 17^{4} [2])
„	520^{2}	ib. 18^{1}
„	520^{3}	ib. 18^{2}
„	520^{4}	ib. 19^{4}
„	521^{1}	ib. 20^{1}
„	521^{3}	ib. 24^{1-2}
„	522^{1}	ib. 24^{3}
„	522^{2}	ib. 24^{4}
„	522^{3}	ib. 24^{2}
„	522^{4}	ib. 25^{4}
„	522^{5}	ib. 26^{1}
„	522^{6}	ib. 26^{3}
„	522^{7}	ib. 27^{1}
„	523^{1}	ib. 27^{3}
„	523^{2}	ib. 28^{4}
„	523^{3}	ib. 29^{1}
„	524^{1}	ib. 29^{2}
„	524^{2}	ib. 29^{3}
„	524^{3}	ib. 30^{3}
„	524^{4}	ib. 31^{5}
„	525^{1}	ib. 33^{4}
„	525^{3}	ib. 35^{1}
„	526^{1}	ib. 36^{1}

---

[1]) Iohann v. Wiclifs Lehren v. d. Einteilung d. Kirche und von der Stellung der weltlichen Gewalt. Berlin. 1900.

[2]) Peter von Ailli. Gotha, 1877.

Авторъ	526^3	ib. 37^2
„	526^4	ib. 37^6
„	527^1	ib. 38^1
„	527^2	ib. 38^3
„	567^3	Новиковъ 1, 80^1 [1])
„	568^1	ib. 1, 82^1
„	568^3	ib. 1, 108^1
„	569^1	ib. 1, 127^1 [2])
„	574^1	ib. 2, 290^1
„	575^1	ib. 2, 292^1
„	575^2	ib. 2, 292^2
„	578^1	ib. 2, 260^1 [3])
„	578^2	ib. 1, 150^1
„	581^1	ib. 2, 264^2
„	583^2	ib. 2, 258^3
„	583^3	ib. 2, 258^4
„	583^4	ib. 2, 308^2
„	584^1	ib. 2, 308^1
„	585	ib. 2, 278^1
„	586	ib. 2, 275, 276
„	587^1	ib. 2, 267^1
„	587	ib. 2, 267, 269 [4])
„	589^1	ib. 2, 271^1
„	589^2	ib. 2, 274^2
„	589^3	ib. 2, 274^4
„	589^4	ib. 2, 275^1

---

[1]) Новиковъ. Гусъ и Лютеръ. 1 и 2. Москва. 1859.

[2]) Не только цитата, но и самый переводъ выдержки изъ Гуса дословно совпадаетъ съ Новиковымъ. То же слѣдуетъ сказать о выдержкахъ, приводимыхъ о. Арсеньевымъ на стр. 575, 584, 585—7, 589 и др.

[3]) Заимствуя слова Новикова, представляющія собою перифразъ словъ Гуса, о. Арсеньевъ произвольно заключаетъ ихъ въ кавычки.

[4]) Приведя на стр. 586—587 рядъ выдержекъ изъ сочиненій Гуса, дословно въ переводѣ Новикова, о. Арсеньевъ не обозначаетъ ни главъ, ни страницъ сочиненій Гуса, гдѣ находятся цитируемыя имъ слова. Вѣроятной причиной такого отступленія о. Арсеньева отъ обычнаго (на предыдущихъ страницахъ) характера цитированія имъ Гуса заключается въ томъ, что и у Новикова эти выдержки приведены безъ цитаціи (2, 267, 269), а самъ о. Арсеньевъ съ сочиненіями Гуса непосредственно не знакомъ.

Авторъ	590^1	ib. 2, 280^2
„	590^2	ib. 2, 281^2
„	590^3	ib. 2, 281^3
„	591^1	ib. 2, 282^1
„	591^2	ib. 2, 282^5
„	591^3	ib. 2, 283^2
„	592^1	ib. 2, 258^1
„	592^2	ib. 2, 258^2 [1])
„	598^1	ib. 1, 51^1
„	599^1	ib. 1, 59^3
„	600^1	ib. 1, 61^2
„	604^1	ib. 1, 130^1
„	605^1	ib. 1, 155^1
„	606^1	ib. 1, 160^1.

Сдѣланный нами анализъ изслѣдованія о. Арсеньева со стороны его отношенія къ источникамъ его темы, не претендуя на исчерпывающую полноту, однако даетъ, полагаю, достаточное основаніе—высказать общее сужденіе о научномъ характерѣ подлежащей нашему отзыву книги. Выпуская въ свѣтъ и 2-е изданіе своего изслѣдованія, авторъ не обнаруживаетъ глубокой и самостоятельной освѣдомленности въ первоисточникахъ своей темы. Тѣ многочисленные средневѣковые писатели, о широкомъ знакомствѣ съ разнообразнѣйшими трудами которыхъ свидѣтельствуетъ на первый взглядъ цитація

---

[1]) Въ данномъ мѣстѣ книги о. Арсеньева невольно бросается въ глаза характерная спутанность его цитаціи. Излагая ученіе Гуса объ исхожденіи Св. Духа, авторъ приводитъ изреченіе Гуса по данному вопросу и подъ строкой ставитъ цитату: De Trinitate f. 105—De mandatis Domini f. 29 на обор. Какъ приведенное авторомъ изреченіе Гуса, такъ и цитація его имѣются у Новикова (2, 258). Продолжая рѣчь объ ученіи Гуса по отмѣченному вопросу, о. Арсеньевъ пишетъ: „А въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у Гуса и такое выраженіе: „(слѣдуетъ новая выдержка изъ Гуса опять таки по Новикову ib.). Слова автора, что мы находимъ приведенную имъ выдержку изъ Гуса „въ другомъ мѣстѣ", естественно располагаютъ ожидать ссылки автора на какой л. новый трактатъ Гуса, по сравненію съ только-что цитированнымъ. Но подъ строкой у автора мы читаемъ: „ibidem". Это ibidem является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ предыдущемъ примѣчаніи авторъ процитовалъ сразу два произведенія Гуса, и къ которому изъ нихъ относится это ibidem—сказать довольно трудно. Разгадка этой спутанности цитаціи автора—въ его безпомощности, ибо у Новикова 2-е изъ приведенныхъ изреченій Гуса оставлено безъ цитаты.

автора, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ цитируются имъ не непосредственно по первоисточникамъ, а на основаніи тѣхъ выдержекъ и цитатъ изъ нихъ, которыя авторъ находилъ въ различнаго рода монографіяхъ и курсахъ. Его работа, поэтому, по своему основному характеру не есть изслѣдованіе затронутыхъ имъ вопросовъ на основаніи собственнаго изученія или пересмотра относящихся сюда историческихъ матеріаловъ, а компилятивный трудъ, съ бо́льшей или меньшей обстоятельностью и искусствомъ комбинирующій тѣ данныя по этимъ вопросамъ, какія такъ или иначе использованы въ имѣвшихся въ распоряженіи о. Арсеньева пособіяхъ.

Что касается отношенія о. Арсеньева къ вспомогательной научной литературѣ своей темы, то и здѣсь выступаютъ нѣкоторыя слабыя стороны работы автора. Такъ, прежде всего, мѣстами обращаетъ на себя вниманіе недостаточно широкое и систематическое знакомство автора съ научной литературой обсуждаемыхъ имъ вопросовъ. Правда, изслѣдованіямъ, на которыя опирается о. Арсеньевъ въ своей книгѣ, бо́льшею частію нельзя отказать въ авторитетности, но они нерѣдко имѣютъ за собою слишкомъ долголѣтнюю давность, и потому по нѣкоторымъ пунктамъ оказываются устарѣлыми и не вводятъ автора, т. е. въ курсъ современной науки. Такъ, напр., нѣсколько устарѣлою представляется освѣдомленность автора по вопросу о вліяніи Виклифа на богословскія воззрѣнія Гуса, каковому вопросу авторъ посвящаетъ цѣлый рядъ страницъ (564 и дал.). Авторъ по данному вопросу горячо оспариваетъ взглядъ на тѣсную зависимость чешскаго реформатора отъ англійскаго богослова, и доказываетъ „независимое положеніе Гуса (и въ своемъ ученіи и въ своей дѣятельности) по отношенію къ Виклефу“ (566 стр.). Не входя въ подробную оцѣнку проводимаго о. Арсеньевымъ взгляда по данному вопросу, я отмѣчу лишь общее отношеніе автора къ его литературѣ. Если не считать вскользь упомянутой авторомъ статьи: A. Nägle. Die Anfänge des Christenthums in Böhmen, помѣщенную въ изданіи: Historisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft за 1911 годъ, не имѣющую собственно никакого отношенія къ вопросу о вліяніи Виклифа на Гуса [1]), то самымъ свѣ-

[1]) Кстати, авторъ напрасно ссылается на эту статью, какъ на „примѣръ

жимъ (въ хронологическомъ отношеніи) изслѣдованіемъ, извѣстнымъ автору по данному вопросу, является книга Köhler'a: Iohann Huss. der Reformator des XV Jahrhunderts, Eisenach, 1871. Авторъ не знаетъ даже такого крупнаго труда по затронутому имъ вопросу, какъ изслѣдованіе J. Loserth'a: Hus und Wiklif (Zur Genesis der husitischen Lehre) Prag. Lpz. 1884, въ которомъ взглядъ на тѣсную зависимость доктрины Гуса отъ Виклифа раскрытъ въ высшей степени ярко и документально. Отсюда, у о. Арсеньева, между прочимъ, въ качествѣ автора, признававшаго „особенно сильное вліяніе на Гуса со стороны Виклефа" (566[1]) выступаетъ C. A. Höfler (въ своей книгѣ: Magister Joh. Hus und der Abzug der deutschen Professoren und Studenten aus Prag. Prag. 1864), у котораго по данному вопросу мы находимъ лишь нѣсколько самыхъ общихъ и голословныхъ замѣчаній. По вопросу объ историческихъ корняхъ реформаторской дѣятельности Гуса о. Арсеньевъ не обнаруживаетъ достаточно широкой освѣдомленности и въ русской научной литературѣ. Опираясь въ своей характеристикѣ доктрины и дѣятельности Гуса почти исключительно на цитованное изслѣдованіе Новикова, авторъ слишкомъ догматически принимаетъ всѣ взгляды этого писателя по упомянутому вопросу, опуская изъ виду, что отстаиваемый Новиковымъ взглядъ на самобытно-чешское (восточно-православное) происхожденіе реформаторской дѣятельности Гуса не разъ обсуждался въ русской наукѣ, при чемъ въ ряду ученыхъ, съ критической осторожностью относившихся къ взглядамъ Новикова, выступали такія лица (какъ проф. СПБ. Дух. Ак. И. Пальмовъ: Вопросъ о чашѣ въ гуситскомъ движеніи. СПБ. 1881. 168 стр. и дал.), которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они „рабски повторяютъ ходячіе взгляды иностранныхъ историковъ на Гуса, довольствуясь тѣми только матеріалами, на основаніи которыхъ его свѣтлая личность во многомъ такъ унижается и затемняется,... становятся на точку зрѣнія, враждебную православію,... измѣняютъ своему родному славянскому дѣлу" и т. д. (563 стр.).

Другимъ недостаткомъ работы о. Арсеньева, съ точки зрѣ-

протестантской тенденціозности" по вопросу о Гусѣ: Görres-Gesellschaft, въ изданіи котораго помѣщена эта статья,—извѣстное католическое ученое общество (въ Мюнхенѣ).

нія его отношенія къ вспомогательной научной литературѣ его темы, является не всегда корректное обозначеніе имъ тѣхъ ссылокъ на нее, какія авторъ беретъ изъ вторыхъ рукъ, по указанію бывшихъ у него въ рукахъ пособій. По крайней мѣрѣ, при сопоставленіи книги о. Арсеньева съ тѣми или другими его пособіями приходится констатировать, что не только выдержки и цитаты изъ первоисточниковъ, приводимыя авторомъ въ своей книгѣ, иногда до крайности сходствуютъ съ выдержками и цитатами въ бывшихъ въ его распоряженіи пособіяхъ, но иногда и цѣлый рядъ ссылокъ на извѣстное изслѣдованіе по тому или другому вопросу у о. Арсеньева буквально совпадаетъ съ таковыми же ссылками его пособій. Напр., на 363—367 стр. авторъ дѣлаетъ рядъ ссылокъ на изслѣдованіе Mosheim'a: De Beghardis et Beguinabus commentarius. Ed. Martini. Lipsiae. 1790. Авторъ называетъ его „капитальнымъ трудомъ", который „можетъ служить для насъ главнымъ и важнѣйшимъ руководствомъ" при изложеніи первоначальной исторіи беггардовъ (361 стр.). Однако, сомнительно, знакомъ ли авторъ непосредственно съ этой книгой, поскольку всѣ его ссылки на нее вполнѣ совпадаютъ со ссылками на нее у Iundt'a (op. cit. 44—49 pp.).

Авторъ	363^3	Iundt, 44^1
„	364^1	ib. 45^1
„	364^5	ib. 47^1
„	364^6	ib. 48^2
„	364^7	ib. 48^3
„	366^1	ib. 49^1
„	367^2	ib. 49^3

Нельзя не отмѣтить также крайней близости ссылокъ автора на научную литературу по вопросу о „вліяніи арабской философіи на направленіе схоластики и общества въ 13 вѣкѣ" къ ссылкамъ на нее въ цитированномъ изслѣдованіи Ренана (Averroès et l'averroisme), каковая близость, между прочимъ, была поставлена на видъ автору и рецензентомъ 1-го изданія его книги.

Авторъ	272^1	Renan 3^1
„	275^1	ib. 92^1
„	276^1	ib. 95^1
„	281^2	ib. 115^2
„	286^1	ib. 222^1

Какъ на нежелательное отношеніе о. Арсеньева къ своимъ пособіямъ, слѣдуетъ указать также на то, что авторъ иногда опредѣленно не обозначаетъ даже такихъ заимствованій (въ текстѣ своей книги) изъ пособій, которыя представляютъ собою буквальные, распространяющіеся на нѣсколько строкъ, переводы изъ нихъ. Ср. напр.:

Авторъ 314 стр.	Preger, op. cit. 1, 200 s.
„ 315 стр.	ib. 1, 200, 201, 202 ss.
„ 377 стр.	Jundt, op. cit. 86—87 pp.
„ 380 стр.	ib. 90 p. [1])

До сихъ поръ наша характеристика работы о. Арсеньева сосредоточивалась на отрицательныхъ ея качествахъ. Обращаясь теперь къ выясненію ея положительныхъ сторонъ, мы, прежде всего, должны отмѣтить незаурядную широту входящаго въ ея содержаніе матеріала, и значительную долю труда, несомнѣнно затраченнаго авторомъ на выполненіе своей работы. Не давая въ своей книгѣ полнаго и цѣлостнаго обзора оппозиціонныхъ ортодоксальному католичеству движеній, развивавшихся въ западной Европѣ, „отъ Карла Великаго до реформаціи“, о. Арсеньевъ, однако, какъ видно уже изъ оглавленія его книги, далъ цѣлый рядъ очерковъ, болѣе или менѣе обстоятельно и подробно раскрывающихъ тѣ или другіе моменты и стороны церковно-общественной жизни католичества за отмѣченный періодъ, привлекая для своей работы самыя разнообразныя данныя—библіографическаго, біографическаго, церковно-историческаго, богословскаго, историко-философскаго характера. Не имѣя въ большинствѣ случаевъ непосредственнаго знакомства съ первоисточниками обсуждаемыхъ вопросовъ, авторъ тѣмъ не менѣе употребилъ,

---

[1]) Авторъ, какъ намъ не разъ приходилось отмѣчать въ своемъ отзывѣ, вообще не любитъ ссылаться на пособія, предпочитая цитировать первоисточники и даже манускрипты, хранящіеся въ западно-европейскихъ книгохранилищахъ, безъ обозначенія пособій, откуда заимствована его цитація. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется одна изъ цитатъ автора на 456 стр.: въ подтвержденіе того факта, что въ 1377 г. папа Григорій XI-й издалъ три буллы, въ которыхъ предлагалъ передать Виклифа соборному суду, авторъ ссылается, въ 1-хъ, на Guerike, Handbuch d. allegemeinen Kirchengeschichte 1, s. 537, и затѣмъ на статью Михайловскаго: „Предшественники и предвѣстники реформаціи въ XIV и XV вв.“, при чемъ эту статью цитируетъ по ея отрывку, помѣщенному въ „Исторической хрестоматіи по новой исторіи“ Гуревича, 1, 21.

вѣроятно, не мало труда на ознакомленіе со вспомогательной литературой объ нихъ. Имъ въ той или иной степени использованъ не одинъ десятокъ изслѣдованій на русскомъ и преимущественно иностранныхъ языкахъ. Нельзя не отмѣтить также и стремленій автора иногда критически разобраться въ существующихъ въ научной литературѣ взглядахъ по тому или другому вопросу (ср. стр. 38 и дал., 336—7, 310—312, 501—504, 528—9 и др.). Разумѣется, безъ знанія первоисточниковъ этихъ вопросовъ авторъ не могъ дать какихъ либо цѣнныхъ критическихъ наблюденій и выводовъ, однако эти опыты критическаго отношенія къ тѣмъ или другимъ научнымъ мнѣніямъ сами по себѣ являются не лишенными извѣстнаго значенія.

Необычайная широта и сложность поставленныхъ о. Арсеньевымъ въ своей книгѣ историческихъ вопросовъ въ значительной мѣрѣ объясняютъ, и, если угодно, до нѣкоторой степени извиняютъ отмѣченные нами дефекты ихъ научнаго раскрытія авторомъ. Строго-научное, на основаніи тщательнаго изученія первоисточниковъ, выясненіе затронутыхъ авторомъ проблемъ, равно какъ возможно-полное, систематическое ознакомленіе съ громадной литературой ихъ, является задачей въ высшей степени трудной. Взявъ для своей работы явно непосильную тему, о. Арсеньевъ какъ будто сознательно уже освободилъ себя отъ обязанности собственно-научнаго отношенія къ своей задачѣ, отъ собственно-научныхъ пріемовъ изслѣдованія, обрекши себя на болѣе, чѣмъ скромную, роль компилятора и пересказчика чужихъ изслѣдованій, правда, не всегда откровенно обнаруживающаго передъ читателемъ такой именно характеръ своей работы. Имѣя въ объемистой книгѣ о. Арсеньева несомнѣнныя доказательства его научно-литературнаго трудолюбія, учитывая видимый интересъ автора къ западно-европейской церковной исторіи, равно какъ хорошее знаніе авторомъ латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго языковъ, въ общемъ приходится пожалѣть, что авторъ предпочелъ крайне раздвинуть вширь рамки своего „изслѣдованія“, заполнивъ ихъ порою безсистемно-надерганнымъ изъ различныхъ монографій и курсовъ матеріаломъ, чѣмъ, сосредоточивъ вниманіе на одномъ или нѣсколькихъ моментахъ интересовавшаго автора историческаго процесса, представить

дѣйствительно-цѣнное въ научномъ отношеніи, документально и по возможности исчерпывающе-написанное изслѣдованіе.

Какъ компилятивная работа, книга о. Арсеньева, кромѣ формальной широты и разносторонности ея содержанія, имѣетъ извѣстную и матеріальную цѣнность, поскольку авторъ на страницахъ своей книги иногда излагаетъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій западно-европейской науки по тѣмъ или другимъ вопросамъ, или иногда даетъ характеристики тѣхъ или другихъ моментовъ и дѣятелей средневѣковой католической исторіи болѣе подробныя и разностороннія, чѣмъ какія до сихъ поръ имѣлись въ нашей литературѣ.

Наконецъ, въ качествѣ достоинства книги о. Арсеньева необходимо отмѣтить почти безукоризненную литературность ея изложенія. Его книга читается очень легко.

Резюмируя свои наблюденія и выводы относительно научнаго характера и цѣнности книги о. Арсеньева, я прихожу къ такому заключительному сужденію о ней. Не отрицая значительныхъ достоинствъ ея, какъ компилятивнаго изслѣдованія, и признавая ее далеко не лишней въ нашей небогатой литературѣ по западно-европейской церковной исторіи, я, однако, въ виду отмѣченной выше общей примитивности, а часто и некорректности ея собственно-научныхъ пріемовъ изслѣдованія, не могу признать ее работой, дающей ея автору право на высшую ученую богословскую степень—доктора церковной исторіи".

б) Ординарнаго профессора Академіи *С. С. Глаголева:*

„Періодъ отъ вступленія на престолъ Карла Великаго до реформаціи обнимаетъ собою семь съ половиной столѣтій. Но о. Арсеньевъ не доходитъ въ своей книгѣ до реформаціи, онъ кончаетъ смертью Савонаролы (1498 г.), его книга обнимаетъ собою семьсотъ тридцать лѣтъ (768—1498). Но и эта цифра для историческаго изслѣдованія является очень внушительной. Широка и та территорія, на которой происходили движенія, которыя изучалъ нашъ авторъ. Это въ сущности—вся Европа за исключеніемъ кіевской и московской Руси и Балканскаго полуострова. Предметъ изслѣдованія автора—религіозныя движенія—сложенъ, многообразенъ, связанъ со многими фактами и явленіями совсѣмъ нерелигіознаго характера. Съ своей теоретической стороны религія всегда свя-

зана съ философіей и наукой, съ своей практической стороны религія въ средніе вѣка была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ жизнью государственной. Дѣятельность Савонаролы неотдѣлима отъ политическихъ событій въ Италіи конца XV-го столѣтія. Нашему автору для выполненія его задачи—дать картину важнѣйшихъ реформаціонныхъ движеній отъ Карла В. до Лютера—нужно было изучить очень многое.

Онъ далъ намъ изслѣдованіе въ 683 страницы (около 2300 буквъ на страницѣ). Много лицъ, ученій, споровъ и сектъ проходитъ въ этомъ изслѣдованіи передъ нами. Карлъ В., Клавдій Туринскій, Агобардъ Ліонскій, Іоаннъ Скотъ Эригена, Абеляръ, Арнольдъ Брешіанскій, Іоахимъ де-Флорисъ, Францискъ Ассизскій, Амальрихъ, Экгартъ, Сегарелли, Данте, Гусъ, Савонарола. Авторъ излагаетъ евхаристическіе споры IX и XI вв., споры о предопредѣленіи, сектантскія движенія въ Италіи, Франціи и Германіи, описываетъ общины альбигойцевъ и вальденсовъ. Находитъ нужнымъ говорить о средневѣковой арабской философіи въ виду ея вліянія на европейскую мысль. Особо останавливается на парижскомъ богословіи, вліяніе котораго сильно сказалось на Констанцскомъ соборѣ.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ старается быть объективнымъ. Но можетъ ли на самомъ дѣлѣ историкъ быть объективнымъ? При изученіи сочиненій и дѣлъ человѣка, жизнь котораго отдѣлена отъ насъ столѣтіями, можемъ ли мы на самомъ дѣлѣ оставаться безстрастными и говорить о немъ,

не вѣдая ни жалости, ни гнѣва?

Это должно быть не по силамъ человѣка, а можетъ быть и по существу нужно, чтобы отношенія человѣка къ человѣку были живыми, чтобы они были отношеніями симпатіи и антипатіи и чтобы въ историческихъ изслѣдованіяхъ рядомъ съ принципомъ прагматическимъ стоялъ принципъ типологическій, съ объясненіемъ соединялась оцѣнка. О нашемъ авторѣ во всякомъ случаѣ должно сказать, что онъ не безстрастенъ. Его возмущаетъ папа Александръ VI, онъ удивляется генію Карла, восхищается дѣятельностью Гуса и Савонаролы.

Кромѣ общечеловѣческихъ моральныхъ принциповъ симпатіями и антипатіями автора управляетъ его непоколебимая православная вѣра. Вездѣ, гдѣ ему кажется, что религіозное движеніе въ католичествѣ стремится къ тому, что уже дано въ православіи, онъ спѣшитъ привѣтствовать это движеніе,

беретъ его подъ свою защиту, съ смущеніемъ и скорбію отмѣчаетъ, что поворотъ къ православію въ концѣ концовъ оказался совсѣмъ неправославнымъ, и объясняетъ это неблагопріятными условіями и воздѣйствіями. Въ оцѣнкѣ дѣятельности Гуса его подкупаетъ еще панславянская идея.

Сочиненіе написано легкимъ и спокойнымъ языкомъ. Оно читается съ интересомъ и даетъ много свѣдѣній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно даетъ широкій просторъ для критики.

Авторъ трактуетъ въ своей книгѣ о событіяхъ, происходившихъ въ разныхъ странахъ въ теченіе болѣе семи столѣтій. Понятно, что авторъ не имѣлъ возможности изучить первоисточники. Онъ владѣетъ латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ языками, знаетъ и ихъ средневѣковыя формы, но все это только даетъ возможность изучать источники, а не переводитъ эту возможность въ дѣйствительность. Въ книгѣ о. Арсеньева за исключеніемъ вступительной имѣется 21 глава, и каждая изъ этихъ главъ могла бы быть предметомъ докторской диссертаціи. Многихъ первоисточниковъ для многихъ изъ этихъ главъ нельзя найдти въ Россіи. Во многихъ случаяхъ авторъ не могъ провѣрять тѣхъ ученыхъ, которыми пользовался, и ему приходилось довѣрять тому или другому изъ нихъ. Ясно, что каждый, работавшій спеціально по тому или другому изъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, можетъ указать, что онъ не устранилъ многихъ возраженій противъ принятыхъ имъ гипотезъ, слишкомъ легко поспѣшилъ отвергнуть тѣ или другія мнѣнія. Вопросы о подлинности и неподлинности, вопросы о хронологическихъ датахъ авторъ рѣшалъ слишкомъ быстро.

Въ своихъ объясненіяхъ причинъ реформаціонныхъ движеній авторъ чрезвычайно упростилъ свою задачу. Злоупотребленія римской церкви породили всѣ реформаціонныя движенія, а затѣмъ и реформацію. Но такъ ли это? Злоупотребленія Рима были одною изъ причинъ возникновенія протестантизма, но не единственною причиною. Въ Евангеліи Іоанна мы читаемъ, что послѣ нѣкоторыхъ рѣчей Господа „многіе изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ“ (VI, 66). Значитъ, не только отъ лжи можетъ бѣжать человѣкъ, онъ можетъ бѣжать и отъ Истины. Человѣкъ легко склоняется къ отрицанію того, чего онъ не понимаетъ. Но

пониманіе религіозной истины есть, вѣдь, удѣлъ лишь чистыхъ сердецъ. Точно также человѣкъ легко отвергаетъ тѣ требованія, которыя ему представляются тяжкими, и особенно тяжкимъ для человѣка всегда было и будетъ требованіе безусловнаго подчиненія. Многообразные факторы могутъ заставлять человѣка порывать съ вѣрою и убѣжденіями отцовъ. Отъ истины человѣкъ всегда уходитъ во имя лжи, но отъ лжи онъ можетъ уходить не только во имя истины, но гораздо чаще во имя какой-нибудь новой лжи. О. Арсеньевъ почти не затрогиваетъ ни психологическихъ, ни историческихъ факторовъ реформаціонныхъ движеній.

Въ сущности мало о. Арсеньевъ занимается характеристикою тѣхъ лицъ, о которыхъ говоритъ. Его характеристики очень поверхностны; вслѣдствіе этого мыслители раціоналистическаго склада, каковъ, напр., Абеляръ, и мистическаго, каковъ Іоахимъ Флоринскій, у него мало различаются между собою. Также мало обращаетъ вниманія авторъ на то, что, если одни шли противъ ученія Рима, то другіе возмущались только недостойнымъ поведеніемъ христіанъ и стремились къ улучшенію нравовъ. Связь послѣднихъ съ реформаціею XVI-го вѣка является очень отдаленною.

Мало анализируетъ авторъ тѣ ученія и понятія, съ которыми ему приходится встрѣчаться, и слишкомъ легко и просто онъ находитъ авторитеты для подтвержденія тѣхъ мнѣній, которыя ему кажутся правильными. Такъ ему понравилась гипотеза путешествія Іоанна Скотъ Эригены на востокъ. Въ подтвержденіе этой гипотезы онъ сближаетъ ученіе санкіа съ философіей Эригены. Полемизируя по вопросу о пониманіи терминовъ „пуруша“ и „пракрти“ съ проф. Брилліантовымъ, онъ какъ на незыблемый авторитетъ ссылается на трудъ о. Новицкаго: „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій“ (см. 42 стр.). Но между временемъ появленія этого труда и нашими днями лежитъ уже полстолѣтіе. Объ индійской философіи и индійскихъ религіяхъ мы знаемъ теперь гораздо больше, чѣмъ полвѣка назадъ, и каждый курсъ могъ бы наставить автора, что „пуруша“ и „пракрти“ имѣли въ разныхъ школахъ и у разныхъ писателей разное значеніе, въ отдѣльныхъ случаяхъ смыслъ ихъ часто опредѣлить бываетъ очень трудно. А система „санкіа“, въ

которой о. Арсеньевъ ищетъ Бога, вообще считается атеистическою.

Затѣмъ самая гипотеза, объясняющая сходство заимствованіями, рѣдко оказывается справедливою. Въ послѣднее полстолѣтіе открыты изумительные параллелизмы въ религіяхъ и философскихъ ученіяхъ тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о взаимообщеніи и заимствованіяхъ.

Какъ легко при помощи Новицкаго о. Арсеньевъ рѣшаетъ вопросъ о „пуруша", такъ легко при помощи книги Новикова—Гусъ и Лютеръ. 1859 г.—онъ рѣшаетъ вопросъ о православіи Гуса. Гусъ православенъ. Я не склоненъ обвинять Гуса въ еретичествѣ, но долженъ сказать, что тезисъ о православіи Гуса обоснованъ у нашего автора очень слабо. Ученіе Гуса о предопредѣленіи называютъ кальвинистическимъ, и то, что пишетъ о. Арсеньевъ, не колеблетъ такой характеристики (см. 573). О. Арсеньевъ полагаетъ, что Гусъ погрѣшалъ противъ самого себя, говоря, что власть папы уничтожается совсѣмъ, разъ онъ не подражаетъ Христу, и подсказывая мысль, что таинства, совершаемыя порочными лицами, недѣйствительны (стр. 577). Но считалъ ли себя Гусъ погрѣшающимъ въ этихъ утвержденіяхъ? Объ этомъ слѣдовало бы спросить Гуса, а его нѣтъ на свѣтѣ почти уже полтысячи лѣтъ. О. Арсеньевъ въ подтвержденіе того, что Гусъ признавалъ іерархію, приводитъ его слова, „что воинствующая Церковь, имѣя Главою своею единаго Іисуса Христа, имѣетъ и вѣрныхъ намѣстниковъ Его на землѣ, простыхъ ли іереевъ или епископовъ, пасущихъ ее евангельскимъ словомъ по благодати, дарованной свыше Главою (ex capitis gratia). Эти ли слова его, спрашиваетъ нашъ авторъ, можно счесть за отрицаніе іерархіи, а слѣд. и таинства священства? Гусъ не только не отрицалъ ни того, ни другого, но даже допускалъ мысль о почетномъ старшинствѣ по чести (но не по власти) римскаго епископа"... (стр. 583—584). Конечно, въ этихъ словахъ нѣтъ отрицанія іерархіи, но они далеко не такъ ясны и просты, какъ это кажется о. Арсеньеву. Какой смыслъ соединялъ Гусъ со словомъ „вѣрный", прилагаемымъ имъ къ слову „намѣстникъ"? Почему у Гуса простые іереи равно съ епископами называются намѣстниками Христа? Что касается до вопроса о почетномъ старшинствѣ, то онъ не имѣетъ никакого отношенія къ таинству.

Образъ Гуса безспорно высоко симпатиченъ и трогателенъ. Но мы можемъ жестоко ошибаться, считая людей, являющихся для насъ привлекательными, своими единомышленниками. Особенно нельзя предсказывать, что будетъ съ этими людьми и куда они пойдутъ. Что было бы, если бы Гуса не сожгли? Этого вопроса нельзя ставить, потому что на него нельзя отвѣчать.

Подобно Гусу симпатіи нашего автора привлекаетъ Савонарола. У читателя даже получается впечатлѣніе, что авторъ намѣренно умалчиваетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ его жизни и дѣятельности, чтобы поднять выше образъ флорентійскаго аскета. О. Арсеньевъ не говоритъ намъ, что монашеству Савонаролы предшествовалъ неудачный романъ съ дочерью Строцци: онъ не останавливаетъ нашего вниманія на томъ, что Савонарола считалъ себя пророкомъ, получавшимъ непосредственныя откровенія отъ Бога. Онъ не хочетъ поставить вопроса: не былъ ли ригоризмъ Савонаролы чрезмѣрнымъ? Преслѣдуя порокъ, не преслѣдовалъ ли онъ и чистыхъ радостей? Не стремился ли онъ къ диктатурѣ? О. Арсеньевъ заставляетъ Савонаролу умереть на кострѣ, но въ его біографіяхъ пишутъ, что онъ былъ повѣшенъ, а затѣмъ тѣло его было сожжено. Свою главу о Савонаролѣ о. Арсеньевъ заключаетъ слѣдующими словами о немъ и подобныхъ ему реформаторахъ: „если ихъ взоръ... не остановился прямо на церкви православно-восточной, то развѣ только потому, что они мало ее еще знали. Но мы увѣрены, что при болѣе близкомъ съ нею знакомствѣ они непремѣнно нашли бы въ ней то, чего искали. Недаромъ и Савонарола зналъ и любилъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей православной Россійской церкви—преподобнаго Максима грека, который былъ одного съ нимъ духа по своей ревности о славѣ св. Христовой церкви“ (стр. 671). Увѣренность автора недоказуема. Но въ примѣненіи къ Савонаролѣ слова его звучатъ особенно странно. Савонарола не шелъ ни противъ католическаго ученія, ни противъ католической системы. Въ концѣ концовъ онъ, вѣдь, канонизованъ католическою церковью. Онъ бичевалъ развращеніе нравовъ. Что же, если бы онъ обратился къ востоку, развѣ онъ нашелъ бы тамъ идиллическую нравственность? Максимъ грекъ, одинъ изъ самыхъ младшихъ учениковъ Савонаролы (Максиму было

всего лишь 18 лѣтъ, когда не стало Савонаролы), отправился изъ Италіи на востокъ. Развращеніе нравовъ въ московской Руси, видно, показалось ему не меньшимъ, чѣмъ флорентинское. Только здѣсь все было несравненно грубѣе, чѣмъ въ Италіи. Максимъ бросалъ русской церкви упрекъ и въ неканоничности. Что касается до судьбы этого подвижника, то кажется Савонаролѣ нечего ему завидовать. Впослѣдствіи Максимъ былъ канонизованъ, но, вѣдь, это впослѣдствіи. Въ эпоху Савонаролы и Максима нравственный уровень европейскаго общества вообще стоялъ невысоко и люди съ чуткою совѣстью естественно должны были возмущаться имъ. Но эпоха и людей съ чуткой совѣстью отдалила отъ идеаловъ и заповѣдей Евангелія. Вѣдь, Савонарола вырѣзывалъ языки и сжигалъ людей, а это совсѣмъ не согласуется съ завѣтами Христа и ученіемъ православной церкви.

Характеристики другихъ дѣятелей, даваемыя о. Арсеньевымъ, вызываютъ возраженія, подобныя тѣмъ, которыя вызываютъ данные имъ образы Гуса и Савонаролы. Объясняется это тѣмъ, что корень реформаціонныхъ движеній онъ склоненъ прежде всего искать въ идеальныхъ стремленіяхъ человѣческаго духа. Его реформаторы являются искателями православія. Въ приложеніи къ разнымъ реформаторамъ у нашего автора часто встрѣчаются три рода сожалѣнія. Во 1) онъ сожалѣетъ, что мы имѣемъ мало источниковъ для біографіи реформатора; во 2) онъ сожалѣетъ, что въ борьбѣ съ папскими злоупотребленіями реформаторъ допустилъ выраженія, которымъ лжетолкователи придали еретическій смыслъ; въ 3) онъ сожалѣетъ, что реформаторъ въ своихъ воззрѣніяхъ дѣйствительно дошелъ до положеній несогласныхъ съ вселенскимъ православіемъ. Все это, конечно, очень жаль; но надо имѣть въ виду, что не одни папы виновны во всемъ этомъ, а виновны и сами реформаторы. Папы были сотканы не изъ однихъ только пороковъ, а реформаторы не были сплетены лишь изъ добродѣтелей.

Можно оспаривать многіе тезисы и утвержденія о. Арсеньева. Но кромѣ того въ такихъ обширныхъ сочиненіяхъ, какъ его, неизбѣжны мелкія ошибки, частные промахи, lapsus'ы языка. Я укажу нѣкоторые.

На 4-й и 5-й стр. авторъ обвиняетъ римскую церковь за двоевѣріе франковъ въ V—VI вв. Но при перемѣнѣ религіи

цѣлыми народами двоевѣріе надолго представляетъ собою неизбѣжное явленіе. Двоевѣріе было и на Руси. Неужели въ немъ виновна православная церковь?

На 23 стр. авторъ называетъ блаженнаго Августина *отцомъ* церкви. Для православныхъ онъ только *учитель* церкви.

На 24 стр. о. Арсеньевъ пишетъ о ліонскомъ епископѣ Агобардѣ: „онъ происходилъ изъ Испаніи и еще въ очень молодыхъ лѣтахъ переселился въ Галлію, вѣроятно около 782 года". Какъ понимать выраженіе „въ очень молодыхъ лѣтахъ"—17—18-ти лѣтъ? Но годомъ рожденія для Агобарда назначаютъ 779 годъ. Слѣдовательно, въ 782 г. ему было три года. Это—дѣйствительно „въ очень молодыхъ годахъ".

На 37 стр. авторъ пишетъ объ Эригенѣ: „вѣроятнѣе всего онъ родился во второмъ десятилѣтіи IX столѣтія". А въ первомъ примѣчаніи на этой же страницѣ соглашается съ проф. Брилліантовымъ, что всѣ мнѣнія „относительно года рожденія Эригены не имѣютъ твердыхъ основаній". Замѣчу, что вся глава объ Эригенѣ характеризуется у нашего автора неустойчивостью утвержденій.

На 71 стр. о. Арсеньевъ сообщаетъ, что Пасхазія очень занималъ вопросъ, почему „чудо пресуществленія не всегда обнаруживается видимымъ образомъ для всякаго". Непонятно, почему нашъ авторъ не обратилъ достаточно вниманія на эти слова. Вѣдь, изъ словъ Пасхазія вытекаетъ, что пресуществленіе видимымъ образомъ обнаруживалось передъ многими. О. Арсеньевъ безъ сомнѣнія знаетъ, что такія явленія бываютъ. Но если они бывали и притомъ, повидимому, нерѣдко въ эпоху Пасхазія, то они должны были оказать сильное—хотя и неявное—вліяніе на евхаристическіе споры.

На 132 стр. авторъ названіе книги Ascensio Isaiae переводитъ: „восхожденіе Исаіи", обычно ее переводятъ: „вознесеніе Исаіи".

На 210 стр. авторъ пишетъ: „Лессингъ былъ не болѣе, какъ деистъ". Какой смыслъ соединяетъ авторъ съ этимъ утвержденіемъ? Слова „деизмъ" и „деистъ" употребляются въ разныхъ значеніяхъ. Самое обычное то, что деисты отрицаютъ откровеніе и не допускаютъ вмѣшательства Провидѣнія въ міровую жизнь. Пусть нашъ авторъ прочтетъ Лессингово „воспитаніе рода человѣческаго". Онъ увидитъ, что Лессингъ признаетъ и Откровеніе и Провидѣніе.

На 444 стр. авторъ для обнародованія великой хартіи вольностей назначаетъ 1215 годъ, но magna charta libertatum датируется обычно 1213 годомъ.

На стр. 680 о. Арсеньевъ въ поэму Достоевскаго „Великій инквизиторъ“ влагаетъ смыслъ обратный тому, какой вложилъ въ нее Достоевскій. По о. Арсеньеву дѣятели инквизиціи у Достоевскаго считали себя служителями Христа и Его ученія. Достоевскій проводитъ мысль совершенно противоположную.

Подобныхъ промаховъ можно указать въ книгѣ еще не мало. Но всѣ они легко поправимы.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ труда о. протоіерея І. В. Арсеньева, я долженъ признать, что книга его является весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу церковно-историческую литературу. Западныя религіозныя движенія мало останавливаютъ на себѣ вниманіе нашихъ богослововъ. О. Арсеньевъ сосредоточилъ свое вниманіе на этихъ движеніяхъ. Оттого, что онъ взялъ для изслѣдованія слишкомъ большой періодъ, его книга должна была потерять въ научности, но она выиграла въ полезности. Спеціальныя монографіи, положимъ, хотя бы о Клавдіи Туринскомъ или Агобардѣ Ліонскомъ, нужны очень немногимъ. Книга о. Арсеньева нужна всѣмъ преподавателямъ церковной исторіи, легко доступна по своему изложенію и очень полезна для обучающихся въ духовныхъ семинаріяхъ, нужна студентамъ духовныхъ академій. Ее съ интересомъ и пользою прочтетъ и неспеціалистъ. Она нужна каждому, изучающему исторію европейской мысли. Много труда и немало лѣтъ своей жизни долженъ былъ положить о. Арсеньевъ на созданіе своей книги. Любовь къ предмету изслѣдованія двигала его трудомъ, и православная вѣра освѣщала ему смыслъ тѣхъ явленій, которыя онъ изучалъ, и давала увѣренность, что никакія заблужденія и никакое зло не воспрепятствуютъ окончательному торжеству правды.

У науки, какъ и у всякаго ремесла, есть своя профессіональная техника. Если оцѣнивать книгу о. Арсеньева съ точки зрѣнія требованій этой техники, а не по существу, то критиковать ее очень легко. Заглавіе книги („Историческое изслѣдованіе о важнѣйшихъ реформаціонныхъ движеніяхъ въ западной церкви въ теченіе восьми столѣтій“) даетъ право предъявлять къ автору много требо-

ваній и обвинять его во многомъ. Почему онъ упомянулъ о менѣе важномъ, а не упомянулъ о болѣе важномъ? Почему не упомянулъ о томъ то и о томъ то? Но достаточно о. Арсеньеву перепечатать заглавіе своей книги и назвать ее не историческимъ изслѣдованіемъ, а очерками по исторіи религіозныхъ движеній, и цѣлая серія возраженій противъ его труда отпадаетъ.

Отъ историческихъ изслѣдованій, какъ и отъ всякихъ изслѣдованій, требуется точность цитацій. О. Арсеньеву уже печатно было поставлено въ вину, что онъ порою обходится безъ цитатъ, когда рѣчь его на самомъ дѣлѣ представляетъ переводъ или просто заимствованіе откуда либо. Конечно, весьма желательна точность цитацій, хотя въ концѣ концовъ эта точность—рѣдкое явленіе. Я знаю не мало благополучно прошедшихъ магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, въ которыхъ дѣло цитацій несомнѣнно по винѣ ихъ авторовъ было неблагополучно. Но усматривать у нашего автора какія либо особыя тенденціи при отсутствіи цитатъ, думаю, нѣтъ основаній. У него не видно претензіи блеснуть фантастической эрудиціей. Онъ цитировалъ пособія, которыми онъ пользовался. Цитаты его не единообразны, порою глухи, неопредѣленны, изъ вторыхъ рукъ, но на меня эти цитаты не производятъ того впечатлѣнія, будто авторъ хотѣлъ сказать: „смотри, какой я ученый!“. Авторъ въ трактатѣ о Гусѣ много пользуется Новиковымъ, не всегда его цитируя. Можно ли заподозрить автора, что онъ чужое хочетъ выдать за свое? Нѣтъ. Авторъ явно желаетъ, чтобы читатели познакомились съ книгою Новикова. Онъ называетъ Новикова нашимъ отечественнымъ историкомъ Гуса и отзывается о немъ, что онъ говоритъ глубоко вѣрно и справедливо.

Другой вопросъ: цитаты въ книгѣ о. Арсеньева, если бы они вездѣ были поставлены, были бы роскошью, декоративнымъ украшеніемъ или восполненіемъ существеннаго пробѣла? Думаю, что они были бы только декоративнымъ украшеніемъ. Книга о. Арсеньева будетъ существенно полезна каждому питомцу духовной школы, который будетъ заниматься средневѣковой религіозной исторіей запада, но она будетъ ему нужна, какъ учебный курсъ, а не какъ научная монографія. Она ему будетъ нужна для общей оріентировки

въ вопросѣ, а не для спеціальныхъ справокъ по тому или другому вопросу.

Намъ нужно быть благодарными о. Арсеньеву за его трудъ. І. В. Арсеньевъ — священникъ и законоучитель женскаго института, онъ живетъ не въ ученой, а главнымъ образомъ въ учебной атмосферѣ, у него мало досуга, и масса его занятій совсѣмъ не связана съ тою книгою, которую онъ намъ далъ. И однако онъ далъ очень большую и очень полезную книгу. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ отнималъ часы отъ своего законнаго отдыха, чтобы послужить дѣлу богословскаго просвѣщенія на Руси. Если бы его примѣру слѣдовали хотя бы немногіе, это просвѣщеніе стояло бы на гораздо высшей ступени, чѣмъ на какой оно стоитъ.

Академія не можетъ равнодушно и безстрастно относиться къ такимъ дѣятелямъ духовнаго просвѣщенія, какъ о. Арсеньевъ. Ей естественно выразить одобреніе этой дѣятельности тѣми способами, которыми она располагаетъ. Въ данномъ случаѣ—присужденіемъ о. Арсеньеву степени доктора церковной исторіи".

По выслушаніи отзывовъ и обсужденіи вопроса, *шесть* членовъ Совѣта (экстраординарные профессоры—А. П. Орловъ, Н. Л. Туницкій, С. И. Смирновъ и И. В. Поповъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ и сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ) присоединились къ *отрицательному* заключенію перваго отзыва, а *девять* членовъ Совѣта, во главѣ съ Предсѣдателемъ онаго (экстраординарные профессоры—священникъ В. Н. Страховъ, священникъ Д. В. Рождественскій, Д. И. Введенскій и священникъ Е. А. Воронцовъ; ординарные профессоры—М. М. Тарѣевъ, С. С. Глаголевъ и А. И. Алмазовъ, о. Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ и Преосвященный Ректоръ Академіи),—къ *положительному* заключенію второго отзыва.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а) § 173:* „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испы-

танія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ"; *б) § 174:* „Получающіе отъ Академіи кандидатскую или магистерскую степень именуются кандидатами или магистрами богословія, удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе или доктора богословія, или доктора церковной исторіи, или доктора церковнаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ или представленной диссертаціи".—2) Протоіерей Іоаннъ *Арсеньевъ* степени магистра богословія удостоенъ былъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи, до Ватиканскаго собора (1869—1870) включительно". Харьковъ, 1895 г. и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 20 января 1898 года за № 324.—3) По *§ 109* лит. *в* п. 6 академическаго устава „удостоеніе степени... доктора богословскихъ наукъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Признавая представленное законоучителемъ Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, *протоіереемъ Іоанномъ Арсеньевымъ* на соисканіе степени доктора церковной исторіи сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ означенной цѣли соотвѣтствующимъ,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи протоіерея Арсеньева въ степени доктора церковной исторіи.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи протоіерея Арсеньева и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарнаго профессора Академіи *А. П. Орлова* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „6 мая 1914. Исполнить".

19 мая 1914 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Ака-

деміи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ: экстраординарные профессоры— П. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Тушицкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій: экстраординарный профессоръ П. И. Соколовъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи, кандидатъ богословія, окончившій академическій курсъ по первому разряду, *священникъ Павелъ Флоренскій* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „О духовной истинѣ. Опытъ православной Ѳеодицеи („Столпъ и Утвержденіе Истины)“. Москва, 1912 г.

Оффиціальными оппонентами были: ординарный профессоръ по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголевъ* и и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики *Ѳ. К. Андреевъ*.

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) По *§ 67* того же устава: „Для получе-

нія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія". —3) По *§ 109*, лит. *в.* п. 6 и 2, устава, какъ „удостоеніе степени магистра богословія", такъ и „избраніе кандидатовъ на должности доцентовъ"—значатся въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *священника П. А. Флоренскаго* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи философіи.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ — пятнадцать экземпляровъ диссертаціи священника Флоренскаго и копіи съ отзывовъ о ней Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „6 іюня 1914. Ходатайствовать".

22 мая 1914 года.

№ 6.

Присутствовали. подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ; ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій, М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и священникъ В. Н. Страховъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ

пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики, кандидатъ богословія, окончившій академическій курсъ по первому разряду, *Василій Виноградовъ* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Уставныя чтенія. Выпускъ первый.—Уставная регламентація чтеній въ греческой церкви". Сергіевъ Посадъ, 1914 г.

Оффиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ литургики *священникъ И. В. Гумилевскій* и ординарный профессоръ по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскій.*

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта—достойнымъ утвержденія въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи.

Справка: Устава духовныхъ академій—*§§ 172, 67 и 109*, лит. *в.* пп. 6 и 2.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, *В. П. Виноградова* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи кандидата Виноградова и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарнаго профессора Академіи *священника И. В. Гумилевскаго* и ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „6 іюня 1914. Ходатайствовать".

28 мая 1914 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Ака-

деміи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Тушицкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ и Д. И. Введенскій.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „13 апр. 1914. Въ Совѣтъ И. М. Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 11 апрѣля с. г. за № 6158:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго, отъ 1 Марта 1914 г. № 431, по ходатайству Совѣта Императорской Кіевской духовной Академіи о преподаніи разъясненія по вопросу о томъ, *имѣютъ ли право принимать участіе въ голосованіи вопроса о замѣщеніи той или другой академической каѳедры тѣ изъ членовъ Совѣта, которые по тѣмъ или иныхъ причинамъ не слышали ни одной изъ двухъ пробныхъ лекцій, произнесенныхъ ищущимъ каѳедры лицомъ.* И, по справкѣ, приказали: Принимая во вниманіе, что при избраніи того или иного лица на академическую каѳедру предметомъ обсужденія въ Совѣтѣ академіи должно быть не только достоинство прочитанныхъ имъ пробныхъ лекцій, но и вообще соотвѣтствіе помянутаго лица въ научномъ отношеніи должности преподавателя академіи, Святѣйшій Синодъ находитъ, что право участвовать въ рѣшеніи—голосованіи вопроса о замѣщеніи той или другой каѳедры принадлежитъ всѣмъ присутствующимъ въ соотвѣтствующемъ засѣданіи членамъ Совѣта академіи, независимо отъ того, прослушали ли нѣкоторые изъ нихъ одну или обѣ пробныя лекціи, произнесенныя ищущимъ каѳедры лицомъ, или не присутствовали при произнесеніи этихъ лекцій; о чемъ и опредѣляетъ послать Митрополиту Кіевскому указъ, въ разрѣшеніе настоящаго хода-

тайства Совѣта Императорской Кіевской духовной академіи, увѣдомивъ таковыми же и Преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго, Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Казанскаго, для свѣдѣнія и въ потребныхъ случаяхъ руководства Совѣтовъ Императорскихъ С.-Петербургской, Московской и Казанской духовныхъ академій".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академія *28 марта с. г., за № 3 и 4:* „6 мая 1914. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 20 апрѣля за № 635:

„Императорское Московское Археологическое Общество покорнѣйше проситъ Московскую Духовную Академію командировать своихъ депутатовъ на *XVI Всероссійскій Археологическій Съѣздъ*, который созывается въ г. Псковѣ съ 21 Іюля по 6 Августа текущаго года".

Опредѣлили: 1) Депутатами отъ Академіи для участія въ засѣданіяхъ XVI-го Археологическаго Съѣзда въ г. Псковѣ назначить экстраординарныхъ профессоровъ Академіи: по каѳедрѣ исторіи русской церкви—*С. И. Смирнова* и по каѳедрѣ исторіи русской литературы—*Н. Л. Туницкаго*, изъявившихъ на то свое согласіе.—2) Просить ходатайства Его Преосвященства, Епископа Трифона, Управляющаго Московской епархіей, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ профессорамъ С. И. Смирнову и Н. Л. Туницкому потребной въ пособіе на путевые расходы и содержаніе въ г. Псковѣ суммы въ размѣрѣ *по ста пятидесяти рублей (150 р.)* каждому.

IV. Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, магистра богословія, *Д. П. Введенскаго* подъ заглавіемъ:

„Патріархъ Іосифъ и Египетъ. (Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и египтологіи)“. Сергіевъ Посадъ, 1914 г., представленномъ на соисканіе степени доктора богословія.

а) Экстраординарнаго профессора по первой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, *священника Д. В. Рождественскаго*:

„Магистерскія и докторскія диссертаціи академическихъ преподавателей очень часто имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ предмету занимаемыхъ ими каѳедръ, иногда не имѣютъ къ нему почти никакого отношенія. Это обстоятельство объясняется извѣстными Совѣту условіями замѣщенія каѳедръ въ духовныхъ академіяхъ: вслѣдствіе которыхъ и нельзя требовать отъ академическихъ преподавателей, чтобы они брали темы для сочиненій на ученыя степени непремѣнно по предмету своей каѳедры. Но безъ сомнѣнія, вполнѣ естественно желать, чтобы въ этихъ сочиненіяхъ разрабатывались вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ предмету занимаемой каждымъ авторомъ каѳедры. И рецензенту сочиненія профессора Д. И. Введенскаго, въ самомъ началѣ отзыва, приходится съ удовольствіемъ отмѣтить, что рецензируемый трудъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предмету занятій докторанта, какъ профессора. По новому уставу православныхъ духовныхъ академій, Высочайше утвержденному 2 апрѣля 1910 года, самостоятельная каѳедра древней гражданской исторіи упразднена, и исторія древняго міра вошла въ составъ библейской исторіи, въ качествѣ вспомогательной для нея науки. Авторъ рецензируемаго труда, занявшій каѳедру *библейской исторіи* въ концѣ 1909 года и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, согласно новому распредѣленію по каѳедрамъ наукъ академическаго образованія, переименованный въ профессора *библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра*, очевидно, сразу сталъ на путь изученія библейской исторіи, намѣченный объяснительной запиской къ проекту новаго устава; и въ своемъ трудѣ, представленномъ на соисканіе степени доктора богословія, предложилъ „опытъ соглашенія данныхъ Библіи и египтологіи“, касающихся библейскаго патріарха Іосифа. Этотъ трудъ, такимъ образомъ, относится не только къ области *библейской исторіи*, но именно къ области *библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра*. Этотъ опытъ

рѣшенія и разъясненія библейско-историческихъ вопросовъ, отвѣчающій требованію новаго устава и самому существу дѣла, нельзя не привѣтствовать. Ученая работа, при такой постановкѣ, является болѣе сложною и трудною, но за то и болѣе плодотворною: въ результатѣ ея получается книга, которая можетъ разсчитывать на болѣе обширный кругъ читателей, сравнительно съ трудами въ области библіологіи обычнаго типа. (Немногіе труды русскихъ ученыхъ, гдѣ „данныя Библіи ставятся въ то или иное соотношеніе съ данными оріентологіи", указаны профессоромъ Введенскимъ въ примѣчаніи къ страницѣ 16-й диссертаціи).

Указанная постановка вопросовъ изслѣдованія налагала на докторанта обязанность ознакомленія съ областью для лицъ академическаго образованія мало извѣстною и въ Россіи вообще мало разработанною. Ему пришлось знакомиться съ исторіею Египта, памятниками египетской древности и даже съ іероглифическими письменами. Это потребовало, безъ сомнѣнія, отъ него продолжительнаго и упорнаго труда. Но этого мало: нужно было преодолѣть немаловажныя техническія затрудненія при напечатаніи сочиненія, въ которое необходимо было ввести іероглифическіе знаки. Обыкновенно сочиненія русскихъ ученыхъ пестрятъ цитатами на классическихъ и новыхъ европейскихъ языкахъ; и наши типографіи справляются съ этими шрифтами сравнительно легко; но когда дѣло касается семитическихъ текстовъ, а въ особенности—клинописи и іероглифовъ, то поневолѣ приходится прибѣгать къ транскрипціи или ограничивать количество выраженій изъ этихъ текстовъ до минимума. Съ упомянутыми шрифтами у насъ не только не умѣютъ обращаться, но типографіи ихъ и не имѣютъ, за весьма рѣдкими исключеніями. Не было іероглифическихъ знаковъ и въ лаврской типографіи, напечатавшей сочиненіе профессора Введенскаго: автору пришлось самому выписывать эти знаки. Не остановившись предъ трудностями какъ изученія іероглифическаго письма, такъ и введенія въ книгу іероглифическихъ знаковъ, авторъ далъ примѣръ, достойный подражанія.

Кромѣ того, рецензируемый трудъ представляетъ ту особенность въ ряду другихъ сочиненій на ученыя степени, что въ немъ текстъ обильно иллюстрированъ снимками съ египетскихъ памятниковъ (таковыхъ 63 въ текстѣ и 17 на

отдѣльныхъ таблицахъ). Иллюстраціи въ подобнаго рода работахъ не только вполнѣ умѣстны и желательны, но иногда рѣшительно необходимы. Онѣ часто въ состояніи болѣе живо и наглядно представить извѣстную характерную историческую или археологическую деталь, нежели цѣлыя страницы текста. Снимки, по большей части, выполнены превосходно. Безъ сомнѣнія, отъ автора не мало труда потребовалъ самый подборъ иллюстрацій для его книги, а ихъ выполненіе стоило ему немалыхъ хлопотъ и издержекъ. — Указанныя особенности рецензируемаго сочиненія выгодно выдѣляютъ его изъ ряда другихъ, принадлежащихъ къ обычному типу сочиненій по библейской исторіи и по библіологіи вообще.

Если обратимся отъ этихъ особенностей книги проф. Введенскаго, обращающихъ на себя вниманіе читателя при первомъ же знакомствѣ съ нею, къ ея содержанію: то въ ней найдемъ всестороннее обслѣдованіе всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ уясненію библейской исторіи Іосифа, при помощи данныхъ египтологіи. Въ сочиненіи одиннадцать главъ, неравномѣрныхъ по объему. Въ главѣ I (Патріархъ Іосифъ въ общей исторіи) авторъ даетъ многочисленныя справки изъ сочиненій историческихъ, изъ преданій и легендарныхъ сказаній еврейскихъ, мусульманскихъ и христіанскихъ, имѣющихъ своимъ предметомъ обстоятельства жизни патріарха Іосифа. Въ обширномъ примѣчаніи (стр. 7—10) перечислены указанія на личность и исторію Іосифа въ святоотеческихъ твореніяхъ и у церковныхъ писателей восточныхъ и западныхъ. Въ гл. II (Библейское повѣствованіе объ Іосифѣ и раціоналистическая критика) дано изложеніе и опроверженіе воззрѣній на исторію Іосифа критиковъ-отрицателей: Эвальда, Вельгаузена, Петерса, Гункеля, Гресмана, Винклера, Іереміаса, Фельтера и др. Третья глава изслѣдованія посвящена „вопросу хронологіи". Въ ней авторъ достаточно точно и основательно опредѣляетъ время жизни Іосифа по Библіи и путемъ сопоставленія библейскихъ данныхъ съ данными египтологіи приходитъ къ выводу, что Іосифъ прибылъ въ Египетъ при фараонѣ гиксосѣ Апепи или Апофисѣ, за восемнадцать столѣтій до нашей эры (стр. 110 и 106). Въ главѣ IV (Отъ Харрана до Египта) авторъ обозрѣваетъ жизнь Іосифа отъ его рожденія до продажи братьями купцамъ.

шедшимъ въ Египетъ. Библейскія данныя всюду сопоставляются съ данными исторіи древняго Востока. Глава V (Гиксосы, какъ современники Іосифа) изслѣдуетъ вопросъ о господствѣ гиксосовъ надъ Египтомъ. Здѣсь встрѣчаемъ, между прочимъ, объясненіе благожелательнаго отношенія фараона къ Іосифу и его родству именно происхожденіемъ фараона-гиксоса, т. е. принадлежностью его къ семитической расѣ.— Первыя пять главъ изслѣдованія (до 172 стр.) имѣютъ какъ бы вводный характеръ, такъ какъ непосредственно не касаются Египта. Но съ гл. VI сопоставленіе и сближеніе данныхъ Библіи съ данными египтологіи проводится послѣдовательно до самаго конца книги. Содержаніе главы VI (Іосифъ въ домѣ Потифара) таково: положеніе Іосифа въ домѣ Потифара; предположенія изслѣдователей о мѣстѣ жительства Потифара и о резиденціи фараоновъ гиксосовъ; библейскій Гесемъ. Титулы Потифара и ихъ дѣйствительный смыслъ. Придворный штатъ фараоновъ; обстоятельныя справки объ евнухахъ въ Египтѣ и другихъ странахъ. Устройство египетскихъ жилищъ: довѣренныя лица въ домахъ знатныхъ египтянъ. Соціальное положеніе женщины въ Египтѣ; эпикуреизмъ египтянъ, распущенность нравовъ. Сказка „о двухъ братьяхъ", какъ параллель къ библейскому повѣствованію объ Іосифѣ и о женѣ Потифара. Выводъ изъ сопоставленія египетскаго сказанія съ повѣствованіемъ Библіи тотъ, что послѣднее не можетъ стоять въ литературной зависимости отъ перваго. Гипотеза Soury о неисторичности библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ и ея опроверженіе. Глава VII: Іосифъ—узникъ и снотолкователь. Здѣсь авторъ обращаетъ вниманіе на то, что жена Потифара „не просто обвиняетъ раба, но раба еврея" (стр. 230), что можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того предположенія, что Потифаръ, нарочито названный въ Библіи египтяниномъ (Быт. 39, 1), былъ сановникомъ при дворѣ фараона не египетскаго происхожденія. Далѣе описывается положеніе Іосифа въ тюрьмѣ, говорится о вѣрѣ египтянъ въ сны и о соотвѣтствіи отдѣльныхъ чертъ сновъ хлѣбодара и виночерпія исторической дѣйствительности. Разъясненіе вопроса, былъ ли въ Египтѣ виноградъ и употреблялось ли тамъ виноградное вино, имѣетъ немаловажное значеніе, въ виду попытокъ изслѣдователей

Библіи отрицательнаго направленія „отыскать въ снахъ фараоновыхъ царедворцевъ намеки на историческія несообразности“ (стр. 243). Далѣе предметы содержанія этой главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: празднованіе дня рожденія у евреевъ и въ Египтѣ въ различныя эпохи. Казнь чрезъ отсѣченіе головы, какъ самая суровая кара у египтянъ, въ связи съ ихъ религіозными воззрѣніями. Сны фараона; значеніе Нила въ жизни Египта, преобладаніе религіозныхъ символовъ въ снахъ фараона, подробности второго сновидѣнія. Коллегіи жрецовъ въ резиденціяхъ фараоновъ, египетскіе мудрецы и маги. Іосифъ предъ фараономъ, послѣ выполненія необходимыхъ требованій этикета. Умолчаніе имени фараона, какъ одно изъ доказательствъ подлинности Пятокнижія. Глава VIII: Іосифъ—визирь. (По замѣчанію автора, „названіе Іосифа „визиремъ“ наиболѣе полно опредѣляетъ его права и обязанности“ (стр. 297, прим.); оно прилагается Іосифу и западными изслѣдователями; иногда въ рецензируемомъ сочиненіи Іосифъ именуется и первымъ министромъ). Содержаніе главы таково: сближеніе личности Іосифа съ нѣкоторыми, извѣстными по памятникамъ, высокопоставленными лицами Египта. Внѣшніе знаки высокаго положенія: перстень съ руки фараона, виссоныя одежды, золотая цѣпь. Іосифъ на колесницѣ фараона, подробное изъясненіе выраженія אברך, значеніе имени צפנת פענח. Бракъ Іосифа съ Асенеѳою и значеніе для него этого брака. Земледѣліе въ Египтѣ, ознакомленіе Іосифа съ экономическимъ благосостояніемъ страны и заготовка хлѣба на предстоящіе годы голода. Рожденіе Манассіи и Ефрема. Глава IX: Годы голода въ Египтѣ, новая административная дѣятельность Іосифа и его личныя переживанія. Содержаніе главы: вѣроятность открытаго возстанія въ годы голода противъ фараона не національной династіи и „значеніе мѣропріятій Іосифа въ годы плодородія не только для страны, но и для короны“ (стр. 342—343). Ужасы голода, возможные только въ Египтѣ; памятники, заключающіе указанія на семилѣтній голодъ въ Египтѣ, который можно отождествить съ голодомъ при Іосифѣ. Отношенія, въ какія сталъ народъ къ фараону вслѣдствіе голода; взглядъ Michaud на создавшееся вслѣдствіе голода положеніе; оправданіе дѣятельности Іосифа; земли

жрецовъ. Голодъ въ Ханаанѣ, прибытіе братьевъ Іосифа въ Египетъ для покупки хлѣба. Замѣчаніе о клятвѣ жизнью фараона. Обѣденный церемоніалъ у египтянъ, недопущеніе ими совмѣстнаго вкушенія пищи съ чужестранцами. Гадательная чаша Іосифа. Глава X: Іосифъ и Израиль. Мѣсто встрѣчи Іакова съ Іосифомъ по масор. т. гл. 46-й Бытія (стт. 28—29) и по переводу LXX; Героонполисъ. Фараонъ времени Іосифа—гиксосъ, представленіе ему Іакова и сыновей его; поселеніе ихъ въ землѣ Гесемъ; „земля Рамзеса". Плодородіе отведенной роду Іакова земли. Приближеніе смерти Іакова; смыслъ выраженія: על-ראש המטה. Благословеніе Іаковомъ Ефрема, Манассіи и Іосифа. Смерть Іакова. Бальзамированіе и плачъ по умершимъ въ Египтѣ, муміи. Похоронная процессія изъ Египта въ Ханаанъ съ прахомъ Іакова Гипотеза Tofteen'a, полагающаго, что „шествіе Іосифа въ Ханаанъ съ прахомъ его отца было вмѣстѣ съ тѣмъ военною „экспедиціею въ землю Рутену" (стр. 419). אבל מצרים и גרן האטד Глава XI (заключительная): Отъ погребенія Іакова до кончины Іосифа. Содержаніе этой, сравнительно, небольшой главы таково: братья Іосифа, послѣ смерти отца, опасаются мести со стороны могущественнаго теперь брата за ихъ давній грѣхъ противъ него; Іосифъ успокоиваетъ ихъ и даетъ обѣщаніе питать ихъ и дѣтей ихъ (Быт. 50, 21). Смерть Іосифа, храненіе его праха; преданіе о храненіи гроба Іосифа въ водахъ Нила. Перемѣна въ положеніи жрецовъ послѣ изгнанія гиксосовъ. Вопросъ объ изгнаніи изъ Египта „прокаженныхъ". Упоминаніе у Херемона о Моисеѣ и Іосифѣ, какъ вождяхъ „прокаженныхъ"; выводъ изъ упоминанія объ Іосифѣ, какъ предводителѣ уходящаго изъ Египта многотысячнаго народа. Общее заключеніе: невѣроятность созданія легенды объ Іосифѣ: только Моисей (а не какой нибудь позднѣйшій писатель) могъ составить исторію Іосифа, „всюду запечатлѣнную египетскимъ колоритомъ" (стр. 437); Іосифъ— „историческая личность, жившая въ историческомъ Египтѣ".

Изъ представленнаго бѣглаго обзора можно видѣть, насколько содержательно сочиненіе Димитрія Ивановича. Все оно отъ начала до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ; по нѣкоторыя частности обращаютъ на себя особенное вниманіе читающаго; таковы, напр.: сообщенія о се-

митическихъ именахъ нѣкоторыхъ фараоновъ гиксосовъ (стр. 162—163): замѣчаніе о томъ, что не безъ основанія Потифаръ названъ въ библейскомъ повѣствованіи „египтяниномъ“ (стр. 164—165): таковы подробности относительно придворнаго штата фараоновъ (стр. 178 и слѣд.); указаніе критиковъ на историческія несообразности въ снахъ царедворцевъ фараоновыхъ и опроверженіе критическихъ сужденій по этому вопросу (стр. 243 и слѣд.): разъясненіе упоминанія Библіи о „восточномъ вѣтрѣ“ (стр. 278 и слѣд.) и мн. др. Въ сочиненіи всюду разъясняется смыслъ затруднительныхъ для истолкованія выраженій изъ библейскаго повѣствованія о патріархѣ Іосифѣ; для всѣхъ частностей этого повѣствованія приведены параллели изъ исторіи древняго Египта, по историческимъ сочиненіямъ и, особенно, по памятникамъ древности. Всѣ стороны жизни древнихъ обитателей Нильской долины и всѣ историческіе факты изученной авторомъ эпохи изображены съ полною ясностью и обстоятельностью. Авторъ всюду основательно указываетъ на несостоятельность сужденій тѣхъ ученыхъ, которые привлекаютъ данныя внѣбиблейскихъ памятниковъ въ цѣляхъ опроверженія подлинности и достовѣрности библейскихъ повѣствованій; нашъ авторъ, вопреки имъ, находитъ въ памятникахъ древняго Египта надежное подтвержденіе или, по крайней мѣрѣ, правдоподобное разъясненіе сообщеній Библіи.

Авторъ, профессоръ библейской исторіи, пишетъ свое сочиненіе, не оставляя ни на минуту безъ вниманія Библію. Не только тѣ главы книги Бытія, которыя излагаютъ исторію Іосифа, использованы авторомъ въ полномъ объемѣ; но мы встрѣчаемъ въ сочиненіи многочисленныя справки почти изъ всѣхъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ можно видѣть изъ приложеннаго къ изслѣдованію „систематическаго указателя изъясненныхъ и упоминаемыхъ библейскихъ мѣстъ“. Въ этомъ указателѣ, замѣтимъ кстати слѣдовало бы выдѣлить мѣста изъясненныя отъ тѣхъ, которыя только упоминаются,—въ видахъ большаго удобства при пользованіи книгою для справокъ. Авторомъ рецензируемаго труда изучена огромная литература—начиная отъ древнихъ историковъ и отцовъ Церкви и кончая произведеніями самаго послѣдняго времени. Въ особенности многочисленны

изученныя авторомъ сочиненія изслѣдователей исторіи, языка, религіи и памятниковъ Египта, каковы: Erman, Brugsch, Ebers, Lepsius, Lenormant, Lieblein, Maspero, Spiegelberg, Wilkinson, Тураевъ и др. Помимо пособій по библіологіи и египтологіи, автору пришлось для третьей главы своего сочиненія проштудировать немалое число спеціальныхъ изслѣдованій по хронологіи.

Изученныя авторомъ пособія всегда подвергаются имъ самостоятельной обработкѣ, а гдѣ нужно—всесторонней критикѣ. Въ своихъ выводахъ онъ утверждаетъ только то, на что онъ пріобрѣлъ право кропотливымъ изученіемъ бывшаго у него подъ руками матеріала, безпристрастнымъ его освѣщеніемъ и всестороннимъ обсужденіемъ вопроса: его нельзя упрекнуть въ безосновательности и тенденціозности. Прочитавъ почти въ самомъ началѣ сочиненія заявленіе автора: „мы предпринимаемъ такой трудъ не во имя только чистаго научнаго интереса.., но и въ цѣляхъ апологетическихъ“ (стр. 15), рецензентъ опасался, что авторъ увлечется апологетическими цѣлями своего труда и будетъ одностороннимъ и пристрастнымъ: при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ книгою, это опасеніе оказалось совершенно напраснымъ. Сочиненіе изложено простымъ и живымъ языкомъ, читается легко и съ большимъ интересомъ.—Послѣ изученія книги, рецензентъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что она заслуживаетъ полнаго одобренія, а ея авторъ пріобрѣлъ несомнѣнное право на искомую имъ ученую степень доктора богословія.

Однако, на рецензирующаго сочиненіе, представленное на соисканіе ученой степени, налагается обязанность указать на тѣ пробѣлы и недосмотры, устраненіе которыхъ могло бы послужить къ возвышенію достоинства представленнаго труда. Притомъ, рецензенту представляется вполнѣ вѣроятною потребность въ новомъ изданіи книги въ недалекомъ будущемъ: указываемые недочеты должны быть въ немъ устранены, а пробѣлы восполнены. — Прежде всего, нельзя не замѣтить, что авторъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на той области, которую ему пришлось изучать, начиная съ элементовъ, т. е. на египтологіи, не вездѣ достаточно внимательно отнесся къ тѣмъ отдѣламъ и отдѣльнымъ изреченіямъ изъ книги Бытія и другихъ священныхъ книгъ

Ветхаго Завѣта, смыслъ которыхъ ему необходимо было выяснить. Въ прим. на стр. 1 авторъ, замѣчая, что по Библіи „Іосифъ, подобно Іакову, признается и родоначальникомъ всего Израиля“, ссылается на ст. 16 псалма 76-го, который читается такъ: *Ты* (обращеніе къ Богу) *избавилъ мышцею народъ Твой, сыновъ Іакова и Іосифа*“. Пониманіе этого выраженія въ указанномъ смыслѣ нельзя признать безспорнымъ. Въ прим. 4 къ стр. 121 читаемъ: „названіе Хеврона „Арбою“ указываетъ, быть можетъ, на какого-либо хананейскаго героя“. Но къ чему же „быть можетъ“, если въ Библіи прямо указано, что Арбою *назывался между сынами Енака одинъ человѣкъ великій* (Нав. 14, 15)? По замѣчанію на стр. 412, „о врачествѣ египтянъ упоминаетъ, между прочимъ, пророкъ Іеремія“ (прим. 2), указанъ 11 ст. 46 гл., читающійся такъ: *пойди въ Галаадъ и возьми бальзама, дѣва, дочь Египта; напрасно ты будешь умножать врачевства, нѣтъ для тебя исцѣленія*. Подобной ссылки лучше бы не дѣлать. По мнѣнію автора, ссылающагося на Быт. 47, 19, Библія „опредѣленно говоритъ, что народъ *самъ желалъ* отдать свои земли фараону“ (стр. 358). Достаточно прочитать этотъ стихъ по Библіи, чтобы понять смыслъ выраженія: *самъ желалъ*. Вотъ что говорятъ здѣсь Іосифу египтяне, отдавшіе чрезъ него фараону и серебро свое и скотъ за хлѣбъ, чтобы не умереть отъ голода: *для чего намъ погибать въ глазахъ твоихъ..? купи насъ и земли наши за хлѣбъ, и мы съ землями нашими будемъ рабами фараону, а ты дай намъ сѣмянъ, чтобы намъ быть живыми и не умереть...* На этой же страницѣ замѣчается недосмотръ въ передачѣ содержанія ст. 14 г. 47: *продавали* вм. *покупали*. Благословеніе Іаковомъ Іосифа оставлено безъ подробнаго анализа; а оно въ критико-текстуальномъ отношеніи возбуждаетъ серьезныя недоумѣнія: по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы принять во вниманіе, напр., предлагаемую Ball'емъ корректуру текста (въ первой части изд. Гаупта The Sacred Books of The Old Testament) и оцѣнить ея основательность и значеніе. Правда, авторъ отклоняетъ отъ себя рѣшеніе вопросовъ текстуальной критики, какъ выходящихъ за предѣлы его задачи (стр. 21 и 24); но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ него требовалось это самымъ существомъ дѣла. Нельзя, наконецъ, согласиться съ авторомъ, что въ снахъ

фараона „не видно какой либо необыкновенной игры фантазіи“, что „въ нихъ нѣтъ причудливыхъ метаморфозъ, какого либо страннаго извращенія дѣйствительности“ (стр. 264).

При детальномъ изъясненіи нѣкоторыхъ выраженій библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ, автору необходимо было, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обращаться не только къ масор. тексту и къ переводу LXX, но и къ другимъ древнимъ переводамъ, языкъ которыхъ близокъ къ языку масоретской Библіи. Въ такихъ случаяхъ онъ пользовался исключительно Лондонскою полиглоттою; но необходимо имѣть въ виду, что этотъ почтенный трудъ изданъ двѣ съ половиною сотни лѣтъ тому назадъ и для нашего времени долженъ быть признанъ безспорно устарѣвшимъ. Изученіе помѣщенныхъ въ Лондонской полиглоттѣ семитическихъ текстовъ, по всей справедливости, должно признать поверхностнымъ. Для цѣлей автора, по большей части, было бы совершенно достаточно— не довѣряясь очень несовершенной латинской транскрипціи семитическихъ выраженій, прочитать ихъ въ оригинальныхъ текстахъ; такъ какъ транскрипція выраженій таргума Онкелоса, двухъ версій Самарянскаго Пятокнижія, переводовъ сирскаго и арабскаго въ изданіи Вальтона даетъ иногда совершенно неправильное представленіе о близости переводныхъ выраженій къ подлиннымъ. Авторъ не сдѣлалъ этого, пользуясь лишь латинскими переводами. Далѣе: авторъ нѣсколько разъ приводитъ въ латинской транскрипціи выраженія изъ текста Самарянскаго Пятокнижія, не указывая— что именно имъ имѣется въ виду, при ссылкахъ на этотъ текстъ: Textus Hebraeo-Samaritanus или Versio Samaritana. Оба эти текста имѣются въ полиглоттѣ Вальтона; къ нимъ данъ общій латинскій переводъ, съ указаніемъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, отступленій самарянскаго таргума отъ еврейскаго—самарянскаго текста Пятокнижія. (Замѣчу кстати, что для пользованія самарянскимъ таргумомъ не требуется знакомство съ самарянскимъ алфавитомъ, такъ какъ этотъ таргумъ, изданный квадратнымъ шрифтомъ, имѣется въ академической библіотекѣ: Das samaritanische Targum zum Pentateuch. Zum erstenmale in hebraeischer Quadratschrift... herausgegeben von Dr. Adolf Brüll. Frankfurt a. M. 1875).

Обращеніе къ древнимъ переводамъ въ оригинальныхъ

текстахъ могло бы оказать автору немаловажную услугу при изъясненіи интересовавшихъ его выраженій подлинника. Сопоставленіе же съ масоретскимъ текстомъ выраженій, взятыхъ изъ латинскихъ переводовъ семитическихъ текстовъ, было, можно сказать, почти безполезнымъ. Разъясню это на нѣкоторыхъ примѣрахъ. На стр. 323 изслѣдованія авторъ приводитъ самарянскую форму имени צפנת פענה въ латинской транскрипціи; эта транскрипція: Saphineti Phane значительно отступаетъ отъ выраженія евр. подлинника; тогда какъ происхожденіе евр.-самар. формы изъ масор. легко объяснимо. Сославшись на Text. Hebr.-Samar. (по латинскому переводу), авторъ почему то не обратилъ вниманія на гораздо болѣе важный въ критико-текстуальномъ отношеніи самарянскій таргумъ, помѣщенный вслѣдъ за евр.-самар. текстомъ; а въ данномъ случаѣ, онъ то именно для автора имѣлъ значеніе. Въ самар. таргумѣ еврейскому צ׳ פ׳ соотвѣтствуетъ: ממירתי גלא (оно значится и въ примѣчаніи къ латинскому переводу, но авторъ не обратилъ на это вниманія),—выраженіе почти то же, что и въ таргумѣ Онкелоса: גברא דממירן גלין ליה. Такимъ образомъ, выраженіе самар. таргума могло бы подкрѣпить мнѣніе автора, къ которому онъ склоняется при опредѣленіи значенія титула, даннаго Іосифу фараономъ, послѣ истолкованія ему сновъ (см. стр. 324—325). Уясняя значеніе выраженія חדש въ Исх. 1, 8, авторъ пишетъ: „во всѣхъ извѣстныхъ намъ текстахъ (халд., самарит., сирск., арабск.), חדש вездѣ передается словомъ „новый“ (стр. 170). Здѣсь умѣстно было бы добавить, что въ таргумахъ Онкелоса и самар., а также въ сирскомъ переводѣ, употребленъ фонетическій эквивалентъ стоящаго въ масор. и евр.-самар. текстахъ выраженія. На стр. 176 читаемъ: „евр. שר הטבחים... самарит., согласно LXX, переводитъ „praefectus coquorum“ (у автора въ лат. выраженіи двѣ опечатки); но здѣсь въ обѣихъ версіяхъ стоитъ еврейское же טבח; слѣдовательно, ссылка на переводъ LXX здѣсь неумѣстна, а вѣрность лат. перевода небезспорна. Здѣсь же замѣчено, что сирск. переводъ передаетъ евр. סריס (въ Быт. 37, 36 и 39, 1) словомъ „евнухъ“. Но въ сирскомъ лексиконѣ имѣется סריס масор. т.: оно ли употреблено въ указанныхъ стихахъ? Нѣтъ, здѣсь употреблено слово иного этимо-

логическаго происхожденія—מהימנא, отъ общесемитическаго корня אמן, откуда его первоначальное значеніе: достойный довѣрія. При дальнѣйшихъ разсужденіяхъ автора о дѣйствительномъ смыслѣ усвоеннаго Потифару наименованія סריס, слѣдовало бы имѣть въ виду первоначальное значеніе соотвѣтствующаго ему сирскаго выраженія.

Есть въ рецензируемомъ сочиненіи нѣкоторыя неясности или неточности, имѣющія близкое отношеніе къ philologia sacra и къ ветхозавѣтной исагогикѣ. Такъ, на стр. 381—382 недостаточно выясненъ смыслъ выраженія: נחש ינחש (Быт. 44, 5). Въ прим. 7 на стр. 162 сказано: „отъ имени Салитисъ Toffteen производитъ титулъ турецкихъ повелителей—султановъ". Лучше было бы сказать, что „Салитисъ" и „султанъ" происходятъ отъ одного семитическаго корня. Въ прим. 7 къ стр. 318 слѣдовало указать на составъ слова מנסר (Іер. 51, 27) по Midrasch Bereschit Rabba и по замѣчанію Wünsche къ его переводу этого агадическаго изложенія книги Бытія (Leipzig, 1881); въ противномъ случаѣ, примѣчаніе теряетъ свое значеніе. На стр. 421 приведено предположеніе Toffteen'a, отождествляющее Атадъ (Быт. 50, 10—11) съ башнею Гадеръ (35, 31). Toffteen „утверждаетъ, что Атадъ есть искаженіе названія Гадеръ, каковое искаженіе вполнѣ возможно въ виду сходства еврейскихъ буквъ „ד" и „ר". Но имена אטד и עדר несходны и въ другихъ буквахъ. Почему же авторъ рецензируемаго сочиненія не упомянулъ объ этомъ, указывая на несостоятельность гипотезы Toffteen'a, построяемой на отождествленіи двухъ совершенно различныхъ именъ? Сужденія автора (на стр. 94—95) объ отсутствіи серьезныхъ основаній для утвержденія, „что копіисты древнихъ рукописей священныхъ книгъ допускали недосмотры и ошибки", и о необходимости признанія, „что переписчики богодухновенныхъ писаній показали себя „самыми точными и вѣрными копіистами, какихъ когда-либо видѣлъ міръ" (ссылка на Urquhart'a), не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей и противорѣчатъ показаніямъ внутренней исторіи священнаго ветхозавѣтнаго текста. Да и самъ авторъ въ другомъ мѣстѣ своей книги утверждаетъ, что „произвольное или невольное поврежденіе въ цифровыхъ датахъ Библіи давно уже замѣчено"; но что „произвольныя и невольныя ошибки въ библейскомъ лѣтосчисленіи обязываютъ

только къ критическому отношенію, а не къ отрицанію самыхъ хронологическихъ датъ" (стр. 57). Нѣкоторыя выраженія на страницахъ 20 и 32 даютъ поводъ думать, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ сущность воззрѣній представителей высшей библейской критики, основанныхъ на „теоріи выдѣленія первоисточниковъ Пятокнижія" (Pentateuchquellenscheidungstheorie). Наконецъ, авторъ, на ряду съ древними, имѣющими несомнѣнно важное значеніе при критико-текстуальныхъ и экзегетическихъ работахъ переводами, ссылается и на русскій переводъ (стр. 298, 332). А этотъ переводъ, какъ основательно замѣчаетъ проф. Юнгеровъ, „какого либо критически-важнаго для возстановленія еврейскаго текста значенія...., по его новизнѣ, не можетъ имѣть" (Общее историко-критическое Введеніе... 2-е изд. Казань. 1910. Стр. 469).

Что касается іероглифики, то рецензентъ позволяетъ себѣ высказать два — три недоумѣнія, возникновеніе которыхъ столь естественно у совершеннаго профана въ этой области. Изслѣдованію предпосылается іероглифическій алфавитъ; для каждаго іероглифическаго знака указывается соотвѣтствующая латинская буква, но что означаютъ условные знаки: точка вверху или внизу буквы, знакъ долготы надъ буквою, знакъ краткости подъ 25-мъ знакомъ? Эти знаки, какъ показали справки (у Vigouroux, Erman'a и въ Speaker's Bible), не представляютъ чего-либо строго опредѣленнаго и общепринятаго. Свѣдѣнія объ іероглифическомъ письмѣ настолько скудны, что не могутъ дать точнаго представленія о системѣ и особенностяхъ этого письма и совершенно недостаточны для того, чтобы руководить при чтеніи встрѣчающихся въ книгѣ іероглифическихъ выраженій. Лучше было бы отослать читателей совершенно незнакомыхъ съ іероглифами къ какому-нибудь элементарному руководству. Кромѣ того, рецензентъ не могъ не замѣтить нѣкоторой непослѣдовательности въ употребленіи іероглифическихъ выраженій: иногда, напр., приводится подлинное іероглифическое выраженіе, его латинская транскрипція и русскій переводъ (стр. 140, прим. къ предыд. стр.: стр. 154, прим. 7; стр. 156, прим. 3); иногда — іероглифъ съ переводомъ, но безъ транскрипціи (стр. 427, прим. 3); иногда транскрипція съ переводомъ (нѣсколько примѣровъ на стр. 197 и 198): на стр. 132, прим. 4, ради одного собственнаго

имени, приведено въ транскрипціи, безъ перевода, цѣлое выраженіе изъ іероглифическаго памятника. Рецензентъ недоумѣваетъ, какими соображеніями руководился авторъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Напр., въ прим. 1 къ стр. 292 приведено іероглифическое выраженіе и дана латинская транскрипція; а по русскому переводу, слѣдующему за транскрипціей, фраза означаетъ: „цирюльникъ брѣетъ до наступленія вечера". Эта фраза по-русски приведена и въ текстѣ; для цѣлей автора было излишне повторять ее съ такою обстоятельностью въ примѣчаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приводимыя авторомъ египетскія слова и обороты рѣчи напоминали рецензенту о соотвѣтствующихъ словахъ и оборотахъ библейскаго еврейскаго языка, каковы, напр.: šemamu, которое „Heyes переводитъ, какъ „разорители", „опустошители" (стр. 154, прим. 7): hin—мѣра жидкостей (стр. 136); страна „Іамъ" (стр. 131 и прим. 2); „Каушу"—названіе Еѳіопіи (стр. 223, прим. 3); выраженіе: „каждый заговорилъ съ его сотоварищемъ" (стр. 220); повтореніе слова, повидимому, и въ египетскомъ, какъ въ еврейскомъ, можетъ служить для образованія превосходной степени (стр. 249 и немалое число примѣровъ въ сказкѣ о двухъ братьяхъ). Авторъ обошелъ молчаніемъ такія совпаденія — иногда, быть можетъ, случайныя.

Обращаясь къ самому изложенію и литературнымъ пріемамъ автора, обратимъ вниманіе на слѣдующія особенности. Въ нѣсколькихъ случаяхъ встрѣчаемся съ оригинальнымъ способомъ аргументаціи. Какъ извѣстно, argumentum e silentio приходитъ на помощь къ составителямъ ученыхъ изслѣдованій всякій разъ, когда у нихъ нѣтъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы отвергнуть извѣстный фактъ; но рецензенты и критики обыкновенно не признаютъ этотъ аргументъ достаточно убѣдительнымъ, а чаще всего лишаютъ его всякаго значенія. Но заключать отъ отсутствія положительныхъ данныхъ, отъ совершеннаго молчанія документовъ о какомъ-либо фактѣ къ несуществованію самаго факта есть еще нѣкоторое основаніе. А для автора рецензируемаго сочиненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отсутствія указаній, отрицающихъ какой-либо фактъ, достаточно для того, чтобы признать этотъ фактъ вѣроятнымъ, возможнымъ и, пожалуй, дѣйствительнымъ. Это своеобразное видоизмѣненіе

аргумента e silentio не можетъ имѣть того значенія, которое хотѣлъ усвоить ему авторъ сочиненія о патріархѣ Іосифѣ. Предположеніе, напр., о томъ, „что врачи могли принимать участіе и при бальзамированіи“, аргументируется, помимо апріорныхъ соображеній, указаннымъ способомъ: „мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ указаній на то, чтобы врачи не принимали никакого участія при бальзамированіи“ (стр. 412 и прим. 4). Стр. 86, прим. къ предыд. стран.: „пока мы не имѣемъ рѣшительныхъ доказательствъ, чтобы „Habiru“ не были евреями“. Стр. 247: „древніе историки не даютъ никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу того, что въ Египтѣ не знали винограднаго вина“. Стр. 386: „доселѣ еще не найдено ни одного указанія на то, чтобы гаданіе на чашѣ не имѣло мѣста въ Египтѣ во времена гиксосовъ“. Есть, далѣе, случаи неудачныхъ сравненій и неосновательныхъ обобщеній. Опровергая, напр., сторонниковъ миѳологической гипотезы, желающихъ видѣть въ Іосифѣ образъ сходящаго въ преисподнюю Таммуза; авторъ говоритъ, что, въ такомъ случаѣ и Іеровоамъ, послѣ Іосифа бѣжавшій въ Египтъ, и пр. Іеремія должны быть признаны образами того же Таммуза (стр. 49—50). На стр. 289 читаемъ: „у израильтянъ члены царствующаго дома, какъ, наприм., Авессаломъ, имѣли очень богатую растительность на головѣ, которая, въ частности, для Авессалома была причиною его гибели“... Эта справка дается при разъясненіи той подробности библейскаго сказанія объ Іосифѣ, по которой онъ, прежде чѣмъ представиться фараону, „долженъ былъ остричься и перемѣнить свое платье (Быт. 41, 14)“.

Въ заключеніе отзыва о сочиненіи профессора Введенскаго, нахожу нужнымъ указать на то, что въ немъ, по мѣстамъ, есть излишнія подробности и не вызывающіеся существомъ дѣла экскурсы. Вотъ примѣры: сказка „о двухъ братьяхъ“ приведена полностью. Эта сказка разсматривается какъ параллель къ библейскому повѣствованію объ Іосифѣ и женѣ Потифара. Послѣднее изложено въ семнадцати (4—20) стихахъ гл. 39-й Бытія; сказка „о двухъ братьяхъ“, съ примѣчаніями къ ней, занимаетъ въ рецензируемомъ сочиненіи семнадцать страницъ (207—223), включающихъ, впрочемъ, и 17 стиховъ библейскаго текста. На стр. 343—350 (болѣе шести страницъ мелкаго шрифта) встрѣчаемъ совершенно из-

лишнія подробности о голодѣ въ Египтѣ въ XII столѣтіи нашей эры. Такія подробности здѣсь мало умѣстны были бы даже въ томъ случаѣ, если бы какой-нибудь египетскій памятникъ сохранилъ описаніе голода, бывшаго въ Египтѣ въ эпоху близкую къ бѣдствіямъ семилѣтняго голода при Іосифѣ. Все же, что сообщаетъ арабскій историкъ Abd-Allatif о голодѣ, бывшемъ три тысячи лѣтъ спустя послѣ Іосифа, достаточно было бы изложить въ немногихъ словахъ. Лучше было бы изложить въ сокращенномъ видѣ и слѣдующія, напр., страницы: 251 и дал., 259, 267—270, 287, 302—304 (прим.) и др.

Всѣ указанные недостатки не колеблютъ основаннаго на оцѣнкѣ достоинствъ оригинальной, содержательной и интересной работы проф. Введенскаго вывода; они только портятъ, до нѣкоторой степени, общее впечатлѣніе. Въ частности, признавая наиболѣе существеннымъ пробѣломъ отсутствіе въ сочиненіи самостоятельнаго разъясненія нѣкоторыхъ выраженій библейскаго повѣствованія объ Іосифѣ по масор. тексту и древнимъ переводамъ; не могу не выразить своего удивленія по поводу того, что авторъ диссертаціи, не отступившій предъ необходимостью изучить сложную и для него совершенно новую систему іероглифическихъ знаковъ, не счелъ нужнымъ ознакомиться съ элементарными руководствами по сроднымъ съ еврейскимъ семитическимъ языкамъ для того, чтобы имѣть возможность, въ необходимыхъ случаяхъ, обращаться къ оригинальнымъ текстамъ, а не къ ихъ латинской транскрипціи. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, профессоръ Введенскій не отрѣшился отъ распространеннаго между лицами академическаго образованія ошибочнаго взгляда, по которому знакомство съ семитическими языками для богослова не представляется безусловно необходимымъ, а изученіе этихъ языковъ, хотя бы элементарное, представляется мало доступнымъ, по своей необыкновенной трудности".

б) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголева:*

„Личность Іосифа издавна привлекала къ себѣ народное вниманіе и давала матеріалъ и пищу народному творчеству. Іосифъ часто выступаетъ въ произведеніяхъ народной поэзіи.

Его жизнь, полная превратностей и вмѣстѣ тѣмъ являющая на себѣ откровенное дѣйствіе Божественнаго Промысла, естественно должна была останавливать мысль и подтверждать этическую вѣру народовъ въ торжество правды.

Личность Іосифа останавливала на себѣ вниманіе художниковъ. Въ ряду великихъ мастеровъ, пользовавшихся событіями его жизни для своихъ картинъ, я могу назвать, не дѣлая спеціальныхъ справокъ—Рафаэля Санціо, Рембранта ванъ Рина, Карручи, Строцци, Мильгама, Норткота, Деканна, Фландрена, Броуна, Стотгарда, Ретеля, Спида, Убертини, Жана Виктора, Сенден, Боля, Пойнтера, Пиккержиля. Къ этимъ именамъ можно присоединить много другихъ.

Исторія Іосифа дала не мало матеріала для христіанскаго богослуженія. Наконецъ, для людей христіанскаго подвига жизнь Іосифа всегда была назиданіемъ, ободреніемъ и поддержкою въ испытаніяхъ.

Но—странно—библейская наука мало занималась имъ. Спеціальныхъ изслѣдованій о немъ немного. Ученые затрогивали Іосифа попутно при изученіи послѣдняго отдѣла книги Бытія. А между тѣмъ исторія Іосифа задаетъ наукѣ очень много вопросовъ и заключаетъ въ себѣ много матеріала для ихъ рѣшенія, изученіе ея важно не для библейской только науки, но и для египтологіи и для выясненія многихъ вопросовъ относящихся къ такъ называемому классическому востоку.

Дмитрій Ивановичъ Введенскій своею книгою „Патріархъ Іосифъ и Египетъ" даетъ намъ прекрасно задуманное и тщательно выполненное изслѣдованіе, представляющее цѣнный вкладъ въ богословскую и вообще въ историческую науку.

Заглавіе книги „Патріархъ Іосифъ и Египетъ (опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи)" опредѣляетъ и ея содержаніе и ея задачу. Судя по нѣкоторымъ страннымъ разсужденіямъ появлявшимся въ русской богословской печати, я предполагаю, что нѣкоторые скажутъ: задача автора предвзята, нельзя напередъ намѣтить себѣ тезисъ: данныя Библіи и Египтологіи согласимы. Такая постановка дѣла ненаучна. Апологетическіе выводы должны слѣдовать сами собою, а не поставляться напередъ. Можетъ быть такъ разсуждающіе авторы и пишутъ свои статьи и книги, не зная, что выйдетъ изъ ихъ писаній, какъ 3—4 лѣтнія дѣти чертятъ линіи

на бумагѣ, подходятъ къ взрослому и говорятъ: „читай“, но такъ не должно ни разсуждать, ни писать. Изслѣдованіями всегда руководятъ предвзятыя идеи. Такъ обстоитъ дѣло даже въ математикѣ и тамъ напередъ создаются теоріи, а потомъ подыскиваются ихъ доказательства. Разумѣется, изслѣдованіе можетъ опровергнуть предвзятую теорію. Но книги издаются въ свѣтъ уже послѣ того, какъ трудъ провѣрки оконченъ.

Такъ поступилъ и Дмитрій Ивановичъ. Конечно, не мы должны поставить ему въ упрекъ предвзятую идею, что Библія—источникъ религіозной истины и данныя науки—плодъ добросовѣстнаго исканія истины—находятся въ согласіи между собою, но мы должны поставить ему въ заслугу, что онъ своимъ трудомъ далъ много подтвержденій этой предвзятой идеи.

Его книга съ первой до послѣдней страницы—апологетическая. Въ первой главѣ Дмитрій Ивановичъ раскрываетъ положеніе, что патріархъ Іосифъ есть личность историческая и, какъ таковая, она воспринята сознаніемъ различныхъ народовъ. Во второй онъ показываетъ намъ, какъ терпѣли крушеніе одна за другой раціоналистическія гипотезы, пытавшіяся исторію Іосифа разрѣшить въ миѳъ. Третья глава его книги „Вопросъ хронологіи“ представляетъ сжатую монографію, устанавливающую тезисъ, что въ ряду различныхъ библейскихъ, вавилонскихъ и хронологическихъ системъ хронологія LXX представляетъ такую, въ которую наиболѣе удобно вмѣщаются факты.

Послѣ этихъ трехъ главъ, представляющихъ собою, такъ сказать, увертюру изслѣдованія, авторъ выводитъ намъ Іосифа.

Въ четвертой главѣ „отъ Харрана до Египта“ Дмитрій Ивановичъ излагаетъ намъ жизнь Іосифа отъ его рожденія въ Харранѣ до продажи его въ Египетъ. Здѣсь профессоръ Введенскій касается многихъ бытовыхъ чертъ Месопотаміи, Палестины, вообще передней Азіи, и сопоставленіе внѣбиблейскихъ данныхъ съ библейскими вездѣ, оказывается, приводитъ къ доброму согласію.

Большой интересъ представляетъ пятая глава о гиксосахъ. Авторъ основательно раскрываетъ, что свѣдѣнія о нихъ дѣлаютъ понятнымъ въ библейскомъ повѣствованіи то, что на первый взглядъ является непонятнымъ и страннымъ:

возвышеніе Іосифа, благосклонное отношеніе къ евреямъ, затѣмъ незнаніе фараономъ Іосифа и враждебное отношеніе къ его племени. Дмитрій Ивановичъ примыкаетъ къ предположенію, что фараонъ возвысившій Іосифа былъ изъ гиксосовъ, именно Апопи, и египетская и библейская хронологія у него подтверждаютъ это предположеніе.

Шестая глава „Іосифъ въ домѣ Потифара" вводитъ насъ въ домашній бытъ и семейную жизнь древняго Египта. Здѣсь авторъ съ несомнѣнностью выясняетъ, что такія особы, какъ жена Потифара, вовсе не были рѣдкостью въ древнемъ Египтѣ. Можетъ быть онѣ встрѣчались тамъ чаще, чѣмъ въ современной Европѣ. Условія египетскаго быта, оказывается, дѣлали вполнѣ возможнымъ то, что случилось съ Іосифомъ и женою его господина.

Въ седьмой главѣ авторъ комментируетъ данными египтологіи библейское повѣствованіе о пребываніи Іосифа въ темницѣ и толкованіе имъ сновъ сначала товарищамъ по заключенію, а затѣмъ и самому фараону. Авторъ здѣсь показываетъ намъ, какъ библейскія детали освѣщаются современной наукой, какъ даже описываемые сны отражаютъ въ себѣ историческія и географическія условія жизни въ Египтѣ. Авторъ заканчиваетъ главу любопытнымъ указаніемъ, что фараонъ, возвысившій Іосифа, не названъ по имени. Египтологія показываетъ, что въ древнемъ Египтѣ фараоновъ не называли по имени. Позднѣе ихъ стали именовать. Такъ поступаетъ и Библія.

Изображая въ восьмой главѣ Іосифа-визиря, авторъ осторожно и основательно воздерживается отъ отождествленія Іосифа съ нѣкоторыми историческими дѣятелями, съ которыми его пытались отождествить (съ Себек-ху, съ Янхаму). Пріемъ отождествленія лицъ по сходству ихъ дѣятельности или по тождеству ихъ именъ чрезвычайно развитъ въ исторической наукѣ и совершенно произволенъ. Если чрезъ двѣ тысячи лѣтъ изслѣдователи будутъ отождествлять на Руси лицъ съ именемъ Иванъ, то понятно, результаты изслѣдованій будутъ плачевными. А между тѣмъ этотъ пріемъ широко практикуется въ примѣненіи къ Библіи и древней исторіи, да и не только къ древней. Нашъ авторъ не слѣдуетъ ему. Но изученіе дѣятельности лицъ, находившихся

въ положеніи подобномъ Іосифову помогаетъ ему лучше выяснить дѣятельность Іосифа.

Въ девятой главѣ Дмитрій Ивановичъ описываетъ намъ дѣятельность Іосифа во время голода. Библія говоритъ намъ объ аграрной политикѣ Іосифа. Современной египтологіей довольно хорошо выясненъ аграрный вопросъ въ Египтѣ. Авторъ показываетъ, какъ Библія и Египтологія въ вопросѣ о земляхъ взаимно разъясняютъ другъ друга. Останавливается онъ и на свѣдѣніяхъ о голодѣ въ Египтѣ и отыскиваетъ доказательства историчности библейскаго повѣствованія. Путешествіе евреевъ за хлѣбомъ въ Египетъ заставляетъ нашего автора поставить вопросъ объ отношеніи египтянъ къ иностранцамъ. А эпизодъ съ чашею въ мѣшкѣ Веніамина даетъ ему основанія совершить интересную экскурсію по не выясненному доселѣ вопросу о гаданіи у египтянъ при помощи чаши.

Послѣднія двѣ главы изслѣдованія—десятая и одиннадцатая—говорятъ объ Іосифѣ и Израилѣ и прослѣживаютъ ихъ судьбу отъ поселенія евреевъ въ землѣ Гесемъ до смерти и погребенія Іосифа. Авторъ обсуждаетъ вопросъ о положеніи земли Гесемъ, обслѣдуетъ подробности библейскаго повѣствованія, останавливается на вопросѣ о бальзамированіи и погребеніи у египтянъ и заканчиваетъ свое изслѣдованіе обращеніемъ отъ исторической науки къ вѣрѣ, которая всегда въ историческомъ Іосифѣ видѣла выразительный историческій прообразъ Мессіи.

По моему мнѣнію Дмитрій Ивановичъ Введенскій въ своемъ изслѣдованіи шелъ правильнымъ путемъ, который долженъ бы былъ послужить руководственнымъ для многихъ. Читая и перечитывая книгу Дмитрія Ивановича, я попутно просмотрѣлъ рядъ диссертацій по изслѣдованію Библіи конца XIX и начала XX столѣтія. Онѣ меня поразили своей примитивностью. Давая комментарій на какую-либо книгу Библіи, авторы собирали или дѣлали видъ, что собрали множество комментаріевъ на ту же книгу и ничего болѣе. Это похоже на то, какъ если бы человѣкъ задавшійся цѣлью описать человѣческое ухо собиралъ бы исключительно книги объ ухѣ, не считая нужнымъ познакомиться съ общимъ строеніемъ человѣческаго тѣла. Далеко не вся литература по тому или другому вопросу нужна для изслѣдованія во-

проса, потому что въ научной литературѣ мы всегда имѣемъ дѣло съ безчисленными повтореніями. Но часто бываетъ нужно привлеченіе литературы по другимъ вопросамъ. Дмитрія Ивановича нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ игнорировалъ литературу по прямому предмету своего изслѣдованія, но ему нужно поставить въ заслугу, что онъ правильно оцѣнилъ важное значеніе нѣкоторыхъ побочныхъ вопросовъ для своего изслѣдованія. Онъ выдѣлилъ вопросъ о хронологіи. Такъ и нужно было сдѣлать. По географіи, исторіи, древностямъ, искусству, литературѣ Египта онъ вездѣ привлекалъ спеціальную литературу, а обычный пріемъ состоитъ въ томъ, что подобнаго рода свѣдѣнія берутъ изъ пятыхъ рукъ—изъ комментаріевъ, изъ библейскихъ исторій. Нашъ авторъ правильно понялъ, какой матеріалъ нуженъ для его изслѣдованія, и этотъ матеріалъ онъ обработалъ правильнымъ научнымъ методомъ.

Древняя исторія, говоря по правдѣ,—довольно безнадежная наука. Накопленіе матеріала вслѣдствіе новѣйшихъ открытій въ ея области гораздо больше задало новыхъ вопросовъ, чѣмъ рѣшило старыхъ. Да и предложенныя рѣшенія проблематичны. Но даже крупные ученые нерѣдко склонны свои выводы слабой вѣроятности провозглашать за имѣющіе совершенную достовѣрность. Достоинствомъ диссертаціи Дмитрія Ивановича Введенскаго является осторожная оцѣнка выводовъ. Авторъ нигдѣ и никогда не преувеличиваетъ ихъ значенія. Давая намъ апологетическое изслѣдованіе, онъ вовсе не претендуетъ на то, что истинность того или другого библейскаго повѣствованія онъ доказалъ съ несомнѣнностью. Онъ вездѣ подчеркиваетъ, что мы вращаемся въ области вѣроятностей. У насъ нѣтъ средствъ нашу вѣру въ Библію превратить въ знаніе. Но обратная сторона медали показана нашимъ авторомъ прекрасно, именно, что претензіи противниковъ Библіи на то, что они побѣдили и преврѣли, совершенно неосновательны.

И тезисы автора чѣмъ они осторожнѣе и скромнѣе, тѣмъ большую имѣютъ апологетическую цѣнность.

Сочиненіе написано изящнымъ стилемъ и читается съ неослабнымъ интересомъ. Интересъ повѣствованія и легкость изложенія скрываютъ отъ читателя трудность работы. А труда пришлось положить автору безконечно много. Ему

нужно было изучать египетскую грамматику буквально съ азовъ, ему нужно было изучить исторію древняго востока детально во многихъ отношеніяхъ. Нужно еще принять во вниманіе, что авторъ сравнительно недавно занялъ каѳедру въ академіи, а ранѣе находился въ условіяхъ неблагопріятныхъ для научной работы. Еще нѣтъ пяти лѣтъ, какъ онъ состоитъ профессоромъ академіи, онъ долженъ былъ написать курсъ, онъ далъ нѣкоторыя спеціальныя работы (о панвавилонской гипотезѣ, о потопѣ) и вотъ теперь онъ даетъ намъ капитальную монографію.

Приходится удивляться и усидчивости автора и его умѣнью работать быстро и плодотворно.

Но такъ какъ авторъ работалъ въ области, которая по его собственному признанію есть область вѣроятностей, то понятно, что его трудъ открываетъ и всегда будетъ открывать широкое поле для возраженій. Нѣкоторыя возраженія и замѣчанія сдѣлаю и я.

Авторъ снабдилъ свою книгу рисунками. Они полезны Но прежде всего нужна была карта, которая дала бы возможность легко и удобно слѣдить за передвиженіемъ странствующаго Израиля. Къ сожалѣнію карта отсутствуетъ.

При обсужденіи вопроса о хронологіи авторъ не остановился на нѣкоторыхъ трудностяхъ вызываемыхъ библейскимъ текстомъ. Авторъ считаетъ возможнымъ допущеніе что Моисей родился 35 лѣтъ спустя послѣ смерти Левія. Левій умеръ 137 лѣтъ (Исх. VI, 16), Моисей былъ сыномъ его дочери. Если Левій родилъ Іохаведу (мать Моисея) 72 лѣтъ отъ роду и то ко времени рожденія Моисея ей было 100 лѣтъ. Цифра слишкомъ почтенная, смущавшая даже Авраама. На западѣ пытаются облегчить пониманіе дѣла теоріей пропусковъ, едва ли допустимой въ данномъ случаѣ. Можетъ быть автору не мѣшало бы остановиться нѣсколько на вопросѣ о рожденіяхъ отъ престарѣлыхъ родителей (см. у Д. И. Введенскаго 61, 66 стр.).

Дмитрій Ивановичъ допускаетъ существованіе цифровыхъ ошибокъ въ Библіи, явившихся по винѣ переписчиковъ. Онъ прямо принимаетъ, что смѣшеніе ז съ ג—заинъ съ гимелемъ обусловливаетъ разногласіе 2 Цар. 24, 13 съ 1 Парал. 21, 12. Въ первомъ мѣстѣ говорится о семилѣтнемъ голодѣ, во второмъ—о трехлѣтнемъ, между тѣмъ какъ рѣчь

идетъ объ одномъ и томъ же событіи (см. у Д. И. Введенскаго 57 стр.). Я не думаю оспаривать возможности цифровыхъ ошибокъ въ Библіи, но мнѣ думается, въ отдѣльныхъ случаяхъ надо быть очень осторожнымъ въ вопросѣ объ ихъ дѣйствительности. Поясню примѣромъ. Объ одномъ и томъ же солнечномъ затменіи мы можемъ читать, что оно продолжалось 4 часа и что оно продолжалось 1 минуту. Здѣсь нѣтъ противорѣчія. Въ первомъ случаѣ разумѣется весь періодъ затменія отъ вступленія солнца въ тѣнь до выхода изъ тѣни, во второмъ разумѣется продолжительность полнаго затменія. Такъ и въ вопросѣ о голодѣ. Семь лѣтъ могъ продолжаться недородъ, а три изъ нихъ могли быть годами голода со всѣми его ужасами.

Вообще не нужно спѣшить отрицать правдивость одного показанія на основаніи того, что оно не сходится съ другимъ. Иногда несогласимость можетъ оказаться мнимою.

Мнѣ представляется не совсѣмъ ясною рѣчь автора о терафимахъ на 113—115 стр. У него какъ бы получается, что они были окончательно уничтожены Іаковомъ. Но мы знаемъ, что терафимы были и при Саулѣ (1 Цар. 19, 13—16). Нашему автору хочется установить положеніе, что Іосифъ воспитывался исключительно въ духѣ истинной религіи. Вполнѣ можно принять, что Іаковъ держался исключительно религіозной истины, но чтобы въ его шатрахъ съ его рабами и рабынями по религіозной части все было благополучно, это представляется сомнительнымъ. Іосифу, какъ и всякому ребенку даже въ современной христіанской семьѣ, по всей вѣроятности приходилось знакомиться съ суевѣріями возможно общесемитическаго характера.

При обсужденіи вопроса объ евнухѣ Потифарѣ нашъ авторъ рѣшительно утверждаетъ (стр. 180), что законъ Моисеевъ строго осуждалъ кастрацію, какъ людей, такъ и животныхъ. По отношенію къ людямъ это должно признать вѣрнымъ, но единственный текстъ, на который ссылаются, говоря о запрещеніи кастрировать животныхъ, не представляется яснымъ. Собственно изъ Лев. 22, 24 ясно, что кастрированныхъ животныхъ нельзя приносить въ жертву Господу, но не ясно, что животныхъ нельзя кастрировать. Конецъ текста говоритъ: „въ землѣ вашей не дѣлайте“. Спрашивается: чего? По-русски приставлено: „*сего*“. Нѣкоторые

варіанты показываютъ, что здѣсь рѣчь идетъ о жертвѣ, но только по всей землѣ Израильской. Сошлюсь на англійскую Библію. Oxford, 1886. Раввины основывали на этомъ текстѣ запрещеніе всякой кастраціи. Во всякомъ случаѣ законъ Моисея по этому пункту неясенъ, и эта неясность можетъ быть не случайная.

Исходя изъ предполагаемаго отвращенія евреевъ къ кастраціи, Дмитрій Ивановичъ Введенскій полагаетъ, что наименованіе Потифара евнухомъ могло быть лишь почетнымъ титуломъ, а не констатированіемъ факта. Далѣе однако онъ допускаетъ, что Потифаръ могъ быть дѣйствительно евнухомъ. Съ этимъ послѣднимъ трудно согласиться. Какъ понять тогда исторію Іосифа съ женой Потифара? Разумѣется, можно составлять гипотезы: фараонъ могъ дать своему евнуху номинальную жену, а она должна была хранить дѣйствительную чистоту. Но подобныя гипотезы и сложны и сомнительны, между тѣмъ какъ гораздо проще представлять, что дѣло здѣсь идетъ объ обыкновенной семейной драмѣ. Варіанты исторіи Іосифа и жены Потифара имѣются и въ литературѣ и въ дѣйствительной исторіи. И нашъ авторъ отмѣчаетъ это (стр. 226). Ничто не указываетъ, чтобы исторія Іосифа разнилась отъ этихъ варіантовъ по существу, а не въ деталяхъ.

Д. И. Введенскій принимаетъ вслѣдъ за Тураевымъ, что слово „фараонъ“ (per-aa) значитъ „великій домъ“ (205 стр. сноси Тураевъ. Исторія древняго востока, стр. 203 и 221). Не оспаривая рѣшительно такого толкованія, я долженъ однако указать на возможность другого: фараонъ, происшедшій отъ Ра, сынъ Ра, сынъ солнца. Ра—богъ солнца и первый царь Египта. Геліополисъ=пи-ра=городъ солнца. Такое толкованіе слова фараонъ, возводящее его къ солнцу, отвѣчаетъ взгляду на фараона, но, разумѣется, вопросы о происхожденіи словъ должны рѣшаться не на основаніи отвлеченныхъ соображеній, а путемъ провѣрки судьбы слова по памятникамъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Разсуждая о взглядахъ Эдуарда Навиля на исторію Іосифа (стр. 328) и отмѣчая замалчиваніе Навилемъ авторства Моисея, Д. И. Введенскій говоритъ, что Моисей „одинъ только и могъ, несомнѣнно, быть писателемъ Пятокнижія и въ частности исторіи Іосифа“. Мнѣ думается, что по отношенію къ

книгѣ Бытія съ православной точки зрѣнія можно смотрѣть на Моисея иначе: въ немъ можно видѣть богодухновеннаго редактора книги. Моисей могъ быть редакторомъ и устныхъ сказаній и записей. Что устныя сказанія существовали, объ этомъ не можетъ быть спора: халдейская запись о потопѣ считается древнѣе Моисея, значитъ, сказанія о потопѣ существовали до Моисея. Существовали ли записи? Это весьма вѣроятно. Самъ нашъ авторъ допускаетъ существованіе школъ въ Харранѣ при Іосифѣ (стр. 116). Мы знаемъ о существованіи печати у Іуды (Быт. 38, 18, 25). Мы знаемъ, что письменность въ Вавилонѣ существовала раньше Гаммураби, т. е. раньше Авраама, еще въ эпоху Гудеи. У евреевъ могли быть записи о прошломъ. Моисей подъ водительствомъ Св. Духа могъ использовать ихъ. Если мы примемъ эту точку зрѣнія, для насъ легко станетъ понятнымъ различіе языка, терминовъ и оборотовъ въ разныхъ частяхъ книги Бытія и въ частности въ исторіи Іосифа.

Вопросъ о томъ, почему египтяне ѣли за особымъ столомъ отъ иноземцевъ, думается мнѣ, могъ бы быть освѣщенъ болѣе, чѣмъ это сдѣлано у нашего автора (380—381). Дѣло въ томъ, что у египтянъ были своеобразные законы о пищѣ. Они не ѣли головъ животныхъ. Эти головы они или бросали въ Нилъ или продавали иноземцамъ. Можетъ быть неупотребленіе животныхъ головъ въ пищу стоитъ въ связи съ изображеніемъ боговъ съ головами животныхъ, а это въ свою очередь комментируется нѣкоторыми миѳами. Но такъ или иначе египтяне обращались съ мясомъ иначе, чѣмъ иностранцы. Затѣмъ они не ѣли бобовъ, не ѣли овощей, имѣющихъ шелуху. У нихъ было особое отношеніе и притомъ религіозное къ столу. Понятно, что они находили неудобнымъ допускать къ своему столу людей иныхъ религій и обычаевъ.

Д. И. Введенскій останавливается на вопросѣ о чашѣ, которая по приказанію Іосифа была положена въ мѣшокъ Веніамина и которую домоправитель Іосифа назвалъ „гадательною“ (стр. 381—389). Нашъ авторъ обсуждаетъ два вопроса: 1) было ли у египтянъ гаданіе на чашѣ и 2) гадалъ ли на чашѣ Іосифъ?

Путемъ аналогій и косвенныхъ соображеній первый вопросъ онъ рѣшаетъ утвердительно. На 385 стр. онъ даетъ

взятыя имъ у Вилькинсона изображенія египетскихъ чашъ.

Я a priori принимаю, что у египтянъ были гадательныя чаши, потому что гаданіе на чашѣ было вездѣ. Но въ поискахъ за образцами гадательныхъ чашъ я выбралъ бы у того же Вилькинсона (The Manners and customs of the ancient Egyptians. Vol. II, 1878) другіе примѣры—чаши съ религіозными изображеніями (см. стр. 7). Кромѣ того я отмѣчу еще слѣдующее. У Клермона—Гано есть спеціальное изслѣдованіе о финикійской чашѣ, найденной въ Палестринѣ. Ch. Clermont-Ganneau—La coupe phénicienne de Palestrina 1880. Клермонъ—Гано показываетъ, что на финикійскихъ вазахъ встрѣчаются египетскія божества. Встрѣчается богъ „Бесъ". Это, такъ сказать, дамскій богъ парфюмеріи. Встрѣчается богиня Гаторъ. Это—египетская Афродита съ головою коровы. Клермонъ—Гано даетъ рисунки египетскихъ сценъ на вазахъ такого характера, гдѣ гаданія и магія весьма умѣстны. Изображается, напримѣръ, пораженіе плѣнныхъ (VIII). Но чтобы такое пораженіе или избіеніе стало фактомъ, надо напередъ плѣнныхъ взять въ плѣнъ. Объ этомъ надо молить или заклинать боговъ.

Гадалъ ли на самомъ дѣлѣ Іосифъ? Нашъ авторъ склоняется къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Я думаю, что онъ правъ, но мнѣ кажется, что можно идти нѣсколько далѣе и допустить, что и чаша подсунутая Веніамину вовсе не была гадательною. Гадательная чаша — святыня, а безцеремонное бросаніе ея въ мѣшокъ къ иноземцу едва ли могло быть допущено. Оно должно было поразить самого домоправителя. Для него гораздо легче было сказать по приказанію Іосифа или выдумать самому, что эта чаша —гадательная, чѣмъ обращаться съ гадательной чашей, какъ съ самымъ заурядным сосудомъ.

Въ разсужденіи о чашѣ у Дмитрія Ивановича есть еще одно неясное мѣсто. На стр. 386 онъ говоритъ о клинописныхъ текстахъ, въ которыхъ „дается опредѣленное подтвержденіе того, что въ Вавилонѣ издавна практиковался способъ гаданія на чашѣ. Здѣсь былъ даже особый классъ „baru"—своего рода кудесниковъ, которые обыкновенно совершали гаданія при восходѣ солнца, поворотившись лицомъ на востокъ—къ солнцу и къ созвѣздію „Samas'a". Что это

за особый классъ „baru“ и какъ эти „baru“ могли одновременно поварачиваться лицомъ къ солнцу и къ созвѣздію Samas'a? Я не знаю, отчего у Дмитрія Ивановича здѣсь произошла неясность, но во всякомъ случаѣ все это легко объяснить. Жрецы въ Вавилоніи дѣлились на много классовъ и baru были не кудесниками, а однимъ изъ оффиціальныхъ классовъ жрецовъ. Они обращались съ моленіями и гаданіями къ солнцу при его восходѣ. Солнце восходитъ въ теченіе года въ двѣнадцати различныхъ созвѣздіяхъ—въ 12 знакахъ зодіака. Самасъ по вавилонски—солнце. Выраженіе: „поворотившись лицомъ на востокъ—къ солнцу и къ созвѣздію Samas'a“ значитъ: поворотившись къ солнцу и къ тому созвѣздію, въ которомъ оно находилось. Если бы дѣло шло о нынѣшнемъ днѣ, когда я дѣлаю свой докладъ, то baru должны были бы поворотиться лицомъ къ южной оконечности созвѣздія „Близнецовъ“.

Можетъ быть нашему автору не мѣшало пояснить или измѣнить нѣкоторыя выраженія и утвержденія своей книги.

Такъ, на 2-й стр., Дмитрій Ивановичъ Израиля по отношенію къ Египту называетъ невольнымъ, но мудрымъ развѣдчикомъ. Это выраженіе не понятно. Посылали евреи развѣдчиковъ по торговымъ дѣламъ въ Палестину, это мы знаемъ, но зачѣмъ имъ было производить развѣдки, которыя нашъ авторъ называетъ мудрыми, и какая была утилизація этихъ развѣдокъ?

На четвертой страницѣ нашъ авторъ сообщаетъ, что въ 12-й главѣ корана передается сказаніе о томъ, что египетскія дамы, заглядѣвшись на Іосифа, обрѣзали себѣ руки ножами, поданными для чистки плодовъ. Авторъ цитируетъ при этомъ сообщеніи многое, но не цитируетъ 31 стиха 12-й суры корана, имѣющагося по русски въ нѣсколькихъ переводахъ. Не пользуется онъ и вообще 12-й сурою, носящею наименованіе „Іосифъ“, заключающею 111 стиховъ и представляющею собою своеобразный и немножко фантастическій комментарій къ библейскому повѣствованію.

При разсужденіи о земельномъ вопросѣ въ Египтѣ (стр. 362 и слѣд.) авторъ говоритъ много о пожертвованіяхъ храмамъ, но не приводитъ опредѣленныхъ свѣдѣній о пожертвованіяхъ землею и о земельныхъ владѣніяхъ храмовъ (см. мои Очерки по исторіи религій, стр. 142). Затѣмъ авторъ не

обращаетъ вниманія на то, что въ Египтѣ иногда правленіе было теократическимъ, иногда и надолго — компромиссомъ между теократіею и свѣтскою монархіею. Этими формами правленія обусловливалось особенное положеніе жреческихъ земель.

На 387 стр. Дмитрій Ивановичъ увѣренно называетъ Ямвлиха авторомъ „De Mysteriis", но обыкновенно полагаютъ, что это сочиненіе написано кѣмъ-либо изъ его учениковъ.

На стр. 388 Дмитрій Ивановичъ передаетъ сообщеніе, что при гидромантіи употреблялись камни anacitis и synochitis. Нашъ авторъ не поясняетъ этихъ названій. Но первый камень извѣстенъ. Anacitis — алмазъ. Относительно synochitis возможны только догадки.

Авторъ обратилъ вниманіе на продожительность жизни Іосифа—110 лѣтъ (стр. 427—428), по мнѣ думается, что здѣсь есть еще нѣкоторыя детали, на которыхъ не мѣшало бы остановиться. У египтянъ 110 лѣтъ представляютъ собою идеальный предѣлъ жизни. Объ этомъ мы имѣемъ массу свидѣтельствъ. Нашъ авторъ дѣлаетъ отсюда заключеніе, что 110 лѣтъ Іосифа „не представлялись какимъ-либо небывалымъ исключеніемъ и его современникамъ". Я думаю наоборотъ. Если бы среди египтянъ были доживавшіе до 110 лѣтъ, то идеальный предѣлъ жизни человѣка и особенно фараона немедленно отодвинули бы далѣе. Нѣтъ; Іосифъ реализировалъ египетскую мечту, а не египетскую дѣйствительность. И поучительны сообщенія Библіи, что братья Іосифа жили долѣе, чѣмъ онъ. Египетскій идеалъ долгожизненности не былъ идеаломъ еврейскимъ.

Къ сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ можно присоединить другія подобныя, но всѣ они не умаляютъ высокихъ достоинствъ книги нашего автора. Въ области вѣроятностей споры могутъ быть безконечными. Но безспорно, что авторъ въ своей книгѣ привелъ много серьезныхъ основаній въ пользу вѣроятности православнаго пониманія Библіи. И онъ сдѣлалъ это, относясь съ замѣчательною объективностью къ ученымъ, стоящимъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Его трудъ является вмѣстѣ и цѣнно-апологетическимъ и строго-научнымъ. Простая вѣра христіанина находитъ въ его книгѣ свое оправданіе и подтвержденіе, любознательность ученаго найдетъ въ его книгѣ удовлетвореніе многимъ своимъ

запросамъ о данныхъ Библіи и Египтологіи. Глубоко отрадное впечатлѣніе производитъ духъ мира, царящій въ книгѣ. Водимый этимъ духомъ авторъ приводитъ Библію и Египтологію къ дѣйствительному, а не къ искусственному и насильственному соглашенію. Чувствуется, что изслѣдованіе Библіи въ духѣ вѣры и чисто научныя изысканія на почвѣ древняго востока могутъ вестись въ добромъ согласіи и вести къ утвержденію въ истинахъ религіи и къ развитію науки.

Привѣтствуя русскую богословскую науку съ появленіемъ труда нашего автора, я думаю, что только раздѣляю мнѣніе Совѣта, признавая автора достойнымъ за его трудъ степени доктора богословія.

Остается пожелать, чтобы нашъ авторъ не остался единственнымъ піонеромъ въ избранной имъ области и чтобы вслѣдъ за нимъ пошли другіе работники, которые занялись бы совмѣстнымъ изученіемъ Библіи и древняго востока".

Справка: 1) Открытымъ голосованіемъ Совѣтъ Академіи, соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, — *единогласно* призналъ представленное экстраординарнымъ профессоромъ *Д. И. Введенскимъ* на соисканіе степени доктора богословія сочиненіе подъ вышеупомянутымъ заглавіемъ означенной цѣли соотвѣтствующимъ.—2) По § *173* устава духовныхъ академій: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоквается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ".—3) По § *174* того же устава: „Получающіе отъ Академіи кандидатскую или магистерскую степень именуются кандидатами или магистрами богословія, удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе или доктора богословія, или доктора церковной исторіи, или доктора церковнаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ или представленной диссертаціи".— 4) Экстраординарный профессоръ *Д. И. Введенскій* степени магистра богословія удостоенъ былъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи за представленное и удовлетворительно

защищенное имъ на коллоквіумѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ“ и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 6 апрѣля 1901 года за № 2215.—5) По § *109*, лит. *в*. п. 6, академическаго устава „удостоеніе степени... доктора богословскихъ наукъ“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, магистра богословія *Д. И. Введенскаго* въ искомой имъ степени доктора богословія.—2) Представить Его Преосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи профессора Введенскаго и копіи съ отзывовъ о ней экстраординарнаго профессора Академіи *священника Д. В. Рождественскаго* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*.

V. Прошеніе и. д. ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета *Александра Доброклонскаго*:

„Имѣю честь представить на разсмотрѣніе Совѣта въ качествѣ диссертаціи на степень доктора церковной исторіи свое сочиненіе „Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игуменъ Студійскій. I часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Одесса 1913, и II часть. Его творенія. Вып. I. Од. 1914 г.“. 20 экземпляровъ при семъ высылаются.

Справка: 1) Профессоръ А. П. Доброклонскій окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи въ 1880-мъ году и въ томъ же году, по представленіи и удовлетворительномъ защищеніи диссертаціи подъ заглавіемъ: „Сочиненіе Факунда, епископа Герміанскаго, въ защиту трехъ главъ. Историко-критическое изслѣдованіе изъ эпохи V-го вселенскаго собора“. Москва, 1880 г., Совѣтомъ названной Академіи удостоенъ и резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 5 ноября 1880 года утвержденъ въ степени магистра

богословія.—2) Устава духовныхъ академій § 109, лит. *а*, п. 15.

Опредѣлили: Докторскую диссертацію профессора Императорскаго Новороссійскаго университета А. П. Доброклонскаго передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по первой каѳедрѣ патрологіи *И. В. Попову.*

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертаціи профессора А. П. Доброклонскаго онъ назначаетъ и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики *В. П. Виноградова.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія, кандидата богословія, *А. М. Тубровскаго*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи исходатайствовать мнѣ вторичную отсрочку для подачи магистерскаго сочиненія. Обстоятельства, по которымъ я не могу представить свое сочиненіе къ 16-му августа текущаго года,—слѣдующія: 1) извѣстная Совѣту Академіи (по медицинскимъ свидѣтельствамъ, напримѣръ) моя болѣзнь, по которой я пользовался 4-хъ мѣсячнымъ отпускомъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ началѣ учебнаго года; 2) необходимость курортнаго леченія предстоящимъ лѣтомъ, что лишитъ меня возможности не только пользованія академической библіотекой за это время, но и научно-систематическихъ занятій вообще. Въ случаѣ неудовлетворенія моей просьбы, предо мною открывается такая альтернатива: или крайняго напряженія силъ, чтобы подать къ сроку сочиненіе и, вслѣдствіе этого, новаго переутомленія и, быть можетъ, болѣзней (не говоря о прежней, требующей курортнаго леченія), — или ухода изъ Академіи въ самый канунъ ея юбилейнаго торжества. Какъ то, такъ и другое для меня равно тягостно, что и побуждаетъ меня просить Совѣтъ Академіи объ исходатайствованіи мнѣ вторичной отсрочки“.

Справка: 1) По *§ 67* устава духовныхъ академій: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія.—*Примѣчаніе.* На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года“.— 2) Г. Туберовскій состоитъ преподавателемъ Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія, въ званіи и. д. доцента, *съ 16 августа 1911 года.* 3) Согласно ходатайству Совѣта, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 17 іюля 1913 года за № 11233 срокъ представленія магистерской диссертаціи продленъ былъ и. д. доцента А. М. Туберовскому до 16-го августа 1914 года.

Опредѣлили: Признавая настоящую просьбу и. д. доцента Академіи *А. М. Туберовскаго* заслуживающею уваженія, просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о предоставленіи г. Туберовскому, въ виду изложенныхъ въ его прошеніи обстоятельствъ, вторичной отсрочки по представленію магистерской диссертаціи—*до 16-го августа будущаго 1915 года.*

VIII. Отношенія:

а) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 3 апрѣля за № 586, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Академіи—рукописи подъ знакомъ Г. 335 и брошюры подъ знакомъ Z 5952.

б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 25 апрѣля за № 1381, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей подъ №№ 136, 142 и 144.

в) Императорской Археографической Коммиссіи, отъ 12 мая за № 277, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи „Сборникъ № 211“ (по описанію Барсукова).

г) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Московской Синодальной Библіотеки подъ № 818.

д) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 23 мая за № 763, съ возвращеніемъ принадлежащихъ библіотекѣ Московской Академіи книгъ: 1) „Жизнь святыхъ“

Лаврентія Сурія, 1—5 тт. и 2) Прологъ 1685 г. съ собственноручными отмѣтками свят. Димитрія (4 книги).

е) Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, отъ 26 апрѣля за № 215, съ возвращеніемъ принадлежащей фундаментальной академической библіотекѣ рукописи за № 5 (104).

ж) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 26 апрѣля за № 1399, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Академіи священника Е. А. Воронцова, трехъ еврейскихъ рукописей: 1) библейская А. № 18: Пятокнижіе; 2) библейская А. № 19 и 3) библейская № 134: Гафтары.

з) Той же Библіотеки, отъ 24 мая за № 1683, съ препровожденіемъ на двухмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Академіи И. В. Попова, книгъ: 1) Schmid. Al. Erkenntnisslehre. Band I; 2) Annales de philosophie chrétienne, t. XXV, 1891—1892 и 3) Philosophisches Jahrbuch. Band 13. 1900.

Справка: Всѣ, означенныя въ пп. *д—з*, рукописи и книги немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Прошеніе преподавателя Смоленской духовной семинаріи, кандидата Академіи выпуска 1910-го года, *Василія Теплова*:

„Почтительнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать въ магистерскую диссертацію мое кандидатское сочиненіе, писанное на тему: „Древне-русская женщина и отношеніе къ ней Церкви“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565 Совѣтамъ Академіи предписано было: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертаціи съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣше-

нія Епархіальнаго Архіерея".—2) Кандидатское сочиненіе г. Теплова отмѣчено было балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Дозволить кандидату Василію *Теплову* переработать его кандидатское сочиненіе на вышеуказанную тему въ магистерскую диссертацію.—2) Постановленіе сіе представить предварительно на утвержденіе Его Преосвященства.

X. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ настоящемъ собраніи Совѣтъ Академіи, выслушавъ отзывы рецензентовъ о докторской диссертаціи экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, магистра богословія, *Д. И. Введенскаго* подъ заглавіемъ: „Патріархъ Іосифъ и Египетъ. (Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи)". Сергіевъ Посадъ, 1914 г. и единогласно признавъ ее удовлетворительною,—постановилъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи автора въ степени доктора богословія.—Принимая во вниманіе долговременную, отлично-усердную и полезную службу профессора Введенскаго (съ 16 августа 1898 года по 15 августа 1899 года—въ званіи профессорскаго стипендіата Академіи; съ 27 ноября 1899 года по 24 октября 1909 года—въ должностяхъ преподавателя Виѳанской и Московской духовныхъ семинарій; съ 25 октября 1909 года—въ должности доцента, а съ 10 декабря того же года—въ должности экстраординарнаго профессора Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи),—имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ одновременномъ избраніи его въ званіе ординарнаго профессора Академіи на вакансію, освободившуюся еще въ 1910 году, за выходомъ въ оставку заслуженнаго ординарнаго профессора и нынѣ почетнаго члена Академіи *А. Д. Бѣляева*.

Въ случаѣ принятія Совѣтомъ настоящаго предложенія,—на вакансію экстраординарнаго профессора, имѣющую освободиться по утвержденіи г. Введенскаго ординарнымъ профессоромъ Академіи, я, руководствуясь указаніемъ, изложеннымъ *въ примѣчаніи къ § 65-му* устава духовныхъ академій („Въ священномъ санѣ должно состоять не менѣе

1/2 всѣхъ членовъ Совѣта"), предлагалъ бы избрать *священника П. А. Флоренскаго*, 19-го мая сего 1914 года удовлетворительно защитившаго на коллоквіумѣ свою магистерскую диссертацію „О духовной истинѣ" и представленнаго къ утвержденію Святѣйшимъ Синодомъ въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи философіи, такъ какъ изъ преподавателей Академіи, имѣющихъ священный санъ, онъ по старшинству службы (занимаетъ помянутую каѳедру съ 23 сентября 1908 года) стоитъ на первомъ мѣстѣ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 66*: „Профессоры Академіи должны имѣть ученую степень доктора богословскихъ наукъ.—*Примѣчаніе.*—Экстраординарными профессорами могутъ быть и лица, имѣющія степень магистра богословія".—2) По § *109* лит. *в.* п. 2 того же устава „избраніе кандидатовъ на должности... профессоровъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, избрать и просить ходатайства Его Преосвященства, Епископа Трифона, Управляющаго Московской епархіей, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи: экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Д. И. Введенскаго*, удостоеннаго Совѣтомъ Академіи степени доктора богословія,—въ званіи ординарнаго профессора, а и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи философіи *священника П. А. Флоренскаго*, удостоеннаго Совѣтомъ степени магистра богословія,—въ званіи экстраординарнаго профессора Академіи; обоихъ—со дня утвержденія ихъ Святѣйшимъ Синодомъ въ помянутыхъ ученыхъ степеняхъ.

На семъ журналѣ резолюція Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московской епархіей: „1914 г. іюня 10. Утверждается".

5 іюня 1914 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, П. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. П. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: I. Предложеніе о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*, ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*, экстраординарныхъ профессоровъ—*священника Д. В. Рождественскаго* и *священника В. Н. Страхова:*

„24-го іюня сего года исполняется 25 лѣтъ ученой и учебной дѣтельности воспитанника нашей Академіи—*ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Николая Никаноровича Глубоковскаго.* Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ высоко, съ какимъ самоотверженіемъ и съ какою честью въ теченіе четверти вѣка несетъ знамя науки этотъ выдающійся питомецъ нашей Академіи. Уже съ выхода въ свѣтъ его магистерской диссертаціи имя Николая Никаноровича стало почетнымъ и авторитетнымъ въ наукѣ. Его капитальные труды обращали на себя вниманіе и западныхъ ученыхъ и заставляли ихъ лишь жалѣть о томъ, что эти труды писаны по-русски и мало потому могутъ оказать вліянія на общую европейскую науку. Вся ученая дѣятельность Н. Н. Глубоковскаго есть умноженіе чести и славы воспитавшей его Академіи, а потому мы и предлагаемъ ко дню его юбилея избрать его почетнымъ членомъ нашей Академіи“.

Справка: 1) По *§ 10* устава православныхъ духовныхъ академій—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава".—2) По *§ 109*, лит. *в* п. 1, того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ Академіи" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Соглашаясь съ изложеннымъ предложеніемъ,—избрать и просить ходатайства Его Преосвященства, Епископа Трифона, Управляющаго Московской епархіей, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи по второй каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, *Н. Н. Глубоковскаго*,—во уваженіе къ его двадцатипятилѣтней непрерывной и плодотворной учено-литературной дѣятельности,—въ званіи Почетнаго Члена Императорской Московской Духовной Академіи.

II. Отзывы о сочиненіяхъ *протоіерея* Московской Воскресенской, на Семеновскомъ кладбищѣ, церкви *Сергія Муретова* подъ заглавіями: 1) „О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи", Москва, 1897 г.; 2) „Историческій обзоръ чинопослѣдованія проскомидіи до „Устава литургіи" константинопольскаго патріарха Филоѳея. Опытъ историко-литургическаго изслѣдованія", Москва, 1895 г. и 3) „Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургіи", Сергіевъ Посадъ, 1895 г., представленныхъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ литургики, *священника И. В. Гумилевскаго:*

„Разсматривая означенные труды съ точки зрѣнія ихъ сравнительнаго значенія, мы прежде всего останавливаемъ вниманіе Совѣта на второмъ трудѣ автора: „Историческій обзоръ чинопослѣдованія проскомидіи до „Устава литургіи" константинопольскаго патріарха Филоѳея". (Стр. I—IV + 1—320 печатнаго текста). Въ основѣ этого сочиненія лежитъ кандидатская работа автора, которую почившій профессоръ А. П.

Голубцовъ, извѣстный своею требовательностью и объективностью своихъ оцѣнокъ, отмѣтилъ высшимъ балломъ 5+ (пять съ плюсомъ) во вниманіе къ обширности, полнѣйшей самостоятельности и цѣнности труда въ научномъ отношеніи. Уже это одно характеризовало научные пріемы автора съ лучшей стороны. И такъ какъ въ числѣ недостатковъ была поставлена на видъ автору главнымъ образомъ внѣшне-формальная необработанность сочиненія, то при изданіи своего труда авторъ и обратилъ главное вниманіе на то, чтобы придать своей работѣ по возможности сжатый и стилистически законченный видъ. Не ограничиваясь этимъ, авторъ продолжилъ свой трудъ самоличнаго изученія рукописнаго и печатнаго матеріала, упорядочивая и дополняя свою работу. Тѣмъ самымъ авторъ привелъ свое сочиненіе въ тотъ надлежащій видъ, въ которомъ оно давно могло удовлетворять своей настоящей цѣли.

Конечно, съ точки зрѣнія даннаго момента могли бы поставить на видъ автору, что литургійный текстъ не представленъ имъ въ желательной полнотѣ. Но въ извиненіе автора говоритъ хронологическая дата его сочиненія (1895 г.): въ свое время онъ не могъ имѣть подъ руками позднѣйшихъ изданій литургійнаго текста. А главное все новое въ этомъ направленіи не измѣняетъ существенно основной синтетической задачи автора—установить общія эпохи проскомидійнаго чина.—Можно бы, далѣе, указать автору на несовременность его пріемовъ литургической разработки вопроса. Авторъ опредѣляется синтетической точкой зрѣнія: онъ отправляется отъ аналогій, какъ общихъ признаковъ между послѣдованіями проскомидіи, великаго входа и евхаристіи. Выдѣливъ эти признаки и представивъ ихъ въ наглядной таблицѣ, авторъ пользуется ими, какъ доказательствами, предрѣшающими способъ образованія проскомидіи изъ евхаристіи и установку общихъ эпохъ ея исторіи, а затѣмъ уже литургическій матеріалъ разсматривается въ порядкѣ предположенныхъ эпохъ, а въ каждой эпохѣ въ порядкѣ хронологическомъ съ подчеркиваніемъ опредѣлившихся общихъ признаковъ. Тѣмъ самымъ общіе признаки выступаютъ въ исторической перспективѣ, устанавливается своего рода историко-генетическая связь въ послѣдованіяхъ проскомидіи, великаго входа и евхаристійнаго канона, ана-

логіи получаютъ научное оправданіе. Такъ мыслитъ авторъ. Въ наши же дни признается необходимымъ критическое сравненіе и установка самаго текста. Съ этой точки зрѣнія автору надлежало начать съ исторіи самаго текста литургіи и проскомидіи въ его хронологическомъ движеніи и потомъ уже переходить къ обобщеніямъ. Но такъ какъ интуиція синтеза не безполезна для науки при постановкѣ гипотезъ; а авторъ не претендуетъ выступать изъ рамокъ гипотезы; то положеніе его и въ этомъ случаѣ остается довольно твердымъ.—Конечно, хорошо бы было, если бы проскомидія была доведена до нашихъ дней. Чувствуется неполнота. Но и что сдѣлано—представляетъ самый интересный періодъ въ исторіи проскомидіи и сдѣлано хорошо.

Въ своей работѣ авторъ не измѣняетъ тѣмъ достоинствамъ, которыми такъ полно и опредѣленно охарактеризована его кандидатская работа. Въ отношеніи этихъ достоинствъ мы вполнѣ стоимъ на точкѣ зрѣнія своего предшественника. „Сочиненіе свидѣтельствуетъ о необычномъ, въ высшей степени добросовѣстномъ отношеніи автора къ своему дѣлу; обнаруживаетъ въ немъ широкое знакомство съ источниками и пособіями, относящимися къ исторіи проскомидіи. Съ литургійными записями, толкованіями на литургію, съ разнаго рода памятниками каноническаго, учительнаго и историко-догматическаго характера, относящимися къ данному предмету, авторъ, за рѣдкими исключеніями, знакомился непосредственно, стараясь всегда опредѣлить ихъ дѣйствительное значеніе и взаимное мѣсто въ историко-хронологическомъ отношеніи. Лучшія изслѣдованія, иностранныя и отечественныя, въ области богослуженія не только извѣстны ему, но нерѣдко и оцѣнены въ сочиненіи со стороны своего научнаго достоинства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изысканія автора въ области русской проскомидіи. Собранный имъ для исторіи послѣдней матеріалъ изъ рукописныхъ книгохранилищъ, равно какъ изъ множества старопечатныхъ, московскихъ и южнорусскихъ изданій, составляетъ довольно цѣнный вкладъ въ нашу скудную литургическую литературу. Нельзя не одобрить также похвальной черты автора—не останавливаться на собраніи матеріала, на фактахъ, а проникать внутрь ихъ, сообщать имъ историческое освѣщеніе, дѣлать изъ нихъ надлежащіе выводы“ (Журн. Сов. М. Д. А.

1889 г.). Всѣ эти достоинства, которымъ авторъ остался вѣренъ при обработкѣ своего сочиненія, дѣлаютъ его вполнѣ достойнымъ степени магистра богословія и независимо отъ другихъ его сочиненій. Тѣмъ съ бо́льшею рѣшительностью мы признаемъ это, принимая во вниманіе и послѣднія.

2) Сочиненіе автора „Къ матеріаламъ для исторіи чиноследованія литургіи". Сергіевъ Посадъ. 1895 г. стр. I—IX + 1—128—служитъ естественнымъ приложеніемъ къ предыдущему сочиненію: здѣсь авторомъ издана къ общему пользованію небольшая часть изъ тѣхъ матеріаловъ, на которые опирается его предыдущая работа. Со стороны автора изданіе этихъ матеріаловъ было актомъ похвальной скромности по отношенію къ собственной работѣ: онъ не считаетъ ее исчерпывающей означенные матеріалы и не исключаетъ иной точки зрѣнія на предметъ, предоставляя инымъ работникамъ разрабатывать эти матеріалы въ иномъ направленіи и облегчая этимъ изданіемъ ихъ трудъ. Конечно, для нашихъ дней часть этихъ матеріаловъ отслужила уже свою ученую службу, уступивъ мѣсто новымъ изданіямъ литургійнаго текста [см. напр. стр. II: I); V: VII), VIII)], часть является перепечаткой съ другихъ изданій (напр. стр. II: III). Но рядомъ съ этимъ находятся матеріалы, которые и донынѣ играютъ роль вспомогательныхъ матеріаловъ (напр. стр. VI: IX; X), да и всѣ матеріалы въ общемъ получили право гражданства въ наукѣ, какъ одно изъ изданій литургическаго текста, какъ одно изъ явленій исторіи послѣдняго. Относительно самаго изданія можно бы указать на нѣкоторые техническіе недочеты: такъ, напримѣръ, было бы болѣе желательнымъ параллельное изданіе греческаго и славянскаго текстовъ толкованія на литургію св. Германа, патріарха константинопольскаго, какъ наиболѣе отвѣчающее научно-практическимъ цѣлямъ. Не излишенъ былъ бы для читателя не спеціалиста переводъ греческихъ текстовъ въ томъ случаѣ, когда они не имѣютъ параллельнаго славянскаго текста. Но вмѣстѣ замѣтно высокаго достоинства стремленіе автора издавать текстъ съ варіантами его различныхъ редакцій (стр. 25—42), что значительно должно облегчать работу при установкѣ оригинальнаго текста. Въ общемъ это авторское изданіе — весьма цѣнное документальное приложеніе къ предыдущему труду.

3) Намъ остается разсмотрѣть послѣдній трудъ автора: О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи. Москва. 1897 г. Стр. I—VI+1—135. Сочиненіе распадается на двѣ части. Первая посвящена доказательству слѣдующаго положенія: поминовеніе безплотныхъ силъ на проскомидіи не соотвѣтствуетъ таинственно-догматическому значенію сего священнодѣйствія. Это положеніе расчленяется слѣдующимъ образомъ: Таинственное догматическое знаменованіе проскомидіи (глава первая).—Ангелы, какъ существа безгрѣшныя, не подлежали искупленію и не суть члены церкви земной. Посему Церковь не воспоминаетъ ихъ на проскомидіи и за евхаристіей (глава вторая).—Цѣль и значеніе проскомидійныхъ частицъ и евхаристійныхъ воспоминаній Пресв. Богородицы и прочихъ святыхъ, получившихъ искупленіе и вмѣстѣ съ безплотными силами составляющихъ небесную церковь (глава третья).—Ученіе о присутствіи и сослуженіи безплотныхъ силъ при совершеніи евхаристіи (глава четвертая).— Вторая часть сочиненія говоритъ объ историческомъ происхожденіи поминовенія безплотныхъ силъ на проскомидіи въ слѣдующихъ тезисахъ: поминовеніе безплотныхъ силъ на проскомидіи встрѣчается въ древнихъ литургическихъ памятникахъ (глава первая) и объясненіе происхожденія поминовенія безплотныхъ силъ на проскомидіи въ древнѣйшихъ служебникахъ вліяніемъ литійныхъ молитвъ (глава вторая). Въ защиту своей точки зрѣнія авторъ то анализируетъ самое чинопослѣдованіе проскомидіи,—то опирается на толкованія іерусалимскаго патріарха Софронія, констант. патріарха Германа, ѳессалоникійскаго архіеписк. Николая Кавасилы, архіеп. Сѵмеона Солунскаго, пресвитера Іоанна Наѳанаила, констант. патріарха Паисія I (глава первая),—то прибѣгаетъ подъ защиту Свящ. Писанія, св. Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина, Ѳеофилакта Болгарскаго, Филарета черниговскаго, Филарета московскаго, архимандрита Павла (Прусскаго) и даже подъ защиту редакцій Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и Руководства для сельскихъ пастырей (глава вторая),—то доказываетъ свои тезисы св. Кирилломъ Іерусалимскимъ, блаж. Августиномъ, св. Епифаніемъ Кипрскимъ, догматическимъ богословіемъ митрополита Макарія, Сѵнодскими Церковными Вѣдомостями (глава третья), Григоріемъ Двоесловомъ и преп.

Ниломъ Синайскимъ (глава четвертая),—то обосновывается на древнихъ литургическихъ памятникахъ: греческихъ, славяно-русскихъ и южно-славянскихъ (часть вторая). Тезисы автора и его аргументація краснорѣчиво доказываютъ, что его сочиненіе служитъ цѣлямъ полемическимъ. Какъ полемистъ, авторъ практиченъ въ постановкѣ тезисовъ, систематиченъ въ ихъ изложеніи, ясенъ, опредѣлененъ и доказателенъ. Но, что для насъ особенно важно, онъ старается быть объективнымъ, пытаясь обосноваться на историко-литургическихъ положеніяхъ. Этотъ трудъ высоко цѣнился извѣстнымъ ревнителемъ православія, проф. Субботинымъ. И въ наши дни онъ не потерялъ значенія серьезной полемической книги. Если прибавить къ этому, что книга автора является законченнымъ логически-стройнымъ изложеніемъ предмета, то станетъ яснымъ, что она обладаетъ и независимою научно-богословскою цѣнностью. Разсматривая же относительно, мы этотъ трудъ считаемъ естественнымъ дополненіемъ къ первому труду, такъ какъ въ немъ размышленіе о проскомидіи, хотя и по частному вопросу объ одномъ изъ элементовъ проскомидіи, доводится до нашихъ дней.

Выводъ, къ которому мы пришли на основаніи разсмотрѣнія означенныхъ сочиненій: разсматривая сочиненія автора, какъ однородный, хотя и разновременный трудъ, посвященный изслѣдованію проскомидійнаго чина, мы считаемъ его вполнѣ и давно заслуживающимъ степени магистра богословія".

б) Ординарнаго профессора по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго*:

„Отецъ Муретовъ, указавъ, что въ греческомъ Евхологіи предписывается вынимать первую частицу изъ третьей просфоры не въ честь „честнаго славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна", какъ въ нашемъ славянскомъ Служебникѣ, а „въ честь и память всеславныхъ чиноначальниковъ Михаила, Гавріила и всѣхъ небесныхъ силъ", рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу обычая нашей церкви. Это составляетъ первую часть его диссертаціи „О поминовеніи безплотныхъ силъ". Вторая часть ея посвящена выясненію историческаго происхожденія этого греческаго обычая. По мнѣнію автора,

этотъ обычай произошелъ вслѣдствіе вліянія діаконской молитвы, читаемой на литіи всенощнаго бдѣнія, на формулы поминовенія на второй, третьей и другихъ просфорахъ: когда обычай проскомисать другія, кромѣ агнчей, просфоры сталъ входить въ церковное употребленіе, то для поминовенія на этихъ просфорахъ воспользовались готовой формулой, именно діаконской молитвой на литіи вечерни, въ которой читаются слова: „силою честнаго и животворящаго креста, предстательствомъ честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ“.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ о. Муретовымъ кажется мнѣ вполнѣ правильнымъ. Я отмѣчу лишь нѣкоторые частные недосмотры, главнымъ образомъ изъ области греческаго языка, такъ какъ автору приходится все время имѣть дѣло съ греческими текстами, при чемъ по б. ч. онъ даетъ переводъ ихъ—или свой собственный, или заимствованный имъ у другихъ. Греческій языкъ о. Муретовъ въ общемъ знаетъ хорошо: уже и нѣкоторые изъ болѣе раннихъ его трудовъ посвящены переводамъ греческихъ оригиналовъ, напр. имъ переведено твореніе Св. Діонисія Александрійскаго „о природѣ“, „Сказаніе Св. Григорія Декаполита о чудесномъ видѣніи одного сарацина“. Въ разсматриваемомъ нами теперь трудѣ можно указать лишь немногіе, да и то неважные, случаи неточныхъ переводовъ.

На стр. 1 и 87 не вполнѣ точно переведено имъ слово *παμμεγίστων* посредствомъ „всеславныхъ“.—На той же стр. *οἰκονομίας* понято слишкомъ узко въ смыслѣ „воплощенія“ въ переводѣ мѣста изъ Симеона Солунскаго, заимствованномъ изъ „Писаній отцовъ и учителей церковныхъ, относящихся къ истолкованію православнаго богослуженія“, гдѣ такой переводъ, въ свою очередь, явился, вѣроятно, подъ вліяніемъ латинскаго перевода этого слова incarnationis, даннаго въ изданіи Migne'я. Правда, иногда *οἰκονομία* попадается въ этомъ узкомъ значеніи: но гораздо чаще оно употребляется въ болѣе широкомъ смыслѣ, означая все совершенное Христомъ на землѣ для спасенія рода человѣческаго, начиная съ Его воплощенія и кончая Его страданіемъ. Но здѣсь идетъ рѣчь о служеніи ангеловъ не въ одномъ только воплощеніи Христа: въ приведенной о. Муретовымъ на стр. 7 выпискѣ изъ книги Аквилонова указываются и другіе случаи служенія ангеловъ

въ домостроительствѣ человѣческаго спасенія. Поэтому болѣе соотвѣтствуютъ смыслу слова *οἰκονομία* выраженія, употребленныя самимъ же о. Муретовымъ въ другихъ мѣстахъ его книги: „искупительный подвигъ Христа Спасителя, или домостроительство нашего спасенія“ (стр. 45) (также на стр. 7 „домостроительство человѣческаго спасенія“) или „смотрѣніе“, какъ передано слово *οἰκονομία* въ „Скрижали“ патріарха Никона (на стр. 3 у о. Муретова).

На стр. 2. *κομιζόμενοι ἀνάβασιν* передано въ томъ же переводѣ изъ „Писаній“ словами „подвизаясь въ (постепенномъ) восхожденіи (къ совершенству)“. Вмѣсто этого выраженія лучше было бы употребить болѣе ясное и болѣе точное „получая восхожденіе“: рѣчь идетъ о томъ, что ангелы, чрезъ участіе въ таинствахъ церкви, сами постепенно восходятъ къ совершенству. Кстати надо было бы указать здѣсь на то, что эту фразу пресвитеръ Іоаннъ Наѳанаилъ въ приведенной у о. М. на стр. 3 цитатѣ понимаетъ иначе, передавая ее на ново-греческій языкъ словами *φέρνοντας τὴν ἀνάβασιν ἡμῶν ἀπὸ τῆς γῆς πρὸς τοὺς οὐρανούς*, что въ „Скрижали“ патріарха Никона переведено „носяще сіи восхожденіе наше отъ земли на небеса“.

На стр. 23, прим. 17, очевидно, невѣрно приведена дата греческой грамоты (*Ἐπιστολὴ κανονικὴ πρὸς Νίκωνα πατριάρχην Ῥωσίας*): указанъ годъ *ατε* (т. е. 1055): вѣроятно, надо *αχτε* (т. е. 1655).

На стр. 49—53 приводится въ русскомъ переводѣ длинная цитата изъ творенія Ѳеодора Андидскаго „Краткое разсужденіе о таинахъ и образахъ божественной литургіи“. Судя по ссылкѣ на Migne'я въ примѣч. 46, можно было бы думать, что это—переводъ самого о. Муретова: на самомъ же дѣлѣ это—выписка изъ перевода, сдѣланнаго Красносельцевымъ (Казань. 1884 г.).

На стр. 58 выраженіе *εἰς δόξαν καὶ τιμὴν* (*τῆς... Θεοτόκου*) неточно переведено „въ честь и память (Богородицы)“.

На стр. 86 слово *πρεσβεία* переводится различно въ двухъ цитатахъ: въ одной — „молитвы“, въ другой — „ходатайствомъ“.

На стр. 110 *ἄκροις δακτύλοις* переведено неясно „крайними перстами“, что можно понять въ смыслѣ „перстами, находящимися на краяхъ руки“, т. е. большимъ пальцемъ и

мизинцемъ; тогда какъ здѣсь разумѣются концы пальцевъ (какихъ именно, не сказано).

На стр. 111 оставлено безъ перевода выраженіе *καὶ τῶν ἐντειλαμένων ἡμῖν.*

Болѣе важнымъ недосмотромъ является слѣд. Сказавъ на стр. 28, что „не для безгрѣшныхъ ангеловъ требовалось воплощеніе Спасителя, не для нихъ Онъ родился въ Виѳлеемѣ, жилъ, шелъ на Голгоѳу, „яко овча на заколеніе", и умеръ на крестѣ, какъ агнецъ, и проч.", авторъ въ подтвержденіе этой мысли приводитъ на стр. 29—31, между прочимъ, мѣсто Евр. 2, 16 *οὐ γὰρ δήπου ἀγγέλων ἐπιλαμβάνεται, ἀλλὰ σπέρματος Ἀβραὰμ ἐπιλαμβάνεται* съ толкованіями этого мѣста Св. Іоан. Златоуста и Св. Ефрема Сирина. „Русскій переводъ", говоритъ онъ, „буквально передающій греческій текстъ, даетъ ясно видѣть, что Христосъ искупилъ не ангеловъ, а людей: *ибо (вѣдь) не ангеловъ воспріемлетъ Онъ, но воспріемлетъ сѣмя Авраамово*". Мнѣ кажется, этотъ переводъ нельзя назвать яснымъ: повидимому, его надо понимать въ смыслѣ: „Онъ воспріемлетъ не ангельскую природу, а человѣческую" (какъ объясняется въ Толковой Библіи Лопухина, т. XI, стр. 446), а этотъ смыслъ вовсе не очень легко извлекается изъ туманныхъ словъ русскаго перевода. Затѣмъ, этотъ смыслъ, который придаетъ нашему мѣсту и Златоустъ въ приведенномъ у о. Муретова толкованіи его („не въ ангельское естество облекся Онъ, но въ человѣческое"), едва ли можетъ служить прямымъ подтвержденіемъ мысли, что Христосъ воплотился, жилъ на землѣ и страдалъ не ради ангеловъ, а ради людей. Объясненіе же Св. Ефрема Сирина („не отъ ангеловъ пріемлете вы это животворное врачество жизни вашей, но отъ Самого Сѣмени Авраама") уже совершенно напрасно приводится о. Муретовымъ въ подтвержденіе той же мысли, тѣмъ болѣе, что Св. Ефремъ, надо думать, имѣлъ какое-то разночтеніе въ текстѣ Посланія и придалъ ему совсѣмъ другой смыслъ сравнительно съ нашимъ текстомъ. Такимъ образомъ мѣсто изъ Посланія къ Евреямъ, если понимать его въ томъ смыслѣ, который придаетъ ему, повидимому, русскій переводъ и Златоустъ, не можетъ служить подтвержденіемъ мысли нашего автора. Между тѣмъ, оно вполнѣ годилось бы для этой цѣли, если бы о. Муретовъ воспользовался тѣмъ толкованіемъ его, которое

принято въ комментаріи B. Weiss'a и во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ греческихъ словаряхъ къ Новому Завѣту, а именно, что *ἐπιλαμβάνεσθαι* надо понимать здѣсь въ смыслѣ „помогать". Тогда получается такой смыслъ: „ибо вѣдь не ангеламъ помогаетъ Онъ, но помогаетъ сѣмени Авраамову", что̀ годится уже вполнѣ и прямо въ подтвержденіе его мысли.

Едва ли правильно и пониманіе мѣста Кол. 1, 20 *δι' Αὐτοῦ ἀποκαταλλάξαι τὰ πάντα εἰς Αὐτόν* на стр. 34, гдѣ о. Муретовъ приводитъ мнѣніе архіепископа Черниговскаго Филарета безъ всякой оговорки, — повидимому, соглашаясь съ нимъ, что „естественный и вѣрный Писанію переводъ: чрезъ Него и *для Него* примирить все", такъ какъ будто бы славянскій переводъ „примирити къ Себѣ" и русскій „съ Собою" не годятся, потому что „а) надлежало бы тогда читать *ἀποκαταλλάξαι ἑαυτῷ*, какъ читается 2 Кор. 5. 18, 19; б) *εἰς αὐτόν* никогда не означаетъ—съ Собою". Возраженіе арх. Филарета, слѣд., основано на двухъ пунктахъ: на неправильномъ, будто бы, употребленіи мѣстоименія *αὐτός* вмѣсто возвратнаго мѣстоименія и на неправильномъ, будто бы, употребленіи предлога *εἰς* съ вин. п. вмѣсто простого дат. пад. И то и другое возраженіе не достаточно сильно, такъ какъ и *αὐτός* въ языкѣ Новаго Завѣта можетъ употребляться вмѣсто возвратнаго мѣстоименія (особенно послѣ предлога, какъ въ нашемъ мѣстѣ), и предлогъ *εἰς* въ языкѣ Новаго Завѣта мы находимъ во многихъ мѣстахъ тамъ, гдѣ въ классическомъ языкѣ былъ бы предлогъ *πρός* или *ἐπί* (см. Blass, Grammatik des Neutest. Griechisch, II изд., § 39, 5), а при гл. *καταλλάσσειν* у Ѳукидида и Аристотеля употребляется *πρός* съ вин. пад. (см. Cremer, Biblisch-theologisches Wörterbuch der Neutest. Gräcität, IX изд., стр. 143).

Указанные мною недосмотры всѣ относятся къ числу маловажныхъ и нисколько не подрываютъ вѣрности основныхъ положеній о. Муретова. Вообще же эта диссертація представляетъ собою солидный ученый трудъ, въ которомъ онъ ясно и логично доказываетъ высказанныя имъ мысли.

2) Она представляетъ собою какъ бы продолженіе другого, болѣе ранняго труда о. Муретова „Историческій обзоръ чинопослѣдованія проскомидіи до „Устава литургіи" Константинопольскаго патріарха Филоѳея", Москва, 1895, въ которомъ авторъ подробно изслѣдуетъ исторію проскомидіи, начиная со временъ первохристіанскихъ, когда не было проскомидіи не

только въ ея теперешнемъ видѣ, но даже и вообще какъ особой отъ Евхаристіи части литургійнаго чина, а были только главные элементы этого чина, входившіе въ составъ разныхъ частей евхаристійнаго послѣдованія, — вплоть до патріарха Филоѳея (во 2-ой половинѣ XIV в.), давшаго Православно-восточной церкви однообразный уставъ литургіи, который весьма скоро послѣ своего появленія былъ переведенъ и на славянскій языкъ—въ Болгаріи Тырновскимъ патріархомъ Евѳиміемъ, а въ Россіи—митрополитомъ Кипріаномъ. Изслѣдованіе о. Муретова носитъ вполнѣ научный характеръ и все время ведется на основаніи литургическихъ памятниковъ разныхъ эпохъ, начиная съ Новаго Завѣта, при чемъ автору во многихъ случаяхъ приходится имѣть дѣло и съ рукописями. Бо́льшая часть этихъ памятниковъ —на греческомъ языкѣ, на который я обратилъ главное вниманіе при разсмотрѣніи также и этого сочиненія. И въ немъ нашъ авторъ выказалъ себя хорошимъ эллинистомъ; ошибки и неточности, правда, попадаются, но ихъ немного, и онѣ неважны и не вліяютъ на сущность его изслѣдованія. Укажу для примѣра на слѣд.

На стр. 70 въ переводѣ мѣста изъ *Διδαχή* гл. 14 *ἵνα μὴ κοινωθῇ ἡ θυσία ὑμῶν* онъ не понялъ значенія слова *κοινωθῇ* (которое, кстати сказать, ошибочно напечатано *καινωθῇ*): „дабы не пріобщалась ему жертва ваша“ вмѣсто „дабы не была осквернена жертва ваша“.

На той же стр. въ переводѣ мѣста изъ 1 Посланія Климента Римскаго гл. 41 *οὐ πανταχοῦ προσφέρονται θυσίαι ἐνδελεχισμοῦ* онъ дѣлаетъ странныя примѣчанія къ нему въ скобкахъ: „не повсюду приносятся жертвы (*ἐνδελεχισμοῦ*) постоянныя (perpetua)“, т. е. какъ будто, по мнѣнію автора, *ἐνδελεχισμοῦ* значитъ „жертвы“; но на самомъ дѣлѣ это слово значитъ само по себѣ „безпрерывная продолжительность“, и это слово авторъ долженъ былъ бы поставить въ скобкахъ не послѣ „жертвы“, а послѣ „постоянныя“; а для чего попало сюда perpetua изъ латинскаго перевода, неизвѣстно.

На стр. 68, говоря о „верхнихъ и сокровенныхъ комнатахъ“ у Евреевъ, онъ приводитъ какъ одно изъ названій ихъ *κατάλυμα* (тоже съ опечаткой—*κατάλομμα*) изъ Ев. Луки 22, 11: но оно не заключаетъ въ себѣ понятія ни о верхнемъ этажѣ, ни о сокровенности.

3) Приложеніемъ къ этому изслѣдованію служитъ книга „Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургіи“, Сергіевъ Посадъ, 1895, заключающая въ себѣ 128 стр. разныхъ греческихъ и славянскихъ текстовъ, выписанныхъ непосредственно изъ рукописей самимъ авторомъ,—текстовъ, которые были нужны ему для предыдущаго изслѣдованія. Эта книга, хотя и не представляющая по самому замыслу своему самостоятельнаго цѣлаго, а являющаяся лишь приложеніемъ къ другому сочиненію, тѣмъ не менѣе должна быть тоже поставлена въ заслугу о. Муретову: не говоря уже о трудѣ, котораго требуетъ разыскиванье и списыванье рукописныхъ текстовъ, для этого необходимо также знакомство съ палеографіей, греческой и славянской, и навыкъ въ чтеніи рукописей, безъ котораго нельзя разобрать иногда ни одной строки въ рукописи.

Всѣ указанныя достоинства этихъ трехъ работъ о. Муретова, составляющихъ въ общей сложности 583 страницы, даютъ мнѣ полную возможность ходатайствовать предъ Совѣтомъ о присужденіи ему степени магистра богословія“.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.— 2) *О. протоіерей С. Д. Муретовъ* окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1889 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. — 3) По *§ 109*, лит. *а* п. 15, академическаго устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленные на соисканіе степени магистра богословія *о. протоіереемъ С. Д. Муретовымъ* труды подъ вышеуказанными заглавіями достаточными для сей степени,—

допустить о. протоіерея Муретова къ защитѣ сочиненій на коллоквіумѣ. — 2) Оффиціальными оппонентами назначить экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ литургики, *священника И. В. Гумилевскаго* и ординарнаго профессора по каѳедрѣ греческаго языка *С. П. Соболевскаго.* — 3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ 65-ти экземпляровъ каждаго изъ вышеуказанныхъ трудовъ его, войти съ нимъ въ соглашеніе относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

III. Прошеніе г. приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета и преподавателя Высшихъ женскихъ юридическихъ и историко-филологическихъ курсовъ В. А. Полторацкой, магистра богословія, *Александра Покровскаго*:

„Представляя экземпляры своего новаго печатнаго труда: „Соборы древней церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Съ тремя приложеніями и двумя картами. XX+720 стр. Сергіевъ Посадъ, 1914 г.“— покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его, въ качествѣ диссертаціи на соисканіе степени доктора каноническаго права“.

Справка: 1) Г. приватъ-доцентъ *А. И. Покровскій* окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи, со степенью кандидата богословія, въ 1897 году.—Степени магистра богословія удостоенъ Совѣтомъ названной Академіи за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Библейское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія“. Троице-Сергіева Лавра, 1901 г. и утвержденъ въ этой степени указомъ Святѣйшаго Синода отъ 17 мая 1901 года за № 3332.— 2) Устава духовныхъ академій § 109, лит. *а* п. 15.

Опредѣлили: Докторскую диссертацію г. приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета А. И. Покровскаго передать для разсмотрѣнія ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ церковнаго права *А. И. Алмазову.*

IV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ докторской диссертаціи приватъ-

доцента А. И. Покровскаго онъ назначаетъ доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) *священника* Московской Николоявленской, на Арбатѣ, церкви, кандидата богословія, *Василія Соколова:*

„Возбужденное мною дѣло о соисканіи ученой степени магистра богословія за представленное въ Совѣтъ Академіи сочиненіе на тему: „Леонтій Византійскій, его жизнь и литературные труды“ (въ рукописи) вслѣдствіе измѣнившихся у меня намѣреній я покорнѣйше прошу Васъ прекратить“.

Справка: Магистерская диссертація священника Соколова принята была къ разсмотрѣнію по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 октября 1912 года.

Опредѣлили: Сочиненіе кандидата богословія *священника Василія Соколова* на вышеуказанную тему возвратить автору, согласно его прошенію, и дѣло о соисканіи имъ степени магистра богословія считать прекращеннымъ.

VI. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей, кандидата богословія, *священника І. М. Смирнова:*

„Въ виду истеченія двухгодичнаго срока, даннаго для подачи сочиненія на ученую степень магистра богословія, — имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи этого срока еще на одинъ годъ. Обращаться съ настоящей просьбою вынуждаютъ меня обширность темы сочиненія и сложность ея выполненія“.

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 13 апрѣля 1912 года за № 5204 кандидатъ богословія *священникъ І. М. Смирновъ* утвержденъ былъ въ должности преподавателя Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей, въ званіи и. д. доцента.

съ 14 марта 1912 года.—2) По § 67 устава духовныхъ академій: „Для полученія должности доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія. *Примѣчаніе.* На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года".

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *священника І. М. Смирнова* заслуживающею уваженія,—просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи священнику Смирнову срока представленія магистерской диссертаціи *до 14 марта будущаго 1915 года.*

VII. а) Представленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Согласно § 79 академическаго устава долгъ имѣю представить въ Совѣтъ *отчетъ и. д. доцента іеромонаха Пантелеимона* о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ Аѳона, куда онъ былъ командированъ по постановленію Совѣта на одинъ годъ. Предъ отправленіемъ въ командировку о. Пантелеимону мной была дана инструкція для занятій въ томъ смыслѣ, чтобы онъ занялся главнымъ образомъ изученіемъ рукописей, изданій и твореній преп. Симеона Н. Богослова, а если позволитъ время, то и твореніями св. отцовъ и писателей періода послѣ золотого вѣка, что составляетъ предметъ его каѳедры.

Какъ видно изъ отчета, о. Пантелеимонъ съ пользою провелъ время на Аѳонѣ, работая въ библіотекахъ разныхъ монастырей и нашелъ много для себя полезнаго на предметъ изученія имъ твореній преп. Симеона Н. Богослова.

Считаю отчетъ о. Пантелеимона интереснымъ въ научномъ отношеніи и цѣннымъ и потому нахожу полезнымъ напечатать его въ „Богословскомъ Вѣстникѣ".

б) Отчетъ *и. д. доцента* Академіи по второй каѳедрѣ патрологіи *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 октября 1912 года за № 15913 командированнаго, согласно ходатайству Совѣта Академіи, на 1912—1913 учебный годъ для научныхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, о сихъ занятіяхъ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Докладъ коммиссіи (въ составѣ о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго* и доцента *іеромонаха Варѳоломея)*, производившей ревизію кассы, приходо-расходныхъ книгъ и отчета редакціи академическаго журнала по изданію „Богословскаго Вѣстника" и святоотеческихъ твореній за 1913-годъ:

„Имѣемъ честь донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ порученія отъ 28-го марта текущаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника" и нашли слѣдующее:

1) Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости.

2) Отчетъ за 1913-й годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3) Приходо-расходныя. кассовыя и вспомогательныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности; всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4) Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ, а тамъ, гдѣ онѣ имѣются, оговорены надлежащимъ образомъ и скрѣплены подписью г. секретаря редакціи; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5) На всѣ расходы, произведенные редакціей, имѣются счета, росписки и другіе оправдательные документы".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношенія:

а) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 31 мая за № 2881, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи книгъ: 1) Henne-Am Rhyn, Kulturgeschichte des Iudentums, 1880 г. и 2) Hildebrandt, Iud's Verhältniss zu Assyrien in Iesaja's Zeit. Marburg, 1874.

б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 2 іюня за № 1750, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвра-

щенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 28 апрѣля с. г. за № 219.

в) Библіотеки Императорскаго Университета Св. Владиміра, отъ 30 мая за № 538, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи книги: Ch. De Smedt. Principes de la critique historique. Paris, 1883.

г) Завѣдующаго Хлудовскою библіотекой рукописей и старопечатныхъ книгъ о. архимандрита Никанора, отъ 29 мая за № 86, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи подъ № 32.

д) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 28 мая за № 1712, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій ординарнаго профессора Академіи М. М. Тарѣева, книгъ: 1) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassale. Stuttgardt, 1902 (четыре тома) и 2) Отрывки изъ дневника Анри-Фредерика Аміэля. Спб. 1892.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Представленіе *Библіотечной Коммиссіи*, отъ 2 іюня за № 1213:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической библіотеки изданія, значащіяся въ прилагаемыхъ при семъ заявленіяхъ академическихъ преподавателей за №№ 1210 (Проф. С. И. Соболевскаго), 619 (Проф. С. С. Глаголева), 606 и 623 (Проф. П. П. Соколова), 1481, 1482 и 1483 (Проф. И. В. Попова), 408, 409, 410 и 625 (Проф. С. И. Смирнова), 81 (Проф. свящ. Е. А. Воронцова), 608, 609, 610, 620 и 1435 (Проф. А. П. Орлова). 605 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 615 (Проф. Н. Л. Туницкаго), 624, 1205, 1433 и 1434 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 611 и 612 (Доцента іеромонаха Варѳоломея), 166 (И. д. доцента Свящ. П. А. Флоренскаго), 613 (И. д. доцента Ѳ. М. Россейкина), 614 и 626 (И. д. доцента В. П. Виноградова), 663, 862, 1164 и 1165 (И. д. доцента іеромонаха Пантелеимона), 627 (И. д. доцента Ѳ. К. Андреева), 622, 812, 1491 и 1492 (И. д. доцента А. В. Ремезова), 616 (Лектора А. К. Мишина), 607 и 617 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго) и 621 (Лектора Г. Я. Томсона).

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической библіотеки означенныя въ заявленіяхъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XI. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска минувшаго 1913 года *Николая Никольскаго:*

„Имѣю честь просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ переработать мое кандидатское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Русская церковь въ смутное время“ на предметъ соисканія ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюля 1895 года за № 2565.—2) Кандидатское сочиненіе профессорскаго стипендіата Никольскаго отмѣчено было высшимъ балломъ 5.

Опредѣлили: 1) Дозволить профессорскому стипендіату Николаю *Никольскому* переработать его кандидатское сочиненіе на вышеуказанную тему въ магистерскую диссертацію. 2) Постановленіе сіе представить на утвержденіе Его Преосвященства.

XII. а) Прошеніе студента II курса Императорской Казанской Духовной Академіи *Александра Смирнова* (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи):

„Не имѣя возможности продолжать свое богословское образованіе въ Императорской Казанской Духовной Академіи вслѣдствіе климатическихъ условій города Казани, покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, принять меня въ число студентовъ 2-го курса ввѣренной Вашему руководству Московской Духовной Академіи.

Прилагаю при семъ свидѣтельство академическаго врача“.

б) Отношеніе Исп. об. Ректора Императорской Казанской Духовной Академіи, Инспектора оной *архимандрита Гурія*. отъ 31 мая за № 2882:

„Симъ свидѣтельствую, что студентъ I-го курса ввѣренной мнѣ Императорской Казанской Духовной Академіи Смирновъ Александръ Димитріевичъ, сынъ діакона Воскресенскаго собора г. Корчевы, Тверской губ. (епархіи), 21 года

(родился 15 ноября 1892 года), въ Академію поступилъ въ августѣ 1913 года подъ № 36 изъ 55, въ теченіи 1913—1914 уч. года зарекомендовалъ себя прекраснымъ юношей, при поведеніи отличномъ онъ оказалъ слѣдующіе успѣхи по предметамъ учебнаго курса: по Священному Пис. Ветх. Завѣта отличные (5); патрологіи—хорошіе (4,50); основному богословію—отличные (5); исторіи и облич. рус. сект.—отличные (5); психологіи—отличные (5); исторіи русской литературы—отличные (5); французскому языку—отличные (5); латинскому — отличные (5). Третныя сочиненія отмѣчены баллами—4. 4. 5=; поученіе—4.

Въ разрядномъ спискѣ курса онъ занялъ № 12 изъ 56 успѣшно окончившихъ годъ и имѣющихъ быть переведенными на слѣдующій курсъ до лѣтнихъ каникулъ.

Къ переходу его въ Московскую Академію препятствій не встрѣчается.

Увольнительное свидѣтельство г. Смирнова и прочіе документы его могутъ быть высланы въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи по полученіи въ Правленіи Академіи извѣстія о пріемѣ его въ Московскую Академію и увольненія изъ Казанской Академіи".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 146:* „Переходъ студентовъ изъ одной Академіи въ другую производится на основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) Студентъ, принятый въ одну Академію, можетъ перейти въ другую только къ началу учебнаго года, если представитъ одобрительное свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи изъ той Академіи, въ которой учился. Онъ поступаетъ на тотъ курсъ и на ту группу предметовъ, на какихъ былъ въ прежней Академіи. 3) Переходящій изъ одной Академіи въ другую можетъ быть принятъ на синодальную или частную стипендію только тогда, когда есть вакансія, а пансіонеромъ или полупансіонеромъ можетъ быть принятъ, если окажется мѣсто въ академическомъ общежитіи".

Опредѣлили: Въ виду одобрительнаго отзыва объ успѣхахъ и поведеніи студента II курса Императорской Казанской Духовной Академіи *Александра Смирнова* за минувшій учебный годъ,—ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ о разрѣшеніи принять его, согласно прошенію, въ число

своекоштныхъ студентовъ II курса Императорской Московской Духовной Академіи.

XIII. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора) вольнослушателя Академіи, окончившаго курсъ Тамбовской духовной семинаріи *Владиміра Богородицкаго:*

„Покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, уволить меня изъ числа вольнослушателей Императорской Московской Духовной Академіи и выдать мнѣ мои документы и—если полагается—удостовѣреніе въ томъ, что я 4 учебныхъ года состоялъ вольнослушателемъ академіи".

Справка: *Г. Богородицкій* допущенъ былъ къ слушанію академическихъ лекцій по резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 10 сентября 1910 года за № 4001 и дѣйствительно посѣщалъ оныя въ теченіе четырехъ учебныхъ годовъ (1910—1914).

Опредѣлили: Исключивъ окончившаго курсъ Тамбовской духовной семинаріи *Владиміра Богородицкаго* изъ числа вольнослушателей Академіи, выдать ему документы и просимое удостовѣреніе.

XIV. Представленныя, во исполненіе порученія Совѣта Академіи отъ 28 марта с. г., ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ основного богословія *С. С. Глаголевымъ*, экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколовымъ* и и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи философіи *священникомъ П. А. Флоренскимъ* замѣчанія по поводу проекта новой программы философскихъ предметовъ для духовныхъ семинарій.

Опредѣлили: Препроводить замѣчанія, въ подлинникахъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

XV. **Обсуждали** предположенія *распорядительной юбилейной коммиссіи* относительно программы празднованія *100-лѣтняго юбилея Академіи* и по соединеннымъ съ симъ празднованіемъ вопросамъ, подлежащимъ разрѣшенію высшей власти.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 10 мая 1913 года за № 7361, между прочимъ, постановлено было: „разрѣшить торжественное празднованіе имѣющаго исполниться 1 октября 1914 года столѣтняго юбилея со дня основанія Московской духовной академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, предписавъ Совѣту Академіи, въ свое время, представить Святѣйшему Синоду установленнымъ порядкомъ программу сего празднованія“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ:

1) Объ утвержденіи выработанной коммиссіею и одобренной Совѣтомъ Академіи программы празднованія (1 октября сего 1914 года) 100-лѣтняго юбилея со дня основанія Императорской Московской Духовной Академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, прилагаемой къ журналу настоящаго собранія.

2) Объ отпускѣ изъ суммъ Святѣйшаго Синода въ распоряженіе Правленія Академіи на устройство юбилейнаго торжества и пріемъ почетныхъ гостей *двухъ тысячъ (2000 р.)*,— въ каковой цифрѣ опредѣлились дѣйствительные расходы по празднованію 50-лѣтняго юбилея Академіи въ 1864-мъ году.

3) Объ учрежденіи для Высокопреосвященнаго Попечителя и лицъ, числившихся ко дню столѣтняго юбилея Почетными Членами Академіи, для всѣхъ служившихъ и служащихъ при Академіи лицъ, для всѣхъ бывшихъ питомцевъ Академіи и для студентовъ I, II, III и IV курсовъ юбилейнаго 1914—1915 учебнаго года—особаго нагруднаго *юбилейнаго знака* (по рисунку, выработанному окончившимъ курсъ Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ съ званіемъ художника, кандидатомъ богословія, Н. А. Протопоповымъ) и объ утвержденіи проекта положенія объ ономъ, прилагаемаго къ журналу настоящаго собранія.

4) О назначеніи, по примѣру Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи (указъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, отъ 23 іюня 1909 года за № 9225) всѣмъ безъ исключенія должностнымъ лицамъ Академіи, по случаю юбилея, единовременнаго пособія изъ суммъ Святѣй-

шаго Синода, въ размѣрѣ 10% получаемаго ими (въ совокупности) содержанія.

На семъ журналѣ резолюція Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московской епархіей: „1914 г. іюля 1. Утверждается“.

5 іюня 1914 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: I. Представленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„На основаніи § 83 Устава Академіи долгъ имѣю внести въ Совѣтъ Академіи *отчеты гг. профессоровъ и преподавателей Академіи о преподаваніи ими въ истекшемъ учебномъ году своихъ предметовъ.*

Преподаваніе велось согласно программамъ, утвержденнымъ Совѣтомъ Академіи въ началѣ учебнаго года, и въ объемѣ, предположенномъ этими программами. По нѣкоторымъ предметамъ отчасти за недостаткомъ времени, отчасти вслѣдствіе болѣзни гг. профессоровъ курсы были прочитаны съ нѣкоторымъ опущеніемъ или сокращеніемъ сравнительно съ предположеніями программы.

Такъ, по *1-ой каѳедрѣ патрологіи* профессоромъ ея за не-

достаткомъ времени не было прочитано объ Амвросіи Медіоланскомъ.

По *2-ой каѳедрѣ патрологіи* преподавателемъ ея по причинѣ поздняго возвращенія его изъ заграничной командировки не было прочитано изъ программы: о Кириллѣ Александрійскомъ, Блаж. Ѳеодоритѣ и Исаакѣ Сиринѣ.

По *догматическому богословію* преподавателемъ его вмѣсто систематическаго курса, по причинѣ 4-мѣсячной болѣзни, было сдѣлано изложеніе и разборъ ученія „имебожниковъ" и апологія Воскресенія Христова.

По *исторіи древней церкви* профессоромъ не была прочитана исторія дисциплинарныхъ споровъ вслѣдствіе болѣзни.

По той же причинѣ профессоръ *русской церковной исторіи* не могъ прочитать послѣдніе отдѣлы изъ исторіи Московскаго періода.

По *церковному праву*, вслѣдствіе поздняго назначенія на этотъ предметъ профессора, программа была прочитана съ сокращеніемъ частностей.

По *педагогикѣ* не прочитаны по болѣзни профессора отдѣлы: о Песталоцци, Гербартѣ, Фребелѣ и Спенсерѣ.

По *русской гражданской исторіи* за недостаткомъ времени не прочитано объ Императрицѣ Екатеринѣ II-й и о главнѣйшихъ событіяхъ 1-й половины XIX вѣка.

По *исторіи Греко-восточной церкви* не сдѣланъ обзоръ главнѣйшихъ событій въ исторіи Константинопольской церкви XIX в., за недостаткомъ времени.

По *литургикѣ* за недостаткомъ времени и болѣзнью профессора не полностью прочитано о богослуженіи въ эпоху св. отцовъ христ. церкви".

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Отчеты о преподаваніи внести въ свое время въ „Отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1913—1914 учебномъ году", представляемый Святѣйшему Синоду.

II. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшій 1913—1914 учебный годъ

студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи. — По предложенію Преосвященнаго Ректора, повѣрка ихъ въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена была: табели I и II курсовъ—доцентомъ *іеромонахомъ Варѳоломеемъ* (*Ремовымъ*), табели III курса—экстраординарнымъ профессоромъ *Д. И. Введенскимъ*".

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) *Изъ 67 студентовъ I курса*: а) 25 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 36 студентовъ—не менѣе 4 и 6 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$. —2) Поведеніе шестидесяти одного студента отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, четырехъ—балломъ 5—и двухъ—балломъ $4^1/_2$.—3) Студентъ *Шевнинъ* Николай при среднемъ баллѣ ниже 4 (3,65), имѣетъ одинъ неудовлетворительный баллъ (2) на устномъ испытаніи по исторіи древней церкви и подалъ въ Правленіе Академіи прошеніе объ увольненіи его изъ числа студентовъ Академіи.

2) *Изъ 64 студентовъ II курса*: а) 11 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 37 студентовъ—не менѣе 4 и 13 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$.—б) Поведеніе пятидесяти трехъ студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, шести—балломъ 5—, двухъ—балломъ $4^1/_2$ и трехъ студентовъ—балломъ 4.—в) Студенты: *Заболотскій* Павелъ—не держалъ устнаго испытанія по греческому языку, *Металловъ* Валентинъ—не представилъ третного сочиненія по психологіи и проповѣди. Оба, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, просятъ о разрѣшеніи имъ исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года.—2) Студентъ *іеромонахъ Серафимъ* (*Страховъ*) не держалъ устныхъ испытаній по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (II каѳ.) и греческому языку и, при среднемъ выводѣ изъ всѣхъ полученныхъ на испытаніяхъ и письменныхъ работахъ балловъ ниже 4 (3, 125), имѣетъ одинъ неудовлетворительный баллъ (2—) на третномъ сочиненіи по исторіи русской церкви, причемъ отъ отца его поступило въ Правленіе

Академіи прошеніе объ увольненіи іеромонаха Серафима изъ числа студентовъ Академіи—по болѣзни.

3) *Изъ 53 студентовъ III курса*: а) 13 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе $4^1/_2$, 22 студента—не менѣе 4 и 16 студентовъ—не менѣе $3^1/_2$.—б) Поведеніе сорока пяти студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, четырехъ—балломъ 5—, двухъ—балломъ $4^1/_2$ и двухъ студентовъ—балломъ 4+.—в) Студенты: *Дюлгеровъ* Дмитрій, болгар. урож.,—не держалъ, по болѣзни, устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ III курса и не представилъ третного сочиненія по церковному праву; *Цвиневъ* Иванъ, по той же причинѣ, не держалъ устнаго испытанія по Священному Писанію Новаго Завѣта (I кав.) и не представилъ третного сочиненія по церковному праву и проповѣди.—Оба просятъ о разрѣшеніи имъ исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ.—г) Студентъ *Покровскій* Сергѣй не держалъ устнаго испытанія по дополнительно избранному имъ для изученія на III курсѣ групповому предмету—русской гражданской исторіи и ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему сдать означенное испытаніе въ будущемъ учебномъ году, при окончаніи имъ академическаго курса.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§§ 159—163*.

2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ *16 января 1891 года за № 212* Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность дозволять студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣканикулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Епархіальнаго Архіерея.

3) По *§ 109*, лит. *а* пп. 13—14, академическаго устава „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство устныхъ отвѣтовъ студентовъ I, II и III курсовъ Академіи на экзаменахъ, успѣхи ихъ въ практическихъ за-

пятіяхъ, достоинство третныхъ сочиненій и проповѣди и поведеніе,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *Во II-й курсъ*—студентовъ I курса: 1) Гусева Николая, Ефремова Ивана, Соловьева Николая, Муравьева Сергѣя, 5) Добросердова Павла, Миловидова Алексѣя, Никольскаго Николая (Пенз.), Тихонравова Георгія, Лисицкаго Николая, 10) Гусева Петра, свящ. Ждапова Александра, Вязигина Георгія, Некрасова Платона, іерод. Николая (Карпова), 15) Кулигина Дмитрія, Четыркина Петра, Виноградова Сергѣя, Воздвиженскаго Николая, Кедрова Александра, 20) свящ. Никольскаго Евгенія, Дацыкова Ивана, Андреева Михаила, Скворцова Ивана, Городецкаго Анатолія, 25) Чирскаго Ивана, Забавина Ивана, Іоакиманскаго Николая, Золотницкаго Аркадія, Калиновскаго Гавріила, 30) Волкова Николая, Ефремова Александра, іерод. Вассіана (Пятницкаго), Мефедова Герасима, Разумовскаго Григорія, Сапѣгу Онуфрія, Рождественскаго Александра, Сиротинскаго Алексѣя, Рождественскаго Николая, прот. Мухина Іоанна, 40) Крылова Павла, Авилкина Николая, Голубева Леонида, Романовскаго Владиміра, іерод. Трифона (Мохора), 45) Бѣляева Сергѣя, Брянцева Алексѣя, Соболева Михаила, Піуновскаго Ивана, Ломакина Николая, 50) свящ. Проталинскаго Іоанна, Недѣльскаго Ѳеодосія, Соколова Михаила, свящ. Орлова Василія, Крылова Владиміра, 55) Соколова Василія, Воскресенскаго Михаила, Доброхотова Михаила, Никольскаго Николая (Яросл.), Попова Александра, 60) свящ. Макогонскаго Григорія, Миловидова Виктора, Бажанова Николая, Глаголева Георгія, Алмазова Александра, 65) Кипарисова Бориса и 66) Суворова Николая.

б) *Въ III-й курсъ*—студентовъ II курса: 1) Иванова Бориса, Кобранова Евгенія, Соловьева Дмитрія, Счастнева Петра, 5) Воронцова Веніамина, Мытарева Николая, свящ. Ляде Серафима, Ружицкаго Константина, Меморскаго Алексѣя, 10) Доброва Владиміра, Розанова Николая, Соловьева Ивана, свящ. Дмитріева Василія, свящ. Дубровина Димитрія, 15) Тихомирова Владиміра, Давидова Ѳеодора, Кириченко Василія, Піуновскаго Николая, Соколова Николая, 20) свящ. Воронцева Александра, Розова Григорія, іерод. Матѳея (Олейникова), Преображенскаго Александра, монаха Валеріана (Рудича),

25) Никольскаго Виктора, Руднева Николая, Волкова Александра, свящ. Цвѣтаева Николая, Товстуху Михаила, 30) Андреева Ѳеодора, Шувалова Петра, Виноградова Сергѣя, Шереметьевскаго Алексѣя, Новосельскаго Владиміра, 35) Боголюбскаго Геннадія, Петкова Стояна (болгар.), Протодіаконова Александра, іерод. Павлина (Крошечкина), Соколова Бориса, 40) Жданова Леонида, Брилліантова Петра, Батина Павла, свящ. Бѣляева Николая, Смирнова Дмитрія, 45) Щеголькова Михаила, Иваницкаго Владиміра, Порѣцкаго Михаила, Верхоустинскаго Дмитрія, Саффрана Георгія, 50) Архангельскаго Константина, Истомина Дмитрія, Молчанова Николая, свящ. Бѣлорукова Александра, Смирнова Николая, 55) Постникова Михаила, Авдіева Александра, Безроднаго Михаила, Некрасова Михаила, Васильевскаго Александра, 60) свящ. Рождествина Александра и 61) Аѳанасьева Николая.

в) *Въ IV-й курсъ*—студентовъ III курса: 1) Бѣльчикова Николая, Куханова Александра, Введенскаго Михаила, Садовскаго Евгенія, 5) Троицкаго Николая, Вахаева Михаила, Загорскаго Александра, Голубцова Михаила, свящ. Вышелѣсскаго Константина, 10) Колосова Сергѣя, Арбекова Евгенія, Прыткова Николая, Драчева Николая, Орлова Александра, 15) іером. Варнаву (Бѣляева), Иванова Сергѣя, Архипова Петра, Бѣляева Николая, Алферова Петра, 20) Матвѣевича Виктора, Щукина Александра, Сикова Максима, Гераскевича Николая, Соловьева Алексѣя, 25) Никольскаго Григорія, Орлова Николая, Пясецкаго Петра, свящ. Архангельскаго Іоанна, Ленчинскаго Ивана, 30) Аскалонова Стефана, Колчицкаго Николая, Херсонскаго Василія, Любимова Александра, Десятова Александра, Петрова Сергѣя, Бажанова Василія, Никольскаго Леонида, Покровскаго Гавріила, іерод. Никиту (Сапожникова), 40) Соколова Александра, Никольскаго Николая, Георгіевскаго Сергѣя, Крылова Григорія, Вознесенскаго Ѳеодора, 45) Волскаго Харлампія, свящ. Мещерскаго Константина, Холмогорова Сергѣя, свящ. Делекторскаго Ѳеодора, Пикунова Александра, Покровскаго Сергѣя и 51) Постникова Сергѣя.

2) Студентамъ: III курса—*Дюлгерову* Дмитрію и *Цвиневу* Ивану, II курса—*Заболотскому* Павлу и *Металлову* Валентину разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣ-

сяцѣ сего 1914 года; а студенту III курса Сергѣю *Покровскому* отложить сдачу экзамена по дополнительно избранному имъ для изученія групповому предмету (русской гражданской исторіи) до конца будущаго учебнаго года,—о чемъ и представить предварительно на утвержденіе Его Преосвященства.

3) Сужденіе объ увольненіи изъ Академіи, по прошеніямъ, студентовъ: II курса—*іеромонаха Серафима* (Страхова) и I курса—*Николая Шевнина*, согласно § 124, лит. *б.* п. 6. академическаго устава, предоставить Правленію Академіи.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*: „Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія.—По предложенію Преосвященнаго Ректора, повѣрка вѣдомости въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена была *О. Инспекторомъ Академіи Архимандритомъ Иларіономъ*".

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что *изъ 55 студентовъ IV курса*:

1) 18 студентовъ (изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ курсовыя сочиненія) имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ не менѣе $4^1/_2$ и 32 студента—не менѣе $3^1/_2$.—2) Поведеніе пятидесяти студентовъ за 1913—1914 учебный годъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, трехъ—балломъ 5—, одного—балломъ $4^1/_2$ и одного студента—балломъ 4.—3) Четыре студента—*Богоявленскій* Николай, *Залѣскій* Сергѣй, *Кронтовскій* Николай и *Ярошевичъ* Евгеній—не успѣли, по болѣзни, удостовѣренной академическимъ врачемъ, закончить курсовыхъ сочиненій и просятъ разрѣшенія представить оныя послѣ лѣтнихъ каникулъ.—4) Студентъ *Берниковъ* Сергѣй, по той же причинѣ, не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ IV курса, не представилъ проповѣди и курсового сочиненія и проситъ разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ.

б) Отзывы г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи о курсовыхъ сочиненіяхъ 50-ти студентовъ IV (LXIX) курса.

1) О сочиненіи студента *Авраменко Михаила* на тему: „Критическій разборъ отрицательнаго ученія русскихъ сектантовъ-раціоналистовъ о крещеніи младенцевъ“.

а) И. д. доцента *А. В. Ремезова:*

„По укоренившейся на практикѣ привычкѣ наша полемика съ сектантами вращается исключительно въ плоскости ихъ аргументаціи того или иного пункта лжеученія; а такъ какъ эта аргументація почти всегда ограничивается ссылками на тѣ или иныя мѣста св. Писанія, то и православная полемика съ ними, какъ извѣстно, сводится къ болѣе или менѣе остроумному привлеченію и истолкованію въ интересахъ православнаго ученія возможно бо́льшаго количества свящ. текстовъ. Но не для кого, а тѣмъ болѣе для практическихъ дѣятелей нашей миссіи, не секретъ, что ссылка на св. Писаніе у сектантовъ является, въ большинствѣ случаевъ, ни больше, ни меньше, какъ полемическимъ пріемомъ, и само св. Писаніе—лишь средствомъ къ обоснованію воззрѣній, дѣйствительнымъ источникомъ коихъ является далеко не само Слово Божіе. Отсюда задача всякой серьезной полемики съ сектантствомъ естественно должна бы состоять прежде всего въ раскрытіи, вѣрнѣй, разоблаченіи и критическомъ разсмотрѣніи тѣхъ коренныхъ сектантскихъ убѣжденій, которыя являются необходимыми предпосылками къ мелкимъ пунктамъ ихъ лжеученія, всецѣло обусловливая собой отношеніе сектантовъ къ частностямъ православной догматики, литургики и т. п. Но само собой понятно, что ни образовательный уровень аудиторіи, предъ которой и ради которой происходитъ противосектантская борьба (простой народъ), ни необходимая въ такомъ случаѣ широта воззрѣній самихъ сектантовъ, развитость ихъ міровоззрѣнія не даютъ возможности дѣятелямъ нашей противосектантской миссіи раціонально поставить ихъ дѣло и принуждаютъ ихъ волей-неволей лишь скользить по периферіи тѣхъ глубочайшихъ по существу вопросовъ вѣры и жизни, какіе имъ приходится рѣшать подъ видомъ какого-нибудь мелкаго разногласія съ сектантами. Это тяжелое положеніе воочію откры-

вается въ нашей противосектантской литературѣ: обязанная быть краткой и элементарно-понятной она обыкновенно наскоро сообщаетъ православное ученіе по извѣстному вопросу (чаще всего „по Макарію“), приводитъ въ подтвержденіе его нѣсколько текстовъ изъ св. Писанія, а потомъ разбираетъ сектантское толкованіе какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ текстовъ, указываемыхъ по данному вопросу самими сектантами. Въ существѣ дѣла здѣсь, очевидно, повторяется избитый пріемъ обличенія старообрядцевъ. Оправдываемый, какъ сказано, практическими соображеніями, неумолимо диктуемыми чисто-внѣшними и даже временными обстоятельствами, этотъ буквалистическій пріемъ полемики, само собой разумѣется, не только не долженъ бы практиковаться въ качествѣ образцоваго, но и обязательно при всякомъ удобномъ случаѣ долженъ бы усовершенствоваться въ направленіи болѣе глубокаго уразумѣнія и добросовѣстно серьезнаго, чуждаго увлеченій поверхностнымъ остроуміемъ, разбора сектантскаго ученія. Къ глубокому сожалѣнію, въ нашей богословской литературѣ нельзя указать ни одной сколько-нибудь послѣдовательно проведенной попытки столь необходимаго углубленія противосектантской полемики.

Отрицаніе крещенія младенцевъ, представляя собой на первый взглядъ не слишкомъ замѣтную деталь сектантскаго ученія о крещеніи, на самомъ дѣлѣ—чрезвычайно характерно не только для ихъ отношенія къ этому таинству, но и для всего сектантскаго міровоззрѣнія. Вѣдь всякому ясно, что въ этомъ отрицаніи ярче всего выражается представленіе исключительно субъективнаго значенія крещенія (какъ лишь знака вѣры), перестающаго въ такомъ случаѣ быть таинствомъ въ собственномъ смыслѣ, и, слѣдовательно, выдвигается вопросъ о благодати и ея отношеніи къ человѣку; далѣе—здѣсь же и только здѣсь со всей силой выступаетъ чисто сектантское воззрѣніе на природу падшаго человѣка: ихъ отношеніе къ ученію о первородномъ грѣхѣ; наконецъ, такъ какъ крещеніе служитъ дверью въ Церковь, то при отрицаніи необходимости его для тѣхъ или другихъ неизбѣжно опредѣляется и воззрѣніе на эту послѣднюю и ея значеніе въ дѣлѣ спасенія и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ выдвигается въ своей безпримѣрной важности самый вопросъ о спасеніи. Это все—не то что просто смежные съ

вопросомъ о крещеніи младенцевъ пункты, болѣе или менѣе тѣсно примыкающіе къ нему: нѣтъ, это—тотъ же самый вопросъ, разсматриваемый со стороны своихъ органическихъ основъ, безъ которыхъ онъ перестаетъ быть самимъ собою или, вѣрнѣе,—когда имѣется въ виду отрицательное рѣшеніе его,—цѣликомъ сводится на одно пустое *нѣтъ*. Послѣ этого, кажется, нечего и говорить о томъ, что серьезно разсматривать отрицаніе сектантами крещенія младенцевъ можно никакъ не иначе, какъ въ тѣснѣйшей связи съ основными положительными пунктами ихъ міровоззрѣнія.

Какъ ни естественна казалась бы такая постановка „критическаго разбора отрицательнаго ученія сектантовъ-раціоналистовъ о крещеніи младенцевъ“, однако мы напрасно стали бы искать ея признаковъ въ сочиненіи г. Авраменко, носящемъ такое заглавіе. По самому существу своему работа г. Авраменко лежитъ совершенно въ иной плоскости: въ плоскости обыденной популярной миссіонерской литературы, гдѣ дальше перечисленія текстовъ св. Писанія, и при томъ относящихся или относимыхъ непосредственно къ разсматриваемому вопросу, и ихъ поверхностнаго, не всегда серьезнаго разбора—дѣло не идетъ. Здѣсь та же механическая изолированность вопроса отъ его дѣйствительныхъ основаній, тотъ же буквалистически-старообрядческій методъ полемики, подъ часъ небрезгающій очевидными натяжками въ истолкованіи текстовъ св. Писанія, та же погоня за возможно большимъ количествомъ послѣднихъ. Въ разсматриваемомъ сочиненіи даже и не обнаруживается попытки понять и объяснить разбираемое отрицаніе, разсмотрѣть его логическія предпосылки. Поэтому данное сочиненіе нельзя даже назвать разборомъ въ собственномъ смыслѣ, это скорѣе—полемика: аргументація г. Авраменко все время идетъ въ направленіи ad hominem,—онъ опровергаетъ не самое ученіе (хотя бы и отрицательное), а исключительно тѣ доводы въ пользу него, какія указываются самими сектантами на основаніи св. Писанія, упорно уклоняясь отъ разсмотрѣнія дѣйствительныхъ (а не указываемыхъ лишь самими сектантами), основаній отрицанія необходимости крещенія младенцевъ. Упорнымъ приходится назвать это уклоненіе потому, что на протяженіи сочиненія г. Авраменко можно не разъ замѣтить, какъ его мысль безотчетно тянется въ глубь трактус-

маго предмета, но авторъ каждый разъ сознательно останавливаетъ это естественное ея влеченіе и такой, напримѣръ, глубокій и, главное, центральный для его темы вопросъ, какъ вопросъ о первородномъ грѣхѣ догматически рѣшаетъ на протяженіи трехъ страницъ (166—168).

Однако, едва ли можно слишкомъ обвинять автора за такое ненормальное направленіе его работы. Дѣло въ томъ, что по винѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, не безъ личнаго, впрочемъ, участія автора, онъ остался при исполненіи своей работы безъ живого руководства, что́ при указанномъ выше отсутствіи печатныхъ образцовъ, о которомъ говоритъ и самъ г. Авраменко (12), естественно повело къ тому, что онъ всецѣло, какъ въ отношеніи метода, такъ и самаго содержанія своего сочиненія довѣрился тѣмъ самымъ миссіонерскимъ „статейкамъ“ и „брошюркамъ“, о которыхъ съ такой ироніей отзывается въ предисловіи своей работы, и которыя прямо называетъ жалкими (11), тогда какъ его сочиненіе можетъ избѣжать подобнаго эпитета лишь въ томъ случаѣ, если имъ обозначать только незначительный объемъ, какъ его, вѣроятно, и понималъ самъ г. Авраменко.

Какъ бы то ни было, то теперь приходится оцѣнивать сочиненіе г. Авраменко уже не съ точки зрѣнія того, въ какомъ направленіи онъ долженъ бы былъ разрабатывать его, а въ какомъ онъ его на самомъ дѣлѣ разработалъ. Главную массу сочиненія составляетъ разборъ текстовъ св. Писанія, указываемыхъ нашими сектантами-раціоналистами и превратно истолковываемыхъ ими для обоснованія отрицанія какъ таинства крещенія вообще, такъ и крещенія младенцевъ въ частности. Авторъ стремился собрать какъ можно больше подобныхъ текстовъ и поэтому ознакомился съ большимъ количествомъ книгъ, брошюръ и статей, посвященныхъ какъ вообще сектантскому вѣроученію, такъ и въ частности ихъ ученію о таинствѣ крещенія, а также пересмотрѣлъ нѣсколько сектантскихъ журналовъ и брошюрокъ. Въ этомъ знакомствѣ, какъ съ нѣкоторой долей сектантской литературы, такъ и съ огромнымъ количествомъ миссіонерскихъ произведеній надо признать безспорно положительную и практически полезную сторону годичной работы автора надъ его сочиненіемъ. Тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ нужно отмѣтить эту сторону труда г. Авраменко, что вся сектант-

ская литература, цитуемая въ его сочиненіи, и нѣкоторая часть миссіонерской, за полнымъ отсутствіемъ первой и недостаткомъ второй въ академической библіотекѣ, добыты лично авторомъ у представителей противосектантской миссіи, за что онъ и свидѣтельствуетъ имъ въ своемъ сочиненіи глубокую благодарность.

Жаль только, что подавляющее количество миссіонерскихъ пособій при сравнительно небольшомъ числѣ настоящихъ источниковъ въ видѣ сектантскихъ произведеній не дало возможности г. Авраменко самостоятельно разобраться въ сектантскомъ ученіи или, по крайней мѣрѣ, его аргументаціи и совершенно потопило его собственную мысль массою не всегда доброкачественнаго матеріала. При чтеніи сочиненія сразу становится очевиднымъ, что авторъ теряется въ обиліи найденныхъ имъ свѣдѣній и, какъ всякій, у кого „разбѣжались глаза“, безотчетно схватываетъ первое попавшееся и наполняетъ имъ свое сочиненіе. Въ результатѣ получилась даже не мозаичная работа, ибо и мозаика представляетъ какое-нибудь опредѣленное изображеніе, а просто-безформенная куча отовсюду надерганныхъ текстовъ съ ихъ комментаріями безъ малѣйшаго признака самой элементарной систематизаціи ихъ. На протяженіи всего сочиненія для читателя остается совершенно непонятнымъ, почему послѣ разбора такого текста авторъ переходитъ къ этому, а не другому какому-нибудь, такъ какъ у него сплошь и рядомъ стереотипной фразой („Еще сектанты приводятъ“...) соединяются совершенно различно относящіеся къ ученію о крещеніи тексты. Вотъ для примѣра ничуть не выдѣляющееся по своей неожиданности въ общемъ порядкѣ сочиненія сочетаніе сектантскихъ аргументовъ (143—146): 144 тысячи апокалипсическихъ старцевъ (14, 1-4), о которыхъ не сказано, что они крещены; „Кровь Іисуса Христа... очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“ (1 Іоан. 1, 7); вода—стихія, а стихіи, по слову Писанія, прейдутъ (2 Петр. 3, 10). И это, повторяемъ, совершенно типичная для разсматриваемаго сочиненія „послѣдовательность“, гдѣ при каждомъ новомъ шагѣ автора все ярче и ярче открывается полное отсутствіе какой-бы-то-ни было классификаціи разбираемыхъ сектантскихъ аргументовъ, отъ чего при ихъ опроверженіи авторъ принужденъ безконечно повторяться (ср. 66—69. 74. 89. 92. 97. 99. 113.

120. 127. 134. 137. 140. 153. 170. 180. 198. 224. 230. 240. 251: здѣсь насчитывается 7 плодовъ крещенія, а на 154—только 4; 258). Очевидно, самъ авторъ не знаетъ, почему онъ такъ именно расположилъ свои тексты, а не иначе какъ-нибудь: у него совсѣмъ нѣтъ нити, связующей ихъ, такъ какъ онъ не потрудился возвыситься надъ ними, обнять ихъ однимъ взглядомъ и опредѣлить сравнительное отношеніе каждаго изъ нихъ къ разбираемому ученію. Это было для него тѣмъ труднѣе, что онъ, какъ замѣчено выше, совсѣмъ не имѣлъ дѣла съ самымъ сектантскимъ ученіемъ, теоріей, которая при его поверхностно полемическомъ отношеніи къ ней естественно свелась у него на одно пустое *нѣтъ;* поэтому г. Авраменко и принужденъ былъ разбирать одни тексты, независимо отъ самаго обосновываемаго ими ученія. Словомъ, въ отношеніи г-на Авраменко къ матеріалу для его сочиненія случилось то, что покойный проф. А. И. Введенскій называлъ намъ: „нацѣпить 50 вагоновъ, и ни одного не сдвинуть съ мѣста". Г. Авраменко гораздо больше читалъ или даже вообще разыскивалъ матеріалъ для своего сочиненія, чѣмъ думалъ надъ нимъ.

Въ предисловіи къ своему сочиненію г. Авраменко обмолвился, что работалъ по первоисточникамъ (12), разумѣя, вѣроятно, подъ этимъ громкимъ терминомъ тѣ сектантскія произведенія, какими онъ пользовался; но какъ по количеству ихъ самихъ, такъ и по количеству заимствуемыхъ изъ нихъ свѣдѣній этого рода источники занимаютъ слишкомъ скромное мѣсто въ сочиненіи, чтобы сказать, что оно написано по нимъ. Изъ 127 номеровъ въ перечнѣ „главныхъ источниковъ и пособій" только 24 представляютъ собой или цѣликомъ, или частью сочиненія сектантскія (№№ 3 и 67—89), но и въ ихъ числѣ г. Авраменко называетъ цѣлый рядъ такихъ, которыя никакого отношенія къ его темѣ не имѣютъ (№№ 71– 77). Правда, среди этихъ послѣднихъ мелькаютъ такія заглавія, которыя безъ знакомства съ содержаніемъ самыхъ брошюрокъ могли бы навести неосвѣдомленнаго читателя на предположеніе, что въ нихъ есть что-нибудь на тему г. Авраменко („Крещеніе Духомъ Святымъ", „Исполненіе Св. Духомъ"), но на самомъ дѣлѣ эти брошюры трактуютъ о переломѣ въ нравственномъ сознаніи человѣка подъ вліяніемъ усвоенія имъ сектантскаго ученія о спасеніи

(„Я уже спасенъ!“—см. 45—47 стр. первой изъ назв. брошюръ, доктора Торрея); о крещеніи здѣсь говорится лишь въ качествѣ аналогіи и никакого ученія о немъ не сообщается (5—6. 10 и 32 стр. брошюры Торрея; замѣчательно, что во второй изъ названныхъ брошюръ—Инвуда, по существу своему представляющей простой перифразъ первой, совсѣмъ даже и не упоминается о крещеніи, каковое слово, какъ и въ заглавіи, вездѣ замѣнено словомъ „исполненіе“). Но самое главное въ этомъ отношеніи то, что авторъ совсѣмъ и не пытается воспроизводить сектантское ученіе о крещеніи по этимъ сектантскимъ произведеніямъ: дѣйствительнымъ „первоисточникомъ“ въ этомъ отношеніи для него являются миссіонерскія сочиненія, гдѣ это ученіе, вѣрнѣй, его аргументы давно собраны; лишь изрѣдка,—по большей части тамъ, гдѣ миссіонерское показаніе совпадаетъ съ извѣстнымъ г. Авраменко сектантскимъ,—онъ цитируетъ и это послѣднее; а иногда, даже имѣя подъ рукой сектантское произведеніе, г. Авраменко выдержку изъ него всетаки заимствуетъ изъ миссіонерскаго сочиненія, лишь провѣривъ цитату послѣдняго. Такъ пересажены въ разсматриваемое сочиненіе (224—226) изъ „Обличенія лжеученія рус. сектантовъ раціоналистовъ“ Кальнева (624—627) шесть отрывковъ сектантскихъ пѣсенъ и только одинъ, и то—совершенно не идущій къ дѣлу (подъ 2-ой цифрой), приведенъ, повидимому, самостоятельно.

Кромѣ того, такъ какъ задачей г. Авраменко было не только воспроизвести сектантское ученіе, но и разобрать его и при томъ разобрать, какъ онъ самъ говоритъ (114), на основаніи Слова Божія, то стремленіе работать по первоисточникамъ налагало на него обязанность при разборѣ того или иного текста обращаться къ свящ. подлиннику. Это сознаетъ и самъ г. Авраменко: онъ 1) въ одномъ мѣстѣ приводитъ цѣлую греческую тираду (70 стр.—Мѳ. 28, 19-20) и употребляетъ греческія слова: 2) *βαπτισμός* (71 и 74) и 3) *μυστήριον* (58). Однако было бы чрезмѣрной довѣрчивостью къ нему думать на этомъ основаніи, что онъ обращался при этомъ къ греческому тексту Новаго Завѣта.

1. Въ греч. тирадѣ сразу обращаетъ на себя вниманіе обиліе ошибокъ въ надстрочныхъ знакахъ (16 ошибокъ на протяженіи двухъ стиховъ): тяжелое удареніе вездѣ замѣ-

нено острымъ, а густое придыханіе или совсѣмъ опускается, или замѣняется тонкимъ. Въ одномъ изъ пособій г. Авраменко (Оболенскій „Критическій разборъ вѣроисповѣданія рус. сект.-раціоналистовъ"—203 стр., прим.) приводится по гречески какъ разъ это мѣсто и съ тщательнымъ повтореніемъ тѣхъ самыхъ ошибокъ, какія дѣлаетъ г. Авраменко (курьезно, что у Оболенскаго пропущено удареніе въ одномъ словѣ,—безъ ударенія переписываетъ его и г. Авраменко). Замѣчательно, что самъ г. Авраменко замѣтилъ неладное въ греческомъ текстѣ Оболенскаго и, переписывая его, три раза пытался исправить слишкомъ грубыя опечатки, но только одинъ разъ его поправка оказалась удачной (переносъ придыханія въ двугласной съ первой гласной на вторую; неудачные случаи: у Оболенскаго—*ιδοὺ. ἡμέρας*, у г. Авраменко—*ἰδοὺ. ἡμέρας*, нужно *ἰδοὺ. ἡμέρας*); очевидно, исправленіе производилось по довѣрію къ собственной освѣдомленности въ греческомъ языкѣ, а не по подлиннику.

2) Приводя всю эту тираду для того, чтобы разобрать „нѣкоторыя слова этого текста филологически"; г. Авраменко останавливается лишь на одномъ словѣ *βαπτίζοντές* и поясняетъ его словомъ *βαπτισμος* (71); то же слово, но уже съ удареніемъ, онъ приводитъ и ниже, когда хочетъ говорить какъ будто о самомъ таинствѣ (75). Однако на языкѣ Новаго Завѣта крещеніе въ смыслѣ религіознаго акта, такъ или иначе связаннаго съ христіанскимъ крещеніемъ, обозначается словомъ *τὸ βάπτισμα* (Мр. 1, 4; Мѳ. 21, 25 пр.: Мр. 11, 20 и Лук. 20, 4; Дѣян. 13, 24; 18, 25; 19, 3; Кол. 2, 12 и др.); къ нему обязательно и долженъ бы былъ аппеллировать г. Авраменко, если бы имѣлъ дѣло съ греческимъ текстомъ; теперь же онъ ни разу не упоминаетъ того слова, которымъ на языкѣ Новаго Завѣта обозначается предметъ его изслѣдованія, такъ какъ *βαπτισμὸς* упоминается тамъ всего три раза, при чемъ 2 раза ясно обозначаетъ ветхозавѣтныя (одинъ разъ даже—фарисейскія) омовенія (Мр. 7, 4 и Евр. 9, 10) и только одинъ разъ (Евр. 6, 2), повидимому,—христіанское крещеніе.

3. Мѣсто разбираемаго сочиненія, посвященное слову *μυστήριον*, настолько характерно какъ показатель не только отношенія г. Авраменко къ свящ. тексту, но и вообще самыхъ пріемовъ его работы, что мы приведемъ здѣсь его

цѣликомъ". „Слово „тайна", *μυστήριον* въ Св. Писаніи не обозначаетъ общаго понятія таинства въ нынѣшнемъ его смыслѣ и прилагаемаго только къ семи важнѣйшимъ священнодѣйствіямъ въ отличіе отъ другихъ, не имѣющихъ такой важности. А оно употребляется въ разныхъ смыслахъ: во 1-хъ въ смыслѣ внутренняго состоянія души (Рим. 2—28, 29), (Кор. 14—25); во 2-хъ понятіе тайна, въ ученіи апостоловъ означаетъ явленіе Господа на землю во плоти и проповѣдь о спасеніи въ Немъ (Кор. 1—7; Еф. 1, 9, 3-3; Кол. 1—26-27; I Тим. 3—16); въ 3-хъ слово „тайна" имѣетъ смыслъ домостроительства спасенія человѣка, которое Христосъ имѣлъ совершить (Лук. 4—43); Мѳ. 9—35; Мк. 1—14; иногда дѣло искупленія и усвоеніе дѣла искупленія (Іоан. 3—3-5); иногда частнѣе общество вѣрующихъ въ Него, будущую Его Церковь (Мѳ. 8, 11-12); въ 4-хъ „тайна" въ понятіяхъ апостольскихъ означаетъ иногда ученіе о будущемъ обращеніи іудеевъ ко Христу (Рим. 11—25) и всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ (I Кор. 15 гл.)" (59 стр.). а) Прежде всего—ни въ одномъ изъ двухъ, указываемыхъ первой цитатой мѣстъ св. Писанія нѣтъ слова *μυστήριον*: въ первомъ (Рим. 2, 29) стоитъ *ἐν τῷ κρυπτῷ*, а во второмъ (цитату надо дополнить: 1 Кор. 14, 25)—*τὰ κρυπτὰ τῆς καρδίας*. Если бы г. Авраменко справился въ греческомъ текстѣ, то совсѣмъ не упоминалъ бы о томъ значеніи, какое приписываетъ слову *μυστήριον* въ первой рубрикѣ. б) Въ началѣ второй цитаты (Кор. 1, 7) ошибочно указана глава и опять пропущено указаніе: какое посланіе къ Коринѳянамъ (надо: 1 Кор. 2, 7). в) Въ третьей цитатѣ—опять цѣлый рядъ мѣстъ изъ Евангелія (Лук. 4-43; Мѳ, 9, 35; Мк. 1, 14), гдѣ не только нѣтъ разсматриваемаго слова, но и вообще уже о какой бы то ни было тайнѣ не говорится; тоже самое—и въ двухъ слѣдующихъ цитатахъ: Іоан. 3, 3-5 и Мѳ. 8, 11-12 не содержатъ въ себѣ словъ ни *μυστήριον*, ни *κρυπτά*; общее во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ то́, что въ нихъ упоминается о Царствѣ Божіемъ или Небесномъ. Здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, съ одной стороны,—выдѣлено въ спеціальную рубрику значеніе разбираемаго слова, уже изложенное только въ другихъ словахъ въ предыдущей (2-ой) рубрикѣ; а съ другой стороны—къ нему присоединяется безъ выдѣленія въ особую рубрику; совершенно иное значеніе („общество

вѣрующихъ—Церковь"). г) Наконецъ, въ послѣдней цитатѣ почему то указана цѣлая глава, хотя, само собой разумѣется, мѣсто одного слова должно бы опредѣляться точнѣе—чрезъ указаніе стиха, какъ это и дѣлаетъ вездѣ выше г. Авраменко. Всѣ эти странности, ставящіе читателя въ полное недоумѣніе, легко разъясняются, если сопоставить приведенное мѣсто съ двумя пособіями, вѣрнѣе, источниками разсматриваемаго сочиненія: „Молоканство предъ судомъ Слова Божія" Прот. Д. Орлова, стр. 53—60 и „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ" А. Катанскаго, стр. 30—31.

а. Прот. Орловъ, совсѣмъ не касаясь греческаго текста, устанавливаетъ значеніе слова „тайна" по одной славянской Библіи. Конечно, это уже его дѣло—выдавать установленное такимъ оригинально-упрощеннымъ способомъ значеніе за то, которое „слово *тайна или таинство* имѣетъ по употребленію своему въ ученіи церкви *Апостольской*" (53 стр.—курсивъ нашъ): о. протоіерей, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не приводитъ греческаго термина. А г. Авраменко, списывая у него эти значенія, подставляетъ къ нимъ греческое слово, заимствуя его у Катанскаго (30—31), откуда онъ списываетъ первую фразу приведенной тирады; если бы онъ справился даже по русской Библіи, то и тогда бы долженъ былъ задуматься надъ отсутствіемъ въ процитированномъ мѣстѣ (Рим. 2, 28-29) чего либо похожаго на „тайну или таинство".

б. Второе значеніе и цитата къ нему буквально заимствованы у прот. Орлова; у этого послѣдняго находится (55) и опечатка: Кор. 1, 7 вм. 1 Кор. 2, 7.

в. Прот. Орловъ, разобравъ первые изъ указанныхъ въ этой цитатѣ мѣстъ (изъ посланій къ Кор. и Ефес.), и переходя къ двумъ послѣднимъ (изъ посл. къ Кол. и Тим.), говоритъ о нихъ съ новой строки: „Тайною Апостолъ называетъ проповѣдь о домостроительствѣ спасенія рода человѣческаго *и* въ слѣдующихъ мѣстахъ"... Г-ну Авраменко здѣсь по новой строкѣ показалось, что рѣчь идетъ о новомъ значеніи, и онъ, выдѣляя его въ особую рубрику, сноситъ слово *домостроительство* у Орлова съ тѣмъ же словомъ на 31-й стр. Катанскаго и, начиная съ этого слова, выписываетъ цѣлую тираду (до слова „Церковь") уже съ книги Катанскаго, при

чемъ пересаживаетъ къ себѣ безъ всякой провѣрки и большинство его цитатъ. Но вся эта тирада, указывающая у г. Авраменко третье значеніе слова *μυστήριον*, на самомъ дѣлѣ у Катанскаго обозначаетъ совсѣмъ иное, служа лишь придаточнымъ предложеніемъ въ такой связи: „Такъ какъ выраженіе царство небесное, царство Божіе въ устахъ І. Христа обозначало иногда все ученіе Спасителя и все вообще *домостроительство спасенія человѣка, которое Онъ имѣлъ совершить, иногда частнѣе дѣло искупленія, и усвоеніе дѣла искупленія, иногда еще частнѣе общество вѣрующихъ въ Него, будущую Его Церковь*, то и *τὰ μυστήρια τῆς βασιλείας τῶν οὐρανῶν* обнимало у него все то, что входило въ объемъ понятія царства небеснаго“. Такимъ образомъ, опредѣляя слово *μυστήριον*, вообще, г. Авраменко заимствуетъ у Катанскаго выраженіе (мы его подчеркнули), указывающее значеніе совсѣмъ иныхъ словъ (Царство небесное или Божіе), изъ какового понятія Катанскій дальше лишь *выводитъ* значеніе слова *μυστήριον*, да и то не самого по себѣ, а въ связи съ цѣлымъ выраженіемъ: „тайны царства небеснаго“. Изъ этого снесенія объясняется, какъ, съ одной стороны, неожиданное указаніе при выясненіи значенія слова *μυστήριον* ряда такихъ мѣстъ св. Писанія (у Катанскаго они вынесены подъ строку, и мы ихъ не воспроизводили), гдѣ ничего не говорится о тайнѣ, такъ и, съ другой стороны, нагроможденіе въ одной рубрикѣ совершенно различныхъ значеній этого слова.

г. Подъ 4-ой рубрикой г. Авраменко выписываетъ изъ Орлова (60 стр.) третье значеніе, и, какъ тотъ въ послѣдней цитатѣ указываетъ цѣлую главу, такъ это за нимъ повторяетъ и нашъ авторъ.

Особенно приходится пожалѣть объ игнорированіи г-номъ Авраменко греческаго текста Н. З. потому, что обращеніе къ нему иной разъ придало бы бо́льшую основательность противо-сектантской аргументаціи, а иной разъ избавило бы нашего автора отъ необходимости прибѣгать для обличенія сектантовъ къ такимъ предположеніямъ по поводу текста, самая возможность которыхъ легко можетъ быть устранена простымъ обращеніемъ къ подлиннику. Г. Авраменко съ одинаковой самоувѣренностью ссылается и на тѣ мѣста, гдѣ слово дитя обозначено *τὸ τέκνον* (2 Іоан. 1 и 4 ст.—268 стр.), *βρέφος* (Лук. 18, 15—260), и гдѣ стоитъ *παῖς, παιδίον* (Мѳ. 19, 13;

Мр. 10, 13 и мн. др.), а то и—*νεανίας* (Дѣян. 20, 9—268). Говоря по большей части о дѣтяхъ вообще, тогда какъ тема имѣетъ въ виду лишь младенцевъ, г. Авраменко изрѣдка поясняетъ: „дѣти-младенцы“ или прямо дѣтей (*παῖς*) называетъ младенцами. Первое имѣетъ мѣсто при замѣчаніи о благословеніи дѣтей (260); цитируя соотвѣтствующія мѣста Евангелія (Мѳ. 19, 13-15; Мр. 10, 14-15; Лук. 18, 15-16), авторъ не посмотрѣлъ даже по русской Библіи, насколько благопріятствуютъ эти мѣста предположенію, что Христосъ благословилъ именно младенцевъ, а не подросшихъ уже отроковъ; а это для даннаго случая имѣетъ существенное значеніе: если ко Христу были приведены уже сознательные отроки, то фактъ теряетъ силу для обличенія сектантовъ. Терминъ перваго Евангелиста какъ будто болѣе благопріятствуетъ такому именно пониманію (Мѳ. 19, 13: *προσηνέχθη αὐτῷ παιδία*, въ русской: приведены были къ Нему дѣти): третье же евангеліе, наоборотъ, совершенно опредѣленно говоритъ о ручныхъ младенцахъ (Лук. 18, 15: *προσέφερον δὲ αὐτῷ καὶ τὰ βρέφη*, въ русской: приносили къ Нему и младенцевъ; *προσφέρω*, сравнительно съ *προσέρχομαι* подчеркиваетъ отсутствіе активности, личнаго участія; *τὸ παιδίον*, связанное съ *παιδεύω*, непосредственно обозначаетъ дитя уже подросшее, воспитательнаго возраста, „отрока“, какъ въ славянской Библіи; тогда какъ *τὸ βρέφος*, непосредственно обозначающее даже зародышъ, плодъ во чревѣ матери, можетъ указывать только на младенца). Евангеліе Марка объединяетъ оба показанія (10, 13: *προσέφερον αὐτῷ παιδία*). Очевидно, только такимъ снесеніемъ можно неопровержимо установить фактъ присутствія и младенцевъ въ числѣ дѣтей, которыхъ благословилъ Господь. Безцеремонная подмѣна евангельскихъ дѣтей вообще (*παῖς*) нужными для сочиненія г. Авраменко младенцами имѣетъ мѣсто въ его выраженіи: „Спаситель, согласно пророчеству царя Давида „изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ Себѣ хвалу“ (Пс. 8, 3), былъ встрѣченъ младенческими восклицаніями: „Осанна Сыну Давидову“ (Мѳ. 21, 15-16)“ (260—261). Не говоря уже о томъ, что Евангелистъ здѣсь указываетъ ближайшимъ образомъ отроковъ (см. и славянскую Библію), само собой очевидно, что восклицаніе „Осанна“... никакъ не могло быть младенческимъ; если же г. Авраменко хотѣлъ здѣсь опереться на пророче-

ство 8 пс., то гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы привелъ его независимо отъ взятаго имъ случая, ибо если Христосъ въ отвѣтъ фарисеямъ и привелъ это пророчество, то едва ли не въ такомъ же смыслѣ, какъ, по другому Евангелисту, сказалъ: „Если они умолкнутъ, то камни возопіютъ“ (Лук. 19, 40). Послѣ этого рецензентъ не можетъ не высказать сожалѣнія, что г. Авраменко не поинтересовался, какъ называются въ греческомъ подлинникѣ Н. З. тѣ два предмета, которыми координируется его тема (крещеніе и младенецъ). По поводу сектантскаго толкованія Ефес. 5, 26 нашъ авторъ говоритъ: „Подъ „банею водною“ здѣсь нельзя разумѣть *наученіе* и по самому буквальному смыслу словъ „банею водною посредствомъ слова“. Если бы апостолъ сказалъ „банею водною глаголомъ“, то можно было бы еще съ нѣкоторымъ усиліемъ доказать тожество понятій: баня водная и глаголъ; но апостолъ говоритъ: „банею водною посредствомъ слова, или *съ словомъ*“... Справка въ греческомъ текстѣ, гдѣ стоитъ *ἐν ῥήματι*, избавила бы г. Авраменко отъ опасности компрометировать защиту православнаго ученія такимъ смѣлымъ предположеніемъ.

Изъ произведеннаго раньше разложенія одной страницы разбираемаго сочиненія на ея первоначальные элементы и изъ послѣдующихъ указаній можно было убѣдиться, что г. Авраменко не только не обращался къ греческому подлиннику св. Писанія, но не провѣрялъ даже по русской или славянской Библіи тѣхъ цитатъ, какія по безотчетному довѣрію переписывалъ изъ своихъ дѣйствительныхъ источниковъ. Предательскую службу сослужила ему въ этомъ случаѣ упомянутая книжка Орлова. Въ прим. 81 стр. Орловъ приводитъ начало 68 пс., повидимому, по памяти и цитируетъ его 1-мъ стихомъ. Но дѣло въ томъ, что первымъ стихомъ псалмовъ въ большинствѣ случаевъ, какъ и здѣсь, является ихъ надписаніе, такъ что начало самаго псалма составляетъ уже 2-й его стихъ. Буквально списывая все примѣчаніе безъ ссылки на Орлова, нашъ авторъ повторяетъ и его ошибку (65 стр.), тогда какъ предшественникъ г. Авраменко, по списыванію у Орлова—Оболенскій (op. cit. 198, прим. 2) самостоятельно исправляетъ эту ошибку. У Орлова же, повидимому, заимствуется и указаніе тѣхъ мѣстъ изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, гдѣ говорится объ изліяніи на вѣрую-

щихъ даровъ Духа Св.; но Орловъ (80) приводитъ ихъ для того, чтобы подтвердить символическое значеніе воды по отношенію къ благодати, а г. Авраменко, вѣроятно, по недосмотру опускаетъ это послѣднее указаніе (о символичности воды) и поэтому остается непонятнымъ, почему это ему вдругъ захотѣлось апеллировать къ ветхому завѣту (63). Но справедливость требуетъ отмѣтить, что въ цитатѣ изъ Іезекіиля г. Авраменко въ этомъ случаѣ опускаетъ два ошибочно указанныхъ Орловымъ мѣста, оставляя одно вѣрное (изъ: 11, 19; 36, 25; 39, 29 г. Авраменко приводитъ лишь 36, 25), но, возвращаясь чрезъ нѣкоторое время къ этой цитатѣ (102), приводитъ ее уже цѣликомъ изъ Орлова, замѣчая: „Эти мѣста св. Писанія мы уже разобрали“.

Въ болѣе близкомъ отношеніи, чѣмъ къ тексту св. Писанія, находится работа г. Авраменко къ твореніямъ свв. Отцевъ: пространныя, хотя мало идущія къ дѣлу и едва ли убѣдительныя, выдержки изъ нихъ свидѣтельствуютъ, что авторъ обращался непосредственно къ нимъ. Но и здѣсь влеченіе къ миссіонерской литературѣ иной разъ всетаки побѣждаетъ и непріятно даетъ себя чувствовать. Выписывая изъ книжки Оболенскаго мнѣніе Златоуста о томъ, что апостолы были крещены Іоанномъ Предтечей, нашъ авторъ пересаживаетъ въ свое сочиненіе (73 стр.) отъ Оболенскаго же и цитату на соотвѣтствующее мѣсто изъ „Бесѣдъ на Дѣян. св. Ап.“; но, въ то время какъ цитата Оболенскаго указываетъ мѣсто самой книги „Дѣяній“, по поводу котораго Златоустъ высказываетъ нужное соображеніе („Бесѣд. 1—въ толкован. на 5 ст. изъ 1 гл. Дѣян.“), г. Авраменко принимаетъ ее за указаніе мѣста въ самой бесѣдѣ Златоуста и, поэтому, указаніе стиха передѣлываетъ на указаніе страницы: „I бесѣда I глав. 5 стр.“, тогда какъ данное мѣсто у Златоуста находится не на 5-й, а на 14—15 стр. (Изд. СПБ. 1903 г. IX томъ). Въ другомъ мѣстѣ (275), передавая, какъ бы своими словами, свидѣтельство св. Іустина Философа, г. Авраменко, хотя и цитируетъ его настолько точно, что не остается сомнѣній въ томъ, что онъ имѣлъ данное мѣсто предъ глазами, но буквально повторяетъ Оболенскаго (219 стр.).

Въ заключеніе характеристики отношенія нашего автора къ источникамъ его сочиненія считаемъ своимъ долгомъ

указать ему два большихъ сборника матеріаловъ сектовѣдѣнія, оставшихся почему-то внѣ поля его зрѣнія, тѣмъ болѣе, что оба они имѣются въ нашей библіотекѣ, это—Еп. Алексія и Бончъ-Бруевича. Обращеніе, по крайней мѣрѣ къ первому изъ нихъ, не только избавило бы г. Авраменко отъ необходимости безпокоить гг. миссіонеровъ заимствованіемъ у нихъ нѣкоторыхъ брошюрокъ: „Краткія правила вѣры... молоканъ Донского толка“ З. Д. Захарова и „Баптистскій катехизисъ“ изданы Преосв. Алексіемъ (первыя подъ № 306—485 стр., а второй подъ № 307—495 стр.), но и пополнило бы скудость его свѣдѣній о сектантскомъ ученіи „изъ первыхъ рукъ“: № 301 „Правила вѣроисповѣданія новообращеннаго русскаго братства“—см. на 479; а такъ же: 522, 530 и 540 стр.; но особенно полезнымъ былъ бы г. Авраменко документъ подъ № 311: „Участь за гробомъ младенцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ“—515 стр.

Теперь разсмотримъ отношеніе г. Авраменко къ его пособіямъ. Мы уже могли видѣть, что этимъ послѣднимъ у него часто придается значеніе источниковъ. Но что же это за произведенія, которыми г. Авраменко такъ непозволительно широко пользуется? Это—болѣе или менѣе подробныя миссіонерскія сочиненія противъ сектантовъ: изъ нихъ г. Авраменко заимствуетъ громадное большинство указываемыхъ имъ сектантскихъ аргументовъ, ими же широко пользуется и для опроверженія этихъ аргументовъ. Но такъ какъ эти послѣдніе представляютъ собой исключительно ссылки на св. Писаніе, то само собой понятно, что работа г. Авраменко въ своей преобладающей части оказалась работой по истолкованію отдѣльныхъ мѣстъ св. Писанія; естественно было бы, вслѣдствіе этого, ожидать, что видное мѣсто среди его пособій займутъ серьезные труды по экзегетикѣ. На самомъ же дѣлѣ г. Авраменко въ перечнѣ своихъ пособій называетъ лишь два подобныхъ труда: Барсова и Еп. Ѳеофана; но, не говоря уже о томъ, что этотъ выборъ двухъ трудовъ, преслѣдующихъ гомилетически—назидательныя цѣли, совершенно не отвѣчаетъ догматическимъ и положительно фактическимъ интересамъ сочиненія г. Авраменко, слѣдовъ даже этихъ 2-хъ пособій совсѣмъ незамѣтно на истолкованіяхъ г. Авраменко, представляющихъ собой типично миссіонерскую „экзегетику“, гдѣ въ пылу полемики по примѣ-

ру самихъ сектантовъ не всегда считается грѣхомъ навязать тексту смыслъ, какой лишь хотѣлось бы найти въ немъ, или остроумнымъ выкрикомъ отдѣлаться отъ указываемаго сектантами текста, требующаго для себя болѣе глубокаго и серьезнаго изслѣдованія. Говоря о крещеніи ап. Филиппомъ цѣлой Самарянской общины (267), г. Авраменко два раза на одной страницѣ цитируетъ въ кавычкахъ: „Крестились *всѣ*, внимавшіе Симону отъ малаго до великаго (Дѣян. 8, 5-25)". На самомъ дѣлѣ такого текста нѣтъ: подчеркнутое г-мъ Авраменко *всѣ* и дальнѣйшія слова въ книгѣ Дѣяній относятся не къ факту крещенія, а лишь къ факту слушанія Симона Волхва („находился въ городѣ нѣкоторый мужъ именемъ Симонъ... ему внимали всѣ, отъ малаго до большого" 9—10 ст.); о крещеніи же діак. Филиппомъ лишь сказано, что эти слушатели Симона, „когда повѣрили Филиппу,... то крестились и мужчины и женщины" (12 ст.): не только слова „отъ малаго до большого", но даже слово *всѣ* какъ разъ въ рѣчи о крещеніи опущены. Указывая для доказательства наличности въ общинахъ первыхъ христіанъ крещеныхъ дѣтей на случай паденія юноши Евтиха изъ окна во время проповѣди ап. Павла въ Троадѣ (268 стр.—Дѣян. 20,9), г. Авраменко самъ, повидимому, чувствуетъ, какъ далеко отъ этого юноши до грудныхъ младенцевъ, и поэтому, описывая данный случай своими словами, произвольно прибавляетъ... „Евтихъ,... будучи слишкомъ молодъ"... Или еще—не менѣе краснорѣчивый примѣръ толкованія, гдѣ указанъ и самый источникъ его (140): „Неправильна ссылка сектантовъ (и) на благоразумнаго разбойника, который спасся на крестѣ безъ крещенія, во 1-хъ не итти же намъ всѣмъ въ разбойники, чтобы предъ смертью однимъ исповѣданіемъ спастись (Варжанскій „Оружіе правды" 76 стр.)". Понятно, что при такомъ отсутствіи у г. Авраменко стремленія хоть сколько-нибудь выбирать среди найденныхъ имъ объясненій мѣстъ св. Писанія въ его толкованіяхъ едва ли не каждаго текста можно встрѣтить болѣе или менѣе замѣтные недостатки то въ отношеніи пріемовъ толкованія, то—самаго ихъ содержанія (Стр.: 62. 71. 74—75. 77—78. 79. 87—88. 95. 115. 118. 124—128. 132. 134. 137—139. 144—145. 149. 186—187. 196—197 и 285).

Для замѣчанія о возникновеніи баптизма г. Авраменко (44 прим. 1) пользуется статьей А. Я. Дородницына (нынѣ

Преосв. Алексія) изъ Екатер. Епарх. Вѣдомостей № 9—1895 г., вошедшей впослѣдствіи въ его „Исторію религіозно-раціоналистическаго движенія на югѣ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка“ („Правосл. Соб.“ 1907 г., томъ I, стр. 457: „Исторія секты баптистовъ“). Хотя въ данномъ случаѣ г. Авраменко, правда—безсознательно, напалъ на единственное у насъ серьезное изслѣдованіе по данному вопросу, но то, что онъ заимствуетъ изъ него, оказывается завѣдомо ошибочнымъ. Преосв. Алексій вслѣдъ за своими нѣмецкими пособіями причиной выдѣленія секты баптистовъ изъ лютеранства считаетъ отрицаніе ими дѣйствительности крещенія дѣтей, но символическія книги лютеранства, открывая съ одной стороны, что сами представители послѣдняго не могли слишкомъ рѣзко расходиться по этому вопросу съ анабаптистами, указываютъ цѣлый рядъ другихъ болѣе глубокихъ причинъ возникновенія баптизма (см. отзывъ проф. В. А. Керенскаго о названномъ изслѣдованіи — Приложеніе № 3 къ Журналу Совѣта Казан. Дух. Академіи № 64 за 1910 г.).

Если нельзя ставить въ вину г. Авраменко этого упущенія, такъ какъ историческія свѣдѣнія не составляли самостоятельнаго предмета его работы, то полное отсутствіе самой элементарной критики или даже простой осторожности по отношенію къ тѣмъ пособіямъ изъ миссіонерской литературы, которымъ г. Авраменко безотчетно слѣдуетъ даже въ методѣ своей работы, не можетъ представлять собой столь же невиннаго свойства этой послѣдней. Совершенно необъяснимой оказывается, напримѣръ, чрезмѣрная привязанность его къ лубочному по обилію опечатокъ и наивно полемической постановкѣ изслѣдованія произведенію прот. Орлова. Выше мы уже имѣли случай видѣть эту зависимость относительно содержанія, теперь укажемъ случай зависимости самаго метода работы г. Авраменко отъ Орлова. Начиная разборъ сектантскаго воззрѣнія на крещеніе и ихъ отрицанія таинства вообще (съ 56 стр.), г. Авраменко заимствуетъ формулировку этого отрицанія у Орлова (50—52 стр.), гдѣ въ качествѣ аргумента къ подобному отрицанію со стороны молоканина Уклеина указывается то обстоятельство, что съ пришествіемъ Христа всѣ тайны открыты (Мѳ. 13,11 и Еф. 3,9) и, поэтому—молъ никакихъ тайнъ,

таинствъ у христіанъ быть не должно. Не обращая вниманія на то, что подобный аргументъ—ни больше ни меньше какъ простая увертка, пустая игра словъ, прот. Орловъ долго (53—62) останавливается на его разборѣ и только вдвое меньшую часть отдѣла о таинствахъ (62—68) посвящаетъ положительному обоснованію христіанскаго ученія о таинствахъ. Вслѣдъ за нимъ и г. Авраменко, желая опровергнуть отрицаніе таинствъ вообще, сжато приводитъ по Орлову (59—выше это мѣсто буквально выписано) опроверженіе этого пустого сектантскаго аргумента и, вѣроятно, заключая, что отрицаніе таинствъ такимъ способомъ окончательно ниспровергнуто, лишь кратко приводитъ по Катанскому элементы истиннаго представленія таинства (60). Очевидно, что въ такомъ случаѣ г-ну Авраменко лучше было бы совсѣмъ не касаться принципіальнаго отрицанія таинствъ. Тѣмъ досаднѣй рабское слѣдованіе данному пособію и именно въ данномъ его мѣстѣ со стороны г-на Авраменко, что у него подъ руками было прямое указаніе недочетовъ книжки Орлова и какъ разъ относительно этого ея мѣста. Вотъ что пишетъ по этому поводу Оболенскій въ своей книгѣ, которой г. Авраменко не менѣе широко пользовался: „Въ разсужденіи по этимъ вопросамъ (о таинствахъ вообще и въ частности) авторъ (прот. Орловъ) почти не разсматриваетъ *самыхъ основаній молоканскаго лжеученія... и нерѣдко безъ нужды вдается въ детальныя подробности по вопросамъ второстепеннымъ, какъ это сдѣлано, напр., при разсужденіи о значеніи самаго слова „таинство“*... Вообще, *сочиненіе Орлова,* какъ первый опытъ по обличенію молоканства, *далеко не достигаетъ своей цѣли*“ („Критич. разборъ вѣроисповѣданія рус. сектантовъ—раціоналистовъ“ V стр.).

При такомъ выборѣ пособій, или, вѣрнѣй, при отсутствіи какого бы то ни было сознательнаго выбора, понятно, какъ часто они коварно подводятъ беззавѣтно ввѣрившагося имъ г. Авраменко. Какъ пагубно это положеніе дѣла отражается на цитаціи мѣстъ Слова Божія и на ихъ истолкованіи,—мы уже видѣли. Остановимся еще на нѣкоторыхъ частностяхъ. Доказывая, что крещеніе младенцевъ практиковалось въ первые III вѣка христіанства, г. Авраменко приводитъ (272—274) длинную выдержку изъ ареопагитика: „О церковной іерархіи“, гдѣ между прочимъ говорится: „...Бо-

жественнымъ и нашимъ наставникамъ угодно показалось и младенцевъ допускать къ тайнѣ крещенія“ и сопровождаетъ эту выдержку такимъ категорическимъ комментаріемъ: „Это свидѣтельство Діонисія Ареопагита важно потому, что оно очень древнее, ибо Діонисій былъ обращенъ въ христіанство самимъ ап. Павломъ (Дѣян. 17—34); и подъ наставниками, естественно, разумѣлъ апостоловъ и въ частности ап. Павла“. Однако происхожденіе ареопагитикъ относится самое раннее къ V вѣку (см. „Правосл. богосл. энциклопедія“ Лопухина томъ IV, стр. 1077—1081), и предположеніе о близости ихъ къ апостоламъ вмѣстѣ съ курьезной цитатой изъ Дѣяній слишкомъ характерно для миссіонерской полемики, чтобы предположить, что самъ г. Авраменко произвелъ подобную конъектуру. Мужа Ананію, крестившаго ап. Павла (Дѣян. 9 и 22 гл.), нашъ авторъ вслѣдъ за Орловымъ неизвѣстно почему называетъ Апостоломъ (73 стр. у Орлова, и у Авраменко), не смотря на то, что Оболенскій, у котораго г. Авраменко списываетъ комментарій къ повѣствованію о крещеніи ап. Павла, за нѣсколько строкъ предъ тѣмъ задается вопросомъ о личности Ананіи и даже не высказываетъ и предположенія, что это могъ быть апостолъ (204 прим. 2).

Заканчивая разсмотрѣніе пріемовъ работы г-на Авраменко, рецензентъ не можетъ не подчеркнуть неоднократно уже констатированной выше склонности его при изложеніи непозволительно близко держаться текста пособій, что, при упорномъ игнорированіи необходимыхъ въ такихъ случаяхъ кавычекъ и частомъ опущеніи цитатъ, должно быть квалифицировано въ качествѣ главнаго недостатка сочиненія, столь гибельно вліяющаго на производимое имъ впечатлѣніе. Мы уже видѣли, въ какія дебри несообразностей увлекаетъ г-на Авраменко эта его манера, но для удержанія отъ подобнаго соблазна на будущее время укажемъ еще одинъ случай. Уясняя символическое значеніе въ устахъ Спасителя слова „вода“, Орловъ разбираетъ (77—79) Его призывъ на праздникѣ Кущей (Іоан. 7, 37-38), причемъ, установивъ сначала смыслъ одной первой половины этого текста (37 ст.), для объясненія второй (38 ст.) сноситъ ее со словами Господа самарянкѣ (Іоан. 4, 14) и въ качествѣ общаго вывода говоритъ: „Какъ прежде Господь употребилъ выраженія,

означающія тѣлесныя потребности: *кто жаждетъ, да піетъ*: такъ и здѣсь Онъ же дары Св. Духа изображаетъ чувственными чертами" (79). Такимъ образомъ, слово „прежде" у Орлова указываетъ на первую половину призыва на праздникѣ, какъ это прямо и поясняется буквальнымъ воспроизведеніемъ словъ: *кто жаждетъ* и т. д., а словомъ „здѣсь" обозначена вторая половина. Г. Авраменко, буквально списывая у него комментарій къ этимъ текстамъ, повидимому — для обнаруженія собственной самодѣятельности, переставляетъ ихъ: сначала объясняетъ слова самарянки (82 стр.—Іоан. 4, 13-14), а потомъ уже переходитъ къ призыву на праздникѣ Кущей и, вставивъ выписку о ветхозавѣтныхъ пророчествахъ (изъ 80 стр. Орлова), заключаетъ: „Какъ въ первомъ разбираемомъ нами текстѣ (Іоан. 4, 13-14) Господь употребилъ выраженія, обозначающія тѣлесныя потребности: „кто жаждетъ, да піетъ", такъ и здѣсь Онъ же дары св. Духа изображаетъ чувственными чертами" (64). Такимъ образомъ, вмѣсто слова *прежде* г. Авраменко употребляетъ описательное выраженіе и даже подставляетъ цитату: Іоан. 4, 13-14. тогда какъ Орловъ разумѣетъ Іоан. 7, 37, гдѣ и находятся слова: „кто жаждетъ, да піетъ", а у г. Авраменко выходитъ, будто они находятся— Іоан. 4, 13-14. Точно также и слово *здѣсь* въ фразѣ, непосредственно слѣдующей у г. Авраменко за цитатами изъ ветхо-завѣтныхъ пророковъ, можетъ показаться обозначающимъ эти послѣднія, что̀ при подлежащемъ *Онъ* оказывается новой несообразностью.

Разсмотрѣвъ, какъ понялъ г. Авраменко задачу своей работы и какими средствами и пріемами производилъ ее (его отношеніе къ источникамъ и пособіямъ), а такъ же—и то, какъ это пониманіе задачи и пріемы работы отразились на методѣ и содержаніи самаго сочиненія, обратимся теперь къ этому послѣднему въ его цѣломъ.

Послѣ перечня источниковъ и пособій (3—10) и краткаго предисловія (11—12) г. Авраменко въ первой главѣ своего сочиненія кратко излагаетъ исторію русскихъ раціоналистическихъ сектъ: при чемъ, указавъ первыя спорадическія обнаруженія у насъ сектантства (13—21), передаетъ то внѣшне—фактическую, то внутреннюю, идейную исторію отдѣльныхъ сектъ: молоканъ (21—29), штундо-молоканъ (29—33), пашковцевъ (33—41) и штудно-баптистовъ (41—56). Вторая глава

посвящена опроверженію: во 1-хъ, отрицанія крещенія вообще (56—152) и во 2-хъ—отрицанія крещенія младенцевъ (152—226); 3-й и 4-ый отдѣлы этой главы отмѣчаютъ оригинальныя формы сектантскаго отношенія къ крещенію младенцевъ, изъ которыхъ въ одной признаніе необходимости крещенія младенцевъ соединяется со взглядомъ на крещеніе какъ на обыкновенный обрядъ (227—235), а въ другой,—хотя крещеніе и считается таинствомъ и его совершаютъ надъ младенцами, но совершаютъ міряне (236—239). Въ третьей гл. г. Авраменко излагаетъ догматическое (239—293) и литургическое (293—316) ученіе православной Церкви о таинствѣ крещенія. Едва ли можно что-либо возразить противъ этого плана самого по себѣ, но, такъ какъ онъ не былъ выработанъ самостоятельно г. Авраменко, то его осуществленіе у послѣдняго производитъ впечатлѣніе недостаточно сознательнаго заполненія напередъ намѣченныхъ пунктовъ. При чтеніи исторической справки, вслѣдствіе неоднородности свѣдѣній, сообщаемыхъ о сектахъ, кажется, что автору просто казалось нужнымъ сказать что-нибудь—безразлично,—что̀ именно,—о напередъ выбранныхъ сектахъ, и онъ наскоро дѣлаетъ это. Вмѣсто этого въ такомъ случаѣ гораздо лучше было бы упомянуть о болѣе глубокихъ историческихъ прецедентахъ къ отрицанію крещенія младенцевъ и ученію о перекрещиваніи въ расколахъ и ересяхъ древней Церкви (новаціане и донатисты) и среднихъ вѣковъ (Петръ Брюйсъ и Вальдусъ—XI—XII вв.). Въ третьей части второй главы недостаточно отчетливо подчеркивается странность соединенія ученія о крещеніи младенцевъ съ взглядомъ на крещеніе, какъ знакъ вѣры, такъ что на первый взглядъ можетъ показаться, что упоминаніе объ этомъ ученіи, какъ не содержащемъ отрицанія крещенія младенцевъ совсѣмъ излишне для раскрытія темы сочиненія. Третья глава должна была бы вскрыть крѣпость тѣхъ узъ, какія посредствомъ Преданія связываютъ въ разсматриваемомъ отношеніи современную православную Церковь съ первенствующей и, такимъ образомъ, указать положительный аргументъ въ пользу православнаго крещенія младенцевъ. Г. Авраменко по недоразумѣнію соединяетъ съ этимъ и самое раскрытіе православнаго ученія, которое и принужденъ, поэтому, отложить на самый конецъ своего сочиненія, что̀,—

съ одной стороны, не можетъ не производить впечатлѣнія значительнаго запозданія, словно отрицаніе тезиса можетъ предшествовать самому тезису, а съ другой,—служитъ причиной уже указаннаго частаго повторенія аргументовъ въ пользу православнаго ученія по поводу разбора частныхъ текстовъ, указываемыхъ сектантами. Словомъ, если еще сюда прибавить ту безсистемность въ расположеніи разбираемыхъ сектантскихъ аргументовъ, о которой мы говорили въ началѣ настоящаго отзыва, то придется признать, что планъ у г. Авраменко „является лишь внѣшней декораціей внутренняго хаоса".

По самому существу содержанія разсматриваемаго сочиненія, кромѣ всего того, что уже открылось при разсмотрѣніи пріемовъ работы надъ нимъ, необходимо отмѣтить спутанность догматическихъ представленій автора. Онъ, съ одной стороны, обнаруживаетъ столь обычное въ полемикѣ стремленіе преувеличить значеніе крещенія:—„Не обѣщаніе доброй совѣсти спасаетъ человѣка, а крещеніе, иначе если бы спасало обѣщаніе, тогда не нужно было бы и крещенія" (190. сн. также 157); „младенцы, умершіе до крещенія по смыслу словъ Господа (Іоан. 3, 5 и сл.) лишаются подаваемыхъ въ крещеніи духовныхъ благъ и погибаютъ для царствія Божія" (261—262), но раньше (222) это положеніе было высказано лишь по отношенію къ дѣтямъ баптистовъ, а для дѣтей, умершихъ безъ крещенія не по винѣ родителей, было допущено исключеніе, при чемъ основаніе къ этому исключенію было указано такое, которое и баптисты съ успѣхомъ могутъ примѣнить къ своимъ дѣтямъ, умершимъ до крещальнаго возраста; г. Авраменко на основаніи Іоан. 20, 30 и 21, 25 утверждаетъ даже, что совершеніе крещенія надъ младенцами было заповѣдано Христомъ чрезъ устное благовѣствованіе (272). Но съ другой стороны—нашъ авторъ, наоборотъ, какъ будто принижаетъ значеніе крещенія: отожествляетъ его сначала съ обрѣзаніемъ и принесеніемъ жертвы за грѣхъ, каковая, по убѣжденію его, очищала отъ первороднаго грѣха, такъ что крещеніе оказывается излишнимъ для обрѣзанныхъ (204), а потомъ—съ благословеніемъ (если крещеніе излишне, то излишне и благословеніе—205), каковое, впрочемъ, по представленію нашего автора, „есть ничто иное, какъ сообщеніе благодати" (260).

Стремясь все время держаться какъ можно ближе къ Слову Божію, г. Авраменко на немъ основываетъ и свое „психологическое“ обоснованіе крещенія младенцевъ (170—175). Понятно, что въ результатѣ у него получается такая „психологія“, которую достаточно характеризуетъ, напр., слѣдующая параллель, входящая въ ея составъ: душа ребенка настолько же отличается отъ души взрослаго, какъ душа средняго человѣка отъ души генія (175). Чѣмъ довольствоваться такой „психологіей“, лучше было бы оставить её совсѣмъ въ покоѣ.

Въ числѣ мелкихъ недостатковъ можно указать рѣзко бросающійся въ глаза безпорядокъ въ перечнѣ источниковъ и пособій: у г. Авраменко не только смѣшаны источники и пособія, но и послѣднія словно нарочно перепутаны между собой; вотъ для примѣра: 64) Никольскій „Московскій евангелистъ Тверитиновъ.“ 65) „Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 1896 г. второе полугодіе. 66) „*Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων*“ въ русск. переводѣ. 67) „Баптисты, ихъ ученіе и задачи“... (7).

Такой же безпорядокъ царитъ въ перечисленіи органовъ, обслуживающихъ миссіонерскія нужды штундо-баптистовъ (прим. 45—46): г. Авраменко то указываетъ отдѣльныя изданія, достаточно скромныя, то—цѣлыя издательства, при чемъ не называетъ или не точно обозначаетъ два главнѣйшія: „Книгоиздательство Полезной Литературы“ СПБ. Васильевскій островъ 24 линія № 11 и „Товарищество Радуга“ Невскій пр. № 57 и Гальбштадтъ Тавр. губ. (Къ подобнаго же рода недостаткамъ надо отнести и повтореніе одной и той же довольно большой фразы на двухъ сосѣднихъ страницахъ: 231—232, отсутствіе примѣчаній—123—124 и выноску подъ строку того, что должно бы остаться въ текстѣ—73 стр. прим.).

Считая своей обязанностью указать всѣ перечисленные недочеты сочиненія г. Авраменко и въ результатѣ соглашаясь съ его скромнымъ заявленіемъ въ предисловіи, что его „трудъ не имѣетъ за собой научнаго значенія“, рецензентъ въ то же время долженъ подчеркнуть слѣдующее: 1) главная масса всѣхъ недочетовъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ не пожелалъ возвысить своего сочиненія надъ уровнемъ обычныхъ миссіонерскихъ произведеній, въ

чемъ, какъ уже сказано, нельзя очень обвинять его; 2) большинство его оплошностей въ самомъ содержаніи, напр., по поводу ареопагитика, и значительную долю догматическихъ оплошностей рецензентъ нашелъ въ такомъ миссіонерскомъ трудѣ, которому г. Авраменко, писавшій на соисканіе лишь первой ученой степени, не имѣлъ основаній не довѣрять, такъ что въ этомъ случаѣ на его отвѣтственности остается лишь отсутствіе ссылокъ на этотъ трудъ; и, наконецъ, 3) если не само по себѣ сочиненіе, то подготовка его, заставившая г. Авраменко пересмотрѣть непосильно много сектантскихъ и миссіонерскихъ книжекъ и журналовъ, даетъ основаніе ожидать положительныхъ результатовъ отъ нея, если авторъ пожелаетъ практически примѣнить эту подготовку къ дѣлу противосектантской миссіи.

Вслѣдствіе этого рецензентъ признаетъ г. Авраменко достойнымъ степени кандидата богословія".

б) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Авторъ съ похвальнымъ трудолюбіемъ собралъ и изучилъ значительное количество „источниковъ и пособій" для своей темы: въ „предисловіи" къ своему сочиненію онъ перечисляетъ болѣе 100 заглавій такъ или иначе использованныхъ имъ какъ православно-богословскихъ монографій, брошюръ и журнальныхъ статей, такъ и произведеній сектантской письменности. Представленный авторомъ разборъ сектантскихъ раціоналистическихъ воззрѣній на крещеніе младенцевъ не носитъ на себѣ почти никакихъ слѣдовъ личной богословско-критической мысли г. Авраменко, а является лишь своеобразной систематизаціей матеріала, разработаннаго въ бывшихъ подъ руками автора пособіяхъ, преимущественно миссіонерско-полемическаго характера, и потому всецѣло отражаетъ на себѣ какъ достоинства, такъ и недостатки традиціоннаго миссіонерско-богословскаго экзегезиса. Можетъ быть, этою несамостоятельностью богословской аргументаціи автора объясняется и наблюдаемая мѣстами спутанность нѣкоторыхъ его тезисовъ, напр. относительно времени божественнаго установленія крещенія, какъ таинства: на стр. 116-й и 133-й авторъ пишетъ, что уже „Іоанново крещеніе было обязательнымъ для всѣхъ", и что оно „было возвеличено на степень святѣйшаго таинства Самимъ Го-

сподомъ съ той торжественной минуты, когда Онъ Самъ принялъ крещеніе, погрузившись въ водахъ Іордана", а на стр. 140-й утверждаетъ, что „до смерти и воскресенія Христа не существовало таинства крещенія, установленнаго Христомъ и необходимаго для спасенія человѣка".

Планъ сочиненія г. Авраменко не отличается безукоризненной стройностью и отчетливостью. Большое недоумѣніе съ архитектонической точки зрѣнія вызываетъ 1-я глава его работы: давая въ ней бѣглый очеркъ историческаго развитія вообще раціоналистическаго сектантства на Руси отъ 14-го вѣка до нашего времени, отмѣчая его связь съ доктринами Виклефа, Гуса (котораго авторъ, кстати, совершенно невѣрно причисляетъ къ лжеучителямъ, отвергавшимъ „монашество, молитвы за усопшихъ, духовенство, необходимость постовъ и т. д."—15 стр.), и нѣмецкихъ реформаторовъ 16 в., г. Авраменко сообщаетъ здѣсь самыя разнохарактерныя свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ русскихъ раціоналистическихъ сектахъ, имѣющія лишь самую отдаленную связь съ темой автора. Заполнивъ болѣе 50 страницъ не относящимся къ темѣ матеріаломъ, авторъ лишь въ началѣ 2-й главы своей работы какъ будто вспоминаетъ о темѣ своего сочиненія, вполнѣ основательно заявляя, что „въ нашу задачу не входитъ критическое разсмотрѣніе всѣхъ пунктовъ сектантскаго лжеученія. Остановимъ свое вниманіе на вопросѣ о крещеніи вообще и главнымъ образомъ о крещеніи младенцевъ" (56 стр.).

Изложеніе автора хотя не блещетъ литературной отдѣлкой, но въ достаточной мѣрѣ—ясное и складное. Неудачныя выраженія, въ родѣ: „ученіе Уклеина записано преосвящ. Іаковомъ Саратовскимъ и хранится въ Нижегородской семинарской библіотекѣ за № 3571" (22 стр.), „въ составъ свободомыслія Башкина и Косого входятъ начала, заимствованныя на западѣ" (17 стр.), „человѣкъ не уничтожаетъ самъ различныхъ слабостей своихъ грѣховъ" (48 стр.) и др. —встрѣчаются, какъ рѣдкія исключенія.

Кандидатской степени авторъ достоинъ".

2) О сочиненіи студента *Бѣляева Тихона* на тему: „Старообрядчество въ послѣднее тридцатилѣтіе (1883—1913 г.г.)."

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго:*

„Въ предисловіи авторъ заявляетъ о своей болѣзни, вынудившей его оторваться отъ занятій на цѣлыхъ три мѣсяца (сентябрь—ноябрь) и не позволившей ему „выполнить всю преднамѣченную работу“ (стр. VII). Свой матеріалъ авторъ намѣревался расположить по 3-мъ главамъ. „Предпославъ въ качествѣ общаго фона обзоръ гражданскаго законодательства по расколу и изобразивъ отношеніе раскольниковъ къ отдѣльнымъ актамъ этого законодательства, а равно и къ ихъ творцу—государству (гл. I-ая), авторъ—въ дальнѣйшемъ — думалъ дать исторію внутренней жизни всѣхъ старообрядческихъ толковъ, раздѣливъ ихъ на двѣ группы: безпоповщину (гл. 2-я) и поповщину (гл. 3-я)“. Въ настоящемъ же видѣ сочиненіе г. Бѣляева состоитъ только изъ двухъ первыхъ главъ. Ему недостаетъ 3-й главы —о поповщинѣ. Немалое затрудненіе доставило автору также „и то, что матеріалъ, съ которымъ ему пришлось оперировать, былъ по преимуществу сырой“: всеподданнѣйшіе отчеты оберъ-прокуроровъ Св. Синода, тексты законовъ, законопроектовъ, труды старообрядческихъ съѣздовъ и т. п. Болѣзнь, неразработанность вопроса—условія весьма серьезныя при выполненіи всякой научной работы. И мы принимаемъ ихъ какъ смягчающія при оцѣнкѣ сочиненія, извиняющія неполноту очерка и недосказанность тамъ, гдѣ бы хотѣлось читать подробности.

Но что сдѣлано авторомъ, сдѣлано хорошо. Авторъ—студентъ способный, умѣющій разбираться въ первоисточникахъ, критически относиться къ нимъ и систематизировать почерпнутыя положенія. Мысль его крѣпкая, бодрая, логическая. Сочиненіе читается съ интересомъ, хотя и не со всѣми частными сужденіями автора можно согласиться. Степени кандидата богословія г. Бѣляевъ за свое сочиненіе совершенно заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе Т. Бѣляева представляетъ собою очень интересный очеркъ, описывающій тѣ движенія внутри старообрядства, которыя вызваны законодательными актами, предоставившими ему свободу исповѣданія. Какъ бы ни расцѣнивать эти движенія,—считать ли ихъ процессами роста или разложенія,—они имѣютъ для представителя православной

церкви большой интересъ не только теоретическій, но и практическій: подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, главнымъ образомъ подъ воздѣйствіемъ манифеста 17 апрѣля старообрядство стало далеко не тѣмъ, чѣмъ оно было, напримѣръ, тридцать лѣтъ тому назадъ, и къ нему надо подходить съ иными, чѣмъ прежде, пріемами воздѣйствія. Въ сочиненіи г. Бѣляева есть промахи: жизнь старообрядцевъ за 17 лѣтъ прошлаго вѣка онъ характеризуетъ почти исключительно по отчетамъ оберъ-прокурора. Но этотъ источникъ по меньшей мѣрѣ недостаточенъ... Чтобы доказать положеніе, что манифестъ 17 апрѣля 1905 года, примиривъ безпоповцевъ съ государствомъ, вызвалъ усиленныя нападки ихъ на православную церковь, авторъ ссылается на литографированныя тетради Л. Ѳ. Пичугина, относящіяся къ 1899 году. Языкъ автора нѣсколько многословенъ и по мѣстамъ развязенъ до фельетонности.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе представляетъ собою продуманный и цѣльный очеркъ, свидѣтельствующій о работоспособности автора, объ умѣньи вникать въ связь явленій недавняго прошлаго или даже настоящаго и вѣрно ихъ оцѣнивать. Поэтому отмѣченные недочеты можно признать несущественными и сочиненіе въ общемъ очень хорошимъ".

3) О сочиненіи студента *Василевскаго Ивана* на тему: „Святитель Димитрій Ростовскій, какъ проповѣдникъ".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Василевскаго довольно полно охватываетъ проповѣдническую дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго и для полученія степени кандидата богословія удовлетворительно. Очень жаль, что пріемы работы автора въ первой главѣ, посвященной „исторіи изданія и исправленія словъ и поученій св. Димитрія" рѣзко отличаются отъ пріемовъ работы послѣдующихъ главъ. Въ первой главѣ авторъ имѣетъ дѣло съ первоисточниками и излагаетъ весьма цѣнные результаты своего тщательнаго сопоставленія печатнаго изданія твореній св. Димитрія съ рукописнымъ оригиналомъ. Глава эта производитъ самое лестное для автора впечатлѣніе, ясно доказывая, что онъ можетъ работать вполнѣ научно. Тѣмъ досаднѣе наблюдать, что въ послѣдующихъ

главахъ авторъ, повидимому вслѣдствіе недостатка времени, добросовѣстно потраченнаго на первую главу, предпочитаетъ идти преимущественно болѣе легкимъ путемъ компиляціи. Въ главѣ третьей, посвященной характеристикѣ „польскаго вліянія на южно-русскую проповѣдь“, компилятивность переходитъ въ довольно-беззастѣнчивое списываніе изъ авторитетныхъ ученыхъ пособій безъ соотвѣтствующей цитаціи; склонность къ этому чувствуется и въ послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ, „проповѣднической дѣятельности св. Димитрія въ Малороссіи и Великороссіи“. При всемъ томъ авторъ обнаруживаетъ себя большимъ знатокомъ какъ библіографической стороны твореній св. Димитрія, такъ и ученой литературы своего предмета. Данные въ приложеніи списки нѣсколькихъ неизданныхъ словъ и описанія рукописныхъ сборниковъ проповѣдей св. Димитрія дѣлаютъ честь автору, свидѣтельствуя о широтѣ его научныхъ замысловъ и достигнутыхъ результатовъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *Д. П. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента Василевскаго состоитъ изъ 5 главъ и приложенія. Въ 1-й главѣ излагаются свѣдѣнія, относящіяся къ изданію и исправленію словъ и поученій св. Димитрія; во 2-й дается краткая біографія святителя; въ 3—5-й главахъ характеризуется проповѣдническая дѣятельность св. Димитрія. Въ особомъ приложеніи включены неизданныя слова и поученія св. Димитрія.

Сочиненіе студента Василевскаго выгодно выдѣляется изъ разряда обычныхъ кандидатскихъ работъ. Нашъ авторъ не довольствовался изданными уже твореніями святителя Димитрія, но сдѣлалъ попытку самостоятельнаго изученія рукописнаго матеріала и далъ въ приложеніи нѣсколько неизданныхъ проповѣдей ростовскаго архипастыря. Критическія замѣчанія автора о характерѣ исправленія словъ и поученій св. Димитрія и вносимыя имъ нѣкоторыя поправки свидѣтельствуютъ о серьезномъ отношеніи г. Василевскаго къ дѣлу. Авторъ не далъ, правда, чего либо новаго въ біографическомъ очеркѣ жизни св. Димитрія (гл. 2-я). При оцѣнкѣ проповѣдническихъ трудовъ святителя Димитрія ему также не приходилось устанавливать какія либо новыя точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, вопросъ о польскомъ вліяніи

на южно-русскую литературу и въ частности на проповѣдь достаточно обслѣдованъ въ нашей литературѣ. Но заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ показалъ, какъ святитель Димитрій, отдавшій не малую дань схоластикѣ, постепенно освобождалъ свою мысль и свое слово отъ вліянія ея.

Отмѣчая достоинства работы г. Василевскаго, рецензентъ не можетъ не обратить вниманія на слѣдующее. 3-я глава автора, думается, могла бы безъ ущерба дѣлу слиться съ 4-й. Тогда общія предпосылки автора, которыя онъ дѣлаетъ въ 3-й главѣ, имѣли бы конкретные примѣры въ проповѣдяхъ св. Димитрія, сказанныхъ имъ въ Малороссіи. Стиль автора не вездѣ безупреченъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 103 онъ говоритъ, что „ростовскій архипастырь былъ найденъ въ своей кельѣ почившимъ на колѣняхъ *въ молитвѣ*“... На страницѣ 155 онъ говоритъ: „проповѣдникъ *вызываетъ на сцену* всѣхъ птицъ, даже *небывалыхъ*, о которыхъ что нибудь *зналъ*“... На стр. 156 мы читаемъ: „слушатели при замысловатыхъ, иногда *веселыхъ*, иногда печальныхъ *разглагольствованіяхъ* проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили. Едва ли можно такъ обезцѣнивать южно-русскую проповѣдь. На стр. 214 авторъ говоритъ о вліяніи схоластики: „къ концу 17-го вѣка, въ то время, какъ въ Москвѣ *шло уже новое просвѣтительное движеніе къ усвоенію тѣхъ реальныхъ знаній*, безъ которыхъ не мыслима самая жизнь человѣческая,—мракъ средневѣковья все болѣе и болѣе сгущался надъ кіевскими учеными *и опутывалъ ихъ съ головы до ногъ*“. Не ясно, о какихъ *„реальныхъ знаніяхъ“* говоритъ авторъ. И едва ли можно говорить о какой либо выразительности упоминанія о мракѣ, окутывающемъ „съ головы до ногъ“. И подобныя выраженія нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіи г. Василевскаго.

Но послѣднія замѣчанія не касаются существа работы г. Василевскаго, а потому его сочиненіе мы признаемъ вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

4) О сочиненіи студента *Введенскаго Пантелеимона* на тему: „Слѣды древне-семитической религіи въ народной жизни современнаго востока“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Жизнь семитическаго востока издавна славится своимъ стабилизмомъ, дающимъ возможность сохраняться обычаямъ даже патріархальной древности, однако теперь волны европеизаціи проникаютъ и въ отдаленные уголки востока и стираютъ мало по малу устои античнаго быта, — отсюда понятно желаніе зафиксировать литературно преданіе и связанныя съ нимъ формы быта современныхъ семитовъ, пока ихъ совершенно не изгладило неумолимое шествіе западной культуры. Г. Введенскій долженъ былъ сопоставить съ Библейскими данными тѣ изъ обычаевъ современнаго семитическаго востока, какіе относятся къ сферѣ проявленій народныхъ воззрѣній на культъ и Божество. Разумѣется, на современномъ востокѣ, какъ и всюду, различны взгляды интеллигенціи и простого народа, того амъ-гаарецъ, какой мало освѣдомленъ въ теоретической религіи, но таитъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ преданій о быломъ, въ частности религіознаго фольклора. Взгляды, понятія и культовая практика этого простого народа на востокѣ, въ Аравіи, Сиріи и Палестинѣ, и должны были лечь въ основу сужденій и выводовъ г. Введенскаго о слѣдахъ древнесемитической религіи въ жизни современнаго востока. Если общевосточный консерватизмъ сохранилъ и въ высшихъ общественныхъ слояхъ, наряду съ оффиціальною принадлежностью къ исламу или христіанству, не мало понятій изъ глубокой семитической древности, понятій, сходныхъ съ ветхозавѣтными культовыми идеями, то въ обыденной жизни малокультурныхъ общественныхъ элементовъ, у феллаховъ и бедуиновъ, эти элементы весьма живучи, обильны и дѣеспособны. Итакъ г. Введенскому предстояла двойственная задача: 1) выдѣленіе христіанскихъ и мусульманскихъ привходящихъ частей въ амальгамѣ вѣрованій и религіозной практики простого народа на востокѣ и 2) сравненіе полученнаго остатка съ религіозно-бытовыми данными ветхозавѣтной Библіи. Такъ являлась возможность разъяснить Библію наличными фактами жизни востока и по мѣстамъ не только экзегетировать темные Библейскіе тексты, но и дополнить наши свѣдѣнія о ветхозавѣтныхъ временахъ, за-

имствуя свѣтъ отъ современности. Конечно, не всюду на востокѣ равномѣрно замѣчаются соприкосновенія съ бытомъ античнымъ, кромѣ того въ виду сообщенія Библіей нѣкоторыхъ данныхъ и о девіаціяхъ культа, практиковавшихся у евреевъ при отступленіи отъ ветхозавѣтной религіи, г. Введенскій искалъ бытовыхъ аналогій не съ одною Библейско-ортодоксальною практикою, но и съ отправленіями культа у семитовъ-язычниковъ, вліявшихъ на древняго Израиля. Матеріаломъ для составленія работы г. Введенскому послужили описанія путешествій на востокъ съ введеніемъ этнографическаго элемента, напр., труды Тишендорфа и Буркхарда, особенно данныя въ цѣнномъ изслѣдованіи англичанина Curtiss. Нашъ авторъ жалуется на бѣдность матеріаловъ, предлежавшихъ ему въ текстѣ описаній обычаевъ и жизни востока (путешествія, немногія монографіи), однако и этотъ скудный матеріалъ обслѣдованъ имъ далеко не съ желательною полнотою и детальностью, а неумѣлая переписка при обиліи арабскихъ словъ и выраженій (въ транскрипціи) еще болѣе затемнила результатъ его изысканій.

Изъ частныхъ недостатковъ можно указать на невыясненность для писавшаго понятія бамà—высота (у него promiscue—бамà и plural. бамотъ). Нашъ авторъ полагаетъ, что всегда въ Библіи это выраженіе обозначаетъ естественное возвышеніе мѣстности, пригорокъ, холмъ и т. п., но бамà часто аналогично alta ara представляла искусственную насыпь, каменный жертвенникъ а культъ высотъ—бамотъ далекъ отъ представляемаго авторомъ обнаруженія тенденціи антропоморфизировать Божество, а просто обусловленъ желаніемъ децентрализировать Богослуженіе, что было въ подзаконный періодъ вскрытіемъ атавистической черты отъ періода патріархальнаго, когда жертвы приносились всюду. Равно невѣрно, что макомъ (у автора макамъ) было въ языкѣ Библіи техническимъ обозначеніемъ мѣста культа у хананеевъ,—такое ритуальное значеніе слово могло пріобрѣсти только у арабовъ въ смыслѣ отсѣчки, отдѣленнаго мѣста (технически периболъ), какъ у арабскихъ поэтовъ макомами называются литературные фрагменты.

При рѣчи объ обѣтахъ, сопровождавшихся культовыми дѣйствіями, напрасно авторъ упускаетъ изъ виду, что наличность подобныхъ обѣтовъ въ современной жизни семи-

товъ востока объяснима не однимъ вліяніемъ пережитка культовыхъ идей, но и данными христіанской морали. Наибольшаго вниманія заслуживали бы слѣды жертвоприношеній, наблюдаемые на современномъ востокѣ. Кровавое жертвоприношеніе было краеугольнымъ камнемъ ветхозавѣтнаго и вообще античныхъ ритуаловъ, а поэтому подобный пережитокъ на современномъ востокѣ составляетъ положительно мостъ, связующій древнихъ семитовъ въ ихъ религіозномъ быту съ ихъ отдаленнѣйшими собратіями, насельниками современной Аравіи и Сиріи. Интересны приводимые г. Введенскимъ случаи аппликаціи крови, въ видѣ помазаній, обливаній и кропленій, что напоминаетъ данныя о томъ же предметѣ въ книгѣ Левитъ. Трапеза, сопровождающая закланіе животныхъ (преимущественно мелкаго рогатаго скота), напоминаетъ жертвенное пиршество отъ остатковъ мирныхъ жертвъ въ Библейскія времена. Конечно, въ виду отсутствія легальнаго жертвенника, всѣ подобныя quasi—культовыя операціи не могутъ сближаться съ опредѣленными типами ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній, однако не слѣдуетъ забывать, что по образу жертвоприношенія убивалась телица—„егля“ надъ источникомъ при обнаруженіи трупа на полѣ и неизвѣстности, кто убилъ человѣка, равно, какъ quasi—жертва, сжигалась рыжая телица „пара̀“ на внѣхрамовой Масличной горѣ. Поэтому жертвообразные ритуалы, описанные въ ветхозавѣтной Библіи, могутъ сближаться съ видами закланій животныхъ на современномъ востокѣ, когда преслѣдуется таинственная магическая цѣль. Теургія, предполагаемая подобными закланіями животныхъ и особыми способами употребленія крови животнаго, не должна считаться суевѣрнымъ продуктомъ незрѣлой мысли народныхъ невѣжественныхъ массъ, потому что и ветхозавѣтная жертвенная обрядность знала теургическіе акты, напр. дѣйствіе горькихъ водъ въ обрядѣ жертвы ревнованія. Подобно тому, какъ жертвы умножались при ветхозавѣтныхъ праздникахъ, такъ и теперь жертвовидныя закланія мелкаго рогатаго скота знаменуютъ на востокѣ дни, особо-памятные въ народѣ.

2-я часть въ изслѣдованіи г. Введенскаго посвящена изложенію идей о Богѣ и Промыслѣ у современныхъ семитовъ. Рецензентъ признаетъ здѣсь такую спайку элементовъ, что выдѣленіе ветхозавѣтныхъ стихій прямо невозможно. Въ

области религіознаго фольклора имѣютъ громадное значеніе бродячіе сюжеты, а потому генетическое выясненіе сложной ткани народно-богословскихъ идей востока было внѣ силъ, да и внѣ прямой задачи нашего автора. При отсутствіи Библейскихъ древностей въ вещественномъ видѣ громадное значеніе пріобрѣтаютъ этнологическія свѣдѣнія, касающіяся вообще семитической расы, и этнографическія данныя, добытыя путешественниками арабистами. Частичному изложенію и посильному освѣщенію таковыхъ данныхъ и посвящена рецензируемая работа: внѣкультурныя и некультурныя въ европейскомъ смыслѣ формаціи жизни семитическаго востока здѣсь получили классификацію и предметное опредѣленіе, а потому сочиненіе достаточно для присужденія его автору кандидатской степени".

б) Доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*:

„Небольшое сочиненіе г. Введенскаго рецензентъ читалъ съ чувствомъ разочарованія. Авторъ взялъ очень интересную тему, и можно было, конечно, надѣяться, что въ его изслѣдованіи читатель найдетъ серьезныя данныя для сужденій о древнесемитической религіи, яркія характеристики, много говорящія параллели. Ничего этого нѣтъ въ сочиненіи г. Введенскаго. Онъ очень мало познакомился съ литературой предмета; онъ недостаточно исчерпалъ даже книгу Curtiss'a, изученіе которой могло бы представляться minimum'омъ требованій, которыя *можно* предъявить г. Введенскому. Изъ сочиненія видно, что недостаточное знаніе нѣмецкаго языка и весьма незначительная освѣдомленность въ области изучаемаго предмета закрыли для нашего автора интереснѣйшія детали прочитанной книги. И вотъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи ни оріентируетъ въ предметѣ, ни, тѣмъ болѣе, не даетъ достаточнаго его изслѣдованія.—А вѣдь матеріалъ, имѣвшійся въ рукахъ г. Введенскаго, давалъ ему возможность сдѣлать много наблюденій (хотя бы по свѣдѣніямъ изъ вторыхъ рукъ), установить много интересныхъ и цѣнныхъ параллелей. Богатство и солидность матеріала опредѣляются характерно у г. Введенскаго: „Скорѣе небо упадетъ на землю, нежели арабъ или сиріецъ пренебрежетъ обычаемъ. Такъ что, если мы узнаемъ обычаи, мы узнаемъ его религію" (стр. 141).

Что касается до построенія сочиненія, то авторъ напрасно оправдываетъ принятый имъ планъ внѣшній, несильный логическою послѣдовательностью. О многомъ авторъ говоритъ прежде объясненія, которое обѣщаетъ дать далѣе. Вотъ въ первой части своей работы и въ началѣ второй г. Введенскій довольно часто говоритъ о Weli, но разъясняетъ этотъ терминъ, соотвѣтственно своему плану, только на стр. 148. Нельзя сказать, чтобы удовлетворительно было изложеніе и самая внѣшняя сторона сочиненія. Стиль сочиненія въ общемъ мало отдѣланный: нѣкоторыя выраженія на стр. напр. 1, 63, 66, 140 даютъ право утверждать, что авторъ своихъ словъ должнымъ образомъ не продумываетъ. Очень жаль, что приходится отмѣтить у г. Введенскаго удивительное демонстративное игнорированіе правилъ правописанія. Если даже г. Введенскій и не самъ переписывалъ свое сочиненіе, многочисленные орѳографическіе перлы въ родѣ упорно повторяемыхъ—насѣленіе, Вѣтхій, убежденіе, паралелли, интеллегентныхъ (не говоримъ объ ошибкахъ въ еврейскихъ словахъ)—на его отвѣтственности, его вина. Иногда мы находимъ пропуски и недописки (напр. на стр. 136, 148),—и это—въ трудѣ, представленномъ на оффиціальный судъ—для соисканія ученой степени. Можно бы, думается, автору позаботиться о бо́льшей тщательности и о разборчивой перепискѣ хотя бы изъ вѣжливости, изъ корректности предъ непремѣнными читателями его сочиненія.

Цитація сочиненія довольна кратка и небрежна. Г. Введенскій не представляетъ себѣ отчетливо, что такое—источники (стр. 11—15). Онъ считаетъ источникомъ монографію Curtiss'a, подъ именемъ источниковъ онъ приводитъ и заглавія другихъ трудовъ по изученію современнаго восточнаго быта. При этомъ онъ безжалостно искажаетъ фамиліи авторовъ (напр. Clermont Canneau — въ русской транскрипціи г. Введенскаго Клермонтъ Ганнеау), заглавія книгъ приводитъ неточно, а годовъ изданія и совсѣмъ не ставитъ...

Многое изъ этихъ дефектовъ (и иныхъ, о которыхъ мы не говоримъ) можно бы простить, если бы видны были усилія автора сдѣлать все отъ него зависящее -въ мѣру силъ. Увы, сочиненіе г. Введенскаго показываетъ не то, что онъ работалъ, а то, что онъ могъ бы работать.

На 198—200 стр. г. Введенскій хочетъ сдѣлать выводъ

изъ своего изслѣдованія. Выводъ его буквально — такой: „Слѣды древнѣйшихъ временъ... „отыскать не трудно“ (стр. 198). Кажется, все сочиненіе г. Введенскаго давало бы право скорѣе на противоположное заключеніе... Г. Введенскій говоритъ (на стр. 10) о задачѣ своей работы, которую, впрочемъ, формулируетъ недостаточно ясно и умѣло. Эту задачу авторъ выполнилъ далеко не блестяще, но въ общемъ удовлетворительно и потому можетъ быть удостоенъ степени кандидата богословія“.

5) О сочиненіи студента *Величкина Алексѣя* на тему: „Епифаній Славенецкій и его книжные труды“.

а) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова*:

„Дѣятельность Епифанія Славенецкаго въ области русской церковной жизни XVII вѣка была, какъ извѣстно, весьма разностороння. Будучи приглашенъ въ Москву въ качествѣ „ритора“ и ученаго человѣка, основательно знающаго греческій языкъ, Епифаній не замыкается затѣмъ въ опредѣленныхъ границахъ своей спеціальной работы. Являясь иниціаторомъ и душею предпринятаго въ то время книжнаго исправленія на научныхъ основаніяхъ, и неутомимымъ переводчикомъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, начиная съ святоотеческихъ твореній и сборниковъ церковныхъ правилъ и кончая трудами историческими, географическими, вплоть до анатомическихъ и педагогическихъ,—Славенецкій находилъ возможность и время для занятій другого характера:—Онъ выступаетъ, по назначенію Никона, какъ проповѣдникъ, исполняетъ порученія царя, какъ писатель церковно-богослужебныхъ каноновъ и пѣснопѣній, участвуетъ, наконецъ, на Большомъ Московскомъ Соборѣ, какъ канонистъ. Конечно, при такомъ разнообразіи работы нельзя требовать и одинаковой продуктивности ея во всѣхъ затронутыхъ имъ областяхъ: его спеціальнымъ дѣломъ, поглощающимъ всѣ остальные роды дѣятельности, было *книжное* дѣло. Прослѣдить этого рода труды Славенецкаго и предполагалось темою настоящей работы. Дѣло въ томъ, что сущность книжнаго исправленія, предпринятаго патріархомъ Никономъ и явившагося роковымъ историческимъ моментомъ для русской Церкви,—не достаточно еще обслѣдована

въ наукѣ: извѣстными трудами професс. Е. Е. Голубинскаго и Н. Ѳ. Каптерева пролить лишь нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что, помимо чисто теоретическаго, самодовлѣющаго значенія, онъ имѣетъ и практическій интересъ, порожденный потребностями времени. Необходимость самозащиты вынуждаетъ подвести научное (текстуальное) объясненіе тѣмъ, иногда неудачнымъ, большею же частію неяснымъ (вслѣдствіе излишней приверженности переводчиковъ къ буквѣ греческаго оригинала) мѣстамъ нашихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, которыя являются (и дѣйствительно могутъ служить) соблазномъ для старообрядцевъ, давая имъ почву для обвиненія этихъ книгъ въ „еретичности и растлѣнности" (см. напр. брошюру старообряд. начетчика Д. С. Варакина—„Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи. При бывшемъ патріархѣ Никонѣ", 1910 г.). Работа г. Величкина и должна была явиться небольшимъ опытомъ въ указанномъ направленіи. Сообразно съ задачей изслѣдованія, ему предстояла необходимость указать труды по исправленію Е. Славенецкаго, подыскать имъ соотвѣтствующіе греческіе оригиналы, сдѣлать дословное сличеніе текста, объяснить сомнительныя мѣста, указать отношеніе настоящаго текста къ древне-славянскому (рукописному и печатному), выяснить, наконецъ, пріемы самого справщика. Однимъ словомъ, *особенности* современнаго текста церковно-богослужебныхъ книгъ, сравнительно съ древне-славянскимъ, должны были найти себѣ въ настоящей работѣ достаточное научное оправданіе.

Но къ сожалѣнію этотъ опытъ нельзя причислить къ числу удачныхъ. Дѣлая обозрѣніе *всѣхъ* родовъ дѣятельности Славенецкаго: какъ учителя Чудовской школы (гл. IV), какъ канониста (гл. V), какъ проповѣдника (гл. VI), какъ переводчика и справщика (IV гл.), авторъ менѣе всего удѣляетъ (243—284 стр.) вниманія послѣднимъ работамъ, несмотря на то, что онъ самъ неоднократно (стр. 209. 222. 223. 234. 289) высказывается въ пользу мысли, что центральнымъ пунктомъ всей Московской дѣятельности Епифанія, ради котораго онъ и былъ вызванъ въ Москву, было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Но и въ предѣлахъ названныхъ сорока страницъ (всего въ сочиненіи 342 стр.) изслѣдованіе не идетъ далѣе уже общеизвѣстныхъ данныхъ,

заимствованныхъ у Филарета, Сопикова, Строева, Бѣлокурова и др. Такъ дѣло обстоитъ по вопросу о греческихъ оригиналахъ, гдѣ автору не удалось занять своей опредѣленной позиціи относительно ни одного изданія (въ лучшемъ случаѣ авторъ прибѣгаетъ къ существующимъ готовымъ справкамъ); не лучше оно и въ дальнѣйшихъ частяхъ анализа: относительно сущности исправленія (напр. постной тріоди 1656 г., стр. 266), или пріемовъ исправленія и перевода Славенецкаго (стр. 292—293). Самостоятельно подойти къ этому отдѣлу своей работы авторъ очевидно не рѣшился. Правда, мы не можемъ отрицать у автора *вообще* попытокъ въ этомъ направленіи. Такъ, напр., въ цѣляхъ бо́льшей освѣдомленности въ біографическихъ данныхъ (гл. III) Славенецкаго, онъ обращается непосредственно къ архивнымъ документамъ (Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, Архива Мин. Юстиціи, см. стр. 152; 171 и 172), или, при разработкѣ его проповѣднической дѣятельности, знакомится съ проповѣдями Епифанія, хранящимися въ Моск. Синодальной Б—кѣ (рук. № 597; стр. 330). Но дѣло отъ этихъ попытокъ въ сущности не выигрываетъ: онѣ или лежали совсѣмъ на другой плоскости (детальный разборъ проповѣдей относится къ сферѣ гомилетики), или же—въ первомъ случаѣ—оказались и безплодными (см. стр. 152). Такимъ образомъ авторъ, сосредоточивая свои изысканія по преимуществу во всѣхъ остальныхъ областяхъ многообразной дѣятельности Славенецкаго, *кромѣ книжной*, уклонился въ сторону наименьшаго сопротивленія. Получилась довольно обычная работа компилятивнаго типа, съ извѣстною долею критическаго анализа использованнаго матеріала. Взятое въ этомъ видѣ сочиненіе г. Величкина производитъ благопріятное впечатлѣніе: не сказавъ ничего новаго, онъ со старымъ матеріаломъ по данному вопросу освоился весьма достаточно, составилъ себѣ довольно опредѣленный взглядъ на личность Славенецкаго и пріобрѣлъ близкое знакомство съ затронутой эпохой.

Къ числу недостатковъ изложенія должно отнести: шероховатость языка, неудачность въ выраженіяхъ (71. 94. 95. 129, 205. 210. 212. 268. 287. 301 стр.), и въ конструкціи фразы (76. 75. 231 и др. стр.); попадаются недосмотры (26. 83. 87. 89. 90. 91. 124. 265. 266. 290. 302. 336 и др. стр.), противо-

рѣчія (107 и 114 стр.+ср. 128 и 129; 225 и 234 стр.). Степени кандидата богословія авторъ достоинъ".

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Сочиненіе г. Величкина всесторонне освѣщаетъ предметъ, избранный имъ для своей работы. Послѣ вступительныхъ главъ, посвященныхъ характеристикѣ просвѣщенія въ Московской и Юго-Западной Руси XVI и XVII вв., онъ говоритъ о вызовѣ въ Москву кіевскихъ ученыхъ и въ частности Епифанія Славенецкаго. Изложивъ далѣе біографію послѣдняго, онъ знакомитъ читателя съ дѣятельностью Епифанія какъ преподавателя въ Чудовской школѣ, справщика, переводчика, канониста и проповѣдника. Такимъ образомъ тему сочиненія можно признать исчерпанной. Въ своей работѣ г. Величкинъ обращался иногда къ неизданнымъ матеріаламъ и архивнымъ даннымъ, но главнымъ его источникомъ была уже существующая литература, использованная имъ полно и съ нѣкоторою самостоятельностью: онъ не принимаетъ выводовъ этой литературы безъ критической оцѣнки ихъ основаній. Непріятное впечатлѣніе производитъ изложеніе. Въ сочиненіи не мало предложеній, въ которыхъ отсутствуетъ или подлежащее или сказуемое. Въ этомъ отношеніи работѣ не достаетъ окончательной редакціи. Хотя извѣстная доля вины падаетъ въ этомъ случаѣ на переписчика, однако это не освобождаетъ отъ отвѣтственности и автора. Въ общемъ сочиненіе г. Величкина можетъ быть признано достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія".

6) О сочиненіи студента *Виноградова Николая* на тему: „Позитивныя и мистическія представленія о прогрессѣ въ русской литературѣ XIX столѣтія".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Авторъ въ тринадцати главахъ своего обширнаго (482 стрр., почт. лл. больш. формата) сочиненія изображаетъ судьбы идеи прогресса въ русской литературѣ въ связи съ выясненіемъ процесса постепеннаго развитія „историческихъ представленій" и вообще исторіи русскаго самосознанія, начи-

ная съ литературы конца восемнадцатаго вѣка и кончая Вл. С. Соловьевымъ. Въ послѣдовательномъ изложеніи г. Виноградова находятъ себѣ освѣщеніе, съ нужныхъ ему сторонъ, русскій сентиментализмъ, масонство, романтизмъ въ связи съ историческимъ міровоззрѣніемъ начала девятнадцатаго вѣка, развитіе историческаго романа, взгляды Карамзина, Жуковскаго, славянофиловъ, Гоголя, Чаадаева, Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, людей шестидесятыхъ годовъ, Чернышевскаго, Лаврова, Михайловскаго, Л. Толстого, Достоевскаго, В. Соловьева.

Свою тему авторъ понялъ и очень широко, и довольно своеобразно. Изъ понятія „литературы" онъ почти совсѣмъ исключилъ произведенія изящной литературы и распространилъ свое изслѣдованіе на область русской критики, публицистики и философской мысли. „Представленія о прогрессѣ" онъ разсматриваетъ въ органической связи съ „историческимъ самосознаніемъ" русской интеллигенціи и даже съ исторіей русской мысли вообще. Отсюда въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ сочиненія была бы замѣна въ его темѣ „представленій о прогрессѣ", — „представленіями объ исторіи", „представленіями о смыслѣ жизни", „исторіей русскаго самосознанія" и т. п. Столь расширенная постановка вопроса сказалась въ сочиненіи и своими отрицательными, и своими положительными сторонами. Отрицательными сторонами надобно признать, во-первыхъ, то, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ сочиненія „представленія о прогрессѣ" почти совсѣмъ потонули въ огромной массѣ логически связаннаго съ ними матеріала, во-вторыхъ, то, что, добираясь до самыхъ корней различныхъ представленій о прогрессѣ, авторъ сплошь и рядомъ теряетъ изъ виду тематическій критерій ихъ— позитивность и мистичность, нѣсколько ограничивающій перспективы освѣщенія и оцѣнки, и распространяется о судьбахъ идеи прогресса вообще, внѣ сферы примѣненія этого критерія; въ-третьихъ, то, что сочиненіе разрослось до слишкомъ обширныхъ размѣровъ, включивъ въ себя немало выдержекъ изъ разныхъ авторовъ и обильныхъ экскурсовъ самого г. Виноградова въ сторону. Къ числу положительныхъ результатовъ расширенія темы слѣдуетъ отнести полноту и всесторонность разработки большинства ея частныхъ вопросовъ, выясненіе самыхъ глубокихъ основъ идеи про-

гресса въ разныхъ стадіяхъ развитія послѣдней, ясность и послѣдовательную планомѣрность труда.

Въ качествѣ частныхъ недостатковъ сочиненія можно бы указать весьма значительное количество такихъ утвержденій, которыя высказываются авторомъ безъ убѣдительной аргументаціи и съ которыми можно спорить и не соглашаться. Для примѣра укажемъ нѣсколько такого рода мѣстъ. Такъ, едва-ли можно признать правильнымъ взглядъ автора на значеніе въ исторіи русской мысли Шеллинга и Гегеля. По его мнѣнію, наши западники ведутъ свое происхожденіе отъ Гегеля, а славянофилы—отъ Шеллинга. Точно также и русскій позитивизмъ у него ставится въ генетическую связь съ системой Гегеля, а мистицизмъ—съ философіей Шеллинга (стрр. 6, 18, 19 и др.). Но несомнѣнно, что славянофильская концепція тѣсно связана съ гегельянствомъ. Мы не можемъ также принять безъ существенныхъ оговорокъ той мысли автора, что сентиментализмъ былъ основой позитивныхъ представленій о прогрессѣ, а масонство — основой представленій мистическихъ (стр. 44). Преувеличеннымъ у автора намъ кажется значеніе историческаго романа въ развитіи идеи прогресса (стр. 46—54). Неубѣдительны доказательства того, что двадцатые годы были оппозиціей догматическому взгляду Карамзина на исторію (стр. 87). Вообще авторъ иногда въ интересахъ цѣльности построенія жертвуетъ объективной точностью фактическихъ данныхъ исторіи.

Указанные недочеты и проблематическія положенія — не столько недостатки сочиненія въ строгомъ смыслѣ слова, сколько своеобразности его, неизбѣжныя во всякомъ трудѣ, который представляетъ собою не сухую компиляцію, а, какъ у г. Виноградова, созданіе живой, самостоятельной и оригинальной мысли. По моему мнѣнію разсматриваемое сочиненіе, какъ работу, выполненную съ образцовымъ трудолюбіемъ, съ примѣненіемъ вполнѣ правильныхъ методовъ, съ цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ матеріала, слѣдуетъ оцѣнить весьма высоко. За сочиненіемъ скрывается не только очевидная талантливость автора, но и обширная начитанность его и хорошая подготовка къ научнымъ занятіямъ по исторіи русской литературы. Въ противномъ случаѣ сочиненіе въ его наличныхъ размѣрахъ и съ его наличными достоинствами въ теченіе года не могло бы быть написано.

Изложеніе—вполнѣ литературное. За свой трудъ г. Виноградовъ заслуживаетъ не только степени кандидата, но и нарочитой похвалы".

б) И. д. доцента *Ѳ. К. Андреева*:

„Г. Виноградовъ представилъ на соисканіе степени кандидата богословія умное, стройное, обширное (по нашему разсчету около 270 страницъ „Богосл. Вѣстника") и литературно написанное сочиненіе. Поставивъ себѣ цѣлью прослѣдить ученіе о прогрессѣ въ русской литературѣ XIX столѣтія, онъ съ большимъ тактомъ и объективностью изложилъ всевозможныя точки зрѣнія на интересующій его вопросъ, установленныя писателями различныхъ направленій. Стройность плана, о которой мы упомянули, обусловлена умѣлой группировкой этихъ точекъ зрѣнія. Однѣ изъ нихъ собраны въ группу „позитивныхъ" рѣшеній проблемы, другія опредѣлены какъ „мистическія". Во введеніи эти широкія и на первый взглядъ неясныя обозначенія опредѣляются точнѣе. Подъ позитивнымъ пониманіемъ прогресса авторъ разумѣетъ такія концепціи, которыя, не мудрствуя лукаво надъ возвышенными цѣлями и замірными истоками исторіи, стараются уловить лишь чистый ритмъ послѣдней, и изъ законовъ этого ритма вывести правило поведенія для сознательныхъ и свободныхъ участниковъ этого историческаго процесса. И хотя понятіе процесса здѣсь вообще уравнивается съ понятіемъ прогресса, однако полное и совершенное выраженіе послѣдняго ожидается именно лишь черезъ такое свободное и разумное „содѣйствіе природѣ". — *Отъ „естественной" объективной эволюціи, черезъ свободное самоопредѣленіе личности—къ свободно организованному обществу*— такъ хотѣлось бы намъ характеризовать позитивную формулу прогресса. Западники, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій, Толстой—вотъ историческіе примѣры такого пониманія, взятые, разумѣется, въ ихъ простой схемѣ.—Второе направленіе мыслей въ пониманіи идеи прогресса носитъ у автора названіе „мистическаго";—какъ понятіе еще болѣе расплывчатое, чѣмъ „позитивизмъ", оно нуждается въ ближайшемъ опредѣленіи. Къ сожалѣнію авторъ разбираемой работы его не даетъ, и читателю приходится самому построять его на основаніи приводимыхъ въ сочиненіи примѣровъ. Тогда ока-

зывается, что подъ мистикой авторъ разумѣетъ не чистый плодъ фантазіи и отвлеченности, а лишь иной, тоже „позитивный“ опытъ, но уже не надъ объективнымъ, *необходимымъ*, а надъ субъективнымъ, *должнымъ*, при этомъ не въ плоскости внѣшняго приспособленія (что было бы опять простымъ возвратомъ къ природному), а въ сферѣ внутренняго религіозно-нравственнаго самоопредѣленія и подвига, который затѣмъ уже будетъ реализованъ и во внѣ; но поскольку онъ бьетъ изъ глубинъ, невѣдомыхъ плоскому позитивизму, онъ обѣщаетъ и дѣло болѣе великое, чѣмъ простая соціальная организація: онъ стремится ко *вселенскому* дѣлу. Въ исторіи русскаго самосознанія прошлаго вѣка эта мечта еще преломлялась обычно сквозь призму національнаго самосознанія въ двухъ формахъ: — призывъ къ національному самопожертвованію во имя блага человѣчества (Чаадаевъ, Соловьевъ) и ученіе объ „окончательномъ словѣ великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону“, „изречь“ которое призвана Россія (славянофилы, Гоголь, Достоевскій). Тогда формула мистическаго пониманія прогресса въ русской литературѣ прошлаго столѣтія принимаетъ такой видъ: *отъ личнаго религіозно-нравственнаго подвига, черезъ національно-мессіанское сознаніе,—къ спасенію всѣхъ.*

Таковъ запѣвъ и схема интересной работы г. Виноградова. Мы не будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ онъ излагаетъ мысли авторовъ, расположенныхъ хронологически по указаннымъ рубрикамъ. Тамъ конечно найдется не мало положеній случайныхъ, недостаточно типичныхъ для извѣстнаго писателя (главы о Герценѣ и Грановскомъ), обнаружится неравномѣрное распредѣленіе матеріала (о всѣхъ раннихъ славянофилахъ сказано меньше, чѣмъ объ одномъ Достоевскомъ); полное невниманіе къ эволюціи взглядовъ на прогрессъ въ предѣлахъ одного автора (это особенно приложимо къ Вл. Соловьеву, ученіе котораго о прогрессѣ дано въ слишкомъ идеальномъ срѣзѣ, безъ матеріализма ранней юности и безъ предсмертной „повѣсти объ антихристѣ“), но всѣ эти недостатки, легко извинимые крайнимъ обиліемъ матеріала, безусловно изгладятся, когда авторъ приступитъ къ передѣлкѣ своего труда для печати.

Болѣе важнымъ представляется намъ указать на тотъ не-

достатокъ, который можетъ уменьшить цѣнность работы навсегда, если авторъ своевременно не обратитъ на него вниманія: этотъ недостатокъ — полное отсутствіе опредѣленія того, что есть *субъектъ прогресса*. Если авторъ помнитъ лекціи † А. И. Введенскаго, слушателемъ котораго онъ былъ, то онъ долженъ вспомнить, что этотъ вопросъ покойный А. И. не разъ выдвигалъ какъ существеннѣйшій для пониманія идеи всякаго развитія, когда говорилъ о Дарвинѣ и о возраженіяхъ, предъявленныхъ ему Паульсеномъ и Тейхмюллеромъ. Роковое отсутствіе этой идеи у большинства авторовъ, надъ которыми работалъ г. Виноградовъ, не можетъ служить ему извиненіемъ въ томъ, что онъ обошелъ этотъ вопросъ (у Влад. Соловьева, впрочемъ, въ „Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія", въ главѣ „о законѣ историческаго развитія", онъ могъ бы прочесть такую фразу: „Развитіе предполагаетъ развивающагося. Это совершенно просто, но тѣмъ не менѣе иногда забывается" (Сочиненія, т. I, стр. 228). Въ самомъ началѣ своей работы онъ обѣщаетъ говорить не о борьбѣ за прогрессъ, а дать „исторію разгадыванія понятія прогресса" (стр. 1), но очевидно, что этой „исторіи разгадыванія" должно предшествовать разгадываніе того, что подлежитъ самой исторіи. Если бы авторъ изображалъ просто отрывокъ такой исторіи (рѣчь идетъ объ одномъ вѣкѣ), то это было бы еще извинительно, но онъ хочетъ прослѣдить самые истоки этой идеи (въ сентиментализмѣ и историзмѣ конца XVIII вѣка, 1-е—для мистиковъ, 2-е—для позитивнаго ряда толкованій), поэтому для него вопросъ о субъектѣ развитія становится вдвойнѣ обязательнымъ. Вопросъ о субъектѣ вообще въ позитивномъ лагерѣ, какъ отмѣчаетъ и авторъ, былъ чисто методологическій: онъ нуженъ былъ для quasi-критики естественно существующаго, какъ переходъ къ „свободному признанію факта". Гораздо глубже, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ этотъ былъ поставленъ мистиками, но у нихъ личное дѣло совершалось въ какой то невѣдомой и никому недоступной глубинѣ, и прогрессъ въ конечномъ счетѣ сводился опять къ усовершенствованію отношеній какихъ то правда качественно новыхъ единицъ, но безъ точнаго опредѣленія того, въ чемъ заключалось это качественно новое, этотъ личный подвигъ. „Смирись, гордый человѣкъ" звучало внушительно, но оно

легко могло быть истолковано въ смыслѣ „соціально-кооперативномъ“ (ср. напр. статью К. Леонтьева „О всемірной любви“). А между тѣмъ естественная исторія говоритъ какъ разъ за то, что *отношенія*, какъ таковыя, явно диссолюціонировали: соціальная организація пчелъ и муравьевъ стоитъ выше лучшихъ конституціонныхъ и республиканскихъ устройствъ: въ природѣ явно эволюціонировала лишь *порода*. Всѣ существа въ природѣ тянутся къ *человѣку* („aspirent à devenir hommes“), говоритъ Сиранодe-Бержеракъ, согласно съ эволюціонной школой, а между тѣмъ, когда заходитъ рѣчь о дальнѣйшей эволюціи самаго человѣка, дѣло круто измѣняется, и прогрессъ типа переходитъ въ прогрессъ соціальныхъ отношеній (т. е. съ точки зрѣнія естественно-научной — въ чистый возвратъ къ муравьямъ). Ницше обратилъ на это вниманіе, но и онъ ничего не могъ придумать лучше сверхчеловѣка и „вѣчнаго возвращенія“,—двѣ идеи, въ которыхъ нѣтъ ни капли качественнаго прогресса, а лишь проэкція отъ сущаго въ дурную безконечность. Надъ этой мыслью авторъ настоящей работы не задумался, и потому сочиненіе его, будучи очень цѣннымъ, какъ систематическая сводка обширнаго матеріала, много теряетъ въ смыслѣ философской углубленности. И это тѣмъ болѣе жаль, что немногочисленныя мѣста, гдѣ автору приходится касаться чисто философскихъ проблемъ, обнаруживаютъ въ немъ человѣка, освѣдомленнаго не только въ общеизвѣстномъ (Кантъ, Гегель), но и во многомъ сверхдолжномъ (напр. бѣглыя замѣтки о Виндельбандѣ и Риккертѣ, на стр. 270). Все это даетъ право полагать, что лишь недостатокъ времени не позволилъ ему продумать до конца самое понятіе о прогрессѣ, и онъ ограничился чистыми „высказываніями“ о чистыхъ высказываніяхъ другихъ, но что въ дальнѣйшемъ, когда онъ будетъ перерабатывать свое сочиненіе, онъ вспомнитъ и о своемъ несомнѣнномъ философскомъ дарѣ и дастъ хорошую вступительную главу о „субъектѣ прогресса“. Тогда можетъ быть онъ и въ „старцѣ Зосимѣ“ увидитъ нѣчто большее простого „олицетворенія“ (ср. напр. стр. 408).

Къ числу крупныхъ дефектовъ работы относится также совершенное отсутствіе именъ Е. В. де-Роберти, Л. Е. Оболенскаго, В. Лесевича, Н. Я. Грота—прямо относящихся

„къ темѣ“—и „косвенныхъ“—К. Леонтьева, Н. Ѳ. Ѳедорова, Б. Чичерина, И. Аксакова; о Данилевскомъ и Страховѣ упомянуто лишь вскользь (хотя, на стр. 370, говорится, что по мнѣнію Страхова, съ которымъ авторъ согласенъ, „Данилевскій далъ новую формулу для построенія исторіи“). Очень мало сказано о Кавелинѣ, Писаревѣ, Добролюбовѣ. Но все это объясняется безусловно лишь недостаткомъ времени, какъ самъ авторъ говоритъ это по отношенію къ 90-мъ годамъ, для изложенія ученій которыхъ у него „къ сожалѣнію не хватило времени“ (стр. 324).

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько постраничныхъ замѣчаній:

Стр. 12. Авторъ критикуетъ резонирующій разумъ по И. Тэну и даже приписываетъ послѣднему самый терминъ „raison raisonnante“, но гораздо раньше Тэна „das Resonnieren“ было подвергнуто безпощадной критикѣ Гегеля въ Предисловіи къ „Феноменологіи духа“ (1806 г.), и съ тѣхъ поръ это—общій прицѣлъ всѣхъ діалектиковъ.

На стр. 79—80 бросаются въ глаза натянутыя опредѣленія „шеллингисты—славянофилы“ и гегелисты—западники“, прилагаемыя авторомъ къ этимъ двумъ враждебнымъ партіямъ еще въ самомъ началѣ ихъ борьбы. Происходитъ эта ошибка благодаря тому, что авторъ недостаточно ясно (м. б. вовсе не) различаетъ Шеллинга—натурфилософа отъ Шеллинга—миѳологиста позднѣйшаго періода. Съ послѣднимъ славянофилы были дѣйствительно духовно близки (ср. хотя бы статью И. Кирѣевскаго „Рѣчь Шеллинга“), но западники въ то время уже не могли быть названы гегелистами. Что же касается лѣтъ болѣе раннихъ, то несомнѣнно, что если кто у насъ и зналъ Гегеля, то только славянофилы (а двое изъ нихъ—К. Аксаковъ и Самаринъ даже называли себя въ молодости его учениками). Впрочемъ самъ авторъ, перечитывая свою работу, можетъ быть откажется отъ своихъ опредѣленій. По крайней мѣрѣ, подтвердивъ ихъ еще разъ на стр. 124—125 вообще и въ частности на стр. 235 относительно Герцена и на 211 относительно К. Аксакова, онъ на стр. 202 устами самого Герцена сообщаетъ, что послѣдній, вмѣстѣ съ Огаревымъ, когда-то искалъ истину „въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга“, а на стр. 211 увѣряетъ, что Герценъ былъ наконецъ „*вынужденъ* познакомиться съ Гегелемъ“, и параллельно съ этимъ на стр. 77 приводитъ востор-

женное письмо И. Кирѣевскаго о Гегелѣ. Подобныя же неудачныя опредѣленія даны и на стр. 197, гдѣ славянофилы именуются „помѣщиками“, а западники людьми „городской культуры и разночинцами“, что опять таки несправедливо по отношенію къ тѣмъ раннимъ временамъ. Вообще, надо сознаться, авторъ тѣхъ и другихъ знаетъ поверхностно, онъ гораздо сильнѣе, начиная съ 60-хъ годовъ; это—также недостатокъ, на который въ будущемъ ему придется обратить вниманіе.

На стр. 161 авторъ опредѣляетъ мистицизмъ Гоголя по Пыпину, какъ „философію, отжившую свое время, еще въ 30 годахъ“. Мистицизмъ Гоголя не одобряли и славянофилы, но мертвое для Пыпина можетъ быть и очень живымъ *въ себѣ*.

На стр. 177, 245, 262, 281 и др. приводятся разные „mots“, какъ то Веселовскаго о Чаадаевѣ: „печальная фигура“, Писарева — о шестидесятникахъ: „мыслящій пролетаріатъ“, „мыслящіе реалисты“ и под. Неужели авторъ не чувствуетъ, что первый лепетъ ребенка содержательнѣе этого шеола пустыхъ опредѣленій?

На стр. 179—180 цитируется письмо Чаадаева къ Шеллингу по точному, но совершенно нелитературному переводу проф. Боброва („по мѣрѣ того какъ подвигался... увѣрялся“, „очевидный Богъ“, „то былъ для меня великій день, когда...“ и т. д.),—и гдѣ (въ небольшомъ письмѣ!) приводится въ скобкахъ (для выразительности?) до сорока словъ подлинника, въ томъ числѣ: évident, avantage, traces, aller en avant, solitudes, labeur, agent, retrouvé, luire, intimes, prêche, face, titre, bases, ardeur, grandement и др. (Подлинный текстъ въ собраніи сочиненій и писемъ Чаадаева, 2 тома М. 1913 г.—источникъ, повидимому вовсе неизвѣстный автору настоящей работы). Но наибольшую трудность для перевода доставило выраженіе „comme le fanal“ о философіи Шеллинга. Переведя „какъ огонь маяка“ Бобровъ ставитъ въ скобахъ „fanal“ съ вопросительнымъ знакомъ; г. Виноградовъ идетъ ему на помощь и, сохраняя переводъ, пишетъ „final“ съ тѣмъ же знакомъ.

На стр. 192 имѣется такая фраза: „безусловная универсальность христіанства, какъ космической силы (употребляемъ выраженіе М. Гершензона)...“ *М. О. Гершензонъ* очень крупный человѣкъ, и его книги—настольныя для историка русской литературы, но вопросъ о его компетенціи въ опре-

дѣленіи христіанства надо считать открытымъ, тѣмъ болѣе, что въ оригиналѣ, вслѣдъ за приведеннымъ выраженіемъ, слѣдуютъ другія характеристики этой силы: „имманентная“, „стихійная“, и подобные, очень внушительные, но непривычные для христіанскаго слуха термины.

На стр. 213—214 авторъ пытается реабилитировать Бѣлинскаго за „Бородинскую годовщину“, по Плеханову, который все „паденіе“ объясняетъ какъ нѣкую притчу, помощью которой Бѣлинскій хотѣлъ показать, къ какимъ результатамъ можетъ привести „капризный выборъ идеаловъ“, неоправдываемый дѣйствительностію. Остается только удивляться, какъ такая простая мысль не пришла въ голову самому Герцену въ то время, какъ Бѣлинскій читалъ ему эту „годовщину“. Онъ долженъ былъ бы съ радостью заключить его въ свои объятія, вмѣсто того, чтобы рвать съ нимъ „всѣ отношенія“, какъ онъ вспоминаетъ объ этомъ въ „Былое и думы“ (глава 25-я).

На стр. 241—242 авторъ говоритъ, что наши 60-е годы на Западѣ начались Іюльской революціей, т. е. съ 1830 года; но въ то время только еще восходила звѣзда Шеллинга—миѳологиста, Фейербахъ и Дарвинъ едва лишь вышли изъ юношескаго возраста, а Молешоттъ, Фохтъ и Спенсеръ только недавно появились на свѣтъ.

На стр. 427 авторъ, повидимому, не различаетъ Ю. Самарина отъ его брата Д. Самарина, автора полемической брошюры противъ Вл. Соловьева — „Поборникъ вселенской правды“.

На стр. 428 авторъ говоритъ, что личность Богочеловѣка въ философской системѣ Соловьева занимаетъ „центральное мѣсто“, но это справедливо не по отношенію къ исторической Личности, а лишь къ идеѣ богочеловѣка.—Тамъ же авторъ склоненъ приписать себѣ первому мысль о вліяніи Достоевскаго на Соловьева, между тѣмъ какъ кн. Е. Трубецкой, въ своемъ 2-хъ томномъ изслѣдованіи о Соловьевѣ, главу „Соловьевъ и Достоевскій“ начинаетъ такими словами: „До сихъ поръ было принято думать, что ученіе Соловьева сложилось подъ вліяніемъ Достоевскаго; едва ли однако вопросъ о вліяніи Достоевскаго на нашего философа допускаетъ столь простое и одностороннее рѣшеніе и т. д.“.

На стр. 347 авторъ обвиняетъ Толстого въ крайнемъ инди-

видуализмѣ, въ возвратѣ ко временамъ „Очакова и покоренія Крыма“ и наивно спрашиваетъ: гдѣ же прогрессъ? Вмѣстѣ съ тѣмъ на стр. 475 онъ говоритъ, что система Соловьева есть „достойное завершеніе вѣкового подъема русской философско-исторической мысли“. Но, завершеніе самого Соловьева—повѣсть объ антихристѣ, этой послѣдней „трагической катастрофѣ“, какъ глухо сознается самъ авторъ на предыдущей страницѣ. Теперь мы спрашиваемъ его: гдѣ же прогрессъ?

Вотъ тѣ немногіе промахи, какіе мы успѣли отмѣтить въ большой работѣ г. Виноградова. Что касается ея чисто литературной стороны, то въ цѣломъ она безукоризненна. Укажемъ лишь нѣсколько неудачныхъ выраженій и, вѣроятно, описокъ: „нашествіе идей было обильно (стр. 8)“, „тэма (стр. 102, 202)“, „тэзисъ (стр. 62)“, maxim'y (стр. 155), „прогрессивныя чаянія (стр. 173)“, „наиболѣе виднымъ межъ нихъ (стр. 203)“, природа и исторія по Гегелю—духъ въ его „одѣйствореніи (стр. 209, 339)“, „тезисы Гегеля“ въ смыслѣ вообще „ученія“ послѣдняго (стр. 211), „казуальныя отношенія (стр. 273)“, „учавствуютъ (стр. 324, 340, 341)“, и, наконецъ, какая то странная „формула перехода“: „Нашей задачей, итакъ, является... (стр. 19)“, „Жуковскій, итакъ, мистицистъ (стр. 66)“, „По возрѣнію декабристовъ поэзія, (какъ и| исторія), итакъ, должна... (стр. 103)“, „Исторія, итакъ, движется... (стр. 208)“, „Западничество, итакъ, начало свой путь... (стр. 239)“. То же—съ окончаніями: „а пока закончимъ главу (стр. 125)“, „пора закончить сочиненіе (стр. 482)“ и под.

Но, повторяемъ еще разъ,—всѣ эти мелкіе недочеты не мѣшаютъ сочиненію г. Виноградова быть образцовымъ во многихъ отношеніяхъ и самому автору вполнѣ достойнымъ искомой степени“.

7) О сочиненіи студента *Вознесенскаго Александра* на тему: „Старчество (по жизни и литературнымъ трудамъ старцевъ Оптиной пустыни)“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова:*

„Г. Вознесенскому была поставлена задача: изслѣдовать старчество Оптиной пустыни съ пасторологической точки зрѣнія. Задача эта двусторонняя: историческая и одновре-

менно теоретическая: автору нужно было съ одной стороны изучить и возсоздать оптинское старчество, какъ историческій фактъ, а съ другой стороны освѣтить сущность этого факта въ его отношеніи къ существу, задачамъ и пріемамъ пастырства. Разумѣется, что для пасторолога весь интересъ темы заключается во второй половинѣ задачи. Нашъ авторъ предпочелъ сдѣлать наоборотъ. Онъ обратилъ почти все свое вниманіе на историческую часть задачи и выполнилъ ее съ пріятной добросовѣстностью, обстоятельностью и знаніемъ дѣла. Рельефно очерчены величавые облики незабвенныхъ оптинскихъ старцевъ (первая глава--Оптина пустынь и ея старцы, стр. 1—186), и обстоятельно-документально представлено „нравственное міросозерцаніе старцевъ Оптиной пустыни и ихъ ученіе о старчествѣ“ (глава вторая, стр. 187—275). Но богатое содержаніе труда автора, отдѣльныя превосходныя характеристики, отдѣльныя удачныя наблюденія и сужденія не имѣютъ характера сколько-нибудь органически-живо объединеннаго цѣлаго, потому что ихъ не скрѣпляетъ то, что должно быть „душею живою“ настоящаго изслѣдованія: теоретико - пасторологическаго интереса къ вопросу. Теоретической части своей работы авторъ удѣляетъ лишь рядъ попутныхъ довольно искусственно введенныхъ замѣчаній. Сужденія автора здѣсь отрывочны, часто голословны, спутаны, иногда прямо неправильны, и вообще несовсѣмъ удачны. Въ предисловіи (стр. V—VII) и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ (см. напр. стр. 187—188) своего сочиненія авторъ настойчиво, но безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ мысль о производномъ и даже „прикладномъ“ (стр. 187) отношеніи старчества къ монашеству вообще. По моему мнѣнію, вопросъ о томъ, что болѣе первичное по существу: монашество или старчество, гораздо сложнѣе, чѣмъ представляетъ авторъ, и по крайней мѣрѣ вполнѣ аналогиченъ вопросу о взаимоотношеніи яйца и курицы. Различая въ старческомъ институтѣ двѣ стороны: служеніе иночеству и служеніе міру, авторъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія кардинальный для опредѣленія существа старчества вопросъ о взаимоотношеніи по существу той и другой стороны старческой жизнедѣятельности. Опредѣляя, какъ пастырство, безъ приведенія какихъ-либо основаній, лишь вторую сторону старческой дѣятельности — служеніе міру,

авторъ снова оставляетъ безъ разсмотрѣнія второй кардинальный для опредѣленія существа старчества вопросъ: объ отношеніи по существу этого *старческаго* пастырскаго служенія къ *священническому* пастырскому служенію; авторъ довольствуется въ этомъ отношеніи (стр. 175—180) сопоставленіемъ старчества съ пастырствомъ современнаго духовенства, ограничивающимся лишь „мистикой“ и забывающимъ „этику“ пастырской дѣятельности; но это сопоставленіе ничего не выясняетъ въ принципіальномъ отношеніи, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь не о нормальномъ пастырствѣ, а объ аномаліи пастырскаго служенія, хотя бы и обычной. Особенно бы важно здѣсь было автору остановиться на выясненіи вопроса о внутреннемъ взаимоотношеніи старческой и священнической исповѣди грѣховъ (ср. стр. 179—180). Пытаясь опредѣлить отличительную особенность русскаго старчества отъ древне-восточнаго (въ послѣдней главѣ), авторъ полагаетъ эту особенность въ томъ, что тогда какъ въ древне-восточномъ старчествѣ нравственно-руководительныя отношенія старца къ ученику основывались на идеѣ мистическаго союза того и другого, обусловливающаго отвѣтственность старца за грѣхи ученика и невмѣняемость послѣдняго, въ русскомъ— этой послѣдней основы не было. Причину этого явленія авторъ полагаетъ въ томъ, что русское старчество какъ монашество вообще лишено той мистической окраски (стр. 207—213), какую имѣли древнее монашество и старчество, ставившія религіознымъ идеаломъ жизни обоженіе человѣка и обладаніе чрезвычайными харизматическими дарованіями (стр. 188—189). Ни тотъ ни другой характерные тезисы, по моему мнѣнію, не доказаны авторомъ должнымъ образомъ. Въ своихъ сужденіяхъ авторъ упускаетъ изъ виду, что его источники, касающіеся древне-восточнаго старчества, даютъ свѣдѣнія о старческомъ служеніи только для иноковъ и среди нихъ, а источники, касающіеся русскаго старчества, даютъ свѣдѣнія преимущественно о старческомъ служеніи для міра и мірскихъ людей. Отсюда различная характеристика старчества въ источникахъ того и другого рода должна быть объяснена прежде всего различіемъ не эпохъ, какъ дѣлаетъ авторъ, а видовъ старческаго дѣланія. Въ частности, противополагая „мистическому“ идеалу древне-восточнаго монашества „нравственно - аскетическій“ оптинскаго старчества

(стр. 214 и далѣе), авторъ совершенно опускаетъ изъ виду, что послѣдній идеалъ не есть что-либо самобытно-русское, а принадлежитъ тому же древне-восточному монашеству, которое исповѣдывало его одновременно съ мистическимъ.

Указанные недостатки разсматриваемаго труда въ отношеніи теоретической части его задачи отнюдь однако не лишаютъ его характера серьезной студенческой работы, дающей автору право на усвоеніе степени кандидата богословія".

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„На X стр. своего введенія г. Вознесенскій заявляетъ: „нами прочитана по возможности (?) вся литература, относящаяся непосредственно къ темѣ". Выраженіе „по возможности" еще допускаетъ возможность предположенія, что прочитано и изучено не все нужное, но авторъ устраняетъ это предположеніе заявленіемъ въ концѣ сочиненія: „считая вопросъ объ Оптинскомъ старчествѣ исчерпаннымъ",... и т. д. Авторъ по его скромному мнѣнію исчерпалъ вопросъ.

Но по мнѣнію рецензента авторъ не только не исчерпалъ вопроса, но и не прибавилъ ничего къ тому, что было до него извѣстно по этому вопросу. Литература имъ прочитана далеко не вся и прочитанное использовано имъ далеко не исчерпывающимъ образомъ. Мало этого. Рецензентъ склоненъ утверждать, что прочитанное использовано авторомъ и не надлежащимъ образомъ.

Послѣднее произошло отъ того, что авторъ руководится странными принципами. По его мнѣнію о старчествѣ вообще говорить нельзя, а о старчествѣ Оптиной пустыни можно. Это то же самое, что сказать: о русскихъ духовныхъ академіяхъ вообще говорить нельзя, а о московской можно. Разумѣется, это невѣрно. И объ академіяхъ вообще можно говорить и о старчествѣ вообще можно говорить, различая въ немъ частные оттѣнки. Вѣдь и старцы Оптиной пустыни не тождественны одинъ съ другимъ.

Далѣе, авторъ устанавливаетъ, что восточное старчество имѣло идеаломъ „обоженіе" и обладаніе духовными дарованіями (II стр.), а „русское старчество совершенно лишено мистической основы и сводится къ обыкновенному нрав-

ственному союзу учителя—старца и ученика—послушника" стр. 30). На самомъ дѣлѣ, и въ восточномъ старчествѣ всегда былъ житейско-нравственный элементъ и въ русскомъ старчествѣ всегда былъ и есть элементъ мистическій. Вѣдь, даже совмѣстная молитва есть нѣчто мистическое, а не проявленіе только обыкновеннаго нравственнаго союза.

По мнѣнію автора мистицизмъ всегда былъ чуждъ русскимъ и совершенно несвойственепъ русскому уму. Это онъ объясняетъ критическимъ умомъ и молодостью русскаго народа (стр. 207). Все это очень непонятно. Что это за несовершеннолѣтній критическій умъ? Мистицизмъ повидимому авторъ связываетъ съ некритичностью. Напрасно. Мистицизмъ часто соединяется съ тонкимъ и глубокимъ критицизмомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и упанишады и творенія суффитовъ. Затѣмъ, что это за молодость русскаго народа? Вѣдь, русскіе люди и не менѣе культурны и не болѣе молоды, чѣмъ индусы эпохи Асоки или суффиты XII столѣтія. Тѣ были мистиками, почему русскіе не могутъ быть ими? Потомъ, авторъ совсѣмъ не хочетъ видѣть, что мистицизмъ бываетъ различный.

Обращаясь отъ существа сочиненія къ его составу и формѣ, рецензентъ долженъ сказать слѣдующее.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ X+275 писаныхъ страницъ. Это будетъ около 200 печатныхъ страницъ шрифта „Богословскаго Вѣстника". Но у автора масса выписокъ, такъ что его собственное творчество пожалуй не обнимаетъ и 100 страницъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что авторъ повидимому кое-гдѣ забывалъ ставить цитаты. Такъ на 125 стр. читаемъ; „временемъ полнаго утвержденія старчества надо считать начало 40-хъ г. *настоящаго* столѣтія". Дай Богъ конечно нашему автору дожить до 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, но эти слова его, надо полагать, извлечены изъ книги XIX столѣтія.

Авторъ часто повторяется, у него много странныхъ выраженій, онъ даже не всегда грамотенъ. Вмѣсто: „монашество стало близко къ міру" онъ пишетъ: „*встало*" (стр. 32).—Пишетъ: „предъпріятіе" (стр. 212). На 108 стр. встрѣчаемъ такой періодъ: „обычно съ именемъ старца соединяется представленіе, какъ индивидуальномъ руководителѣ,—и въ древнемъ старчествѣ мы видимъ, что инокъ окормлялся однимъ

своимъ старцемъ, свободно избраннымъ имъ сообразно своему душевному устроенію". Понять можно, но выразить мысль должно было иначе.

Не особенно авторъ внимателенъ.

На 3 стр. Бѣлевскій уѣздъ у него оказывается Калужской губерніи, на 111—Тульской. Послѣднее вѣрно.

На 10 стр. описавши состояніе Соловецкаго монастыря, онъ пишетъ: „такъ печально было состояніе Оптиной пустыни"... и далѣе ведетъ рѣчь о ней, какъ и состоянію Соловецкаго монастыря онъ предпослалъ описаніе Оптиной пустыни.

На 11 стр. у него буквально получается, что причиною подъема монашества былъ подъемъ монашества.

На 73 стр. авторъ говоритъ о русскомъ народѣ: „онъ какъ аскетъ толпами шелъ въ Оптину"... Странно представить себѣ аскета идущаго толпами, но почему русскій народъ—аскетъ? Онъ терпѣливъ и можетъ довольствоваться очень малымъ, легко можетъ обходиться безъ *подушекъ*, на которыя по описанію нашего автора въ изнеможеніи падали головы оптинскихъ старцевъ (стр. 212), но, обладая земными благами, русскіе люди не уклоняются отъ пользованія ими.

За всѣмъ тѣмъ сочиненіе автора не лишено нѣкоторыхъ достоинствъ и небезполезно. Онъ привелъ въ нѣкоторую систему свѣдѣнія объ оптинскомъ старчествѣ, далъ—хотя и не особенно глубокую — характеристику этого старчества, прочиталъ—хотя и не особенно много—хорошихъ книгъ.

Для полученія степени кандидата сочиненіе написано удовлетворительно".

8) О сочиненіи студента *Волкова Бориса* на тему: „Пасторологическій анализъ русской изящной литературы послѣдняго времени".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„На указанную тему было уже писано кандидатское сочиненіе въ прошломъ году и дефекты оказавшіеся въ немъ (см. журналы Совѣта за 1913-й годъ, отзывъ о сочиненіи г. Веселовскаго) были поставлены на видъ автору настоящаго сочиненія для предупрежденія ихъ повторенія. Несмотря на то г. Волковъ усвоилъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Его вниманіе исключительно поглощено идеологіей. „Ввести

пастыря въ кругъ идей, господствующихъ въ современной жизни и нашедшихъ свое художественное воплощеніе въ изящной литературѣ нашего времени,—вотъ задача, которая предносилась предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ на всемъ протяженіи настоящей работы"—такъ опредѣляетъ авторъ характеръ своей работы въ заключеніи (стр. 328). Еще подробнѣе и яснѣе дѣлаетъ онъ это въ другомъ мѣстѣ, объясняя свое преимущественное вниманіе произведеніямъ Андреева и Куприна... „Купринъ и Андреевъ—это своего рода двѣ крайности нашей литературы. Они выявили современную жизнь съ двухъ противоположныхъ сторонъ — со стороны разочарованія и со стороны восторженнаго преклоненія предъ нею. Эта жизнь, освѣщенная съ двухъ до противоположности крайнихъ точекъ зрѣнія, нашла свое полное исчерпывающее отображеніе по преимуществу въ художественномъ творчествѣ Куприна и Андреева... По ихъ художественнымъ произведеніямъ всякій православный пастырь увидитъ, чѣмъ живетъ и болѣетъ современный человѣкъ, какіе запросы предъявляетъ онъ къ жизни, какъ и насколько успѣшно онъ примиряетъ свое существованіе съ христіанскими идеалами". Въ частности результаты своего анализа произведеній того и другого писателя авторъ резюмируетъ такимъ образомъ. „На произведеніяхъ Андреева пастырь увидитъ, какъ современный человѣкъ стремится освободить свою личность отъ тѣхъ узъ и стѣсненій, которыя якобы накладываются на него не только общественными и государственными формами жизни, но и самой христіанской моралью... увидитъ, до какихъ печальныхъ результатовъ доходитъ человѣческая личность въ своемъ стремленіи обособить себя отъ міра и жизни, что̀ переживаетъ личность въ своемъ добровольномъ одиночествѣ, какъ эта обособленная личность уходитъ внутрь себя, въ глубину своихъ личныхъ одинокихъ переживаній и изъ себя старается осмыслить свое существованіе; каковъ процессъ разрушенія мысли, вѣры и соціальнаго усилія и чѣмъ онъ сопровождается для одиночки; какъ этотъ одинокій, отвергшій и міръ и жизнь и въ себѣ самомъ не нашедшій точки опоры андреевскій человѣкъ въ своихъ поискахъ абсолютной истины и правды жизни наталкивается на міровое зло и какъ онъ примиряетъ его съ идеей Бога. На произведеніяхъ Куприна право-

славный пастырь тоже встрѣчается съ проблемой личности, какъ самой животрепещущей проблемой современности, но здѣсь будетъ свидѣтелемъ иной ея постановки и иного ея разрѣшенія. Здѣсь онъ увидитъ не обособленную отъ міра и жизни человѣческую личность, а личность, стремящуюся въ условіяхъ реальной дѣйствительности найти свое мѣсто въ жизни и проявить себя въ всей своей полнотѣ. Онъ увидитъ, какіе порывы этой личности въ дѣлѣ достиженія личнаго и общественнаго блага, какіе результаты этого стремленія личности къ жизни и причины ихъ въ зависимости отъ реальныхъ условій несовершенствъ жизни и наконецъ, какое можетъ быть сдѣлано освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія христіанскихъ идеаловъ... На произведеніяхъ обоихъ писателей православный пастырь увидитъ, что самой интересующей современнаго человѣка проблемой является вопросъ о смыслѣ какъ отдѣльной человѣческой жизни, такъ и всего мірового быта". Обширнѣйшій (въ 330 страницъ размѣромъ большого почтоваго листа и убійственно-убористаго почерка) трудъ автора обстоятельнѣйшимъ образомъ раскрываетъ всѣ приведенныя въ резюмэ положенія. Тщательнѣйшее изученіе источниковъ, самая широкая освѣдомленность въ критической литературѣ о нихъ, несомнѣнный талантъ философско-литературнаго анализа и литературнаго изложенія гарантируютъ автору успѣшное выполненіе поставленной имъ себѣ задачи. Какъ опытъ философско-литературнаго анализа съ богословско-практической цѣлью трудъ г. Волкова заслуживаетъ полнаго одобренія и даетъ автору безспорное право на усвоеніе степени кандидата богословія. Но все же пасторологическій анализъ—гораздо болѣе сложное дѣло, чѣмъ просто философско-литературный. Послѣдній есть только лишь предварительная, хотя безусловно необходимая, стадія перваго. Самыя идейныя теченія, констатированныя въ литературныхъ произведеніяхъ, авторъ долженъ былъ анализировать и оцѣнить съ точки зрѣнія психологіи грѣха и добродѣтели—спеціально-пасторской точки зрѣнія. Съ той же точки зрѣнія онъ долженъ былъ собрать и анализировать, къ сожалѣнію, вовсе опущенную имъ изъ вниманія громадную и чрезвычайно цѣнную массу матеріала нравственно-психологической цѣнности, именно безчисленныя картины всевозможныхъ нравственныхъ состояній, преимущественно

паденій, которыми такъ богаты изслѣдуемыя авторомъ произведенія. Давая г. Волкову настоящую тему, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъ него богатыхъ результатовъ именно въ этомъ направленіи и тѣмъ тяжелѣе для меня констатировать, что его талантливый, серьезный, богатый содержаніемъ трудъ построенъ въ иномъ направленіи, проходящемъ лишь въ преддверіи пасторологическихъ интересовъ и задачъ. Съ точки зрѣнія послѣднихъ весь почтенный трудъ автора конечно долженъ быть перестроенъ, при чемъ значительная часть цѣннаго лишь съ историко-литературной точки зрѣнія матеріала должна быть выброшена; эрудиція автора должна быть значительно усилена въ сферѣ богословско-аскетической и спеціально-пасторологической литературы. Хотѣлъ бы надѣяться, что авторъ не остановится предъ требуемыми въ этомъ направленіи усиліями и въ ближайшемъ будущемъ дастъ трудъ, способный быть цѣннымъ вкладомъ въ русскую пасторологическую литературу".

б) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостьина:*

„*Первая* глава сочиненія г. Волкова имѣетъ надписаніе: „задача, цѣль, возможность и необходимость пасторологическаго изученія русской литературы",—и рѣчь идетъ здѣсь о вліяніи литературы на человѣческую жизнь вездѣ, особенно же на Руси. Такимъ образомъ авторъ достаточно оправдываетъ самую постановку данной ему темы. Но при этомъ было бы не лишне опредѣлить точнѣе основные термины, входящіе въ эту тему: „пасторологическій", „изящный" и „послѣдняго времени". Не выяснивъ этихъ терминовъ надлежащимъ образомъ, авторъ прежде всего подмѣняетъ „пасторологическій" анализъ самымъ обычнымъ литературно-критическимъ анализомъ, и всю *вторую*, центральную, главу съ надписаніемъ: „современная художественная литература" (стр. 43—258), заполняетъ передачею и разборомъ повѣстей и разсказовъ Л. Андреева и Куприна, причемъ попутно выясняетъ родство одного изъ названныхъ писателей съ Ѳ. М. Достоевскимъ (170), а другого—съ К. Гамсуномъ (242). Читатель естественно недоумѣваетъ: что́ же тутъ собственно *пасторологическаго*? И затѣмъ: имѣлъ ли авторъ достаточное основаніе объявлять Л. Андреева и Ку-

прина „типичными представителями“ современной *изящной* русской литературы и ограничивать свою работу разсмотрѣніемъ лишь ихъ произведеній?.. Конечно, г. Волковъ хорошо сдѣлалъ, что не причислилъ къ таковымъ представителямъ еще г. Арцыбашева съ г-жей Вербицкой и не привлекъ ихъ произведеній къ своему обзору; но почему онъ не обратилъ вниманія, напр., на произведенія Боборыкина, Мережковскаго, Короленко, Чирикова, Потапенко? Развѣ ихъ произведенія не подходятъ подъ понятіе *изящной* литературы? Или же они не „послѣдняго времени“? Или, наконецъ, они даютъ мало матеріала для „пасторологіи“?.. Всѣмъ этимъ вопросамъ и недоумѣніямъ не было бы мѣста, если бы предварительно были выяснены указанные термины въ поставленной темѣ.

„Пасторологическіе“ выводы и сужденія мы находимъ уже въ *третьей*, заключительной, главѣ съ надписаніемъ: „современный человѣкъ въ поискахъ вѣчной истины“ (стр. 259—330). Но нельзя сказать, чтобы эти выводы стояли въ прямой непосредственной связи съ литературно-критическимъ анализомъ произведеній Андреева и Куприна, даннымъ во второй главѣ. Выводы съ этимъ анализомъ связаны довольно внѣшней и искусственной связью, высказаны скорѣе *по поводу* второй главы, нежели *на основаніи* ея. Это и не удивительно, такъ какъ въ произведеніяхъ Андреева и Куприна несравненно чаще встрѣчается человѣкъ „въ поискахъ чувственныхъ наслажденій“, нежели человѣкъ „въ поискахъ вѣчной истины“.

Такимъ образомъ, „пасторологія“ не много пріобрѣла въ изслѣдованіи г. Волкова. Но должно отдать справедливость его литературно-критическому таланту, зрѣлости мысли и незаурядной начитанности. Равнымъ образомъ, пишетъ онъ весьма отчетливо, ясно и стройно-логично. Такіе промахи, какъ Ницшеанскій Abermensch вм. Uebermensch (158) или: „предъ гробомъ *умирающаго* отца“ (276)—встрѣчаются очень рѣдко.

Для присужденія автору степени кандидата богословія разсмотрѣнное сочиненіе совершенно достаточно“.

9) О сочиненіи студента *Глаголева Николая* на тему: „Происхожденіе христіанства по теоріи историческаго матеріа-

лизма. Разборъ книги Каутскаго Der Ursprung des Christentums".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Отношеніе сторонниковъ научнаго марксизма къ религіи и, частнѣе, къ христіанству многосторонне. То они хотятъ выставить христіанскую религію, конечно, въ „истинномъ пониманіи", защитницей тѣхъ же идеаловъ, которые преслѣдуетъ соціализмъ,—хотятъ сблизить соціализмъ съ христіанствомъ и освятить первый этимъ сближеніемъ. То они унижаютъ христіанскую религію до крайней степени, дабы освободить отъ ея вліянія народы, отвлечь ихъ на путь соціалистическаго атеизма, поставить на ея мѣсто соціализмъ. То, наконецъ, они объясняютъ христіанство на протяженіи всей исторіи его, какъ объясняютъ и всякую религію, и всякую идеологію — изъ экономическихъ условій времени. Первыя двѣ линіи вытекаютъ изъ тактическихъ соображеній, послѣдняя свойственна научному соціализму по существу его основной теоріи—историческаго матеріализма. Апологетамъ христіанства надлежитъ защищать его со всѣхъ сторонъ, но преимущественно — съ третьей. Первыя два истолкованія христіанства ужъ слишкомъ грубы, тогда какъ третье иногда пріобрѣтаетъ соблазнительную видимость научно-историческихъ основаній. Такую видимость особенно имѣетъ книга Каутскаго Der Ursprung des Christentums, которая, поэтому, и заслуживаетъ вниманія богослововъ.

Сочиненіе г. Глаголева имѣетъ такой планъ и содержаніе. Въ введеніи онъ даетъ общее описаніе теоріи историческаго матеріализма и, ближе, отношеній марксизма къ религіи, вообще, и христіанству, въ частности. Указывается мѣсто, занимаемое книгой Каутскаго среди соціалистической литературы. Затѣмъ детально излагается книга Каутскаго. Выпукло начертывается ея основной тезисъ—христіанство, какъ продуктъ общественно - экономическихъ отношеній своего времени. Каутскій приписываетъ первоначальному христіанству пролетарско-зелотскій, т. е. экономически-революціонный характеръ. Онъ утверждаетъ, что христіанское общество перваго времени имѣло коммунистическій строй.

Изложивъ книгу Каутскаго, авторъ во всей остальной части своей работы подвергаетъ ее основательной и послѣ-

довательной критикѣ. Во главѣ, которую онъ называетъ принципіальною, изображается христіанство въ его евангельско-религіозной основѣ. Здѣсь все направляется къ той мысли, что христіанство, какъ религія духовная, лежитъ совершенно въ иной области, отличной отъ условно-общественныхъ отношеній. Между этими областями находится столь глубокій перерывъ, что онѣ не могутъ быть связаны между собою причинными отношеніями. Корень христіанства всецѣло и исключительно въ божественномъ лицѣ Христа Іисуса: оно есть творческо-новое въ исторіи. Вся эта глава написана авторомъ съ высокимъ подъемомъ, съ глубокою любовью къ предмету и въ воодушевленномъ изложеніи. Вся она—сплошной гимнъ, вылившійся изъ вѣрующаго сердца. Изъ чтенія ея не только выносишь пониманіе, но и живое чувство того, что христіанство совсѣмъ иного духа, не доступнаго плоской мысли Каутскаго, что „историческій матеріализмъ никакъ не можетъ подступиться къ христіанству". Христіанство не укладывается въ рамки матеріалистическаго пониманія исторіи.

Если бы авторъ ограничился только этою, принципіальною, главою, то его критику уже можно было бы назвать вполнѣ достигающею своей цѣли. Но онъ здѣсь видитъ лишь половину дѣла. Далѣе у него слѣдуетъ *часть историческая*, распадающаяся на четыре главы, въ которыхъ онъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за аргументаціей марксиста, изобличаетъ его невѣжество, тенденціозность, легкомысліе. Первая глава: „Первохристіанство въ исторіи и у Каутскаго". Въ исторической дѣйствительности первоначальное христіанство было не тѣмъ, чѣмъ оно кажется Каутскому: оно было воплощеніемъ безпредѣльнаго терпѣнія (гоненій), безграничной любви —не только къ своимъ, но и къ язычникамъ. Слѣдовъ борьбы внутренней (партій) и внѣшней (революціонности) нѣтъ. Во второй главѣ—о (мнимо) „пролетарскихъ корняхъ христіанства"—убѣдительно доказывается, что соціальный составъ первоначальнаго христіанства далеко не былъ такимъ, какимъ рисуетъ его Каутскій: оно не было движеніемъ классовымъ. Равнымъ образомъ и экономическое состояніе римской имперіи первыхъ временъ христіанства Каутскимъ представляется слишкомъ мрачно. Рядомъ выписокъ изъ книгъ проф. Карѣева, проф. Корелина, Вебера, Моммсена и др. показывается,

что это было время, когда положеніе низшихъ классовъ государства было много лучше сравнительно съ предшествующимъ республиканскимъ временемъ. Во главѣ третьей авторъ подробно останавливается на проблемѣ первохристіанскаго коммунизма и приходитъ къ отрицательному выводу. Въ послѣдней (четвертой) главѣ затрогивается, частнѣе, вопросъ, къ которому авторъ подходилъ уже въ первой главѣ, о мнимой революціонности первоначальнаго христіанства: рядомъ безспорныхъ свидѣтельствъ онъ доказываетъ, что отношенія христіанства къ государству были мирныя, покорныя. Краткая сводка всего дѣлается въ „заключеніи".

Мы видимъ, какой широкій кругъ предметовъ захватываетъ своимъ вниманіемъ авторъ. Каждая страница свидѣтельствуетъ о его выдающемся трудолюбіи. Читатель не встрѣчаетъ у него ни одного голословнаго утвержденія: страницы пестрятъ многочисленными ссылками на труды богословско-систематическіе, экзегетическіе, историческіе и спеціальные по соціализму.

Но какъ ни громадна начитанность автора, онъ работаетъ не по первоисточникамъ: онъ исключительно опирается на пособія и даже на пособія не всегда первостепенныя. Но и сверхъ того цитація страдаетъ значительными промахами. Я ограничусь лишь примѣрными указаніями. На стр. V прим. 4 авторъ сообщаетъ: „Отъ марксизма многіе перешли къ идеализму. Струве и Бельтовъ уже отказали экономіи въ „правѣ первородства". „Экономія есть сама нѣчто производное" (Бельтовъ *Монистическій взглядъ на исторію* стр. 172 и др.)".—Трудно понять, какъ это авторъ ухитрился произвести въ идеалисты Бельтова (Плеханова), который донынѣ остается самымъ ортодоксальнымъ марксистомъ. Между тѣмъ на стр. II, тоже въ подстрочномъ примѣчаніи, авторъ упоминаетъ о „раннихъ сочиненіяхъ Плеханова, въ которыхъ послѣднею и самою общею причиною развитія человѣчества считается развитіе производительныхъ силъ, и личность признается выраженіемъ безсознательнаго и необходимаго хода вещей". Однако и на стр. V и на стр. II разумѣется одно и то же мѣсто изъ книги Плеханова-Бельтова, которое у г. Глаголева приводится въ отрывкахъ, а въ полномъ видѣ читается такъ: „Экономія сама есть нѣчто производное, какъ и психологія. И именно потому *измѣняется* экономія всякаго

прогрессирующаго общества: новое состояніе производительныхъ силъ ведетъ за собою новую экономическую структуру, равно какъ и новую психологію... Далекая отъ того, чтобы быть первой причиной, экономія сама есть слѣдствіе, функція производительныхъ силъ". Еще. Авторъ цитируетъ (по разнымъ пособіямъ) то Гарнака (въ пер.) разныя статьи въ ж. В. и Р., какъ-то „Христіанство, какъ религія духа и силы", то Гарнака въ перев. книгѣ „Религіозно - нравственныя основы христіанства" (составившейся изъ указанныхъ статей ж. В. и Р.), то Гарнака Die Mission und Ausbreitung des Christentums, не подозрѣвая, что это и есть подлинникъ названнаго перевода. На стр. 1 подстр. прим. авторъ приводитъ выдержку изъ *Коммунистическаго Манифеста* Маркса и Энгельса и продолжаетъ „*ср. Капитализмъ и Коммунизмъ*", что̀ есть тотъ же Коммунистическій Манифестъ.

Но всѣ эти промахи извинительны, и было бы излишнею строгостью требовать отъ кандидатской работы съ такимъ широкимъ охватомъ самостоятельнаго использованія первоисточниковъ. Сочиненіе въ общемъ должно быть признано заслуживающимъ автору степени кандидата богословія".

б) И. д. доцента *Ѳ. К. Андреева*:

„Сочиненіе г-на Глаголева вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли: въ немъ данъ толковый и обстоятельный разборъ извѣстной книги Каутскаго, направленной на защиту абсолютной власти пан-экономизма даже въ такой области, гдѣ все явно полно самой грубой, сознательной, „нерасчетливости" и забвенія элементарнѣйшихъ правилъ „фабричной" этики,—именно въ сферѣ христіанской религіи. Привлекая со всѣхъ сторонъ богоборческіе аргументы, изготовленные на станкахъ самаго грубаго, почти животнаго, матеріализма и безапелляціоннаго раціонализма, Каутскій силится конструировать первохристіанство, вмѣстѣ съ его Главой, изъ условій чисто экономическаго порядка—борьбы за физическое существованіе. Церковь—кроткая Невѣста Христова—подмѣняется шайкой обездоленныхъ и озлобленныхъ бѣдняковъ, видящихъ въ „коммунальномъ устройствѣ" единственное спасеніе отъ голодной смерти и исходный пунктъ для борьбы съ „латифундіями".—Рядомъ удачныхъ и всегда прямо относящихся къ дѣлу положеній авторъ разсматриваемаго сочиненія отвѣ-

чаетъ Каутскому на всѣ его софизмы: первоначальная христіанская община, путемъ чисто научной аргументаціи, возстановляется въ томъ видѣ, въ какомъ она выступаетъ передъ нами непосредственно на страницахъ новозавѣтныхъ книгъ. Эти внѣшне-документированныя главы сочиненія даютъ почти исчерпывающую картину первохристіанства, насколько то возможно въ границахъ современнаго состоянія церковно-исторической науки. Ссылки на первоисточники и лучшія западныя изслѣдованія многочисленны и обнаруживаютъ въ авторѣ начитанность. Жаль только, что онъ не попытался дать положительный отвѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніи экономическаго и чисто религіознаго моментовъ, какъ оно раскрывается въ сознаніи самихъ членовъ Церкви, и, конечно, главнымъ образомъ тѣхъ, кого она сама признала достойными подражанія—святыми. Ознакомившись съ этимъ вопросомъ, авторъ можетъ быть присоединилъ бы къ своей, чисто полемической, работѣ, заключительную главу, гдѣ бы давалось, поскольку это возможно, положительное рѣшеніе вопроса о границахъ экономическаго въ Церкви. Впрочемъ, онъ и такъ уже сдѣлалъ не мало, и мы высказываемъ ему не порицаніе, а лишь пожеланіе при дальнѣйшей обработкѣ сочиненія обратить вниманіе на эту неполноту.—Обращаясь теперь къ вопросу о Главѣ Церкви, мы уже не находимъ у автора такой исторической аргументаціи, что, конечно, обусловлено отчасти тѣмъ, что у Каутскаго все вниманіе сосредоточено на общинѣ, но, главнымъ образомъ, тѣмъ, что будучи гораздо болѣе предметомъ вѣры, чѣмъ Церковь воинствующая, Ликъ Христа ускользаетъ отъ внѣшняго оправданія. Поэтому и тѣ страницы работы, гдѣ разсматривается этотъ вопросъ о главѣ, носятъ у автора интимно-личный характеръ и даютъ не столько историческій обликъ Богочеловѣка, сколько психологію богосознанія. Разумѣется послѣдняя оказывается нисколько не похожей на психологію только голоднаго пролетарія, на которой строится схема первохристіанства у Каутскаго.

Таковъ въ общихъ чертахъ планъ содержательной и вдумчиво написанной работы г-на Глаголева. Отмѣтимъ теперь нѣкоторые мелкіе недочеты, быть можетъ просто опечатки. Такъ на стр. 20 встрѣчается фраза: „Предположеніе, что христіанство создавалось до великаго переселенія народовъ

даетъ право Каутскому и т. д.",—неужели самъ авторъ не раздѣляетъ этого „предположенія"?—Тамъ же говорится о французскихъ короляхъ XIX вѣка. Февда (правописаніе автора) стр. 22-й отличается отъ „Теудаса" предыдущей страницы. На стр. 96 упоминается какая-то Феба изъ знатныхъ первохристіанокъ, наряду съ Еводіей и Синтихіей посланія къ Филиппійцамъ (4, 2).—Въ разныхъ мѣстахъ цитируется книга В. Кожевникова: „Отношеніе соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности", которую авторъ, по нѣкоторымъ признакамъ, не имѣлъ въ рукахъ.

Гораздо многочисленнѣе недочеты стилистическіе и происходящіе отъ неумѣлаго пользованія нѣкоторыми терминами; примѣры: „трудно найти болѣе богоборческое ученіе, какимъ является марксизмъ" (стр. VI); эпоха, „характеризующаяся кульминаціоннымъ пунктомъ блестящаго развитія"... (стр. 7); „изъ этихъ придворныхъ составился новый аппаратъ для управленія дѣлами государства" (стр. 27) „слишкомъ допущена большая запутанность" (стр. 54): „земная бухгалтерія" (стр. 78): „пропангандистская сила" (стр. 83); „противникъ... не имѣетъ иного горизонта, нежели самъ христіанинъ" (стр. 85); на стр. 87 вмѣсто „антагонизмъ" употребляется „антиномизмъ"; чернь иногда „симпатически стояла на сторонѣ христіанъ" (стр. 113) и под.—Еще менѣе удаются автору поэтическія описанія: „солнце погасло и чернымъ, зловѣщимъ пламенемъ вспыхнула тьма и хлынулъ тяжелый душный мракъ и разрушеніе... бьется душа замученная и раскалывается" (стр. 61); Христосъ „страдальцамъ открываетъ бездонныя объятія свои" (стр. 63); христіанство насадило на землѣ „золотые цвѣты правды...", „пусть не будетъ на землѣ больше злобы и когтей и человѣкъ—царь пусть озарится" (стр. 64); о первохристіанахъ—„безумны и изступленны были ихъ огненныя рѣчи, которыми они зажгли міръ. Вся ихъ жизнь была отвѣтомъ на Христову нежитейскую красоту" (стр. 128).—Болѣе чѣмъ странно звучатъ нѣкоторыя выраженія непосредственныхъ чувствъ: Каутскій полагаетъ, что „стоитъ только поплевать на перо, и оно запишетъ увѣренно и бойко" (стр. 15); „ей, ей, нельзя сдержать совершенно искренняго негодованія, когда видишь, какое „христіанство" выдается за настоящее, чистое" (ibid. примѣчаніе); „выпвыриваніе" (стр. 17); „залихватски-разнуз-

данная книга“ (стр. 28); „рядъ модныхъ философовъ и шарлатановъ, въ лицѣ Сенеки, младшаго Плинія, Аполлонія Тіанскаго и Плотина“ (ibid.); Каутскій, „захлебываясь отъ восторга, строчитъ Нерону акаѳистъ“ (ibid.).—Странно выглядятъ нѣкоторыя усвоенныя авторомъ сокращенія: „Іерус. пролетарій“ (стр. 9); „имп. придворные чины“ (ibid. и стр. 26); „эк—общественныя отношенія“ (стр. 47); „іуд-нац-исключительный характеръ“ (стр. 86); „нац-матер-іудейская основа“ (стр. 90); „карпократіанская церковь съ ея комм-змомъ“ (разумѣется: коммунизмомъ) и под.—Наконецъ, неизбѣжные, при работѣ надъ нѣмецкой книгой: „конкретизированіе“ (стр. 6), „люмпенпролетаріатъ“ (стр. 7, 9, 11, 98, 129), „сервилизмъ“ (стр. 25, 79) и др. Но все это, безусловно, мелочи и простыя ошибки, которыя не мѣшаютъ автору быть достойнымъ искомой степени“.

10) О сочиненіи студента *Голобородько Михаила* на тему: „Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству и малороссійское духовенство“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Голобородько состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой мы имѣемъ краткій очеркъ соціальнаго состоянія Украйны со времени столкновенія ея съ Польскимъ государствомъ. Въ этомъ очеркѣ авторъ, напомнивъ читателю послѣдовательный ходъ сближенія и соединенія Литовскаго великаго княжества съ Польшей (5—10), разсматриваетъ тѣ послѣдствія для русскаго православнаго населенія литовскихъ земель, къ которымъ это сближеніе приводило, останавливается на бѣгствѣ крестьянъ на Украйну, на значеніи этого факта въ исторіи малорусскаго казачества, на характеристикѣ устройства и положенія казачества и въ заключеніе подвергаетъ разбору легенду о Баторіевой реформѣ. Во второй главѣ авторъ изучаетъ религіозное и національное движеніе въ первой половинѣ XVII в. въ Малороссіи, движеніе, которое и было причиной возсоединенія Руси. Здѣсь вниманіе автора привлекаетъ къ себѣ ухудшеніе положенія православныхъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ XVII в. послѣ Брестской уніи 1596 г., протестъ противъ уніи и религіозное движеніе въ казачествѣ, которое вступаетъ въ переговоры о соединеніи съ московскимъ правительствомъ.

Глава III посвящена обширному изслѣдованію самаго факта присоединенія Малороссіи къ Московскому государству. Авторъ даетъ очеркъ сношеній съ Москвою Богдана Хмельницкаго, нѣсколько страницъ удѣляетъ земскому собору 1651 г., переходитъ далѣе къ собору 1653 г., излагаетъ дѣйствія великаго московскаго посольства въ Малороссію и наконецъ подвергаетъ критическому изученію знаменитыя „статьи Богдана Хмельницкаго“, формулировавшія условія присоединенія. Въ послѣдней IV главѣ авторъ характеризуетъ отношеніе малороссійскаго духовенства къ подчиненію Малороссіи Москвѣ и особенно подробно останавливается на выясненіи причинъ того враждебнаго отношенія, которое вызвалъ къ себѣ этотъ фактъ со стороны кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова и высшаго малороссійскаго духовенства.

Работа г. Голобородько производитъ самое пріятное впечатлѣніе. Особенно цѣннымъ ея свойствомъ я считаю то отношеніе къ источникамъ, которое авторъ проявляетъ въ ней. Имъ собранъ обширный относящійся къ интересующему его вопросу документальный матеріалъ, хотя онъ и сѣтуетъ въ предисловіи на его недостаточность. Этотъ матеріалъ имъ основательно изученъ, и онъ даетъ вѣрную оцѣнку его значенію, когда говоритъ напр. (119) о значеніи статейнаго списка посольства Бутурлина и о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привело Костомарова недостаточно внимательное отношеніе къ этого рода документамъ. Тщательно изучая документы, авторъ умѣло ими пользуется для своего изложенія. Такъ по документальному матеріалу построенъ у него разсказъ о дѣйствіяхъ московскаго посольства, о столкновеніи митрополита съ боярами въ Кіевѣ (218) и др. Разборъ „статей Богдана Хмельницкаго (146—154) свидѣтельствуетъ объ умѣньѣ автора критически относиться къ тому матеріалу, который находится въ его рукахъ. Тотъ же критическій навыкъ авторъ обнаруживаетъ при разборѣ вопроса о датѣ статей (стр. 159 примѣчаніе.).

Основательное знакомство съ документами даетъ автору надежную опору въ отношеніи къ существующей литературѣ предмета и позволяетъ ему хорошо оріентироваться среди различныхъ высказанныхъ учеными взглядовъ. Къ воззрѣніямъ Костомарова, Кулиша, Кояловича и др. авторъ

относится вполнѣ самостоятельно и принимаетъ изъ нихъ только то, что проходитъ черезъ его собственное критическое испытаніе (66, 68, 81, 215 и др.). Въ своей работѣ онъ вполнѣ самостоятеленъ и доказательно проводитъ свое основное положеніе о томъ значительномъ вліяніи, которое имѣли религіозные мотивы на дѣло присоединенія. „Главный мотивъ", пишетъ авторъ, „какимъ руководствовалось московское правительство при принятіи Малороссіи въ подданство, это мотивъ религіозный. Подчеркнуть это тѣмъ болѣе необходимо, что въ нашей исторіографіи существуетъ стремленіе приписывать казакамъ полное безразличіе къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, которые только послѣ со внѣ и совершенно случайно вошли въ кругъ казацкихъ интересовъ". (107—108). Религіозный мотивъ присоединенія это руководящая мысль автора, проникающая всю работу и сообщающая ей единство. Тѣмъ болѣе его поражаетъ отношеніе къ дѣлу малороссійскаго высшаго духовенства, и г. Голобородько тратитъ много труда на выясненіе причинъ такого непонятнаго на первый взглядъ отношенія. Соображеній, къ которымъ онъ приходитъ, нельзя не признать основательными.

Работа читается съ большимъ интересомъ. Знаніе источниковъ, умѣнье критически къ нимъ отнестись и воспользоваться ими для конструкціи фактовъ—таковы проявленныя авторомъ въ его сочиненіи свойства. Они даютъ ему полное право на полученіе кандидатской степени".—

б) И. д. доцента *священника I. М. Смирнова*:

„Тема сочиненія г. М. Голобородько.—„Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству и малороссійское духовенство" — исчерпывается собственно говоря III и IV главами его работы. Здѣсь довольно подробно изложена (начиная съ даты 8 іюня 1648 года) исторія событія, имѣвшаго такую существенную роль для послѣдующей жизни обѣихъ Россій, а преимущественно для Малой, особенное вниманіе удѣлено основательному анализу Московскихъ статей, въ которыхъ были формулированы условія соединенія, и дана, наконецъ, хотя и краткая, но достаточно опредѣленная оцѣнка этого историческаго акта 1654 года въ предѣлахъ *дѣйствительности*, насколько условія соединенія

были удовлетворительны для ожиданій всѣхъ классовъ малороссійскаго народа. Въ IV главѣ указано отношеніе малороссійскаго духовенства къ факту подчиненія Малороссіи Москвѣ, причемъ изъ всего разнообразія мнѣній, объясняющихъ отрицательное, вѣрнѣе—прямо враждебное положеніе, занятое Митр. Сильвестромъ Коссовымъ къ московскому правительству и къ вопросу подчиненія Малороссіи Москвѣ, авторъ выбираетъ наиболѣе вѣроятныя. Взятое только въ предѣлахъ этихъ двухъ главъ (стр. 98—271) сочиненіе г. Голобородько производитъ впечатлѣніе труда основательнаго, обнаруживающаго въ авторѣ и тонкій анализъ, и умѣнье разобраться въ массѣ разнорѣчиваго матеріала, котораго по такому жгучему (въ особенности для малоросса) вопросу существуетъ весьма обильно, и достаточную научную объективность (авторъ—полтавецъ). Точный, сжатый, но въ то же время и ясный языкъ изложенія усиливаетъ благопріятное впечатлѣніе.

Что же касается I-й главы, которую авторъ посвящаетъ подробному выясненію соціально-экономическихъ отношеній, породившихъ казачество, то необходимость ея для настоящей работы является, по моему мнѣнію, довольно таки проблематичной. Казачество, какъ бы ни была сильна его роль въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи, все же не является выразителемъ всей массы южно-русскаго народа: это—только сословіе, хотя и наиболѣе могущественное среди прочихъ. Другое дѣло, если бы авторъ изложилъ здѣсь соціально-экономическую обстановку жизни всего малорусскаго народа, всѣхъ его слоевъ, которая вынудила этотъ народъ искать того или другого выхода изъ создавшихся ненормальныхъ условій собственнаго существованія:—въ формѣ ли присоединенія къ Москвѣ, или союза съ какимъ либо другимъ изъ окружавшихъ сосѣднихъ государствъ. Тогда глава имѣла бы органическую связь съ общею работою, служила бы опредѣленнымъ оправданіемъ разбираемаго акта 1654 года.—Впрочемъ, будучи взята сама по себѣ, въ отдѣльномъ видѣ, I-ая глава можетъ служить только лишнимъ плюсомъ въ пользу автора.—II-я глава, какъ изложеніе предварительныхъ попытокъ (до 1654 г.) присоединенія Южной Руси къ Москвѣ, попытокъ, выросшихъ на почвѣ пробужденія національнаго самосознанія южно-руссовъ и параллельнаго религіознаго

движенія первой половины XVII вѣка, имѣетъ конечно безусловно—цѣнное вступительное значеніе къ главному пункту работы. Но напрасно только авторъ придаетъ такой исключительный вѣсъ указанному движенію, считая его „залогомъ“ совершившагося потомъ присоединенія М. Руси. Это движеніе указало только дорогу въ Москву, ту страну, „въ соединеніи съ которой Южная Русь могла сохранить свою вѣру и самобытность“ (97 стр.), но привели ее сюда совсѣмъ другія соображенія. Яркій представитель первыхъ попытокъ—Митр. Іовъ Борецкій въ своихъ стремленіяхъ къ Москвѣ исходилъ изъ идеи кровнаго и вѣроисповѣдного родства обѣихъ Россій, совершенно не учитывая въ опредѣленныхъ формахъ всю выгоду для общественныхъ слоевъ собственной страны предполагавшагося сліянія. Богданъ Хмельницкій и прочіе дѣятели акта 1654 года руководствовались прежде всего узко-практическими разсчетами объединенія: присоединеніе къ единокровной и единовѣрной Москвѣ давало болѣе, нежели съ какимъ либо изъ другихъ иновѣрныхъ или инославныхъ сосѣдей, основаній къ крѣпкому и выгодному *союзу*. Идея Борецкаго въ своемъ конечномъ результатѣ, пройдя чрезъ сознаніе той и другой народной массы, привела бы къ *возсоединенію* разрозненныхъ историческими и политическими обстоятельствами двухъ частей одной и той же народности въ одинъ крѣпкій политическій организмъ. Политико-матеріальные двигатели привели Малороссію къ *присоединенію* на пріемлемыхъ началахъ къ Московскому государству, какъ равно они могли бы присоединить ее и къ Турціи, и къ Польшѣ, и къ Молдавіи и др. странамъ. Такъ, именно, какъ на выгодный съ различныхъ точекъ зрѣнія *союзъ* смотрѣли на актъ 1654 года и самъ Хмельницкій (ср. напр. стр. 149, 203 наст. работы), такъ и народъ. Неудовлетворенность въ матеріальныхъ разсчетахъ состоявшагося присоединенія естественно повела къ немедленному охлажденію въ своихъ симпатіяхъ южно-руссовъ къ Москвѣ, а потомъ и къ явнымъ *измѣнамъ* союзу. Слѣд., идеальныя чаянія Іова Борецкаго и его единомышленниковъ не могли породить такое спеціально-утилитарное дѣтище, какъ присоединеніе 1654 года Хмельницкаго, а потому говорить о національно-религіозномъ движеніи двадцатыхъ годовъ XVII вѣка, какъ „залогѣ“ послѣдняго,—довольно рискованно. Но

впрочемъ это мало мѣняетъ сущность дѣла, вполнѣ удовлетворительно, повторяю, раскрытаго въ III и IV главахъ разбираемой работы. Есть въ сочиненіи досадные недосмотры: стр. 32. 59. 66. 101. 138. 176. 180. 186. 197. 232. 269.

Въ общемъ же сочиненіе г. Голобородько производитъ впечатлѣніе весьма дѣльной курсовой работы, дающей полное право ея автору на присужденіе искомой степени кандидата богословія".

11) О сочиненіи студента *іеромонаха Сергія (Дабича)* на тему: „Монархія у евреевъ по даннымъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова:*

„Сочиненіе о. Сергія открывается внушительнымъ спискомъ русскихъ и иностранныхъ (нѣм. и франц.) пособій, какими онъ пользовался при написаніи своей работы. Здѣсь захвачены не только монографическіе и общеисторическіе отдѣльные труды, но и журнальныя небольшія статьи. Самое сочиненіе, помимо введенія, распадается на 3 части, изъ которыхъ первая опредѣляетъ генезисъ и характеръ еврейской монархіи, отличающій ее отъ другихъ монархій древняго востока, вторая—даетъ обильныя свѣдѣнія изъ быта еврейской монархіи, а третья—излагаетъ исторію еврейской монархіи до паденія Іудейскаго царства. Къ сочиненію приложена хронологическая таблица событій древне-еврейской исторіи отъ сотворенія міра до взятія Іерусалима Титомъ, составленная по многимъ пособіямъ весьма удачно. Какъ цѣлое, такъ и въ деталяхъ сочиненіе о. Сергія производитъ самое благопріятное впечатлѣніе, какъ трудъ вдумчивый и изящно отдѣланный. Не обладай нашъ авторъ изумительною сжатостью рѣчи, его достаточно большое сочиненіе могло бы стать еще объемистѣе,—такъ великъ матеріалъ, использованный и привлеченный имъ къ освѣщенію общихъ положеній и частныхъ сторонъ подлежавшихъ его изслѣдованію вопросовъ. Цитація у нашего автора отличается точностью, и весь подстрочный матеріалъ приведенъ въ координацію съ текстомъ сочиненія. Въ авторѣ видѣнъ историкъ-психологъ, удачно вскрывающій и комментирующій единичные случаи

и группы фактовъ изъ исторіи ветхозавѣтнаго Израиля, что нужно особенно сказать о первой и третьей частяхъ сочиненія, гдѣ приходилось говорить о генезисѣ теоретическомъ („in spe“ и „ad libitum“ по автору, разумѣются прелиминаріи обѣтованій и закона) и эмпирическомъ еврейскаго государства и о судьбахъ его при 3 первыхъ царяхъ, равно конспективно излагать лейтмотивы исторіи раздѣлившейся монархіи до паденія ея двухъ частей. Къ сказанному авторомъ о значеніи исторіи еврейскаго народа, о сомнѣніяхъ Самуила касательно учрежденія монархіи, и объ эпохѣ начальственнаго царственнаго тріумвирата врядъ ли что можно добавить. Тонкій психологическій анализъ историческихъ положеній и событій не оставляетъ желать ничего бо́льшаго, опираясь на документальныя данныя ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ. При изложеніи нормативовъ быта еврейской монархіи замѣчается перо юриста, для котораго общія схемы государствовѣдѣнія являются путеводною нитью при группировкѣ фактовъ древне-еврейской монархической жизни.

Въ исторіи еврейскаго народа нашъ авторъ различаетъ 3 періода: кочево-пастушескій, земледѣльческій и торгово-промышленный, по дѣйствующимъ силамъ—патріархальный, теократически-царскій и раввинистическій. Не занимаясь послѣднимъ, онъ удѣляетъ вниманіе первымъ двумъ. Въ номадическомъ періодѣ, хотя и нѣтъ народа въ виду отсутствія опредѣленной территоріи, однако зарождаются формы быта, сохраняющіяся и въ слѣдующій періодъ государственно-національный, а поэтому не безплодныя для быта еврейской монархіи. Нашъ авторъ слѣдитъ, какъ примитивное колѣнное управленіе становится общиннымъ, которое въ свою очередь преобразуется въ національное, причемъ самое устройство Палестины нѣсколько уединяетъ ея населеніе отъ сосѣдей—язычниковъ, отъ моря и отъ торговыхъ путей древняго міра. Палестина становится колыбелью изолированнаго національнаго быта, въ равныхъ же условіяхъ кочевой жизни закладывалась прочная черта этого быта, обладавшая удивительнымъ стабилизмомъ,—равенство всѣхъ предъ единымъ Владыкою неба и земли. Характеристика начальныхъ стадій еврейской политической исторіи, періода судей,—проведена весьма хорошо, и оттѣненіемъ фаустрехта судейской эпохи (каждый дѣлалъ, что казалось ему справедливымъ. Суд. 21,

25) показано вѣроятное зерно, изъ котораго произрасли дальнѣйшія желанія еврейскаго народа, и расцвѣли его упованія на царство, какъ на панацею для великаго національнаго горя. Для рецензента только несовсѣмъ ясно, какъ мыслитъ о. Сергій отношеніе ветхозавѣтной церкви къ еврейскому національному государству, было ли здѣсь государство въ церкви, или церковь въ государствѣ, или эти понятія сорастворялись. Неясно, употребляемые авторомъ термины кагалъ, еда имѣютъ ли специфически-религіозный или гражданско-соціальный характеръ, иначе говоря, какой строй взаимныхъ отношеній церкви и государства отмѣчается Іосифомъ Флавіемъ, вводящимъ терминъ „теократія", какъ опредѣленіе сущности древне-еврейскаго быта, подчиненіе, содружество или поглощеніе одной стороны жизни другою. Давая правильное толкованіе термину шофетъ—судія, какъ отмѣчающему лицо управляющее (судъ управленію), нашъ авторъ погрѣшительно толкуетъ выраженіе „кадошъ" святой въ отнесеніи къ Израилю въ смыслѣ указанія на чистоту отъ грѣховъ (75 стр.). Вѣдь тотъ же законъ, гдѣ поставлено это выраженіе, устанавливалъ систему жертвоприношеній; по нашему мнѣнію здѣсь дана лишь идея отдѣленія, обособленія отъ другихъ народовъ, а святость въ моральномъ смыслѣ—понятіе привходящее. Равно нашъ авторъ колеблется въ толкованіи самого имени „Израиль", давая конечному эль то значеніе субъекта при глагольномъ элементѣ слова, то объекта при этомъ элементѣ, а потому переводитъ то „владычествуетъ Господь", то „Богоборецъ" (40 стр.). При рѣчи о способѣ избранія царя авторъ недостаточно освѣдомленъ объ уримъ и туммимъ (97 стр.), а потому его изложеніе—сбивчиво, равно не точна рѣчь объ уримъ и туммимъ въ Израильскомъ царствѣ (161 стр.). Замѣчаніе о значеніи монархіи для централизаціи Богослуженія также нуждается въ детальномъ обоснованіи, въ виду принесенія даже благочестивыми царями жертвъ на высотахъ (130 стр.).

Придавая особый вѣсъ археологической части въ изслѣдованіи о. Сергія, рецензентъ долженъ отмѣтить съ большою похвалою ея полноту и детальность. Критическихъ добавленій къ этой части рецензируемой работы можно сдѣлать немного, потому что нашъ авторъ умѣетъ отличать въ древне-еврейскомъ быту элементы, о которыхъ можно говорить съ

увѣренностью, отъ выводовъ, осужденныхъ на проблематичность, наприм. объ елеѣ помазанія царей, о книгѣ „царскаго“ закона и т. п. Интереснымъ представляется вопросъ о совмѣщеніи царскаго служенія съ священническимъ (въ домаккавейскую эпоху), на что открываются какъ бы намеки въ текстѣ священныхъ книгъ. Напримѣръ, цари приносятъ жертвы (по нѣкоторымъ не какъ жертводатели, но какъ жертвосовершители), благословляютъ народъ именемъ Господнимъ, сыновья Давида называются священниками „коганимъ“, Давидъ при перенесеніи ковчега завѣта надѣваетъ на себя ефодъ,—всѣ эти данныя удачно разъяснены о. Сергіемъ, рецензентъ добавилъ бы только, что и отрокъ Самуилъ получилъ отъ своей матери ефодъ, верхнюю малую одежду (1 Сам. 2, 18—19). Вопросъ объ еврейскихъ чиновникахъ (должностныхъ лицахъ) разработанъ детально, хотя *δυσνόητα* остаются,—такъ неопредѣлимо, почему извѣстныя лица названы: когенъ ледавидъ—священникъ Давидовъ (2 Сам. 20, 26, обратимъ вниманіе на параллельное хозе Давидъ, пророкъ Давидовъ, о пророкѣ Гадѣ въ 2 Сам. 24, 11), или когенъ мишне—второй священникъ (2 Цар. 25, 18), мишне гаммелехъ—второй по царѣ (буквально второй царя) или гашшалишъ—тристатъ (третьестепенный?). Впрочемъ у автора на стр. 294 какое-то неудомѣнное различеніе тристата отъ шалиша. Точно неизвѣстно, кто Крети и Плети при Давидѣ, критскіе и филистимскіе кондотьеры, въ родѣ швейцарской гвардіи и лейбвахты французскихъ королей, или что другое, по части воинскихъ отдѣловъ. При рѣчи объ евнухахъ въ царскихъ гаремахъ авторъ напрасно отрицаетъ, что они были кастратами, ссылаясь на извѣстный законъ Пятокнижія, по которому оскопленные не могли быть въ обществѣ Израиля, но законъ и жизнь расходились у евреевъ, а у пророка Исаіи читаемъ, что Господь даетъ обѣтованія евнухамъ, сухимъ древамъ, если они хранятъ Его субботы, избираютъ угодное Ему и крѣпко держатъ завѣтъ Его (56, 4). Аммонитянъ также нельзя было присоединять къ Израилю, а въ кн. Іудиѳь выступаетъ аммонитянинъ Ахіоръ съ рѣчью въ апологію іудейства, что заставляетъ видѣть въ немъ прозелита. Объ обычномъ полигамическомъ строѣ царской семьи сказано хорошо, безспорно полигамія тѣсно связана съ вопросами экономическими, и самое слово

„гаремъ“ близко къ слову „гармонъ“ дворецъ, замокъ, жилище богатыхъ знатныхъ людей, только чудовищный гаремъ Соломона можетъ имѣть объясненіе не въ одномъ его сластолюбіи и богатствѣ, а и въ условіяхъ быта времени, по которымъ всѣ женщины, находившіяся въ обладаніи извѣстнаго лица, разсматривались, какъ его потенціальныя жены и конкубины. Прекрасное разъясненіе этого вопроса можно видѣть у покойнаго историка Голубинскаго въ его замѣчаніяхъ о несмѣтномъ гинекеѣ князя Владиміра, до принятія имъ христіанства. Что касается до роста гаремовъ царскихъ чрезъ переходъ женъ и конкубинъ царя къ его престолонаслѣднику, то таковое явленіе, какъ замѣчаетъ о. Сергій, должно считаться недоказаннымъ. О положеніи царской матери въ полигамической семьѣ царя сказано преувеличенно, а каковы были омены, воспитатели царскихъ дѣтей, видно изъ того факта, что омены дѣтей Ахавовыхъ отрѣзали головы своимъ воспитанникамъ по требованію Іиуя и наполнили ими отосланныя къ нему корзины (2 Цар. 10, 7). Отдѣлъ о погребеніи и траурѣ по царѣ имѣетъ нѣсколько общій характеръ, кромѣ того бальзамированіе царей недоказуемо, а трупосожженіе, какъ бы примѣнявшееся къ царямъ, требовало детальнаго изученія подлинныхъ мѣстъ Библіи, напримѣръ, о погребеніи Асы. Конечно, сожженіе Саула и его сыновей, совершенное жителями Іависа, не можетъ быть свидѣтельствомъ въ пользу царской кремаціи, какъ сопровождавшееся постомъ жителей Іависа, крематоровъ Саула, какъ бы, по раввинамъ, въ заглажденіе ихъ невольной вины. Во всякомъ случаѣ этимъ не подтверждается кремація царей, какъ обычай.

Въ виду того, что въ началѣ отзыва уже охарактеризована историческая часть въ трудѣ о. Сергія, рецензентъ въ правѣ подвести благопріятный итогъ всему сказанному и признать автора рецензированной работы достойнымъ кандидатской степени и оцѣнки его сочиненія полнымъ балломъ“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„Довольно обширная работа о. Сергія (473 стр. растянутаго почерка) свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вполнѣ овладѣлъ своимъ предметомъ, понялъ сущность дѣла и изучилъ детали его. О. Сергій не ставитъ себѣ чисто историче-

скую задачу. „Тему: „Монархія у евреевъ“ авторъ понимаетъ, по его же словамъ, какъ выясненіе существа и основаній царской власти у избраннаго народа, главнымъ образомъ въ періодъ ея сформированія, происхожденія; далѣе, какъ указаніе, въ какія формы вылилась эта власть... Наконецъ, какъ выясненіе степени вліянія царской власти на судьбы... еврейскаго народа“ (стр. 25—26). Вообще въ введеніи авторъ хорошо уяснилъ себѣ задачу, ясно и точно опредѣлилъ границы и планъ работы. Подробно и обстоятельно выяснено о. Сергіемъ отношеніе между Богомъ и еврейскимъ народомъ, какъ отношеніе теократіи. Но наличность послѣдней задаетъ сложный вопросъ о томъ, умѣстна и совмѣстима ли была царская власть съ теократіей. При помощи подробнаго и умѣлаго анализа о. Сергій прекрасно разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что разъ „царство, проникнутое духомъ божественной теократіи, было Богомъ заранѣе предусмотрѣно и учреждено“ (стр. 125), тослѣдовательно, „теократическое устройство народа израильскаго не исключало въ немъ существованія земного царя“ (стр. 129). Такое устройство обусловливало только особенную, исключительную форму еврейской монархіи. Обо всемъ этомъ авторъ разсуждаетъ въ первой части сочиненія. Во второй части о. Сергій далъ полную и подробную картину быта еврейскаго монарха. Эту часть онъ называетъ археологически-правовымъ очеркомъ... Дѣйствительно, авторъ выказалъ здѣсь интересъ къ даннымъ библейской археологіи и обнаружилъ, что не чуждъ юридическаго образованія. Въ третьей части сочиненія кратко излагается исторія еврейской монархіи, сначала при первыхъ трехъ царяхъ: Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ, а затѣмъ отдѣльно въ каждомъ изъ двухъ царствъ: Израильскомъ и Іудейскомъ. Въ концѣ сочиненія авторъ приложилъ тщательно имъ составленную по нѣкоторымъ пособіямъ хронологическую таблицу событій еврейской монархіи.

Для разработки своей темы о. Сергій прекрасно использовалъ обширную иностранную (благодаря хорошему знанію французскаго и нѣмецкаго языковъ) и русскую литературу и, несмотря на сложность задачи, не запутался въ мелочахъ и подробностяхъ. Работа о. Сергія отличается стройностью, систематичностью, планомѣрностью и тщательностью отдѣлки.

Хотя авторъ часто (особенно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ) затрогиваетъ побочные предметы (каковы: значеніе нѣкоторыхъ именъ Божіихъ, права первородства, ветхозавѣтный бракъ, положеніе женщины у евреевъ, положеніе пришельцевъ и пр.), однако онъ никогда не уклоняется отъ темы; все у него имѣетъ отношеніе къ основному предмету изслѣдованія; въ разсматриваемомъ сочиненіи всему удѣлено надлежащее мѣсто и вниманіе. Вообще о. Сергій показалъ себя не пассивнымъ работникомъ, а хозяиномъ дѣла. Выясняя нѣкоторыя понятія, напримѣръ, объ елеѣ царскаго помазанія, о тристатѣ и пр., авторъ приводитъ обычно существующія въ наукѣ предположенія о нихъ и всегда указываетъ наиболѣе основательное изъ нихъ и удобопріемлемое. Такимъ образомъ, хотя о. Сергій широко пользовался многочисленными пособіями (тщательнѣйшимъ образомъ процитированными имъ какъ подъ строкою, такъ и въ особенности въ перечнѣ литературы), однако онъ сумѣлъ остаться относительно самостоятельнымъ. Изложеніе о. Сергія отличается ясностію, сжатостію, нѣкоторою своеобразною выразительностію и, за весьма немногими исключеніями, вполнѣ чистымъ, литературнымъ языкомъ.

Недочетовъ въ сочиненіи замѣчено рецензентомъ немного. Для выясненія нѣкоторыхъ еврейскихъ понятій авторъ пользуется различными словарями, энциклопедіями и др. справочниками и приводитъ обычно греческій и латинскій терминъ, а иногда и еврейскій (въ латинской транскрипціи), но никогда не прибѣгаетъ къ помощи еврейской филологіи, даже для выясненія такихъ существенныхъ для темы понятій, какъ: „царь“, „помазанникъ“ и пр. Отсюда у автора замѣтна неувѣренность и сбивчивость въ толкованіи нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ и понятій (см. стр. 40, 75 и др.). Вообще авторъ не обнаружилъ знакомства съ еврейскимъ языкомъ.

Называя еврейскаго монарха „намѣстникомъ Іеговы“, о. Сергій очень кратко говоритъ объ отношеніи къ нему пророковъ (стр. 152, 284) и ничего почти не говоритъ объ отношеніи первосвященниковъ. Вообще вопросъ о взаимоотношеніи еврейской монархіи и ветхозавѣтной церкви остался въ сочиненіи не выясненнымъ.

Описывая головной уборъ царя, авторъ говоритъ, что

царская діадема представляла собою „головную повязку или дощечку, съ надписью „Святыня Господня“ (стр. 189). Но такая дощечка была принадлежностію только первосвященническаго кидара (Исх. 28, 36; 29,6). Вѣдь самъ авторъ, подробно разбирая мнѣніе о томъ, что еврейскій царь былъ вмѣстѣ и первосвященникомъ, вполнѣ основательно отвергаетъ его (стр. 239—250).

Еврейскому царю запрещено было умножать коней... „необходимо было, говоритъ авторъ, увлекающійся народъ еврейскій удержать отъ гибельнаго для него желанія возвратиться въ Египетъ“. Въ доказательство возможности такого желанія приведено даже нѣсколько цитатъ изъ Библіи (стр. 234). Но едва ли у евреевъ могло появиться такое желаніе вторичнаго рабства Египетскаго послѣ того, какъ они завоевали землю обѣтованную и сдѣлались самостоятельнымъ государствомъ во главѣ со своимъ царемъ. Законодатель, указывая этотъ мотивъ для запрещенія (Втор. 17, 16), имѣлъ въ виду ту глубоко-воспитательную цѣль, чтобы евреи, владѣя хорошей конницей, не питали въ себѣ языческихъ, тщеславныхъ и самонадѣянныхъ чувствъ и, такимъ образомъ, не утратили бы упованія на Господа Бога своего. Израилю, постоянно склонному возвратиться въ Египетъ *въ нравственномъ смыслѣ*, всегда нужно было помнить, что „ложь конь во спасеніе... не спасется царь многою силою“ (Пс. 32, 16-17).

Изъ другихъ мелкихъ дефектовъ въ сочиненіи о. Сергія можно еще указать на отсутствіе порядка при перечнѣ литературы (вопреки обычаю автора) и нѣкоторыя незначительныя повторенія (стр. 79—80 и 108—111; 286 и 356; 410 и 424).

Въ заключеніе о работѣ о. Сергія слѣдуетъ сказать, что она является прекраснымъ показателемъ какъ общаго его развитія, такъ и интеллектуальныхъ и литературныхъ способностей автора. О. Сергій легко можетъ оріентироваться въ самомъ сложномъ вопросѣ и, отдѣливъ въ немъ существенное отъ второстепеннаго, дать толковое, краткое, выразительное и вполнѣ литературное изложеніе предмета. Степени кандидата богословія іеромонахъ Сергій заслуживаетъ, безъ всякаго сомнѣнія“.

12) О сочиненіи студента *Доброва Георгія* на тему: „Н. И. Костомаровъ, какъ историкъ русской церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе студента Г. Доброва написано по слѣдующему плану. Не приводя біографіи Костомарова, авторъ даетъ очеркъ его религіозной настроенности, церковнаго направленія, его начитанности въ духовной письменности и его интересовъ къ богословскимъ и церковно-историческимъ вопросамъ. Отсюда онъ объясняетъ то, что „въ своихъ историческихъ трудахъ Костомаровъ отводитъ не мало мѣста событіямъ изъ церковной жизни, заставляетъ пройти предъ нами рядъ русскихъ церковныхъ дѣятелей“ (41). Затѣмъ переходитъ къ систематическому изложенію церковно-историческаго матеріала въ трудахъ Костомарова.

Гл. I. Христіанство на Руси (точнѣе-утвержденіе христіанства). II. Русская церковь при преемникахъ Владиміра. III. Монашество на Руси. IV. Русская церковь послѣ монгольскаго нашествія. V. Русская церковь и Іоаннъ Грозный. VI. Религіозная мысль въ XV—XVII в.в. VII. Патріаршество на Руси. VIII. Расколъ. Его сущность и происхожденіе. IX. Южно-русская церковь. X. Духовное просвѣщеніе въ XVIII в. Въ послѣдней, XI главѣ дается критическій разборъ нѣкоторыхъ воззрѣній и мнѣній покойнаго историка.

Изложеніе историческихъ сужденій Костомарова ведется съ достаточной точностью, довольно полно и систематично. Но есть пропуски. Такъ, напримѣръ, о вѣрованіяхъ на Руси въ XVI и XVII вв. нашъ авторъ не говоритъ, какъ будто это не имѣетъ отношенія къ церковной исторіи. Изложивъ систематически церковно-историческій матеріалъ, представляемый трудами Костомарова, авторъ едва ли проникъ въ систему взглядовъ покойнаго историка. По крайней мѣрѣ, оригинальное воззрѣніе Костомарова на такое важное явленіе нашего прошлаго, какъ расколъ старообрядчества, признающее его явленіемъ прогрессивнымъ, стоитъ въ изложеніи нашего автора какъ то неожиданно, безъ связи съ представленіями историка о раннѣйшихъ судьбахъ русской церкви и послѣдующихъ. Къ тому же Костомаровъ въ изложеніи г. Доброва до нѣкоторой степени обезцвѣченъ: украйнофильство историка совершенно не отмѣчено нашимъ авторомъ. Критику воззрѣній Костомарова на исторію русской церкви можно было бы значительно увеличить: напримѣръ, неправильно мнѣніе Костомарова, будто паломничество

было самымъ легкимъ подвигомъ и будто оно со временемъ совсѣмъ прекратилось (68, 80); невѣрно, что Кіево-Печерскій монастырь снабжалъ игуменами всѣ другіе монастыри (73). Слѣдовало провѣрить сужденія Костомарова о московскихъ митрополитахъ времени Грознаго: Макаріи и Аѳанасіи (91, 94). Спорно положеніе Костомарова, будто западно-русскія братства организовались по образцу западно-европейскихъ религіозныхъ корпорацій (151). Разбирая невѣрныя или устарѣлыя сужденія Костомарова, г. Добровъ и самъ иногда оказывается не на высотѣ научныхъ требованій или впадаетъ въ прямыя ошибки. Первымъ митрополитомъ русскимъ онъ признаетъ (по Голубинскому) Леонтія (193) и не знаетъ, что въ настоящее время это мнѣніе оспаривается и первымъ нашимъ митрополитомъ считаютъ Ѳеопемпта. Авторъ почему-то убѣжденъ, что въ древней Руси существовало отвращеніе къ книгѣ (201—2), тогда какъ общеизвѣстно глубокое благоговѣніе къ ней.

Однако эти недочеты не мѣшаютъ признать работу г. Доброва очень хорошей. Онъ обнаружилъ большое трудолюбіе, значительную начитанность, умѣнье немногословно изложить мастерскіе трактаты Костомарова и нерѣдко правильно подмѣтить слабость или устарѣлость его воззрѣній. Степень кандидата богословія вполнѣ заслуживаетъ".

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„По положенію профессора русской исторіи Н. И. Костомаровъ естественно долженъ былъ соприкасаться съ событіями и изъ исторіи русской церкви. Но ближайшій интересъ къ явленіямъ церковной жизни обыкновенно зависитъ отъ собственной религіозности человѣка. Съ этой точки зрѣнія нужно признать умѣстными сужденія г. Доброва о религіозно-нравственномъ обликѣ Костомарова, составляющія введеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи.

Суммируя церковно-историческія мысли Костомарова, авторъ излагаетъ ихъ въ 10 главахъ (стр. 42—183) подъ заглавіями, объясняющими содержаніе ихъ: „христіанство на Руси" (гл. I), „русская церковь при преемникахъ Владиміра" (гл. II), „монашество на Руси" (гл. III), „русская церковь послѣ монгольскаго нашествія" (гл. IV), „русская церковь и Іоаннъ Грозный" (гл. V), „религіозная мысль въ XV—XVII

в.в.“ (гл. VI), „патріаршество на Руси“ (гл. VII), „расколъ— его сущность и происхожденіе“—(гл. VIII), „южно-русская церковь“ (западно-русская?—гл. IX), „духовное просвѣщеніе въ XVII в.“ (гл. X). Отдѣлъ этотъ обнаруживаетъ хорошее знакомство автора съ сочиненіями Костомарова и умѣлое объединеніе его взглядовъ на событія прошлой церковной жизни.

Послѣдняя глава (XI) отведена авторомъ оцѣнкѣ Костомарова какъ историка русской церкви. Здѣсь авторъ справедливо оттѣняетъ художественность внѣшней формы историческихъ трудовъ Костомарова, приравнивая къ нему въ этомъ отношеніи только Ключевскаго. Отдавая затѣмъ должное критической обработкѣ Костомаровымъ историческаго матеріала, г. Добровъ однако основательно считаетъ критику источниковъ не всюду выдержанной у Костомарова. При руководствѣ исторіей церкви Голубинскаго онъ указываетъ примѣръ большей довѣрчивости Костомарова къ лѣтописнымъ сказаніямъ, чѣмъ того заслуживали нѣкоторыя изъ нихъ. Отмѣчаетъ также недостаточность объективности въ иныхъ сужденіяхъ Костомарова.

Къ сожалѣнію, при развитіи своихъ взглядовъ авторъ и самъ впадаетъ въ односторонность. Ограничивая мнѣніе Костомарова о томъ, что радикальной мѣрой для прекращенія раскола является „народное просвѣщеніе“, авторъ пишетъ: „народное просвѣщеніе можетъ только подготовить почву для примиренія враждующихъ сторонъ, а окончательное рѣшеніе этого вопроса въ рукахъ православной церкви. Если православная церковь объявитъ о равночестности старыхъ чиновъ и обрядовъ, если признаетъ старообрядческую іерархію законной, тогда можно считать вопросъ съ расколомъ ликвидированнымъ. Незамѣтно, постепенно начнется сліяніе съ православными и въ концѣ концовъ отъ раскола останется одно воспоминаніе“. При этомъ г. Добровъ выставляетъ еще одно требованіе. „Въ основѣ современной старообрядческой церкви лежитъ, по автору, соборное начало. Признавъ законными старообрядческую церковь и іерархію, мы должны признать законной и форму ихъ (?) церковнаго управленія, т. е. соборную форму“ (стр. 206—207). Авторъ какъ будто забываетъ объ единовѣріи, гдѣ оставлены старые обряды, забываетъ, повидимому, о той многочислен-

ной части раскольниковъ, которая отрицательно относится къ австрійской іерархіи и для которой поэтому вовсе не важно признаніе этой іерархіи законной со стороны русской церкви при разрѣшеніи вопроса о соединеніи съ православной церковью. Наконецъ, автору надлежало побольше вдуматься и въ современный строй старообрядческаго церковнаго управленія, въ которомъ капиталъ часто отодвигаетъ на второй планъ даже высшую іерархію, въ которомъ идея соборности нерѣдко составляетъ лишь красивую тогу для самовластія сравнительно немногихъ лицъ, преимущественно представителей капитала. Впрочемъ означеннаго рода сужденія, находящіяся на послѣднихъ страницахъ сочиненія, носятъ случайный характеръ и легко объяснимы лихорадочной спѣшностью при окончаніи работы.

Для полученія степени кандидата сочиненіе г. Доброва совершенно достаточно".

13) О сочиненіи студента *Дьякова Святослава* на тему: „Церковно-общественный идеалъ папы Пія IX-го".

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Сочиненіе г. Дьякова состоитъ изъ „предисловія", содержащаго въ себѣ, главнымъ образомъ, перечень источниковъ и пособій (2—14 стр.), четырехъ главъ изслѣдованія, краткаго „заключенія" (273—292 стр.), и обширнаго отдѣла „приложеній" (1—281 стр.). Въ 1-й главѣ (15—82 стр.) своей работы авторъ характеризуетъ идеалъ церковно-монархической власти папы Пія 9-го, какъ этотъ идеалъ выразился по преимуществу въ ватиканскомъ вѣроопредѣленіи 1870 г., являвшемся завѣтною цѣлью, къ которой Пій 9-й стремился съ 1-хъ годовъ своего понтификата. Во 2-й главѣ (83—124 стр.) авторъ останавливается на ученіи Пія 9-го о свѣтской власти папства и на борьбѣ Пія 9-го за политическую власть римскаго первосвященника съ итальянскимъ національно-освободительнымъ движеніемъ. 3-я глава (125—204 стр.) сочиненія г. Дьякова трактуетъ о церковно-политическомъ идеалѣ Пія 9-го, раскрываетъ ученіе папы о нормальномъ взаимоотношеніи между католической церковью и свѣтской властію, и борьбу Пія 9-го за этотъ идеалъ въ дѣйствительной церковно-политической жизни. 4-я глава (205—273 стр.) работы

г. Дьякова, наконецъ, посвящена выясненію соціально-культурнаго идеала Пія 9-го, раскрываетъ отношеніе папы къ свободѣ вѣроисповѣданій, свободѣ науки, слова и печати, къ школѣ и гражданскому браку. Въ „заключеніи“ авторъ ставитъ и кратко раскрываетъ вопросъ, чѣмъ объясняется болѣе или менѣе аггрессивный характеръ церковно-политическаго идеала Пія 9-го, по сравненію съ папами предшествовавшей ему эпохи, а въ качествѣ „приложенія“ къ своей работѣ даетъ полный переводъ слѣдующихъ памятниковъ характеризующихъ церковно-общественное міровоззрѣніе Пія 9-го:

1) энциклики 9 ноября 1846 г. „Qui pluribus jam“; 2) аллокуціи Пія 9-го отъ 9 дек. 1854 г. „Singulari quadam perfusi laetitia“; 3) аллокуціи Пія 9-го отъ 9 іюня 1862 г. „Maxima quidem laetitia“, 4) письма Пія 9-го къ имп. Александру 2-му отъ 22 апр. 1863 г.: „Non deve meravigliare“; 5) посланія Пія 9-го къ Григорію, архіеп. Мюнхенскому, отъ 21 дек. 1863 г. „Tuas libenter“; 6) посланія Пія 9-го къ Герману, архіеп. Фрейбургскому, отъ 14 іюля 1864 г. „Quum non sine“; 7) посланія Пія 9-го къ польскимъ католикамъ отъ 30 іюля 1864 г. „Ubi Urbaniano“, и 8) аллокуціи Пія 9-го о масонахъ отъ 25 сент. 1865 г. „Multiplices inter“.

Сочиненіе г. Дьякова представляетъ собою плодъ, несомнѣнно, усидчиваго и внимательнаго изученія авторомъ какъ источниковъ, такъ и вспомогательной литературы его темы. Весьма хорошее знаніе авторомъ латинскаго языка (о каковомъ знаніи между прочимъ свидѣтельствуетъ и выполненный имъ почти съ безукоризненной точностью и даже изяществомъ переводъ поименованныхъ папскихъ документовъ) дало г. Дьякову возможность съ большей и меньшей полнотой ознакомиться съ разнообразными литературными памятниками церковно-общественной дѣятельности Пія 9-го (по изданію Pii IX, Pontificis Maximi, Acta. Romae. 1854). Извлеченіе изъ этихъ памятниковъ матеріала, относящагося къ темѣ г. Дьякова, стоило автору, конечно, значительныхъ трудовъ, поскольку тѣ или другія заявленія Пія 9-го, характеризующія его церковно-общественное міросозерцаніе, нерѣдко представляются вскользь брошенными имъ фразами въ тѣхъ или другихъ документахъ, и г. Дьякову, чтобы извлечь нѣсколько строкъ изъ извѣстнаго папскаго посланія, цѣнныхъ для его темы, нерѣдко приходилось прочитывать

или просматривать цѣлый рядъ страницъ латинскаго текста, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ интересующему его вопросу. Изъ научной литературы своей темы авторъ имѣлъ подъ руками и, конечно, въ той или иной степени проштудировалъ вполнѣ достаточное количество журнальныхъ статей и монографій (на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ), посвященныхъ какъ вообще церковно-общественной дѣятельности Пія 9-го, такъ и характеристикѣ отдѣльныхъ ея моментовъ (силлабусъ, ватиканскій догматъ, культуркампфъ).

Планъ сочиненія—ясный и отчетливый, хотя, думается, онъ болѣе выигралъ бы въ стройности, если бы авторъ 2-ю главу своего сочиненія присоединилъ къ 3-й его главѣ. Встрѣчающіеся изрѣдка совершенно излишніе латинизмы, легко замѣнимые соотвѣтствующими русскими выраженіями (—дефиниція — 53 стр.; дискуссія—65 стр.; ингеренція—117 стр.; донированный—160 стр.; институція—167 стр.; индигенатъ—175 стр.), наконецъ, не нарушаютъ общей литературности изложенія автора.

Не вызывая никакихъ сомнѣній относительно формально-научной подготовки автора и его добросовѣстнаго отношенія къ своей работѣ, сочиненіе г. Дьякова, однако, не чуждо довольно существенныхъ пробѣловъ. Общимъ недостаткомъ сочиненія г. Дьякова является нѣкоторая его конспективность. Можетъ быть, изъ преувеличеннаго опасенія уклониться отъ своей темы, авторъ какъ будто намѣренно стремится въ возможно большей сжатости своего изслѣдованія, ограничиваясь обыкновенно лишь прямыми и краткими отвѣтами на выдвигаемые темой вопросы, не заботясь ни объ выясненіи церковно-общественныхъ теорій Пія 9-го на общемъ фонѣ современной ему культурно-исторической жизни, ни объ углубленіи богословско-философскаго ихъ анализа (оцѣнки). Между тѣмъ такая болѣе или менѣе широкая постановка темы автора спасла бы его сочиненіе отъ той сравнительной безцвѣтности и сухости, какая мѣстами наблюдается въ немъ въ его настоящемъ видѣ. Объ узкости теперешней постановки темы въ сочиненіи г. Дьякова приходится тѣмъ болѣе пожалѣть, что у автора была въ распоряженіи вспомогательная литература какъ для выясненія исторической перспективы церковно-общественныхъ высту-

ленiй Пiя 9-го, такъ и для анализа его ультрамонтанскихъ теорiй (Riess, Frohschammer, Heiner, Goetz). Разумѣется, введенiе этого матерiала въ сочиненiе г. Дьякова не должно было бы носить механическiй характеръ, и потребовало бы отъ автора значительнаго архитектоническаго искусства.

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя опущенiя въ сдѣланной авторомъ характеристикѣ самаго содержанiя церковно-общественнаго идеала Пiя 9-го. Такъ, напр., характеризуя въ 1-й главѣ экклесiологiю Пiя 9-го, и въ частности его ученiе о „централизацiонномъ" значенiи папской власти въ церкви, авторъ совершенно не касается вопроса, въ какомъ отношенiи Пiй 9-й мыслилъ верховную власть и непогрѣшимое учительство римскаго епископа къ правамъ и власти прочаго католическаго епископата, хотя эта сторона догмата о папствѣ такъ или иначе затрогивалась какъ въ личныхъ выступленiяхъ Пiя 9-го, особенно въ эпоху ватиканскаго собора, такъ и въ самомъ вѣроопредѣленiи этого собора. Равнымъ образомъ, авторъ совершенно ничего не говоритъ объ отношенiи Пiя 9-го къ православному востоку, объ универсальномъ характерѣ папскаго душепопеченiя, по взгляду Пiя 9-го, распространяющагося и на не-католическiй мiръ (въ знаменитомъ письмѣ Пiя 9-го къ имп. Вильгельму 1-му и др.).

Наконецъ, въ качествѣ недочета въ работѣ г. Дьякова слѣдуетъ отмѣтить отсутствiе въ ней свода параллельныхъ мѣстъ изъ „Актовъ" Пiя 9-го. Раскрывая тѣ или другiя стороны церковно-общественнаго идеала Пiя 9-го, авторъ въ обоснованiе своихъ тезисовъ обыкновенно приводитъ выдержки лишь изъ тѣхъ документовъ Пiя 9-го, въ которыхъ эти стороны получили наиболѣе полное и характерное выраженiе. Возможно-полный же сводъ параллельныхъ мѣстъ къ этимъ выдержкамъ, имѣя самъ по себѣ научный интересъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы лучшимъ показателемъ дѣйствительно-тщательнаго знакомства автора съ Актами Пiя 9-го.

Отмѣченные недостатки не препятствуютъ признать работу г. Дьякова очень хорошимъ кандидатскимъ сочиненiемъ, а его автора—вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени".

б) И. д. доцента *А. В. Ремёзова*:

„Небольшое по объему (въ печати шрифтомъ „Богосл. Вѣстника“ оно составило бы 80 стр.), но весьма содержательное сочиненіе г. Дьякова посвящено изложенію воззрѣній папы Пія IX-го на папство, какъ форму церковной и гражданской власти и какъ культурно-соціальную силу. Въ немъ нѣтъ, строго говоря, обѣщаннаго авторомъ (4 стр.) „раскрытія церковнаго, церковно-политическаго и культурно-соціальнаго *идеала*“, поскольку читатель не находитъ здѣсь изображенія того мірового церковно-государственнаго строя, какъ, несомнѣнно, предносился сознанію знаменитаго папы въ его удивительно широкой и энергичной дѣятельности: слишкомъ аналитически сочиненіе построено, чтобы соотвѣтствовать этому ожиданію. Но взамѣнъ непосредственнаго исполненія своего обѣщанія г. Дьяковъ даетъ читателю гораздо больше: его сочиненіе представляетъ намъ величественную картину беззавѣтной борьбы могучей личности, одушевленной грандіозными замыслами, съ противными ей и оказавшимися роковыми для нея теченіями современности. Съ этой точки зрѣнія не только понятнымъ становится, но и составляетъ несомнѣнный плюсъ, въ отношеніи полноты изображенія, слишкомъ продолжительная на первый взглядъ (165—183) остановка вниманія автора на тѣхъ фактическихъ подробностяхъ, напр., культуркампфа, заимствованныхъ изъ брошюры проф. А. П. Орлова, которыя, не касаясь непосредственно воззрѣній Пія IX, даютъ рѣзко очерченное представленіе о той крайне неблагопріятной исторической атмосферѣ, въ какой пришлось папѣ осуществлять свои грандіозные замыслы.

Нераздѣльное изложеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи воззрѣній въ собственномъ смыслѣ съ указаніемъ ихъ практическаго осуществленія оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Пію IX-му, какъ человѣку практики, были чужды теоретическіе интересы обоснованія и всесторонняго раскрытія его церковно-общественнаго идеала, съ которымъ, вслѣдствіе этого, историкъ и можетъ имѣть дѣло на иначе, какъ въ самомъ процессѣ его внѣшняго осуществленія. Въ такомъ случаѣ для цѣлостности представленія историкъ обязанъ выяснить тотъ основной принципъ, который опре-

дѣляетъ собой характеръ и направленіе случайныхъ, въ зависимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, обнаруженій тѣхъ или иныхъ стремленій. Г. Дьяковъ и дѣлаетъ это въ заключеніи своего сочиненія (276—281); но думается, что терминъ идеалъ, поставленный въ темѣ, обязывалъ его подробнѣй сказать о внутреннихъ основаніяхъ обнаруженныхъ Піемъ IX-мъ притязаній и болѣе органически связать эти послѣднія (притязанія) съ первыми (ихъ основаніями), а не говорить о нихъ лишь мимоходомъ,—при разсмотрѣніи причинъ внѣшней дѣятельности Пія IX-го. Это послѣднее обстоятельство вызываетъ въ рецензентѣ подозрѣніе, что авторъ сознательно ограничивалъ объемъ своей темы лишь внѣшней дѣятельностью и воззрѣніями Пія IX-го лишь постолько, посколько они выразились во внѣшней дѣятельности, что едва ли покрываетъ собой весь объемъ понятія идеала.

Можетъ быть, этимъ отсутствіемъ въ представленіи автора цѣлостнаго образа церковно-общественнаго идеала объясняется и нѣкоторая неопредѣленность его отношенія къ излагаемымъ имъ воззрѣніямъ. Тонъ этого изложенія, въ общемъ строго объективный, мѣстами, — скорѣй всего безсознательно для самого автора,—прерывается такими привычными у насъ, но едва ли справедливыми по своей намѣренно обидной рѣзкости выраженіями, какъ: „стремленіе папства къ порабощенію міра“ (3); „...превращая ее (Церковь) въ покорное папское орудіе“ (18); „привести католическую церковь къ такому единству, по которому (?) она... была бы послушной и покорной рабой папѣ,—вотъ главная задача Пія IX“ (16) и др. Вѣроятно, если бы авторъ излагалъ эту задачу съ точки зрѣнія тѣхъ ея идейныхъ основаній, — основаній, несомнѣнно, безкорыстныхъ,—о которыхъ онъ говоритъ на 277 стр. своего сочиненія, то онъ избѣгалъ бы употреблять выраженія, вызывающія въ качествѣ аналогіи представленія рабства и порабощенія.

Что касается пріемовъ работы г. Дьякова, то рецензентъ счастливъ въ этомъ случаѣ констатировать отрадный, но, къ сожалѣнію, рѣдкій фактъ работы по первоисточникамъ. Это послѣднее свойство сочиненія составляетъ тѣмъ бо́льшую заслугу его автора, что у послѣдняго подъ руками было достаточно пособій, но г. Дьяковъ, нисколько не со-

блазняясь ими и, главное, трудомъ, положеннымъ на ознакомленіе съ иностранной литературой, все время, какъ истый историкъ, обращается непосредственно къ актамъ Пія IX-го, переводъ которыхъ и даетъ въ обширномъ приложеніи къ своему сочиненію.

Это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ отмѣченной выше объективностью сужденій и строгой выдержанностью историческихъ представленій автора даютъ рецензенту основаніе не только признать г. Дьякова достойнымъ степени кандидата богословія, но и отозваться объ его сочиненіи съ особой похвалой и выразить надежду, что весьма цѣнныя приложенія къ нему, еще разъ внимательно проредактированныя авторомъ, не замедлятъ появиться въ печати".

14) О сочиненіи студента *Зыкова Вячеслава* на тему: „Исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ на судьбѣ Египта".

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Курсовое сочиненіе студента Зыкова распадается по содержанію на три части: въ 1-й части говорится о Египтѣ въ прошломъ и въ частности—о цвѣтущемъ состояніи страны фараоновъ; во 2-й части авторъ даетъ сводъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ, относящихся къ Египту; въ 3-й части приводятся факты изъ исторіи Египта, показывающіе, что слово Откровенія съ точностью исполнилось на исторической судьбѣ Египта.

Такое расположеніе матеріала, обусловленное содержаніемъ темы, не даетъ возможности говорить о какихъ-либо недочетахъ въ планѣ работы. Историческая послѣдовательность въ ходѣ отдѣльныхъ моментовъ общей исторіи Египта всюду соблюдена.

Относительно содержанія сочиненія рецензентъ также не имѣетъ побужденія дѣлать какое-либо особое замѣчаніе. Авторъ усердно собиралъ и группировалъ факты, относящіеся ко времени расцвѣта Египетской монархіи и затѣмъ паденія ея. Всюду чувствуется, правда, что авторъ опасался перешагнуть за грань русскихъ источниковъ и пособій. Для истолкованія относящихся къ его вопросу пророчествъ въ этомъ и не было необходимости. Авторъ нашелъ исчерпы-

вающій комментарій къ нимъ въ святоотеческой литературѣ, которой добросовѣстно и пользовался онъ. Но разработка исторіи Египта очень мало подвинулась въ русской исторической литературѣ. И пробѣлы въ фактической сторонѣ этой мало разработанной у насъ исторіи естественно сказались и въ сочиненіи автора. Неполнота фактическихъ справокъ изъ исторіи Египта и является однимъ изъ недочетовъ работы г. Зыкова.

Менѣе извинительнымъ недочетомъ сочиненія г. Зыкова мы считаемъ опасеніе, съ какимъ онъ относился къ греческому языку. Онъ довольствовался при своей работѣ русск. переводами Геродота и Діодора. Если русск. переводъ Геродота можно признать удовлетворительнымъ, то переводъ Діодора отъ 1774 года обязывалъ автора сдѣлать повѣрку его съ греч. текстомъ, такъ какъ русск. переводъ 1774 года имѣетъ не мало неточностей и отступленій отъ греческаго текста. Этой свѣрки мы не видимъ въ работѣ автора. Кромѣ того, относительно Геродота слѣдуетъ замѣтить, что мы имѣемъ къ нему солидный историческій комментарій Wiedemann'a, трудъ котораго авторъ и долженъ былъ привлечь, чего, однако, онъ не сдѣлалъ. А это обстоятельство неблагопріятно отозвалось на терминологіи автора. Онъ извращаетъ иногда имена фараоновъ и безъ того уже, какъ показываютъ современныя открытія въ области египтологіи, извращенныя греческими историками.

Но если принять во вниманіе: усердіе автора, съ какимъ онъ собиралъ,—иногда очень маленькими дозами,—пригодный ему фактическій матеріалъ, его внимательное отношеніе къ даннымъ Библіи и общую скудость матеріала по исторіи Египта, то частные недочеты интересной, въ цѣломъ, работы г. Зыкова не могутъ воспрепятствовать полученію имъ степени кандидата богословія, каковой мы и признаемъ его заслуживающимъ".

б) Доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова):*

„Г. Зыковъ съ большимъ прилежаніемъ потрудился надъ своей темой: 428 стр. его сочиненія, переписанныя старательно рукою самого автора,—вотъ внѣшній показатель его значительной работы. Въ концѣ сочиненія (стр. 421—428) находится перечень литературы, использованной авторомъ,—

здѣсь мы насчитали болѣе 70 названій книгъ. Правда, литература—почти все русская, но рецензентъ подмѣтилъ, что авторъ старался, что́ могъ, выискать для увеличенія имѣющагося у него матеріала: любопытно, при этомъ, что 5—6 книгами авторъ пользуется по преимуществу (довольно много хорошихъ, цѣнныхъ свѣдѣній почерпаетъ г. Зыковъ въ трудѣ Urquhart'a: „Die erfullten Weissagungen der Gottes Siegel auf die Bibel (Stuttgart 1903),—см. стр. рецензируемаго сочиненія 22, 127, 144, 177, 183, 186, 187, 194, 196, 205, 208, 218—223, 227, 243, 284 и др.); остальныя онъ привлекаетъ для полноты изслѣдованія, отыскивая все, гдѣ можно найти хотя что-нибудь подходящее для своей темы.

Авторъ не мудрствуетъ: онъ собралъ матеріалъ и просто весь его объединяетъ въ своемъ изслѣдованіи. Въ простотѣ изложенія—вмѣстѣ и достоинство сочиненія и существенный его недостатокъ. Сочиненіе читается — страница за страницей—безъ труда, и читающему вовсе не приходится напрягаться надъ довольно длинной работой г. Зыкова: въ этомъ мы усматриваемъ достоинство сочиненія. Недостаткомъ сочиненія указанное свойство изслѣдованія является въ гораздо бо́льшей степени. Г. Зыковъ пишетъ ученую работу, но пишетъ черезъ-чуръ элементарно; у него нѣтъ ни дѣленія на главы, ни хотя какого-нибудь расчлененія предмета; это—разъ. А потомъ,—нѣтъ слѣда серьезной работы въ самомъ изложеніи: авторъ кропотливо и тщательно, съ похвальнымъ усердіемъ собираетъ, какъ пчела, матеріалъ, но затѣмъ онъ такъ и помѣщаетъ въ свою работу эти добытыя свѣдѣнія, не переработавъ ихъ,—просто компилируя свои цитаты — даже безъ опредѣленнаго плана. Въ оправданіе г. Зыкова, впрочемъ, можно принять во вниманіе, что его матеріалъ—главнымъ образомъ описательно-фактическій. Самый матеріалъ привлекается г. Зыковымъ безъ достаточнаго разбора, излишне довѣрчиво. Поэтому наряду съ цитатами изъ серьезныхъ книгъ у нашего автора есть ссылки на книги устарѣлыя и не имѣющія никакой научной цѣнности. Въ фактическихъ свѣдѣніяхъ, поэтому, встрѣчаются прямыя ошибки—имѣющія непосредственное отношеніе къ предмету изслѣдованія; не говоря уже о косвенныхъ (въ родѣ названія Климента Александрійскаго святымъ (стр. 162, 309). Keith'a г. Зыковъ цитируетъ почему-то и въ подлинникѣ и въ двухъ

переводахъ—скрупулезная мелочность, достойная лучшаго примѣненія. Имя *Птоломей* теперь принято писать *Птолемей*. Въ отношеніи стиля хотѣлось бы пожелать г. Зыкову большей яркости...

Но г. Зыковъ отнесся ко взятой имъ на себя работѣ съ примѣрнымъ стараніемъ. Не всякій проявилъ бы столько усилій, сколько проявилъ ихъ онъ. Г. Зыковъ вѣдь искалъ въ книгѣ или статьѣ, имѣющихъ далеко не прямое отношеніе къ его предмету, хотя бы крупицу свѣдѣній о современномъ состояніи Египта. Въ стремленіи захватить возможно больше матеріала въ поле своего изложенія авторъ даетъ довольно обширное введеніе (1—116 стр.), а самое изложеніе предмета (стр. 172—420) дано очень обстоятельное, снабжено всѣми подробностями, какія только были въ распоряженіи автора. Пророчества объ Египтѣ, главнымъ образомъ—Іезекіиля, прокомментированы г. Зыковымъ (стр. 116—172) достаточно—по св. отцамъ и нѣкоторымъ западнымъ толкователямъ—Keil'ю, Knabenbauer'у, Hengstenberg'у.

Г. Зыковъ много подумалъ надъ своею темою. Его работа можетъ свидѣтельствовать о продуманномъ религіозномъ углѣ зрѣнія автора на событія въ исторіи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ (см. особ. стр. 1—8), Проявленное г. Зыковымъ необыкновенное усердіе побуждаетъ насъ снисходительно отнестись къ немалымъ недостаткамъ его сочиненія и признать автора достойнымъ степени кандидата богословія тѣмъ болѣе, что, разрабатывая свою тему, авторъ научился весьма многому".

15) О сочиненіи студента *іеромонаха Нектарія (Иванова)* на тему: „Священное Писаніе у египетскихъ подвижниковъ".

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона:*

„Сочиненіе іеромонаха Нектарія посвящено вопросу, которому обыкновенно почти совсѣмъ не удѣляется вниманія какъ въ церковно-историческихъ ученыхъ трудахъ, такъ и въ трудахъ, спеціально посвященныхъ исторіи толкованія Священнаго Писанія. Вотъ почему автору пришлось прокладывать самому путь своего научнаго изслѣдованія. У него не было почти никакихъ „пособій"; онъ былъ наединѣ со своими источниками. Источники же эти были довольно разно-

образны: творенія и отдѣльныя изреченія египетскихъ подвижниковъ, патерики; достопамятныя сказанія, древніе иноческіе уставы. Въ качествѣ косвеннаго источника авторъ привлекаетъ писанія преп. Іоанна Кассіана. Сочиненіе его распадается на пять главъ.

I. Взглядъ св. египетскихъ подвижниковъ на Священное Писаніе вообще (стр. 1—13).

II. Занятія египетскихъ подвижниковъ изученіемъ Священнаго Писанія (стр. 13—61).

III. Отношеніе св. египетскихъ подвижниковъ къ знанію Свящ. Писанія (стр. 62—86).

IV. Свящ. Писаніе въ жизни египетскихъ подвижниковъ (стр. 86—125).

V. Экзегетика св. египетскихъ подвижниковъ (стр. 126—190).

Каждая изъ этихъ главъ въ отдѣльности и всѣ онѣ вмѣстѣ весьма наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, что свои источники авторъ изучалъ очень прилежно и достаточно внимательно. Все его сочиненіе наполнено фактическимъ и документальнымъ содержаніемъ, а не общими фразами и отвлеченными разсужденіями; цитаты изъ источниковъ очень щедро разсыпаны почти на каждой страницѣ его сочиненія (стр. XII+190=около 135 печатныхъ). Авторъ не набираетъ матеріалъ въ сочиненіи, а выбираетъ лучшее и наиболѣе характерное. Ряды цитатъ въ примѣчаніяхъ показываютъ, что матеріала въ его распоряженіи было несравненно больше, чѣмъ нашелъ онъ нужнымъ помѣстить въ сочиненіи. Будучи содержательнымъ, сочиненіе читается съ интересомъ, чему немало способствуетъ и прекрасное литературное изложеніе. Стилистическихъ недочетовъ можно отмѣтить очень мало (стр. XII, 62, 78, 128, 131, 149, 185).

Какъ можно видѣть изъ приведеннаго перечня главъ, сочиненіе охватываетъ предметъ со всѣхъ сторонъ и изслѣдуетъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но въ этой погонѣ за всесторонностью изслѣдованія авторъ не обнаружилъ достаточнаго такта: онъ нерѣдко увлекается и потому начинаетъ трактовать о побочныхъ предметахъ, не относящихся къ темѣ. Такъ во второй главѣ авторъ подробнѣе, чѣмъ нужно, пишетъ о томъ, что въ египетскихъ монастыряхъ не было лицъ священнаго сана (стр. 29—31), слишкомъ подробно говоритъ о составѣ богослуженія монастырскаго (стр. 32 сл.).

Но особенно много инороднаго матеріала въ главѣ четвертой. Здѣсь авторъ задается цѣлью показать, какой отпечатокъ наложило Свящ. Писаніе на общую и частную жизнь египетскихъ монаховъ (стр. 86—87); онъ вдается въ частности, изслѣдуя отношеніе египетскихъ монаховъ къ собственности, къ родственникамъ и т. д. (стр. 94 слл.), вставляетъ цѣлый отдѣлъ о томъ, какъ монахи исполняли заповѣдь о любви къ ближнимъ, о неосужденіи ближняго и под. (стр. 108—121). Здѣсь дается больше изображеніе самой жизни египетскихъ монаховъ и излагаются ихъ аскетическіе взгляды. Правда, эти взгляды вытекали изъ тѣхъ или другихъ мѣстъ Свящ. Писанія; это отмѣчаетъ и авторъ, но иногда онъ какъ-бы забываетъ, что ему нужно говорить о вліяніи Свящ. Писанія на жизнь и жизнепониманіе египетскихъ монаховъ, и начинаетъ говорить о самой ихъ жизни.

Объ экзегетикѣ египетскихъ подвижниковъ авторъ пишетъ пятую главу, самую обширную въ его сочиненіи, но эта глава въ большей своей части наполнена образцами монашескаго толкованія Свящ. Писанія. О самой же экзегетикѣ авторъ пишетъ меньше и, можно сказать, недостаточно. Онъ называетъ методъ монашескаго толкованія аскетическимъ и опредѣляетъ его какъ развѣтвленіе метода нравственно-аллегорическаго, но авторъ почти и ограничился однимъ этимъ названіемъ, тогда какъ ему непремѣнно слѣдовало-бы подробнѣе охарактеризовать аскетическій методъ толкованія въ его особенностяхъ сравнительно съ методомъ вообще аллегорическимъ. Думается, что этихъ особенностей можно-бы набрать достаточное количество для описанія самаго метода.

Авторъ совершенно справедливо аллегорическія тенденціи египетскихъ монаховъ ставитъ въ связь съ направленіемъ александрійской школы. Но и здѣсь требовалось бы большее углубленіе въ исторію аллегорическаго метода; авторъ же говоритъ почти исключительно объ Оригенѣ. Но вѣдь какъ разъ сочиненія то Оригена и запрещалось читать монахамъ въ нѣкоторыхъ египетскихъ монастыряхъ.

Вотъ почему многочисленные образцы аскетическихъ толкованій, собранные и расположенные безъ особаго порядка въ пятой главѣ, являются лишь матеріаломъ, изъ котораго авторъ не сдѣлалъ надлежащихъ общихъ выводовъ.

Можно указать и еще нѣсколько мелкихъ недостатковъ въ сочиненіи о. Нектарія.

Иногда онъ забываетъ поставить цитаты (стр. 44. 49), при томъ тогда, когда имѣть эти цитаты было бы весьма интересно.

Вопросъ о коптскомъ переводѣ Свящ. Писанія авторъ рѣшаетъ всего въ четырехъ строкахъ словами старой статьи (стр. 21).

На стр. 34 авторъ пишетъ: „О стихирахъ, канонахъ, эктеніяхъ во время богослуженій въ египетскихъ монастыряхъ не было и помину. Не было никакихъ богослужебныхъ книгъ — октоиха, миней и т. д.“ А развѣ это было особенностью египетскихъ монастырей? Развѣ стихиры и каноны, октоихи и минеи въ то время гдѣ нибудь существовали?

На стр. 81 авторъ говоритъ *о заповѣдяхъ, предписанныхъ въ Свящ. Писаніи.* Но вѣдь Христосъ по Апостолу своими догмами (*ἐν δόγμασιν*) упразднилъ законъ заповѣдей (Еф. 2, 15).

Нельзя также говорить, будто въ Писаніи можно находить совѣты, предусматривающіе всѣ случаи жизни (стр. 85).

На стр. 97 авторъ, кажется, безъ нужды усиливаетъ отрицательное отношеніе египетскихъ монаховъ къ браку. Если свято дѣвство, то и бракъ честенъ.

На стр. 126 читаемъ нѣсколько странную характеристику 4-го вѣка. „Церковь жила наиболѣе интенсивною, горячею (!?) жизнью. Правда, оно (это время) не было золотымъ для нее (sic!) въ томъ отношеніи, что было страшно неспокойнымъ, почти что кошмарнымъ (!!!). Расколы, ереси, гностицизмъ, аріанство во всѣхъ его видахъ — все это раздирало церковный организмъ по частямъ“ (А развѣ аріанство не ересь? Какой же гностицизмъ въ четвертомъ вѣкѣ?).

Такимъ образомъ, сочиненіе о. Нектарія не безъ недостатковъ, но эти недостатки съ избыткомъ покрываются достоинствами сочиненія: его полной самостоятельностью, содержательностью, которая есть плодъ внимательнаго изученія источниковъ, и литературностью изложенія. Авторъ въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ и трудолюбіе и талантливость, а потому онъ вполнѣ достоинъ степени кандидата богословія. Не лишне было бы сочиненіе напечатать“.

б) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„Авторъ настоящаго сочиненія совсѣмъ не имѣлъ въ виду дать какія-либо свѣдѣнія объ исторической судьбѣ книгъ Свящ. Писанія у Египетскихъ пустынниковъ, напр., свѣдѣнія о самомъ текстѣ или составѣ священныхъ книгъ, употреблявшихся египетскими пустынными отцами; или объ ихъ трудахъ по изученію и толкованію священныхъ книгъ. На основаніи историческихъ свѣдѣній о жизни пустынныхъ отцовъ и ихъ твореній авторъ дѣлаетъ весьма интересную попытку выяснить отношеніе подвижниковъ къ Слову Божію и жизненное значеніе послѣдняго въ ихъ личномъ опытѣ. То, что мы обычно называемъ научнымъ отношеніемъ къ Слову Божію, у египетскихъ подвижниковъ замѣнено нравственно-опытнымъ усвоеніемъ Священныхъ Писаній: воля Божія, нравственный міропорядокъ жизни, духовный міръ святой благодатной жизни, вотъ что утверждается св. отцами подвижниками, какъ главное содержаніе Слова Божія; цѣнное для человѣческой личности, спасающейся и спасаемой, а всѣ остальные интересы, связанные съ изученіемъ Слова Божія, у нихъ отсутствуютъ. Извлечь спасительную для души пользу и узнать волю Божію, вотъ что руководитъ св. отцами въ ихъ отношеніи къ Слову Божію. Отсюда ихъ тщательное изученіе Словесъ Божіихъ, непрерывность этого изученія, проведеніе ихъ въ своей личной жизни, какъ бы наглядное и живое воплощеніе законовъ жизни, раскрытыхъ въ Священномъ Писаніи, и перенесеніе ихъ со страницъ книги на скрижали сердца. Этому дѣлу служитъ и самый экзегезисъ Св. Писанія, получающій отсюда своеобразный характеръ и типичную особенность т. наз. аскетическаго пониманія Слова Божія (V-я гл. сочиненія). Такова вкратцѣ схема мыслей автора въ разсматриваемомъ нами сочиненіи.

Чтеніе этого сочиненія доставляетъ громадное духовное наслажденіе и интересъ, тѣмъ болѣе живой, что и самая тема сочиненія и постановка вопроса новы въ нашей, такъ наз. ученой богословской литературѣ. Да, автору удалось и собрать матеріала много, и изложить его превосходнымъ, сжатымъ, изящнымъ языкомъ по ясному и вполнѣ естественному плану.

Напрасно только онъ во 2-й гл. своего сочиненія нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, уклоняется отъ прямого вопроса въ сторону къ вопросамъ: объ отношеніи подвижниковъ къ священству, о составѣ богослуженія, о занятіяхъ иноковъ; все это хорошо и интересно, но составляетъ сторонній предметъ. Намъ думается, что авторъ обязательно долженъ напечатать свое сочиненіе въ к.-н. популярномъ богословскомъ журналѣ.

Степени кандидата богословія за свое сочиненіе онъ вполнѣ заслуживаетъ".

16) О сочиненіи студента *Ключарева Василія* на тему: „Іисусъ Христосъ въ современномъ сравнительномъ изученіи религій".

а) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Тема, на которую писалъ свою кандидатскую работу студентъ Василій Ключаревъ, очень обширна. Дать въ теченіе одного года научное и всестороннее изслѣдованіе на такую тему—это, конечно, выше силъ хотя бы и самаго выдающагося студента. Вотъ почему, давая эту тему, рецензентъ руководился соображеніями не столько ученаго, сколько учебнаго характера. Автору настоящаго сочиненія было предложено ознакомиться по опредѣленнымъ пособіямъ съ новѣйшимъ явленіемъ въ области западнаго отрицанія и нѣсколько подумать самому надъ выдвинутыми сравнительнымъ изученіемъ религій вопросами и сомнѣніями. Разсматривая представленное сочиненіе съ этой ограниченной точки зрѣнія, можно признать, что свою задачу г. Ключаревъ выполнилъ удовлетворительно. Онъ познакомился съ нѣкоторыми сочиненіями самыхъ новѣйшихъ миѳологистовъ,—просмотрѣлъ Die Christusmythe A. Drews'a и Religionsgeschichtliche Erklärung des Neuen Testaments Карла Клемена. Съ взглядами другихъ миѳологистовъ авторъ познакомился по книгамъ Weiss'a и Meffert'a, а также и по статьямъ русскихъ авторовъ—проф. С. М. Зарина, о. Н. Н. Сахарова и др. Пользуясь собраннымъ матеріаломъ, авторъ пишетъ первыя двѣ главы своего сочиненія: I. Очеркъ развитія миѳологическаго метода въ исторіи экзегетики новѣйшаго времени (стр. 9—66) и II. Іисусъ Христосъ въ представленіи миѳологистовъ (стр.

67—154). Въ третьей главѣ (стр. 155—214) авторъ дѣлаетъ разборъ миѳологической теоріи, пользуясь преимущественно статьями проф. С. М. Зарина въ „Странникѣ“ и проф. С. Н. Булгакова (Русская Мысль. 1911. Августъ) и лекціями ліонскаго профессора Albert'a Valensin'a—Iésus Christ et l' Etude comparée des Religions. Paris 1912.

Сочиненіе автора невелико (стр. 215=около 80 печатныхъ), но довольно содержательно и читается не безъ интереса. Изложено оно не только вполнѣ литературно, но иногда изящно и остроумно. Но необходимо отмѣтить, что лучшія страницы сочиненія принадлежатъ не студенту Ключареву, а проф. Булгакову и проф. Valensin'y. Сочиненіе излишне компилятивно. Конечно, при изложеніи взглядовъ миѳологистовъ авторъ могъ быть компилятивнымъ; въ первыхъ двухъ главахъ это еще извинительно, но у него и третья глава почти вся состоитъ изъ трехъ большихъ выписокъ: стр. 158—171 изъ книжки Valensin'a, стр. 185—198 изъ статьи проф. Булгакова, стр. 199—213 изъ статей проф. Зарина. Авторъ своей зависимости отъ пособій не скрываетъ, заимствованія тщательно отмѣчаетъ цитатами, хотя и не заключаетъ въ кавычки заимствованій буквальныхъ, почему иногда слова пособія можно принять за слова самого автора. Напр., на стр. 197 читаемъ: „не можетъ быть, *мнѣ(?)* кажется, болѣе безразсуднаго предпріятія, нежели отрицаніе историческаго существованія Іисуса“. Но это „кажется“ не г. Ключареву, а проф. С. Н. Булгакову, у котораго эта фраза выписана буквально (Русская Мысль. 1911, Августъ, стр. 123). Если поэтому и нѣтъ основанія отрицать ознакомленія автора съ литературой, то можно ему пожелать большей самостоятельности хотя бы въ критическихъ замѣчаніяхъ. Читалъ онъ достаточно, но думалъ мало.

Вслѣдствіе той же излишней приверженности къ пособіямъ произошло, что изложеніе автора хорошо собственно тамъ, гдѣ онъ удачно переводитъ хотя бы изящно написанную книжку Valensin'a, но иногда переводъ его неудаченъ и получается нѣчто неудобовразумительное. Вотъ, напр., переводъ изъ книги Clemen'a—на стр. 108: „Что Іисусъ даже низвергается съ крыши храма—это скорѣе выясняется изъ наиболѣе древней и первоначальной формы этой части Іисусовой саги, отъ которой одинъ осколокъ уцѣлѣлъ въ буддій-

ской легендѣ, по которому Іисусъ, какъ Эабани, пожелалъ себѣ смерти; что съ другой стороны Онъ утоляетъ голодъ и принимаетъ въ дары отъ діавола всѣ царства міра, это— толкуетъ Іензенъ, прежде всего, изъ указанія солнечнаго бога на яства, которыми Эабани наслаждался въ Эрекѣ, и на почести ему тамъ воздаваемыя".

На стр. 170 вопросительная фраза Valensin'a (p. 80)—Tous ces détails précis ne constituent ils pas un morceau substantiel?— передана такъ: „Всѣ эти точныя подробности тѣмъ не менѣе не составляютъ существеннаго значенія".

На стр. 183 читаемъ: „...дѣло касается покровительства вѣрѣ Христовой противъ гностическихъ ученій". У Valensin'a (p. 86), котораго авторъ здѣсь почему-то не цитируетъ совсѣмъ: „il s'agit de protéger la foi au Christ contre les spéculations gnostiques".

См. еще стр. 2. 78. 106. 137. 150—151. 159. 167 и др.

На стр. 114 авторъ цитируетъ нѣсколько разъ буддійскую *рукопись*. Конечно, здѣсь опять недоразумѣніе съ переводомъ изъ Клемена, у котораго не рукопись, а Schrift.—Кромѣ того, какъ deus ex machina—появляется англійская цитата: Sacred Books XIII, 81.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ недоразумѣніями въ переводахъ стоитъ безграмотность написанія отдѣльныхъ иностранныхъ словъ въ сочиненіи (напр. стр. 35. 44. 68. 147 и др.), а на стр. 202 вмѣсто—Der vorchristliche Iesus—написано: Der vorsichtliche Iesus.

Мы отмѣтили неудобовразумительныя мѣста сочиненія, представляющія плохой переводъ изъ пособій, но считаемъ должнымъ оговориться, что такихъ мѣстъ въ общемъ немного. Обыкновенно иностранныя пособія переводятся въ сочиненіи хорошо, съ сохраненіемъ даже изящества, напр., французскаго стиля.

Не смотря на существенный недостатокъ сочиненія,—его компилятивность, оно все же свидѣтельствуетъ, что авторъ съ вопросомъ познакомился, пособія прочиталъ и выбралъ изъ нихъ лучшее и наиболѣе существенное. Если г. Ключаревъ не далъ въ своемъ сочиненіи чего-нибудь новаго для другихъ, то несомнѣнно, что во время работы надъ сочиненіемъ онъ узналъ новое для самого себя.

За свое сочиненіе г. Ключаревъ заслуживаетъ кандидатской степени".

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„Взятая г. Ключаревымъ тема для кандидатскаго сочиненія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ пресловутую миѳологическую теорію Древса, такъ много за послѣднее время нашумѣвшую въ Германіи. Задача автора состояла, очевидно, въ томъ, чтобы разсмотрѣть эту теорію въ связи съ ея историческими прецедентами и дать ея критическій разборъ. Небольшое сочиненіе Ключарева (I—II+215) и является посильною попыткой выполнить эту задачу.

Во введеніи авторъ кратко намѣчаетъ свою задачу такими словами: „мы прежде всего, очевидно, должны обратить вниманіе на то, какимъ путемъ они (жизнеописатели Христа—раціоналисты) шли въ своихъ изслѣдованіяхъ и что собственно было причиною ихъ заблужденія"... но онъ ни слова не говоритъ о сравнительномъ изученіи религій, которое должно служить фономъ для его работы, и о чемъ бы, думается, слѣдовало сказать. Въ очеркѣ развитія миѳологическаго метода (1 гл., стр. 9—66) нужно отмѣтить нѣкоторое уклоненіе отъ темы въ тѣхъ случаяхъ, когда излагаются миѳологическія теоріи, объясняющія происхожденіе іудейской религіи (вѣрнѣе—отдѣльныхъ элементовъ ея) и христіанскихъ праздниковъ (стр. 52—58, 64—66). Вторую наибольшую главу („Іисусъ Христосъ въ представленіи миѳологистовъ", стр. 67—154) авторъ могъ бы нѣсколько сократить, если бы не вездѣ буквально держался своихъ пособій, а передавалъ бы ихъ мысли своими словами. Наконецъ, въ третьей самой существенной главѣ („Разборъ миѳологической теоріи", стр. 155—214) такъ бы желательно было встрѣтить хотя нѣкоторое проявленіе самостоятельности, обнаруженіе собственной критической мысли автора, чего онъ, къ сожалѣнію, не проявилъ. Теорія Древса разобрана здѣсь въ общемъ довольно обстоятельно. Но къ даннымъ пособій авторъ могъ бы присоединить нѣчто и отъ себя: напримѣръ, онъ могъ бы попытаться сказать кое-что о крайней ненаучности пріемовъ Древса, о неограниченномъ произволѣ его и возмутительной безцеремонности въ обращеніи съ первоисточниками христіанскаго ученія. Кстати сказать, самъ

авторъ въ началѣ этой главы допускаетъ ненаучный пріемъ, когда „возмутительное отношеніе христіанскихъ ученыхъ“ ко Христу объясняетъ тѣмъ, „что эти... ученые—іудео-христіане, т. е, принадлежатъ къ еврейской націи или состоятъ въ родствѣ съ ней“ (стр. 155).

Такимъ образомъ, работа Ключарева является сплошной компиляціей. Въ ней не видно не только самостоятельности, но и органическаго усвоенія авторомъ излагаемыхъ имъ мыслей и идей. Перу автора принадлежитъ, можно сказать, только двѣ—три страницы введенія (изъ 8), да полторы страницы заключенія, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Отчего (надо—отъ чего) это (т. е. несостоятельность миѳологическаго метода) зависитъ — понятно: миѳологисты обусловливались вовсе не тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдовало бы обусловливаться“. Таковъ стиль автора!.. Однако въ извиненіе г. Ключареву слѣдуетъ указать на то, что компилятивность является общимъ недостаткомъ не только кандидатскихъ работъ, но даже магистерскихъ и докторскихъ диссертацій. Самостоятельность и оригинальность служатъ здѣсь исключеніемъ. Кромѣ того, должно принять во вниманіе, что тема разсматриваемаго кандидатскаго сочиненія по самому свойству своему предполагаетъ широкое заимствованіе.

Изъ мелкихъ недочетовъ прежде всего нужно указать на весьма частыя неудачныя выраженія, допущенныя въ переводѣ съ иностранныхъ пособій, напримѣръ, на стр. 143 читаемъ: „рука не поднимается начинать детальный споръ“... на стр. 165: „нѣтъ за ней (теоріей) солидарнаго аргумента“... на стр. 166: „если она (теорія) занимаетъ мѣсто внѣ фактовъ, можно ли намъ ее представлять во имя фактовъ?“ и мн. др. Лук. II, 10—11, слѣдуя нѣмецкому переводу, авторъ передаетъ неточно въ такомъ видѣ: „смотрите (надо—не бойтесь), я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ для всѣхъ народовъ (надо—всѣмъ людямъ), ибо нынѣ родился (пропущено—вамъ въ городѣ Давидовомъ) Спаситель, Который есть Господь Христосъ (перестановка), во градѣ Давидовѣ (надо раньше поставить)“ (стр. 95—96). Вмѣсто: заимствованіе авторъ неоднократно употребляетъ слово: заемъ (стр. 165 и 185); собственное имя: Америго Веспучи у него оставлено почему-то въ нѣмецкой транскрипціи: Amerigo Wespucci (стр. 47); однажды, вмѣсто—христіанство, употре-

блено даже слово: христіанизмъ (въ переводѣ съ французскаго, стр. 171).

Слѣдуя всегда рекомендованнымъ пособіямъ, авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ забываетъ, очевидно, цитировать ихъ (напр., на стр. 4—6, 38—39, 156). Неисправность цитаціи слѣдуетъ еще отмѣтить въ томъ отношеніи, что, цитируя иностранныя пособія, авторъ употребляетъ подъ рядъ русскія и иностранныя слова (на стр. 42, 51 и др.) или указываетъ только книгу (журнала „Вѣра и Церковь") и не указываетъ страницу (заимствуя, очевидно, цитату изъ вторыхъ рукъ, на стр. 173, 176). Наконецъ, рецензентъ нерѣдко замѣчалъ отсутствіе или излишекъ знаковъ препинанія (на стр. 46, 70, 74, 79, 88, 100, 118, 140, 148, 169 и др.).

Несмотря на это, работа Ключарева имѣетъ и положительныя стороны. Ихъ слѣдуетъ видѣть въ томъ, что авторъ въ достаточной мѣрѣ изучилъ рекомендованный ему матеріалъ, при изложеніи его не разбросался, а выбралъ, повидимому, наиболѣе важное и существенное. Вообще авторъ потрудился хотя немного, но по мѣрѣ силъ своихъ, и поэтому работа его должна быть признана заслуживающею искомой степени".

17) О сочиненіи студента *Козырева Сергѣя* на тему: „Духовныя свойства существа Божія".

а) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго:*

„Работа г. Козырева (285+V)—особенная, выдающаяся, отъ начала до конца оригинальная, насквозь проникнутая дыханіемъ творчества.

Ея содержаніе таково. Поблагодаривъ (1. „По поводу темы"), подобно о. Іоанну Кронштадтскому, Академію за все, что она дала, и переходя къ своей работѣ, авторъ останавливается на трудности своей темы, требующей созданія положительнаго и притомъ абсолютнаго Типа—идеальнаго образа Существа непостижимаго. Однако, авторъ не отступилъ передъ такою трудной задачей, справедливо полагая, что отказаться отъ посильнаго разумѣнія свойствъ Существа Божія значило бы совсѣмъ забыть Бога и, какъ увидимъ ниже, справился съ своей задачей превосходно.—Говоря далѣе „о средствахъ къ богопознанію" (2), авторъ указыва-

етъ: во-первыхъ, живой религіозный опытъ; во-вторыхъ, Слово Божіе (сказано нѣсколько мало); въ-третьихъ, самопознаніе, отмѣчая здѣсь особую цѣнность дѣтской психологіи, и въ-четвертыхъ, природовѣдѣніе въ широкомъ значеніи этого слова.—Дальнѣйшія главы:—„Что такое свойства существа Божія“ (3), „Подраздѣленіе свойствъ Божіихъ“ (4). „Богъ—Духъ“ (5), „Сходство Бога съ человѣкомъ“ (6). При выясненіи „строя Божественнаго Духа“ (7), авторъ справедливо, какъ мнѣ кажется, поставляетъ чувство въ центръ душевной жизни, отдавая предпочтеніе эмоціонализму предъ интеллектуализмомъ и волюнтаризмомъ, причемъ параллельно этому и въ физической структурѣ человѣка крови и сердцу, а не мозгу, усвояется главное значеніе. Все это подтверждается у автора рядомъ ученыхъ цитатъ. 8-я глава—„Пресвятая Троица“ составитъ предметъ особыхъ замѣчаній нѣсколько ниже.—Переходя къ „Чувству Божію“ (9—10), авторъ подмѣтилъ отсутствіе или недостаточное раскрытіе въ существующихъ курсахъ по догматикѣ этой, такъ же, какъ и въ человѣкѣ, главной стороны жизни Бога. Г. Козыревъ восполняетъ этотъ недостатокъ и, соотвѣтственно высказанному имъ взгляду на чувство, ставитъ эмоціональныя свойства среди всѣхъ свойствъ на первое мѣсто.—Вслѣдъ за чувствомъ идетъ рѣчь объ „Умѣ Божіемъ“ (11), о „Словѣ Божіемъ“ (12), и „Волѣ Божіей“ (13). Какъ и въ человѣкѣ, этимъ сторонамъ въ Божествѣ соотвѣтствуютъ: благо, истина и красота (14. „Богъ—Добро, Истина и Красота“), причемъ авторомъ допускается своеобразная и глубоко-вѣрная перестановка этихъ идей: на мѣсто красоты, въ соотвѣтствіе чувству, имъ поставляется благо и, обратно, на мѣсто блага, въ соотношеніе съ волей—красота. Въ слѣдующихъ трехъ главахъ трактуется особо о „Богѣ“, какъ о „Благѣ“ (15), „Истинѣ“ (16) и „Красотѣ“ (17). — Излагая „свойства чувства Божественнаго“ (18), авторъ въ первую голову выдвигаетъ, конечно, „Любовь“ (19) и говоритъ о ней особенно подробно. Онъ опредѣляетъ любовь, какъ основное чувство Божества, характеризуя ее чертами пылкости, смиренія, самоотверженія, умиленія, кротости, ревности, благости и т. д. Главу эту, по глубинѣ анализа, изяществу выраженія, можно назвать шедевромъ.—Другія свойства Божественнаго чувства: „Радость“ (20) и „Миръ“ (21). Первое

опредѣляется, какъ чувство воспринимающее, въ нѣкоторую противоположность любви, какъ чувству дающему. Другими словами, радость—любовь, пользующаяся взаимностью, нашедшая отвѣтъ въ сердцѣ возлюбленнаго. Второе есть синтезъ любви и радости—покой удовлетворенной взаимностью любви. Какъ эмоціоналистъ, авторъ не только восполняетъ отсутствіе или крайнюю недостаточность въ русскихъ догматикахъ свойствъ чувства Божія, не только представляетъ имъ первое мѣсто въ ряду свойствъ вообще, но и по-преимуществу говоритъ именно о нихъ. Такъ, любви онъ посвящаетъ 67 страницъ — значительно болѣе, чѣмъ какому-либо другому чувству, а вмѣстѣ съ радостью и миромъ— болѣе, нежели свойствамъ остальныхъ двухъ сторонъ Божественнаго Духа: ума и воли, въ совокупности взятыхъ.— Въ „умѣ Божественномъ" авторъ также указываетъ три „свойства" (22): Всевѣдѣніе" (23), „Правосудіе" (24) и „Премудрость" (25). Вполнѣ основательно авторъ относитъ правосудіе къ свойствамъ ума, а не воли, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, понимая его, какъ способность сужденія, критики, оцѣнки въ Богѣ. Равно столько же названо и „свойствъ воли Божественной" (26), именно три: „Всемогущество" (27), „Святость" (28) и „Свобода" (29). — Въ „Заключеніи" (30) авторъ съ присущей ему скромностью и откровенностью говоритъ о достигнутыхъ имъ результатахъ. Въ концѣ работы (I—V) данъ реестръ „источниковъ и пособій".

Критическій разборъ изложеннаго сочиненія начну съ указанія недочетовъ, говоря вообще, незначительныхъ, какъ пятна на солнцѣ. Не упоминая мелкихъ—скорѣе описокъ, нежели ошибокъ, я позволяю себѣ выразить несогласіе съ сужденіемъ автора о духѣ вообще, какъ независимомъ отъ времени существѣ. Такимъ внѣ-временнымъ, или вѣчнымъ существомъ является только Богъ, а не духъ вообще, — человѣческій, напр. или ангельскій. Другая оплошность автора въ разсужденіи о духѣ—несоблюденіе имъ тожества въ характеристикѣ духа со стороны его реальности; нужно было выдержать понятіе о духѣ вообще до конца, а не замѣщать его понятіемъ Духа Божественнаго. Нельзя также согласиться съ даваемымъ авторомъ опредѣленіемъ сознанія: „сознавать" не значитъ чувствовать, разумѣть и желать, какъ полагаетъ авторъ, а только замѣчать, что я чувствую, я ра-

зумѣю, я желаю и т. д. — знать о себѣ, что я что-то переживаю. Въ оригинальномъ разсужденіи автора о смиреніи Бога слышится нѣсколько утрированный кенотическій тонъ. Понятіе „мистическаго озаренія“ страдаетъ неопредѣленностью. Нельзя признать правильнымъ толкованія I Т. 2, 4— текста, не выражающаго будто идеи вѣчнаго спасенія, какъ предмета Божественной воли въ отношеніи „всѣхъ“. Выраженіе „красивый“, какъ и нѣкоторыя другія, слѣдовало бы въ отношеніи къ Богу замѣнить болѣе соотвѣтственными, „богоприличными“ словами: „прекрасный“ и т. п.—Особаго замѣчанія заслуживаетъ, какъ сказано, 8-я глава: „Пресвятая Троица“. Содержаніе 68-й стр. противорѣчитъ 43-й, даже ближайшей 65-ой. На этихъ послѣднихъ Святые Отцы названы интеллектуалистами, потому что они главенствующею силой въ душѣ считали умъ, а на той, т. е. 68 стр., они уже выступаютъ сторонниками автора, какъ эмоціоналиста. Правильная сама по себѣ, аналогія чувства — Отца, разума, порождаемаго чувствомъ—Сына или Логоса и воли — Духа Святаго доводится авторомъ до тожества и абсурда въ смыслѣ аргументаціи. Примѣръ бл. Августина съ его ученіемъ объ исхожденіи Св. Духа, какъ взаимной любви Отца и Сына, отъ Обоихъ Лицъ, долженъ былъ бы удержать автора отъ полнаго гипостазированія трехъ душевныхъ силъ въ Лицахъ Св. Троицы. Чтобы обосновать свое положеніе, что Отецъ есть чувство Божества, какъ Сынъ и Св. Духъ—Его умъ и воля, авторъ пользуется крайне сомнительной интерпретаціей текстовъ. Такъ, слова Господа: „Отецъ Мой болій всѣхъ есть“ (Ін. X, 29) онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что Отецъ больше и Сына и Св. Духа, хотя не далѣе, какъ въ слѣдующемъ (30-мъ) стихѣ, говорится „Азъ и Отецъ едино есма“. Такое толкованіе нужно автору для того, чтобы оправдать свое положеніе, что Отецъ есть по преимуществу Богъ-Чувство, такъ какъ чувство выше разума и воли. Я возражаю не противъ основной мысли автора, съ которой я согласенъ, а лишь противъ его крайне произвольной аргументаціи. Въ указанномъ мѣстѣ идетъ рѣчь о „большинствѣ“ Отца относительно тѣхъ, кто можетъ оказаться „хищникомъ“ овецъ Христовыхъ, но не о „большинствѣ“ въ отношеніи къ Сыну и Св. Духу. Ужъ лучше было бы автору сослаться на Ін. XIV, 28, но и этотъ текстъ можетъ быть истолкованъ въ умѣренно-кенотп-

ческомъ смыслѣ—умаленія Сына по „Домостроительству“, а не по Божеству. Столь же тенденціозно истолкованы тексты на 75—76 стр. Вотъ что значитъ предвзятая идея! Вообще вся 8-я глава, при всей оригинальности, интересѣ, правильности основной мысли—аналогіи, неудачна по своей аргументаціи.—Слѣдовало бы также автору передѣлать и нѣкоторыя другія мѣста своей работы, въ смыслѣ сообщенія имъ большей ясности и убѣдительности, напр. разсужденіе о Волѣ Божества—Св. Духѣ, какъ душѣ міра.

Скажемъ теперь о достоинствахъ работы г. Козырева, кромѣ указанныхъ выше, при изложеніи содержанія. Основной чертой этой работы выступаетъ оригинальность автора при строго-православной точкѣ зрѣнія на предметъ вообще. Оригиналенъ и общій замыслъ автора—дать болѣе или менѣе цѣльный образъ—типъ Высочайшаго Существа, и воплощеніе этого замысла въ трехъ періодахъ свойствъ, въ характеристикѣ каждаго свойства порознь, и въ отдѣльныхъ положеніяхъ, и даже выраженіяхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ положеній, изъ которыхъ можно видѣть авторскую самобытность г. Козырева. 1) „Въ Богѣ—говоритъ авторъ — дѣтская воля, т. е. воля, исходящая только изъ чувства, а не изъ чувства и ума“ (62 стр.). Такъ какъ воля въ Богѣ есть Духъ Святой, то намъ становится понятнымъ, почему Третье Лицо исходитъ только отъ Отца. 2) Положеніе, что Сынъ Божій, или Логосъ, рождается отъ Отца, или Бога—Чувства, доказывается Его пребываніемъ въ „нѣдрѣ Отца“, аналогичнымъ пребыванію ума въ сердцѣ, требуемому извѣстнымъ аскетическимъ правиломъ. 3) Характерно разсужденіе автора о фантазіи, какъ высшей способности человѣческаго ума, въ Богѣ фантазіи соотвѣтствуетъ премудрость, какъ высшее свойство Божественнаго ума, почему міръ, какъ обнаруженіе этой премудрости, въ полномъ смыслѣ мы можемъ назвать продуктомъ творчества Божественной Фантазіи. 4) Въ высшей степени оригинально выраженіе: „любовь спасаетъ Бога“ (188 стр.) и соотвѣтствующее этому выраженію глубоко - психологическое разсужденіе.—Словомъ, работа г. Козырева во всѣхъ отношеніяхъ оригинальна, глубоко продуманна, не школьна, не шаблонна. Мысль его смѣла, иногда даже парадоксальна. Каждое предложеніе выражаетъ его собственную мысль, а не-пустая или

заимствованная фраза. Эта мысль объективируется достаточнымъ количествомъ удачно подобранныхъ цитатъ, типичныхъ выдержекъ. Самый пріемъ цитаціи—честный, правдивый, благородный, дающій возможность видѣть, что авторомъ взято изъ первыхъ рукъ, что изъ вторыхъ. Какъ мудрая и трудолюбивая пчела, онъ беретъ свой медъ не только съ розовыхъ кустовъ Св. Писаній и Отеческихъ твореній, но и съ ядовитыхъ цвѣтовъ—Ренана, Фейербаха и др. Однако, работа г. Козырева прекрасна не какъ наборъ только блестящихъ мыслей, мѣткихъ выраженій. Это—цѣлая система, стройное во всѣхъ своихъ частяхъ міровоззрѣніе. Титулъ „Богослова" автору такой работы идетъ въ полномъ значеніи и красотѣ этого слова. Характеръ его богословствованія опытный и вмѣстѣ библейски-патристическій. Но г. Козыревъ не только богословъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ себя глубокимъ философомъ и тонкимъ психологомъ. Кромѣ того, онъ еще и художникъ. Рѣчь его проста и изящна, мѣстами сочна и красочна, какъ кисть опытнаго пейзажиста. На всемъ произведеніи лежитъ печать высокаго таланта и культуры. О послѣдней, между прочимъ, можетъ свидѣтельствовать собственноручная переписка автора, безупречная въ орѳографическомъ смыслѣ. Еще болѣе важное свидѣтельство того же—широкая и разнообразная начитанность автора. Читать такую работу — одно удовольствіе. Вездѣ чувствуется самобытно мыслящая, глубоко чувствующая и совершенства волящая живая душа автора, его высоко-парящая творческая личность. Наслаждался авторъ, какъ признается онъ самъ, сидя за своей работой, наслаждался и я, читая его сочиненіе. Всего болѣе меня удивляло то, какъ могъ авторъ на такую, повидимому, отвлеченную тему сказать такъ много новаго, свѣжаго, ароматнаго, захватывающаго, что мѣстами буквально приводило меня, оффиціальнаго рецензента, въ восторгъ! Пусть авторъ иногда ошибается, но его ошибки искренни, честны. Даже въ своемъ настоящемъ видѣ работа г. Козырева достойна того, чтобы увидѣть свѣтъ и служить образцомъ изложенія соотвѣтствующаго отдѣла догматики. Послѣ сказаннаго ясно, что г. Козыревъ за свою работу степени кандидата Богословія болѣе, чѣмъ достоинъ".

а) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Иларіона*:

„Въ концѣ своего сочиненія г. Козыревъ пишетъ: „Я прочиталъ много книгъ и статей о Богѣ и немало думалъ о Немъ, и кажется мнѣ, что мои занятія не были совершенно безплодными“ (стр. 284). Можно прибавить, что читалъ и думалъ о Богѣ студентъ Козыревъ не потому, что принужденъ былъ писать на тему о духовныхъ свойствахъ существа Божія, а потому онъ и писалъ на эту тему, что думалъ и читалъ о Богѣ. Вопросъ о Богѣ для него вопросъ личной духовной жизни и его кандидатская работа не задача, исполняемая по заказу со спеціальной цѣлью полученія ученой степени, а ступень или періодъ въ его личномъ духовномъ развитіи. Вотъ первое впечатлѣніе отъ сочиненія г. Козырева. Да, онъ думалъ о Богѣ, читалъ о Богѣ. Съ этими думами онъ подходилъ къ Слову Божію, къ святоотеческимъ писаніямъ. Его освѣдомленность въ Священномъ Писаніи поразительна: онъ можетъ легко набирать цѣлые ряды текстовъ и фактовъ изъ Писанія, онъ приводитъ тексты рѣдкіе не шаблонные; видно, что онъ внимательно читалъ и перечитывалъ Св. Библію, какъ онъ и самъ объ этомъ говоритъ (стр. 5). Онъ много читалъ святоотеческія творенія и читалъ опять вдумчиво, съ собственными религіозно-богословскими запросами. Онъ читалъ сочиненія философскія, даже отрицательнаго направленія, но опять съ своими собственными тенденціями, выбирая и тамъ зерна истины. Въ сочиненіи автора буквально рядомъ стоятъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ съ В. В. Розановымъ (стр. 200), преп. Симеонъ Новый Богословъ и блаж. Августинъ съ Мережковскимъ. Онъ равно пользуется и житіями святыхъ, и стихами поэтовъ, и беллетристическими произведеніями, и даже рисунками юмористическихъ журналовъ.

Предъ нами ярко выраженный типъ духовнаго человѣка, всегда и всюду неразлучнаго съ богословскими вопросами и интересами. Это типъ—увы!—рѣдкій даже и въ духовной школѣ и тѣмъ болѣе, конечно, цѣнный. Сочиненіе Козырева богато оригинальными мыслями и соображеніями. Онъ пользуется много, напр., книгами проф. прот. Ѳ. А. Голубинскаго, „Православной Ѳеодицеей“ о. П. А. Флоренскаго, но онъ не

идетъ на поводу ни у одного пособія. Сочиненіе мѣстами очень смѣло и по мысли и по изложенію. Языкъ сочиненія ярокъ и красоченъ,—и это при безукоризненной литературности. Сочиненіе читается съ неослабѣвающимъ интересомъ; оно какъ-то невольно подкупаетъ читателя въ свою пользу, такъ что не хочется замѣчать его недостатковъ. Но эти недостатки есть и можетъ быть даже существенные.

Авторъ порою слишкомъ увлекается и хочетъ читать свои мысли тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Такъ онъ во что бы то ни стало желаетъ находить „скрытое указаніе на Пресв. Троицу“ въ первыхъ прошеніяхъ молитвы Господней: первое прошеніе о Богѣ Отцѣ, второе о Богѣ Сынѣ, третье — о Богѣ Духѣ Святомъ. Авторъ самъ называетъ свое „толкованіе“ „новшествомъ“ (стр. 76—77). Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ для него тоже „живыя отраженія Божественной Троицы“ (стр. 85—86). „Подобный же образъ Пресв. Троицы Богъ далъ намъ въ трехъ святителяхъ Греческой (?) церкви—Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ и Іоаннѣ Златоустѣ. Василій Великій—это образъ Отца, Григорій Богословъ—образъ Сына, а Іоаннъ Златоустъ—образъ Духа Святаго. Василій Великій это человѣкъ чувства, человѣкъ съ большимъ сердцемъ, человѣкъ весьма горячій и пылкій и потому (?) именно обнаружившій тѣ „организаторскіе“ таланты, о которыхъ говорятъ многіе патрологи, оцѣнивая его личность. Григорій Богословъ—это человѣкъ глубокаго ума, великій богословъ и поэтъ — мыслитель. Наконецъ, Іоаннъ Златоустъ—это человѣкъ желаній, привязанный къ своей паствѣ, какъ мужъ къ женѣ, это учитель дѣятельной любви, учитель свободы духа“ (стр. 86—87). Едва ли эту характеристику вселенскихъ святителей можно признать точной и не тенденціозной! Да и вообще эта аналогія неудачна.

Организацію Божественнаго Духа (такъ выражается авторъ) г. Козыревъ хочетъ истолковать по образу духа человѣческаго. „Спрашивается, которой изъ трехъ основныхъ силъ Божественнаго Духа принадлежитъ первенство и главенство? Такъ какъ Богъ сходенъ съ человѣкомъ (?), то я для рѣшенія этого вопроса обращусь къ психологіи человѣка“ (стр. 42). „Богъ сходенъ съ человѣкомъ, поэтому (?), каковъ строй человѣческаго духа, таковъ же строй и Божественнаго Духа“ (стр. 62). О строѣ человѣческаго духа и ведутся у автора

подробныя разсужденія; авторъ высказывается за приматъ чувства (стр. 42—62). Всѣ эти утвержденія слишкомъ рѣзки и опредѣленны; законы естества человѣческаго онъ дѣлаетъ какъ бы законами для существа Божественнаго. Здѣсь требуются существенныя оговорки при томъ характера методологическаго.

Въ первой половинѣ сочиненіе г. Козырева носитъ болѣе характеръ научный, но во второй половинѣ этотъ характеръ оно теряетъ. Начинаются собственно описанія разныхъ проявленій Божественной сущности. Здѣсь больше лирики, нежели логики, больше красоты, чѣмъ научной строгости, больше расплывчатыхъ образовъ, нежели точныхъ опредѣленій. Что такое, напр., Богъ? „Онъ есть нѣчто очаровательное, нѣжное, ласкающее, Онъ — весна, раннее ясное утро, роса, тихое вѣяніе вѣтерка, ароматъ свѣжаго весенняго лишь одѣвшагося лѣса, нѣжное пѣніе птичекъ, упоеніе и восторгъ любви, трепетъ радости, миръ и тишина... Онъ есть что-то молодое, тихое, кроткое, полное сладости“... (стр. 284). Итакъ, Богъ есть „что-то“! Что такое радость Божества? „Радость Божественная лучезарна и свѣтла, какъ голубое небо. Она невозмутима, ясна и чиста, какъ дѣтство. Она трепетна и ликующа, какъ весна, какъ пѣніе соловья, какъ первая любовь. Въ Богѣ вѣчная весна, вѣчная юность,... вѣчная „первая любовь“ (стр. 207). Вотъ образцы авторскаго стиля. Красиво, но неопредѣленно. Больше чувства, нежели мысли.

Авторъ склоненъ къ „повшествамъ“, но иногда дѣлается прямо неосторожнымъ. „Богъ, пишетъ онъ, и Самъ подобенъ дитяти или младенцу. Вспомнимъ борьбу Бога съ Іаковомъ, вспомнимъ различные обряды, заповѣданные евреямъ чрезъ Моисея, вспомнимъ странныя прообразовательныя дѣйствія, которыя Богъ повелѣвалъ совершать пророкамъ. Всѣ эти проявленія Бога носятъ свято-наивный дѣтскій характеръ“ (стр. 97). Что же? Богъ играетъ? Забавляется? „Слово Божіе поэтично, полно образовъ, богато фантазіей. Богъ, можно сказать, поэтъ, частію философъ, но болѣе — поэтъ, „художникъ“ (Прит. 8, 30), „дающій пѣсни въ ночи“, по выраженію книги Іова (35, 10)“ (стр. 108). Но какъ понимаетъ авторъ боговдохновенность Свящ. Писанія? Почему же въ одной Свящ. книгѣ Богъ „частію философъ“, а въ другой

„болѣе поэтъ“? Да и удобно-ли называть Бога, Премудрость, философомъ?

Болѣе мелкихъ замѣчаній, недоумѣній, возраженій можно ставить, кажется, безъ конца. Что это, напр., значитъ, что тѣло носитъ образъ Божій (стр. 38—39, 78)? Нужно-бы пояснить эту мысль. Какъ это тѣло есть воплощеніе души (стр. 78)? Откуда это взялъ авторъ, будто „наступаетъ время, подобное первохристіанскому, когда послѣдователи Христа познавали Бога чрезъ явно сходящаго на нихъ Духа“ (стр. 20)? Непріятно какъ то иногда дѣйствуетъ неразборчивость автора. Онъ обильно цитуетъ Слово Божіе, Святоотеческія писанія, хорошія богословскія и философскія сочиненія. Вдругъ среди этого матеріала выписка изъ какой-нибудь ничтожной брошюрки или журнальной статейки. Есть и мелкія ошибки, описки, много цитатъ изъ вторыхъ рукъ.

Но въ общемъ сочиненіе г. Козырева можно привѣтствовать какъ отрадное явленіе въ нашей духовной школѣ; это живое сочиненіе—плодъ живой религіозной души, для которой богословіе—родная стихія и для которой нѣтъ ничего интереснѣе и радостнѣе богословія. Г. Козыревъ—достойный сынъ духовной школы, которую съ такимъ благодарнымъ чувствомъ (см. Предисловіе) онъ теперь оставляетъ. Вполнѣ заслуженная имъ степень кандидата богословія для него не будетъ случайной привѣской, какъ, къ сожалѣнію, это часто бываетъ, но будетъ вполнѣ соотвѣтствовать его внутреннему достоинству“.

18) О сочиненіи студента *священника Крылова Димитрія* на тему: „Духовные представители богословской науки въ Московской Духовной Академіи за столѣтній періодъ ея жизни“.

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„По совершенно пріемлемымъ основаніямъ авторъ означеннаго сочиненія сократилъ масштабъ своей работы и говоритъ въ немъ только о ректорахъ Моск. Дух. Академіи и то не за все первое столѣтіе ея существованія, а за первый періодъ, кончая ректорствомъ Архим. Филарета (Гумилевскаго) 1835—1841—и выясненіемъ его вліянія на личность прот. А. В. Горскаго, какъ хранителя тѣхъ традицій, кото-

рыя успѣли образоваться въ Моск. Ак. за предшествующее время. (См. предисл. и введ. XVI—XX стр.). И за это, сдѣланное авторомъ въ сокращенномъ масштабѣ, вниманіе его къ почившимъ духовнымъ вождямъ нашей Академіи большое ему спасибо. Это прекрасный, посильный даръ питомца послѣдняго года перваго столѣтія Академіи своей матери, даръ любви, усерднаго труда и вмѣстѣ благоговѣйнаго преклоненія предъ памятью первыхъ тружениковъ и вождей нашей Академіи. Въ смыслѣ привлеченія и разработки доступнаго автору матеріала его сочиненіе представляетъ работу добросовѣстную и стройную. Имъ изучены громадные по числу страницъ матеріалы для освѣщенія тѣхъ дѣятелей, которыхъ онъ касается въ сочиненіи, напр.: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета М. Моск. и Колом. по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ". I—V томовъ", „Хроника моей жизни" Саввы, Арх. Тверскаго I—IX т: „Отчеты о состояніи Академіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ, сколько ихъ можно было найти; „Дневники", „Письма" и записки автобіографическаго характера А. В. Горскаго, Митр. Филарета, Филарета Черниговскаго, Леонтія Митр. Московскаго и прочее.

Для общей части его работы, каковы гл. 1, 2, 4 и общее заключеніе къ I—III главамъ, въ коихъ онъ говоритъ: объ условіяхъ церковно-общественной и государственной жизни, при которыхъ возникла и наша Академія (I гл.), о новой школѣ по сравненію со старой въ смыслѣ ихъ воспитательныхъ и просвѣтительныхъ задачъ и плановъ (2 гл.), о развитіи школы и о разныхъ видахъ ея служенія (4 гл.) и проч. имъ изучены капитальные труды (напр. С. К. Смирнова „Исторія Моск. Академіи", Филаретъ Арх. Черниговскій: „Обзоръ русской дух. литературы", Лопухина „Исторія христ. церкви въ XIX ст." и проч.) и литература спеціальнаго характера: монографіи, юбилеи, некрологи, мелкія замѣтки и прочее. (См. XXI—XXVII стр. соч.). Словомъ, авторъ д. былъ сдѣлать и сдѣлалъ кропотливую работу собирателя матеріаловъ и систематизатора его. Этимъ только конечно и объясняется, что въ характеристикахъ тѣхъ личностей, о которыхъ онъ говоритъ въ сочиненіи, нѣтъ особенной красочности, живости и, пожалуй, той особенной внутренней полноты, какую бы хотѣлось имѣть;—для этого

нужно долго и много изучать матеріалъ до мельчайшихъ штриховъ и нужно быть уже художникомъ. Да авторъ и самъ говоритъ „что онъ не задается несбыточной надеждой дать подробное и особенно полное сужденіе о каждомъ лицѣ, особенно о знаменитыхъ мужахъ науки“ (стр. IX—XX); такая работа—трудъ многихъ лѣтъ, а ему хочется почтить по мѣрѣ силъ память усопшихъ и поучиться у нихъ“ (XX стр.). Съ точки зрѣнія этой цѣли авторъ сдѣлалъ все, что могъ, и далъ весьма интересный и назидательный матеріалъ. Безъ сомнѣнія всякому другому ученому работнику по этому же вопросу сочиненіе о. Крылова дастъ много цѣннаго матеріала и облегчитъ трудъ, а для питомца Моск. Академіи это сочиненіе м. доставить нѣсколько пріятныхъ часовъ знакомства съ прошлымъ Моск. Академіи. Нужно искренно пожелать, чтобы о. Димитрій продолжилъ разработку своего труда, изученіе собраннаго имъ матеріала и въ томъ особенно направленіи, чтобы чрезъ всю свою работу провести красной нитью ту мысль, которую онъ высказалъ въ началѣ своего труда (IX стр.), какъ характеристику типической особенности Моск. Академіи, именно: „въ исторіи Моск. Академіи, говоритъ онъ, можно замѣтить одну основную руководящую идею, весьма цѣнную по своему церковному и общественному историческому значенію: идею борьбы за чистоту вселенскаго православія, церковнаго служенія Богу и людямъ, идею религіозной культуры духа на почвѣ вселенскаго православія, идею христіанскаго подвижничества“. Конечно эта идея не специфическая особенность только Московской Академіи, ибо всѣ академіи и открыты для этой цѣли и всѣ уставы Академій проникнуты этой идей, но м. б. въ силу какихъ-либо особыхъ условій Моск. Акад. дѣйствительно характерна съ этой стороны осуществленія данной идеи. Это конечно должно было отражаться гл. обр. въ личности ея руководителей, ректоровъ и отъ нихъ болѣе всего зависѣть. Вотъ то, что, думается, авторъ д. б. усматривать и оттѣнять согласно своей идеѣ прежде всего въ личности характеризуемыхъ имъ ректоровъ. Унего біографическій матеріалъ общаго характера преобладаетъ и подавляетъ конкретность въ обрисовкѣ личности, правда матеріалъ, нужно сказать, интересный. За массой этого біографическаго матеріала у него какъ-то блѣдно обрисовано значеніе чисто научнаго

труда ректоровъ и вліяніе ихъ на развитіе богословской науки. Это не упрекъ автору, а только указаніе на будущее направленіе его работы, если онъ ее пожелаетъ продолжить.

Степени кандидата богословія онъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

„ О. Крыловъ отнесся къ своей работѣ не по-казенному. Любя родную almam matrem, онъ съ жаромъ и увлеченіемъ работалъ надъ разработкою своей темы. „Задачей и побужденіемъ автора, пишетъ онъ, было—не только почтить память почившихъ (начальниковъ Академіи), но и самому поучиться на примѣрѣ ихъ трудовой, часто подвижнической жизни"... И непосредственно затѣмъ заявляетъ: „Многому, незабвенному, высокому научился (отъ нихъ) авторъ"... (стр. XX). Не жалѣя ни времени, ни силъ, о. Крыловъ перечиталъ массу историко-біографическаго матеріала (познакомился даже съ одною рукописью въ Лаврской библ., см. напр., стр. 72 обор., 87—89 и др.) и сдѣлалъ изъ него множество извлеченій и выписокъ (разсматриваемое сочиненіе заключаетъ въ себѣ XXXII+154 стр. большого почтоваго формата+пространныя примѣчанія на оборотѣ листовъ, не отмѣченныя числомъ страницъ).

Авторъ не только заимствовалъ и компилировалъ чужой матеріалъ, но настолько хорошо изучилъ его, что у него образовался собственный взглядъ на прошлое нашей Академіи. Нравственный обликъ первыхъ ректоровъ Академіи запечатлѣлся, можно сказать, въ душѣ автора. О. Крыловъ—не пассивный, а убѣжденный и идейный работникъ. Онъ не просто комбинируетъ сырой матеріалъ, но старается провести въ своей работѣ извѣстную идею. Будучи поклонникомъ старой школы, авторъ старается доказать, что начала церковности, положенныя въ основу Академіи и упроченныя въ ней при первыхъ начальникахъ, создали ту благопріятную почву, на которой явились впослѣдствіи такія свѣтила, какъ Ѳ. А. Голубинскій и А. В. Горскій. Авторъ вѣритъ, что тѣ же начала церковности, на которыя новыми уставами обращено особое вниманіе, могутъ возсоздать и современную намъ Академію. Въ концѣ своей работы онъ высказываетъ

пожеланіе, „чтобы предстоящій юбилей нашей школы воскресилъ во всей силѣ старыя традиціи и духъ былой Академіи, чтобы это святое преданіе о почившихъ наставникахъ школы, о былой славѣ родной Академіи сдѣлалось достояніемъ не только однихъ типографскихъ станковъ, но и живыхъ душъ современныхъ питомцевъ школы“ (152—153 стр.). Таковъ общій характеръ работы.

Но въ какой мѣрѣ о. Крыловъ выполнилъ поставленную ему задачу? Обширная тема, взятая имъ для разработки, въ предѣлахъ курсового сочиненія могла быть выполнена только въ томъ случаѣ, если бы авторъ, не увлекаясь мелкими историческими и біографическими подробностями, далъ рядъ краткихъ характеристикъ почившихъ ректоровъ Академіи, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на наиболѣе выдающихся изъ нихъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и учено-воспитательной дѣятельности. Авторъ же еще болѣе расширилъ въ своемъ пониманіи и безъ того широкую тему: онъ сталъ, было, писать чуть ли не исторію Академіи, и поэтому трудъ его остался незаконченнымъ. 1, 2 и 4 гл. сочиненія безусловно слѣдуетъ считать уклоненіемъ отъ темы. Въ 1-й гл. авторъ говоритъ о нашествіи французовъ, о господствовавшемъ въ то время въ обществѣ ложно-мистическомъ направленіи, о митрополитѣ Филаретѣ и его отношеніи къ кн. Голицыну и къ Академіи и о др. постороннихъ предметахъ. 2-я глава излагаетъ педагогическія идеи Екатерины II и др. дѣятелей 18 в., подробно трактуетъ о старой школѣ и преобразованной въ началѣ 19 в. Въ 4-й гл. авторъ говоритъ объ ученомъ монашествѣ въ Академіи при первыхъ ректорахъ. Все это, безспорно, имѣетъ слишкомъ далекое отношеніе къ главному предмету темы. Въ частыхъ и пространныхъ примѣчаніяхъ авторъ хотя и сообщаетъ немало небезынтересныхъ свѣдѣній, но также нерѣдко далеко уходитъ въ сторону (особенно на стр. 5 обор., 6 обор., 19 обор. и мн. др.) и загромождаетъ свое изложеніе ненужными подробностями.

О. Крыловъ употребилъ немало старанія и труда и немало сдѣлалъ для разработки своей темы, однако онъ успѣлъ описать только пять первыхъ ректоровъ. Давая часто весьма подробныя свѣдѣнія объ ихъ жизни и дѣятельности, нашъ авторъ старается главнымъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ выяснить нравственныя достоинства и значеніе для Академіи. О дѣятельности перваго ректора Симеона Крылова

(стр. 24—31) авторъ исчерпалъ, кажется, все, что нашелъ о немъ въ печати. Подробно охарактеризована, далѣе, высоко-добродѣтельная личность второго ректора — Филарета Амфитеатрова. Съ особенною любовію и болѣе подробно (стр. 31—58) авторъ останавливается на этомъ именно великомъ святителѣ, котораго онъ называетъ отцомъ лучшихъ академическихъ традицій (стр. 58). Въ довольно опредѣленныхъ чертахъ рисуется личность третьяго ректора, Кирилла Богословскаго, дѣятельнаго поклонника аскетическаго идеала (стр. 59—70). Автору удается оттѣнить добрыя черты и въ личности слѣдующаго ректора, архим. Поликарпа (стр. 71—91), все же онъ замѣтно идеализируетъ этого почившаго начальника Академіи и безъ достаточныхъ основаній переоцѣниваетъ его значеніе для дальнѣйшей исторіи Академіи (см. 90—91). Довольно обстоятельно, наконецъ, обрисована съ нравственной и отчасти съ научной стороны и личность пятаго ректора, Филарета Гумилевскаго (стр. 121—137, 144—152). Говоря о послѣднемъ, авторъ попутно описалъ школьные и студенческіе годы Горскаго и сказалъ нѣчто о вліяніи на Горскаго Филарета Гумилевскаго и объ ихъ совмѣстной въ Академіи жизни и дѣятельности. Таковы результаты работы о. Крылова. Жаль все-таки, что авторъ всего лишь семь страницъ (137—144) удѣлилъ Горскому. Если значеніе Горскаго въ исторіи Академіи должно быть поставлено на первомъ мѣстѣ, то ему и вниманія слѣдовало бы удѣлить гораздо болѣе. Преемнику Горскаго, Михаилу Лузину авторъ также долженъ бы посвятить хотя нѣсколько страницъ. Впрочемъ, все это не выполнено о. Крыловымъ за недостаткомъ времени.

О. Крыловъ склоненъ приписывать особое значеніе въ исторіи Академіи первымъ ея ректорамъ. Но не впадаетъ ли онъ здѣсь въ ошибку, хотя и невольную и вполнѣ естественную для него, какъ изучившаго жизнь главнымъ образомъ этихъ ректоровъ? По мѣрѣ того, какъ лица и событія отходятъ въ область исторіи, отрицательныя черты и различныя шероховатости все болѣе и болѣе сглаживаются въ нихъ и, такимъ образомъ, прошлое окрашивается для насъ розовымъ свѣтомъ; тогда какъ настоящее, реально-переживаемое нами, всегда заявляетъ намъ о своемъ несоотвѣтствіи идеалу... Такъ и о. Крыловъ, несомнѣнно, думается, переоцѣниваетъ нѣсколько значеніе и дѣятельность первыхъ ректоровъ Академіи. По

хвально стремленіе автора помянуть добромъ тѣхъ, которые болѣе другихъ потрудились надъ созданіемъ воспитательнаго, церковно-учебнаго строя нашей Академіи, но едва-ли всетаки можно уравнивать въ этомъ отношеніи очень непродолжительную дѣятельность Симеона Крылова съ благотворнымъ вліяніемъ Филарета Амфитеатрова и строгое правленіе аскета — Кирилла съ болѣе слабымъ правленіемъ Поликарпа.

Гораздо болѣе дефектовъ въ работѣ о. Крылова—съ внѣшней, литературной стороны. Прежде всего въ ней поражаетъ отсутствіе порядка, стройности и планомѣрности какъ въ размѣщеніи и расчлененіи матеріала, такъ и при перепискѣ его. Напримѣръ, въ началѣ сочиненія помѣщено предисловіе или введеніе, затѣмъ исчислены источники и пособія, потомъ оглавленіе и послѣ него самый текстъ сочиненія, причемъ первая его глава обнимаетъ 12 страницъ, вторая—9, а третья—79 и пр. У автора нѣтъ также достаточнаго умѣнья изъ многаго извлекать существенное, говорить сжато, кратко и ясно, въ силу чего сочиненіе о. Крылова отличается утомительною для чтенія растянутостію и многословіемъ. Не отличается оно также и литературною обработкою стиля; авторъ часто употребляетъ неудачныя, тяжелыя и даже неудобовразумительныя выраженія, напримѣръ: „...въ лично-подвижническомъ оправданіи теоретическихъ основъ лично-духовной культуры (любимое выраженіе автора) школы“... (стр. 119, см. еще стр. IX, XVI, XVIII, XXX, 58, 76, 120 и др.). Впрочемъ, самъ авторъ сознаетъ эти недостатки: почти цѣлыхъ двѣ страницы онъ посвящаетъ объясненію и извиненію за недочеты во внѣшней сторонѣ своей работы, находя, что онъ представляетъ ее „почти въ черновомъ видѣ“ (стр. XXVIII—XXIX). Наконецъ, авторъ злоупотребляетъ иногда знаками препинанія, многія слова и выраженія ставя безъ нужды въ запятыхъ (стр. VII, XVII, XIX, 6, 18, 35 обор., 49, 147, 148 и др.).

Курсовое сочиненіе о. Крылова свидѣтельствуетъ какъ объ идейномъ направленіи его автора, такъ и объ его трудоспособности и прилежаніи, и поэтому о. Крыловъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія. Не обладая стройностью и тщательностью литературной отдѣлки, работа о. Крылова не останется однако безполезной для него лично, какъ пастыря Церкви. „Молю Бога, пишетъ онъ, да дастъ Онъ

силы почтить эту память (почившихъ наставниковъ Академіи) не только перомъ, но и всей своей жизнью, вѣрной завѣтамъ лучшихъ представителей родной almae matris!“ (стр. XX). Да дастъ Богъ нашему автору по желанію его... Пожелаемъ, чтобы о. Крыловъ дѣломъ оправдалъ свое слово“.

19) О сочиненіи студента *священника Кузнецова Павла* на тему: „Исторія русскаго монашества отъ преп. Сергія до половины XVI в.“

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора*:

„Періодъ времени, охватываемый сочиненіемъ о. Павла Кузнецова, въ исторіи русскаго монашества м. б. названъ періодомъ расцвѣта по количеству возникшихъ монастырей, и по силѣ духовнаго вліянія представителей подвижничества того времени, по высотѣ монашескаго подвига и по полнотѣ раскрытія и выявленія подвижническаго идеала на Руси. Одна личность великаго подвижника Русской земли, преп. Сергія, достойна исключительнаго вниманія по тому значенію, которое она имѣла въ исторіи русскаго монашества; съ него начинается цѣлая эпоха, отъ него преемственно идетъ цѣлый рядъ учениковъ и духовныхъ дѣтей, основателей монастырей въ разныхъ мѣстахъ сѣвернаго края Россіи. Авторъ хорошо понималъ это значеніе преп. Сергія и потому хорошо сдѣлалъ, что сочиненіе свое предварилъ „введеніемъ“, въ которомъ далъ краткій обзоръ русскаго монашества отъ его возникновенія на Руси до преп. Сергія (см. Введ. 1—16), связавъ т. обр. исторію монашества этихъ періодовъ во-едино и отмѣтивъ тѣмъ самымъ яснѣе разсматриваемый имъ періодъ. Этотъ періодъ авторъ совершенно вѣрно характеризуетъ, называя его „самой блестящей порой въ исторіи нашего монашества. Въ это именно время, говоритъ авторъ, наше русское монашество возродилось и въ количественномъ и въ нравственномъ отношеніи и даже по своимъ идеаламъ *нѣсколько* приблизилось къ монашеству временъ Пахомія и Антонія Вел.“ (см. Гл. 1-я, стран. 16).

Мы бы сказали отъ себя, что авторъ въ данномъ случаѣ напрасно какъ-то сдержанно и неувѣренно выражается о русскомъ монашествѣ, что оно только „нѣсколько приблизилось къ монашеству временъ Пахомія и Антонія Вели-

каго"; русское монашество всегда, съ самаго начала и особенно вотъ въ это время, котораго касается авторъ, по идеаламъ своимъ было восточнымъ и не только близкимъ, но и тожественнымъ съ идеалами древняго восточнаго монашества; даже и по внѣшнимъ своимъ формамъ и по степенямъ воплощенія идеала нравственнаго совершенства оно шло на ряду съ восточнымъ.

Эту самую мысль, только высказанную въ болѣе сдержанной формѣ, какъ мы сказали, авторъ и раскрываетъ въ своемъ сочиненіи, изображая въ 1-й главѣ состояніе монашества во времена преп. Сергія и его ближайшихъ учениковъ (стр. 16—58); во 2-й гл.—при продолжателяхъ дѣла преп. Сергія: преп. Павлѣ Обнорскомъ, Димитріи Прилуцкомъ и Кириллѣ Бѣлозерскомъ (стр. 59—106). Въ этихъ двухъ главахъ авторъ, можно сказать, набрасываетъ болѣе внѣшнюю картину состоянія монашества при преп. Сергіи, его ученикахъ и продолжателяхъ его дѣла. Здѣсь даются біографіи преподобныхъ, начиная съ преп. Сергія, описываются ихъ труды по созданію обителей, вліяніе послѣднихъ на разныя стороны русской жизни, словомъ раскрывается та сѣть русскихъ монастырей, которая, начавшись отъ Лавры преп. Сергія, охватила сѣверные предѣлы Руси. III-я глава сочиненія (107—122) касается, хотя и бѣгло, внутренней стороны жизни монашествующихъ XIV и первой половины XV в., говоритъ о нормахъ монашеской жизни и о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ монашества. Такъ авторъ въ указанныхъ трехъ главахъ своего сочиненія умѣло объединяетъ тѣ задачи, которыя онъ и д. былъ выполнить, т. е.: изложить исторію русскаго монашества въ указанный темой періодъ не только, или вѣрнѣе, *не столько* со стороны внѣшней, т. е. роста обителей, увеличенія числа монашествующихъ, а съ внутренней, т. е. со стороны тѣхъ перемѣнъ въ области монастырскихъ нравовъ, какіе наблюдались въ данный періодъ въ связи съ тѣми или иными иноческими идеалами и взглядами, которыми руководилось монашество въ своей жизни. Для достиженія этой цѣли авторъ д. былъ сосредоточивать свое вниманіе по преимуществу на главнѣйшихъ представителяхъ монашества даннаго періода и попытаться прослѣдить, насколько въ ихъ жизни и дѣятельности находили выраженіе идеалы истинной монашеской

жизни, какія перемѣны они вносили въ монастырскую среду, какіе идеалы были имъ присущи и въ чемъ они усматривали задачу и цѣль монашества въ отношеніи къ міру.

Можемъ сказать, что автору удалось осуществить въ извѣстной мѣрѣ поставленную задачу его сочиненія, хотя у него и замѣтенъ уклонъ въ сторону болѣе легкаго, т. е. въ сторону внѣшней исторіи монашества. Конечно она даетъ болѣе матеріала, болѣе фактовъ, особенно въ той громадной литературѣ, которую просмотрѣлъ авторъ (см. вступленіе III—IX); да и по существу дѣла эта сторона работы не только не лишня, но необходима и цѣнна, а потому и то, что мы сказали для характеристики сочиненія, не д. понимать какъ упрекъ автору. Въ такомъ же родѣ и характерѣ идетъ работа автора и въ дальнѣйшемъ: IV-я глава его сочиненія имѣетъ предметомъ состояніе монашества во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI в.в., когда монашество, по словамъ автора, благодаря уже воспитавшемуся въ нашихъ предкахъ аскетическому міросозерцанію продолжало развиваться и расцвѣтать (122 стр.). Самый интересный моментъ этого періода — дѣятельность Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго и ихъ вліяніе на монашество описано авторомъ кратко, но достаточно красочно и ясно.

Заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ обозрѣніемъ тѣхъ мѣръ, кои выработаны были Стоглавымъ Соборомъ относительно внутренняго устройства монашеской жизни. Все сочиненіе читается съ интересомъ и легко, благодаря ясности языка и литературной обработкѣ рѣчи.

Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ заслуживаетъ".

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„Не обширная по объему (IX+199 стр.) и не сложная по содержанію (вступленіе, введеніе, 4 главы изложенія), работа о. Павла Кузнецова представляетъ собою рядъ жизнеописаній и характеристикъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей монашества указаннаго темою періода: преп. Сергія съ его многочисленными учениками и собесѣдниками, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго, Нила Сорскаго и др. Попутно указывается ихъ значеніе въ исторіи монашества

на Руси, ихъ вліяніе на умонастроеніе эпохи, на выработку аскетическихъ идеаловъ. Особенно типично обрисованы контрастныя личности Волоколамскаго и Сорскаго подвижниковъ. Достоинствомъ работы является, между прочимъ, обрисовка той или другой личности словами первоисточника. Матеріалъ, которымъ пользовался авторъ, включая сюда и пособія, кажется намъ вполнѣ достаточнымъ. По прочтеніи работы о. Павла Кузнецова, отъ исторіи монашества за указанный періодъ получается впечатлѣніе, какъ отъ живой, хотя и не искусно поставленной, картины.—Отрицательную сторону сочиненія составляетъ, прежде всего, множество грамматическихъ ошибокъ. Не смотря на все удобство печатнаго шрифта, можно только пожалѣть, что авторъ, вмѣсто пера и чернилъ, пользовался пишущей машиной. Такъ безцеремонна оказалась эта машина въ отношеніи орѳографіи! Другой недостатокъ—отсутствіе литературнаго языка. Слогъ автора не только лишенъ изящества и ритма, но и весьма часто правильности, иногда даже вразумительности. Послѣдняя черта объясняется, быть можетъ, поспѣшностью работы, когда контроль надъ словами уступаетъ мѣсто безудержному порыву впередъ. Словомъ, внѣшнею стороною работы о. Павла Кузнецова нельзя остаться довольнымъ. Но принимая во вниманіе удовлетворительность первой, болѣе важной стороны—содержанія, мы признаемъ автора степени кандидата богословія заслуживающимъ".

20) О сочиненіи студента *Лебедева Александра* на тему: „Инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ и его литературные труды".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Въ ученой литературѣ о Вассіанѣ Патрикѣевѣ сказано не мало. Но всѣ разысканія и свѣдѣнія о немъ, по частямъ разбросанныя въ разныхъ изслѣдованіяхъ, даже въ своей общей совокупности не могутъ дать вполнѣ цѣльнаго представленія объ его жизни и трудахъ. Отсюда—давно ощущаемая потребность въ нарочитомъ изслѣдованіи о Вассіанѣ, которое бы обнимало всю его жизнь и литературную дѣятельность въ полномъ объемѣ. Опытъ такого изслѣдованія представляетъ собою сочиненіе г. Лебедева.

Для выполненія своей задачи автору нужно было- а) со-

брать и изучить все то, что ранѣе было сказано различными изслѣдователями о Вассіанѣ Патрикѣевѣ, b) углубиться до изданныхъ и неизданныхъ источниковъ, на основаніи которыхъ сложились научныя представленія о немъ и его литературныхъ трудахъ, чтобы самостоятельнымъ критическимъ изученіемъ этого матеріала провѣрить правильность или ошибочность всѣхъ сужденій о немъ, c) собранныя, дополненныя новыми разысканіями и проанализированныя такимъ образомъ данныя объединить въ цѣлостномъ изображеніи жизни и литературныхъ трудовъ Вассіана.

Нужно признать, что авторъ выполнилъ свою задачу съ весьма значительнымъ успѣхомъ: онъ старательно собралъ весь печатный и рукописный матеріалъ, критически изучилъ его, выбралъ изъ него все болѣе цѣнное и характерное и привелъ все въ связь и порядокъ, такъ что въ общемъ получилась довольно обстоятельная монографія о Вассіанѣ Патрикѣевѣ.

Она раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая (стр. 3—161 почт. л. больш. формата) посвящена біографіи Вассіана, а вторая (162—213)—его литературнымъ трудамъ. Въ краткомъ заключеніи (214—217) дана обобщенная характеристика его. Кромѣ перечня „источниковъ и пособій“ къ изслѣдованію присоединены въ качествѣ приложеній тексты нѣкоторыхъ сочиненій Вассіана Патрикѣева по новымъ спискамъ и нѣкоторыхъ памятниковъ, относящихся къ его біографіи, а именно: подъ № 1—„посланіе Іосифа Волоцкаго къ великому князю Василію Ивановичу о Вассіанѣ архимандритѣ и о прочихъ еретикахъ“, по ркп. Румянц. Муз. № 610; подъ №№ 2, 4 и 5—„събраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія“ по 3-мъ спп.; подъ № 3—„правило свв. отецъ халкидонскаго собора о обидящихъ святыя божія церкви“; подъ № 6—„о тщеславіи юныхъ творящихъ новоканоны и житія святыхъ“; подъ № 7—„повѣсть зѣло полезна“...

Первая часть сочиненія выполнена по весьма широкой программѣ, въ составъ которой послѣдовательно введены не только всѣ вопросы біографіи Вассіана Патрикѣева, начиная отъ его родословной и кончая его смертью, но и почти всѣ моменты его литературной и книжной дѣятельности. При этомъ и обстоятельства его жизни, и вся его дѣятельность,

выразившаяся въ полемикѣ по вопросамъ о монастырскихъ владѣніяхъ, о вдовыхъ священнослужителяхъ, объ отношеніяхъ къ еретикамъ и по другимъ животрепещущимъ вопросамъ времени, связаны авторомъ надлежащимъ образомъ съ соотвѣтствующей исторической перспективой. Въ живомъ и продуманномъ изображеніи автора Вассіанъ выступаетъ крупной фигурой своего вѣка, „какъ идейный литературный труженикъ, передавшій въ наслѣдіе потомству свои литературныя произведенія“, какъ „популяризаторъ міросозерцанія Нила Сорскаго“, „какъ неподкупный борецъ за свои идеи, сумѣвшій запечатлѣть ихъ потерей собственнаго благополучія“.

Во второй части авторъ разсматриваетъ подлинныя сочиненія Вассіана Патрикѣева, Кормчую книгу его редакціи, сочиненія, предположительно приписываемыя ему, и въ частности извѣстную „Бесѣду Сергія и Германа“. Объемъ литературной дѣятельности Вассіана автору представляется не особенно широкимъ. Кромѣ пяти извѣстныхъ трактатовъ, посвященныхъ полемикѣ съ идеями Іосифа Волоцкаго, и Кормчей Вассіана авторъ предположительно приписываетъ ему: 1) „писаніе старцевъ Вологодскихъ монастырей противъ Іосифа“ и 2) „любопрепирательное посланіе“. Но онъ не находитъ возможнымъ приписать ему на усвоенныхъ ему Жмакинымъ двухъ трактатовъ, вошедшихъ въ Кирилло-Бѣлозерскій сборникъ № 21—1098, ни извѣстной „Бесѣды Сергія и Германа“, которую нѣкоторые изслѣдователи считали произведеніемъ Вассіана.

Вторая часть изслѣдованія по тщательности и обстоятельности значительно уступаетъ первой. Обо всѣхъ разбираемыхъ произведеніяхъ авторомъ сообщаются библіографическія свѣдѣнія, производится разысканіе ихъ списковъ, излагаются о каждомъ изъ нихъ ученыя мнѣнія и высказываются болѣе или менѣе вѣскія собственныя соображенія автора. Но читатель вправѣ былъ бы ожидать отъ него болѣе детальнаго анализа разсматриваемыхъ сочиненій со стороны ихъ содержанія и литературныхъ пріемовъ, а также опредѣленія ихъ источниковъ и въ особенности анализа Кормчей Вассіана Патрикѣева. Съ другой стороны, подробный пересказъ содержанія „Бесѣды Сергія и Германа“ (стрр. 198—205) представляется совершенно излишнимъ.

Къ числу важнѣйшихъ недочетовъ сочиненія надобно отнести недостаточную выдержанность критическаго метода. Въ общемъ и въ біографической, и въ историко-литературной части сочиненія авторъ орудуетъ надъ первоисточниками своего предмета, которые подъ его перомъ пріобрѣтаютъ продуманную и критическую обработку. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ научный методъ покидаетъ его; ему хочется не столько *изслѣдовать*, сколько *описывать*, не столько идти въ глубь предмета, сколько отдѣлывать его внѣшность. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователь уступаетъ дорогу повѣствователю, и, къ удивленію читателя, авторъ начинаетъ сообщать свѣдѣнія, съ слѣпымъ довѣріемъ взятыя изъ разныхъ легковѣсныхъ пособій, не поинтересовавшись и не заинтересовавши читателя не только ихъ провѣркой, но даже и вопросомъ объ ихъ источникѣ. Такъ изложена не одна страница біографіи Вассіана, особенно изъ раннѣйшаго періода его жизни. Вмѣсто указаній на источники здѣсь пестрятъ имена Новикова, проф. Иконникова, Венгерова, ссылки на энциклопедическіе словари Южакова, Березина, Брокгауза-Ефрона. Изъ многихъ такихъ мѣстъ приведемъ нѣсколько. Авторъ повѣствуетъ, что Вассіанъ Патрикѣевъ въ 1493 году взялъ у поляковъ городъ Вязьму, а въ 1495 г. былъ въ войскѣ великаго князя Ивана Васильевича, и при этомъ слѣдуетъ ссылка на Новикова, Древн. Росс. Вивліоѳика, т. XVII, стр. 194; въ 1496 г. Вассіанъ прославился въ битвѣ противъ шведовъ,—и ссылка на Венгерова, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей, т. IV, отд. 2; Вассіанъ былъ главнымъ воеводою въ „Большомъ полку",—и ссылка на энциклопедическіе словари Южакова и Березина; „Вассіанъ, по свидѣтельству исторіи, получалъ хорошіе доходы",—и ссылка, какъ на „исторію", на „Приб. къ твор. свв. отцовъ", годъ IX, кн. 2, стр. 521; „во время пребыванія Вассіана въ Симоновомъ монастырѣ... съ нимъ часто видѣлся и бесѣдовалъ великій князь",—и ссылка: статья о Вассіанѣ въ „Богословской энциклопедіи" Лопухина; „въ Москвѣ, опираясь на княжескую протекцію, Вассіанъ проживалъ то въ Симоновомъ, то въ Чудовомъ монастырѣ",—и ссылка: статья о Вассіанѣ въ энциклопедіи Брокгауза-Ефрона; Вассіанъ грозилъ разрушить Волоколамскій монастырь,—и ссылка на Жмакина. Такихъ случаевъ въ построеніи біографіи

Вассіана Патрикѣева можно привести не мало (ср. стрр. 27, 107, 161). Иногда невниманіе къ требованіямъ критическаго метода у автора доходитъ до того, что онъ даже выражается: „по свидѣтельству Венгерова“ и т. под. (см. стр. 113). Впрочемъ, можетъ быть подобныя мѣста представляютъ собою просто неудачныя выраженія.

Отмѣченную некритичность пріемовъ автора приходится отмѣтить съ тѣмъ большей досадой, что въ большинствѣ случаевъ онъ стоитъ на высотѣ истинно-критическаго метода, который приводитъ его въ окончательномъ итогѣ къ весьма цѣннымъ результатамъ изслѣдованія и помогаетъ ему вносить весьма основательныя, заслуживающія полнаго одобренія, поправки даже въ наблюденія такихъ изслѣдователей, такъ Тихонравовъ (см. стр. 174—175). Жмакинъ (стр. 193) и др.

Недоведенный до конца критическій методъ мститъ за себя также нѣкоторыми недоговоренностями въ разборѣ памятниковъ, которые имѣли бы право на болѣе тщательное ихъ разслѣдованіе. На стр. 96 авторъ говоритъ: „въ своихъ сужденіяхъ по всѣмъ вышеуказаннымъ вопросамъ Вассіанъ руководился, главнымъ образомъ, сочиненіями Никона Черногорца, изъ которыхъ многія шли прямо къ защищавшемуся имъ дѣлу“. Однако, онъ не далъ себѣ труда подробнѣе сопоставить Пандекты Никона съ трактатами Вассіана и въ дальнѣйшемъ всѣ сопоставленія взялъ изъ вторыхъ рукъ. На стр. 190—193 авторъ прекрасно поправляетъ Жмакина, слившаго надписанія двухъ статей Кирилло-Бѣлозерскаго Сборника въ одно, но здѣсь весьма умѣстно было бы отмѣтить, что вторая изъ нихъ —„Истолкованіе св. изображенія православныя нашея вѣры, еже есть вѣрую во единаго Бога“—извѣстна по древнимъ спискамъ, предшествующимъ эпохѣ Вассіана Патрикѣева.

Отмѣчаемъ эти недостатки сочиненія съ полнымъ признаніемъ его достоинствъ. Кромѣ указанныхъ уже цѣнныхъ свойствъ его, — тщательнаго изученія первоисточниковъ, преобладанія правильнаго метода, основательности выводовъ,—къ нимъ слѣдуетъ присоединить добросовѣстность работы, цѣльность и законченность построенія, наконецъ, хорошую литературную обработку изложенія.

Въ общемъ сочиненіе нельзя не признать весьма хоро-

шимъ и его автора вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія".

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Задачей своего сочиненія авторъ полагаетъ составленіе „возможно полной и всесторонней монографіи" объ инокѣ Вассіанѣ Патрикѣевѣ. Чтобы осуществить преднамѣченную цѣль, авторъ проштудировалъ значительное количество пособій и источниковъ, извлекъ изъ нихъ нужный матеріалъ и придалъ ему хорошую литературную форму. Въ общемъ получилось дѣйствительно достаточно полное обслѣдованіе жизнедѣятельности инока Вассіана.

Но отъ частныхъ упрековъ сочиненіе г. Лебедева не свободно. Авторъ слишкомъ увлекается пособіями въ ущербъ первоисточникамъ, такъ что сочиненіе его въ немалой своей части представляется сводомъ положеній, находящихся въ разныхъ изслѣдованіяхъ, а не извлекаемыхъ изъ первоисточниковъ самимъ авторомъ, хотя бы повѣрочно. Увлеченіе пособіями иногда доходитъ у автора какъ будто до смѣшенія пособій съ первоисточниками. На стр. 113 авторъ пишетъ: „*по свидѣтельству Венгерова*, Вассіанъ занимался пересмотромъ русскихъ богослужебныхъ книгъ „наряду съ кормчей". На стр. 78: „немедленно за „Разсужденіемъ" (сочиненіемъ Вассіана), *по свидѣтельству Жмакина*, появилось написанное Іосифомъ „Отвѣщаніе любозазорнымъ". Подобное же выраженіе встрѣчается на стр. 182 („по свидѣтельству г. Павлова"). Какое значеніе для XVI в. имѣютъ свидѣтельства современныхъ намъ писателей! Впрочемъ допускаемъ, можетъ быть, авторъ, самъ не замѣчая, въ приведенныхъ мѣстахъ сказалъ не то, что хотѣлъ выразить.

Степени кандидата богословія сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ".

21) О сочиненіи студента *Лебедева Николая* на тему: „Волоколамскій Патерикъ".

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Волоколамскій Патерикъ—интересный, но мало обслѣдованный, даже неизданный до сихъ поръ памятникъ. Имъ

занимались: покойный Ключевскій и здравствующій проф. Кадлубовскій; первый изучалъ Патерикъ какъ историческій источникъ, второй—какъ литературный памятникъ. Задача г. Лебедева продолжить изученіе Волоколамскаго Патерика: „1) дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ авторѣ и обстоятельствахъ написанія Патерика; 2) выяснить, на основаніи имѣющихся списковъ этого памятника, его составъ; 3) распространить литературную характеристику и на тѣ части Патерика, которыхъ не коснулся въ своемъ (4-мъ) „Очеркѣ" проф. А. П. Кадлубовскій; 4) разсмотрѣть Патерикъ какъ историческій источникъ для изученія эпохи и среды породившей его и, наконецъ, 5) издать этотъ до сихъ поръ еще неизданный, за исключеніемъ незначительной части, Патерикъ по имѣющимся на лицо его спискамъ" (VII).

Эту задачу авторъ выполнилъ вполнѣ удовлетворительно и самостоятельно. Прежде знали Волоколамскій Патерикъ въ одной ркп. Синодальной Б-ки № 927. Г. Лебедевъ изучаетъ кромѣ того Волок. ркп. № 664, Рум. Муз. № 1257, Волок. № 530 и приходитъ къ выводу, что наиболѣе точно первоначальный составъ Патерика сохранила Волоколамская ркп. № 664 (Синодальная ркп. является уже вторичной редакціей). Названная сейчасъ Волоколамская рукопись обширнѣе остальныхъ: въ числѣ статей Патерика она помѣщаетъ житіе преп. Пафнутія Боровскаго и Надгробное Слово Іосифу Волоцкому. Надгробное Слово, какъ извѣстно, писано Досиѳеемъ Топорковымъ, авторомъ Волоколамскаго Патерика, но ему же, по мнѣнію г. Лебедева, принадлежитъ и первоначальная редакція житія преп. Пафнутія, которое лишь въ нѣсколькихъ спискахъ производной редакціи надписывается именемъ архіеп. Вассіана (Санина). Вопросъ о времени написанія Патерика опять таки рѣшается самостоятельно (съ 1526 или 1536 по 1546 г.г.). Разбирая Патерикъ какъ литературный памятникъ, нашъ авторъ обнаруживаетъ большую освѣдомленность въ патеричной и вообще агіографической письменности,—онъ отыскиваетъ массу параллелей Повѣстямъ о. Пафнутія и Іосифа. Оцѣниваетъ изучаемый памятникъ довольно полно со стороны матеріала для исторіи древне-русской церкви и монастырскаго быта, для исторіи древне-русскаго міросозерцанія. Наконецъ, съ большою тщательностію г. Лебедевъ подготовляетъ памятникъ къ изданію,

по Волоколамской ркп. № 664 съ варіантами изъ остальныхъ и съ дѣльными примѣчаніями.

Въ частностяхъ можно найти недочеты и неясности. Если житіе Пафнутія принадлежитъ Досиѳею Топоркову, то какъ объяснить появленіе имени Вассіана на нѣкоторыхъ его спискахъ? Не всѣ сказанія и не вся литература объ ангелахъ Среды и Пятка извѣстны автору (133 слѣд.). То же слѣдуетъ замѣтить и относительно чуда закалаемаго Отроча въ таинствѣ Евхаристіи (103—113). Говоря о Волоколамскомъ Патерикѣ, какъ историческомъ источникѣ, авторъ сообщаетъ, что отсюда мы узнаемъ, какъ постригающійся въ монашество давалъ въ XV—XVI в.в. обѣты дѣвства, нестяжанія и проч. (143). Но само собою ясно, что эти показанія не имѣютъ никакой исторической цѣны, потому что говорятъ объ общеизвѣстномъ фактѣ.

Впрочемъ указанныя частности немногочисленны и не портятъ общаго прекраснаго впечатлѣнія, которое производитъ сочиненіе г. Лебедева".

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Сочиненіе г. Лебедева состоитъ изъ введенія, четырехъ главъ изложенія и приложеній. Во введеніи (стр. I—VII) авторъ представляетъ свѣдѣнія о Волоколамскомъ патерикѣ, имѣющіяся въ наукѣ. Послѣ обозрѣнія ихъ онъ сводитъ свою задачу къ повѣркѣ существующихъ свѣдѣній и къ восполненію ихъ (VII стр.). Соотвѣтственно поставленной задачѣ авторъ разрѣшаетъ въ 1-ой главѣ (стр. 1—35) вопросъ о составителѣ Волоколамскаго патерика. Затѣмъ во 2-ой главѣ (стр. 37—70) разсматриваетъ обстоятельства и время составленія Волоколамскаго патерика, его планъ, списки, составъ и т. п. Въ 3-ей главѣ (стр. 71—136) говоритъ о Волоколамскомъ патерикѣ „какъ литературномъ памятникѣ". Здѣсь авторъ доказываетъ вліяніе на Волоколамскій патерикъ переводной агіографической литературы, преимущественно тоже патериковъ, и опредѣляетъ степень этого вліянія. Въ 4-ой главѣ (стр. 137—169) авторъ характеризуетъ Волоколамскій патерикъ „какъ историческій источникъ" и приэтомъ старается изложить систематически содержащійся въ патерикѣ историческій матеріалъ. Въ приложеніи авторъ

помѣщаетъ текстъ Волоколамскаго патерика по рукописи Волоколамскаго монастыря (№ 664), съ соблюденіемъ особенностей письма подлинника. Подъ строкой приводитъ варіанты изъ другихъ рукописей (стр. 1—204). Далѣе въ приложеніи слѣдуютъ повѣсть „о свѣтломъ понедѣльникѣ“ по рукописи Московской Синодальной Библіотеки, № 927 (стр. 204—207), распространенная редакція повѣсти о. Пафнутія о великомъ мору, по рукописи Московской дух. академіи, № 185 (стр. 208—213) и объяснительныя примѣчанія къ тексту Волоколамскаго патерика (стр. 214—243).

Уже изъ одного простого обозрѣнія содержанія разсматриваемаго сочиненія можно видѣть, что г. Лебедевъ совершенно правильно понялъ свою задачу. Ближайшее же знакомство съ работой убѣждаетъ и въ удачномъ выполненіи ея. Сочиненіе г. Лебедева отличается пріемами научнаго изслѣдованія. Какъ кандидатское—оно должно быть отнесено къ числу лучшихъ“.

22) О сочиненіи студента *священника Левковскаго Александра* на тему: „Личная отвѣтственность и соціальная закономѣрность. (Разборъ аргументовъ противъ личной отвѣтственности, опирающихся на соціологическія основанія)“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Небольшая тетрадка (85 страницъ). Работа—мозаическая. Она далѣе всего отъ того, чтобы быть пересмотромъ вопроса. Это не что иное, какъ апологетическое использованіе доступной автору литературы предмета, причемъ апологетическое содержаніе предполагается въ наличномъ состояніи соціальной науки, а все качество отвѣта опредѣляется размѣрами изученной литературы. На первыхъ тринадцати страницахъ свящ. Левковскій посредствомъ выписокъ изъ разныхъ авторовъ—Несмѣлова (преимущественно), Джемса, Гефдинга, Трубецкого С. Н., Бинэ—устанавливаетъ несомнѣнность личной свободы. Метафизика и психологія, наука и этика, описаніе и обоснованіе здѣсь перемѣшиваются; мысль, какъ флюгеръ, прислушивается то къ тому, то къ другому авторитету, хотя все наклоняется въ одну сторону—утвержденія человѣческой свободы. Болѣе послѣдователенъ авторъ въ центральной части своего изслѣдованія (стр. 13—50), въ

§ 2. *Закономѣрность явленій соціальной жизни* и части § 3. *Разборъ аргументовъ соціологическаго характера противъ личной отвѣтственности.* Здѣсь излагается достаточно ясно понятіе соціальной закономѣрности, характеризуется статистическій методъ изслѣдованія и устраняются детерминистическіе выводы изъ теоріи статистики. Опорой служатъ книги и статьи Рейхесберга, Майра, Кауфмана, Дробиша, Кондратьева, Вормса. Авторъ достаточно изучилъ вопросъ, чтобы уловить самый центральный пунктъ въ апологетическомъ освѣщеніи статистическаго метода, что онъ и высказываетъ словами Вормса на стр. 50. „О статистическомъ методѣ, вскрывающемъ соціальную закономѣрность, сказать нужно слѣдующее: „пригодный вообще для изученія соціальной жизни, онъ не можетъ съ одинаковымъ удобствомъ примѣняться ко всѣмъ категоріямъ соціальныхъ явленій. Онъ пригоденъ лишь для явленій, имѣющихъ матеріальную основу. Давая полезныя указанія на общія явленія соціальной жизни, онъ не проникаетъ въ интимную жизнь отдѣльнаго лица, не вскрываетъ коренной основы индивидуальной дѣятельности“, „потому что—добавляетъ отъ себя авторъ—интимная сущность человѣческой личности есть надматеріальная реальность, представляющая собою высоко-цѣнный синтезъ разума, творчества, свободы и нравственности“. Оставляя въ сторонѣ это реторическое добавленіе автора, нужно признать рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ объ отношеніи личности къ соціальной закономѣрности то обстоятельство, что послѣдняя прилагается исключительно къ коллективной жизни, къ совокупностямъ (все равно, реальное ли это единство, или нѣтъ), а не къ единицамъ, входящимъ въ составъ коллектива, не къ единичнымъ случаямъ. Однако этотъ тезисъ развитъ въ реферируемомъ сочиненіи не съ тою полнотою, которой можно бы требовать, — иначе сказать, авторъ не исчерпалъ всего, что давала ему наличная литература. Ему недостаетъ знакомства съ трудами Рюмелина, Гротенфельта и мн. др. Особенно заслуживаетъ сожалѣнія, что не использованъ классическій трудъ А. А. Чупрова, котораго авторъ однажды цитируетъ, очевидно, изъ чужихъ рукъ. Указанный тезисъ обоснованъ у Чупрова болѣе полно, чѣмъ у кого-либо.

Недостаткомъ въ изложеніи автора нужно признать и то,

что онъ не различаетъ понятій единичности и свободы. Устойчивость статистическихъ чиселъ, какъ относящихся исключительно къ массамъ, не ведетъ къ детерминированности человѣческихъ дѣйствій. Но для соціальной науки возможная свобода воли есть возможность очень отдаленная, абстрактная, скрывающаяся за болѣе близкимъ понятіемъ индивидуальности, единичности. „Если мы,—слова А. А. Чупрова—измѣривъ ростъ тысячи рекрутъ, найдемъ, что средняя величина роста равна *a* сантиметрамъ, то число *a* ничего не скажетъ намъ о томъ или иномъ изъ перемѣренныхъ новобранцевъ: оно можетъ быть использовано лишь какъ характеристика всей ихъ массы"... Итакъ, статистикой не захватывается индивидуальность, индивидуальный случай. Этого однако слишкомъ мало для цѣлей философіи. Индивидуальный случай не то же, что святыня, цѣнность. Философія же должна обосновать святыню свободной личности, и это есть ея собственная задача, такъ что она не можетъ питаться лишь крошками, падающими со стола науки, теоріи статистики, великодушно признающей индивидуальный случай. Она должна стоять на своихъ ногахъ, имѣть свою точку опоры—религіозно-мистическую личность, глубины которой не только, въ качествѣ индивидуальнаго случая, не захватываются статистикой, но и не переводимы на языкъ соціальныхъ выкладокъ. Помимо такой самобытной опоры философія просто упраздняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ остается безъ рѣшенія проблема отношеній личности и общества, поскольку въ эмпирической области нѣтъ выхода изъ круга: ни общество безъ личностей, ни личность безъ общества,—общество нуждается въ личностяхъ, а личность есть лишь пунктъ пересѣченія соціальныхъ теченій. При нѣкоторой внимательности легко подмѣтить всю безплодность (позитивныхъ) сужденій о роли личности въ общественномъ развитіи, хотя бы они облекались въ самую пылкую реторику, если только міропониманіе не возвышается до интимной религіи. Свящ. Левковскій прошелъ мимо обширной литературы по философіи мистической личности и совершенно не затронулъ различія между психологическимъ субъектомъ и мистическою душою. Это тѣмъ болѣе странно, что онъ (на 77 стр.) заводитъ рѣчь о психологическомъ субъективномъ пути, который, какъ можно убѣдиться на соціологіи Михай-

ловскаго, терпитъ рѣшительное крушеніе въ предѣлахъ позитивизма. Проф. Карѣевъ, на котораго авторъ ссылается на стр. 57, также не можетъ быть здѣсь надежнымъ руководителемъ.

Со стр. 50 авторъ переходитъ къ бѣглому разсмотрѣнію многихъ пунктовъ, случайно привлекшихъ его вниманіе. Стр. 51—53 излагаются сужденія Зиммеля въ *Соціальной дифференціаціи* о соціальныхъ условіяхъ роста человѣческой личности. Почему же авторъ ограничивается только Зиммелемъ (и только одной его книгой), а не разсматриваетъ интересныхъ взглядовъ Лаврова, Дюркгейма, Коркунова!

На стр. 53—54 по книгѣ проф. Исаева *Вопросы соціологіи* авторъ затрогиваетъ тему о разной зависимости отъ соціальной среды разныхъ сторонъ человѣческой дѣятельности. Почему же опущены Лабріола, Де-Греефъ, Лакомбъ, Келлесъ-Краузъ?

Не обходитъ молчаніемъ авторъ и экономическаго матеріализма. Дѣлается выписка изъ пресловутаго предисловія къ „Критикѣ нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ Маркса въ неправильномъ переводѣ, что̀ нынѣ уже не простительно. Цитируется (стр. 61) Штаммлера *Хозяйство и право* безъ указанія тома. Критика экономическаго матеріализма крайне слаба.

На стр. 66—67 выступаетъ и органическая теорія общества, которая на двухъ страницахъ и поражается на смерть словами Михайловскаго.

На стр. 68—74 по книгѣ Шишко *По вопросамъ исторіи и соціологіи* освѣщается вопросъ о законѣ естественномъ, соціологическомъ и историческомъ. Авторъ не имѣетъ представленія о различіи закономѣрности соціальной и закономѣрности исторической и объ относящейся сюда литературѣ.

На стр. 74 называется „свободный законъ“. Это напоминаетъ рецензенту Дройзена, который имѣлъ серьезныхъ литературныхъ противниковъ.

На послѣднихъ страницахъ авторъ снова возвращается къ вопросу о свободѣ и „психологическимъ путемъ выходитъ изъ глубокаго логическаго противорѣчія“...

Но, несмотря на всю эту безпомощность автора, на всѣ эти недостатки, его можно признать заслуживающимъ сте-

пени кандидата богословія. Въ предисловіи къ своей тетрадкѣ онъ свидѣтельствуетъ о той пользѣ, которую вынесъ для себя отъ занятій по данному вопросу. Сознавая недостаточность своей работы, онъ пишетъ: „мы утѣшаемъ себя тѣмъ, что... затронутый нами вопросъ все-таки выяснился для нашего непосредственнаго сознанія и для нашей совѣсти: мы убѣдились, что соціологическая точка зрѣнія на человѣческую личность ничѣмъ не грозитъ послѣдней". Дѣйствительно, авторъ поработалъ не мало".

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Небольшое (II+85 стр.) сочиненіе о. Александра Левковскаго отмѣчено личною заинтересованностью Автора въ обсуждаемой имъ темѣ и написано съ живостью и искренностью. „Соціологическая точка зрѣнія на человѣческую личность, какъ на продуктъ общественной среды, въ которой всѣ явленія протекаютъ закономѣрно, сильно встревожила нашъ внутренній міръ", — такъ начинаетъ о. Александръ свое сочиненіе, и отъ словъ его вѣетъ искренностью. „Намъ показалось,—продолжаетъ онъ—,что новый (? П. Ф.) взглядъ на личность грозитъ послѣдней рѣшительнымъ разрушеніемъ ея, а отсюда—и разрушеніемъ нашего міровоззрѣнія и жизнепониманія---Столь тревожныя мысли о человѣкѣ, внушающія уродливыя нравственныя понятія, вызвали въ нашемъ сознаніи крайнюю потребность разобраться въ затронутомъ нами вопросѣ" (стр. 1). А въ заключеніе своей работы, онъ, съ похвальною твердостью, утверждаетъ, „что соціологическая аргументація не уничтожаетъ личн*ую* отвѣтственность;—она даже нисколько не уязвляетъ *ее*. Человѣческая личность отвѣтственна, а въ особенности личность христіанская, которой „по Слову Божію, не посылается искушенія сверхъ силъ". (1 Кор. 10₁₃)". Однако, ни эта рѣшительность стоять на добромъ пути, ни еще болѣе похвальная скромность, изъявляемая Авторомъ въ началѣ сочиненія, и признаніе имъ своей работы „не могущею удовлетворить критическаго ума" не избавляютъ его отъ обвиненій, которыя неминуемо предъявитъ къ нему его читатель.

Прежде всего, кажется страннымъ, какъ это въ сочиненіи, посвященномъ, въ сущности, вопросу о *свободѣ*, даже не упоминается духовная жизнь. Если познанная Истина дѣ-

лаетъ познавшихъ *свободными*, то, значитъ, непознаніе Истины оставляетъ человѣка въ рабствѣ. Очевидно, нельзя вопросъ объ „отвѣтственности“ секуляризировать и говорить въ этомъ отношеніи одно и то же, какъ о преп. Серафимѣ, такъ и о томъ, „на хребтѣ“ коего „работали вси начальницы страстей“. Свобода не есть *вещь*, всегда себѣ равная, не есть данность, а есть нѣкоторая заданность, которую требуется еще осуществить. А если это такъ, то отсюда слѣдуетъ уже прямая критика сочиненія о. Левковскаго. Желая во что бы-то ни стало защитить свободу *для всѣхъ* и, слѣдовательно, отрицая рабство тѣхъ, кто Истины не позналъ, онъ всякими правдами и неправдами старается *отбиться* отъ выразительныхъ заключеній моральной статистики. Но онъ только безсильно барахтается, и его заявленія о томъ, что никто не умираетъ отъ цифры смертности, или что цифра никого не заставляла убивать, напоминаютъ выкрики капризничающаго ребенка, уносимаго въ темную комнату и все кричащаго съ дороги: „Буду, буду...“ Не правильнѣе ли было бы о. Левковскому вдуматься въ смыслъ этихъ чиселъ и понять, что они твердятъ то же, что Евангеліе, Посланія и святые отцы, а именно, что нѣтъ свободы внѣ духовной жизни и что, слѣдовательно, общество, живущее грѣхомъ, *дѣйствительно* живетъ въ рабствѣ закону грѣха и послѣдствіямъ грѣха. Если же ему непремѣнно надо было полемизировать съ моральной статистикой, то для этого существуютъ пути иные. Таковъ, прежде всего, путь критики методовъ собиранія статистическихъ данныхъ: извѣстно напр., что иногда слишкомъ красивыя закономѣрности получались отъ небрежности доставлявшихъ статистическія свѣдѣнія, повторявшихъ, съ небольшими варіаціями, изъ году въ годъ старыя данныя; это выяснено для Германіи, гдѣ поддѣльныя данныя доставляли школьные учителя. А у насъ, гдѣ свѣдѣнія доставляются чаще всего священниками, я лично видывалъ, какъ графы заполняются числами выдуманными тутъ же, на основаніи какихъ-нибудь старинныхъ показаній. Я не хочу сказать, что такія поддѣлки *уничтожаютъ* заключенія моральной статистики, а не только искажаютъ ихъ, но лишь указываю о. Левковскому одинъ изъ важныхъ путей критики. Затѣмъ, предъ нимъ былъ еще путь, защищавшійся, между прочимъ, проф. П. А. Некрасовымъ и др.—это именно заключеніе такого рода: чѣмъ строже общественныя явле-

нія удовлетворяютъ закону большихъ чиселъ, тѣмъ болѣе они должны подчиняться формальному условію, при которомъ осуществляется этотъ законъ теоріи вѣроятностей; а условіе это—независимость явленій другъ отъ друга, т. е. неподчиненность ихъ какому бы-то ни было связующему ихъ закону. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе правильны результаты морально-статистическаго подсчета, тѣмъ далѣе явленія, статистикою изучаемыя, отъ какой бы-то ни было связи между собою, т. е. совершаются по причинамъ каждый разъ особымъ,—т. е., другими словами, *нѣтъ* никакой соціальной принудительности. Напротивъ, всякая соціальная принудительность вызвала бы рѣзкое нарушеніе закона большихъ чиселъ. Эпидемія самоубійствъ и т. д. есть нарушеніе законовъ моральной статистики. Итакъ, если люди кончаютъ жизнь самоубійствомъ, и число такихъ смертей—по закону большихъ чиселъ, это значитъ, что никакая „соціальная закономѣрность" не побудила ихъ къ тому, но что они совершили актъ *внутренней* свободы (а по христіански—внутренней несвободы).

Напрасно о. Александръ не познакомился съ критикою кетлэтизма въ *этомъ* направленіи, тѣмъ болѣе, что извращенность его понятій о теоріи вѣроятностей не изволила ему сдѣлать аналогичныхъ построеній самостоятельно. А до какой степени о. А—ръ ничего не понялъ въ теоріи вѣроятности, показываетъ хотя бы его утвержденіе, что если изъ урны съ равнымъ числомъ черныхъ и бѣлыхъ шаровъ достаточно долго вынимать шары по одному, то настанетъ такое время, когда бѣлые и черные станутъ чередоваться, и что яко бы это утверждаетъ теорія вѣроятностей. Неудивительно, что, при такомъ пониманіи теоріи вѣроятностей, онъ ничуть не понялъ закона большихъ чиселъ, такъ что критическія его замѣчанія напоминаютъ струю воды, брыжжущую не изъ наконечника пожарной трубы, а изъ случайно прорвавшагося отверстія сбоку. Понятно, слѣдовательно, что и построеніе его вовсе не удовлетворитъ читателя. Вѣдь смыслъ этого построенія сводится къ тому, что данныя моральной статистики можно разложить на *рядъ* соціальныхъ факторовъ, изъ коихъ большинство зависитъ отъ измѣнчивыхъ условій общественной жизни и, слѣдовательно, измѣнится съ исторіей. Отсюда о. Александръ заключаетъ, что статистическія закономѣрности лишь *кажутся* постоянными,—вслѣдствіе сравнительно медленнаго

хода исторіи. А далѣе, совершенно неожиданно, выводится слѣдствіе, что соціальная закономѣрность вполнѣ совмѣстима съ личною отвѣтственностью. Но естественно недоумѣвать тутъ, ибо у о. Александра понятіе *личности вообще* смѣшивается съ понятіемъ *данной личности*, и забывается, что свобода личности вообще отъ тѣхъ или другихъ условій общественной жизни ничего еще не говоритъ о свободѣ личности, живущей въ извѣстное время и въ опредѣленной странѣ. Эти разсужденія о. Ал—ра, несостоятельныя и сами по себѣ, тѣмъ менѣе убѣдительны, что, варварски расправившись на первыхъ *пяти* страницахъ съ вопросомъ о свободѣ воли и не подозрѣвая, повидимому, возможности обсуждать ноуменальную свободу, онъ лишь *психологически* рѣшаетъ эту, совсѣмъ не психологическую, задачу и воображаетъ, что доказалъ свободу—тѣмъ, что исключилъ одну *внѣшнюю необходимость* (стр. 6). Авторъ не чувствуетъ, что его отождествленіе свободы воли съ волевыхъ усиліемъ (стр. 6) весьма недалеко отъ *отрицанія* свободы.

Разсужденія Автора грѣшатъ и въ цѣломъ рядѣ промежуточныхъ звеньевъ. Такъ, на стр. 29, онъ утверждаетъ, якобы „однородныя явленія суть всегда слѣдствія однородныхъ причинъ“ и что будто это, кстати сказать, совершенно ложное положеніе,—„основной принципъ всякой науки“ На стр. 39-40, дается грубо-физіологическое истолкованіе „силы брачнаго стремленія“, съ полнымъ неупоминаніемъ мотивовъ религіозныхъ, нравственныхъ и пр. въ составѣ этого „стремленія“.

На стр. 68, законъ инерціи почему-то приписывается Кеплеру.

На стр. 76, выставляется диллема: или свобода невозможна въ мірѣ, или она есть въ человѣкѣ и, слѣдовательно, возможна въ мірѣ; и далѣе, вопреки сказанному, на стр. 6, объявляется: „Конечно, если держаться логики, то естественнѣе стать на сторону первой половины дилеммы, именно—что въ человѣческой дѣятельности нѣтъ свободы. Такъ обыкновенно и поступаютъ строго логическіе умы въ своемъ рѣшеніи поставленной дилеммы“.

Наконецъ, надо отмѣтить что о. А—ръ почему-то нигдѣ не считаетъ нужнымъ датировать книги, на которыя дѣлаетъ ссылки. Но, несмотря на всѣ эти промахи, повторяю, что своею искренностью и скромностью работа о. А—ра подку-

цаетъ въ свою пользу читателя. Степени кандидата богословія заслуживаетъ".

23) О сочиненіи студента *Лилеева Константина* на тему: „Историко-философская теорія проф. Карѣева. Роль личности въ исторіи".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Я не знаю никого изъ нашихъ соціологовъ, кромѣ проф. Карѣева, кто бы столь настойчиво могъ быть рекомендуемъ въ качествѣ руководителя для всѣхъ приступающихъ къ изученію соціологическихъ наукъ. Несомнѣнныя достоинства его трудовъ, дѣлающія изъ него надежнаго учителя, это— глубокая эрудиція, всесторонность обслѣдованія соціальныхъ проблемъ и осторожность въ выводахъ. Рѣшеніе каждой проблемы у проф. Карѣева предваряется обширными изысканіями по исторіи ея, многочисленными историко-литературными справками. Читатель вводится критически въ современное положеніе вопроса, такъ что для него логически предрѣшаются выводы. Въ рѣшеніи вопросовъ проф. Карѣеву болѣе всего чужда какая-либо односторонность; вѣроятно подъ давленіемъ своей эрудиціи онъ никогда не забываетъ и „другой стороны дѣла". Для богослова проф. Карѣевъ особенно интересенъ потому, что онъ принадлежитъ къ русской субъективной школѣ соціологіи (Лавровъ, Михайловскій, Южаковъ). Въ центрѣ его научныхъ интересовъ стоитъ человѣческая личность: онъ неустанно отстаиваетъ ея свободу, иниціативу въ исторіи. Творчество личности, а не саморазвитіе соціальной формы: вотъ его формула.

Г. Лилеевъ ставитъ своей задачей *изложить* историко-философскія воззрѣнія проф. Карѣева, причемъ особое вниманіе удѣляется уясненію роли личности въ исторіи. Автору пришлось затронуть многія изъ проблемъ методологіи исторіи и теоріи общества. Взаимное отношеніе психологіи, соціологіи и философіи исторіи,—задачи исторіософіи,—идея прогресса,—прогрессъ и эволюція,—теорія общества,—духовная культура и соціальная организація,—исторія прагматическая и исторія культурная, — причинность и эволюція,— личность и общество,—герои и толпа, — традиція и личная иниціатива... вотъ предметы, обсужденіе которыхъ въ исто-

рико-философскомъ міровоззрѣніи Карѣева прослѣживаетъ авторъ. Я не буду излагать содержанія сочиненія, потому что излагать изложеніе—задача крайне неблагодарная, — я укажу лишь на характеръ работы. Трудъ г. Лилеева заслуживаетъ рѣшительнаго одобренія. Онъ, съ теплою внимательностью къ темамъ, тщательно изучилъ многочисленныя сочиненія проф. Карѣева, вдумался въ его мысли, сжился съ духомъ его міровоззрѣнія, усвоилъ его языкъ. Взгляды проф. Карѣева изложены съ похвальною выпуклостью и отчетливостью. Авторъ не увлекся легкою возможностью отдѣлываться буквальными выписками, раздвигая ихъ обширностью размѣры своей тетради. Не отказываясь отъ буквальнаго повторенія характерныхъ формулировокъ излагаемаго мыслителя, авторъ свое вниманіе сосредоточиваетъ на передачѣ основныхъ мыслей—сжатой и опредѣленной, устанавливая связь между ними, какъ она усматривается при объективномъ изученіи. Мысли проф. Карѣева изложены вѣрно, ясно, связно и послѣдовательно. Внимательный ко всякому оттѣнку въ ходѣ сужденій излагаемой системы, авторъ сумѣлъ выдѣлить основное, удѣливъ ему преимущественное мѣсто и сдвинувъ все остальное на задній планъ съ меньшимъ освѣщеніемъ.

Недостатокъ работы г. Лилеева въ отсутствіи критическаго отношенія къ излагаемой системѣ, для чего потребовалось бы ближайшее знакомство съ соціологической и историко-философской литературой. Въ системѣ проф. Карѣева наиболѣе прочнымъ пунктомъ нужно признать тезисъ о сведеніи исторической закономѣрности къ психологическимъ и соціологическимъ законамъ,—по всѣмъ прочимъ пунктамъ остается просторъ для возраженій. Субъективный методъ соціологіи у проф. Карѣева остается столь же не оправданнымъ, какъ и у Михайловскаго. Не ясно различіе между исторіей, какъ наукой, и философіей исторіи,—не выясненъ принципъ выбора историческаго матеріала, не выявлена грань между субъективной оцѣнкой и объективнымъ отнесеніемъ къ цѣнности (Wertbeziehungen, Beziehung auf Werte въ отличіе отъ Werturteilen по терминологіи Риккерта). Проф. Карѣевъ то исторію сводитъ къ философіи исторіи, то философію исторіи сводитъ къ простой исторіи. Философія исторіи, по его воззрѣнію, есть изложеніе всемірной исторіи съ точки зрѣнія прогресса, а идея

прогресса опредѣляется субъективно. На лицо та философія исторіи, возможность которой, какъ науки, отвергаетъ Дильтей. Тутъ явный уклонъ къ Августину, Боссюэту, Лорану, Каро, Гратри, Лаволле. А между тѣмъ о своей „Философіи культурной и соціальной исторіи новаго времени“ проф. Карѣевъ въ предисловіи пишетъ, что она есть résumé его „Исторіи западной Европы въ новое время“. „Исторія—пишетъ онъ—подобна большой картинѣ со множествомъ фигуръ въ очень сложной комбинаціи. Объ этой картинѣ вы можете дать понятіе, снявъ съ нея, по возможности, точную, хотя и уменьшенную копію, съ тѣми же красками, какъ и въ оригиналѣ; можете дать понятіе также и въ гравюрѣ безъ красокъ, но съ отдѣлкой деталей, и въ рисункѣ съ менѣе тщательной обработкой подробностей, и въ бѣгломъ эскизѣ можете, наконецъ, дать понятіе, расказавъ о содержаніи картины безъ пояснительнаго даже чертежа, который воспроизводилъ бы дѣйствительное размѣщеніе фигуръ: настоящая книжка и есть такой разсказъ, ибо въ ней передается только общій смыслъ картины, а сама она совсѣмъ и не срисовывается“. Вотъ вамъ и философія исторіи. Далѣе—въ связи съ сказаннымъ—что такое исторіософія: есть ли она введеніе собственно въ философію исторіи, или проще—методологія историческаго знанія въ духѣ трудовъ Лаппо-Данилевскаго, Виппера, Хвостова? Если первое, то какъ же ее можно освободить отъ философіи исторіи? Проф. Хвостовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Разработка проблемы прогресса никоимъ образомъ не должна быть отдѣляема отъ изслѣдованія гносеологическихъ и методологическихъ вопросовъ, которое проф. Карѣевъ предлагаетъ сдѣлать предметомъ соціальной науки — исторіософіи. При такомъ раздѣленіи, философіи исторіи въ смыслѣ Карѣева грозитъ опасность превратиться въ догматическую дисциплину, гдѣ спекуляціи на тему о прогрессѣ въ исторіи будутъ производиться безъ достаточнаго критическаго фундамента“. Еще примѣръ. Проф. Карѣевъ, какъ и К. Паланть (*Очеркъ соціологіи*) различаетъ законы каузальные и законы эволюціонные. Съ этимъ можно спорить. (Ср. *Новыя идеи въ экономикѣ* № 5 стр. 10—11). Я ограничусь этимъ и не буду пересматривать другихъ пунктовъ историко-философской теоріи проф. Карѣева, которая со всѣхъ сторонъ открыта возраженіямъ.

Однако г. Лилеевъ не совсѣмъ уклонился отъ критики. На послѣднихъ страницахъ онъ дѣлаетъ оцѣнку изложенной теоріи. Наряду съ положительными чертами онъ указываетъ и отрицательныя. Въ системѣ проф. Карѣева нѣтъ мѣста личности, какъ абсолютной цѣнности. „По своему божественному началу личность возносится на религіозную высоту, получаетъ абсолютную цѣнность и является несоизмѣримой ни съ чѣмъ общественно-утилитарнымъ. Признанія за личностью этой именно абсолютной цѣнности мы и не видимъ у проф. Карѣева. При всемъ его уваженіи къ достоинству человѣческой личности, послѣдняя разсматривается лишь съ общественно-утилитарной точки зрѣнія, поскольку она служитъ прогрессу человѣчества. Но... общественно-утилитарное не заключаетъ въ себѣ ничего абсолютнаго, абсолютная цѣнность только въ человѣческой личности. Поскольку личность имѣетъ общественно-утилитарную цѣнность, постольку историко-философская теорія проф. Карѣева имѣетъ важное значеніе для этики, именно соціальной; поскольку же личность представляетъ собою абсолютную цѣнность, постольку теорія проф. Карѣева является совершенно непригодной для обоснованія нравственнаго поведенія“... Авторъ здѣсь подмѣчаетъ наиболѣе уязвимую сторону въ системѣ проф. Карѣева, для богословія наиболѣе заслуживающую вниманія. Ему нужно было бы развить эту мысль, освѣтивъ ею и субъективный методъ соціологіи.

Степени кандидата богословія авторъ вполнѣ заслуживаетъ“.

б) II. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Нужно полагать, что Авторъ настоящаго сочиненія „прочее время, живота своего“ намѣренъ „скончати“ въ пустынническихъ подвигахъ. По крайней мѣрѣ, послушаніе, проявленное имъ нынѣ,—если только оно взято сознательно—, вѣроятно вмѣнится ему въ начало подвига. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь цѣлый годъ онъ старательно ходилъ за воткнутымъ въ землю сукомъ „историко-философской теоріи“ проф. Карѣева и поливалъ его, ожидая прозябанія. Г. Лилеевъ не щадилъ трудовъ, удобряя почву около этого сука сочиненіями С. Н. Южакова, В. М. Хвостова, П. О. Лаврова, Н. Николаева, П. Барта, Х. Раппопорта, Исаева, Л. Уорда, Н. К. Ми-

хайловскаго, А. А. Бѣльтова, Рубакина, С. Казанскаго, Л. Слонимскаго, Н. Любовича, какого-то П. Б. (изъ „Русск. Бог.“), Н. Іорданскаго, П. Батина, М. Н. Цебриковой, Оболенскаго, Каткова (изъ „Рус. Бог.“), П. Н. Милюкова, К. Вейдемюллера, Н. Рожкова, Б. Сыромятникова, Р. Ю. Виппера и др., поименованныхъ въ концѣ диссертаціи. Ожидалось чудо— обоснованіе христіанской нравственности... на проф. Карѣевѣ; но т. к. ненужныхъ чудесъ не бываетъ, то не совершилось и этого чуда, и, вопреки всѣмъ стараніямъ, оказалось, что „вполнѣ пригодная для обоснованія утилитарной этики, историко-философская теорія проф. Карѣева не можетъ дать цѣннаго матеріала для обоснованія христіанской нравственности“ (стр. 153). Едва ли стоило продѣлывать работу столь обширную для результата столь скуднаго; но работа продѣлана старательно и изложена толково. Нельзя не удивляться при этомъ терпѣнію и кротости Автора, съ которыми онъ, на протяженіи 150-ти страницъ большого формата, напечатанныхъ на машинѣ, путешествуетъ по сиваиу Карѣевской философіи исторіи и даже воздерживается отъ собственныхъ мнѣній, позволяя себѣ лишь на послѣднихъ четырехъ страницахъ критику, состоящую почти изъ однихъ одобреній. Нужно полагать, что, раздраженный всѣмъ предыдущимъ блужданіемъ, Авторъ захотѣлъ сорвать свое раздраженіе на виновникѣ ихъ и потому издѣвается надъ заслуженнымъ профессоромъ. По крайней мѣрѣ весьма язвительно звучатъ заключительные выводы г. Лилеева, когда онъ пересчитываетъ, какія именно изъ заслугъ проф. Карѣева вызвали къ нему вниманіе самого Автора. Это именно, ipsissimis verbis (курсивъ вездѣ мой):

1) „Строгая *научность* историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣева--- Какъ позитивистъ и эволюціонистъ, проф. Карѣевъ *вѣритъ* лишь въ положительную науку, и потому всегда держится ясныхъ и точныхъ данныхъ *естественно-научнаго* знанія“. (Неужели нашъ Авторъ думаетъ, что научность, да еще строгая, заключается въ науковѣріи? Да и какое отношеніе имѣетъ вѣра въ „естественно-научное знаніе“ къ философіи исторіи? 2) „Умѣніе подъ однимъ угломъ собрать и освѣтить *всѣ* (!) выводы естестественныхъ и историко-философскихъ наукъ---“ (Да, для этого дѣйствительно требуется „умѣніе“!). 3) „Общій тонъ, такъ сказать — господствующее настроеніе автора. Его свѣтлый гуманный взглядъ на *естественныя* си-

лы культурнаго человѣка и на будущее нашей исторіи, красной нитью проходящій черезъ всѣ его разсужденія, вызываетъ *пріятное* чувство, которое рѣдко приходится испытывать при современномъ подавляющемъ господствѣ пессимизма. Проникнутый самъ благороднымъ оптимизмомъ, проф. Карѣевъ эту жизнерадостность вливаетъ въ души своихъ читателей. И съ этой стороны заслуга проф. Карѣева предъ русскимъ обществомъ по истинѣ огромна. Встрѣтить человѣка *вѣрующаго* (—о, какая иронія!—*П. Ф.*) *въ прогрессъ*, въ настоящее время—само по себѣ уже *утѣшительно* (!!), тѣмъ болѣе, когда эта вѣра проповѣдуется человѣкомъ науки (опять насмѣшка! ср. пунктъ 1-й. *П. Ф.*), располагающимъ всѣми данными для критическаго анализа дѣйствительности". 4) „Наконецъ, наиболѣе цѣннымъ для насъ въ историко-философскихъ воззрѣніяхъ проф. Карѣева является то, что въ нихъ нашло себѣ основательную критику ученіе, представляющее исторію какъ безличный, стихійный и роковой процессъ—"

Такъ-то вымещаетъ проф. Карѣеву нашъ авторъ за труды рабочаго года! Принимая во вниманіе стараніе, съ которымъ выполнена работа г. Лилеева, считаю его достойнымъ степени кандидата богословія".

24) О сочиненіи студента *Лобанова Василія* на тему: „Сумеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Задача, которая была поставлена г. Лобанову, состояла въ анализѣ проповѣдей Симеона Полоцкаго со стороны источниковъ. Авторъ предпочелъ совершенно уклониться отъ этой задачи. Не счелъ онъ нужнымъ и вообще утруждать себя обстоятельнымъ и детальнымъ изученіемъ произведеній, ограничившись поверхностнымъ ознакомленіемъ; по крайней мѣрѣ сочиненіе не даетъ ни малѣйшихъ поводовъ заподозрѣвать автора въ излишнемъ вниманіи къ первоисточникамъ. Главное свое вниманіе авторъ отдаетъ ученой литературѣ своего предмета. Эту литературу г. Лобановъ изучилъ съ удовлетворительной для студенческой работы полнотой и съ достаточнымъ трудолюбіемъ. Почти всѣ цитаты здѣсь онъ счелъ долгомъ провѣрить по самымъ памятникамъ по изданіямъ, имѣющимся въ академической библіотекѣ. Въ

результатѣ получился довольно толковый компилятивный трудъ, свидѣтельствующій, что авторъ использовалъ годъ съ значительной пользою для себя хотя и не для науки. Изъ другихъ недостатковъ сочиненія автору слѣдуетъ особенно поставить на видъ, что провѣрка чужихъ цитатъ не даетъ еще ему права выдавать ихъ за свои (стр. 15, 16, 19, 20, 23 и друг.), а отсутствіе тѣхъ или иныхъ изданій въ академической библіотекѣ не уполномочиваетъ на списываніе цитатъ безъ пониманія ихъ значенія (наприм. стр. 37 прим. 1). Въ планѣ сочиненія наблюдается несоразмѣрность: авторъ удѣляетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, мѣста второстепеннымъ сторонамъ предмета (напр. отдѣлъ о суевѣріяхъ стр. 64 и слѣд.) и очень мало и совершенно безцвѣтно изображаетъ болѣе важныя (наприм. догматическій и нравственный элементы въ проповѣдяхъ Симеона, стр. 77 и слѣд.).

Степени кандидата богословія авторъ можетъ быть удостоенъ".

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Послѣ общихъ біографическихъ свѣдѣній о Симеонѣ Полоцкомъ, студентъ Лобановъ говоритъ о состояніи проповѣди въ сѣверной Руси до прибытія въ Москву Симеона Полоцкаго и о внутренней и внѣшней сторонахъ проповѣди послѣдняго. Въ заключеніи г. Лобановъ опредѣляетъ значеніе проповѣдническихъ трудовъ Симеона Полоцкаго,

При написаніи своего сочиненія авторъ пользовался значительнымъ количествомъ источниковъ и пособій. Матеріалъ, собранный въ послѣднихъ, давалъ автору почти всѣ нужныя справки, что значительно облегчало его работу. Впрочемъ, рецензентъ долженъ отмѣтить, что, пользуясь пособіями, г. Лобановъ старался находить подкрѣпленіе своимъ сужденіямъ и не въ однихъ только этихъ пособіяхъ. Онъ обращался, прежде всего, къ самымъ сочиненіямъ Симеона Полоцкаго. Далѣе, онъ изучалъ историческій матеріалъ, разбросанный, иногда въ незначительныхъ дозахъ, по актамъ историческимъ, археологической экспедиціи и по др. первоисточникамъ. И это должно быть поставлено въ заслугу г. Лобанову.

Достаточно полное по содержанію, сочиненіе г. Лобанова обращаетъ на себя вниманіе въ одномъ отношеніи. Давъ краткую біографію Симеона Полоцкаго, авторъ съ 34-й страницы желаетъ подойти и къ самой характеристикѣ проповѣдической дѣятельности Симеона Полоцкаго. Но это ему не сразу удалось. Онъ приблизительно на сорока страницахъ изъ 183-хъ (общее количество) вращается или въ сферѣ самыхъ общихъ сужденій или же старается заинтересовать тѣмъ, что выходитъ за предѣлы его задачи. Такъ, напримѣръ, говоря о ворожбѣ, гаданіяхъ, какъ порокахъ, современныхъ Симеону Полоцкому, авторъ начинаетъ говорить о способахъ гаданія; о пріемахъ, какія употребляли колдуньи при своемъ колдовствѣ, что въ своихъ подробностяхъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи волшебства и гаданія на Руси, а не къ характеристикѣ проповѣдей Симеона Полоцкаго. Однако, на оставшихся у г. Лобанова для частной характеристики проповѣдей Симеона Полоцкаго приблизительно 110-ти страницахъ ему удалось отмѣтить особенности проповѣдей Симеона по ихъ построенію и настроенію и выяснить ихъ значеніе въ исторіи русской проповѣди. . . .

Степени кандидата богословія сочиненіе студента Лобанова заслуживаетъ".

25) О сочиненіи студента *Лобова Гавріила* на тему: „Ѳеофанъ, епископъ Тамбовскій, какъ проповѣдникъ".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Лобова представляетъ изъ себя живое и по мѣстамъ изящное изложеніе тѣхъ впечатлѣній, какія авторъ вынесъ изъ своего ознакомленія съ твореніями преосвящ. Ѳеофана Затворника и съ литературой о немъ. Представленіе, которое даетъ авторъ о Вышенскомъ затворникѣ-архипастырѣ, въ общемъ правильно и свидѣтельствуетъ, что авторъ въ удовлетворительной мѣрѣ потрудился надъ изученіемъ своего матеріала. Далеко нельзя сказать того же о выполненіи имъ своего сочиненія. Г. Лобовъ очень мало заботится о научной полнотѣ и обоснованности своихъ утвержденій. Планъ его, правда можно признать вполнѣ удовлетворительнымъ, охватывающимъ достаточно полно предметъ изслѣдованія: 1) біографическія свѣдѣнія о преосвящ. Ѳео-

фанѣ: 2) взглядъ преосвящ. Ѳеофана на проповѣдь; проповѣди Ѳеофана со стороны построенія; 3) нравственно-аскетическій моментъ въ проповѣдяхъ, 4) догматическій элементъ въ проповѣдяхъ: 5) экзегетическій элементъ въ проповѣдяхъ; 6) современность проповѣдей Ѳеофана; 7) проповѣди Ѳеофана со стороны формы; 8) мѣсто преосвящ. Ѳеофана въ исторіи русской проповѣди. Къ сожалѣнію каждая отдѣльная глава здѣсь представляетъ собою скорѣе рядъ случайныхъ замѣчаній, наблюденій и попавшихъ подъ руку выдержекъ, чѣмъ серьезную трактацію предмета; это—изложеніе именно *впечатлѣній* отъ изученнаго, но не научно-обоснованныхъ результатовъ научныхъ изысканій. Не мало вредитъ автору при этомъ недостатокъ теоретико-гомилетической подготовки: авторъ обнаруживаетъ довольно смутныя представленія въ сферѣ основныхъ гомилетическихъ понятій и терминовъ (напр. стр. 261); робкія попытки опереться на гомилетическія воззрѣнія проф. М. М. Тарѣева автору не всегда удаются (напр. стр. 184—185).

При всемъ томъ трудъ г. Лобова остается интереснымъ очеркомъ жизнедѣятельности незабвеннаго Вышенскаго затворника, сдѣланнымъ съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и дающимъ автору право на степень кандидата богословія".

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Епископъ Ѳеофанъ оставилъ о себѣ память и какъ архипастырь аскетъ и какъ проповѣдникъ. Студентъ Лобовъ и взялъ на себя трудъ дать характеристику личности епископа Ѳеофана, какъ проповѣдника.

Авторъ въ цѣломъ правильно понялъ свою задачу, предпославъ частной характеристикѣ епископа Ѳеофана, какъ проповѣдника, его біографію. Біографическія свѣдѣнія въ значительной степени уясняютъ особенности проповѣдей еп. Ѳеофана.

Въ частности, авторъ вѣрно отмѣчаетъ нравственно-аскетическій, догматическій и экзегетическій элементъ въ проповѣдяхъ Ѳеофана.

Но заключительный выводъ г. Лобова (гл. 7-ая) о мѣстѣ преосвященнаго Ѳеофана въ исторіи русской проповѣди наводитъ на нѣкоторыя размышленія. Нашъ авторъ старается провести рѣзкое разграниченіе между проповѣдями митро-

полита Филарета—съ одной стороны, и епископа Ѳеофана—съ другой. И вотъ сужденія автора по этому вопросу. „Въ періодъ богословскаго воспитанія преосв. Ѳеофана въ проповѣдничествѣ русскомъ можно различить довольно опредѣленно два направленія: московское и кіевское. Выразителемъ перваго *считается обыкновенно* (?) митрополитъ Филаретъ, а второго—Иннокентій". „Первое направленіе характеризуется, какъ *догматико-теоретическое*, вообще болѣе отвлеченное. Второе направленіе—болѣе *практическое, жизненное*, гдѣ большее мѣсто предоставляется чувству, *претендующее* (?) на эффектъ". Мы не взяли бы на себя смѣлости на основаніи Филарета и Иннокентія признавать съ рѣшительностью наличность двухъ направленій проповѣдничества—кіевскаго и московскаго, и характеризовать первое какъ *жизненное, практическое*, а второе, какъ *отвлеченное, догматическое*. И далѣе, можно ли назвать „*практическимъ*", „*жизненнымъ*" то, что претендуетъ „*на эффектъ*"?.

Такимъ образомъ самый заключительный выводъ автора отличается неясностью и спутанностью сужденій.

Вообще, автору не удалось отнести проповѣди епископа Ѳеофана къ какому-либо опредѣленному типу проповѣдей. Вѣрно у него лишь одно, что проповѣдническое слово святителя Ѳеофана вращается въ области внутренней сокровенной жизни... Для обоснованія этой мысли у автора даны достаточныя предпосылки.

Но если авторъ погрѣшаетъ въ выводахъ, то онъ все же располагалъ достаточнымъ фактическимъ матеріаломъ. Онъ хорошо ознакомился съ проповѣдническими трудами епископа Ѳеофана и привлекъ значительную литературу, такъ или иначе относящуюся къ предмету его работы.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе студента Лобова можно признать достаточнымъ".

26) О сочиненіи студента *іеромонаха Іоанна* (*Маргіева*) на тему: „Отношеніе Византійскихъ императоровъ къ вселенскимъ соборамъ".

а) Бывшаго и. д. доцента *Н. Д. Кузнецова*:

„Сочиненіе іеромонаха Іоанна (Маргіева) „Отношеніе Византійскихъ императоровъ къ вселенскимъ соборамъ" пред-

ставляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе. Оно состоитъ изъ Введенія, 8 отдѣловъ и краткаго резюме и занимаетъ 433 страницы, печатанныя на пишущей машинѣ.

Вопросъ объ отношеніи императоровъ ко вселенскимъ соборамъ вообще недостаточно разработанъ. Для уясненія его автору пришлось изучить обширную литературу, которая въ томъ или другомъ отношеніи касается этого вопроса. Въ этой литературѣ авторъ собиралъ разныя свѣдѣнія, которыя изложены имъ въ системѣ и хорошо освѣщаютъ вопросъ. Самое изслѣдованіе сдѣлано широко. Въ сочиненіи о. Іоанна отмѣчены не только свѣтлыя, но и темныя стороны участія византійскихъ императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ. Однако ни тѣ ни другія явленія въ этой области не подавляютъ мысль автора. Приводя разные историческіе факты, авторъ не забываетъ выяснять идейную сторону вопроса и старается уяснить понятія и взгляды того времени. Разсмотрѣніе отношенія византійскихъ императоровъ ко вселенскимъ соборамъ даетъ немало матеріала и по важнѣйшему современному вопросу объ отношеніи Церкви и государства, на что авторомъ также обращено должное вниманіе.

Вообще же сочиненіе іеромонаха Іоанна, по моему мнѣнію, представляетъ изъ себя достойный вниманія трудъ и съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями могло бы быть допущено даже на соисканіе степени магистра. При такихъ условіяхъ естественно, что для полученія степени кандидата оно болѣе, чѣмъ достаточно".

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Интересный и довольно сложный вопросъ объ отношеніи Византійскихъ императоровъ къ Вселенскимъ соборамъ уже не однажды затрогивался въ трудахъ по каноникѣ и исторіи. Этимъ опредѣлялась необходимость для нашего автора ознакомиться съ большою литературою взятаго имъ для изученія вопроса. И авторъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ сдѣлалъ это, обнаруживъ способность оріентироваться въ обширномъ историческомъ матеріалѣ, соприкасающемся съ темою, взятою имъ для разработки. Онъ далъ богатыя справки изъ трудовъ извѣстныхъ канонистовъ. Но эти справки не были только выраженіемъ довѣрія автора къ чужимъ, хотя бы и очень авторитетнымъ, предположеніямъ и выводамъ.

Онъ всюду старается свѣрить эти сужденія и предположенія съ данными его первоисточниковъ, каковы, напримѣръ, „Дѣянія вселенскихъ соборовъ“, труды Евсевія, Евагрія, Сократа, Созомена. Знакомство съ этими первоисточниками дало автору возможность отрѣшиться отъ слишкомъ субъективнаго взгляда нѣкоторыхъ канонистовъ и историковъ, видящихъ во вліяніи императоровъ на ходъ церковной жизни источникъ если не всѣхъ, то многихъ золъ.

Указывая формы взаимоотношенія Церкви и византійскихъ императоровъ, авторъ старательно выясняетъ, чѣмъ была обязана церковь Византійскимъ Императорамъ при созывѣ Вселенскихъ соборовъ.

Признавая, въ виду сказаннаго, трудъ о. Іоанна серьезною работой, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что нѣкоторыя справки изъ первоисточниковъ авторъ даетъ по переводамъ безъ надлежащей повѣрки ихъ. Нѣкоторыя приводимыя авторомъ выдержки изъ пособій могли бы быть нѣсколько сокращены, отъ чего содержаніе сочиненія не измѣнило бы характера, а собственныя сужденія автора выступили бы опредѣленнѣе.

Въ цѣломъ же мы должны признать трудъ о. Іоанна обстоятельной кандидатской работой, которая въ печатномъ видѣ, по исправленіи ея, могла бы быть представлена на соисканіе слѣдующей ученой степени какъ полезное восполненіе нашей церковно-исторической литературы. Мы находимъ, поэтому, возможность оцѣнить трудъ автора полнымъ балломъ“.

27) О сочиненіи студента *Нечаева Тихона* на тему: „Древне-русскія житія юродивыхъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„Сочиненіе Т. Нечаева (послѣ краткаго предисловія) распадается на III части: первая, наиболѣе обширная, представляетъ собою историко-критическій разборъ древне-русскихъ житій 14-ти юродивыхъ; вторая, небольшая, является оцѣнкой житій, какъ литературнаго памятника и историческаго источника; въ третьей части помѣщены три приложенія — сказанія о юродивыхъ изъ Поморскаго Сборника, принадлежавшаго Ключевскому.

Главная часть сочиненія представляетъ собою довольно тщательную работу съ обращеніемъ къ рукописямъ. До-

статочная начитанность въ агіографической письменности не только древне-русской, но и восточной помогла автору отыскать источники житій, прежде признававшихся самостоятельными, оригинальными, и тѣмъ указать болѣе скромное ихъ историческое и литературное значеніе. Оказывается, что подвиги нѣкоторыхъ юродивыхъ нашей древности описывались дословно, напримѣръ, по житію Андрея юродиваго Цареградскаго, и возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ простою компиляціею жизнеописателя, или подвижникъ русскій на самомъ дѣлѣ повторялъ подвиги своего Цареградскаго образца... Бываютъ заимствованія изъ житія одного русскаго юродиваго въ житіе другого, и опять является аналогичный вопросъ. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются пропуски и ошибки, правда малочисленные. Изложивъ мнѣніе протоіерея Кузнецова о народной редакціи житія Василія Блаженнаго, г. Нечаевъ пишетъ: „не будемъ говорить, насколько правиленъ взглядъ (о. Кузнецова) на эти легенды". (183). Но вѣдь прямая обязанность нашего автора именно въ томъ и состояла, чтобы высказать свое основательное сужденіе по этому и подобнымъ вопросамъ. Трактуя о житіи Михаила Клопскаго въ редакціи Василія Тучкова, авторъ заявляетъ о ссылкѣ Тучкова на Степенную книгу (44), т. е. повторяетъ ошибку, теперь уже исправленную г-мъ Васенко.

Но эти недочеты не лишаютъ сочиненіе его цѣнности и основательности".

б) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова:*

„Древне-русская агіобіографическая литература, какъ извѣстно, вовсе не соотвѣтствуетъ въ сущности тому представленію о ней т. наз. широкой публики, по которому житія святыхъ являются если и не сборниками полныхъ, болѣе или менѣе подробныхъ, біографическихъ свѣдѣній о ихъ жизне-дѣятельности, то во всякомъ случаѣ—произведеніями, заключающими въ себѣ *фактическій* матеріалъ, взятый изъ личной, индивидуальной, этому только святому свойственной жизни. Житія святыхъ—это такая исключительная (по своимъ особенностямъ) область, куда—какъ само собою предполагается непосредственнымъ вѣрующимъ сознаніемъ—менѣе всего можетъ имѣть доступъ свобода писательскаго измышленія или наличность сознательнаго обмана. На самомъ

же дѣлѣ этого рода письменность не столько выросла на основѣ историческихъ данныхъ, сколько сложилась подъ условіями внѣшними къ біографическому матеріалу. Прежде всего лишнюю, а часто и ложную окраску внесло въ житійную сферу литературное вліяніе соотвѣтствующихъ параллелей восточной, въ частности Византійской агіобіографіи. Особенно это нужно сказать про періодъ т. наз. „искусственнаго стиля" (съ кон. XV до втор. пол. XVII вв.), когда, подъ вліяніемъ выработаннаго уже довольно опредѣленнаго взгляда на внѣшнюю форму житій, простое, безыскусственное, „не ухищренное различными словесы" изложеніе біографическихъ свѣдѣній того или другого лица совершенно уже не удовлетворяетъ (привыкшій къ извѣстной искусственности) вкусъ читателя. Теперь, чтобы сухіе факты правдиваго, но „грубаго писанія" не заставляли стыдиться ихъ автора и не вызывали къ себѣ презрительнаго отношенія потребителя (см. напр. исторію „Житія начальниковъ Соловецкихъ") непремѣнно требовалось украсить „словесы" привнесеніемъ опредѣленныхъ чертъ условнаго „добрословія". Въ другихъ случаяхъ происходила уже опредѣленная подмѣна несомнѣнно-историческихъ біографическихъ данныхъ литературнымъ трафаретомъ, что вынуждалось необходимостію, такъ какъ чаще всего житія составлялись въ настолько позднее время по смерти изображаемаго лица, когда сказанія о его иноческихъ трудахъ изгладились (при отсутствіи положительныхъ записей) изъ памяти народной, а подвиги потеряли свою специфическую окраску. Да, наконецъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда еще живы были нужныя воспоминанія, самый ихъ источникъ, — напр. народное преданіе — часто являлся до извѣстной степени подозрительнымъ по своей достовѣрности передаваемыхъ имъ историко-индивидуальныхъ чертъ данной личности. Слѣд. агіобіографическая литература требуетъ во всякомъ случаѣ весьма осторожнаго къ себѣ отношенія. Тщательный критическій анализъ, выдѣляющій отслоенія писательскихъ традицій, слѣды литературныхъ позаимствованій, и устанавливающій научную цѣнность источниковъ, долженъ предварять всякое агіобіографическое произведеніе, которое историкъ имѣетъ въ виду использовать въ качествѣ подходящаго матеріала. Подобнаго рода задачу по отношенію къ древне-русскимъ

житіямъ юродивыхъ, т. е. той именно области, которая въ извѣстной работѣ В. О. Ключевскаго осталась еще не достаточно обслѣдованною, предстояло выполнить г. Нечаеву Тихону въ его курсовой работѣ. И эту задачу авторъ выполнилъ достаточно успѣшно. Въ подвергнутыхъ изслѣдованію 14 житіяхъ, которыя (за исключеніемъ житія Исаакія Печерскаго) относятся къ эпохѣ „условнаго" стиля агіобіографической письменности, авторомъ указаны: *1*, побудительныя причины къ написанію житій; *2*, источники ихъ происхожденія:—а., изустное въ простонародной передачѣ преданіе (напр. 2 ред. житія Михаила Клопскаго, 45 стр.); б., легенды (ж. Исидора Ростовскаго, 110 стр., ж. Василія Блаженнаго по новому списку, 171 стр.); в., записи монастырскія (ж. Прокопія Вятскаго, 151с.; ж. Лаврентія Калужскаго, 166 стр.);—г., записи приходскаго духовенства—отца духовнаго (ж. Прокопія Вятскаго, 199 стр.);—священника (жж. Іоанна Устюжскаго, 75 стр.; Іоанна Ростовскаго, 150 стр.); д., записи современниковъ — очевидцевъ (жж. Исидора Ростовскаго, 124 стр.; Іоанна Московскаго, 140 стр.); *3*, слѣды искусственнаго „доброcловія" (напр. ж. Іоанна Устюжскаго, 107 стр.) и непосредственнаго литературнаго вліянія (жж. Исаакія Печерскаго, стр. 8—13; 2 ред. Михаила Клопскаго, 20—21 стр.; Іоанна Ростовскаго 153—165 стр.; Исидора Ростовскаго, стр. 111—123. Особенно интересны наблюденія въ послѣдней области, гдѣ авторъ посредствомъ сопоставленія текстовъ устанавливаетъ положительную связь житій, напр., Прокопія Устюжскаго (55 стр.) и особенно Іоанна Устюжскаго (стр. 97—106) съ житіемъ Цареградскаго Андрея. Общія черты, которыми въ послѣдующихъ житіяхъ стали изображать древнерусскихъ юродивыхъ, взяты несомнѣнно изъ Византійской агіобіографіи. Во второй части работы (стр. 186—209) объединены частные выводы произведеннаго анализа и дана заключительная характеристика житій юродивыхъ, какъ историческаго источника.

Правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего изслѣдованія автору пришлось имѣть дѣло съ разобраннымъ уже матеріаломъ (въ трудахъ Ключевскаго и о. Кузнецова), но все же бо́льшую долю работы онъ продѣлалъ съ сырымъ матеріаломъ, что, конечно, составляетъ одно изъ положительныхъ достоинствъ сочиненія. Даже не всѣ житія юродивыхъ из-

даны: половиною ихъ пришлось пользоваться по рукописямъ библіотекъ—нашей Академической, Лаврской, Синодальной и особенно „Поморскимъ Сборникомъ“ В. О. Ключевскаго. Хорошую сторону сочиненія составляетъ также сжатость его изложенія, хотя это послѣднее часто страдаетъ шероховатостью языка (напр. неудачныя построенія фразъ—стр. 107, 139, 150 и др.). Самую же переписку слѣдовало поручить болѣе грамотному лицу. Степени кандидата богословія г. Нечаевъ Тихонъ достоинъ“.

28) О сочиненіи студента *Оглоблина Аркадія* на тему: „Исторія Ассиріи и книга пророка Наума“.

а) Доцента іеромонаха *Варѳоломея* (*Ремова*):

„Г. Оглоблинъ трудился надъ своей темой болѣе года: его сочиненіе представляетъ собой работу серьезную и свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ предметомъ его изслѣдованія. Въ сочиненіи сначала дается очеркъ Ассиріи, а затѣмъ изслѣдуется библейскій памятникъ, въ цѣломъ своемъ представляющій Massa на Ниневію,—книга пророка Наума.

Работа г. Оглоблина очень не поражаетъ съ внѣшней стороны своимъ объемомъ. За то при чтеніи ея невольно поражаешься ея внутренней емкостью. Авторъ очень любитъ древнюю исторію, живо интересуется своей темой, и въ его сочиненіи рецензентъ имѣетъ дѣло не съ недостаточностью матеріала, а съ избыткомъ его. Г. Оглоблинъ имѣетъ возможность много сказать читателю, но высказываетъ лишь немногое, самое существенное по его мнѣнію. Поэтому авторъ кратокъ, довольно часто прямо конспективенъ въ своемъ изложеніи. Но вотъ, то-то и хорошо, что такая краткость объясняется суммарностью изложенія, и предметъ изслѣдованія предстаетъ предъ умственнымъ взоромъ читателя въ ясныхъ, отчетливыхъ очертаніяхъ. Правда, сочиненіе носитъ характеръ эскиза, но въ немъ нѣтъ, именно, блѣдности и туманности, печальныхъ слѣдствій малаго, недостаточнаго знакомства съ предметомъ. Эскизы г. Оглоблина ярки и красочны: они прямо насыщены матеріаломъ. Сужденія г. Оглоблина довольно часто мало аргументированы, его характеристики иногда состоятъ изъ двухъ-трехъ смѣлыхъ штриховъ, онъ позволяетъ себѣ только высказывать положенія и ихъ

не доказывать. Это потому, что для него, очень тщательно и основательно познакомившагося съ матеріаломъ, въ значительной степени изучившаго богатую литературу своего предмета, очень многое кажется достаточно и такъ извѣстнымъ, яснымъ, понятнымъ. И вотъ нашъ авторъ точно забываетъ о читателѣ, преподнося ему только краткій сжатый очеркъ по существу весьма основательный, но внѣшне иногда недостаточно убѣдительный, благодаря цѣлому ряду сужденій, для которыхъ нужна была бы почва фактовъ, но фактовъ не указывается... Авторъ, конечно, долженъ свою незаурядную работу вынести на свѣтъ Божій, долженъ показать процессъ ея предъ читателемъ, чтобы не всуе былъ находящійся въ его рукахъ большой и хорошо изученный имъ матеріалъ. Здѣсь вмѣстѣ съ этимъ мы подчеркнемъ, что г. Оглоблинъ очень суровъ къ своей работѣ: видно, что взято имъ въ сочиненіе (какимъ оно представлено) только то, что онъ считаетъ вполнѣ обработаннымъ, совсѣмъ отдѣланнымъ. Эту строгость автора къ своему слову и мысли мы считаемъ его большимъ достоинствомъ и въ ней усматриваемъ ручательство за успѣхъ его дальнѣйшей работы надъ предметомъ своего изслѣдованія. Съ удовольствіемъ отмѣчая, что г. Оглоблинъ выполнилъ данныя ему указанія, и съ еще большимъ удовлетвореніемъ признавая значительность положеннаго имъ самостоятельнаго труда, мы усиленно рекомендуемъ нашему автору съ проявленною имъ настойчивостью разработывать дальше въ ширь и въ глубь свое изслѣдованіе. Для этого у него есть дарованія и интересъ къ предмету и умѣнье.

Продолжать работу у г. Оглоблина есть два сильныхъ побужденія: одно даетъ ему наука въ ея современномъ состояніи,—другое—его собственное сочиненіе. Книга Наума по самому характеру своему можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія только въ связи съ изученіемъ исторіи Ассиріи: это очевидное для библеиста положеніе сознавалъ ученый предшественникъ г. Оглоблина по изслѣдованію книги Наума—М. Симашкевичъ (нынѣ Архіеп. Митрофанъ), приблизительно такъ же формулировавшій тему и своего изслѣдованія (СПБ. 1875). Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже почти сорокъ лѣтъ; за это время измѣнились во многомъ пріемы изслѣдованія священныхъ книгъ, еще рѣзче выступ-

пили апологетическія задачи изученія Библіи, завоевалъ себѣ прочныя симпатіи историческій методъ изслѣдованія. Но особенно нужно считать, что пора бы появиться ученому труду о книгѣ пророка Наума, потому, что ассиріологія ушла далеко отъ того состоянія, въ какомъ она была въ моментъ появленія книги Симашкевича. Древняя Ниневія возстала изъ-подъ праха земного, благодаря самоотверженной работѣ производившихъ раскопки и ученыхъ, разработывавшихъ найденный матеріалъ. Историческая перспектива, въ которой слѣдуетъ научно разсматривать книгу Наума, такъ красочна и такъ многозначительна, что нужно и ее изучить по возможности всесторонне и тщательно и самую книгу Наума на ея фонѣ. Эту работу и долженъ выполнить г. Оглоблинъ. Мы въ правѣ ожидать отъ него широко и основательно написаннаго изслѣдованія, потому что своею прекрасною кандидатскою работою онъ показалъ, что можетъ это сдѣлать. Будущая солидная ученая работа намъ здѣсь дана, да будетъ позволено такое сравненіе, въ завязи. Мы хотимъ сказать, что, разумно намѣтивъ для своего кандидатскаго сочиненія скромныя рамки, г. Оглоблинъ подъ напоромъ своего огромнаго матеріала мѣстами „прорывается", даетъ на нѣкоторыхъ страницахъ своего небольшого, но хорошо отдѣланнаго сочиненія частные экскурсы очень детально разработанные; это, мы сказали бы, этюды къ будущей картинѣ (стр. 6—8, 25, 136—138 и др.).

Итакъ трудъ г. Оглоблина нуженъ, и написать его онъ можетъ и долженъ,—онъ долженъ продолжать свою работу и дать серьезную магистерскую диссертацію.

Г. Оглоблину слѣдуетъ, соотвѣтственно уклону его способностей, спеціализироваться на исторіи Востока, частнѣе на исторіи Ассирійской державы. Если для своей кандидатской работы онъ слѣдовалъ въ значительной степени западнымъ ассиріологамъ въ изображеніи жизни древней Ниневіи (и хорошо дѣлалъ), то теперь онъ уже достаточно оріентировался въ матеріалѣ. Теперь онъ могъ бы дать исторію Ассиріи по первоисточникамъ прежде всего, а литературой предмета пользоваться, какъ матеріаломъ второстепеннымъ.

Книгу Наума г. Оглоблину рекомендуется еще тщательнѣе изучить въ текстологическомъ отношеніи и въ ея идейномъ соотношеніи съ прочими ветхозавѣтными священными писателями. Г. Оглоблинъ читаетъ Keilinschriftliche Bibliothek и

разбирается въ ней; книгу Наума онъ имѣетъ возможность читать въ еврейскомъ подлинникѣ, въ переводѣ 70-ти и въ латинскомъ, по крайней мѣрѣ: значитъ онъ и можетъ и долженъ текстъ священной книги изслѣдовать детально... (ср. стр. 145). Автору не худо бы потщательнѣе проштудировать небольшую книжку P. Haupt'a The Book of Nahum (Baltimore, 1907). Что же касается до установленія идейной связи книги Наума съ прочими пророками, то г. Оглоблинъ это уже сдѣлалъ (стр. 138—140), но, чѣмъ больше онъ познакомится со всею Библіею, тѣмъ лучше будетъ ему и при истолкованіи отдѣльныхъ стиховъ и при обобщеніи этого въ отдѣльномъ очеркѣ. Только такой очеркъ лучше будетъ дать въ концѣ трактата о книгѣ Наума—въ результатѣ истолкованія ея.

Ясна, далѣе, потребность въ серьезномъ заключительномъ очеркѣ, который бы отчетливо резюмировалъ все изслѣдованіе, всѣ его данныя и выводы. Дѣло вотъ въ чемъ: по самому характеру темы задача г. Оглоблина—соотнести изображенія жизни Ниневіи во внѣ-библейскихъ памятникахъ и въ книгѣ пророка Наума. Г. Оглоблинъ это дѣлаетъ и дѣлаетъ съ своеобразнымъ искусствомъ. Онъ незамѣтно сцѣпляетъ свои очерки въ одно цѣлое, и чувствуется хорошій цементъ, прочно проникшій во внутрь его построеній. Очень скоро внимательный читатель, если будетъ вдумчиво читать „вторую часть“ работы г. Оглоблина, усмотритъ, что взору автора въ ней постоянно предносится жизнь Ассиріи, пожалуй даже болѣе въ детальномъ освѣщеніи, чѣмъ это дано у него въ „первой части“. Но выходитъ опять, что авторъ не руководитъ читателя, а заставляетъ его самого не безъ труда додумываться до многаго. Необходимо повыкуплѣе представить общность съ книгою Наума свидѣтельствъ клинописной ассирійской литературы. Заключительный очеркъ, впрочемъ, нуженъ не только для читателя, онъ нуженъ и для самого автора. Онъ, быть можетъ, вернулъ бы иногда этого послѣдняго къ доразслѣдованію нѣкоторыхъ интересныхъ вопросовъ... Сочиненію это придастъ законченность.

Мы высказываемся о литературной сторонѣ сочиненія г. Оглоблина съ одобреніемъ. Несмотря на трудность предмета сочиненіе читается легко, хотя мы никакъ не можемъ назвать его легковѣснымъ: авторъ сумѣлъ пройти между Сциллой и Харибдой. Все же стиль сочиненія болѣе изобра-

зительный, чѣмъ точный и не всегда безупречный (стр. 1, 35, 44, 60, 61, 79, 122—убогій дворецъ, точнѣе лачуга, и др.).

Доказательная сторона сочиненія оставляетъ возможность придраться къ ней (этого мы уже отчасти коснулись). Прежде всего автору рекомендуется цитировать свои источники и пособія не только съ точностью (его неотъемлемое достоинство), но и подробно. Тѣмъ болѣе авторъ не долженъ говорить: „какъ теперь твердо установлено наукой", и вмѣстѣ съ этимъ не приводить свидѣтельствъ этой установленности (какъ на стр. 127—128). Мѣстами чувствуется необходимость если не въ разъясненіи, то хотя бы въ авторитетной цитатѣ (стр. 19, 38, 128, 130).

Но справедливость требуетъ признать, что наши desideria суть плодъ повышенныхъ требованій къ труду г. Оглоблина. Цитація у него въ общемъ очень точная и, пожалуй, скрупулезная,—на рѣдкость,—и свидѣтельствуетъ объ ученой чистоплотности г. Оглоблина: повышенное требованіе, чтобы она была и подробною, рождается именно этимъ свойствомъ его работы. Г. Оглоблинъ не увеличиваетъ перечня своихъ пособій указаніемъ той литературы, которая не имѣетъ отношенія къ его работѣ. Но то, что имъ дѣйствительно изучено, превышаетъ обычные для кандидатскихъ работъ размѣры. Только увлеченіе предметомъ можетъ заставить такъ работать надъ тѣмъ труднымъ матеріаломъ, который надлежало изучить г. Оглоблину. Г. Оглоблинъ добросовѣстно искалъ изслѣдованій своего предмета въ нѣмецкой и англійской литературѣ. Свою литературу г. Оглоблинъ изучилъ весьма добросовѣстно, а вѣдь ему предстояло преодолѣть и такіе капитальные труды, какъ Rawlinson'a, Vigouroux, Winkler'a, Urquhart'a (не говоримъ о прочихъ изслѣдованіяхъ меньшихъ по объему, но весьма серьезныхъ и трудныхъ для изученія). За то г. Оглоблинъ вполнѣ оріентировался въ своей ученой области. Въ его краткомъ, но выразительномъ способѣ трактаціи сквозитъ ясное, отчетливое знакомство съ предметомъ. Его очеркъ исторіи Ниневіи серьезно и даже краснорѣчиво защищаетъ непоколебимость авторитета Библіи, а его рѣчь о книгѣ Наума даетъ рельефную характеристику пророка. Въ своемъ комментаріи книги Наума г. Оглоблинъ не далъ детальнаго анализа текста священной книги, но его краткое толкованіе является вполнѣ достаточнымъ для его цѣли:

обращаемъ вниманіе на то, что авторъ весьма умѣло использовалъ толкованія патристическаго періода, особенно Θеодора Мопсуестійскаго.

Г. Оглоблинъ не далъ въ заключеніе своего сочиненія его résumé: онъ считалъ вопросъ разъясненнымъ на протяженіи самаго сочиненія. Думается, рецензентъ его сочиненія находится въ еще болѣе опредѣленномъ положеніи. Его выводъ ясенъ, но тѣмъ не менѣе необходимо поставить точку надъ і. Г. Оглоблинъ именно *заслуживаетъ* степени кандидата богословія: онъ ея *достоинъ*. Сочиненіе нашего автора—отличное, и мы позволяемъ себѣ его рекомендовать особому вниманію Совѣта Академіи".

б) Экстраординарнаго профессора *священника Иліи Гумилевскаго:*

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ защищаетъ такъ формулированную тему тѣмъ, что книга пророка Наума „съ 40—50 годовъ прошлаго столѣтія, когда на мѣстѣ древней Ниневіи стали производиться раскопки, получила особый литературно-историческій интересъ". „Этотъ литературно-историческій интересъ, говоритъ авторъ, а также и богословскій, побуждаетъ и насъ, въ связи съ изслѣдованіемъ исторіи ассирійскаго царства, заняться изученіемъ этой цѣнной для ассиріологіи книги пророка Наума" (I—II). И надо отдать справедливость автору: его интересъ чувствуется и выдерживается на протяженіи всего сочиненія, что сообщаетъ ему единство настроенія и держитъ его на высотѣ современнаго научнаго интереса.

Авторъ выполнилъ свою работу на основаніи ассіріологической литературы Запада, преимущественно нѣмецкой, и соотвѣтствующихъ святоотеческихъ толкованій. Отношеніе автора къ чужимъ мыслямъ—осторожное, вдумчивое и вполнѣ добросовѣстное. При иномъ отношеніи онъ могъ загромоздить свою работу многочисленными цитатами, что удвоилобы и даже утроило объемъ его небольшого по виду, но многосодержательнаго сочиненія (стр. 1—176).

Сочиненіе естественно распадается на двѣ части. Въ первой, начиная останками древней Ниневіи, авторъ переходитъ къ исторіи ея знаменитыхъ раскопокъ и ихъ результатовъ, во свѣтѣ которыхъ и на основаніи старыхъ данныхъ и построяется далѣе имъ самая исторія Ассиріи. Такъ построен-

ная исторія получаетъ особенный смыслъ при сопоставленіи съ библейскими свидѣтельствами: свидѣтельства библейскія получаютъ научное разъясненіе и подтвержденіе, а свидѣтельства научныя—священную санкцію. Авторитетъ Библіи свято охраняется и лишь подтверждается новыми данными. Тѣмъ самымъ пролагается путь къ научному комментарію Библіи. Языкъ автора въ этой части въ общемъ языкъ хорошаго историка: мысль—ясная, фраза—краткая, термины—опредѣлившагося смысла.

Первою частью сочиненія авторъ обезпечилъ себя историческимъ фономъ для второй части, гдѣ онъ при свѣтѣ новыхъ и святоотеческихъ данныхъ изъясняетъ всю книгу пророка Наума. Тамъ, гдѣ авторъ находитъ нужнымъ, сопоставляются тексты: сирійскій, перевода семидесяти, вульгата и синодальный. Авторъ—не поклонникъ школы аллегористовъ: образы и символы переводятся имъ на языкъ историческихъ фактовъ, однако въ строгомъ соотвѣтствіи съ святоотеческими свидѣтельствами.

Какъ въ первой, такъ и во второй части не достаетъ въ томъ случаѣ, когда авторъ сопоставляетъ новыя данныя съ библейскими, чтобы приведенъ былъ самый текстъ этихъ данныхъ и необходимый къ нему комментарій. Вторая же часть ожидаетъ историко-филологическаго анализа самаго текста книги пророка Наума.

Мы желаемъ автору устранить указанные недостатки въ слѣдующей ученой работѣ. Въ данномъ-же своемъ видѣ сочиненіе автора не только вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія, но и въ печатномъ видѣ могло-бы быть полезной и интересной книгой".

29) О сочиненіи студента *Орлова Василія* на тему: „Обзоръ курсовъ и учебниковъ по исторіи русской литературы съ научной и педагогической точекъ зрѣнія".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Сочиненіе г. Орлова далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ своей темѣ. Предложенная тема обязывала автора къ критической характеристикѣ лишь болѣе или менѣе цѣльныхъ курсовъ и учебниковъ по исторіи русской литературы, охватывающихъ весь ли историческій процессъ развитія этой литературы, или только отдѣльные значительные періоды ея

исторіи. Монографическія изслѣдованія по исторіи русской литературы, а тѣмъ болѣе работы, посвященныя предварительной документальной разработкѣ источниковъ, отнюдь не должны были входить въ сферу сравнительной оцѣнки, тѣмъ болѣе, что педагогическая точка зрѣнія къ такого рода изслѣдованіямъ даже и непримѣнима вовсе. Вмѣсто этого г. Орловъ, предъявивъ къ своему труду слишкомъ широкія требованія, задумалъ дать вообще исторію научной разработки исторіи русской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до новаго времени. Онъ начинаетъ свою рѣчь издалека, слишкомъ издалека—съ Волынскаго лѣтописца, у котораго подъ 1288 годомъ есть „перечневая опись библіотеки Владиміра Васильевича", говоритъ о древнихъ монастырскихъ „описяхъ", о словаряхъ и библіографическихъ трудахъ XVII—XVIII вв., затѣмъ характеризуетъ различныя методологическія направленія въ изученіи историко-литературныхъ фактовъ въ европейской наукѣ и на этой почвѣ разсматриваетъ различные труды по изученію исторіи русской литературы цѣлаго ряда старыхъ и новыхъ авторовъ: Коля, Шлецера, Бакмейстера, Дамаскина-Руднева, Домашнева, Новикова (вмѣстѣ съ тѣмъ труды Лессинга, Гердера, Шлегеля, Вахлера), Карамзина, Бекетова, Добровскаго, Востокова, Калайдовича, Сопикова, Евгенія, Кеппена, Анастасевича, Борна, Греча, Надеждина, Срезневскаго (почему-то только труды по изученію малорусской литературы), Горскаго и Невоструева, подробно останавливается на трудахъ Тимаева („Начертаніе курса изящной словесности" — скорѣе теорія словесности, чѣмъ ея исторія), А. Глаголева (скорѣе курсъ теоріи словесности), Георгіевскаго (авторъ начинаетъ свою рѣчь о его книгѣ словами: „это руководство по теоріи, а не по исторіи"), подробно излагаетъ „исторію русской литературы по Бѣлинскому", характеризуетъ труды по исторіи литературы Плаксина, Аскоченскаго, Никитенка, Милюкова, Максимовича, Шевырева, Буслаева, Галахова, О. Миллера, Порфирьева, Всев. Миллера, Владимірова, Скабичевскаго, кн. Сергѣя Волконскаго (его малоизвѣстные очерки по русской исторіи и по русской литературѣ), В. В. Сиповскаго и Айхенвальда.

Уже изъ предложеннаго перечня авторовъ видно, что почти половина сочиненія г. Орлова, строго говоря, написана не на тему, что онъ курсамъ и учебникамъ удѣлилъ вни-

манія меньше, чѣмъ разработкѣ исторіи русской литературы вообще. Авторъ, такъ старательно изучившій Борна, Аскоченскаго, Плаксина, совершенно не упоминаетъ ни о Незеленовѣ, ни о Келтуялѣ, ни о Пѣтуховѣ, ни о Сперанскомъ. Проф. Владимірову отводится цѣлый отдѣлъ, но говорится не о трудѣ его, посвященномъ исторіи древне-русской литературы, а о „Введеніи въ исторію словесности". Учебниковъ, въ собственномъ смыслѣ слова, авторъ почти не касается совсѣмъ.

Изъ этого основного недостатка сочиненія органически вытекаютъ всѣ остальныя его несовершенства значительнаго характера. Задавшись цѣлью изобразить во всѣхъ деталяхъ послѣдовательный ходъ развитія науки исторіи русской литературы, авторъ, разумѣется, не могъ достигнуть осуществленія этой идеи въ теченіе одного года. Отсюда, несмотря на обширные размѣры сочиненія (368 стр., въ л.), ему не удалось довести свою работу до конца. Изучить всю обширную намѣченную область онъ не могъ. Выборъ изслѣдованій у него часто оказывается случайнымъ. Ему вслѣдствіе спѣшности труда, вынужденной обиліемъ матеріала, приходится часто вступать на проторенную дорогу и повторять достаточно извѣстныя свѣдѣнія. Въ сочиненіи нѣтъ дѣленія на главы; не всегда выдерживается даже планъ. Оглавленіе составлено спѣшно и не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. О педагогическихъ достоинствахъ курсовъ по исторіи русской литературы сдѣлано очень мало замѣчаній.

Но, имѣя въ виду, a) что авторъ очень много потрудился надъ изученіемъ тщательно собранной имъ литературы предмета, b) что ему удалось достать и разсмотрѣть цѣлый рядъ полузабытыхъ книгъ по исторіи русской литературы (Тимаева, Георгіевскаго, Плаксина), c) что сочиненіе свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора не только въ области исторіи литературы, но и философіи, d) что методологическіе пріемы его, въ рамкахъ осуществленной имъ разработки темы, стоятъ на должной научной высотѣ, e) что авторъ обнаруживаетъ незаурядныя критическія способности и въ разработку поставленнаго себѣ вопроса вноситъ сплошь и рядомъ самостоятельныя, иногда очень мѣткія и оригинальныя, наблюденія, f) что, наконецъ, изложеніе сочиненія (несмотря на допущенныя въ большомъ количествѣ, при печа-

таніи на машинѣ, описки) обладаетъ литературными достоинствами,—мы находимъ автора заслуживающимъ степени кандидата богословія".

б) И. д. доцента *А. В. Ремезова*:

„Разборъ учебниковъ какой бы то ни было науки не только съ педагогической, но и научной точекъ зрѣнія едва ли возможенъ внѣ большей или меньшей связи съ обозрѣніемъ самой исторіи данной науки; чѣмъ шире разсматривается эта связь, тѣмъ большую, кажется, основательность пріобрѣтаетъ и критика учебниковъ. Г-ну Орлову тѣмъ болѣе необходимо было заняться самой исторіей избранной имъ спеціальности, что по требованію своей темы онъ долженъ былъ имѣть дѣло не только съ учебниками, но и курсами, представляющими собой нерѣдко (университетскіе, напр.) самостоятельный шагъ впередъ въ развитіи своей науки. Эту задачу въ постановкѣ своей работы г. Орловъ настолько опредѣленно осозналъ и такъ широко предпринялъ ея разрѣшеніе, что въ результатѣ у него получился длинный рядъ очерковъ, отмѣчающихъ наиболѣе замѣтные моменты въ историческомъ процессѣ развитія науки исторіи русской литературы, такъ что по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ его сочиненія можетъ показаться недостаточно подробнымъ (съ точки зрѣнія темы) разборъ курсовъ сравнительно съ глубиной подставленной къ нему исторической перспективы. Въ данномъ случаѣ я разумѣю, напримѣръ, упоминаніе о „Словарѣ древней и новой поэзіи" Остолопова, которому г. Орловъ удѣляетъ всего 1/2 страницы (38), тогда какъ это—одинъ изъ первыхъ университетскихъ курсовъ словесности. Понятно, что послѣ подробнаго выясненія сущности того направленія, типичнымъ выразителемъ котораго былъ этотъ курсъ (ложно-классическое), долго говорить о немъ одномъ значило бы повторять только что сказанное о всемъ направленіи; слѣдовательно, г. Орловъ въ правѣ былъ ограничиться въ данномъ случаѣ лишь нѣсколькими выдержками изъ него, характеризующими его принадлежность къ только что разсмотрѣнному направленію.

Понятно, что столь широкая количественно постановка дѣла въ годичномъ сочиненіи не могла не отразиться на качествѣ работы. Дѣло въ томъ, что при неисчерпаемой

массѣ матеріала г. Орлову приходилось по крайней мѣрѣ иногда не самостоятельно обработывать его, а, какъ говорится, итти на поводу своихъ многочисленныхъ пособій. Рецензентъ имѣлъ возможность прослѣдить въ одномъ небольшомъ мѣстѣ отношеніе соч. г. Орлова къ источнику и пособіямъ. Первымъ въ данномъ случаѣ является „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“ Новикова, которому г. Орловъ посвящаетъ 10 (17—18) страницъ, а вторыми: „Матеріалы“ Ефремова (V—VIII стр.), „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“ Сухомлинова (3—30), „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—85“ Незеленова и „Сочиненія Н. С. Тихонравова“ т. 3, ч. 2. стр. 57—58. Въ результатѣ сопоставленія послѣднихъ съ соч. г. Орлова оказалось, что всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія уже даны въ его пособіяхъ, такъ что, по крайней мѣрѣ— въ разсматриваемомъ мѣстѣ, работа Орлова состояла въ выборѣ этихъ свѣдѣній и болѣе или менѣе искусномъ ихъ расположеніи, каковое, какъ оказалось изъ того же сопоставленія, нашъ авторъ исполнилъ съ большимъ умѣньемъ и, главное, добросовѣстностью: онъ не соблазнился возможностью просто списать нужное ему мѣсто пособія.

Другимъ недочетомъ данной работы, обусловливающимся той же широтой ея постановки, является неполнота въ числѣ разобранныхъ курсовъ. Рецензентъ не нашелъ у г. Орлова разбора исторіи русской литературы Незеленова, по которому, вѣроятно, самъ авторъ изучалъ въ семинаріи новый періодъ этой исторіи. Если ужъ г. Орлову не достало времени для разбора даже такого учебника, то ему обязательно надо было оставить въ сторонѣ совершенно не относящійся къ его темѣ до-историческій, такъ сказать, періодъ науки, которому онъ удѣляетъ утомительно много вниманія въ началѣ сочиненія.

Впрочемъ, если сочиненіе г. Орлова разсматривать не какъ ученый трудъ,—каковая точка зрѣнія, разумѣется, не часто можетъ быть приложима къ курсовой работѣ,—а какъ учебный, то о немъ придется отозваться съ особой похвалой: работа надъ нимъ подготовила въ лицѣ г. Орлова на рѣдкость освѣдомленнаго въ своей литературѣ преподавателя исторіи русской литературы.

За свой колоссальный (въ 350 печатныхъ страницъ) и

прекрасно обработанный съ литературной стороны трудъ г. Орловъ вполнѣ заслуживаетъ степени кандидата богословія".

30) О сочиненіи студента *Паргачевскаго Алексѣя* на тему: „Вопросы соціальнаго характера въ посланіяхъ Св. Апостола Павла".

а) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Сочиненіе г. Паргачевскаго состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ устанавливаетъ общій методъ, какимъ пользуется Ап. Павелъ при обсужденіи и рѣшеніи имъ соціальныхъ вопросовъ. Методъ Апостола существенно отличается отъ метода обычныхъ соціологовъ. Ап. Павелъ не даетъ законченной и полной системы соціальнаго ученія и не указываетъ готовыхъ способовъ къ разрѣшенію волнующихъ человѣчество соціальныхъ проблемъ. Причина этого въ томъ, что спеціальныя устремленія Апостола лежатъ совершенно въ другой плоскости. Его интересуетъ не устроеніе государственной и общественной жизни людей, а направленіе ихъ духа, не внѣшніе порядки человѣческаго общежитія, а внутренняя духовная жизнь человѣка. Поэтому Апостолъ провозглашаетъ только общія основныя начала или принципы, изъ которыхъ онъ и исходитъ при рѣшеніи частныхъ вопросовъ соціальнаго характера.

Въ первой главѣ авторъ излагаетъ ученіе Ап. Павла о трудѣ и собственности. Апостолъ признаетъ трудъ, какъ средство къ созданію личнаго благосостоянія и матеріальнаго довольства. „Достоинъ (есть) работникъ мзды своей" (Лк. 10, 7: Мѳ. 10, 10; 1 Тим. 5, 18). Справедливое вознагражденіе за трудъ—требованіе простой справедливости. „Каждый получитъ свою награду по своему труду" (1 Кор. 3, 8). Поэтому не можетъ быть механическаго уравненія всѣхъ въ распредѣленіи матеріальныхъ богатствъ. Трудъ имѣетъ далѣе нравственное значеніе, поскольку онъ, во-первыхъ, даетъ возможность трудящемуся „не быть въ тягость другимъ" (2 Кор. 12. 13), позволяетъ ему сохранять независимость и свободу въ личномъ самоопредѣленіи; во-вторыхъ, упорядочиваетъ

жизнь человѣка, вноситъ въ нее миръ и гармонію и предохраняетъ ее отъ многихъ вредныхъ эксцессовъ праздности, и, въ-третьихъ,—поскольку онъ даетъ намъ возможность служить нашимъ ближнимъ „поддержкою бѣдныхъ“ (Дѣян. 20, 35) и „помощью нуждающимся“ (Еф. 4, 28). Трудъ имѣетъ, наконецъ, значеніе религіозное, поскольку трудясь, независимо отъ самой формы труда, мы выполняемъ волю Божію, осуществляемъ свое „званіе“. Съ этой же точки зрѣнія получаетъ свое истинное значеніе и собственность и, въ частности, богатство. Богатство есть даръ милости Божіей, и оно должно быть поэтому цѣлесообразно употребляемо на увеличеніе общаго благополучія и уменьшеніе тяжестей жизни. Но собственно съ истинно-христіанской точки зрѣнія вопросъ о богатствѣ и бѣдности безразличенъ, потому что въ христіанствѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,—тутъ всѣ нищіе и всѣ богачи „въ Господѣ“. Тутъ существенно важна внутренняя независимость отъ вещей и мірскихъ заботъ (Фил. 4, 11; 1 Кор. 7, 29-31; 2 Кор. 6, 10), которая въ свою очередь порождаетъ довольство своимъ состояніемъ (1 Тим. 6, 6—8).—Такъ, начавъ съ общепонятнаго и простого значенія труда въ земной жизни, Апостолъ постепенно возводитъ его въ религіозный актъ преданности волѣ Божіей (Евр. 13, 5).

Во второй главѣ, послѣ очень краткой справки о положеніи рабовъ въ античномъ мірѣ, авторъ излагаетъ ученіе Ап. Павла о рабствѣ. На основаніи обстоятельнаго анализа 1 Кор. 7, 17—24 авторъ приходитъ къ совершенно правильному заключенію, что съ нравственно-христіанской точки зрѣнія вопросъ о званіяхъ и состояніяхъ, какъ и вопросъ о богатствѣ и бѣдности, неваженъ и безразличенъ, потому что въ христіанствѣ нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни рабовъ, ни свободныхъ,—тутъ всѣ нищіе и всѣ богачи, всѣ рабы и всѣ свободны о Христѣ. Трудный для пониманія 21-ый стихъ 7-й главы 1-го Кор. авторъ, слѣдуя св. І. Златоусту, объясняетъ въ смыслѣ совѣта рабу оставаться рабомъ даже въ томъ случаѣ, если ему представляется возможность законнаго освобожденія. Показавъ затѣмъ, что въ этомъ совѣтѣ Апостола не заключается принципіальнаго взгляда его на рабство, а только лишь условно-историческая точка зрѣнія, вызванная желаніемъ Апостола предупредить всякія попытки

къ эмансипаціи на религіозной почвѣ, авторъ оканчиваетъ эту главу изложеніемъ апостольскаго ученія о взаимныхъ обязанностяхъ рабовъ и господъ.

Въ третьей главѣ г. Паргачевскій излагаетъ ученіе Апостола о бракѣ и семьѣ. Установивъ отсутствіе у Ап. Павла аскетическихъ тенденцій, онъ на основаніи анализа 1 Кор. 7 и Ефес. 5 приходитъ къ выводу, что бракъ по своему существу есть полное духовно-тѣлесное общеніе супруговъ. Охарактеризовавъ затѣмъ точку зрѣнія Ап. Павла на отношеніе мужа къ женѣ, какъ отношеніе любви и самоотверженія, и жены къ мужу, какъ отношеніе почтительнаго подчиненія и покорности, и указавъ основанія подчиненнаго положенія жены въ бракѣ въ волѣ Божіей, а не во взглядѣ Апостола на женщину, какъ на существо низшаго порядка, авторъ устанавливаетъ, что съ нравственно-христіанской точки зрѣнія Апостолъ не дѣлаетъ различія между мужемъ и женой, рѣшая брачный вопросъ въ смыслѣ полной равноправности супруговъ. Глава эта заканчивается выясненіемъ апостольской точки зрѣнія на женскую эмансипацію и взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

Въ четвертой главѣ авторъ на основаніи анализа Римл. 13 излагаетъ ученіе Ап. Павла о государствѣ, о богоучрежденности власти, о назначеніи власти въ человѣческомъ обществѣ, объ обязанностяхъ подданныхъ по отношенію къ власти. Въ заключеніи этой главы авторъ пытается разрѣшить нѣкоторыя коллизіи, возникающія изъ признанія богоустановленности власти, въ родѣ такихъ, напр., какъ христіанинъ долженъ вести себя во время политическихъ переворотовъ, долженъ ли онъ исполнять несправедливыя требованія власти и повиноваться ей, когда ея распоряженія явно несогласны съ нравственнымъ закономъ, допустимо ли вообще „противленіе“ власти и въ какихъ размѣрахъ, и т. п. Авторъ рѣшаетъ эти вопросы очень обще и, потому, неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что для истинно вѣрующаго не можетъ быть коллизій нравственныхъ требованій. „Совѣсть подскажетъ ему, когда власть перестаетъ быть „слугою Божіимъ“, измѣняетъ своему назначенію, когда, слѣдов., онъ обязанъ ей противодѣйствовать“ (с. 231—232).

Сдѣланный общій обзоръ содержанія сочиненія г. Паргачевскаго показываетъ, что онъ захватилъ вопросъ широко.

И въ такой широкой постановкѣ тематическаго вопроса заключается и главное достоинство и главный недостатокъ сочиненія. Въ этомъ широкомъ захватѣ—достоинство сочиненія, потому что для выясненія взглядовъ Ап. Павла на трудъ и собственность, рабство, бракъ и семью, государство и власть автору требовалось положить много труда на изученіе текста посланій Ап. Павла и сдѣлать много мелкихъ справокъ въ библейскихъ словаряхъ и энциклопедіяхъ, а также ознакомиться съ большимъ количествомъ пособій общаго и монографическаго характера. Г. Паргачевскій все это сдѣлалъ съ похвальнымъ усердіемъ и успѣхомъ. Въ своей работѣ онъ обнаружилъ близкое знакомство съ библейскимъ текстомъ вообще, посланіями Ап. Павла—въ особенности, благодаря чему онъ легко, свободно и полно приводитъ въ потребныхъ случаяхъ соотвѣтствующія цитаты. Онъ использовалъ толкованія на посланія Ап. Павла древнихъ оо. и учч. Церкви: св. І. Златоуста, бл. Ѳеофилакта, бл. Ѳеодорита, бл. Іеронима, и новѣйшія—русскія (Еп. Ѳеофана, нѣмецкія (Мейера и Цана), французскія (Godet) и латинскія (Cornely). Для филологическихъ и текстологическихъ справокъ ему служили библейско-богословскій словарь Кремера, словарь Шлейсснера, грамматики Блясса и Винера, реальная энциклопедія Герцога-Гаука. Наконецъ, авторъ знаетъ много работъ—русскихъ и иностранныхъ—монографическаго характера (см. списокъ ихъ на сс. 245—249). Конечно, списокъ пособій автора неполонъ: ему остались неизвѣстны, напр., словарь Zorell'я, библейскій словарь Hastings'a, синонимика Trench'a, цѣлый рядъ другихъ иностранныхъ толкованій на посланія Ап. Павла и др. Но изученія всей литературы предмета—русской и особенно иностранной—въ теченіе одного года отъ студента нельзя и требовать, тѣмъ болѣе, что и прочитаннаго автору было почти достаточно для правильнаго рѣшенія и истолкованія отдѣльныхъ вопросовъ темы. Правда сочиненіе г. Паргачевскаго не пестритъ цитатами, но въ немъ видна работа мысли и на каждой страницѣ чувствуется изученіе соотвѣтствующаго матеріала. Авторъ владѣетъ счастливою способностью не зарываться въ мелочахъ и иногда обнаруживаетъ задатки къ ясному филологическому и логическому анализу. Поэтому сочиненіе его кратко, но въ немъ почти все продумано отъ начала

до конца и изложено спокойно и почти всегда дѣловито, и притомъ литературнымъ языкомъ.

Но широкій размахъ работы г. Паргачевскаго имѣетъ и обратную сторону. Взявъ для рѣшенія четыре крупныхъ вопроса—о трудѣ и собственности, о рабствѣ, о бракѣ и семьѣ, о государствѣ и власти, -авторъ, понятно, не могъ выяснить ихъ съ одинаковою полнотою и обстоятельностью. Рецензентъ въ свое время предупреждалъ автора сократить размѣры темы, но авторъ увлекся всѣми указанными вопросами. Вслѣдствіе этого и получились большіе пробѣлы въ сочиненіи. Лучше всего изложены первыя двѣ главы, трактующія объ ученіи Ап. Павла о трудѣ и собственности и о рабствѣ, хуже—послѣднія двѣ. Въ изложеніи ученія Ап. Павла о бракѣ не указано, что Апостолъ рѣшаетъ брачный вопросъ въ смыслѣ единобрачія и безусловной нерасторжимости брака, и не затронутъ совершенно вопросъ о разводѣ. Изложеніе ученія Ап. Павла о государствѣ сдѣлало на основаніи анализа 13-ой главы посланія къ Римлянамъ, но толкованіе этой главы дано слишкомъ конспективное. Рѣшеніе коллизій нравственныхъ требованій въ концѣ четвертой главы сдѣлано не совсѣмъ удачно, и лучше было бы этого совсѣмъ не дѣлать. Апостольскаго тутъ не дано ничего приведенъ лишь взглядъ автора, взятый изъ учебниковъ по Нравственному Богословію. И вообще у автора наблюдается иногда склонность сбиваться съ чисто экзегетической задачи въ область безпочвенныхъ обобщеній.

Несмотря на указанные недостатки, вполнѣ понятные въ годичной студенческой работѣ,—а потому и извинимые,—сочиненіе г. Паргачевскаго должно быть признано добросовѣстнымъ, а авторъ его—вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія".

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго:*

„Сочиненіе г. Паргачевскаго обнаруживаетъ немало затраченнаго на него труда. Авторъ внимательно разсмотрѣлъ посланія св. Апостола, пользуясь критическими изданіями текста, и привлекъ къ дѣлу, въ качествѣ пособія, значительную литературу на разныхъ языкахъ и разныхъ направленій. При этомъ, онъ не ограничился трудами экзегетическими, но старался еще использовать работы этическія, со-

ціологическія и экономическія. Изложеніе сжато и не страдаетъ водянистостью. Матерію его образуютъ, почти исключительно слова Апостола, связанныя между собою, однако, такъ, что имѣютъ видъ не прерывающихъ теченіе рѣчи цитатъ, а лишь гребней волнъ въ непрерывно текущей рѣчи. Этотъ основной матеріалъ систематизированъ удачно, такъ что располагается въ соотвѣтственныхъ рубрикахъ безъ натяжекъ, а отдѣльныя рубрики естественно вытекаютъ одна изъ другой. Заголовокъ темы могъ бы заставить предполагать, что изложеніе ея будетъ фрагментарнымъ. Но это ожиданіе счастливо нарушается: работа г. Паргачевскаго достаточно цѣльна, не только формально, но и по содержанію, ибо въ ней есть нѣкоторый основной музыкальный запѣвъ,—это, именно, мотивъ *труда*, какъ существеннѣйшей силы общественнаго устройства. Чтобы покончить, наконецъ, съ достоинствами разбираемаго сочиненія, отмѣтимъ, что Авторъ останавливается иногда на отдѣльныхъ выраженіяхъ и терминахъ истолковывая и разбирая ихъ. Однимъ словомъ, мы имѣемъ предъ собою работу добросовѣстную, которая по заслугамъ можетъ быть признана сочиненіемъ на степень кандидата.

Однако, Авторъ не избѣгъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые должны здѣсь быть упомянуты. Какъ провозвѣстникъ духовной жизни, дарованной Господомъ Іисусомъ Христомъ, св. Апостолъ, конечно, не могъ отдавать своего вниманія чему бы-то ни было, *не* стоящему въ прямой связи съ предметомъ его проповѣди. „*Вмѣняю вся уметы быти*“ (Фил 3₈), свидѣтельствуетъ самъ онъ,—*вся*, т. е. то, что основывается не на проповѣдуемомъ имъ Христѣ. Понятно, что „вопросы *соціальнаго характера*“, каковые предлагаются для изученія темою,—это не внѣ-церковные *соціальные вопросы*, разсматриваемые науками объ обществѣ, а лишь сторона общаго религіознаго ученія, св. Апостола, обращенная къ обществу. Искать у апостола Павла рѣшенія соціальныхъ вопросовъ —столь же тщетно, какъ въ Евангеліи отъ Матѳея—рѣшенія вопросовъ химическихъ или въ Апокалипсисѣ—принциповъ аналитической механики. Между тѣмъ, обиліе *терминовъ*, *общихъ*, какъ Посланіямъ, такъ и наукамъ соціальнымъ, но употребляемыхъ въ Посланіяхъ ради цѣлей и въ смыслахъ духовныхъ, можетъ подать поводъ къ поискамъ у Апостола какихъ-то

начатковъ наукъ соціальныхъ. Этому искушенію въ значительной мѣрѣ поддался г. Паргачевскій. А отсюда стало неизбѣжнымъ для него брать текстъ Посланій со стороны возможно внѣшней, не взрывая болѣе глубокихъ пластовъ, ибо углубленіе сейчасъ же показало бы ему, что у Апостола есть лишь „вопросы соціальнаго *характера*", но отнюдь—не соціальные. Получается же отсюда вотъ что: Авторъ пишетъ такъ, какъ если бы у него была методологическая презумпція о безсодержательности Павловыхъ словъ. Онъ систематически не даетъ себѣ возможности вживаться въ эти слова, какъ если бы заранѣе ему было извѣстно, что за поверхностью ихъ ничего въ нихъ не содержится. Изъ разныхъ ступеней углубленія чаще всего берется имъ *первая*, возможно обще-извѣстная, возможно менѣе научающая чему-нибудь. Возникаетъ впечатлѣніе, будто Авторъ не учиться хочетъ у св. Апостола, а... учить его прописямъ. Что же получается?— Рядъ высказываній, для которыхъ часто не требуется не только Духа Святого, но даже и искры геніальности,—такихъ, которыя не затруднился бы отъ себя сочинить и не весьма умный смертный. Въ этой обработкѣ, слова Апостола не искрятся духовными свѣтами и не звучатъ музыкою небесныхъ сферъ, а скорѣе стучатъ, какъ костяшки лавочниковыхъ счетовъ. А вмѣсто огненной діалектики Апостола получается порою дешевый стоицизмъ и скучноватый и прозаическій раввинизмъ. Вотъ къ чему привело нашего изслѣдователя желаніе найти у Апостола то, на вопросъ о чемъ онъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы: „*Яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету. Но убо вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего*" (Фил 3₈). Правда, въ предисловіи Авторъ оговаривается въ томъ смыслѣ, что у Апостола нѣтъ соціальнаго вопроса, въ нашемъ пониманіи; но затѣмъ, онъ, кажется, забываетъ свою совершенно правильную оговорку и пытается построить систему чего-то въ родѣ ученія объ обществѣ у ап. Павла.

Обращаютъ вниманіе на себя и нѣкоторые частные промахи г. Паргачевскаго. Такъ, на стр. 16, онъ заявляетъ: „Ученіе апостола рѣшительно доказываетъ ложь ходячаго въ наше время воззрѣнія, будто совершенство цѣлаго можетъ быть достигнуто при несовершенныхъ частяхъ"... Тирада эта направлена, собственно, противъ соціализма; но

Авторъ не замѣчаетъ, что ею онъ отрицаетъ и существованіе *Святой* Церкви, ибо и въ ея составѣ пребываютъ члены не святые.

На стр. 18—19 обнаруживается психологизмъ въ пониманіи любви. Любовь оказывается не онтологическимъ актомъ выхожденія, не существенною силою, а лишь психическимъ состояніемъ, эмоціей уединеннаго сознанія.

На стр. 20 опять дѣлается психологическая транскрипція, — теперь ужъ духовныхъ даровъ.

На стр. 27 гностически истолковывается освобожденіе отъ грѣха, „какъ освобожденіе отъ порабощенія матеріи или природной необходимости".

На стр. 21—22, признавая „отмѣну рабства, уничтоженіе пауперизма, улучшеніе формъ государственной власти „за, повидимому, необходимые постулаты съ точки зрѣнія апостольскаго ученія о любви", г. Паргачевскій съ недоумѣніемъ свидѣтельствуетъ, что „Апостолъ нигдѣ не говоритъ о нихъ", т. е. наконецъ-то изслѣдователь обнаруживаетъ свою основную ошибку; но, вмѣсто того, чтобы существенно измѣнить *свое*,— невѣрное,—пониманіе христіанской любви, онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что Апостолъ не вывелъ всѣхъ этихъ практическихъ слѣдствій изъ ученія о любви, ибо „предоставилъ имъ расти и развиваться собственной внутренней силой". Другими словами, выходитъ, что главнаго - то Апостолъ и не сказалъ, а то, что сказалъ,—это было лишь прелюдіей къ главному!

На стр. 26—27 (и въ иныхъ мѣстахъ—подобное), разъясняя II Тим 2₆, г. Паргачевскій въ ссылкѣ Апостола на земледѣльца почему-то видитъ политико-экономическую теорію, раздѣляемую Апостоломъ. Неужели тутъ есть что нибудь бо́льшее чѣмъ argumentum ad hominem.

На стр. 35 многими ссылками дѣлается попытка доказать, будто пріобрѣтеніе собственности является „нравственной задачей".

На стр. 44 дается сомнительное объясненіе глагола, „*θέλειν*" въ смыслѣ *рѣшенія воли* (а не въ смыслѣ желанія, влеченія), ср. стр. 67—68.

На стр. 116—117 почему-то утверждается, безъ всякаго доказательства, что „Апостолъ вовсе не проповѣдуетъ соціальнаго индифферентизма; онъ не отрицаетъ законности стремленія къ улучшенію своего внѣшняго положенія; только,

это улучшеніе не должно быть насильственнымъ и рѣшаться каждымъ за себя".

На стр. 118 сообщается, что по, воззрѣнію древнихъ, у раба, якобы, нѣтъ души, и доказывается это тѣмъ, что у Аристотеля рабъ названъ „*σῶμα*"!

Подобныхъ промаховъ можно было бы указать и еще не мало. Надо отмѣтить и то, что языкъ разбираемаго сочиненія довольно часто нечистъ. Жаль также, что терминологія Апостола не разъяснена достаточно. Болѣе углубленное занятіе вопросами языка дало бы Автору возможность сосредоточеннѣе отнестись къ *святымъ* словамъ Апостола.

Но и того, что сдѣлано г. Паргачевскимъ, для полученія степени кандидата достаточно".

31) О сочиненіи студента *Плотникова Александра* на тему: „Обзоръ источниковъ по исторіи иконоборческаго движенія"

а) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина*:

„Въ своемъ сочиненіи г. Плотниковъ сдѣлалъ значительно больше того, что онъ предположилъ сдѣлать, хотя его планъ, количественно, остался до конца не выполненнымъ.

Работа распадается на введеніе и три главы.—Въ введеніи, отмѣтивъ разнорѣчивость мнѣній объ иконоборческой ереси, наблюдавшуюся еще среди ея современниковъ и существующую до нашихъ дней, авторъ ставитъ ее въ связь съ далеко не совершеннымъ знаніемъ иконоборческой эпохи. „Происхожденіе ереси остается неизвѣстнымъ; ея причины точно не опредѣлены... Даже картина событій... (изслѣдователями) представляется далеко не одинаково". Положеніе дѣла требуетъ предварительной критической работы надъ источниками, анализа и безпристрастной оцѣнки ихъ показаній. Эту задачу и принимаетъ на себя г. Плотниковъ, оговариваясь, однако, что, далекій отъ претензій способствовать усовершенствованію знаній объ иконоборчествѣ, онъ смотритъ на свое сочиненіе „только какъ на учебную работу, которая должна научить автора должному, научному, обращенію съ источниками".

Отмѣтивъ затрудненіе, заключающееся въ томъ, что произведенія иконоборцевъ почти цѣликомъ погибли и о ереси и ея защитникахъ можно судить лишь по отзывамъ о нихъ

ихъ противниковъ, что требуетъ отъ изслѣдователя особенной осторожности и безпристрастія, авторъ разбиваетъ источники по исторіи иконоборчества на три группы: 1) оффиціальные документы—соборные акты и переписка оффиціальныхъ лицъ, гдѣ историческій матеріалъ перемѣшанъ съ богословско-полемическимъ; 2) памятники чисто историческаго характера—хроники и житія святыхъ; 3) полемическія сочиненія, по которымъ можно возстановить идеологію ереси и ея аргументацію, какъ и противопоставленную ей идеологію и аргументацію православныхъ.

Полагая, что знаніе внѣшней исторіи иконоборческаго движенія можетъ способствовать лучшему уясненію и идейной борьбы того времени, г. Плотниковъ рѣшаетъ начать обзоръ матеріала съ источниковъ историческаго характера. При этомъ онъ беретъ изъ нихъ „не какую-либо опредѣленную группу ихъ (напр., хроники или житія), но сочиненія, *написанныя современниками движенія*, показанія которыхъ должны служить базисомъ при построеніи исторіи иконоборчества". Этотъ пріемъ долженъ дать возможность „слѣдить за постепеннымъ, такъ сказать, наростаніемъ свѣдѣній объ иконоборческомъ движеніи".

Въ первой главѣ сочиненія (1-250) разсматриваются, слѣдуя хронологическому порядку: 1) посланія патр. Германа: 2) посланія папы Григорія II; 3) грамата Ирины собору 787 г. и апологія Тарасія; 4) грамата Ирины Адріану I и отвѣтъ папы, посланіе Тарасія восточнымъ патріархамъ, посланія Адріана I и восточныхъ архіереевъ Тарасію; 5) очеркъ собора 786 г. и рѣчь Тарасія предъ открытіемъ соборныхъ засѣданій; 6) акты собора 787 г. и, въ связи съ ними и содержащимся въ нихъ полемическимъ матеріаломъ: 7) свѣдѣнія о состояніи ереси до собора и во время его, 8) опредѣленіе иконоборческаго собора 754 г., 9) опроверженіе на него и 10) опредѣленіе самого вселенскаго собора, равно какъ разныя посланія, писанныя послѣ собора. Въ заключеніе авторомъ разсмотрѣно и недавно возстановленное (Serruys) опредѣленіе иконоборческаго собора 815 года.—Глава вторая (251—503) посвящена разбору хроникъ Никифора, Ѳеофана, Георгія Монаха и отрывка изъ произведенія неизвѣстнаго автора о Львѣ Армянинѣ.—Въ третьей главѣ (504—555) предполагалось подвергнуть изученію житія свв. Стефана Новаго, патр. Тарасія, патр. Никифора, Никиты

Медикійскаго, Θеодора Студита и Іоанникія Великаго. Авторъ успѣлъ разобрать лишь житія Стефана и Никиты. Глава осталась незаконченной.—Такова схема богатаго содержаніемъ сочиненія г. Плотникова.

Какъ видимъ, авторъ не довелъ свое дѣло до конца. Однако сожалѣть объ этомъ не приходится. Скорѣе, было-бы жаль, если-бы планъ былъ выполненъ сполна, потому что, при обширности плана, цѣлостное осуществленіе его, несомнѣнно, отразилось бы на внутреннихъ достоинствахъ работы. Теперь-же на основаніи сочиненія г. Плотникова мы имѣемъ право сказать, что авторъ не только учился и, можно сказать, научился должному обращенію съ источниками, но въ результатѣ его ученическихъ опытовъ мы имѣемъ серьезный критическій обзоръ значительнаго количества памятниковъ иконоборческой эпохи.

Сочиненіе заслуживаетъ одобренія и со стороны плана, и со стороны метода.—Планъ вполнѣ цѣлесообразенъ. Начинающій изслѣдователь, г. Плотниковъ долженъ былъ сначала уяснить себѣ основной ходъ событій движенія, чтобы лишь потомъ перейти къ его идеологіи. Правильно и то, что, при невозможности охватить всѣ памятники, сдѣланъ выборъ тѣхъ, которые написаны современниками движенія. Этотъ принципъ далъ автору возможность начать изученіе источниковъ съ ихъ самаго основнаго пласта.

Со стороны метода сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ молодого, не всегда опытнаго, но самостоятельнаго изслѣдователя. О каждомъ памятникѣ онъ говоритъ лишь то, что относится къ существу дѣла, даетъ краткія вводящія свѣдѣнія, сжато излагаетъ, что въ немъ имѣетъ значеніе для освѣщенія изучаемой эпохи, сопоставляетъ памятники, подвергаетъ критикѣ ихъ показанія, одни отвергаетъ, другія, опираясь на тѣ или иныя соображенія, принимаетъ и отчасти опредѣляетъ ихъ общее значеніе въ ряду другихъ свидѣтельствъ. То безпристрастіе, о которомъ говорилъ авторъ въ введеніи, проявлено имъ въ полной мѣрѣ: личная православная точка зрѣнія не препятствуетъ ему объективно оцѣнивать ересь и ея защитниковъ (ср. стр. 161 и далѣе).—Имѣя дѣло главнымъ образомъ съ источниками, авторъ привлекаетъ и основную литературу разбираемыхъ имъ вопросовъ.

Не вездѣ изслѣдованіе ведется одинаково твердо. Въ на-

чалѣ работы, въ разборѣ нѣкоторыхъ документовъ, связанныхъ съ соборомъ 787 г., чувствуется извѣстная неувѣренность, и изложеніе мѣстами отражаетъ не результатъ анализирующей мысли автора, а самый ея процессъ, всѣ этапы котораго—отъ авторскаго недоумѣнія до прочнаго окончательнаго рѣшенія—читателю и приходится пройти вмѣстѣ съ авторомъ. Съ другой стороны, мѣстами не чувствуется планомѣрности въ частныхъ изысканіяхъ автора. Приступая къ изученію эпохи, г. Плотниковъ не связалъ себя заранѣе составленной концепціей иконоборческаго движенія. Эта свобода, можетъ быть, для начала работы и была хороша въ томъ отношеніи, что ставила автора подъ непосредственное впечатлѣніе источниковъ, которые сами должны были подсказать ему, что въ движеніи первостепенно и руководяще и что менѣе важно. Однако, по мѣрѣ углубленія въ источники, элементы движенія предъ взорами автора должны были сгруппировываться, занимая мѣсто соотвѣтственно своему значенію, а автору постепенно выяснялось, на какіеже основные вопросы должна распасться исторія движенія. Система этихъ вопросовъ, какъ это чувствуется со второй половины сочиненія, уже слагалась въ головѣ автора и оказывала извѣстное вліяніе на самый анализъ извѣстій, давая возможность рѣшительнѣе судить объ относительной важности показанія и о той струѣ движенія, при реконструкціи которой показаніе должно особенно пригодиться. Тѣмъ не менѣе объ этой системѣ авторъ нигдѣ не говоритъ и ея вліяніе сказывается далеко не вездѣ, что ослабляетъ, повторяемъ, планомѣрность частныхъ изысканій.

За исключеніемъ отмѣченныхъ сторонъ, изслѣдованіе г. Плотникова ведется твердо и не сходитъ съ научной почвы. Особенно удались ему отдѣлы о хроникахъ Θеофана и Георгія Монаха. Здѣсь авторомъ проявлено хорошее критическое чутье, здѣсь онъ успѣлъ принять во вниманіе тезисы недавно появившагося изслѣдованія о лѣтописномъ повѣствованіи Θеофана и обнаружилъ основательное знакомство съ текстами, которое дало ему возможность внести нѣсколько дополненій и даже поправку къ текстуальнымъ паралеллямъ Де—Боора (441). Не всѣ изъ этихъ дополненій удачны, напр. Georg. Mon. 750 18-19—Theoph. 412 26-27; но прочіе имѣютъ свое значеніе. Вообще, это лучшія страницы работы.

Но работа, конечно, не безъ недостатковъ.

Сдѣланное выше указаніе на лучшій отдѣлъ до нѣкоторой степени обязываетъ отмѣтить и противоположный ему по достоинству. Таковымъ должна быть признана часть первой главы (26—50), трактующая о подлинности писемъ папы Григорія II ко Льву Исавру, на которой и придется остановиться.

Какъ извѣстно, подлинность названныхъ писемъ многими оспаривается. Нашъ авторъ принялъ на себя задачу доказать, что письма въ своей основѣ подлинны, для чего ему пришлось вступить въ полемику съ Schwarzlose,—у котораго наиболѣе тщательно собраны и систематизированы аргументы противъ подлинности. Свою полемику г. Плотниковъ ведетъ, говоря вообще, находчиво, и многіе доводы его полновѣсны. Однако среди его аргументовъ есть, съ одной стороны, неубѣдительные, а съ другой—такіе, которые можно было-бы значительно усилить. Вотъ примѣры.—I. Schwarzlose аргументируетъ: на седьмомъ соборѣ (787 г.), гдѣ читались, можно сказать, всѣ документы, говорящіе противъ иконоборцевъ, письма Льву не были читаны. Г. Плотниковъ возражаетъ: Левъ уничтожилъ письма, и собору нечего было читать. Г. Плотникова можно спросить: копіи съ посылаемыхъ ими писемъ папы заботливо хранили въ своихъ архивахъ; почему легаты Адріана I не привезли ихъ въ К—поль на соборъ? II. Schwarzlose: письма не были извѣстны до середины XVI в., когда впервые ихъ издалъ іезуитъ Fronto Ducaeus, да и найдены они на греческомъ языкѣ, а не на латинскомъ, на какомъ былъ написанъ подлинникъ. Нашъ авторъ: „еще менѣе можетъ убѣдить въ неподлинности писемъ Григорія II то, что они были найдены только въ XVI в. и притомъ на греческомъ языкѣ“. Опять вопросъ: да почему-же? Ваше возраженіе вполнѣ голословно; ясно, что его нужно подкрѣпить. — Сдѣлать-же послѣднее автору было-бы не трудно. Нѣкоторыя аналогіи у него, вѣроятно, оказались-бы въ запасѣ (хотя-бы *Διδαχὴ τ. δ. ἀποστ.*); что-же касается языка, то случаи, когда оригиналъ утрачивается, а переводъ сохраняется, встрѣчается сплошь и рядомъ (первый попавшійся примѣръ—акты к-польскаго собора 861 г.).—III. Споръ г. Плотникова съ Schwarzlose по поводу мѣста письма *Mansi XII* 970 B—C, который для краткости мы не излагаемъ, намъ

представляется недоразумѣніемъ, такъ какъ здѣсь и тотъ и другой оперируютъ съ невѣрно понятымъ текстомъ. Мы предлагаемъ г. Плотникову отнести *ὅτι* не къ *γράψον*, какъ онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ Schwarzlose, а къ *ἐσκανδάλισας* или, если-бы такая конструкція показалась ненадежной, къ легко подразумѣваемому при *ἐσκανδάλισας* и удобно подставляемому *λέγων* и посмотрѣть, что получится. Вѣроятно, нашъ авторъ удивится результату: текстъ, трудно истолковываемый, неумѣстный въ общемъ содержаніи письма, становится простъ и ясенъ, аргументъ Schwarzlose разрѣшается въ недоразумѣніе, а нашъ авторъ освобождается отъ необходимости говорить неудобовразумительныя вещи то о ироніи Григорія II, то о его великой ревности къ православію. IV. Въ спорѣ по поводу яркой и энергичной фразы: *εἰκοσιτέσσαρα στάδια ὑποχωρήσει ὁ ἀρχιερεὺς Ῥώμης εἰς τὴν χώραν Καμπανίας· καὶ ὕπαγε, δίωξον τοὺς ἀγέμους*—tum tu vade,, ventos persequere!—г. Плотникову было-бы вполнѣ умѣстно сослаться на оставшагося ему неизвѣстнымъ Грегоровіуса. Послѣдній достаточно подробно изучаетъ внутреннія отношенія Италіи и Рима и тѣмъ не менѣе, цитуя in extenso разбираемое мѣсто письма—Грегоровіусъ считаетъ письмо подлиннымъ,—не находитъ ничего страннаго въ заявленіи папы, что онъ, папа, удалившись изъ Рима на 24 стадіи въ предѣлы Кампаніи, найдетъ себѣ полную безопасность отъ возможнаго преслѣдованія со стороны императора. Здѣсь кстати можно замѣтить, что автору вообще слѣдовало-бы поближе познакомиться съ положеніемъ папства, Италіи и Запада за трактуемую имъ эпоху. Это необходимо, конечно, и для расширенія общаго историческаго горизонта, но, въ ближайшемъ случаѣ, было бы полезно въ спорѣ съ Schwarzlose. Авторъ легче справился-бы съ прочими недоумѣнными мѣстами письма, которыми пользуется Schwarzlose въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ— о князѣ Септерѣ (объ этомъ странномъ имени имѣются соображенія у того-же Грегоровіуса), о сарматахъ, о политическихъ сношеніяхъ Григорія II съ лонгобардами и Западомъ. V. Самымъ важнымъ доводомъ противъ подлинности писемъ Schwarzlose считаетъ „поразительное“ сходство ихъ съ рѣчами I. Дамаскина, особенно въ развитіи взгляда на отношенія церкви и государства, сходство, вынуждающее предполагать, что авторъ писемъ читалъ Дамаскина, чего

никакъ не могъ дѣлать Григорій II. Г. Плотниковъ противопоставляетъ тезисъ, что „буквальнаго сходства“ между памятниками нѣтъ, что̀ „признаетъ и самъ Schwarzlose“. На этомъ тезисѣ нашъ авторъ и успокоился. Однако его рѣшительно недостаточно. Какъ-же велико сходство? „Поразительно“ оно или все-же далеко отъ буквальныхъ совпаденій? Надо полагать, что нашъ авторъ обязанъ былъ, вслѣдъ за тезисомъ, дать намъ два текста въ параллельныхъ колонкахъ, чтобы можно было видѣть, кто правъ, и насколько оправдывается допускаемая авторомъ, нѣсколькими строками ниже, уступка. Этого мы не находимъ.— Здѣсь можно указать автору, что, если рѣчь идетъ не о текстуальныхъ совпаденіяхъ, а о сходствѣ идей и ихъ трактовки, то до изложенныхъ въ письмахъ мыслей объ отношеніи государства и церкви въ Римѣ могли додуматься сами безъ какихъ-либо заимствованій. Тѣ-же самыя идеи развивалъ въ своихъ письмахъ Николай I, — только гораздо ярче, своеобразнѣй, внушительнѣй и уже, конечно, не подъ вліяніемъ Дамаскина.

Завершая свою защиту подлинности писемъ къ Исавру, г. Плотниковъ выдвигаетъ и свой собственный аргументъ. Построенъ онъ на томъ, что между письмами къ Исавру и несомнѣнно подлинными письмами Григорія II къ Герману наблюдается сходство. Привлекаетъ онъ къ дѣлу и сходство между письмами Григорія II къ Герману и письмами Германа къ Ѳомѣ Наколійскому. Несмотря на нѣкоторую запутанность изложенія, аргументъ можетъ имѣть значеніе. Но и здѣсь отъ автора нужно требовать болѣе тщательнаго изученія отношеній между сопоставляемыми памятниками и большаго количества текстуальныхъ сопоставленій. — Изъ всего сказаннаго по вопросу о подлинности писемъ ко Льву Исавру, думаемъ, слѣдуетъ то, что разбираемый отдѣлъ сочиненія нуждается въ пересмотрѣ.

Есть промахи и въ другихъ частяхъ сочиненія. Заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе.

I. Опущеніе. Авторъ самъ хорошо знаетъ, какъ трудно и въ то-же время какъ важно пролить свѣтъ на начало ереси, три раза возвращается къ легендѣ о халифѣ Езидѣ (133—135, 327, 448), пытается установить въ ней историческое зерно и ни разу не задается вопросомъ: существовалъ-ли историческій Езидъ (Язидъ) и не говорятъ-ли о немъ чего-

нибудь арабскіе источники? А если бы г. Плотниковъ заглянулъ въ книгу Мѣдникова I, 719, то нашелъ-бы интересныя для себя вещи.

II. Недоразумѣніе. Въ памятникахъ эпохи не разъ встрѣчается слово *ἀμνημόνευτος*. Авторъ перевелъ его чрезъ „неизрекаемый", что во 1-хъ ясно—невѣрно, а во 2-хъ болѣе чѣмъ непонятно. Рядъ фразъ (352, 508, 522, 524, 528) получилъ въ свой составъ слово, которое здѣсь рѣшительно не къ мѣсту, не даетъ смысла и вызываетъ недоумѣніе. Было любопытно знать, откуда извлекъ г. Плотниковъ это значеніе, котораго онъ не могъ встрѣтить, конечно, ни въ одномъ словарѣ. Оказалось, что на этотъ разъ его сбилъ съ толку величайшій авторитетъ въ русской византологической наукѣ В. Г. Васильевскій, который, дѣйствительно, перевелъ слово чрезъ „неизрекаемые", въ смыслѣ nefandi (ЖМ. Н. П. 1877 CXCI 305). При всемъ томъ, этотъ переводъ невѣренъ. Странно, какъ самъ авторъ вынесъ, поборолъ въ себѣ то чувство большой неловкости и недоумѣнія, которое испытывается при чтеніи его фразъ съ злополучнымъ словомъ, и какъ онъ не пришелъ къ мысли искать другой интерпретаціи. А стоило ему открыть Дюканжа, и все объяснилось-бы. Тамъ I, 940 онъ прочелъ-бы: *ἀμνημόνευτος — excommunicatus*; nam cum ex diptychis recitentur universim nomina fidelium, qui ab ea recitatione eximuntur, extra communionem Ecclesiae esse censentur. Кстати замѣтить, Дюканжъ подкрѣпляетъ свое толкованіе ссылкой какъ разъ на то мѣсто Θеофана, съ которымъ имѣетъ дѣло г. Плотниковъ (352).

III. Промахи при встрѣчѣ съ техническими византійскими терминами. При передачѣ Theoph. 442 26 нужно было, вмѣсто „управитель школъ" поставить „доместикъ школъ" или „схолъ" (*δομέστικος τῶν σχολῶν*) и объяснить, хотя-бы по Дюканжу и Byzantina Д. Θ. Бѣляева, что это значитъ (375). Неудачно передано Theoph. 461 20; въ фразѣ *ὁ δὲ λαὸς τῶν σχολαρίων τε καὶ ἐκσκουβιτόρων* первое существительное нужно было перевести, конечно, чрезъ „толпа", а для второго и третьяго смотрѣть того-же Дюканжа, что предохранило-бы автора отъ ошибокъ (411). Для VIII вѣка Византіи слѣдовало-бы избѣгать переводить *τάγμα* чрезъ „легіонъ" (395). У Theoph. 497 5 въ сочиненіи *ὁ στρατηγὸς τῶν ἀνατολικῶν* при *ἀνατολικῶν* естественнѣе разумѣть *θεμάτων*, чѣмъ *χωρῶν* (авторъ

переводитъ: „восточныхъ странъ"; 429 ср. 433). Напрасно трудился авторъ передать Theoph. 409₁ *ἐν τῷ τριβουναλίῳ ιθ' ἀκουβίτων* русской фразой: въ трибуналѣ „девятнадцати возлежащихъ" (336). Хотя этотъ переводъ данъ опять по примѣру и подъ вліяніемъ В. Г. Васильевскаго (Ж. М. Н. П. 1877 CXCI 298), но „19 возлежащихъ", съ одной стороны, нисколько не понятнѣе, чѣмъ „19 акувитовъ", какъ слѣдовало-бы оставить г. Плотникову; съ другой, могутъ дать неправильное представленіе о дѣлѣ. Нашему автору слѣдовало обратиться къ Bizantina Д. Ѳ. Бѣляева и прочесть (I, 108—116) прекрасный комментарій о Триклинѣ (палатѣ) 19 аккувитовъ и его Трибуналѣ.

Къ сказанному можно прибавить еще нѣкоторыя замѣчанія. Въ пользованіи греческимъ языкомъ иногда можно желать большей точности (473—478). На стр. 202 конецъ перваго абзаца, съ греческимъ текстомъ, нужно выбросить. — Авторъ безъ всякой надобности оставилъ нѣкоторыя собственныя имена въ иностранной формѣ: островъ *Πρίγκιπος* — Принкипо (371, 417); *Πρώτη*—Проти (177); Messalianer—мессаліане (272); фамилія издателя житія Ѳеофана г. Спиридонова отлично склоняется по-русски (284). *Κιθάρα* лучше-бы передать чрезъ „киѳара", а не „гитара" (51). — На стр. 386 невѣрно указанъ индиктъ.

Изложеніе обычно сжатое. Иногда уже слишкомъ неожиданно дѣлается переходъ отъ изложенія чужого взгляда къ его критикѣ (31; 144). Мѣстами авторъ излагаетъ памятники такъ, что его можно понять лишь при очень близкомъ предварительномъ знакомствѣ съ документомъ (33). Нѣкоторыя выраженія неудобны (179), неудачны (63, 199, 253, 418, 421). Стиль вообще простъ, ясенъ, но суховатъ.

При всемъ томъ, указанные недостатки не колеблютъ серьезныхъ достоинствъ сочиненія.

Мы надѣемся, что г. Плотниковъ не оставитъ своей работы надъ заинтересовавшей его эпохой и потому позволяемъ себѣ высказать нѣсколько пожеланій относительно ея дальнѣйшаго хода. Говорить о томъ, что необходимо закончить изученіе намѣченныхъ планомъ памятниковъ, въ частности—изучить идеологію движенія, конечно, нѣтъ нужды. Понятно и то, что потребуется болѣе широкое и глубокое знаніе эпохи вообще, самое внимательное наблюденіе надъ

моментомъ возникновенія ереси и выясненіе дѣйствовавшихъ въ этомъ моментѣ силъ, общее знакомство съ иконоборческимъ движеніемъ на Западѣ. Мы хотѣли-бы обратить вниманіе нашего автора пока лишь на три вопроса, которыхъ никакъ нельзя обойти въ общей схемѣ движенія и изъ которыхъ первый намѣченъ имъ очень недостаточно, а два другіе обойдены вовсе. 1. Какую роль сыграло въ движеніи папство и какую долю у частія въ подготовкѣ торжества православія нужно отнести на счетъ Рима? 2. Какъ, подъ вліяніемъ борьбы за иконы, складывались отношенія между государствомъ и церковью въ Византіи и вѣрно-ли то, что моментъ торжества Православія для церкви роковымъ образомъ оказался начальнымъ моментомъ ея полнаго порабощенія государству? 3. Третій вопросъ, повидимому, самый важный. Въ своихъ изслѣдованіяхъ источниковъ нашъ авторъ исходитъ изъ того взгляда, что иконоборчество—явленіе церковно-историческаго характера. Онъ, конечно, знаетъ, что есть иные взгляды, по которымъ „иконоборчество было только частью обширной церковно-политической программы". Но, думается, значеніе этой концепціи ему ясно далеко не въ надлежащей широтѣ; ею онъ пока, можно сказать, вовсе не занимался. Автору и придется поближе познакомиться съ теоріей, наиболѣе ярко выраженной Папарригопуло въ его *Ἱστορία τοῦ ἑλλ. ἔθνους*, находившей пріемъ и у другихъ, по которой религіозная реформа была не столько цѣлью, сколько средствомъ для обширныхъ соціальныхъ преобразованій, судить о которыхъ можно по памятникамъ свѣтскаго законодательства исаврійцевъ. Иконоборческіе императоры спасали государство отъ величайшихъ опасностей. „Уже четыре вѣка византійская имперія терпѣла непрерывное смѣшеніе дѣлъ государственныхъ и дѣлъ церковныхъ; малѣйшій богословскій споръ, зажигая народныя страсти, возбуждалъ въ имперіи смуты, заговоры, иногда революціи; неудержимо возрастающее развитіе монашества лишало государство, въ моментъ страшнаго кризиса, живыхъ силъ, въ которыхъ оно нуждалось; наконецъ, духовенство, имущества котораго увеличивались съ каждымъ днемъ, вліяніе котораго на массы было всемогуще, которое держало въ своихъ рукахъ народное воспитаніе и находило въ культѣ иконъ средство живого воздѣйствія на народные умы, сдѣлалось, съ точки

зрѣнія государства, силой, опасной для общественнаго спокойствія"... Борьба съ этимъ зломъ и была цѣлью иконоборцевъ, которые, какъ-бы то ни было, „хотѣли сдѣлать великое дѣло" (Charles Diehl). — Чтобы оцѣнить и провѣрить изложенную теорію, пришлось-бы обратиться къ такому матеріалу, котораго въ намѣченныхъ нашимъ авторомъ источникахъ онъ, конечно, не найдетъ. Во всякомъ случаѣ, авторъ не можетъ уклониться отъ вопроса, было ли и въ какой мѣрѣ было иконоборчество лозунгомъ и средствомъ соціальной реформы.

Въ заключеніе можно пожелать автору внѣшнихъ благопріятныхъ условій для работы, а именно — своевременнаго изданія новыхъ, еще неизданныхъ, памятниковъ эпохи. Будемъ надѣяться, что ожидаемыя публикаціи Serruys—въ области неизданныхъ твореній патр. Никифора—и г. Спиридонова, отъ котораго есть основанія ожидать обнародованія новыхъ документовъ, не заставятъ себя ждать очень долго. Что касается новѣйшихъ изслѣдованій въ области византійской хронографіи о. Преображенскаго, то остается неяснымъ, нужно-ли ждать, вслѣдъ за этими изслѣдованіями, новаго изданія самаго текста хроникъ, особенно—Θеофана, столь важнаго въ ряду другихъ хронографическихъ памятниковъ эпохи. Въ крайнемъ случаѣ, принимая въ расчетъ общія положенія о. Преображенскаго о де-бооровскомъ текстѣ Θеофана, достаточно съ очень большимъ вниманіемъ отнестись къ Chronographia tripertita Анастасія Библіотекаря.

За свое сочиненіе г. Плотниковъ заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и большой похвалы".

б) Ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго:*

„Просмотрѣвъ сочиненіе г. Плотникова, поданное имъ на степень кандидата богословія, я могу заявить, что, несмотря на всѣ затрудненія, какія предлежали ему въ такомъ сложномъ и запутанномъ вопросѣ, еще далеко не выясненномъ въ современной наукѣ, онъ справился съ своей задачей очень хорошо, проявилъ точное знаніе источниковъ, критическія способности изслѣдователя, большую трудоспособность и написалъ сочиненіе, отличающееся такими несомнѣнными

достоинствами, которыя должны быть отмѣчены высшимъ балломъ пять".

32) О сочиненіи студента *Подлуцкаго Ивана* на тему: „Идеи нравственнаго совершенства и счастья въ классической философіи и христіанскомъ ученіи".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева:*

„Въ предисловіи авторъ разъясняетъ важность задачи и оправдываетъ избранный имъ планъ и матеріалъ работы, главное, объясняетъ, почему онъ не привлекъ въ кругъ своего изслѣдованія Платона и Аристотеля, при чемъ предполагается, что границы предмета изслѣдованія вынуждены временемъ срочной работы и могутъ быть позднѣе раздвинуты до включенія не только Платона и Аристотеля и другихъ древнихъ мыслителей, но и новой философіи. Этотъ грандіозный планъ уже, какъ я знаю, предносится пытливому уму молодого ученаго, но и выполненное имъ имѣетъ почтенный объемъ. Онъ говоритъ о Сократѣ (гл. 1), киникахъ (гл. 2), киренаикахъ (гл. 3), стоикахъ (гл. 4), эпикурейской школѣ (гл. 5) и въ послѣдней (6-й) главѣ излагаетъ евангельское ученіе по данному вопросу. Кромѣ главъ, сочиненіе дѣлится на параграфы, имѣющіе общій счетъ, и тщательные заголовки параграфовъ даютъ болѣе детальное представленіе о содержаніи его. Вотъ эти заголовки. (§ 1) Общее состояніе духовной жизни при Сократѣ. (2) Отношеніе Сократа къ натурфилософіи. Общія задачи его дѣятельности. (3) Гносеологическія и метафизическія предпосылки моральнаго ученія Сократа. (4) Тождество добродѣтели и знанія. Односторонній ителлектуализмъ Сократа. Знаніе какъ благо. Формальность опредѣленія добродѣтели. (5) Благо, какъ цѣлесообразное, какъ полезное. Вопросъ объ утилитаризмѣ Сократа. Субъективистическій оттѣнокъ его моральныхъ требованій. (6) Прикладная мораль въ ученіи Сократа. Единство добродѣтели. Отношеніе къ чувственности. Доброе, какъ „законное". Нравственный обликъ Сократа. (7) Вопросъ о счастьѣ въ ученіи Сократа. (8) Общіе выводы. Связь ученія Сократа съ ученіемъ киниковъ и киренаиковъ. Киники. (9) Представители школы. Общій характеръ ея интересовъ. (10) Отрицаніе теоретическаго знанія, какъ таковаго. Исклю-

чительно практическое значеніе науки. Цѣль жизни. Идея счастья. (11) Идея нравственнаго совершенства въ ученіи киниковъ. Основы добродѣтели. Сущность послѣдней. Средства къ ея достиженію. Жизнь киниковъ. (12) Киренаики. Представители школы. Связь съ Сократомъ. Общее направленіе ученія киренаиковъ. (13) Удовольствіе, какъ цѣль жизни. Обоснованіе даннаго принципа. Его детальное развитіе. (14) Чувственныя и духовныя удовольствія. Отношеніе мудреца къ удовольствіямъ. Какой смыслъ имѣетъ нравственное совершенство. Общее отношеніе къ проблемѣ нравственнаго совершенства. Достижимость цѣли жизни. (15) Рѣшеніе проблемы счастья въ ученіи Ѳеодора, Гегезія и Анникериса. (16) Стоики. Представители школы. Общее замѣчаніе о стоицизмѣ. Связь съ киниками и Сократомъ. Моральный интересъ, какъ первенствующій. (17) Счастье, какъ послѣдняя цѣль жизни человѣка. Необходимость общаго міровоззрѣнія. (18) Физика стоиковъ. Матеріализмъ. Сила и матерія. Міровой разумъ и его обнаруженіе. Душа человѣка. (19) Логика стоиковъ. Источники познанія. Критерій истины. (20) Общія положенія стоической этики. (21) Раскрытіе понятія добродѣтели съ положительной стороны. (22) Удовольствіе, какъ только слѣдствіе добродѣтели. Его отличіе отъ добродѣтели. Виды нравственнаго удовольствія. (23) Безразличное. Внутреннее различіе „ἀδιάφορα". (24) Ученіе объ аффектахъ. Природа ихъ. Виды аффекта. Отношеніе къ нимъ. (25) Раздѣленіе людей на два класса. Нравственныя качества мудреца и глупца. (26) Двойственное теченіе въ стоицизмѣ. Основы и формы отношенія мудреца къ обществу и государству. (27) Позднѣйшіе представители стоической школы: Сенека, Музоній Руфъ, Маркъ Аврелій. Моральная философія Эпиктета. Недостижимость счастья. Самоубійство. Заключеніе. (28) Эпикурейская школа. Общее направленіе эпикурейской философіи. Значеніе науки. Связь съ киренаиками. Цѣль жизни и философіи. Метафизическія предпосылки морали. (29) Благо индивидуума. Критерій истины, его опредѣляющій. Ученіе объ удовольствіи. Отличіе отъ киренаиковъ. Конечная цѣль жизни. Тѣлесныя и духовныя удовольствія. Всякое ли удовольствіе должно быть принимаемо? Значеніе разума въ выборѣ удовольствій. (30) Связь добродѣтели съ удовольствіемъ. Добродѣтель, какъ только средство для сча-

стья. Тождество интереса и добродѣтели. Частныя добродѣтели. Эгоизмъ въ личной и общественной жизни. Вопросъ о смерти. Достижимость блаженства. Общее заключеніе. (31) Проблемы нравственнаго совершенства и счастья въ свѣтѣ евангельскаго ученія. Различное пониманіе счастья. Несостоятельность эвдемонизма. (32) Подлинная сущность счастья. Его достижимость. Можетъ ли счастье быть цѣлью жизни христіанина? (33) Достижимость нравственнаго совершенства. Его сущность. Выявленіе славы Божіей въ ничтожествѣ человѣческомъ. Любовь, какъ основное конкретное выраженіе нравственнаго совершенствованія.

Въ „заключеніи“ авторъ такъ формулируетъ отличіе античной морали отъ христіанской. „Въ морали античной первое мѣсто всегда принадлежитъ вопросу о счастьѣ. Въ немъ полагается цѣль человѣческой жизни—въ его достиженіи. Что же касается нравственнаго совершенства, то оно представляетъ собою только средство для таковаго и разсматривается даже, какъ лишь необходимое, а не желательное непремѣнно. Въ этомъ первенствѣ, отдаваемомъ счастью, основной пунктъ расхожденія съ христіанствомъ. Второе, также существенное, различіе касается отношенія къ условіямъ достиженія счастья, частнѣе—отношенія къ страданіямъ человѣческимъ. Въ то время, какъ христіанская мораль признаетъ страданія прямо необходимыми для обладанія счастьемъ, мораль античная направляетъ всѣ силы къ тому, чтобы такъ или иначе совершенно вычеркнуть ихъ изъ жизни, или по крайней мѣрѣ—изъ сознанія человѣка. Отсюда, нравственное совершенствованіе, въ его античной обрисовкѣ, не знаетъ состраданія, какъ одной изъ своихъ формъ“.

Мы видимъ не только содержаніе и послѣдній выводъ труда г. Подлуцкаго, но и его выдающуюся содержательность. Оно обилуетъ мыслями, которыя бьютъ ключомъ.

Мы видимъ, о чемъ писалъ авторъ. Теперь вопросъ: какъ онъ пишетъ? Въ его трудѣ должны быть отмѣчены крупныя достоинства, рѣдко оказывающіяся въ студенческихъ работахъ. Во всемъ сочиненіи ни разу не встрѣчаемъ „общаго мѣста“, недоказаннаго утвержденія. Каждая строка конкретна по содержанію, и каждая страница сопровождается обильными выписками изъ греческихъ и латинскихъ подлинниковъ, обычно сносимыми въ подстрочныя примѣчанія и из-

рѣдка попадающимися въ текстѣ. Послѣдній не загромождается буквальными цитатами, которыя никогда не бываютъ пространны, но содержитъ основныя мысли подлинниковъ, поставленныя въ строгую логическую связь и изложенныя въ объясняющемъ ихъ критическомъ освѣщеніи, которое никогда, однако, не переходитъ въ отступленія, нарушающія стройность изложенія. Несомнѣнны — трудолюбіе автора, болѣе всего обнаружившееся въ внимательномъ изученіи памятниковъ классической философіи, способность къ проникновенному, тонкому анализу текстовъ, которые изъясняются, по возможности, исчерпывающимъ образомъ, строгое логическое мышленіе, сказавшееся какъ въ стройности изложенія, такъ и въ силѣ критическихъ сужденій. Языкъ вполнѣ литературный. Въ лицѣ г. Подлуцкаго выступаетъ умственная сила, хорошо подготовленная къ философскимъ работамъ, которой предстоитъ будущность и которая заслуживаетъ благопріятныхъ условій.

Не хочу сказать, что рецензируемой работѣ чужды недостатки. Есть недочетъ и въ необходимыхъ изданіяхъ изучаемыхъ авторовъ и въ литературѣ предмета, что̀ сознаетъ и самъ авторъ. Можно было бы указать нѣсколько промаховъ въ пониманіи излагаемыхъ системъ, которые не ускользнутъ отъ вниманія автора при дальнѣйшемъ работѣ. Ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Авторъ все еще недостаточно подчеркнулъ раціонализмъ классической философіи въ противоположность пневматичности христіанства, что̀ имѣетъ неисчислимыя слѣдствія.

Сочиненіе не только даетъ автору безспорныя права на степень кандидата богословія, но и заставляетъ рецензента высказать пожеланіе, чтобы работа была продолжена и въ свое время увидѣла свѣтъ. Рекомендую г. Подлуцкаго особому вниманію Академическаго Совѣта“.

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Сочиненіе г. Подлуцкаго обращаетъ на себя вниманіе своею серіезностью и тщательностью въ разработкѣ взятой темы. Каждая страница этого трактата снабжена цитатами по первоисточникамъ древней философіи, приводимыми in extenso, и многія страницы подтверждаются глухими ссылками на соотвѣтственную литературу. Изложеніе сопрово-

ждается приведеніемъ и, иногда, анализомъ подлинныхъ терминовъ. Языкъ автора отчетливъ и точенъ. Тому же впечатлѣнію отчетливости служитъ и расчлененность изложенія на главы и параграфы, имѣющіе всякій разъ свои заголовки. Однимъ словомъ, разбираемое сочиненіе показываетъ вкусъ Автора къ работѣ и большое прилежаніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при чтеніи этого сочиненія постоянно встаетъ вопросъ: Нуженъ ли этотъ научный аппаратъ въ данномъ сочиненіи? Не имѣетъ ли онъ здѣсь значенія декоративнаго?

Въ самомъ дѣлѣ, Авторъ съ самаго начала избралъ путь если не ошибочный по существу, то во всякомъ случаѣ никакъ не идущій къ студенческому сочиненію, имѣющему въ своемъ распоряженіи не болѣе года для разработки. Сочиненіе г. Подлуцкаго построено по типу обширныхъ курсовъ,—въ видѣ исторіи этической философіи въ древности или цикла лекцій по исторіи этики. Совладать съ такою формою молодому изслѣдователю, да еще въ годъ работы, конечно, невозможно, и г. Подлуцкій, несмотря на большія усилія, затраченныя на свою работу, а, можетъ быть, именно вслѣдствіе чрезмѣрности своихъ усилій, впадаетъ въ поверхностность и неоригинальность. Онъ документаленъ въ каждомъ своемъ утвержденіи; но стóило ли такъ тщательно подверждать цитатами тезисы обще-извѣстные, которые можно найти въ любомъ большомъ курсѣ по исторіи древней философіи или, въ частности, древней этики, если въ результатѣ этой усиленной цитаціи изложеніе не пріобрѣло глубины, но утеряло въ свѣжести? Кромѣ того, при видимомъ стремленіи Автора быть *полнымъ*, не могутъ казаться удовлетворительными его оговорки, которыми онъ объясняетъ отсутствіе въ своемъ сочиненіи цѣлаго ряда корифеевъ этической мысли. Можно ли, разсуждая объ идеяхъ нравственнаго совершенства въ классической философіи, опускать Платона, Аристотеля, всѣхъ неоплатониковъ и неопиѳагорейцевъ? И отъ такого пропуска не получится ли ложнаго освѣщенія античнаго представленія о совершенствѣ, особенно когда античное представленіе сопоставляется съ христіанскимъ?

Говоря о формальныхъ недостаткахъ сочиненія г. Подлуцкаго, я считаю долгомъ спросить Автора и о томъ, почему не переведены имъ цитаты. Если этотъ переводъ, по мнѣнію, приводящаго цитаты легокъ, то Авторъ дóлженъ былъ дать переводъ ихъ; если же—труденъ, то переводъ тѣмъ болѣе

долженъ быть данъ, ибо по какому праву Авторъ сваливаетъ трудъ перевода съ себя на своего читателя.

Но эти, общіе, и нѣкоторые другіе, частные, недостатки не составляютъ препятствія къ признанію сочиненія г. Подлуцкаго весьма хорошимъ, а Автора, конечно, достойнымъ степени кандидата".

33) О сочиненіи студента *Попова Тихона* на тему: „Ветхозавѣтные образы въ книгѣ Откровенія Іоанна Богослова".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Попова имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе отношенія символическихъ образовъ книги Откровенія Іоанна Богослова къ подобнымъ же образамъ ветхозавѣтныхъ книгъ и вообще къ образному языку ветхозавѣтной Библіи. Для составленія своей работы г. Поповъ долженъ былъ самостоятельно просмотрѣть ветхозавѣтную стилистику и сопоставить ее съ данными по изученію языка книги Откровенія. Какъ видно, особыхъ исагогическихъ замѣчаній къ Апокалипсису характеромъ темы, строго лингвистической, не требовалось, между тѣмъ нашъ авторъ въ введеніи (вступительномъ отдѣлѣ) пытается излагать нѣкоторыя изъ таковыхъ данныхъ, преимущественно по новѣйшему англійскому труду Свита, отчасти по Шляттеру. Вмѣсто этого конгломерата свѣдѣній, вводныхъ къ книгѣ новозавѣтнаго пророчества, лучше было бы помѣстить библейско-психологическій очеркъ съ задачею установить посильнымъ путемъ, какимъ образомъ Тайнозритель по мѣстамъ излагаетъ свои видѣнія языкомъ ветхозавѣтныхъ памятниковъ. Генезисъ этого явленія долженъ быть отличнымъ отъ происхожденія ветхозавѣтныхъ девтерографовъ. Въ книгѣ Откровенія, по г. Попову, нѣтъ подлинныхъ ветхозавѣтныхъ цитатъ; если мѣстами попадаются намеки на ipsissima verba, то во всякомъ случаѣ нѣтъ ipsissima sermo, отсутствуетъ и глухое цитированіе ветхозавѣтныхъ оригиналовъ, нѣтъ и мозаики изъ стилистическихъ выдержекъ пророчественныхъ книгъ, а однако колоритъ языка всего новозавѣтнаго памятника во многомъ — ветхозавѣтно-пророчественный. Рецензенту вспоминается отзывъ покойнаго академическаго церковнаго историка Лебедева объ языкѣ писаній нѣмецкаго церковнаго историка Неандера, — языкъ послѣдняго поразительно напоминалъ

древне-церковный литературный стиль: здѣсь сказалась изумительная начитанность Неандера въ писаніяхъ церковныхъ дѣятелей прошлаго. Такъ могло быть и съ писаніями Тайнозрителя, если не выдвигать теоріи вербальной духновенности. Воспроизведеніе рѣчей Господа въ 4 Евангеліи показываетъ, какою изумительною памятью обладалъ возлюбленный ученикъ Господа. Аналогичное явленіе для языка Апокалипсиса представляетъ вся религіозно-литургическая письменность еврейскихъ пайтаковъ, дававшихъ невольно центоны изъ псалмовъ, благодаря привычкѣ выражать свои мысли и переживанія библейскимъ языкомъ, что сдѣлало Сіонъ вѣчнымъ Парнасомъ іудейско-религіозной музы, а значительную часть послѣдующей іудейской религіозной письменности обратило въ эхо псалмодіи древняго жертвоприношенія на Моріа.

Насколько естественно желаніе имѣть въ введеніи къ лингвистической работѣ г. Попова подробный очеркъ объ языкѣ Апокалипсиса, настолько странны здѣсь сужденія о положеніи каноническаго Апокалипсиса среди „калейдоскопа“ апокалипсической литературы, о подчиненности или свободѣ языка Апокалипсиса отъ требованій іудейской апокалиптики времени, какъ вида литературы, о зависимости пониманія видѣній Апокалипсиса отъ находимыхъ для нихъ ветхозавѣтныхъ параллелей и вообще отъ отношенія ихъ къ цѣлокупному составу Библіи. Откровеніе Іоанна Богослова, конечно, совсѣмъ не на гребнѣ длинной волны современной ему апокалиптики, какъ подлинное „откровеніе“, оно стоитъ совершенно внѣ апокалиптическаго теченія литературы времени, пользовавшагося символами не только при изложеніи мистическихъ и эсхатологическихъ идей, когда это являлось требованіемъ дидактическимъ, но и при написаніи исторіософическихъ опытовъ, подобно тому, какъ миѳографъ сравнительно поздняго времени нерѣдко превращался въ натурфилософа, а миѳы служили способомъ изложенія наблюденій надъ природою. Апологетическое выясненіе вопроса объ отношеніи образовъ и языка Апокалипсиса къ іудео-эллинской псевдэпиграфической письменности апокалиптическаго колорита не должно было входить въ планъ изслѣдованія г. Попова, а поэтому и говорить объ этомъ въ введеніи не требовалось, иное дѣло „выявленіе“, какъ говоритъ нашъ

авторъ. природы греческаго языка Апокалипсиса, ибо для писавшаго на спеціально лингвистическую тему объ отношеніи языка Апокалипсиса къ языку ветхозавѣтныхъ памятниковъ не безразлично, нужно ли оперировать въ данномъ случаѣ съ языкомъ LXX или еврейскимъ подлинникомъ. Г. Поповъ, цитируя мнѣніе профессора Соболевскаго, приходитъ къ выводу, что языкъ Апокалипсиса — простонародный греческій языкъ, и поэтому, если вообще грамматика Новозавѣтнаго греческаго языка по мѣстамъ a grammar of ungrammar, то это въ особенности слѣдуетъ сказать объ языкѣ изучаемаго имъ священнаго памятника,—языка Откровенія, исполненнаго солецизмовъ и вульгизмовъ, но не гебраизмовъ. Напрасно нашъ авторъ скоро покинулъ лингвистическую проблему, столь напрашивавшуюся на рѣшеніе въ вступительныхъ замѣчаніяхъ въ его работѣ. Если языкъ новозавѣтныхъ памятниковъ только общегреческій языкъ эпохи, то къ чему же обмолвился самъ нашъ авторъ о возможности вліянія еврейскаго населенія Египетской дельты на языкъ тѣхъ памятниковъ общегреческаго языка, какими снабжаетъ ученый міръ Египетская страна въ видѣ папирусныхъ дѣловыхъ писемъ и документовъ. Если и здѣсь возможно отмѣчать слѣды гебраизированнаго *κοινὴ*, то не тѣмъ ли болѣе въ новозавѣтныхъ священныхъ памятникахъ, написанныхъ природными семитами, до какого бы низкаго литературно-греческаго уровня они ни спадали.

Самое изслѣдованіе г. Попова написано по типу греко-еврейскихъ схолій (lucubrationes)—къ Новому Завѣту. Распорядокъ изученныхъ матеріаловъ данъ внѣшнею послѣдовательностью главъ и стиховъ священнаго новозавѣтнаго памятника; здѣсь только опущены 2 и 3 главы Апокалипсиса, какъ имѣющія историческій смыслъ (современный Тайнозрителю). Такой методъ изложенія распыляетъ обширный изученный г. Поповымъ матеріалъ (изъ 404 стиховъ книги Откровенія 278 имѣютъ отношеніе къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ) и, думается, лучше было бы, если бы онъ, оперируя такъ сказать надъ плотью Писанія, располагалъ матеріалъ по рубрикамъ стилистики или реторики. Въ случаѣ же желанія имѣть идейную схему, онъ могъ воспользоваться книгою Шляттера, представляющею образецъ весьма одобрительной трехчастной схемы: 1) Богъ и небо, 2) Христосъ и

3) Грядущее. У Шляттера по этой схемѣ группируется матеріалъ изъ раввинистической литературы, но ничто не мѣшало нашему автору такъ же сгруппировать данныя изъ ветхозавѣтныхъ каноническихъ іудейскихъ писаній. Что касается до матеріальной стороны, то изслѣдованіе г. Попова детально и полно, нося несомнѣнные слѣды кропотливой работы, только авторъ колеблется между вербальными и идейными параллелями, что даетъ его труду по мѣстамъ нежелательные и довольно случайные сдвиги. Для читателя, незнакомаго съ ходомъ годичныхъ занятій автора, можетъ получиться впечатлѣніе торопливости, неотдѣланности работы, поэтому, вмѣсто объемистаго „приложенія", содержащаго хорошій переводъ нѣмецкаго труда Шляттера: Ветхій завѣтъ въ Апокалипсисѣ Іоанна, лучше было бы автору, вкрапивъ этотъ матеріалъ въ ткань самого изслѣдованія, дать какой-либо опытъ систематизаціи параллелей между Откровеніемъ и ветхозавѣтной Библіей, своего рода ключъ къ пользованію предлежащимъ изслѣдованіемъ, почему безусловно нужно было дихотомически выдѣлить параллели вербальныя отъ совпаденій идейныхъ, наприм. описаніе первосвященническаго хошена и камни, упоминаемые въ Откровеніи, относятся къ первому роду, а Іезекіилева схема Іерусалима и горній Іерусалимъ Откровенія ко второму, а то мѣстами непонятенъ смыслъ и относительный вѣсъ параллели, наприм. при рѣчи объ Армагеддонѣ неизвѣстно, лексикальная это параллель или идейная (стр. 50). Полезно было отмѣтить словарнымъ путемъ общія выраженія у Тайнозрителя и ветхозавѣтной Библіи, выдѣляя совпаденія фразеологическія отъ тожественнаго употребленія словъ. Равно, увлекаясь переводомъ съ иностранныхъ языковъ, которыми нашъ авторъ прекрасно владѣетъ, онъ испортилъ мѣстами свое русское изложеніе, гдѣ нерѣдко являются ipsissima verba Свита и Шляттера. При высокой оцѣнкѣ труда Шляттера, что, конечно, и обусловило въ глазахъ нашего автора умѣстность его перевода въ качествѣ приложенія къ кандидатской диссертаціи, г. Поповъ по мѣстамъ остается въ расхожденіи съ нимъ и ко вреду для себя, наприм., для стекляннаго моря откровенія онъ ищетъ параллель въ мѣдномъ морѣ Соломонова храма (8 стр.), тогда какъ въ работѣ Шляттера прекрасно сказано объ огустѣвшемъ морѣ при переходѣ

Израиля изъ Египта и о видѣ верхнихъ водъ надъ твердью. Вѣдь если не искать опоры для экзегетическихъ выводовъ, то работа Шляттера, имѣющая дѣло съ раввинизмомъ, хотя и въ древнѣйшихъ его формаціяхъ (Мехильта, Сифра, Сифре, таргумъ, мидрашъ, Іеламдену, Песикта), безполезна для нашего автора, ибо здѣсь ветхій завѣтъ не въ подлинномъ смыслѣ, но въ преломленіи его идей у раввиновъ, а доказательства, что писатель каноническаго Апокалипсиса стоялъ въ потокѣ раввинической традиціи, столь же условны, какъ и приводимыя въ оправданіе мысли о вліяніи палестинскаго раввинизма и книжничества на переводъ LXX.

Обмолвки у автора имѣются, такъ онъ недоумѣваетъ, что такое халколиванъ, тогда какъ сложеніе (гибридизація) изъ греч. и евр. корней могло бы ему объяснить слово, какъ бѣлую мѣдь (3 стр.)—халкосъ и лаванъ, съ диссимиляціей ливанъ-леванъ, на стр. 15 рѣчь о nun energicum, которое не поставлено въ текстѣ авторомъ, на стр. 18 „крылья“ переведено „лучи“ и отнесено не къ правдѣ, а къ солнцу, на стр. 23 археологическая неточность изъ области культа: уголья и куреніе и внѣ дня Очищенія всегда приносило одно и то же лицо сразу въ одинъ входъ во Святое, на стр. 30 параллель представило бы запечатлѣніе свитка купчей за поле въ Анаѳонѣ, сдѣланное Іереміею, на стр. 36 поэтическое названіе луны — бѣлая къ чему то комментируется—лучистая бѣлизна. Однако всѣ вышеуказанные недочеты работы г. Попова не препятствуютъ ей быть весьма хорошимъ кандидатскимъ разсужденіемъ, не ошибается только тотъ, кто не работаетъ, и рецензентъ ожидаетъ, что авторъ при блестящемъ знаніи новыхъ и древнихъ языковъ сможетъ переработать сочиненіе и для полученія слѣдующей ученой степени, а пока его сочиненіе заслуживаетъ оцѣнки полнымъ балломъ (5)“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Сочиненіе г. Попова ставитъ своею задачею выясненіе отношенія символическихъ образовъ и языка книги Откровенія Іоанна Богослова къ символикѣ и языку ветхозавѣтной Библіи и состоитъ изъ введенія (сс. III—XXXVI), самаго изслѣдованія тематическаго вопроса (сс. 1—71) и при-

ложенія (сс. 7—108). Во введеніи авторъ пытается рѣшить нѣкоторые вопросы исагогическаго характера, имѣющіе отношеніе къ Апокалипсису. Онъ говоритъ здѣсь о независимости Апокалипсиса по содержанію отъ апокалиптической и раввинистической письменности и потомъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о языкѣ Новаго Завѣта вообще, Апокалипсиса—въ частности. Эта часть сочиненія г. Попова представляется излишней. Изложеніе указанныхъ вопросовъ существомъ дѣла не вызывалось, такъ какъ темою, строго лингвистическою, отъ автора требовалось освѣтить и выяснить отношеніе символическихъ образовъ Апокалипсиса къ символикѣ ветхозавѣтной. Что касается, въ частности, экскурса въ область новозавѣтнаго языка, то вмѣсто этого было бы, несомнѣнно, важнѣе поставить и рѣшить вопросъ: чѣмъ объяснить бросающійся прямо въ глаза ветхозавѣтный колоритъ Апокалипсиса? Помимо своей ненужности введеніе производитъ непріятное впечатлѣніе еще и тѣмъ, что написано оно тяжелымъ, литературно не отдѣланнымъ языкомъ. Авторъ, видимо, не имѣлъ времени, чтобы придать тяжелымъ переводамъ съ иностранныхъ пособій литературную форму.

Вторая—главная—часть сочиненія г. Попова посвящена изслѣдованію тематическаго вопроса. По своему содержанію эта часть работы г. Попова является вполнѣ удовлетворительной. Видно, что авторъ потратилъ много кропотливаго труда на выясненіе ветхозавѣтныхъ параллелей къ символическимъ образамъ Апокалипсиса. Но и тутъ есть важный недостатокъ, заключающійся въ странномъ методѣ работы г. Попова. Вмѣсто того, чтобы систематизировать встрѣчающіеся въ Апокалипсисѣ ветхозавѣтные образы и картины по типамъ или найти какую-либо идейную схему, г. Поповъ просто выписываетъ въ порядкѣ внѣшней послѣдовательности, т. е. главу за главой, стихъ за стихомъ, греческій текстъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ Апокалипсиса, которые носятъ ветхозавѣтный колоритъ, и къ нимъ прицѣпляетъ ветхозавѣтныя параллели на еврейскомъ языкѣ съ русскимъ ихъ переводомъ. При такомъ методѣ работы отъ этой главной части сочиненія г. Попова совершенно не получается цѣльнаго впечатлѣнія.

Въ приложеніи данъ не всегда удачный и правильный въ

стилистическомъ отношеніи переводъ книги Schlatter'a: Das Alte Testament in der Iohanneischen Apokalypse. Приложеніе это вызываетъ недоумѣніе: зачѣмъ этотъ переводъ въ кандидатскомъ сочиненіи? Если для увеличенія его объема, то это совершенно излишне. Если для подкрѣпленія сужденій автора словами Schlatter'a, то для этого лучше бы внести соотвѣтствующія цитаты изъ Schlatter'a въ главную часть работы г. Попова.

Мое общее впечатлѣніе отъ сочиненія г. Попова такое. Методъ работы г. Попова въ главной ея части неправильный. Языкъ вездѣ тяжелый, литературно не отдѣланный. Что касается содержанія, то съ этой стороны сочиненіе г. Попова представляетъ скорѣе собраніе матеріаловъ къ рѣшенію тематическаго вопроса, чѣмъ строго научное изслѣдованіе. Но эти матеріалы во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о большомъ трудолюбіи и познаніяхъ г. Попова, что и даетъ рецензенту право на присужденіе г. Попову степени кандидата богословія".

34) О сочиненіи студента *Пятикрестовскаго Сергѣя* на тему: „Благотворительность и условія ея благотворности".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Въ своемъ сочиненіи авторъ сначала разсуждаетъ о важности вопроса для личности, государства и церкви, затѣмъ опредѣляетъ благотворительность „въ строгомъ смыслѣ слова", разбираетъ возраженія противъ благотворительности, религіозно-философскія и соціально-политическія, и разсматриваетъ благотворность благотворительности личной, государственной и церковной.

Центральная мысль автора — пониманіе благотворительности въ евангельскомъ смыслѣ, въ смыслѣ обнаруженій вдохновенной любви, всецѣло охватывающей человѣка и побуждающей его жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, всею своею жизнью. Христіанскую благотворительность, единственно заслуживающую имя истинной благотворительности, авторъ рѣшительно противопоставляетъ взгляду Кропоткина, который выводитъ благотворительность изъ инстинкта взаимопомощи. Образцы христіанской благотворительности—д-ръ Гаазъ, инокиня Анастасія, вообще, немногіе

избранники. „Только обладающіе даромъ любви (1 Кор. XII, 31—XIII) и могутъ быть названы благотворителями въ собственномъ смыслѣ этого слова“. Всѣ возраженія противъ благотворительности авторъ разсматриваетъ исключительно „съ точки зрѣнія истинной благотворительности“. Ему не стоитъ большого труда сбить съ позиціи такихъ противниковъ состраданія, какъ Леонтьевъ или Ницше, которые возражаютъ во имя красоты, свободы и вдохновенности: онъ показываетъ, что красота, свобода и вдохновенность болѣе всего свойственны христіанской любви. Ему легко удается отмѣтить слабыя стороны въ теоріяхъ соціальной пользы (соціализма) и Крестовоздвиженскаго Трудового Братства. Въ этихъ теоріяхъ слишкомъ много воздается здравому смыслу и слишкомъ мало—вдохновенному творчеству, красотѣ христіанской личности. Аргументація автора въ основномъ весьма сильна, хотя онъ не удерживается въ частностяхъ отъ нѣкоторыхъ рискованныхъ шаговъ. Нельзя не назвать рискованнымъ его сужденія о пользѣ паразитизма. „Что касается интересовъ общества (пишетъ онъ на стр. 50—52), то, увеличивая тунеядство, христіанская благотворительность несомнѣнно увеличиваетъ число паразитовъ на общественномъ организмѣ. Но намъ кажется, что и паразитизмъ имѣетъ иногда положительное значеніе для организма. Для переполненнаго кровью организма паразиты-піявки оказываютъ благотворное дѣйствіе. Ту же роль піявокъ можно признать и за паразитизмомъ общественнымъ. Нашъ общественный организмъ несомнѣнно нездоровъ: въ немъ избытокъ жизненной силы. Арміи безработныхъ лучшее тому доказательство. И если бы вся многочисленная армія нищихъ-профессіоналовъ захотѣла работать, то она лишь увеличила бы армію безработныхъ“ и т. д. Эти сужденія крайне слабы, хотя въ послѣдующемъ ихъ парадоксальность значительно смягчается (стр. 52). У автора все направлено къ одной цѣли—выставить красоту христіанской личности и отклонить всѣ возраженія противъ евангельской благотворительности. Такъ онъ подходитъ къ послѣдней формулировкѣ отвѣта на поставленную тему. „Мы—говоритъ онъ—опредѣляемъ благотворительность, какъ добродѣтель, имѣющую своимъ основаніемъ вдохновенную любовь,—то помазаніе, которое учитъ человѣка всему и которое, слѣдовательно, дѣлаетъ ненуж-

ными для благотворителя внѣшнія указанія на какія либо условія благотворности его благотворительности". По мнѣнію г. Пятикрестовскаго, „для благотворителя внѣшнія условія не имѣютъ существеннаго значенія, и его воодушевленная дѣятельность всегда благотворна, что же касается до внутреннихъ условій, то такое условіе—одно, это любовь, творческое воодушевленіе, которое является собственно условіемъ самой благотворительности". Далѣе онъ и разсматриваетъ „собственно не условія благотворности благотворительности, но лишь самый процессъ благотворительности и тѣ слѣдствія, которыя проистекаютъ для благотворимыхъ отъ этой благотворительности". Онъ ярко живописуетъ побѣдоносную христіанскую дѣятельность, которая все преодолѣваетъ мощью духовной личности, силою любви. Въ послѣднихъ отдѣлахъ своего сочиненія г. Пятикрестовскій говоритъ о благотворительности государственной и благотворительности церковно-общественной. Государственная благотворительность имѣетъ свои специфическія задачи, это—„относительная благотворительность", но она встрѣчаетъ на своемъ пути почти непреодолимыя затрудненія. Равно и церковно-общественная благотворительность отлична отъ евангельской своею организованностью,—„осмотрительностью и осторожностью въ дѣлѣ покаянія", хотя и здѣсь въ послѣднемъ итогѣ благотворность зависитъ отъ характера дѣйствующихъ лицъ.

Сужденія автора о евангельской любви и христіанской благотворительности безупречны; но отожествленіе благотворительности съ вдохновеннымъ обнаруженіемъ христіанской любви, приводящее къ устраненію самого вопроса о благотворности благотворительности, страдаетъ излишнимъ ригоризмомъ. Онъ упускаетъ изъ вниманія и то, что благотворительность имѣетъ широкое примѣненіе въ жизни и вытекаетъ изъ многихъ мотивовъ, не исключая и тѣхъ, которые указаны у Кропоткина, и то, что вдохновенная христіанская любовь не исчерпываетъ запросовъ соціальной пользы, удовлетвореніе которыхъ, поэтому, остается открытымъ. Критика теоріи Неплюева въ рецензируемомъ сочиненіи неполна: не оцѣнены указанные Неплюевымъ недочеты безсистемной благотворительности, не оцѣнена и относительная полезность организованной благотворительности. Откуда всплываетъ у

самого автора „относительная благотворительность“ государства и „осмотрительная благотворительность“ церковно-общественная? Если эти виды благотворительности имѣютъ для себя оправданіе, то оно коренится въ соціальной нейтральности христіанской любви, что̀ и нужно было бы отмѣтить. И когда г. Пятикрестовскій говоритъ о „благотворности благотворительности для самого благотворителя“, то не уклоняется ли онъ отъ надлежащаго смысла благотворности какъ полезности для жизни? Разсмотрѣніе послѣдней не внесло бы значительныхъ измѣненій въ то, что уже имъ написано, но заставило бы его значительно дополнить сказанное имъ. Однако этотъ недостатокъ диссертаціи вполнѣ искупается восторженнымъ преклоненіемъ автора предъ высотою и мощью христіанской личности, предъ красотою христіанской любви. Своимъ религіозно-этическимъ подъемомъ сочиненіе производитъ благопріятное впечатлѣніе. Все выдаетъ глубоко-заложенныя убѣжденія, являющіяся плодомъ и внимательнаго изученія богословской литературы. Также обширна и использованная авторомъ спеціальная литература. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполнѣ“.

б) И. д. доцента *Ѳ. К. Андреева*:

„Сочиненіе г. Пятикрестовскаго подкупаетъ своей искренностью, теплотой, хорошей христіанской настроенностью, стремленіемъ дать ясное рѣшеніе поставленнаго вопроса, но, къ сожалѣнію, оно страдаетъ полнымъ отсутствіемъ плана и ненаучностью пріемовъ разработки темы. Вопросъ о благотворительности и условіяхъ ея благотворности рѣшается туманно и слишкомъ обще. Почти полное отсутствіе параграфовъ и резюмирующихъ введенія или заключенія еще болѣе затрудняетъ пониманіе мыслей автора. Многочисленныя цитаты въ большей части набраны изъ мелкихъ журнальныхъ статей и лишь немногія опираются на солидные ученые авторитеты и первоисточники. Видно, что авторъ одушевленъ темой и старается освѣтить вопросъ какъ можно обстоятельнѣе, но это ему не всегда удается. Такъ идея о „помазанности“ какъ необходимомъ условіи для благотворной благотворительности—глубокая и интересная, но хотѣлось бы видѣть болѣе точную ея характеристику. Отношеніе въ благотворительности началъ личнаго къ общественному;

непосредственнаго къ организованному и ихъ сравнительная цѣнность также не выяснены въ достаточной полнотѣ. Характеристика и критика нѣкоторыхъ исторически осуществленныхъ образцовъ такой „устроенной“ благотворительности (напр. Трудовое Братство Неплюева) интереснѣе и обнаруживаютъ въ авторѣ большую наблюдательность и свободу отъ ходячихъ мнѣній о подобныхъ предпріятіяхъ. Интересно все то, что онъ говоритъ о Ѳ. П. Гаазѣ, княгинѣ Александрѣ Петровнѣ (въ монашествѣ Анастасіи), сестрѣ Варварѣ; но, хотѣлось бы видѣть больше этихъ милыхъ сердцу именъ (совершенно забытъ, напр., Даміанъ-де-Вестеръ). Положеніе вопроса о благотворительности въ древней церкви не выяснено (хотя бы по извѣстной автору книгѣ В. Экземплярскаго или по неизвѣстнымъ ему работамъ Ульгорна, Суворова и др., а также по солидному изслѣдованію Зейпеля: „Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ Церкви“, недавно появившемуся въ русскомъ переводѣ). Подъ ученіемъ Св. Писанія о томъ же предметѣ авторъ разумѣетъ едва ли не тѣ два изреченія книги Сираха, которыя онъ приводитъ на стр 43 и 66 своей работы: (какъ полагается, невѣрно указывая главы и стихи): „лучше умереть, нежели просить милостыню (40, 29)“ и „благотворительность, какъ рай, полна благословеній (40, 17)“, связать которыя ему не удается, хотя его разсужденія о психологіи дающаго и принимающаго вдумчивы и тонки.

Недоумѣніе вызываютъ также нѣкоторыя частности работы. Такъ на стр. 17—18 авторъ утверждаетъ рискованное положеніе о пользѣ исключительно внѣшней благотворительности—игры для души того, кто ею занимается. На стр. 19 встрѣчается такая философія „отъ филологіи“: для благотворенія, говоритъ авторъ, „нужно вдохновеніе любви, подобное поэтическому вдохновенію (сравн. благо*твореніе* и стихо*твореніе*)“. Мы ожидали, что въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ вопросъ идетъ объ организованномъ благо*твореніи*, авторъ установитъ несомнѣнную „философическую“ связь послѣдняго и со столпо*твореніемъ*, принимая во вниманіе его чисто гуманистическій характеръ и ту сутолоку, какая обычно бываетъ на благотворительныхъ базарахъ. На стр. 27—28 и 32 авторъ приравниваетъ К. Леонтьева къ Ницше и приписываетъ ему идею чистаго laisser faire по отношенію

къ существующему въ мірѣ злу: но несомнѣнно, что хотя чисто эстетическій масштабъ у Леонтьева преобладаетъ надъ всѣми другими способами оцѣнки, однако грубое представленіе о необходимости тѣней для красоты цѣлой картины у него отсутствуетъ. Кратко его мысль по данному вопросу можетъ быть выражена его же словами такъ; „Христосъ, говоритъ онъ, ставилъ милосердіе или доброту *личнымъ идеаломъ*; Онъ не обѣщалъ нигдѣ торжества *поголовнаго братства на земномъ шарѣ*... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всѣхъ сторонъ. А есть вещи, которыя *уступать нельзя* (сочиненія, т. 8, стр. 186, курсивъ подлинника)". Къ послѣднимъ цѣнностямъ онъ относитъ, напр., вѣру, которая всегда будетъ полагать границы между людьми и дѣлать однихъ духовно болѣе богатыми, чѣмъ другихъ, но личному подвигу любви, до положенія души за брата этимъ вовсе не ставится предѣла.

Наконецъ на стр. 87 страшнымъ диссонансомъ въ христіански-одушевленную работу врывается цитата „о пользѣ благотворительности" изъ Р. В. Трайна. Неужели авторъ не знаетъ, что въ лицѣ этого проповѣдника „могущества человѣка" онъ имѣетъ дѣло съ новѣйшей американской рекламой о „личномъ магнетизмѣ", „сила внутри Васъ", или, по терминологіи отцовъ: вѣрнѣйшее руководство для ниспаденія въ „прелесть"? Быть можетъ онъ удовольствовался лишь той — самой послѣдней — страницей книги, гдѣ находится приводимая имъ невозможная цитата объ извощичьей лошади, смотрящей „сосредоточеннымъ взглядомъ" на мимоидущаго „благотворителя", но если бы онъ заглянулъ повыше, онъ бы встрѣтилъ такіе совѣты: „Слѣдующій опытъ можетъ быть полезенъ многимъ и дать исцѣленіе: со спокойнымъ духомъ и сердцемъ, полнымъ любви ко всему существующему, углубитесь въ себя и сосредоточьте ваши мысли на слѣдующемъ: „Я вступаю въ единеніе съ безконечнымъ Духомъ жизни. Слѣдовательно, я—духъ, духовное существо, а потому моя истинная природа не можетъ подвергаться вліянію болѣзни. Тѣло мое, въ которое вошла уже болѣзнь, я всецѣло предоставляю воздѣйствію этой безконечной жизни, и теперь именно, въ этотъ моментъ, жизнь эта могучимъ потокомъ входитъ въ меня, проникаетъ все мое тѣло,—и процессъ моего исцѣленія совершается. Ду-

майте эти мысли такъ живо, чтобы вы чувствовали, какъ силы вашего тѣла возбуждаютъ въ васъ замѣтную теплоту. Вѣрьте съ непоколебимою твердостью, что въ эту минуту уже начинается цѣлительный процессъ и т. д.". И все это приправлено библейскими текстами: „Подумайте только и вникните въ глубокій смыслъ этихъ великихъ словъ—„создадимъ человѣка по образу и подобію Божію". Вѣдь они ясно говорятъ, что человѣкъ—этотъ перлъ творенія — созданъ сопричастнымъ божественной силы и бытія и долженъ быть властителемъ міра — и вдругъ онъ страшится и дрожитъ какого-то легкаго сквозняка". (Кто, кромѣ американца, могъ бы додуматься до истолкованія образа Божія въ смыслѣ человѣка, не страдающаго насморкомъ!?).—„Развѣ *мы* не дѣти одного Отца", говорилъ І. Христосъ",—вотъ „ссылка" на Новый Завѣтъ.—Наконецъ, и та благотворительность, которую предлагаетъ Трайнъ, носитъ специфическія черты его системы: „Я не знаю, говоритъ онъ, болѣе лучшаго образа жизни, какъ одного изъ моихъ друзей. Онъ всегда находится въ такомъ состояніи духа, что безпрестанно посылаетъ всѣмъ свою любовь въ видѣ мыслей: „О міръ, какъ ты прекрасенъ и какъ я люблю тебя"... (Руск. пер.—оч. плохой—„Могущество человѣка" М. 1908. Стр. 61—62, 67—68, 219, 97. И ссылками на такую-то книгу авторъ подкрѣпляетъ свои — безусловно строго-христіанскіе—взгляды на благотворительность!

Что касается чисто литературныхъ и другихъ мелкихъ погрѣшностей, то ихъ въ разсматриваемой работѣ немного: „Такая самоотверженная непрерывная дѣятельность не обща для цѣлаго *вида* (т. е. подразумѣвается — благотворителей) (стр. 25—26)". На стр. 39 слово „болванъ" было бы удобнѣе замѣнить словомъ „манекенъ"; „разсыпаться по разнымъ мѣстамъ житейскаго моря (стр. 64)"; „взаимоизгрызаніе изъ-за микроскопическихъ бездѣлицъ (стр. 73)"; „электризуемый скелетъ (стр. 85)"; „человѣкъ (въ лицѣ Фр. Ницше, о. Виктора—на стр. 15 послѣдній именуется: „нѣкій іеромонахъ Викторъ"—и проч.) „справедливо возстаетъ"... (ibid.); „при наличности надежныхъ лицъ (стр. 134)" и нѣкотор. др.

Но въ цѣломъ, какъ мы уже сказали, работа производитъ хорошее впечатлѣніе, и на нее затрачено не мало труда, поэтому мы считаемъ автора ея достойнымъ искомой степени".

35) О сочиненіи студента *іеромонаха Максима* (*Руберовскаго*) на тему: „Исторія русскаго монашества отъ начала его до преп. Сергія“.

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора*:

„Авторъ не пытался въ своей работѣ описать, хотя бы кратко, всѣ существовавшіе въ домонгольскій періодъ на Руси монастыри. Его задача другая: на основаніи типичныхъ монастырей указаннаго періода онъ задумалъ нарисовать картину внутренней монастырской жизни въ связи съ церковно-политической жизнію“ (см. XI стр. Введенія). Въ данномъ случаѣ авторъ слѣдовалъ сужденію проф. Казанскаго, что исторія монашества не есть исторія монастырей и въ своемъ сочиненіи старался восполнить тѣ недочеты, кои, по его мнѣнію, присущи труду проф. Казанскаго. Трудъ проф. Казанскаго авторъ называетъ только трудомъ литературнымъ и не признаетъ за нимъ научно-критическаго значенія; „критическаго анализа въ немъ почти нѣтъ и теперь этотъ трудъ уже устарѣлъ“ (стр. XII Введ.). Сообразно своей задачѣ авторъ намѣчаетъ и планъ своей работы: „прежде всего, говоритъ авторъ, я намѣренъ говорить о монашествѣ, перенесенномъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, о монашествѣ греческомъ, составившемъ на Руси подготовительную ступень къ *національному* (?) русскому монашеству“ и выноситъ его въ особую главу. Далѣе въ хронологическомъ порядкѣ авторъ предполагаетъ говорить о монашествѣ при преп. Антоніи и Ѳеодосіи Кіево-печерскихъ и объ этомъ монастырѣ—разсадникѣ монашества, а о другихъ монастыряхъ юго-западной Руси авторъ находитъ возможнымъ по указаннымъ выше соображеніямъ опустить. Сѣверное монашество съ его своеобразными формами авторъ дѣлаетъ дальнѣйшей задачей своего труда въ связи съ вопросами о просвѣтительной и колонизаціонной дѣятельности монастырей. Въ заключеніе своего труда авторъ предположилъ сказать нѣчто о служеніи монаховъ въ качествѣ высшихъ іерархическихъ лицъ и нарисовать идеалъ монашества, прослѣдивъ его приложеніе къ жизни (XV—XVI стр. Введ.). Какъ можно видѣть, задача и самый планъ работы вполнѣ опредѣляютъ самое ея существо и обезпечиваютъ ея серіозно-научный характеръ, конечно только подъ условіемъ научно-серіознаго

ихъ выполненія. Послѣдняго трудно конечно ожидать отъ студенческой работы, основанной не на первоисточникахъ, а на матеріалѣ, взятомъ изъ вторыхъ рукъ, матеріалѣ обильномъ и разностороннемъ, который нужно было не только пересмотрѣть, но изучить и привести въ какое-либо единство опредѣленнаго взгляда, а для этого, конечно, требуется и времени болѣе, нежели было въ распоряженіи автора. Автору можно въ извѣстную заслугу поставить уже и то, что онъ собралъ и просмотрѣлъ очень большую литературу по вопросу своего труда, не чуждался и спеціальныхъ памятниковъ старины (см. на стр. 203—208 перечень источниковъ и пособій). Все сочиненіе автора состоитъ изъ Введенія и 8 слѣдующихъ главъ: 1 гл. Монашество до преп. Антонія и Ѳеодосія печерскихъ 1—24 стр. 2 гл. Монашество со времени основанія Кіево-печерской обители до упадка послѣдней 25—110 стр.; 3 гл. Монашество въ Новгородской землѣ 111—122; 4 гл. Монашество Сѣверо-восточное 122—134 стр.; 5 гл. Монашеская колонизація 134—151 стр.; 6 гл. Просвѣщеніе 151—160 стр. 7 гл. Печалованіе 161—178 стр. и 8-я гл. Идеалы монашества 179—202 стр. Признавая въ общемъ обработку и изложеніе научнаго матеріала въ этихъ главахъ вполнѣ удовлетворительными, сдѣлаемъ по поводу ихъ нѣсколько частныхъ замѣчаній. Во Введеніи авторъ между прочимъ говоритъ, что подобно каждому человѣку въ отдѣльности и каждому народу, переживающему въ своемъ историческомъ развитіи періоды дѣтства, юношества и зрѣлаго возраста, и монашество проходитъ эту школу (вѣроятно скалу) развитія. Въ исторіи русскаго монашества такимъ періодомъ дѣтства авторъ считаетъ состояніе его „изъ начала" возникновенія до времени преп. Сергія (1 стр. Введ.). Что-же можетъ значить это „дѣтское" состояніе русскаго монашества и какое основное содержаніе этого понятія? Авторъ указываетъ только одно: „характеръ монастырской жизни на Руси за это время болѣе по-преимуществу городской" (2 стр.); „всѣ монастыри возникали въ городахъ или подъ ихъ стѣнами" (ibid). Въ отличіе отъ сего „на Востокѣ, въ средѣ устарѣвшаго и уже отжившаго свою исторію народа (?!), Византія не представляла удобной почвы для достиженія путемъ подвижничества полнаго душевнаго спасенія, необходимо было уйти изъ этого испорченнаго міра и удалиться

въ уединеніе"... (III стр.). „У насъ съ заботами о своемъ спасеніи, продолжаетъ авторъ, монахи соединяли труды по возрожденію и исправленію общественной нравственности, а тамъ цѣлію жизни было личное спасеніе; поэтому монахи наши лишь только монахи-подвижники, а не аскеты" (3 стр.). Такимъ образомъ въ концѣ концовъ „дѣтство" русскаго монашества отъ „зрѣлаго возраста" восточнаго монашества отличается по мысли нашего автора только тѣмъ, что первое есть только „подвижничество" съ нравственнымъ воздѣйствіемъ на жизнь, а второе есть „аскетизмъ" съ задачей личнаго спасенія. Сужденіе болѣе, чѣмъ наивное. Неужели задача нашего подвижничества была иная, нежели восточнаго? Развѣ наши монахи-подвижники не имѣли въ виду личное спасеніе и не для этого личнаго спасенія удалялись въ монастыри и ихъ строили? Вѣдь и задача христіанства ничто иное, какъ личное спасеніе. Родство духовное нашего монашества съ восточнымъ нужно признавать уже и потому одному, что оно имѣетъ свой корень на Востокѣ. Самъ авторъ признаетъ это и первую главу своего сочиненія начинаетъ такими словами: „монашество не русское *изобрѣтеніе*, оно перешло къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ" (1 гл. I). Почему авторъ считаетъ монашество „изобрѣтеніемъ" и почему онъ въ приложеніи къ монашеству счелъ за лучшее *изобрѣсти* свою терминологію,—не понятно. Впрочемъ общій очеркъ положенія монашества до преп. Антонія и Ѳеодосія сдѣланъ толково и даже научно въ смыслѣ знакомства съ литературой предмета. Тоже можно сказать и о 2-й главѣ, въ которой авторъ кратко перечисляетъ игуменовъ Кіево-Печерской лавры при разныхъ русскихъ князьяхъ и значеніе этой обители при указанныхъ князьяхъ для жизни общественной. Очевидно здѣсь авторъ старался раскрыть свою основную идею, что періодъ дѣтства русскаго монашества характеризовался служеніемъ его обществу. Мы не согласны съ нѣкоторыми положеніями, высказанными авторомъ въ этой главѣ; напр. на стр. 53-й авторъ говоритъ, что „стремленіе къ монашеству предполагаетъ уже извѣстную культурную христіанскую ступень, какой мы не видимъ въ тогдашнемъ среднемъ русскомъ человѣкѣ". Что же это за ступень и развѣ въ монахи не шли простецы и средніе люди? На стр. 56-й авторъ говоритъ, что

„исторія Печерскаго монастыря есть исторія различныхъ пожертвованій монастырю“. Кто же такъ понимаетъ исторію этого монастыря, самъ авторъ или кто другой? Очевидно, онъ самъ, такъ какъ на стр. 62-й онъ самъ заявляетъ, что „религіозную сторону дѣятельности, развитіе монашескаго благочестія онъ оставляетъ въ сторонѣ“. Конечно, это и нужно поставить автору въ значительный минусъ его работы.

Автору нужно было остановиться на личности преп. Антонія и Ѳеодосія и изъ нихъ освѣтить тогдашнее русское монашество, а онъ описалъ ихъ очень внѣшне. Этотъ характеръ внѣшняго описанія присущъ и слѣдующимъ главамъ сочиненія, гдѣ авторъ говоритъ о монашествѣ въ Новгородской землѣ, о Сѣверо-Восточномъ монашествѣ, о просвѣщеніи, о печалованіи, объ идеалахъ монашества, или вѣрнѣе не объ идеалахъ, а о характерѣ жизни; вездѣ авторъ мало обращаетъ вниманія на духовную сторону монашества.

Языкъ у него по мѣстамъ своеобразный, доморощенный, не литературный, напр. стр. 80 („они, говоря географически, занимали...), 83 („славяцизація Сѣв.-Вост. Руси“): 87 („исцѣленія пастырскаго, а не медицинскаго характера“): 99, 104, 134 („если не считать случаевъ церковныхъ функцій“) („когда лопнула надежда на свои силы“) и др.

Однако указанные недостатки сочиненія не обезцѣниваютъ труда автора, труда серьезнаго, усерднаго и очень полезнаго въ нашей исторической наукѣ, безспорно дающаго автору право на полученіе имъ степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)*:

Для разработки своей темы скудныя свѣдѣнія о. Максимъ собралъ изъ тѣхъ печатныхъ источниковъ и пособій, какія нашелъ въ нашей Академической библіотекѣ. Разумѣется, онъ не могъ самостоятельно ознакомиться съ тѣми письменными и вещественными памятниками, несомнѣнно, имѣющимися въ древне-русскихъ монастыряхъ, которые могли бы пролить свѣтъ на состояніе русскаго монашества въ древнѣйшій его періодъ. Авторъ упоминаетъ о своей попыткѣ, хотя и безрезультатной, найти что-либо для своей темы въ библіотекахъ Московскихъ музеевъ и Епархіальнаго дома. Имѣющійся же подъ руками матеріалъ о. Максимъ въ достаточной мѣрѣ изучилъ и изложилъ довольно подробно и

обстоятельно (разсматриваемое сочиненіе заключаетъ въ себѣ XVI+208 стр. мелкаго и убористаго письма).

Послѣ не очень пространнаго введенія авторъ говоритъ о насажденіи и распространеніи монашества на Руси, довольно подробно излагаетъ исторію Кіево-Печерскаго монастыря съ внѣшней и внутренней стороны, кратко (по скудости свѣдѣній) описываетъ сѣверно-русское монашество (Псковско-Новгородское, Владиміро-Суздальское и Полоцко-Смоленское) въ лицѣ его важнѣйшихъ монастырей и подвижниковъ; затѣмъ слѣдуютъ главы о колонизаціи монашества, просвѣщеніи и печалованіи, уясняющія значеніе монашества для древней Руси въ гражданско-политическомъ, религіозно нравственномъ и литературно-просвѣтительномъ отношеніи; нарисовавъ, наконецъ, идеалъ монашества и указавъ отступленія отъ него, авторъ дѣлаетъ заключительный выводъ изъ своей работы и говоритъ нѣчто въ защиту современнаго монашества. Таково общее содержаніе работы о. Максима.

Хорошо дѣлаетъ авторъ въ томъ случаѣ, когда въ началѣ сочиненія пытается дать критическую оцѣнку труду проф. Казанскаго, посвященному исторіи русскаго монашества отъ XI до XIV вѣка, указывая его достоинства и недостатки. (XII—XIV стр.). Но напрасно бы мы стали искать критическаго отношенія къ пособіямъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. У свѣтскихъ историковъ авторъ заимствуетъ не только ихъ взгляды и детальную разработку вопроса, но отчасти даже и выраженія. Непродуманное слѣдованіе пособіямъ повлекло автора къ слѣдующимъ ошибкамъ. Во-первыхъ, онъ высказываетъ неглубокій, довольно внѣшній взглядъ на монашество. Впрочемъ и собственныя сужденія автора о монашествѣ не отличаются глубиною (стр. III, XVI, 6, 53 и др.). Во-вторыхъ, въ сочиненіи можно встрѣтить противорѣчія. Напримѣръ, на стр. 2 и 111 говорится о томъ, что восточно-византійское монашество прекрасно привилось и акклиматизировалось на сѣверно-русской почвѣ, а на стр. 182 высказывается діаметрально - противоположное сужденіе. Въ-третьихъ, напрасно авторъ слѣдуетъ тѣмъ историкамъ, которые стараются почему-то рѣзко разграничить византійское и древне-русское монашество, идеалъ перваго рисуя, какъ попеченіе исключительно о своемъ личномъ спасеніи,

а древне-русскихъ монаховъ своеобразно идеализируя и представляя въ видѣ какихъ-то соціальныхъ и культурныхъ дѣятелей, стоящихъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ міромъ (стр. III, 28, 104, 183). Ни византійское монашество никогда не служило исключительно личному спасенію, ни древне-русское отнюдь не полагало во главу угла соціально-культурной дѣятельности. Въ-четвертыхъ, на основаніи нѣкоторыхъ свидѣтельствъ Кіево-Печерскаго патерика и нѣкоторыхъ лѣтописныхъ данныхъ дѣлаются не вполнѣ основательные выводы и заключенія (стр. 79, 87, 184, 191, 194—196). Особенно непріятно было читать тѣ мѣста, гдѣ авторъ безъ разбора слѣдуетъ раціоналистическимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ авторовъ. Онъ повторяетъ, напримѣръ, мнѣніе извѣстнаго историка русской Церкви о томъ, что нетлѣніе мощей Кіево-Печерскихъ святыхъ обусловлено-де, очевидно, свойствомъ Кіевскихъ пещеръ и вліяніемъ воздуха (стр. 97). На стр. 92—93 авторъ даетъ совершенно произвольное (заимствованное, конечно) объясненіе одного чуда, о которомъ разсказывается въ житіи преп. Прохора Печерскаго.

Подражательностію работы объясняется и то, что по нѣкоторымъ вопросамъ авторъ безъ нужды слишкомъ распространяется (по вопросу о колонизаціи русскаго сѣвера и о „печалованіи“ главнымъ образомъ древне-русскаго *высшаго духовенства*, а не монашества...), а по нѣкоторымъ и притомъ существеннымъ для темы пунктамъ авторъ дѣлаетъ лишь краткія упоминанія. Такъ, о. Максимъ, говоря о затворѣ и юродствѣ, не даетъ однако полной и законченной картины высокой нравственно-аскетической жизни первыхъ насельниковъ Кіево-Печерскаго монастыря. О введеніи преп. Ѳеодосіемъ формъ греческаго монашества и Студійскаго устава авторъ дѣлаетъ только бѣглое упоминаніе, не объясняя, откуда и какимъ образомъ онъ могъ ихъ заимствовать (стр. 32, 36). Почти ничего въ сочиненіи не сказано о состояніи монастырскаго богослуженія и пр.

Стиль разсматриваемаго сочиненія также свидѣтельствуетъ о подражаніи свѣтскимъ историкамъ, напримѣръ, на стр. 30 читаемъ: „Вся жизнь Ѳеодосія до поступленія его въ монастырь проходитъ въ безпрерывной тяжелой борьбѣ съ семейнымъ началомъ“ (т. е. съ матерью). См. еще стр. 49—50, 83, 100, 135 и др. Собственный же стиль автора далеко не

отличается красотою и изяществомъ, а иногда и ясностію (стр. XII, XIV, 1, 18, 60, 80, 99, 104 и др.). Изъ другихъ частныхъ недостатковъ въ работѣ слѣдуетъ указать на отсутствіе оглавленія и раздѣльности въ текстѣ (т. е. авторъ нигдѣ почти новыхъ мыслей не начинаетъ съ новой строки) и на неточную цитацію. О послѣдней слѣдуетъ сказать, что авторъ не называетъ иногда книги или статьи въ журналѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не указываетъ страницы, а мѣста и годъ изданія не обозначены въ цитатахъ ни разу, что безусловно необходимо было сдѣлать для повторенныхъ изданій (стр. II, VII, X, 5, 9, 13, 26—28, 84, 136, 148, 152, 180 и др.).

Какъ бы то ни было, о. Максимъ отнесся къ своей работѣ довольно внимательно и добросовѣстно и для составленія курсового сочиненія приложилъ значительное стараніе и усидчивость; разработка взятой имъ темы, несомнѣнно, дала ему много полезныхъ свѣдѣній и сообщила навыкъ разбираться въ лѣтописныхъ и житійныхъ матеріалахъ; поэтому для искомой степени разсматриваемое сочиненіе должно быть признано вполнѣ удовлетворительнымъ".

36) О сочиненіи студента *іеромонаха Герасима* (*Садковскаго*) на тему: „Христіанство въ пониманіи восточныхъ аскетовъ. (Опытъ систематизаціи идей подвижничества IV вѣка".

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора:*

„Въ дѣйствительности авторъ сокращаетъ трудъ изученія св. отцовъ аскетовъ IV вѣка до изученія только наиболѣе извѣстныхъ: преп. Антонія В., Макарія В., преп. Ефрема Сирина, св. Аѳанасія Александр. Ихъ онъ видимо читалъ усердно, ихъ онъ и цитируетъ усердно, ихъ словами по преимуществу и пишетъ свое сочиненіе. И конечно писать о вещахъ столь важныхъ, какъ воплощеніе Господа І. Христа, Тайна Св. Троицы, промышленія о мірѣ, тайна спасенія во Христѣ и прочіе духовные предметы, гораздо лучше словами духоносныхъ отцовъ, нежели языкомъ нашихъ учебниковъ, языкомъ „плотскихъ" словъ и понятій, совершенно не характерныхъ и не выражающихъ существа духовныхъ предметовъ. Мы бы сказали, что въ этой особенности сочи-

ненія его красота, а въ умѣніи выбирать лучшее изъ всего прекраснаго, что есть у святыхъ отцовъ, его особая цѣнность, характеризующая въ авторѣ способность хорошо оцѣнивать и взвѣшивать тотъ матеріалъ, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло. Все сочиненіе, очень небольшое по числу страницъ (162 писанныхъ страницы), состоитъ изъ 3-хъ главъ и предисловія. Установивъ въ предисловіи точку зрѣнія на задачу и предметъ своей работы (стр. 11 — 12), авторъ 1-ю главу (1 — 54 стр.) посвящаетъ раскрытію основного пункта въ христіанствѣ—воплощенія Господа І. Христа—какъ понимался онъ у аскетовъ. Здѣсь совершенно правильно, въ духѣ святоотеческаго ученія, утверждается мысль, что христіанство есть „великая тайна", тайна не какого-либо новаго, великаго ученія, а тайна новой жизни и новаго бытія для человѣка и потому воспріятіе и отношеніе къ христіанству должно быть жизненное, а не теоретическое. Раскрытіе этой основной мысли о христіанствѣ, какъ тайнѣ новой жизни, у автора слагается изъ уясненія вопроса о грѣхопаденіи человѣка со стороны нравственно-психологической или антропологической. Отсюда у него уясняется необходимость самаго воплощенія Господа І. Христа для спасенія, сущность и смыслъ этого воплощенія и существо спасенія и новой жизни во Христѣ. Всѣ эти вопросы раскрываются у него не только въ духѣ и на почвѣ святоотеческой мысли, но и въ изложеніи святоотеческомъ. Это и понятно, такъ какъ авторъ устанавливаетъ и выясняетъ не свою, а святоотеческую мысль на указанные пункты христіанскаго ученія. Приходится только жалѣть, что онъ дѣлаетъ все это очень конспективно, вѣрнѣе набросками, и глубокую систему христіанства, какъ она сложилась въ святоотеческомъ мышленіи, обращаетъ въ схему только глубокихъ мыслей. Мы бы даже сказали, что самая основная мысль и этой 1-й главы, и всего сочиненія, что христіанство по воззрѣнію св. отцовъ есть главнымъ образомъ новая жизнь и новая сила бытія, недостаточно раскрыта. А между тѣмъ у него II-я глава начинается такъ, что предполагаетъ эту мысль уже вполнѣ раскрытой и обоснованной. Авторъ въ ней (II-й гл.) говоритъ объ отношеніи о.о. аскетовъ къ догматической сторонѣ христіанства и утверждаетъ, что они очень мало касались этой стороны христіанства въ смыслѣ чисто теоретическаго

раскрытія пунктовъ христіанскаго вѣроученія. Это вытекало у нихъ изъ основного взгляда ихъ на христіанство, какъ на жизнь, почему они и направляли все вниманіе къ тому, чтобы устроить свою жизнь на началахъ христіанства, а не воплотить христіанство въ догматическихъ системахъ (54—55). У автора эта глава собственно должна имѣть двойное значеніе: она является какъ бы и выводомъ изъ общаго утвержденія (1 гл.) его о св. отцахъ, что они относились жизненно къ христіанству, и въ то же время она должна какъ бы иллюстрировать эту его основную мысль и не только иллюстрировать, но и давать обоснованіе ей. Эта глава при такомъ положеніи имѣетъ существенное значеніе для сочиненія, а между тѣмъ она очень кратка (54—93 стр.) и авторъ какъ бы мимоходомъ говоритъ объ отношеніи св. о.о. аскетовъ къ еретикамъ разнаго рода, указывая въ этомъ самомъ общій ихъ (св. отцовъ) характеръ отношенія къ догматическимъ вопросамъ. „Сочиненія, въ которыхъ св. о.о. аскеты касаются еретическихъ заблужденій, говоритъ авторъ, написаны болѣе въ видѣ благоговѣйныхъ размышленій объ истинахъ, подвергаемыхъ сомнѣнію, нежели въ видѣ изслѣдованій чисто догматическихъ“ (57 стр.). Тонъ сочиненій и пріемы конечно еще не могутъ уяснять самаго характера раскрытія извѣстнаго вопроса, вотъ почему и у о.о. аскетовъ раскрытіе нѣкоторыхъ догматическихъ истинъ сдѣлано очень глубоко, авторъ самъ же цитируетъ св. Аѳанасія Ал. Конечно мы не отрицаемъ того, что авторъ говоритъ о характерѣ отношенія св. о.о. аскетовъ къ догматической сторонѣ христіанства; все это вѣрно и болѣе того: желательно, чтобы онъ раскрылъ это обстоятельнѣе. Третью главу сочиненія, самую большую (93—162), авторъ посвящаетъ вопросу о жизненномъ воплощеніи христіанства. Вкратцѣ здѣсь излагается христіанская святоотеческая аскетика въ ея основныхъ принципахъ. Она написана авторомъ съ глубокимъ чувствомъ личной религіозной настроенности и пониманія духа христіанской аскетики и читается съ интересомъ.

Хочется отъ души пожелать автору, чтобы онъ не бросалъ пера и употребилъ свои богатыя духовныя дарованія на серьезную работу въ той области, которая ему самому по душѣ, и далъ серьезно продуманную и обстоятельно рас-

крытую систему христіанскаго святоотеческаго міровоззрѣнія, какъ оно выразилось въ писаніяхъ аскетовъ.

Степени кандидата богословія онъ вполнѣ заслуживаетъ“,

б) Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе іеромонаха Герасима написано на весьма интересную тему. Идеи аскетовъ чаще разсматриваются отдѣльно и обособленно отъ общихъ ихъ взглядовъ; въ сочиненіи о. Герасима идеи спеціально подвижническія поставлены въ связь съ обще-догматическими взглядами аскетовъ, по писаніямъ аскетовъ характеризуется христіанство не только какъ подвижническая жизнь, но и какъ опредѣленная система догматическихъ воззрѣній. Сочиненіе написано на основаніи тщательнаго чтенія твореній преп. Макарія Египетскаго, преп. Ефрема Сирина и др. о.о. подвижниковъ. Та свобода, съ которой авторъ приводитъ слова аскетовъ, обиліе выдержекъ и цитатъ достаточно показываютъ, что съ твореніями аскетовъ авторъ познакомился хорошо, такъ что его небольшое сравнительно сочиненіе (162 стр.=около 100 печатныхъ) содержитъ въ себѣ самое существенное и наиболѣе характерное изъ аскетическихъ твореній, а не представляетъ случайнаго набора первыхъ попавшихся словъ и разсужденій. Съ матеріальной стороны сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія, но со стороны формальной автору можно сдѣлать не мало упрековъ.

У автора нѣтъ никакого оглавленія и нѣтъ надписанія каждой отдѣльной главы. Въ первой главѣ онъ (стр. 13—54) излагаетъ христологію и сотеріологію преимущественно по твореніямъ Ефрема Сирина; во второй (стр. 54—92) догматическіе взгляды свв. о.о. аскетовъ, въ третьей (стр. 93—162) антропологію и аскетику. Большое недоумѣніе возбуждаетъ глава вторая. Непонятно, почему догматическія воззрѣнія отцевъ потребовалось въ изложеніи отдѣлить отъ христологіи и сотеріологіи. Изложивъ христологію и сотеріологію, авторъ на стр. 53 восклицаетъ: Вотъ христіанство! А что же въ такомъ случаѣ во второй главѣ? Тоже христіанство? Или другое что? Здѣсь авторъ пишетъ (стр. 55—66) объ отношеніи отцевъ къ богословскимъ разсужденіямъ, объ отношеніи ихъ къ еретикамъ (стр. 67—75), затѣмъ переходитъ

къ изложенію ихъ догматическихъ взглядовъ, при чемъ начинаетъ (стр. 76) опять съ воплощенія и продолжаетъ (стр. 77) воскресеніемъ. Вдругъ читаемъ: „Особенно хорошо преп. Ефремъ разсуждаетъ о бытіи Божьемъ и о Богѣ“ (стр. 77). Читаемъ дальше о Богѣ, Троичномъ въ Лицахъ (стр. 81), о Лицѣ Сына Божія (стр. 84. Но вѣдь это опять христологія!), о Духѣ Святомъ (стр. 85). Это все излагалось по преп. Ефрему. Дальше авторъ касается ученія другихъ аскетовъ и на стр. 89—92 даетъ какъ бы оглавленіе или перечень того, чему учили св. аскеты, но какъ учили,—этого не видно. Напр., авторъ пишетъ такъ: „Преп. Макарій упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ и о св. Троицѣ, и о воплощеніи Христа, и о искупленіи людей отъ власти діавола, и о Св. Духѣ, говоритъ онъ намъ о благодати, объ ангелахъ, о воскресеніи мертвыхъ, о демонахъ. У него встрѣчаются разсужденія о свойствахъ Божіихъ“ (Вотъ такъ послѣдовательность! Послѣ демоновъ о свойствахъ Божіихъ!). Послѣ каждаго слова здѣсь видимъ цифровыя цитаты на творенія преп. Макарія и только. Вообще, думается, содержаніе второй главы могло быть безъ остатка и съ немалой пользой раздѣлено между предисловіемъ и первой главой.

Относительно метода работы слѣдуетъ сказать, что авторъ излагаетъ, но не изслѣдуетъ. На стр. 57 авторъ пишетъ о твореніяхъ преп. Ефрема, что они „написаны болѣе въ видѣ благоговѣйныхъ размышленій объ истинахъ, подвергаемыхъ еретиками сомнѣнію, нежели въ видѣ изслѣдованій чисто догматическихъ“. Но очевидно то же самое можно сказать и о сочиненіи о. Герасима, излагающаго взгляды преп. Ефрема преимущественно его собственными словами. Вѣдь христологія и сотеріологія аскетовъ не есть что-либо самобытное, а у о. Герасима все внѣ времени и пространства. Зависитъ это, конечно, отъ недостаточной его освѣдомленности въ исторіи догматическихъ ученій вообще. У аскетовъ многое лишь въ намекахъ, которые понятны тому, кто знаетъ типичныхъ выразителей того или иного мнѣнія. Авторъ не замѣчаетъ, напр., слѣдовъ такъ называемой „теоріи обольщенія“. Незнакомство съ исторіей догматическихъ терминовъ вноситъ иногда неотчетливость въ изложеніе. Терминъ искупленіе, напр., употребляется авторомъ въ разныхъ смыслахъ:

то разумѣется искупленіе отъ власти діавола, то избавленіе отъ грѣха, то даже „искупленіе отъ грѣха, проклятія и смерти“. Этотъ послѣдній неудачный терминъ вносится въ систему воззрѣній аскетовъ.

Изложенію автора нельзя не пожелать болѣе строгой логической отдѣлки; сочиненію не достаетъ послѣдней строгой редакціи. Вотъ почему у автора встрѣчаются повторенія, иногда буквальныя, одного и того же (см. стр. 27—30 и 42—45; 63 и 66; 57, 75 и 85), въ послѣдовательно текущія разсужденія эпизодически вставляются мысли инородныя (напр., стр. 29, 31), есть и противорѣчія, напр., по вопросу объ участіи аскетовъ въ церковной жизни (стр. 55 срвн. стр. 56 и 67). Мѣстами можно отмѣтить непослѣдовательность аргументаціи. Авторъ, напр., пишетъ, что по взгляду аскетовъ послушаніе Церкви есть критерій истины (стр. 64, 76), но въ подтвержденіе приводитъ слова Ефрема Сирина: „Есть у насъ путь въ Божественныхъ Писаніяхъ, такъ и пойдемъ симъ путемъ съ вѣрою“ и т. д. (стр. 65).

Впрочемъ въ стилистическомъ отношеніи сочиненіе автора безупречно. Правда, собственныхъ словъ и разсужденій въ сочиненіи очень мало; больше выдержки изъ святоотеческихъ писаній. Но авторъ часто выдержки приводитъ не буквально, а передаетъ содержаніе и дѣлаетъ это хорошо. Можно пожелать лишь большей сжатости. У автора много приводится просто восклицаній и лирическихъ изліяній аскетовъ, автора же должны больше интересовать разсужденія и мысли. Тѣмъ не менѣе необдуманныхъ и неосторожныхъ выраженій въ сочиненіи о. Герасима встрѣчается не мало. „Для спасенія человѣка на землю сошелъ Господь Іисусъ Христосъ“ (стр. 21). „Дѣло *воплощенія Христа* (стр. 22). „По церковному разумѣнію исходной точкой христіанства является грѣхопаденіе человѣка“ (стр. 14, 53). „Святые отцы исходнымъ пунктомъ христіанской жизни считаютъ грѣхопаденіе человѣка и желаніе имъ спасенія“ (стр. 102—103).

Всѣ отмѣченные недостатки сочиненія объясняются, думается, недостаткомъ вниманія автора къ своему сочиненію, но не недостаткомъ времени, на который совершенно напрасно жалуется авторъ (стр. 93). Онъ больше вниманія удѣлилъ изученію аскетическихъ твореній и меньше ихъ на-

учному изслѣдованію и систематическому изложенію въ сочиненіи, а также и самой научно-литературной обработкѣ сочиненія. Ознакомленіе съ аскетической литературой несомнѣнно не останется безслѣднымъ въ богословскомъ развитіи о. Герасима и его собственной монашеской жизни. За это ручается его любовь къ аскетическимъ писаніямъ и преклоненіе предъ отцами аскетами. Содержательность сочиненія и стройность его изложенія въ первой и третьей главахъ являются достаточнымъ основаніемъ для присужденія іеромонаху Герасиму степени кандидата богословія".

37) О сочиненіи студента *Сергіевскаго Николая* на тему: „Дѣятели на поприщѣ изученія древне-русской письменности, вышедшіе изъ Московской Духовной Академіи".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Московской духовной академіи, какъ извѣстно, принадлежитъ весьма почетное мѣсто въ исторіи научной разработки древне-русской письменности. Этой области посвятили свои труды и нѣкоторые, извѣстные своими славными именами, наставники академіи, и нѣкоторые ея бывшіе питомцы, проходившіе свой жизненный путь на другихъ поприщахъ. Приближающійся столѣтній юбилей академіи дѣлаетъ своевременнымъ и весьма поучительнымъ вспомнить имена этихъ тружениковъ и опредѣлить размѣры и значеніе ихъ богатаго вклада въ науку исторіи древне-русской литературы. Разумѣется, вся совокупность относящагося сюда матеріала отличается значительнымъ обиліемъ, разнообразіемъ и сложностью. Но обобщающая обработка его представляется вполнѣ возможной и осуществимой въ рамкахъ годичной кандидатской работы, потому что почти всѣ дѣятели на поприщѣ изученія древне-русской письменности и всѣ важнѣйшіе труды ихъ уже нашли себѣ оцѣнку и въ критической, и въ біографической, и въ исторической литературѣ. Въ настоящее время встаютъ на очередь вопросы о томъ, какими условіями возбуждался въ Московской академіи интересъ къ разысканіямъ и изученію памятниковъ русской письменности, существовалъ ли этотъ интересъ въ видѣ опредѣленной академической треадиціи, или въ отдѣльныхъ случаяхъ

онъ былъ дѣломъ личнаго почина, насколько великъ удѣльный вѣсъ всѣхъ соотвѣтствующихъ трудовъ, выросшихъ въ стѣнахъ академіи или подъ ея воспитывающимъ вліяніемъ. Этими вопросами опредѣлялся интересъ темы и должно было опредѣляться направленіе ея разработки.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія, можетъ быть вслѣдствіе отсутствія у него оріентирующаго читателей вступленія, не ставитъ себѣ всѣхъ этихъ вопросовъ опредѣленно, но они чувствуются скрытыми у него во всемъ содержаніи его сочиненія. Оно состоитъ изъ семи главъ. *Первая глава* имѣетъ аляповатое заглавіе съ довольно расплывчатымъ смысломъ: „Историческія науки, какъ факторъ возникновенія интереса къ древне-русской письменности въ Московской Духовной Академіи“ (стр. 1). Однако, эта глава въ общемъ вѣрно обрисовываетъ исторію возникновенія научныхъ интересовъ къ древне-русской письменности въ Россіи и въ частности въ Московской академіи, при чемъ совершенно справедливо историко-литературная традиція академіи возводится къ тому направленію академической науки, которое ведетъ свое начало отъ преосв. Филарета Гумилевскаго и А. В. Горскаго и которое характеризуется стремленіемъ къ критическому изслѣдованію первоисточниковъ науки. *Вторая глава* посвящена преосв. Филарету. Къ сожалѣнію, здѣсь авторъ говоритъ больше о Филаретѣ, какъ историкѣ вообще, чѣмъ спеціальнѣе о его трудахъ въ области древней письменности. Онъ даже совсѣмъ не упоминаетъ о сочиненіи Филарета „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“, имѣющемъ большое значеніе какъ по важности вопроса о первоучителяхъ для исторіи древней письменности, такъ и по разнообразнымъ справкамъ, попутно приведеннымъ преосв. Филаретомъ въ примѣчаніяхъ. *Третья глава* посвящена А. В. Горскому, научная дѣятельность котораго характеризуется авторомъ со стороны критическаго и объективнаго направленія ея. Съ особенной тщательностью разсмотрѣны открытіе А. В. Горскимъ т. н. „паннонскихъ житій“ и трудъ его по описанію славянскихъ и русскихъ рукописей Синодальной библіотеки. Въ этой главѣ, между прочимъ, авторъ говоритъ объ обращеніяхъ къ Горскому за ученой помощью со стороны современныхъ ему изслѣдователей и упоминаетъ при этомъ имена преосв. Филарета и

проф. М. П. Погодина. Но въ архивѣ Горскаго, поступившемъ въ библіотеку нашей академіи, хранятся письма цѣлаго ряда другихъ ученыхъ спеціалистовъ, постоянно искавшихъ себѣ въ обширномъ запасѣ познаній Горскаго указаній, разъясненій, помощи, сотрудничества. Имѣемъ въ виду письма Ѳ. И. Буслаева, О. М. Бодянскаго, Н. С. Тихонравова, И. И. Средневскаго, И. П. Сахарова, А. Ѳ. Гильфердинга и др. Эти письма могли бы значительно расширить кругозоръ изслѣдователя. Съ другой стороны, по справедливости высоко оцѣнивая значеніе классическаго „Описанія рукописей Синодальной библіотеки", авторъ склоненъ умалять значеніе послѣдующихъ аналогичныхъ работъ другихъ ученыхъ. Но въ послѣднее время цѣлый рядъ русскихъ книгохранилищъ нашелъ себѣ описателей, которые являются достойными продолжателями традиціи Горскаго и Невоструева, и въ частности нѣкоторые отдѣлы Синодальной библіотеки прекрасно описаны ея нынѣшнимъ почтеннымъ библіотекаремъ Н. П. Поповымъ. Въ *четвертой главѣ* идетъ рѣчь о К. И. Невоструевѣ. Ростъ его научныхъ интересовъ прослѣженъ въ связи съ данными его біографіи. Достоинство его научныхъ трудовъ оцѣнено вполнѣ правильно, но мы не можемъ согласиться съ г. Сергіевскимъ, будто, приступая къ описанію рукописей Синодальной библіотеки, по пріѣздѣ въ Москву изъ Симбирска, К. И. Невоструевъ обладалъ лишь „элементарными научными познаніями" (стр. 186). Авторъ принялъ изъявленія присущей Невоструеву скромности за выраженіе дѣйствительной его неосвѣдомленности въ сферѣ древне-русской письменности. Но въ такомъ случаѣ самъ Горскій не избралъ бы Невоструева себѣ въ сотрудники. Нельзя признать удовлетворительнымъ въ 4-ой главѣ также рѣшенія вопроса о подлинной долѣ участія Невоструева въ составленіи „Описанія рукоп. Синод. библіотеки". Вопросъ этотъ въ сочиненіи рѣшается общими фразами (стр. 191). Но самъ авторъ сознаетъ, что „для окончательнаго рѣшенія этого вопроса нужно привлечь огромное количество архивнаго матеріала, сопоставить его съ изданными уже томами описанія и вообще войти въ детальное его разсмотрѣніе" (стр. 185). Не дѣлая этого, авторъ находитъ себѣ извиненіе „въ трудности, даже невозможности проникнуть въ нужные для этого архивы" (стр. 186). *Пятая*

и шестая главы посвящены двумъ питомцамъ академіи, трудившимся въ московскихъ книгохранилищахъ—В. М. Ундольскому и А. Е. Викторову. Происхожденіе, размѣры и значеніе трудовъ перваго изъ нихъ опредѣлены основательно, но, къ сожалѣнію, изложенію недостаетъ точныхъ библіографическихъ указаній, касающихся изслѣдованій Ундольскаго (см., напр., стр. 219). О второмъ авторъ говоритъ главнымъ образомъ, какъ о многополезномъ хранителѣ рукописнаго отдѣленія Румянцовскаго Музея, но сравнительно мало касается его ученыхъ трудовъ. Для сужденія о разысканіяхъ Викторова въ области древне-русской литературы автору было бы весьма полезно познакомиться съ архивомъ этого ученаго, хранящимся въ Румянцовскомъ Музеѣ. Самъ авторъ сознаетъ это (стр. 247). Но онъ не познакомился не только съ бумагами Викторова, но даже, повидимому, и съ ихъ обстоятельнымъ описаніемъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ Отчетовъ Румянц. Музея. *Седьмая глава* касается нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей науки, внесшихъ свой вкладъ въ изученіе древней письменности: П. С. Билярскаго, П. В. Бѣляева, преосв. Амфилохія, Н. И. Надеждина, преосв. Саввы, П. С. Казанскаго, Е. Е. Голубинскаго. Но изъ перечисленныхъ лицъ Надеждинъ очень мало касался древне-русской письменности. Съ другой стороны, читатель не можетъ простить автору его недостаточнаго вниманія къ тому богатому вкладу въ изученіе древне-русскихъ памятниковъ, которымъ наука обязана Е. Е. Голубинскому. Въ этой же главѣ рѣчь идетъ объ общепризнанныхъ заслугахъ передъ наукой нынѣ здравствующаго и продолжающаго свои труды проф. Г. А. Воскресенскаго.

Такимъ образомъ, сочиненіе г. Сергіевскаго страдаетъ неполнотой изслѣдованія, но эта неполнота вполнѣ извинима вслѣдствіе обширности и разнообразія подлежавшаго его изученію матеріала. Менѣе извинительно недостаточно глубокое и самостоятельное изученіе подлинныхъ ученыхъ трудовъ, разсмотрѣнныхъ въ сочиненіи, что̀ имѣло своимъ слѣдствіемъ общій компилятивный характеръ его работы. По мѣстамъ авторъ обнаруживаетъ недостаточную освѣдомленность въ вопросахъ, которые его близко касаются: В. О. Ключевскому у него приписывается изслѣдованіе Макарьевскихъ Четьихъ Миней (стр. 196); „подвигъ собиранія Миней,—

парадоксально утверждаетъ авторъ, — является едва-ли неравнымъ самому ихъ собиранію“ (ib.); дѣятельность извѣстнаго публициста Надеждина, ошибочно думаетъ онъ,—вращалась преимущественно въ сферѣ „южно-славянскихъ древностей и исторіи“ (стр. 291); въ корнѣ не вѣренъ тотъ взглядъ автора на современное состояніе науки исторіи русской литературы, по которому будто бы новые труды, въ противоположность интересамъ Филарета, захватываютъ очень мало духовную письменность древней Руси (стр. 47). Быть можетъ эти погрѣшности находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что автору пришлось говорить слишкомъ о многомъ, при томъ — бѣгло и кратко. Наконецъ, нельзя не поставить въ вину автору отсутствія у него итоговъ разсмотрѣнному дробному матеріалу.

Однако, при этихъ, общихъ и частныхъ, недостаткахъ своихъ, сочиненіе г. Сергіевскаго имѣетъ и свои положительныя ученыя и литературныя достоинства. Авторъ старательно собралъ разнообразный разбросанный матеріалъ, касающійся нужныхъ ему лицъ и трудовъ, и все собранное привелъ въ связь и порядокъ. Чрезъ всѣ главы его сочиненія проходитъ одно основное стремленіе—не только опредѣлить вкладъ въ науку о древней письменности лицъ, получившихъ образованіе въ Московской академіи, но и выяснить извѣстную историко-литературную традицію въ академіи. Заслуги академіи передъ наукой въ этомъ отношеніи охарактеризованы правильно и объективно. Все содержаніе сочиненія отличается послѣдовательностью и серьезнымъ, дѣловымъ тономъ. Изложеніе, за исключеніемъ немногочисленныхъ погрѣшностей и неточностей въ выраженіяхъ (см. стрр. 101, 113, 118, 124),—правильное и литературное; языкъ, за исключеніемъ тяжеловѣсныхъ формулировокъ оглавленія, легкій и удобочитаемый. Сочиненіе даетъ автору право на искомую степень.“

б) И. д. доцента *Ѳ. М. Россейкина:*

„Сочиненіе г. Сергіевскаго представляетъ большой интересъ не только юбилейностью своей темы, но и своей задачей уяснить заслуги и опредѣлить долю работы, выполненной нашей Академіей на одной изъ полосъ общаго поля русской науки. Предъ читателемъ проходитъ рядъ славныхъ

именъ, родныхъ всѣмъ намъ по ихъ живой связи съ Академіей. Первые изъ нихъ были свидѣтелями начальной поры Московской Академіи; послѣдніе—по времени, конечно, но не по заслугамъ—будутъ справлять ея столѣтній юбилей (Г. А. Воскресенскій). Исторія жизни и трудовъ этихъ лицъ поучительна не для одного автора настоящей студенческой работы.—Съ своей задачей г. Сергіевскій справился вполнѣ удовлетворительно. Тщательность подбора матеріала и добросовѣстность его обработки показываютъ очень внимательное отношеніе къ дѣлу. Въ главѣ о К. И. Невоструевѣ автору не мѣшало-бы принять во вниманіе документально составленный очеркъ Исторіи Симбирской духовной семинаріи, вышедшій изъ подъ пера уважаемаго преподавателя этой семинаріи П. П. Неболюбова, гдѣ имѣются свѣдѣнія о симбирскомъ періодѣ жизни Невоструева.—Есть въ сочиненіи спорныя утвержденія (3), двусмысленныя (8) и неудачныя (19) выраженія.—Степени кандидата богословія г. Сергіевскій заслуживаетъ".

38) О сочиненіи студента *Синева Николая* на тему: „Жизнь, чудеса и исторія канонизаціи св. великой княгини Анны Кашинской".

а) Ректора Академіи *Епископа Ѳеодора*:

„Сочиненіе производитъ прекрасное впечатлѣніе исчерпывающей полнотой изслѣдованія вопроса и серьезностью научныхъ пріемовъ. Авторъ вездѣ обнаруживаетъ попытку къ самостоятельному рѣшенію спорныхъ вопросовъ въ области своего изслѣдованія. Литература, относящаяся къ предмету изслѣдованія г. Синева, довольно обширна, осложнена полемическимъ элементомъ со стороны раскольниковъ по вопросу о перстосложеніи преп. Анны Кашинской, запутанъ вопросъ объ исторіи канонизаціи святой. Все это автора нисколько не устрашило и не запутало; у него хватило времени, умѣнія, а главное терпѣнія просмотрѣть и изучить: а) писанныя „патріаршія грамоты Калязинскому монастырю"; „царскія грамоты"; рукописи: Императорской Академіи Наукъ, Кіевской Духовной Академіи, Московской Духовной Академіи, С.-Петербугской Духовной Академіи, Императорской Публичной Библіотеки, Румянцовскаго Музея, Тверскаго

Музея, Кашинской Город. Управы, Фроловской церкви г. Кашина, Дѣла Дух. Консисторіи г. Твери, Дѣла Синод. Конторы; просмотрѣлъ онъ и печатныя изданія: „Дѣянія Св. Синода 1908“, „Акты Моск. Собора 1677—78 г.г.“; лѣтописи: Воскресенскую, Лаврентьевскую, Никонову III, Тверскую, Троицкую, „Матеріалы по исторіи раскола“ Субботина и множество печатной литературы въ качествѣ пособій къ своему изслѣдованію (см. первыя 7 стр. сочиненія). При указаніи пособій автору слѣдовало-бы помѣчать въ періодическихъ изданіяхъ названія статей и фамилій ихъ авторовъ, иначе получаются какія-то слѣпыя ссылки. Въ результатѣ серьезнаго и обширнаго изученія относящейся къ темѣ автора литературы явилась для него возможность установить *имя Святой* (Софія—Анна) и разобрать ошибочныя по мнѣнію автора мнѣнія относительно тожества св. Анны съ Евфросиніей (см. 3 стр.—12 стр. 1 гл. 1-я части соч.). Такъ же авторъ опредѣленно указываетъ на основаніи критическаго анализа свѣдѣній о родинѣ святой (свѣдѣній ошибочныхъ) точное мѣсто ея рожденія—г. Ростовъ (см. 12—28 стр. 1 ч. 1 гл. соч.); время рожденія (1280—1281 г.) (см. 28—30 стр. ibid.); смерти ея (1368-й годъ) (см. 145—156 стр. соч.) и мѣсто погребенія ея—г. Кашинъ (156—181 стр.). Всѣ эти вопросы, основные въ біографіи каждаго лица, а въ біографіи св. Анны запутанные до чрезвычайности противорѣчивыми свѣдѣніями и мнѣніями, авторъ выясняетъ чисто научнымъ критическимъ методомъ на основаніи анализа источниковъ и приходитъ къ пріемлемымъ, вполнѣ опредѣленнымъ выводамъ и утвержденіямъ. Такъ первыя 2 главы 1-й части сочиненія, можно сказать, съ исчерпывающей полностью даютъ свѣдѣнія о жизни преп. Анны со дня ея рожденія до кончины и погребенія ея (см. стр. 1—217).

Третья, довольно обширная глава сочиненія (222—440) посвящена, можно сказать, жизни Святой по преставленіи ея на небо, жизни благодатной, проявленію ея чудодѣйственной силы на землѣ и исторіи ея канонизаціи. Авторъ хронологически, начиная съ первыхъ случаевъ чудеснаго проявленія помощи Святой и съ начальнаго момента мѣстнаго ея почитанія, излагаетъ исторію прославленія Святой, стараясь уяснить необычный въ исторіи канонизаціи святыхъ фактъ пріостановки по опредѣленію Собора 1677—78 г. почи-

танія Святой Анны, начатаго ранѣе открытія въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича.

Эта глава сочиненія особенно содержательна и интересна; авторъ выступаетъ въ ней, какъ умѣлый и добросовѣстный изслѣдователь памятниковъ и толкователь разныхъ научныхъ мнѣній по этому вопросу, породившему обширную литературу. Конечно эту главу можно-бы и сократить безъ ущерба дѣла. Третьей главой, вопросомъ о канонизаціи Святой въ 1909 г. и чудесами послѣ прославленія угодницы заканчивается первая часть сочиненія, бо́льшая по объему и относящаяся спеціально къ вопросу, темы. Вторая часть сочиненія посвящена спеціальному и частному въ общей работѣ вопросу о перстосложеніи св. Анны. Авторъ касается здѣсь утвержденія раскольниковъ, будто св. Анна молилась двуперстно, доказываетъ несостоятельность этого взгляда на основаніи разбора основаній для этого взгляда и въ заключеніе высказываетъ свои „собственныя“ соображенія о перстосложеніи Святой (492—499 стр.). Эта часть, какъ и первая, носитъ тотъ-же серьезно-научный характеръ и весьма интересна. Отъ души желаемъ автору приготовить свою работу для печати. Степени кандидата богословія онъ вполнѣ заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Это сочиненіе представляетъ собою большой томъ въ 499 стр. 4⁰ довольно убористаго письма. Оно раздѣляется на двѣ части: въ I части излагается жизнь, чудеса и исторія канонизаціи св. Анны (стр. 1—442); II часть всецѣло посвящена вопросу о перстосложеніи ея (стр. 443—449). Сочиненію предпослано введеніе (I—XV), въ которомъ авторъ говоритъ о своей задачѣ.

Сочиненіе это—не компиляція, а дѣльная научная самостоятельная работа. Автору пришлось имѣть дѣло съ темой, мало разработанной въ литературѣ: „мы можемъ смѣло сказать“, говоритъ онъ во введеніи (стр. VI), „что кромѣ нѣсколькихъ страницъ, посвященныхъ выясненію вопроса о Св. Аннѣ Кашинской Е. Е. Голубинскимъ, страницъ, къ которымъ иногда, однако, приходится относиться очень осторожно,—кромѣ этихъ страницъ нѣтъ въ литературѣ нашего

вопроса ничего, что бы носило характеръ научнаго изслѣдованія о святой". Но и то, что авторъ нашелъ въ литературѣ, далеко не удовлетворило его: „для однихъ", говоритъ онъ (стр. III), „остается темнымъ дѣйствительное имя святой; другіе подвергаютъ сомнѣнію хронологическое пріуроченіе ея жизни; третьи представляютъ въ неясныхъ и разнорѣчивыхъ очертаніяхъ событія жизни святой; четвертыми, не исключая даже и спеціально-православно-миссіонерскаго журнала, дается вѣра тому, что Св. Анна Кашинская двоеперстница, и, слѣдовательно, продолжительница раскольнической традиціи въ вопросѣ о перстосложеніи; пятые, въ рядахъ которыхъ есть не только раскольники, но и имя виднаго историка православной русской церкви и православнаго священника, бросаются рѣшительно безъ всякихъ данныхъ въ не имѣющіе никакого смысла толки о томъ, будто бы сама церковь Христова не удерживала Св. Анну Кашинскую въ своей памяти, будто бы былъ моментъ, когда сама церковь, канонизовавъ святую, сознала, что для Св. Анны Кашинской нѣтъ мѣста въ числѣ общецерковныхъ святыхъ; шестые не увѣрены въ мѣстѣ погребенія Святой, допускаютъ, что честные останки ея—внѣ Кашина". Вслѣдствіе такого отсутствія въ литературѣ твердо установленныхъ данныхъ о Св. Аннѣ, автору пришлось самому взяться за первоисточники и критически провѣрить все, что о ней писано. Ему пришлось имѣть дѣло не только съ печатной литературой, но и съ рукописными источниками разнаго рода. Онъ задался цѣлью „собрать все, что можно было найти въ исторической литературѣ, архивныхъ и устныхъ источникахъ о Св. Аннѣ Кашинской и провѣрить ихъ" (стр. XI). Вслѣдствіе своего критическаго отношенія къ литературѣ, авторъ ничего не принимаетъ на вѣру, все подвергаетъ пересмотру, иногда даже на основаніи новыхъ данныхъ, которыя онъ нашелъ въ своихъ рукописныхъ источникахъ, и нерѣдко приходитъ къ другимъ результатамъ, чѣмъ его предшественники.

Особенно важной показалась мнѣ II часть его сочиненія, посвященная вопросу о двоеперстіи Св. Анны. Авторъ, по своему обычаю, разсматриваетъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ считаютъ ее двоеперстницей, и очень удачно, на мой взглядъ, разбиваетъ ихъ одно за другимъ, указывая между прочимъ на то, что извѣстія объ этомъ не безпристрастны,

такъ какъ исходятъ именно отъ послѣдователей старообрядчества.

Написано сочиненіе очень понятно и просто и, что бросается въ глаза, съ любовью къ „величавой духовной красотѣ и святости“ „облика Св. Анны“, и въ строго православномъ духѣ.

Въ виду важныхъ достоинствъ этого сочиненія оцѣниваю его балломъ 5.“

39) О сочиненіи студента *священника Скворцова Константина* на тему: „Отношеніе правительства императора Николая I къ расколу“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго:*

„Обширное сочиненіе г. Скворцова (796 стр. большого формата) начинается вводной главой (11 — 153), въ которой авторъ во-первыхъ старается выяснить вопросъ о сущности раскола и характеризовать его политическое значеніе, а во-вторыхъ даетъ подробный очеркъ правительственныхъ мѣропріятій до Николая I, вызывавшихся главнымъ образомъ тѣмъ политическимъ значеніемъ, которое расколу придавалось. Здѣсь мы находимъ очеркъ отношенія къ расколу патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, а затѣмъ характеристику взглядовъ на расколъ и мѣропріятій въ каждое послѣдующее царствованіе. Авторъ вѣрно изображаетъ и колеблющуюся политику Петра, и рѣзкое отношеніе къ расколу при его преемникахъ, и поворотъ въ сторону вѣротерпимости, наступившій при Петрѣ III и въ особенности при Екатеринѣ II, освободившей старовѣровъ отъ тѣхъ стѣсненій, которыя надъ ними тяготѣли. Не совсѣмъ можно согласиться, по нашему мнѣнію, съ тѣми общими сужденіями автора о реформѣ Петра В., которыя авторомъ въ этомъ вступительномъ очеркѣ высказываются. Намъ кажется невозможнымъ говорить о томъ, что Петръ „съ 1700 г. начинаетъ переустройство русской жизни“ (66). Въ 1700 г. Петръ едва ли могъ задаваться такими широкими цѣлями, имѣть въ виду такую всеобъемлющую реформу. Преобразованія Петра, какъ извѣстно, расширялись и развертывались постепенно. Невѣрнымъ намъ кажется и взглядъ, высказанный авторомъ на отношеніе Петра В. къ религіи: „Петръ не

былъ особенно вѣрующимъ, хотя онъ не заявлялъ себя открытымъ атеистомъ" (67). Объ атеизмѣ Петра не можетъ быть и рѣчи; можно говорить развѣ только о его свободномъ отношеніи къ внѣшнимъ формамъ религіи. Искренность его вѣры не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Хорошо извѣстно также, что не съ Петра В. ведетъ начало зависимое положеніе церкви по отношенію къ государству; такая зависимость установилась ранѣе. Петромъ В. она была только сильнѣе, чѣмъ прежде, закрѣплена (68).

Эти возраженія касаются однако той части работы, которую можно считать наименѣе существенной. Главная часть сочиненія—обзоръ положенія раскола и отношенія къ нему правительства при Николаѣ I. Содержаніе этого центральнаго отдѣла сочиненія даже шире заглавія. Авторъ не хочетъ ограничиться характеристикой правительственныхъ мѣропріятій по отношенію къ расколу, на что онъ имѣлъ бы право, опираясь на заглавіе. Онъ старается выяснить и характеризовать подробно политическую идеологію раскола и въ ней искать основаній тѣхъ мѣръ, которыя были приняты противъ раскола при Николаѣ Павловичѣ, когда на расколъ стали вновь смотрѣть, какъ на вредное политическое, а не только церковное, направленіе. Такая характеристика дается въ § II и III главы II, гдѣ авторъ приводитъ яркія иллюстраціи политическихъ воззрѣній раскольниковъ. Въ этой же главѣ, вообще богатой по содержанію, авторъ знакомитъ насъ съ вліятельными сужденіями о расколѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ, высказанными московскимъ митрополитомъ Филаретомъ (§ I). Такимъ образомъ онъ постепенно выясняетъ тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ сложился взглядъ на значеніе раскола у самого императора Николая I (§ IV). Взглядъ этотъ не былъ предвзятымъ. Онъ сформировался воздѣйствіемъ предпринятаго при Николаѣ Павловичѣ освѣдомленія о расколѣ. Ознакомленіе съ расколомъ при этомъ государѣ впервые было поставлено на широкое основаніе. Были командированы чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія раскола въ разныхъ губерніяхъ; данъ былъ толчекъ къ научному изученію раскола (§ III, V); приняты были мѣры къ установленію бо́льшей точности въ статистикѣ раскола (§ VI). Излагая всѣ эти способы ознакомленія съ расколомъ, авторъ даетъ ихъ критику, указывая тѣ ихъ

дефекты, которые приводили къ неправильному освѣщенію и пониманію раскола и вслѣдствіе которыхъ воззрѣнія крайнихъ и фанатичныхъ сектъ приписывались иногда всему старовѣрью (196). Изслѣдованія раскола черезъ министерскихъ чиновниковъ и черезъ мѣстную администрацію совершались съ невѣрной и односторонней точки зрѣнія, а мѣры, рекомендовавшіяся этими изслѣдователями, носили исключительно полицейскій характеръ и были направлены главнымъ образомъ на усиленіе полицейскаго надзора (252). Въ особенности подробному критическому анализу подвергаетъ авторъ добытыя при Николаѣ I статистическія данныя о расколѣ (288—341). Указывается ихъ неточность, но съ другой стороны (314) отмѣчаются и положительныя достоинства этихъ свѣдѣній. Конечную цифру раскольническаго населенія (10.000.000), принятую правительствомъ Николая Павловича, авторъ находитъ преувеличенной и при этомъ указываетъ, что именно эта преувеличенная цифра и „послужила одной изъ главныхъ причинъ стѣснительныхъ для раскольниковъ мѣръ“ (341).

Въ гл. III мы находимъ характеристику религіозныхъ правъ раскольниковъ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ вопросы: о лицахъ, совершавшихъ у раскольниковъ богослуженіе, о богослужебныхъ зданіяхъ и о пропагандѣ раскола, подробно излагая тѣ правительственныя мѣропріятія, которымъ старообрядцы подвергались по каждому изъ этихъ пунктовъ. Въ особенности продолжительно авторъ останавливается на мѣрахъ противъ бѣглопоповства, въ значительной степени парализованныхъ учрежденіемъ австрійской каѳедры. Въ слѣдующей IV гл. изслѣдуются гражданскія права раскольниковъ, и вниманіе автора устремлено на стѣсненія и ограниченія, постигшія старообрядцевъ въ царствованіе Николая I въ области гражданскихъ правъ. Наконецъ, послѣдняя V глава посвящена обзору духовныхъ мѣръ, принимавшихся противъ раскола, главнымъ образомъ миссіи и школы, причемъ, говоря о первой, авторъ выясняетъ причины ея неуспѣха.

Г. Скворцовъ обнаружилъ большое трудолюбіе при исполненіи своей работы. Собравъ большую литературу, относящуюся къ предмету его изслѣдованія, указатель которой мы находимъ на первыхъ страницахъ сочиненія, онъ изучилъ

обстоятельно какъ оффиціальные документы, касающіеся раскола, такъ и сочиненія по его исторіи. Онъ обнаружилъ также способность подробно анализировать изучаемыя явленія, отыскивать ихъ причины и убѣдительно доказывать связь между наблюдаемыми фактами. Всѣ эти свойства придаютъ научную цѣнность его работѣ. По ней, дѣйствительно, можно познакомиться съ положеніемъ раскола при Николаѣ Павловичѣ и съ отношеніемъ къ нему правительства. Поставленную себѣ авторомъ задачу слѣдуетъ признать разрѣшенной. Въ упрекъ автору мы ставимъ его совершенно излишнюю склонность къ пространнымъ изложеніямъ въ текстѣ тѣхъ матеріаловъ, которые служатъ ему источниками, что многимъ страницамъ его работы сообщаетъ слишкомъ сырой видъ. Таково напр. изложеніе цѣликомъ плана научнаго изученія раскола, предложеннаго Надеждинымъ (стр. 272 и сл.), прошенія уральскихъ раскольниковъ (409 и сл.), разсужденій, принятыхъ во вниманіе императоромъ Николаемъ (416—425), условій Николаевскихъ старообрядцевъ (428), соображеній митрополита Филарета (493), перечисленіе имуществъ Преображенскаго кладбища (637), основныхъ положеній для инструкціи миссіонерамъ (672—676) и др. Не слѣдовало бы забывать, что диссертація не есть сборникъ матеріаловъ, какъ бы эти послѣдніе интересны ни были. Обиліе пространныхъ и не всегда нужныхъ выписокъ непомѣрно увеличило размѣры сочиненія. Впрочемъ, искомой степени оно вполнѣ заслуживаетъ".

б) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

„Авторъ въ своей работѣ имѣлъ предшественниковъ. Въ магистерскихъ диссертаціяхъ Васильевскаго („Государственная система отношеній къ старообрядческому расколу въ царствованіе имп. Николая I"), Бѣликова В. („Дѣятельность московск. митр. Филарета по отношенію къ расколу") и нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ предметъ, избранный Скворцовымъ, по частямъ былъ уже значительно разработанъ, особенно со стороны фактическаго содержанія. О. Скворцову трудно было вносить въ свое сочиненіе что-нибудь новое изъ матеріала. Ему оставалось провѣрить по первоисточникамъ существующія уже въ наукѣ свѣдѣнія и сообщить имъ извѣстную идейность. Первое авторъ выполнилъ

въ достаточной мѣрѣ. Второе же удалось ему, можно сказать, лишь отчасти. Занятый обильной фактической стороной, авторъ не приложилъ надлежащаго вниманія, можетъ быть по краткости времени, къ идейной части своего сочиненія, и она у него оказалась не столь рельефной, какъ бы ей слѣдовало быть.—Въ общемъ же работа о. Скворцова должна быть названа очень хорошей, дающей автору полное право на полученіе степени кандидата богословія".

40) О сочиненіи студента *Смоленскаго Алексѣя* на тему: „Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова:*

„Автору поставлено было задачей — произвести анализъ Учительнаго Евангелія Константина Болгарскаго со стороны источниковъ и затѣмъ, на основаніи этого анализа, освѣтить, насколько возможно, научные вопросы, связанные съ указаннымъ памятникомъ. Обѣ части своей задачи талантливый авторъ выполнилъ съ выдающимся трудолюбіемъ, съ самой серьезной эрудиціей и съ завиднымъ успѣхомъ.

Такъ какъ бо́льшая половина памятника (28 бесѣдъ) уже была обслѣдована со стороны источниковъ преосв. Антоніемъ и проф. Михайловымъ, то въ отношеніи этой части нашъ авторъ долженъ былъ заняться провѣркой результатовъ работы названныхъ ученыхъ. Трудъ г. Смоленскаго увѣнчался здѣсь счастливымъ открытіемъ греческаго оригинала для ряда отрывковъ, признанныхъ указанными изслѣдователями за самостоятельное творчество автора Учительнаго Евангелія. Почти для всѣхъ другихъ бесѣдъ Учит. Евангелія, не обслѣдованныхъ еще детально со стороны источниковъ, г. Смоленскій нашелъ греческій оригиналъ и далъ тщательное сличеніе славянскаго текста съ греческимъ. По тщательности, научной серьезности выполненія работа нашего автора здѣсь заслуживаетъ самаго полнаго одобренія.

Вполнѣ научно выполненный анализъ памятника со стороны источниковъ далъ г. Смоленскому возможность *новаго освѣщенія* важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ Учит. Евангеліемъ, именно вопросовъ: а) о степени самостоятельности автора памятника, б) о характерѣ греческаго оригинала памятника, в) о времени, мѣстѣ и авторѣ памятника и,

наконецъ, г) о значеніи Учит. Евангелія въ исторіи славянской письменности.—По первому вопросу г. Смоленскій приходитъ къ выводу, что преосв. Антоній сдѣлалъ ошибку, признавъ *всѣ* заключенія отдѣльныхъ бесѣдъ самостоятельнымъ творчествомъ автора Учит. Евангелія; на самомъ дѣлѣ, только незначительная часть ихъ можетъ быть признана самостоятельной; съ несомнѣнностью можно признать самостоятельнымъ произведеніемъ Константина одни вступленія, да и то нѣкоторыя изъ нихъ возбуждаютъ сомнѣніе въ этомъ отношеніи. По второму вопросу авторъ приходитъ къ оригинальному выводу: „подлинникомъ Учит. Евангелія Константина не были ни полныя творенія святыхъ отцевъ, ни катены, въ видѣ ли списка Бодлеянскаго или Коаленевскаго, а, вѣроятнѣе всего, особый, пока еще неизвѣстный типъ Толковаго Евангелія, соединившаго въ себѣ въ сокращенномъ видѣ толкованія Евангельскаго текста по Матѳею, Лукѣ и Іоанну изъ двухъ святыхъ отцевъ—Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго“. Возможность существованія такого рода Толковаго Евангелія г. Смоленскій выясняетъ между прочимъ разборомъ своеобразной структуры Толковаго Евангелія Синодальной Библіотеки, заключающагося въ рукописи № 82 (по каталогу греч. рук. арх. Владиміра), на который счастливо-удачно остановилъ свой научно-зоркій взглядъ нашъ авторъ. Еще болѣе оригинально и прямо-таки замѣчательно, по нашему мнѣнію, удачно выясняетъ г. Смоленскій вопросъ о времени, а въ связи съ нимъ и мѣстѣ происхожденія памятника. Попытку опредѣлить хронологическую дату памятника при помощи „Историкіи“ нашъ авторъ признаетъ неудачной, такъ какъ по его мнѣнію (обоснованному на обстоятельномъ анализѣ этой статьи съ точки зрѣнія уже выясненныхъ имъ особенностей Учит. Евангелія Константина) „Историкія не является произведеніемъ Константина, не имѣетъ никакого отношенія къ его Учит. Евангелію и даетъ рядъ годовъ, взаимно противорѣчащихъ другъ другу“. Но нашъ авторъ здѣсь не только разрушаетъ, но и положительно созидаетъ. Онъ нашелъ и предлагаетъ новый чрезвычайно простой, но и въ то же время замѣчательно остроумный и, по нашему мнѣнію, довольно прочный путь для установки хронологической даты памятника. Ему пришла мысль посмотрѣть на свой памятникъ со *спеціальной*

историко-гомилетической точки зрѣнія, какъ на *рядъ* поученій, постепенно составленный ad hoc, для произнесенія въ опредѣленномъ историческомъ году. Мысль эта была близка и раннѣйшимъ изслѣдователямъ Евангелія Константина, но никому не пришло въ голову остановиться на ней и сдѣлать надлежащіе выводы. А между тѣмъ эти выводы подсказывались сами собой. Дѣло въ томъ, что если Константинъ писалъ рядъ поученій, образующихъ Учит. Евангеліе, для наличнаго историческаго года, то, разумѣется, онъ долженъ былъ сообразоваться *въ числѣ и распорядкѣ бесѣдъ* съ требованіями *церковнаго года*. Но, вѣдь, церковный годъ не есть величина постоянная, неизмѣнная: съ каждымъ историческимъ годомъ онъ *измѣняетъ свой видъ* въ смыслѣ *количества и порядка воскресныхъ дней*, на которые какъ разъ и составлены поученія Константина; видъ *церковнаго* года, падающаго на каждый данный историческій годъ, какъ извѣстно, совершенно опредѣленно устанавливаетъ пасхалія и она же позволяетъ, наоборотъ, по виду церковнаго года точно опредѣлить соотвѣтствующій ему историческій. Отсюда авторъ естественно приходитъ къ выводу: если Константинъ составлялъ свои бесѣды примѣнительно къ опредѣленному текущему церковному году, то составъ и распорядокъ бесѣдъ въ сборникѣ Учит. Евангелія долженъ точно отражать видъ текущаго *церковнаго* года, а этотъ послѣдній долженъ свидѣтельствовать о томъ историческомъ годѣ, на который онъ падалъ. Нашъ авторъ и идетъ этимъ путемъ опредѣленія хронологической даты изслѣдуемаго имъ памятника. Путемъ анализа состава памятника авторъ наглядно вскрываетъ, что памятникъ написанъ для церковнаго года, имѣвшаго слѣдующій видъ: первая Пасха падала за 38 недѣль до Рождества Христова, т. е., слѣдовательно, между 3—9 апрѣля, а вторая падала между 22—25 апрѣля, такъ какъ отъ недѣли по Богоявленіи до недѣли Мытаря и Фарисея сборникъ имѣетъ 5 бесѣдъ и, слѣдовательно, предполагаетъ пять недѣль. Въ періодъ времени жизни и дѣятельности Константина—т. е. конецъ IX и начало X вѣковъ—такого рода церковный годъ случился трижды—въ 880—881 г.г., въ 891—892 и 918—919 г.г. Изъ этихъ трехъ датъ необходимо остановиться только на одной, именно 880—881 г.г., такъ какъ церковный годъ Учит. Евангелія предполагаетъ между Рожд. Хр. и Богоявленіемъ лишь одно

воскресенье, что возможно лишь при совпаденіи Рождества Христова съ воскресеньемъ, понедѣльникомъ или вторникомъ; а это, именно совпаденіе Рождества Христова съ воскресеньемъ, какъ разъ случилось изъ трехъ указанныхъ датъ только въ 880—881 г., когда Пасха была 3 апрѣля. Такимъ образомъ пасхальныя вычисленія даютъ возможность признать, что Учительное Евангеліе Константина написано въ 880—881 г.г.—Установленіе этой новой даты Учит. Евангелія неизбѣжно ведетъ и къ совершенно новой установкѣ мѣста происхожденія памятника. Если доселѣ указывали въ качествѣ таковаго или Константинополь, или Солунь, или Болгарію, то теперь открывается необходимость отнести происхожденіе памятника въ *Моравію*, такъ какъ, по согласному утвержденію всѣхъ изслѣдователей, періодъ времени съ 862 по 885 г. Константинъ провелъ въ Моравіи. Въ подтвержденіе этого своего положенія авторъ разбираетъ всѣ доводы въ пользу прежнихъ мнѣній по этому вопросу и указываетъ рядъ положительныхъ основаній, даваемыхъ анализомъ памятника. Пытаясь прояснить біографію автора Учит. Евангелія, г. Смоленскій болѣе склоняется считать его солунскимъ славяниномъ, ученикомъ св. Кирилла—Константина, однимъ изъ старшихъ современниковъ св. братьевъ; мѣстомъ литературной дѣятельности Константина въ послѣдній періодъ его жизни признается восточная Болгарія. Опредѣляя значеніе Учит. Евангелія Константина для русской письменности, авторъ заявляетъ: „конечно, каждому изслѣдователю лестно сказать про изслѣдуемый имъ памятникъ, что онъ игралъ огромную роль въ развитіи и просвѣщеніи народа, но, къ сожалѣнію, изслѣдователь Учит. Евангелія Константина про свой памятникъ этого сказать не можетъ. Покоряясь фактамъ, онъ долженъ сказать, что Учит. Евангеліе Константина, хотя и перешло на Русь вмѣстѣ со всей болгарской литературой, однако не руссифицировалось, и умерло, не внесши своей лепты въ дѣло просвѣщенія русскаго народа“.

Таковы главнѣйшіе моменты и результаты работы г. Смоленскаго. Уже только они одни свидѣтельствуютъ, какъ весьма богато содержаніемъ и научно-цѣнно сочиненіе нашего автора. Но мы отмѣтили далеко не все цѣнное работы автора. Работа г. Смоленскаго буквально усѣяна многочисленными мелкими, но цѣнными самостоятельными наблюденіями, за-

мѣчаніями, выводами историко-литературнаго характера, перечислять которые въ настоящемъ отзывѣ нѣтъ нужды. Къ этому необходимо добавить, что авторъ приложилъ къ сочиненію собственноручно сдѣланную имъ точную копію съ Синодальнаго списка Учит. Евангелія съ варіантами списка Имп. Публичной Библіотеки и отчасти Вѣнскаго списка (поскольку послѣдній извѣстенъ по работамъ г. Михайлова).

Вообще работа г. Смоленскаго выдѣляется надъ общимъ уровнемъ студенческихъ работъ, какъ трудъ въ собственномъ смыслѣ ученый, обнаруживающій въ авторѣ незаурядный талантъ ученаго изслѣдователя въ сферѣ историко-литературной. Послѣ нѣкоторой переработки и дополненій трудъ г. Смоленскаго вполнѣ достойно могъ бы быть представленъ на соисканіе ученой степени магистра богословія, но и въ настоящемъ видѣ онъ могъ бы быть напечатанъ, какъ серьезный вкладъ въ науку. Есть, конечно, въ сочиненіи и дефекты, и даже цѣлый рядъ мелкихъ дефектовъ, заключающихся по преимуществу въ нѣсколько поспѣшныхъ сужденіяхъ по нѣкоторымъ изъ попутно затрогиваемыхъ имъ вопросовъ; напримѣръ, по вопросу о происхожденіи катенъ, о причинахъ происхожденія Учит. Евангелія, какъ элемента Уставныхъ Чтеній въ Греціи (стр. 150), объ генетическомъ взаимоотношеніи Учительнаго и Толковаго Евангелій (стр. 151) и нѣкот. др. Основные тезисы труда автора могутъ быть оспариваемы... Но въ той громадной и сложной работѣ, которую нашъ авторъ произвелъ въ періодъ менѣе года, и при томъ въ отношеніи столь мало выясненной личности и эпохи, какъ личность и эпоха автора Учит. Евангелія, указанные дефекты почти неизбѣжны; и ставить ихъ въ вину г. Смоленскому было бы прямо грѣшно. Читать его работу доставляетъ истинное научно-эстетическое удовлетвореніе. Степени кандидата богословія нашъ авторъ, разумѣется, заслуживаетъ вполнѣ и безспорно".

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„Написанное съ знаніемъ дѣла и живымъ интересомъ къ предмету изслѣдованія, сочиненіе г. Смоленскаго представляетъ собою работу, очень цѣнную въ научномъ отношеніи. Исходной точкой для ея автора служитъ литература, посвя-

щенная Учительному Евангелію Константина, прекрасно имъ изученная и критически провѣренная. Но трудъ г. Смоленскаго отнюдь не является простой компиляціей изъ существующихъ уже изслѣдованій. Послѣднія—это только фундаментъ, на которомъ авторъ возводитъ собственныя построенія. Онъ вовсе не касается того, что нашло для себя удовлетворительное разрѣшеніе въ существующей литературѣ, а изслѣдуетъ вопросы, или вовсе не затронутые въ ней, или поставленные, но рѣшенные, по его мнѣнію, неправильно или безъ достаточныхъ основаній. Задача автора—отчасти восполнить результаты прежнихъ изслѣдованій, отчасти внести къ нимъ необходимыя поправки. Съ цѣлью восполненія онъ выдвигаетъ нѣсколько новыхъ вопросовъ: объ отношеніи Учительнаго Евангелія Константина къ Уставнымъ чтеніямъ и объ его значеніи въ исторіи славянской письменности. Въ другихъ случаяхъ онъ продолжаетъ незавершенную работу предшествующихъ изслѣдователей. Сюда относится вопросъ о размѣрѣ самостоятельной и переводной частей Учительнаго Евангелія. Преосв. Антоній и проф. Михайловъ указали греческій подлинникъ для 28 бесѣдъ, г. Смоленскій приводитъ греческій текстъ остальныхъ бесѣдъ, составъ которыхъ не былъ опредѣленъ преосв. Антоніемъ и Михайловымъ. Болѣе того, автору удалось найти греческій оригиналъ для нѣкоторыхъ отрывковъ изъ 28 бесѣдъ, которые были признаны преосв. Антоніемъ и проф. Михайловымъ за самостоятельное произведеніе автора Учительнаго Евангелія. Что касается поправокъ къ существующей литературѣ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить два интересныхъ пункта. Это, во-первыхъ, изслѣдованіе о времени и мѣстѣ составленія Учительскаго Евангелія. До сихъ поръ ученые извлекали дату памятника изъ связанной съ нимъ статьи, такъ наз. „Историкии". Г. Смоленскій отвергаетъ ея связь съ Учительнымъ Евангеліемъ, ея принадлежность Константину и, наконецъ, ея цѣнность для хронологіи. Вмѣсто этого онъ ставитъ вопросъ на совершенно иную почву. Внимательно всмотрѣвшись въ порядокъ бесѣдъ Учительнаго Евангелія, авторъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ соотвѣтствуетъ недѣлямъ не церковнаго года вообще, а опредѣленнаго года, а это дало ему возможность очень точно установить время празднованія пасхи въ этомъ году

и самый этотъ годъ. Точная же датировка памятника повлекла за собою и опредѣленное рѣшеніе вопроса о мѣстѣ составленія памятника, которымъ авторъ призналъ Моравію. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдующій ученый не можетъ не считаться съ этой остроумной хронологической гипотезой. Второй пунктъ касается источника, по которому составлено Учительное Евангеліе. Таковымъ признавались, съ одной стороны, полныя произведенія оо. церкви, съ другой—катены, изданныя Крамеромъ. Г. Смоленскій сдѣлалъ значительный шагъ впередъ въ разрѣшеніи этой проблемы: онъ призналъ источникомъ изучаемаго памятника сочиненіе, лежащее въ основѣ самихъ катенъ и въ нихъ отчасти дополненное, отчасти сокращенное. Въ этомъ сочиненіи каждое Евангеліе было истолковано лишь по одному отцу церкви (по Златоусту Евв. Мѳ., Мк., Іоан., по Кириллу Александрійскому Ев. Луки) и въ самое толкованіе вошло много нравственныхъ наставленій, заимствованныхъ у тѣхъ же писателей. По мнѣнію г. Смоленскаго, составитель катенъ, положивъ въ основу ихъ это сочиненіе, чисто экзегетическія части его дополнилъ выдержками изъ твореній другихъ отцовъ церкви, а части назидательнаго характера сократилъ. Въ синодальной библіотекѣ автору посчастливилось найти греческое толковое евангеліе, по своему составу близко подходящее къ предполагаемому имъ первоисточнику какъ катенъ Крамера, такъ и Учительнаго Евангелія Константина и подтверждающее выводъ, полученный путемъ чисто теоретическаго анализа текстовъ. Ободренный этимъ, авторъ пошелъ дальше и высказалъ свое предположеніе о происхожденіи катенъ. Онъ полагаетъ, что изъ отцовъ церкви первоначально были извлечены отдѣльныя бесѣды для уставныхъ чтеній за богослуженіемъ. Затѣмъ онѣ были сокращены и подобраны въ порядкѣ евангельскихъ чтеній и образовали учительныя евангелія, въ которыхъ бесѣды св. отца хотя и были сокращены, но съ сохраненіемъ какъ экзегетическихъ, такъ и назидательныхъ ихъ частей. Изъ этихъ учительныхъ евангелій происходятъ евангелія толковыя, сохраняющія нужный для школы экзегетическій элементъ бесѣдъ и устраняющія излишній для нея моральный. Отсюда уже возникаютъ катены путемъ присоединенія къ сокращеннымъ толкованіямъ евангелія по одному отцу выдержекъ изъ толкованій другихъ экзегетовъ.

Гипотеза эта представляется довольно фантастической и несогласной съ тѣмъ, что извѣстно изъ литературы о катенахъ,—литературы, правда, еще недостаточной, но и не ограничивающейся однимъ Lietzmann'омъ, какъ полагаетъ авторъ. Въ общемъ сочиненіе г. Смоленскаго не только даетъ автору право на полученіе степени кандидата богословія, но и заслуживаетъ особаго поощренія со стороны Совѣта Академіи".

41) О сочиненіи студента *Соболева Василія* на тему: „Церковные уставы древне-русскихъ князей".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Соболева посвящено разсмотрѣнію двухъ древне-русскихъ церковныхъ уставовъ, извѣстныхъ подъ названіями церковнаго устава св. Владиміра и церковнаго устава князя Ярослава. Соотвѣтственно задачѣ работа состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изучается уставъ св. Владиміра, во второй уставъ Ярослава. Каждая изъ частей построена по однообразному плану. Указавъ списки уставовъ, бывшіе у него въ распоряженіи, авторъ анализируетъ мнѣнія, высказанныя въ литературѣ относительно подлинности уставовъ, приводя сначала мнѣнія противъ подлинности, а затѣмъ переходя ко взглядамъ защитниковъ подлинности. Такъ, въ первой части, посвященной уставу св. Владиміра, авторъ даетъ сводъ возраженій противъ подлинности, высказанныхъ Карамзинымъ, Рейцемъ, Голубинскимъ и Суворовымъ. Здѣсь указываются: 1) хронологическая несообразность въ самомъ уставѣ (упоминаніе имени Константинопольскаго патріарха Фотія, отъ котораго будто бы Владиміръ принялъ крещеніе), 2) несогласіе устава съ Русскою Правдою Ярослава 1, 3) несообразность постановленій устава съ вѣроятнымъ состояніемъ русской церкви при Святомъ Владимірѣ, 4) несообразность въ уставѣ относительно дарованія десятины одной Кіевской церкви Богородицы, 5) невозможность дарованія этой десятины „во всей землѣ Русской", по выраженію устава, 6) несоотвѣтствіе устава греческому номоканону въ предоставленіи суду епископскому нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлъ, 7) отсутствіе распоряженій противъ двоеженства, 8) недостатокъ свидѣтельствъ объ

уставѣ въ другихъ современныхъ ему или, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ нему памятникахъ. Изложивъ обстоятельно возраженія по приведеннымъ пунктамъ, авторъ особую главу (стр. 19—63) отводитъ критическому разбору и оцѣнкѣ этихъ возраженій пунктъ за пунктомъ, высказывая самостоятельный взглядъ по каждому затронутому возражателями вопросу. Точно также поступаетъ авторъ и съ мнѣніями, высказанными въ пользу подлинности уставовъ, сводя ихъ къ нѣсколькимъ пунктамъ и подвергая ихъ такому же критическому разбору. Если, съ одной стороны, авторъ принужденъ согласиться съ нѣкоторыми возраженіями противъ подлинности, то съ другой онъ не всѣ аргументы защитниковъ устава признаетъ достаточно убѣдительными. Высказывая мысль, что нѣтъ рѣшительныхъ, неопровержимыхъ и несомнительныхъ доказательствъ ни противъ подлинности устава, ни въ пользу ея, авторъ однако склоняется болѣе къ сторонникамъ древности происхожденія устава и ставитъ вопросъ о спискѣ устава, наиболѣе близкомъ къ подлиннику. И въ этомъ вопросѣ онъ высказываетъ „среднюю точку зрѣнія“ (113) между мнѣніями о бо́льшей древности краткой и пространной редакцій устава. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ попытку составленія своднаго текста устава, который, по его мнѣнію, приближался бы къ подлиннику болѣе, чѣмъ всѣ дошедшіе до насъ списки. Этотъ гипотетическій текстъ онъ снабжаетъ переводомъ на русскій современный намъ языкъ и обширными примѣчаніями.

Тѣмъ же методомъ ведется изслѣдованіе Ярославова устава во второй части, которая также заканчивается попыткою своднаго текста съ переводомъ и примѣчаніями. Возникшія въ литературѣ сомнѣнія относительно подлинности Ярославова устава ввиду устанавливаемыхъ имъ двойныхъ наказаній авторъ стремится устранить указаніемъ на вліяніе „Закона суднаго людемъ“ на уставъ Ярослава и приходитъ къ мысли, что въ уставѣ Ярослава мы имѣемъ также памятникъ дѣйствительно имѣвшаго мѣсто законодательства.

Можно иногда пожалѣть, что авторъ, высказывая мысль, не развиваетъ ее съ достаточной степенью подробности. Такъ, желательно бы было, напримѣръ, чтобы авторъ, говоря на стр. 54: „кромѣ того въ Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ, а также въ Судебникахъ Іоанна III и IV подтвер-

ждаются привиллегіи духовенства, какъ онѣ указаны Уставомъ Св. Владиміра", объяснилъ,—какія именно привиллегіи духовенства подтверждаются судными грамотами и судебниками. Сводные тексты оставляемъ на отвѣтственности автора; близость ихъ къ предполагаемому подлиннику остается гипотезой. Въ переводѣ устава Владиміра отмѣтимъ неудачное мѣсто: „ино что неподобно церкви подѣеть", передано: „вообще дѣланіе неприличнаго по отношенію къ церкви". Трудно согласиться также съ передачей выраженія: „промежи мужемъ и женою о животѣ" словами: „непріязнь между супругами съ опасностью для жизни одного изъ нихъ". Вопреки автору и толкованію проф. Суворова, на которое онъ опирается, намъ кажется, что рѣчь идетъ здѣсь о ссорѣ между супругами изъ-за имущества.

Въ общемъ обширная начитанность, несомнѣнный критическій талантъ, способность яснаго изложенія мысли и самостоятельность научнаго сужденія, всѣ эти свойства, проявленныя авторомъ въ его обстоятельномъ изслѣдованіи, даютъ намъ право признать его работу заслуживающей искомой степени".

б) Экстроординарнаго профессора *П. П. Соколова*:

Въ своемъ сочиненіи г. Соболевъ изучаетъ вопросъ о подлинности церковныхъ уставовъ св. Владиміра и Ярослава. Подробно разбирая отрицательныя и положительныя рѣшенія этого вопроса, авторъ приходитъ къ заключенію, что какъ тѣ, такъ и другія одинаково лишены твердыхъ основаній. Поэтому самъ онъ избираетъ средній или, по его выраженію, „умѣренный" путь, указанный Павловымъ и Ключевскимъ: не настаивая на томъ, что уставы принадлежатъ древне-русскимъ князьямъ по своей письменной формѣ, онъ признаетъ ихъ подлинными по ихъ основному юридическому содержанію. Чтобы опредѣлить подлинную „матеріальную основу" обоихъ уставовъ, г. Соболевъ пытается возстановить на основаніи существующихъ списковъ ихъ первоначальную редакцію. Разрѣшить эту чрезвычайно трудную задачу ему едва-ли удалось: не говоря уже о томъ, что онъ не имѣлъ подъ руками всѣхъ списковъ уставовъ и не изучалъ рукописей, самыя соображенія, которыми онъ

руководится въ своей реконструкціи, представляются въ значительной степени спорными. Но если авторъ и не внесъ чего-нибудь новаго въ рѣшеніе избраннаго имъ вопроса, онъ во всякомъ случаѣ доказалъ свое умѣнье критически работать надъ историческими источниками. Его сочиненіе даетъ кропотливый анализъ церковныхъ уставовъ древнерусскихъ князей и основывается на широкомъ и тщательномъ изученіи относящейся къ нимъ литературы.

Степени кандидата богословія г. Соболевъ вполнѣ заслуживаетъ".

42) О сочиненіи студента *Соколова Михаила* (*Вив.*) на тему: „Иконографія Страшнаго Суда".

а) Доцента *Н. Д. Протасова:*

„Страшный Судъ—одна изъ труднѣйшихъ темъ въ исторіи христіанской иконографіи. Эта трудность обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что развитіе этой темы находится въ зависимости прежде всего отъ наличныхъ богословскихъ воззрѣній на данный сюжетъ. Поэтому, изслѣдователю приходится имѣть дѣло не только съ матеріаломъ иконографическимъ въ собственномъ смыслѣ, но и съ памятниками богословской науки. Понятно, что въ такой постановкѣ настоящая тема представляетъ интересъ для воспитанника Высшей Богословской Школы.

Содержаніе разсматриваемой работы г. Соколова таково. Въ введеніи (I—XIV) авторъ говоритъ, что его цѣлью было, съ одной стороны,—„въ возможной мѣрѣ познакомиться съ обширнымъ литературнымъ матеріаломъ, которымъ пользовались" при обслѣдованіи данной темы Н. В. Покровскій, Ѳ. И. Буслаевъ и Н. П. Кондаковъ, а съ другой—„уяснить себѣ тотъ вопросъ, въ какой мѣрѣ вліяло на развитіе иконографическаго изображенія Страшнаго Суда народное творчество". Далѣе авторъ перечисляетъ бывшую у него подъ руками литературу.

Въ предисловіи (1—29) находимъ замѣчанія о томъ, какъ эсхатологическія чаянія нашли свое выраженіе въ изобразительномъ искусствѣ. Здѣсь-же г. Соколовъ заявляетъ, что „главнѣйшая задача работы состоитъ въ томъ, чтобы по возможности подробно изложить историческій ходъ образо-

ванія картины Страшнаго Суда съ начальнаго ея зародыша вплоть до того времени, когда эта картина сформировалась въ тотъ самый видъ, въ которомъ видимъ ее въ наше время" (стр. 26).

Въ первой главѣ (29—74) излагаются религіозно-философскія ученія о послѣдней судьбѣ міра и человѣка въ дохристіанское время.

Во второй главѣ (74—82) авторъ говоритъ объ изображеніи Страшнаго Суда въ первохристіанскую эпоху.

Въ третьей главѣ (82—217) находится характеристика изображенія Страшнаго Суда въ періодъ господства византійскаго стиля въ христіанскомъ искусствѣ.

Въ четвертой главѣ (218—281) авторъ характеризуетъ изображеніе Страшнаго Суда въ русскомъ искусствѣ.

Въ заключеніи (282—289) г. Соколовъ кратко говоритъ объ изображеніи Страшнаго Суда на западѣ.

Общее впечатлѣніе отъ настоящей работы г. Соколова—то, что онъ не справился съ своей темой и не выполнилъ своего намѣренія—„подробно изложить историческій ходъ образованія картины Страшнаго Суда съ начальныхъ ея зародышей вплоть до того времени, когда картина эта сформировалась въ тотъ самый видъ, въ которымъ мы видимъ ее въ наше время" (26). И причину этого нужно видѣть въ томъ, что г. Соколовъ не смогъ выйти изъ подъ вліянія статьи проф. Н. В. Покровскаго—„Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства" (Труды VI археол. съѣзда въ Одессѣ 1884 г. III томъ, Одесса 1887 г.). Можно сказать, что онъ повторилъ сказанное Н. В. Покровскимъ, добавивъ очень немногое. И рецензентъ совершенно недоумѣваетъ, зачѣмъ на стр. III—XIV авторъ перечислилъ множество пособій русскихъ и иностранныхъ, хотя изъ работы не видно, чтобы онъ дѣйствительно изучилъ ихъ? Конечно, онъ долженъ былъ имѣть съ ними дѣло, но очень характерно то, что изъ семнадцати указанныхъ имъ сочиненій нѣмецкихъ и одного итальянскаго авторовъ, восемь процитованы совершенно безграмотно (Dr. Kraus.—„Roma Sotterraned die römischen Katakomben". Dr. Gass—„Symbolik der qrieschis ichen Kirche". Kraus.—„Die christliche Kunst ihren frühesten Anfaiqen. Mit besonderer. Berück sichtigung der neusten" и. т. д. Vass.—„Das jungste Gericht in der Bildkunst des frühen

Mittes lalters". Garrucci.—„Storia della arte christiana nei prima atto secoli della"). Это наводитъ на мысль, что или авторъ цитируетъ небрежно изъ чужихъ рукъ, или-же совсѣмъ не знаетъ ни нѣмецкаго, ни итальянскаго языковъ; въ послѣднемъ случаѣ не нужно было-бы указывать такихъ изданій, которыя не могли быть использованы. Къ этому слѣдуетъ добавить, что и самъ авторъ въ *введеніи* (а извѣстно, что „введеніе" всегда пишется *послѣ*!) подчеркиваетъ несамостоятельность своей работы, когда говоритъ, что онъ „вовсе не имѣлъ намѣренія всецѣло исчерпать этотъ богатый и многогранный вопросъ... наша задача была значительно скромнѣе, а именно... въ возможной мѣрѣ ознакомиться съ обширнымъ литературнымъ матеріаломъ", какимъ пользовались Н. В. Покровскій, Ѳ. И. Буслаевъ и Н. П. Кондаковъ при обслѣдованіи настоящей темы (I). Между тѣмъ, г. Соколову нужно было заимствовать у своихъ предшественниковъ только фактическій матеріалъ и дать свою постановку и рѣшеніе настоящаго вопроса.

Во многихъ мѣстахъ своей работы авторъ даетъ читателю нужный матеріалъ, подробно знакомитъ съ нимъ, но... вывода не дѣлаетъ самъ. Такъ, напр., на стр. 29—74 передается содержаніе книги Чистовича для нужной автору характеристики ученій древнихъ о загробномъ существованіи. И, однако, опредѣленныхъ выводовъ читатель не находитъ: г. Соколовъ оставляетъ безъ отвѣта вопросъ,—отразились-ли эти вѣрованія древнихъ въ ихъ изобразительномъ искусствѣ, и въ какомъ отношеніи къ этому послѣднему въ данномъ отношеніи находились древне-христіанскія изображенія? Въ такомъ-же точно положеніи находится вопросъ о „житіи Василія Новаго". Автора вообще интересовало вліяніе народнаго творчества на развитіе изображенія Страшнаго Суда. Онъ видѣлъ здѣсь прямую связь. Вѣрное чутье подсказало ему, что данный апокрифъ также имѣлъ свою долю участія въ образованіи нѣкоторыхъ подробностей картины. И вотъ, заявивъ на стр. 113, что „видѣніе монаха Григорія было однимъ изъ главныхъ источниковъ для средневѣковыхъ изображеній и поэтическихъ описаній Страшнаго Суда и будущей жизни", г. Соколовъ почти *сто страницъ* (113—205) посвящаетъ подробному описанію и изложенію содержанія этого „житія" по одному списку XVIII в. и затѣмъ на

стр. 206 заявляетъ безъ всякихъ доказательствъ, что „житіе Василія Новаго, появившись на свѣтъ въ X столѣтіи, дало превосходный мотивъ для художниковъ". Вмѣсто такого голословнаго и совсѣмъ неубѣдительнаго замѣчанія, автору слѣдовало-бы развить послѣднее и, путемъ анализа сохранившихся изображеній, иллюстрировать свою мысль. Это сообщило-бы его сочиненію оригинальность, чего нельзя сказать, напр., о четвертой главѣ, гдѣ авторъ самымъ поверхностнымъ образомъ говоритъ о русскихъ элементахъ въ изображеніи Страшнаго Суда (стр. 246 и сл.). Между тѣмъ, несомнѣнно, что у насъ, въ древней и старой Руси, изображеніе это подверглось большимъ переработкамъ, совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ запада. Такъ, г. Соколовъ не задается вопросомъ и не предлагаетъ его точнаго и научнаго рѣшенія—о появленіи „змія" въ этомъ изображеніи. Между тѣмъ, очень интересно было-бы прослѣдить постепенное превращеніе „огненной рѣки" въ „змія", превращенія, можно думать, стоявшаго подъ вліяніемъ нашего народнаго поэтическаго творчества. Къ такимъ-же элементамъ нужно было-бы отнести также „араповъ", „жидовъ" и пр. Матеріалъ, нужный для всего этого, былъ подъ руками у автора, но остался совсѣмъ неиспользованнымъ въ нужной мѣрѣ и отношеніи.

Коснемся плана настоящаго сочиненія.

Какъ видно изъ самаго изложенія и изъ заявленія г. Соколова на стр. 27 и сл., ему казался единственно возможнымъ планъ строго-хронологическій. Такъ именно работали и его предшественники. Конечно, для механизма работы—это наиболѣе легкій путь: древне-христіанская, византійская и русская эпохи. Однако, для научнаго генезиса въ собственномъ смыслѣ болѣе продуктивенъ былъ-бы планъ *предметно-историческій*. Нужно было-бы уяснить *основу* изображенія Страшнаго Суда. Затѣмъ, расчленить самый сюжетъ на части и уже потомъ давать анализъ историческій каждой части особенно. Въ этомъ случаѣ, для читателя было-бы ясно, откуда появляются и какой имѣютъ смыслъ такія, напр., детали какъ, „отдача землей и водой мертвецовъ", появленіе „многоголовыхъ псовъ" и пр. Тогда автору удалось-бы избѣжать повтореній, общая картина и ходъ образованія ея былъ-бы ясенъ каждому неподготовленному читателю. И интересно,

что самому автору была ясна бо́льшая продуктивность такого плана. На стр. 27 онъ заявляетъ, что „всякій изучающій ея (карт. Стр. С.) исторію уже тѣмъ самымъ обязывается насколько возможно детально объяснить составные элементы изучаемой картины и ихъ... происхожденіе, выяснить сначала, такъ сказать, основу“. Въ этомъ случаѣ, все сочиненіе было-бы болѣе опредѣленно и обосновано. Ни одна деталь изображенія не ускользнула-бы отъ вниманія автора,—для него была-бы ясна самая суть изображенія, и онъ не заполнилъ-бы многихъ страницъ ненужными справками, разъясненіями и пр. (*предислов.* стр. 1—25; вся *первая глава*— стр. 29—74 и пр.). На самомъ дѣлѣ, авторъ останавливается подробно (стр. 29—74) на религіозно-философскихъ ученіяхъ древнихъ о загробной участи, но ограничиваетъ одной страницей (77) свою рѣчь о древне-христіанскомъ изображеніи Страшнаго Суда (саркофагъ Роллера III вѣка)! Надо было самымъ внимательнымъ образомъ остановиться на катакомбной живописи первыхъ трехъ вѣковъ, которая показываетъ очень ясно, какъ первохристіанскіе художники иллюстрировали приточную и прямую рѣчь Спасителя о будущемъ мірѣ и Судѣ. Тогда было-бы видно, насколько самостоятельной представляется эта иллюстрація сюжета. И только послѣ подобнаго экскурса можно было-бы перейти къ равеннскимъ мозаикамъ, и не смѣшивать то и другое въ одно (стр. 79); наивное символическое искусство римскихъ катакомбъ и созрѣвающее—равеннскихъ памятниковъ, это вѣтви различныя: въ катакомбной живописи мы еще не видимъ восточнаго, въ собственномъ смыслѣ, элемента. И автору нужно было это подчеркнуть при анализѣ отдѣльныхъ моментовъ воскресенія и суда.

Къ подобнаго рода недостаткамъ нужно отнести также опущеніе г. Соколовымъ анализа твореній св. Ефрема Сирина, въ которыхъ онъ далъ *наиболѣе полное* толкованіе и раскрытіе эсхатологическихъ темъ Св. Писанія. Авторъ совершенно неосновательно бросаетъ замѣчаніе, что св. Ефремъ Сиринъ „новаго неизвѣстнаго въ Священномъ Писаніи... всетаки не далъ“ (стр. 85). Вліяніе его на композицію Страшнаго Суда современныхъ художественныхъ творцевъ очевидно. Для этого достаточно было-бы сравнить детали *современныхъ* изображеній съ поэтическими описаніями св.

Ефрема Сирина. И г. Соколовъ долженъ знать, что даже западные изслѣдователи учитываютъ вліяніе св. Ефрема въ данномъ отношеніи. И несомнѣнно, что при анализѣ твореній св. Отца авторъ оказался-бы въ состояніи болѣе опредѣленно выяснить образованіе византійской формы изображенія Страшнаго Суда (ср. стр. 90 сл.), чего нельзя сказать о главѣ *третьей*. Византія наиболѣе *полно* иллюстрировала антиципаціи Св. Писанія и толкованія свв. отцевъ относительно будущей судьбы человѣчества. Эта данная художественная схема сдѣлалась на всѣ вѣка какъ-бы нормой, которая разнообразилась только въ *деталяхъ*. Православное восточное искусство приняло эту форму. Приняла на первыхъ порахъ и западная церковь (Микель-Анджело), однако должа была скоро отвергнуть ее, потому что эта форма въ корнѣ расходилась съ эсхатологической догматикой католичества. И въ настоящее время католическое церковное искусство не культивируетъ изображенія Страшнаго Суда. На этомъ интересномъ фактѣ г. Соколову нужно-бы остановить свое вниманіе, такъ-какъ онъ помогъ-бы ему при выясненіи самостоятельнаго развитія темы Страшнаго Суда въ русскомъ церковномъ искусствѣ.

Останавливаясь на самомъ изложеніи, рецензентъ долженъ сказать, что г. Соколовъ представилъ сочиненіе въ плохо обработанномъ видѣ. Невыработанная рѣчь, многочисленныя ошибки на каждой страницѣ производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Каждый авторъ долженъ ревниво относиться даже къ внѣшней сторонѣ своей литературной работы и считаться съ упреками въ неряшливости. И рецензентъ не понимаетъ, какъ г. Соколовъ могъ при томъ „глубокомъ интересѣ“ (I), съ какимъ онъ работалъ надъ темой, представить въ такой небрежной формѣ свой трудъ?

Въ заключеніе рецензентъ обращаетъ вниманіе на одно замѣчаніе г. Соколова. На стр. 28 читаемъ: „приступая къ изложенію данной темы, долгомъ своимъ считаемъ предупредить благосклоннаго читателя, что въ вышеизложенномъ объемѣ написать работу требуется продолжительная подготовка въ этой спеціальной области“. Такіе камешки по адресу автора темы неосновательны. Г. Соколовъ долженъ знать, что каждый авторъ темы знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и что никакихъ особенныхъ познаній въ данномъ случаѣ не

требовалось, хотя отъ г. Соколова, какъ слушателя Археологическаго Института, и можно-бы требовать больше, чѣмъ отъ совсѣмъ неподготовленнаго воспитанника Высшей Богословской Школы. Имѣя это въ виду, рецензентъ предлагалъ г. Соколову обслѣдовать въ предѣлахъ данной темы одну интереснѣйшую картину Страшнаго Суда XV—XVI вв., бывшую на выставкѣ прошлаго года Московскаго Археологическаго Института. Эта новая компановка сюжета темы представляла интересъ еще и потому, что она была открыта подъ наслоеніями поздними, такъ-что *знакомому съ исторіей русскаго искусства* было интересно анализировать данную компановку. Однако авторъ совершенно обошелъ ее молчаніемъ и предпочелъ дать повтореніе уже извѣстнаго.

Не лишена работа г. Соколова и достоинствъ.

Авторъ совершенно вѣрно видѣлъ вліяніе народнаго творчества на развитіе нѣкоторыхъ иконографическихъ темъ и не ограничился въ данномъ случаѣ уже извѣстнымъ матеріаломъ, а знакомитъ читателя съ неизвѣстнымъ дотолѣ спискомъ „житія Василія Новаго", интереснаго по своимъ миніатюрамъ. Видно, что авторъ умѣетъ и любитъ работать съ подобнымъ матеріаломъ.

Не менѣе цѣнна постановка вопроса о древне-христіанскомъ изображеніи Страшнаго Суда. Г. Соколовъ пытается показать, что еще античная философія имѣла дѣло съ загробной участью человѣка. Онъ приводитъ ученія философовъ, нѣкоторыя религіозно-поэтическія сказанія и этимъ путемъ дѣлаетъ интересной свою работу. Если-бы онъ сумѣлъ еще показать отраженіе этихъ идей и антиципацій въ монументальномъ искусствѣ, онъ сдѣлалъ-бы положительное пріобрѣтеніе для науки. Но нужно сказать, что эта задача очень трудная, которая требуетъ не одного учебнаго года, хорошаго знанія древнихъ языковъ и *спеціальнаго* изученія, напр., помпейскихъ древностей. Конечно, это не по силамъ начинающему работнику. Онъ подготовилъ почву, и теперь могъ-бы заняться обслѣдованіемъ данпаго вопроса въ указанномъ направленіи.

Къ чести г. Соколова нужно указать, что онъ собралъ громадную литературу по своему вопросу и этимъ обезпечилъ трудъ своего преемника.

Главнымъ-же достоинствомъ настоящей работы г. Соколова

слѣдуетъ считать то, что онъ *работалъ самъ, лично, безъ всякой помощи и какихъ-бы то ни было указаній со стороны рецензента.* Этимъ искупаются всѣ недостатки настоящаго сочиненія, и рецензентъ съ полнымъ правомъ *признаетъ г. Соколова заслуживающимъ искомой степени кандидата богословія*".

б) Ординарнаго профессора *А. И. Алмазова*:

„По своей сложности изображеніе „Страшнаго Суда", можно сказать,—исключительный сюжетъ въ области христіанской иконографіи. Связанное съ представленіемъ о концѣ видимаго міра, воплощающее идею о загробномъ воздаяніи людямъ за ихъ благія и злыя дѣянія на всемъ историческомъ пути человѣчества, соединенное съ представленіемъ о Спасителѣ, уже какъ Судіи человѣческихъ чувствъ, помышленій и дѣлъ и, наконецъ, предполагающее своимъ содержаніемъ глубокое воспитательное значеніе христіанскаго искусства,—это изображеніе предъявляетъ къ его исполнителю требованіе—незаурядной энергіи, обширныхъ церковно-историческихъ знаній и глубокаго пониманія человѣческой психологіи въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.—При такомъ значеніи иконографіи Страшнаго Суда посвященное ей историческое изслѣдованіе, хотя бы только и въ ограниченныхъ цѣляхъ, несомнѣнно должно представлять и особенный интересъ для читателя и благодарную тему для автора.

И судя по начальнымъ строкамъ настоящаго труда, авторъ не чуждъ былъ и глубокаго интереса и должной энергіи къ выполненію предпринятой теперь имъ задачи. — Результаты этихъ энергіи и интереса, однако, въ значительной мѣрѣ не оправдываютъ соотвѣтствующихъ ожиданій читателя.

Прежде всего, такъ это есть съ чисто внѣшней стороны сочиненія г. Соколова,—со стороны изложенія. У автора постоянно наблюдается отсутствіе навыка къ литературному изложенію. Помимо же того, онъ заурядъ выражается такъ, что иногда нѣтъ возможности уразумѣть смыслъ его рѣчи. — Одновременно съ тѣмъ, нерѣдко даютъ о себѣ знать и грѣхи грамотности. Допуская, что въ послѣднемъ отношеніи кое-что обязано своею наличностью собственно переписчику, все-таки

нужно сказать, что мало мальски внимательное наблюденіе автора должной обработки внѣшней стороны своего труда требовало отъ него здѣсь многихъ поправокъ.

По содержанію все сочиненіе г. Соколова распредѣляется такъ: введеніе, предисловіе, четыре главы самаго историческаго изслѣдованія и, наконецъ, заключеніе.

Введеніе правильнѣе бы назвать предисловіемъ, а предисловіе—введеніемъ.—Введеніе посвящено собственно перечню той литературы, какою авторъ пользовался для настоящей цѣли. Здѣсь, кромѣ непосредственно отвѣчающихъ задачѣ автора трудовъ Ѳ. И. Буслаева и Н. П. Покровскаго имъ исчисляется до 108 русскихъ отдѣльныхъ изданій и статей и 17 трудовъ на иностранныхъ языкахъ. Не ограничиваясь этимъ, г. Соколовъ отмѣчаетъ еще 8 періодическихъ изданій, иногда въ значительномъ числѣ томовъ, какъ пособій же для его работы. — Наконецъ, отмѣчаются имъ и первоисточники въ количествѣ четырехъ рукописей.

Хотя предварительно перечня авторъ и говоритъ, что въ немъ отмѣчаются труды, которыми онъ „пользовался", однако въ заключеніи своего введенія онъ выражаетъ сожалѣніе, что „всего просмотрѣннаго имъ огромнаго литературнаго матеріала ему не удалось использовать въ должной мѣрѣ для его работы" (стр. XIV). Мы не впадемъ въ погрѣшность, если скажемъ, что для читателя болѣе чѣмъ затруднительно согласиться даже только съ тѣмъ, чтобы признать несомнительнымъ примѣненіе къ дѣлу хотя бы и вообще замѣтной части изъ всѣхъ обозначенныхъ въ перечнѣ трудовъ. Весь трудъ автора въ сущности дѣла есть результатъ компилятивнаго свойства, очень и очень ограниченнаго числа готовыхъ для его сообщеній трудовъ.—Что касается до частностей того же введенія, то онѣ даютъ поводъ къ двумъ замѣчаніямъ. 1) Внесеніе въ перечень пособій и періодическихъ изданій, съ обозначеніемъ только годовъ и томовъ этихъ изданій, но безъ отмѣтки самыхъ статей (и ихъ авторовъ),—пріемъ, который во всякомъ случаѣ не можетъ быть одобренъ и не можетъ быть названъ цѣлесообразнымъ. 2) Въ концѣ введенія авторъ говоритъ о сопровожденіи своего изслѣдованія „рядомъ" снимковъ съ 4-хъ лицевыхъ рукописей Имп. Историческаго Музея. Въ дѣйствительности ихъ нѣтъ ни одного,

и авторъ приложилъ только 2 снимка съ извѣстныхъ изображеній Микель-Анджело и Васнецова.

„Предисловіе“ г. Соколова (на стр. 1—29) содержитъ: „общее понятіе объ искусствѣ; вліяніе искусства на человѣка; внутреннее достоинство произведеній искусства: сравнительная оцѣнка свѣтскаго и духовнаго (?) искусства; преобладаніе послѣдняго по внутреннему достоинству; краткій очеркъ исторіи христ. искусства; указаніе главнѣйшихъ пунктовъ работы автора и ея основныхъ задачъ“; наконецъ, „міровое значеніе эсхатологическихъ вопросовъ и единственно возможное рѣшеніе ихъ въ христіанствѣ“. Едва-ли нужно разъяснять, что только два послѣднихъ пункта (и то въ обратномъ ихъ порядкѣ) могутъ имѣть или даже имѣютъ значеніе для цѣли автора. Что же касается всѣхъ прочихъ, то, особенно въ виду спеціальнаго характера темы, всѣ разсужденія по нимъ составляютъ напрасное усложненіе работы автора; исключеніе можетъ относиться развѣ къ основнымъ положеніямъ изъ исторіи христіанскаго искусства.—Будучи по преимуществу излишествомъ, настоящее предисловіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязано своею наличностью существованію готовыхъ пособій по всѣмъ существеннымъ его вопросамъ, именно трудамъ А. Ф. Фрикена—„Римскія катакомбы и памятники др.-христ. искусства“ и Н. П. Кондакова—„Византійскія церкви и памятники Константинополя“.

Первая глава посвящена обзору религіозно-философскаго языческаго ученія о послѣдней судьбѣ міра и о томъ, что изъ этого ученія унаслѣдовало христіанство и какъ оно преобразовало языческія представленія. — Ясно, что эта глава должна быть собственно введеніемъ къ самому изслѣдованію иконографіи Страшнаго Суда и что она не составляетъ еще какой либо части самой исторіи этой иконографіи.—По своему источному началу и эта часть труда автора всецѣло воспроизведеніе готоваго матеріала: въ касающемся греческой религіи и философіи (стр. 27—55) *исключительно* изъ труда Чистовича,—въ относящемся до восточныхъ религій—изъ труда („Изъ чтеній о религіи“) проф. С. С. Глаголева (стр. 56 и слѣд.) и по адресу христіанства—изъ труда С. Савинскаго („Эсхатологическая бесѣда Христа Спасителя“) (стр. 61 и слѣд.).

Только вторая глава вводитъ читателя въ самую исторію иконографіи Страшнаго Суда. Въ ней говорится пока о судьбѣ изслѣдуемаго изображенія въ періодъ господства классическаго символизма въ христіанскомъ искусствѣ (стр. 74—82). Скудность относящихся сюда памятниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незначительность по предмету этой главы литературы невольно обусловливаютъ собою скромный ея объемъ. Автору на этотъ разъ могли доставить матеріалъ только труды Н. П. Покровскаго—„Страшный Судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусства“ и Рѣдина—„Мозаика Равеннскихъ церквей“.

Наиболѣе пространною является глава третья. Такая пространность, однако, не сопровождается систематическою цѣльностью содержанія. Глава трактуетъ объ иконографіи Страшнаго Суда въ періодъ господства византійскаго стиля. Соотвѣтственно такой задачѣ авторъ и говоритъ здѣсь вообще объ образованіи указываемаго стиля и затѣмъ о вліяніи его на изслѣдуемую иконографію (стр. 82—94). Главнымъ же образомъ имъ удѣляется въ данномъ случаѣ вниманіе вліянію духовной литературы и именно житія Василія Новаго съ привнесенными въ него описаніемъ мытарствъ и видѣніемъ Страшнаго Суда мнихомъ Григоріемъ (стр. 95—113). Для иллюстраціи этого вліянія имъ дается весьма подробное описаніе 100 изображеній въ лицевомъ спискѣ житія Василія, чѣмъ и заполнены страницы 113—205.—Къ этому описанію присоединены еще свѣдѣнія, въ хронологическомъ порядкѣ, о нѣкоторыхъ памятникахъ изображенія Страшнаго Суда за тотъ же періодъ, включая сюда и изображенія въ миніатюрахъ.

Общія сужденія автора и въ настоящемъ случаѣ извлекаются изъ извѣстныхъ уже намъ работъ Н. П. Покровскаго (стр. 84—89; 94—101), Кондакова и Рѣдина, съ пользованіемъ отчасти изслѣдованіемъ Ѳ. И. Буслаева.—Книга Н. П. Покровскаго, сверхъ того, единственный источникъ и для сообщеній автора (на стр. 206—213) о помянутыхъ нѣкоторыхъ изображеніяхъ Страшнаго Суда за данный періодъ.—Самостоятельнымъ трудомъ г. Соколова является здѣсь только отмѣченное описаніе изображеній въ лицевомъ спискѣ житія Василія Новаго. Оно исполнено съ такою тщатель-

ностью и детальностью, какъ будто авторъ имѣетъ нарочитую задачу, безотносительно къ его темѣ, описать настоящій памятникъ. Отсюда въ немъ обиліе излишнихъ, постороннихъ для цѣли сочиненія, подробностей. Съ другой стороны, при всей такой детальности авторъ ограничивается здѣсь передачею исключительно внѣшней стороны изображеній; внутренняя, идейная сторона имъ почти не затрогивается. Къ описанію придано нѣкоторое заключеніе (стр. 205—206). Оно въ общихъ фразахъ касается не столько исторической судьбы обозрѣваемаго изображенія, сколько вообще византійскаго искусства.

Въ IV-й главѣ рѣчь объ изображеніи Страшнаго Суда въ русскомъ искусствѣ. Здѣсь, послѣ очерка языческихъ представленій древнихъ русскихъ о загробномъ мірѣ и о слѣдахъ этихъ представленій въ иконографіи Страшнаго Суда излагается историческій очеркъ изслѣдуемаго изображенія у насъ—а) въ періодъ византійско-русскій и б) въ періодъ національно-русскій. Особенное вниманіе,—что нужно отмѣтить,—удѣляется первому очерку (стр. 218—245), при чемъ не замѣчается, что, напр., рѣчь касательно народныхъ представленій о загробной участи человѣка (стр. 236—245), по крайней мѣрѣ со стороны деталей, далека отъ непосредственной задачи автора. Самое историческое обозрѣніе изображенія излагается по книгѣ Н. П. Покровскаго. По руководству его же г. Соколовъ, для характеристики изображенія у насъ Страшнаго Суда, описываетъ и соотвѣтствующую народную картину въ собраніи Ровинскаго (стр. 246).

Ученый трудъ Н. П. Покровскаго, наконецъ, единственный источникъ и для „заключенія“ изслѣдованія. Это „заключеніе“, однако, совершенно не представляетъ чего-либо подобнаго, т.-е. ни мало не представляетъ свода добытыхъ авторомъ результатовъ своего изслѣдованія. Оно въ сущности дѣла есть еще одна—дополнительная—глава изслѣдованія, обнимающая—„краткій очеркъ состоянія иконографическаго изображенія Страшнаго Суда на Западѣ“ (стр. 282—289).

Благодаря отсутствію указываемаго теперь общаго заключенія, а равнымъ образомъ благодаря отсутствію же заключительныхъ обобщеній при каждой главѣ и сверхъ того при

внесеніи значительнаго ряда страницъ и частностей, постороннихъ для задачи автора,—въ итогѣ получается: читатель не выноситъ изъ сочиненія г. Соколова яснаго и отчетливаго представленія объ историческомъ развитіи иконографіи Страшнаго Суда.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, сосредоточивъ свое вниманіе главнымъ образомъ на внѣшней сторонѣ изслѣдуемаго изображенія, — авторъ не освѣтилъ въ спеціальной рѣчи,—ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ составныхъ элементахъ,—идейной, внутренней стороны того же изображенія.—Между прочимъ, существенный пробѣлъ составляетъ и то, что авторъ не посвятилъ сколько-нибудь страницъ характеристикѣ того, въ какомъ соотношеніи установившееся въ концѣ концовъ изображеніе Страшнаго Суда къ относящимся до этого Суда мѣстамъ Писанія.

Нужно, однако, сказать: 1) авторъ не мало потрудился по отысканію и изученію матеріаловъ, отвѣчающихъ его задачѣ, и можно думать, проявилъ въ этомъ направленіи большую самодѣятельность; 2) судя по III-й главѣ изслѣдованія, авторъ умѣетъ работать и по сырымъ матеріаламъ, и въ настоящемъ сочиненіи при такой работѣ, по крайней мѣрѣ съ описательной стороны, проявилъ большую внимательность и желательную точность; 3) наконецъ, отмѣченные недостатки сочиненія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ излишне широкой постановки авторомъ задачи своего изслѣдованія.—Принимая все это во вниманіе, сочиненіе г. Соколова можно признать удовлетворительнымъ для удостоенія автора степени кандидата богословія".

43) О сочиненіи студента *Соколова Михаила* (*Моск.*) на тему: „Анализъ еврейскаго текста книгъ Бытія и Исходъ въ мѣстахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе ветхозавѣтныхъ Богоявленій".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Соколова состоитъ изъ введенія и двухъ частей, причемъ въ первой дается анализъ подлежащихъ мѣстъ книги Бытія, а во второй—соотвѣтственныхъ мѣстъ книги Исходъ. Въ виду особаго характера сочиненія введеніе имѣетъ здѣсь бо́льшее значеніе, чѣмъ обычно: мы разумѣемъ тѣ объясненія, какія даетъ нашъ авторъ своему

отбору мѣстъ для грамматико-стилистическаго анализа. Евреи считаютъ всю тору Богооткровеніемъ и, дѣйствительно, въ ея законодательной части преобладаетъ формула: и сказалъ Богъ. Если держаться такихъ воззрѣній, то писавшему о ветхозавѣтныхъ теофаніяхъ по Пятокнижію приходилось бы комментировать священный текстъ in serie continua. Однако нашъ авторъ излагаетъ взглядъ Іоанна Златоуста, по которому первою во времени теофаніею было общеніе Бога съ Авраамомъ (ὄφθη), и мнѣніе митрополита Филарета, различающаго Богооткровенія въ голосѣ отъ Богоявленій, когда обнаруживается какъ-бы пространственное общеніе между Богомъ и человѣкомъ. Приведенныя авторитетныя данныя понудили г. Соколова остановиться на такомъ выборѣ мѣстъ для толкованія: къ тѣмъ отдѣламъ священнаго текста, гдѣ вполнѣ ясно или легко подразумѣвается Богоявленіе, онъ присоединилъ откровенія, начинающіяся словами: „и сказалъ Богъ“, но только въ такихъ случаяхъ, гдѣ слова сопровождались какимъ либо внѣшнимъ знакомъ, напр. слова Бога къ Каину, которымъ сопутствовало знаменіе—„отъ“, полученное Каиномъ, или обѣтованія Бога Ною, въ подтвержденіе которыхъ была указана радуга. Нарочитаго объясненія требовали такія мѣста, какъ явленіе Ангела Божія Агари или видѣніе небесной лѣстницы Іакову, такъ какъ въ однихъ нужно установить, кого мыслитъ Бытописатель, какъ Ангела Божія, а въ другихъ, какъ относится видѣніе небесныхъ силъ къ Богоявленію на основѣ наименованія Бога Саваоѳомъ (евр. воинства). Нашъ авторъ изучалъ эти вопросы, но въ сочиненіи только кратко указываетъ, что въ виду колебанія данныхъ у ученыхъ богослововъ запада касательно личности Ангела Божія, при отнесеніи древними церковными писателями подобныхъ ангелофаній къ числу Богоявленій (Логофаній), равно на основаніи нѣкоторыхъ соображеній изъ контекста подлежащихъ мѣстъ онъ вводитъ въ свое поле зрѣнія и такіе спорные тексты, какъ Быт. 32, 2—3.

Методъ своей работы авторъ опредѣляетъ какъ строго-лингвистическій, почему его сочиненіе имѣетъ видъ грамматико-стилистическаго подстрочника къ масоретскому тексту (западныя preparationes), а отнюдь не комментарія, для составленія котораго въ виду разнообразія и подавляющей численности подлежащей экзегетической литературы требовалось

бы значительно больше времени. Мѣста священнаго текста приводятся г. Соколовымъ въ порядкѣ главъ и стиховъ Библейскаго подлинника, причемъ руководственный характеръ имѣетъ для нашего автора сочиненіе профессора Мищенко: „Рѣчи Апостола Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“, гдѣ также рѣчи Апостола извлечены въ порядкѣ главъ и стиховъ изъ общаго текста, внѣ какой-либо систематизаціи.

Какъ годовой кандидатскій трудъ, рецензируемое сочиненіе болѣе чѣмъ достаточно и безспорно свидѣтельствуетъ что авторъ заботливо изучалъ еврейскій языкъ Библіи: имъ серьезно штудированы грамматико-лексикальныя пособія и книги по стилистикѣ, но если въ настоящемъ трудѣ онъ стремился использовать священный текстъ въ задачѣ наилучшаго изученія священнаго языка, лешонъ кодешъ, какъ говаривали въ позднѣйшую эпоху, то въ дальнѣйшемъ можно посовѣтовать ему обратный пріемъ: наилучшее использованіе знаній по еврейскому языку для богословскаго освѣщенія Библейскихъ текстовъ. Не надо забывать, что обильные примѣры изъ Библейскаго языка приводятся въ каждомъ еврейскомъ синтаксисѣ и стилистикѣ, но все это не дѣлаетъ ихъ работами теологическими, что или знаніе еврейскаго языка—ancilla theologiae или же одинъ изъ малозначительныхъ кирпичей въ сложной конструкціи семитистической науки. Наилучшія ожиданія въ этомъ направленіи могутъ быть возлагаемы на г. Соколова, какъ работника толковаго и трудолюбиваго, хотя онъ приступилъ къ изученію торы далеко не въ томъ возрастѣ, о какомъ говоритъ Талмудъ устами Іегуды бенъ Тема: Пятилѣтнему пора изучать Писаніе (Пирке Авотъ 5, 21), и, конечно, не съ той настойчивостью, по которой отвлекающійся видомъ дерева, растущаго при его пути, уже наноситъ вредъ Божественному ученію (Пирке Авотъ 3, 7).

Итакъ въ сочиненіи г. Соколова мы имѣемъ толкованіе вербальнаго смысла разрывнаго еврейскаго текста Библіи.

Для читателя было бы, кажется, желательнымъ, чтобы каждый священный фрагментъ предварялся вступительнымъ замѣчаніемъ и сопровождался небольшимъ экзегетическимъ exposé. Иначе эту работу приходится дѣлать самому. Рецензентъ не догадывается, для чего въ стилистическихъ толкованіяхъ всегда приводится греческое начертаніе терминовъ,

даже такихъ общеупотребительныхъ словъ, какъ метафора, метонимія, синекдоха, гипербола и т. п., равно попытки толкованія риторическихъ выраженій излишни. Напрасно впадаетъ нашъ авторъ и въ такой разборъ отдѣльныхъ словъ, какой для экзегета и гебраиста безполезенъ, и отсылаетъ къ начальнымъ даннымъ (стихіямъ) этимологіи. Свое основное, судя по цитаціи, пособіе, грамматику Гезеніуса нашъ авторъ хорошо использовалъ, только странно, что онъ отожествляетъ поздняго редактора Кауча съ первоначальнымъ писателемъ учебника, почему говоритъ о Гезеніусѣ, согласующемся съ Драйеромъ. Епэкзегетическія замѣчанія изъ новѣйшаго труда Эрлиха: Randglossen zur hebräischen Bibel хорошо изучены и критически изложены, напр. на 36 стр. по поводу Вавилонскаго столпотворенія и смѣшенія языковъ или на 89 стр. по поводу реченія „живое время", „етъ хайа". Типичный и едва ли не законодательный для іудейскаго міра комментарій Раши также составлялъ предметъ занятій г. Соколова, умѣло примѣняющаго данныя еврейскаго комментарія къ своей задачѣ—разбору текста. По мѣстамъ говорится и объ экстраординарной пунктуаціи, о видѣ буквъ, объ исправленіяхъ книжниковъ (тиккуне соферимъ), о масоретскихъ глоссахъ.

Изъ частныхъ погрѣшностей въ рецензируемой работѣ можно указать на странность ссылки на Гейгера по поводу общеизвѣстной вокализаціи тетраграммы (1 стр.). Выписки изъ Авотъ рабби Наѳана приведены безъ перевода, лучше уже тогда было прямо брать русскій текстъ у Переферковича, добавляя еврейскія выраженія подлинника Авотъ (такъ объ именахъ Божіихъ (2 стр.), о синонимахъ слова нахашъ—змѣя (9 стр.). По мѣстамъ желаніе толковать слова ведетъ къ измышленію корней, напр. бегема—крупный скотъ отъ корня багамъ—быть крупнымъ, толстымъ (багемъ?), равно и при наличности корней нельзя игнорировать факта жизни словъ, что уклоняетъ деривацію отъ собственнаго примитивнаго значенія. Текстуально-критическое (zur Quellenscheidung) значеніе реченій ялядъ и голидъ (мнѣніе Кёнига и Гизебрехта о замѣнѣ одного другимъ) недостаточно выяснено, равно по мѣстамъ нѣтъ сводки изысканій разныхъ авторовъ, наприм. это относимо къ написанному объ имени Авраамъ (68 стр.). Этимологическія схемы именъ и реченій затѣняютъ у автора возможный въ стилистическихъ отдѣлахъ психологическій

анализъ понятій, наприм., по поводу слова тешука, опредѣляющаго влеченіе женщины къ мужчинѣ (14 стр.). Археологически цѣнный матеріалъ въ изысканіяхъ нашего автора встрѣчается рѣдко, наприм., при рѣчи о возможномъ значеніи обрѣзанія, по поводу ночнаго событія при путешествіи Моисея въ Египетъ, когда Сепфора обрѣзала своего сына. По мѣстамъ требовалось бы взвѣшивать слова и данныя пособій, таково наприм. отнесеніе гиптаэльнаго причастія митгаллехъ къ слову коль-звукъ у Абенъ-Езра или разсужденія Дитриха о различіи дамъ и дамимъ—sanguis и cruor.

Въ концѣ введенія г. Соколовъ не рѣшается отнести къ себѣ слова Авотъ рабби Наѳана, что у изучающаго тору въ молодости Писаніе исходитъ изъ устъ истолкованнымъ, рецензентъ въ правѣ удостовѣрить, что отчасти это у писавшаго совершилось, а потому его сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ кандидатской степени съ похвалою".

б) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Студентъ Соколовъ въ своемъ сочиненіи поставилъ себѣ опредѣленную задачу: дать истолкованіе вербальнаго смысла еврейскаго текста Библіи, точнѣе, тѣхъ мѣстъ изъ книги Бытія и Исходъ, гдѣ говорится о ветхозавѣтныхъ Богоявленіяхъ. Такая задача опредѣлила и планъ его работы: онъ выбиралъ изъ кн. Бытія и Исходъ всѣ мѣста, въ которыхъ упоминается о Богоявленіяхъ. При такомъ планѣ работы нашъ авторъ остался строгимъ лингвистомъ, не давшимъ обобщающаго библейско-богословскаго вывода своей работы.

Сосредоточивъ свое вниманіе на анализѣ еврейскаго текста, авторъ заявилъ себя въ этой области зрѣлымъ лингвистомъ и незаурядным знатокомъ еврейскаго текста, рѣшившимся даже на самостоятельные экскурсы по части изысканія корней евр. словъ.

Сдѣланный г. Соколовымъ подборъ пособій свидѣтельствуетъ о внимательномъ отношеніи его къ источникамъ. Онъ привлекъ все лучшее изъ огромной западной и русской литературы, справками изъ которой и повѣрялъ свои сужденія и предположенія.

Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пользовался уже устарѣвшими изданіями. Такъ, напримѣръ, евр. словарь *Gesenius'a* 11-е изданіе 1890 г. онъ могъ бы замѣнить новымъ

15-мъ изданіемъ 1910 г. Рецензентъ не можетъ не пожалѣть также о томъ, что г. Соколовъ не обратилъ надлежащаго вниманія на цѣнныя для него замѣчанія древнихъ авторитетныхъ экзегетовъ, каковъ, напр., блаж. Іеронимъ. Но объ этихъ недочетахъ въ работѣ г. Соколова мы говоримъ не въ цѣляхъ приниженія достоинства ея, а въ видахъ указанія на желательное восполненіе его труда при переработкѣ его для полученія слѣдующей ученой степени.

Въ этихъ же видахъ мы останавливаемъ вниманіе г. Соколова и на содержаніи его сочиненія. Авторъ былъ правъ, взявъ для своей годичной работы одинъ лишь текстъ отдѣльныхъ мѣстъ книги Бытія и Исходъ. Большаго онъ не могъ сдѣлать въ теченіи года. Но при восполненіи своего труда г. Соколовъ обязанъ будетъ сообщить душу своимъ детальнымъ выкладкамъ и сдѣлать общій богословскій выводъ изъ изысканій въ области еврейскаго языка. Но оговариваемся, что это—задача его будущей работы, въ отношеніи къ которой настоящій трудъ является цѣннымъ фундаментомъ.

Высказывая пожеланія относительно восполненія работы г. Соколова, мы считаемъ ее въ настоящемъ видѣ съ избыткомъ удовлетворяющей тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ хорошей кандидатской работѣ".

44) О сочиненіи студента *Струмѣнскаго Михаила* на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ съ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Небольшое по объему, но весьма содержательное, сочиненіе г. Струмѣнскаго раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ первая озаглавливается: „Книжные интересы въ Троицкомъ монастырѣ" (1—178 стрр.), а вторая: „Литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ" (179—283). Въ первой части три главы. 1-я изъ нихъ (1—53) посвящена общему обзору рукописей XIV—XVI вв., входившихъ въ составъ обширнаго лаврскаго собранія, а въ настоящее время раздѣленныхъ преимущественно между библіотеками лавры и Московской академіи. Всего авторомъ принято въ разсчетъ 709 номеровъ. Всѣ эти рукописи старательно распредѣлены

по времени написанія—по вѣкамъ, расклассифицированы по содержанію и, на основаніи многочисленныхъ приписокъ, имѣющихся на нихъ и собранныхъ авторомъ, нашли себѣ, подъ его перомъ, освѣщеніе со стороны историческихъ и бытовыхъ условій своего появленія. Разсмотрѣніе приписокъ, въ связи съ другими данными, дало возможность автору весьма успѣшно охарактеризовать обстоятельства древняго книгописанія и вообще книжнаго дѣла въ Троицкой лаврѣ за разсматриваемый періодъ. 2-я глава имѣетъ своимъ предметомъ „южнославянское литературное движеніе и вліяніе его на русскую письменность въ XIV—XV вв. по рукописямъ Троице-Сергіевой Лавры“ (54—137). Въ этой главѣ, на основаніи анализа литературныхъ и историческихъ данныхъ прослѣживается та волна южно-славянскаго книжнаго вліянія, которая двигалась изъ Болгаріи, Сербіи и Аѳона въ Россію и которая даетъ себя знать въ цѣлой серіи лаврскихъ рукописей. Автору удалось здѣсь съ весьма значительнымъ успѣхомъ установить и разсмотрѣть сношенія съ Востокомъ, въ частности—съ Аѳономъ и Константинополемъ, русскихъ книжниковъ, трудившихся въ лаврѣ или вообще имѣвшихъ къ ней отношеніе. Кромѣ того, здѣсь же дается палеографическое и отчасти литературное описаніе около двадцати лаврскихъ и академическихъ рукописей южнославянскаго происхожденія или отражающихъ на себѣ южно-славянское вліяніе. Нельзя сказать, чтобы это описаніе исчерпывало весь заключающійся въ нихъ матеріалъ, но собранныя авторомъ данныя письма и языка, безусловно, значительно увеличиваютъ сумму фактовъ южно-славянскаго вліянія на русскую письменность, какими въ настоящее время обладаетъ наука. Въ описаніи рукописей г. Струмѣнскаго мы находимъ и цѣнныя поправки къ датировкѣ нѣкоторыхъ ркп., принятой въ существующихъ печатныхъ описаніяхъ ихъ (напр. ркп. Тр. Лавры № 108), и восполненіе опущенныхъ въ описаніяхъ статей, и цѣлый рядъ дѣльныхъ замѣчаній о литературныхъ свойствахъ различныхъ переводныхъ памятниковъ. 3-я глава (139—178) представляетъ исторію книжной дѣятельности въ лаврѣ и постепеннаго накопленія въ ней книжныхъ богатствъ, начиная со времени преп. Сергія и по XVI вѣкъ включительно. Здѣсь передъ нами проходятъ со своими трудами книжные дѣятели лавры — Исаакъ

Молчальникъ, Аѳанасій Высоцкій, Епифаній Премудрый, Евсевій—Ефремъ, Пахомій Сербъ и др. 4-я глава, составляющая вторую часть сочиненія (стр. 179 –283), посвящена характеристикѣ литературныхъ трудовъ трехъ писателей, дѣятельность которыхъ была тѣсно связана съ лаврой: Епифанія, Пахомія Серба и Максима Грека. Въ качествѣ приложеній даны: 1) копія съ описи ркпп. Троицко-Сергіевской Лавры 1642 г. (1—75 стр.), 2) перечень писцовъ рукописей лаврскаго книгохранилища XIV—XVI вв., при чемъ имена ихъ расположены по вѣкамъ и въ алфавитномъ порядкѣ, съ точнымъ указаніемъ написанныхъ ими ркпп. (83—84 стр.), 3) 31 фотографическій снимокъ съ рукописей, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ сочиненіи (85—102 стр.).

Ужъ изъ представленной передачи содержанія видно, насколько серьезные вопросы послужили предметомъ сочиненія автора и съ какой тщательностью, добросовѣстностью и разумной планомѣрностью они изучены имъ. Троицкая лавра была однимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ книжнаго просвѣщенія въ XIV—XVI вв. въ Россіи, и выяснить исторію книжныхъ и литературныхъ интересовъ, развивавшихся въ лаврѣ, это значитъ внести въ изученіе древне-русской литературы весьма цѣнную и интересную страницу. Эту услугу оказалъ наукѣ г. Струмѣнскій. Разумѣется, въ теченіе одного года его изслѣдованіе не могло достигнуть ни идеальной полноты, ни высшей степени совершенства, потому что ему нужно было пройти черезъ сложную предварительную переработку источниковъ и попутно коснуться очень многихъ вопросовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, одинъ вопросъ о литературныхъ трудахъ Максима Грека могъ бы составить предметъ цѣлой монографіи. Но то, что сдѣлано, представляетъ собою и основательный фундаментъ для построенія изслѣдованія на взятую тему, и значительную часть самой постройки. Для своей темы авторъ собралъ обильный матеріалъ, извлеченный имъ главнымъ образомъ изъ неизданныхъ источниковъ и отчасти изъ источниковъ изданныхъ. Онъ много потрудился надъ пересмотромъ и изученіемъ большого количества лаврскихъ, академическихъ и нѣкоторыхъ московскихъ рукописей за интересующій его періодъ, не остановившись передъ затратой времени, труда и даже матеріальныхъ средствъ (на приготовленіе снимковъ съ руко-

писей). Въ особенную заслугу автору надо поставить то, что онъ извлекъ цѣлую массу приписокъ изъ рукописей и, путемъ мозаическаго соединенія ихъ, скрѣпленнаго данными изъ другихъ областей, представилъ если и не цѣлостную картину развитія книжнаго дѣла въ Троицкой лаврѣ, то во всякомъ случаѣ документально намѣтилъ направленіе, объемъ и характеръ книжнаго движенія, вскрылъ болѣе тонкія нити, связывавшія въ XIV—XVI вв. Троицкую лавру съ Аѳономъ и южно-славянскими странами, опредѣлилъ объемъ литературной и переводческой дѣятельности нѣкоторыхъ писателей этого времени и описалъ цѣлый рядъ рукописей. Слѣдуетъ отмѣтить остроумныя соображенія его о писателяхъ—Аѳанасіи, Епифаніи Премудромъ, Евсевіи—Ефремѣ. Такимъ обр., и вложенный въ сочиненіе трудъ, и правильные пріемы изслѣдованія, и серьезные способы обращенія съ источниками, и, наконецъ основные, результаты, добытые имъ, дѣлаютъ сочиненіе г. Струмѣнскаго весьма хорошимъ, значительно возвышающимъ надъ общимъ уровнемъ кандидатскихъ работъ, и внушаютъ рецензенту пожеланіе видѣть это сочиненіе въ печати въ болѣе разработанномъ и расширенномъ видѣ.

Главнымъ недостаткомъ сочиненія мы признаемъ малую разработанность четвертой главы, посвященной литературнымъ трудамъ Епифанія, Пахомія и Максима Грека. Разумѣется, авторъ хорошо сдѣлалъ, что, говоря объ этихъ писателяхъ, предпочелъ сузить свои рамки, чѣмъ сильно расширять ихъ въ ущербъ единству основной идеи сочиненія. Но все же ему слѣдовало бы тщательнѣе изучить литературную дѣятельность Максима Грека, еще мало изслѣдованную, и заняться разысканіемъ его твореній, еще неизданныхъ. Далѣе, нельзя не упрекнуть автора за проявляемое имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишнее довѣріе къ ученымъ мнѣніямъ и отступленіе отъ своихъ обычно образцовыхъ критическихъ пріемовъ. На стр. 101 онъ приводитъ и, повидимому, принимаетъ мнѣніе, будто м. Кипріану принадлежитъ переводъ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ Діонисія Ареопагита, отличный отъ перевода, сдѣланнаго Исаіей Сербяниномъ. Это предположеніе требуетъ провѣрки. Въ другомъ мѣстѣ авторъ приводитъ ученое наблюденіе, по которому переводы цѣлаго ряда памятниковъ—Вопросовъ и отвѣтовъ Аѳанасія къ князю Антіоху, житія Варлаама и

Іоасафа, Синайскаго патерика и др.—въ XIV—XV вв. появились въ новыхъ редакціяхъ. Но какъ понимать въ этомъ случаѣ „редакцію“ перевода? Мы думаемъ, что указанныя сочиненія, переведенныя въ древнѣйшую эпоху, въ XIV—XV вв. снова не переводились. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ остановился въ своихъ разысканіяхъ на полпути и не углубилъ ихъ до надлежащей степени. На стр. 123 у него отмѣчены въ лаврск. сборн. № 268 три статьи о Ѳаворскомъ свѣтѣ (не указанныя въ печатномъ описаніи) и при этомъ замѣчено: „три послѣднія статьи появились гдѣ-нибудь на югѣ“. Но можно было бы найти основанія для болѣе обстоятельнаго пріуроченія этихъ статей къ опредѣленной странѣ. На стрр. 80—81 авторъ упоминаетъ о списателѣ Іаковѣ, а на стрр. 144—151 сообщаетъ цѣнныя новыя свѣдѣнія объ Аѳанасіи. Положительно совѣтуемъ автору собрать всѣ древне-русскія произведенія съ этими именами и подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Такой экскурсъ можетъ быть весьма плодотворнымъ. На стр. 51 отмѣчается тайнопись, которую слѣдовало бы постараться прочитать. Нѣкоторыя положенія автора, имѣющія очень условный характеръ, представлены въ сочиненіи съ слишкомъ ослабленной степенью условности. Такъ, изъ того, что извѣстныя рукописи были въ лаврѣ во время преп. Сергія или послѣ него, авторъ какъ будто съ увѣренностью заключаетъ, что онѣ были и написаны въ лаврѣ. Но онѣ могли быть написаны въ другихъ мѣстахъ и потомъ быть перенесены въ обитель преп. Сергія. Кажется, было бы весьма умѣстно обратить вниманіе на то, нѣтъ ли въ интересующихъ изслѣдователя рукописяхъ діалектическихъ примѣтъ, которыми бы опредѣлялось хоть предположительно мѣсто ихъ происхожденія. На стр. 152—3 авторъ говоритъ, что сборникъ житій Лаврск. б. № 34 (2030) переписанъ рукою Епифанія, и въ доказательство, кромѣ открытой имъ приписки въ этой ркп., ссылается на сходство почерка ея съ почеркомъ Епифанія. Для большей доказательности слѣдовало дать снимокъ къ этой рукописи, къ чему авторъ прибѣгаетъ въ менѣе нужныхъ случаяхъ. Хорошо было бы иллюстрировать снимкомъ и ту приписку въ лаврскомъ Стихирарѣ № 22 (1999), на основаніи которой автору удалось исправить предложенную въ „Описаніи“ ошибочную дату рукописи (стр. 151—152). Для обозначенія

рукописей слѣдуетъ ставить номера ихъ библіотечные, а не номера „Описанія“, какъ у автора, или же и тѣ и другіе вмѣстѣ.

Сдѣланныя нами указанія могутъ пригодиться автору, если онъ пожелаетъ и будетъ имѣть возможность продолжать свой талантливый и полезный трудъ.

Сочиненіе г. Струмѣнскаго даетъ ему полное право не только на полученіе степени кандидата богословія, но и на особое вниманіе со стороны Совѣта Академіи“.

б) И. д. доцента *священника І. М. Смирнова:*

„Сочиненіе г. Струмѣнскаго.—„Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія“—принадлежитъ къ числу такихъ работъ, за которыя въ качествѣ курсовыхъ довольно неохотно берутся г.г. студенты. Весьма малую привлекательность занятіямъ въ области книжныхъ изысканій сообщаетъ необходимость пользоваться не только сырымъ, но существующимъ лишь въ рукописномъ видѣ матеріаломъ. Я не говорю уже о томъ, что для людей спекулятивной складки мышленія самая возможность работы въ предѣлахъ узко-книжной спеціальности представляется малообъяснимой, безыдейной, мертвой. Нужно обладать и исключительною любовью къ дѣлу и самой рукописной книгѣ, и незаурядным терпѣніемъ, чтобы сознательно и смѣло итти туда, гдѣ часто напряженные труды вознаграждаются весьма плачевными результатами, во всякомъ случаѣ далеко не соотвѣтствующими потраченнымъ на нихъ усиліямъ (рискуя при всемъ этомъ—въ условіяхъ занятій при нашей Академической, а также и Лаврской библіотекъ—собственнымъ здоровьемъ). Оба эти качества въ достаточной мѣрѣ обнаружилъ г. Струмѣнскій въ своей обширной (71 л. сочиненія + 21 л. приложенія) работѣ, для выполненія которой ему пришлось просмотрѣть *всю* Лаврскую библіотеку за двухвѣковой (XV и XVI вв.) періодъ ея существованія. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить исторію книжныхъ и литературныхъ интересовъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ—съ момента ихъ возникновенія и вплоть до XVII вѣка. Научно обосновать первую часть работы, выясняющую книжно-литературныя связи славянскаго юга съ Лаврою, можно было главнымъ образомъ только на основаніи рукописныхъ источниковъ; между прочимъ—тѣхъ при-

писокъ, записей, замѣтокъ, которыя занесены были современниками въ рукописи, но которыя не были использованы еще въ качествѣ историческаго матеріала. И поставленную задачу можно считать выполненною авторомъ съ явно замѣтнымъ успѣхомъ. Наблюденія г. Струмѣнскаго въ области литературныхъ сношеній сѣверной Руси съ югомъ славянства, добытыя путемъ кропотливыхъ книжныхъ изысканій, настолько цѣнны, что безъ сомнѣнія заставятъ къ нимъ прислушаться. Правда, вторая часть его работы, посвященная литературной дѣятельности Епифанія, Пахомія Серба и Максима Грека, представлена слабѣе, но ея слабость лишь условная:—достоинство второй части понижается только съ точки зрѣнія новизны матеріала, ибо здѣсь авторъ оперируетъ съ извѣстными уже данными.

Составленная по стройному плану, написанная хорошимъ языкомъ, настоящая работа г. Струмѣнскаго при своихъ безспорныхъ научныхъ достоинствахъ не только даетъ право ея автору на искомую степень, но и заслуживаетъ всякаго поощренія".

45) О сочиненіи студента *Тихомирова Константина* на тему: „Руководство къ духовной жизни препп. Варсануфія и Іоанна", какъ источникъ для науки Пастырскаго Богословія".

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Сочиненіе г. Тихомирова представляетъ изъ себя изложеніе воззрѣній „Руководства" на законы духовной жизни—съ одной стороны и пастырскаго душепопеченія—съ другой. Въ первомъ отношеніи авторъ достаточно обстоятеленъ и даетъ довольно полную систему аскетическихъ воззрѣній „Руководства". Правда, при построеніи этой системы онъ всецѣло слѣдуетъ плану, данному въ изслѣдованіи проф. С. М. Зорина „Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію", но въ предѣлахъ этого плана авторъ довольно удовлетворительно использовалъ свой источникъ. Во второмъ отношеніи авторъ, не имѣя подобной же руководящей въ методологическомъ смыслѣ книги, оказывается въ затрудненіи использовать свой источникъ съ должной полнотой и научной систематичностью. Г. Тихомировъ не сумѣлъ вполнѣ оцѣнить, съ точки зрѣнія своей темы, наиболѣе важныя

мѣста своего источника, а то, что удалось ему подмѣтить, не сумѣлъ систематизировать.

Но болѣе всего жаль, что авторъ понялъ свою тему односторонне. Ему нужно было не только изложить тѣ воззрѣнія на пастырство, которыя прямо высказываются въ „Руководствѣ", но, что особенно интересно и цѣнно для пасторолога, выяснить: какъ и какія задачи и законы пастырскаго душепопеченія вытекаютъ изъ тѣхъ законовъ духовной жизни, которыя обстоятельно раскрываются въ „Руководствѣ". Этой послѣдней стороны дѣла авторъ, къ сожалѣнію, вовсе не касается.

Для степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно".

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Попова*:

„По смыслу темы авторъ поименованной работы долженъ былъ указать, какую пользу для своего служенія можетъ извлечь пастырь церкви изъ наставленій препп. Варсануфія и Іоанна. Выясненію этого вопроса естественно было предпослать общія соображенія о значеніи аскетическихъ твореній для науки, которая имѣетъ своимъ предметомъ пастырское служеніе. Въ своемъ предисловіи авторъ и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній по этому поводу: пастырь прежде всего долженъ сдѣлать себя самого достойнымъ сосудомъ благодати, очистить свою душу отъ грѣха и создать въ себѣ христіанское настроеніе; тогда только опытъ собственной нравственной борьбы можетъ дать ему достаточное пониманіе чужихъ нравственныхъ потребностей и подсказать наиболѣе цѣлесообразныя средства для ихъ удовлетворенія. Но гдѣ же естественнѣе всего искать пастырю руководства для собственнаго очищенія, какъ не въ твореніяхъ христіанскихъ подвижниковъ, поставившихъ его задачей своей жизни? Въ главной части своего сочиненія г. Тихомировъ излагаетъ ученіе преп. Варсануфія и Іоанна о борьбѣ съ грѣховными страстями, о свободѣ воли и о благодати, о грѣхѣ и его сущности, о главныхъ грѣховныхъ страстяхъ, о воспитаніи въ себѣ положительнаго христіанскаго настроенія, о вѣрѣ, любви, покаяніи, самоотреченіи и смиреніи и, наконецъ, въ заключеніе излагаетъ ихъ взглядъ на пастыря и задачу его служенія. Изъ этого краткаго обозрѣнія содержанія работы

г. Тихомирова не трудно видѣть ея недостатки. Сюда относится прежде всего схематичность и отвлеченность того матеріала, который извлекается авторомъ изъ его источника. Это—не практическія свѣдѣнія, которыми пастырь могъ бы воспользоваться при извѣстныхъ обстоятельствахъ своей дѣятельности, а скорѣе догматическое ученіе о грѣховности человѣка и о возрожденіи, которое въ той же формѣ можно найти въ сочиненіяхъ и всякаго другого подвижника той же эпохи, и даже въ твореніяхъ церковныхъ писателей, не относящихся къ кругу аскетовъ. Между тѣмъ по признанію самого автора Руководство старцевъ имѣетъ цѣлью дать практическія указанія, пригодныя въ опредѣленныхъ случаяхъ и имѣющія въ виду опредѣленныя положенія и обстановку. Вотъ эти-то указанія и должны главнымъ образомъ интересовать пастыря. Во-вторыхъ, авторъ совершенно не принимаетъ въ соображеніе различіе условій, въ которыхъ находится, съ одной стороны, подвижникъ-аскетъ, съ другой—подвижникъ-пастырь. Пусть цѣль стремленій того и другого будетъ одна и та же—достиженіе христіанскаго совершенства, но средства, при помощи которыхъ эта цѣль можетъ быть достигнута тѣмъ и другимъ, не всегда тожественны. Аскетъ осуществляетъ свою цѣль путемъ удаленія отъ міра, уединенія, самозаключенности, пастырь—путемъ пребыванія въ мірѣ, неустанной общественной дѣятельности, постояннаго выявленія своего внутренняго христіанскаго настроенія въ словахъ и дѣлахъ. Поэтому руководство для аскета и руководство для пастыря могутъ совпадать лишь отчасти, представляя собою какъ-бы два пересѣкающихся круга. Отсюда автору слѣдовало выдѣлить изъ разсматриваемыхъ имъ аскетическихъ твореній лишь то, что можетъ имѣть прямое и непосредственное приложеніе къ пастырскому служенію. Кромѣ этихъ общихъ недостатковъ необходимо отмѣтить нѣсколько частныхъ ошибокъ. Авторъ рисуетъ идеалъ общественной морали слишкомъ односторонне, когда утверждаетъ, что она вовсе не считается съ внутреннимъ настроеніемъ человѣка, а имѣетъ въ виду исключительно дѣяніе, оцѣниваемое при томъ же только съ точки зрѣнія пользы для общества (стр. 44—45). Излагая ученіе старцевъ о гордости, авторъ рисуетъ намъ образъ реформатора, для котораго благо общества дорого лишь поскольку

оно соотвѣтствуетъ *его* идеаламъ и достигается *его* усиліями (стр. 69—70). Это—несомнѣнная модернизація памятника, такъ какъ гордость въ такой, столь знакомой намъ, формѣ, не была извѣстна древности.

Не смотря на эти недостатки сочиненіе г. Тихомирова имѣетъ извѣстную цѣнность. Авторъ хорошо ознакомился съ важнѣйшими сочиненіями по пастырскому богословію и достаточно изучилъ свой источникъ. Въ виду этого нахожу возможнымъ присудить ему степень кандидата богословія".

46) О сочиненіи студента *Тихомірова Александра* на тему: „Секуляризація церковныхъ имуществъ въ Россіи".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Нельзя сказать, чтобы авторъ опредѣлялъ свою задачу особенно вразумительно. Разсуждая на стр. 3—4 объ актѣ секуляризаціи и ставя вопросъ о причинахъ его, онъ между прочимъ пишетъ: „для уясненія причинъ такого разрѣшенія вопроса причинъ секуляризаціи необходимо возвратиться назадъ ко времени зарожденія и развитія этого вопроса". Читатель можетъ выразить недоумѣніе, что же такое обозначаетъ этотъ „вопросъ причинъ секуляризаціи", ко времени зарожденія котораго надо возвращаться для его уясненія. Не содѣйствуютъ ясности дѣла и тѣ объясненія, которыя авторъ даетъ своему методу. Онъ намѣревается разрѣшать вопросъ о причинахъ секуляризаціи „путемъ историческаго метода, путемъ постепеннаго анализа историческихъ явленій, результатовъ (?) и слѣдствій (?)", причемъ оговаривается далѣе въ томъ смыслѣ, что „требуется осторожное отдѣленіе фактовъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу отъ фактовъ общеисторическихъ". Признаемся, что намъ остается вполнѣ неяснымъ, о какихъ результатахъ и слѣдствіяхъ и въ особенности о какихъ „общеисторическихъ фактахъ" ведетъ авторъ рѣчь.

Вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Россіи не новъ въ нашей исторической литературѣ. Онъ имѣлъ уже своихъ и притомъ очень почтенныхъ изслѣдователей. Намъ кажется, однако, вполнѣ законной попытка пересмотра этого вопроса при помощи новѣйшей литературы по исторіи землевладѣнія и соціальнаго строя въ древней Руси, послѣ

трудовъ Рождественскаго, Рожкова, Павлова—Сильванскаго и др. Такой пересмотръ и предпринялъ, повидимому, нашъ авторъ. Къ сожалѣнію пріемы его нельзя признать удачными. Въ работѣ надъ новѣйшей литературой онъ не проявляетъ ни малѣйшей самостоятельности, никакого критическаго отношенія къ встрѣтившимся въ ней мнѣніямъ. Вслѣдъ за Рожковымъ онъ повторяетъ его рискованнѣйшее положеніе о томъ, что ростъ церковной земельной собственности и ея паденіе—результаты одной и той же причины—помѣстнаго землевладѣнія. „Своимъ чрезвычайнымъ ростомъ въ XVI в.“, пишетъ авторъ, „церковный земельный институтъ (?) обязанъ хозяйственнымъ интересамъ страны, развитію помѣстнаго землевладѣнія и мобилизаціи земельной собственности; а его паденіе также всецѣло обусловливается тѣми же хозяйственными интересами страны, развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія, мобилизаціей земельной собственности въ связи съ экономическимъ кризисомъ страны и переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному“ (10). Цѣлыя главы: III, IV о запустѣніи центра благодаря хищническому хозяйству въ помѣстьяхъ и о запустѣніи монастырскихъ земель благодаря экстенсивному хозяйству и V—переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и его послѣдствія — представляютъ собою пересказъ книги Рожкова „Сельское хозяйство Московской Руси“ съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ страницъ изъ книги Рождественскаго. Къ чему понадобилось такое пересказываніе извѣстныхъ вещей, если только не къ увеличенію объема сочиненія, не понимаемъ. Взгляды Рожкова на значеніе помѣстной системы въ исторіи хозяйства страны нашли себѣ отпоръ въ разборѣ его сочиненія В. О. Ключевскимъ, въ рецензіи, напечатанной въ отчетахъ о присужденіи уваровскихъ наградъ. Было бы много полезнѣе для автора вмѣсто обширныхъ выписокъ изъ курса Ключевскаго познакомиться съ этой его статьей. Выписываніе текстовъ изъ вторыхъ рукъ (напр. 125—127 духовное завѣщаніе Д. Г. Плещеева изъ книги Рождественскаго „Служилое землевладѣніе“) мы считаемъ совершенно излишнимъ пріемомъ для того же искусственнаго вздуванія объема работы и, какъ таковой, осуждаемъ. Главы VI и VII написаны съ большою развязностью тона, но съ недостаточнымъ знаніемъ русскаго синтаксиса и правилъ о зна-

кахъ препинанія (174, 191). Онѣ обѣ отличаются многопредметностью, но въ то же время изложеніе ведется весьма поверхностно. Укажемъ хотя бы на характеристику нравовъ монастырей. Авторъ полагаетъ, кажется, что вмѣсто доказательствъ достаточно патетическихъ восклицаній и ссылки на тотъ или другой случайно подвернувшійся подъ руку текстъ. Строго говоря, къ дѣлу онъ переходитъ только въ двухъ послѣднихъ главахъ.

Есть въ работѣ положенія, мало доказанныя и рискованныя, не свидѣтельствующія о большой продуманности. Слова, сказанныя кн. Владиміру св. епископами: „князь, ты поставленъ въ защиту добрыхъ и на казнь злымъ", вовсе не показываютъ, какъ это утверждаетъ авторъ, стремленія церкви къ единовластію и самодержавію (173). Епископы указывали князю этими словами на обязанности государя, какъ они ихъ понимали. Слишкомъ бездоказательно высказано авторомъ, напр., и такое положеніе, что въ XVI в. духовенство попыталось захватить въ свои руки самодержавную власть и это какъ будто удалось (192). Въ сочиненіи встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія о небрежности работы: (6) „царь Іоаннъ III", повтореніе однихъ и тѣхъ же цитатъ на стр. 134—135 и на 155. О такой же небрежности свидѣтельствуетъ и слогъ, погрѣшности котораго можно было бы исправить при хотя бы бѣгломъ вторичномъ просмотрѣ написанной работы. Вотъ примѣры: (110) „использовали съ надлежащей для себя пользой", (111) „монастыри... были для него (служилаго класса) и ссудной кассой и банкиромъ и богомольцемъ", (172) „кромѣ духовнаго единства, кромѣ престижа *того князя, гдѣ* находится митрополитъ", (172) „а церковь (имѣнія), разбросанная повсюду со своими имѣніями, слободами, селами и деревнями, объединенная митрополитомъ, тянула къ великому князю" и т. д.

Все же въ виду обнаруженной авторомъ большой начитанности въ литературѣ предмета я, несмотря на указанные недостатки сочиненія, считаю его заслуживающимъ искомой степени".

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„Кромѣ перечисленія источниковъ и пособій, оглавленія и четырехъ приложеній (XXI), работа г. Тихомірова заключа-

етъ въ себѣ девять главъ изслѣдованія (1—277 стр.). Написанная на одну изъ самыхъ живыхъ темъ русской исторіи, она, казалось бы, требовала къ себѣ и особаго отношенія со стороны автора,—отношенія, состоящаго не въ преслѣдованіи лишь исторической точности, но и—всестороннемъ идеологическомъ освѣщеніи процесса. Между тѣмъ, эта сторона авторомъ и упущена изъ вниманія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи пострадавшей при секуляризаціи церкви. Да и въ отношеніи къ противной сторонѣ авторъ не бросаетъ широкаго философскаго взгляда, не подмѣчаетъ ничего, кромѣ борьбы экономическихъ интересовъ, не улавливаетъ здѣсь никакого симптома болѣе грозной борьбы государства съ церковью вообще. Избѣгая говорить о личностяхъ, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о такой даже крупной фигурѣ эпохи, какъ Арсеній Маціевичъ...

Изъ мелкихъ недочетовъ работы нужно отмѣтить: путаницу въ пагинаціи, цитаціи, небрежную переписку, своеобразную орѳографію, пропуски, недописки, наконецъ, такіе курьезы, какъ „stipendiю“ (по-латыни написанное слово съ русскимъ окончаніемъ—80 стр.).

Впрочемъ, работа составлена обстоятельно и серьезно. Авторомъ использовано много матеріала: по каждому пункту приводятся фактическія данныя. Написана яснымъ, живымъ языкомъ. Производитъ впечатлѣніе цѣлостнаго трактата, одна часть котораго вызываетъ другую. При чтеніи такъ и чувствуется вся историческая неизбѣжность (рано или поздно, но непремѣнно) секуляризаціоннаго акта, что, повидимому, и хотѣлъ главнымъ образомъ сказать авторъ. Однако, имъ отмѣчается и другая сторона этого акта—несоотвѣтствіе результатовъ съ предположеніями и неискренность.

Указанныя достоинства вполнѣ достаточны, по мнѣнію рецензента, для присужденія г. Тихомірову степени кандидата богословія“.

47) О сочиненіи студента *Устинова Павла* на тему: „Нравственныя воззрѣнія Мартина Лютера“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Предлагая поименованную тему г. Устинову въ качествѣ темы для его кандидатской работы, рецензентъ ставилъ ему

задачу, вполнѣ осуществимую въ теченіе одного учебнаго года. Имѣлось въ виду, что авторъ, отправляясь въ своей работѣ отъ находящихся въ его распоряженіи спеціальныхъ изслѣдованій о богословіи Лютера и объ его нравственныхъ воззрѣніяхъ въ частности, и изучивъ, по мѣрѣ своихъ силъ, наиболѣе существенныя для его темы страницы сочиненій самого Лютера, представитъ болѣе или менѣе полную систему нравственныхъ воззрѣній нѣмецкаго реформатора, а ознакомившись съ основными теченіями религіозно-культурной жизни въ Германіи въ реформаціонную эпоху, выяснитъ взаимоотношеніе въ этикѣ Лютера средневѣковыхъ католическихъ мистическихъ и гуманистическихъ элементовъ. Въ предѣлахъ этой задачи авторъ выполнилъ свою работу съ достаточнымъ успѣхомъ. Обрисовавъ въ 1 й главѣ (18—76 стр.) своего сочиненія, подъ какими историческими вліяніями складывалась богословско-реформаціонная мысль Лютера, г. Устиновъ во 2-й главѣ (77—213 стр.) своей работы подробно характеризуетъ какъ внутреннюю — богословскую сторону нравственнаго идеала Лютера, раскрывая ученіе реформатора о вѣрѣ, какъ активномъ и пассивномъ началѣ духовной жизни христіанина, объ отношеніи къ закону и добрымъ дѣламъ, такъ и ученіе Лютера объ основныхъ внѣшнихъ формахъ нравственно-общественной жизни человѣка (церковное общество, семья, государство), а въ 3-й главѣ своего сочиненія г. Устиновъ даетъ оцѣнку нравственныхъ воззрѣній Лютера съ исторической, психологической и богословской точекъ зрѣнія. Мысль автора—ясная и отчетливая, мѣстами обнаруживающая незаурядную способность автора къ тонкому богословскому анализу. Изложеніе—сжатое и въ общемъ вполнѣ литературное.

Главнѣйшимъ недостаткомъ работы г. Устинова является крайняя искуственность и шаткость его историческихъ построеній. Авторъ, не удовольствовавшись характеристикой и анализомъ нравственно-богословскихъ воззрѣній Лютера въ ихъ т. с. статическомъ видѣ, или въ ихъ системѣ, захотѣлъ дать „всестороннее“ (16, 33 стр.) ихъ выясненіе, въ ихъ историко-психологическомъ генезисѣ, въ неразрывной связи съ постепеннымъ религіозно-моральнымъ ростомъ личности самого реформатора. Для выполненія такой грандіозной задачи у г. Устинова, естественно, не оказалось соотвѣтствую-

щихъ научныхъ средствъ, и его опытъ историко-психологическаго выясненія нравственныхъ воззрѣній Лютера не только страдаетъ формально-методологическими недостатками, но нерѣдко прямо грѣшитъ противъ той „исторической правды“ о Лютерѣ, возстановить которую, въ противовѣсъ преобладающему, по заявленію автора, въ нашей богословской литературѣ односторонне-конфессіональному освѣщенію доктрины Лютера (2—6 стр.), ставитъ своею задачею авторъ (14 стр.). Чтобы съ болѣе или менѣе твердой увѣренностью ставить и разрѣшать такого рода проблему, отъ автора требовалось по возможности близкое и непосредственное знакомство, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими произведеніями Лютера, и при томъ въ ихъ хронологической послѣдовательности, равно какъ—и съ наиболѣе крупными изслѣдованіями изъ необъятной литературы, посвященной жизни и доктринѣ нѣмецкаго реформатора. Между тѣмъ освѣдомленность г. Устинова какъ въ сочиненіяхъ Лютера, такъ и въ научной литературѣ о немъ,—очень незначительна. Приводимыя авторомъ текстуальныя изъ сочиненій Лютера подтвержденія своихъ тезисовъ относительно того или другого момента религіозно-моральнаго развитія Лютера въ громадномъ большинствѣ случаевъ не добыты авторомъ путемъ непосредственнаго знакомства съ произведеніями нѣмецкаго реформатора, а представляютъ собою рядъ отрывочныхъ выдержекъ, заимствованныхъ авторомъ изъ имѣвшихся въ его рукахъ пособій; отсюда, объективно-фактическая почва для историческихъ построеній г. Устинова оказывается очень шаткой, находится въ прямой зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго подбора выдержекъ и цитатъ въ изученныхъ имъ пособіяхъ. Правда, прежде чѣмъ использовать ту или другую выдержку изъ Лютера, въ качествѣ камешка для своей историко-мозаической работы, авторъ обыкновенно дѣлаетъ справку, къ какому моменту духовной жизни Лютера слѣдуетъ пріурочить извѣстное его изреченіе, но и эти его справки, съ формально-методологической точки зрѣнія,—довольно примитивны. Авторъ далеко не всегда знаетъ, въ какомъ контекстѣ извѣстная выдержка изъ Лютера стоитъ въ его сочиненіяхъ, но обыкновенно довольствуется, съ одной стороны, справкой, въ какомъ томѣ Эрлангенскаго изданія сочиненій Лютера находится то про-

изведеніе его, изъ котораго она заимствована, а, съ другой стороны, по указанію Маргаритова („Лютеранское ученіе въ его историческомъ развитіи при жизни М. Лютера. Кишиневъ. 1898 г.) устанавливаетъ, къ какимъ годамъ жизни Лютера относятся сочиненія Лютера, помѣщенныя въ томъ или другомъ томѣ ихъ Эрлангенскаго изданія. Въ тѣхъ же нерѣдкихъ случаяхъ, когда авторъ извѣстнаго пособія цитируетъ Лютера не по Эрлангенскому изданію, и не приводитъ заглавій сочиненій Лютера, г. Устиновъ, по собственному его заявленію (50—51 стр.), оказывается не въ состояніи опредѣлить ихъ мѣсто въ богословской системѣ Лютера. Равнымъ образомъ, не отличается широтою и освѣдомленность автора въ научной литературѣ о Лютерѣ и его доктринѣ. Кромѣ нѣсколькихъ оригинальныхъ и переводныхъ изслѣдованій на русскомъ языкѣ, авторъ по преимуществу использовалъ книжку Luthard'a: Die Ethik Luthers in ihren Grundzügen. Lpz. 1867, и нѣкоторые отдѣлы изъ 1-го тома Denifle (Luther und Luthertum. Mainz. 1906) и Grisar'a (Luther. 2. B. Freiburg. i. B. 1911). Между прочимъ, г. Устинову, заимствовавшему у двухъ послѣднихъ авторовъ матеріалъ для нравственно-отрицательной характеристики Лютера и его ученія, было бы полезно ознакомиться съ протестантской оцѣнкой научныхъ пріемовъ и аргументаціи новѣйшихъ католическихъ біографовъ Лютера, хотя бы по книгѣ W. Walter'a: Für Luther wieder Rom. Handbuch d. Apologetik Luthers und d. Reformation den römischen Anklagen gegenüber. Halle. 1906.

Если формально-методологическая сторона работы г. Устинова не внушаетъ довѣрія къ его опыту историко-психологическаго выясненія нравственной доктрины Лютера, то внимательное разсмотрѣніе самаго содержанія историческихъ построеній г. Устинова вполнѣ убѣждаетъ читателя, что съ этими построеніями автора не все обстоитъ благополучно.

Основная идея, какую проводитъ г. Устиновъ въ своемъ сочиненіи, заключается въ противопоставленіи двухъ моментовъ или періодовъ какъ въ личномъ религіозно-моральномъ развитіи Лютера, такъ и въ развитіи его ученія. Характеризуя нравственную жизнь Лютера за 1-й періодъ его реформаторской дѣятельности, приблизительно до 1527—30 гг. (145 стр.), какъ „побѣду плоти надъ духомъ“ (137 стр.), авторъ утверждаетъ, что въ указанные годы произошелъ „переломъ въ

личной жизни реформатора“ (143 стр.),—слѣдствіемъ каковаго „перелома“ явился новый періодъ въ его религіозно-моральномъ развитіи, характеризуемый у г. Устинова, какъ „побѣда духа надъ плотію“ (162 стр.). Въ тѣсной связи съ этой духовной эволюціей Лютера стоитъ и видимая противоположность между религіозно-моральными воззрѣніями, высказываемыми имъ въ 1-й и во 2-й періоды своей реформаторской дѣятельности,—и, прежде всего, противоположность между ученіемъ Лютера объ оправдывающей вѣрѣ за отмѣченные періоды. Отличительной чертой доктрины Лютера за 1-й періодъ является ученіе о вѣрѣ, какъ „пассивномъ началѣ“ (171 стр.) въ религіозно-нравственной жизни христіанина,—ученіе о вѣрѣ, „не какъ нравственной силѣ, большей или меньшей энергіи добра, но какъ глубокомъ и утѣшительномъ успокоеніи сердца христіанина, основывающемся на его несомнѣнной увѣренности въ своемъ спасеніи во Христѣ“ (96 стр.), тогда какъ отличительною чертою доктрины Лютера за 2-й періодъ является ученіе о вѣрѣ, какъ „активномъ принципѣ нравственной дѣятельности, — вѣрѣ, связанной съ любовью, несовмѣстимой съ грѣхомъ и проявляющейся въ исполненіи закона и дѣлъ“ (170 стр.). Если „въ 1-й періодъ своей дѣятельности Лютеръ свелъ сущность оправданія къ одной вѣрѣ, и его заключительнымъ словомъ было: „Намъ ничего не нужно, какъ только слушать и вѣрить въ Іисуса Христа, устроителя нашего блаженства“ (Erl. 7, 238)..., откуда у него вытекала ненужность закона и дѣлъ, и совмѣстимость вѣры съ грѣховной жизнію“ (153—4 стр.),— то „теперь (въ 1527 г.) проводится мысль, что Евангеліе—не благовѣстіе о туне даруемомъ прощеніи грѣховъ, но оно требуетъ отъ человѣка нѣкоторой активности... „вѣра не пассивное начало, она есть „живая сила, которая дѣлаетъ человѣка совершенно новымъ“ (Erl. 13, 267) (154—5). „Вмѣсто прежняго принципа: „храбро грѣши“, Лютеръ провозглашаетъ теперь новый принципъ: „храбро борись со грѣхомъ“ (161 стр.). Если въ 1-й періодъ „Лютеръ говорилъ, что „не дѣла любви дѣлаютъ меня благочестивымъ, но только вѣра (13, 190)“, то „иначе разсуждаетъ Лютеръ теперь. „Какъ не бываетъ огня безъ жару и дыма, — писалъ онъ въ 1527—28 году—такъ и вѣры безъ любви (27. 196)“ (156—157 стр.). Если „въ 1-й періодъ своей дѣятельности Лютеръ подчер-

кивалъ необходимость закона и дѣлъ главнымъ образомъ для стараго (ветхаго?) человѣка до-христіанина (?) или нехристіанина, а христіанинъ провозглашался свободнымъ отъ закона и дѣлъ", то „иначе разсуждаетъ Лютеръ теперь. Разъ онъ призналъ вѣру въ христіанинѣ несовмѣстимой съ грѣховной жизнью, онъ принужденъ былъ ограничить и провозглашенную имъ христіанскую свободу отъ закона и дѣлъ, онъ принужденъ былъ признать необходимость послѣднихъ и для христіанина. Дѣйствительно, въ 1534 г. Лютеръ пишетъ: человѣкъ носитъ въ себѣ извѣстный дуализмъ (?): онъ является субъектомъ двухъ (?),—онъ новый человѣкъ и содержитъ въ себѣ еще стараго, но это двѣ стороны одного и того же субъекта. Онъ новый человѣкъ по своей личности (?), какъ христіанинъ, но „онъ носитъ стараго Адама на своей шеѣ"; и вотъ, пока Христіанинъ отъ него не освободится, онъ „будетъ искушаемъ различными грѣшными помыслами и согрѣшать" (2, 217. Comm. in ep. ad Galat. 3, 16). Но какъ же освободиться? Христіанинъ долженъ исполнять законъ и дѣла. „Христіанство не оставляетъ плоти свободу,—провозглашаетъ теперь Лютеръ (а прежде „храбро грѣши"), это дѣлаютъ только фальшивые христіане" (15, 411 13. Цит. не вѣрна). Истинный же христіанинъ долженъ бороться съ искушеніями, долженъ „вытѣснять изъ себя стараго Адама",—на то и даны ему законъ и дѣла. „Надо знать,—подчеркиваетъ теперь Лютеръ, — что ученіе закона не должно быть совершенно уничтожено христіанами, такъ какъ онъ и существуетъ для христіанъ. Послѣдніе живутъ въ плоти и крови, которая движется грѣшными желаніями и поэтому должны пребывать въ ежедневномъ покаяніи (активность!); но чтобы достигнуть этого, они и нуждаются въ проповѣди закона" (13, 118) (164—165 стр.)." Такія и подобныя противопоставленія между воззрѣніями Лютера въ 1-й и 2-й періоды его реформаторской дѣятельности красною нитью проходятъ чрезъ все сочиненіе г. Устинова.

Несмотря на видимую стройность развиваемой г. Устиновымъ теоріи о 2-хъ противоположныхъ періодахъ въ развитіи религіозно-моральной жизни и ученія Лютера, ее нельзя признать удачной и убѣдительно-обоснованной. Прежде всего, утвержденіе автора о нравственномъ „переломѣ", пережитомъ Лютеромъ въ 1527—30 гг., является, по меньшей мѣрѣ, ги-

потезой, нуждающейся въ тщательной провѣркѣ. Въ подтвержденіе этого своего тезиса авторъ всецѣло опирается на Бэрда („Реформація 16 в.“ Рус. пер. СПБ. 1897), дѣйствительно, объявляющаго эти годы, ознаменованые для Лютера особенно сильными муками религіозныхъ сомнѣній („искушенія діавола“), „поворотнымъ пунктомъ въ жизни Лютера и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи реформаціи“ (164 стр.). Всматриваясь, однако, внимательнѣе въ ходъ разсужденій Бэрда, нельзя не придти къ заключенію, что и Бэрдъ не является надежной опорой для нашего автора. Называя „искушенія“ Лютера въ 1527—30 гг. „поворотнымъ пунктомъ въ жизни“ Лютера, англійскій историкъ имѣетъ въ виду лишь одинъ спеціальный пунктъ въ религіозно-моральномъ міровоззрѣніи Лютера,—мучительный для него вопросъ объ отношеніи разума къ Откровенію, „о несовмѣстимости разума съ ортодоксальной религіей“ (Бэрдъ, 163). „Лютеръ воспользовался оружіемъ вѣры для умерщвленія разума, чтобы какъ нибудь не погубить вѣры. И кто можетъ опредѣлить, какъ повліяло бы на реформацію и на послѣдующую судьбу духовной жизни Европы, если бы Лютеръ всталъ во главѣ болѣе прогрессивной, болѣе свободной мысли?... Но Лютеръ сознавалъ, до чего можно дойти при полной свободѣ дѣйствія, и испугался... Онъ всю свою мощь, всю силу своего авторитета употребилъ на подавленіе этой мысли“ (Бэрдъ, 165). Отъ этого, утверждаемаго Бэрдомъ, „поворотнаго пункта“ въ жизни Лютера и вмѣстѣ съ тѣмъ въ исторіи реформаціи“— далеко до утверждаемаго г. Устиновымъ „перелома и въ области религіи и въ сферѣ нравственной“ (151 стр.) у Лютера, въ смыслѣ перехода его отъ „побѣды плоти надъ духомъ“ къ „побѣдѣ духа надъ плотію“. Такого перелома въ религіозно-моральной жизни Лютера въ 1527 — 30 гг. не знаетъ ни одинъ, ни протестантскій, ни католическій, біографъ Лютера.

Что касается тѣхъ текстуальныхъ доказательствъ, которыми г. Устиновъ старается установить глубокую противоположность между религіозно-моральными воззрѣніями Лютера въ 1-й и во 2-й періоды его реформаторской дѣятельности, тоихъ кажущаяся убѣдительность объясняется лишь искусственно-одностороннимъ подборомъ и комментированіемъ соотвѣтствующихъ выдержекъ изъ Лютера у г. Устинова, съ

намѣреннымъ или ненамѣреннымъ замалчиваніемъ тѣхъ утвержденій Лютера, которыя не согласуются съ предзанятой теоріей автора. Лучшимъ показателемъ искусственности теоріи автора является тотъ фактъ, что каждому его тезису можно, опираясь на сочиненія Лютера, противопоставить соотвѣтствующій антитезисъ. Не входя въ разборъ аргументаціи автора во всемъ ея объемѣ, ограничусь нѣсколькими примѣрами. Искусственнымъ представляется, прежде всего, уже самое противоположеніе понятій о пассивной и активной вѣрѣ, какъ отличительныхъ особенностяхъ доктрины Лютера за 1-й и 2-й періоды ея историческаго развитія. Утверждая, что оправдывающая вѣра въ 1-й періодъ реформаторской дѣятельности Лютера мыслилась имъ, лишь какъ „убѣжденіе ума“ (169 стр.), какъ „прикосновеніе человѣка мыслію къ идеѣ (?) Христа“ (97 стр.), вполнѣ „совмѣстимое съ грѣховной жизнію“ (154),—что лишь въ 1527—30 гг. „въ нее (вѣру) былъ внесенъ (Лютеромъ) нравственный элементъ“ (159), г. Устиновъ, съ одной стороны, встаетъ въ непримиримое противорѣчіе хотя бы съ такими словами Лютера изъ его „Предисловія къ посл. ап. Павла къ Римл.“ (отъ 1522 г.): „вѣра есть божественное дѣло, которое измѣняетъ и возрождаетъ насъ, умерщвляя въ насъ ветхаго человѣка; она дѣлаетъ насъ совершенно другими людьми по сердцу, уму, чувству и всѣмъ силамъ... Она—живая, дѣятельная, мощная сила“ и т. д. (Erl. 63, 124 s.). Съ другой стороны, Лютеръ и во 2-й, по дѣленію г. Устинова, періодъ своей реформаторской дѣятельности ясно училъ о совмѣстимости вѣры съ грѣховной жизнію, напр. въ 1530 г.: „мы говоримъ такъ, что истинные святые должны быть великими грѣшниками... Сами по себѣ и по всѣмъ своимъ дѣламъ они не что иное, какъ грѣшники, и подлежатъ осужденію, но они сдѣлались святыми черезъ чужую святость, именно Іисуса Христа, Который подарилъ ее имъ и сдѣлалъ ее ихъ собственностью черезъ вѣру“ (Erl. 50, 248—49 ss.). Также иллюзорно утвержденіе г. Устинова, что Лютеръ въ 1-й періодъ своей реформаторской дѣятельности „хотя училъ, что источникомъ добрыхъ дѣлъ является вѣра, но не доказывалъ необходимости послѣднихъ“, объявляя, что, „мы оправдываемся одной только вѣрой, а не черезъ вѣру, оживляемую любовью“, тогда какъ во 2-й періодъ „Лютеръ разсуждаетъ иначе. „Какъ не бы-

ваетъ огня безъ жару и дыма,—пишетъ онъ въ 1527—8 г.,— такъ и вѣры безъ любви" (156—7 стр.). Съ одной стороны, и въ „1-й періодъ" Лютеръ рѣшительно училъ о необходимости добрыхъ дѣлъ, отвергая лишь тѣ добрыя дѣла, которыя совершаются „внѣ вѣры", каковыя дѣла онъ отвергалъ и въ теченіе всей своей реформаторской дѣятельности. Уже въ 1520 г. въ „Проповѣди о добрыхъ дѣлахъ" Лютеръ жаловался, что wenn ich den Glauben so hoch anziehe, und solche unglaubige Werke verwerfe, schuldigen sie mich, ich verbiete gute Werke; so doch ich gerne wollte gute Werke des Glaubens lehren" (Erl. 20, 196).

Еще въ 1522 г. Лютеръ училъ, что „невозможно отдѣлять дѣло отъ вѣры, какъ невозможно отдѣлять горѣніе и сверканіе отъ огня" (Erl. 63, 125). Что касается прословутаго выраженія Лютера въ письмѣ къ Меланхтону: „храбро грѣши", на которое такъ часто ссылается г. Устиновъ для иллюстраціи нравственныхъ воззрѣній Лютера въ „1-й періодъ" его реформаторской дѣятельности, то самыя элементарныя требованія научной экзегетики не позволяютъ принимать этихъ словъ Лютера въ ихъ прямомъ значеніи (ср. Walter. Op. cit. 569—573 ss.). Конечно, настаивая на необходимости добрыхъ дѣлъ, какъ непремѣнныхъ спутниковъ и плодовъ оправдывающей вѣры, Лютеръ „не доказывалъ ихъ необходимости" сотеріологической, какъ causa justificationis, но такой необходимости Лютеръ не признавалъ за ними и „во 2-й періодъ", постоянно подчеркивая, что сотеріологическое значеніе имѣетъ лишь вѣра сама по себѣ, а не какъ fides, caritate formata. Знаменитый комментарій Лютера на посланіе ап. Павла къ Галатамъ, въ которомъ такъ ярко выражено Лютеромъ его ученіе объ оправдывающей вѣрѣ, въ полемическомъ отношеніи къ католическому понятію о fides caritate formata, написанъ Лютеромъ уже во 2-й, по дѣленію г. Устинова, періодъ его реформаторской дѣятельности. Отмѣчу, наконецъ, искусственность утверждаемаго авторомъ противоположенія и между воззрѣніями Лютера до и послѣ 1527—30 гг. на законъ (Моисея) и его отношеніе къ христіанской свободѣ. Авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что насколько „въ 1-мъ періодѣ" Лютеръ рѣшительно отвергалъ значеніе Моисея и его закона для христіанъ, объявляя, что „Моисей долженъ считать свое произведеніе (такъ авторъ

переводитъ: sein Werk üben) внѣ Христа, потому что онъ велъ (=treibe) людей, которые не были христіанами, или старыхъ (?) людей" (164 стр.), настолько во „2-й періодъ" своей реформаторской дѣятельности Лютеръ учитъ о необходимости для христіанина, пока онъ живетъ „въ плоти и крови", вести неустанную борьбу съ ветхимъ Адамомъ, подъ руководствомъ закона. Но это подчеркиваемое г. Устиновымъ противоположеніе 2-хъ періодовъ въ ученіи Лютера о законѣ и христіанской свободѣ является опять-таки искусственнымъ, поскольку, съ одной стороны, и „во 2-мъ періодѣ" Лютеръ въ высшей степени энергично высказывался противъ закона, рекомендуя христіанину „гнать какъ можно дальше этого гугниваго и косноязычнаго Моисея съ его закономъ" (Comm. in ep. ad Gal. 118—119 pp.), а съ другой стороны, и въ „1-мъ періодѣ" своей реформаторской дѣятельности Лютеръ училъ, что внутренняя духовная свобода христіанина не исключаетъ для него, какъ „внѣшняго человѣка", обязанности повиноваться закону, поститься, бодрствовать, обуздывать свою плоть, поскольку христіанинъ находитъ въ своей плоти духъ непокорности, стремленія къ мірскому и къ удовлетворенію похотей (О свободѣ христ. 1520 г. Erl. 27, 183 s.). Насколько искусственной является аргументація г. Устинова въ пользу предзанятой имъ теоріи о двухъ противоположныхъ періодахъ въ нравственно-религіозномъ развитіи Лютера, особенно ярко выступаетъ въ томъ, что авторъ иногда изъ произведеній Лютера одного и того же времени заимствуетъ выдержки для иллюстраціи воззрѣній нѣмецкаго реформатора и за 1-й и за 2-й изъ установленныхъ самимъ авторомъ періодовъ его реформаторскаго ученія. Такъ, напр., на стр. 156-й авторъ, въ подтвержденіе своего взгляда, что Лютеръ въ 1-й періодъ не училъ о необходимости добрыхъ дѣлъ для христіанина, приводитъ слѣдующую выдержку изъ проповѣди Лютера на 8-е воскресенье послѣ Пятидесятницы: „не дѣла любви дѣлаютъ меня благочестивымъ, но только вѣра" (Erl. 13, 190), а на стр. 165-й для иллюстраціи, какъ „иначе разсуждаетъ Лютеръ теперь" (т. е. во 2-й періодъ) объ отношеніи христіанина къ закону, приводитъ (уже выписанную нами выше) выдержку изъ „проповѣди Лютера на 5-е воскресенье по Пятидесятницѣ" (Erl. 13, 118), хотя и та и другая проповѣди, помѣщенныя

въ одномъ и томъ же томѣ Эрлангенскаго изданія Лютера, относятся къ одному и тому же времени (1527—28 гг.).— Основная ошибка г. Устинова заключается въ томъ, что онъ, наблюдая видимо противорѣчивыя сужденія Лютера по тѣмъ или другимъ богословскимъ вопросамъ, поставилъ своей цѣлью во что бы то ни стало выяснить ихъ, какъ выраженія исторической эволюціи нравственно-богословскихъ воззрѣній нѣмецкаго реформатора, тогда какъ эта видимая противорѣчивость (антиномичность) доктрины Лютера имѣетъ свои корни въ самыхъ принципахъ догматики Лютера и составляетъ самую характерную черту его богословской системы.

Вызываютъ, далѣе, возраженіе и нѣкоторыя сужденія автора относительно того историко-психологическаго процесса, какимъ Лютеръ пришелъ къ своей реформаціонной доктринѣ. Оставляя въ сторонѣ выступающую въ данномъ пунктѣ формальную спутанность мысли автора, пытающагося точно разграничить историческіе факторы происхожденія доктрины Лютера отъ факторовъ психологическихъ и причисляющаго къ первымъ—папскій церковно-политическій абсолютизмъ и католическій номизмъ (24—43 стр.), а ко вторымъ—мистику и гуманизмъ (58—76), отмѣчу странное утвержденіе автора, будто, „ученіе Лютера вытекало прежде всего изъ политическихъ мотивовъ, а не изъ глубины его религіозно-вѣрующей души“,—будто „борьба за независимость нѣмецкаго народа отъ римскаго ига въ государственномъ и церковномъ отношеніяхъ,—вотъ 1-я идея, руководившая Лютеромъ въ дѣлѣ реформаціи“ (31 стр.). Но достаточно хотя поверхностнаго знакомства съ т. н. до-реформаціонными сочиненіями Лютера и его первыми выступленіями на реформаторскомъ поприщѣ, чтобы видѣть всю несостоятельность этого утвержденія автора. На стр. 228—229-й авторъ еще съ большей рѣшительностью повторяетъ это свое сужденіе. „Призывая другихъ къ вѣрѣ въ милосердіе Христа,—пишетъ г. Устиновъ,—въ Его любовь къ грѣшному человѣку, Лютеръ самъ не испыталъ на себѣ всей силы и дѣйственности этой проповѣдуемой имъ вѣры. „Ученіе о душеспасительной вѣрѣ,—скажемъ словами Денифле,—легко пришло ему въ голову, когда онъ въ немъ не нуждался, т. е. во время мира“. Да, когда его внутренній міръ заполняла одна идея—борьба за независимость своего народа отъ Римскаго ига, и Лютеръ

думалъ только о средствахъ и оружіяхъ для этой борьбы, но „переживанія“ вѣры его не занимали. Здѣсь мы еще разъ можемъ убѣдиться въ вѣрности высказаннаго нами положенія, что ученіе Лютера создавалось, прежде всего, исторически, т. е. что оно вытекало изъ политическихъ мотивовъ, а не изъ глубины его тревожной души“. Такъ авторъ однимъ взмахомъ пера зачеркиваетъ всю исторію того духовнаго кризиса, какой сдѣлалъ Лютера изъ ревностнаго католическаго монаха непримиримымъ борцомъ противъ католической церкви,—такъ просто и легко разрѣшаетъ тотъ темный вопросъ о психологическихъ причинахъ отпаденія Лютера отъ католицизма, который за послѣдніе годы служитъ предметомъ горячихъ пререканій между католическими и протестантскими историками реформаціи. Дѣлаемая авторомъ ссылка на слова Денифле, или, точнѣе, на слова Лютера, передаваемыя у Денифле,—недоразумѣніе, такъ какъ г. Устиновъ не точно перевелъ ихъ и сдѣлалъ изъ нихъ невѣрный выводъ. Лютеръ пишетъ: Difficulter haec doctrina retinetur. Dum extra tentationem sumus, viditur esse facilis; sed cum tempus pacis abiit, et sumus positi in cogitationibus irae Dei, tum experimur, quanti negotii sit hoc firmiter credere. (Op. exeg. 19, 93). Денифле даетъ такой парафразъ этихъ словъ Лютера: Die Lehre vom alleinseligmachenden Glauben ging ihm leicht ein, wenn er sie nicht brauchte, d. i „zur Zeit des Friedens“; war aber diese zu Ende, begann die Versuchung, dann besass er nicht das „Erlebnis des Glaubens“, sondern er brachte in Erfahrung, wie schwer es ist, fest zu glauben (I, 3, 781 s). И слова Лютера и парафразъ ихъ у Денифле, такимъ образомъ, выражаютъ лишь ту общую мысль, что протестантское ученіе объ оправданіи одною вѣрою болѣе легко воспринимается или „вѣруется“ душею человѣка (по Денифле—и самого Лютера) во время спокойствія совѣсти, чѣмъ въ мучительныя минуты ея страха предъ гнѣвомъ Божіимъ, а г. Устиновъ, переведя слова Денифле ging ihm leicht ein словами: „легко пришло ему въ голову“, совершенно невѣрно вычиталъ въ этихъ словахъ указаніе, какъ возникло ученіе объ оправданіи вѣрою въ душѣ Лютера, и усмотрѣлъ въ нихъ подтвержденіе своей теоріи, что оно было придумано Лютеромъ, какъ удобное оружіе въ борьбѣ съ Римомъ за политическое освобожденіе нѣмецкаго народа.

Наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно богословской оцѣнки г. Устиновымъ нравственныхъ воззрѣній Лютера. Эта оцѣнка грѣшитъ крайне-преувеличенными обвиненіями Лютера въ уклонѣ къ религіи „человѣкобожества". Отмѣчая, что Лютеръ, какъ моралистъ, является „представителемъ религіознаго индивидуализма", сторонникомъ „полной автономіи человѣка въ его духовно-нравственной жизни" (248 стр.), г. Устиновъ утверждаетъ, что „этимъ самымъ ограничивалась абсолютность Божества и человѣкъ ставилъ себя на мѣсто Бога" (247 стр.). „Лютеръ провозгласилъ:—вѣруй въ то, во что тебѣ хочется вѣрить, а отсюда и—дѣлай то, что тебѣ хочется дѣлать („храбро грѣши"!)... Изъ жизни совершенно вытѣснялось божественное начало" (248). „Словомъ, что мнѣ кажется святымъ, то и свято—вотъ заключеніе, къ какому пришелъ Лютеръ (индивидуалистъ) въ области нравственности, утративши божественное начало и поставивши человѣка на мѣсто Бога" (252). „Лютеръ провозгласилъ, что благо личности заключается не въ самоотреченіи, а во всестороннемъ ея развитіи и въ широкомъ пользованіи тѣмъ, что даетъ природа („храбро грѣши"—пользуйся всѣмъ!). И вотъ въ результатѣ и получилось, что внутренній методъ—„обращеніе въ себя и къ себѣ" незамѣтно для Лютера перешелъ въ ницшеанскій девизъ „слѣдуй за собой": поскольку „тайна" Іисуса не была понята, совѣсть человѣческая возведена была въ окончательно рѣшающую силу, въ высшій нравственный авторитетъ" (244 стр.). Приведенныя сужденія г. Устинова краснорѣчиво говорятъ сами за себя, и нѣтъ надобности выяснять ихъ неприложимость къ „историческому" Лютеру, съ его бо́льшимъ уклономъ въ морали къ піэтизму, чѣмъ антиномизму. Странно, что авторъ, во „вступленіи" къ своему сочиненію сурово и даже нѣсколько пристрастно обвиняющій Маргаритова, о. Малиновскаго и др. въ игнорированіи ими „исторической правды" въ вопросѣ о богословіи Лютера, самъ въ концѣ своего сочиненія забылъ объ элементарныхъ требованіяхъ этой „исторической правды" и наговорилъ на Лютера много такого, что ему, конечно, и во снѣ не снилось.

Кандидатской степени авторъ заслуживаетъ".

б) *И. д. доцента А. В. Ремезова*:

„Однимъ изъ наболѣе яркихъ и рѣшительныхъ показате-

лей несостоятельности лютеранскаго ученія объ оправданіи одною вѣрою безъ дѣлъ считается его безплодность въ нравственномъ отношеніи. Въ полемикѣ противъ него обязательно указывается тотъ будто бы психологически неизбѣжный фактъ, что съ усвоеніемъ этого ученія теряется всякое побужденіе къ нравственной дѣятельности, поскольку человѣкъ въ такомъ случаѣ напередъ сознаетъ себя уже спасеннымъ и святымъ; съ этой стороны даже принято говорить о развращающемъ его вліяніи и объяснять имъ не только современный упадокъ нравственности въ Германіи, но даже и широкое распространеніе тамъ соціалистическихъ чаяній. Однако такому воззрѣнію противопоставляется другой не менѣе убѣдительный психологическій фактъ, когда человѣкъ самъ стремится оправдать своимъ внѣшнимъ поведеніемъ то, что получилъ вопреки своимъ заслугамъ: такъ неожиданное прощеніе можетъ моментально исправить преступника гораздо радикальнѣй, чѣмъ продолжительное наказаніе; въ этомъ смыслѣ и объявленіе человѣка уже спасеннымъ, глубоко воспринятое его сознаніемъ,— особенно если онъ прежде долго мучился въ стремленіи заслужить спасеніе,—можетъ оказаться для него не менѣе могучимъ нравственнымъ стимуломъ, чѣмъ достиженіе спасенія и осуществленіе нравственнаго совершенства, разсматриваемое въ качествѣ конечной цѣли жизни. Какой характеръ принимаетъ нравственность въ такомъ случаѣ и насколько такая нравственность близка къ подлинно-христіанской нравственности,— рѣшается, понятно, прежде всего чрезъ ближайшее изученіе нравственныхъ воззрѣній самого родоначальника лютеранства.

Сочиненіе г. Устинова, посвященное этимъ послѣднимъ, представляетъ собой попытку разрѣшенія этого двойного вопроса, при чемъ результатомъ работы надъ первой половиной его (о характерѣ нравственныхъ воззрѣній Лютера являются первыя двѣ главы сочиненія, изъ которыхъ въ одной излагается генезисъ нравственныхъ воззрѣній Лютера („Какъ создавалось ученіе Лютера?“ (18—76 стр.), а въ другой разсматриваются эти самыя воззрѣнія въ двухъ стадіяхъ ихъ развитія (77—213); разрѣшенію второй половины основного вопроса о протестантской морали посвящена въ сочиненіи г. Устинова 3-ья глава: „Оцѣнка нравственныхъ воззрѣній

Лютера съ 3-хъ точекъ зрѣнія: исторической, психологической и догматической“ (214—264). Этимъ тремъ главамъ предпосылается предисловіе (1—17), въ которомъ авторъ заявляетъ о намѣреніи отрѣшиться при разсмотрѣніи своего предмета отъ той односторонности и тенденціозности, какой обычно страдаетъ изображеніе его въ богословскихъ системахъ.

На основаніи такого заявленія читатель въ правѣ ожидать отъ автора по крайней мѣрѣ указанія, въ качествѣ лютеранскаго этическаго принципа, того естественно-психологическаго стимула, о которомъ мы только что говорили и который, связывая нравственность съ основнымъ догматомъ лютеранства, могъ бы служить ея исключительнымъ основаніемъ. Г. Устиновъ, несмотря на то, что свое изложеніе нравственныхъ воззрѣній Лютера связываетъ съ указаніемъ его ученія объ оправданіи одной вѣрой (92—96) и даже обусловливаетъ первыя послѣднимъ, совсѣмъ не обращается къ этому психологическому звену между ними, такъ что въ концѣ концовъ оказывается принужденнымъ констатировать абсолютную безплодность для нравственности основного лютеранскаго догмата, т. е. то самое, что такъ характерно для конфессіональнаго богословія. Впрочемъ, это упущеніе въ разсматриваемомъ сочиненіи обусловливается не столько недостаточностью матеріальныхъ представленій автора, сколько методомъ его. Г. Устиновъ прямо заявляетъ себя (7—9) противникомъ дедуктивнаго метода въ изложеніи тѣхъ или иныхъ воззрѣній вообще и на протяженіи всего своего сочиненія старается излагать воззрѣнія Лютера, какъ самъ выражается, исторически или, вѣрнѣе, вполнѣ эмпирическимъ методомъ: стремясь быть какъ можно ближе къ самымъ словамъ и фразамъ Лютера, онъ все время скользитъ по поверхности его выраженій и всячески избѣгаетъ какого бы то ни было углубленія своего пониманія ихъ. Само собой разумѣется, что такая сдержанность изложенія прежде всего дѣлаетъ честь автору, какъ начинающему историку, когда такъ трудно бываетъ устоять предъ искушеніями широкаго синтеза и смѣлыхъ отвлеченныхъ гипотезъ. Тѣмъ большее мужество обнаруживаетъ въ авторѣ неуклонное слѣдованіе этимъ положительно-фактическимъ путемъ, что оно принуждало его иной разъ констатировать такіе факты,

которые представляются несоотвѣтствующими даже тѣмъ элементарнымъ точкамъ зрѣнія, подъ которыми они излагаются. Въ этомъ смыслѣ г. Устиновъ вполнѣ оправдалъ данное имъ обѣщаніе вѣрности исторической правдѣ. Но по отношенію къ самому сочиненію примѣненіе эмпирическаго метода при уклоненіи отъ объясненія излагаемыхъ воззрѣній Лютера обусловливаетъ мѣстами отсутствіе выдержанности его содержанія. Характеризуя первый періодъ въ развитіи нравственнаго ученія Лютера, какъ крайнее выраженіе антиномизма („смѣло грѣши!"), г. Устиновъ принужденъ отмѣчать и фактъ предъявленія Лютеромъ своимъ послѣдователямъ въ то же самое время нравственныхъ требованій (напр. 110, 124). Можетъ быть, г. Устинову и предносилось какое-нибудь примиреніе этой противоположности, но на читателя она производитъ впечатлѣніе незамѣченнаго авторомъ противорѣчія.

Думается, что тема разсматриваемаго сочиненія предполагаетъ, если не законченную систему этики, то, во всякомъ случаѣ, опредѣленныя концепціи нравственныхъ воззрѣній. Г. Устиновъ и желаетъ представить двѣ такихъ концепціи, соотвѣтствующія двумъ періодамъ въ развитіи нравственнаго ученія Лютера и, хотя откровенно приводимыя имъ воззрѣнія Лютера, какъ только что указано, не всегда характеризуютъ данную концепцію точно такими чертами, какими хочетъ опредѣлить ее самъ г. Устиновъ, но тѣмъ не менѣе онъ очень твердо настаиваетъ на рѣзкомъ различіи, если даже не противоположности, этихъ періодовъ. Конечно, способъ изложенія воззрѣній Лютера не въ видѣ чего-то прочно установленнаго, но въ самомъ процессѣ ихъ формаціи, въ ихъ движеніи составляетъ крупное достоинство сочиненія, но едва ли исторически вѣрно представлять этотъ процессъ въ видѣ двухъ смѣнившихъ одинъ другого движеній въ радикально различныхъ направленіяхъ. Если бы авторъ углубился въ основу излагаемыхъ имъ воззрѣній, то, можетъ быть, нашелъ бы тамъ элементы, не только органически связующіе противорѣчивыя на первый взглядъ воззрѣнія, въ предѣлахъ одного и того же періода, но и въ значительной степени сглаживающіе тѣ крайности самихъ двухъ періодовъ, которыя почему-то такъ усиливается подчеркивать нашъ авторъ, чѣмъ не можетъ не подрывать довѣрія къ себѣ со

стороны читателя. Во всякомъ случаѣ на протяженіи всей второй половины второй главы (143—178), гдѣ характеризуются нравственныя воззрѣнія Лютера во второй періодъ, читатель, несмотря на всѣ увѣренія автора, что здѣсь является уже иное нравственное ученіе, можетъ, сохраняя тѣ же самыя выдержки изъ сочиненій Лютера, остановиться на предположеніи, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто не насильственное измѣненіе самаго ученія, а лишь измѣненіе въ его проповѣди, раскрытіе его съ другой стороны, или, самое бо́льшее, развитіе одного и того же по существу ученія въ двухъ различныхъ направленіяхъ подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Борьба съ номизмомъ католической нравственности принуждала Лютера больше всего подчеркивать отсутствіе у внѣшней нравственной дѣятельности самой по себѣ, независимо отъ ея субъекта, какой либо цѣнности; здѣсь ему пришлось больше всего бороться съ дьяволомъ человѣческой гордыни, выражавшейся въ фарисейскомъ успокоеніи на сознаніи нравственной цѣнности внѣшнихъ дѣйствій самихъ по себѣ; развѣ можно счесть за подлинное выраженіе антиномизма совѣтъ Лютера посрамлять этого діавола самоправедности ничѣмъ инымъ, какъ грѣхами (139)? Но во второй періодъ, когда Лютеръ принужденъ былъ бороться съ антиномизмомъ анабаптистовъ и проч. (если антиномизмъ явился вслѣдствіе распространенія ученія Лютера, то это не можетъ, конечно, означать, что послѣднее само по себѣ представляло антиномизмъ, хотя было анти-номистично), ему естественно было подчеркивать дѣятельную сторону вѣры и *больше говорить* о нравственной самодѣятельности.

Нашему автору все же приходится возводить излагаемыя имъ воззрѣнія къ общимъ принципамъ;—это имѣетъ мѣсто въ третьей главѣ, при ихъ оцѣнкѣ. Здѣсь только можно видѣть, къ какому виду нравственныхъ ученій относитъ онъ этику Лютера. Г. Устиновъ дѣлаетъ видъ, что видитъ въ ней выраженіе автономной нравственности и повторяетъ по ея адресу комплименты изъ IV-го тома „Основъ христіанства“ проф. М. М. Тарѣева (252 — 253), но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что воззрѣнія Лютера въ квалификаціи г. Устинова далеко не подходятъ подъ понятіе автономной нравственности: констатируя въ нихъ такія специфи-

ческія черты автономной нравственности, какъ субъективизмъ (249) и утилитаризмъ (250), г. Устиновъ вдругъ выдвигаетъ такое свойство ихъ, какъ индифферентизмъ (250). Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ, когда сглаживается уже въ личномъ сознаніи грань между добромъ и зломъ, не то что объ автономной—а и вообще о какой бы то ни было нравственности говорить не приходится. Такъ въ конечномъ результатѣ сказывается упущеніе изъ вниманія того, такъ сказать, этическаго „тона", который, правда, слабо, но все же выражается въ ученіи объ оправданіи одною вѣрою.

Устанавливая генезисъ нравственныхъ воззрѣній Лютера, г. Устиновъ желаетъ разсматривать ихъ съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и психологической, но при осуществленіи этого намѣренія переноситъ раздѣленіе лишь точекъ зрѣнія на самые историческіе факторы, участвовавшіе въ формаціи воззрѣній Лютера. Читатель остается въ недоумѣніи, почему это съ исторической точки зрѣнія въ качествѣ такихъ факторовъ указываются борьба съ внѣшнимъ абсолютизмомъ папства и номизмомъ католической этики (24 -43), а съ психологической — мистика и гуманизмъ (58 — 76)? Развѣ послѣдніе не были такими же историческими теченіями, питавшими окружавшую Лютера атмосферу, какъ и первые? Г. Устиновъ какъ будто не совсѣмъ отчетливо представляетъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ долженъ былъ говорить объ одномъ и томъ же по существу предметѣ, имѣть дѣло съ одними и тѣми же факторами, но при историческомъ ихъ разсмотрѣніи долженъ былъ констатировать ихъ наличность въ окружавшей Лютера исторической атмосферѣ, а при психологическомъ—прослѣдить, какъ отразились они на личности самого Лютера и какой видъ приняли въ его индивидуальной психологіи.

Всѣ указанные недочеты разсматриваемаго сочиненія объясняются тѣмъ, что г. Устиновъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его недостаточно продумалъ свой матеріалъ. Но справедливость требуетъ этотъ основной дефектъ обозначить не иначе, какъ фразой: не успѣлъ до конца продумать... Задачи, подобныя взятой г. Устиновымъ, не разрѣшаются годичной работой и даже вообще трудомъ одного. Г. Устинову пришлось большую часть своего времени и усилій отдать на ознакомленіе съ нѣмецкой литературой, переводъ которой, пови-

димому, не такъ-то легко давался ему (см., напр., 32, 34—37 и др.), и на выборку изъ нея нужнаго матеріала. Съ точки зрѣнія абсолютной оцѣнки къ этой работѣ, не говоря о способѣ выполненія ея самой, надо было бы еще прибавить: 1) выясненіе самаго понятія нравственности и ея различныхъ видовъ и 2) воспользоваться этими общими представленіями для квалификаціи самыхъ нравственныхъ воззрѣній Лютера. Все, относящееся къ этимъ двумъ слоямъ работы, г. Устинову приходилось за недостаткомъ времени наскоро заимствовать со стороны безъ должной личной переработки, но достаточную заслугу его составляетъ и то, что онъ взялся за выполненіе первой, основной части этой грандіозной программы и для годичнаго срока сдѣлалъ больше чѣмъ достаточно. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ".

48) О сочиненіи студента *Цуйманова Александра* на тему: „Грамматико-археологическій разборъ текста книги Левитъ въ отдѣлахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе ветхозавѣтныхъ установленій касательно жертвъ и очищеній".

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Цуйманова состоитъ изъ 6 главъ, въ которыхъ послѣдовательно обозрѣваются ветхозавѣтныя установленія относительно жертвоприношеній. Въ виду тетратомичности ветхозавѣтныхъ жертвъ, первыя 4 главы въ сочиненіи посвящены каждая отдѣльному виду жертвъ—всесожженію, жертвѣ за грѣхъ, жертвѣ за вину и жертвѣ мирной, далѣе 5-ая глава имѣетъ дѣло съ установленіемъ признаковъ жертвопригодности животныхъ и заключительная 6-ая—съ предписаніями касательно ветхозавѣтныхъ безкровныхъ (хлѣбныхъ) приношеній. Какъ видно, г. Цуймановымъ достаточно захваченъ въ поле зрѣнія тотъ матеріалъ книги Левитъ, который касается ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній, но почему-то отсутствуютъ данныя объ очищеніяхъ. Рецензентъ полагаетъ, что писавшій ошибочно истолковалъ жертвоприношеніе и очищеніе, какъ понятія синонимичныя, или разложилъ обрядность левитскихъ очищеній, о какихъ приходилось писать, на рядъ жертвенныхъ ритуаловъ, а потому

и говоритъ только о жертвоприношеніяхъ. Безспорно, что ветхозавѣтное жертвоприношеніе давало левитскую чистоту жертвователю, т. н. каппара, являющееся центромъ сотеріологіи жертвоприношенія, однако въ той же книгѣ Левитъ находится и описаніе жертвъ родильницы, лицъ, страдающихъ истеченіями, и особенно исцѣленныхъ и исцѣлившихся отъ проказы,—все это могло подлежать изслѣдованію г. Цуйманова, если въ другихъ случаяхъ въ сложномъ очистительномъ обрядѣ онъ и могъ видѣть послѣдовательность и своеобразную комбинацію уже описанныхъ имъ по масоретскому тексту Библіи жертвенныхъ отдѣльныхъ актовъ, наприм. въ рѣчи о днѣ Очищенія. Обращаясь отъ возможнаго содержанія труда г. Цуйманова къ его наличному виду, рецензентъ находитъ умѣстнымъ предпослать нѣсколько словъ о методѣ разработки тематическаго вопроса. Г. Цуймановъ писалъ по типу западныхъ preparationes къ Ветхому Завѣту, давая детальный разборъ масоретскаго текста и сопровождая каждый разобранный отдѣлъ Библейскаго подлинника небольшимъ археологическимъ exposé. Собственно это—черновая работа, но цѣнная, поскольку сообщаетъ писавшему дѣйствительныя познанія по еврейскому языку Библіи, взамѣнъ отрывочныхъ свѣдѣній, обычно почерпаемыхъ изъ западныхъ библейскихъ истолковательныхъ трудовъ, оставляющихъ нерѣдко печальный слѣдъ въ лингвистической сумятицѣ въ умѣ русскаго компилятора. Съ этой стороны работа г. Цуйманова отличается отъ тѣхъ монографій, гдѣ связно, но изъ вторыхъ рукъ, излагается исторія и частные моменты въ установленіи ветхозавѣтнаго культа. Но работа по первоисточнику, насколько она ни заманчива требуетъ свѣрки добытыхъ данныхъ и расширенія ихъ путемъ привлеченія вторыхъ пособій: у г. Цуйманова таковыхъ оказалось немного, — Кейль, Троицкій, Штейнбергъ, одинъ разъ знаменитый анатомъ Гиртль, вотъ и всѣ авторы изъ арсенала учено-вспомогательныхъ аппаратовъ, какимъ пользуется г. Цуймановъ, но главнымъ образомъ онъ штудировалъ грамматику еврейскаго языка Гезеніуса, хотя и не по новому изданію Кауча. Въ виду сказаннаго lapsus рецензируемой работы относимы на счетъ писавшаго, а не выводимы изъ ошибокъ и промаховъ его руководителей.

Во-первыхъ, если писавшій давалъ своему разбору значе-

ніе для Библейской археологіи, то почему онъ не помѣстилъ собственнаго перевода изученнаго имъ детально текста, наприм. было бы весьма желательнымъ имѣть переводъ 2 стиха 4 главы кн. Левитъ, гдѣ рѣчь о грѣхѣ, примиряемомъ жертвою. Во-вторыхъ, напрасно г. Цуймановъ стремится мѣстами изъяснять смыслъ словъ по корнямъ, несуществующимъ въ Библейскомъ еврейскомъ языкѣ; у него выходитъ, что nomina sunt omina, а это далеко не всегда бываетъ. Такъ по г. Цуйманову слово хацеръ—дворъ происходитъ отъ корня хацаръ — окружать, дворъ окружаетъ жилище или скинію, но таковаго корня библейскій языкъ не знаетъ, а въ библейско-еврейскомъ лексиконѣ находимъ слово хациръ, означающее траву, газонъ. Парохетъ, наименованіе завѣсы, отдѣлявшей въ скиніи и храмѣ святое отъ святѣйшаго, по г. Цуйманову, деривація корня парахъ, означающаго ломать (вѣроятно, дѣлить), но таковаго корня опять нѣтъ у евреевъ, а находятся созвучныя формы, какъ существительное перехъ — твердость, суровость, а поэтому парохетъ скорѣе— твердая завѣса, изъ жесткаго, нескладчатаго матеріала. Слово паръ—молодой быкъ г. Цуймановъ производитъ отъ корня параръ—пахать, быкъ—пахарь, но параръ означаетъ дѣлить, какъ созвучный глаголъ поръ (пс. 74, 13), а слово паръ скорѣе деривація корня пара̀, размножаться, т. е. опредѣляетъ молодаго быка въ отличіе отъ юнаго бенъ бакаръ рахъ. Кевесъ или аллографическое кесевъ нашъ авторъ производитъ отъ какого-то глагола кавасъ, означающаго быть смирнымъ, что соотвѣтствуетъ природѣ агнца, но онъ забылъ, кто теперь называется кавасомъ на востокѣ, тогда получалось бы нѣчто, напоминающее коллективистическое цонъ о мелкомъ рогатомъ скотѣ. Имѣющійся въ Библіи омофоническій глаголъ кавашъ означаетъ: наступать, угнетать, подчинять, овладѣвать и т. п., слѣдовательно говоритъ не о кротости агнца (овцы), а поэтому если и можетъ дать имя агнцу, то только по енантіосеміи, когда деривація глагола принимаетъ обратный смыслъ, напр. отъ корня бара—дѣлилъ слово беритъ—союзъ или отъ самахъ—радовался семахотъ— плачъ и трауръ по усопшемъ. Слово когенъ—священникъ по г. Цуйманову означаетъ настоятель (вѣроятно, предстоятель), между тѣмъ соотвѣтствующій глаголъ ничего не даетъ для такого толкованія, являясь скорѣе самъ, какъ denomina-

tivum. Иногда, толкуя происхожденіе словъ, г. Цуймановъ упускаетъ изъ виду, что еврейское письмо бѣдно въ знакахъ, въ противоположность вѣроятному богатому звуковому составу еврейскаго языка, почему разнозвучавшія слова одинаково записаны, такъ и интересующій его при рѣчи о жертвѣ за грѣхъ глаголъ мааль—вѣроломно поступать и существительное меиль—верхняя одежда, несмотря на тождественное начертаніе въ согласныхъ, могутъ быть различными въ произношеніи и отсюда не однокоренными. Слово каведъ—печень, вполнѣ возможно, не деривація корня каведъ, что заставило бы смотрѣть на нее, какъ на самую тяжелую по ткани часть животнаго организма, наиболѣе компактное образованіе (ср. корень каваръ, кавадръ, *ανηρ ανδρος*). Производство слова дамъ—кровь отъ корня думъ—молчать, какъ обозначенія движенія, совершающагося беззвучно, въ отличіе отъ сонорнаго дыханія, т. е. органическаго движенія воздуха, требовало бы бо́льшаго обоснованія по своей глубокой оригинальности. Слово бегема по нашему автору обозначаетъ животное, находящееся при человѣкѣ (одомашненное), но тогда какъ же plural. этого слова въ Іова 40, 15 обозначаетъ чудовище; скорѣе бегема—просто животное, живущее стадами въ отличіе отъ большинства хищныхъ звѣрей, встрѣчающихся въ одиночку.

Въ третьихъ желателенъ былъ бы систематическій лексиконъ разобранныхъ ритуальныхъ отдѣловъ кн. Левитъ, устанавливавшій бы жертвенную терминологію. Здѣсь требовались бы данныя изъ психологіи культа, наприм. высоко интересно выясненіе семасіологіи слова кипперъ и его деривацій каппара̀ (особенно управленіе предлогомъ аль), чѣмъ полагалось бы прочное лингвистическое основаніе для трактаціи вопроса о спасительномъ значеніи ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній, равно хорошо было бы сдѣлать поясненіе смысла жертвоприношенія на основѣ корня каравъ, отмѣчающаго въ гифильной деривации начальный актъ ветхозавѣтнаго жертвоприношенія, завершающагося кропленіемъ (аппликаціей) крови. На такія семасіологическія справки наталкивался нашъ авторъ, когда наприм. встрѣчалъ піэльную деривацію глагола хата грѣшить—гехита въ смыслѣ не указанія на сообщеніе грѣха, но наоборотъ пріобщенія къ святости, очищенію, почему деривація хататъ означаетъ

грѣхъ, а также жертву за грѣхъ, источникъ очищенія, или когда въ Лев. 19, 20 слово нехерефетъ получаетъ смыслъ обрученной, а не опозоренной, какъ обычно.

Въ четвертыхъ замѣчаются по мѣстамъ археологическія неточности. Такъ сложеніе кусковъ жертвеннаго мяса до вида цѣльнаго животнаго для еврейскаго всесожженія въ текстѣ Библіи не доказано. По г. Цуйманову вечернее всесожженіе горѣло всю ночь, а утреннее весь день, но могло ли это быть, если утромъ и вечеромъ приносилось по агнцу, а о какомъ-либо чудесномъ дѣйствіи въ Библіи не сказано, талмудъ говоритъ только о томъ, что дождь не тушилъ никогда огня на жертвенникѣ (Пиркэ Авотъ 5, 5). Выраженіе „тамидъ“ о всесожженіи, т. е. жертва постоянная, относится не къ тому, что оно безпрерывно горѣло, но къ регулярной повторяемости всесожженія дважды каждый день. Нѣтъ у г. Цуйманова разъясненія выраженія леашматъ гаамъ при рѣчи о жертвѣ за грѣхъ, какимъ образомъ грѣхи первосвященника дѣлали отвѣтственнымъ народъ. О требованіи непорочности отъ животныхъ, предлагаемыхъ въ жертву, сказано слишкомъ обще, такъ наприм. для жертвы усердія можно было приносить и тельца и агнца съ членами несоразмѣрно длинными или короткими (Лев. 22, 23). При изложеніи послѣдовательности жертвоприношенія кропленіе (зерика) изложено смѣшанно съ закланіемъ (шехита), а воскуренію не дано точнаго ритуальнаго опредѣленія. При рѣчи о сехитѣ — возложеніи жертвователемъ рукъ на животное сказано, что этотъ актъ символизируетъ передачу грѣховъ, тогда какъ скорѣе онъ указываетъ на отожествленіе жертвователя съ жертвеннымъ животнымъ, передачу индивидуальности, почему и смерть животнаго является, какъ mors vicaria, образомъ смерти грѣшника. Таковъ мессіанизмъ жертвоприношенія.

Но наряду съ указанными недостатками сочиненіе г. Цуйманова имѣетъ и крупныя достоинства: оно безспорно свидѣтельствуетъ о способности автора къ самостоятельной работѣ надъ ветхозавѣтнымъ священнымъ текстомъ, къ должной оцѣнкѣ микрологическихъ грамматико-стилистическихъ изысканій, а поэтому, какъ годичная курсовая работа, вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія его автора кандидатскою степенью и отмѣтки полнымъ балломъ“.

б) Доцента *іеромонаха Варѳоломея* (*Ремова*):

„Очень небольшая работа студента Цуйманова обнаруживаетъ въ авторѣ большого любителя оригинальнаго языка ветхозавѣтной Библіи; съ этой стороны онъ достоинъ похвалы, похвалы за то, что трудился надъ тѣмъ, что обычно у насъ въ пренебреженіи. Наши русскіе изслѣдователи очень мало занимаются черновой работой, предпочитая ей болѣе идейную. И конечно бѣдность, недостаточность въ удовлетвореніи потребностей въ научной литературѣ вынуждаетъ браться за работы общаго характера, за работы идеологическія... Какъ бы то ни было, но все-таки рѣдкость большая, что г. Цуймановъ, вопреки общимъ вкусамъ, занялся черновой работой, — грамматическимъ разборомъ интересовавшихъ его мѣстъ книги Левитъ и извлеченіемъ изъ нихъ археологическаго матеріала. Привѣтствуемъ трудъ г. Цуйманова и позволяемъ себѣ выразить пожеланіе, чтобы подобнаго рода работы стали обычнымъ явленіемъ у занимающихся ветхозавѣтной библіей. Конечно, цѣлью всякихъ нашихъ работъ по изученію Писанія должно быть постиженіе, усвоеніе въ возможную мѣру его духа. Но если слова Писанія духоносны, то ничего не можетъ быть цѣннѣе и полезнѣе, лучше для насъ, какъ съ благоговѣніемъ тщательно изучать букву Писанія, его святыя слова!..

Г. Цуймановъ взятую имъ на себя работу выполнялъ старательно и съ усердіемъ. Жаль только, что авторъ недостаточно углубился въ предметъ своей работы. Несомнѣнно его извиняетъ то обстоятельство, что онъ—начинающій работникъ и при томъ на мало воздѣланной почвѣ. Но отсюда съ необходимостью слѣдуетъ только то, что ошибокъ и промаховъ г. Цуйманова нѣтъ основаній ставить ему въ большой минусъ. Г. Цуймановъ, нужно надѣяться, не оставитъ своихъ работъ надъ ветхозавѣтной библіею; дай Богъ, чтобы его будущія работы шли съ большей основательностью и проникновеніемъ. Вполнѣ присоединяясь къ сдѣланнымъ первымъ рецензентомъ замѣчаніямъ, мы выскажемъ съ своей стороны только нѣсколько сужденій методологическаго характера о недостаткахъ въ изслѣдованіи г. Цуйманова. Авторъ пишетъ ученую работу, въ благородномъ исканіи первой ученой степени онъ занимается *грамматическимъ разбо-*

ромъ нужныхъ ему мѣстъ изъ книги Левитъ. Понятно, что продѣлывать свою работу more seminarico не зачѣмъ. А нашъ авторъ дѣлаетъ именно такъ: въ его разборѣ очень много элементарнаго матеріала, много элементарныхъ частностей и этотъ матеріалъ слишкомъ элементарно и немудро изслѣдуется. Есть много интереснаго хотя бы въ еврейскихъ предлогахъ, этихъ существительныхъ, *именахъ* по природѣ (вѣдь всѣ слова еврейскаго языка—имена), а между тѣмъ г. Цуймановъ даетъ о предлогахъ очень маленькія и невыразительныя справки (напр. на стр. 2, 11). Мы утверждаемъ, что г. Цуймановъ могъ бы найти для себя много важнаго и полезнаго, онъ могъ бы при немного большемъ проникновеніи почерпнуть очень много интереснаго въ „жизни словъ“: вѣдь „слова—хамелеоны, они живутъ спѣша; у нихъ свои законы, особая душа. Они спѣшатъ мѣняться, являя всѣ цвѣта; поблекнутъ, обновятся, и въ томъ ихъ красота“. Тѣмъ болѣе автору слѣдовало обратить вниманіе на то, чтобы его грамматика была не элементарной, что вѣдь отъ него требовалось дать разборъ, именно грамматико-археологическій, т. е. изъ изслѣдованія текста такъ или иначе сдѣлать выводы, опредѣляющіе порядокъ жертвъ и очищеній. Авторъ какъ будто дѣлаетъ это: каждый разобранный имъ отдѣлъ онъ сопровождаетъ небольшимъ очеркомъ регламентированнаго въ немъ жертвоприношенія. Повидимому, г. Цуймановъ этотъ очеркъ ставитъ въ связь съ своимъ элементарно-грамматическимъ разборомъ текста. Но это и есть только повидимому. Прежде всего въ разборѣ текста, право, нѣтъ ничего археологическаго, никакихъ археологическихъ данныхъ для сужденія о жертвоприношеніяхъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ. А въ сопровождающихъ разборъ очеркахъ не чувствуется связи съ этимъ разборомъ: просто даны очерки жертвоприношеній, какъ они даются въ курсахъ библейской археологіи. Нѣтъ здѣсь посредствующаго звена, нѣтъ подлинно археологическаго разбора, и читателю непонятно соединеніе въ одной главѣ сочиненія г. Цуймановa двухъ разныхъ ничѣмъ не связанныхъ отдѣловъ. Не хватаетъ подлинно грамматическаго анализа текста, не показаны результаты его для опредѣленія установленій о жертвахъ и очищеніяхъ. Хотѣлось бы изложенія документальнаго и конкретнаго и опредѣленій опредѣленныхъ и твердыхъ. Хотѣ-

лось бы въ самомъ разборѣ болѣе солидной внѣшности изложенія, болѣе глубокихъ экскурсовъ (см. напр. стр. 2, 8, 13, 15, 20, 48, 58, 62, 80).

При всѣхъ недостаткахъ своихъ работа г. Цуйманова производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Очень отрадно видѣть въ сочиненіи г. Цуйманова явныя на каждой страницѣ его серьезность и дѣловитость. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, сочиненіе г. Цуйманова носитъ на себѣ печать его любви къ еврейскому языку и постоянныхъ занятій еврейской Библіею. Г. Цуймановъ за время академическаго курса укрѣпился въ симпатіяхъ и интересѣ къ этой важной отрасли академической науки. Признаемъ г. Цуйманова достойнымъ степени кандидата богословія".

49) О сочиненіи студента *Четыркина Ивана* на тему: „Славянская идея въ русской литературѣ XIX вѣка".

а) Экстраординарнаго профессора *Н. Л. Туницкаго*:

„Авторъ понялъ свою тему весьма широко. „Славянская идея" для него, какъ она проявилась въ русской литературѣ, это—„интересъ и симпатіи къ славянскимъ народамъ" (стр. 4). Но интересы и симпатіи могутъ быть различными, и авторъ совершенно справедливо на первой же страницѣ своего сочиненія говоритъ о томъ разнообразномъ содержаніи, съ которымъ являлась эта идея на русской почвѣ: „То подъ ней разумѣютъ наши всегдашнія, часто безотчетныя, племенныя влеченія къ зарубежному славянству. То она отождествляется съ чисто научными изслѣдованіями въ области славянской археологіи, этнографіи, филологіи. То славянскую идею понимаютъ въ смыслѣ осуществленія оригинальной культуры. То, наконецъ, эта идея, выросшая въ такъ называемый славянскій вопросъ, является исключительно политическимъ факторомъ и принимается какъ созданіе внѣшняго крѣпкаго всеславянскаго союза". Все это разнообразное содержаніе „славянской идеи", въ большей или меньшей степени, вошло въ кругъ интересовъ автора. Поэтому мы вправѣ были бы ожидать отъ него болѣе точнаго и выразительнаго опредѣленія „славянской идеи", чѣмъ простое указаніе на „интересъ и симпатіи" къ славянскимъ народамъ. Предварительное исчерпывающее выясненіе этого понятія

въ той широтѣ, въ какой принялъ его авторъ, не только опредѣлило бы собою напередъ постановку всего вопроса въ сочиненіи, но и дало бы читателю нити для того, чтобы ему легче было оріентироваться во всемъ разнообразіи разсматриваемыхъ въ сочиненіи фактовъ и въ ихъ освѣщеніи.

Широко понятой „славянской идеѣ“ отвѣчаетъ въ сочиненіи и широко взятое понятіе „русской литературы“. Авторъ имѣетъ дѣло съ проявленіями разнообразныхъ интересовъ и симпатій къ славянскому міру не только въ изящной литературѣ, но и въ публицистикѣ, въ программахъ и дѣятельности различныхъ обществъ и кружковъ, въ научной славистикѣ, даже въ „дѣловыхъ бумагахъ“ и живыхъ отношеніяхъ. Этого расширенія рамокъ изслѣдованія, съ принципіальной точки зрѣнія, по нашему мнѣнію, нельзя вмѣнять автору въ вину. Наоборотъ, оно заслуживаетъ одобренія, какъ пріемъ, подсказываемый неразрывной связью всей русской литературы новаго времени съ публицистикой, дѣятельностью различныхъ кружковъ и обществъ, направленіями общественной и научной мысли. Проявленія славянской идеи въ русской изящной литературѣ совершенно неотдѣлимы отъ славянскихъ интересовъ въ публицистикѣ, въ дѣятельности обществъ и кружковъ, наконецъ, въ научномъ славяновѣдѣніи. И если авторъ съ излишней подробностью останавливается на исторіи обществъ, ставившихъ себѣ цѣлью, между прочимъ, сближеніе различныхъ славянскихъ народовъ, или съ очевидной легковѣсностью говоритъ о движеніяхъ въ научномъ славяновѣдѣніи, то эти отрицательныя свойства сочиненія слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ недостатка познаній автора въ областяхъ, соприкасающихся съ его темой, а также отъ неумѣреннаго пользованія осложненнымъ историко-литературнымъ методомъ, но отнюдь не отъ самаго метода, по существу правильнаго и умѣстнаго въ сочиненіи.

Все сочиненіе состоитъ изъ шести главъ съ „предисловіемъ“ и „послѣсловіемъ“ (всего 446 стрр., въ 1/4 л.). *Первая глава* имѣетъ своимъ предметомъ „исторію славянской идеи до XIX вѣка“; *вторая*—„начальные годы XIX вѣка и первое серьезное проявленіе въ русской литературѣ славянской идеи“; *третья*—„панславистскія тенденціи въ русскихъ тайныхъ обществахъ“; *четвертая*—„славянскую идею въ 30—

50-хъ годахъ"; *пятая*—„славянофильство, его представителей и противниковъ"; *шестая*—„славянскую идею въ 60—90-хъ годахъ и научное славяновѣдѣніе": *послѣсловіе* подводитъ итоги всему сказанному.

Не всѣ перечисленные отдѣлы сочиненія разработаны съ одинаковой тщательностью и успѣшностью. Ниже другихъ должна быть поставлена первая глава, хотя и являющаяся до нѣкоторой степени сверхдолжной заслугой автора, однако страдающая случайностью собраннаго матеріала и спорностью сужденій. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ пособій авторъ въ этой главѣ, между прочимъ, проводитъ мысль, что въ древней Руси южныхъ славянъ знали преимущественно какъ единовѣрцевъ и почти не знали какъ единоплеменниковъ. Съ этой мыслью можно не соглашаться. Уже начальная русская лѣтопись, свидѣтельство которой о славянахъ не совсѣмъ удачно использовано авторомъ (стр. 8—9), различаетъ единовѣрныхъ грековъ отъ единовѣрныхъ и соплеменныхъ русскимъ славянъ. Въ другихъ памятникахъ можно было бы найти слѣды опредѣленнаго отношенія русскихъ къ болгарамъ и сербамъ, какъ къ родственнымъ народамъ. Послѣдующія главы сочиненія разработаны весьма успѣшно. Но и въ нихъ можно отмѣтить нѣкоторыя погрѣшности, спорныя положенія и такое освѣщеніе фактовъ, съ которымъ можно не соглашаться. Такъ, во 2-ой главѣ, намъ кажется, переоцѣнено значеніе Шишкова въ исторіи „славянскаго вопроса" (стр. 102—107): его интересовалъ больше церковнославянскій языкъ, чѣмъ живыя отношенія къ славянамъ. Въ 3-ьей главѣ, говоря о панславистскихъ тенденціяхъ въ обществѣ „соединенныхъ славянъ" и въ другихъ обществахъ, авторъ долженъ былъ бы выяснить условный характеръ этого панславизма, который наполовину порождался, кажется, болѣзненнымъ патріотизмомъ поляковъ и имѣлъ очень мало отношенія къ южнымъ славянамъ. Въ 5-ой гл. находимъ ошибочное утвержденіе, что у славянофиловъ совершенно отсутствовалъ элементъ политическій, хотя при этомъ авторъ и ссылается на К. Д. Кавелина (стр. 306). Едва ли также кто согласится съ авторомъ, что наименованіе славянофильства „почти вовсе не имѣло ничего общаго съ славянской идеей" (стр. 312). Неточно авторъ называетъ Брюкнера „нѣмецкимъ профессоромъ" (стр. 313); Брюкнеръ—онѣ-

меченный полякъ. Въ 6-ой гл. на стр. 430 читаемъ: „...Дриновъ М. С., профессоръ-болгаринъ Харьков. у—та, только недавно умершій (въ концѣ прошлаго года)". Но Дриновъ скончался 28 февраля 1906 года. Эта ошибка является слѣдствіемъ простого недоразумѣнія. Наконецъ, нельзя не выразить сожалѣнія, что авторъ, такъ тщательно въ разныхъ главахъ отмѣтившій стихотворенія русскихъ поэтовъ съ славянскими мотивами, оставилъ безъ вниманія и даже не привелъ въ извѣстность тѣхъ стихотвореній различныхъ славянскихъ поэтовъ, которыя были въ разное время переведены на русскій языкъ.

Всѣ указанные,—и подобные имъ неуказанные,—пробѣлы, недосмотры, и погрѣшности не мѣшаютъ, однако, намъ признать разсматриваемое сочиненіе хорошей студенческой работой. Прежде всего надобно признать большой заслугой автора то, что онъ, при отсутствіи цѣльныхъ и серьезныхъ работъ на предложенную ему тему, самостоятельно собралъ обильный и разнообразный матеріалъ изъ многочисленныхъ источниковъ. Ему приходилось прокладывать себѣ дорогу собственными усиліями, перечитывать очень много произведеній русскихъ писателей, изслѣдованій, воспоминаній, журнальныхъ статей. Собранный такимъ образомъ матеріалъ разработанъ и систематизированъ съ примѣненіемъ надлежащаго метода, достаточно полно и цѣлесообразно. Тонъ сочиненія, какъ работы историческаго характера,—вполнѣ объективный, не переходящій ни въ восторженное, ни въ пренебрежительное отношеніе къ различнымъ варіаціямъ славянской идеи. Изложеніе—хорошее, литературное. Вообще сочиненіе свидѣтельствуетъ о достаточномъ умѣніи автора обращаться съ перомъ. Оно даетъ автору полное право на полученіе искомой степени".

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева:*

„Г. Четыркинъ пытается въ своемъ сочиненіи прослѣдить судьбу славянской идеи не только въ русской литературѣ и не только въ XIX столѣтіи. Первая глава его сочиненія посвящена исторіи славянской идеи *до* XIX в. Въ послѣдующихъ II—VI главахъ онъ говоритъ о судьбахъ славянской идеи въ русской политикѣ—объ отношеніи къ этой идеѣ императоровъ Александра I и Николая I, говоритъ о пан-

славистскихъ тенденціяхъ въ тайныхъ обществахъ, о славянофилахъ и западникахъ, о возникновеніи и развитіи научнаго славяновѣдѣнія. Литература, съ которою мы соединяемъ представленіе о поэзіи и поэтахъ въ широкомъ смыслѣ, отступаетъ у него нѣсколько на задній планъ, хотя и ей онъ отводитъ значительное мѣсто.

Такое расширеніе темы, разумѣется, должно было сказаться нѣкоторымъ ущербомъ на изслѣдованіи отдѣльныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ темы.

У русскихъ поэтовъ авторъ могъ бы найти больше, чѣмъ онъ нашелъ. Г. Четыркинъ заявляетъ, что ему „приходилось иногда просматривать всего поэта или писателя, а потомъ откладывать его въ сторону за неимѣніемъ славянскаго элемента“ (стр. 442). Въ числѣ этихъ отложенныхъ оказались Гоголь и Тургеневъ. Авторъ очевидно имѣлъ мало времени для размышленія надъ произведеніями этихъ писателей. Развѣ Тарасъ Бульба и нѣкоторые маленькіе отрывки у Гоголя не касаются взаимоотношенія различныхъ славянскихъ племенъ (малоросовъ, поляковъ) и не даютъ матеріала для сужденія о нихъ? Затѣмъ, развѣ разсужденія Потугина въ „Дымѣ“ Тургенева не направляются противъ славянской самооцѣнки, нѣкоторыя „стихотворенія въ прозѣ“ (русскій языкъ), идеализація Инсарова въ „Наканунѣ“, развѣ все это не имѣетъ отношенія къ славянской идеѣ?

Въ своемъ разсужденіи о славянофилахъ авторъ близко подошелъ къ вліянію на славянофиловъ идеалистической философіи. „Только въ Россіи словенскій духъ дошелъ до самосознанія“ (стр. 368). Этотъ славянофильскій тезисъ долженъ быть комментированъ гегелевскою философіею. Но авторъ не имѣлъ времени обратиться къ ознакомленію съ нѣмецкимъ идеализмомъ.

Не ознакомился достаточно авторъ и съ литературою по славяновѣдѣнію. Онъ даетъ указанія трудовъ славистовъ, но указанія его случайны и отрывочны. Кочубинскій, Ор. Миллеръ и др. (стр. 430) дали гораздо больше, чѣмъ сколько онъ имъ приписываетъ, положимъ оговариваясь „намъ извѣстны“ такіе то труды, но могло бы быть автору извѣстно и побольше.

Широкое пониманіе темы обусловило собою и то, что авторъ далеко несамостоятеленъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда.

Но это широкое пониманіе имѣло и благую сторону. Авторъ прочиталъ много и о многомъ. Много онъ узналъ, и его духовный горизонтъ несомнѣнно значительно расширился вслѣдствіе его работы надъ своимъ сочиненіемъ.

Пишетъ онъ литературно, разсуждаетъ въ общемъ основательно.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно".

50) О сочиненіи студента *Ярещенко Александра* на тему: „Цѣнность жизни по сужденію разума и по ученію Откровенія".

а) Ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева*:

„Сочиненіе начинается вступительными замѣчаніями о значеніи проблемы цѣнности въ „наше время". Затѣмъ, въ „обзорѣ существующихъ рѣшеній вопроса о цѣнности жизни", предлагается изложеніе и критика теорій пессимизма и оптимизма (по статьѣ Грота). Въ отдѣлѣ „Смыслъ жизни" идутъ сужденія о „саморазумѣніи", какъ смыслѣ жизни (терминъ и содержаніе заимствуются изъ книги П. Бакунина *Основы вѣры и знанія*), и объ утвержденіи жизни, повышеніи ея интенсивности, какъ цѣли жизни (по Гюйо). Это—центральная глава изслѣдованія. Основная мысль ея—въ первой половинѣ—та, что вопросъ о смыслѣ жизни есть вопросъ о ея онтологической подлинности, о ея истинности, а истинная сторона человѣческой жизни открывается не въ ея видимомъ обнаруженіи, а въ разумномъ самосознаніи, причемъ сознаніе, чтобы не быть пустымъ отраженіемъ мимолетныхъ впечатлѣній, должно напитываться духовною сущностью, т. е. быть „сознаніемъ связи человѣка съ жизнью въ ея цѣломъ". „Чтобы осмыслить свою жизнь — пишетъ г. Ярещенко на стр. 70—80,—человѣкъ долженъ стать истиннымъ человѣкомъ, а истиннымъ человѣкомъ онъ будетъ только тогда, когда познаетъ свою духовную сущность... Духовная сущность открывается человѣку въ его разумномъ сознаніи. Углубляясь въ себя, познавая себя, свѣряясь съ своимъ разумнымъ сознаніемъ, человѣкъ узнаетъ, что онъ не простой организмъ природы, не безсознательный механизмъ, а духовно-разумное существо, обладающее высшей, самостоя-

тельной, духовной сущностью, которая стоитъ выше его логическаго разума и одна только и дѣлаетъ его свободно-разумнымъ существомъ, самосознающей личностью. Прислушиваясь къ голосу своего разумнаго сознанія, человѣкъ познаетъ высшіе законы, по которымъ онъ долженъ жить, какъ духовно-разумная личность". Мысли автора не достигли полной ясности, но очевидна въ нихъ нѣкоторая глубина религіозно-мистическаго взгляда на личность. Равнымъ образомъ и во второй половинѣ отдѣла авторъ сумѣлъ подняться съ біологической почвы, на которую онъ неосмотрительно выступаетъ вслѣдъ за Гюйо, на высоту религіи и духа. „(Стр. 121). Такъ какъ человѣкъ живетъ не только физической, а еще и главнымъ образомъ жизнью духовно-разумной, то, само собою разумѣется, что (?) на его обязанности лежитъ утвержденіе не только физической жизни, но и духовно-разумной, и этой послѣдней въ особенности, потому что только благодаря ей человѣкъ и есть человѣкъ" и т д. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ „Цѣнность жизни" (стр. 142—232) идетъ рѣчь о цѣнностяхъ въ жизни—о трудѣ, любви, красотѣ, искусствѣ, истинѣ, свободѣ, которая (стр. 217) „является первымъ и послѣднимъ основнымъ и самымъ цѣннымъ изъ того, чѣмъ можетъ человѣкъ обладать въ своей жизни и что можетъ сдѣлать жизнь человѣческую осмысленной и цѣнной". На каждую изъ этихъ разнообразныхъ темъ авторъ отозвался красивыми и вдумчивыми страницами. Послѣдній отдѣлъ „Цѣнность жизни по ученію Откровенія" составляетъ вторую часть. Въ то время, какъ всѣ разсмотрѣнные отдѣлы, объединяемые въ первую часть, раскрываютъ цѣнность жизни съ точки зрѣнія разума, во второй части излагаются данныя Откровенія, и переходъ къ новой точкѣ зрѣнія достаточно мотивируется въ началѣ отдѣла. „И цѣль, и смыслъ, и цѣнность жизни, открытыя путемъ разума, никогда не могутъ имѣть для человѣка безусловнаго и абсолютнаго значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не познаетъ свою духовную сущность, какъ самобытную и самостоятельную сущность, не зависимую отъ внѣшняго окружающаго міра, получающую свое бытіе отъ Бога. Только признавъ за своей духовной природой самобытное и самостоятельное существованіе, ведущее начало отъ Высшей (,) Абсолютной (,) Духовной Сущности Бога, человѣкъ можетъ познать жизнь

абсолютнымъ смысломъ и оцѣнить ее, какъ абсолютную цѣнность. Сдѣлать это личнымъ своимъ разумомъ человѣкъ не въ состояніи; онъ можетъ только увѣровать въ это". Въ содержаніи этого отдѣла авторъ весьма близокъ къ наличной богословской литературѣ.

Въ общемъ, рецензируемая работа, довольно обширная (246 стр.), не есть раскрытіе какой-либо одной идеи, но это мысли по разнымъ вопросамъ, изложенныя съ нѣкоторою отрывочностью, даже, не во всемъ согласованныя между собою. Нельзя сказать, чтобы теорія „саморазумѣнія" и теорія „утвержденія и интенсификаціи жизни" гармонировали между собою; свобода понимается то мистически, то въ смыслѣ „сознанной необходимости". Тѣмъ не менѣе работѣ нельзя отказать въ крупныхъ достоинствахъ. Разнообразіе затронутыхъ въ ней предметовъ не помѣшало автору о каждомъ изъ нихъ сказать что-нибудь значительное. По всему видно, что авторъ работалъ съ увлеченіемъ. Степени кандидата богословія авторъ достоинъ".

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева:*

„Предъ вступленіемъ въ самостоятельную жизнь г. Ярещенко посвятилъ годъ обсужденію вопроса о смыслѣ и цѣнности жизни. Онъ отнесся къ дѣлу изслѣдованія этого вопроса внимательно и серьезно и далъ хотя небольшое (около 100 страницъ шрифта Богословскаго Вѣстника), но толковое и обстоятельное изслѣдованіе.

Разумѣется, ему пришлось трактовать вопросъ, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета, онъ знакомился съ вопросомъ преимущественно по изложеніямъ, а не по первоисточникамъ и подвергъ разсмотрѣнію далеко не всѣ типическія формы его рѣшенія. Онъ схематизировалъ и упростилъ современное состояніе вопроса.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ допустилъ сомнительныя, а порою и прямо невѣрныя утвержденія.

Въ своей вступительной главѣ онъ восхищается культурными завоеваніями современнаго человѣчества, его побѣдами надъ пространствомъ и временемъ. Но всѣ эти побѣды — до тѣхъ поръ побѣды, пока мы современнаго человѣка оцѣниваемъ черезъ сравненіе съ человѣчествомъ прошлыхъ вѣ-

ковъ. А если взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія заданій—намѣченныхъ для рѣшенія вопросовъ, то окажется, что дѣло обстоитъ далеко не блестяще. Человѣкъ не можетъ подняться выше 10 верстъ надъ землею и не можетъ опуститься глубже одной версты подъ земную поверхность. Не изобрѣтены приборы, чтобы видѣть закрытое, наприм., внутренности живого организма (рентгеновскіе лучи—первый, робкій шагъ къ этому), не удлиннена жизнь. Гдѣ же здѣсь побѣды надъ пространствомъ и временемъ?

Противопоставляя культурнымъ побѣдамъ неудовлетворенность человѣчества, авторъ представляетъ, что вопросъ о смыслѣ этихъ побѣдъ, какъ и о смыслѣ жизни, поставилъ разумъ. Конечно, вопросы ставитъ разумъ, но данный вопросъ подсказанъ разуму чувствомъ неудовлетворенности и страданія. Въ раю, пожалуй, этого вопроса разумъ бы и не поднялъ.

На 35 стр. авторъ говоритъ, что наше мышленіе „можетъ представить себѣ несуществованіе той или иной вещи". Выраженіе неудобное: несуществованія *представить* нельзя.

При разсужденіи о счастьи (см. особенно 97 стр.) авторъ потребность счастья ставитъ рядомъ съ другими потребностями. Но на самомъ дѣлѣ, какъ это въ сущности раскрывается и въ работѣ г. Ярещенко, потребность счастья есть сумма всѣхъ нашихъ потребностей.

На 143—144 стр. г. Ярещенко надѣется, что Мечниковъ нанесетъ рѣшительный ударъ пессимизму, открывъ условія для гармоничнаго развитія силъ и безболѣзненной старости человѣка. Напрасная надежда. Во 1) Мечниковъ этихъ условій не откроетъ; во 2) если ихъ кто-нибудь и откроетъ, то на самомъ дѣлѣ останутся и душевныя страданія, и страхъ смерти, и дряхлость, дѣлающая съ точки зрѣнія самого Мечникова существованіе человѣка безсмысленнымъ.

На 145 стр. нашъ авторъ въ самоубійствахъ видитъ побѣду естественнаго разума надъ инстинктомъ жизни. Думается, что это—не такъ. Провалился человѣкъ на экзаменахъ и кончаетъ самоубійствомъ. Здѣсь уже причина самоубійства лежитъ въ недостаткѣ разума и познанія. А потомъ? Разумъ во многихъ случаяхъ могъ бы выяснить страдающимъ людямъ, что страданія ихъ пройдутъ и что счастье возможно для нихъ, какъ и для другихъ. Кончаютъ само-

убійствомъ, не умѣя перенести страданій и ужасовъ момента, а разумъ—и очень даже немудреный—давно формулировалъ: „все образуется“, „перемелется, все мука будетъ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грамматика и выраженія автора вызываютъ недоумѣнія.

На 134 стр. въ примѣчаніи—„*въ полнѣ*“.

На 161 стр. „Это не трудъ поденщика, изголодавшагося о вкусномъ обѣдѣ, не тяжкая карма верблюда“... Что это за выраженіе и что это за индійская *карма* верблюда?

На 235 стр. „Сотворивъ міръ невидимый, неорганическій и міръ видимый органическій.... Богъ“... Нельзя понять: неорганическій міръ есть ли міръ видимый или невидимый?

Но въ общемъ изложеніе автора ясно и стиль у него легкій, литературный, даже нѣсколько поэтичный.

Въ своихъ разсужденіяхъ, конечно не исключительно благодаря своимъ силамъ, а благодаря хорошему руководству, онъ вообще стоитъ на правильномъ пути.

Итогомъ его изслѣдованія является обращенный къ человѣчеству призывъ жить для славы Божіей. Остается пожелать, чтобы самъ авторъ—только что вступающій въ жизнь—послѣдовалъ этому призыву.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій §§ 164—168 и 171.—2) Опредѣленіе Святѣйшаго Синода, *отъ 8—20 января 1911 года за № 93.*—3) Циркулярный указъ Святѣйшаго Синода *отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3.*—4) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи казеннымъ содержаніемъ ни въ Академіи, ни въ Семинаріи не пользовались: *Величкинъ* Алексѣй, *іеромонахъ Сергій* (Дабичъ), *Добровъ* Георгій, *Дьяковъ* Святославъ, *Кронтовскій* Николай, *Лебедевъ* Александръ, *Лилеевъ* Константинъ и *Тихомировъ* Константинъ.—Всѣ они заявили Совѣту о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству.—5) По *§ 109*, лит. *б.* п. 8, академическаго устава „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата богословія (§§ 165 и 166)“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

1) Плотникова Александра,
Соколова Михаила (Моск.),
Іеромонаха Герасима (Садковскаго),
Подлуцкаго Ивана,
5) Струмѣнскаго Михаила,
Виноградова Николая,
Попова Тихона,
Смоленскаго Алексѣя,
Волкова Бориса,
10) Лебедева Николая,
Ярещенко Александра,
Іеромонаха Сергія (Дабича),
Козырева Сергѣя,
Орлова Василія,
15) Іеромонаха Нектарія (Иванова),
Лобова Гавріила,
Оглоблина Аркадія,
18) Паргачевскаго Алексѣя—

удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ къ *первому* разряду и предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній:

Лебедева Александра,
20) Дьякова Святослава,
Синева Николая,
Цуйманова Александра,
Соболева Василія,
Голобородько Михаила,
25) Устинова Павла,
Свящ. Скворцова Константина,
Сергіевскаго Николая,
Глаголева Николая,
Соколова Михаила (Вив.),
30) Бѣляева Тихона,
Вознесенскаго Александра,
Іеромонаха Максима (Руберовскаго),
Василевскаго Ивана,
Доброва Георгія,

35) Четыркина Ивана,
Іеромонаха Іоанна (Маргіева),
Пятикрестовскаго Сергѣя,
Нечаева Тихона,
Свящ. Крылова Димитрія,
40) Свящ. Кузнецова Павла,
Лилеева Константина,
Авраменко Михаила,
Лобанова Василія,
Введенскаго Пантелеимона,
45) Тихомірова Александра,
Зыкова Вячеслава,
Ключарева Василія,
Тихомирова Константина,
Свящ. Левковскаго Александра,
50) Величкина Алексѣя—

удостоить степени *кандидата богословія* съ причисленіемъ ко *второму* разряду;

Богоявленскаго Николая,
Залѣскаго Сергѣя,
Кронтовскаго Николая и
54) Ярошевича Евгенія—

удостоить званія *дѣйствительнаго студента*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ курсовыхъ сочиненій,—каковое постановленіе и представить на утвержденіе Его Преосвященства.

Въ случаѣ утвержденія Его Преосвященствомъ постановленія, изложеннаго въ п. 1-мъ,—

2) Препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ списокъ всѣхъ окончившихъ академическій курсъ воспитанниковъ съ требуемыми опредѣленіями Святѣйшаго Синода, отъ 3 марта—10 апрѣля 1892 года за № 590 и 8—20 января 1911 года за № 93, свѣдѣніями и отзывами о нихъ и съ приложеніемъ подлинныхъ заявленій 38 воспитанниковъ о томъ, какую группу наукъ преподавать и вообще на какую должность по духовно-учебному вѣдомству поступить они желали бы и въ какія епархіи.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата бого-

словія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента,— препроводить въ Учебный Комитетъ и всѣ документы означенныхъ воспитанниковъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои будутъ оставлены при Академіи въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ.

4) Студенту *Берникову* Сергѣю, въ виду болѣзненнаго его состоянія, разрѣшить сдать устныя испытанія по предметамъ IV курса, представить проповѣдь и курсовое сочиненіе— послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года,—послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи его академической степени или званія.

IV. а) Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Имѣю честь предложить Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ оставленіи при Академіи на годичный срокъ кого-либо изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ“.

б) Представленіе экстраординарнаго профессора Академіи (сверхъ штата) *Н. Л. Туницкаго*:

„Имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи обратить вниманіе на оканчивающаго въ этомъ году курсъ Академіи со степенью кандидата богословія *Михаила Струмѣнскаго*. Его кандидатское сочиненіе, написанное на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевской лаврѣ со времени ея основанія до XVII вѣка“ представляетъ собою весьма хорошее изслѣдованіе, которое въ усовершенствованномъ видѣ могло бы, съ большой пользой для науки, появиться въ печати. Троицкая лавра въ XIV—XVI вв. была однимъ изъ самыхъ видныхъ центровъ книжнаго дѣла и литературныхъ интересовъ въ Россіи; она служила часто передаточнымъ пунктомъ, черезъ который книжное движеніе того времени отъ южныхъ славянъ, изъ Константинополя и Аѳона распространялось по Россіи. Отсюда предложенная г. Струмѣнскому тема имѣетъ не только узкій, спеціальный интересъ, но и широкое историко-литературное значеніе. Г. Струмѣнскій въ теченіе года занимался съ большимъ успѣхомъ рукописями лаврскаго книгохранилища; ему удалось собрать всѣ приписки на рукописяхъ, дать палеографическое описаніе цѣлаго ряда рукописей, установить размѣры дѣя-

тельности многихъ писателей, трудившихся въ лаврѣ или вообще имѣвшихъ къ ней отношеніе. Для завершенія цѣннаго и полезнаго труда г. Струмѣнскаго ему въ слѣдующемъ году нужны такія условія жизни, которыя дѣлали бы для него возможнымъ болѣе или менѣе продолжительный доступъ къ рукописнымъ сокровищамъ, хранящимся въ лаврской и нашей, академической, библіотекахъ. Такія условія могли бы быть созданы для него стипендіатствомъ.

Въ виду изложеннаго беру на себя смѣлость покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ оставленіи г. Струмѣнскаго сверхштатнымъ стипендіатомъ съ содержаніемъ изъ Синодальныхъ суммъ въ положенномъ штатомъ размѣрѣ—700 рублей въ годъ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а) § 73:* „Совѣту Академіи предоставляется оставлять при Академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ Академіи кандидатовъ богословія для усовершенствованія въ избранной Совѣтомъ отрасли наукъ, въ частности и для приготовленія къ занятію преподавательской должности въ Академіи"; *б) § 75*: „Профессорскіе стипендіаты получаютъ содержаніе изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Св. Синода, въ установленномъ штатомъ размѣрѣ" (нынѣ, за 3%-мъ вычетомъ на пенсіи,—по 679 рублей въ годъ каждый).—2) По *§ 109*, лит. *б* п. 2, академическаго устава „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ и назначеніе имъ содержанія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) Оставить при Академіи на 1914—1915 учебный годъ, въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ, окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи, занявшихъ въ разрядномъ спискѣ 1-ое и 2-ое мѣста—*Александра Плотникова*—по каѳедрѣ исторіи Греко-восточной церкви и *Михаила Соколова (Моск.)*—по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей, съ производствомъ имъ, съ 16-го августа текущаго 1914 года, содержанія по 679 рублей въ годъ каждому,—о чемъ и представить на утвержденіе Его Преосвященства.

2) Признавая вышеизложенное представленіе экстраординарнаго профессора (сверхъ штата) Н. Л. Туницкаго заслуживающимъ уваженія, — просить ходатайства Его Преосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи оставить на 1914—1915 учебный годъ окончившаго нынѣ курсъ по первому разряду и занявшаго въ разрядномъ спискѣ 5-ое мѣсто кандидата *Михаила Струмѣнскаго* при Академіи, въ званіи *сверхштатнаго профессорскаго стипендіата* (по каѳедрѣ исторіи русской литературы), съ назначеніемъ на его содержаніе оклада въ положенномъ штатомъ академій размѣрѣ—679 р. въ годъ—изъ суммъ Святѣйшаго Синода.

V. Занимались составленіемъ *росписанія повѣрочныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1914 года для поступленія въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса.

Справка: По *§ 109*, лит. *б.* п. 7, устава духовныхъ академій „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи, а также опредѣленіе состава испытательныхъ коммиссій“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Проектъ росписанія повѣрочныхъ испытаній представить при журналѣ настоящаго собранія на утвержденіе Его Преосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московской епархіей: „1914 г. іюля 1. Утверждается“.

22 августа 1914 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—М. М. Тарѣевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры—

С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ; ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархіею, съ надписью: „1914 г. іюля 3. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 1 іюля за № 11087:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 277, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной Академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи *Александру Туберовскому* исполняющагося 16 Августа сего года срока для представленія магистерской диссертаціи, на одинъ годъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной академіи Александру Туберовскому срокъ для представленія магистерской диссертаціи на одинъ годъ, т. е. до 16 Августа 1915 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 28. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи"—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля за № 12290:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3 Іюля 1914 г. за № 299, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи,

священнику Іоанну Смирнову исполнившагося 14 Марта сего года срока для представленія магистерской диссертаціи, на одинъ годъ. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента названной академіи, священнику Іоанну Смирнову срокъ для представленія магистерской диссертаціи до 14 Марта 1915 года; о чемъ Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ".

Опредѣлили: Содержаніе указовъ Святѣйшаго Синода за №№ 11087 и 12290 объявить исправляющимъ должность доцента Академіи *А. М. Туберовскому и священнику І. М. Смирнову.*

II. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 4. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи" — указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 3 іюля за № 11151:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 279, съ ходатайствомъ о назначеніи профессорамъ Императорской Московской духовной академіи *Смирнову* и *Туницкому*, командируемымъ *въ г. Псковъ на XVI Всероссійскій Археологическій Съѣздъ*, пособія на путевые расходы по означенной командировкѣ. Приказали: Выслушавъ настоящее ходатайство Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ, на основаніи бывшихъ сужденій, опредѣляетъ: назначить двумъ профессорамъ Императорской Московской духовной академіи Смирнову и Туницкому путевое пособіе по командировкѣ въ г. Псковъ на XVI Всероссійскій Археологическій съѣздъ, въ размѣрѣ по 75 руб. каждому, съ отнесеніемъ сего расхода, всего въ количествѣ ста пятидесяти рублей, на счетъ экстраординарнаго кредита по духовно - учебному капиталу; о чемъ Ваше Преосвященство увѣдомить указомъ".

б) Отношеніе Имперааторскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 30 іюля 1914 года:

„Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь сообщить, что, въ виду мобилизаціи и необхо-

димости занять всѣ учебныя заведенія Пскова ново-прибывающими войсками и запасными, Общество должно было, совмѣстно съ мѣстными властями, принять рѣшеніе *отложить XVI Всероссійскій Археологическій Съѣздъ*, назначенный къ созыву съ 22 Іюля по 6 Августа текущаго года, до болѣе благопріятнаго времени".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 8. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи" — указъ на имя его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 іюля за № 11314:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня 1914 г. за № 276, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ степени *доктора богословія* экстраординарнаго профессора сей академіи, магистра богословія *Димитрія Введенскаго*, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе „Патріархъ Іосифъ и Египетъ. (Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи)": и 2) отзывъ о семъ сочиненіи Члена Святѣйшаго Синода Преосвященнаго Финляндскаго, отъ 4 Іюля 1914 г. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финдляндскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить экстраординарнаго профессора Императорской Московской духовной академіи, магистра богословія, Димитрія Введенскаго въ степени доктора богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Патріархъ Іосифъ и Египетъ. (Опытъ соглашенія данныхъ Библіи и Египтологіи)". О чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. авг. 3. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 іюля за № 12602:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 11 Іюня сего года № 278, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи экстраординарнаго професора оной по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, *Димитрія Введенскаго* въ званіи *ординарнаго профессора*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить экстраординарнаго профессора названной академіи по каѳедрѣ библейской исторіи, въ связи съ исторіей древняго міра, Димитрія Введенскаго въ званіи ординарнаго профессора по занимаемой имъ каѳедрѣ, со времени утвержденія его Святѣйшимъ Синодомъ въ степени доктора богословія т. е. съ 4 Іюля сего года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Изготовить для профессора *Д. И. Введенскаго* установленный дипломъ на степень доктора богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи профессора Введенскаго въ степени доктора богословія и званіи ординарнаго профессора Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

IV. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. іюля 28. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи" — указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 24 іюля за № 12291:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3 Іюля 1914 г. № 300, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ званіи почетнаго члена сей академіи ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской духовной академіи *Николая Глубоковскаго*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Пре-

освященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить ординарнаго профессора Императорской С.-Петербургской духовной академіи Николая Глубоковскаго въ званіи почетнаго члена Императорской Московской духовной академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Изготовить для ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи *Н. Н. Глубоковскаго* установленный дипломъ на званіе Почетнаго Члена Академіи и просить его о принятіи сего званія.

V. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 года, Августа 1 дня. Послать въ Императорскую Московскую Духовную Академію и Московскую Духовную Семинарію"—циркулярный указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 26 іюля за № 15:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Управляющаго Московскою епархіею Преосвященнаго Дмитровскаго, отъ 3 Іюля 1914 г. № 301, по вопросу *о празднованіи исполняющагося 1 Октября сего 1914 года 100-лѣтняго юбилея Императорской Московской духовной академіи.* Приказали: Признавая нынѣ неблаговременнымъ торжественныя празднованія юбилеевъ духовно-учебныхъ заведеній и принимая во вниманіе, что нѣкоторымъ изъ сихъ заведеній уже разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ празднованіе ихъ юбилеевъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: увѣдомить циркулярными указами епархіальныхъ Преосвященныхъ, что празднованіе какъ разрѣшенныхъ Святѣйшимъ Синодомъ, такъ и предполагаемыхъ на мѣстахъ юбилеевъ духовно-учебныхъ заведеній *должно быть отложено* до болѣе благопріятнаго времени".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

VI. Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью „1914 г. авг. 6. Въ Совѣтъ Императорской Московской Дух. Академіи"—указъ на имя

Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 2 августа за № 12739:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Митрополита Московскаго, отъ 6 Іюня сего года № 244, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной по каѳедрѣ пастырскаго богословія *Василія Виноградова* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Уставныя Чтенія", и въ должности доцента академіи. Преосвященный Псковскій, разсматривавшій означенное сочиненіе, признаетъ автора его заслуживающимъ степени магистра богословія. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Преосвященнаго Митрополита Московскаго и отзыву Преосвященнаго Псковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ пастырскаго богословія Василія Виноградова въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе и въ должности доцента помянутой академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: 1) Изготовить для доцента Академіи *В. П. Виноградова* установленный дипломъ на степень магистра богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи *г. Виноградова* въ степени магистра богословія и должности доцента Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

VII. Препровожденный (въ копіи) Московскою Духовною Консисторіею, при отношеніи отъ 19 августа за № 18954, указъ изъ Святѣйшаго Синода на имя Преосвященнаго Димитрія, Епископа Можайскаго, временно управлявшаго Московскою епархіею, отъ 8 августа за № 13083:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по предположенію о назначеніи на вакантную должность настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Аѳинахъ окончив-

шаго курсъ Московской Духовной Академіи *іеромонаха Сергія (Дабича)*. Приказали: По бывшемъ сужденіи, имѣя въ виду, что со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ не имѣется препятствій къ таковому замѣщенію должности настоятеля Посольской церкви въ Аѳинахъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: на должность настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Аѳинахъ назначить окончившаго курсъ Императорской Московской Духовной Академіи, кандидата богословія, іеромонаха Сергія (Дабича), съ возведеніемъ его въ санъ архимандрита,—о чемъ и послать Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому указъ, увѣдомивъ таковымъ и Ваше Преосвященство".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. а) Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

1) 19 мая, № 5: „6 іюня 1914. Ходатайствовать".

2) 22 мая, № 6: „6 іюня 1914. Ходатайствовать".

б) Резолюціи Преосвященнаго Трифона, Епископа Дмитровскаго, Управлявшаго Московскою епархіею, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

1) 28 мая, № 7: „1914 г. іюня 10. Утверждается".

2) 5 іюня, № 8: „1914 г. іюля 1. Утверждается".

3) 5 іюня, № 9: „1914 г. іюля 1. Утверждается".

Опредѣлили: Резолюціи принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IX. Сданное Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархіею, съ надписью: „1914 г. іюня 20. Въ Совѣтъ Императорской Московской Академіи для обсужденія"—отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго *Іакова*, Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 5 іюня с/г. за № 3062:

„Бывшіе питомцы Императорской Московской Духовной Академіи, проживающіе въ г. Москвѣ, въ виду исполняющагося 1 Октября 1914 г. столѣтія ея существованія, въ благодарную память о воспитавшей ихъ высшей школѣ, рѣшили, между прочимъ, учредить на добровольные взносы особую стипендію при Императорской Московской Духов-

ной Академіи имени приснопамятнаго Митрополита Московскаго Платона (Левшина), за счетъ которой могли бы воспитываться лучшіе студенты Императорской Московской Академіи съ правомъ при окончаніи академическаго курса прибавлять къ собственнымъ своимъ фамиліямъ фамилію— „*Платоновъ*", какъ это ранѣе практиковалось по отношенію къ лучшимъ ея питомцамъ.

Учрежденіе стипендіи въ ознаменованіе столѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи, конечно, дѣло хорошее; но совсѣмъ непонятно, почему она должна быть *Платоновскою*. Приснопамятный Митрополитъ Московскій Платонъ (Левшинъ) не имѣлъ и не могъ имѣть къ празднующей свой столѣтній юбилей Московской Академіи никакого отношенія. Академія основана уже послѣ его смерти, а при жизни Митрополита Платона были лишь предположенія объ этой Академіи, предположенія къ тому же далеко не совпадавшія съ его желаніями и взглядами. Если академическій столѣтній юбилей нужно ознаменовать учрежденіемъ студенческой стипендіи, то таковая юбилейная стипендія по всей справедливости должна быть *Филаретовскою*. Приснопамятный Митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) полвѣка стоялъ у кормила Академіи, съ самаго ея основанія, твердо руководилъ ею, праздновалъ ея пятидесятилѣтіе, ознаменовалъ это послѣднее торжество учрежденіемъ особыхъ юбилейныхъ капиталовъ при всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Московской епархіи; процентами съ этихъ капиталовъ доднесь, въ видѣ пособія, ежегодно пользуются профессора Московской Академіи, также и преподаватели Московской и Виѳанской Семинаріи. Поэтому Академическая *юбилейная* стипендія должна быть *Филаретовской*, и дополнительная фамилія, если таковой суждено осуществиться, должна быть „*Филаретовъ*". Но я не отрицаю потребности учрежденія или, лучше сказать, возстановленія Платоновской стипендіи. Приснопамятный Митрополитъ Платонъ (Левшинъ) вполнѣ этого заслуживаетъ. Только стипендія Платоновская по моему мнѣнію должна быть возстановлена по другому поводу и другими средствами. Поводомъ къ ея возстановленію должно быть исполнившееся *столѣтіе* со дня его *блаженной кончины*, а средствами должны быть пожертвованія *Московскаго* духовенства и ближайшимъ образомъ *Московскихъ монастырей*, основанныхъ Митрополи-

томъ Платономъ или благоустроенныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ. Собрать тысячъ десять въ два, три или четыре года изъ ежегодныхъ отчисленій отъ своихъ доходовъ такимъ обителямъ, каковы: Троице-Сергіева Лавра, Спасо-Виѳанскій монастырь, Чудовъ монастырь, Перервинскій монастырь, съ Иверскою часовнею, и проч. не представитъ особаго затрудненія.

Въ виду этого беру на себя смѣлость обратиться къ Вашему Высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою, не признаете ли благовременнымъ и благопотребнымъ обратиться къ Московскимъ *приходскимъ церквамъ* и главнымъ образомъ *къ Московскимъ монастырямъ* съ предложеніемъ образовать путемъ *добровольныхъ пожертвованій* въ теченіе одного, двухъ или трехъ лѣтъ капиталъ, необходимый на учрежденіе, или, лучше сказать, на возстановленіе при Императорской Московской Духовной Академіи *стипендіи имени Приснопамятнаго Митрополита Московскаго Платона (Левшина) въ ознаменованіе столѣтія со дня его блаженной кончины*".

Справка: Вопросъ о возстановленіи при Императорской Московской Духовной Академіи, ко дню столѣтняго юбилея ея, на добровольныя пожертвованія, „*Платоновской*" стипендіи возбужденъ былъ не Совѣтомъ Академіи, а организованною съ соизволенія Московскаго Епархіальнаго Начальства особою „Юбилейною Коммиссіею бывшихъ питомцевъ Московской Духовной Академіи (въ г. Москвѣ)", предсѣдателемъ коей состоитъ о. законоучитель Александровскаго военнаго училища, *протоіерей Н. П. Добронравовъ*,—и никакихъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи этого дѣла у Совѣта Академіи не имѣется.

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ отношенія, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, вполнѣ раздѣляетъ изложенныя въ ономъ мысли Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Іакова.

X. Отношеніе Московской Духовной Консисторіи, отъ 11 іюля за № 15778:

„Московская Духовная Консисторія имѣетъ честь увѣдо-

мить, что экстраординарный профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи, *священникъ Илія Гумилевскій*, резолюціею Преосвященнѣйшаго Трифона, Управляющаго Московской епархіей, отъ 3-го сего іюля, опредѣленъ на священническую вакансію при Московскомъ Каѳедральномъ Христа Спасителя соборѣ. Сообщая о семъ, Московская Духовная Консисторія покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи выдать приложенный при семъ указъ священнику Гумилевскому подъ его росписку, каковую препроводить въ Консисторію".

Справка: Росписка священника И. В. Гумилевскаго въ полученіи указа препровождена въ Московскую Духовную Консисторію 14 іюля с. г. за № 1168.

Опредѣлили: О назначеніи *священника И. В. Гумилевскаго* на священническую вакансію при Московскомъ Каѳедральномъ Христа Спасителя соборѣ (съ оставленіемъ въ должности экстраординарнаго профессора Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ литургики) внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

XI. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 13 іюня за № 2962:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 23 мая сего года за № 4542, профессорскій стипендіатъ Императорской Московской Духовной Академіи *іеромонахъ Іеронимъ* (*Черновъ*) назначенъ на должность второго преподавателя Св. Писанія въ Курскую духовную семинарію".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношенія.

а) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 14 іюня за № 979, съ увѣдомленіемъ о полученіи двухъ книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 278.

б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 4 іюня за № 1767, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвра-

щенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 282.

в) Императорскаго Московскаго Румянцовскаго Музея, отъ 14 и 21 іюня за №№ 780 и 804, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 22 мая за № 279, и рукописи подъ № 474 („Кормчая“ изъ собранія Пискарева).

г) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 16 августа за № 2389, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Московской Синодальной Библіотеки: греческой за № 381 и славянской за № 328.

д) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 18 іюня за № 1141, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 34, 129, 172, 179, 254, 695, 739 и 791.

е) О. Настоятеля Волоколамскаго Іосифова монастыря архимандрита Нифонта, отъ 18 іюня за № 117, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи монастырской библіотеки подъ № 664 („Сборникъ“).

ж) Императорской Академіи Наукъ, отъ 9 іюля за № 378, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланныхъ Совѣтомъ Академіи трехъ рукописныхъ томовъ библіографическаго труда епископа Дамаскина (Семенова-Руднева) подъ №№ 112, 113 и 114.

з) Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи, отъ 27 іюня за № 1535, съ увѣдомленіемъ о полученіи высланной Совѣтомъ Московской Духовной Академіи рукописи академической библіотеки подъ № 1283 (Собраніе словъ и поученій Св. Димитрія Ростовскаго).

и) Г. Наблюдателя церковныхъ школъ Костромской епархіи К. Казанскаго, отъ 5 іюля за № 60, съ возвращеніемъ принадлежащихъ академической библіотекѣ книгъ: 1) Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. IX, и 2) М. Соколовъ. Матеріалы по старинной славянской литературѣ.

і) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 26 іюня за № 808, съ разрѣшеніемъ продлить срокъ пользованія рукописью изъ собранія Григоровича за № 818

и Мосхопольскимъ изданіемъ греческихъ аколуѳій 1741—1742 гг.—еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношеніе Правленія Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 25 іюля за № 3610:

„Правленіе Академіи имѣетъ честь при семъ препроводить въ Правленіе Московской Духовной Академіи слѣдующіе документы бывшаго студента Казанской Академіи *Александра Смирнова,* переведеннаго въ Московскую Духовную Академію:

1) Свидѣтельство о прохожденіи имъ I-го курса Академіи за № 3515.

2) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи за № 9137.

3) Копія формулярнаго о службѣ списка діакона Д. Смирнова за № 16968.

О полученіи сихъ документовъ Правленіе Академіи покорнѣйше проситъ увѣдомить“.

Опредѣлили: Документы студента *Александра Смирнова* хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи, а о полученіи ихъ Правленіе Императорской Казанской Духовной Академіи увѣдомить.

XIV. Циркулярное отношеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Предсѣдателя Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, Высокопреосвященнѣйшаго *Сергія*, Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, отъ 5 августа за № 3516:

„Преосвященный Ректоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи предложилъ организовать на пожертвованія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, именно на процентное отчисленіе отъ ежемѣсячнаго содержанія *особый лазаретъ для больныхъ и раненыхъ воиновъ въ дѣйствующей арміи.* Лазаретъ могъ бы носить названіе: „Летучій (или постоянный—стаціонарный) имени Преподобнаго Серафима Саровскаго лазаретъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній“. Имя великаго молитвенника русской земли избирается потому, что объявленіе войны Германіей совпало съ днемъ его прославленія (19 іюля). Размѣры лазарета, а равно

и видъ его (т. е. летучій или постоянный) опредѣлились бы въ зависимости отъ общей суммы пожертвованій. Вполнѣ привѣтствуя мысль Преосвященнаго Ректора, покорнѣйше прошу Васъ увѣдомить меня въ возможно непродолжительномъ времени: 1) выражаютъ ли служащіе во ввѣренномъ Вамъ учебномъ заведеніи готовность жертвовать на нужды военнаго времени извѣстное процентное отчисленіе изъ своего ежемѣсячнаго содержанія и сколько именно процентовъ; 2) какая приблизительно сумма въ мѣсяцъ составится изъ такихъ отчисленій по учебному заведенію; 3) согласны ли служащіе дать своимъ пожертвованіямъ указанное выше высокопатріотическое назначеніе.

Для организаціи и веденія этого дѣла предположено учредить „Комитетъ Краснаго Креста русскихъ духовно-учебныхъ заведеній“ подъ моимъ предсѣдательствомъ. Отчисленія и другія могущія поступать пожертвованія направляются, впредь до особыхъ распоряженій, на имя товарища Предсѣдателя Комитета — Преосвященнаго Анастасія, Епископа Ямбургскаго, ректора Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи.

Къ сему считаю полезнымъ прибавить, что служащіе въ центральныхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства рѣшили жертвовать 2% на свой особый лазаретъ“.

Въ обсужденіи означеннаго предложенія приняли участіе *всѣ* члены академической корпораціи, имѣвшіе возможность присутствовать въ настоящемъ собраніи.— Единодушно выразивъ готовность отчислять на призрѣніе раненыхъ и больныхъ воиновъ, съ августа мѣсяца с/г. и на все время военныхъ дѣйствій, не менѣе 2% получаемаго ими ежемѣсячно содержанія (многіе подписали и бо́льшія суммы), члены корпораціи, принимая во вниманіе:

1) что по оглашеннымъ въ повременной печати свѣдѣніямъ „Комитетъ Краснаго Креста духовно-учебныхъ заведеній“ уже учрежденъ Святѣйшимъ Синодомъ и на ожидаемыя пожертвованія служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ предположено организовать этапный лазаретъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ въ зданіяхъ Минской духовной семинаріи, причемъ ежемѣсячное содержаніе одной койки исчислено приблизительно въ *сто пятнадцать руб-*

лей (*115 р.*), не включая сюда крупнаго расхода на первоначальное оборудованіе лазарета;

2) что при такихъ условіяхъ суммы ежемѣсячныхъ отчисленій по Академіи (160—165 р.р.) будетъ недостаточно даже для содержанія *двухъ* коекъ въ помянутомъ лазаретѣ, — остановились на мысли учредить при Академіи *свой* особый лазаретъ, воспользовавшись для этой цѣли большой палатой академической больницы, въ значительной мѣрѣ, конечно, уже оборудованной и въ теченіи почти всего года пустующей. — Въ предположеніи, что и корпорація сосѣдней Виѳанской Духовной Семинаріи не откажется присоединиться своими пожертвованіями къ академической организаціи (предположеніе это въ дѣйствительности и оправдалось), а также въ виду полной готовности нѣкоторыхъ членовъ семействъ академическихъ преподавателей и студентовъ Академіи безвозмездно принять на себя трудъ по *спеціальному* оборудованію лазарета и по уходу за ранеными,—было исчислено, что лазаретъ при Академіи можетъ быть открытъ не менѣе, какъ на *десять* коекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что вновь сооруженная двухъэтажная каменная пристройка къ библіотечному академическому корпусу въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не можетъ быть использована для нуждъ Академіи и должна пустовать, такъ какъ Центральнымъ Управленіемъ Вѣдомства еще не отпущено въ распоряженіе академическаго Правленія средствъ на ея оборудованіе шкафами для книгъ, а между тѣмъ, какъ видно изъ воззваній общественныхъ организацій,—въ Москвѣ обнаружилась громадная нужда въ свободныхъ помѣщеніяхъ для размѣщенія раненыхъ и больныхъ воиновъ, число которыхъ превысило всѣ предварительные разсчеты,—члены корпораціи пришли къ заключенію, что Академія свободно могла бы на время уступить указанную пристройку въ распоряженіе, напр., своего Почетнаго Члена—Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны или одной изъ Московскихъ общественныхъ организацій, объединившихся подъ флагомъ „Краснаго Креста",—для устройства здѣсь большого (уже независимаго отъ Академіи) лазарета для раненыхъ и больныхъ воиновъ на 100—150 коекъ, тѣмъ болѣе, что и Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 20 іюля с/г. за

№ 6502, призываетъ монастыри, общины и всѣ духовныя учрежденія къ такому именно использованію всѣхъ свободныхъ помѣщеній.

Опредѣлили: Просить Преосвященнаго Ректора Академіи особымъ докладомъ представить вышеизложенныя предположенія членовъ академической корпораціи на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XV. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Вотъ уже въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ *М. Д. Муретовъ* читаетъ студентамъ Академіи курсъ лекцій по Священному Писанію Новаго Завѣта, принимаетъ на себя исполненіе различныхъ порученій Совѣта Академіи, преимущественно по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ магистерскихъ диссертацій, и участвуетъ въ засѣданіяхъ Совѣта съ правомъ рѣшающаго голоса, *безъ особаго за все это вознагражденія*, продолжая, кромѣ того, по прежнему нести на себѣ важный и отвѣтственный трудъ редактированія переводовъ святоотеческихъ твореній для академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“.

Высоко цѣня участіе въ жизни и дѣятельности Академіи столь выдающагося спеціалиста по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ академическаго курса наукъ и опытнаго профессора - руководителя, какъ М. Д. Муретовъ,—Совѣтъ Академіи въ октябрѣ мѣсяцѣ 1912 года, по моему предложенію, уже возбуждалъ ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи профессору Муретову хотя бы небольшого денежнаго вознагражденія за его труды по чтенію лекцій и исполненію порученій Совѣта, но Святѣйшій Синодъ, „не признавая нынѣ (указъ—отъ 7 декабря 1912 года за № 18618) возможнымъ дѣлать въ отношеніи профессора Муретова изъятіе изъ установленнаго порядка“, постановилъ: ходатайство это отклонить.

Съ теченіемъ времени взглядъ высшей церковной власти на пользованіе трудами и опытностію вышедшихъ въ отставку заслуженныхъ профессоровъ Академіи, повидимому, измѣнился и настоящее положеніе профессора М. Д. Муретова является дѣйствительно изъятіемъ изъ установлен-

наго порядка, но только въ обратномъ смыслѣ: тогда какъ заслуженные профессоры Императорскихъ Петроградской и Кіевской Духовныхъ Академій, вышедшіе за послѣднее время въ отставку и продолжающіе чтеніе лекцій въ Академіи на правахъ сверхштатныхъ профессоровъ, получаютъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, вознагражденіе въ размѣрѣ полнаго оклада содержанія доцента (1440 р.),—онъ продолжаетъ нести свой нелегкій и въ высшей степени полезный трудъ безмездно.

Принимая во вниманіе, что Святѣйшій Синодъ въ опредѣленіи своемъ отъ 7 декабря 1912 года не отрицалъ заслугъ профессора Муретова и высокой оцѣнки участія его въ ученой и учебной дѣятельности Академіи, отклонивъ ходатайство Совѣта лишь по причинамъ формальнаго свойства,—предлагаю Совѣту Академіи возобновить помянутое ходатайство хотя бы по отношенію къ будущему, если ужъ признано будетъ невозможнымъ вознаградить профессора Муретова за его прежніе 2½-лѣтніе труды".

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о назначеніи сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи *М. Д. Муретову*, съ начала 1914—1915 учебнаго года, за его труды по чтенію лекцій и исполненію порученій Совѣта Академіи, вознагражденія хотя бы въ размѣрѣ жалованья доцента Академіи, т. е. *900 рублей* въ годъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „13 сент. 1914. Исполнить. Къ XIV статьѣ нужно поясненіе".

1 сентября 1914 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ,

М. М. Богословскій и Д. П. Введенскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ П. В. Гумилевскій.—Съ правомъ совѣщательнаго голоса: всѣ доценты, исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ.

Отсутствовали изъ числа членовъ Совѣта: и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. П. Соболевскій и А. А. Спасскій.

Слушали: 1. а) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, Управлявшимъ Московскою епархіею, съ надписью: „1914 г. іюн. 15. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи"—циркулярный указъ изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 іюня за № 10:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Учебнаго Комитета, отъ 3 іюня 1914 года за № 2776, журналъ Комитета, № 357, о вызовѣ въ *составъ новообразуемыхъ въ 1914 году курсовъ Императорскихъ духовныхъ академій воспитанниковъ изъ духовныхъ семинарій* Приказали: Разсмотрѣвъ изъясненныя въ представленіяхъ Преосвященныхъ Митрополитовъ С.-Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго и Архіепископа Казанскаго предположенія академическихъ Совѣтовъ относительно вызова на казенный счетъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскія духовныя академіи окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій и донесенія епархіальныхъ и семинарскихъ начальствъ о числѣ воспитанниковъ, признанныхъ благонадежными для прохожденія академическаго курса, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: 1) Изъ числа рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами воспитанниковъ духовныхъ семинарій вызвать на казенный счетъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ академіи въ 1914 г. 78 воспитанниковъ, а именно: въ С.-Петербургскую 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Новгородской, Олонецкой, Рижской, Тверской, Холмской, Псков-

ской, Литовской, Волынской, Екатеринославской, Одесской, Ставропольской, Таврической, Владимірской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Вятской, Самарской и Симбирской, въ Кіевскую академію 20,—по одному воспитаннику изъ семинарій: Могилевской, Новгородской, Тверской, Воронежской, Кишиневской, Курской, Подольской, Черниговской, Донской, Владимірской, Калужской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Вятской, Благовѣщенской и двухъ воспитанниковъ изъ Кіевской семинаріи, *въ Московскую академію 20,—по* одному *воспитаннику изъ семинарій: Архангельской, Минской, Тверской, Волынской, Кіевской, Курской, Полтавской, Подольской, Тифлисской, Виленской, Владимірской, Вологодской, Орловской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Пермской и* трехъ *воспитанниковъ изъ Московской семинаріи*, и въ Казанскую академію 18—по одному воспитаннику изъ семинарій: Ставропольской, Черниговской, Костромской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Астраханской, Иркутской, Казанской, Пермской, Самарской, Тобольской, Томской, Уфимской, Александровской, Красноярской, Оренбургской и Саратовской; 2) Поручить Совѣтамъ Императорскихъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новообразованныхъ курсовъ, съ указаніемъ принятыхъ въ число студентовъ этихъ курсовъ какъ по вызову изъ духовныхъ семинарій, такъ и волонтеровъ, и 3) поручить епархіальнымъ Преосвященнымъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они—а) неуклонно исполняли, при представленіи воспитанниковъ для вызова въ духовныя академіи, всѣ требованія, изложенныя въ указахъ Святѣйшаго Синода на сей предметъ, какъ въ смыслѣ своевременнаго представленія относящихся къ сему свѣдѣній, такъ и полноты послѣднихъ, касательно общаго числа учащихся въ семинаріяхъ и въ VI классѣ, а также и успѣховъ рекомендуемыхъ воспитанниковъ, въ среднемъ выводѣ по наукамъ за первые 5 классовъ и въ годовомъ баллѣ за VI классъ, б) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ для поступленія въ академіи какъ по способностямъ, успѣхамъ и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію ду-

ховнаго образованія, в) на основаніи указа Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1871 г. за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія—отъ вступленія на духовно-учебную службу, г) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки, вмѣстѣ съ другими требующимися документами избранныхъ воспитанниковъ, непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій черезъ самихъ воспитанниковъ, и д) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ, на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 5 Мая 1905 года за № 2228 (Церк. Вѣд. № 21). Для исполненія изложеннаго опредѣленія послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому и Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же и прочихъ епархіальныхъ Преосвященныхъ".

Справка: Изъ вызванныхъ, во исполненіе сего указа, въ составъ новаго академическаго курса воспитанниковъ духовныхъ семинарій явились къ повѣрочнымъ испытаніямъ въ Академію 18 человѣкъ.—Не явились воспитанники семинарій: *Московской*—Павелъ *Солнцевъ*—по болѣзни и *Тифлисской*—по неизвѣстной причинѣ.

б) Сданный Преосвященнымъ Трифономъ, Епископомъ Дмитровскимъ, съ надписью: „1914 г. авг. 3. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Преосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 іюля за № 12604:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 21 іюня 1914 г. № 24166, по прошеніямъ болгарскихъ уроженцевъ *Антона Станкова, Ивана Мавродіева, Николая Васильева*, Михаила Серафимова и Георгія Антонова, на имя Императорскаго Россійскаго Посланника въ Болгаріи, о принятіи ихъ въ

русскія духовныя академіи, съ назначеніемъ имъ стипендій. Приказали: Согласно настоящему предложенію Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ Московской и Кіевской Императорскихъ духовныхъ академій допустить болгарскихъ уроженцевъ Антона Станкова, Ивана Мавродіева, Николая Васильева, Михаила Серафимова и Георгія Антонова къ пріемнымъ испытаніямъ, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, для поступленія первыхъ трехъ въ Императорскую Московскую, а остальныхъ двухъ въ Императорскую Кіевскую духовныя академіи, и 2) назначить имъ, въ случаѣ выдержанія испытаній для поступленія въ академіи, стипендіи изъ Синодальныхъ средствъ, съ отнесеніемъ расхода на эти стипендіи, въ установленномъ размѣрѣ, на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 § 2 смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ вѣдомства Святѣйшаго Синода; о чемъ Ваше Преосвященство и Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго увѣдомить указами".

Справка: Поименованные въ семъ указѣ Святѣйшаго Синода болгарскіе уроженцы Николай *Васильевъ*, Иванъ *Мавродіевъ* и Антонъ *Станковъ* къ повѣрочнымъ испытаніямъ с./г. въ Академію не явились.

в) Отношенія 17-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ рекомендованныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса воспитанниковъ:

Архангельской—Сергѣя Орлова,
Виѳанской—Дмитрія Воздвиженскаго,
Владимірской—Николая Магницкаго,
Вологодской—Зосимы Трубачева,
Волынской—Александра Калиновича,
Кіевской—Ильи Донца,
Курской—Григорія Сергѣева,
Минской—Петра Пинкевича,
Московской—Петра Доброва,
„ „ —Николая Соколова,
„ „ —Павла Солнцева,
Орловской—Сергѣя Гражданскаго,
Пермской—Бориса Ареѳьева,

Подольской—Антона Стефановича,
Полтавской—Николая Базилевскаго,
Рязанской—Василія Побѣдинскаго,
Тамбовской—Александра Уметскаго,
Тверской—Алексѣя Одинцова и
Ярославской—Дмитрія Мизерова.

г) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что, на основаніи §§ 137 и 139 устава духовныхъ академій, кромѣ 18-ти воспитанниковъ духовныхъ академій, рекомендованныхъ семинарскими правленіями, имъ были допущены къ повѣрочнымъ испытаніямъ: 1) 46 студентовъ духовныхъ семинарій, прибывшихъ въ Академію на собственныя средства, съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства; 2) 11 семейныхъ священниковъ, окончившихъ семинарскій курсъ по первому разряду и прибывшихъ къ испытаніямъ съ разрѣшенія подлежащихъ епархіальныхъ начальствъ; 3) 1 окончившій курсъ реальнаго училища и 4) 2 болгарскихъ уроженца: *іеродіаконъ Гавріилъ* (Мануиловъ) и Иванъ *Малинковъ*—на основаніи разрѣшительнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 17 октября 1913 года за № 16663-мъ.—Повѣрочныя испытанія, согласно § 140 устава духовныхъ академій, произведены были, въ объемѣ курса духовныхъ семинарій: *устныя*—по Священному Писанію Новаго Завѣта, догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до 1054 года) и по греческому языку (послѣдняго испытанія не держалъ окончившій курсъ реальнаго училища); *письменныя*—по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, систематической философіи и составленію поученія.—Четыре студента духовныхъ семинарій—волонтеры: *Лебедевъ* Дмитрій (Моск. с.), *Остроумовъ* Владиміръ (Моск. с.), *Сахаровъ* Петръ (Моск. с.) и *Ставровскій* Василій (Влад. с.), получившіе неудовлетворительные баллы *по всѣмъ письменнымъ работамъ*,—выбыли изъ Академіи до окончанія устныхъ испытаній.

д) Рапортъ производившаго медицинскій осмотръ прибывшихъ къ повѣрочнымъ испытаніямъ врача *П. В. Гранберга*:

„16 и 17-го августа 1914 года мною произведенъ медицинскій осмотръ вновь поступающихъ воспитанниковъ, результатъ котораго слѣдующій: Изъ 78 человѣкъ, осмотрѣнныхъ мною: Свящ. Розовъ Константинъ, Протопоповъ Алексѣй

Розовъ Сергѣй, Сергѣевъ Григорій, Соколовъ Александръ Московскій, Соколовъ Николай, Шамиловъ Филиппъ, Шуваловъ Павелъ, Орловъ Сергѣй, Остроумовъ Владиміръ, Никаноровъ Анатолій страдаютъ небольшимъ малокровіемъ, что не можетъ служить препятствіемъ къ поступленію въ Академію; Бѣлтовъ Николай, Успенскій Дмитрій страдаютъ малокровіемъ и имѣютъ слабыя легкія, а потому я совѣтовалъ бы имъ не поступать въ Академію до слѣдующаго года; Вижевскій Дмитрій, Сухозанетъ Павелъ страдаютъ малокровіемъ, имѣютъ слабыя легкія и въ виду того, что оба они южане (Волынской губ.), совѣтовалъ бы имъ поступить въ Кіевскую Духовную Академію. Остальные, оставшіеся неперечисленными изъ 78 человѣкъ, оказались вполнѣ здоровыми и никакихъ препятствій для поступленія въ Императорскую Московскую Духовную Академію съ моей стороны не имѣютъ".

е) Донесенія экзаменціонныхъ коммиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXXIII академическаго курса по вызову начальства и по собственному желанію, о достоинствѣ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ.

А) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по Священному Писанію Новаго Завѣта:*

„Экзаменъ по Священному Писанію Новаго Завѣта держали 78 лицъ: 18 присланныхъ и рекомендованныхъ духовными семинаріями и 60 волонтеровъ; изъ послѣднихъ 12 въ духовномъ санѣ. Всѣ экзаменовавшіеся находили написанные на билетахъ безъ цитаты тексты изъ евангелій и посланій апостольскихъ, что свидѣтельствуетъ, конечно, о достаточномъ знакомствѣ съ текстомъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составили только двое: волонтеръ владимірскій и волонтеръ изъ новоузенскаго реальнаго училища. Свою освѣдомленность съ текстомъ экзаменовавшіеся, кромѣ того, обнаружили еще и тѣмъ, что не затруднялись приведеніемъ къ толкуемымъ отдѣламъ параллельныхъ мѣстъ. Но знаніе текста не всегда было осмысленнымъ. Обычно затруднялись прослѣдить движеніе мысли въ цѣломъ посланіи или даже

въ одной главѣ. Истолкованіе новозавѣтнаго текста отличалось существенными недостатками. Замѣтно было стремленіе толковать то, что понятно и безъ толкованія, отдѣлываясь въ то же время лишь общими и пустыми фразами при истолкованіи наиболѣе содержательныхъ и непонятныхъ текстовъ; при томъ общія фразы обнаруживали полное и безпредѣльное господство схоластики въ богословскихъ воззрѣніяхъ питомцевъ духовныхъ семинарій. Наиболѣе неудовлетворительно изъ евангелій толковали нагорную проповѣдь Спасителя (особ. 5 гл. Мѳ.). Изъ посланій по прежнему плохо понимали посланія къ римлянамъ и къ галатамъ, а также и отдѣлъ о духовныхъ дарованіяхъ (1 Кор. гл. 12—14). Не отдавали себѣ отчета въ смыслѣ Мѳ. 24, 23—28 (вол. моск. и вне.). При истолкованіи 1 Кор. 12, 13 сбивались даже и лучшіе изъ экзаменовавшихся (присл. кіевск.), тоже и при 1 Кор. 14, 22—24 (вол. симбир.). Въ Рим. 13, 1 не понимали слова „предержащихъ“ (вол. волынск.); сбивало русское „высшихъ“. Былъ неизвѣстенъ смыслъ термина „Сынъ человѣческій“ (присл. московск.).

Русскія и славянскія надписанія евангелій тоже были непонятны: на вопросъ—что значитъ „отъ Матѳея св. евангеліе“?—отвѣтить не могли (вол. холм.). Особенно было непріятно видѣть, что не отвѣчаютъ на тѣ именно вопросы, которые уже давно разъяснены въ нашей богословской литературѣ авторитетными спеціалистами. Что студенты семинарій незнакомы съ научными работами, это хоть и печально, но еще извинительно. Но уже едва ли можно счесть нормальнымъ, что научные труды не принимаются во вниманіе и при самомъ семинарскомъ преподаваніи Священнаго Писанія. Какъ нарочно, нѣкоторое знакомство съ научной литературой по Священному Писанію обнаружилъ студентъ нижегородской семинаріи — реалистъ по первоначальному образованію. А въ то же время студенты семинарій не понимали термина „синоптическій“ (вол. волынск.). Слѣдуетъ отмѣтить еще, что толкованія нерѣдко были неустойчивы: „да“ и „нѣтъ“, утвержденіе и отрицаніе одного и того же смѣнялись съ поразительнымъ легкомысліемъ. Возможно, что это явленіе зависѣло просто отъ того, что экзаменовавшіеся отвѣчали наугадъ.

Впрочемъ совершенно неудовлетворительныхъ отвѣтовъ

было два: одного московскаго волонтера (баллъ 2) и волонтера изъ новоузенскаго реальнаго училища (баллъ 2+). Отвѣты остальныхъ коммиссія оцѣнивала сравнительно высокими баллами. Два отвѣта отмѣчено высшимъ балломъ 5 (присл. подольск. и волонт. нижегород.), шесть—балломъ 5—(присл. волын., кіевск., моск., пермск. и волонт. симбирск. и смоленск. — свящ.). Хорошихъ балловъ $4^1/_2$, 4+, 4, 4—) поставлено сорокъ, удовлетворительныхъ ($3^1/_2$, 3+, 3, 3—)—28. Средній баллъ всѣхъ экзаменовавшихся—3,8. 18 присланныхъ въ среднемъ выводѣ имѣютъ 4,236, а 60 волонтеровъ 3, 67. Впрочемъ, отвѣты нѣкоторыхъ и присланныхъ были очень плохи (особен. одного изъ московскихъ). Выше средняго въ настоящемъ году были отвѣты священниковъ: 12 духовныхъ лицъ имѣютъ средній баллъ 4. Больше всего было представителей московской семинаріи, именно 22; ихъ средній баллъ 3,444. Семеро виѳанцевъ имѣютъ 3,857; шестеро владимірскихъ 3,375. Хотя средній баллъ нынѣшняго года лишь немного ниже прежнихъ лѣтъ ($3^8/_9$ въ 1911; 3,84 въ 1912 и 3,86 въ 1913), но общее впечатлѣніе значительно не въ пользу настоящаго курса".

Б) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по догматическому богословію*:

„Комиссія, производившая экзаменъ по Догматическому Богословію для поступленія въ Императорскую Московскую Духовную Академію, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія:

Всѣхъ экзаменовавшихся по названному предмету было 77 человѣкъ. Изъ нихъ двое болгаръ, остальные (75)—русскіе. За изъятіемъ 18-ти „присланныхъ", всѣ другіе (59) представляли собою „волонтеровъ". Двѣнадцать (12) изъ экзаменовавшихся были въ священномъ санѣ: 11 священниковъ и 1 іеродіаконъ (болгаринъ); прочіе—65 человѣкъ—свѣтскіе. За исключеніемъ одного реалиста, всѣ—какъ присланные, такъ и волонтеры—являли собою питомцевъ различныхъ духовныхъ семинарій, слѣдовательно, одной и той же духовной школы, и потому, одинаковой приблизительно среды. Болѣе другихъ, по обыкновенію, выставили Московская (22) и Виѳанская (8) семинаріи.

Общее впечатлѣніе отъ данныхъ на экзаменѣ отвѣтовъ удовлетворительное. Не было отвѣтовъ, ни поражавшихъ

глубокимъ знаніемъ, ни полнымъ невѣжествомъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ экзаменовавшіеся могли изложить содержаніе билета по книгѣ, иногда по запискамъ своихъ преподавателей. Основнымъ, „хроническимъ“ недостаткомъ является незнаніе текстовъ и догматическихъ формулъ. Печальное явленіе: современный юноша, питомецъ духовной школы, свободно цитующій свѣтскихъ писателей, не можетъ привести даже такихъ евангельскихъ текстовъ, какъ Ін. XVII, 3, не говоря объ апостольскихъ и пророческихъ изреченіяхъ. Особенную трудность доставляло экзаменовавшимся изложеніе вступительныхъ свѣдѣній, ученія о единствѣ ипостаси при двухъ естествахъ во Христѣ, первосвященническаго служенія, догмата о Церкви и послѣдняго эсхатологическаго отдѣла. Не всегда были удачны отвѣты и на предлагавшіеся экзаменаторами вопросы. Такъ, ученіе о происхожденіи антихриста изъ колѣна Данова отъ жены-блудницы отвѣчавшимъ (Виѳ.) было приписано пророку Даніилу. Хожденіе по мытарствамъ Ѳеодоры отожествлено было (Волог.) съ „хожденіемъ по мукамъ“ Богородицы. Достойно замѣчанія, что два москвича—волонтера, отвѣчавшіе о таинствѣ священства, никакъ не могли оріентироваться въ порядкѣ совершенія этого таинства.

Высшіе баллы за осмысленный, полный не только знанія книги, но и болѣе широкой освѣдомленности, отвѣтъ получили: волынецъ (5), ярославецъ, рязанецъ, курянинъ и подолецъ (5—); всѣ—присланные. Худшія отмѣтки поставлены волонтерамъ семинарій Московской (одному 2+ и тремъ $2^1/_2$), Владимірской, Виѳанской и, къ сожалѣнію, единственному представителю свѣтской школы—реальнаго училища (по $2^1/_2$). Среднія между указанными отмѣтками имѣютъ:

$4^1/_2$	пять	человѣкъ.
4+	шесть	„
4	десять	„
4—	десять	„
$3^1/_2$	десять	„
3+	семь	„
3	десять	„
3—	семь	„

Средній баллъ, полученный на пріемномъ экзаменѣ по-

Догматическому Богословію, равняется $3\frac{171}{308}$, т. е. немного болѣе $3^1/_2$".

В) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по всеобщей церковной исторіи*:

„На экзаменѣ по общей церковной исторіи предъявлены были требованія, не превышавшія объема семинарской программы и извѣстнаго учебника Евграфа Смирнова. Наиболѣе твердое и подробное знаніе (говоря, конечно, весьма относительно и не безъ исключеній) экзаменовавшіеся обнаружили въ отдѣлахъ о вселенскихъ соборахъ и объ ересяхъ. Усвоеніе исторіи гоненій на христіанъ, а также патрологическаго отдѣла церковной исторіи (въ особенности же отдѣла о сочиненіяхъ Отцовъ и учителей) слѣдуетъ назвать нетвердымъ и сбивчивымъ. Еще болѣе слабые отвѣты экзаменаты давали о различныхъ церковныхъ спорахъ и расколахъ. Совершенно же слабое знаніе—показали въ отдѣлѣ, трактующемъ о взаимоотношеніи между церковію и государствомъ и объ организаціи церковнаго управленія. Что же касается той части учебника, гдѣ говорится о распространеніи христіанства, то во многихъ семинаріяхъ ее, очевидно, совершенно опускаютъ, такъ какъ двое изъ подвергнутыхъ испытанію совершенно отказались отвѣчать изъ этого отдѣла. При изученіи исторіи смѣшеніе близкихъ хронологическихъ датъ, аналогичныхъ событій, сходныхъ лицъ и названій должны быть названы обычными, естественными дефектами человѣческой памяти. Всѣ эти дефекты были на лицо, конечно, и теперь. Но совершенно неизвинительны для претендующихъ на поступленіе въ высшую богословскую школу такія грубыя и странныя ошибки, когда Григорія Нисскаго относятъ, напримѣръ, ко II-му вѣку, Кипріана Карѳагенскаго къ IV-V вѣку, а блаженнаго Іеронима помѣщаютъ въ VIII вѣкѣ, когда экзаменатъ не можетъ назвать важнѣйшаго сочиненія Иринея Ліонскаго или Аѳанасію Великому и Іоанну Златоусту приписываетъ противоманихейскія сочиненія. Все это коммиссія констатировала въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ лицъ, каковы волонтеры семинарій: Московской, То-

больской, Виѳанской, Волынской и др. Нѣкоторые вопросы, предложенные экзаменовавшимся, имѣли цѣлью обнаружить у нихъ хотя нѣкоторую самую элементарную освѣдомленность съ твореніями Отцовъ Церкви. Но отвѣты даже наиболѣе даровитыхъ экзаменатовъ не обнаружили въ нихъ желаемаго интереса къ патрологической литературѣ и хотя бы общаго, но непосредственнаго знакомства съ важнѣйшими ея представителями. При всемъ томъ наиболѣе основательно подготовившимися оказались присланные ученики семинарій. Изъ 18 таковыхъ десять получили высшій баллъ (5,5—), шесть—очень хорошій (отъ $4^1/_2$ до 4—) и только два (присланный Виѳанской семинаріи и одинъ изъ присланныхъ Московской семинаріи) — удовлетворительный баллъ (первый 3+ и второй 3). Далѣе духовныя лица въ большинствѣ случаевъ также обнаружили добросовѣстность въ подготовкѣ. Изъ 12-ти таковыхъ (11 священниковъ и одинъ іеродіаконъ—болгарскій уроженецъ) девять получили очень высокіе баллы (не менѣе 4—), а два изъ нихъ (священники Подольской и Рязанской епархій)—даже полный баллъ (5). Кромѣ того, хорошіе отвѣты слѣдуетъ отмѣтить у двухъ волонтеровъ Московской семинаріи, двухъ волонтеровъ Полтавской семинаріи и волонтеровъ семинарій: Подольской, Олонецкой, Рязанской и Симбирской.—Всѣ эти лица получили баллъ 5 или 5—. Наиболѣе слабые отвѣты, отмѣченные неудовлетворительными баллами ($2^1/_2$, 2+, 2 и 1), принадлежали шести лицамъ: волонтеру Новоузенскаго реальнаго училища, тремъ волонтерамъ Московской семинаріи, священнику-волонтеру Костромской семинаріи и волонтеру Волынской семинаріи. При общемъ количествѣ всѣхъ экзаменатовъ въ 77 человѣкъ среднимъ экзаменаціоннымъ балломъ по общей церковной исторіи въ нынѣшнемъ учебномъ году является довольно высокій—около 4,03“.

Г) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія по *греческому языку*:

„73 студента Духовныхъ Семинарій на экзаменѣ по греческому языку отвѣчали вяло, блѣдно, нетвердо. Очень не-

ярко, невыразительно впечатлѣніе отъ ихъ познаній. Знакомый имъ текстъ посланій — второго къ Коринѳянамъ и къ Евреямъ экзаменовавшіеся переводить не затруднялись, но дальше — въ разборѣ этимологическомъ, синтаксическомъ, въ выясненіи значеній словъ оказывались слабыми. Есть основанія полагать, что подвергавшіеся испытанію поготовились нарочито къ экзамену, но познаній основательныхъ, цѣльныхъ и твердыхъ почти никто изъ нихъ не обнаружилъ. Коммиссія оцѣнила:

2	отв.	балломъ	5—,
2	„	„	4½,
8	„	„	4+,
12	„	„	4,
14	„	„	4—,
19	„	„	3½,
9	„	„	3+,
7	„	„	3.

Такъ, нѣтъ ни одного неудовлетворительнаго балла; ни одного также отвѣта коммиссія не могла оцѣнить полнымъ балломъ.

Коммиссія считаетъ долгомъ указать наиболѣе характерные ошибки и недочеты въ отвѣтахъ экзаменовавшихся. Довольно многіе или крайне нетвердо знаютъ, или совсѣмъ не знаютъ формъ отъ столь употребительныхъ глаголовъ, какъ *ὁράω, βάλλω, ἔρχομαι, φέρω, πίνω*. Одинъ изъ экзаменовавшихся *ἀπέθανον* производилъ отъ *φαίνω*, другой *θέμενος* отъ *φημί*. Причастіе *ὤν* смѣшивали съ мѣстоименіемъ *ὅν*. Даже и правильныя грамматическія формы вызывали недоумѣнія. Одинъ не могъ отличить *τίς* вопросит. отъ неопред.; другой слово *πεποιθήσει* пытался разобрать, какъ глагольную форму; довольно многіе затруднялись образовать формы плавныхъ глаголовъ; аористъ II нѣкоторые смѣшивали съ I; одинъ не смогъ разобрать *ἀνεστράφημεν*, двое отъ *κράζω* произвели аористъ I *ἔκρασα*. Затруднялись разбираться въ простѣйшихъ случаяхъ словообразованія (*ἀπόστολος, ἐπιστολή*). Нѣкоторымъ оказались неизвѣстными значенія словъ: *διαθήκη, καινός, ἁμαρτία, παράδεισος, ὅσιος*. Что касается до знанія синтаксиса, то и здѣсь на ряду съ отвѣтами, обнаруживавшими знаніе, приходилось выслушивать очень неудачные. Очень сбивчиво, по бо́льшей части наугадъ, экзаменовавшіеся

отвѣчали о предлогахъ. Одинъ не смогъ объяснить столь простѣйшаго сочетанія, какъ *τὰ ὑμῶν*.—

Коммиссія предлагала экзаменовавшимся въ заключеніе отвѣтовъ переводить письменно небольшіе отрывки церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній съ славянскаго на греческій языкъ. Хотя выбрано было для перевода то, что не должно бы представлять затрудненія: слова—самыя употребительныя и самая конструкція — греческая, но писавшіе словъ часто не знали и очень много дѣлали ошибокъ. Разстановку придыханій и ударенній, въ особенности когда привходятъ такъ наз. энклитическія слова, студенты экзаменовавшіеся довольно основательно забыли. Слово *ἅγιος* упорно писали съ тонкимъ придыханіемъ. Изъ всѣхъ этихъ письменныхъ упражненій можно привести нѣкоторыя—съ сохраненіемъ орѳографіи. Они характерны для показанія общаго впечатлѣнія и въ комментаріяхъ не нуждаются. „Слава Святѣй, и Единосущнѣй, и Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ"—*Δόξα τῇ ἁγίᾳ καὶ ὁμοουσίᾳ καὶ ζωοποιῷ καὶ ἀδιαιρέτῃ Τριάδι.* „Святый, посѣти и исцѣли немощи наша"—*Ὁ Ἅγιος ἐλέβσοιο καὶ ἰάσοιο τὰς νήσας ἡμῶν.* „Пріидите, поклонимся и припадемъ Христу Цареви нашему Богу"—*Δεῦτε προσκυνίσομεν, καὶ προσπιπεσώμεν τω Χρίστῳ Βασιλει ημετερόν θεόν.* „Поклонимся Отцу и Его Сынови и Святому Духу, Святѣй Троицѣ, во единѣмъ существѣ"—*Προσκυνεσώμεθα τῶ Πάτρι καὶ τῷ Ὑιῷ Ἀυτοῦ και Ἁγίω Πνέβματη, Ἁγίω Τριάδι ἐν μονη ουσία.* „Хвалимъ, благословимъ, покланяемся Господеви"—*Δίδωμεν τὴν δόξαν εὐλογειμεν, προσκυνησομεν τῷ Κυριῷ.* „Хвалите Его вси Ангели Его, хвалите Его вся Силы Его. Тебѣ подобаетъ пѣснь Богу"—*Αἰνειτο εμοῦ παντες οι Ἄγγέλοι, αἰνεετο πασα δυναμοι εμοῦ. Σε πρεπει ὁ ψαλμος τω Θεω.* „Блажени чистіи сердцемъ яко тіи Бога узрятъ"—*Μακάριοι ἐστι καθάροι τῇ καρδίᾳ, ὅτι οὗτοι τὸν Θεὸν οψομουσι.* „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ"—*ωρασῶμεθα φός...* (послѣ очень долгихъ размышленій это написано). „Возлюбимъ другъ друга да единомысліемъ исповѣмы"—*συναγαπήσομεν φιλαδέλθός τόν φιλαδελθόν ἐν ὡμόνια ὁμωλογίσομεν.* „Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ"—*Εἴλετε, ἐσθίετε τοῦτο σῶμα μοῦ κλαόμενον τῶν ἁμαρτιῶν* (писалось оч. долго). „Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое"—*σωζε, ο θεῶς, τοῦσ ἀνθροποῦσ σοῦ καὶ εὐλόγει τὸ κληρονομίαν σοῦ.* „Положи,

Господи, храненіе устомъ моимъ" — *Θῆσον, Κύριε φυλακίαν στόμασι ἡμῶν.* „Все упованіе мое на Тя возлагаю"... *Πάσαν ἐλπίδαν ἐπι σέ τίθημι*"... „Господи Боже нашъ, славою и честію вѣнчай я"—*Κύριε, Θεος ημῶν, δώξᾳ καὶ τημῇ στεφανος ημας.* „Тебѣ" одинъ изъ писавшихъ изобразилъ чрезъ *Zύ*...

Въ прошломъ году общій уровень познаній экзаменовавшихся былъ немного выше, чѣмъ въ нынѣшнемъ: средній баллъ прошлаго года—3, 8, средній баллъ нынѣшняго года — 3, 7. (Присланные незначительно лучше волонтеровъ: средній баллъ присланныхъ 3, 9, волонтеровъ въ священномъ санѣ—3, 6, волонтеровъ свѣтскихъ—3, 64; два балла 5—принадлежатъ волонтерамъ—Олонецкой семинаріи и Подольской 1893 г., священнику). Все-таки справедливость требуетъ отмѣтить, что если на этотъ разъ не было значительнаго количества повышающихъ общее впечатлѣніе хорошихъ отвѣтовъ, за то не было и столь плохихъ, какъ въ прошломъ году. Можно признать, что экзаменовавшіеся проявили усердіе: замѣтно, что они „подтянулись" къ экзамену, и это тѣмъ болѣе, что въ предѣлахъ поставленныхъ умѣренныхъ рамокъ коммиссія была требовательной".

Д) Донесеніе комиссіи, разсматривавшей сочиненія по *Священному Писанію Ветхаго Завѣта*:

„Данною темою: „Ветхій Завѣтъ въ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ православной Церкви" требовалось разъяснить, какое вліяніе оказалъ Ветхій Завѣтъ на содержаніе и самый языкъ молитвословій и пѣснопѣній, составленныхъ въ христіанское время и принятыхъ Церковью для общественнаго и домашняго употребленія. Большинствомъ писавшихъ эта тема произвольно расширена, и вниманіе ихъ сосредоточено было, главнымъ образомъ, на употребленіи отдѣловъ изъ ветхозавѣтнаго Писанія въ православномъ богослуженіи (каѳизмы, париміи, шестопсалміе и пр.). Многіе, уклоняясь въ область литургики, подробно излагали чинъ вечерни и, отчасти, утрени; другіе удѣляли много вниманія вопросамъ объ отношеніи ветхаго завѣта къ новому, о состояніи подзаконнаго человѣка и др. Были такіе, которые писали на тему: „Ветхій Завѣтъ *по* молитвословіямъ и пѣснопѣніямъ православной Церкви": для нихъ исходною точкою служило

выраженіе догматика: „прейде сѣнь законная...“ Одинъ авторъ (присл. Подол. с.) нашелъ умѣстнымъ говорить въ своемъ сочиненіи о внутреннемъ устройствѣ христіанскихъ храмовъ. По большей части, писали или совсѣмъ не на тему или о томъ, что имѣетъ къ темѣ очень отдаленное отношеніе. Волонтеръ Виѳанской семинаріи начинаетъ свое сочиненіе съ упоминанія о сотвореніи міра и человѣка; говоритъ о жизни первыхъ людей въ раю; сообщаетъ, что „Богъ далъ имъ заповѣдь, которой запрещалось вкушать плоды съ одного дерева—„древа познанія добра и зла“ и т. д. Приблизительно такъ же, но совсѣмъ другимъ языкомъ начинаетъ свое сочиненіе присланный Московск. сем., у котораго читаемъ: „первые дни существованія міра, когда безформенныя, газообразныя массы формировались творческимъ глаголомъ Бога въ небо, землю, когда засіялъ первый лучъ солнца...—все это церковь изображаетъ въ предначинательномъ псалмѣ... Вспоминаетъ церковь и моментъ міровой трагедіи, когда палъ человѣкъ... Но съ особеннымъ вниманіемъ церковь останавливается на изображеніи подзаконнаго человѣка и состоянія его душевныхъ силъ“... У волонтера, не получившаго семинарскаго образованія, читаемъ: „пробудившись къ сознательной жизни, человѣкъ ищетъ отвѣты на тѣ вопросы, которые волнуютъ его мысль... Величайшіе люди всѣхъ временъ пытались объединить эти вопросы, опредѣленно формулировать ихъ и разрѣшить... Такъ создавались философскія системы, такъ появлялись новыя религіи...“ и далѣе въ томъ же духѣ. Волонтеръ Московской сем. въ самомъ началѣ сочиненія находитъ необходимымъ „установить, что нужно понимать, съ одной стороны, подъ Ветхимъ Завѣтомъ, а съ другой подъ молитвословіями и пѣснопѣніями“; но послѣ этого многообѣщающаго начала авторъ въ своемъ сочиненіи говоритъ, главнымъ образомъ, объ употребленіи Псалтири въ православномъ богослуженіи.— Вообще можно сказать, что только въ видѣ исключенія встрѣчаются намеки на правильное пониманіе темы. Даже и лучшія изъ представленныхъ работъ исчерпывающаго отвѣта на поставленный вопросъ не даютъ. Но и независимо отъ этого, всѣ почти сочиненія страдаютъ отсутствіемъ точно выработаннаго плана и послѣдовательности въ развитіи мыслей.

Что касается изложенія, то среди сочиненій, вообще не отличающихся изяществомъ стиля, нѣкоторыя поражаютъ читателя необыкновенною высокопарностью и обиліемъ громкихъ фразъ, которыми авторы пытались замаскировать безсодержательность своихъ работъ. Начало сочиненія волонтера Волынск. сем. таково: „въ силу основного положенія соціальной ѳеократіи Богоизбраннаго еврейскаго народа—каждое государственное и политическое явленіе въ его культурно-исторической жизни необходимо нужно разсматривать, какъ внѣшнюю продуктивную формулировку такого или иного (принятаго евреями) религіозно - нравственнаго принципа". Въ томъ же сочиненіи нѣсколько далѣе встрѣчаемъ слѣдующія строки: „...всякій тео-моралистическій принципъ шелъ... впереди факта и теоретически, такъ сказать,—de jure,—опредѣлялъ и оформлялъ собою этотъ фактъ"... Присланный Подольской сем. въ началѣ своей работы пишетъ: „величественное, вдохновенное и прекрасное христіанское богослуженіе, священная лирика котораго такъ мощно дѣйствуетъ на религіозно-настроенную душу и которымъ такъ восхищаются иностранцы, представляетъ собою, можно сказать, идеальное выраженіе сущности христіанской религіи, ея природы, ея характера". Въ сочиненіи волонтера Вологодск. сем. встрѣчаемъ періодъ, который, начинаясь въ концѣ первой страницы, кончается далеко не въ самомъ верху третьей. Въ этомъ же сочиненіи употреблены выраженія: „лейтъ-мотивъ" (стр. 4) и „до здѣ" (стр. 5), заимствованныя авторомъ изъ совершенно разнородныхъ источниковъ, но одинаково неумѣстныя въ письменной работѣ на пріемныхъ испытаніяхъ.

Въ частности, можно отмѣтить небрежность и невнимательность многихъ авторовъ при цитаціи текстовъ Писанія и вообще при ссылкахъ на него. Волонтеръ Московск. сем. влагаетъ въ уста Спасителя слѣдующія слова: „Мною законъ и пророцы висятъ"; по замѣчанію волонтера Волынск. сем., „Ветхій Завѣтъ называется въ Священномъ Писаніи „сѣнью грядущихъ благъ" и „зерцаломъ гаданія"; онъ же пишетъ: „Православная Церковь заимствовала изъ Ветхаго Завѣта въ Свое Церковно-общественное Богослуженіе „вся, яже къ назиданію, животу и благочестію"; у волонтера Костр. сем. читаемъ: „законъ былъ для насъ путіеводителемъ ко Христу

Гал. III, 24". Волонтеръ Симб. сем. пишетъ: „въ молитвословіяхъ... таинства брака испрашивается брачущимся чадородіе, на подобіе чадородія Іакова и Ревекки"; по мнѣнію волонтера Кишин. сем., Самуилъ былъ первосвященникомъ.

Замѣчено въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ подобное же отношеніе къ церковному уставу и богослужебнымъ книгамъ. По замѣчанію одного изъ волонтеровъ Московск. сем., утреннее богослуженіе оканчивается чтеніемъ только псалма 100-го; онъ же полагаетъ, что въ составъ шестопсалмія входятъ псалмы 6 и 77. По мнѣнію другого волонтера Московск. сем., вторая пѣснь канона составляется „по образцу обличительной пѣсни Моисея (Втор. 17 гл.)"; вызываетъ невольное недоумѣніе въ сочиненіи волонтера Московской же семинаріи слѣдующая фраза: „особенно ясно Ветхій Завѣтъ отпечатлѣлся въ всѣхъ 6-ти пѣсняхъ канона". Воспитанникъ Софійской духовной семинаріи (болгарскій уроженецъ), говоря о содержаніи пѣсней канона, упоминаетъ и о пророкѣ Иліи, на ряду съ пророками Аввакумомъ и Іоною, при чемъ полагаетъ, что событіе изъ жизни послѣдняго, имѣвшее прообразовательное значеніе, составляетъ предметъ содержанія седьмой пѣсни. Волонтеръ Московской семинаріи заканчиваетъ свое сочиненіе сообщеніемъ, что „на отпѣваніи „непорочны" берутся изъ 102 псалма"; у него же сказано, что „на полунощницѣ, утрени, вечерни, повечеріи, часахъ читаются предначинательные псалмы". Молитвы, читаемыя священникомъ при чтеніи или пѣніи псалма: „Благослови душе моя Господа", присланный Владим. сем. называетъ „свѣтильными", а волонтеръ Виѳанской сем. (священникъ) — „святиличными".

Нѣкоторые изъ писавшихъ обнаружили недостаточное знакомство съ славянскимъ языкомъ: напр., волонтеръ Московск. сем. въ началѣ сочиненія пишетъ: „Ветхій Завѣтъ, *какъ „сѣнь бо имый грядущихъ благъ* (Евр. X, I) долженъ былъ уступить мѣсто Новому Завѣту"; а волонтеръ Костромск. семинаріи, цитуя 1 Кор. X, 11, употребляетъ такое выраженіе: „святые Апостолы учили..., что всѣ ветхозавѣтные прообразы *писана быша въ наученіе наше*".

Лучшія сочиненія принадлежатъ волонтерамъ: Олонецк. сем. (5), Симбирск. (5—) Подольск. (4½), Смол. (4+), Кишиневск.

(4) и тремъ—Московской сем. (по 4). Изъ присланныхъ лучшую, сравнительно, работу представилъ студентъ Московской семинаріи, получившій баллъ 4—; тотъ же баллъ имѣютъ два волонтера—Владим. и Рязанск. сем. Изъ 79 разсмотрѣнныхъ сочиненій неудовлетворительнымъ балломъ отмѣчены десять".

Е) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей сочиненія *по систематической философіи*:

„Тема по систематической философіи, предложенная въ текущемъ году воспитанникамъ семинарій и другимъ лицамъ, державшимъ пріемныя испытанія въ Академію, формулировалась такъ: „позитивизмъ, какъ философская доктрина и какъ жизненное явленіе". Такимъ расчлененіемъ имѣлось въ виду подчеркнуть идеологическій характеръ темы и предотвратить искушеніе разсматривать вопросъ исторически и монографически, что не входитъ въ задачи „систематической философіи". Однако, случилось какъ разъ обратное: позитивизмъ, „какъ жизненное явленіе", не только не оттѣнилъ первую теоретическую половину вопроса и не придалъ ей чисто-систематическаго характера, но, будучи самъ понятъ исторически и внѣшне, окрасилъ въ соотвѣтствующій цвѣтъ и „доктрину" позитивизма, которая оказалась ничѣмъ инымъ, какъ ученіемъ „извѣстнаго французскаго философа Огюста Конта, жившаго тогда-то, писавшаго такія-то произведенія и т. д., и т. д.". Правда, критика, слѣдовавшая непосредственно за историческимъ введеніемъ, обычно имѣла дѣло уже съ позитивизмомъ вообще, но это „вообще" являлось какъ то неожиданно и обусловливалось, повидимому, тоже чисто „историческимъ" и внѣшнимъ переходомъ отъ уже исчерпанной, въ извѣстномъ пунктѣ, „Исторіи философіи"—Страхова къ имѣющимъ быть исчерпаннымъ, въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ, „Начальнымъ основаніямъ философіи"—Кудрявцева. Самостоятельное творчество начиналось лишь съ размышленія надъ понятіемъ „жизненное явленіе", но и здѣсь, какъ сказано, вмѣсто принципіальнаго рѣшенія вопроса съ точки зрѣнія метафазической, являлись на сцену соціализмъ, анархизмъ, безнравственность и под., въ качествѣ примѣровъ практическаго проведенія въ жизнь ученія Конта, какъ будто до Конта

свѣтъ никогда ничего подобнаго не видѣлъ, и какъ будто эти жизненныя явленія строго соотносительны съ чистой теоріей позитивизма. Въ такомъ направленіи исполнено подавляющее большинство работъ, и, такимъ образомъ, въ смыслѣ точнаго отвѣта на поставленный вопросъ, они неудовлетворительны, но, съ другой стороны, принимая во вниманіе сжатость формулировки темы и нѣкоторую неясность понятія „явленія", хотя и опредѣленнаго ближе, какъ „жизненное", но все же достаточно широкаго и допускающаго различныя истолкованія, коммиссія не нашла возможнымъ ставить это невѣрное истолкованіе въ упрекъ писавшимъ, объясняя это и еще тѣмъ, что при понятномъ экзаменаціонномъ волненіи мысль писавшихъ искала не столько темы, какъ таковой, сколько знакомаго въ ней и легко могла ассоціировать отъ позитивизма, и какъ доктрины и какъ жизненнаго явленія, къ главѣ: „позитивизмъ просто" въ соотвѣтствующемъ семинарскомъ учебникѣ. Ассоціація эта удалась вполнѣ, и коммиссіи пришлось имѣть дѣло съ достаточно толковыми и подробными отвѣтами на вопросъ: что такое позитивизмъ, какъ извѣстное философское ученіе, и что можно, до нѣкоторой степени, считать жизненно-практическимъ его выраженіемъ. На тему, формулированную подобнымъ образомъ, отвѣтъ данъ, какъ сказано, вполнѣ удовлетворительный, и этимъ объясняется преобладаніе въ спискѣ среднихъ оцѣнокъ (отъ 3—4). Баллами ниже 3-хъ отмѣчены нѣсколько работъ, являющихся *дословной* копіей соотвѣтствующихъ отдѣловъ изъ указанныхъ учебниковъ, съ добавленіемъ небольшой статьи „Контъ" изъ „философскаго словаря" Радлова, и одна работа, написанная на тему по собственному выбору и не имѣющую никакого отношенія къ заданной. Балломъ выше 4-хъ отмѣчены: три вдумчивыхъ и сравнительно оригинальныхъ работы (волонтеры Рязанск., Виѳанск. и Холмск. семинарій), одно серьезное и большое сочиненіе (вол. Костромск. сем.), одно, обнаруживающее въ авторѣ хорошую освѣдомленность въ исторіи философіи (вол. Нижегор. сем.) и два не лишенныхъ талантливости и тоже показывающихъ хорошую общую начитанность, хотя и не систематическую (вол. Олонецк. и присл. Кіевск. семинарій). Но, въ цѣломъ, несмотря на преобладаніе балловъ среднихъ и даже хорошихъ, общее впечатлѣніе отъ работъ однооб-

разное и скучное, главнымъ образомъ благодаря рабской зависимости писавшихъ отъ принятаго руководства, усвоеннаго притомъ чисто механически. Разбивается позитивизмъ по всѣмъ правиламъ средневѣковой діалектики, но это не мѣшаетъ ему въ заключеніяхъ, въ отдѣлѣ розовыхъ надеждъ, вновь возвращать себѣ поколебленный тронъ и всѣ утраченныя права. Безусловность научнаго прогресса, чудеса техники, грядущее торжество мира и альтруизма, постепенное углубленіе въ познаніе сущности вещей, Богъ, какъ регуляторъ внѣшнихъ человѣческихъ отношеній и conditio sine qua non исполняемости нравственныхъ обязанностей,— таковы перспективы, открывающіяся взору большинства побѣдителей позитивизма и какъ доктрины и какъ жизненнаго явленія.

Lapsus'ы сравнительно немногочисленны: „нѣмецкій философъ Контъ", „эмпиріокритицизмъ Канта", „мірныя вещи", „вѣчное безсмертіе", „яркое знамя", „въ настоящее время, когда, какъ говорятъ, Бога нѣтъ", „на биржѣ человѣческой мысли", доказывать прогрессъ значитъ дуть на холодное", „отрицаніе прогресса противорѣчитъ закону эволюціи", „опуская въ муть позитивнаго теченія термометръ здравой христіанской морали, мы получаемъ неутѣшительные результаты", „наше познаніе относительно (скажу словами одного чеховскаго героя)". Грамматика:—„эмперическій" (у 10% пишущихъ), „философскіе вопросы" (нерѣдко), „арелигіозность", „телеологія"—вмѣсто „теологія", „душу же свою ощетить" и под.".

Ж) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей *поученія*:

„Экзаменующимся предложено было написать поученіе на текстъ кн. Дѣяній X, 35: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати. Представленныя работы обнаружили поразительную скудость мысли, ненаблюдавшуюся въ такой степени въ предшествовавшіе годы. Гомилетическіе пріемы и принципы писавшимъ какъ будто вовсе незнакомы. Прежде всего поражаетъ полное неумѣнье обращаться съ текстомъ. Тогда какъ въ текстѣ очевидное противопоставленіе „даянія и пріятія" какъ религіозно-нравственныхъ психологическихъ состояній, наши авторы первой своей задачей поставили—обезцвѣтить текстъ; для этого они обрубили текстъ на половину,

представивъ его какъ общее правило: должно подавать. Обобщивъ такъ данный текстъ, они оказались не въ состояніи подвести его подъ какую-либо опредѣленную тему; почти всѣ работы не имѣютъ никакой темы; все содержаніе проповѣдей сводится къ простому перечисленію категорій людей, которымъ слѣдуетъ давать. Особенно много вниманія удѣлялось раненымъ, при чемъ присоединялись мало подходившія разсужденія о войнѣ. Работы получились такія, что, строго говоря, приблизительно $^2/_3$ ихъ числа слѣдовало бы отмѣтить неудовлетворительными баллами. При сильномъ снисхожденіи коммиссія нашла необходимымъ отмѣтить неудовлетворительными баллами около 20, при чемъ въ этомъ числѣ оказались и работы студентовъ, рекомендованныхъ семинаріями. Вполнѣ удовлетворительныхъ работъ едва можно насчитать десятокъ; вполнѣ хорошихъ—только одна, принадлежащая волонтеру Олонецкой семинаріи. Семинаріямъ слѣдовало бы обратить самое серьезное вниманіе на улучшеніе постановки гомилетическихъ работъ".

ж) Представленные экзаменаціонными коммиссіями списки упомянутыхъ лицъ съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ ими на письменныхъ и устныхъ повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую табель сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*а) § 136:* „Пріемъ студентовъ въ Академію производится одинъ разъ въ году, предъ началомъ учебныхъ занятій"; *б) § 137:* „Къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію допускаются: 1) окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду—а) рекомендованные семинарскимъ правленіемъ и посылаемые на синодальныя средства и б) прибывающіе въ Академію на собственныя средства, но съ вѣдома и одобренія семинарскаго начальства, и 2) имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и окончившіе курсъ военныхъ училищъ"; *в) § 139*: „Женатые въ студенты Академіи не принимаются. Исключеніе изъ этого правила допускается для всѣхъ Академій, кромѣ С.-Петербургской, съ особаго каждый разъ разрѣшенія Св. Синода для лицъ изъ бѣлаго духовенства, если они удовлетворяютъ требованіямъ §§ 137 и 141";

г) § 141: „Изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно"; *д) § 144:* „Своекоштные студенты обязаны жить въ Академіи въ качествѣ пансіонеровъ или полупансіонеровъ. Число ихъ въ каждомъ учебномъ году опредѣляется вмѣстимостью академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Внѣ Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное пребываніе въ академическомъ городѣ, за исключеніемъ лицъ, упомянутыхъ въ примѣчаніи 1 къ § 137".—2) Указомъ Св. Синода *отъ 9-го августа 1911 года за № 10593* постановлено было: „Въ разъясненіе § 144 (по новой нумераціи 141-го) Уст. дух. акад., по которому изъ числа подвергавшихся повѣрочнымъ испытаніямъ могутъ быть приняты въ Академію только тѣ, кто выдержалъ оныя успѣшно, установить слѣдующія *правила*: 1) въ Академію принимаются получившіе по всѣмъ устнымъ испытаніямъ и сочиненіямъ не менѣе трехъ; 2) могутъ быть, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, зачисляемы въ студенты Академіи получившіе неудовлетворительный баллъ не ниже 2 по одному изъ предметовъ устнаго испытанія, если они имѣютъ баллъ по каждому сочиненію не менѣе 3 и средній баллъ по всѣмъ устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ не менѣе $3^3/_4$ и 3) получившіе на пріемныхъ испытаніяхъ двѣ двойки или одну единицу не могутъ быть принимаемы въ Академію". — 4) По *§ 109*, лит. *б.* п. 6, академическаго устава „зачисленіе въ студенты Академіи послѣ экзаменовъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXXIII) академическаго курса,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Никонова Александра, волонтера изъ Олонецкой сем.
   Расторгуева Андрея, вол. изъ Симбирской сем.
   Гладкова Василія, вол. изъ Нижегородской сем.
   Свящ. Залевскаго Николая, вол. изъ Подольской сем.

5. Донца Илью; присланнаго изъ Кіевской сем.
Стефановича Антонія, присл. изъ Подольской сем.
Шамилова Филиппа, вол. изъ Холмской сем.
Соколова Николая, присл. изъ Московской сем.
Калиновича Александра, присл. изъ Волынской сем.
10. Мизерова Дмитрія, присл. изъ Ярославской сем.
Трубачева Зосиму, присл. изъ Вологодской сем.
Свящ. Стрекалова Николая, волонт. изъ Рязанской сем.
Свящ. Теологова Василія, вол. изъ Рязанской сем.
Свящ. Введенскаго Димитрія, вол. изъ Виѳанской сем.
15. Свящ. Майорова Константина, вол. изъ Смоленской сем.
Побѣдинскаго Василія, присл. изъ Рязанской сем.
Ареѳьева Бориса, присл. изъ Пермской сем.
Кораблева Константина, вол. изъ Костромской сем.
Шувалова Павла, вол. изъ Московской сем.
20. Сергѣева Григорія, присл. изъ Курской сем.
Свящ. Поликарпова Валентина, вол. изъ Харьковской семин.
Базилевскаго Николая, присл. изъ Полтавской сем.
Орлова Сергѣя, присл. изъ Архангельской сем.
Вишнякова Павла, вол. изъ Моск. сем.
25. Пинкевича Петра, присл. изъ Минск. сем.
Окунева Тихона, вол. изъ Рязан. сем.
Воздвиженскаго Дмитрія, присл. изъ Виѳан. сем.
Введенскаго Николая, вол. изъ Моск. сем.
Розанова Ивана, вол. изъ Виѳан. сем.
30. Воскресенскаго Владиміра, вол. изъ Моск. сем.
Доброва Петра, присл. изъ Моск. сем.
Забарнаго Петра, вол. изъ Полтав. сем.
Гражданскаго Сергѣя, присл. изъ Орлов. сем.
Бѣлтова Николая, вол. изъ Владим. сем.
35. Ивановскаго Николая, вол. изъ Симб. сем.
Вижевскаго Дмитрія, вол. изъ Волын. сем.
Ильинскаго Николая, вол. изъ Влад. сем.
Иванова Павла, вол. изъ Вологод. сем.
Свящ. Розова Константина, вол. изъ Яросл. сем.
40. Смирнова Василія, вол. изъ Виѳан. сем.
Смирнова Михаила, вол. изъ Виѳан. сем.
Уметскаго Александра, присл. изъ Тамб. сем.
Свящ. Киселева Пимена, вол. изъ Влад.-Виѳ. сем.

Лебедева Виктора, вол. изъ Моск. сем.
45. Одинцова Алексѣя, присл. изъ Твер. сем.
Милославскаго Александра, вол. изъ Виѳан. сем.
Свящ. Кораблева Павла, вол. изъ Костр. сем.
Рожкова Сергѣя, вол. изъ Холм. сем.
Алентова Николая, вол. изъ Вологод. сем.
50. Никитскаго Павла, вол. изъ Моск. сем.
Малинкова Ивана, болг., вол. изъ Софійск. сем.
Копылова Евгенія, вол. изъ Тобол. сем.
Свящ. Порубина Михаила, вол. изъ Кишинев. сем.
Щеглова Виктора, вол. изъ Моск. сем.
55. Иванова Михаила, вол. изъ Полт. сем.,

причемъ, согласно § 139 академическаго устава, о принятіи имѣющихъ женъ *священниковъ*: Николая *Залевскаго*, Николая *Стрекалова*, Василія *Теологова*, Димитрія *Введенскаго*, Константина *Майорова*, Валентина *Поликарпова*, Константина *Розова*, Пимена *Киселева*, Павла *Кораблева* и Михаила *Порубина*, съ дозволеніемъ имъ проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ,—представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода, съ приложеніемъ требуемыхъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1913 года за № 15278 подробныхъ свѣдѣній объ ихъ семейномъ положеніи.

2) Остальнымъ лицамъ, державшимъ повѣрочныя испытанія: *Вознесенскому* Павлу (вол. Моск. сем.), *Архангельскому* Павлу (вол. Моск. сем.), *Покровскому* Сергѣю (вол. Моск. с.), *Островскому* Дмитрію (вол. Влад. с.), *Протопопову* Александру (вол. Моск. с.), *Магницкому* Николаю (присл. Влад. с.), *Никольскому* Борису (вол. Моск. с.), *Никанорову* Анатолію (вол. Орлов. с.), *Покровскому* Николаю (вол. Моск. с.), свящ. *Розову* Сергію (вол. Костр. с.), іеродіакону Гавріилу (*Мануилову*), болгар. уроженцу (вол. Константинап. с.), *Сахарову* Алексѣю (вол. Моск. с.), *Соколову* Александру (вол. Моск. с.), *Садикову* Николаю (вол. Влад. с.), *Соколову* Александру (вол. Виѳан. с.), *Сухозанету* Павлу (вол. Волын. с.), *Благовѣщенскому* Алексѣю (вол. Моск. с.), *Введенскому* Владиміру (вол. Моск. с.) и *Маценко* Максиму (вол. Новоузен. реальн. уч.),— получившимъ на испытаніяхъ по одному (на *письменныхъ*

испытаніяхъ или на устныхъ—при среднемъ баллѣ ниже $3^3/_4$), по два и болѣе неудовлетворительныхъ балла,—отказать въ пріемѣ по недостаточной подготовленности ихъ къ слушанію академическихъ лекцій.

3) За исключеніемъ вышеупомянутыхъ (п. 1 опредѣленія) *десяти* семейныхъ священниковъ и студента *Розанова* Ивана, родители котораго имѣютъ постоянное жительство въ Сергіевскомъ Посадѣ,—всѣхъ остальныхъ студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, помѣстить въ зданіяхъ Академіи.

4) По утвержденіи журнала настоящаго собранія Его Высокопреосвященствомъ, — представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго академическаго курса съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Академію, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ коммиссій.

5) Документы рекомендованнаго Правленіемъ Владимірской семинаріи студента *Магницкаго Николая*, получившаго одинъ неудовлетворительный баллъ ($2^1/_2$) на *письменномъ* испытаніи по Священному Писанію Ветхаго Завѣта и потому не удостоеннаго пріема въ Академію,—возвратить въ Правленіе названной семинаріи, а документы студента *Солнцева Павла*, не явившагося къ повѣрочнымъ испытаніямъ по болѣзни,—препроводить въ Правленіе Московской духовной семинаріи, которымъ онъ былъ рекомендованъ.

II. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Г.г. наставниками Академіи доставлены мнѣ *программы преподаваемыхъ ими наукъ и соображенія о предполагаемомъ ходѣ практическихъ занятій на 1914—1915 учебный годъ.*— На основаніи § 109, лит. *а* п. 4, устава духовныхъ академій предлагаю эти программы и соображенія на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Признавая представленныя г.г. наставниками Академіи программы преподаванія на 1914—1915 учебный

годъ соотвѣтствующими указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ Святѣйшимъ Синодомъ въ объяснительной запискѣ къ проекту устава духовныхъ академій 1910 года, и научной постановкѣ предметовъ, программы эти утвердить.

III. Имѣли сужденіе: *О распредѣленіи лекцій и практическихъ занятій въ Академіи на 1914—1915 учебный годъ*, причемъ были выслушаны нижеслѣдующія прошенія г.г. наставниковъ Академіи:

а) Экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ литургики *священника И. В. Гумилевскаго:*

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ, на основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій, какъ преподающему въ Академіи третій годъ, читать въ 1914—1915 учебномъ году двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ практическихъ".

б) Доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Лысогорскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи, на основаніи примѣчанія къ § 84 академическаго устава, разрѣшить мнѣ въ текущемъ учебномъ году преподавать двѣ теоретическихъ и двѣ практическихъ лекціи".

в) Доцента по *второй* каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій" покорнѣйше прошу Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ въ наступающемъ третьемъ году моей преподавательской службы читать двѣ теоретическихъ лекціи и двѣ посвящать практическимъ занятіямъ".

г) Доцента по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи оставить за мною прежнее число лекцій, т. е.—двѣ теоретическихъ и одну практическую, такъ какъ въ истекшемъ

1913/1914 учебномъ году я находился въ заграничной командировкѣ и въ наступающемъ году имѣю читать курсъ лекцій лишь второй разъ за свою академическую службу".

д) И. д. доцента по *второй* каѳедрѣ патрологіи *іеромонаха Пантелеимона* (*Успенскаго*):

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Православныхъ Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи назначить мнѣ, какъ читающему курсъ лекцій второй годъ, двѣ теоретическихъ лекціи и одну часовую практическую. Считаю нужнымъ обратить вниманіе Совѣта на то, что въ нынѣшнемъ учебномъ году, по крайней мѣрѣ, во второмъ полугодіи мнѣ придется совершенно заново работать надъ составленіемъ курса, такъ какъ въ прошломъ учебномъ году чтеніе лекцій, по возвращеніи изъ командировки, начато мною только съ конца ноября мѣсяца".

е) И. д. доцента по каѳедрѣ церковно-славянскаго и русскаго языковъ съ палеографіей *священника І. М. Смирнова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 Устава Духовныхъ Академій покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи уменьшить мнѣ, какъ имѣющему преподавать лишь 3-й годъ, общее количество еженедѣльныхъ лекціонныхъ часовъ до четырехъ, изъ которыхъ два мною были бы употреблены на теоретическое изложеніе предмета, а два—на веденіе практическихъ занятій".

ж) И. д. доцента по каѳедрѣ систематической философіи и логики *Ѳ. К. Андреева*:

„Приступая къ чтенію курса лекцій въ наступающемъ учебномъ году, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ имѣть двѣ теоретическихъ и одну практическую лекціи".

з) И. д. доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *А. В. Ремезова*:

„На основаніи примѣчанія къ § 84 „Устава Православныхъ Духовныхъ Академій" имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Акаде-

міи разрѣшить мнѣ, какъ преподавателю, въ первый разъ приступающему къ чтенію своего курса, читать въ наступающемъ учебномъ году двѣ теоретическихъ лекціи и одну посвящать практическимъ занятіямъ".

Справка: 1) Устава духовныхъ академіи *§ 84, примѣчаніе*: „Начинающимъ преподавателямъ Совѣтъ можетъ разрѣшить въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ и меньшее число лекцій" (сравнительно съ нормою, каковою признается *пять* лекцій въ недѣлю, а по пастырскому богословію, гомилетикѣ и греческому языку—*четыре* лекціи).—2) По *§ 109*, лит. *б* п. 3 и лит. *а* п. 3, того же устава—„опредѣленіе количества лекцій для начинающихъ преподавателей" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея, а „распредѣленіе лекцій, практическихъ занятій съ репетиціями и часовъ преподаванія"—въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Признавая вышеизложенныя просьбы г.г. наставниковъ Академіи объ уменьшеніи числа лекціонныхъ часовъ заслуживающими уваженія,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи назначить на 1914—1915 учебный годъ, соотвѣтственно числу лѣтъ преподавательской дѣятельности: экстраординарному профессору *священнику П. В. Гумилевскому*, доцентамъ *Н. В. Лысогорскому* и *іеромонаху Варѳоломею* (*Ремову*) и и. д. доцента *священнику І. М. Смирнову*—по *четыре* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и два часа на практическія занятія); доценту *Н. Д. Протасову* и и. д. доцента: *іеромонаху Пантелеимону* (*Успенскому*), *Ѳ. К. Андрееву* и *А. В. Ремезову*—по *три* лекціонныхъ часа въ недѣлю (два часа на теоретическія лекціи и одинъ часъ на практическія занятія).—2) Въ случаѣ удовлетворенія означеннаго ходатайства,—распредѣлить лекціи и практическія занятія въ Академіи въ 1914—1915 учебномъ году по слѣдующей таблицѣ:

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1914 — 1915 учебный годъ.

Дни	Часы.	Первый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	.....
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Основное богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Основное богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	1-й групп. предметъ *) (1, 2, 3, 4)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	1-й групп. предметъ (1 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	1-й групповой предметъ (1, 2, 4)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	1-й групп. предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Основное богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Основное богословіе (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Основное богословіе (пр. з.)
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Греческій языкъ
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Греческій языкъ
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Новые языки
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Новые языки
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Новые языки
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Новые языки
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Систематическая философія и логика
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Систематическая философія и логика
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Систематич. философ. и логика (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч 20 м.	Исторія философіи | Педагогика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Ист. филос. (пр. з.) | Педагогика (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Ист. филос. (пр. з.) | Педагогика (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія философіи | Педагогика
	11 ч. 30 м —12 ч. 20 м.	Исторія философіи | Педагогика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія древней церкви **)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія древней церкви
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта I (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Ветх. Завѣта I (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Исторія древней церкви
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія древней церкви (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія древней церкви (пр. з.)

*) 1. Русская гражданская исторія.—2. Библейская исторія, въ связи съ исторіей древняго міра.—3. Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

**) Лекціи по *исторіи древней церкви*, за болѣзнію преподавателя, въ 1914-15 уч. году не были читаны.

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1914—1915 учебный годъ.

Дни.	Часы.	Второй курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	...
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	2-й групповой предметъ *) (1, 2, 3, 4)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	2-й групповой предметъ (1, 2, 3, 4)
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	2-й групповой предметъ (1, 2, 3, 4)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	2-й групповой предметъ (пр. з.) (1, 2, 3, 4)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	...
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Психологія
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Психологія
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Психологія
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Психологія (пр. зан.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Психологія (пр. зан.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Греческій языкъ
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Греческій языкъ
	1 ч. 10 м.—2 ч.	...
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Систематическая философія и логика
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Систематическая философія и логика
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Систематич. философія и логика (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Патрологія I
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Патрологія I (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Патрологія I (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Ветхаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія русской церкви
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія русской церкви
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Патрологія I
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Патрологія I
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія и обличеніе русскаго раскола
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія и обличеніе русскаго раскола
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія и обличен. русск. раскола (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Исторія русской церкви
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Исторія русской церкви (пр. зан.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Исторія русской церкви (пр. зан.)

*) 1 Исторія Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей.—2. Еврейскій языкъ съ библейской археологіей.—3. Исторія русской литературы.—4. Исторія и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени.

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1914—1915 учебный годъ.

Дни.	Часы.	Третій курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія и облич. русск. сектантства
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія и обличеніе рус. сектантства
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Ист. и обличеніе руск. сектант. (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта (*М. Д. М.*)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Групповые предметы
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Групповые предметы
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Групповые предметы
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Групповые предметы (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Групповые предметы (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Аскетика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	.....
	1 ч. 10 м.—2 ч.	.....
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Патрологія II
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Патрологія II
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Патрологія II (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Догматическое богословіе
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Догматическое богословіе (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Догматическое богословіе (пр. з.)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Литургика
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Литургика
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Литургика (пр. з.)
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Литургика (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Догматическое богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Догматическое богословіе
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Пастырское богословіе
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Пастырское богословіе
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта I (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Пастырское богословіе (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Пастырское богословіе (пр. з.)

Распредѣленіе лекцій и практическихъ занятій въ Императорской Московской Духовной Академіи на 1914 — 1915 учебный годъ.

дни.	часы.	Четвертый курсъ.
Понедѣльн.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Исторія и обличеніе рус. сектантства
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Исторія и обличеніе рус. сектантства
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Исторія и облич. рус. сектант. (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта (*М. Д. М.*)
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Церковное право
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Церковное право
Вторникъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Церковное право
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Церковное право (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Церковное право (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Аскетика
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	.....
	1 ч. 10 м.—2 ч.	.....
Среда.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	.....
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	.....
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
Четвергъ.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Свящ. Писаніе Новаго Завѣта II (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	Церковная археологія
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Церковная археологія
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Церковная археологія (пр. з.)
Пятница.	9 ч.—9 ч. 50 м.	.....
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Нравственное богословіе
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Нравственное богословіе
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Пастырское богословіе
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Пастырское богословіе
Суббота.	9 ч.—9 ч. 50 м.	Нравственное богословіе
	9 ч. 50 м.—10 ч. 40 м.	Нравственное богословіе (пр. з.)
	10 ч. 40 м.—11 ч. 30 м.	Нравственное богословіе (пр. з.)
	11 ч. 30 м.—12 ч. 20 м.	.....
	12 ч. 20 м.—1 ч. 10 м.	Пастырское богословіе (пр. з.)
	1 ч. 10 м.—2 ч.	Пастырское богословіе (пр. з.)

IV,—*О назначеніи студентамъ письменныхъ работъ на 1914—1915 учебный годъ.*

Справка: Устава духовныхъ академій—*а*) § *154*: „Въ теченіе года, на первыхъ трехъ курсахъ, студентамъ назначается по три сочиненія на каждый курсъ на темы, данныя преподавателями и одобренныя ректоромъ Академіи. Кромѣ этихъ третныхъ сочиненій, для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе одной проповѣди на каждомъ курсѣ".— б) § *155*: „Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, изъ нихъ два сочиненія — по богословскимъ наукамъ и одно—по общеобразовательнымъ".—*в*) § *156*: „Студенты IV курса пишутъ курсовое сочиненіе для полученія степени кандидата богословія на тему богословскаго характера, одобренную ректоромъ и утвержденную Епархіальнымъ Архіереемъ. Совѣтъ Академіи озабочивается равномѣрнымъ распредѣленіемъ труда по разсмотрѣнію сочиненій между отдѣльными преподавателями, съ такимъ разсчетомъ, чтобы одному преподавателю писали не болѣе 5 человѣкъ".—

Опредѣлили: Назначить на 1914—1915 учебный годъ студентамъ I, II и III курсовъ по *три* сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ.

а) По первому групповому предмету,
б) По исторіи философіи и педагогикѣ,
в) По Свящ. Писанію Ветхаго Завѣта (I каѳ.).

Во II курсѣ:

а) По Свящ. Писанію Ветхаго Завѣта (II каѳ.),
б) По второму групповому предмету,
в) По патрологіи (I каѳ.).

Въ III курсѣ.

а) По литургикѣ,
б) По патрологіи (II каѳ.),
в) По пастырскому богословію.

Примѣчаніе. Избранныя гг. наставниками Академіи *темы* для означенныхъ сочиненій должны быть предварительно

представлены ими на одобреніе Преосвященнаго Ректора Академіи.

2) Для написанія *третныхъ сочиненій* назначить студентамъ I, II и III курсовъ слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ *10 сентября по 30 октября*, для второго — съ *1 ноября по 20 декабря* 1914 года и для третьяго—*съ 15 января по 13 марта* 1915 года.

3) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для *курсовыхъ* сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи курсовыхъ сочиненій назначить время *съ 15 апрѣля по 1 мая* 1915 года, съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ непредставленія студентомъ IV курса курсового сочиненія безъ уважительной причины, онъ, согласно § 167 академическаго устава, будетъ выпущенъ изъ Академіи лишь съ свидѣтельствомъ о выслушаніи имъ академическихъ наукъ.

4) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить *по одной проповѣди*, съ требованіемъ, чтобы они представляли ихъ не позднѣе *10 дней* до срока, назначеннаго по росписанію.—Росписаніе проповѣдей на 1914—1915 учебный годъ имѣетъ быть дано, съ одобренія Преосвященнаго Ректора Академіи, преподавателемъ гомилетики—*В. П. Виноградовымъ.*

5) Установленныя въ 1910 году Совѣтомъ Академіи *правила* относительно участія студентовъ *въ практическихъ занятіяхъ* оставить въ силѣ и на текущій учебный годъ.

6) Вышеизложенныя постановленія объявить студентамъ Академіи съ предупрежденіемъ по отношенію къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ, что кто изъ нихъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не исполнитъ всѣхъ лежащихъ на немъ учебныхъ обязанностей по представленію письменныхъ работъ, участію въ практическихъ занятіяхъ и сдачѣ устныхъ испытаній *къ 1 іюня 1915 года*, тотъ не можетъ уже разсчитывать на полученіе въ слѣдующемъ учебномъ году *казенной* стипендіи.

V. Слушали: Препровожденный (въ копіи) при отношеніи

Московской Духовной Консисторіи, отъ 23 августа с. г. за № 19401, указъ изъ Святѣйшаго Синода на имя временно управлявшаго Московскою епархіею Преосвященнаго Димитрія, Епископа Можайскаго, отъ 12 августа за № 13297:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе *объ изданіи полемическихъ листковъ объ уніи.* Приказали: Учредить, для изданія подъ руководствомъ Члена Святѣйшаго Синода, Преосвященнаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, полемическихъ листковъ объ уніи, комитетъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора Императорской Московской Духовной Академіи *архимандрита Иларіона*, въ составѣ доцента той же Академіи *іеромонаха Пантелеимона* и преподавателя Тульской Духовной Семинаріи *іеромонаха Даніила*, съ предоставленіемъ предсѣдателю комитета приглашать къ участію въ его работахъ и другихъ лицъ, по соглашенію съ Преосвященнымъ Харьковскимъ Антоніемъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство и Преосвященныхъ Тульскаго и Харьковскаго указами“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить (и объявленъ) о. Инспектору Академіи *архимандриту Иларіону* и и. д. доцента *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому).*

VI. а) Заявленіе экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка съ библейской археологіей *священника Е. А. Воронцова*:

„Для лучшаго изученія еврейскаго и родственныхъ ему семитическихъ языковъ оставленнымъ при Академіи на наступающій учебный годъ профессорскимъ стипендіатомъ *Соколовымъ* ему полезно было бы прослушать курсъ этихъ дисциплинъ въ Петроградскомъ Университетѣ, а поэтому имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать о допущеніи его къ учебнымъ занятіямъ на восточномъ факультетѣ названнаго Университета на тѣхъ условіяхъ, какія изложены въ подаваемомъ вмѣстѣ съ симъ прошеніи въ Совѣтъ г. Соколова“.

б) Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска текущаго 1914 года *Михаила Соколова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи командировать меня на 1914—1915 учебный годъ въ Петроградъ для изученія еврейскаго и родственныхъ ему языковъ на факультетѣ восточныхъ языковъ Императорскаго Петроградскаго Университета и ходатайствовать предъ Совѣтомъ послѣдняго объ освобожденіи меня отъ платы за обученіе съ разрѣшеніемъ пользованія мнѣ книгами Университетской библіотеки“.

Справка: По *§ 78* устава духовныхъ академій: „Профессорскіе стипендіаты и въ теченіе перваго года пребыванія въ этомъ званіи могутъ быть командируемы для слушанія спеціальныхъ курсовъ въ русскія и заграничныя высшія учебныя заведенія“.

Опредѣлили: Просить Правленіе Императорскаго Петроградскаго Университета о разрѣшеніи профессорскому стипендіату Академіи *Михаилу Соколову* слушать въ 1914—1915 учебномъ году лекціи на факультетѣ восточныхъ языковъ названнаго Университета и пользоваться университетской библіотекой, съ освобожденіемъ его отъ установленной платы въ пользу Университета.

VII. а) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студентъ IV (LXIX) курса *Берниковъ Сергѣй* сдалъ отложенныя ему по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня с. г. на послѣканикулярное время устныя испытанія по всѣмъ предметамъ IV курса представилъ проповѣдь и курсовое сочиненіе на степень кандидата богословія, получивъ какъ на устныхъ испытаніяхъ, такъ и на письменныхъ работахъ отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ.

б) Отзывы о курсовомъ сочиненіи студента IV (LXIX) курса *Берникова Сергѣя* на тему: „Объ иконописномъ подлинникѣ“.

1) Доцента *Н. Д. Протасова*:

„Посредственная студенческая работа.

Авторъ собралъ русскую литературу темы и по ней составилъ очеркъ образованія иконописнаго подлинника, его

состава и возможнаго развитія. Въ собственномъ смыслѣ научнаго анализа подлежащаго матеріала онъ не даетъ, такъ какъ не имѣлъ подъ руками ни одного оригинала. Даже такой кардинальный вопросъ въ исторіи нашего иконописанія, какъ отношеніе и степень зависимости русскаго подлинника отъ въ собственномъ смыслѣ греческаго—онъ обходитъ молчаніемъ и отдѣлывается простымъ замѣчаніемъ о общемъ вліяніи Византіи на Русь. Точно также вопросъ объ аѳонскомъ подлинникѣ и собственно византійскомъ оставленъ въ сторонѣ.

Въ работѣ не хватаетъ критическаго отношенія къ чужимъ мнѣніямъ: авторъ продолжаетъ называть менологіи подлинниками, и трудъ императора Василія оцѣнивается имъ совершенно невѣрно.

Таковы недостатки работы г. Берникова.

Однако, принимая во вниманіе, что онъ былъ лишенъ всякаго руководства со стороны автора темы и долженъ былъ самъ собрать нужную литературу, опредѣлить ея цѣнность и вѣсъ, методъ и все прочее, его работа можетъ быть названа умѣлой и толковой компиляціей. Онъ умѣетъ писать съ интересомъ, разбираться въ матеріалѣ и обращать вниманіе на важныя детали. И, не смотря на то, что большую часть года авторъ былъ въ больницѣ, онъ сумѣлъ выполнить свою обязанность по написанію кандидатскаго сочиненія объемомъ не меньшаго обычной работы студента (стр. 324).

Степени кандидата г. Берниковъ заслуживаетъ".

2) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Иларіона*:

„Сочиненіе г. Берникова очень невелико: въ печати оно заняло бы не болѣе трехъ съ половиною листовъ (около 52 стр.). Трудно поэтому ожидать, чтобы въ сочиненіи былъ широко и всесторонне изслѣдованъ такой большой и сложный вопросъ, какъ вопросъ объ иконописномъ подлинникѣ. Сочиненіе автора и не представляетъ какого-нибудь самостоятельнаго научнаго изслѣдованія. Оно написано по пособіямъ. Въ литературѣ имѣется нѣсколько спеціальныхъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію иконописнаго подлинника. Всецѣло основываясь на своихъ пособіяхъ, авторъ въ своемъ сочиненіи не даетъ въ научномъ смыслѣ ничего новаго. Въ руко-

писяхъ различныхъ книгохранилищъ имѣются еще не использованные матеріалы: авторъ этихъ матеріаловъ не касается. Въ началѣ сочиненія у автора перечислено цѣлыхъ 129 пособій, большая часть которыхъ не имѣетъ большой научной цѣны да и едва-ли была полезна автору. Напрасно онъ тратилъ время и силы на розыски и на ознакомленіе съ мелкими пособіями, когда у него подъ руками были труды Филимонова, Буслаева, Покровскаго, Сахарова, Забѣлина, Григорова и др. Но во всякомъ случаѣ стремленіе автора привлечь возможно больше литературы вопроса свидѣтельствуетъ объ его трудолюбіи. Важнѣйшія пособія прочитаны внимательно; съ вопросомъ авторъ ознакомился достаточно. Но слѣдуетъ отмѣтить, что въ своемъ сочиненіи г. Берниковъ больше преслѣдуетъ цѣли изложенія, нежели научнаго изслѣдованія. Больше половины сочиненія занято изложеніемъ содержанія иконописнаго подлинника: подробно излагаются наставленія подлинника о томъ, какъ писать лицо, одежды, подробно изложены правила иконописной техники. Иногда изложеніе автора излишне подробно: о писаніи, напримѣръ, одеждъ онъ говоритъ на пространствѣ болѣе 60 стр., причемъ авторъ находитъ нужнымъ говорить даже о томъ, что такое „источники“ и „скрижали“ на святительскихъ мантіяхъ. Этотъ отдѣлъ объ одеждахъ въ сочиненіи самый скучный. Лучшія въ сочиненіи двѣ послѣднія главы— 7-я и 8-я, въ которыхъ авторъ говоритъ объ исторіи подлинниковъ, объ ихъ постепенномъ развитіи, о составленіи новыхъ редакцій до алфавитной включительно. Но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить неравномѣрность въ обсужденіи затрогиваемыхъ вопросовъ. Исторія подлинниковъ до Симона Ушакова изложена всего на 18 стр. (что равно лишь тремъ печатнымъ), а вслѣдъ за этимъ на 27 стр. излагаются лишь взгляды Ушаковской школы на церковное искусство. Эти страницы заполнены словами изографа Іосифа, выписанными изъ книги Буслаева. Рѣшать спорные научные вопросы авторъ избѣгаетъ. Такъ изслѣдователи иконописныхъ подлинниковъ невольно и неизбѣжно задаются вопросомъ, какіе подлинники первоначальны—толковые или лицевые. Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ догматически въ нѣсколькихъ строкахъ. „Первые, то есть, лицевые подлинники по времени предшествуетъ послѣднимъ и составляютъ первоначальное руко-

водство для иконописцевъ въ видѣ лицевыхъ святцевъ, то есть, изображеній святыхъ, расположенныхъ по днямъ церковнаго года". Всякія доказательства этого положенія г. Берниковъ считаетъ повидимому излишними. Можно въ сочиненіи отмѣтить и мелкіе недостатки. Такъ, напр., разсказавъ о томъ, какъ по подлинникамъ слѣдуетъ приготовлять доски для иконъ, авторъ сразу переходитъ къ ученію о пропорціяхъ, соблюдавшихся при написаніи фигуры святаго. Связи никакой. Есть и нескладныя выраженія. Сочиненіе, напр., начинается фразой: „Въ первое время своего существованія христіанское *искусство* было свободною *профессіей*". Но въ общемъ о стилѣ сочиненія можно отозваться съ похвалой. Благодаря несложности содержанія и легкости и ясности изложенія, сочиненіе читается не безъ удовольствія.

Сочиненіе свидѣтельствуетъ, что г. Берниковъ поработалъ достаточно: онъ не мало прочиталъ и наиболѣе существенное изъ прочитаннаго изложилъ хотя и кратко, но складно и толково. Степени кандидата богословія студентъ Сергѣй Берниковъ заслуживаетъ".

Справка: 1) Въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь академическій курсъ студентъ *Берниковъ* Сергѣй имѣетъ—4,223. 2) По § *109*, лит. *б* п. 8, устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Студента IV-го (LXIX) курса *Берникова Сергѣя* удостоить степени *кандидата богословія*, съ причисленіемъ ко *второму* разряду, о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VIII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студенты: III курса—*Дюлгеровъ* Дмитрій, болгар. урож., и *Двиневъ* Иванъ, II курса—*Металловъ* Валентинъ и *Заболотскій* Павелъ—сдали отложенныя имъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 іюня с. г., на послѣканикулярное время устныя испытанія по одному или всѣмъ предметамъ соотвѣтствующихъ курсовъ, представили не поданныя своевременно письменныя работы и получили какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ отмѣтки не ниже удовлетворительныхъ.

Справка: По § *109*, лит. *а* п. 14, устава духовныхъ академій „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: Студентовъ: III курса—*Дюлгерова* Дмитрія и *Цвинева* Ивана, II курса—*Заболотскаго* Павла и *Металлова* Валентина перевести въ слѣдующіе курсы и дать соотвѣтствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядныхъ спискахъ.

IX. а) Прошеніе студентовъ Академіи: III курса—*Николая Піуновскаго* и II курса—*Ивана Піуновскаго*:

„Почтительнѣйше просимъ Совѣтъ Академіи разрѣшить намъ въ 1914/15 лекціонномъ году проживать на квартирѣ, внѣ академическаго общежитія, такъ какъ наше разстроенное здоровье требуетъ большого спокойствія и діэтнаго режима, чего нельзя достигнуть въ условіяхъ общежитія. При семъ прилагаются свидѣтельства пользовавшихъ насъ врачей“.

б) Свидѣтельство врача Московской городской амбулаторіи *В. Орленкова*:

„Дано сіе студенту Императорской Московской Духовной Академіи Николаю Александровичу Піуновскому для представленія въ Совѣтъ профессоровъ Академіи въ томъ, что онъ—Піуновскій страдаетъ разстройствомъ и переутомленіемъ нервной системы (nevrasthenia), выражающимся головными болями, сердцебіеніемъ, безсонницей. Въ виду этого ему необходимо поселиться на отдѣльной квартирѣ внѣ общежитія“.

в) Свидѣтельство врача *С. Генкель-Фрейдесъ*:

„Симъ удостовѣряю, что Иванъ Александровичъ Піуновскій страдаетъ переутомленіемъ и неврастеніей и для укрѣпленія организма нуждается въ покоѣ и индивидуальной діэтѣ. Выдано для представленія въ Совѣтъ профессоровъ Императорской Московской Духовной Академіи“.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода на имя Высокопре-

освященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, отъ 12 октября 1906 года за № 11174, Совѣту Кіевской Духовной Академіи предоставлено „право разрѣшать студентамъ сей Академіи, не имѣющимъ въ г. Кіевѣ родителей и состоящихъ на казенномъ содержаніи, въ исключительно важныхъ случаяхъ, напримѣръ, болѣзни, нервнаго разстройства, надлежаще удостовѣренныхъ, проживать на частныхъ квартирахъ и получать на руки стипендіальныя деньги, съ тѣмъ, однако, чтобы студенты, перешедшіе съ разрѣшенія Совѣта на квартиру, въ томъ же учебномъ году не возбуждали ходатайства о перемѣщеніи ихъ обратно въ академическій корпусъ“.

Опредѣлили: По вниманію къ засвидѣтельствованному врачами болѣзненному состоянію студентовъ: III курса—*Николая Піуновскаго* и II курса—*Ивана Піуновскаго* и примѣнительно къ изложенному въ справкѣ указу Святѣйшаго Синода отъ 12 октября 1906 года за № 11174,—разрѣшить названнымъ студентамъ жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

X. Прошеніе (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) бывшаго студента III курса Академіи *Антонія Орлова*:

„Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1913-го года я, согласно прошенія своего отца, по болѣзни, вынужденъ былъ уволиться изъ Академіи впредь до выздоровленія. Чувствуя себя въ настоящее время вполнѣ здоровымъ и имѣя непреодолимое желаніе окончить академическое образованіе, прерванное на полпути, почтительнѣйше прошу Васъ, Ваше Преосвященство, какъ Предсѣдателя Совѣта Академіи, посодѣйствовать обратному пріему моему въ число студентовъ III-го курса. При семъ возвращаю свои документы, присланные мнѣ Правленіемъ Академіи въ январѣ текущаго года“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 146, п. 2*: „Студентъ, выбывшій изъ академіи болѣе одного года тому назадъ, принимается въ ту же или другую Академію не иначе, какъ по выдержаніи испытаній въ знаніи предметовъ тѣхъ курсовъ, какіе имъ были пройдены“.—2) Студентъ *Антоній*

Орловъ, согласно прошенію отца его, уволенъ былъ изъ Академіи, по болѣзни, постановленіемъ Правленія Академіи отъ 17 декабря 1913 года, утвержденнымъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 13 января текущаго 1914 года.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи принять обратно г. Антонія *Орлова*, какъ выбывшаго изъ Академіи *менѣе* года тому назадъ, въ число *своекоштныхъ* студентовъ III курса Академіи *безъ экзамена*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „2 окт. 1914 г. Исполнить".

29 сентября 1914 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ, М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры—Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: 1. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 августа за № 14292:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 6 іюня 1914 года № 245, по

ходатайству Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи объ утвержденіи и. д. доцента оной, кандидата богословія, *священника Павла Флоренскаго* въ степени магистра богословія, за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „О духовной Истинѣ“, 2) донесеніе Преосвященнаго Харьковскаго, отъ 10 Августа 1914 года № 318, съ отзывомъ о помянутомъ сочиненіи, и 3) представленіе Преосвященнаго Дмитровскаго, временно управлявшаго Московскою епархіею, отъ 11 іюня 1914 г. № 278, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи священника Флоренскаго въ званіи экстраординарнаго профессора академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленіямъ Вашего Преосвященства и Преосвященнаго Дмитровскаго и отзыву Преосвященнаго Харьковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить и. д. доцента Императорской Московской духовной академіи, кандидата богословія, священника Павла Флоренскаго въ степени магистра богословія за означенное сочиненіе и званіи экстраординарнаго профессора помянутой академіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: 1) Изготовить для *священника П. А. Флоренскаго* установленный дипломъ на степень магистра богословія и выдать его по принадлежности.—2) Объ утвержденіи *священника П. А. Флоренскаго* въ помянутой ученой степени и званіи эктраординарнаго профессора Академіи внести въ послужной его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „4 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 2 сентября за № 14446:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 6 мая 1914 г. № 204, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, магистра богословія, *прото-*

іерея Іоанна Арсеньева въ степени доктора церковной исторіи за представленное имъ, на соисканіе сей степени, сочиненіе: „Отъ Карла Великаго до реформаціи“, и 2) отзывъ присутствующаго въ Святѣйшимъ Синодѣ Преосвященнаго Псковскаго о помянутомъ сочиненіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи, представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Псковскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, магистра богословія, протоіерея Іоанна Арсеньева въ степени доктора церковной исторіи за означенное сочиненіе; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Изготовить для о. законоучителя Московскаго Училища Ордена Св. Екатерины, *протоіерея І. В. Арсеньева* установленный дипломъ на степень доктора церковной исторіи и выдать его по принадлежности.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „13 сент. 1914. Въ Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 11 сентября за № 15208:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 22 Апрѣля 1914 года за № 15415, съ заключеніемъ Хозяйственнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Управленія по представленію Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, отъ 24 сентября 1913 года за № 1457—8882, на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода ходатайства Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи *объ отпускѣ потребныхъ суммъ для научнаго изданія славянскихъ переводовъ книгъ Священнаго Писанія*. И, по справкѣ, Приказали: Ординарный профессоръ Петроградской Духовной Академіи Иванъ Евсѣевъ обратился въ Совѣтъ Академіи съ докладной запиской о важности и необходимости научнаго изданія славянскаго перевода Библіи и съ проектомъ этого изданія на слѣдующихъ условіяхъ: 1) при Петроградской Духовной Академіи, согласно § 1,

п. 2 Устава Духовныхъ Академій, учреждается комиссія для научнаго изданія славянскаго текста Библіи; 2) въ составъ Комиссіи входятъ, кромѣ соотвѣтствующихъ по своимъ занятіямъ профессоровъ и доцентовъ Петроградской и другихъ духовныхъ академій, ученые спеціалисты изъ членовъ Академіи Наукъ, профессоровъ русскихъ университетовъ и вообще лицъ, заявившихъ себя извѣстностью въ области изученія славянскаго библейскаго текста; 3) первый составъ Комиссіи избирается Совѣтомъ Петроградской Духовной Академіи изъ лицъ, ближайшимъ образомъ изъявившихъ готовность принять на себя трудъ по разработкѣ той или иной части предположеннаго изданія, а впослѣдствіи Комиссія опредѣляетъ и пополняетъ свой составъ путемъ собственнаго избранія желательныхъ участниковъ, съ увѣдомленіемъ о семъ Совѣта Академіи; 4) потребныя для изданія средства, въ виду исключительно высокаго научнаго, духовно-просвѣтительнаго и національнаго характера предпріятія, испрашиваются, по ходатайству Совѣта Академіи, Святѣйшимъ Синодомъ отъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и 5) непосредственное наблюденіе за дѣятельностью Комиссіи принадлежитъ Совѣту Петроградской Духовной Академіи, и ему Комиссія ежегодно представляетъ отчетъ о своей дѣятельности.—Совѣтъ Петроградской Духовной Академіи вполнѣ согласился съ основными положеніями докладной записки профессора Евсѣева относительно важности и необходимости научнаго изданія Славянской Библіи при Петроградской Духовной Академіи на изложенныхъ въ докладѣ и вышеприведенныхъ условіяхъ, и Преосвященный Митрополитъ Петроградскій Антоній, согласно ходатайству того же Совѣта, представилъ, отъ 18 октября 1911 года за № 1454—9133, означенную записку на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.—Съ своей стороны признавъ насущную потребность научнаго изданія славянскихъ переводовъ книгъ Св. Писанія и принимая во вниманіе, что, по разсчетамъ, на расходы по означенному изданію потребуется свыше 80.000 руб., и что дѣло это имѣетъ общекультурное и національное значеніе, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію, отъ 4 мая—5 іюня 1912 года за № 4310, предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить, въ установленномъ порядкѣ, ассигнованіе потребныхъ средствъ на предпринимаемое научное

изданіе при Петроградской Духовной Академіи славянскихъ переводовъ Библіи изъ Государственнаго Казначейства.— Отъ 24 сентября 1913 года за № 1457—8882, Преосвященнымъ Митрополитомъ Петроградскимъ Владиміромъ была представлена на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода просьба Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи объ отпускѣ въ распоряженіе названной Академіи средствъ, необходимыхъ для осуществленія дѣла научнаго изданія славянской Библіи. При ближайшемъ, по поводу сказанной просьбы, разсмотрѣніи въ Хозяйственномъ при Святѣйшемъ Синодѣ Управленіи вопроса о расходахъ, необходимыхъ на научное изданіе славянской Библіи, оказалось, что изъ общей исчисленной на означенное изданіе суммы 80.682 руб. 80 к. въ ближайшемъ времени потребуется къ ассигнованію только 5.000 руб. на предварительныя, изъясненныя въ запискѣ профессора Евсѣева, работы по изданію, а остальные 75.682 р. 80 коп., исчисленные въ проектѣ изданія, на оплату труда авторовъ по научной обработкѣ славянскаго текста Библіи и на типографскія издержки, потребуются не сразу, а частями за все предположенное время изданія въ 60 лѣтъ. Если эти 75682 руб. 80 к. разложить равномѣрно на 60 именно лѣтъ, то на каждый годъ будетъ требоваться только 1.261 руб. 38 коп., изъ коихъ 577 руб. на оплату авторскаго гонорара и 686 руб. 38 коп. на типографскія издержки. При такихъ условіяхъ принятіе расходовъ по научному изданію текста славянской Библіи на спеціальныя средства Святѣйшаго Синода едва ли явится обременительнымъ для послѣднихъ, и посему Хозяйственное Управленіе, въ случаѣ если Святѣйшему Синоду благоугодно будетъ принять означенные расходы на спеціальныя Синодальныя средства, признавало бы возможнымъ требующійся на осуществленіе сказаннаго изданія расходъ отнести на счетъ типографскаго капитала, при чемъ необходимыя въ ближайшемъ времени средства на подготовительныя работы по изданію, до пяти тысячъ рублей, отпускать изъ экстраординарнаго кредита по смѣтамъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода по означенному капиталу за соотвѣтствующіе годы, кредитъ же на оплату гонорара авторамъ, по разсчету его дѣйствительной потребности, вносить въ подлежащее подраздѣленіе смѣтъ соотвѣтствующихъ годовъ по тому же капиталу и издержки

на напечатаніе, въ Синодальныхъ Типографіяхъ, научно обработаннаго библейскаго текста относить на счетъ соотвѣтствующихъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на указанный предметъ по смѣтамъ сихъ Типографій. О семъ Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ, отъ 22 апрѣля 1914 года за № 15415, Святѣйшему Синоду.—По бывшемъ сужденіи по настоящему предложенію, принимая во вниманіе, что при чрезвычайныхъ въ настоящее время расходахъ Государственнаго Казначейства на государственныя потребности, трудно ожидать ассигнованія изъ сего Казначейства средствъ на вышесказанное изданіе, и что, какъ изъясняетъ Хозяйственное при Святѣйшимъ Синодѣ Управленіе, принятіе расходовъ по сему изданію на спеціальныя средства Святѣйшаго Синода не представляется обременительнымъ для послѣднихъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) изложенныя въ настоящемъ предложеніи Г. Оберъ-Прокурора предположенія Хозяйственнаго Управленія объ отпускѣ средствъ на научное изданіе славянскихъ переводовъ книгъ Св. Писанія утвердить къ исполненію; 2) поручить Совѣту Петроградской Духовной Академіи организовать для осуществленія означеннаго изданія Комиссію, въ первомъ ея составѣ, изъ соотвѣтствующихъ по своимъ спеціальностямъ профессоровъ и доцентовъ названной и другихъ духовныхъ Академій, членовъ и профессоровъ свѣтскихъ ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній и вообще лицъ, заявившихъ себя извѣстностью въ области изученія славянскаго библейскаго текста; 3) предоставить означенной Комиссіи право пополнять свой составъ избраніемъ желательныхъ лицъ, съ согласія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ избранія, Совѣта Академіи; 4) возложить на Совѣтъ Академіи непосредственное наблюденіе за дѣятельностью Комиссіи и за соотвѣтствіемъ предпринимаемаго изданія цѣлямъ православно-богословской науки и 5) выпускъ книгъ изданія производить съ дозволенія Святѣйшаго Синода.—Для зависящихъ распоряженій и исполненія по настоящему опредѣленію послать Преосвященному Митрополиту Петроградскому указъ, а въ Хозяйственное при Святѣйшемъ Синодѣ Управленіе передать изъ опредѣленія выписку, и для свѣдѣнія послать указы же Вашему Преосвященству, Преосвященному Митрополиту Кіевскому и Архіепископу Казанскому".

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „16 сент. 1914. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 сентября за № 15326:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Дмитровскаго, временно управлявшаго Московской епархіей, отъ 3 іюля сего года за № 298, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разрѣшеніи оставить при академіи на 1914—1915 учебный годъ, въ званіи сверхштатнаго профессорскаго стипендіата, *Михаила Струмѣнскаго*, съ назначеніемъ на содержаніе его 700 р. Приказали: Принимая во вниманіе, что на точномъ основаніи § 73 Устава православныхъ духовныхъ академій, предоставляется оставлять при академіи на годичный срокъ въ званіи профессорскихъ стипендіатовъ лишь двухъ наиболѣе даровитыхъ изъ окончившихъ по первому разряду образованіе въ академіи кандидатовъ богословія, и посему, въ случаѣ оставленія въ академіи, для научныхъ занятій, третьяго лица, оно не можетъ пользоваться правами службы, кои присвоены штатнымъ стипендіатамъ въ академіяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи оставить Струмѣнскаго для научныхъ занятій при академіи, но безъ присвоенія ему званія и служебныхъ правъ профессорскаго стипендіата съ назначеніемъ изъ духовно-учебнаго капитала, на содержаніе его, установленной для профессорскихъ стипендіатовъ суммы, т. е. 700 р. въ годъ; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ“.

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 15326 сообщить кандидату академіи Михаилу *Струмѣнскому* и Правленію Академіи—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

V. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „17 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя

Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 15 сентября за № 15421:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе болгарскаго уроженца *іеродіакона Гавріила (Мануилова)* о принятіи его въ число студентовъ Императорской Петроградской духовной академіи по балламъ, полученнымъ имъ въ Московской академіи (по составленію поученія—2½). Приказали: Разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи принять болгарскаго уроженца іеродіакона Гавріила (Мануилова) въ число академическихъ студентовъ перваго курса по балламъ, полученнымъ имъ на пріемныхъ испытаніяхъ осенью сего года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 15 сентября 1914 года за № 1308: „18 сент. 1914. Студента Садикова принять въ Академію на изложенныхъ здѣсь условіяхъ“.

Справка: 1) Студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Садиковъ* обратился къ Его Высокопреосвященству съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года я держалъ пріемныя испытанія въ Императорскую Московскую Духовную Академію. На письменныхъ и устныхъ испытаніяхъ я получилъ удовлетворительныя и хорошія отмѣтки, за исключеніемъ устнаго экзамена по Догматическому Богословію, по которому имѣю неудовлетворительную отмѣтку три съ минусомъ (3—). Вслѣдствіе этого и по недостатку свободныхъ мѣстъ въ общежитіи Академіи Совѣтъ Духовной Академіи отказалъ мнѣ въ пріемѣ въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи. Горя же искреннимъ сердечнымъ желаніемъ получить высшее образованіе въ духовной школѣ и имѣя возможность, при отсутствіи свободныхъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи, жить въ Сергіевскомъ Посадѣ на частной квартирѣ съ матерью, что дозволяется Уставомъ Духовныхъ Академій, осмѣливаюсь покорнѣйше просить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, какъ Милостивѣйшаго Архипастыря и

Отца, разрѣшить Совѣту Академіи принять меня въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи съ однимъ неудовлетворительнымъ балломъ „3—“ подъ условіемъ жить на частной квартирѣ въ Сергіевскомъ Посадѣ съ матерью и о семъ учинить Свою Милостивѣйшую Архипастырскую резолюцію“.

На семъ прошеніи послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства за № 4063: „Преосвященному Ректору Академіи для отзыва“.

2) Представленіе Преосвященнаго Ректора Академіи на имя Его Высокопреосвященства, отъ 15 сентября 1914 года за № 1308: „Во исполненіе резолюціи отъ 9-го сего сентября за № 4063 долгомъ считаю почтительнѣйше представить Вашему Высокопреосвященству, что студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Садиковъ* на пріемныхъ испытаніяхъ въ Академію, бывшихъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года, дѣйствительно получилъ только одинъ неудовлетворительный баллъ (3—) на устномъ испытаніи по догматическому богословію; на прочихъ же устныхъ испытаніяхъ и на письменныхъ работахъ имѣетъ баллы удовлетворительные ($3^1/_2$, 4—, $3^1/_2$—на устныхъ; 3, 3, 3—на письменныхъ). Но Совѣтъ Академіи долженъ былъ отказать ему въ пріемѣ потому, что средній баллъ Садикова не только не достигалъ необходимаго уровня, требуемаго указомъ Святѣйшаго Синода отъ 9 августа 1911 года за № 10593 ($3^3/_4$), но и позволилъ ему занять въ разрядномъ спискѣ держащихъ повѣрочныя испытанія лишь 68-е мѣсто (изъ 78).

Если бы Вашему Высокопреосвященству благоугодно было оказать студенту Садикову снисхожденіе и разрѣшить ему, согласно § 144, прим. устава духовныхъ академій, жить съ матерью *на частной квартирѣ*,—принятіе его въ составъ I курса академіи, по моему мнѣнію, не было бы нарушеніемъ справедливости по отношенію къ прочимъ, такъ какъ строгій конкурсъ въ текущемъ году обусловливался именно недостаткомъ мѣстъ въ академическомъ общежитіи“.

в) Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи отъ 17 сентября 1914 года за № 502: „20 сент. 1914. Согласенъ“.

Справка: 1) Студентъ Владимірской духовной семинаріи

Николай Магницкій обратился къ Его Высокопресвященству съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1914 года я держалъ повѣрочныя испытанія для поступленія въ Московскую Императорскую Духовную Академію, въ которую я посланъ былъ Правленіемъ Владимірской духовной семинаріи на казенный счетъ. Но вслѣдствіе неудовлетворительнаго балла (2+), полученнаго мною по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (письменно), я не принятъ въ число студентовъ Академіи. Это обстоятельство дѣлаетъ мое положеніе крайне печальнымъ и побуждаетъ меня просить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, разрѣшить Совѣту Московской духовной Академіи принять меня въ число дѣйствительныхъ студентовъ Академіи и съ вышеозначенной неудовлетворительной отмѣткой по одному предмету, но при хорошихъ баллахъ по другимъ предметамъ“.

На семъ прошеніи послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства за № 4084: „Преосвященному Ректору Академіи для отзыва по содержанію настоящаго прошенія“.

2) Представленіе Преосвященнаго Ректора на имя Его Высокопреосвященства, отъ 17-го сентября 1914 года за № 502:

„Во исполненіе резолюціи за № 4084 долгомъ считаю почтительнѣйше представить Вашему Высокопреосвященству, что студентъ Владимірской духовной семинаріи *Николай Магницкій* на пріемныхъ испытаніяхъ въ Академіи, бывшихъ въ августѣ мѣсяцѣ сего 1914 года, получилъ слѣдующіе баллы: а) на *устныхъ* испытаніяхъ: $3^1/_2$, $4/^1_2$, 5—, 3+; на *письменныхъ* работахъ: $2^1/_2$ (по Св. Писанію Ветхаго Завѣта), $3^1/_2$ и 3, занявъ въ разрядномъ спискѣ 58-е мѣсто (изъ 78, при среднемъ баллѣ *ниже* $3^3/_4$).

Какъ студенту, *рекомендованному* Правленіемъ Владимірской духовной семинаріи и получившему на пріемныхъ испытаніяхъ лишь одинъ не вполнѣ удовлетворительный баллъ (можетъ быть—по случайной причинѣ), г. Магницкому, по моему мнѣнію, могло бы быть оказано снисхожденіе принятіемъ его въ число *своекоштныхъ* студентовъ I курса Академіи“.

Опредѣлили: Болгарскаго уроженца *іеродіакона Гавріила* (Мануилова) и студентовъ Владимірской духовной семинаріи Николая *Садикова* и Николая *Магницкаго* внести въ списки студентовъ I курса Академіи.

VI. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую въ журналѣ собранія Совѣта Академіи *22 августа с/г. № 10*: „13 сент. 1914 г. Исполнить. Къ XIV статьѣ нужно поясненіе".

Опредѣлили: Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что:

1) *Всѣ* члены академической корпораціи, рѣшивъ учредить при Академіи *свой* отдѣльный лазаретъ, который съ особаго (по докладу Преосвященнаго Ректора Академіи) разрѣшенія Его Высокопреосвященства (резолюція отъ 3 сентября 1914 г. за № 4004) уже и открытъ въ одной изъ палатъ академической больницы, единодушно постановили отчислять на призрѣніе раненыхъ и больныхъ воиновъ, съ августа мѣсяца с/г. и на все время военныхъ дѣйствій, *не менѣе двухъ процентовъ* получаемаго ими ежемѣсячнаго содержанія (многіе подписали и бо́льшія суммы).—Таковыхъ отчисленій на содержаніе лазарета поступило: въ *августѣ* мѣсяцѣ—192 р. 45 к., и въ *сентябрѣ*—203 р. 45 к.

2) Отъ корпораціи Виѳанской духовной семинаріи, изъявившей готовность принять участіе (также процентнымъ отчисленіемъ отъ жалованія) въ содержаніи академическаго лазарета, пока поступилъ взносъ только за *августъ* мѣсяцъ с/г., въ количествѣ 75 рублей.

VII. Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора) Почетнаго Члена Академіи—Высокопреосвященнаго *Николая*, Архіепископа Варшавскаго и Привислинскаго, отъ 22 сентября сего года:

„Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ къ Вамъ посылаю распоряженіе въ Петроградскій Государственный Банкъ о высылкѣ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи 3,000 руб. (три тысячи 4% ренты)—на премію за лучшее сочиненіе студен-

товъ Московской Академіи—въ память незабвеннаго о. Ректора Моск. дух. Академіи, прот. А. В. Горскаго. Процентовъ отъ трехъ тысячъ будетъ 120 руб.—Совѣтъ Академіи выработаетъ правила относительно этой преміи, а меня почтитъ увѣдомленіемъ о семъ.

Прошу принять поздравленіе съ наступающимъ столѣтіемъ ученой дѣятельности Академіи—съ молитвеннымъ пожеланіемъ преуспѣянія и въ будущемъ столѣтіи въ семъ дѣлѣ, какимъ ознаменовано было прошедшее столѣтіе. Поклонъ, привѣтъ и благословеніе учащимъ и учащимся въ Академіи".

Опредѣлили: 1) Выразить Высокопреосвященному *Николаю*, Архіепископу Варшавскому и Привислинскому, отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность за его щедрый даръ. 2) Поручить коммиссіи изъ о. Инспектора Академіи *архимандрита Иларіона*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* и ординарнаго профессора *С. С. Глаголева* выработать проектъ положенія о преміи въ память въ Бозѣ почившаго Ректора Академіи протоіерея Александра Васильевича Горскаго и, по одобреніи онаго Высокопреосвященнымъ Жертвователемъ, представить его установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

VIII. Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) Московской Богородицерождественской, что на Бутыркахъ, церкви *о. протоіерея Михаила Невскаго*:

„Желая, по долгу благодарности, принять посильное участіе въ предстоящемъ празднованіи столѣтняго юбилея Императорской Московской Духовной Академіи, какъ бывшій однимъ изъ воспитанниковъ ея, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять отъ меня въ пользу состоящаго при Академіи Братства Преподобнаго Сергія два 5%-ныхъ закладныхъ листа Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка: одинъ за № 39402 въ тысячу рублей, другой за № 39403 тоже въ тысячу рублей, съ купонами на срокъ 1-го мая 1915 года.

Номинальную сумму двѣ тысячи рублей, заключающуюся въ означенныхъ двухъ закладныхъ листахъ, прошу присоединить къ неприкосновеннымъ капиталамъ Братства, а про-

центы обращать на составленіе стипендіи для одного изъ обучающихся въ Академіи воспитанниковъ".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, присланныя при означенномъ письмѣ процентныя бумаги, на номинальную сумму 2000 рублей, 22 сентября с/г. переданы были въ Совѣтъ Братства Преподобнаго Сергія для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Академіи, который, отношеніемъ отъ того же числа за № 980, и выразилъ о. протоіерею Михаилу Невскому благодарность за его щедрый даръ Братству.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Чрезъ два дня исполняется столѣтіе со дня основанія Императорской Московской Духовной Академіи въ стѣнахъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. Разрѣшенное уже Святѣйшимъ Синодомъ торжественное празднованіе столѣтняго юбилея Академіи, въ виду военныхъ событій, отложено до болѣе благопріятнаго времени. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, съ своей стороны, что Совѣтъ Академіи ничѣмъ не нарушитъ должнаго отношенія къ постигшему Отечество бѣдствію, если отмѣтитъ этотъ знаменательный для Академіи день, кромѣ церковнаго празднества Покрову Божіей Матери, еще и избраніемъ лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими заслугами предъ Церковью и учеными трудами,—въ званіе почетныхъ членовъ Академіи. Предлагаю этотъ вопросъ на обсужденіе академическаго Совѣта".

Справка: 1) По *§ 10* устава духовныхъ академій—„Академіи имѣютъ право избирать достойныхъ лицъ въ званіе своихъ почетныхъ членовъ на основаніи сего устава". — 2) По *§ 109*, лит. *в* п. 1, того же устава „избраніе въ званіе почетныхъ членовъ академіи" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: Избрать и просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи въ званіи Почетныхъ Членовъ Академіи:

1) Высокопреосвященнаго *Митрофана*, Митрополита Черногорскаго,—во уваженіе его неутомимой Архипастырской дѣятельности на пользу Черногорской Церкви, просвѣщенной заботливости о духовномъ преуспѣяніи православнаго черногорскаго народа и ученыхъ богословскихъ трудовъ;

2) Высокопреосвященнаго *Димитрія*, Архіепископа Бѣлградскаго, Митрополита Сербскаго,—во уваженіе его плодотворной Архипастырской дѣятельности на пользу Сербской Церкви и просвѣщенной заботливости о духовномъ преуспѣяніи православнаго сербскаго народа;

3) Высокопреосвященнаго *Назарія*, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго,—во вниманіе къ его широкой Архипастырской, просвѣтительно-миссіонерской, многоплодной дѣятельности;

4) Высокопреосвященнаго *Іоанна*, Архіепископа Рижскаго и Митавскаго,—во уваженіе къ многолѣтней плодотворной учебно-воспитательной дѣятельности его въ званіяхъ преподавателя, инспектора и ректора духовныхъ семинарій,—многочисленныхъ печатныхъ пособій по истолкованію Священнаго Писанія въ духовныхъ семинаріяхъ и многоплодному пастырско-просвѣтительному служенію его въ святительскомъ санѣ;

5) Высокопреосвященнаго *Евлогія*, Архіепископа Волынскаго и Житомірскаго,—въ признаніе его выдающихся заслугъ по защитѣ и поддержанію Православія въ Холмскомъ краѣ;

6) Преосвященнаго *Иннокентія*, Епископа Полоцкаго и Витебскаго,—во уваженіе къ его полезной ученой дѣятельности въ должностяхъ — профессора Казанской Духовной Академіи и ректора Кіевской Духовной Академіи;

7) Преосвященнаго *Анастасія*, Епископа Ямбургскаго, Ректора Императорской Петроградской Духовной Академіи,—во уваженіе къ его почтенной научно-академической дѣятельности и ученымъ трудамъ по славяновѣдѣнію и сравнительному языкознанію, имѣющимъ церковно-историческое и богословское значеніе;

8) Преосвященнаго *Василія*, Епископа Каневскаго, Ректора Императорской Кіевской Духовной Академіи,—во уваженіе къ многолѣтней и плодотворной профессорской дѣятельности его и многочисленнымъ научно-литературнымъ трудамъ по Священному Писанію Новаго Завѣта;

9) О. Намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандрита *Товіи*,—во уваженіе къ его многолѣтнему служенію въ Лаврѣ, съ которой въ теченіе вѣка связана въ своей жизни Императорская Московская Духовная Академія;

10) О. Предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, протоіерея Павла Ильича *Соколова*,—во уваженіе къ его многолѣтней и многоплодной учено-литературной, духовно-учебной и православно-миссіонерской дѣятельности;

11) О. Протоіерея Николая Яковлевича *Фортинскаго*,—во уваженіе къ его долголѣтней и плодотворной педагогической дѣятельности, сначала къ должности баккалавра Академіи и затѣмъ въ должности законоучителя кадетскаго корпуса въ Москвѣ;

12) Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини Прасковьи Сергѣевны *Уваровой*, — во уваженіе ея самоотверженной и плодотворной дѣятельности на пользу науки отечественной археологіи, въ частности археологіи церковной;

13) Ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ, Тайнаго Совѣтника, Алексѣя Ивановича *Соболевскаго*.— во уваженіе его неутомимой ученой дѣятельности, цѣнныхъ трудовъ на пользу богословской и церковно-исторической науки и классическаго изданія многочисленныхъ памятниковъ духовной литературы;

14) Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Казанской Духовной Академіи (въ отставкѣ), Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ильи Степановича *Бердникова*,—во уваженіе его полувѣковой ученой дѣятельности по разработкѣ многочисленныхъ вопросовъ въ области церковнаго права въ строго-православномъ духѣ;

15) Секретаря Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Кіевской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Алексѣя Аѳанасьевича *Дмитріевскаго*,—во уваженіе къ его многолѣтней, плодотворной профессорской и ученой дѣятельности и къ его капитальнымъ ученымъ трудамъ и изданіямъ литургическихъ памятниковъ;

16) Заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Казанской Духовной Академіи (въ отставкѣ), Дѣйстви-

тельнаго Статскаго Совѣтника, Ѳеодора Аѳанасьевича *Курганова*,—во уваженіе его многолѣтней плодотворной профессорской дѣятельности и ученыхъ литературныхъ трудовъ въ области церковной исторіи;

17) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ивана Саввича *Пальмова*,—во вниманіе къ свыше тридцатилѣтнему плодотворному профессорскому служенію его, многочисленнымъ ученымъ трудамъ по славяновѣдѣнію и многоплодной практической дѣятельности по сношенію съ славянами;

18) Сверхштатнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Александра Александровича *Бронзова*,—во вниманіе къ свыше тридцатилѣтней многоплодной профессорской и учено-публицистической богословской дѣятельности его,—и

19) Профессора живописи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Виктора Михайловича *Васнецова*,—какъ великаго русскаго художника, оригинально объединившаго въ высшемъ художественномъ синтезѣ религіозные идеалы живописи древне-византійской и современно-русской,—и своимъ художественнымъ геніемъ, какъ никто до него, проникшаго въ тайну святости тѣла душевнаго на пути его преображенія въ тѣло духовное.

X. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Доводя до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что 15-го сентября текущаго 1914 года исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія на штатную преподавательскую должность при Императорской Московской Духовной Академіи экстраординарнаго профессора оной по каѳедрѣ психологіи, Статскаго Совѣтника, Павла Петровича *Соколова*,—предлагаю Совѣту войти въ обсужденіе вопроса объ исходатайствованіи г. Соколову званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи“.

Справка: По *§ 87* устава духовныхъ академій: „Профессоръ ординарный или экстраординарный, по выслугѣ 25 лѣтъ въ должности академическаго преподавателя, удостои-

вается званія заслуженнаго ординарнаго или экстраординарнаго профессора Академіи".

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ удостоеніи экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ психологіи, Статскаго Совѣтника, *П. П. Соколова* званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи.

XI. Представленный секретаремъ Совѣта проектъ *отчета о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1913—1914 учебномъ году.*

Опредѣлили: Одобривъ представленный проектъ,—отчетъ о состояніи Академіи въ 1913—1914 учебномъ году напечатать въ приложеніи къ академическому журналу „Богословскій Вѣстникъ" и, согласно § 120 устава духовныхъ академій, установленнымъ порядкомъ представить оный въ печатномъ видѣ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

XII. Прошеніе доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова:*

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о выдачѣ мнѣ разрѣшенія для *безплатнаго* пользованія университетской библіотекой съ правомъ брать книги на домъ".

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Правленіемъ Императорскаго Московскаго Университета объ удовлетвореніи вышеизложенной просьбы доцента Н. Д. Протасова.

XIII. Прошеніе и. д. доцента Академіи по второй каѳедрѣ патрологіи, кандидата богословія, *іеромонаха Пантелеимона* (*Успенскаго*):

„19-го сентября сего года мнѣ истекаетъ двухгодичный срокъ со времени поступленія на академическую службу. Въ первый годъ моей службы Совѣтъ Академіи командировалъ меня въ Константинополь и на Аѳонъ. Въ библіотекахъ послѣдняго я ознакомился съ рукописями, имѣющими

непосредственное отношеніе ко взятой мною для разработки магистерской диссертаціи темѣ о преп. Симеонѣ Новомъ Богословѣ. Прошедшій же учебный годъ ушелъ у меня всецѣло на подготовку для чтенія лекцій и для веденія практическихъ занятій. Прежде чѣмъ писать магистерскую диссертацію, мнѣ предстоитъ предварительно перевести, разработать и изучить добытые мною на Аѳонѣ матеріалы, именно: пространное житіе преп. Симеона Новаго Богослова, затѣмъ гимны его и слова. Не исполнивши этой подготовительной части работы, странно и не научно было бы браться за составленіе монографической работы о Симеонѣ Новомъ Богословѣ. Въ виду того, что и въ нынѣшнемъ учебномъ году значительнѣйшая часть времени, несомнѣнно, уйдетъ у меня на составленіе лекцій и на другія работы, связанныя съ должностью преподавателя Академіи (я разумѣю главнымъ образомъ чтеніе семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненій), я не надѣюсь, по истеченіи нынѣшняго учебнаго года, выполнить подготовительную часть своей работы и въ то же время написать и магистерскую диссертацію. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи мнѣ срока для подачи магистерской диссертаціи на два года".

Справка: 1) Согласно ходатайству Совѣта Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 октября 1912 года за № 15913 профессорскій стипендіатъ Академіи, кандидатъ богословія, *іеромонахъ Пантелеимонъ (Успенскій)* утвержденъ былъ, *съ 19-го сентября того же 1912 года*, въ должности преподавателя Императорской Московской Духовной Академіи по второй каѳедрѣ патрологіи, въ званіи и. д. доцента, и командированъ на 1912—1913 учебный годъ въ Константинополь, для научныхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ.—2) По *§ 67* устава духовныхъ академій: „Для полученія должности доцента академіи надлежитъ имѣть степень не ниже магистра богословія. *Примѣчаніе.* На вакансію доцента можетъ быть опредѣленъ въ качествѣ и. д. доцента кандидатъ богословія, но не болѣе, какъ на два года".

Опредѣлили: Признавая просьбу и. д. доцента Академіи *іеромонаха Пантелеимона (Успенскаго)* заслуживающею уваженія,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства

предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи іеромонаху Пантелеимону срока представленія магистерской диссертаціи *до 19-го сентября 1916 года.*

XIV. Прошенія:

а) Преподавателя Московской духовной семинаріи, кандидата (магистранта) Академіи выпуска 1908 года, *ПетраНечаева:*

„Представляя при семъ въ рукописномъ видѣ сочиненіе на тему: „Теизмъ, какъ проблема разума. Германъ Ульрици. (Къ вопросу о методологіи научно-философскаго обоснованія теизма)“ для соисканія степени Магистра Богословія, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи дать дѣлу надлежащій ходъ“.

б) Помощника инспектора Московской духовной семинаріи, кандидата (магистранта) Академіи выпуска 1912 года, *Владиміра Маркова:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи принять къ разсмотрѣнію прилагаемый при семъ въ двухъ экземплярахъ мой печатный трудъ, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи раскола—старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему правительства (1865—1904)“. Москва. 1914., въ качествѣ диссертаціи на соисканіе ученой степени магистра богословія“.

Опредѣлили: Передать на разсмотрѣніе диссертаціи: преподавателя Московской духовной семинаріи П. Нечаева—и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ систематической философіи и логики *Ѳ. К. Андрееву,* а помощника инспектора той же семинаріи Вл. Маркова—доценту Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *Н. В. Лысогорскому.*

XV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторыми рецензентами вышеозначенныхъ магистерскихъ диссертацій онъ назначаетъ членовъ Совѣта: экстраординарнаго профессора *священника Павла Флоренскаго* (диссертаціи г. Нечаева) и ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго* (диссертаціи г. Маркова).

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію,

XVI. Представленный и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи Греко-восточной, Славянскихъ и Румынской церквей *Ѳ. М. Россейкинымъ* планъ занятій на 1914—1915 учебный годъ для профессорскаго степендіата Академіи Александра *Плотникова:*

„Научныя занятія г. Плотникова въ теченіе его стипендіатскаго года могутъ быть посвящены продолженію работъ въ области его кандидатскаго сочиненія. Послѣднее, какъ было отмѣчено въ отзывѣ о немъ, осталось незаконченнымъ даже въ предѣлахъ плана, намѣченнаго для курсовой работы. Между тѣмъ тема сочиненія допускаетъ и требуетъ расширенія плана привлеченіемъ къ дѣлу новаго матеріала. Въ этомъ направленіи могутъ вестись дальнѣйшія научныя занятія г. Плотникова. Ему предстоитъ, во 1-хъ, продолжить изученіе требуемыхъ планомъ памятниковъ эпохи иконоборчества; во 2-хъ, возстановить какъ внѣшній ходъ иконоборческаго движенія, такъ и его идеологію; въ 3-хъ, расширить и углубить свое общее знакомство съ эпохой, въ чемъ ему поможетъ внимательное ознакомленіе съ научной литературой по исторіи византійскаго государства и церкви VII, VIII и IX вѣковъ. Болѣе частныя указанія и пожеланія по поводу дальнѣйшихъ работъ г. Плотниковъ найдетъ въ отзывѣ о его кандидатскомъ сочиненіи“.

Справка: Устава духовныхъ академій *§ 77*: „Руководство занятіями профессорскаго стипендіата поручается Совѣтомъ преподавателю, при каѳедрѣ котораго стипендіатъ оставленъ, а за неимѣніемъ на лицо таковаго въ данное время преподавателю, ближе другихъ стоящему по своей спеціальности къ предмету занятій профессорскаго стипендіата. Преподаватель - руководитель составляетъ для профессорскаго стипендіата планъ занятій, который подлежитъ разсмотрѣнію и утвержденію Совѣта“.

Опредѣлили: Представленный и. д. доцента Академіи Ѳ. М. Россейкинымъ *планъ занятій* на 1914—1915 учебный годъ для профессорскаго стипендіата Академіи Александра *Плотникова* утвердить и предложить его г. Плотникову къ руководству и исполненію.

XVII. Отношенія—а) Совѣта Императорской Петроград-

ской Духовной Академіи, отъ 18 сентября за № 2624, и б) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 25 сентября за № 2511,—съ увѣдомленіемъ о томъ, что срокъ пользованія рукописями Софійскаго собранія за №№ 1359, 1365, 1376 и 1385 и книгами, высланными въ Академію при отношеніи Библіотеки отъ 24 мая с/г. за № 1683, продленъ еще на три мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Отзывы о курсовомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Богоявленскаго Николая* на тему: „Моисей (по даннымъ Библіи и общей исторіи)".

а) Ординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Сочиненіе студента Богоявленскаго обнимаетъ всю исторію вождя народа Божія—отъ дней его дѣтства до кончины.

При разработкѣ взятой нашимъ авторомъ темы онъ принималъ во вниманіе и данныя Библіи, и общей исторіи. Притомъ, г. Богоявленскій не ограничился справками, какія онъ безъ особаго труда находилъ въ иностранныхъ и русскихъ курсахъ по библейской исторіи, въ энциклопедическихъ словаряхъ и монографіяхъ. Всѣ извлекаемыя имъ справки онъ повѣрялъ по первоисточникамъ. Такъ, онъ обстоятельно познакомился съ Іосифомъ Флавіемъ, Филономъ (*Περὶ βίου Μωσ.*) и раввинистической литературой. Святоотеческая литература также не оставлена авторомъ безъ вниманія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ дѣлаетъ даже попытку указать вліяніе Филона на писанія Отцовъ Церкви (наприм. на Іустина Философа и на Климента Александрійскаго), поскольку послѣдніе касаются интересующаго автора вопроса.

Но представляя изъ себя довольно обстоятельную работу со стороны изученія первоисточниковъ и источниковъ, трудъ г. Богоявленскаго не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ, авторъ совершенно напрасно не далъ никакого подраздѣленія въ своемъ сочиненіи. Въ исторіи Моисея ясно намѣчаются отдѣльные моменты: его жизнь до призванія и послѣ призванія къ служенію въ качествѣ вождя народа израильскаго и, наконецъ, его дѣятельность, какъ великаго

законодателя. Между тѣмъ авторъ пожелалъ слить отдѣльные пункты великой исторіи великаго вождя народа Израильскаго въ одно цѣлое; благодаря чему слѣдящій за ходомъ мыслей автора испытываетъ нѣкоторое утомленіе при чтеніи его работы, въ которой отдѣльные моменты исторіи Моисея тянутся непрерывающейся, хотя и не всегда крѣпко спаянной, цѣпью.

Въ частности, авторъ допустилъ нѣкоторыя неточности въ своей работѣ. Такъ, онъ склоняется въ пользу того мнѣнія, что фараономъ Исхода былъ Рамзесъ II-й. Это мнѣніе, заимствованное имъ у Бругша; Вигуру и др., онъ принимаетъ на вѣру, хотя онъ могъ бы привести на справку новѣйшія сужденія по вопросу о времени Исхода евреевъ изъ Египта, которыя ставятъ подъ большое сомнѣніе вопросъ о Рамзесѣ, какъ о современникѣ Исхода. Основаніе для такихъ сомнѣній отчасти указаны и въ трудѣ рецензента (Патріархъ Іосифъ и Египетъ), дающаго настоящій отзывъ о работѣ г. Богоявленскаго.

Дѣлая ссылки на раввинистическую литературу, авторъ употребляетъ такія выраженія: „Midrasch Schemot Rabba разсказываетъ... объясняетъ"... (стр. 64, 69 и др.). Мы подозрѣваемъ, что авторъ принималъ „Midrasch" за названіе лица, которое разсказываетъ, объясняетъ...

Иногда въ работѣ автора замѣчаются нѣкоторыя отклоненія отъ темы. Онъ подробно трактуетъ, напримѣръ, о характерѣ чуда превращенія горькой воды въ годную для питья (стр. 152—153), о трудахъ при устройствѣ скиніи Веселіила (стр. 197 и слѣд.) и т. п. Всѣ эти подробности излишни въ трудѣ г. Богоявленскаго. Его трудолюбіе, всюду замѣчаемое въ работѣ, съ пользою для дѣла могло бы быть перенесено на слабую заключительную часть его сочиненія—на обстоятельства смерти Моисея.

Несмотря на указанные недочеты сочиненія г. Богоявленскаго, мы не затрудняемся, однако, признать работу его вполнѣ заслуживающею степени кандидата богословія, такъ какъ авторъ всюду является добросовѣстнымъ и тщательнымъ работникомъ, погрѣшающимъ болѣе въ тѣхъ пунктахъ своего изслѣдованія, гдѣ онъ рѣшаетъ сложные вопросы, которые могъ бы и не рѣшать. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что онъ со вниманіемъ прочиталъ, напри-

мѣръ, въ подлинникѣ трактатъ Филона о Моисеѣ—подвигъ на который рѣшится не всякій кандидатъ богословія".

б) Доцента *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*:

„Сочиненіе студента Богоявленскаго носитъ печать большого труда: авторъ много читалъ, много думалъ, много старался при написаніи самаго сочиненія. Правда, есть много также и недостатковъ въ оцѣниваемой работѣ, но справедливость требуетъ указать, что рѣдкой студенческой работѣ они не присущи. Г. Богоявленскій, повидимому, очень тщательно искалъ въ русской и отчасти нѣмецкой литературѣ полезныхъ ему пособій, и поиски его были не безуспѣшны: въ сочиненіи много цитатъ на многія книги. Но почему же ни въ началѣ, ни въ концѣ работы нѣтъ перечня пособій, которыми пользовался авторъ? Обиліе пособій г. Богоявленскаго—не въ укоръ, но литература, имъ подобранная, не всегда высокаго достоинства: наряду съ солидными учеными трудами цитируются книжки второстепенной и даже прямо невысокой научной цѣнности. Впрочемъ, серьезное отношеніе къ пособіямъ уменьшаетъ вину г. Богоявленскаго. Онъ остороженъ въ цитаціи и по мѣстамъ не соглашается съ тѣми авторами, которыхъ цитируетъ. Только самый способъ цитаціи, въ общемъ достаточной, могъ бы быть болѣе совершеннымъ.

Отъ внѣшней стороны цитаціи переходимъ къ матеріальной сторонѣ ея, а вмѣстѣ и самаго сочиненія. Г. Богоявленскому не достаетъ критицизма въ отношеніи къ имѣвшемуся, въ его распоряженіи матеріалу. Наряду съ этимъ у нашего автора есть рискованныя и мало обоснованныя сужденія: а вѣдь въ исторической работѣ это особенно чувствуется. Г. Богоявленскій, далѣе, не стоитъ въ курсѣ современной научной разработки библейской и общей исторіи. Онъ, правда, привлекаетъ въ качествѣ своихъ пособій и нѣкоторые новые ученые труды, но о многихъ указаніяхъ его на *господствующіе* въ наукѣ взгляды надо говорить въ прошедшемъ времени, и эту поправку приходится вносить съ первой же страницы сочиненія. „Большинство ученыхъ отождествляетъ"... вѣрнѣе было бы измѣнить въ „большинство ученыхъ (прошедшаго столѣтія) отождествляло"... Желательно было бы видѣть въ работѣ г. Богоявленскаго поменьше

элементарнаго, общеизвѣстнаго и побольше проникновенія въ глубь предмета. Отъ этого выигралъ бы самый стиль сочиненія: монотонный и мало выразительный, онъ оживился бы. Впрочемъ, есть въ работѣ г. Богоявленскаго и удачныя страницы.

Г. Богоявленскій хотѣлъ дать историческую работу. Можно признать, что въ общемъ онъ успѣлъ сдѣлать это. Но отъ работавшаго по даннымъ Библіи мы въ правѣ потребовать болѣе широкаго и детальнаго знакомства съ Писаніемъ, въ особенности съ Пятокнижіемъ, тщательнаго анализа (по подлиннику) самаго свящ. текста. Работѣ г. Богоявленскаго не хватаетъ широты историческаго и идейнаго кругозора. Видно, что авторъ старался удѣлить всей жизни и дѣятельности Моисея равное количество своего вниманія и труда. Но періодъ 40-лѣтняго странствованія Израиля по пустынѣ и дѣятельность въ это время Моисея обслѣдованы и представлены въ сочиненіи совсѣмъ мало и блѣдно. Недостатокъ изслѣдованія этого важнаго и интереснаго вопроса мы не ставимъ въ значительный минусъ автору: для этого понадобилось бы самостоятельное сочиненіе.

Еще одно замѣчаніе. Въ работѣ г. Богоявленскаго собрана, и собрана очень добросовѣстно, масса матеріала біографическаго и историческаго, но характеристики великаго пророка-вождя народа Божія не дано. Есть много штриховъ выразительныхъ и разнообразныхъ, но нѣтъ даже и попытки очертить личность Моисея...

Вотъ наши впечатлѣнія отъ усерднаго и кропотливаго труда г. Богоявленскаго. Много положилъ нашъ авторъ прилежанія, и вполнѣ достоинъ искомой имъ степени кандидата богословія".

Справка: 1) Николай *Богоявленскій* окончилъ курсъ Императорской Московской Духовной Академіи въ текущемъ 1914 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго курсового сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь академическій курсъ дѣйствительный студентъ Богоявленскій имѣетъ 4,192.—3) По *§ 109*, лит. *б.* п. 8, устава духовныхъ академій „присужденіе степени кандидата богословія" зна-

чится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента *Богоявленскаго Николая* удостоить степени кандидата богословія, съ причисленіемъ ко *второму* разряду,— о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XIX. Прошеніе студента III курса Академіи *Геннадія Боголюбскаго* о разрѣшеніи ему прослушать въ 1914—1915 учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по русской гражданской исторіи.*

Опредѣлили: Просьбу студента *Боголюбскаго* удовлетворить, но съ тѣмъ, чтобы онъ избранный имъ для дополнительнаго спеціальнаго изученія предметъ (русскую гражданскую исторію) считалъ для себя *обязательнымъ* и представилъ въ теченіе 1914—1915 учебнаго года *третное сочиненіе* по этому предмету, помимо трехъ сочиненій, назначенныхъ студентамъ III курса.

XX. Прошенія студентовъ: III курса—*Владиміра Доброва* и II курса—*Николая Воздвиженскаго*—о разрѣшеніи имъ прослушать въ текущемъ учебномъ году курсъ лекцій и сдать въ концѣ года установленное испытаніе *по англійскому языку.*

Справка: По нынѣ дѣйствующему уставу духовныхъ академій *новые языки* преподаются въ Академіи лишь—*для желающихъ* (§ 130).

Опредѣлили: Просьбы студентовъ *Доброва* Владиміра (III к.) и *Воздвиженскаго* Николая (II к.) удовлетворить.

XXI. Прошеніе студента II курса Академіи *Александра Смирнова:*

„Первый годъ моего пребыванія въ высшей духовной школѣ прошелъ въ Казанской Духовной Академіи, изъ которой обстоятельства заставили меня, при переходѣ на второй курсъ, перейти для продолженія образованія въ Московскую Духовную Академію. Такъ какъ предметы 1-го и 2-го курсовъ въ Казанской и Московской Духовныхъ Академіяхъ

не совпадаютъ, то я прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи, во-первыхъ, освободить меня отъ слушанія и экзаменовъ слѣдующихъ предметовъ второго курса: психологіи, патрологіи и исторіи литературы—ужъ слушанныхъ мною на первомъ курсѣ въ Казанской Духовной Академіи. А во-вторыхъ, допустить къ слушанію и экзаменамъ вмѣстѣ съ первымъ курсомъ слѣдующихъ предметовъ: палеографіи съ церковно-славянскимъ и русскимъ языкомъ, исторіи древней церкви и исторіи философіи, такъ какъ эти науки мною слушаны въ Казанской Академіи не были".

Опредѣлили: Освободить студента Смирнова отъ вторичной сдачи испытаній по патрологіи (I кав.), психологіи и исторіи русской литературы, предоставивъ ему взамѣнъ того прослушать въ 1914—1915 учебномъ году курсы лекцій и сдать въ концѣ года установленныя испытанія по исторіи древней церкви, исторіи философіи и церковно-славянскому и русскому языкамъ съ палеографіей.

XXII. Собственноручныя показанія студентовъ перваго курса о выборѣ ими для спеціальнаго изученія въ теченіе академическаго курса групповыхъ предметовъ (по группамъ А и Б), а также о желаніи ихъ изучать одинъ изъ новыхъ языковъ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

А. I. Исторію философіи:	*Изъ языковъ.*
1. Алентовъ Николай	Нѣм.
Ареѳьевъ Борисъ	Франц.
Базилевскій Николай	Франц.
Свящ. Введенскій Димитрій	Нѣм.
5. Введенскій Николай	Нѣм.
Вижевскій Дмитрій	Нѣм.
Вишняковъ Павелъ	Франц.
Воздвиженскій Дмитрій	Нѣм.
Гладковъ Василій	Нѣм.
10. Гражданскій Сергѣй	Нѣм.
Добровъ Петръ	Нѣм.
Донецъ Илья	Франц.
Забарный Петръ	Франц.

	Свящ. Залевскій Николай	Нѣм.
15.	Ивановскій Николай	Франц.
	Ивановъ Михаилъ	Англ.
	Ивановъ Павелъ	Нѣм.
	Ильинскій Николай	Нѣм.
	Калиновичъ Александръ	Нѣм.
20.	Свящ. Киселевъ Пименъ	Франц.
	Копыловъ Евгеній	Нѣм.
	Кораблевъ Константинъ	Нѣм.
	Свящ. Кораблевъ Павелъ	—
	Лебедевъ Викторъ	Нѣм.
25.	Магницкій Николай	Нѣм.
	Свящ. Майоровъ Константинъ	Франц.
	Малинковъ Иванъ, болг. урож.	Нѣм.
	Іерод. Гавріилъ (Мануиловъ), болг. урож.	—
	Мизеровъ Дмитрій	Нѣм.
30.	Никитскій Павелъ	Нѣм.
	Никоновъ Александръ	Франц.
	Окуневъ Тихонъ	Франц.
	Пинкевичъ Петръ	Англ.
	Свящ. Поликарповъ Валентинъ	Нѣм.
35.	Свящ. Порубинъ Михаилъ	Нѣм.
	Расторгуевъ Андрей	Франц.
	Рожковъ Сергѣй	Франц.
	Розановъ Иванъ	Англ.
	Свящ. Розовъ Константинъ	Нѣм.
40.	Садиковъ Николай	Нѣм.
	Сергѣевъ Григорій	Нѣм.
	Смирновъ Василій	Нѣм.
	Смирновъ Михаилъ	Англ.
	Стефановичъ Антонъ	Франц.
45.	Свящ. Стрекаловъ Николай	Нѣм.
	Свящ. Теологовъ Василій	Нѣм.
	Трубачевъ Зосима	Нѣм.
48.	Уметскій Александръ	Нѣм.

А. II. Педагогику:

1.	Бѣлтовъ Николай	Франц.
	Воскресенскій Владиміръ	Нѣм.
	Милославскій Александръ	Нѣм.

Одинцовъ Алексѣй . . . . . Франц.
5. Орловъ Сергѣй. . . . . Нѣм.
Побѣдинскій Василій. . . . . Нѣм.
Соколовъ Николай. . . . . Нѣм.
Шамиловъ Филиппъ . . . . . Нѣм.
Шуваловъ Павелъ. . . . . Нѣм.
10. Щегловъ Викторъ . . . . . Франц.

Б. Предметы первой группы.

(*Русскую гражданскую исторію и Исторію Греко-восточной церкви со времени отпаденія Западной церкви отъ вселенской до настоящаго времени, въ связи съ исторіей Славянскихъ церквей и Румынской*):

1. Алентовъ Николай.
Свящ. Введенскій Димитрій.
Донецъ Илья.
Ильинскій Николай.
5. Свящ. Майоровъ Константинъ.
Малинковъ Иванъ, болг. урож.
Іерод. Гавріилъ (Мануиловъ), болг. урож.
Никоновъ Александръ.
Свящ. Розовъ Константинъ.
Свящ. Стрекаловъ Николай.
11. Уметскій Александръ.

Б. Предметы второй группы.

(*Библейскую исторію, въ связи съ исторіей древняго міра, и Еврейскій языкъ съ библейской археологіей*):

1. Ареѳьевъ Борисъ.
Базилевскій Николай.
Бѣлтовъ Николай.
Введенскій Николай.
5. Воскресенскій Владиміръ.
Гладковъ Василій.
Забарный Петръ.
Свящ. Залевскій Николай.
Ивановскій Николай.
10. Свящ. Киселевъ Пименъ.

Копыловъ Евгеній.
Свящ. Кораблевъ Павелъ.
Лебедевъ Викторъ.
Магницкій Николай.
15. Никитскій Павелъ.
Одинцовъ Алексѣй.
Окуневъ Тихонъ.
Пинкевичъ Петръ.
Побѣдинскій Василій.
20. Свящ. Поликарповъ Валентинъ.
Свящ. Порубинъ Михаилъ.
Расторгуевъ Андрей.
Садиковъ Николай.
Свящ. Теологовъ Василій.
25. Шамиловъ Филиппъ.
Шуваловъ Павелъ.
27. Щегловъ Викторъ.

Б. Предметы третьей группы.

(*Церковно-славянскій и русскій языки съ палеографіей и Исторію русской литературы*):

1. Вижевскій Дмитрій.
Вишняковъ Павелъ.
Воздвиженскій Дмитрій.
Гражданскій Сергѣй.
5. Добровъ Петръ.
Ивановъ Михаилъ.
Калиновичъ Александръ.
Кораблевъ Константинъ.
Милославскій Александръ.
10. Орловъ Сергѣй.
Рожковъ Сергѣй.
Розановъ Иванъ.
Сергѣевъ Григорій.
Смирновъ Василій.
15. Смирновъ Михаилъ.
Свящ. Стрекаловъ Николай.
Стефановичъ Антонъ.
18. Трубачевъ Зосима.

Б. Предметъ четвертой группы.

(Исторію и обличеніе западныхъ исповѣданій, въ связи съ исторіей западной церкви отъ 1054 года до настоящаго времени):

1. Ивановъ Павелъ.
2. Мизеровъ Дмитрій.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ I курса по группамъ, собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XXIII. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 сент. 1914. Въ Совѣтъ Академіи — для отзыва" — прошеніе на имя Его Высокопреосвященства *священника* церкви села Палкина, Краснинскаго уѣзда, Смоленской епархіи *Іоанна Андреева*—о принятіи его въ Императорскую Московскую Духовную Академію *вольнослушателемъ.*

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ прошенія, почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ допущенію *священника Іоанна Андреева* къ слушанію академическихъ лекцій на условіяхъ, изложенныхъ въ § 147 академическаго устава, т.-е. *безъ* предоставленія ему права участвовать въ практическихъ занятіяхъ и репетиціяхъ студентовъ, подавать третныя сочиненія, представлять диссертаціи для полученія академическихъ ученыхъ степеней или званія и подвергаться переходнымъ и выпускнымъ испытаніямъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „25 окт. 1914. Исполнить".

29 сентября 1914 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный орди-

нарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры— А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ, М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры — Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій и А. А. Спасскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Слушали: Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора Императорской Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви, магистра богословія, *С. И. Смирнова* подъ заглавіемъ „Древне-русскій духовникъ". Москва, 1913 г., съ приложеніемъ: „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины". Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1912 г., представленномъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

а) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго*:

„Работа проф. С. И. Смирнова состоитъ изъ двухъ обширныхъ томовъ. Одинъ томъ „Древне-русскій духовникъ. Изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта". М. 1913 г. (VIII—290) заключаетъ въ себѣ самый текстъ изслѣдованія съ приложеніемъ списка великокняжескихъ и царскихъ духовниковъ и рѣчи „Исповѣдь землѣ", произнесенной авторомъ на актѣ Московской Духовной Академіи 1 октября 1912 г. Другой томъ „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины". М. 1912 г. (568) содержитъ въ себѣ a) тексты памятниковъ покаянной письменности (1 — 244), b) обширныя замѣтки къ нимъ (245—464) и c) указатель къ текстамъ.

Во введеніи къ изслѣдованію авторъ выясняетъ задачу работы. Проф. Смирновъ предупреждаетъ читателя своей книги, что онъ не найдетъ въ ней исторіи церковнаго законодательства о духовникѣ. Не историко-каноническое изслѣдованіе о духовникѣ въ древней Руси было его цѣлью. Такая

задача была бы по его мнѣнію невыполнимой. Не воля законодателя создавала древне-русскую дисциплину покаянія и ея органъ. Воля собора или іерарха вмѣшивалась въ отношенія духовнаго отца къ дѣтямъ, только разрѣшая отдѣльные частные казусы и внося въ эти отношенія только частичныя исправленія. Духовничество сложилось бытовымъ порядкомъ и, какъ всякое прочно установившееся бытовое явленіе, оно мало замѣчалось и отмѣчалось. Поэтому авторъ, изучая древне-русское духовничество, занимается преимущественно бытовой его стороной. Изслѣдованіе древне-русскаго духовничества съ бытовой его стороны и есть та задача, которую ставилъ себѣ авторъ. На его книгу надлежитъ смотрѣть, какъ на изслѣдованіе по исторіи церковнаго быта (1—2).

Опредѣливъ задачу и характеръ своей работы, проф. Смирновъ считаетъ нужнымъ предувѣдомить читателя объ одномъ ея пробѣлѣ. Совершенно неизвѣстно начало древне-русскаго духовничества. Въ половинѣ XII в. институтъ тайной исповѣди представляется уже вполнѣ сложившимся на Руси. Но откуда получили мы покаянную дисциплину, изъ Византіи или изъ Болгаріи, и въ какомъ видѣ перешелъ въ русскую церковь духовникъ—органъ тайной исповѣди—въ видѣ ли духовнаго отца монаха, приближающагося къ монастырскому старцу или же въ видѣ бѣлаго священника, эти вопросы нельзя разрѣшить съ полной достовѣрностью. Ни характеръ первоначальной покаянной дисциплины на Руси, ни процессъ образованія или сформированія ея—недоступны для изслѣдователя.

Третій вопросъ, на которомъ авторъ останавливаетъ свое вниманіе во введеніи, это вопросъ о терминологіи духовника въ древнихъ русскихъ памятникахъ. Здѣсь приводится обширный перечень названій, которыми обозначался древне-русскій духовникъ. Въ названіяхъ духовника: „духовный отецъ“, „игуменъ“ авторъ склоненъ видѣть подтвержденіе своего взгляда, проведеннаго въ его магистерской диссертаціи „Духовный отецъ въ древней восточной церкви“, взгляда, по которому тайная исповѣдь сложилась въ монастыряхъ христіанскаго Востока, а ея органъ — духовникъ развился въ бытовой сторонѣ своей изъ монастырскаго старчества. „Духовный отецъ“ и „игуменъ“—термины, созданные мона-

стыремъ. „Если бы“, пишетъ далѣе авторъ (12), „прослѣдить всю терминологію древне-русской покаянной дисциплины, безъ сомнѣнія встрѣтились бы и еще аналогичныя явленія. Напр., духовническая епитимія называлась у насъ *заповѣдью*, терминомъ, взятымъ изъ старчества“. Намъ кажется однако, что такое объясненіе происхожденія термина *заповѣдь* вызвано увлеченіемъ любимою мыслью. Этотъ терминъ встрѣчается въ древне-русскомъ юридическомъ языкѣ и обозначаетъ наказаніе, штрафъ за нарушеніе запрещенія.

Изслѣдованіе о древне-русскомъ духовникѣ распадается на семь главъ. Глава первая посвящена вопросу объ организаціи духовничества въ древней Руси. Изложивъ устройство духовничества въ греческой церкви, гдѣ духовниками были обыкновенно лица монашествующія, имѣющія пресвитерскій санъ и особо назначенныя на должность духовниковъ отъ епископа, такъ что каждому духовнику опредѣлялся особый округъ, на который простиралась его дѣятельность; указавъ затѣмъ на отличіе отъ этого порядка въ югославянскихъ церквахъ, гдѣ исповѣдывали бѣлые священники, но также не всѣ, а спеціально назначенные на то епископомъ, притомъ каждый въ своемъ округѣ, авторъ переходитъ къ характеристикѣ особенностей духовничества въ русской церкви. Здѣсь авторъ встрѣчается съ мнѣніемъ Голубинскаго, который утверждалъ, что не всѣ приходскіе священники въ древней Руси имѣли право духовничества. Такое порученіе давалось епископами особо, и духовники составляли особый классъ. Каждый духовникъ имѣлъ опредѣленный округъ. Ранѣе авторъ раздѣлялъ этотъ взглядъ Голубинскаго. Теперь, пересмотрѣвъ вновь вопросъ, онъ принужденъ отъ этой теоріи отказаться и выдвигаетъ противъ нея весьма основательныя возраженія (17—19). Однако проф. Смирновъ не хочетъ совершенно порвать съ прежнимъ взглядомъ. На Руси пришлое греческое и югославянское духовенство устраивало духовничество по своимъ образцамъ. Возможно, что въ глубокой древности у насъ тоже былъ отдѣльный классъ духовниковъ, но онъ исчезъ очень рано, до половины XII вѣка. Авторъ готовъ даже видѣть и въ болѣе позднее время слѣды этого исчезнувшаго института. Но доказательства этихъ слѣдовъ нельзя не признать недостаточными. Въ словахъ митрополита Фотія о наиболѣе опытныхъ

духовникахъ (20), въ томъ, что кіевскій соборъ въ 1640 г. склонялся къ рѣшенію, чтобы попу, незнающему устава, было воспрещено исповѣдывать, равно какъ и въ томъ, что учительные памятники нашей древности удерживаютъ неискусныхъ и неумѣющихъ учить священниковъ отъ принятія къ себѣ дѣтей духовныхъ—мы рѣшительно не можемъ усмотрѣть доказательствъ того, что до половины XII в. у насъ былъ особый классъ духовниковъ. Въ особенности неудачной мы считаемъ приводимую здѣсь цитату изъ Посошкова о бо́льшей важности въ ряду обязанностей священника „ученія и паствы дѣтей духовныхъ“ сравнительно съ церковно-служеніемъ. Въ словахъ писателя XVIII в., притомъ такого индивидуальнаго писателя, какъ Посошковъ, едва ли можно усматривать хотя бы отдаленнѣйшій слѣдъ порядковъ, исчезнувшихъ къ половинѣ XII в. Далѣе авторъ изслѣдуетъ организацію духовничества въ древне-русскомъ монастырѣ и въ древне-русскомъ приходѣ. Болѣе всего данныхъ приводится относительно духовничества въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Однако съ указаніемъ причины такого обилія данныхъ едва-ли можно согласиться. Для объясненія этой причины авторъ опять возвращается къ своей основной мысли. „Монашество было“, говоритъ онъ (21), „тѣмъ учрежденіемъ, которое выработало дисциплину тайной исповѣди и институтъ духовника. *Поэтому* (курсивъ нашъ) наиболѣе обстоятельныя данныя о древнѣйшей покаянной дисциплинѣ на Руси мы получаемъ изъ источниковъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ“. Намъ кажется, что обиліемъ свѣдѣній объ устройствѣ исповѣди въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ мы обязаны тому, что вообще сохранилось большое количество источниковъ, говорящихъ объ этомъ важнѣйшемъ изъ древне-русскихъ монастырей (лѣтопись, патерикъ и др.).—Характеризуя приходское духовенство, авторъ правильно на нашъ взглядъ поступаетъ, вводя подраздѣленіе характеристики по мѣстностямъ и отмѣчая отличіе порядковъ въ сѣверной Руси съ ея волостями - приходами, рѣдкими церквами и малочисленнымъ духовенствомъ. Въ сѣверной Руси духовническая организація связана съ приходской, въ остальной независима отъ нея и проникнута полнѣйшей свободой съ обѣихъ сторонъ, и со стороны духовника, и со стороны духовнаго сына. Слѣдуетъ однако сдѣлать

оговорку, что характеристику приходской организаціи духовничества нельзя распространять на большіе сѣверные города съ ихъ многочисленными церквами и монастырями.

Въ главахъ II и III проф. Смирновъ даетъ обстоятельную характеристику нравственнаго значенія, бытового положенія и оффиціальной дѣятельности древне-русскаго духовника. Въ представленіи древне-русскаго общества нравственное значеніе духовника было очень высоко. Духовному отцу подобаетъ безусловное послушаніе. Его воля въ нравственно-религіозной сферѣ—законъ для его духовныхъ дѣтей. Духовный отецъ—молитвенникъ и предстатель за духовныхъ дѣтей предъ Богомъ. „Покаяльная семья", какъ авторъ обозначаетъ союзъ духовнаго отца съ дѣтьми, отражаетъ на себѣ черты древне-русской юридической семьи съ безусловной властью въ ней отца. Идеально духовный отецъ не смѣняемъ, и разлучаетъ его съ покаяльной семьею только смерть. Однако въ жизни этотъ идеалъ оказывается недостижимымъ и въ дѣйствительности наблюдается и смѣна духовниковъ, и одновременное существованіе нѣсколькихъ отцовъ духовныхъ у одного духовнаго сына. Авторъ объясняетъ причины смѣны духовниковъ и ихъ множественности въ иныхъ случаяхъ. Общую причину онъ видитъ въ малой осѣдлости и чрезвычайной подвижности древне-русскаго общества. Князья переходятъ изъ одного княжества въ другое. Дружина пользуется правомъ отъѣзда. Крестьяне переходятъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Передвиженія, вызываемыя государевой службой, и разныя чрезвычайныя обстоятельства создавали въ иныхъ случаяхъ невозможность обратиться къ своему духовнику и заставляли обращаться къ другому. Наконецъ, къ числу причинъ разсматриваемаго явленія относится и скитальческій образъ жизни самого духовенства до XVIII в. Въ частности замѣтимъ, что выборы церковнаго причта древне-русскими приходами также имѣли здѣсь значеніе. Священникъ избирался приходомъ на срокъ; по истеченіи срока договоръ прихода съ нимъ не всегда возобновлялся, и такимъ образомъ связь его, какъ духовника, съ духовными дѣтьми разрывалась.

Изобразивъ идеально-возвышенное положеніе духовника въ представленіяхъ древне-русскаго общества, авторъ живыми и яркими чертами характеризуетъ его житейское по-

ложеніе и тѣ отношенія его къ духовной семьѣ, какія можно наблюдать по памятникамъ, рисующимъ эти отношенія на практикѣ. Въ этой характеристикѣ совершенно правильно, на нашъ взглядъ, расположены свѣтъ и тѣни. Почетъ, которымъ окружался духовникъ, а съ другой стороны факты, показывающіе совершенно противоположное къ нему отношеніе, даютъ на страницахъ III главы впечатлѣніе рѣзкаго, но правдиваго контраста. На этихъ страницахъ вѣрно отражена сама жизнь съ ея обычными повседневными свѣтотѣнями. Главы II и въ особенности III-я написаны на основаніи собраннаго авторомъ запаса матеріаловъ, поражающаго своимъ обиліемъ и свидѣтельствующаго о громадной его эрудиціи. Проф. Смирновъ пользовался печатными памятниками въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ, въ Актахъ Археографической экспедиціи, Актахъ Юридическихъ, Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Руси, въ Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ, въ Актахъ Холмогорской и Устюжской епархій, въ сборникахъ Ѳедотова-Чеховскаго, кн. Хилкова, Щукина, Лихачева и др. Сверхъ печатнаго матеріала проф. Смирновъ привлекъ къ дѣлу и неизданные акты изъ рукописныхъ сборниковъ библіотекъ Троице-Сергіевой Лавры, Софійской, Волоколамской, гр. Уварова. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ духовной изъ Сборника Троицкой Лавры № 532, л. 758 неясное для автора и обозначенное имъ знакомъ вопроса (?) мѣсто: „священникъ Селиверстъ, что въ чертерѣ у. Алексѣевскаго монастыря“ надо понимать „въ Чертольѣ“. Алексѣевскій монастырь находился въ Москвѣ тамъ, гдѣ теперь находится Храмъ Спасителя, и мѣстность эта носила названіе Чертолья (56).

Главу IV проф. Смирновъ посвящаетъ характеристикѣ нравственнаго міросозерцанія древне-русскаго духовника. Эта характеристика дѣлается на основаніи извѣстнаго „Вопрошанія Кирика“. По мнѣнію С. И. Смирнова трудно указать другой какой-либо памятникъ Кіевскаго періода письменности, который бы такъ рельефно рисовалъ своего автора со стороны его міросозерцанія, какъ Вопрошаніе рисуетъ новгородскаго духовника половины XII в. (109). Но „Вопрошаніе“ характеризуетъ не только своего автора. Кирикъ—это типъ. Его міросозерцаніе свойственно древне-русскому духовнику послѣдующихъ вѣковъ. Оно продержалось слишкомъ долго,

цѣлыхъ семь столѣтій (130). Проф. Смирновъ усматриваетъ и въ наши дни въ простомъ народѣ черты того же самаго нравственнаго міросозерцанія, которымъ проникнуто Вопрошаніе (132). Намъ кажется, что, избравъ Вопрошаніе за исходную точку характеристики, авторъ занялъ прочную и надежную позицію. Элементы, которые онъ отмѣчаетъ, разбирая памятникъ XII в., встрѣчаешь дѣйствительно и въ послѣдующіе вѣка въ памятникахъ, отражающихъ нравственныя возрѣнія русскаго общества. Та же точная регламентація житейскаго обихода, то же формальное пониманіе нравственнаго подвига. Самый разборъ памятника и анализъ взглядовъ Кирика по тщательности и отчетливости, съ которыми онъ сдѣланъ, и по точности изложенія выводовъ мы считаемъ образцомъ научнаго анализа. Параллельно съ характеристикой взглядовъ Кирика авторъ даетъ характеристику болѣе широкихъ и болѣе христіанскихъ взглядовъ его собесѣдника и, благодаря этому искусно примѣненному пріему, весь внѣшній формализмъ возрѣній Кирика выступаетъ еще ярче. Глава IV написана превосходно.

Въ V и VI главахъ изображается древне-русскій духовникъ въ его учительной и дисциплинарной дѣятельности. Въ древней Руси церковная учительность выражалась не въ живой церковной проповѣди, а въ тайномъ индивидуальномъ руководительствѣ духовника. Исповѣдь давала поводъ къ поученію; она была не только сакраментальнымъ актомъ, но и назидательнымъ собесѣдованіемъ (133, 135). Сохраняя полное научное безпристрастіе, которое является цѣннымъ свойствомъ его изслѣдованія, проф. Смирновъ при характеристикѣ учительной дѣятельности древне-русскаго духовника не обходитъ и отрицательныхъ явленій, замѣченныхъ имъ въ русскомъ прошломъ. Но, чуждый всякой односторонности, онъ умѣетъ остановить вниманіе читателя и на такихъ положительныхъ образцахъ древне-русскихъ учительныхъ духовниковъ, какъ Авраамій Смоленскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Іосифъ Волоколамскій и Даніилъ Переяславскій, давая изящно-написанную характеристику учительной дѣятельности каждаго. Большая часть главы V занята разборомъ памятниковъ учительной духовнической дѣятельности. Такого рода произведеній: поученій, посланій, наказаній собрано авторомъ 17. Частію они были изданы ранѣе, частію

изданы самимъ проф. Смирновымъ въ его Матеріалахъ. Одно остается неизданнымъ (№ 10 изъ библіот. гр. Уварова № 579). Выводъ проф. Смирнова отличается осторожностью. Количество собранной литературы онъ считаетъ слишкомъ незначительнымъ, чтобы дѣлать по ней заключенія о томъ, насколько отразилась въ ней древне-русская жизнь своими идеалами и насколько эти памятники характеризуютъ успѣхи нравственно-дисциплинарной работы духовника, т. е. въ какой мѣрѣ они внесли свое содержаніе въ жизнь народа и отразились на ней (164). Изслѣдуя дисциплинарную дѣятельность древне-русскаго духовника и касаясь средствъ духовнаго воздѣйствія духовника на общество: исповѣди и епитиміи, проф. Смирновъ ярко изображаетъ тѣ черты, съ которыми эти средства практиковались въ древне-русской обстановкѣ. Изслѣдованіе ведется съ обычною присущею автору ясностью и отчетливостью. Укажемъ, однако, мѣсто, подающее, по нашему мнѣнію, поводъ къ недоразумѣнію. „Къ грѣхамъ", читаемъ мы на стр. 174, „наказываемымъ публичною епитиміей, причислялись въ древней Руси и такіе, какъ... мздоимство, рѣзоимство" и т. д. Не совсѣмъ ясно, говоритъ ли здѣсь авторъ объ идеалѣ и теоріи или же о дѣйствительности и практикѣ. Взиманіе рѣзовъ было въ древне-русской жизни очень распространено, представляло собою обычное, повседневное явленіе. Давали деньги за %, и притомъ очень высокіе даже древне-русскіе монастыри. Можно поэтому думать, что предписанія объ епитиміяхъ за иманіе роста оставались мертвой буквой. Съ особеннымъ интересомъ читаются тѣ страницы VI-ой главы, на которыхъ авторъ говоритъ о близости духовника къ древне-русской семьѣ, о его вліяніи на ея нравы и внѣшній бытъ, на отношенія родителей къ дѣтямъ, господъ къ рабамъ. Вѣрно говоритъ проф. Смирновъ о нравственномъ воздѣйствіи духовника: „Древне-русскій духовникъ старается перевоспитать общество, привить ему чувство милованія, смягчить жестокіе нравы, поднять положеніе угнетенныхъ" (181).—„Гуманныя требованія епитимейниковъ, несомнѣнно, въ значительной мѣрѣ воспитали въ народѣ чувство жалости, создали добрыхъ людей древней Руси" (182). По своему обыкновенію изслѣдователь и въ дисциплинарной дѣятельности духовника отмѣчаетъ также и темныя стороны и отчетливо вырисовы-

ваетъ типъ духовника—потаковника. Но объясненіе причинъ появленія этого типа мы не можемъ раздѣлить всецѣло. „Какъ понять это явленіе?“, спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „оно было, несомнѣнно, также связано съ высокимъ нравственнымъ положеніемъ духовника“ (182). Выводить „потаковничество“ изъ высоты нравственнаго положенія духовника, объяснять его какъ уродливое послѣдствіе этой высоты едва ли возможно. Намъ причины этого явленія представляются болѣе простыми. Ихъ надо искать въ томъ „ласкосердіи“, въ томъ стыдѣ передъ знатными людьми и въ томъ стремленіи ко мздѣ, о которыхъ авторъ говоритъ на стр. 187 и 193.

Обильная своими нравственными послѣдствіями, но индивидуальная и интимная дѣятельность древне-русскаго духовника протекала скрытно и незамѣтно. Историку приходится возстанавливать ее, освѣщая ее искусственнымъ свѣтомъ изслѣдованія. Только во время тревогъ второй половины XVII в., потрясшихъ спокойствіе церковной жизни она стала яркимъ, бросающимся въ глаза явленіемъ. Съ возникновеніемъ раскола духовничество стало сильнымъ орудіемъ пропаганды. За духовникомъ, уклонившимся въ расколъ, шла и его паства. Проф. Смирновъ въ послѣдней VII главѣ своего сочиненія, оцѣнивая вообще значеніе раскола въ исторіи духовничества, даетъ мастерски написанные образы двухъ духовниковъ, знаменитыхъ дѣятелей раскола: Ивана Неронова и протопопа Аввакума. Ихъ характеристики написаны художественно, и страницы, имъ посвященныя, читаются съ захватывающимъ интересомъ. Мѣры конца XVII и начала XVIII в., принимавшіяся главнымъ образомъ въ борьбѣ съ расколомъ, орудіемъ которой сталъ православный духовникъ, измѣнили характеръ духовничества, подорвали въ корнѣ тѣ основанія, на которыхъ оно покоилось: свободу выбора духовника, его абсолютную власть въ дѣлѣ наложенія епитимій, патріархальность во взаимоотношеніяхъ его и духовныхъ дѣтей. „Но умерло“, такъ заключаетъ свое изслѣдованіе авторъ, „сошло со сцены то, что отжило свое время, что явнымъ образомъ разлагалось, что близорукопротивилось формамъ новой жизни“ (241).

Обширный томъ „Матеріаловъ для исторіи древне-русской покаянной дисциплины“ содержитъ 68 текстовъ памятни-

ковъ покаянной письменности съ обширными замѣтками къ каждому и съ указателемъ. „Въ древне-русской церкви“, говоритъ проф. Смирновъ, „не было серьезной попытки разобраться въ письменности, регулировавшей покаянную дисциплину... На долю изслѣдователя выпадаетъ... обязанность разобраться въ этомъ обширномъ и далеко не изученномъ матеріалѣ, распредѣлить его хронологически. Вотъ почему авторъ занимался матеріалами для исторіи покаянной дисциплины, стараясь собрать фрагменты древне-русскихъ каноническихъ произведеній, не брезгая и худой, отреченной письменностью, которая мало интересуетъ канониста, но цѣнна для историка, потому что очень характерна для среды, въ которой возникла, и для того духовенства, которымъ принималась къ руководству и исполненію“ (Древне-русскій духовникъ, 2—3). Поиски памятниковъ производились проф. Смирновымъ по разнымъ хранилищамъ рукописей и стоили издателю вѣроятно не малаго труда и времени. Каждый текстъ напечатанъ съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ требованій. Издатель сличалъ рукописи, содержащія одинъ и тотъ же памятникъ, устанавливалъ редакціи и снабжалъ избранный для печати текстъ разночтеніями. Большая часть текстовъ воспроизведены славянскимъ шрифтомъ. За многіе изъ напечатанныхъ памятниковъ будутъ проф. Смирнову благодарны не только историки русской церкви, но и историки русской литературы. Замѣтки, или комментаріи къ текстамъ разрастаются въ обширныя самостоятельныя изслѣдованія. Таковы напр. наиболѣе выдающіяся по цѣнности изслѣдованія объ „Особой редакціи Вопрошанія Кирика“ и объ Источникахъ Вопрошанія, а также отличающаяся особымъ мастерствомъ техники и точностью результатовъ замѣтка къ Посланію Іакова Черноризца къ ростовскому князю Дмитрію, гдѣ, на нашъ взглядъ, прочно установлены и личность писателя, и личность князя, къ кому посланіе направлено, и время написанія памятника.

Томъ Матеріаловъ съ замѣтками къ нимъ, вышедшій ранѣе изслѣдованія, самъ представляетъ цѣнное и самостоятельное изслѣдованіе и, по нашему мнѣнію, могъ бы доставить автору степень доктора.

Подведемъ итоги изложенному обзору работы проф. С. И.

Смирнова. Авторъ избралъ для научнаго изслѣдованія небольшой сравнительно вопросъ по исторіи церковнаго быта, но изучилъ этотъ вопросъ во всю его глубину и далъ ему всестороннее освѣщеніе. Для этого изученія и освѣщенія имъ собранъ обширный печатный и рукописный матеріалъ, и проф. Смирновъ въ своей работѣ показалъ себя знатокомъ относящихся къ его темѣ памятниковъ. Часть этихъ памятниковъ онъ безукоризненно въ научномъ отношеніи издалъ съ обширными и обстоятельными комментаріями и этимъ значительно облегчилъ усвоеніе его изслѣдованія. Въ изученіи интересующаго его предмета проф. Смирновъ дѣйствуетъ достойными подражанія методами. Предоставимъ спеціалистамъ указать, удалось ли автору окончательно разрѣшить поставленные вопросы или онъ оставляетъ что-либо и для другихъ изслѣдователей въ той же области. Но скажемъ прямо, что въ методологическомъ отношеніи мы считаемъ его изслѣдованіе образцовымъ. Внимательный и тонкій анализъ текстовъ, научное безпристрастіе, умѣнье равномѣрно отмѣтить положительныя и отрицательныя стороны изучаемаго явленія, осторожность въ выводахъ, изящная простота языка и яркость образовъ, возвышающаяся до художественности — таковы цѣнныя качества работы С. И. Смирнова. Они даютъ намъ право считать его работу образцомъ историческаго изслѣдованія. Полагаемъ, что представленное проф. С. И. Смирновымъ сочиненіе вполнѣ заслуживаетъ степени доктора церковной исторіи".

б) Ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ церковнаго права *А. И. Алмазова*:

„Изслѣдованіе проф. С. И. Смирнова обнимаетъ семь главъ. Этимъ главамъ предпосылается введеніе и послѣдуютъ два приложенія.

Во введеніи авторъ освѣдомляетъ читателя, что настоящее изслѣдованіе собственно церковно-бытовое, а не историко-каноническое. Такой именно его характеръ мотивируется недостаткомъ каноническихъ памятниковъ по вопросу о духовникѣ. Ставя задачею изученіе указываемой стороны духовничества, авторъ, затѣмъ, и въ такихъ предѣлахъ касается только самой жизни и замиранія изслѣдуемаго института и не затрогиваетъ процесса его образованія. И къ такому огра-

ниченію онъ вынуждается совершеннымъ отсутствіемъ данныхъ, освѣщающихъ начальный моментъ духовничества на Руси.—Въ заключеніе введенія излагается „терминологія духовника“, т. е. его наименованіе въ древне-русскихъ памятникахъ.

Нужно согласиться съ авторомъ относительно недостаточности памятниковъ, по крайней мѣрѣ спеціальныхъ и собственно-русскаго происхожденія, для канонической исторіи нашего духовничества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что онъ игнорировалъ объясненіе этого недостатка. Помимо того, что такое объясненіе невольно вызывалось совершенно обратнымъ на этотъ разъ явленіемъ въ греческой церковно-практической письменности, оно могло бы имѣть для автора и нѣкоторое непосредственное значеніе; быть можетъ оно въ какой-либо мѣрѣ посодѣйствовало бы устраненію въ разсматриваемомъ изслѣдованіи одного существеннаго дефекта, о которомъ будетъ сказано ниже.

Полная скудость данныхъ о покаянной дисциплинѣ въ первоначальной Русской церкви даетъ поводъ автору задаться такимъ вопросомъ—„можетъ быть, въ моментъ возникновенія русской церкви дисциплина эта представляла... переходное состояніе отъ публичной къ тайной.., и „въ первые полтора вѣка“ здѣсь „она прошла стадію развитія. аналогичную той, которая имѣла мѣсто на греческомъ Востокѣ“ (стр. 3), гдѣ „въ теченіе X—XII вв. тайная исповѣдь завоевываетъ себѣ господствующее положеніе, вытѣсняя исповѣдь публичную и покаяніе по канонамъ“ (стр. 1). По нашему мнѣнію—кому бы ни приписывали составленіе покаяннаго номоканона съ именемъ Іоанна Постника, онъ во всякомъ случаѣ показатель господствующаго значенія исповѣди именно только за болѣе раннее время. Онъ не устанавливаетъ какихъ-либо новшествъ въ области покаянной дисциплины, а скорѣе письменно регламентируетъ уже сложившуюся практику долгаго предшествующаго времени. При этомъ не надо забывать, что онъ далекъ отъ того, чтобы игнорировать нормы покаянія по канонамъ. Да и тотъ констатируемый самимъ же авторомъ фактъ, что „въ первой четверти XII в. дисциплина тайной исповѣди господствовала въ русской церкви“ (стр. 6), также не можетъ говорить въ пользу трактуемаго предположенія. При его наличности, очевидно, то же

господство въ практикѣ греческой церкви должно было осуществиться далеко ранѣе.—Не соглашаясь, такимъ образомъ, съ предположеніемъ автора, мы не относимъ этого къ покаянной дисциплинѣ въ монастырской сферѣ.

Терминологіи духовника, хотя она и вносится какъ нѣкоторое *supplementum* ко введенію, проф. С. И. Смирновъ удѣляетъ особенное вниманіе. Съ всемѣрною тщательностью, но очень разнообразнымъ источникамъ, онъ отмѣчаетъ практиковавшіяся наименованія духовника. Отмѣчаетъ онъ, между прочимъ, и наименованія—„попъ", священникъ" и „іерей". По нашему мнѣнію, при этомъ настояла бы надобность выяснить—въ какомъ взаимоотношеніи были термины—„духовный отецъ" и только что указанные—„попъ", „священникъ", „іерей", какъ означающіе собственно приходскаго священника. Дѣлаемъ эту оговорку въ виду того важнаго значенія, какое усвояется авторомъ „терминологіи духовника",—значенія—настолько, что явленіе обычное, когда въ своемъ изслѣдованіи, руководясь только ею, онъ считаетъ памятникъ примѣнимымъ къ его цѣлямъ.

Источное начало настоящей терминологіи авторъ видитъ въ терминологіи монастырской („духовный отецъ", „игуменъ") (стр. 12). Отчасти это и такъ; но авторъ, кажется, оставляетъ безъ вниманія, что „отецъ" въ примѣненіи къ іерархическимъ и вообще духовнымъ лицамъ терминъ—болѣе древній, чѣмъ тотъ моментъ, съ котораго монашество стало оказывать вліяніе въ широкой мѣрѣ.

Занимаясь терминологіею духовнаго отца, проф. С. И. Смирновъ попутно упоминаетъ и о терминологіи исповѣдниковъ („духовныя дѣти", „покаяльныя дѣти", „дѣти") (стр. 8—9). Нужно весьма сожалѣть, что онъ не вошелъ въ обозрѣніе этой терминологіи нарочито и въ частности не задался выясненіемъ того, насколько наименованія „дѣти" или „духовныя дѣти" могли примѣняться для обозначенія вообще прихожанъ священника. Здѣсь въ особенности обиліе случаевъ, когда, исходя только изъ употребленія термина—„духовныя дѣти", авторъ пользуется тѣмъ или другимъ свидѣтельствомъ.

Глава первая посвящена рѣчи объ „организаціи духовничества въ древней Руси", т. е. вопросу, важному не только въ бытовомъ, но и въ формальномъ отношеніи. Авторомъ

сообщаются здѣсь данныя о томъ, кто осуществлялъ духовническое служеніе въ монастырской сферѣ и затѣмъ—кто былъ духовникомъ для мірянъ и что представляла его покаяльная семья. Рѣчи о томъ и другомъ предпосылаются историческія справки объ организаціи духовничества въ греческой церкви и у южныхъ славянъ.

Въ послѣднемъ случаѣ, когда говорится о томъ, что въ греческой церкви духовниками были, рядомъ съ лицами пресвитерскаго сана, и епископы, авторъ подкрѣпляетъ такой фактъ пространнымъ примѣчаніемъ (стр. 13). Въ примѣчаніи этомъ, однако, далеко не все пріемлемо. Напр., авторъ ссылается на Эпанагогу, гдѣ говорится—„патріарху надлежитъ имѣть попеченіе о всѣхъ духовническихъ требахъ; но онъ можетъ возлагать оное и на другихъ, кому заблагоразсудитъ поручить". Едва ли можно сомнѣваться, что здѣсь имѣется въ виду собственно не—совершеніе исповѣди патріархомъ, а управленіе и руководство имъ во всемъ, что относится до духовничества. Равнымъ образомъ, такого же характера и цитуемое свидѣтельство Симеона Солунскаго, разъ по нему епископы вѣдали только важнѣйшіе грѣхи. Наконецъ, что касается до хожденія русскаго паломника Василія Гагары, который направился въ паломничество, дабы „многимъ патріархамъ греческимъ о грѣсѣхъ своихъ блудныхъ....покаятися", то онъ—а) противорѣчитъ такъ отмѣчаемой авторомъ несмѣняемости духовника по древне-русскому воззрѣнію; б) относится не къ ординарной исповѣди, и в) своимъ упоминаніемъ о „многихъ" патріархахъ невольно говоритъ только о благочестивомъ намѣреніи Гагары, а не о вѣрности его представленій касательно духовничества въ греческой церкви. Непріемлемость такихъ ссылокъ, однако, не лишаетъ силы того положенія, къ которому онѣ относятся.

Въ томъ же примѣчаніи проф. С. И. Смирновъ объясняетъ и принятіе на исповѣдь въ давніе дни въ греческой же церкви простыми монахами, говоря: „Антиканоническое явленіе—совершеніе исповѣди простыми монахами возникло въ Греціи по нуждѣ въ эпоху иконоборчества, когда почти вся іерархія стояла на сторонѣ ереси, и монашество явилось оплотомъ православія"; при этомъ дѣлается ссылка на мнѣнія проф. Суворова и проф. Голубинскаго. По нашему разумѣнію, обронить такую фразу, хотя бы и при ссылкѣ на

указываемые авторитеты, можно только съ большою осторожностью и предварительно взвѣсивъ значительный рядъ соображеній и вопросовъ. Сюда мы относимъ: а) Не должно ли представляться страннымъ, что, зародившись благодаря исключительному условію, такая практика, однако, существовала столь долгое время, какъ до конца XII в., когда вызвавшее ее условіе стало весьма давнимъ прошлымъ; б) Не менѣе страннымъ представляется и то, что монахи, явясь въ эпоху иконоборчества оплотомъ православія, въ то же самое время усвоили бы себѣ право, не оправдываемое съ точки зрѣнія православнаго ученія; в) Какъ ни была малочисленна въ эпоху иконоборчества вѣрная православію іерархія, однако она не могла бы примириться съ неканоничностью трактуемаго явленія, тѣмъ болѣе, что принадлежность права разрѣшенія отъ грѣховъ именно іерархіи—принадлежность искони общеизвѣстная и не нуждавшаяся въ подтвержденіи; г) Центръ тяжести при совершеніи исповѣди не въ принятіи исповѣдуемыхъ грѣховъ, а въ разрѣшеніи отъ нихъ;—въ какой мѣрѣ послѣднее могло усвояться простымъ монахамъ, разъ они были „принимателями“ исповѣди? и д) Разъ право указываемаго разрѣшенія принадлежитъ собственно епископской степени и можетъ осуществляться другими органами только по порученію епископа, то спрашивается—относилось ли такое порученіе до простыхъ монаховъ и какимъ порядкомъ оно пріобрѣтало реальное значеніе?—Безъ нарочитаго выясненія всѣхъ такихъ вопросовъ говорить о неканоничности и притомъ неканоничности на долгомъ пространствѣ времени трактуемаго явленія, несомнѣнно бывшаго въ дѣйствительности, можно считать по крайней мѣрѣ преждевременнымъ.

При справкѣ же о духовничествѣ въ Греческой церкви, въ виду того замѣчанія въ Пидаліонѣ, что многіе епископы при поставленіи духовника употребляли возложеніе рукъ,—авторъ замѣчаетъ, что—„можетъ быть существовало цѣлое чинопослѣдованіе поставленія въ духовные отцы“ (стр. 14). Мы должны сказать—не только существовало, но и внесено теперь въ печатный евхологій (какъ это выяснено въ нашемъ изслѣдованіи объ исповѣди при изложеніи данныхъ объ уставѣ поставленія въ духовники).

Наконецъ, въ той же справкѣ авторъ замѣчаетъ, что существованіе духовническихъ округовъ (въ Греціи) едва ли

стѣсняло вѣрующихъ... каждый могъ выбрать себѣ духовнаго отца по мысли и желанію“ (стр. 15).—Мы не можемъ усвоить особенной силы сдѣланной здѣсь ссылкѣ на такъ называемый—„Котельеровскій“ номоканонъ. И затѣмъ—такое предположеніе могло бы быть оправдываемо при духовникѣ—приходскомъ священникѣ, но не при наличіи спеціальныхъ духовниковъ; — зачѣмъ тогда — и эти округа, и этотъ спеціально назначенный духовникъ?—Сверхъ же того, на слѣдующей страницѣ (16), при рѣчи о духовничествѣ въ югославянской церкви, самъ же авторъ констатируетъ, что духовники не имѣли права переступить въ своихъ дѣйствіяхъ за предѣлы назначенныхъ имъ округовъ.

И въ практикѣ югославянской церкви авторъ встрѣчаетъ данныя касательно исповѣди предъ простыми старцами. Между прочимъ такое указаніе онъ находитъ въ уставѣ св. Саввы Хиландарскому монастырю, гдѣ говорится, что при умноженіи братства обители, если игуменъ будетъ не въ состояніи принимать всѣхъ на исповѣдь, то да изберетъ отъ іерей или отъ нѣкихъ благоговѣйныхъ братій и благословитъ имъ немощтныхъ и неразумныхъ пріимати помышленія“ (стр. 15). Допустимо, однако, что здѣсь не имѣется въ виду исповѣдь болѣе или менѣе важныхъ согрѣшеній, а скорѣе предполагается исповѣдь внутреннихъ настроеній, поскольку они не совмѣстимы съ требованіями монашеской дисциплины,—имѣется въ виду то, что предполагается понятіемъ старчества въ его прямомъ назначеніи. Впрочемъ, насколько въ дѣйствительности духовничество въ югославянской церкви органически связывалось именно съ іерействомъ, о томъ категорически свидѣтельствуетъ слѣдующая же страница разсматриваемаго сочиненія, на которой читается такая выдержка изъ южно-славянскаго епитимійника: „*попове*, коихъ не благослови святитель, да не (суть) духовници, ни да имъ се исповѣдують“ (стр. 16).

Въ отношеніи духовничества въ древнѣйшей Русской церкви авторъ съ особенною обстоятельностью останавливается на томъ воззрѣніи Е. Е. Голубинскаго, что въ древности у насъ не всѣ приходскіе священники имѣли право духовничества. Проф. С. И. Смирновъ предполагаетъ отсюда, что по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго духовники составляли у насъ въ древнѣйшее время особый классъ. На нашъ взглядъ

цитуемое воззрѣніе Е. Е. Голубинскаго не говоритъ еще о томъ, чтобы онъ признавалъ наличность именно особаго класса духовниковъ, разъ только духовничество усвоялось вообще должности приходскаго священника. Вѣдь теперешніе духовники для духовенства, параллель которымъ усматриваетъ здѣсь Голубинскій, не составляютъ же особаго класса.

Отрицая вообще мнѣніе проф. Голубинскаго, авторъ отстаиваетъ то положеніе, что на Руси всѣ священники еще при самомъ рукоположеніи всегда получали право на совершеніе исповѣди (стр. 19), какъ это явствуетъ по даннымъ изъ ставленыхъ грамотъ. Съ этимъ положеніемъ проф. С. И. Смирнова безусловно нужно согласиться. Однако, не можемъ не замѣтить, что обладать правомъ и осуществлять его на дѣлѣ не одно и то же. Припомнимъ здѣсь хотя бы институтъ викарныхъ архіереевъ въ отношеніи права ихъ на посвященіе въ степени священника и діакона.

При всемъ несогласіи съ мнѣніемъ Е. Е. Голубинскаго авторъ, все-таки, допускаетъ возможность бытія въ раннее время и отдѣльныхъ, спеціальныхъ духовниковъ. Слѣды ихъ существованія усматриваются имъ въ такомъ свидѣтельствѣ: „то себѣ, чадо мое, вѣждь, яко Богъ тако не спроситъ церковныя службы, яко спроситъ ученія и паствы дѣтей духовныхъ“ (стр. 20). Едва ли будетъ несостоятельнымъ относить эти слова вообще къ пастырской отвѣтственности. А затѣмъ отмѣтимъ, что приводимыя теперь слова—слова Посошкова; болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы они были отголоскомъ практики времени до XII в.

Констатируя здѣсь же попытки къ ограниченію духовничества для священниковъ молодыхъ, невѣждъ и пр., проф. С. И. Смирновъ считаетъ ихъ „выходившими изъ такого общаго представленія: всякій бѣлый приходскій священникъ имѣетъ право духовничества, но онъ не обязанъ во всякомъ случаѣ отправлять эту дѣятельность“. По нашему мнѣнію, правильнѣе бы сказать—но онъ при извѣстныхъ уважительныхъ условіяхъ долженъ воздерживаться отъ осуществленія этого права. Въ ряду данныхъ, свидѣтельствующихъ объ указываемыхъ теперь попыткахъ, авторъ приводитъ и такое: „въ юго-западной церкви XVII ст. предписывалось, чтобы духовникъ былъ пожилого возраста, старше 40 лѣтъ“ (стр. 20). Мы

должны сказать: это — не русское, а греческое предписаніе: оно относится къ духовникамъ — монашествующимъ и случайно заимствовано съ переводомъ номоканона въ 226 главѣ, на который авторъ и ссылается.

Усвоеніе въ древней Руси права исповѣди мірянъ и іеромонахомъ даетъ автору поводъ сказать, что такое право предоставлялось имъ особою грамотою—„Писмо датися священноиноку, когда поставятъ его отца духовнаго“ (стр. 21).—Если авторомъ усвояется практическое значеніе указываемому „Письму“ именно въ виду упоминанія въ надписаніи о „священноинокѣ“, то не должно бы забывать, что предполагаемое теперь письмо — просто переложеніе, если не переводъ, греческаго *ἐνταλτήριον*—а, и упоминаніе въ его надписаніи про іеромонаха—свидѣтельствуетъ собственно о практикѣ греческой церкви (гдѣ духовниками были именно іеромонахи), и слѣд. для свидѣтельства о практикѣ церкви русской не можетъ имѣть значенія. Самая рѣдкость памятниковъ этого „письма“,—добавимъ сюда,—говоритъ о томъ, что если оно и примѣнялось на практикѣ, то развѣ въ исключительныхъ случаяхъ (см. наше изслѣд. Тайная Исповѣдь, II, 166...).

Обращаясь спеціально къ организаціи монастырскаго духовничества, проф. С. И. Смирновъ долгимъ рядомъ фактическихъ справокъ — и изъ исторіи различныхъ монастырей, и отъ различныхъ столѣтій устанавливаетъ разнообразіе въ этомъ отношеніи практики—то усвоеніе духовничества игумену монастыря, то нарочитому духовнику (иногда и не одному) (стр. 22—29). Полнаго освѣщенія этого разнообразія, однако, мы у него не находимъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что авторъ не входитъ въ объясненіе указываемаго теперь разнообразія, а равнымъ образомъ не опредѣляетъ тѣхъ отношеній, какія были въ монастырѣ между спеціальными духовниками и игуменомъ, какъ вообще духовнымъ отцомъ ввѣренной ему братіи.—Указывая въ этомъ случаѣ и такіе монастыри, гдѣ бывало по нѣскольку духовниковъ, авторъ допускаетъ, что въ нихъ—„повидимому, каждый инокъ свободно могъ избрать себѣ духовнаго отца“ (стр. 28). Трудно не согласиться съ тѣмъ, что признать такую свободу братіи равнозначуще признанію полнаго отсутствія дисциплины въ монастырѣ.—Правда, по автору монахи обращались съ испо-

вѣдью даже къ духовнику другого монастыря. Но если это и допускалось, то развѣ при особыхъ условіяхъ. По крайней мѣрѣ примѣръ того, приводимый авторомъ въ лицѣ Корнилія Переяславскаго (стр. 28), подтверждаетъ именно такое предположеніе: его исповѣдникъ изъ другого монастыря былъ его постриженникомъ.

Въ ряду извѣстныхъ монастырскихъ духовниковъ проф. С. И. Смирновъ отмѣчаетъ Ѳеодосія Печерскаго, какъ перваго упоминаемаго въ нашихъ памятникахъ монашескаго духовника. Признавая его духовничество, мы всетаки болѣе склонны къ тому сужденію, что если онъ и называется духовнымъ отцомъ, то скорѣе въ общемъ значеніи этого термина (см. стр. 22, прим. 4).—Будучи духовникомъ братіи, Ѳеодосій Печерскій, по автору, передалъ своихъ духовныхъ дѣтей—иноковъ и бояръ—своему преемнику по игуменству—Стефану. Такъ ли это, по крайней мѣрѣ относительно иноковъ? „И се вамъ игуменъ, говоритъ онъ братіи, его же сами изволисте, того послушайте и отца духовнаго себѣ имѣйте“... (стр. 23). Кажется ясно, что Ѳеодосій имѣетъ въ виду Стефана какъ собственно игумена и притомъ игумена, самою же братіею намѣченнаго.

Вообще въ своихъ изслѣдованіяхъ о духовничествѣ проф. С. И. Смирновъ не прочь пользоваться нравоучительно-аскетическими сказаніями. Это наблюдается и въ занимающемъ насъ случаѣ, когда авторъ, руководясь повѣствованіемъ (въ посланіи еп. Владимірскаго Симону) о преп. Онисифорѣ Прозорливцѣ, выводитъ заключеніе, что въ древнѣйшемъ монастырскомъ быту — „духовникъ рѣшаетъ вопросъ — какъ и гдѣ похоронить своего умершаго сына“ (стр. 25). Авторъ, однако, упускаетъ изъ вниманія, что преп. Онисифоръ въ подобномъ случаѣ дѣйствуетъ только „по совѣту съ игуменомъ Пименомъ“ (стр. 24).

Въ отношеніи организаціи приходскаго духовничества, проф. С. И. Смирновъ различаетъ сѣверъ Руси и остальную Русь.—Относительно сѣвера имъ устанавливается то положеніе, что тамъ духовникъ и приходскій священникъ совпадали (стр. 30—31). Предполагая всетаки, что и при такой организаціи не устранялся свободный выборъ духовника, авторъ приводитъ въ подтвержденіе фактъ, касающійся дьячка и пономаря, которые исповѣдывались на сторонѣ

(стр. 31). Авторъ не принялъ во вниманіе, что здѣсь исповѣдниками являются церковно-служители, а не вообще міряне или прихожане. Признаваемое въ данномъ случаѣ духовничество именно *приходскаго* священника объясняется авторомъ — и рѣдкостью храмовъ на сѣверѣ, и малочисленностью духовенства (стр. 32). Первое, по нашему мнѣнію, едва ли вѣрно при многочисленности древне-русскаго духовенства вообще; второе — если и имѣло мѣсто, то развѣ на окраинахъ сѣвера. Это съ одной стороны. Съ другой — неужели не было болѣе глубокаго основанія для того? Каждому ясно, что по природѣ вещей приходское священство и духовничество должны совмѣщаться въ единомъ органѣ, имѣющемъ пастырскую миссію. Разъ духовничество и приходское священство на сѣверѣ совпадали, то дѣйствительно получается, какъ говоритъ авторъ, что тамъ духовникъ избирался и коллективно и непожизненно (стр. 32). Но если такъ, то причемъ же тогда это настойчивое утвержденіе автора — и индивидуальной свободы выбора духовника, и его несмѣняемости, и его права передачи своихъ духовныхъ дѣтей другому духовнику.

„Въ остальной Россіи (въ противоположность сѣверу), говоритъ авторъ, организація была независима или мало зависима отъ приходской. Приходскій священникъ и духовникъ отличаются другъ отъ друга“, равно какъ „отличаются и духовныя дѣти и прихожане“ (стр. 32—33). Какого-либо опредѣленнаго разграниченія сѣвера Россіи и „остальной“ Россіи, — нужно сказать,—авторомъ не проводится. Что же касается до различенія дѣтей духовныхъ и прихожанъ, то по даннымъ, представленнымъ авторомъ, оно должно предполагаться и при практикѣ сѣвера Россіи. Если въ настоящемъ случаѣ иногда читается — „а они (міряне) имъ (священникамъ) не дѣти духовные“, то въ памятникахъ, касающихся сѣвера Россіи, равнозначуще, когда читаемъ: „а мы сироты ему дѣти духовныя“ или — „а онъ... *многимъ* намъ отецъ духовный“ (стр. 33 и 31).

Разъ въ „остальной“ Россіи духовничество не совпадало съ приходскимъ священствомъ, то, говоритъ авторъ, здѣсь— выборъ духовника не былъ „коллективнымъ дѣломъ прихожанъ“, прихожане — „избирали себѣ священнослужителя и требоисправителя“ (стр. 34). Едва ли можно возражать про-

тивъ того, что и въ первомъ случаѣ не могло быть другого представленія въ отношеніи избираемаго священника. Съ другой стороны и здѣсь, разъ священникъ вообще обладалъ правомъ совершать исповѣдь, при избраніи его въ представленіи прихожанъ, конечно, не могли исключаться и эти — его право и обязанность. Въ итогѣ мы въ правѣ сказать, что и въ предполагаемой „остальной" Россіи священникъ избирался и какъ кандидатъ на духовничество; только осуществлять это право, при свободѣ избранія мірянами себѣ духовника, ему не всегда приходилось; при такой свободѣ, разъ духовенства было много, разъ причты были б. ч. многоклирные,—естественно, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ были священники—и осуществлявшіе духовническую функцію, и не имѣвшіе для того фактической возможности.

Переходя затѣмъ къ рѣчи о покаяльной семьѣ, авторъ сначала отмѣчаетъ цѣлый рядъ ограниченій въ отношеніи права духовника на исповѣдь извѣстныхъ лицъ. Здѣсь, между прочимъ, запрещеніе быть духовникомъ прежнему своему духовному отцу объяснено тѣмъ, чтобы такою исповѣдью не унизить авторитетъ послѣдняго (стр. 35—36). Сомнительно однако, чтобы въ этомъ запрещеніи руководились только такимъ чисто моральнымъ мотивомъ. Здѣсь прежде всего давало себя знать то формальное соображеніе, что ставшій къ кому-либо отцомъ не могъ становиться его сыномъ. А затѣмъ, — странно было бы, чтобы духовный сынъ былъ судьею во грѣхахъ своего, избраннаго имъ ранѣе духовнаго руководителя. Такого же свойства мотивы принимались во вниманіе, конечно, и относительно запрещенія сыну исповѣдывать отца и мать (стр. 36).

За исключеніемъ отмѣченнаго у автора круга лицъ, духовникъ былъ свободенъ въ выборѣ себѣ духовныхъ дѣтей и образованіи покаяльной семьи. Несомнѣнный пробѣлъ составляетъ то, что проф. С. И. Смирновъ ни словомъ не обмолвился о томъ, — поскольку же эта свобода могла имѣть приложеніе къ приходскимъ священникамъ-духовникамъ въ отношеніи ихъ прихожанъ? Свободно составляемая покаяльная семья, по автору, могла еще составляться иногда только на время. И снова возникаетъ вопросъ—при чемъ же тогда требованіе несмѣняемости духовника? Примѣръ такой семьи, указываемый авторомъ въ видѣ свиты митроп. Исидора, имѣв-

шей при себѣ на время путешествія на западъ особаго духовника,—добавимъ сюда,—вовсе не подтверждаетъ сужденія автора; эта свита не была покаяльной семьей, свободно самимъ духовникомъ составленной (стр. 38—39).

Въ заключительномъ словѣ къ настоящей главѣ авторъ пытается установить различіе духовниковъ — монаховъ и бѣльцовъ по классамъ исповѣдывавшихся у нихъ духовныхъ дѣтей. Въ общемъ у него получается, что всѣ классы исповѣдывались у тѣхъ и другихъ, а потому какихъ-либо заслуживающихъ вниманія результатовъ это различеніе духовниковъ не дало.—Важнѣе было бы установить, почему въ болѣе раннее время, повидимому, монашество было болѣе причастно къ духовничеству въ мірской сферѣ.

Заканчивая нашу рѣчь о разсмотрѣнной теперь главѣ, мы должны сказать, что ея содержаніе есть результатъ тщательнаго изученія авторомъ широкаго цикла источниковъ и притомъ источниковъ разнообразнаго характера. Особенную цѣнность имѣютъ въ ней тѣ данныя, которыя извлекаются проф. С. И. Смирновымъ изъ источниковъ чисто историческаго свойства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ сожалѣнію, собранныя имъ теперь данныя не получаютъ у него объясненія. Такъ, напр., авторъ оставилъ безъ объясненія—почему духовнику запрещалось исповѣдывать свою жену (стр. 36). Равнымъ образомъ, онъ не входитъ въ объясненіе такого важнаго факта, какъ ограниченіе (со второй половины XVII в.) права монашествующихъ на исповѣдь мірянъ; авторъ только находитъ это ограниченіе „чувствительнымъ для монаховъ“, и не принимаетъ во вниманіе послѣдовавшаго отсюда ограниченія монашескаго вліянія на общество.—Что касается до выводовъ и воззрѣній автора на основаніи приложеннаго имъ теперь къ дѣлу богатаго матеріала, то, какъ можно видѣть изъ сказаннаго выше, рядомъ съ безспорными, въ ряду ихъ не мало такихъ, которые нѣтъ основаній считать — незыблемыми и отчетливо формулированными.

Предметъ рѣчи II главы—нравственное и бытовое положеніе духовника. Въ первомъ отношеніи авторъ говоритъ о значеніи духовника въ древне-русской сферѣ съ моральной стороны и собственно—о томъ, какъ онъ понимался поручникомъ за свое покаяльное стадо, какъ трактовался не-

ограниченнымъ руководителемъ своихъ духовныхъ дѣтей, какъ его воля считалась непререкаемою для нихъ, какъ всякія дѣйствія древне-русскій человѣкъ обязанъ былъ предпринимать по совѣту и соизволенію духовнаго отца и какъ, наконецъ, онъ понимался молитвенникомъ за свое стадо.— Что касается до бытового положенія, то здѣсь сообщается— о правѣ передачи духовнымъ отцомъ своихъ духовныхъ дѣтей другому духовнику, о его несмѣняемости и отсюда единствѣ у каждаго вѣрующаго и въ заключеніе о мѣрѣ вмѣшательства епархіальной власти въ дѣйствія духовника.

Какъ и въ предыдущей главѣ, такъ и здѣсь авторъ старательно иллюстрируетъ свои положенія справками и данными изъ разнообразныхъ источниковъ. — Отмѣтимъ при этомъ, что въ первомъ отношеніи авторъ руководится данными не столько бытового характера, сколько формальнаго, куда, разумѣется, относятся и данныя каноническихъ памятниковъ.

Въ первыхъ строкахъ этой главы авторъ заявляетъ, что древне-русская покаяльная семья рѣдко совпадала съ какою-либо административною единицею.—Такое заявленіе едва ли пріемлемо безусловно (стр. 41). Оно во первыхъ не можетъ имѣть примѣненія къ монастырской покаяльной семьѣ. А затѣмъ, самъ же авторъ выше, относительно сѣвера Руси, констатировалъ нѣчто другое.

Внутренняя связь, которою держалась покаяльная семья, по сужденію проф. С. И. Смирнова, сформировалась подъ вліяніемъ монастырскаго старчества и русскаго юридическаго обычая въ видѣ строя древне-русской естественной семьи (стр. 41).—Что старчество могло внѣшнимъ образомъ оказать вліяніе,—съ этимъ нужно согласиться. Но чтобы усматривать здѣсь и вліяніе древне-русской семьи—признать то мы не видимъ основаній. Внутренняя природа этихъ двухъ факторовъ такова, при которой болѣе чѣмъ сомнительна возможность ихъ взаимодѣйствія по какому-либо одному адресу. Духовно-родственная семья и безъ того уже была извѣстна въ церковной сферѣ,—разумѣемъ при воспріемничествѣ,—и отношенія въ ней понимались даже выше, чѣмъ въ семьѣ физической. Главное же—придавая вѣсъ чисто историческимъ фактамъ въ объясненіе предполагаемой теперь связи и ея характера, авторъ и здѣсь (какъ и во всѣхъ другихъ

случаяхъ) совершенно игнорируетъ значеніе самой исповѣди въ примѣненіи къ взаимоотношенію между духовникомъ и исповѣдникомъ... Разъ въ ней первый для послѣдняго является повѣреннымъ всѣхъ его тайныхъ думъ, чувствъ и дѣяній, разъ онъ понимается по самой природѣ вещей нравственнымъ руководителемъ послѣдняго, а отсюда и нравственнымъ авторитетомъ,—могутъ ли быть здѣсь (разумѣемъ—при должномъ отношеніи къ исповѣди) какія-либо другія представленія о духовникѣ, какъ только о незыблемомъ и безупречномъ авторитетѣ для исповѣдника? Доказывать это не требуется. Если же мы читаемъ теперь у автора цѣлый рядъ свидѣтельствъ, нарочито утверждающихъ нравственный авторитетъ духовника, то всѣ они доказываютъ только, что многимъ, если не большинству, въ древней Руси чуждо было правильное отношеніе къ исповѣди и они относились къ ней собственно формально. — Только при такой точкѣ зрѣнія и становится понятно, почему предписанія по настоящему предмету одинаково имѣются какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и въ югославянскихъ и греческихъ.—Правда, на этотъ разъ иногда приводятся параллели съ отношеніями въ естественной семьѣ. Но въ противовѣсъ тому не надо забывать, что съ неменьшею ясностью въ памятникахъ покаянной письменности духовникъ и исповѣдь параллелизуются врачу и врачебницѣ... Если дѣйствительно въ нѣкоторыхъ епитимійникахъ грѣхи противъ духовника отнесены къ согрѣшеніямъ противъ V-й заповѣди, то болѣе пріемлемо отнести это не на счетъ вліянія строя естественной семьи, а на счетъ представленія духовнаго родства, устанавливаемаго воспріемничествомъ.

Выраженіемъ высокаго нравственнаго положенія духовника проф. С. И. Смирновъ считаетъ образный способъ передачи грѣховъ кающагося духовнику (стр. 42). Относительно этого сообщенія имѣемъ сказать: 1) Вопреки утвержденію автора въ греческой церкви такого образнаго способа не практиковалось (тамъ былъ какъ разъ обратный обрядъ: не кающійся клалъ руку на выю духовника, а послѣдній на выю перваго (по уставу Іоанна Постника); 2) Обрядъ этотъ собственно югославянскаго происхожденія; 3) Литургическіе памятники упоминаютъ о немъ далеко не часто; и 4) Если въ произведеніяхъ покаянной письменности и упоминается

иногда о принятіи духовникомъ грѣховъ кающагося на свою выю, то источникъ сего—представленіе о Спасителѣ, вземлющемъ на рамена Свои грѣхи всего міра.

Несомнѣнно, какъ говоритъ авторъ, предписанія разсматриваемаго теперь назначенія были строги. Но при этомъ нельзя согласиться, чтобы приводимыя авторомъ всегда имѣли высокую цѣнность.—Напр., имѣется предписаніе въ такомъ родѣ: „аще кто не имать отца духовнаго слушати... христіянства чуждъ... предъ смертью уста его кровью помазати, сорокоустія не пѣти, но на память ангела пѣти". Въ другомъ же предписаніи рекомендуется, чтобы духовный сынъ (во имя особеннаго послушанія отцу духовному)—„самъ собою опитемью себѣ прибави ради спасенія"... (стр. 44).—и это въ то время, когда духовническое поученіе требуетъ: „мене духовнаго отца слушай и ничтоже безъ повелѣннаго ти мною не твори:.. ни поста, ни молитвы" (стр. 46).

По автору въ настоящемъ случаѣ, исходя изъ нравственнаго же положенія духовника, предписывалось — „А попу, держа попа въ покаяніи у себе, самому у него не подобаетъ каятися". Ясно, кажется, что и на этотъ разъ мы имѣемъ примѣръ предписанія (съ какими встрѣчались уже выше), обусловленнаго всецѣло самымъ значеніемъ исповѣди, но никакъ не духовническими интересами, хотя бы и этическаго свойства.

Авторъ, между прочимъ, въ подтвержденіе признанія встарину незыблемаго авторитета духовника приводитъ слова Посошкова: „А въ ереси ни отъ чего такъ не впадаютъ, яко отъ высокомнѣнія своего и отъ презрѣнія повелѣній, заповѣданныхъ отъ отцовъ духовныхъ" (стр. 46). Насколько, говоря такимъ образомъ, Посошковъ былъ безупреченъ, можно судить по близкому къ его времени примѣру въ лицѣ духовника же—протопопа Аввакума и его приверженцевъ.

Изъ высокаго нравственнаго положенія духовника само собою открываются долженствующія быть его бытовыя отношенія. На этотъ разъ проф. С. И. Смирновымъ въ особенности выдвигается право передачи духовникомъ, уходящимъ или умирающимъ,—своихъ духовныхъ дѣтей другому духовнику и обязанность для духовныхъ дѣтей несмѣняемости избраннаго ими духовнаго отца.

Однако, нужно сказать, что каноническія справки, на ко-

торыя опирается авторъ въ вопросѣ объ указываемой передачѣ, далеко не сильно поддерживаютъ эту мысль; по нимъ духовнымъ дѣтямъ предоставляется право самимъ искать духовника, если кому они переданы, не будетъ почему-либо имъ угоденъ (стр. 50 прим. 1). Правда, въ монашескихъ обителяхъ несомнѣнно бывали подобные факты; но всѣ отмѣчаемые авторомъ такіе случаи говорятъ собственно о передачѣ игуменомъ игуменства и совмѣстно уже и духовничества.—Въ области же духовничества въ мірской сферѣ авторъ даже не могъ указать такихъ примѣровъ. Ни откуда не вытекаетъ, поэтому, чтобы непорученныя духовныя дѣти „чувствовали себя осиротѣлыми“ и не знали, могутъ ли они идти на исповѣдь къ другому духовнику. Это уже комментаріи автора съ усиленною густою окраскою. Самъ же авторъ въ сущности дѣла очень ослабляетъ это право передачи, объясняя, что, по мысли Посошкова, духовникъ тѣмъ самымъ не право свое осуществлялъ, а исполнялъ лишь свою нравственную обязанность попеченія о своихъ духовныхъ дѣтяхъ (стр. 50).

Что касается несмѣняемости, то авторъ же говоритъ, что духовникъ былъ несмѣняемъ собственно идеально (стр. 50), и слѣдовательно въ практикѣ эта несмѣняемость была только pium desiderium. Говоря о ней, проф. С. И. Смирновъ и ее объясняетъ, помимо вліянія старчества, вліяніемъ строя русской семьи (стр. 51). Тогда позволительно спросить—какимъ же образомъ ограниченіе этой несмѣняемости начинается уже съ XIV в.? Естественнѣе, конечно, и здѣсь исходить изъ внутренняго значенія исповѣди. Это явствуетъ изъ извѣстнаго уже отвѣта новгородскаго еп. Нифонта, допускавшаго фиктивное признаніе, хотя и неугоднаго, но уже бывшаго духовникомъ данному лицу, при исповѣди сего послѣдняго другому духовнику. Нравственныя отношенія, устанавливаемыя исповѣдью, добавимъ сюда, для людей христіански относящихся къ ней и теперь, безъ всякихъ предписаній, понимаются препятствіемъ для перехода отъ одного духовника къ другому.

Формальное выраженіе несмѣняемости духовника авторъ усматриваетъ въ существованіи чина—„Како подобаетъ отцу духовному отпустити сына духовнаго для дальняго разстоянія или нужи ради“ (стр. 53). Мы напомнимъ автору, что

сей памятникъ носилъ характеръ чина и съ надписаніемъ: „Прощальный списокъ отца духовнаго“. И затѣмъ — проф. С. И. Смирновъ игнорировалъ то надписаніе, которое этому чину усвояется въ болѣе раннихъ спискахъ — Молитва. Разрѣшеніе іерея іерею удаленія ради... и пр. Если бы авторъ сопоставилъ такое надписаніе съ тѣмъ, что настоящій чинъ встрѣчается по преимуществу въ церковныхъ уставахъ и что списки его рѣдки, то не могъ бы не признать, что первоначально этотъ чинъ дѣйствительно относился только къ священникамъ, и вѣроятно на такіе случаи, когда благодаря выборному началу прихожанами, онъ лишался прихода и долженъ былъ искать другое мѣсто. Въ этомъ случаѣ такая грамота замѣняла свидѣтельство относительно правоспособности его на служеніе. Это одно. Другое: отмѣчаемымъ нами первымъ надписаніемъ опредѣляется другое назначеніе настоящаго „чина“—и именно назначеніе—быть свидѣтельствомъ духовному сыну на право причащенія и затѣмъ на случай смерти—быть разрѣшеніемъ отъ грѣховъ. О какомъ-либо освобожденіи духовнаго сына изъ подчиненія духовнику здѣсь ни слова.

Если гдѣ и можно усматривать указаніе на несмѣняемость и отпускныя грамоты, такъ это въ цитуемомъ авторомъ постановленіи собора 1666—7 г.; но данное постановленіе мотивировалось во всякомъ случаѣ не признаніемъ несмѣняемости самой въ себѣ, а другимъ постороннимъ мотивомъ. То же самое нужно сказать и касательно справокъ, приведенныхъ авторомъ изъ писаній Посошкова (стр. 53—55).

При всей естественности принципа несмѣняемости духовника—бытъ, дѣйствительность, по цѣлому ряду неизбѣжныхъ условій, не могли соотвѣтствовать примѣненію его на практикѣ въ должной мѣрѣ.—И авторъ, поэтому, правильно приходитъ къ заключенію, что духовникъ считался „несмѣняемымъ номинально“ и что „дѣйствительный духовникъ вѣрующаго постоянно одинъ“. Мы и здѣсь должны добавить, что при мало мальски надлежащемъ отношеніи къ исповѣди иначе и не можетъ быть, какъ не бываетъ и теперь.

При несмѣняемости духовника, хотя бы и идеальной, конечно, должно представиться, что и отношенія между нимъ и духовнымъ чадомъ совершенно ограждены отъ всякаго

посторонняго вмѣшательства, такъ что по автору невозможно было вмѣшательство даже епархіальной власти.—Проф. С. И. Смирновъ между прочимъ и это выводитъ изъ аналогіи съ семейными отношеніями, при чемъ въ оправданіе говоритъ: „какъ древне-русскій гражданскій законъ не регулировалъ отношеній семьи и простиралъ свою власть, можно сказать, только до порога дома, такъ и церковь не вмѣшивалась въ нормальныя отношенія внутри покаяльной семьи, во взаимныя отношенія духовнаго отца и дѣтей“ (стр. 63). Если бы авторъ припомнилъ, напр., какія дѣла вѣдалъ „патріаршій разрядъ“,—онъ вѣроятно не привелъ бы такую параллель.— А затѣмъ—чего бы естественнѣе, какъ сослаться и здѣсь на всецѣло нравственный характеръ вообще отношеній между духовникомъ и его чадомъ, — невольно ставящій эти отношенія внѣ воздѣйствія формальной власти?

Въ подтвержденіе настоящаго положенія авторъ ссылается на разъясненія еп. Нифонта по установленію отношеній съ новымъ духовникомъ, не игнорируя прежняго. Однако ничто не препятствуетъ предполагать, что Нифонтъ былъ далекъ отъ отрицанія права епископа вмѣшиваться въ отношенія духовника и его духовныхъ дѣтей; если въ настоящемъ случаѣ онъ и поступаетъ такъ, то потому, что не считалъ представлявшіяся отношенія достаточнымъ поводомъ для вмѣшательства.

Правда, далѣе, протопопъ Аввакумъ заявлялъ, что власть его не ниже власти даже патріарха (стр. 64). Но при своихъ воззрѣніяхъ онъ могъ заявить и бо́льшее... Правда, затѣмъ, наложенную епитимію могъ и можетъ разрѣшить „только связавшій“ (стр. 64) духовникъ, но на этотъ разъ онъ противопоставляется во всякомъ случаѣ не епископу, а другому духовнику же.—Защищая свою точку зрѣнія, авторъ не усматриваетъ противорѣчія ему въ томъ предписаніи митр. Фотія, которое предоставляетъ право духовнику сокращать епитиміи троеженцу.—Но такая ссылка и не можетъ имѣть сюда приложенія, такъ какъ здѣсь дѣло касается епитиміи не за грѣхъ открытый на исповѣди; сверхъ же того, если духовникъ и могъ сокращать такую епитимію, то опять таки по предоставленію такого права церковною властью (стр. 64).

У самого же автора, добавимъ, имѣется справка, которая противорѣчитъ его точкѣ зрѣнія, разъ въ ней читается:

„Когда Корнилій, игуменъ Псковско-Печерскій, не принялъ на исповѣдь вкладчика старца Савватія, архіеп. Новгородскій Ѳеодосій не одобрилъ этой мѣры и предписалъ Савватію нести лишь публичную епитимію“ (стр. 172).

Проводя свое воззрѣніе, авторъ, впрочемъ, признаетъ невмѣшательство епископа, разъ отношенія между духовникомъ и его чадами были нормальны,—„пока права духовнаго отца не нарушались“ (стр. 63); когда же „порядокъ этихъ отношеній нарушался какимъ либо образомъ, чаще всего когда страдала власть духовника“ (стр. 64), епископъ вмѣшивался въ жизнь покаяльной семьи. Мы бы сказали—зачѣмъ же и вмѣшиваться епископу въ трактуемыя отношенія, если они нормальны. Если бы это допускалось, то тѣмъ самымъ, разъ духовникъ въ дѣлѣ исповѣди есть делегатъ епископа, послѣдній становился бы въ противорѣчіе самъ съ собою. Что же касается до вмѣшательства епископа въ ненормальныя отношенія, то не только право, но и обязательность того со стороны епископа не требуютъ никакихъ поясненій.—По автору, добавимъ, вмѣшательство въ послѣднемъ случаѣ въ особенности вызывалось—„когда нарушенію власти духовнаго отца содѣйствовали другіе духовники“ (стр. 65—66). Но вѣдь здѣсь вмѣшательство предполагается неизбѣжнымъ не столько по отношеніямъ духовниковъ къ своимъ чадамъ, сколько въ виду взаимныхъ отношеній духовниковъ, какъ должностныхъ лицъ.

Съ половины XVII в., а точнѣе съ появленіемъ раскола, вмѣшательство власти въ духовническія отношенія усиливается. Появляется рядъ дѣлъ, вызванныхъ жалобами духовниковъ на своихъ духовныхъ дѣтей. Проф. С. И. Смирновъ приводитъ три такихъ дѣла (стр. 66—67).—По воззрѣнію автора въ нихъ „жалуются епископамъ духовники на своихъ духовныхъ дѣтей за нарушеніе своей духовнической власти“ (стр. 68). Такое заключеніе въ значительной мѣрѣ безпочвенно, и по нашему мнѣнію всѣ сообщаемыя авторомъ дѣла касаются собственно не духовничества, а священства, и вызваны не столько нарушеніемъ правъ духовника, сколько неподобающимъ отношеніемъ вообще къ священно-церковно-служителямъ. Такихъ дѣлъ всегда могло быть великое обиліе при столкновеніяхъ духовенства (священства) съ своею паствою.

Констатируя жалобы указываемой категоріи, проф. С. И. Смирновъ добавляетъ сюда: „едва ли случайность, что мы не встрѣчаемъ жалобъ епископамъ духовныхъ дѣтей на отцовъ“ и усматриваетъ въ этомъ аналогію отношеніямъ въ древне-русской естественной семьѣ, гдѣ-де было дѣломъ невозможнымъ наказаніе отцу даже за злоупотребленіе. Оставляя въ сторонѣ это преувеличеніе, отмѣтимъ только: пользуясь правомъ выбора, духовныя дѣти легко могли обойтись безъ жалобъ, т. е.—или идти къ другому духовнику, или, разъ духовническія функціи осуществлялъ приходскій священникъ, по окончаніи срока избрать на его мѣсто другое лицо.

Предметъ рѣчи въ третьей главѣ—„житейское положеніе и оффиціальная роль духовника“. По своему назначенію глава эта представляетъ большой интересъ.

Въ первомъ отношеніи проф. С. И. Смирновъ освѣщаетъ, съ одной стороны,—тотъ почетъ, которымъ пользовался духовный отецъ, а съ другой—отрицательное отношеніе къ нему; но центромъ вниманія автора здѣсь служитъ вознагражденіе духовника, его доходы.

Данныя относительно почета — не только не богаты, но и скудны... Внѣ того, они не всегда могутъ имѣть сюда приложеніе. Такъ извлеченіе изъ письма Посошкова къ Стефану Яворскому говоритъ не о житейскомъ общеніи, а объ общеніи духовника съ духовными дѣтьми въ цѣляхъ пастырства (стр. 69, прим. 1). Справка изъ поученія противъ пьянства (стр. 70), помимо того, что приводится съ пространными подробностями, — не свидѣтельствуетъ о какой-либо исключительной роли духовнаго отца на пирахъ при взаимныхъ бесѣдахъ; не говоримъ о томъ, что подобнаго рода данныя не исключаютъ усвоенія такого же общенія и почета и вообще приходскому пастырю.

Какъ выраженіе внѣшней почтительности къ духовному отцу, авторъ приводитъ, между прочимъ, тѣ эпитеты, съ коими рекомендовалось обращаться къ нему въ старинныхъ формулярникахъ для корреспонденціи (стр. 71). Едва ли нужно говорить о томъ, что такія формальныя обращенія не могутъ почитаться свидѣтельствами должной цѣнности. Это — одно. Другое: во всякомъ случаѣ предполагаемые теперь эпитеты суть воспроизведеніе съ греческаго источника;

на Руси, — добавимъ, — и не представлялось надобности въ особой спеціальной формѣ епистолій къ духовнику.

Скудны данныя и объ отрицательномъ отношеніи къ духовнымъ отцамъ. Собственно такого характера имѣется только одна справка, но она одинаково относится и къ духовнику и къ приходскому священнику (стр. 71—72). Приводимыя здѣсь авторомъ правила (стр. 72) дѣйствительно рѣзко различаютъ отрицательное отношеніе къ духовному отцу и къ стороннему священнику; однако нужно принимать во вниманіе, что въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду вообще лицо на особомъ положеніи въ церкви, а въ первомъ—лицо должностное въ отношеніи обидчика. Справка изъ старообрядческаго епитимійника, устанавливающая за обиду духовника епитимію на 20 лѣтъ (вмѣсто обычныхъ 3-хъ), уже по своему рѣзкому различію отъ обычной нормы не можетъ быть принята во всемъ ея значеніи; сверхъ же того,—не забудемъ,—въ старообрядчествѣ духовникъ невольно долженъ былъ получить особое значеніе съ іерархической точки зрѣнія.

Входя въ обсужденіе разнорѣчій данныхъ о житейскомъ положеніи духовнаго отца, авторъ объясняетъ то—и различіемъ времени, и различіемъ классовъ духовниковъ (стр. 72). Если первое имѣетъ несомнѣнное значеніе, то второе ничѣмъ не подтверждается.

Какъ отмѣчено, авторъ останавливается здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ на доходахъ духовника. По его характеристикѣ духовники въ этомъ отношеніи не были безгрѣшны и даже очень. Но если судить по цитуемому авторомъ запрещенію Стоглавымъ соборомъ вымогательства одинаково—за таинства крещенія, покаянія..., то отсюда не нужно исключать и вообще духовенство.

Въ ряду фактовъ касательно вознагражденія духовнику, проф. С. И. Смирновъ приводитъ справку и о платѣ придворному (при царѣ) духовному отцу (стр. 72). Довольно трудно таки согласиться, чтобы указываемая на этотъ разъ плата—до 5000 рублей воздавалась за одно совершеніе исповѣди и преподаніе причастія.

Для характеристики доходности духовниковъ въ исключительные моменты авторъ пользуется, между прочимъ, извѣстіями о моровой язвѣ въ Псковѣ въ 1342 г., когда многіе міряне, готовясь къ смерти..., отдавали „имѣніе свое въ ми-

лостыню церквамъ и монастырямъ и потомъ — душевнымъ отцамъ, и нищимъ"... (стр. 81—2). Неужели такой фактъ можетъ говорить о доходности духовничества?

Въ общемъ проф. С. И. Смирновъ останавливается преимущественно на тѣхъ даяніяхъ, которыя духовники получали по завѣщанію. Въ данномъ случаѣ у автора читаются подробныя и очень детальныя сообщенія—о платѣ за сорокоусты (стр. 75—78) и о вещахъ, оставлявшихся лично духовнику. И нужно сказать — эта рѣчь, по крайней мѣрѣ о сорокоустахъ самихъ въ себѣ (особенно при жизни заказавшаго) (стр. 74—78) и о платѣ за нихъ (стр. 75—78), въ значительной мѣрѣ, а порою и въ полной, не можетъ трактоваться иначе, какъ стороннею для его цѣли, ни мало не относящеюся къ дѣлу. Сюда между прочимъ нужно отнести и предпріятіе автора—опредѣлить—какую часть имущества на богоугодныя цѣли получали духовники при завѣщаніи,—предпріятіе, которое ни въ коемъ случаѣ не могло привести къ какимъ-либо положительнымъ результатамъ (стр. 80—81).

Въ оффиціальномъ отношеніи духовный отецъ понимался какъ органъ надзора за вѣрою и нравственностью вѣрующихъ. Данныхъ, устанавливающихъ различныя стороны этого надзора, представлено авторомъ довольно. Замѣтимъ только, что по нимъ таковымъ же органомъ понимается и вообще священникъ; такъ это слѣдуетъ, напр., изъ упрека митр. Макарія о нерадѣніи въ отношеніи духовныхъ дѣтей, адресуемаго вообще духовенству. Есть мѣсто здѣсь и одному частному замѣчанію. Именно: при рѣчи о надзорѣ за чистотою вѣры проф. С. И. Смирновъ касается взаимоотношенія на первыхъ порахъ христіанъ и язычниковъ; христіанство, по его представленію, когда начало торжествовать, стало преслѣдовать язычниковъ: „христіане обижаютъ поганыхъ, клянутъ ихъ, бьютъ по лицу, толкаютъ въ грязь..."—Епитимійныя правила, на которыя опирается авторъ, по нашему мнѣнію, совершенно не даютъ основаній къ такому выводу, разъ въ нихъ говорится: „И обидѣлъ еси кого, *хотя* погана... Ли пехнулъ еси, *хотя* погана... Ли пехнулъ еси человѣка у калъ, *хотя* погана..." (стр. 81—83).

Главнымъ образомъ въ разсматриваемомъ случаѣ авторъ удѣляетъ вниманіе значенію духовника при опредѣленіи моральнаго достоинства кандидата на священство. По этому

вопросу въ книгѣ автора—и обстоятельность, и обиліе матеріала, и вѣрность воззрѣній. Но—одно замѣчаніе pro domo sua. Возражая противъ того нашего мнѣнія, что предварительная исповѣдь предъ хиротоніею возникла около XIII в., и относя ея возникновеніе къ болѣе раннему времени, авторъ базируется на свидѣтельствѣ Никиты Ираклійскаго (конца XI в.), приведенномъ у проф. А. С. Павлова (стр. 86). Но и это свидѣтельство говоритъ собственно не объ исповѣди предъ хиротоніею, а объ общей аттестаціи ставленника его духовникомъ. Та же самая практика была и въ древней Руси, даже и по постановленію Владимірскаго собора 1274 года. Разъ требовалось свидѣтельство своего для ставленика духовника, то очевидно, не настояло надобности требовать исповѣди (въ принятомъ теперь значеніи) передъ самымъ рѣшеніемъ вопроса о хиротоніи. Такое требованіе могло стать позже, когда связь между духовникомъ и духовными дѣтьми ослабѣла.

Свидѣтельствуя объ отсутствіи препятствій для рукоположенія ставленика и затѣмъ ручаясь за поведеніе его впредь духовный отецъ, далѣе,—говоритъ авторъ, — „имѣлъ власть запретить своему духовному сыну—священнику служеніе“ (стр. 94). Это дѣйствительно и слѣдуетъ изъ одной справки сравнительно поздняго времени. Однако, по той же справкѣ, если что подобное и могло быть, то развѣ по соглашенію духовника и его сына (стр. 94, прим. 3); формально же это могло статься только при сношеніи съ епархіальной властью. Такимъ образомъ, здѣсь значеніе духовника обусловливалось не формальнымъ его правомъ, а моральнымъ воздѣйствіемъ; отсюда—понимать его чиновникомъ въ отношеніи низшаго духовенства не вытекаетъ основаній.—Правда, авторъ для подтвержденія своего возрѣнія на начальственную роль (въ отношеніи духовныхъ лицъ) духовнаго отца приводитъ далѣе совѣтъ Посошкова своему сыну и одно дѣло въ Устюжской епархіи (стр. 96—97); но и по тому и по другому духовникъ не можетъ пониматься далѣе, какъ только представителемъ особаго нравственнаго авторитета для своей же братіи.

Что духовный отецъ, затѣмъ, имѣлъ большое значеніе въ гражданской жизни своихъ духовныхъ дѣтей, особенно подписью и составленіемъ актовъ, это общеизвѣстный фактъ.

Но не надо забывать, что только онъ по преимуществу мыслился въ мірской общинѣ грамотнымъ человѣкомъ. А затѣмъ, и здѣсь, конечно, имѣло значеніе представленіе о немъ какъ нравственномъ авторитетѣ. Это въ особенности надо сказать въ отношеніи участія духовника въ составленіи и скрѣпленіи подписью духовныхъ завѣщаній.—Къ сожалѣнію, проф. С. И. Смирновъ не входитъ въ разсмотрѣніе того вопроса, насколько при отмѣченной теперь роли духовника соединялось представленіе о немъ, какъ приходскомъ священникѣ. Правда, по нему подпись неграмотнаго оффиціальнаго лица замѣнялась „непремѣнно" подписью духовника. Однако приводимая имъ для того справка не подтверждаетъ такого воззрѣнія съ достаточною убѣдительностью, разъ въ ней говорится: „священникъ (приходскій) нынѣ мнѣ не отецъ духовный, *не слушаетъ*, руки не прикладываетъ въ мое мѣсто" (стр. 97—98).

Въ отношеніи дѣятельнаго участія духовнаго отца при составленіи духовнаго завѣщанія, по автору, имѣло значеніе и то, что завѣщатель старался не только распорядиться своимъ имуществомъ, но и „строить душу и помянуть" (стр. 100). Кажется, помимо усвоенія духовнику нравственнаго авторитета, въ данномъ случаѣ нужно принять во вниманіе и то, что дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ вѣдались церковнымъ судомъ.

Разсмотрѣнныя главы—II и III посвящены, такъ сказать, внѣшнему положенію и значенію духовнаго отца. Авторъ обращается затѣмъ къ дѣятельности его, какъ нравственнаго руководителя. Направляясь къ такой цѣли, онъ предварительно предпосылаетъ отдѣльную главу — „о нравственномъ міросозерцаніи по Вопрошанію Кирика" (стр. 104—132).

Уже одно такое заглавіе настоящей главы, при задачѣ книги проф. С. И. Смирнова общаго характера, невольно заставляетъ предполагать, что въ ней предлагается вниманію читателя спеціальное изслѣдованіе, мало отвѣчающее общему назначенію разсматриваемаго сочиненія. Самое же содержаніе ея не оставляетъ въ дѣйствительности такого предположенія ни малѣйшаго сомнѣнія. Здѣсь Кирикъ, понимаемый какъ духовникъ, служитъ предметомъ нарочитаго изслѣдованія, по его Вопрошанію,—самъ въ себѣ, почти безотносительно къ общей задачѣ автора. Отсюда въ настоя-

щей главѣ читаются—детальный обзоръ біографическихъ данныхъ о Кирикѣ, нарочитое и обстоятельное критико-біографическое изслѣдованіе о самомъ памятникѣ „Вопрошаніе“ и, наконецъ, подробный обзоръ основныхъ идей и характерныхъ свойствъ этого „Вопрошанія“. И все это еще при той особенности, что, если сообщаются данныя о другихъ участникахъ „Вопрошанія“—Саввѣ и Иліи, то самыя ихъ вопрошанія авторъ не прилагаетъ къ своей цѣли. По всей справедливости, поэтому, всю данную главу можно назвать особымъ эпизодическимъ привнесеніемъ, которое, если бы и было опущено, за исключеніемъ незначительной части,—то не вызвало бы тѣмъ самымъ какого-либо пробѣла въ выполненіи авторомъ поставленной задачи. При такомъ ея значеніи, эта глава скорѣе могла бы имѣть мѣсто въ разсматриваемой книгѣ какъ особое приложеніе,—и быть можетъ, съ большимъ правомъ, чѣмъ, напр., II-е его приложеніе.

Оцѣнивая сказаннымъ теперь внутреннее отношеніе настоящей главы къ задачѣ всего сочиненія, мы не можемъ не добавить сюда, что та же глава даже и при усвояемомъ нами ей характерѣ, очень не чужда постороннихъ разсужденій. Такъ, напр., мы читаемъ здѣсь подробную историческую справку о просфорняхъ (стр. 119—120), нарочитую рѣчь о сорокоустахъ за живыхъ (стр. 123—124), обстоятельную характеристику личности еп. Нифонта (стр. 124—126), о погребеніи днемъ до захода солнца (127—129).

Допустимъ, однако, что занимающая насъ глава, дѣйствительно, органически связана съ задачею автора. Тогда спрашивается, можно ли признавать „Вопрошаніе“ Кирика именно духовническимъ произведеніемъ и можно ли поэтому самого Кирика понимать по его „Вопрошанію“ не далѣе какъ только духовникомъ? Мы рѣшительно не усматриваемъ для этого основаній. Не спорно,—въ „Вопрошаніи“ обильный матеріалъ по вопросамъ покаянной дисциплины. Но одновременно съ этимъ Кирикъ, при своихъ обращеніяхъ къ Нифонту и другимъ по вопросамъ указываемой категоріи,—одинаково интересовался и вопросами, напр., вообще литургическаго свойства и даже вопросами теоретическаго богословія. Едва ли нужно говорить, поэтому, что въ лицѣ Кирика по его „Вопрошанію“ предъ нами постольку же духовникъ, поскольку и вообще священнослужитель и словомъ—вообще любозна-

тельный начетчикъ изъ рядовой церковной іерархіи. Даже самъ авторъ, поэтому, видитъ въ немъ, при его бесѣдахъ съ Нифонтомъ, собственно домового (при архіереѣ) священника (стр. 113).

Остановимъ вниманіе, затѣмъ, и на нѣкоторыхъ частностяхъ той же главы, поскольку она дѣйствительно соприкасается съ темою автора.

По разсужденію проф. С. И. Смирнова, Кирикъ какъ духовникъ „сущность нравственныхъ обязанностей христіанина видитъ въ его отношеніяхъ къ христіанской святынѣ". Отсюда одна изъ его задачъ сохранить отъ человѣческой скверны святыню, при широкомъ пониманіи человѣческой нечистоты (стр. 117—118). При этомъ „два существа обращаютъ особенное вниманіе Кирика: священникъ, какъ имѣющій близкое соприкосновеніе со святыней, и женщина, по адресу которой у него сквозитъ явная мысль объ ея особенной нечистотѣ. Тотъ и другая обращали вниманіе Кирика со стороны нечистоты, могущей проявляться ими особенно вслѣдствіе половыхъ сношеній (стр. 118—119). Въ связи съ представленіями о нечистотѣ, затѣмъ, онъ довольно подробно занимается и вопросами о пищѣ (стр. 120). Въ общемъ Кирикъ озабоченъ соблюденіемъ собственно физической, слѣдовательно—внѣшней чистоты (стр. 126). Все это авторъ объясняетъ исключительнымъ отсутствіемъ широты въ міросозерцаніи Кирика, его неразвитостью,—и только. Авторъ ни единымъ словомъ не обмолвился, совершенно упустилъ изъ вниманія, что Кирикъ,—допустимъ даже, что онъ былъ и спеціально духовникъ,—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ—монахъ. Эта принадлежность его къ монашеству должна привести въ настоящемъ случаѣ къ другому объясненію. Представленіе ея само собою говоритъ, что со стороны Кирика—вопросы о нечистотѣ, отрицательное отношеніе къ женщинѣ, особенное вниманіе къ характеру пищи—все это такіе предметы, которые стоятъ въ неразрывной связи не съ духовническимъ міровоззрѣніемъ Кирика, а именно съ міросозерцаніемъ его монашескимъ. По нашему представленію это игнорированіе монашества Кирика авторомъ—въ настоящемъ случаѣ есть большой дефектъ. Къ этому нужно добавить, что объяснять и вообще характеръ интересовъ Кирика его неразвитостью (стр. 126—127) также не имѣется доста-

точныхъ основаній. Разнообразные и порою очень детальные вопросы церковно-практическаго свойства и отвѣты на нихъ— явленіе весьма частое около того же времени и въ Греціи. И если сравнить вопросы Кирика и эти послѣдніе, то не трудно наблюсти одинаковость ихъ общаго характера, а порою даже совпаденіе по существу.

Средствами для врачеванія грѣха, какъ послѣдствія нечистоты, Кирикъ признаетъ выполненіе епитиміи и служеніе литургій духовнымъ отцомъ. Первое средство при этомъ понималось актомъ формальнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ юридическимъ, такимъ, выполненіе котораго возможно или другимъ лицомъ, или замѣнять обѣднею. Авторъ относитъ это воззрѣніе всецѣло на счетъ Кирика (стр. 122—124). Однако, нужно бы принять во вниманіе, что и на Востокѣ въ сущности дѣла не устранялись отъ усвоенія епитиміи формальнаго значенія, разъ признавали ее безусловно обязательной и разъ въ епитимійникахъ за каждый грѣхъ детально опредѣляли видъ и срокъ епитиміи.

Въ заключительныхъ строкахъ настоящей главы проф. С. И. Смирновъ признаетъ Кирика типомъ древне-русскаго духовника и его міровоззрѣнія. Основная идея міровоззрѣнія Кирика о физической чистотѣ проходитъ красною нитью въ покаянной письменности. „Вопрошаніе“ Кирика оказываетъ на нее вліяніе (стр. 130—131). Мы бы сказали что все это предварительно нужно искать въ соприкосновеніи съ исповѣдью монашества, въ регламентаціи перваго покаяльнаго устава монахомъ и въ аналогичномъ направленіи восточной епитимійно-канонической письменности соотвѣтствующаго времени.

Признавая, въ параллель только-что сказанному, неизмѣняемость міровоззрѣнія древне-русскаго духовника, авторъ ею и объясняетъ, почему нѣкоторыя воззрѣнія Кирикова „Вопрошанія“ и теперь еще имѣютъ силу, какъ напр. о супружескихъ сношеніяхъ подъ праздникъ и объ употребленіи въ пищу птицы, умершей въ силкѣ (стр. 131—132). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы теперь все это было результатомъ работы древне-русскаго духовника. При внимательномъ разсмотрѣніи для того могутъ оказаться и другіе уважительные стимулы.

Въ дополненіе къ сказанному касательно разсматриваемой

главы еще одно-другое слово. Если авторъ находитъ и возможнымъ и необходимымъ дать характеристику міровоззрѣнія древне-русскаго духовника, то, при всей типичности для сей цѣли литературнаго творенія Кирика, во всякомъ случаѣ недостаточно было ограничиться только извлеченными изъ него данными. И древне-русскіе епитимійники, поскольку они были мѣстной редакціи, и въ особенности исповѣдные вопросы—вотъ нарочитое изученіе чего могло дать обстоятельный отвѣтъ на такой вопросъ. Изученіе ихъ для настоящей цѣли, къ сожалѣнію, вопреки очевидной надобности, авторомъ было игнорировано. Между тѣмъ только при наличіи данныхъ изъ этихъ источниковъ у читателя можетъ получиться желательное представленіе о мѣрѣ неизмѣняемости міровоззрѣнія Кирика въ исторіи нравственныхъ идеаловъ древне-русскаго духовничества, — неизмѣняемости, несомнѣнно и не столь безусловной, какъ это заявляется авторомъ, и объясняемой и помимо значенія здѣсь Кирикова Вопрошанія. Не забудемъ, при этомъ, что признаніе такой неизмѣняемости—одно изъ существенныхъ положеній разсмотрѣнной теперь главы.

Выясненіе нравственнаго міровоззрѣнія духовника, предполагается, должно объяснить направленіе и его умственной дѣятельности. Очерку этой дѣятельности и предназначена слѣдующая—V-я глава. Въ ней проводится собственно та идея, что въ древней Руси учительнымъ только и былъ духовникъ, и хотя по своему развитію духовники и не стояли на надлежащей высотѣ, однако преимущественно изъ нихъ были лица, въ извѣстной мѣрѣ заявившія себя учительствомъ. Проф. С. И. Смирновъ и дѣлаетъ обзоръ такихъ лицъ, а затѣмъ въ большей части этой главы предлагаетъ критико-библіографическій обзоръ извѣстныхъ ему духовническихъ поученій и учительныхъ посланій.

Понимая духовника вообще какъ учителя и констатируя при этомъ, что учительная обязанность была неразрывно связана съ должностью духовника, авторъ выводитъ такую связь изъ того представленія, что въ древней Руси исповѣдь, сверхъ значенія ея какъ сакраментальнаго акта, была и назидательнымъ собесѣдованіемъ; поэтому-то она и предварялась и заканчивалась духовническими поученіями (стр. 133). Неужели исповѣдь въ послѣднемъ значеніи была только

на Руси? Едва ли нужно объяснять, что по самой природѣ вещей, разъ она совершается должнымъ образомъ, исповѣдь есть актъ органически связанный съ нравоученіемъ исповѣднику, независимо отъ указываемыхъ предварительныхъ и заключительныхъ наставленій, которыя, притомъ, едва ли всегда должнымъ образомъ и примѣнялись.

По автору учительная дѣятельность духовника выступала за предѣлы совершенія исповѣди. Такъ, напр., духовникъ же читалъ поученіе при вѣнчаніи своихъ духовныхъ дѣтей (стр. 133). Напрасно авторъ не обратилъ вниманія на исповѣдные вопросы въ отношеніи ихъ къ такому сообщенію: въ нихъ неукоснительно дается то представленіе, что на исповѣдь приходили собственно по вступленіи въ бракъ. Кромѣ же того, во всякомъ случаѣ на этотъ разъ учитель выступалъ не какъ духовникъ, а какъ священнослужитель вообще.

Указывая, затѣмъ, на примѣненіе духовникомъ учительности и при житейскомъ общеніи съ духовными дѣтьми, авторъ (уже вторично) ссылается на поученіе, дающее картину древне-русскаго пира и которое между прочимъ выводитъ, какъ учительнаго оратора на пиру, и духовнаго отца (ibid). По существу это поученіе, ложно надписываемое именемъ Василія Великаго, есть не болѣе какъ риторическое произведеніе. Неужели оно можетъ считаться серьезнымъ показателемъ именно учительности духовника, да еще на пиру?

Усвоеніе духовнику особеннаго значенія въ учительной сферѣ приводитъ проф. С. И. Смирнова къ тому заключенію, что если церковная власть предписывала священникамъ учить или наказывать своихъ духовныхъ дѣтей, то она обращалась собственно къ духовникамъ, связывала учительную дѣятельность священника съ его духовничествомъ (стр. 134). Воззрѣніе, по нашему мнѣнію, мало пріемлемое. Церковная власть не могла не обращаться здѣсь къ священнику какъ вообще пастырю; она не могла забывать извѣстнаго правила VII вселенскаго собора, по которому священникъ и безъ духовничества долженъ быть учительнымъ. Справка въ подтвержденіе того же воззрѣнія по древнему духовническому поученію (стр. 134) мало доказательна, такъ какъ по ней духовникъ обращается не къ духовнику же, а собственно къ священнику—„попу“.

Авторъ, впрочемъ, признаетъ учительность обязанностью и священника, но благодаря слабой степени просвѣщенія въ древней Руси—ея „невозможно было требовать отъ каждаго приходскаго священника“. Отсюда, говоритъ онъ,—„мы встрѣчаемъ прямыя запрещенія для нѣкоторыхъ священниковъ „держать дѣтей духовныхъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ учить и читать предъ людьми (стр. 135). Мы по крайней мѣрѣ не знаемъ такого запрещенія, связаннаго съ извѣстнымъ лицомъ и временемъ. Самое содержаніе ставленой грамоты отрицало бы легальность подобныхъ запрещеній. Были скорѣе, такъ сказать, частныя воззрѣнія въ подобномъ родѣ и было только нравственное осужденіе лицъ, которыя, будучи невысокими умственно, брались бы за учительское дѣло.

Проф. С. И. Смирновъ вѣрно говоритъ, что учительность духовника понималась въ смыслѣ умѣнья руководить въ нравственной жизни. Однако ставить это въ связь съ тѣмъ, что отъ духовника книжность требовалась только въ практическомъ смыслѣ (стр. 136), представляется мало основательнымъ. Мы и здѣсь должны указать на тѣ отношенія между духовникомъ и духовнымъ чадомъ, которыя должны быть по внутренней природѣ исповѣди.

Въ поясненіе того, чѣмъ долженъ былъ располагать духовникъ для своей учительности, авторъ приводитъ перечень книгъ, которыя считалось обязательнымъ имѣть духовнику по предисловію ко второму (1624 г.) изданію теперешняго номоканона при Б. требникѣ (стр. 137, прим. 2). Однако, нужно бы отмѣтить, что всѣ эти книги предполагаются обязательными одинаково и для епископа и для іереевъ; если же здѣсь духовникъ почитается „паче“ обязаннымъ имѣть тѣ же книги, то вѣдь указываемый теперь номоканонъ издавался собственно для духовниковъ.

Въ ряду историческихъ примѣровъ учительныхъ духовниковъ авторъ исчисляетъ—Авраамія Смоленскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго и Даніила Переяславскаго (стр. 134—144). Помимо того, что все это исключительные примѣры, — по крайней мѣрѣ три изъ этихъ лицъ, если и выдвигались на поприщѣ учительства, то самое меньшее постольку же какъ духовники, поскольку и какъ игумены—настоятели.

Въ общемъ сообщенія объ учительной дѣятельности всѣхъ

перечисленныхъ духовниковъ не отличаются безупречностью со стороны задачъ автора. Наиболѣе обстоятельное сообщеніе только объ Авраамiи Смоленскомъ. Однако, оно собственно біографическое. Что же касается до его учительности, которой также касается авторъ, то связывать ее именно съ духовничествомъ Авраамія основаній не усматривается. По сообщенію самого же автора, Авраамій зарекомендовалъ себя учительствомъ еще ранѣе своего духовничества. Затѣмъ, это учительство было публичнымъ, т. е. не вытекавшимъ именно изъ духовнической функціи. И наконецъ, судя по главной темѣ этого учительства—о страшномъ судѣ, въ лицѣ Авраамія передъ нами не столько учитель — духовникъ, сколько учитель — монахъ-аскетъ. Касательно прочихъ помянутыхъ учительныхъ духовниковъ можно сказать: справки изъ ихъ житій, приводимыя авторомъ, говорятъ не столько объ ихъ учительствѣ, сколько о духовнической опытности (стр. 142—144).

Въ дополненіе къ перечисленнымъ лицамъ авторъ отмѣчаетъ какъ учительныхъ же нѣсколько великокняжескихъ и царскихъ духовниковъ (стр. 144); подтвержденій тому, однако, онъ не представляетъ.

Въ конечномъ своемъ сужденіи объ учительныхъ духовникахъ, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что древнерусскій монастырь далъ *лучшихъ* духовниковъ, благодаря лучшимъ условіямъ, въ которыхъ находилось монашество. Намъ думается—лучшія условія едва ли причемъ тутъ были. И то, что монахи имѣли возможность посвятить себя спеціально духовнической миссіи, и то, что они были свободны отъ другихъ пастырскихъ заботъ, и, наконецъ, что они не были связаны ни срокомъ, ни числомъ пріема, приходящихъ (изъ мірской сферы) на исповѣдь, — вотъ что по существу дѣла могло создавать изъ нихъ лучшихъ (съ учительной стороны) духовниковъ.

Настоящая глава заканчивается обзоромъ дошедшихъ до насъ поученій или наставленій учительныхъ духовниковъ. Въ такомъ обзорѣ нашли себѣ мѣсто и произведенія извѣстныхъ лицъ (Георгія, черноризца Зарубьскія пещеры, Іакова Черноризца (1271 г.), Корнилія инока Снѣтныя горы, Кирилла Бѣлозерскаго и особенно посланія Іосифа Волоколамскаго объ епитиміяхъ (5) и безъимянныя наставленія — по

спеціальнымъ вопросамъ (напр. противъ пьянства) и общаго назначенія (числомъ—9) (стр. 144—164).

Оцѣнивая эти поученія со стороны отношенія ихъ къ цѣлямъ автора, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы всѣ они могли пониматься свидѣтельствами объ учительной энергіи ихъ авторовъ, какъ духовниковъ. Особенно это надо сказать относительно посланій, вызванныхъ спеціальными поводами. Таковы посланія Корнилія инока къ сыну его попу Ивану, хотящему вторымъ бракомъ сочетатися (V), посланіе духовника къ оставившему его сыну (VI), а также посланія—Георгія Черноризца, Іакова Черноризца къ ростовскому князю Даніилу Константиновичу и Кирилла Бѣлозерскаго къ можайскому князю Андрею Димитріевичу, хотя эти три послѣднія (и особенно третье изъ нихъ) не чужды и общаго нравоученія. Сюда же надо отнести и посланія Іосифа Волоколамскаго о епитиміяхъ дѣтямъ духовнымъ, также отчасти вызванныхъ спеціальными просьбами. Всѣ они, какъ обязанныя своимъ появленіемъ внѣшней необходимости, свидѣтельствуютъ только о начитанности и литературныхъ склонностяхъ ихъ авторовъ.

Имѣющими дѣйствительное отношеніе къ предмету рѣчи автора можно считать только—„наказаніе отца духовнаго къ дѣтямъ о піанствѣ“ (III), хотя оно и вызвано поведеніемъ отдѣльнаго духовнаго чада, и особенно „поученіе отца духовнаго къ дѣтямъ духовнымъ“ (VIII, стр. 154—157) и затѣмъ чуждыя личнаго характера—„поученіе нѣкоего старца къ дѣтямъ духовнымъ“ (IX), „поученіе и бесѣда отца духовнаго къ дѣтямъ духовнымъ отъ словесъ Іоанна Златоустаго и отъ правилъ святыхъ отецъ“ (X), „поученіе дѣтямъ въ постъ идущимъ“ и „поученіе новобрачнымъ дѣтямъ“ (XI—XII). При этомъ, однако, послѣднее поученіе рѣшительно нѣтъ основаній связывать именно съ духовническимъ учительствомъ. Что касается до „поученія св. отецъ къ дѣтямъ душевнымъ“ (VII), то оно — пастырское обличеніе не только по адресу духовныхъ дѣтей, но и ихъ наставниковъ— духовниковъ.

При разсматриваемомъ обозрѣніи духовническихъ поученій и посланій, авторъ только вскользь (стр. 161) касается поученій въ чинахъ исповѣди—предъ исповѣдью и по исповѣди. Если онъ и останавливаетъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ изъ нихъ (при рѣчи о поученіяхъ VIII, IX и XI—XII,

стр. 154—8, 159—161), то самихъ въ себѣ. Между тѣмъ, разъ проф. С. И. Смирновъ трактуетъ теперь именно о духовнической учительности, эти поученія, какъ непосредственно связанныя съ исповѣдью, и должны быть важнѣйшимъ предметомъ его настоящаго обзора. Въ нихъ собственно проявлялась эта учительность, какъ долженствующая находитъ свое выраженіе первѣе всего при исповѣди. Автору надлежало выяснить историческій процессъ развитія этихъ поученій и дѣйствительность примѣненія ихъ на практикѣ. Только тогда читателю наглядно представилась бы мѣра духовнической учительности.

Какъ прямое восполненіе разсмотрѣнной теперь главы, послѣдующая—VI-я—имѣетъ своимъ предметомъ рѣчь о дисциплинарной дѣятельности духовника, т. е. касается тѣхъ фактическихъ мѣръ и средствъ, которыми располагалъ на практикѣ духовникъ въ своихъ нравственныхъ задачахъ. Сообразно съ этимъ здѣсь говорится о высшемъ проявленіи дисциплинарной власти духовника, говѣньи, исповѣди, епитиміяхъ, причащеніи св. таинъ, вліяніи дисциплинарной дѣятельности духовника на жизнь народа, успѣхахъ покаянной дисциплины въ древней Руси, причинахъ ея разстройства и мѣрахъ воздѣйствія на неговѣющихъ. Какъ трактующая о предметахъ органически связанныхъ съ духовническимъ служеніемъ, эта глава вызываетъ у читателя особенный интересъ, и въ отношеніи сужденій автора замѣтно выдѣляется большею объективностью его положеній.—Но при детальномъ ея разсмотрѣніи и въ ней не мало матеріала для критической бесѣды съ авторомъ.

Такъ, высшее проявленіе духовнической власти авторъ указываетъ въ дѣйствіяхъ Пафнутія Боровскаго и преп. Мартиніана (стр. 165—166). Намъ думается, и въ данномъ случаѣ проф. С. И. Смирновъ долженъ былъ бы отмѣтить, что это были—и исключительныя лица и притомъ—монахи и даже игумены.

По мнѣнію автора въ древней Руси говѣли (исповѣдывались и причащались) трижды въ годъ, а затѣмъ въ XIV вѣкѣ, съ примѣненіемъ усиленнаго поста,—даже 4 раза (стр. 166—168). Конечно, были лица, которыя дѣйствительно поступали такимъ образомъ; но въ общемъ эта обязанность вѣрующаго скорѣе всего была однократною въ году.

„Исповѣдь,—говоритъ авторъ,—у насъ въ древности, кажется, никогда не понимали въ смыслѣ суда надъ преступникомъ Божественнаго закона, а скорѣе какъ леченіе больного“ (стр. 168). Мы сказали бы—что и не могли ее понимать въ первомъ смыслѣ по самому ея существу; притомъ же, какъ уже сказано, представленіе духовника—врачемъ и исповѣдь—врачеваніемъ съ отчетливостью формулировались еще въ греческой покаянной письменности.

Подробное сообщеніе посвящено здѣсь проф. С. И. Смирновымъ практикѣ у насъ публичнаго покаянія, хотя бы и при тайной исповѣди (стр. 169—174). Представленные имъ историческіе примѣры ея на стр. 169—171, однако, относятся къ покаянію собственно по формальному суду. Затѣмъ, ссылка на примѣненіе такой епитиміи протопопомъ Аввакумомъ—и по его положенію, и при умолчаніи о томъ, за какое дѣяніе это послѣдовало,—не можетъ почитаться сильною.—На стр. 173—174 авторомъ исчисляются многіе грѣхи, которые въ древней Руси подвергали публичной епитиміи; къ сожалѣнію онъ не указываетъ, при какихъ условіяхъ они влекли за собою такую епитимію. Ссылка при этомъ, въ одномъ случаѣ, на уложеніе царя Алексѣя Михайловича (стр. 174, прим. 2) можетъ относиться къ такой епитиміи только по формальному суду и, слѣдовательно, внѣ отношенія къ задачамъ автора.—Не можемъ мы считать имѣющею силу и ссылку на Димитрія Ростовскаго въ подтвержденіе того, что духовники иногда полагали публичную епитимію и за тайные грѣхи. Димитрій Ростовскій въ этомъ случаѣ высказываетъ теоретическое положеніе о непозволительности духовнику налагать предполагаемую теперь епитимію, а налагали ли они или нѣтъ, того его замѣчаніе не касается.

Въ отношеніи тайной епитиміи на исповѣди авторъ проводитъ мысль о томъ ея различіи отъ древне-церковной публичной епитиміи, что она примѣнялась въ обратномъ порядкѣ со стороны тяжести (сначала легкая и потомъ уже болѣе трудная); но самъ же авторъ не прочь отъ предположенія, что начальная легкая епитимія была только предуготовительнымъ моментомъ въ полномъ объемѣ покаянія исповѣдника (стр. 169).

Касаясь правъ духовника не только въ области покаянія, но и въ отношеніи причащенія, проф. С. И. Смирновъ объ-

ясняетъ причащеніе исповѣдника самимъ духовникомъ могущимъ быть злоупотребленіемъ при несоблюденіи такого порядка (стр. 175—176). На нашъ взглядъ этого требуетъ естественный порядокъ вещей. Сверхъ же того, неужели въ этомъ случаѣ оставалось внѣ всякаго вліянія совмѣщеніе духовничества съ приходскимъ священствомъ?

При общемъ перечнѣ тѣхъ условій, благодаря которымъ имѣло мѣсто значительное вліяніе духовниковъ на жизнь духовныхъ дѣтей, авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что духовникъ принималъ свое дух. чадо на исповѣдь еще отъ 7—14 лѣтъ (стр. 176). Нужно согласиться съ тѣмъ, что отнесеніе авторомъ первоначальной исповѣди еще къ дѣтскому возрасту (здѣсь или въ другомъ мѣстѣ) требовало объясненія, какъ въ такомъ случаѣ могъ осуществиться свободный выборъ духовника? А затѣмъ: уже одна большая растяжимость признаваемаго теперь срока для первоначальнаго появленія на исповѣдь невольно говоритъ, что на этотъ разъ нѣтъ обоснованнаго воззрѣнія или даже объективнаго отношенія къ данному вопросу. И наконецъ, если бы авторъ вникнулъ въ общій характеръ древне-русскихъ исповѣдныхъ вопросовъ и особенно обратилъ бы вниманіе на неизмѣнно одинаковый первый вопросъ, если бы далѣе онъ припомнилъ, что по Канонарію Іоанна Постника женщину рекомендуется принимать на исповѣдь только по окончаніи ея зрѣлости,— что въ русскихъ уставахъ исповѣди формулы вопросовъ дѣтямъ появляются только къ XVII в., и что (наконецъ) предписанія греческой церкви по данному вопросу стоятъ за годы 12—14, то онъ долженъ былъ бы отнести предполагаемый моментъ именно на указываемый теперь возрастъ.

Въ общемъ проф. С. И. Смирновъ признаетъ всестороннее вліяніе духовника на народную жизнь. Но при этомъ для насъ остается необъяснимымъ — какимъ образомъ, если духовничество такъ или иначе совмѣщалось съ приходскимъ пастырствомъ, а приходское духовенство избиралось на срокъ,— какимъ образомъ могло держаться такое вліяніе, какъ рисуетъ его авторъ?

Выразителями вліянія авторъ считаетъ исповѣдные вопросы и епитимійники. —Это вѣрно. По тѣмъ и другимъ явно предполагается вліяніе духовниковъ не только на религіозный бытъ, но и на нравственныя отношенія. По нимъ, какъ

признаетъ и проф. С. И. Смирновъ,—„древне-русскій духовникъ старается перевоспитать общество, привить ему чувство милованія, смягчить жестокіе нравы, поднять положеніе угнетенныхъ“ (стр. 181). Насколько это соотвѣствуетъ сказанному авторомъ выше, что духовническое міровоззрѣніе въ древней Руси осталось неизмѣняемо сравнительно съ міровоззрѣніемъ Кирика, который—де обращалъ вниманіе только на церковно-обрядовую сторону и былъ чуждъ сознанія идей общественной нравственности,—то не требуетъ поясненій.

Признавъ несомнѣннымъ все вліяніе духовничества на народный бытъ, авторъ, далѣе, раскрываетъ, почему это вліяніе не могло быть всемѣрно глубокимъ и почему въ концѣ концовъ пало.—Въ данномъ случаѣ мы читаемъ у него: „древне-русское духовничество было полно недостатковъ и покаянная дисциплина не обладала твердостью и общеобязательностью“ (стр. 182); „среди духовниковъ древней Руси было много невѣжественныхъ людей.... даже большинство“ (ibid).... „въ нравственномъ отношеніи бо́льшая часть духовниковъ стояла ниже уровня, требуемаго Церковью“ (ibid); „всего больше среди духовниковъ было потаковниковъ“ (ibid); „много было среди духовниковъ трапезолюбцевъ, запойчивыхъ“ (стр. 184); „исповѣдь совершалась небрежно; на исповѣди нѣкоторые духовники вели себя непозволительно“ (стр. 185); „тайна исповѣди часто не соблюдалась“ (стр. 186); „были случаи нарушенія говѣній самими духовными отцами“ (стр. 185).

Относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ характеристикъ отрицательнаго свойства въ представленномъ теперь ихъ сводѣ мы должны сказать: а) заключеніе о нарушеніи говѣнія самими духовными отцами недостаточно обосновывается ссылкою всего на одно дѣло (стр. 185); б) непозволительное поведеніе духовниковъ на исповѣди въ сущности дѣла ничѣмъ не подтверждено. Правда, въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ содержаніе повѣсти о пресвитерѣ Тимоѳеѣ, впавшемъ на исповѣди въ прелюбодѣяніе съ дѣвицею знатнаго происхожденія (стр. 185—186), но неужели такую легенду можно выставлять подтвержденіемъ столь тяжкаго обвиненія?—Правда, въ потвержденіе той же непозволительности авторъ напоминаетъ и предписанія касательно исповѣди женщинъ на паперти церковной; но будучи греческаго происхожденія (что и отмѣчаетъ проф. С. И. Смирновъ), оно относится соб-

ственно до духовниковъ-монаховъ, а главное вызвано совсѣмъ другими соображеніями; в) ссылка въ подтвержденіе небрежнаго совершенія исповѣди на Посошкова, когда онъ говоритъ, что духовники имѣли обычай исповѣдывать всѣхъ дѣтей своихъ въ одинъ день (стр. 185), мало что можетъ говорить о такой небрежности, разъ предѣлы покаяльной семьи у ординарнаго духовника были очень ограничены, и это,—добавимъ,—еще при постоянномъ общеніи ея съ духовныхъ отцомъ.

Суть дѣла, однако, не въ отмѣчаемыхъ частныхъ дефектахъ того или другого изъ приведенныхъ теперь отрицательныхъ отзывовъ, а въ значеніи общаго колорита ихъ, взятыхъ въ цѣломъ. Разъ по нимъ авторъ со всею рѣшительностью и въ отношеніи если не поголовно всѣхъ духовниковъ, то во всякомъ случаѣ большинства ихъ, даетъ такой уничтожающій отзывъ, то спрашивается,—можно ли послѣ этого говорить—и о почетѣ, и о высокомъ нравственномъ авторитетѣ, и объ учительности, и о неоспоримомъ значеніи духовниковъ — въ представленіи народной массы, и на дѣлѣ? При подобномъ отзывѣ можетъ быть только одно заключеніе: все это—и нравственный авторитетъ, и учительская энергія, и всестороннее вліяніе русскаго духовничества, такъ настойчиво проводившіяся въ сознаніе читателя на предыдущихъ страницахъ книги,—мыслимы не столько какъ бывшая реальная дѣйствительность, сколько какъ созданіе кабинетной тиши ученаго, идеализировавшаго объектъ своего изслѣдованія.

Въ дополненіе къ отмѣченнымъ отрицательнымъ явленіямъ въ духовнической сферѣ авторъ говоритъ еще, что духовники злоупотребляли своею великою нравственною властью: „Въ Духовномъ Регламентѣ говорится къ примѣру, какъ духовникъ домогался у властелина, чтобы онъ оправдалъ кого-нибудь на судѣ или уменьшилъ наказаніе“ (стр. 186). А почему же не предположить и тотъ случай, когда духовникъ предпринималъ подобныя хлопоты по долгу справедливой духовнической оцѣнки? Къ примѣрамъ Духовнаго Регламента, да въ особенности въ томъ родѣ какъ теперь,—небезосновательно относиться иногда и критически.

Особенное вниманіе, при характеристикѣ дефектовъ духовничества, авторъ удѣляетъ тому, что происходило на сей разъ въ отношеніи епитиміи: какъ духовники не умѣли ею

пользоваться, — какъ потаковники не налагали епитимій, какъ епитимія исполнялась замѣстителями или замѣнялась литургіями за живыхъ или особымъ канономъ за епитимію, или для облегченія выполненія дѣлилась на части (стр. 186—193).—Относительно литургій за живыхъ авторъ приводитъ на справку мнѣніе о нихъ, какъ недостойныхъ и какъ сопряженныхъ съ поборами (стр. 191)—въ сектѣ стригольниковъ (стр. 191). — Кажется, такая справка должна бы быть дополнена замѣткою о томъ, какъ стригольники вообще отрицательно относились къ священнослуженію и іерархіи. Что же касается до канона за епитимію, о которомъ спеціальная историческая справка имѣется только у насъ, то онъ могъ примѣняться и по уважительнымъ условіямъ (ср. Тайная исповѣдь, II, стр. 152).

Подводя итогъ дефектамъ духовничества, авторъ въ концѣ концовъ говоритъ: „вопіющія злоупотребленія древне-русскихъ духовниковъ руководительствомъ совѣсти вѣрующихъ и властью вязать и рѣшить неблагопріятно отзывались на успѣхахъ покаянной дисциплины и прежде всего на отправленіи вѣрующими христіанскаго долга говѣнія“ (стр. 194). Нарочитой рѣчи о неисправномъ отношеніи къ сему долгу и посвящены дальнѣйшія страницы (194—202) настоящей главы. — Между прочимъ неисправность отмѣчается здѣсь авторомъ даже въ отношеніи монаховъ. Въ подтвержденіе имѣется ссылка на извѣстіе, что монахи Псковскаго Снѣтогорскаго монастыря „духовника у себя не держатъ“ (стр. 198). Неправильнѣе ли было бы думать, что въ данномъ случаѣ указывается только на отсутствіе своего монастырскаго духовника; не держать духовника вообще они не могли, разъ постриженіе ихъ, по заявленію автора, совершалось духовникомъ.— Распредѣляя здѣсь всѣхъ уклонявшихся отъ долга исповѣди и св. причастія на три категоріи, проф. С. И. Смирновъ полагаетъ, что всѣ они поступали такъ отъ непониманія обязательности сего для всякаго вѣрующаго. Сомнительно, однако, чтобы это было такъ, разъ настойчиво проводилась обязательность говѣть три, а затѣмъ и четыре раза въ году. Не вѣрнѣе ли, что самое требованіе четверократности, при занятости мірского человѣка, дѣйствовало въ настоящемъ случаѣ ослабляющимъ образомъ на энергію вообще регулярно относиться къ исполненію трактуемаго долга.

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, разъ въ данномъ случаѣ оставались безрезультатными и требованія высшей іерархіи, проф. С. И. Смирновъ объясняетъ то же уклоненіе отъ каждогодной исповѣди въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что приходское духовенство зависѣло въ матеріальномъ отношеніи отъ мірянъ, что смѣялись надъ священниками и въ проповѣди ежегоднаго говѣнія усматривали попытку со стороны пастырей открыть новый источникъ дохода (стр. 202). Однако это объясненіе не вяжется съ ранѣе указанными мотивами самихъ вѣрующихъ (стр. 197...).

Неисполненіе долга исповѣди и причастія вызвало гражданскія мѣропріятія противъ такого непорядка. Обзору этихъ мѣропріятій и посвящены заключительныя строки главы (стр. 202—204). Что эти мѣропріятія внѣ предѣловъ темы, то—ясно.—При такихъ мѣропріятіяхъ, по представленію автора, церковная администрація обращалась къ мѣрамъ принужденія неисправныхъ говѣльщиковъ уже послѣ администраціи гражданской (стр. 204). Разъ здѣсь дѣло касалось именно принужденія, то иначе и не могло быть. При всемъ томъ, такъ было только совнѣ. Исходное же основаніе, первоначальная идея о формальномъ воздѣйствіи на тѣхъ же неисправныхъ говѣльщиковъ, конечно, принадлежала церковному правительству.

Дѣятельное участіе и церковной и гражданской власти въ вопросѣ о каждогодномъ говѣніи вѣрующими, какъ извѣстно, въ значительной мѣрѣ было вызвано возникновеніемъ раскола. Это обстоятельство даетъ автору поводъ заняться еще вопросомъ о томъ—какъ вели себя наши духовники въ эпоху раскола и насколько они помогали церкви въ борьбѣ ея противъ.—Рѣчи о томъ и посвящена послѣдняя глава сочиненія проф. С. И. Смирнова.

Глава эта трактуетъ о духовничествѣ и въ положительномъ и въ отрицательномъ отношеніи къ расколу, т. е. поскольку оно содѣйствовало ему и поскольку имѣло обратное значеніе,

Въ вступительныхъ строкахъ ея авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ начальной исторіи раскола это движеніе было создано духовенствомъ, причемъ, увлекая народъ въ расколъ или удерживая его, оно „въ значительной мѣрѣ опиралось на свои духовническія права“ (стр. 205). Намъ

кажется, что особо отмѣчать значеніе духовенства въ первоначальной его исторіи едва ли и есть надобность, разъ расколъ возникъ на церковно-обрядовой почвѣ.

Въ какой мѣрѣ духовенство, какъ именно духовничество, оказало на первыхъ порахъ содѣйствіе расколу, авторъ характеризуетъ то очеркомъ дѣятельности протопопа Аввакума.—Очерку посвящено цѣлыхъ 17 страницъ (стр. 206—222), и при этомъ сообщаемыя свѣдѣнія настолько переполнены подробностями, что читателю въ данномъ случаѣ предлагается очеркъ дѣятельности Аввакума по поддержкѣ раскола самой въ себѣ (безотносительно къ непосредственной задачѣ автора); поэтому, напр., мы и находимъ здѣсь (стр. 207) обзоръ всѣхъ посланій Аввакума.—На нашъ взглядъ, авторъ сообщаетъ теперь детальныя данныя о дѣятельности Аввакума даже съ большею энергіею, чѣмъ это есть въ отношеніи Кирика.—Отдавая такое особенное вниманіе Аввакуму, проф. С. И. Смирновъ понимаетъ его именно духовникомъ послѣдовавшихъ за нимъ сторонниковъ стараго обряда; его духовничеству онъ усвояетъ здѣсь главное значеніе, указывая, что Аввакумъ имѣлъ отъ 500 до 600 духовныхъ дѣтей.

При всемъ вниманіи автора къ этому очерку, онъ, въ отношеніи къ задачамъ изслѣдованія, не безъ изъяновъ.—Правда, у Аввакума было до полутысячи духовныхъ дѣтей (стр. 209). Но по даннымъ же автора можно думать, что за нимъ изъ этого числа послѣдовало развѣ 100 дѣтей (стр. 206, ср. стр. 216); такое же соотношеніе далеко не въ пользу духовническаго вліянія Аввакума при его содѣйствіи расколу.—Авторъ исчисляетъ (въ пространномъ примѣчаніи, стр. 209) извѣстныхъ духовныхъ дѣтей Аввакума—до 36 лицъ.—Мы не можемъ не сказать, что относить сюда же и такихъ, которыхъ онъ именуетъ вообще—„чадо“, не усматривается безусловнаго основанія. Съ другой стороны, для правильнаго представленія о значеніи этого числа—36-ти—напрасно не отмѣчено, въ сколь родственныхъ и близкихъ бытовыхъ отношеніяхъ другъ къ другу состояли всѣ эти члены.—„Во главѣ съ Аввакумомъ, говоритъ авторъ, его духовныя дѣти составляли довольно прочную и дружную семью“ (стр. 217). Но самъ же онъ далѣе констатируетъ, что отношенія эти внутри духовной семьи не были чужды треній (стр. 217),—мы бы добавили—и очень рѣзкихъ.—У Аввакума, замѣчаетъ

авторъ, (въ ряду другихъ требованій) духовнымъ дѣтямъ предъявлялось требованіе вѣрности „православію или старому обряду“ (стр. 212). Намъ думается, здѣсь можно говорить о вѣрности только послѣднему.—„Отдѣлившись отъ церкви и вербуя защитниковъ старой вѣры, Аввакумъ,—по автору,—опирался на свои духовническія права“ (стр. 222). Быть можетъ это и такъ. Но развѣ при этомъ не играли никакой роли его священство и протопопство, да еще при положеніи раскола въ отношеніи іерархіи?

Въ общемъ авторъ признаетъ Аввакума выдающимся духовникомъ (стр. 211).—Разъ онъ вносилъ много страстности въ отношенія къ духовнымъ дѣтямъ (стр. 211), разъ у него явилось поистинѣ недопустимое для мало мальски порядочнаго духовника желаніе при исповѣди одной дѣвицы (ibid.),—разъ онъ обзываетъ дух. дѣтей своихъ всяческими непристойными эпитетами, разъ кромѣ епитиміи употреблялъ и мѣры физическаго воздѣйствія, разъ видимо услаждался своею властью вязать и рѣшить и пр.,—разъ все это было, болѣе чѣмъ непозволительно согласиться съ такою аттестаціею авторомъ Аввакума. Въ сущности дѣла онъ былъ именно типомъ духовника, который осуждался правилами.

Въ заключеніе, по нашему мнѣнію, во всемъ этомъ очеркѣ добрая половина относится собственно къ первоначальной исторіи раскола, самой въ себѣ, правда—поскольку она связана съ именемъ Аввакума (см. стр. 207 — 209; 215; 217—220).

Проф. С. И. Смирновъ не ограничивается Аввакумомъ. На стр. 222—223 онъ приводитъ сжато и другіе примѣры, какъ уходя въ расколъ священники (sic) увлекали съ собою и духов. дѣтей своихъ.—Едва ли можно отрицать, что такое увлеченіе было дѣломъ естественнымъ, въ силу вообще пастырства увлекавшаго; относить это увлеченіе только на счетъ духовничества во всякомъ случаѣ не имѣется основаній. Авторъ, впрочемъ, даже самосожигательство въ расколѣ объясняетъ именно вліяніемъ духовничества (стр. 223). Если бы даже и такъ,—но что это были за духовники?..

Духовенство, признавшее обрядовую реформу, по сужденію автора, не могло содѣйствовать ей вслѣдствіе отсутствія энергичныхъ лицъ, необразованности низшихъ своихъ представителей и, наконецъ, за отсутствіемъ единенія между

нимъ и іерархіею (стр. 226). Извѣстны только частные примѣры, когда священники удерживали своихъ и даже чужихъ духовныхъ дѣтей (стр. 226—227). На нашъ взглядъ въ такомъ сужденіи не принято во вниманіе,—что не духовенство (какъ это имѣло мѣсто при увлеченіи въ расколъ), а церковное правительство предприняло церковно-обрядовую реформу, что, оставаясь въ массѣ согласнымъ съ реформою, оно уже тѣмъ самымъ противодѣйствовало расколу, и что недостатокъ образованія одинаково приложимъ и къ духовенству, уклонившемуся въ расколъ.

Понимая священника-духовника важнымъ факторомъ въ борьбѣ съ расколомъ, правительство духовное и свѣтское еще въ XVII в. привлекаетъ его къ надзору за вѣрностью церкви со стороны ихъ духовныхъ дѣтей (стр. 228—9). Особенно идею о томъ детально раскрываетъ Посошковъ, обозрѣнію проектовъ котораго авторъ удѣляетъ подробную рѣчь на стр. 229—233. Въ виду, однако, покровительства раскольникамъ со стороны духовенства, правительство уже въ XVII в. вынуждается, для противодѣйствія распространенію раскола и потаенному въ немъ пребыванію, обезпечить штрафами каждогодное исполненіе исповѣди, а равно и правильность показанія духовникомъ о такомъ исполненіи, запретить безмѣстнымъ священникамъ принимать на исповѣдь (стр. 233—238) и пр. Указываемыми и другими мѣропріятіями того же времени—устраняется свободный выборъ духовника, ослабляется примѣненіе каноническихъ епитимій, духовникъ лишается права своею властью отлучать отъ причащенія св. таинъ, допускаются исключенія изъ тайны исповѣди (стр. 230—240). Всѣмъ этимъ, по заключенію автора, въ корнѣ подорвались основы древне-русскаго духовничества—свобода выбора духовника, его абсолютная власть въ дѣлѣ наложенія епитиміи и патріархальность въ отношеніяхъ его и дѣтей, а отсюда и въ силу новыхъ вѣяній, и отчасти вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ новому укладу (стр. 240—241), сошло со сцены древне-русское духовничество. На нашъ взглядъ едва ли будетъ ошибкою сказать, что суть дѣла въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительная причина отхода въ историческое прошлое древне-русскаго духовничества не въ цитованныхъ сейчасъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. Если древне-русскіе духовники, какъ

заявляетъ и самъ авторъ, въ наложеніи епитиміи далеко не всегда были разсудительны, объективны и безпристрастны, если свободный выборъ духовника въ сущности дѣла остался только теоретическимъ принципомъ, которымъ притомъ пользовались не въ благихъ цѣляхъ, если, наконецъ, патріархальныя отношенія прежняго времени зачастую приводили къ нежелательнымъ результатамъ,—то очевидно указываемыя основы и безъ того уже сами по себѣ потеряли и свою силу, и свою цѣнность. При указанныхъ мѣропріятіяхъ, поэтому, отжило въ старыхъ условіяхъ и особенностяхъ своего бытія то, что уже само для нравственныхъ цѣлей стало безжизненно (ср. стр. 241). При такомъ условіи тѣ же правительственныя мѣропріятія, кои въ общемъ не затрогивали институтъ исповѣди самой въ себѣ и преслѣдовали собственно побочныя задачи, связанныя съ отправленіями духовничества,—не остались и безъ нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ. Ими со всею ясностью установлена органическая связь духовничества съ приходскимъ священствомъ, духовники призваны къ цѣлесообразному примѣненію епитиміи, устранена возможность злоупотребленія своею властью со стороны неразумныхъ духовниковъ и установлена устойчивая связь между духовнымъ чадомъ и его ближайшимъ духовнымъ руководителемъ—приходскимъ священникомъ.

Въ заключеніе говоря вообще о настоящей главѣ, мы и ее не можемъ не трактовать въ той же мѣрѣ эпизодическою, какъ и главу о нравственномъ міровоззрѣніи Кирика. Какъ та, такъ и другая посвящены въ преизбыточествующей ихъ части не въ мѣру спеціальной рѣчи о фактахъ, имѣющихъ для настоящей исторіи духовничества только частное значеніе.

Какъ сказано, къ настоящему изслѣдованію даны два приложенія.

Первое изъ нихъ „Списокъ велико-княжескихъ, княжескихъ и царскихъ духовниковъ“ (стр. 243—254). Какъ предназначенный для включенія въ него духовниковъ даже удѣльныхъ князей, списокъ этотъ болѣе чѣмъ затруднительно составить хотя бы только и въ значительной полнотѣ. И самъ авторъ, поэтому, не претендуетъ на такую полноту. При всемъ томъ нужно признать, что для его составленія сдѣлано все возможное по справкамъ изъ широкаго цикла

какъ пособій, такъ и источниковъ. Отмѣчая здѣсь даже неизвѣстныхъ по имени и по церковному положенію духовниковъ, проф. С. И. Смирновъ, очевидно, имѣлъ въ виду составленіе этого списка самого по себѣ, независимо отъ задачъ его изслѣдованія. Послѣднимъ, равнымъ образомъ, такое приложеніе также не предполагается, какъ нѣчто долженствующее быть. Въ изслѣдованіи—по вопросу о княжескихъ и царскихъ духовникахъ имѣется только три краткихъ замѣтки, изъ коихъ двѣ спеціальныя и случайныя (о вознагражденіи предполагаемыхъ теперь духовниковъ и перечень тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ считаться учительными) и одна общаго значенія (о томъ, кто по церковному состоянію бывалъ духовникомъ у князей и царей). Какого-либо нарочитаго очерка о тѣхъ же духовникахъ въ бытовомъ отношеніи, при всей его умѣстности и несомнѣнномъ его значеніи,—въ изслѣдованіи нѣтъ. Такимъ образомъ настоящее приложеніе не стоитъ въ органической связи съ изслѣдованіемъ.

На стр. 196 мы мы читаемъ такую фразу: „принципіальное отрицаніе исповѣди мы встрѣчаемъ въ сектѣ стригольниковъ, которые, отрицая іерархію, не являлись на исповѣдь къ священникамъ, а каялись въ своихъ грѣхахъ землѣ“. Вотъ единственное мѣсто, единственная краткая замѣтка, какой обязано своимъ появленіемъ при книгѣ второе приложеніе—„Исповѣдь землѣ“,—по объему (стр. 253—283) вполнѣ отвѣчающее объему главъ въ книгѣ. Довольно и указываемаго, чтобы видѣть, что это приложеніе есть нѣкое неоправдываемое усложненіе занимающей насъ книги. Тѣмъ болѣе оно представляется таковымъ по другимъ сторонамъ.—По своему существу трактатъ—„Исповѣдь землѣ“ относится не столько къ исторіи внутренней церковной жизни, сколько къ исторіи вообще религіозно-народнаго быта. Это—одно. Другое—трактатъ этотъ не есть что либо, составленное авторомъ нарочито для настоящей книги. Онъ—перепечатка уже извѣстной актовой рѣчи автора. Кажется ясно, что въ виду послѣдняго, даже не принимая во вниманіе перваго, автору, разъ онъ усматривалъ въ томъ необходимость, достаточно было въ настоящей книгѣ сослаться на печатное изданіе—и не болѣе того.

Другая область, къ которой относится настоящее прило-

женіе, дѣлаетъ дозволительнымъ съ нашей стороны ограничиться по его адресу только нѣсколькими словами. Авторъ выводитъ исповѣдь землѣ: 1) изъ обычной на востокѣ исповѣди безъ духовника предъ святыми; 2) изъ языческаго культа земли, державшагося въ двоевѣрномъ сознаніи нашего народа и 3) изъ народнаго представленія о землѣ какъ судьи человѣческой совѣсти и какъ искупительницѣ грѣха—опять таки въ восточномъ христіанствѣ.

Что второе могло имѣть мѣсто среди темнаго люда—это допустимо; однако спорадичность предполагаемой теперь исповѣди, примѣненіе ея только въ стригольнической средѣ—мало гармонируетъ съ такимъ объясненіемъ. Что же касается до перваго, то такое соображеніе подкрѣпляется данными собственно апокрифической цѣнности. Внѣ же ихъ ссылка здѣсь на поновленія, употреблявшіяся при исполненіи исповѣди въ точномъ ея значеніи, не можетъ имѣть сюда приложенія. Къ этому остается добавить, что исповѣдь, а точнѣе самоисповѣдь, предъ святынею и собственно предъ иконою есть естественное проявленіе покаяннаго настроенія въ молитвенномъ состояніи. Въ примѣненіи же къ третьему его объясненію позволительно указать: а) авторъ совершенно игнорируетъ тѣ мѣста Писанія, которыя косвенно касаются взаимоотношенія органической и неорганической природы и которыя припомнить въ данномъ случаѣ имѣлось бы основаніе; б) онъ напрасно не снесся съ богослужебною книгою требникомъ, гдѣ въ одной молитвѣ имѣется косвенное указаніе на соотношеніе земли и умершаго тяжкаго грѣшника (см. наше изслѣдованіе Тайная исповѣдь, т. II, стр. 275 и сл.). Разъ стригольники, отвергая исповѣдь предъ священникомъ, всетаки находили ее нужною, то справки по указываемымъ теперь двумъ направленіямъ быть можетъ не были бы праздными для объясненія признанія ими необходимости исповѣди, хотя бы и безъ наличія при ней представителя церковной іерархіи и слѣд. хотя бы въ извращенномъ видѣ.

Всѣмъ сказаннымъ выше нами данъ обзоръ содержанія разсматриваемой теперь книги примѣнительно къ дѣленію и послѣдовательности его, принятыхъ авторомъ.

Обратимся теперь къ той же книгѣ, взятой какъ формальное цѣлое.

Съ этой стороны мы прежде всего считаемъ себя въ правѣ охарактеризовать настоящій трудъ проф. С. И. Смирнова какъ далеко не отвѣчающій понятію единаго цѣлаго.—При такой характеристикѣ мы можемъ даже отложить въ сторону указанное выше и явно побочное для цѣли этого труда приложеніе—„Исповѣдь землѣ".—Въ данномъ отношеніи достаточно принять во вниманіе только главы „о нравственномъ міровоззрѣніи Кирика" и „русскіе духовники и расколъ старообрядчества". Первая въ ея цѣломъ, а вторая въ особенности въ рѣчи ея о протопопѣ Аввакумѣ, рѣчи, обнимающей цѣлую половину этой главы, — во всякомъ случаѣ должны считаться очеркомъ особаго назначенія, внѣ какой либо осязательной связи (въ ихъ объемѣ и направленіи) съ прямою задачею книги.—Наличность ихъ,—позволимъ себѣ сказать,—только вызываетъ внѣшнее осложненіе книги. И при такомъ взглядѣ мы тѣмъ болѣе считаемъ возможнымъ остаться, если припомнимъ, что въ настоящей книгѣ и безъ того имѣются указанные выше эккурсы въ сторону, изслѣдованіе постороннихъ вопросовъ. Этимъ, добавимъ, мы не отрицаемъ научной цѣнности въ особенности очерка о „Вопрошаніи" Кирика, взятаго самъ въ себѣ.

Такое же значеніе, далѣе, по нашему мнѣнію, имѣетъ и допущенное авторомъ повторное примѣненіе однихъ и тѣхъ же свидѣтельствъ и собственно безъ указанія этой повторности. Таковы, напр., свидѣтельства—объ отношеніи Ѳеодосія Печерскаго къ Яну Вышатичу и его женѣ Маріи (ср. стр. 23, 36, 48), объ обращеніи духовныхъ дѣтей къ духовнику за разъясненіями относительно пищи въ постѣ (ср. стр. 133, 182 и 195), о невозможности исповѣдывать священнику прежняго своего духовнаго отца (ср. стр. 35 и 45), о служеніи литургіи за живыхъ по Вопрошанію Кирика (ср. стр. 123 и 189), о раздѣленіи епитиміи по нему же (ср. стр. 122, 188 и 125) и пр.

Въ нѣкоторой мѣрѣ то же общее впечатлѣніе получается отъ сочиненія проф. С. И. Смирнова даже и когда оно касается именно духовничества. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду слѣдующее. Авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе бытовой исторіи русскаго духовничества именно древняго, согласно заглавію его книги.—Какой предѣлъ въ исторіи жизни русской церкви относитъ онъ къ понятію древняго,—о томъ,

къ сожалѣнію, у него не имѣется ни малѣйшаго указанія.— По установившемуся представленію, однако, древній и новый моменты времени не понимаются, какъ непосредственно соприкасающіеся другъ съ другомъ; предполагается, что между ними есть еще средній переходный моментъ. У автора— признаковъ такого распредѣленія историческаго времени нѣтъ. Имъ примѣняются данныя не только ранняго, но и поздняго времени. Отсюда онъ въ равной мѣрѣ пользуется данными не только по XVI вѣкъ, но и вообще за XVII вѣкъ (см. стр. 12, 17, 28, 30, 32, 37, 56—57, 62, 67, 73, 76, 77, 79—80, 85, 96, 98—99, 176, 186, 201, 204) и въ частности—времени царя Алексѣя Михайловича (стр. 32, 35, 199), изъ постановленій Б. Московскаго собора 1667 г. (стр. 28, 33, 53—54, 65, 67) и изъ начальной исторіи раскола (стр. 9, 33, 42, 60, 64, 200, 205—241). А затѣмъ въ той же мѣрѣ ему служатъ матеріаломъ и данныя времени, переходнаго отъ XVII къ XVIII стол., т. е. времени Петра I вообще (стр. 8, 28, 32, 62, 67—68, 71, 77—78, 99—101) и въ частности связанныя съ именемъ патріарха Адріана (стр. 39, 96), Аѳанасія Холмогорскаго (стр. 31, 85, 93), св. Димитрія Ростовскаго (стр. 174, 197), и въ особенности И. Т. Посошкова (стр. 20, 35, 37, 46—47, 49, 50, 52, 61, 71, 133, 139, 185, 199, 201, 229—234). Наконецъ, прилагаются къ дѣлу и данныя вообще за XVIII в. и даже за синодальный періодъ (стр. 30, 72, 73, 87, 200, 237—240). Такимъ образомъ ясно, что данныя автора захватываютъ исторію духовничества на всемъ протяженіи Русской церкви въ до-синодальный періодъ. Какъ бы мы ни распространяли въ данномъ случаѣ понятіе древности, но несомнѣнно изслѣдованіе проф. С. И. Смирнова не можетъ быть уложено въ ея рамки. Этого не допускаетъ уже одна VII глава, связанная съ исторіею раскола, хотя бы и въ начальной ея стадіи, но всетаки не принадлежащей къ древнему времени Русской церкви. Тѣмъ болѣе этому не будутъ соотвѣтствовать данныя, связанныя съ именемъ и Аѳанасія Холмогорскаго, и св. Димитрія Ростовскаго, и И. Т. Посошкова. Въ итогѣ—разсматриваемая книга еще бытовая исторія духовничества въ до-синодальномъ періодѣ Русской церкви.

Въ противоположность всему только что сказанному о наличности въ изслѣдованіи проф. С. И. Смирнова того, что не предполагается поставленною имъ задачею,—въ ней по-

рою отсутствуетъ то, что должно бы быть. Примѣры того уже указаны были нами выше. Къ нимъ можно присоединить оставленное безъ объясненія ограниченіе права духовничества въ томъ смыслѣ, что монаху не должно имѣть духовникомъ іерея бѣльца. Самый же существенный пробѣлъ нужно отнести къ тому, что книга проф. С. И. Смирнова затрогиваетъ историческую судьбу духовничества на Руси съ намѣченной имъ стороны, собственно для мірской сферы. Что же касается духовничества внутри сферы монашеской, то исключая того, что сказано о немъ при рѣчи объ организаціи духовничества, далѣе по этому адресу изслѣдованія автора не направляются.

Пусть все только что сказанное относительно изслѣдованія проф. С. И. Смирнова въ его цѣломъ можетъ трактоваться, какъ относящееся только къ формальной его сторонѣ. Но одновременно съ этимъ оно, какъ цѣлое, не безъ дефектовъ и дефектовъ большой важности и по существу.

Разсматриваемое изслѣдованіе предпринято проф. С. И. Смирновымъ, конечно, какъ продолженіе его труда по исторіи духовничества въ древней Восточной церкви. Въ послѣдней изначала отправленіе исповѣди было ввѣрено особому должностному лицу, иначе—для совершенія исповѣди былъ учрежденъ спеціальный институтъ въ лицѣ духовника. Въ практикѣ русской церкви несомнѣнно изначала, а въ юго-славянскихъ церквахъ издавна та же самая духовническая миссія совмѣстилась съ приходскимъ священствомъ. Характернымъ выраженіемъ этого служитъ между прочимъ тотъ, не обратившій на себя вниманія проф. С. И. Смирнова, фактъ, что если въ греческой церкви чинъ совершенія исповѣди до очень поздняго времени никогда не былъ достояніемъ богослужебной книги для священнодѣйствій (Евхологія), то въ славяно-русской—какъ разъ наоборотъ: онъ искони сталъ такимъ достояніемъ, составляя обязательную принадлежность Требника.

Соотвѣтственно съ указываемымъ, въ примѣненіи къ практикѣ Греческой церкви, разъ духовничество было тамъ спеціальнымъ институтомъ, изслѣдованіе его исторіи, хотя бы и въ бытовомъ отношеніи,—вопросъ ясно опредѣленный. Совсѣмъ другое на этотъ разъ приходится сказать по адресу Русской церкви. Здѣсь духовничество не было спеціальнымъ

институтомъ. Даже въ монастыряхъ этотъ принципъ не былъ осуществленъ съ какою-либо послѣдовательностью. На Руси духовничество формально и неформально совмѣстилось съ приходскимъ священствомъ. Такъ было даже и тогда, когда для исповѣди мірянъ выступало монашествующее лицо.— Отсюда духовническая функція, при ея отправленіи, не была обособленною, а обнималась общимъ кругомъ функцій священнослуженія. При наличности такой особенности очевидно, что историческое изслѣдованіе бытовой стороны русскаго духовничества только тогда будетъ на правильномъ пути и только тогда будетъ въ сферѣ соотвѣтствующаго ему матеріала, когда предварительно—нарочито и отчетливо былъ бы установленъ критерій для безошибочнаго разграниченія явленій въ историческомъ быту духовничества и приходскаго священства, или точнѣе—приходскаго пастырства. И это не только въ отношеніи общихъ сторонъ въ бытѣ духовника и священнослужителя, какими являются—житейское положеніе, оффиціальное положеніе, почетъ, нравственный авторитетъ, учительность,—но даже и въ отношеніи спеціально связаннаго съ приходскимъ пастырствомъ священнослуженія. Безъ такого критерія всегда широкій путь къ вольному и невольному смѣшенію явленій бытовой исторіи духовничества и священства, къ усвоенію первому того, что одинаково относилось и до священства. Въ итогѣ изслѣдованіе въ подобномъ случаѣ всегда можетъ оставить впечатлѣніе въ той или другой мѣрѣ—и неоправдываемаго примѣненія данныхъ, и усвоенія имъ значенія болѣе должной мѣры и въ связи съ этимъ,—если не искусственной основы, то по крайней мѣрѣ зыбкости его положеній.

Авторъ не озаботился установленіемъ указываемаго критерія и въ частности не поставилъ своею задачею выяснить, въ какой мѣрѣ термины „духовный отецъ“ и „духовное чадо“, помимо ихъ спеціальнаго значенія, могли выражать собою и отношенія вообще въ сферѣ пастырства, и затѣмъ, въ какой мѣрѣ термины—„попъ“, „священникъ“, „іерей“ могли замѣнять терминъ—„духовный отецъ“. Онъ безъ ограниченія усвоилъ терминамъ „духовный отецъ“ и „духовное чадо“ именно сцеціальное значеніе. И это, когда самъ же говоритъ, что прихожане въ своихъ выборныхъ граматахъ называютъ духовными отцами своихъ приходскихъ священниковъ (стр.

11) и что наоборотъ духовники именовались и терминами—попъ, священникъ и пр.

Въ результатѣ этого, на нашъ взглядъ, сочиненіе проф. С. И. Смирнова очень щедро пользуется фактами и свидѣтельствами, которыя имѣютъ силу для исторической характеристики бытовой стороны одинаково—какъ духовничества, такъ и приходскаго священства, или же относятся не столько къ первому, сколько къ послѣднему. Многіе примѣры этого нами указаны выше при по-главномъ разсмотрѣніи книги. Можно указать въ дополненіе къ нимъ и еще, какъ напр. на стр. 19—выраженіе святительскаго поученія—„а дух. дѣти учи, исправляй... запрещай"...; тамъ же—постановленіе Стоглаваго собора: „и вы *всѣ* священници дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ православныхъ христіанъ... поучали и наказывали"; стр. 20—уже отмѣченныя слова Посошкова—„то себѣ чадо мое вѣждь, яко Богъ тако не спроситъ церковныя службы, яко спроситъ ученія и паствы дѣтей духовныхъ"; стр. 26-справка изъ житій преп. Сергія Радонежскаго касательно его избранія въ игумены и духовники; стр. 73—при рѣчи относительно подарковъ духовникамъ; стр. 134—предписаніе Стоглаваго собора священникамъ учить и наказывать дѣтей духовныхъ; стр. 136—предписаніе его же—чтобы священники были грамотными, „дабы могли церковь Божію содержати и дѣтей своихъ духовныхъ всѣхъ православныхъ христіанъ управити по священнымъ правиламъ"; тамъ же ссылка на древнее святительское поученіе новопоставленному іерею, гдѣ говорится—„дѣло твое учитися закону Господню день и нощь"... и пр.

Отмѣченная особенность изслѣдованія проф. С. И. Смирнова въ пользованіи справками и свидѣтельствами невольно должна побуждать читателя самому входить въ критическую оцѣнку, и порою внимательную, того, въ какой мѣрѣ можетъ имѣть дѣйствительное примѣненіе приводимой авторомъ исторической справки.

Въ указываемомъ теперь направленіи въ разсматриваемой книгѣ наблюдается и нѣчто болѣе невыгодное. Это—наклонность бездоказательно по одной „вѣроятности" или даже безъ оной комментировать историческіе факты въ свою пользу. Вотъ примѣры такого комментированія: стр. 123—констатируя, что обычай служить сорокоусты по живымъ—„под-

держивали „чревоугодники попы“, „невѣжи“, „сребролюбцы“, авторъ добавляетъ: „т. е. духовники, для которыхъ сорокоусты были доходною статьей“; стр. 8—отмѣтивъ, что въ выборныхъ грамотахъ (какъ указано выше) прихожане называютъ духовными отцами приходскихъ священниковъ, авторъ присоединяетъ—„*вѣроятно* потому, что послѣдніе были въ то же время и духовниками ихъ“; стр. 18—при установленіи различія приходскихъ черныхъ поповъ и игуменовъ—сказано касательно первыхъ—„*вѣроятно* чернецы, не имѣвшіе правъ духовничества“; стр. 32—при замѣчаніи, что при коллективномъ избраніи духовника на сѣверѣ въ качествѣ приходскаго священника, такой избранный, по окончаніи срока, переставалъ быть дух. отцомъ, добавляется—„оставаясь *вѣроятно* духовникомъ номинальнымъ“; стр. 64—по поводу того предписанія отцовъ Стоглаваго собора, чтобы священникъ спрашивалъ своихъ святителей о духовныхъ дѣтяхъ и потомъ училъ ихъ согласно святительскимъ указаніямъ, авторъ комментируетъ: „но здѣсь *вѣроятно* разумѣется общее руководство епископа священниками въ ихъ духовнической практикѣ, а не докладъ духовника по частнымъ ея казусамъ“.—При такой лаконической опорѣ на простую вѣроятность, конечно, во многомъ можно усматривать соотвѣтствіе своимъ представленіямъ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такой пріемъ и не содѣйствуетъ обоснованности положеній, и можетъ наложить отпечатокъ субъективнаго отношенія къ предмету изслѣдованія.

Дѣйствительность, впрочемъ, иногда невольно направляла автора и въ совершенно обратную сторону. Отсюда мы и встрѣчаемъ такія мѣста, какъ на стр. 195 и 202, гдѣ авторъ, говоря о духовничествѣ, въ сущности дѣла переноситъ свою рѣчь вообще на духовенство (-священниковъ), какъ и должно быть. На этотъ разъ особенно характеренъ такой примѣръ. На стр. 133 (объ учительной дѣятельности духовника) авторъ говоритъ; „Въ началѣ говѣнья духовныя дѣти шли къ отцамъ спрашивать о пищѣ и поклонахъ, и отцы излагали имъ требованія церковнаго устава; писали „дѣтямъ въ постъ идущимъ“ поученія....“ (ср. стр. 182). А на стр. 195 касательно того же самаго читаемъ: „*вѣрующіе* тяготились строгостью устава и старались проводить постъ, не оставляя „злобъ своихъ“; они шли къ *священникамъ* и спрашивали,

что намъ пить и ѣсть?.. сколько поклоновъ? Священники излагаютъ имъ правила и требованія церкви".

Приверженность автора къ истолкованію и пониманію историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ, такъ или иначе соприкасавшихся съ сферою церковнаго пастырства, именно въ пользу духовничества само собою говоритъ о высокомъ почитаніи имъ объекта своего изслѣдованія—русскаго духовничества. И дѣйствительно такое его отношеніе къ духовнику проникаетъ всю его книгу. Духовникъ, по воззрѣнію проф. С. И. Смирнова, въ пастырскомъ отношеніи былъ все и вся, какъ для мірянъ, такъ и для монашествующихъ.

По характеристикѣ автора духовнику—и особый почетъ, и безбѣдное содержаніе. Онъ представитель высокаго незыблемаго нравственнаго авторитета. Онъ совѣтникъ своему духовному чаду на всякомъ его шагу; безъ отношенія къ нему послѣдній даже не можетъ поставить свѣчи предъ иконою. Духовникъ есть единый учитель духовныхъ дѣтей. Только подъ его руководствомъ слагается народное міровоззрѣніе. Онъ является главною пружиною при общественныхъ движеніяхъ въ церковной сферѣ. Онъ своею властью ограничиваетъ церковныя права вѣрующихъ и только онъ же можетъ смягчать и прекращать это ограниченіе. Въ его руководство совѣстью вѣрующихъ не можетъ вмѣшиваться даже власть, усвоившая ему духовническое право. Всего этого мало. Онъ собственно молитвенникъ предъ Богомъ за вѣрующихъ, его духовныхъ чадъ, какъ и они считали себя призванными молиться за него. Онъ, поэтому, участвуетъ въ бракозаключеніи духовныхъ чадъ,—собственно нужно сказать—вѣнчаетъ,—онъ причащаетъ своихъ духовныхъ дѣтей во время вѣнчанія и читаетъ имъ поученіе. Онъ присутствовалъ при кончинѣ своего духовнаго чада, напутствовалъ его св. тайнами и читалъ отходную. Духовникъ отпѣвалъ покаяльныхъ своихъ дѣтей и читалъ надъ ними разрѣшительную молитву (см. стр. 176—177). Духовникъ же, далѣе, по сообщенію автора отправлялъ сорокоусты и притомъ не только за умершихъ, но и за живыхъ. Ко всему этому нужно приложить, что при замѣнѣ епитиміи литургіями, послѣднія отправлялись, конечно, духовникомъ,—что причащеніе покаяльныхъ дѣтей въ великіе праздники (а они исчислялись иногда очень широко) также связывалось съ служені-

емъ литургіи въ такіе праздники только духовникомъ, что при говѣніи духовныхъ чадъ естественно духовникъ же долженъ былъ быть отправителемъ для нихъ богослуженія, что духовникъ ходилъ по домамъ съ такъ называемыми постными молитвами, что при требованіи отъ духовнаго чада каждый шагъ его религіозной жизни предпринимать только съ благословенія духовнаго отца, онъ несомнѣнно долженъ трактоваться отправителемъ и частныхъ молебствій для своихъ дѣтей духовныхъ, и что, наконецъ, пониманіе дух. чадами своимъ храмомъ только того, гдѣ служилъ его духовный отецъ, послѣдній только могъ пониматься отправителемъ всякаго богослуженія для дух. чадъ.

Таковъ духовникъ въ его значеніи въ древне-русской церковной сферѣ по воззрѣнію и положеніямъ проф. С. И. Смирнова и по вытекающимъ изъ этихъ положеній выводамъ. Онъ, дѣйствительно, обрисовывается здѣсь какъ все и вся.... Позволимъ себѣ теперь задаться вопросомъ—гдѣ же у автора приходскій священникъ? для чего онъ существовалъ самъ въ себѣ? Кажется, ему только и осталось—крещеніе и причащеніе младенцевъ. И это—при формальной обязательности для приходскаго священника совершать все священнослуженіе, и учить паству, и руководить ею, — и при формальномъ правѣ духовника совершать только исповѣдь и въ связи только съ нею наставлять и руководить духовное чадо. Получилось такимъ образомъ: по практикѣ русской церкви, согласной съ природою института, приходское священство обнимало въ своемъ содержаніи и духовничество,— по выводамъ же автора, какъ разъ наоборотъ—духовничество поглотило приходское священство, оставило послѣднему какое-то призрачное назначеніе.

Въ общемъ, однако, древне-русскій духовникъ прежде всего и главнымъ образомъ представитель высокаго нравственнаго авторитета со всестороннимъ вліяніемъ на религіозно-нравственную жизнь духовныхъ дѣтей путемъ учительства и фактическаго руководства ими почти на всемъ ихъ жизненномъ пути. Для признанія дѣйствительности такого авторитета и такого вліянія самая элементарная психологія отношеній требуетъ, чтобы представитель ихъ былъ носителемъ соотвѣствующихъ высокихъ духовно-нравственныхъ началъ. Насколько такому основному требованію, по представленію

автора, отвѣчалъ духовно-нравственный міръ древне русскаго духовника? Отчасти о томъ сказано выше (стр. 35). Теперь въ отвѣтъ на это, не затрогивая другихъ уже помянутыхъ штриховъ, представимъ только такія рѣчи автора: „По должности духовника древне-русскій священникъ получалъ значительный доходъ....“ (стр. 72). „Несомнѣнно, гораздо больше получалъ духовникъ отъ своего сына, когда тотъ всего сильнѣе нуждался въ его молитвѣ, т. е. предъ смертью послѣдняго и послѣ смерти“ (стр. 74). „Духовники пользуются еще въ Греціи выработаннымъ средствомъ не терять своего: сорокоустомъ по живымъ.... (стр. 75). „Псковское духовенство (во время моровой язвы XIV в.) получило въ то время значительное богатство; притомъ же возможно, что имѣло мѣсто и вымогательство со стороны „душевныхъ отцовъ“ (82).—„Духовники древней Руси пользовались нерѣдко и незаконными запрещенными поборами съ дѣтей духовныхъ“.... (ibid.). Лишеніе (при публичной епитиміи) права дѣлать приношенія въ церковь..... являлось въ то же время наказаніемъ и для духовныхъ отцовъ, т. е. лишало ихъ доходовъ. Въ этомъ трудность его примѣненія“ (стр. 172). „Много было среди духовниковъ сребролюбивыхъ“ (стр. 184). „По изображенію древнихъ поученій, наши духовники болѣе всего хлопотали о доходахъ...., не заботясь о душахъ дѣтей духовныхъ“. „Духовники брали съ радостью“... „приношенія отъ тяжкихъ грѣшниковъ“ (ibid.). „Духовникъ (при наймѣ исполнять епитимію) дѣлалъ менѣе трудное и въ то же время не безвыгодное для себя дѣло: замѣнялъ епитимійные подвиги служеніемъ литургій, за которыя, разумѣется, получалъ плату“ (стр. 189). „Духовники—потаковники.... ради мзды... вовсе не налагаютъ епитимій на грѣшниковъ.... Многочисленность свидѣтельствъ говоритъ о распространенности этого безпорядка“ (стр. 193).

Въ итогѣ древне-русскій духовникъ по всѣмъ такимъ заявленіямъ не можетъ пониматься иначе, какъ сильно выраженнымъ типомъ корыстнаго дѣятеля. Насколько при такой характеристикѣ можно связывать съ представленіемъ о духовникѣ идею о высокомъ нравственномъ авторитетѣ и пр.,— говорить о томъ не требуется.

Отмѣчая во всемъ сказанномъ выше, между прочимъ, и присущіе книгѣ проф. С. И. Смирнова общіе и частные изъяны, мы далеки отъ того, чтобы объяснять ихъ недостаточно

осмотрительнымъ отношеніемъ автора къ предмету изслѣдованія. Наличность ихъ въ значительной мѣрѣ обусловливается самымъ свойствомъ предмета изслѣдованія, примѣнительно къ положенію его въ практикѣ Русской церкви. Особенно же здѣсь сказалось — увлеченіе (если не его идеализація) предметомъ изслѣдованія. Этимъ увлеченіемъ и объясняется, почему мы имѣемъ теперь дѣло съ совершенною переработкою уже ранѣе издававшагося труда автора, посвященнаго тому же самому предмету.

Уже одна эта вторичность и притомъ вторичность въ видѣ совершенной переработки побуждаетъ сказать доброе слово о книгѣ автора. Говоримъ такъ потому, что подобная переработка—предпріятіе несомнѣнно болѣе тягостное, чѣмъ первичное изслѣдованіе вопроса.—Тѣмъ болѣе такъ должно сказать въ виду того, что изслѣдованіе проф. С. И. Смирнова несомнѣнно имѣетъ положительныя стороны, съ точки зрѣнія которыхъ предъ нами въ настоящемъ случаѣ—трудъ почтенный, долженствующій быть отмѣченнымъ въ русской церковно-исторической наукѣ.

Авторъ поставилъ себѣ задачею научное освѣщеніе церковно-историческаго вопроса, еще не затронутаго въ нашей духовной ученой литературѣ,—вопроса, притомъ, особенной важности въ церковно-общественномъ отношеніи. Для этого освѣщенія онъ съ рѣдкою обстоятельностью изучилъ матеріалы, относящіеся къ предмету его изслѣдованія.—Въ этомъ отношеніи онъ привлекъ къ выполненію своей задачи все выдающееся въ нашей научной литературѣ, такъ или иначе соприкосновенное съ предметомъ его изслѣдованія. Въ содержаніе такой изученной имъ литературы входятъ не только изслѣдованія въ области духовной науки, но и изъ области вообще исторической науки, а сверхъ того и сырые матеріалы въ видѣ различныхъ изданій—историческихъ актовъ и каноническихъ памятниковъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ, далѣе, непосредственно самъ изучаетъ для своей цѣли рукописные памятники церковной письменности. Благодаря всему этому, разсматриваемая книга заключаетъ въ себѣ дѣйствительно большой матеріалъ по предмету изслѣдованія.—Этотъ матеріалъ, далѣе, автору приходилось извлекать съ великимъ терпѣніемъ, такъ какъ свойство избраннаго имъ для изслѣдованія предмета требовало отъ него внимательно-

наго отношенія даже къ отдѣльнымъ реченіямъ и словамъ въ изученныхъ матеріалахъ. Приложеніе того же матеріала къ выполненію работы дѣлалось съ поучительною точностью во всѣхъ случаяхъ. Результатомъ всего теперь отмѣчаемаго получилось дѣйствительно научное освѣщеніе ряда вопросовъ—и не только непосредственно вытекающихъ изъ поставленной авторомъ задачи, но и стоящихъ въ сторонѣ отъ него.

Изслѣдователямъ историческихъ явленій русской церковной жизни и даже жизни вообще бытовой, однако, будетъ настоятельная нужда сноситься собственно съ другою также теперь представленною книгою проф. С. И. Смирнова, заключающею въ себѣ — „Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины". Трудъ—посвященъ изданію рукописныхъ памятниковъ по предмету, указываемому въ заглавіи книги. Всего здѣсь опубликовано 48 памятниковъ въ 76 текстахъ, такъ какъ нѣкоторые памятники издаются въ двухъ и даже болѣе изводахъ. Изъ этого числа приблизительно три четверти—памятники, впервые издаваемые. Хотя и есть между ними тексты, которые можно понимать не болѣе какъ excerpta изъ первоначальнаго оригинала (напр. XXIII, XXX, XXXIII), но въ общемъ это—цѣльныя произведенія.

Авторъ понимаетъ настоящій трудъ неразрывно связаннымъ съ разсмотрѣннымъ его изслѣдованіемъ,—именно приложеніемъ къ нему. По нашему мнѣнію—это особый трудъ, посвященный указываемой цѣли, независимо отъ содержанія изслѣдованія о духовникѣ.—О томъ говоритъ уже одно то, что для настоящихъ матеріаловъ имѣетъ быть издана еще вторая книга. Кромѣ же того и задача примѣчаній къ издаваемымъ теперь матеріаламъ ни мало не направляется къ тому, чтобы установить ихъ прямое соотношеніе къ тому же изслѣдованію. Вотъ почему, на нашъ взглядъ только къ ущербу этого изданія, авторъ помѣстилъ addenda и corrigenda къ нему при изслѣдованіи.

Существенное достоинство изданій, подобныхъ предлагаемымъ теперь „матеріаламъ", это — возможно безупречная вѣрность оригиналу редактируемаго текста. На нашъ взглядъ даже самый характеръ опечатокъ, отмѣченныхъ у автора (стр. 565—566), такъ неизбѣжно присущихъ печатнымъ изданіямъ, даетъ достаточное основаніе признать указываемую

вѣрность. Мѣропріятія съ этою цѣлью, о которыхъ упоминается косвенно въ предисловіи, тѣмъ болѣе даютъ основаніе къ такому признанію.

Другимъ достоинствомъ тѣхъ же изданій должно быть избраніе возможно исправнаго и наиболѣе ранняго оригинала для предназначеннаго къ печатанію памятника. Это условіе возможно соблюсти только при широкой освѣдомленности относительно рукописей, содержащихъ издаваемый памятникъ.—Послѣднее несомнѣнно осуществлено авторомъ. Для настоящаго изданія онъ изучилъ рукописи не только извѣстныхъ публичныхъ библіотекъ и библіотекъ различныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, но и въ частныхъ собраніяхъ. Достигается, поэтому, и настоящее второе требованіе отъ изданія памятниковъ.

Наконецъ, отъ изданій въ разсматриваемомъ родѣ всегда желательно и то, чтобы издаваемый текстъ по возможности былъ освѣщенъ и со стороны его разночтеній. Соблюдено проф. С. И. Смирновымъ и это тщательнымъ приведеніемъ варіантовъ по извѣстнымъ ему рукописямъ.

Все это показываетъ, что настоящее изданіе потребовало отъ автора долгихъ и дѣятельныхъ исканій и такой же кропотливой работы. Послѣднюю мы должны признать даже и при томъ, что ему было содѣйствіе другихъ ученыхъ при корректурѣ нѣкоторыхъ текстовъ и что обстоятельный указатель къ изданнымъ текстамъ также плодъ занятій другого лица.

По общему ихъ характеру всѣ изданные авторомъ памятники можно раздѣлить на двѣ основныхъ группы—а) каноническаго свойства и б) дидактическаго назначенія.—И болѣе сложную группу, и большую цѣнность въ смыслѣ матеріала преимущественно для церковно-бытовой исторіи—имѣетъ первая категорія памятниковъ. Къ ней относятся собственно—„правила, состоящія изъ краткихъ статей по вопросамъ духовнической практики и въ частности пастырской практики, и епитимейники“ (см. стр. 251).—По мнѣнію автора такія правила, куда между прочимъ должны быть отнесены и „худые номоканунцы“, первоначально примыкали къ богослужебной письменности, а не къ канонической, въ которой они только впослѣдствіи породили собою разнообразные сборники.—По нашему мнѣнію не будетъ основа-

тельнымъ отстаивать подобную точку зрѣнія.—Болѣе ранняго времени предполагаемыя теперь богослужебныя книги (собственно требникъ и служебникъ) въ особенности далеки были отъ соприкосновенія ихъ содержанія съ каноническимъ элементомъ; ихъ содержаніе было именно литургическое. Затѣмъ, если и указывается на внесеніе худыхъ номокапунцевъ въ „молитвенники", то отсюда еще нѣтъ данныхъ заключать, что подъ послѣдними разумѣются именно принятыя богослужебныя книги. Разъ отмѣчаемое историческое указаніе касается *худыхъ* номокапунцевъ, то скорѣе всего и вмѣстителями для нихъ были молитвенники „худые" же.— По крайней мѣрѣ, если бы дѣйствительно тѣ же правила были достояніемъ именно употребительныхъ богослужебныхъ книгъ, да еще издавна, то до нашего времени сохранились бы и нерѣдкіе и явные слѣды такого привнесенія. Этого, однако, нѣтъ, исключая весьма рѣдкіе случаи.—Правда, авторъ говоритъ, что въ каноническомъ сборникѣ Моск. Синод. библіотеки № 153 (3) „интересующія насъ правила предваряются краткимъ чинопослѣдованіемъ и молитвами надъ кающимися, среди нихъ есть „покаянье"—правило съ указаніемъ епитимій за разные грѣхи. То и другое ясно показываетъ, что данный сборникъ еще не утратилъ связи съ „молитвенникомъ" или „требникомъ" (стр. 255). Но это выводъ необоснованный. На этотъ разъ несомнѣнно—и чинопослѣдованіе, и молитва представляютъ особый памятникъ, который искони былъ особымъ достояніемъ каноническаго сборника при статьяхъ покаяннаго свойства и только впослѣдствіи на Руси вошелъ въ содержаніе послѣдованія исповѣди. Образованіе и развитіе занимающихъ вниманіе автора правилъ несомнѣнно шло въ связи съ общимъ историческимъ процессомъ письменности каноническаго свойства.

Издавая памятники въ объемѣ указываемыхъ двухъ основныхъ группъ, авторъ понимаетъ ихъ какъ сырые матеріалы. Быть можетъ съ той точки зрѣнія, что имъ не предпосылается какой-либо систематической ихъ исторіи, это и вѣрно. Тѣмъ не менѣе позволительно сказать, что эти матеріалы представляютъ и нѣчто большее, и по крайней мѣрѣ имѣется полное основаніе сказать, что они суть матеріалы, въ коихъ историческая судьба каждаго памятника въ той или другой

мѣрѣ имѣетъ для себя освѣщеніе. Достигается это тѣмъ, что каждый издаваемый памятникъ сопровождается отъ автора особою „замѣткою", задача которой по возможности установить его происхожденіе, источники, отношеніе къ другимъ аналогичнымъ произведеніямъ и значеніе теоретическое и практическое. Эти замѣтки, помѣщенныя, къ сожалѣнію, не при соотвѣтствующихъ имъ памятникамъ, а въ общей ихъ совокупности послѣ изданныхъ текстовъ,—обнимаютъ цѣлую половину настоящей книги. Въ нихъ читатель найдетъ: детальныя справки и о бывшихъ изданіяхъ памятника, и о рукописяхъ, въ которыхъ онъ сохранился, и обзоръ его редакцій, если онѣ были, и связь его съ другими памятниками, и существующее въ наукѣ воззрѣніе на него, если онъ уже былъ предметомъ какого-либо изслѣдованія, и, наконецъ, сужденіе о немъ проф. С. И. Смирнова.—Въ отношеніи памятниковъ болѣе или менѣе разносторонняго содержанія и особенной важности такія замѣтки иногда принимаютъ видъ обстоятельныхъ историко-библіографическихъ очерковъ. Такъ это есть, напр., въ отношеніи памятниковъ—„Вопрошаніе Кирика" (стр. 257—281), „Нѣкоторая заповѣдь" (стр. 282—298), „Два правила монахамъ" (299—309), „Написаніе митр. Георгія русскаго и Ѳеодоса" (стр. 309—319), „Правило о церковномъ устроеніи" (356—371) и „Заповѣдь ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ" (383—395).—Вообще эти „замѣтки" усвояютъ „Матеріаламъ" значеніе не только научнаго, но и цѣннаго для науки изданія.

Исходя изъ представленія такого значенія труда—„Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины" и присоединяя сюда сказанное въ заключительныхъ строкахъ отзыва объ изслѣдованіи—„Древне-русскій духовникъ", я и считалъ бы своимъ долгомъ присоединиться къ тому постановленію Совѣта Академіи, которымъ проф. С. И. Смирновъ былъ бы признанъ имѣющимъ право на удостоеніе за представленные теперь труды искомой имъ ученой степени доктора".

Справка: 1) Открытымъ голосованіемъ Совѣтъ Академіи, соглашаясь съ отзывами рецензентовъ, единогласно призналъ представленные экстраординарнымъ профессоромъ *С. И. Смирновымъ* на соисканіе степени доктора церковной исторіи тру-

ды подъ вышеуказанными заглавіями означенной цѣли *соотвѣтствующими* и, по предложенію Преосвященнаго Ректора Академіи, единогласно избралъ докторанта на вакансію *ординарнаго профессора* Академіи, освободившуюся еще въ 1910-мъ году за выходомъ въ отставку сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора и нынѣ почетнаго члена Академіи *М. Д. Муретова*.—2) Устава духовныхъ академій— *а) § 173*: „Лицо, имѣющее степень магистра богословія, удостоивается степени доктора богословскихъ наукъ по представленіи признаннаго соотвѣтствующимъ цѣли печатнаго сочиненія по одной изъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, безъ новаго устнаго испытанія и безъ защиты сочиненія на коллоквіумѣ"; *б) § 174*: „Получающіе отъ Академіи кандидатскую или магистерскую степень именуются кандидатами и магистрами богословія, удостоенные же докторской степени носятъ наименованіе или доктора богословія, или доктора церковной исторіи, или доктора церковнаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ или представленной диссертаціи"; *в) § 66*: „Профессоры Академіи должны имѣть ученую степень доктора богословскихъ наукъ. *Примѣчаніе.* Экстраординарными профессорами могутъ быть и лица, имѣющія степень магистра богословія".— 3) Экстраординарный профессоръ *С. И. Смирновъ* состоитъ на службѣ при Академіи свыше 19 лѣтъ (съ 16 августа 1895 года—въ званіи профессорскаго стипендіата, съ 16 августа 1896 года—въ должности доцента и съ 27 октября 1906 года — въ должности экстраординарнаго профессора Академіи). — Въ степени магистра богословія утвержденъ Совѣтомъ Академіи 8-го іюня 1906 года за представленное и удовлетворительно защищенное имъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Духовный отецъ въ древней восточной церкви. (Исторія духовничества на востокѣ). Часть I. (Періодъ вселенскихъ соборовъ)". Сергіевъ Посадъ, 1906 г.—4) По *§ 109*, лит. *в*, пп. 6 и 2, академическаго устава какъ „удостоеніе степени... доктора богословскихъ наукъ", такъ и „избраніе кандидатовъ... на должности профессоровъ"—значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвя-

щенства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ исторіи русской церкви, магистра богословія, *С. И. Смирнова*: а) въ искомой имъ степени доктора церковной исторіи и б) согласно избранію Совѣта,—въ званіи ординарнаго профессора Академіи, со дня утвержденія его въ помянутой ученой степени.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ—пятнадцать экземпляровъ трудовъ профессора Смирнова и копіи съ отзывовъ о нихъ ординарныхъ профессоровъ Академіи *М. М. Богословскаго* и *А. И. Алмазова*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „12 ноября 1914. Исполнить".

29 октября 1914 года.

№ 14.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ; и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ; ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ и Д. И. Введенскій: экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій, М. М. Тарѣевъ и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, С. И. Смирновъ, Н. Л. Туницкій и священникъ П. А. Флоренскій.

Въ собраніи семъ кандидатъ богословія, *протоіерей* Московской Воскресенской, на Семеновскомъ кладбищѣ, церкви *Сергій Муретовъ* защищалъ на коллоквіумѣ представленные имъ на соисканіе степени магистра богословія труды подъ заглавіями: 1) „О поминовеніи безплотныхъ силъ на прос-

комидіи", Москва, 1897 г., 2) „Историческій обзоръ чинопослѣдованія проскомидіи до „Устава литургіи" константинопольскаго патріарха Филоѳея. Опытъ историко-литургическаго изслѣдованія", Москва, 1895 г. и 3) „Къ матеріаламъ для исторіи чинопослѣдованія литургіи", Сергіевъ Посадъ, 1895 г.

Офиціальными оппонентами были: экстраординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ литургики *священникъ И. В. Гумилевскій* и ординарный профессоръ по каѳедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскій.*

По окончаніи коллоквіума Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта—достойнымъ утвержденія въ искомой имъ степени магистра богословія.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣта достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—2) По *§ 109*, лит. *в.* п. 6, того же устава „удостоеніе степени магистра богословія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи *протоіерея* Московской Воскресенской, на Семеновскомъ кладбищѣ, церкви *Сергія Муретова* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству по одному экземпляру, а въ Святѣйшій Синодъ—по пятнадцати экземпляровъ каждаго изъ вышеупомянутыхъ печатныхъ трудовъ протоіерея Муретова и копіи съ отзывовъ о нихъ экстраординарнаго профессора Академіи *священника И. В. Гумилевскаго* и ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „12 ноября 1914. Исполнить".

19 ноября 1914 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій, заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, экстраординарные профессоры-священники В. Н. Страховъ и П. А. Флоренскій.

Слушали: Отзывы о сочиненіи законоучителя Московскаго Александровскаго Института, кандидата богословія, *священника Николая Виноградова* подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе.“ Сергіевъ Посадъ, 1914 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Доцента Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)*:

„Представленное о. Виноградовымъ исагогико-экзегетическое изслѣдованіе о книгѣ пророка Аггея выходитъ въ свѣтъ и подвергается оцѣнкѣ при наличности одного довольно неблагопріятнаго для автора обстоятельства. О той же самой пророческой книгѣ въ русской ученой литературѣ съ прошлаго года есть свѣжая и серьезная монографія Г. Г. Поповича (доцента Императорской Кіевской Духовной Академіи). Мы, разумѣется, не держимся предубѣжденія, что объ одномъ и томъ же предметѣ не должно быть двухъ

одновременныхъ изслѣдованій и уже за одно выступленіе привѣтствуемъ о. Виноградова. Тѣмъ не менѣе, учитывая удѣльный вѣсъ книги о. Николая, мы должны обратить вниманіе и на ея отношеніе къ книгѣ г. Поповича. И мы свидѣтельствуемъ съ удовлетвореніемъ, что книга о. Виноградова имѣетъ полное право на признаніе своей цѣнности и даже конкуррируетъ нѣкоторыми своими сторонами съ прошлогоднею новинкою русской экзегетической литературы.

Наше первое слово о свойствахъ труда о. Виноградова—слово похвалы ему за тщательность изслѣдованія. Очень умѣренная по объему (II—256 стр.) книга нашего автора представляетъ работу серьезную, съ внѣшней стороны безукоризненно отшлифованную. О. Виноградовъ старается о томъ, чтобы въ его сочиненіи все было аккуратно изложено—чтобы не было положеній и сужденій спорныхъ, рискованныхъ. Самый стиль разсматриваемаго сочиненія носитъ на себѣ печать указаннаго свойства. Съ напряженнымъ лишь вниманіемъ можно отыскать въ книгѣ о. Виноградова выраженія, къ которымъ можно было придраться (напр. на стр. 2, 125, 126, 159, 162 примѣч., 196, 199, 224), до крайности авторъ остороженъ и вдумчивъ. Намъ хотѣлось бы назвать за это работу о. Виноградова филигранною, но, къ сожалѣнію, въ ней нѣтъ художественной тонкости, нѣтъ литературнаго изящества. Это сознаетъ и самъ авторъ: рядомъ съ заголовкомъ первой—исагогической части своей книги онъ обращается къ читателю словами блаж. Іеронима—извиняется за eloquii venustatem. Правда, къ ученому изслѣдованію можно бы не примѣнять такого требованія, и формально о. Виноградовъ свободенъ отъ упрека въ томъ, что его стиль не имѣетъ высокаго художественнаго достоинства. Но мы обращаемъ на стиль вниманіе, потому что онъ отражаетъ на себѣ самый главный, по нашему мнѣнію, недостатокъ изслѣдованія о. Виноградова. Хороша осторожность, потому что она предохраняетъ отъ ошибокъ, заставляетъ продумывать каждую мысль и слово—опасаться за мельчайшую даже подробность. И мы находимъ, что эта присущая о. Виноградову крайняя осторожность предохранила его отъ многихъ ошибокъ и промаховъ. Но она же предохранила нашего магистранта и отъ нѣкоторыхъ достоинствъ его изслѣдованія. Онъ оказывается несмѣлымъ и даже робкимъ изслѣдовате-

лемъ и хотя подлежавшій его изученію матеріалъ изучилъ съ рѣдкой добросовѣстностью и усердіемъ, но выйти изъ его рамокъ даже и не пытается. Его сужденія очень обоснованы, и рецензентъ, простукивая молоткомъ критики работу о. Виноградова, не скоро найдетъ въ ней слабыя, уязвимыя мѣста. Всюду за о. Виноградовымъ стоитъ какой-нибудь другой авторитетъ, на котораго нашъ авторъ умѣло ссылается и по большей части вооруженный орудіями современной науки онъ неприступенъ для нападеній. Рецензентъ поражается этой забронированностью работы автора, поражается тѣмъ кропотливымъ, усерднымъ трудомъ, который положенъ на укрѣпленіе всѣхъ пунктовъ сочиненія. Но сочиненію, сразу это чувствуется, чего-то не хватаетъ. Все какъ будто есть, всѣ вопросы обслѣдованы. Прослѣдимъ содержаніе книги о. Виноградова и обратимъ вниманіе на нѣкоторыя ея подробности. По принятому обычаю о. Виноградовъ начинаетъ съ небольшого предисловія (1—6), выясняющаго цѣнность избраннаго предмета raison d'être самаго изслѣдованія. Здѣсь нашъ авторъ оцѣниваетъ свой предметъ, какъ историкъ,—выясняетъ историческую цѣнность и значеніе книги пророка Аггея. Историческій интересъ книги Аггея, по автору, въ ея содержаніи: здѣсь зеркало жизни народа Божія, со всѣми ея достоинствами и недостатками, здѣсь узелъ спора о времени, когда заложенъ былъ второй храмъ.—Далѣе, указывается нравственно-назидательный интересъ книги и замѣчательность заключающихся въ ней мессіанскихъ пророчествъ. Въ концѣ своего предисловія о. Виноградовъ считаетъ нужнымъ оговориться объ отношеніи своего труда къ труду г. Поповича, съ появленіемъ котораго совпало представленіе о. Николаемъ разсматриваемаго нами сочиненія на соисканіе ученой степени. Съ присущею ему деликатностью, но вмѣстѣ и съ скромнымъ достоинствомъ нашъ авторъ указываетъ на восполненіе въ его изслѣдованіи нѣкоторыхъ пробѣловъ книги г. Поповича: расширеніе рамокъ исторической перспективы, въ которой проходила жизнь и дѣятельность пророка Аггея, детальный анализъ гипотезы André о происхожденіи книги Аггея и большее обиліе и болѣе разнообразный характеръ пособій. Нѣсколько ниже укажемъ, чего именно здѣсь о. Николай не договорилъ, а, можетъ быть, и не могъ договорить. Сейчасъ скажемъ

только, что преимуществъ книги о. Виноградова, сравнительно съ книгою Г. Г. Поповича, слѣдуетъ указать гораздо больше.

О. Виноградовъ затѣмъ перечисляетъ свои источники и пособія, которыхъ мы насчитали у него свыше 80; здѣсь не указаны книги, изъ которыхъ сдѣланы цитаты случайныя. Литература, которой пользуется о. Виноградовъ, взята разнообразная, разсматривающая предметъ съ разныхъ сторонъ; подборъ ея, въ общемъ, удачный. Конечно, очень жаль, что англійской литературы точно и не существуетъ для нашего автора, но все же и количественно и качественно о. Виноградовъ превосходитъ г. Поповича, для котораго нѣтъ русскихъ трудовъ объ Аггеѣ, а, главное, нѣтъ De vita et morte prophetarum въ изданіяхъ Hamaker'a и Schermann'a, нѣтъ Baer'a, Wellhausen'a, Field'a, кромѣ многаго другого, использованнаго въ большей или меньшей степени о. Виноградовымъ.

Далѣе идетъ самое изслѣдованіе предмета. О. Виноградовъ даетъ работу историко-литературнаго характера: это очень важно и цѣнно. О. Виноградовъ даетъ предметъ обработаннымъ очень удачно, приспособленно къ пониманію средняго читателя и въ то же время вполнѣ удовлетворительно въ отношеніи выполненія научныхъ требованій.

Исагогическая часть сочиненія занимаетъ цѣлыхъ 88 стр. (13—100). Она лишь въ полтора раза меньше экзегетической части—вопреки обыкновенію въ подобнаго типа трудахъ. Очевидно, авторъ полагаетъ въ ней, если не главную свою задачу, то по крайней мѣрѣ считаетъ ее существенной частью изслѣдованія, а не введеніемъ лишь къ толкованію, не придаткомъ ко второй—экзегетической части.

Въ своей *εἰσαγωγὴ* о. Виноградовъ останавливатся прежде всего на имени и личности пророка Аггея (глава I). Просто и въ общемъ довольно ясно о. Виноградовъ знакомитъ читателя съ различными пониманіями имени пророка и хотя съ присущей ему осторожностью боится рѣшительныхъ сужденій, но все же на вопросъ о возможномъ значеніи имени Аггея даетъ отвѣтъ весьма удовлетворительный. Личность пророка въ тѣхъ рамкахъ, на которыя уполномочиваетъ его книга Аггея, о. Виноградовъ выясняетъ достаточно, привлекая и посторонній самой книгѣ матеріалъ, который оцѣненъ имъ серьезно. Но напрасно, предлагая свѣдѣнія объ Аггеѣ,

сообщаемыя въ разныхъ рецензіяхъ De vita et morte prophetarum, нашъ авторъ сводитъ на *нѣтъ* свою интересную справку признаніемъ, что дѣлаетъ ее „въ интересахъ простой любознательности",—признаніемъ, которое подсказано Köhler'омъ (стр. 23 и примѣч. 4). Намъ думается, что интересъ этой и другихъ справокъ изъ іудейскаго и „христіаннизованнаго" преданія—иной, болѣе глубокій, чѣмъ „интересы простой любознательности". Равнымъ образомъ, боязнь высказаться рѣшительно мѣшаетъ о. Виноградову опредѣлить свое отношеніе къ этимъ преданіямъ, произнести свое сужденіе объ ихъ достоинствѣ. Напрасно авторъ предпочелъ успокоиться на авторитетахъ. Очень скоро авторъ расправился съ преданіемъ о томъ, что Аггей былъ членомъ великой Синагоги: здѣсь ему слѣдовало бы въ вопросъ посмотрѣть поглубже.

Въ главѣ II своего введенія о. Виноградовъ старается перенестись въ ту историческую эпоху, когда жилъ и проходилъ свое служеніе пророкъ Аггей. Такъ, конечно, онъ и долженъ былъ сдѣлать. Вотъ онъ и пытается дать исчерпывающую характеристику той исторической обстановки, въ которой протекала жизнь Аггея, потому что „пророческое слово вполнѣ соотвѣтствовало событіямъ и обстоятельствамъ извѣстнаго времени" (Св. Кириллъ Александрійскій). На стр. 30—48 характеризуется соціальное политическое состояніе эпохи пророка Аггея; почти столько же страницъ (48—65 стр.) нашъ авторъ аккуратно удѣлилъ религіозно-нравственному состоянію іудеевъ этой эпохи. Вообще равномѣрность въ распредѣленіи матеріала, соразмѣренность частей сочиненія могутъ быть поставлены въ заслугу о. Виноградова. Что же касается до содержанія этихъ подраздѣленій второй главы, то, не находя нужнымъ здѣсь возражать что-либо по существу, мы думаемъ, что этой главѣ нехватаетъ цѣльности впечатлѣнія; за то въ ней много очень значительныхъ штриховъ собрано (хотя это — далеко не все, что слѣдовало бы сдѣлать автору) для характеристики эпохи Аггея, и рецензентъ предпочитаетъ трактацію о. Виноградова трактаціи г. Поповича.

Далѣе, въ главѣ III, авторъ разсматриваетъ книгу пророка Аггея, какъ литературный памятникъ. Онъ излагаетъ содержаніе книги, указывая ея главный предметъ и цѣль на-

писанія; затѣмъ трактуетъ объ особенностяхъ изложенія книги пророка Аггея, объ ея языкѣ. Здѣсь авторъ, повидимому, остается всецѣло во власти своихъ пособій, съ голоса которыхъ говоритъ, удачно объединяя въ гармоничное цѣлое ихъ отдѣльныя, по большей части случайныя замѣчанія и общія фразы. На стр. 78—98 о. Виноградовъ говоритъ о неповрежденности, подлинности и единствѣ подлежащей его изученію священной книги. Довольно быстро расправившись съ взглядами на Агг. 1, 15—Sellin'a, Rothstein'a и Klostermann'a, нашъ авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе и усердіе на посильномъ анализѣ и критикѣ гипотезы André относительно Агг. 2, 10—19. Здѣсь о. Виноградовъ постарался разобраться съ возможною тщательностью, здѣсь же онъ держится смѣлѣе и, хотя ищетъ опоры своей критики у Marti и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, но все же поднимается до собственныхъ, сильныхъ критическихъ замѣчаній. Справедливость требуетъ подчеркнуть, что эти страницы (анализъ и критика André) принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ въ книгѣ о. Виноградова. Полемизируетъ съ André нашъ авторъ вполнѣ основательно.—Нѣсколько словъ о каноническомъ достоинствѣ книги Аггея (98—100 стр.) завершаютъ исагогическую часть изслѣдованія о. Виноградова.

Вторая часть рецензируемой книги—экзегетическая (стр. 101—244). Къ чести нашего автора, онъ остается вѣрнымъ себѣ на протяженіи всей этой части. Онъ не увлекается стремленіемъ зарыться въ глубины не имѣющихъ объективнаго основанія размышленій надъ св. текстомъ, не остается и на поверхности грамматическаго комментарія. Ему хочется дѣйствительно истолкованіе изученной имъ книги Аггея, и своей цѣли онъ достигаетъ. Соотвѣтственно указанному ранѣе раздѣленію, о. Виноградовъ разсматриваетъ пять отдѣловъ книги Аггея. Впереди толкованія авторъ приводитъ текстъ русскаго синодальнаго перевода, снабжая его подъ строкою цѣлымъ критическимъ аппаратомъ, указывающимъ и сравнивающимъ и масоретское чтеніе, и переводъ LXX, и Вульгату, и другіе нѣкоторые переводы. Нѣкоторыя указанія, сравненія, примиренія слишкомъ элементарны и потому могли бы быть опущены, нѣкоторыя ошибочны или чаще недостаточно глубоки, но въ общемъ текстологическіе экскурсы нашего автора въ поставленныхъ имъ рамкахъ до-

статочны и очень умѣстны и полезны для самаго толкованія. Даже больше —примѣчанія въ экзегетической части изслѣдованія о. Виноградова дѣлаютъ честь автору, кропотливому работнику въ этихъ мелочныхъ, но и цѣнныхъ изысканіяхъ. О. Виноградовъ въ нихъ обнаруживаетъ незаурядное умѣнье работать надъ самымъ текстомъ Писанія и рѣдкую заинтересованность этой черной работою. Мы ставимъ это въ особую заслугу о. Виноградову потому, что онъ оказывается однимъ изъ немногихъ. У насъ, къ сожалѣнію, гораздо болѣе увлекаются общими вопросами, предпочитаютъ верхушки идеологіи и пренебрегаютъ черной работой—изслѣдованіемъ самаго текста. Мы вполнѣ сознаемъ необходимость идеологическаго изслѣдованія Писанія, но рѣшительно утверждаемъ, что въ научной сферѣ ему, ради его же углубленія, должна предшествовать обильная и многообразная работа надъ текстомъ.

Самое толкованіе у о. Виноградова дано весьма хорошее. Онъ пользуется и данными, почерпнутыми изъ обслѣдованія текста; мысли, заключенныя въ текстѣ, усвоены нашимъ изслѣдователемъ и разъяснены съ надлежащею полнотою. Въ своемъ истолкованіи о. Виноградовъ использовалъ извѣстные ему цѣнные святоотеческіе истолковательные труды. Не забыта, конечно, и посильно употреблена въ дѣло экзегеса имѣвшаяся въ распоряженіи автора истолковательная литература. Авторъ, повидимому, не забывалъ своихъ сужденій о цѣнности книги Аггея, какъ историческаго памятника, высказанныхъ имъ въ предисловіи. И на страницахъ экзегетической части его труда мы найдемъ не мало историческихъ штриховъ — результатъ детальнаго разсмотрѣнія — экзегеса книги Аггея.

Но все же того, что пообѣщалъ о. Виноградовъ въ предисловіи, чѣмъ поманилъ воображеніе рецензента-читателя, онъ не выполнилъ. Мы съ возможной краткостью дали характеристику его труда и теперь должны сказать, что даже немногихъ страницъ было бы достаточно для того, чтобы подчеркнуть предъ сознаніемъ читателя нравственно-назидательный интересъ книги, чтобы объединить въ одномъ очеркѣ разстилавшіяся предъ пророкомъ Аггеемъ мессіанскія перспективы. Не худо было бы дать болѣе цѣльный отвѣтъ, болѣе исчерпывающій очеркъ,—объединяющій найденный

историческій матеріалъ въ смѣло написанную картину современной пророку Аггею эпохи по его же книгѣ. Впрочемъ, отмѣчая, что въ изслѣдованіи г. Поповича сдѣлано въ этомъ отношеніи гораздо меньше и сдѣланное блѣднѣе представлено, чѣмъ у о. Виноградова, мы считаемъ долгомъ сказать, что предъявляемъ это требованіе о. Виноградову въ виду выдающихся достоинствъ его труда. Вѣдь, соотвѣтственно наличности солидной литературы и несомнѣнной работоспособности автора, поднимается и спросъ, да и слишкомъ краснорѣчивы страницы предисловія о. Виноградова. Но и въ настоящемъ видѣ, конечно, работа о. Виноградова съ достаточной выпуклостью сообщаетъ значительный матеріалъ, оправдывающій свидѣтельство автора объ исторической цѣнности книги пророка Аггея.

Этими же повышенными требованіями объясняются и наши сѣтованія объ отсутствіи въ работѣ о. Н. Виноградова розмаха, широты изслѣдованія. Проявлено столько труда усерднаго, столько умѣнья работать, что становится прямо жалко, что мѣстами авторъ не поднялся надъ низинами установленнаго въ высь гипотетическихъ построеній, можетъ быть, и рискованныхъ, но для науки очень важныхъ, — какъ ея двигателей. Итакъ, о. Николаю не хватаетъ свѣжести и яркости. Но, быть можетъ, тѣмъ сильнѣе проступаютъ иныя свойства труда о. Николая: его солидная документальность, его обоснованность. У о. Николая масса цитатъ изъ Св. Писанія (рѣдкое знаніе Писанія!), масса ссылокъ на изученную литературу предмета: большой списокъ цитированныхъ изданій и авторовъ и длинный систематическій указатель библейскихъ цитатъ (стр. 245—256)—тому свидѣтели. Но употреблять пособіе тамъ, гдѣ достаточно указаніе на источникъ, не слѣдуетъ. У о. Виноградова есть, кромѣ цитатъ изъ вторыхъ рукъ (20, 25, 30, 169, 218 и др.), цитаты на древнія исторіи вмѣсто непосредственнаго изученія памятниковъ. Впрочемъ, въ изслѣдованіи г. Поповича такихъ именно цитатъ изъ вторыхъ рукъ больше. Затѣмъ, для подтвержденія какой-либо мысли или для отрицанія того или иного положенія о. Виноградовъ ссылается на какое-либо изслѣдованіе и, къ сожалѣнію, не всегда на авторитетное. Иногда въ этихъ случаяхъ прямо явна необходимость солидной аргументаціи (какъ напр. на стр. 78). Для своихъ филогиче-

скихъ изысканій въ области еврейскаго языка о. Виноградовъ пользуется 7-мъ изданіемъ Handwörterbuch'a Gesenius'a: изданіе это уже весьма устарѣло (1868).

Мы не считаемъ себя въ правѣ дѣлать мелкія замѣчанія на трудъ о. Виноградова. Дѣло въ томъ, что о. Виноградовъ свойственную ему осторожность въ работѣ проявилъ до конца. Вѣдь прежде печатанія работа о. Виноградова была на тщательномъ просмотрѣ у рецензентовъ. Намъ пришлось сдѣлать о. Виноградову не мало указаній. Теперь имѣемъ долгъ и удовольствіе засвидѣтельствовать, что о. Виноградовъ позаботился объ исправленіи указанныхъ ему ошибокъ и недостатковъ и онъ не прежде приступилъ къ печатанію своей работы, какъ исправивъ въ ней почти все, что нужно было исправить—по сдѣланнымъ ему нами указаніямъ. Въ представленномъ теперь въ печатномъ видѣ труду о. Виноградова его рецензенту гораздо естественнѣе, справедливѣе предъявлять требованія общія, принципіальныя, минуя обычные частные недостатки его книги.

Скромное и вмѣстѣ серьезное изслѣдованіе о. Виноградова не бьетъ въ глаза, не импонируетъ внѣшнимъ блескомъ содержанія и стиля. Но удивляешься невольно и методологической подготовленности автора, и четкости пониманія имъ предмета изслѣдованія, и рѣдкой обработанности его книги. Авторъ не прежде представилъ свое сочиненіе на судъ Совѣта, какъ сдѣлавъ все, что онъ былъ въ состояніи сдѣлать, усовершенствовавъ, насколько могъ, свое кандидатское сочиненіе. Присужденіе искомой степени магистра богословія—вполнѣ заслуженная, по нашему признанію, о. Виноградовымъ честь: ея онъ за свою прекрасную книгу вполнѣ достоинъ".

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, *священника Димитрія Рождественскаго*:

„Глава первая первой (исагогической) части рецензируемаго сочиненія посвящена имени и личности пророка Аггея. Умѣстность разсужденій о происхожденіи и значеніи имени пророка не можетъ вызывать возраженій—въ виду того, что большинство библейскихъ личныхъ собственныхъ именъ имѣютъ знаменательный смыслъ, заключая указаніе или на характерныя особенности ихъ носителей или на обстоя-

тельства ихъ жизни. Авторъ, между прочимъ, утверждаетъ, что пророкъ Аггей, по Библіи, былъ единственнымъ носителемъ своего имени. Это совершенно вѣрно. Но упомянувъ объ имени חַגִּיָּה (1 Пар. 6, 15—по Синод. перев. 6, 30), которое Hiller признавалъ лишь болѣе полною формою имени חגי, о. Виноградовъ обходитъ молчаніемъ два другихъ собственныхъ имени, происшедшихъ отъ корня же חגג; это— חגי и חַגִּית: они приведены у André, кокорый, между прочимъ, высказываетъ предположеніе, что חַגִּי и חגי — одно и то же имя, только, по небрежности масоретовъ, вокализованное различно (Le prophète Aggée. Paris 1895. P. 7). Такимъ образомъ, заявленіе автора, что „пророкъ Аггей является единственнымъ обладателемъ своего имени“ (стр. 15), требуетъ нѣкоторой оговорки; да и вообще, самое существованіе нѣсколькихъ именъ, происшедшихъ отъ одного корня, во всякомъ случаѣ, небезразлично при сужденіи о происхожденіи и значеніи пророческаго имени.

Изъ Священнаго Писанія о пророкѣ Аггеѣ извѣстно немногое—только изъ книги, носящей его имя, и изъ книги Ездры; а преданія іудейскія и христіанскія о жизни и дѣятельности пророка малосодержательны и не внушаютъ полнаго довѣрія. Изъ вѣрованій древнихъ христіанъ отмѣчено, въ частности, распространенное нѣкогда мнѣніе, что Аггей, подобно Малахіи и Іоанну Крестителю, былъ ангеломъ, ниспосланнымъ съ неба на землю; мнѣніе это, основанное на неправильномъ толкованіи Агг. 1, 13, не раздѣляется, конечно, отцами, сообщающими о немъ. Послѣ краткаго изложенія свѣдѣній о пр. Аггеѣ, по различнымъ рецензіямъ сочиненія De vita et morte prophetarum, авторъ приходитъ къ тому выводу, что ни одна изъ этихъ рецензій не сообщаетъ ничего такого, что могло бы послужить къ лучшему пониманію пророческой книги, и изложенныя свѣдѣнія приведены имъ „въ интересахъ простой любознательности“ (стр. 23). Первую главу авторъ заканчиваетъ замѣчаніемъ о случаяхъ употребленія имени пророка Аггея, на ряду съ именемъ современнаго ему пророка Захаріи, въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ по переводамъ LXX, Пешито, Италѣ и Вульгатѣ. Изложены два мнѣнія ученыхъ изслѣдователей относительно того, какое можетъ имѣть значеніе упоминаніе именъ послѣплѣнныхъ пророковъ въ надписаніяхъ надъ

псалмами и какіе могли быть поводы къ включенію въ нихъ этихъ именъ. А въ заключеніе, приводится, въ качествѣ особаго и болѣе вѣроятнаго, мнѣніе Эйхгорна; но авторъ не обратилъ вниманія на то, что Эйхгорнъ говоритъ здѣсь не о томъ, что̀ можетъ значить употребленіе имени Аггея въ надписаніяхъ псалмовъ, а какимъ образомъ это имя могло попасть въ эти надписанія (стр. 27).

Въ главѣ второй авторъ трактуетъ о соціально-политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи іудеевъ въ эпоху пророка Аггея. Глава съ такимъ содержаніемъ въ исагогико-экзегетическомъ изслѣдованіи имѣетъ существенно-важное значеніе для уразумѣнія пророческой книги; такъ какъ каждый пророкъ-писатель „является сыномъ своего времени и членомъ того общества, среди котораго онъ живетъ“ (стр. 28). Въ предпосланномъ этой главѣ общемъ замѣчаніи возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе примѣчаніе 3 на стр. 29. Оно даетъ поводъ предполагать, что, по мнѣнію автора, многое въ пророческихъ рѣчахъ „можетъ находить свое освѣщеніе лишь только въ условіяхъ современности“; а съ другой стороны, пророческія предвѣщанія, „выходя изъ предѣловъ историческихъ условій“, какъ будто могутъ не имѣть никакой связи съ современностью.—Въ первомъ отдѣлѣ главы авторъ говоритъ о вліяніи плѣна на іудеевъ. Вліяніе это было благотворно въ томъ отношеніи, что въ плѣну іудеи вполнѣ сознали пагубность увлеченія язычествомъ и необходимость соблюденія закона во всей строгости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди нихъ укрѣпляется мысль, что достойными членами общества могутъ быть только прошедшіе суровую школу испытаній въ плѣну. Отсюда названіе גולה пріобрѣтаетъ особый смыслъ: „плѣнники“—это превосходнѣйшая часть народа Божія, сохранившая въ чистотѣ вѣру отцовъ и наиболѣе достойная милости Божіей. Возвратившіеся изъ плѣна составили замкнутую общину, вступленіе въ которую отвнѣ было въ значительной мѣрѣ затруднено; и самаряне, напр., искавшіе сближенія съ общиною освобожденныхъ плѣнниковъ, не достигли цѣли. Далѣе описывается организація управленія Іудеей, сдѣлавшейся персидской провинціей. Здѣсь съ особенною обстоятельностью рѣшается сложный и запутанный вопросъ о личности Зоровавеля—Шешбацара, перваго по времени представителя пер-

сидской власти въ обществѣ переселенцевъ. Разобравъ различныя мнѣнія ученыхъ изслѣдователей, о. Виноградовъ приходитъ къ тому выводу, что намѣстникъ Іудеи былъ носителемъ обоихъ этихъ именъ, — вопреки многимъ изъ западныхъ ученыхъ, признающихъ Шешбацара и Зоровавеля за два отдѣльныхъ лица. Далѣе идетъ рѣчь о полномочіяхъ намѣстника персидскаго царя въ Іудеѣ, объ отношеніяхъ его къ зарѣчному областеначальнику и о другихъ органахъ управленія. Въ дѣлахъ, касающихся внутренней жизни общины, іудеямъ предоставлена была персидскою властью широкая автономія: у нихъ были старѣйшины, имѣвшіе полномочія не отъ персидскаго правительства, а отъ самой общины возвратившихся плѣнниковъ. Авторъ отмѣчаетъ, что среди представителей іудейскаго общества въ послѣплѣнный періодъ являлись особые избранники, которыхъ воздвигалъ Самъ Богъ для служенія на пользу остатку избраннаго народа: таковы: Зоровавель, Ездра, Неемія. Такимъ образомъ, въ это время „какъ бы опять возобновляется теократическій образъ правленія въ той формѣ, въ какой существовало это правленіе въ эпоху судей“ (стр. 47).

Каково должно быть религіозно - нравственное состояніе возвратившихся изъ плѣна іудеевъ, авторомъ отчасти предуказано въ первомъ отдѣлѣ главы. Нравственное возрожденіе сыновъ Израиля и преобразованіе ихъ религіозныхъ понятій началось и значительно двинулось впередъ еще въ періодъ плѣна. Въ свою родную землю іудеи возвратились навсегда исцѣленными отъ пристрастія къ идолопоклонству. Отрѣшились іудеи и отъ чрезмѣрной привязанности къ обрядности; такъ какъ въ странѣ плѣна они не могли выполнять жертвеннаго ритуала и отправлять другіе обряды, за отсутствіемъ храма. Вслѣдствіе этого, ихъ религіозныя воззрѣнія должны были до нѣкоторой степени возвыситься и одухотвориться. Съ другой стороны, наказаніе бѣдствіями плѣна пробудило въ іудеяхъ стремленіе тщательно изучать и въ точности исполнять законъ — для того, чтобы вновь не подвергнуться наказанію за отступленіе отъ него. Это стремленіе, въ своей основѣ похвальное, впослѣдствіи дошло до крайности въ законничествѣ фарисеевъ и книжниковъ, которыхъ строго обличалъ Господь Іисусъ Христосъ.—При такомъ внутреннемъ настроеніи, возвратившіеся изъ плѣна

іудеи, создавъ немедленно по прибытіи въ Іерусалимъ жертвенникъ, въ самомъ скоромъ времени приступили и къ возсозданію храма; но храмовая постройка вскорѣ была прервана на многіе годы—до тѣхъ поръ, пока, подъ вліяніемъ пророческихъ рѣчей Аггея и Захаріи, іудеи не принялись со всѣмъ усердіемъ за это дѣло и не довели его до благополучнаго окончанія.

Относительно главы второй можно замѣтить слѣдующее. Раздѣленіе ея на два отдѣла (а) *соціально-политическое состояніе іудеевъ эпохи пророка Аггея* и б) *религіозно-нравственное состояніе іудеевъ эпохи пророка Аггея)* авторомъ не выдержано строго; да подобное раздѣленіе въ полной мѣрѣ и едва-ли вообще осуществимо. Лучше было бы распредѣлить матеріалъ этой главы такъ: одинъ отдѣлъ посвятить политическому состоянію Вавилоно-Персидскаго царства (о чемъ автору приходится говорить въ отдѣлѣ о религіозно-нравственномъ состояніи іудеевъ) и внѣшнему устройству іудейской общины въ первые годы послѣ плѣна, а другой—соціальному и религіозно-нравственному состоянію іудеевъ эпохи пророка Аггея. Есть въ этой главѣ излишнія подробности въ изображеніи обстоятельствъ начала храмовой постройки и пріостановленія работъ (см. стр. 52—54 и 56—58). Въ частности, нельзя признать достаточно основательнымъ соображеніе автора, которое онъ противопоставляетъ сужденіямъ изслѣдователей, усматривавшихъ въ союзѣ іудеевъ съ самарянами опасность для чистоты религіозныхъ вѣрованій „истиннаго іудейства“. Онъ пишетъ: „сохранили же евреи свою религію въ плѣну, среди язычниковъ. Могли они сохранить ее и теперь въ союзѣ съ самарянами; тѣмъ болѣе, что послѣдніе, хотя и по-своему, но вѣровали въ Іегову“ (стр. 56, прим. къ предыд. стр.). Дѣйствительно, самаряне были ближе по своимъ вѣрованіямъ къ іудеямъ, нежели язычники; но потому-то общеніе съ ними и грозило большею опасностью для чистоты вѣры, чѣмъ совмѣстная жизнь съ язычниками, съ которыми у іудеевъ не было ничего общаго въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Легко убѣдиться путемъ непосредственныхъ наблюденій, что, напр., мусульманство гораздо менѣе представляетъ опасности для чистоты православія, нежели старообрядчество или штундизмъ.

Изложивъ въ предыдущихъ главахъ то, что необходимо

при изъясненіи священной книги знать о ея писателѣ, о соціально-политическомъ и религіозно-нравственномъ состояніи народа, среди котораго онъ жилъ и къ которому обращался съ вдохновенными свыше рѣчами; о. Виноградовъ переходитъ къ самой книгѣ. Въ началѣ главы 3-ей изложено содержаніе пророческой книги, съ раздѣленіемъ ея на части; указанъ главный предметъ ея содержанія и цѣль написанія. Четыре пророческія рѣчи Аггея предваряются краткими, но вполнѣ точными указаніями на время произнесенія каждой рѣчи, а рѣчь первая, кромѣ того, сопровождается замѣчаніемъ о дѣйствіи рѣчи пророка на слушателей; и въ комментаріи стихи 12—15 главы первой выдѣляются поэтому въ особый отдѣлъ. Главный предметъ содержанія книги пророка Аггея—построеніе храма. Цѣль пророческихъ рѣчей—пробудить въ іудеяхъ ревность къ дѣлу возстановленія храма, охладѣвшую подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. По автору рецензируемаго сочиненія, такова же и цѣль *написанія* книги (стр. 69—70). Необходимо было выяснить, что цѣль написанія книги гораздо шире и значительнѣе, нежели ближайшая цѣль, которую пророкъ имѣлъ въ виду, побуждая своими рѣчами іудеевъ возобновить постройку храма.—Далѣе въ этомъ (первомъ) отдѣлѣ главы авторъ излагаетъ—съ тѣмъ, чтобы рѣшительно опровергнуть—мнѣніе нѣкоторыхъ изъ изслѣдователей отрицательно-критическаго направленія, полагающихъ, что пророкъ, побуждая народъ немедленно приняться за сооруженіе святилища, дѣйствовалъ въ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ вообще жреческаго класса, къ которому принадлежалъ,—имѣя въ виду, что возстановленіе храма поведетъ къ умноженію доходовъ его служителей.

Что касается особенностей изложенія книги пр. Аггея (второй отдѣлъ главы), то противъ мнѣнія де-Ветте, признающаго рѣчь пророка лишенною воодушевленія, приводится противоположное ему сужденіе Келера, который указываетъ на то, что рѣчи пророка достигли цѣли: онъ могъ, слѣдовательно, воодушевить своихъ слушателей; а если такъ, то есть ли основаніе упрекать его за недостатокъ воодушевленія? — Недостатки стиля объясняются обстоятельствами предшествовавшей и современной происхожденію пророческой книги эпохи (плѣнъ, возвращеніе и первые годы жизни

іудеевъ въ Палестинѣ по возвращеніи изъ плѣна), которыя, естественно, должны были неблагопріятно отразиться на языкѣ писаній этого періода. Но существо дѣла отъ этого нимало не страдаетъ. — Годы плѣна несомнѣнно оказали вліяніе на еврейскій языкъ, въ смыслѣ воспринятія имъ арамейскихъ словъ и формъ; тѣмъ не менѣе, языкъ Аггея въ общемъ тотъ же древне-еврейскій языкъ, которымъ написаны священныя книги доплѣннаго періода. Арамейскій діалектъ оказалъ замѣтное вліяніе лишь на разговорную рѣчь іудеевъ. Однако, авторъ изслѣдованія о книгѣ прор. Аггея, ссылаясь только на два примѣра (הן и פחה), утверждаетъ, что вопросъ о томъ, „замѣчается ли въ книгѣ пророка Аггея измѣненіе древне-еврейскаго языка въ пользу чужеземнаго нарѣчія,... можетъ быть рѣшенъ положительно“ (стр. 77). Такое утвержденіе требуетъ оговорки и въ этой формѣ должно быть признано неприемлемымъ; а ссылка на то, что „терминъ פחה... до плѣна не былъ извѣстенъ еврейскому языку“, невѣрна.

Далѣе слѣдуетъ довольно обширный третій отдѣлъ главы (стр. 78—98), въ которомъ, вопреки сужденіямъ отрицателей, доказывается неповрежденность, подлинность и единство книги пророка Аггея. Съ особенною внимательностью авторъ отнесся къ мнѣнію André, полагающему, что Агг. 2, 10—19 принадлежатъ не тому автору, которымъ написана остальная часть книги, носящей это имя. Послѣдовательное изложеніе сужденій названнаго изслѣдователя сопровождается подробнымъ и основательнымъ разборомъ и опроверженіемъ, по пунктамъ, его теоріи.—Глава третья и вся исагогическая часть изслѣдованія заканчивается краткимъ замѣчаніемъ о каноническомъ достоинствѣ книги пр. Аггея.

Во второй, болѣе обширной, экзегетической части сочиненія авторъ слѣдуетъ такому плану: раздѣливъ изслѣдуемую книгу на пять отдѣловъ (четыре пророческія рѣчи и историческое примѣчаніе къ первой рѣчи), онъ, послѣ краткаго предварительнаго замѣчанія къ каждому отдѣлу, выписываетъ 1—2 стиха по русскому Синод. переводу, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указываетъ особенности важнѣйшихъ переводовъ (LXX, таргум., сирск., арабск., лат., слав.), по сравненію съ подлинникомъ. Смыслъ выраженій пророческой книги всюду уясняется на основаніи подробнаго текс-

туальнаго анализа. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ и выраженій подлиннаго текста отличается особенною обстоятельностью и основательностью. Достаточно указать слѣдующіе примѣры: נביא (стр. 107—108), זרובבל (стр. 109—110), פרה (стр. 112—113), ספונים (стр. 122—124), צריר נקוב (стр. 128—130), עוד אתה מעט הוא (стр. 166—168), חמדה (стр. 170—175), טמא־נפש (стр. 197—199), חותם (стр. 242). Особенно обширенъ филологическій экскурсъ для изъясненія выраженія מעלה, неодинаково понимаемаго комментаторами книги пр. Аггея (стр. 216—218 и 224—231). На ряду съ детальнымъ изъясненіемъ текста пророческой книги, раскрывается сущность ея содержанія, примѣнительно къ историческимъ обстоятельствамъ того времени, къ которому относится дѣятельность пророка,—при постоянныхъ ссылкахъ на другія священныя книги Ветхаго и, отчасти, Новаго Завѣта. Вторая и четвертая рѣчи пророка обстоятельно изъяснены и въ отношеніи къ временамъ мессіанскимъ,—послѣ предварительнаго критическаго обозрѣнія древнихъ и новыхъ толкованій на соотвѣтствующіе отдѣлы книги пр. Аггея.

Количество пособій исагогическихъ и экзегетическихъ, историческихъ и филологическихъ,—на языкахъ русскомъ, греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ,—использованныхъ авторомъ, весьма значительно. Изъ толкованій патристическаго періода имъ изучены толкованія св. Кирилла Алекс., бл. Θеодорита, бл. Іеронима и Θеодора Мопсуест.—по подлинникамъ, а трехъ первыхъ, кромѣ того, и по существующимъ русскимъ переводамъ. Литература новаго и древняго времени, имѣющая своимъ предметомъ книгу пр. Аггея и исторію его времени, настолько обширна, что изученіе ея въ полномъ объемѣ невозможно и, конечно, не можетъ быть признано обязательнымъ. Но все существенно нужное при изслѣдованіи о книгѣ пророка Аггея авторъ изучилъ. Не перечисляя тѣхъ трудовъ, на которые о. Виноградову слѣдовало бы обратить вниманіе; рецензентъ не можетъ обойти молчаніемъ того, что остались неиспользованными, по незнанію языка, многочисленныя изслѣдованія о книгѣ пророка Аггея и историческія монографіи, касающіяся такъ называемой эпохи „реставраціи“, на англійскомъ языкѣ: труды англійскихъ ученыхъ въ данной области имѣютъ большую важность; слѣдовательно, работающимъ въ этой области необходимо знакомство съ ан-

глійскимъ языкомъ. Нельзя не поставить на видъ автору и того, что онъ не воспользовался указаніями профессора Муретова, въ его примѣчаніяхъ къ переводу толкованія св. Кирилла Алекс. на книгу пр. Аггея, и не ознакомился съ тѣми изъясненіями отдѣльныхъ мѣстъ изъ изслѣдуемой пророческой книги, которыя встрѣчаются у другихъ, кромѣ поименованныхъ, отцовъ (напр., у св. Ефрема) и вообще у церковныхъ писателей отеческаго періода.

Въ прошломъ году появилось изслѣдованіе доцента Кіевской Духовной Академіи Г. Г. Поповича о книгѣ пр. Аггея. Рецензентъ долгомъ считаетъ объяснить Совѣту Академіи, что сочиненіе о. Виноградова отъ труда г. Поповича не стоитъ въ зависимости; такъ какъ первый имѣлъ возможность только при печатаніи своего труда ознакомиться съ трудомъ второго. Не задаваясь цѣлью детально сравнивать два названныя сочиненія о книгѣ пр. Аггея, указывать на достоинства и недостатки одного сочиненія по сравненію съ другимъ; рецензентъ находитъ нужнымъ обратить вниманіе Совѣта на то, что у о. Виноградова исагогическая часть болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ количественно соотвѣтствующую часть изслѣдованія г. Поповича; у послѣдняго же комментарій почти вдвое обширнѣе. Конечно, центръ тяжести въ исагогико-экзегетическомъ изслѣдованіи лежитъ во второй части, и можно ограничиться изложеніемъ исагогическихъ свѣдѣній со всевозможною краткостью, какъ это сдѣлалъ Поповичъ; но въ такомъ случаѣ приходится въ комментарій вводить обстоятельное разъясненіе такихъ вопросовъ, которые умѣстнѣе разсматривать въ исагогической части; для того, чтобы при комментированіи не отклоняться отъ текста изслѣдуемой книги, иногда рѣшительно необходимо расширить объемъ исагогическаго отдѣла. Въ сочиненіи о. Виноградова изъ 244 стр. сто отдѣлено на исагогическую часть; то же встрѣчаемъ и у другихъ изслѣдователей этой пророческой книги — оч. незначительнаго объема, но требующей рѣшенія сложныхъ исагогическихъ проблемъ, сверхъ того, что требуется вообще отъ предварительныхъ свѣдѣній о каждой священной книгѣ. Такъ у Reinke исагогическій отдѣлъ занимаетъ 43 стр., комментарій—74, а въ обширномъ изслѣдованіи André исагогическій отдѣлъ немногимъ менѣе экзегетическаго. Рецензентъ склоняется къ той мысли, что

при подобномъ соотношеніи отдѣловъ исагогическаго и экзегетическаго получается болѣе систематичности и стройности въ изложеніи, изслѣдованіе выигриваетъ въ общедоступности и занимательности. Цѣль этихъ замѣчаній — только указать на различіе по существу между изслѣдованіями о книгѣ пр. Аггея г. Поповича и о. Виноградова; каковое различіе даетъ и рецензенту право утверждать, что „извѣстной доли значенія (какъ скромно выражается авторъ рецензируемаго сочиненія) его трудъ не лишается и теперь" (стр. 5)—при существованіи другого изслѣдованія о томъ же предметѣ; а умалять признанныя достоинства этого послѣдняго нѣтъ побужденій ни у автора рецензируемаго сочиненія (стр. 6), ни у рецензента.

Книга о. Виноградова вполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія можно предъявить ученому труду, представленному на соисканіе степени магистра богословія. Авторъ основательно изучилъ предметъ своего изслѣдованія—книгу пр. Аггея, обнаружилъ близкое знакомство съ книгами Священнаго Писанія вообще и съ литературой предмета. Знаніемъ подлиннаго языка Библіи онъ обладаетъ въ совершенно достаточной степени. Въ своемъ изслѣдованіи онъ всюду самостоятеленъ и оригиналенъ. Подвергая основательной критикѣ сужденія изслѣдователей отрицательнаго направленія, онъ чуждъ увлеченія, односторонности и пристрастности. Въ результатѣ ознакомленія съ изслѣдованіемъ о. Виноградова получается ясное представленіе какъ о первыхъ годахъ послѣплѣнпаго періода библейской исторіи—тѣхъ годахъ, о которыхъ имѣющіяся въ священныхъ книгахъ историческія свидѣтельства не только скудны, но и возбуждаютъ немало недоумѣній; такъ и о содержаніи пророческой книги, ея особенностяхъ, цѣли и значеніи. Языкъ сочиненія простой и въ общемъ тщательно обработанный. Рецензентъ безъ колебанія признаетъ автора достойнымъ искомой степени.

Качество сочиненія о. Виноградова могло бы повыситься отъ устраненія нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ при всякой большой работѣ, недостатковъ и пробѣловъ. Онъ нерѣдко заимствуетъ цитаты изъ вторыхъ рукъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нужныя пособія были ему вполнѣ доступны. Такъ онъ цитуетъ Фюрста по Кюнену (стр. 20, прим. 3), Костерса и

Hoonacker'а по Никелю (стр. 30, прим., стр. 218 и прим.), Олесницкаго по „Толковой Библіи“ (стр. 25, прим 3). При цитаціяхъ изъ Мейера, Кейля и Бека также не обходится безъ посредничества (стр. 37, прим. 2; стр. 41, прим. 2; стр. 94, прим. 2 и 3). Даже Итала использована по André (см. стр. 116, прим. 5). Нельзя не указать и на то, что „Древности Іудейскія“ Іосифа Флавія цитованы по очень устарѣвшему переводу свящ. Самуйлова, сдѣланному съ латинскаго; тогда какъ есть новый переводъ съ греческаго— Генкеля. Встрѣчаются по мѣстамъ ссылки на пособія мало авторитетныя.

Комментируя пророческую книгу, составитель часто совершенно безъ всякой нужды даетъ грамматическій разборъ такихъ формъ, которыя не могутъ возбуждать никакого сомнѣнія (стр. 130, прим. 3 и стр. 132, прим. 2; стр. 139, прим. 2; стр. 161, прим. 2 и мн. др.). Является предположеніе, что онъ раздѣляетъ мнѣніе проф. Тихомирова объ умѣстности и практической пригодности элементарнаго грамматическаго анализа выраженій подлиннаго библейскаго текста въ ученыхъ изслѣдованіяхъ о священныхъ книгахъ (см. изслѣдованіе: „Пророкъ Малахія“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1903. Стр. VII—VIII). Проф. Тихомировъ, въ заключеніи своего сужденія по данному вопросу замѣчаетъ: „мы должны сказать, что въ весьма многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ, этотъ анализъ,—особенно синтаксическія справки,—былъ существенно необходимъ для перевода и комментарія“ (стр. VIII); — разумѣется книга пр. Малахіи. Противъ умѣстности такого анализа въ ученомъ изслѣдованіи возраженій быть не можетъ. Мысль же объ удобствѣ совмѣщенія препарацій и научнаго истолкованія священной книги должна быть признана явно несостоятельною: кому изъ „начинающихъ обучаться еврейскому языку“ могло бы пригодиться, въ качествѣ пособія, напр., изслѣдованіе въ 600 страницъ, посвященное пророческой книгѣ, содержащей три главы?

Сопоставленіе перевода LXX съ текстомъ подлинника не вездѣ достаточно обстоятельно; кромѣ того, не видно, чтобы авторъ пользовался Шлейснеромъ или другимъ подобнымъ пособіемъ. Здѣсь онъ всюду идетъ по слѣдамъ Reinke и André: подобное руководство, въ данномъ случаѣ, совершенно

недостаточно. А ссылки на переводы, съ языками которыхъ авторъ незнакомъ, во многихъ случаяхъ лучше бы опустить. На стр. 120, напр., въ прим. 5 (къ Агг. 1, 4) приводится латинскій переводъ сирскаго выраженія: an tempus hoc est vobis sedendi..? Какое можетъ имѣть значеніе эта справка? Можетъ быть, о. Виноградовъ хочетъ этимъ сказать, что въ сирск. переводѣ евр. выраженіе לשבת передано глаголомъ, имѣющимъ именно значеніе „сидѣть"; но тамъ употребленъ глаголъ, имѣющій тѣ же значенія, что и евр. ישב, и фонетически совершенно ему соотвѣтствующій—יתב. На стр. 125 въ примѣч. 1 замѣчено о пропускѣ въ сирск. перев. союза ו въ началѣ ст. 5 гл. I; но здѣсь въ сирск. употреблено такое выраженіе, при которомъ ו было бы излишне (מכיל). Ст. 16 гл. 2 читается по Синод. перев.:.. *приходили къ подточилію, чтобы начерпать пятьдесятъ мѣръ:* составитель замѣчаетъ (стр. 219, прим. 5), что въ сирск. не передано евр. להשׁאף—*чтобы начерпать*; но тогда возникаетъ вопросъ, какъ же выражена эта мысль въ сирскомъ переводѣ, если להשׁאף оставлено безъ перевода. Вообще подобнаго рода справки въ рецензируемомъ сочиненіи мало помогаютъ разъясненію выраженій пророческой книги, а недоумѣнія возбуждаютъ нерѣдко. Приводя таргумическія выраженія, авторъ долженъ былъ бы объяснить, какое имѣютъ значеніе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отступленія таргумиста отъ буквальной передачи выраженій подлиннаго текста (см., напр., стр. 131, прим. 2, и стр. 143, прим. 12).

При пользованіи нѣкоторыми пособіями въ переводахъ на русскій языкъ съ иностранныхъ, авторъ иногда принимаетъ эти переводы безъ провѣрки или допускаетъ неточности и въ собственныхъ переводахъ. Встрѣчаются неудобныя и возбуждающія недоумѣніе выраженія. На стр. 26 читаемъ: „125 псаломъ въ Пешито заглавляется слѣдующимъ образомъ..., а заглавіе 126-го псалма въ томъ же *манускриптѣ* гласитъ"... Но ни о какомъ манускриптѣ выше рѣчи не было. Стр. 72: „книга пророка Аггея... состоитъ изъ четырехъ рѣчей;... каждая изъ нихъ предваряется надписаніемъ, въ которомъ указывается день, мѣсяцъ и *иногда* годъ ея произнесенія." Это *иногда* было бы умѣстно въ томъ случаѣ, если бы книга пр. Аггея содержала не четыре рѣчи, а нѣсколько десятковъ. Въ переводѣ изъ André на стр. 80 subtilité лучше

бы передать чрезъ „изворотливость“, а не чрезъ „проницательность“. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ перечень „важнѣйшихъ“ опечатокъ составитель включилъ, по большей части, опечатки маловажныя и легко исправимыя; тогда какъ нѣкоторыя опечатки, вполнѣ заслуживающія названія важнѣйшихъ, сюда не вошли. На стр. 70, въ текстъ Агг. 2, 8 вставлено: „(*здѣсь*)“; на стр. 111 читаемъ: въ 1 Пар. 3, 19 говорится, что Зоровавель былъ сыномъ Федаіи, брата *Зоровавеля*“: необходимо замѣтить, что цитація изъ священной книги въ данномъ случаѣ слишкомъ свободная. На стр. 142, въ прим. 4 читается pronomasia вм. paronomasia. На стр. 157, прим. 8, и на стр. 195, прим. 13, съ ошибками напечатаны еврейскія слова.

Относительно нѣкоторыхъ частностей рецензентъ находитъ болѣе удобнымъ попросить у магистранта разъясненія на коллоквіумѣ, не упоминая о нихъ въ отзывѣ“.

Справка: 1) По § 172 устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ, а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній“.—2) Священникъ Николай *Виноградовъ* окончилъ курсъ Московской Духовной Академіи въ 1911 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—3) 65 экземпляровъ напечатанной диссертаціи священникомъ Виноградовымъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.—4) По § *109*, лит. *а* п. 15, академическаго устава „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертацій на ученыя степени и оцѣнка оныхъ (§§ 172 и 173)“ значится въ числѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ отзывами рецензентовъ и признавая представленное на соисканіе степени магистра богословія законоучителемъ Московскаго Александровскаго Института, *священникомъ Николаемъ Виноградовымъ* сочиненіе подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ достаточнымъ для сей

степени,—допустить священника Виноградова къ защитѣ сочиненія на коллоквіумѣ.—2) Оффиціальными оппонентами назначить доцента по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* и экстраординарнаго профессора по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священника Д. В. Рождественскаго.*—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти съ магистрантомъ въ соглашеніе относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ послѣднемъ стороннихъ лицъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 дек. 1914. Исполнить".

19 ноября 1914 года.

№ 16.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ И. В. Гумилевскій.

Отсутствовали: Сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій, заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, экстраординарные профессоры—священники В. Н. Страховъ и П. А. Флоренскій.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ указъ Святѣйшаго Синода отъ 22 сентября за № 15811:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 11 Сентября 1914

года за № 33479, по ходатайствамъ Преосвященнаго Харьковскаго Антонія: а) о принятіи безъ экзамена обучавшихся въ Волынской церковно-учительской школѣ русскому языку галичанъ,—Григорія Кусевича въ III классъ Виѳанской духовной семинаріи, Лирка Владиміра въ III классъ Таврической духовной семинаріи, Мартина Андрея въ I классъ той же семинаріи, Лазука Спиридона въ 5 классъ Тверской духовной семинаріи, Судчака Владиміра въ I классъ той же семинаріи, Михальчука Григорія въ III классъ Харьковской духовной семинаріи, Михальчука Михаила и Карабина Николая въ I классъ той же семинаріи, съ назначеніемъ имъ синодальныхъ стипендій, б) *о назначеніи* 275 рублей на содержаніе въ Харьковскомъ Художественномъ училищѣ студента Львовскаго университета Николая Курдыдыка, и *200 рублей на содержаніе* окончившаго курсъ Орловской духовной семинаріи *Андрея Яцишина* въ Императорской Московской духовной академіи въ качествѣ *вольнослушателя* съ 1 Сентября 1914 г. по 1 Мая 1915 года. Приказали: Въ удовлетвореніе настоящихъ ходатайствъ Преосвященнаго Антонія, Святѣйшій Синодъ, согласно настоящему предложенію Г. Оберъ-Прокурора, опредѣляетъ: 1) разрѣшить Правленіямъ подлежащихъ духовныхъ семинарій принять безъ экзамена галичанъ: Кусевича Григорія въ III классъ Виѳанской духовной семинаріи, Лирка Владиміра въ III классъ Таврической духовной семинаріи, Мартина Андрея въ I классъ той же семинаріи, Лазука Спиридона въ 5 классъ Тверской духовной семинаріи, Судчака Владиміра въ I классъ той же семинаріи, Михальчука Григорія въ III классъ Харьковской духовной семинаріи, Михальчука Михаила и Карабина Николая въ I классъ той же семинаріи, 2) назначить Синодальныя стипендіи Кусевичу, Лиркѣ, Мартину, Лазукѣ, Судчаку, Михальчуку Григорію, Михальчуку Михаилу и Карабину на содержаніе ихъ въ семинаріяхъ и пособіе на содержаніе въ Императорской Московской духовной академіи Яцишина, въ качествѣ вольнослушателя съ 1 Сентября 1914 г. по 1 Мая 1915 г. въ суммѣ 200 руб., съ отнесеніемъ расхода на стипендіи поименованнымъ галичанамъ въ установленномъ размѣрѣ и пособія Яцишину въ испрашиваемомъ размѣрѣ на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. I § 2 смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ вѣдомства Святѣйшаго

Синода, и 3) ассигновать въ распоряженіе Преосвященнаго Харьковскаго, въ пособіе студенту Львовскаго университета Николаю Курдыдыку на образованіе въ Харьковскомъ Художественномъ училищѣ, 275 руб. съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ кредита по переходящимъ суммамъ, перечисленнымъ изъ Отд. II § 8 смѣты Святѣйшаго Синода 1913 г.; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „20 окт. 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 16 октября за № 17136:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Учебнаго Комитета, отъ 7 Октября 1914 года за № 4870, журналъ Комитета, № 803, о пріемѣ въ Императорскую Московскую духовную академію *сербскихъ уроженцевъ Драгомира Богдановича и Милана Павловича*. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Императорской Московской духовной академіи допустить окончившихъ въ Бѣлградской духовной семинаріи сербскихъ уроженцевъ Драгомира Богдановича и Милана Павловича къ пріемнымъ испытаніямъ въ число студентовъ I курса академіи, съ назначеніемъ имъ, въ случаѣ выдержанія испытаній, стипендій, въ установленномъ размѣрѣ, изъ духовно-учебнаго капитала; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

в) Отношеніе Канцеляріи Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 3 ноября за № 5430, съ препровожденіемъ документовъ сербскихъ уроженцевъ Драгомира *Богдановича* и Милана *Павловича*.

Справка: Поименованные въ вышеизложенныхъ указахъ Святѣйшаго Синода: окончившій курсъ Орловской духовной семинаріи Андрей *Яцишинъ* и сербскіе уроженцы, окончившіе курсъ Бѣлградской духовной семинаріи, Драгомиръ *Богдановичъ* и Миланъ *Павловичъ*—до сего времени въ Академію не являлись.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „9 окт. 1914. Въ Совѣтъ Академіи—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 7 октября за № 16518:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 3 Октября 1914 г. за № 11.012, по отношенію Исправляющаго должность Управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ отъ 1 того же Октября за № 7090, съ копіей Высочайше утвержденнаго 30 минувшаго Сентября особаго журнала Совѣта Министровъ 25 Сентября сего года *о привлеченіи на службу въ войска въ 1914 г. воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, пользующихся отсрочками для окончанія курса.* Приказали: Выслушавъ настоящее предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: изложенныя въ Высочайше утвержденномъ 30 Сентября 1914 г. особомъ журналѣ Совѣта Министровъ 25 того же Сентября правила о привлеченіи на службу въ войска въ 1914 г. воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, пользующихся отсрочками для окончанія курса, принявъ къ свѣдѣнію, сообщить Совѣтамъ Императорскихъ духовныхъ академій: Петроградской, Московской, Кіевской и Казанской, для свѣдѣнія и руководства; о чемъ Преосвященнаго Митрополита Петроградскаго, Ваше Преосвященство, Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго и Архіепископа Казанскаго увѣдомить указами".

б) Высочайше утвержденныя 30 Сентября 1914 года *правила о привлеченіи на службу въ войска въ 1914 году воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, пользующихся отсрочками для окончанія курса:*

„I. На основаніи статьи 61[6] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г.), предоставить Военному Министру право привлечь въ войска, въ 1914 году, молодыхъ людей, пользующихся отсрочками для окончанія курса высшихъ учебныхъ заведеній.

II. На основаніи статьи 87 Основныхъ Государственныхъ Законовъ (Св. Зак., т. I ч. I, изд. 1906 г.), въ измѣненіе и

дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить нижеслѣдующія правила:

1. Офицеры, произведенные на основаніи „Положенія объ ускоренной подготовкѣ офицеровъ въ военное время въ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ четырехмѣсячнымъ ускореннымъ курсомъ", имѣютъ право на увольненіе въ запасъ арміи по окончаніи военныхъ дѣйствій, распоряженіемъ Военнаго Министра. При этомъ тѣ изъ увольняемыхъ въ запасъ офицеровъ, которые прослужили въ частяхъ войскъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, считаются отбывшими за обязательный срокъ дѣйствительной службы по Уставу о Воинской Повинности; офицеры же, прослужившіе въ частяхъ войскъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, обязаны въ слѣдующемъ за увольненіемъ ихъ въ запасъ году явиться на дѣйствительную службу и пробыть въ войскахъ три мѣсяца въ періодъ лѣтнихъ и осеннихъ занятій, послѣ чего считаются отбывшими обязательный срокъ дѣйствительной службы по Уставу о Воинской Повинности и могутъ быть, если пожелаютъ, вновь зачислены въ запасъ.

2. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, привлеченные въ войска на основаніи статьи 61[6] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г.) до окончанія предоставленной имъ отсрочки, а также воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащіе къ войсковому сословію казачьихъ войскъ и привлеченные въ войска примѣнительно къ той же статьѣ 61[6] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак. т. IV, по Прод. 1912 г.), кои, по окончаніи ускореннаго курса военно-учебныхъ заведеній, выпущены въ войска нижнимъ званіемъ и ко времени окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) не удостоены производства въ прапорщики, могутъ быть послѣ этого срока, если пожелаютъ, временно уволены изъ войскъ до выслуги установленнаго срока дѣйствительной службы, для обратнаго поступленія въ высшія учебныя заведенія. По окончаніи курса сихъ заведеній, означенныя лица привлекаются къ исполненію воинской повинности на общемъ основаніи въ качествѣ вольноопредѣляющихся (въ казачьихъ войскахъ—на правахъ пользующихся правами по образованію), съ зачетомъ имъ въ срокъ дѣйствительной службы времени, проведеннаго въ военныхъ училищахъ и въ частяхъ войскъ.

3. Офицеры, произведенные на основаніи упомянутаго въ статьѣ 1 Положенія и зачисленные въ запасъ (въ казачьихъ войскахъ — на льготу) при окончаніи военныхъ дѣйствій (ст. 1), а также воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, которые къ этому сроку не будутъ удостоены производства въ прапорщики, въ случаѣ временнаго увольненія ихъ изъ войскъ, безпрепятственно принимаются обратно въ высшія учебныя заведенія на тѣ курсы, съ которыхъ они были приняты на службу,—помимо вакансій и повѣрочныхъ испытаній, съ присвоеніемъ имъ вновь всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыми они пользовались въ сихъ заведеніяхъ до призыва на военную службу въ порядкѣ статьи 61[б] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г.). Тѣмъ же изъ означенныхъ молодыхъ людей, которые, по возвращеніи въ высшія учебныя заведенія, не будутъ имѣть возможности окончить полный курсъ таковыхъ до срока, указаннаго въ статьѣ 61 Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г.), явка къ исполненію воинской повинности отсрочивается до окончанія курса, однако не долѣе, какъ до достиженія сими лицами тридцатилѣтняго возраста.

4. Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, призванные на военную службу на основаніи статьи 61[б] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г.) и оказавшіеся къ моменту окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) въ качествѣ юнкеровъ военно-учебныхъ заведеній съ ускореннымъ курсомъ, могутъ либо, въ случаѣ ихъ желанія, продолжать курсъ въ военно-учебномъ заведеніи на общихъ съ остальными юнкерами основаніяхъ, либо быть временно уволены отъ военной службы и вернуться въ высшее учебное заведеніе, изъ котораго они были призваны. Въ послѣднемъ случаѣ они получатъ всѣ права воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, выпущенныхъ по окончаніи курса военно-учебнаго заведенія съ ускореннымъ четырехмѣсячнымъ курсомъ нижнимъ званіемъ и ко времени окончанія военныхъ дѣйствій (ст. 1) не удостоенныхъ производства въ прапорщики.

5. Юнкерамъ, исключеннымъ изъ военно-учебныхъ заведеній съ четырехмѣсячнымъ ускореннымъ курсомъ ранѣе окончанія установленнаго курса, время нахожденія въ этихъ

заведеніяхъ засчитывается въ срокъ дѣйствительной военной службы.

6. На воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ къ войсковому сословію казачьихъ войскъ и пользующихся отсрочками для окончанія курса высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, распространить дѣйствіе статьи 61[6] Устава о Воинской Повинности (Св. Зак., т. IV, по Прод. 1912 г)".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „28 окт. 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 25 октября за № 17509:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Преосвященнаго Казанскаго, отъ 10 Октября 1914 г. № 5734, по ходатайству Совѣта Императорской Казанской духовной академіи объ утвержденіи въ званіи почетныхъ членовъ сей академіи Преосвященнаго Самарскаго Михаила, *Преосвященнаго Волоколамскаго Ѳеодора*, Преосвященнаго Полоцкаго Иннокентія, сверхштатныхъ заслуженныхъ профессоровъ Императорской Кіевской духовной академіи Николая Петрова и Императорской Петроградской духовной академіи Александра Садова и Михаила Каринскаго и ординарнаго профессора той же академіи Николая Глубоковскаго. Приказали: Согласно настоящему ходатайству Совѣта Императорской Казанской духовной академіи и представленію Преосвященнаго Казанскаго, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить въ званіи почетныхъ членовъ Императорской Казанской духовной академіи Преосвященнаго Самарскаго Михаила, Преосвященнаго Волоколамскаго Ѳеодора, Преосвященнаго Полоцкаго Иннокентія, сверхштатныхъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Императорской Кіевской духовной академіи Николая Петрова и Императорской Петроградской духовной академіи Александра Садова и Михаила Каринскаго и ординарнаго профессора той же академіи Николая Глубоковскаго; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Объ утвержденіи *Преосвященнаго Ректора Академіи Епископа Ѳеодора* въ званіи почетнаго члена Императорской Казанской Духовной Академіи внести въ послужной его списокъ.

IV. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „29 окт. 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 27 октября за № 17542:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 14 Октября 1914 г. за № 11393, въ коемъ изложено, что Его Императорскому Величеству, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 9 день текущаго Октября, въ Царскомъ Селѣ, благоугодно было Всемилостивѣйше соизволить *на назначеніе за преподаваніе въ Императорской Московской духовной академіи вознагражденія, въ размѣрѣ доцентскаго оклада, сверхштатному заслуженному ординарному профессору сей академіи Муретову.* Справка: Принимая во вниманіе особыя заслуги для Императорской Московской духовной академіи не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ, сверхштатнаго заслуженнаго профессора названной академіи Митрофана Муретова и признавая желательнымъ дальнѣйшую ученую дѣятельность профессора Муретова въ академіи и вмѣстѣ съ симъ имѣя въ виду, что согласно § 89 Высочайше утв. Уст. дух. акад., сверхштатнымъ профессорамъ академіи можетъ быть предоставлено право читать лекціи и принимать на себя исполненіе порученій Совѣта академіи безъ особаго на то вознагражденія, Святѣйшій Синодъ, опредѣленіемъ отъ 19—23 Сентября 1914 г. № 8553, предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на назначеніе сверхштатному профессору Муретову, за преподаваніе въ Императорской Московской духовной академіи, вознагражденія въ размѣрѣ доцентскаго оклада содержанія съ начала 1914—15 учебнаго года. Приказали: Объ изъясненномъ Всемилостивѣйшемъ Его Императорскаго Величества соизволеніи увѣдомить указомъ Ваше Преосвященство".

Опредѣлили: Содержаніе указа Святѣйшаго Синода за № 17542 сообщить (и сообщено) сверхштатному заслуженному ординарному профессору Академіи М. Д. Муретову и академическому Правленію—для зависящихъ со стороны послѣдняго распоряженій.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „10 ноября 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 6 ноября за № 18265:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Октября 1914 г. № 493, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи о разрѣшеніи принять въ число студентовъ I курса академіи выдержавшихъ удовлетворительно пріемныя въ академію испытанія *имѣющихъ женъ священниковъ* Димитрія *Введенскаго*, Николая *Залевскаго*, Пимена *Киселева*, Павла *Кораблева*, Константина *Майорова*, Валентина *Поликарпова*, Михаила *Порубина*, Константина *Розова*, Николая *Стрекалова* и Василія *Теологова*, съ дозволеніемъ имъ, въ виду крайней тѣсноты студенческихъ помѣщеній, проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ, а священникамъ Введенскому, Залевскому, Майорову, Поликарпову, Стрекалову и Теологову, сверхъ сего, и получать на руки, помѣсячно, предназначенныя имъ казенныя стипендіи. Приказали: Согласно настоящему ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту помянутой академіи принять въ число студентовъ I курса оной названныхъ священниковъ, съ дозволеніемъ имъ проживать съ семействами на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ, а священникамъ Введенскому, Залевскому, Майорову, Поликарпову, Стрекалову и Теологову, сверхъ сего, и получать на руки, помѣсячно, предназначенныя имъ казенныя стипендіи; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Принявъ къ свѣдѣнію, указъ Святѣйшаго Синода за № 18265 сообщить Правленію Академіи, — для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

VI. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „11 ноября 1914. Въ Совѣтъ Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 7 ноября за № 18338:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Октября 1914 года № 497, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ утвержденіи въ званіи почетныхъ членовъ сей академіи Преосвященныхъ: *Митрофана*, Митрополита Черногорскаго, *Димитрія*, Архіепископа Бѣлградскаго, Митрополита Сербскаго, *Назарія*, Архіепископа Херсонскаго, *Іоанна*, Архіепископа Рижскаго, *Евлогія*, Архіепископа Волынскаго, *Иннокентія*, Епископа Полоцкаго, *Анастасія*, Епископа Ямбургскаго, и *Василія*, Епископа Каневскаго, Намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандрита *Товіи*, Предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерея Павла *Соколова*, протоіерея Николая *Фортинскаго*, Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графини Параскевы *Уваровой*, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Алексѣя *Соболевскаго*, сверхштатныхъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Императорской Казанской духовной академіи Ильи *Бердникова* и Ѳеодора *Курганова*, Секретаря Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества Алексѣя *Дмитріевскаго*, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской духовной академіи Ивана *Пальмова*, сверхштатнаго ординарнаго профессора той же академіи Александра *Бронзова* и художника Виктора *Васнецова*. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и настоящему представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: утвердить въ званіи почетныхъ членовъ Императорской Московской духовной академіи Преосвященныхъ Митрофана, Митрополита Черногорскаго, Димитрія, Архіепископа Бѣлградскаго, Митрополита Сербскаго, Назарія, Архіепископа Херсонскаго, Іоанна, Архіепископа Рижскаго, Евлогія, Архіепископа Волынскаго, Иннокентія, Епископа Полоцкаго, Анастасія, Епископа Ям-

бургскаго, и Василія, Епископа Каневскаго, Намѣстника Свято-Троицкія Сергіевы Лавры архимандрита Товію, Предсѣдателя Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ, протоіерея Павла Соколова, протоіерея Николая Фортинскаго, Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, графиню Параскеву Уварову, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ Алексѣя Соболевскаго, сверхштатныхъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Императорской Казанской духовной академіи Плію Бердникова и Ѳеодора Курганова, Секретаря Императорскаго Палестинскаго Общества Алексѣя Дмитріевскаго, сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорской Петроградской духовной академіи Ивана Пальмова, сверхштатнаго ординарнаго профессора той же академіи Александра Бронзова и художника Виктора Васнецова; о чемъ увѣдомить указомъ Ваше Преосвященство".

Опредѣлили: Изготовивъ для лицъ, утвержденныхъ въ званіи Почетныхъ Членовъ Императорской Московской Духовной Академіи, установленные дипломы,—просить ихъ о принятія сего званія.

VII. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „14 ноября 1914. Въ Совѣтъ Академіи"--указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 11 ноября за № 18526:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Октября сего года за № 496, по ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи объ удостоеніи экстраординарнаго профессора сей академіи по каѳедрѣ психологіи, статскаго совѣтника, Павла *Соколова* званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора академіи. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской духовной академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: удостоить экстраординарнаго профессора Императорской Московской духовной академіи по каѳедрѣ психологіи, статскаго совѣтника, Павла Соколова званія заслу-

женнаго экстраординарнаго профессора помянутой академіи: о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Объ удостоеніи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколова* званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи — внести въ послужной его списокъ.

VIII. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) *1 сентября, № 11*: „2 окт. 1914. Исполнить".

б) *29 сентября, № 12*: „25 окт. 1914. Исполнить".

в) *29 сентября, № 13*: „12 ноября 1914. Исполнить".

г) *29 октября, № 14*: „12 ноября 1914. Исполнить".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IX. а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи *Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода*, отъ 2 октября за № 11003:

„Поспѣшаю отвѣтомъ на письмо Вашего Преосвященства отъ 28 минувшаго Сентября по поводу смутившей Васъ замѣтки въ газетѣ „Колоколъ" подъ заглавіемъ: „Германскіе подданные въ Московской Духовной Академіи". Газета „Колоколъ" является изданіемъ частнымъ и содержаніе всѣхъ, помѣщаемыхъ въ ней, статей лежитъ на отвѣтственности издателя и редактора этой газеты. Поэтому и помѣщеніе въ ней указанной замѣтки, на что мною будетъ обращено вниманіе издателя ея Д. С. С. Скворцова, не должно смущать Ваше Преосвященство, тѣмъ болѣе, что Святѣйшему Синоду извѣстна испытанная ревность Ваша въ дѣлѣ воспитанія ввѣреннаго Вамъ духовнаго юношества въ православно-патріотическомъ направленіи, давшая такіе осязательные результаты въ настоящую тяжелую годину, переживаемую Родиною. Что касается студентовъ Московской Духовной Академіи, то я покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство успокоить ихъ сообщеніемъ, что разрѣшеніе Высшей Власти на принятіе въ Академію иностранныхъ подданныхъ дано было по тщательномъ удостовѣреніи въ преданности ихъ Россіи, въ безупречномъ ихъ въ политическомъ отношеніи поведеніи и совершеннѣйшей безопасности пребыванія ихъ въ

Академіи для нашего Отечества, пріобщиться къ числу вѣрноподданныхъ котораго всѣ они желаютъ, а священникъ Серафимъ Ляде возбудилъ о томъ уже и оффиціальное ходатайство".

б) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи *Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода*, отъ 16 октября за № 11501:

„Имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отношеніемъ отъ 7-го сего Октября за № 32850 сообщило, что Совѣтъ Министровъ, по журналу 25-го Сентября 1914 г., положилъ принять германскаго подданнаго священника Серафима *Ляде* въ Россійское подданство, о чемъ и сообщено Московскому Градоначальнику для зависящихъ распоряженій".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Благодарственныя письма *Почетныхъ Членовъ* Академіи:

а) Высокопреосвященнаго *Назарія*, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго:

„Получивъ извѣщеніе Св. Синода объ утвержденіи меня въ званіи почетнаго члена Императорской Московской Духовной Академіи, предсѣдателемъ Совѣта коей Вы изволите состоять, почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство и Совѣтъ Духовной Академіи принять отъ меня за оказанную мнѣ высокую честь избранія въ это званіе искреннюю благодарность".

б) Ординарнаго профессора Императорской Петроградской Духовной Академіи *И. Н. Глубоковскаго*:

„Получивъ дипломъ на званіе почетнаго члена, приношу досточтимому Совѣту родной Академіи мою глубокую благодарность. Для меня не можетъ быть ничего иного больше, дороже и отраднѣе столь великой чести, оказанной мнѣ за „учено-литературную дѣятельность". Принимаю это высокое званіе, какъ священное благословеніе родной матери своему сыну, который всегда былъ вѣренъ ея научнымъ завѣтамъ и посильно старался быть достойнымъ имени питомца славной Московской Духовной Академіи".

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XI. Вѣдомости *Преосвященнаго Ректора* Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ текущаго 1914 года, изъ которыхъ видно, что:

1) Въ *сентябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ опустилъ 10 лекцій, и. д. доцента А. М. Туберовскій—5 лекцій, ординарный профессоръ С. П. Соболевскій и лекторъ нѣмецкаго языка Г. Я. Томсонъ—по 4 лекціи, ординарный профессоръ А. И. Алмазовъ, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ и доцентъ Н. Д. Протасовъ—по 3 лекціи; *б) по нахожденію въ отпускѣ:* ординарный профессоръ А. А. Спасскій—18 лекцій и экстраординарный профессоръ священникъ П. А. Флоренскій—15 лекцій: *в) вслѣдствіе отлучки по дѣламъ службы:* Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ—5 лекцій.

2) Въ *октябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ опустилъ 10 лекцій, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ — 7 лекцій, экстраординарный профессоръ Н. Л. Туницкій — 5 лекцій, экстраординарный профессоръ священникъ П. В. Гумилевскій и доцентъ Н. В. Лысогорскій—по 4 лекціи, и. д. доцента Ѳ. К. Андреевъ—3 лекціи, и доцентъ В. П. Виноградовъ—2 лекціи; *б) по домашнимъ обстоятельствамъ:* доцентъ Н. Д. Протасовъ—3 лекціи, ординарный профессоръ Д. И. Введенскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ—по 2 лекціи; *в) по нахожденію въ отпускѣ:* ординарный профессоръ А. А. Спасскій—20 лекцій и экстраординарный профессоръ И. В. Поповъ—3 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

XII. Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ собраніи 29 сентября текущаго 1914 года Совѣтъ Академіи, выслушавъ письмо Почетнаго Члена Академіи, Высокопреосвященнѣйшаго *Николая*, Архіепископа Варшав-

скаго и Привислинскаго, отъ 22 сентября, съ препровожденіемъ *трехъ тысячъ рублей* (свидѣтельствами Государственной 4% ренты) на учрежденіе при Академіи преміи за лучшія сочиненія студентовъ въ память въ Бозѣ почившаго Ректора Московской Духовной Академіи — *протоіерея Александра Васильевича Горскаго*, постановилъ, между прочимъ: поручить коммиссіи выработать проектъ положенія о преміи и, по одобреніи онаго Высокопреосвященнымъ Жертвователемъ, представить его установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

На представленномъ Высокопреосвященному Архіепископу Николаю проектѣ положенія о преміи Его Высокопреосвященству благоугодно было положить таковую резолюцію: „1914 г. 16 Октября. Согласенъ; но желаю, чтобы было не менѣе *120 руб.*, для чего посылаю переводомъ еще *200 руб.*“.

На высланную затѣмъ переводомъ по почтѣ на мое имя сумму (200 р. наличными деньгами) пріобрѣтено еще одно свидѣтельство Государственной 4% ренты въ 200 руб. (номинальныхъ), а образовавшійся при этомъ остатокъ наличныхъ денегъ въ количествѣ 26 р. 35 коп., по дополнительному распоряженію Его Высокопреосвященства, обращенъ на покрытіе расходовъ по благоукрашенію академическаго храма; таковое же назначеніе должны получить и проценты съ преміальнаго капитала за текущій 1914-й годъ въ количествѣ 30 р. 40 к. (купоны на срокъ 1 декабря 1914 г.).

Честь имѣю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи преміи за курсовыя сочиненія студентовъ въ память покойнаго Ректора Академіи—протоіерея А. В. Горскаго и объ утвержденіи нижеслѣдующаго проекта положенія объ оной:

§ 1.

„На пожертвованный Высокопреосвященнымъ Николаемъ, Архіепископомъ Варшавскимъ и Привислинскимъ, по случаю исполнившагося 1-го октября 1914 года столѣтія Императорской Московской Духовной Академіи, капиталъ въ *три тысячи двѣсти рублей* (свидѣтельствами Государствен-

ной 4% ренты) учреждается при названной Академіи премія въ память въ Бозѣ почившаго Ректора Академіи, *протоіерея Александра Васильевича Горскаго.*

§ 2.

Премія въ размѣрѣ годичной суммы процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, т. е. 121 руб., ежегодно назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго, въ декабрьскомъ засѣданіи, одному изъ окончившихъ въ томъ году курсъ воспитанниковъ Императорской Московской Духовной Академіи за отличное по своимъ достоинствамъ сочиненіе, представленное на степень кандидата богословія, преимущественно по общей и русской церковной исторіи (предметамъ спеціальныхъ занятій покойнаго о. протоіерея А. В. Горскаго).

§ 3.

Совѣту Академіи, по его усмотрѣнію, предоставляется, за отсутствіемъ достойнаго преміи сочиненія, отлагать назначеніе преміи до одного изъ слѣдующихъ учебныхъ годовъ".

XIII. а) Письмо (на имя Преосвященнаго Ректора Академіи) о. настоятеля Московскаго Казанскаго собора, *протоіерея Александра Васильевича Никольскаго:*

„По случаю исполнившагося 1-го сего Октября столѣтняго юбилея Императорской Московской Духовной Академіи позвольте мнѣ выразить въ лицѣ Вашемъ чувства глубочайшей, безпредѣльной благодарности къ родной Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать слѣдующее предложеніе. Прилагая при семъ два свидѣтетьства 4% Государственной ренты, каждое по тысячѣ рублей, одно за № 4533 (серія 211), а другое за № 3414 (серія 63), и то и другое съ купонами на 1 Декабря сего 1914 года, я желалъ бы, чтобы на проценты съ сего капитала, который долженъ оставаться неприкосновеннымъ, была учреждена въ Императорской Московской Духовной Академіи премія за лучшее, по признанію Совѣта Академіи, семестровое сочиненіе, написанное студентами Академіи по одному изъ важнѣйшихъ предметовъ академическаго курса, именно по догматическому богословію. Условія, на которыхъ учреждается мною премія, таковы:

1) Учреждаемой мною преміи присвояется имя приснопамятнаго моего наставника и начальника, въ Бозѣ почиваю-

щаго Ректора Московской Духовной Академіи, Протоіерея Александра Васильевича Горскаго. 2) Премія выдается студентамъ Академіи изъ бывшихъ воспитанниковъ Калужской, или Московской Семинаріи, преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которые носятъ священный санъ. 3) Въ случаѣ, если не окажется указанныхъ въ предшествующемъ пунктѣ лицъ, которыя могли бы быть удостоены полученія преміи, она можетъ быть выдаваема, по усмотрѣнію Совѣта, студентамъ и изъ воспитанниковъ другихъ семинарій, но непремѣнно за представленную ими основательную работу по догматическому богословію. 4) Премія выдается каждый годъ въ день академическаго праздника 1 Октября, и 5) Въ случаѣ, если за извѣстный годъ не окажется сочиненій по догматическому богословію, которыя могли бы быть премированы, то премія съ накопившимися процентами на нее отлагается до слѣдующаго академическаго года, не сливаясь съ преміею сего года, такъ что въ нѣкоторые годы можетъ быть по двѣ и болѣе премій.

Я былъ бы глубоко признателенъ Вашему Преосвященству, если бы Вы соблаговолили оказать свое милостивое содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе моего давняго, задушевнаго желанія относительно учрежденія во ввѣренной Вашему Преосвященству Академіи преміи имени о. протоіерея А. В. Горскаго".

б) Заявленіе *Преосвященнаго Ректора* Академіи о томъ, что о. протоіерей А. В. Никольскій, въ устной бесѣдѣ съ нимъ, по выясненіи дѣйствующей академической практики, которою назначеніе темъ для семестровыхъ сочиненій *по догматическому богословію* предусматривается лишь одинъ разъ въ два, три, а иногда и четыре года, изъявилъ согласіе измѣнить предложенныя имъ условія для учрежденія преміи и расширить кругъ наукъ академическаго курса, семестровыя сочиненія по которымъ могутъ быть премированы, присоединеніемъ къ догматическому богословію еще *древней церковной исторіи и литургики.*

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи преміи имени покойнаго Ректора оной—протоіерея А. В. Горскаго—за лучшія семестровыя сочиненія студен-

товъ Академіи, и объ утвержденіи нижеслѣдующаго проекта положенія объ оной:

§ 1.

„На пожертвованный о. настоятелемъ Московскаго Казанскаго собора, протоіереемъ Александромъ Васильевичемъ Никольскимъ, по случаю исполнившагося 1-го октября 1914 года столѣтія Императорской Московской Духовной Академіи, капиталъ въ *двѣ тысячи рублей* (свидѣтельствами Государственной 4% ренты) учреждается при названной Академіи премія имени въ Бозѣ почившаго Ректора оной, *протоіерея Александра Васильевича Горскаго*, за лучшія семестровыя сочиненія студентовъ Академіи.

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Императорской Московской Духовной Академіи и долженъ оставаться навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Премія, въ размѣрѣ годичной суммы процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, т. е. 76 рублей, ежегодно назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго, не позднѣе сентябрскаго засѣданія, за лучшее изъ представленныхъ студентами Академіи въ предшествовавшемъ учебномъ году семестровыхъ (третныхъ) сочиненій по догматическому богословію, а въ случаѣ отсутствія таковыхъ,—за лучшее семестровое сочиненіе по древней церковной исторіи или литургикѣ, и выдается удостоенному въ день академическаго праздника—1-го октября.

§ 4.

Преимущественное право на полученіе преміи имѣютъ студенты Академіи изъ бывшихъ воспитанниковъ Калужской или Московской духовной семинаріи, а изъ послѣднихъ — носящіе священный санъ. И только въ случаѣ отсутствія въ числѣ ихъ лицъ, достойныхъ награжденія преміею, она можетъ быть назначаема, по усмотрѣнію Совѣта, студентамъ Академіи изъ воспитанниковъ другихъ семинарій.

§ 5.

Если Совѣтъ Академіи не признаетъ достойнымъ награжденія преміею ни одного изъ представленныхъ въ данномъ году семестровыхъ сочиненій по указаннымъ въ п. 3-мъ сего

положенія предметамъ,—премія съ накопившимися процентами на нее отлагается до слѣдующаго академическаго года, не сливаясь съ преміею послѣдняго, такъ что въ нѣкоторые годы можетъ быть по двѣ и болѣе премій".

XIV. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Изъ отвѣтовъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи на мои письменные запросы относительно положенія дѣлъ по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ порученныхъ имъ магистерскихъ и докторскихъ диссертацій бывшихъ воспитанниковъ Академіи выяснилось, что нѣкоторые изъ соискателей магистерской степени, представившіе свои диссертаціи въ рукописи, получивъ отъ г.г. рецензентовъ замѣчанія относительно усмотрѣнныхъ ими въ сочиненіяхъ недостатковъ и руководственныя указанія, помимо Совѣта Академіи взяли свои диссертаціи обратно для исправленія, не возвращая ихъ затѣмъ и вообще не давая о себѣ знать иногда въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.—Такъ не имѣется уже на рукахъ у г.г. рецензентовъ рукописныхъ магистерскихъ диссертацій кандидатовъ Академіи: *Сергѣя Чистосердова* (выпуска 1899 года), представленной въ Совѣтъ Академіи 4 сентября 1902 года, *Тихона Петрова* (выпуска 1897 года) представленной 18 ноября 1904 года, *Дмитрія Зубкова* (выпуска 1889 года), представленной 20 сентября 1907 года, *Николая Гальковскаго* (выпуска 1895 года), представленной 10 іюня 1908 года, *священника Веніамина Платонова* (выпуска 1910 года), представленной 17 декабря 1910 года, и *Сергѣя Знаменскаго* (выпуска 1907 года), представленной 11 января 1912 года.

Предлагаю Совѣту Академіи,—дабы не ставить въ ложное положеніе г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи, по дѣйствующему нынѣ академическому уставу (§§ 172 и 173, *примѣч.*) ограниченныхъ въ дѣлѣ разсмотрѣнія диссертацій на ученыя богословскія степени опредѣленными сроками (4 и 5 мѣсяцевъ),—прекратить дѣла о соисканіи поименованными кандидатами Академіи степени магистра богословія, предоставивъ имъ вновь возбуждать таковыя по окончательномъ исправленіи или напечатаніи ихъ диссертацій.

Независимо отъ сего предлагаю Совѣту поручить кому-либо изъ г.г. профессоровъ и преподавателей Академіи разсмотрѣніе и оцѣнку докторской диссертаціи г. директора на-

родныхъ училищъ Таврической губерніи Сергѣя *Маргаритова* подъ заглавіемъ: „Исторія русскихъ мистическихъ и раціоналистическихъ сектъ“. Симферополь, 1910 г., такъ какъ и второй, назначенный Совѣтомъ, рецензентъ (первымъ былъ экстраординарный профессоръ Академіи И. М. Громогласовъ)—и. д. доцента по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства П. Г. Айвазовъ—переведенъ на службу въ Императорскую Петроградскую Духовную Академію“.

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, дѣла о соисканіи степени магистра богословія кандидатами Академіи — Сергѣемъ *Чистосердовымъ*, Тихономъ *Петровымъ*, Дмитріемъ *Зубковымъ*, Николаемъ *Гальковскимъ*, священникомъ Веніаминомъ *Платоновымъ* и Сергѣемъ *Знаменскимъ* считать прекращенными, предоставивъ названнымъ лицамъ вновь возбуждать таковыя по окончательномъ исправленіи или напечатаніи ихъ диссертацій.—2) Предложить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи возвращать докторскія и магистерскія диссертаціи ихъ авторамъ для исправленія или напечатанія не иначе, какъ съ вѣдома Совѣта Академіи.—3) Разсмотрѣніе и оцѣнку докторской диссертаціи г. директора народныхъ училищъ Таврической губерніи Сергѣя *Маргаритова* поручить и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *А. В. Ремезову*.

XV. Отношеніе Преосвященнаго Ректора Императорской Петроградской Духовной Академіи, *Анастасія, Епископа Ямбургскаго*, за № 3006:

„Императорская Петроградская Духовная Академія, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, предпринимаетъ, при посредствѣ особой Комиссіи, научное изданіе славянской Библіи. Значеніе изданія, задачи и способы его осуществленія изложены въ прилагаемой при семъ запискѣ профессора И. Е. Евсѣева. Согласно утвержденному Св. Синодомъ предположенію Академіи, Комиссія по изданію Библіи образуется изъ представителей соотвѣтствующей спеціальности изъ состава профессоровъ духовныхъ академій, университетовъ, а также членовъ другихъ ученыхъ и учебныхъ установленій. Въ надеждѣ на такое отзывчивое участіе представителей нашей

науки Академія и взяла на себя починъ въ неотложно стоящей предъ нашей наукой и національнымъ сознаніемъ задачѣ издать научно провѣренный текстъ славянской Библіи.

Приступая къ осуществленію указаннаго изданія, Совѣтъ Императорской Петроградской Духовной Академіи поручилъ мнѣ пригласить соотвѣтствующихъ дѣлу сотрудниковъ въ цѣляхъ образованія Комиссіи.

Вслѣдствіе сего честь имѣю просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи оказать содѣйствіе указанному выше научному начинанію Петроградской Духовной Академіи принятіемъ участія въ трудахъ образуемой нынѣ Комиссіи по научному изданію славянской Библіи".

Опредѣлили: Сообщить Преосвященному Анастасію, Епископу Ямбургскому, Ректору Императорской Петроградской Духовной Академіи, что изъ числа профессоровъ и преподавателей Императорской Московской Духовной Академіи, принимая во вниманіе избранныя ими спеціальности и область ихъ прежнихъ ученыхъ трудовъ, могли бы быть приглашены въ составъ Комиссіи и оказать содѣйствіе предпринимаемому дѣлу научнаго изданія славянской Библіи слѣдующія лица: а) сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Академіи *М. Д. Муретовъ*, б) экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкій*, в) экстраординарный профессоръ по 2-й каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *священникъ В. Н. Страховъ*, г) доцентъ по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)* и е) и. д. доцента по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ съ палеографіей *священникъ І. М. Смирновъ*.

XVI. Отношеніе Правленія Императорскаго Московскаго Университета, отъ 23 отктября за № 5654:

„Правленіе Императорскаго Московскаго Университета имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, что, вслѣдствіе отношенія Совѣта отъ 11 октября 1914 г., за № 547, по постановленію Правленія 16 сего октября, разрѣшено доценту Академіи Николаю Дмитріевичу *Протасову* пользоваться книгами Университетской Библіотеки, съ отпускомъ таковыхъ на домъ, подъ ручательство Совѣта Академіи".

Опредѣлили: Принявъ къ свѣдѣнію,—сообщить о послѣдовавшемъ разрѣшеніи пользоваться университетской библіотекой доценту Академіи Н. Д. Протасову.

XVII. а) Отчетъ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи выпуска минувшаго 1913 года *Николая Кочанова* объ его занятіяхъ въ теченіе 1913—1914 учебнаго года.

б) Отзывъ объ означенномъ отчетѣ экстраординарнаго профессора Академіи *священника Е. А. Воронцова*:

„Въ прошломъ учебномъ году г. Кочанову было предложено во-первыхъ продолжить изученіе исторической грамматики еврейскаго языка и во-вторыхъ—заняться обработкою кандидатскаго сочиненія объ языкѣ книги Притчей въ магистерское разсужденіе. Та и другая задача выполнена имъ превосходно, несмотря на множество препятствій, требовавшихъ незаурядной энергіи для своего преодолѣнія. Исторія еврейскаго языка до сихъ поръ крайне мало разработана, а обычныя пособія по еврейскому языку излагаютъ наблюденія надъ цѣлокупнымъ лингвистическимъ матеріаломъ ветхозавѣтнаго Священнаго Писанія, внѣ какой бы то ни было тенденціи индивидуализировать языкъ литературныхъ формацій и авторовъ. Отсюда г. Кочанову приходилось нераспаханную новь превращать въ благоустроенное поле. На протяженіи почти столѣтія между трудомъ Гезенія „Исторія еврейскаго языка и письма“. Лейпцигъ 1815 и работою Кенига „Вступленія (Prolegomena und Grundlinien) въ исторію семитическихъ языковъ“. Берлинъ 1901 г. появилось очень мало трудовъ оригинальныхъ по замыслу и хорошихъ по выполненію, даже работа Ренана не отличается умѣлымъ примѣненіемъ незаурядной эрудиціи этого французскаго оріенталиста къ техническому опредѣленію эпохъ въ исторіи еврейскаго языка. Г. Кочановъ приводитъ длинный списокъ пособій на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какія были имъ штудированы болѣе съ отрицательной, чѣмъ съ положительной цѣлью: всѣ они привели его къ выводу о неизбѣжности самостоятельнаго изслѣдованія и конструкціи исторіи библейско-еврейскаго языка. Опытъ такой конструкціи онъ излагаетъ въ своемъ отчетѣ, выступая хорошимъ лингвистомъ:

здѣсь понадобились экскурсы въ область аккадійскаго и сумерійскаго языковъ, изученіе хронологической стратификаціи арамейскихъ нарѣчій, ознакомленіе съ ассирійскимъ языкомъ, съ обширнымъ семитическимъ эпиграфическимъ матеріаломъ, детальное изученіе языка Телль-Амарнской переписки въ ея ханаанизмахъ по Дорму и Болю. Такъ нѣсколько обрисовалась фонетическая и морфологическая структура Хананейскаго идіома, губы Ханаана, какъ сказано у пророка Исаіи (19, 18). Все сдѣланное г. Кочановымъ въ области изученія исторіи еврейскаго языка можетъ составить превосходное введеніе въ его диссертацію объ языкѣ книги Притчей.

Что касается до изученія языка, графо—и текстологіи Мишлэ, то въ этой спеціальной области г. Кочановымъ по преимуществу былъ обслѣдованъ лексическій матеріалъ этого памятника священной письменности. Работа по синонимикѣ естественно расширялась въ изслѣдованіе семасіологіи главнѣйшихъ выраженій, техническихъ для ветхозавѣтнаго приточника, причемъ вниманіе г. Кочанова привлекли случаи антифрасиса, освѣщенные имъ при пособіи Ландау: Антифрастическіе элементы въ древне—и новоеврейскомъ языкѣ. Берлинъ 1896. Работа Каспари по установленію метода семасіологическихъ изслѣдованій въ области еврейскаго лексикона содѣйствовала г. Кочанову въ выборѣ и группировкѣ семасіологическихъ данныхъ въ примѣненіи къ языку книги Притчей. Въ виду того, что отдѣлъ объ *ἅπαξ λεγόμενα* книги Притчей былъ уже законченъ въ кандидатскомъ разсужденіи г. Кочанова, нужно признать, что настоящимъ семасіологическимъ изслѣдованіемъ языка анализируемаго имъ памятника доводится до конца лексикографическое изслѣдованіе Мишлэ. Длинный рядъ пособій по стилистикѣ и частнымъ вопросамъ еврейской грамматики, прочитанныхъ нашимъ авторомъ, является безспорнымъ показателемъ его трудолюбія, а умѣлое использованіе ихъ для его основной задачи отвести языку книги Притчей подобающее мѣсто въ литературно-лингвистическихъ слоеніяхъ еврейскаго языка—показываетъ талантливаго филолога-семитиста. Рецензентъ можетъ только пожелать автору отчета скорѣйшаго и благоуспѣшнаго завершенія магистерской работы".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Представленный экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы *Н. Л. Тунницкимъ* планъ занятій на 1914—1915 учебный годъ для оставленнаго при Академіи на означенный учебный годъ (по указу Святѣйшаго Синода отъ 13 сентября 1914 года за № 15326) кандидата богословія *Михаила Струмѣнскаго:*

„Научныя занятія г. кандидата Струмѣнскаго въ 1914—1915 уч. году, по моему мнѣнію, должны быть посвящены дальнѣйшей разработкѣ его кандидатскаго сочиненія, написаннаго на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевской Лаврѣ со времени ея основанія до XVII вѣка". Имѣя въ виду сдѣланное г. Струмѣнскимъ въ прошломъ году, теперь я рекомендовалъ бы ему въ частности обратить особенное вниманіе на серію тѣхъ, принадлежащихъ или принадлежавшихъ лаврскому книгохранилищу, рукописей XIV—XV в., которыя носятъ на себѣ слѣды южнославянскаго вліянія. Собранный такимъ образомъ матеріалъ можетъ быть пригоднымъ не только для рѣшенія вопроса о сношеніяхъ Троицкой Лавры съ православнымъ востокомъ въ это время, но и для выясненія различныхъ подробностей южно-славянскаго вліянія на русскую литературу XIV—XV в. Съ другой стороны, г. Струмѣнскому слѣдуетъ тщательно изслѣдовать литературную дѣятельность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, работавшихъ на книжномъ поприщѣ въ Лаврѣ и особенно—Епифанія Премудраго. Что касается трудовъ Максима Грека, то они могутъ привлечь къ себѣ вниманіе лишь постольку, поскольку его дѣятельность связана съ Лаврой. Наконецъ, весьма желательно было бы въ изслѣдованіи г. Струмѣнскаго получить перечень тѣхъ рукописей, которыя, на основаніи приписокъ или письма, должны быть считаемы написанными въ Лаврѣ, лаврскими писцами, въ отличіе отъ рукописей, занесенныхъ въ лаврское книгохранилище изъ другихъ мѣстъ".

Опредѣлили: Представленный планъ занятій утвердить и предложить его кандидату богословія Михаилу *Струмѣнскому* къ руководству и исполненію.

XIX. Отношенія:

а) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 14 октября за № 2817, съ увѣдомленіемъ о полученіи книгъ, возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 7 октября за № 534.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 25 октября за 2005, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи Лаврской библіотеки за № 103 (4)—„Торжественникъ".

в) Управленія Московской Синодальной Типографіи, отъ 10 октября за № 7837, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи книги Московской Типографской Библіотеки: „Греческій Уставъ" (Венеція, 1577 г.) за № 3046 (29, 2553).

г) Императорской Академіи Наукъ, отъ 28 и 30 октября за №№ 501 и 512, съ возвращеніемъ: 1) рукописи фундаментальной академической библіотеки подъ № 90 (Четья-Минея за декабрь мѣсяцъ) и 2) лицевой пергаменной рукописи той же библіотеки подъ № 100 (XIII вѣка, на 273 лл.).

д) Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, отъ 11 ноября за № 2899, съ возвращеніемъ рукописи академической библіотеки подъ № 137 (Псалтирь съ возслѣдованіемъ).

е) Правленія Виѳанской духовной семинаріи, отъ 5 ноября за № 1063, съ возвращеніемъ принадлежащей академической библіотекѣ книги: Syropuli S. Vera historia unionis non verae. 1660.

ж) Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 14 октября за № 1855, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, книгъ академической библіотеки подъ знаками: 1) В. XV 8/274; 2) В. XV 8/275; 3) В. XV 281[3]; 4) В. XV 8/288; 5) В. XV 9/416 и 6) В. XVI 3/18[1].

з) Совѣта Императорской Казанской Духовной Академіи, отъ 13 ноября за №№ 5617 и 5618, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ: 1) рукописи Соловецкой библіотеки подъ № 805 — для занятій студента IV курса Александра

Никунова и 2) книги E. Höhne—для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора священника П. А. Флоренскаго.

и) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 24 октября за № 2899 и 10 ноября за № 3111, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ: 1) книги—Н. Н. Страховъ. Міръ какъ цѣлое. Изд. 2. СПБ. 1892, для научныхъ занятій и. д. доцента Ѳ. К. Андреева, и 2) книгъ: Leonis Allatii in Roberti Creygtoni apparatum... exercitationes. Rome, 1674 и E. Wigand. Die Aromunen. Leipzig, 1894—1895—для научныхъ занятій экстраординарнаго профессора Н. Л. Тушицкаго.

і) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 8 октября за № 1181, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописи изъ собранія Ундольскаго за № 486 („Просвѣтитель“ преп. Іосифа Волоцкаго).

к) Графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, отъ 27 сентября, съ препровожденіемъ, на время надобности, рукописи библіотеки графа Уварова подъ № 241 (852).

л) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры: 1) отъ 17 октября за № 1961, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 217, 263, 315, 321, 606, 617 и 618 (означенныя рукописи возвращены уже Совѣтомъ Академіи въ Духовный Соборъ Лавры и о полученіи ихъ имѣется увѣдомленіе Собора отъ 12 ноября за № 2131), и 2) отъ 10 ноября за № 2112, съ препровожденіемъ, на таковой же срокъ, рукописей Лаврской библіотеки подъ №№ 617 (153), 620 (146), 623 (553), 651 (1232), 624 (156) и 674 (411).

м) Духовнаго Собора Кіево-Печерской Успенской Лавры, отъ 10 ноября за № 8446, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописи Лаврской библіотеки подъ № 290 (145): „Книга словесъ“ іеромонаха Епифанія Славинецкаго.

н) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 30 сентября за № 2790:

„Вслѣдствіе отношеній Совѣта отъ 12 и 22 сентября сего года за №№ 500 и 514 имѣю честь сообщить, что греческая рукопись Патріаршей Библіотеки за № 163 получена въ цѣ-

лости. Что касается славянской рукописи Чудов. собр. № 318, то она хорошей сохранности, никѣмъ не занята и могла бы быть выслана; но, въ виду разстройства почтовыхъ отправленій, вызваннаго обстоятельствами военнаго времени, Библіотека опасается ввѣрять цѣнные памятники письменности обычнымъ способамъ пересылки и уже отказала нѣкоторымъ учрежденіямъ въ ихъ отправкѣ. Если бы, однако, Совѣтъ нашелъ возможнымъ прислать благонадежное лицо въ качествѣ нарочнаго съ довѣренностью на полученіе памятника, то онъ могъ бы быть врученъ довѣренному въ помѣщеніи Библіотеки для доставленія въ Академію. Уполномоченное лицо могло бы заразъ получить и ту рукопись, о которой заявлялъ Завѣдующему Библіотекой Профессоръ Муретовъ (хотя и не указалъ №). Такой способъ пересылки обошелся бы, въ виду близости разстоянія отъ Москвы, не дороже почтоваго, да и Академія одинъ разъ уже прибѣгала къ нему по собственному почину".

о) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 15 октября за № 1201:

„Въ отвѣтъ на отношеніе отъ 13-го сего сентября за № 553 Императорскій Московскій и Румянцовскій Музей имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи, что высылка рукописей, въ виду не вполнѣ правильной желѣзнодорожной службы, по причинѣ военнаго времени, представляется весьма затруднительной, и посему пріостанавливается до окончанія войны".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XX. Отношеніе Совѣта Императорской Кіевской Духовной Академіи, отъ 6 ноября за № 1991:

„Вслѣдствіе просьбы экстраординарнаго профессора Ѳ. П. Мищенко, Совѣтъ Императорской Кіевской Духовной Академіи покорнѣйше проситъ выслать необходимыя студенту IV курса В. Корнху для составленія курсового сочиненія слѣдующія книги изъ Библіотеки Московской Академіи: 1) Theologische Quartalschrift, 1882 (нужна статья: A. Krawutzky, Über dasaltkirchliche Unterrichtsbuch, Die Zwei Wege, помѣщенная въ III, стр. 359—445); 2) тотъ же журналъ за 1884 г. (также небольшая статья Кравуцкаго)".

Опредѣлили: Выслать въ Совѣтъ Императорской Кіевской Духовной Академіи означенныя въ отношеніи книги на трехмѣсячный срокъ.

XXI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія:

а) На представленіи Преосвященнаго Ректора Академіи, отъ 24 сентября за № 518, о допущеніи къ слушанію академическихъ лекцій, на основаніяхъ, изложенныхъ въ § 147 академическаго устава: окончившаго курсъ Новоузенскаго реальнаго училища Максима *Маценко*, окончившаго Казанскіе Миссіонерскіе Курсы мѣщанина Ивана *Никитина* и чтеца архіерейской церкви г. Полтавы Григорія *Стоянова*: „29 сент. 1914. Разрѣшается".

б) На таковомъ же представленіи, отъ 24 октября за 563, о допущеніи къ слушанію академическихъ лекцій соборнаго *священника* г. Новоузенска, Самарской епархіи, *Виктора Николаева*: „27 окт. 1914. Согласенъ".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „29 дек. 1914. Исполнить".

1 декабря 1914 года.

№ 17.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, С. С. Глаголевъ, М. М. Богословскій и Д. И. Введенскій; экстраординарные профессоры—священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; заслуженный экстраорди-

нарный профессоръ П. П. Соколовъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ, священникъ В. Н. Страховъ, священникъ П. В. Гумилевскій и священникъ П. А. Флоренскій.

Въ собраніи семъ законоучитель Московскаго Александровскаго Института, кандидатъ богословія, *священникъ Николай Виноградовъ* защищалъ на коллоквіумѣ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Книга пророка Аггея. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе". Сергіевъ Посадъ, 1914 г.

Оффиціальными оппонентами были: доцентъ Академіи по 2-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)* и экстраординарный профессоръ по 1-ой каѳедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта *священникъ Димитрій Рождественскій.*

По окончаніи коллоквіума, Преосвященный Ректоръ Академіи, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту удовлетворительною, а магистранта — достойнымъ утвержденія въ искомой имъ степени магистра богословія.

Справка: 1) По *§ 172* устава духовныхъ академій: „Степени магистра богословія удостоиваются кандидаты богословія, по напечатаніи признаннаго Совѣтомъ достаточнымъ для означенной степени сочиненія и по надлежащей защитѣ его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ на коллоквіумѣ а числящіеся по второму разряду, сверхъ того, и по успѣшномъ выдержаніи указанныхъ въ § 171 испытаній".—2) По *§ 109*, лит. *в* п. 6, того же устава „удостоеніе степени магистра богословія" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ чрезъ мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи законоучителя Московскаго Александровскаго Института, кандидата богословія, *священника Николая Виноградова* въ степени магистра богословія.—2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Си-

нодъ—пятнадцать экземпляровъ диссертаціи священника Виноградова и копіи съ отзывовъ о ней доцента Академіи *іеромонаха Варѳоломея (Ремова)* и экстраординарнаго профессора *священника Димитрія Рождественскаго.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „16 дек. 1914. Исполнить“.

16 декабря 1914 года.

№ 18.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и Д. И. Введенскій; заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ и священникъ П. В. Гумилевскій.

Имѣли сужденіе: I. *О выдачѣ одному изъ наставниковъ Академіи награды, въ количествѣ 550 рублей,* изъ процентовъ за 1914-й годъ съ капитала, пожертвованнаго на сей предметъ покойнымъ *Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ* по случаю исполнившагося въ 1864 году пятидесятилѣтія со времени учрежденія Московской Духовной Академіи.

Справка: 1) Правилъ для присужденія награды изъ процентовъ съ капитала *Митрополита Московскаго Филарета,* выработанныхъ Конференціею Академіи и утвержденныхъ резолюціею Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Иннокентія, отъ 20 декабря 1868 года, *а) п. 1:* „Присужденіе

награды наставнику совершается въ собраніи членовъ Конференціи Академіи"; *б) п. 2*: „Преимущественное право на награду даетъ старшинство по полезной и усердной службѣ"; *в) п. 3*: „Наставники, не прослужившіе 6 лѣтъ при Академіи, не имѣютъ права на полученіе награды"; *г) п. 4*: „Наставникъ, получившій однажды награду, можетъ быть удостоенъ оной въ другой разъ не ранѣе какъ черезъ 6 лѣтъ послѣ полученія первой награды"; *д) п. 5*: „Вторичная награда наставнику можетъ быть предлагаема не менѣе какъ 4-мя членами Конференціи и окончательно присуждается большинствомъ голосовъ"; *е) п. 6*: „Старшинство между наставниками, поступившими въ одно время на училищную службу, отдается тому, кто изъ нихъ будетъ признанъ большинствомъ членовъ Конференціи въ старшинствѣ": *ж) п. 7*: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо изъ наставниковъ Академіи можетъ имѣть особую нужду въ денежномъ пособіи, Конференція, по предложенію не менѣе четырехъ членовъ, большинствомъ двухъ третей голосовъ можетъ присудить награду наставнику и не въ порядкѣ старшинства службы, но прослужившему не менѣе шести лѣтъ". 2) Изъ наставниковъ Академіи, *ни разу не получавшихъ означенной награды*, не менѣе шести лѣтъ прослужили при Академіи: а) экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ исторіи философіи *священникъ П. А. Флоренскій*, состоящій на преподавательской должности въ Академіи съ 23 сентября 1908 года, и б) ординарный профессоръ по каѳедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскій*, состоящій въ таковой же должности съ 28 сентября 1908 года.—3) По *§ 109*, лит. *б.* п. 11, академическаго устава—„присужденіе въ подлежащихъ случаяхъ денежныхъ наградъ и пособій преподавателямъ изъ пожертвованныхъ суммъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Награду изъ процентовъ за 1914-й годъ съ капитала Митрополита Московскаго Филарета, въ количествѣ 550 рублей, назначить экстраординарному профессору по каѳедрѣ исторіи философіи *священнику П. А. Флоренскому*,— о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. *О выдачѣ изъ процентовъ за 1914 годъ съ капитала*, поступившаго въ Академію по духовному завѣщанію дочери Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Прасковьи Алексѣевны Мухановой*, пособій *членамъ академической корпораціи*.

Справка: 1) Правилъ при распредѣленіи пособій изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, составленныхъ Совѣтомъ Академіи и допущенныхъ къ руководству резолюціею покойнаго Митрополита Московскаго Сергія отъ 30 іюня 1895 года,—*а*) *п. 1*: „Проценты съ капитала (50.000 р. 5% облигаціями Московскаго Кредитнаго Общества) (нынѣ 32.500 руб. свидѣтельствами Государственной 4% ренты), завѣщаннаго Московской Духовной Академіи П. А. Мухановою, каждогодно раздѣляются на двѣ равныя части, изъ коихъ одна Совѣтомъ Академіи распредѣляется на пособія студентамъ Академіи, другая выдается въ видѣ пособій къ жалованью членамъ академической корпораціи, т.-е. преподавателямъ штатнымъ и сверхштатнымъ, лекторамъ новыхъ языковъ, а также чиновникамъ, получившимъ высшее богословское образованіе“; *б*) *п. 4*: „Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, въ количествѣ 1.187 руб. 50 коп. (нынѣ 1.000 руб.), назначенные на дополнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи, ежегодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно не менѣе трехъ выдается семейнымъ и не менѣе одной безсемейнымъ лицамъ“; *в*) *п. 5*: „Право на пособіе получаютъ тѣ лица академической корпораціи, которыя прослужили не менѣе пяти лѣтъ, а при Академіи не менѣе двухъ лѣтъ, причемъ включается сюда и годъ профессорскаго стипендіатства“; *г*) *п. 6*: „Въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ или крайней нужды пособіе можетъ быть назначено или въ усиленномъ размѣрѣ (чрезъ соединеніе двухъ частей въ одну), или вторично, хотя бы лицо нуждающееся уже получило пособіе въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, а равно прослужившимъ и менѣе 2 лѣтъ“.—2) Устава духовныхъ академій *§ 109*, лит. *б*. п. 11.

Опредѣлили: Изъ процентовъ за 1914 годъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, назначить пособія слѣдующимъ членамъ академической корпораціи: ординарнымъ

профессорамъ *А. А. Спасскому* и *М. М. Тарѣеву*, экстраординарному профессору *П. В. Попову*, доценту *Н. В. Лысогорскому* и секретарю Совѣта и Правленія Академіи *Н. Д. Всѣхсвятскому*, по равной суммѣ—*200 рублей*—каждому,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

III. *О назначеніи окончившимъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанникамъ Академіи премій:* а—б) *Митрополита Литовскаго Іосифа*, въ 165 рублей, и *протоіерея А. П. Невоструева*, въ 157 рублей,—за лучшія кандидатскія сочиненія; в—г) *двухъ* премій *протоіерея А. М. Иванцова-Платонова*, по 80 рублей каждая,—за лучшія кандидатскія сочиненія по церковной исторіи; д) *Архіепископа Димитрія (Самбикина)* въ 76 рублей — за лучшія кандидатскія сочиненія, посвященныя преимущественно описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви; е) *профессора П. Н. Корсунскаго* въ 55 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи или русской библіографіи; ж—з) *двухъ* премій *Митрополита Московскаго Макарія*, по 96 р. 50 к. каждая,—за лучшія семестровыя сочиненія студентовъ Академіи, представленныя ими въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ, и и) *протоіерея І. С. Орлова* въ 32 рубля—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей; а также о присужденіи *одному изъ студентовъ II курса* преміи имени *профессора А. П. Введенскаго* въ 19 рублей—за лучшее третное сочиненіе по философскимъ предметамъ.

Справка: 1) Относительно присужденія преміи *Митрополита Литовскаго Іосифа* указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 декабря 1873 года за № 3778 предписано: „Преміи назначать, не раздробляя ихъ, въ каждой Академіи за кандидатское сочиненіе по какому бы то ни было отдѣленію, признанное лучшимъ изъ представленныхъ студентами при переходѣ изъ III курса въ IV, съ тѣмъ, чтобы, согласно волѣ завѣщателя, выдача премій производилась не прежде, какъ по окончаніи воспитанниками полнаго академическаго курса“. 2) Премія *протоіерея А. П. Невоструева*, согласно п. 1-му правилъ относительно употребленія процентовъ съ пожерт-

вованнаго имъ капитала, присуждается за то изъ кандидатскихъ сочиненій, которое въ этомъ году признано будетъ. Совѣтомъ за лучшее".—3) Положенія о стипендіи и преміи имени *протоіерея А. М. Иванцова-Платонова п. 10*: „Остатки отъ процентовъ со всего стипендіальнаго капитала (сверхъ 220, а нынѣ сверхъ 300 руб.) выдаются въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій по предмету церковной исторіи, по постановленію Совѣта Академіи".—4) Положенія о преміи Высокопреосвященнаго *Архіепископа Димитрія (Самбикина) § 2:* „Премія выдается черезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви".—5) Положенія о преміи имени *профессора И. Н. Корсунскаго § 3:* „Премія присуждается Совѣтомъ Академіи ежегодно окончившему полный академическій курсъ воспитаннику Академіи, представившему отличное по своимъ достоинствамъ кандидатское сочиненіе по одному изъ слѣдующихъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные профессоромъ И. Н. Корсунскимъ научные труды: Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи или русской библіографіи". — 6) Правилъ о присужденіи премій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго *Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ*, утвержденнымъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 января 1885 года за № 251. *а) п. 7-й* (въ новой редакціи, утвержденной указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня 1898 г. за № 2946): „Третья и четвертая преміи назначаются по окончаніи студентами академическаго курса въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети тѣмъ изъ нихъ, которыми поданы были всѣ семестровыя сочиненія, назначенныя имъ въ теченіе трехъ первыхъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означено балломъ 5, и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ ниже 4"; *б) п. 8-й*: „Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у кого сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ же равенства преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ предпочтительно предъ предшествующими". —

7) Изъ окончившихъ въ минувшемъ 1913—1914 учебномъ году курсъ воспитанниковъ Академіи — а) лучшія семесеместровыя сочиненія за первые три курса представили: *Плотниковъ Александръ* (5—, 5, 5+; 5, 5, 5—; 5, 5, 5—), *Соколовъ Михаилъ* (*Моск.*) (5—, 5, 5—; 5, 5+, 5—; 5—, 5, 5), *Виноградовъ Николай* (5—, 5, 5+; 4+, 5, 5; 5—, 4½, 5), *Струмѣнскій Михаилъ* (4½, 5, 5—; 4½, 5, 5—; 4½, 5—, 5), *іеромонахъ Герасимъ* (*Саковскій*) (5—, 5+, 5—; 5—, 5—, 5—; 5—, 5, 4), *Поповъ Тихонъ* (5, 5—, 5—; 5, 5—, 4½; 5—, 4+, 4½) и *Подлуцкій Иванъ* (4½, 4½, 5; 5—, 4+, 5—; 4½, 5, 5—), а б) высшія отмѣтки на проповѣдяхъ имѣютъ: *Подлуцкій Иванъ* (5, 4½, 5, 5+), *Смоленскій Алексѣй* (5, 5—, 5—, 5) и *Волковъ Борисъ* (5, 4½, 5, 5).—8) Положенія о преміи имени заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *А. П. Введенскаго §§ 2—3:* „Премія въ размѣрѣ годичной суммы процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, т.-е. 19 рублей, ежегодно назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, въ декабрьскомъ засѣданіи одному изъ студентовъ II курса за третное сочиненіе, написанное имъ на I курсѣ по систематической философіи и логикѣ.— Если въ предшествовавшемъ учебномъ году не было сочиненія по указанному предмету, то премія можетъ быть назначена за третное сочиненіе по исторіи философіи". —9) По § *109*, лит. *б* п. 10, устава духовныхъ академій „присужденіе студентамъ премій за сочиненія и другихъ наградъ" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Премію Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 рублей присудить кандидату Академіи (выпуска 1914 года) *Плотникову Александру* за его кандидатское сочиненіе на тему: „Обзоръ источниковъ по исторіи иконоборческаго движенія"; премію протоіерея А. П. Невоструева въ 157 рублей—кандидату *Соколову Михаилу* (*Моск.*) за сочиненіе на тему: „Анализъ еврейскаго текста книгъ Бытія и Исходъ въ мѣстахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ содержаніе ветхозавѣтныхъ Богоявленій"; двѣ преміи протоіерея А. М. Иванцова-Платонова, по 80 рублей каждая,—кандидатамъ *Струмѣнскому Михаилу* за сочиненіе на тему: „Книжные и литературные интересы въ Троице-Сергіевой Лаврѣ съ древ-

нѣйшихъ временъ до XVII вѣка", и *Лебедеву Николаю* за сочиненіе на тему: „Волоколамскій Патерикъ"; премію Архіепископа Димитрія (Самбикина) въ 76 рублей—кандидату *Василевскому Ивану* за сочиненіе на тему: „Святитель Димитрій Ростовскій, какъ проповѣдникъ": премію профессора И. Н. Корсунскаго въ 55 рублей — кандидату *Подлуцкому Ивану* за сочиненіе на тему: „Идеи нравственнаго совершенства и счастія въ классической философіи и христіанскомъ ученіи"; двѣ преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія семестровыя сочиненія, по 96 р. 50 к. каждая,—кандидатамъ *Плотникову Александру* и *Соколову Михаилу (Моск.)*; премію протоіерея І. С. Орлова въ 32 рубля за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей—кандидату *Подлуцкому Ивану* и премію профессора А. И. Введенскаго въ 19 рублей—студенту II курса *Гусеву Николаю* за представленное имъ на I курсѣ третное сочиненіе по систематической философіи на тему: „Міроощущеніе Тютчева",—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „3 января 1915 г. Исполнить".

16 декабря 1914 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Ѳеодора, Епископа Волоколамскаго,—Инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостьинъ, ординарные профессоры—С. И. Соболевскій, С. С. Глаголевъ, М. М. Тарѣевъ и Д. И. Введенскій; заслуженный экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, экстраординарные профессоры—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Н. Л. Туницкій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій, священникъ В. Н. Страховъ и священникъ П. А. Флоренскій.

Отсутствовали: Ординарные профессоры—А. И. Алмазовъ, А. А. Спасскій и М. М. Богословскій; экстраординарные профессоры—П. В. Поповъ и священникъ П. В. Гумилевскій.

Слушали: 1. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „18 ноября 1914. Въ Совѣтъ Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 ноября за № 18626:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе *заштатнаго священника* Туркестанской епархіи *Алексія Лаврентьева* о допущеніи его, въ изъятіе изъ правилъ, къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Императорскую Московскую Духовную Академію. Приказали: Прошеніе это, съ однимъ приложеніемъ, препроводить, при указѣ, къ Вашему Преосвященству, съ тѣмъ, чтобы по содержанію прошенія, съ возвращеніемъ онаго и приложенія, представлены были Святѣйшему Синоду свѣдѣнія и заключеніе“.

б) Прошеніе на имя Святѣйшаго Правительствующаго Синода проживающаго въ г. Москвѣ *заштатнаго священника* Туркестанской епархіи *Алексія Лаврентьева*:

„Получивъ образованіе въ 2-омъ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, и сдавъ по богословскимъ предметамъ экзамены при Оренбургской духовной семинаріи—я былъ посвященъ въ санъ священника. Завѣтнымъ желаніемъ моимъ было поступить въ число студентовъ академіи. Но, къ сожалѣнію, новый уставъ академій сдѣлалъ намъ, окончившимъ свѣтскую школу—(кадетскіе корпуса, реальныя училища, учительскіе институты)—преграды. Въ семъ уставѣ нѣтъ §, гдѣ бы эти лица допускались къ пріемнымъ испытаніямъ. Въ прежнемъ уставѣ былъ такой §; въ дополнительной запискѣ къ новому уставу — Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, Архіепископомъ Финляндскимъ, указывалось, что весьма желательно допускать окончившихъ вышеуказанныя среднія учебныя заведенія къ пріемнымъ экзаменамъ. Въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“ за 1911 годъ (декабрь м.) въ напечатанномъ новомъ уставѣ какъ разъ и была осуществлена эта мысль; но когда уставъ въ новой редакціи былъ переизданъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, о лицахъ, окончившихъ кадетскіе корпуса и реальныя училища—ничего уже не упоминалось. Прочитавъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за мартъ мѣсяцъ 1914 года стр. 455 Указъ Святѣйшаго Синода отъ 28 января 1913 года за № 1817—о допущеніи окон-

чившаго Учительскій Институтъ Алексѣя Шишкина къ пріемнымъ экзаменамъ—въ видѣ изъятія—я возымѣлъ большую надежду на подобное же разрѣшеніе, руководствуясь слѣдующими соображеніями: „если реальныя училища и кадетскіе корпуса даютъ право поступать въ высшія спеціальныя школы и университеты при дополнительномъ экзаменѣ по латинскому языку, каковымъ правомъ не пользуются учительскіе институты,—то Святѣйшій Синодъ въ видѣ изъятія можетъ допустить вообще тѣхъ лицъ къ экзаменамъ, кои получили вышеуказанный образовательный цензъ“. Посему усерднѣйше прошу Святѣйшій Синодъ допустить меня къ пріемнымъ испытаніямъ въ 1915 году въ Императорскую Московскую Духовную Академію. Такъ какъ въ семъ году я проболѣлъ и недостаточно подготовился, то не найдетъ ли возможнымъ Святѣйшій Синодъ сперва допустить меня вольнослушателемъ, но съ правомъ подавать семестровыя сочиненія, сдавать переходные экзамены; вѣдь года три тому назадъ это было въ практикѣ: вольнослушатели, какъ и студенты, подвергались испытаніямъ, а затѣмъ, будучи на 2-мъ или 3-мъ курсѣ, сдавали вступительный экзаменъ и зачислялись въ студенты академіи. Хотя таковаго § въ уставѣ не имѣется—но вѣдь я прошу къ себѣ снисхожденія—какъ изъятія изъ общаго правила. При семъ прилагаю свой послужной списокъ. Въ семействѣ имѣю жену и 2-ое дѣтей“.

Опредѣлили: Съ возвращеніемъ прошенія священника Алексія Лаврентьева и копіи его послужного списка почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что:

1) По § 137-му нынѣ дѣйствующаго академическаго устава къ повѣрочнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академіи допускаются лишь: 1) окончившіе курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду, 2) имѣющіе гимназическіе аттестаты зрѣлости и 3) окончившіе курсъ военныхъ училищъ;

2) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 января 1913 года за № 1817 Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи дѣйствительно разрѣшено, въ видѣ изъятія, допустить къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи окончившаго курсъ учительскаго института Алексѣя *Шишкина*, въ виду весьма одобритель-

ныхъ отзывовъ объ его успѣхахъ и поведеніи начальства Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ и Саратовскаго епархіальнаго начальства;

3) По мнѣнію Совѣта Академіи, для священника Алексія Лаврентьева, какъ не прошедшаго полнаго курса богословской школы, наиболѣе полезно было бы избрать прямой путь для поступленія въ Академію и сдать предварительно при одной изъ духовныхъ семинарій экзаменъ на званіе студента оной, что̀ въ значительной мѣрѣ, конечно, гарантировало бы ему и успѣхъ на *конкурсныхъ* повѣрочныхъ испытаніяхъ при пріемѣ въ число студентовъ Академіи.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „18 ноября 1914. Въ Совѣтъ Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 ноября за № 18651:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 Октября 1914 года за № 495, по ходатайству Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи о продленіи и. д. доцента сей академіи по второй каѳедрѣ патрологіи *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)* срока представленія магистерской диссертаціи до 19 сентября 1916 года. Приказали: Согласно ходатайству Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи и представленію Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить и. д. доцента Императорской Московской Духовной Академіи по второй каѳедрѣ патрологіи іеромонаху Пантелеимону (Успенскому) срокъ представленія магистерской диссертаціи до 19 сентября 1916 года; о чемъ увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ".

Опредѣлили: Принявъ къ свѣдѣнію, указъ Святѣйшаго Синода за № 18651 объявить (и объявленъ) и. д. доцента Академіи *іеромонаху Пантелеимону (Успенскому)*.

III. Письма на имя Преосвященнаго Ректора Академіи:

а) Высокопреосвященнаго *Іоанна*, Архіепископа Рижскаго и Митавскаго, отъ 16 ноября за № 320:

„Получивъ изъ Святѣйшаго Синода извѣщеніе объ утвержденіи меня вмѣстѣ съ другими въ званіи почетнаго члена

Императорской Московской Духовной Академіи, поставляю долгомъ принести мою глубокую и сердечную благодарность Вашему Преосвященству и Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи за оказанную мнѣ высокую честь избраніемъ меня почетнымъ членомъ Академіи, которую я привыкъ всегда особенно цѣнить и почитать".

б) Преосвященнаго *Анастасія*, Епископа Ямбургскаго, Ректора Императорской Петроградской Духовной Академіи, отъ 8 декабря за № 3369:

„Позвольте выразить Вашему Преосвященству и глубокоуважаемой Императорской Московской Духовной Академіи горячую признательность за ея доброе отношеніе ко мнѣ и высокую честь, оказанную мнѣ избраніемъ въ свои почетные члены. Мое скромное служеніе наукѣ и просвѣщенію прошло почти все въ университетѣ, а богословской наукѣ и образованію духовнаго юношества оно совсѣмъ не велико. Глубоко сознаю и чувствую это. Поэтому тѣмъ глубже моя благодарность Московской Академіи за ея любовь ко мнѣ.

Радъ и счастливъ теперь служить въ дорогой мнѣ Академіи великому дѣлу, у котораго Господь благословилъ мнѣ сейчасъ быть, и пользуюсь руководствомъ опыта и славы Московской Духовной Академіи, близкой моему сердцу еще со дней юности моей, когда, по окончаніи Казанскаго Университета, какъ профессорскій стипендіатъ его, я былъ командированъ прежде всего въ Москву, для занятій въ книгохранилищахъ ея, по части изученія памятниковъ русской языковой старины, и въ Московскую Духовную Академію, тепло пріютившую меня научно.

Желаю душевно всего прекраснаго духовной матери своей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, готовый быть полезнымъ ей всегда, чѣмъ и какъ только позволятъ мои познанія и силы, по милости Божіей".

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

IV. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *ноябрѣ* мѣсяцѣ текущаго 1914 года, изъ которой видно, что—а) *по болѣзни*: экстраординарный профессоръ священникъ В. Н. Страховъ опустилъ 10 лекцій, экстраординарный профессоръ священникъ П. В. Гумилевскій—6 лекцій, экстраординарный

профессоръ П. П. Соколовъ и и. д. доцента А. М. Туберовскій—по 5 лекцій, ординарный профессоръ С. И. Соболевскій—4 лекціи, и. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостынъ и доцентъ іеромонахъ Варѳоломей (Ремовъ)—по 3 лекціи, ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ и доцентъ В. П. Виноградовъ—по 2 лекціи; б) *по семейнымъ и домашнимъ обстоятельствамъ*: лекторъ А. К. Мишинъ—4 лекціи, ординарные профессоры А. И. Алмазовъ и М. М. Богословскій и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—по 3 лекціи и экстраординарный профессоръ Д. И. Введенскій—2 лекціи; в) *по нахожденію въ отпускѣ*: ординарный профессоръ А. А. Спасскій—14 лекцій".

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

V. Отчетъ по командировкѣ заграницу доцента Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Долгъ имѣю представить Совѣту Академіи краткій отчетъ по командировкѣ меня заграницу въ истекшемъ 1913/1914 г.

Цѣлью своей командировки я поставилъ ознакомленіе, въ возможно широкомъ объемѣ, съ памятниками христіанскаго изобразительнаго искусства современной Италіи, въ предѣлахъ I—XII вв.

Первую, бо́льшую (декабрь 1913 г.—апрѣль 1914 г.), часть бывшаго въ моемъ распоряженіи времени я употребилъ на изученіе памятниковъ античнаго изобразительнаго искусства, главнымъ образомъ, императорской эпохи, имѣя въ виду генезисъ христіанскаго художественнаго творчества первыхъ трехъ вѣковъ. Мѣстами занятій, въ данномъ случаѣ, были: форумы Рима, Помпеи, амфитеатры въ разныхъ мѣстахъ, музейныя собранія античныхъ древностей въ Римѣ, Неаполѣ и пр. Особенное вниманіе было обращено на данныя раскопокъ въ предѣлахъ античныхъ Помпеи, Геркуланума, дворца Флавіевъ на Палатинѣ въ Римѣ. Помимо непосредственнаго анализа памятниковъ, я, благодаря любезности Главнаго Управленія національными памятниками Италіи и завѣдующаго Ватиканскими музеями монсиньора Мишіателли, имѣлъ возможность зафотографировать до 300 монументовъ, нужныхъ мнѣ для исторіи нимба и жертвенника вообще.

На основаніи пріобрѣтеннаго, путемъ штудированія памятниковъ античнаго искусства, матеріала, я могъ приступить къ знакомству съ христіанскими катакомбами въ Римѣ и Неаполѣ съ ихъ окрестностями. Здѣсь предметами моихъ занятій были вопросы строительной техники, орнаментальной и фигуративной декораціи. Отсюда я перешелъ къ фрагментамъ христіанскихъ базиликъ поконстантиновской эпохи, восполняя общую картину исторіи христіанскаго храма лѣтописными свидѣтельствами и сравнительнымъ анализомъ, какъ данныхъ архитектуры съ скульптурой, такъ и мозаичной и фресковой живописи. Вполнѣ естественно, что въ этомъ отдѣлѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ вопросомъ о восточномъ вліяніи, который, однако, оказался нерѣшимъ безъ тщательнаго знакомства съ памятниками архитектуры и живописи христіанской эпохи въ Малой Азіи. Общая картина этого вліянія была ясна только при анализѣ памятниковъ византійскаго искусства, созданныхъ или въ Италіи или же принесенныхъ сюда извнѣ.

Въ заключеніе мною были изучены памятники церковнаго искусства „нормандской“ эпохи (XI сл. вв.)—архитектура, скульптура, полихромная декорація базиликъ Южной Италіи въ городахъ: Acquaviva delle Fonti, Altamura, Andria, Bari, Barletta, Bisceglie, Bitetto, Bitonto, Canosa, Conversano, Molfetta, Palo del Colle, Ruvo di Puglie, Trani, Terlizzi (Rosario). Неизученными, въ указанныхъ предѣлахъ, остались для меня памятники христіанской нумизматики, которымъ на Западѣ придаютъ столь большое значеніе для исторіи иконографіи, и миніатюры.

Кромѣ непосредственнаго изученія памятниковъ искусства въ указанномъ объемѣ, я принималъ участіе въ засѣданіяхъ Папской Археологической Академіи въ Римѣ, посвященныхъ вопросамъ изучаемой мною области. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести здѣсь глубокую благодарность столпу современной археологической христіанской дисциплины профессору Орацію Марукки, который не только облегчалъ мнѣ своимъ содѣйствіемъ свободныя обслѣдованія римскихъ катакомбъ, приглашалъ къ участію въ засѣданіяхъ означенной Академіи, но и лично руководилъ при посѣщеніи недавно открытыхъ и обслѣдованныхъ имъ катакомбъ Коммодиллы.

Вторую, меньшую (май—іюль 1914 г.), часть своей командировки я посвятилъ изученію, такъ называемыхъ, „василіанскихъ гротовъ“ въ Апуліи.

Въ виду того, что подробная рѣчь объ этихъ интереснѣйшихъ и важныхъ для исторіи христіанскаго храма византійской эпохи вообще и, въ частности, для исторіи „монастырской“ архитектуры IX—XIII вв. памятникахъ будетъ въ моемъ спеціальномъ изданіи, въ настоящемъ случаѣ я ограничусь краткой характеристикой техники обслѣдованія ихъ.

Василіанскіе гроты разбросаны по Апуліи, Базиликатѣ, Калабріи и Сициліи, по большей части, въ дали отъ населенныхъ мѣстъ, по склонамъ горныхъ отроговъ, въ лощинахъ; встрѣчаются они въ туфовыхъ равнинахъ и т. д. Большая часть ихъ наукѣ неизвѣстна, не указана въ оффиціальныхъ бюллетеняхъ Главнаго Управленія національными памятниками Италіи. Поэтому, чаще приходилось устанавливать ихъ мѣстонахожденіе путемъ разспросовъ мѣстнаго населенія, которое, надо сказать, въ массѣ, особенно по деревнямъ, нелюдимо, подозрительно относится къ иностранцу и неохотно даетъ нужныя свѣдѣнія. Само оно не придаетъ никакого значенія этимъ гротамъ, и нерѣдко приходилось случайно въ какомъ-нибудь складѣ съ хозяйственными инструментами узнавать гротъ, и дальнѣйшія изысканія приводили къ открытію настѣнной росписи (фресками) съ датами (греческими и латинскими) X—XIII вв. съ указаніемъ именъ настоятелей бывшихъ здѣсь скитовъ. Часто приходилось съ большимъ трудомъ пробираться къ какому-нибудь гроту, поминутно сходя съ лошади и ведя ее на поводу по еле намѣченной тропинкѣ.

Всѣ гроты сильно обвѣтрены, своды угрожаютъ паденіемъ: бывали случаи, что малѣйшее прикосновеніе къ туфовымъ стѣнкамъ вызывало осыпаніе. Многіе гроты почти совершенно засыпаны, и нужно было дѣлать, раньше обмѣровъ и фотографированія, въ собственномъ смыслѣ раскопки, промывать стѣнки водой, спиртомъ, чтобы видѣть краски, которыя, вообще, удивительно хорошо сохранились, несмотря на давность 700—800 лѣтъ.

При всѣхъ естественныхъ и искусственныхъ препятствіяхъ, а также—необходимости прервать работы, вслѣдствіе начавшейся войны, которая могла бы помѣшать возвращенію въ

Россію, мнѣ удалось обслѣдовать 48 гротовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Balsignano (около Modugno), Andria, Monopoli, Fasano, Brindisi, S. Vito dei Normanni, Palagianello, Massafra, Palagiano. Будучи вынужденъ прервать начатыя занятія по изученію столь важнаго памятника, какъ василіанскіе гроты Южной Италіи, области, которая въ IX—XII вв. была почти сплошь населена греческими монахами-выходцами съ востока, располагавшимися здѣсь въ пещерахъ и культивировавшими византійское современное искусство, я питаю надежду, что Совѣтъ Академіи, давшій мнѣ возможность начать обслѣдованіе, одобритъ мое намѣреніе продолжить его въ ближайшемъ будущемъ.

Время и естественныя причины постепенно стираютъ память объ этихъ гротахъ у мѣстнаго населенія и разрушаютъ ихъ. Между тѣмъ, они имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ только благодаря знакомству съ ними и можно вскрыть исторію православнаго монашества востока IX—XI вв., принужденнаго бѣжать сюда отъ гоненій иконоборцевъ, съ одной стороны, и варварскихъ полчищъ, съ другой.

Въ заключеніе настоящаго отчета считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность нашему знаменитому византологу академику Никодиму Павловичу Кондакову, къ голосу котораго прислушиваются и на Западѣ, въ продолженіе послѣднихъ 14 лѣтъ работающему въ Италіи надъ *иконографіей Богоматери*, который именно и направилъ мое вниманіе на обслѣдованіе василіанскихъ гротовъ, давъ нужныя указанія въ этомъ направленіи".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Прошеніе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства *А. В. Ремезова:*

„Отсутствіе какихъ бы то ни было сектантовъ въ Сергіевскомъ Посадѣ дѣлаетъ невозможнымъ непосредственное ознакомленіе моихъ слушателей съ представителями сектантства. Многіе изъ студентовъ еще до сихъ поръ ни разу не видѣли ни одного изъ этихъ послѣднихъ. Между тѣмъ, огромное значеніе личныхъ сношеній въ такомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Смѣю думать, что даже одна поѣздка моихъ слушателей въ мѣстность, населенную сектантами, и присутствіе ихъ на бесѣдѣ какого-нибудь опытнаго

миссіонера съ этими послѣдними не только дастъ имъ возможность составить себѣ живое представленіе о сектантѣ, но и, несомнѣнно, заинтересуетъ ихъ обсужденіемъ спорныхъ съ сектантами вопросовъ.

На этомъ основаніи я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Императорской Московской Духовной Академіи обратиться къ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту, какъ предсѣдателю Миссіонерскаго Совѣта, съ ходатайствомъ объ ассигнованіи изъ средствъ миссіи трехсотъ рублей на миссіонерскую экскурсію студентовъ III—IV курсовъ Академіи".

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ отпускѣ въ 1915-мъ году изъ суммъ Московской каѳедры *трехсотъ рублей (300 р.)* на устройство предлагаемой и. д. доцента А. В. Ремезовымъ *миссіонерской экскурсіи* студентовъ III и IV курсовъ Академіи, изучающихъ въ текущемъ 1914—1915 учебномъ году исторію и обличеніе русскаго сектантства.

VII. Докладъ и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора Академіи *А. П. Шостьина* и экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*, ревизовавшихъ академическую библіотеку:

„Честь имѣемъ доложить Совѣту Академіи о результатахъ произведенной нами, по порученію Совѣта, ревизіи академической библіотеки:

1) Всѣ расходы, произведенные библіотекой въ 1913 году въ суммѣ 2847 рублей, имѣютъ за себя оправдательные документы и вполнѣ соотвѣтствуютъ записямъ пріобрѣтенныхъ книгъ въ инвентарномъ каталогѣ библіотеки.

2) Отчетъ г. библіотекаря Академіи за 1912—1913 академическій годъ стоитъ въ точномъ соотвѣтствіи съ фактическимъ составомъ библіотеки и наличнымъ состояніемъ библіотечнаго хозяйства.

3) При опытахъ провѣрки книжнаго состава библіотеки оказалось, что всѣ затребованныя книги или стоятъ на мѣстахъ, или значатся по карточкамъ выданными тому или иному лицу, имѣющему право на пользованіе библіотекой. На всѣхъ книгахъ имѣются №№ полокъ и печать библіотеки Академіи.

4) Выдача и обратный пріемъ книгъ производится библіотекой въ точномъ соотвѣтствіи съ установленными правилами. Въ частности, г. библіотекаремъ принимаются своевременныя мѣры къ провѣркѣ книгъ, находящихся на рукахъ гг. профессоровъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. а) Представленіе библіотекаря Академіи *К. М. Попова*:

„На основаніи § 209 Академическаго Устава имѣю честь представить въ Совѣтъ Академіи отчетъ по библіотекѣ за 1913—1914 академическій годъ:

I. Въ 1913—1914 академическомъ году библіотека пополнилась 1579 названіями книгъ и журналовъ въ 6248 томахъ и тетрадяхъ. Изъ нихъ 637 названій въ 1394 томахъ и тетрадяхъ пріобрѣтены покупкой, а 933 названія въ 4854 томахъ и тетрадяхъ поступили частью въ даръ отъ разныхъ учрежденій и лицъ, частью въ обмѣнъ на академическій журналъ, частью какъ присланныя въ редакцію академическаго журнала для отзыва и частью какъ академическія изданія и диссертаціи на ученыя степени. — Въ библіотеку практическихъ занятій, организуемую на особо отпущенную сумму, пріобрѣтено книгъ 47 названій въ 107 томахъ, и 3 названія въ 5 томахъ поступили въ даръ. — Въ отчетномъ году пріобрѣтены слѣдующія цѣнныя изданія: 1) Три Вѣка. Изданіе Т-ва Сытина. Томы 1—6. Москва, 1912—1913. 32 р.; 2) Monroe, Cyclopedia of education, vol. 1—4. New York. 1911—1913. 84 шиллинга. 3) Mély, Les lapidaires de l'antiquité et du moyen age, t. 1—2. Paris, 1896—1899. 80 fr. Изъ пожертвованій нужно отмѣтить слѣдующія изданія: 1) Архангельское Евангеліе 1092 г. Изданіе Румянцовскаго Музея. Москва, 1912; 2) Уложеніе Царя Алексѣя Михаиловича. Въ память трехсотлѣтія Дома Романовыхъ. СПБ. 1913; 3) Бояре Романовы и воцареніе Михаила Θеодоровича. Изданіе Комитета празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. СПБ., 1913; 4) Изданія Ватиканской Библіотеки—3 названія въ 11 томахъ; 5) Юбилейный Сборникъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института. ССС (1613—1913). СПБ. 1913, съ Альбомомъ снимковъ съ Царскихъ грамотъ.—Книги для академической библіотеки пріобрѣтались

по требовательнымъ запискамъ наставниковъ Академіи, каковыя, послѣ разсмотрѣнія въ Библіотечной Комиссіи, вносились на утвержденіе Совѣта Академіи.

II. Профессорамъ, преподавателямъ и должностнымъ лицамъ Академіи въ отчетномъ году выдано было 11237 названій книгъ и періодическихъ изданій; въ это число не входятъ книги, о которыхъ наводились справки, какъ о взятыхъ.—Кромѣ того, въ аудиторіи, для практическихъ занятій, было выдано въ теченіе года 782 книги, цѣнныхъ изданія и рукописи.—Требовательныхъ листковъ, по которымъ студенты получаютъ книги изъ библіотеки, въ отчетномъ году израсходовано 76432, и на каждаго студента за годъ приходилось болѣе 300 отдѣльныхъ требованій.

III. Учрежденная по § 210 академическаго устава Библіотечная Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ профессора А. А. Спасскаго изъ проф. М. М. Тарѣева, и. д. доцента свящ. П. А. Флоренскаго и библіотекаря К. М. Попова, въ отчетномъ году имѣла 4 засѣданія. Кромѣ разсмотрѣнія заявленій наставниковъ Академіи о выпискѣ новыхъ книгъ, предметами занятій Комиссіи были: а) составленіе списка періодическихъ изданій на 1914 годъ, и б) составленіе проекта смѣты по фундаментальной библіотекѣ на 1914 годъ.

IV. Въ отчетномъ году изъ разныхъ книгохранилищъ и учрежденій для профессоровъ и студентовъ въ академическую библіотеку было выписано Совѣтомъ Академіи нѣсколько рукописей и книгъ, именно: Изъ Императорской Публичной Библіотеки 12 рукописей и 45 книгъ; изъ Императорскаго Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея 2 рукописи и 14 книгъ; изъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 2 рукописи; изъ библіотеки Императорской Казанской Духовной Академіи 4 книги; изъ библіотеки Императорскаго Университета св. Владиміра 1 книга; изъ библіотеки Императорской Кіевской Духовной Академіи 1 рукопись и 3 книги; изъ библіотеки Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи 8 рукописей и 4 книги; изъ библіотеки Свято-Троицкой Сергіевской Лавры 15 рукописей; изъ библіотеки Попечительства о трудовой помощи 9 книгъ; изъ Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества 1 руко-

пись; изъ Московской Синодальной Библіотеки 7 рукописей; изъ Вологодской Духовной Семинаріи 1 рукопись.—Изъ академической библіотеки въ отчетномъ году было выслано: къ Императорскую Академію Наукъ 4 рукописи; въ Императорскую Археографическую Комиссію 2 рукописи; въ Императорскую Кіевскую Духовную Академію 11 книгъ; въ Императорскую С.-Петербургскую Духовную Академію 1 рукопись; въ Московскую Синодальную Библіотеку 1 рукопись; въ Виѳанскую Духовную Семинарію 12 книгъ; въ Оренбургскую Духовную Семинарію 3 книги; Наблюдателю церковныхъ школъ Костромской епархіи 2 книги.

Въ разное время, частью занимались въ академической библіотекѣ, частью осматривали ее: Преосвященный Евѳимій, Епископъ Барнаульскій, Почетные Члены Академіи Проф. В. А. Соколовъ и Проф. І. А. Татарскій, Ректоръ Болгарскаго Университета въ Софіи В. П. Златарскій и доцентъ того же Университета І. Ивановъ, Приватъ-доцентъ Гельсингфорскаго Университета В. П. Мансикка, Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета Л. П. Пономаревъ, Rev. W. St. Frere, M. E. Atlony, Ch. Brocklebank, M. R. Carpenter, Докторъ Медицины Д. С. Трифановскій, Протоіерей А. А. Бѣляевъ, Библіографъ В. А. Андреевъ, Земскій Начальникъ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи Н. А. Золотухинъ, Преподаватель Коммерческаго Училища въ г. Екатеринодарѣ И. Д. Волковъ, Студентъ Императорскаго Казанскаго Университета Б. Зевалинъ, Слушатели Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Діаконъ В. Мансветовъ и С. Н. Дурылинъ, Два старообрядца изъ с. Городца Нижегородской губерніи, Женщины—врачи Е. Чернавская, Д. Гурлавдъ и З. Казанцева, экскурсія воспитанницъ женской гимназіи г. Пошехонья Ярославской губерніи".

б) Списокъ пожертвованій, поступившихъ въ фундаментальную академическую библіотеку въ 1913—1914 академическомъ году.

1) Отъ Антонія, Архіепископа Волынскаго—Матеріалы по исторіи Почаевской Лавры, изд. В. Левицкимъ. Томъ I-й. Почаевъ, 1912.

2) Отъ Евдокима, Епископа Каширскаго—1) его журналы: а) Христіанинъ 1913 г. №№ 8—12, и 1914 г. №№ 1—7, съ

приложеніями; б) Маленькій Христіанинъ 1913 г. №№ 8—12. и 1914 г. №№1—7, и 2) Письма Митрополита Исидора (Никольскаго) 1877—1888 г., рукопись—автографъ.

3) Отъ Никодима Милаша, Епископа Далматинскаго—его Стон у средньим вијековима. Дубровникъ, 1914.

4) Отъ Николая, Архіепископа Варшавскаго—его: а) Варшавскія бесѣды и рѣчи, вып. VI (1913 г.). Спб., 1913; б) Мои воспоминанія о Московской Духовной Академіи (къ столѣтнему юбилею). Варшава, 1914, пять экз.; и в) Рѣчь предъ молебномъ по случаю объявленія войны Германіей Россіи. Варшава, 1914.

5) Изъ Государственной Думы—а) Стенографическій отчетъ Государственной Думы. 4-й созывъ. Сессія 2-я, части I—V, засѣданія 1—100. Спб., 1914; б) Указатель къ Стенографическому отчету Государственной Думы 4-го созыва 1-й сессіи. Спб., 1913; в) Приложенія къ Стенографическому отчету Государственной Думы 4-го созыва 1-й сессіи, вып. I—VI, и Предметный къ нимъ указатель. Спб., 1913; г) Доклады Бюджетной Коммиссіи и Отдѣловъ 4-го созыва 1-й сессіи, вып. 1—4. Спб., 1913; д) Обзоръ дѣятельности Коммиссій и Отдѣловъ 4-го созыва 1-й сессіи. Спб., 1913; е) Проекты законовъ, одобренные Государственною Думою 4-го созыва 1-й сессіи. Спб. 1913.

6) Изъ Архива Государственнаго Совѣта — Опись дѣлъ Архива, томы 8, 10, 15, 16, 20. Спб., 1911—1913.

7) Изъ Архива Правительствующаго Сената — Клочковъ, Памятная книжка Сенатскаго Архива. Спб., 1913.

8) Изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—его изданіе: Однодневная перепись начальныхъ школъ 18 Января 1911 г., выпуски I—II, V—VII и XII—XV. Спб., 1913—1914.

9) Изъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія—его изданіе: Азіатская Россія, томы 1—2, съ атласомъ. Спб., 1914.

10) Изъ Государственной Канцеляріи—ея изданіе: Уложеніе Алексѣя Михайловича. Спб., 1913.

11) Изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ—а) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы 143—144. Спб., 1913—1914; б) Полное Собраніе Законовъ 3-е, томъ 30: 1—2. Спб., 1913; в) Сводъ Законовъ, томъ XII, часть 1 (Уставъ почтово-телеграфный), изд. 1912 г., два экз.

12) Изъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода—а) Васенко, Бояре Романовы и воцареніе Михаила Θеодоровича. Изданіе Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Спб., 1913, и б) Всеподданнѣйшій отчетъ Оберъ-Прокурора за 1911—1912 гг. Спб., 1913.

13) Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо—его изданіе: Projet de Code Civil pour la Bessarabie 1824—1825. St.—Pétersbourg, 1913.

14) Изъ Императорской Академіи Наукъ—ея изданія: а) Записки по историко-филологическому отдѣленію. 8-ая серія, томъ XII, № 1. Спб., 1913; б) Извѣстія (Bulletin) Академіи Наукъ, 6-ая серія, 1913 г., томъ VII, №№ 12—18, и 1914 г., томъ VIII, №№ 1—11. Спб., 1913—1914; в) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XVIII, кн. 3—4, и XIX, кн. 1—2. Спб., 1913—1914; г) Христіанскій Востокъ, томъ II, вып. 2—3, и томъ III, вып. 1. Спб. 1913—1914; д) Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію, подъ ред. Бенешевича. Вып. 1. Спб., 1913.

15) Изъ Императорской Публичной Библіотеки—ея изданія: а) Отчетъ Библіотеки за 1906 г. Спб., 1913; б) Императорская Публичная Библіотека за сто лѣтъ (1814—1914). Спб., 1914; в) Галлерея Петра Великаго въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Спб., 1903; г) Битва подъ Нарвой 19 Ноября 1700 г. Спб., 1912; д) Палеографическіе снимки съ нѣкоторыхъ рукописей Библіотеки. Спб., 1914.

16) Изъ Императорской Археологической Коммиссіи—а) Извѣстія Коммиссіи, вып. 47; 48: 1—2; 49; 50: 1—2. Спб., 1912; и б) Отчетъ Коммиссіи за 1909 и 1910 годы. Спб., 1913.

17) Изъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—а) Записки Восточнаго Отдѣленія, томъ XXI, вып. 4. Спб., 1913; и б) Записки классическаго отдѣленія, томы VII и VIII. Спб., 1913—1914.

18) Изъ Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея — его изданіе: Архангельское Евангеліе 1092 года. Москва, 1912.

19) Изъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея—Отчетъ Музея за 1911 г. Приложеніе и 1912 годъ. Москва, 1913.

20) Изъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—Чтенія въ Обществѣ 1913 г., кн. 3—4, и 1914 г., кн. 1—2. Москва, 1913—1914.

21) Изъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества—Сообщенія Общества 1913 г., вып. 3—4, и 1914 г., вып. 1—2. Спб. 1913—1914.

22) Изъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа—его изданіе: Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 43-й. Тифлисъ, 1913.

23) Изъ Императорскаго Варшавскаго Университета—Варшавскія Университетскія Извѣстія 1913 г., вып. VI—IX; и 1914 г., вып. I—V. Варшава, 1913—1914.

24) Изъ Императорскаго Университета Св. Владиміра—а) Торжественный Актъ Университета 26 Января 1914 г. Кіевъ, 1914; б) Кованько, Реформа 19 Февраля 1861 г. Кіевъ, 1914; в) Максимовичъ, Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіей, Томъ I. Нѣжинъ, 1913; г) Митилино, Право застройки. Кіевъ, 1914.

25) Изъ Императорскаго Казанскаго Университета—а) Обозрѣнія преподаванія въ 1913—1914 учебномъ году. Казань, 1913; б) Годичный Отчетъ Университета за 1912 годъ. Казань, 1913; в) Грачевъ, Аберраціонное постоянное изъ Казанскихъ наблюденій широты. Казань, 1913; г) Долгоруковъ, Неравенства лунныхъ мѣсяцевъ. Спб. 1912; д) Зарницинъ, Avidität аглютининовъ. Казань, 1914; е) Каппабихъ, Циклотимія. Москва, 1914; ж) Кедрова, О гигантскихъ опухоляхъ женской половой сферы. Казань, 1913; з) Малиновскій, Синовіальныя влагалища тыла кисти у взрослыхъ и дѣтей. Казань, 1913; и) Малиновскій, О вліяніи питуитрина на сокращенія матки при родахъ. Казань, 1913; і) Михайловъ, Объ отношеніи блуждающаго нерва къ дыхательнымъ движеніямъ. Казань, 1914; к) Нонинскій, Самарская лука. Казань, 1913; л) Перекроповъ, Регенерація дефектовъ нервныхъ стволовъ при соединеніи концовъ сосудистыми трубками. Казань, 1913; м) Перимовъ, Постоянный подкожный дренажъ при асцитѣ. Казань, 1914; н) Пичугинъ, Къ вопросу о лецитиновомъ перерожденіи. Казань, 1913; о) Рабиновичъ, Теорія линейныхъ векторфункцій. Одесса, 1911; п) Таратыновъ, О разсасываніи мышцъ при поврежденіи ихъ. Казань, 1914; р) Тимофеевъ, О развитіи желтаго тѣла яичника человѣка. Казань, 1913; с) Удинцевъ, О сосудодвигателяхъ печени. Казань, 1912; т) Шоломовичъ, Наслѣдственность и физическіе признаки вырожденія у душевно-больныхъ и здоровыхъ.

Казань, 1913; у) Эмдинъ, Измѣненія въ поперечнополосатой мышцѣ скелета послѣ перерѣзки нерва. Казань, 1914, и ф) Яхонтовъ, Къ ученію о хромаффинной системѣ. Казань, 1913.

26) Изъ Императорскаго Московскаго Университета—Отчетъ Университета за 1913 годъ. Части I—II. Москва, 1914.

27) Изъ Императорскаго Николаевскаго Университета—а) Отчетъ Университета за 1913 годъ. Саратовъ, 1914, и б) Извѣстія Университета, томъ IV, вып. 3—4, и томъ V, вып. 1. Саратовъ, 1913—1914.

28) Изъ Императорскаго Новороссійскаго Университета—а) Образцовъ, Празднованіе трехсотлѣтія Дома Романовыхъ Университетомъ 21 Февраля 1913 г. Одесса, 1914, и б) Отчетъ Университета за 1912 и 1913 годы. Одесса, 1913—1914.

29) Изъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета—а) Обозрѣніе преподаванія въ 1912—1913 и 1913—1914 гг. Спб., 1912—1913, восемь книжекъ, и б) Записки историко-филологическаго факультета, части CX—CXV. Спб., 1912—1913.

30) Изъ Императорскаго Томскаго Университета—Извѣстія Университета, книги 49, 51—54, 56—58. Томскъ, 1913—1914.

31) Изъ Императорскаго Юрьевскаго Университета—Ученыя Записки Университета, 1913 г., №№ 7—12, и 1914 г., №№ 1—6. Юрьевъ, 1913—1914.

32) Изъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института—а) Юбилейный Сборникъ Института (1613—1913). Спб., 1913, и б) Альбомъ снимковъ съ Царскихъ грамотъ, принадлежащихъ Институту (1613—1913). Спб., 1913.

33) Изъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая—Ученыя Записки Лицея. Выпускъ 7-й. Москва, 1913.

34) Изъ Императорской Казанской Духовной Академіи—а) Годичный актъ 8 Ноября 1913 г. Казань, 1913; б) Ершовъ, Проблема богопознанія въ философіи Мальбранша. Казань, 1914; в) Лупповъ, Христіанство у Вотяковъ въ первой половинѣ XIX в. Вятка, 1911; г) Песчанскій, Свидѣтельство Христа о своемъ божествѣ. Казань, 1912 (1913); д) Прокошевъ, Didascalia Apostolorum. Томскъ, 1913; е) Скворцовъ, Патріархъ Адріанъ. Казань, 1913; ж) Успенскій, Царскіе иконописцы и живописцы XVII в. Москва, 1913; з) Юрьевскій, Гомилетика. Кіевъ, 1903.

35) Изъ Императорской Кіевской Духовной Академіи—а) Рѣчь и Отчетъ Академіи за 1912—1913 учебный годъ. Кіевъ,

1914; б) Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Академіи за 1911—12 учебный годъ. Кіевъ, 1912; в) Діаковскій, Послѣдованіе часовъ и изобразительныхъ. Кіевъ, 1913; г). Кальневъ, Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ—раціоналистовъ. Одесса, 1913; д) Лященко, Св. Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій. Кіевъ, 1913; е) Поповичъ, Книга пророка Аггея. Кіевъ, 1913; ж) Рыбинскій, Самаряне. Кіевъ, 1913; з) Стельмашенко, Петръ Скарга. Кіевъ, 1912; и) Терлецкій, Очерки, изслѣдованія и статьи по сектантству, вып. I—III. Полтава, 1911—1912; і) Троицкій, Второбрачіе клириковъ. Спб., 1912: к) Систематическій каталогъ Библіотеки Академіи, вып, 12. Кіевъ, 1913; л) Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ. Академіи, вып. X—XI. Кіевъ, 1913.

36) Изъ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи—а) Журналы Совѣта Академіи за 1907—1908 учебный годъ. Спб., 1908 (1914); б) Свидерскій, Іоаннъ Красовскій, Уніатскій архіепископъ. Витебскъ, 1911; в) Чаленко, Независимость христіанскаго ученія о нравственности отъ этики античныхъ философовъ, части I—II. Полтава. 1912; г) Якшичъ, Изъ церковной исторіи православныхъ Сербовъ конца XVII в. Прага, 1912.

37) Изъ Черновицкаго Университета—а) Verzeichnis der öffentlichen Vorlesungen im Wintersemester 1913—1914 u Sommersemester 1914. Czernowitz, 1913—1914: б) Personalstand im Studien—Jahre 1913 —1914. Czernowitz, 1913; в) Feierliche Inauguration 1913—1914. Czernowitz, 1913.

38) Изъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ—Извѣстія Института. Томъ XVI. Софія, 1912.

39) Изъ Восточнаго Института во Владивостокѣ — а) Извѣстія Института. годъ 11-й (1909—1910): томъ XXXI. вып. 3-й; XXXII, вып. 3-й; XXXV, вып, I-й; годъ 12-й (1910—1911): томъ XXXVIII; XXXIX, вып. 1 и 2; XL; Приложеніе 2 е; Особое приложеніе, вып. I й; годъ 14-й (1912—1913): томъ XLVI; XLVII; XLVIII, вып. I-й; годъ 15 й (1913—1914): томъ LI, вып. I-й, Владивостокъ, 1913—1914, и б) Кюнеръ, Сношенія Россіи съ Дальнимъ Востокомъ. Изданіе 2-е Владивостокъ, 1914.

40) Изъ Демидовскаго Юридическаго Лицея—Временникъ Лицея, кн. 108—112. Ярославль, 1912—1914.

41) Изъ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ—Извѣстія Института, томъ XXVIII. Нѣжинъ, 1913.

42) Изъ Московскаго Коммерческаго Института—Отчетъ Института за 1912—1913 годъ. Москва, 1914.

43) Изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—его изданіе: Архивъ Царства Польскаго. Часть I. Москва, 1914.

44) Изъ Ватиканской Библіотеки—ея изданія: а) Codices Urbinates Latini, tom. II. Romae, 1912; б) Codices Vaticáni Latini, tom. III. Romae, 1912; в) Studi e Testi, 16—24. Roma, 1906—1912.

45) Изъ Братства Преподобнаго Сергія—Отчетъ Братства за 1911 и 1912 гг. Сергіевъ Посадъ, 1913—1913.

46) Изъ Рязанскаго Епархіальнаго Древлехранилища — брошюра: Открытіе Древлехранилища (19 Января 1914 г.). Рязань, 1914.

47) Изъ Комитета по завѣдыванію Церковнымъ Древнехранилищемъ въ г. Великомъ Устюгѣ—его изданіе: Шляпинъ, Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря. Часть II. Великій-Устюгъ, 1913.

48) Изъ Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи—его изданіе: Матеріалы по иконографіи. № 1. Спб. 1913.

49) Изъ Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ — ея изданія: а) Акты, Томъ XXXVIII. Вильна, 1914; б) Опись документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ. Выпускъ X. Вильна, 1913; в) Пятидесятилѣтіе Коммиссіи. Юбилейная записка. Вильна, 1914; г) Торжественное собраніе Коммиссіи 17 Апрѣля 1914 г. (По поводу 50 лѣтія существованія). Вильна, 1914.

50) Изъ Красноярской Городской Училищной Коммиссіи—ея изданіе: Оносовскій, Начальныя школы г. Красноярска. Красноярскъ, 1914.

51) Изъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи—ея изданія: а) Дѣйствія Коммиссіи. Сборникъ. Томъ XVII, вып. 1. Нижній-Новгородъ, 1914; б) Изъ родной старины. Выставка Коммиссіи 1913—1914 г. Нижній Новгородъ, 1913; в) Отчетъ Коммиссіи за 26 (1912—1913) годъ. Нижній-Новгородъ, 1914.

52) Изъ Русской Духовной Миссіи въ Японіи—ея изда-

ніе: Православная Мысль. Годъ 1-й (1913), книга 1-я. Токіо, 1913.

53) Изъ Минусинскаго Городского Мартьяновскаго Музея—его изданіе: Ватинъ, Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Минусинскъ, 1913.

54) Изъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія—его юбилейныя изданія: а) Извѣковъ, Историческій очеркъ полувѣковой жизни и дѣятельности Общества (1863—1913 гг.) Москва, 1913; б) Извѣковъ, Указатель статей въ журналѣ: „Чтенія въ Обществѣ" (1880—1894 и 1910—1912 гг.) Москва, 1913; в) Полувѣковой юбилей Общества (1863—1913 гг.). Москва, 1913.

55) Изъ Московскаго Математическаго Общества—его изданіе: Математическій Сборникъ, томъ XXIX, вып. 1—2. Москва, 1913—1914,

56) Изъ Славянскаго Благотворительнаго Общества — его изданіе: Славянскія Извѣстія. Годъ 1912—1913: №№ 1—57. Спб., 1912—1913.

57) Изъ Ярославскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—его изданія: а) Ярославскій Епархіальный Училищный Совѣтъ и краткій обзоръ дѣятельности его за 25 лѣтъ существованія (1887—1912 г.). Ярославль, 1913; б) Вѣдомость о церковныхъ школахъ Ярославской епархіи за 1913 гражд. годъ. Ярославль, 1914.

58) Отъ Академическаго корпораціоннаго товарищества по выпискѣ журналовъ—журналы: а) Русское Богатство 1912 г., №№ 1—12; 1913 г., №№ 1—4 и 6—12; 1914 г., №№ 1—6; б) Современный Міръ 1913 г., №№ 1—2 и 7—12; 1914 г., №№ 1—6.

59) Отъ Инспектора Академіи Архимандрита Иларіона—аа) его брошюры: а) Тріединство Божества и единство человѣчества. Москва, 1912; б) О необходимости историко-догматической апологіи девятаго члена Символа вѣры. Сергіевъ Посадъ, 1913; в) Наука и жизнь. Москва, 1913; г) Покаяніе въ Церкви и покаяніе въ католичествѣ. Москва, 1913; д) Священное Писаніе и Церковь. Москва, 1914; е) Замѣчанія, поправки и дополненія къ „Православному Догматическому Богословію" прот. Н. П. Малиновскаго (тт. III и IV). Сергіевъ Посадъ, 1914; бб) брошюры Архіепископа Волынскаго Антонія: а) Еврейскій вопросъ и Святая Библія. Переводъ на

еврейскій языкъ А. Баринштейна. Спб., 1910 (1909); б) L'idée morale des dogmes de la T. S. Trinité, de la Divinité de Iésus-Christ et de la rédemption. Paris, 1910; в) La restauration du Patriarcat dans l'Eglise Orthodoxe de Russie. St.—Pétersbourg. 1912.

60) Отъ Приватъ-Доцента Императорскаго Университета св. Владиміра С. Бугославскаго—его брошюры: а) Отчетъ о занятіяхъ въ библіотекахъ Москвы, С.-Петербурга и села Порѣчья. Кіевъ, 1913; б) Нѣсколько замѣчаній къ теоріи и практикѣ критики текста. Черниговъ, 1913.

61) Отъ Доцента Академіи В. П. Виноградова — его брошюра: Къ вопросу о литературныхъ источникахъ, составѣ и происхожденіи древне-славянской группы поученій на Четыредесятницу. Спб., 1914.

62) Отъ профессора Академіи Свящ. Е. А. Воронцова—книга: И. Г. Троицкій, Библейская археологія. Спб., 1913.

63) Отъ бывшаго Профессора Академіи Г. А. Воскресенскаго—его книга: Православные Славяне въ Австро-Венгріи. Спб., 1913, три экз.

64) Отъ Профессора Импер. Московскаго Университета П. В. Гидулянова—книга: В. Н. Бенешевичъ, Синагога въ 50 титуловъ и другіе юридическіе сборники Іоанна Схоластика. Спб., 1913.

65) Отъ Профессора Академіи С. С. Глаголева—его книга: Естественно-научные вопросы, въ ихъ отношеніи къ христіанскому міропониманію. Сергіевъ Посадъ, 1913.

66) Отъ Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскаго—аа) его труды: а) О Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ. Кіевъ, 1913; б) Orthodoxy in its essence. New York., 1913; в) Православіе по его существу. Спб., 1914; г) Библейская критика въ Голландіи. Спб., 1913; д) Высокопреосвященный Смарагдъ (Крыжановскій), Архіепископъ Рязанскій. Спб., 1914; е) Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Кіевъ, 1914; и бб) брошюра Мелихова, Н. Н. Глубоковскій. По поводу 25-лѣтія его ученой дѣятельности. Харьковъ, 1914.

67) Отъ Профессора Академіи Свящ. П. В. Гумилевскаго—его книга: Сѣмя вѣры. 1. Сергіевъ Посадъ, 1913.

68) Отъ Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи

П. Е. Евсѣева—его брошюра: Острожская Библія 1581 г. въ старообрядческой перепечаткѣ. Спб., 1914.

69) Отъ Наслѣдниковъ Профессора Академіи П. И. Казанскаго—книги: а) Herrmann, Die sittlichen Weisungen Jesu. 2-te Auflage. Göttingen, 1907; б) Andreae, Die Entwicklung der theoretischen Pädagogik. Leipzig, 1911; в) Lhotzky, Die Seele deines Kindes. Düsseldorf, s. a.; г) Jessen, Pädagogische Skizzen. Wien, 1871; д) Л. Н. Толстой, Посмертныя художественныя произведенія, томъ 2-й. Berlin, 1912; е) Freie Pädagogische Blätter. 1871. Jahrgang. Wien, 1871; ж) Tannery, Pour l'histoire de la science Hellène. De Thalès a Empedocle. Paris, 1887; з) Hippocrates, Opera omnia. Tomus I. Cur. Kühn. Lipsiae, 1825; и) Neander, Geschichte der Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel. 4-tè Auflage. Bde 1—2. Hamburg, 1847; і) Frank, Geschichte der Protestantischen Theologie 1-er Theil. Leipzig, 1862; к) Neander, Das Leben Iesu Christi. 5-te Auflage. Hamburg, 1852.

70) Отъ бывшаго профессора Академіи Н. Ѳ. Каптерева—его брошюра: Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Москва, 1912.

71) Отъ Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта—изданія Финляндской Комиссіи: а) Уставъ для лоцманскаго и маячнаго вѣдомства 9 мая 1870 г. Спб., 1913; б) Статьи Свода Законовъ, относящіяся до В. Кн. Финляндскаго. Спб., 1913; в) Статьи Свода Военныхъ Постановленій 1869 г. относящіяся до В. Кн. Финляндскаго. Спб., 1913: г) Таможенный Тарифъ В. Кн. Финляндскаго 22 декабря 1886 г. съ измѣненіями и дополненіями по 12 іюня 1913 г. Спб., 1913.

72) Отъ Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Прот. П. Лепорскаго—его брошюра: Пятидесятилѣтній юбилей ученой дѣятельности проф. А. Л. Катанскаго. Спб., 1913.

73) Отъ Профессора Академіи М. Д. Муретова — его брошюра: Житіе св. Климента Болгарскаго написан. Архіеп. Болгаріи Ѳеофилактомъ. Сергіевъ Посадъ, 1913, три экз.

74) Отъ Профессора Академіи А. П. Орлова—книга: Колемишъ, Римскій Духовный Цезаризмъ передъ лицомъ Соборной Православной Церкви. Спб., 1913.

75) Отъ Доцента Кіевской Духовной Академіи Н. Н. Пальмова—его брошюра: Грузинскій омофоръ 1691 года изъ ризницы Кіево-Софійскаго собора. Кіевъ, 1913.

76) Отъ и. д. Доцента Академіи Іеромон. Пантелеимона—книга: *Συμεων ο Νεος Θεολογος, Τα ευρισκομενα. Εν Συρφ*, 1886.

77) Отъ Доцента Кіевской Духовной Академіи Г. Поповича—его трудъ: Книга пророка Аггея. Кіевъ, 1913.

78) Отъ Лектора Академіи Свящ. Н. А. Преображенскаго—книги: а) Corelli, Holy orders, I—II. Leipzig, 1908; б) Corelli, The life everlasting, I—II. Leipzig, 1911; в) C. Doyle, The Poison Belt. Leipzig, 1913.

78 а) Отъ Доцента Казанской Духовной Академіи В. П. Протопопова—его труды: а) Поѣздка къ Самарянамъ. Самарянская пасха на горѣ Гаризимъ. Казань, 1911; б) Прежде и теперь. Казань, 1912; в) Самарянскія хроники. Казань, 1913: г) Самарянская „Книга Іисуса Навина". Казань, 1913; д) Самаританскіе разсказы о первоначальной исторіи Самаританъ. Казань, 1911.

79) Отъ Профессора Академіи Свящ. Д. В. Рождественскаго—книги: а) Грептовъ, Добыча и обработка полезныхъ ископаемыхъ. Спб., 1902; б) Роско—Шорлеммеръ, Краткій учебникъ химіи. Спб., 1902; в) Неймайръ, Вулканы и землетрясенія. Спб., 1902; г) Кернеръ—фонъ—Марилаунъ, Растенія и человѣкъ. Спб., 1902; д) *Οικονομιδης, Κριτικη ερμηνεια της Ευαγγελικης ρησεως „Ο Υιος του ανθροπου". Αθηνησιν*, 1878; е) Humboldt, Ansichten der Natur. Leipzig und Wien, s. a.; ж) Brehm, Die Haushunde. Leipzig und Wien, s. a.; з) Fichte, Reden an die deutsche Nation. Leipzig, s. a.; и) Цилтей, Дѣтской Атласъ. Томъ 4-й. Москва, 1771; і) Ширази, Гюлистанъ. Москва, 1882; к) Черемисская грамматика. Казань, 1837; л) Антоній Барановскій, Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. Спб., 1898; м) Начертаніе правилъ Чувашскаго языка. Казань, 1836; н) Murray, English grammar. 39-th edition. York, 1825; о) Греческо-русскій словарь. Москва, 1864; п) Illustrirtes Konversations—Lexikon. 8-te Auflage. Bde 2, 3, 4, 6, 7, 8. Leipzig und Berlin, 1885—1892; р) *Δωροθεος Σχολαριος, Ταμειον της Πατρολογιας, Τομος Α. Εν Αθηναις*, 1883.

80) Отъ профессора Университета Св. Владиміра П. А. Сикорскаго—его брошюра: Экспертиза по дѣлу объ убійствѣ Андрюши Ющинскаго. Спб., 1913.

81) Отъ и. д. Доцента Академіи Свящ. І. М. Смирнова—его брошюра: Древне-церковно-славянскій языкъ и его возможное жизненное примѣненіе. Сергіевъ Посадъ, 1913, два экз.

82) Отъ Профессора Академіи С. И. Смирнова—его труды: а) Изслѣдованіе В. О. Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва, 1913; б) Древне-русскій духовникъ. Москва, 1913, и в) Древне-русскій духовникъ, съ приложеніемъ: Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. Москва, 1914.

83) Отъ Академика А. И. Соболевскаго—книги и брошюры: а) Бѣлокуровъ, Отзывъ о сочиненіи Н. Д. Извѣкова, „Московскія Кремлевскія дворцовыя церкви въ XVII в.". Спб., 1910; б) Скибинскій, Сочиненія. Москва, 1914; в) Введенскій А—ръ И. Философскіе очерки. Выпускъ I. Спб., 1901; г) К. Націонализмъ и религія Достоевскаго. Спб., 1906; д) Памяти И. И. Корнилова. Спб., 1911.

84) Отъ профессора Академіи С. И. Соболевскаго—аа) его брошюра: *Κοινή*. „Общій" греческій языкъ. Спб., 1908; и бб) брошюра: Торжественное собраніе выборныхъ Московскаго Купеческаго Сословія 30 ноября 1913 года. Москва, 1913.

85) Отъ и. д. Доцента Академіи А. М. Туберовскаго—его брошюра: Сладость бытія. Сергіевъ Посадъ, 1913.

86) Отъ Профессора Академіи Н. Л. Туницкаго—брошюра: Iagic, Отзывъ о книгѣ: Н. Л. Туницкій, Св. Климентъ, епископъ словенскій. Berlin. 1914.

87) Отъ и. д. Доцента Академіи Свящ. П. А. Флоренскаго—его книга: Столпъ и утвержденіе истины. К—во Путь. Москва, 1914.

88) Отъ Московскаго Протоіерея А. Аѳонскаго — книги и журналы: а) Buchmann, Die unfreie und die freie Kirche. 2-te Auflage. Breslau, 1875; б) Бурже, Экранъ. Москва, 1900; в) Рунцинскій, Религіозный бытъ русскихъ XVI и XVII вѣковъ. Москва, 1871; г) Ouvrages politiques et philosophiques. Londres, 1776; д) Павловъ, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Часть I. Одесса, 1871; е) Уинсоръ, Колумбъ и открытіе Америки. Спб., 1893; ж) М. Н. Муравьевъ, Сочиненія, 1—2. Спб., 1847; з) Риттеръ, Исторія философіи, часть 1-я. Спб., 1839; и) Чтеніе для всѣхъ. Вып. 1-й. Москва, 1859 (1860); і) Православное Обозрѣніе 1866 г., №№ 5—8; 1874 гг., №№ 1—12; 1879 гг., №№ 5—12; 1881 г., №№ 1—12; 1882 г., №№ 1—12; 1883 г., №№ 1—12; 1884 г., №№1—12.

89) Отъ С. Бердникова, изъ С.-Петербурга,—книги: а) Ми-

хайловъ, Опытъ изученія текста книги Бытія, часть I. Варшава, 1912, и б) Учено-богословскіе и церковно-проповѣдническіе опыты студентовъ Кіевской Духовной Академіи. Выпускъ VI. Кіевъ, 1909.

90) Отъ Свящ. Н. Бернасовскаго, Настоятеля Русской Св. Николая церкви, въ г. Казвинѣ (Персія)—его Поученія. Одесса, 1913.

91) Отъ Московскаго Протоіерея А. А. Бѣляева—его брошюры: а) Митрополитъ Платонъ, какъ строитель національной духовной школы. Сергіевъ Посадъ, 1913, и б) Національный духъ Митрополита Платона. Сергіевъ Посадъ, 1913.

92) Отъ Преподавателя Витебской Духовной Семинаріи К. Е. Евсѣева—его брошюра: Вопросъ о литературныхъ бесѣдахъ въ русской педагогической литературѣ. Спб., 1914.

93) Отъ Rev. W. S. Frere, Лондонъ—книги: а) Gibson, The thirty—nine articles of the church of England. 7-th edition. London, 1910; б) Missions Overseas. 6-th annual review. London, 1913; в) Conference of Bishops of the Anglican Communion. July 6 to August 5, 1908. London, 1908; г) Hymns for use in the services of the church. London, 1904, д) The churchman's Year Book and Encyclopaedia Nowbrays' An. 1914. London, 1914.

94) Отъ В. Ивановой, вдовы Протоіерея І. А. Иванова—труды его: а) О значеніи храма и обряда. Воронежъ, 1894, два экз.; б) Страданія Христа. Воронежъ, 1894, два экз.; в) Добро и зло въ исторіи рода человѣческаго. Воронежъ, 1894, два экз.; г) Бытіе и жизнь въ конечныхъ причинахъ и въ послѣднемъ основаніи, томы 1—2. Воронежъ, 1910, два экз.; д) Цѣль жизни человѣка. Воронежъ, 1912, два экз.

95) Отъ Магистранта Московскаго Университета П. Н. Каптерева—аа) его брошюры: а) Experimentaluntersuchungen über die Frage vom Einflusse der Dunkelheit auf die Gefühlsorgane der Daphnien. Leipzig, 1910, б) Uber den Einfluss der Dunkelheit auf das Daphnienauge. Leipzig, 1912; в) Cladocera водоемовъ Яйлы Москва, 1912; г) О нѣкоторыхъ пещерахъ Пермской и Казанской губерній. Москва 1913; бб) книги: а) Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи. Москва, 1855; б) Смирновъ, Протоіерей Ѳ. А. Голубинскій. Москва, 1855; в) Смирновъ, Протоіерей П. С. Делицынъ. Москва, 1864; г) Смирновъ, Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи. Москва,

1867; д) Смирновъ, Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ. Москва, 1873; е) Смирновъ, Памяти Протоіерея А. В. Горскаго. Москва, 1875; ж) Смирновъ, Воспоминанія о Прот. А. В. Горскомъ. Москва, 1876; з) Смирновъ, Исторія Московской Духовной Академіи. Москва, 1879; и) Смирновъ, Терминологія Отцевъ Церкви въ ученіи о Богѣ. Москва, 1885; і) Портретъ Прот. Ѳ. А. Голубинскаго. Москва, 1855 и вв) рукопись: Иннокентій (Борисовъ), Богословіе обличительное 1833 г.

96) Отъ Священника гор. Можайска Д. А. Лебедева — его брошюры: а) Павлинъ и Зинонъ, епископы Тирскіе. Юрьевъ, 1913, и б) Отзывъ о книгѣ: А. П. Дьяконовъ, Іоаннъ Ефесскій и его церковно-историческіе труды. Спб., 1913.

97) Отъ Московскаго Протоіерея Н. Любимова—его Слова и бесѣды. Изданіе 2-е. Москва, 1914.

98) Отъ Московскаго Священника Н. М. Миловскаго — его брошюры: а) В. Е. Чертова. Москва, 1913, и б) Ежегодникъ Московскаго Ризположенскаго прихода. Годы 1—2. Москва, 1912—1913.

99) Отъ Московскаго Священника Н. Н. Модестова — его брошюра: Село Табынское и Вознесенская пустынь. Оренбургъ, 1914.

100) Отъ Протоіерея Московскаго Казанскаго Собора А. В. Никольскаго — его книга: Лица „Духовнаго чина“ Московской Епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 г. Москва, 1912.

101) Отъ преподавателя С.-Петербургскаго Морского Корпуса С. П. Розанова — его брошюра: Къ вопросу о житіи Препод. Антонія Печерскаго. Спб., 1914.

102) Отъ Свящ. церкви Діакона Евпла въ Москвѣ Д. И. Ромашкова — его брошюра: Священникъ Д. И. Ромашковъ. Москва. 1913.

103) Отъ преподавателя Пастырской Школы въ Житомірѣ Іеромонаха Серапіона (Воинова)—его брошюра: Гдѣ подлинное „Торжество Христіанства“. Сухумъ, 1913.

104) Отъ Московскаго Священника Г. И. Холмогорова— его работы: а) Матеріалы для исторіи церквей Рыльской десятины. Курскъ, 1908; б) Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи, Вып. 1-й. Москва, 1881, три экз., и вып. 11-й. Москва, 1911 (1913); в)

Историческій очеркъ дома бывш. графа Разумовскаго, гдѣ нынѣ малолѣтное отдѣленіе Московскаго Николаевскаго Института и Убѣжище. Москва, 1901; г) Старосты поповскіе. Москва, 1911, 5 экз.; д) Выписки изъ Документовъ Архива Министерства Юстиціи. Москва, 1911, 5 экз.; е) Матеріалы для исторіи селъ, церквей и владѣльцевъ Костромской губерніи. Отдѣлъ 3-й. Выпускъ 5-й. Москва, 1912, 5 экз., и ж) Матеріалы для исторіи церквей Владимірской губерніи. Отдѣлъ 3-й. Выпускъ 6-й. Москва, 1911.

105) Отъ Преподавателя Коломенской Гимназіи В. Ѳ. Чистякова — его брошюра: Дружба и ея сущность. Воронежъ, 1913.

106) Отъ Пермскаго Священника І. В. Шестакова — его брошюра: Одинъ изъ способовъ ознаменовать память преп. Трифона. Вятка, 1912.

107) Отъ студента LXIX курса Академіи Т. М. Бѣляева— брошюры: а) Макаровъ, Старообрядчество, его смыслъ и значеніе. Москва, 1908, и б) Мельгуновъ, Старообрядцы и свобода совѣсти. Москва, 1907.

108) Отъ студента LXXII курса Академіи Іеродіакона Вассіана Пятницкаго — его брошюра: Житіе Серапіона, Архіеп. Новгородскаго. Сергіева Лавра, 1912, два экз.

109) Отъ студента LXIX к. С. Н. Дьякова—аа) книги: а) Goetz, Der Ultramontanismus, Bonn, 1905; б) Teodorowicz, Leon XIII. Krakow, 1903; в) Szartowski, Z dziejow panstwa koscielnego 755—1846—1870. Krakowie, 1903; г) Klaczko, Dwaj Kanclerze: Gorczakow, Bismark. Krakowie, 1905; д) Smolka, Wspomnienie o Leonie XIII. Krakow, 1904; е) Jedno stulecie, I—II. Warszawa, 1901; ж) Ksiega Pamiatkowa Maryanska. Wstep i tom. 1—2. Lwow—Warszawa, 1905; з) Hergenröther, Historya Kosciola Katolickiego, tom. VI, XVI—XIX. Warszawa, 1902—1905; и) Jeskie—Choinski, Pozytywizm. Warszawa, 1908; і) Kirchner, Katechizm historyi filozofii. Warszawa, 1903; к) Smolka, Leon XIII. Krakowie, 1885; л) Robertson, Reden über die Korintherbriefe. 3. Auflage. Göttingen, 1910; м) Szelazek, Nauki Apologetyczne, Warszawa, 1901; н) Кантъ, Критика чистаго разума. Переводъ Лосскаго. Спб. 1907; бб) журналъ: Przeglad Powszechny, 1904, tom. LXXXIV, Nr. XII (252). Krakow, 1904; вв) рукопись: Рисъ, Государство и церковь. Переводъ жертвователя.

110) Отъ студента LXIX к. С. П. Залѣсскаго — книга: Ка-

талогъ Путивльской Городской Публичной Библіотеки „Г. Г. Маклаковыхъ“ и Первое добавленіе къ нему. Путивль, 1890—Сумы, 1904.

111) Отъ студента LXX к. С. В. Иванова — его брошюры: а) Алкоголизмъ, какъ церковное преступленіе. Сергіевъ Посадъ, 1914, и б) „Культъ тѣла“ въ современной русской художественной литературѣ. Сергіевъ Посадъ, 1914.

112) Отъ студента LXIX к. С. А. Пятикрестовскаго—книга: Библіотека по вопросамъ о призрѣніи бѣдныхъ, благотворительности и пр. Попечительства о трудовой помощи. Спб., 1913.

113) Отъ студента LXIX к. А. В. Паргачевскаго — книги: а) Arréat, Mémoire et imagination. 2-me édition, Paris, 1904; б) Dickens, Dombey and Son, vol. II. Leipzig, 1847.

114) Отъ студента LXXI к. Свящ. С. О. Ляде—брошюры Архіепископа Волынскаго Антонія: а) Das Geheimnis der Hl. Dreieinigkeit. St. Petersburg, 1907, два экз.; б) In welchem Sinne nannte sich Jesus Christus Menschensohn und Wort Gottes? St. Petersburg, 1908, два экз.; и в) Der sittliche Inhalt des Dogmas von der Allerheiligsten Dreieinigkeit. St. Petersburg, 1908, два экз.

115) Отъ разныхъ учрежденій и лицъ, съ почты, получены слѣдующія изданія: а) Свящ. М. М. Степановъ, Религія русскихъ писателей, вып. 1. Саратовъ, 1913; б) П. Кусмарцевъ, Мысли отцевъ Церкви о имени Божіемъ. Спб., 1913; в) С. С. Никольскій, Методика элементарнаго курса исторіи. Оренбургъ, 1913: г) H. C. Hoskier, Concerning the date of the Bohairic version. London, 1911; д) Серафимъ Святогорецъ. Отвѣтъ Русскаго Святогорца Г-ну Дурново, s. tit.; е) Труды 3-го Велеградскаго Богословскаго Съѣзда. Прага, 1914: ж) Пахомій—Аѳонецъ, Исторія Аѳонской смуты или имябожеской ереси. Спб., 1914; з) Лоцосъ К. Елена Милина. Спб., 1913; и) Stenstrand, Key to the heaven of the Beyan. Chicago. 1911: і) П. Григорьевъ, Экскурсія воспитанниковъ Оренбургской Духовной Семинаріи въ г. Москву и Сергіевскій посадъ. Оренбургъ, 1913; к) Ѳ. Ильинскій, Московскій митрополитъ Геронтій. Спб., 1913; л) С. Доброумовъ, Донская Икона Божіей Матери. Москва, 1911; м) С. Доброумовъ, Донской монастырь въ Москвѣ. Москва, 1912; н) В. П. Поповъ, Исторія русскаго серебрянаго рубля. Казань, 1913, четыре экз.; о) Свящ. Г. Ваулинъ, Первая Обитель на Дальнемъ Востокѣ. Владивостокъ, 1903, два экз.; п) Н. Эртевціанъ, Отвѣтъ Архіеп. Мелхиседека Му-

радьяна на посланіе Римскаго Папы Льва XIII. Ростовъ на Д., 1913, два экз.; р) Д. Димитрijевич. Свештеничко питанье о преуреченьу материjалног станьа. Београд, 1912; с) B. Marr, Altjüdische Sprache, Metrik und Lunartheosophie, I—II. Dux 1907—1909; т) Carnegie Endowment for International Peace. Division of intercourse and education. Publication № 1. Washington, 1914; у) Іеромон. Іосифъ, Совѣты и наставленія духовнаго отца монахинямъ Московскаго Скорбященскаго монастыря. Москва, 1913, три экз.; ф) Іеромон. Іосифъ, Московскій Срѣтенскій монастырь. Москва, 1911, три экз.; х) Cruautés Bulgares en Macedoine Orientale et en Thrace 1912—1913. Athènes, 1914, два экз.; ц) Fac-similés de certaines lettres trouvées dans le courrier du 19-me régiment de la VII-me division grecque, saisi par les troupes bulgares dans la région de Razlog. 1913. Sofia, 1913; ч) Documents sur les atrocités grecques. Sophia, 1913; ш) Atrocités Bulgares en Macédoine. Athènes, 1913, пять экз.; щ) Réponse a la brochure „Atrocités Bulgares en Macédoine". Sophia, 1913.

116) Отъ Библіотеки Студентовъ Академіи — а) журналъ: Православная Урмія 1913—1914 г.г., и б) 31 названіе Епархіальныхъ Вѣдомостей 1913 и 1914 г.г.

117) Получались въ даръ слѣдующія періодическія изданія: а) La Bibliographie: б) Allgemeine Bibliographie; в) Current Literature of the mont; г) Mitteilungen B. G. Teubner der Neuigkeiten des Deutschen Buchhandels; д) Wöchentliches Verzeichniss; е) The Church Union Gazette; ж) Вѣстникъ „Народнаго Дома"; з) Американскій Православный Вѣстникъ; и) Гость; і) Отклики: к) Китайскій Благовѣстникъ (1914 г.); л) Итоги жизни (1914 г.); м) Вѣстникъ Психологіи (1914); н) Нижегородскій Церковно-Общественный Вѣстникъ; и Епархіальныя Вѣдомости: о) Архангельскія; п) Екатеринбургскія; р) Оренбургскія; с) Орловскія; т) Ставропольскія; у) Тверскія; ф) Якутскія.

118) Въ Библіотеку практическихъ занятій: а) отъ и. д. Доцента Академіи Свящ. І. М. Смирнова—его брошюра: Древне-церковно-славянскій языкъ и его возможное жизненное примѣненіе. Сергіевъ Посадъ, 1913; и б) Отъ Профессора Академіи С. И. Смирнова—его книга: Древне-русскій духовникъ. Москва, 1913.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій *§ 213*: „Состояніе библіотеки и наличность библіотечнаго имущества ревизуются

ежегодно ревизіонной коммиссіей, особо назначаемой Совѣтомъ Академіи".—2) По *§ 109*, лит. *б* п. 13, того же устава „назначеніе ревизіонной коммиссіи для провѣрки библіотеки (§ 213)" значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе мѣстнаго Епархіальнаго Архіерея.

Опредѣлили: Поручить произвести слѣдующую ревизію академической библіотеки ординарному профессору Академіи *С. И. Соболевскому* и доценту Академіи *іеромонаху Варѳоломею* (*Ремову*),—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

IX. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора* Академіи:

„Въ текущемъ первомъ полугодіи 1914—1915 учебнаго года, и особенно къ концу его, учрежденная по § 210-му академическаго устава для руководства выпискою различныхъ изданій въ библіотеку и для предварительнаго разсмотрѣнія библіотечныхъ вопросовъ *Библіотечная Коммиссія* не имѣла возможности правильно функціонировать, такъ какъ назначенный Совѣтомъ предсѣдатель Коммиссіи—ординарный профессоръ *А. А. Спасскій*,—къ сожалѣнію, тяжко заболѣлъ и вынужденъ былъ взять для леченія 4-мѣсячный отпускъ.—Въ виду сего предлагаю Совѣту Академіи пополнить, на время болѣзни профессора А. А. Спасскаго, составъ Библіотечной Коммиссіи еще однимъ лицомъ и возложить на того или иного изъ членовъ Коммиссіи обязанности предсѣдателя оной".

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 15 сентября 1910 года въ составъ Библіотечной Коммиссіи избраны были на срокъ до 15-го сентября 1915 года: ординарные профессоры *А А. Спасскій* и *М. М. Тарѣевъ* и и. д. доцента Академіи (нынѣ священникъ) *П. А. Флоренскій*,—съ назначеніемъ предсѣдателемъ Коммиссіи профессора *А. А. Спасскаго*.—Четвертымъ членомъ Коммиссіи состоитъ, по должности, библіотекарь Академіи *К. М. Поповъ*.

Опредѣлили: 1) На время болѣзни ординарнаго профессора А. А. Спасскаго, но не далѣе 15-го сентября 1915 года, когда оканчиваются полномочія настоящихъ членовъ Библіотечной Коммиссіи, избрать въ составъ оной о. Инспектора Академіи

архимандрита Иларіона, съ возложеніемъ на него и обязанностей *предсѣдателя Коммиссіи*.—2) Постановленіе сіе, согласно § 109, лит. *б* п. 12, академическаго устава, представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

X. Отношенія:

а) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 1 декабря за № 3360, съ препровожденіемъ на трехмѣсячный срокъ, для научныхъ занятій и. д. доцента Ѳ. К. Андреева, сборниковъ: „Николай Яковлевичъ Гротъ", СПБ. 1911, и „Л. Н. Толстой", Москва, 1910, и журналовъ: „Образованіе" (1896, мартъ—апрѣль) и „Эпоха" (1864, сентябрь—октябрь).

б) Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, отъ 1 декабря за № 2954, съ препровожденіемъ двухъ, принадлежащихъ библіотекѣ Общества, рукописей подъ №№ 114 и 115 (по описанію Е. И. Соколова).

в) Совѣта Императорской Петроградской Духовной Академіи, отъ 5 декабря за № 3350:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 31 Октября сего года за № 588, Совѣтъ Имераторской Петроградской Духовной Академіи имѣетъ честь сообщить Совѣту Императорской Московской Духовной Академіи, что въ виду военнаго времени, а также по примѣру нѣкоторыхъ учрежденій, отказывающихъ въ высылкѣ своихъ рукописей въ настоящее время, просимая Совѣтомъ Академіи рукопись не можетъ быть выслана для научныхъ занятій студента IV курса Н. Троицкаго".

г) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 5 декабря за № 3421:

„Департаментъ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Императорскую Публичную Библіотеку, что Министерство, по случаю войны, находитъ необходимымъ временно пріостановить высылку рукописей изъ отечественнаго книгохранилища.

Въ виду сего, Императорская Публичная Библіотека, къ крайнему сожалѣнію, лишена возможности исполнить просьбу Императорской Московской Духовной Академіи о предоставленіи ей, для занятій священника Іоанна М. Смирнова, нужной ему рукописи".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „22 янв. 1915. Исполнить".

2007052100